Отпечатано въ количествѣ 200 экземпляровъ.

801-12
814

Кн. И. М. Долгоруковъ.

Кл 35/252

Повѣсть

о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни, писанная мной самимъ и начатая въ Москвѣ 1788 года въ Августѣ мѣсяцѣ на 25 году отъ рожденія моего.

Въ книгу сію включены будутъ всѣ достопамятныя произшествія, случившіяся уже со мной до сего года и впредь имѣющія случиться. Здѣсь же впишутся копіи съ примѣчательнѣйшихъ бумагъ, кои будутъ имѣть личную со мной связь и къ собственной исторіи моей уважительное отношеніе.

1764—1800.

Петроградъ.
1916.



Петроградъ. Рыночная, 10.

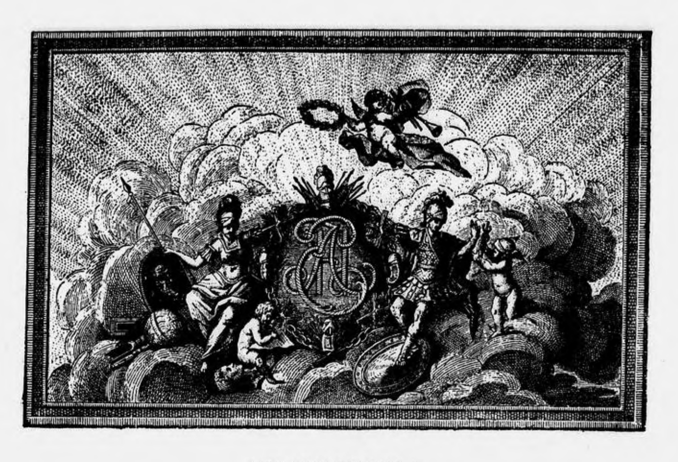
9569-63



Петроградъ. Дозволено военной цензурой 14 іюля 1916 г.



Князь И. М. Долгоруковъ, съ портрета работы Д. Левицкаго.
Собств. Н. И. Тютчева, въ Москвѣ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки князя Ивана Михайловича Долгорукова до сихъ поръ напечатаны цѣликомъ не были. О существованіи мемуаровъ знали близкіе князя, съ небольшою частью ихъ русская читающая публика познакомилась еще въ 1844 году, когда въ „Москвитянинѣ" въ XI кн. (стр. 196—213), а потомъ въ 1845 г. кн. II (стр. 21—43) М. П. Погодинъ помѣстилъ сообщенный ему кн. Павломъ Ивановичемъ, старшимъ сыномъ автора, отрывокъ (1764—1780 г.г.), перепечатанный почти полностью въ смирдинскомъ изданіи „Сочиненій Долгорукаго".

Вскорѣ послѣ смерти автора „Повѣсти" — кн. Долгоруковъ назвалъ записки „Повѣстью о рожденіи моемъ, происхожденіи и всей жизни и т. д. (см. титульный листъ) — Общество Любителей Россійской Словесности, гдѣ князь состоялъ почетнымъ членомъ, поручило М. А. Дмитріеву составить біографію кн. Долгорукова, что исполнено было только въ 1851 году и напечатано въ „Москвитянинѣ" (кн. III, стр. 265—320); въ томъ же году появилось и отдѣльное изданіе труда.

Для своей работы М. А. Дмитріевъ пользовался изъ записокъ небольшими выдержками, сдѣланными для него младшимъ сыномъ И. М., кн. Михаиломъ Ивановичемъ, ненадолго пережившимъ своего отца. Но извлеченія оказались неточными, и для біографіи ихъ было мало, поэтому для второго изданія (1863 г.) М. А. Дмитріевъ значительно увеличилъ количество выписокъ и провѣрилъ ихъ по рукописи, доставленной дочерью князя, Антониной-Варварой (у И. М. была странность называть своихъ дѣтей другимъ именемъ, кромѣ даннаго при крещеніи) Ивановной, по мужу Новиковой.

Въ 1865 г. второй сынъ кн. Долгорукова, Александръ Ивановичъ, задумалъ издать „Повѣсть" цѣликомъ и поручилъ М. Н. Лонгинову при-

готовить ее для печати и составить примѣчанія. Въ своемъ „Извѣстіи о запискахъ князя Ивана Михайловича Долгорукова" („Русск. Арх". 1865 г., стр. 364—372) М. Н. Лонгиновъ сообщаетъ, что имъ сдѣланы „нѣкоторыя приготовительныя замѣтки для исполненія желанія князя", но вмѣсто отдѣльнаго изданія, которое почему-то не состоялось, появился въ „Русск. Арх". (1865 г., стр. 481—488) только отрывокъ объ извѣстномъ графоманѣ XVIII вѣка, Н. Е. Струйскомъ, съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова и П. И. Бартенева.

Вотъ все, что вошло въ обиходъ нашей мемуарной литературы изъ „Повѣсти" кн. И. М. Долгорукова, но и это немногое показало, насколько были цѣнны записки, и какой интересный матеріалъ онѣ заключали.

Въ 1912 году покойный редакторъ-издатель „Русскаго Библіофила", Н. В. Соловьевъ, пріобрѣлъ рукопись „Повѣсти" отъ одного изъ потомковъ (по женской линіи), кн. Долгорукова извѣстнаго общественнаго дѣятеля А. И. Новикова, теперь тоже покойника. „Повѣсть" стала печататься въ „Русскомъ Библіофилѣ" съ первой книжки 1913 года, подъ названіемъ „Записки кн. И. М. Долгорукова", при чемъ въ своемъ предисловіи къ нимъ Н. В. Соловьевъ выразилъ сожалѣніе, что „на страницахъ журнала совершенно не представляется возможнымъ опубликовать цѣликомъ эту объемистую рукопись"; поэтому онъ предполагалъ „ограничиться печатаніемъ наиболѣе интересныхъ отрывковъ, между которыми намѣчены: вступленіе и предисловіе, ч. II цѣликомъ, царствованіе Имп. Павла I, Отечественная война, отрывки изъ разныхъ мѣстъ о театрѣ, празднествахъ и т. д.". Въ будущемъ редакція обѣщала выпустить записки цѣликомъ въ отдѣльномъ изданіи.

Интересъ, съ какимъ были встрѣчены записки читателями журнала и періодической прессой, принудилъ редакцію отказаться отъ сокращенія, и „Повѣсть" печаталась, какъ и теперь печатается, въ полномъ видѣ.

О размѣрахъ „Повѣсти" можно судить по настоящему изданію. Въ этотъ томъ вошла приблизительно половина записокъ, за исключеніемъ небольшой первой части, помѣщенной раньше въ II томѣ (стр. 487—539) смирдинскаго изданія стихотвореній кн. Долгорукова.

Самая рукопись записокъ въ настоящее время принадлежитъ вдовѣ покойнаго Н. В. Соловьева, В. А. Соловьевой-Трефиловой, и состоитъ изъ 1060 страницъ in folio, написанныхъ четкимъ и убористымъ почеркомъ, который, по разсказамъ, принадлежитъ дочери Антонинѣ-Варварѣ Ивановнѣ Новиковой.

Едва ли это была единственная копія съ оригинала. Рукопись, бывшая у М. Н. Лонгинова, по его словамъ, насчитывала „1728 страницъ листоваго формата или 432 писанныхъ листовъ; онѣ (т. е. записки) переписаны мелкимъ почеркомъ, но не рукой автора", такъ какъ, по замѣчанію М. А. Дмитріева, „записки о его жизни немедленно по написаніи переписывали на бѣло его дѣти, привыкшія уже разбирать его почеркъ, иначе оставались бы онѣ недоступными, какъ дипломатическій шифръ". Заявленію М. Н. Лонгинова Н. В. Соловьевъ не придавалъ значенія и считалъ его ошибочнымъ, между тѣмъ какъ въ точномъ описаніи Лонгинова у насъ нѣтъ основанія сомнѣваться. Вѣроятно, у него была другая копія „Повѣсти", принадлежавшая сыну автора записокъ, кн. А. И. Долгорукову.

Рукопись В. А. Соловьевой-Трефиловой переплетена цѣликомъ въ сафьянъ съ золотымъ тисненіемъ; на корешкѣ значится: „Записки кн. И. М. Долгорукова". По компетентному мнѣнію покойнаго Н. В. Соловьева — „на обѣихъ крышкахъ переплета вытисненъ орнаментъ романтическаго стиля, украшенный мозаикой изъ цвѣтной кожи. Вообще этотъ переплетъ, очевидно, русской работы является крайне любопытнымъ образцомъ нашего переплетнаго искусства начала XIX вѣка".

„Повѣсть" о своей жизни кн. Долгоруковъ, исключая начала, велъ въ видѣ лѣтописи, но писалъ ее не систематически, непостоянно, бросая иногда записки на десятокъ лѣтъ, чтобы съ новымъ усердіемъ приступить къ изложенію своей біографіи.

„Повѣсть", какъ это значится на титулѣ рукописи, была начата въ 1788 году и доведена до 1793; въ 1802 г. онъ приступилъ къ ея продолженію и вскорѣ опять прервалъ свое повѣствованіе, чтобы въ концѣ 1812 г. въ послѣдній разъ возвратиться къ запискамъ. Послѣдніе четыре года жизни князя имѣются въ видѣ конспекта, отрывочныхъ ежемѣсячныхъ записей.

Кн. И. М. Долгоруковъ принадлежалъ къ древнему роду, происхожденіе котораго онъ велъ отъ удѣльнаго князя Юрія I Долгорукаго. На протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ кн. Долгоруковы были въ числѣ видныхъ государственныхъ дѣятелей; однимъ изъ послѣднихъ авторъ записокъ могъ назвать своего дѣда, князя Ивана Алексѣевича — временщика царствованія Петра II, трагически окончившаго свою жизнь на эшафотѣ; знаменитая Наталья Долгорукова приходилась И. М. бабкой.

Родился кн. И. М. Долгоруковъ въ Москвѣ 7 апрѣля 1764 года. Внѣшне всю его жизнь можно свести къ нѣсколькимъ періодамъ: жизнь въ родительскомъ домѣ въ Москвѣ, военная служба сначала на родинѣ, потомъ въ Петербургѣ, краткій эпизодъ участія въ походѣ во время шведской войны, близость ко Двору наслѣдника престола Павла Петровича, или, какъ тогда выражались, къ „Меньшому Двору", съ 1791 по 1797 г. вице-губернаторъ въ Пензѣ, краткій промежутокъ въ отставкѣ, поступленіе на службу въ Московскую Соляную Контору, назначеніе въ 1802 г. губернаторомъ во Владиміръ, служба тамъ до 1812 г. и, наконецъ, вторая и послѣдняя отставка. Умеръ онъ 4 декабря 1823 года въ Москвѣ, гдѣ въ приходѣ Воздвиженья на Вражкѣ у него былъ собственный домъ, — умеръ, предчувствуя смерть, скоропостижно, окруженный близкими ему людьми и оплакиваемый своими знакомыми, которые знали хорошо князя-„балкона" (его прозвище), какъ добродушнаго человѣка, поэта, автора многочисленныхъ посланій, незлобивыхъ сатиръ, различнаго рода стиховъ и стишковъ.

Кн. И. М. Долгоруковъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени. Учился онъ въ Московскомъ университетѣ — Е. И. Костровъ его школьный товарищъ — и готовился къ дипломатической карьерѣ, но „попалъ я", пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, „нечаянно въ полевые офицеры и сталъ 18 лѣтъ Государевъ слуга, членъ общества, ратоборецъ. Ничто меня не влекло къ военной службѣ, ни физическая способность, ни нравственное расположеніе. Но рокъ все строитъ по своему". Также судьба устроила по своему, когда онъ, совершенно неподготовленный, никогда не видавшій провинціальнаго города, былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. На свои дѣла, — сознается князь, — смотрѣлъ, какъ въ алгебру, и „имѣлъ желаніе прилѣжать и научиться своему ремеслу". Любопытны его мысли при полученіи мѣста губернатора. „Званіе губернатора всегда почиталось самымъ важнымъ въ государствѣ и, въ самомъ дѣлѣ,

управлять полмилліономъ душъ, казалось бы, довольно мудрено, но въ Россіи правительство привыкло издавно не дорожить никѣмъ и ни чѣмъ. Не требовались ни опыты, ни заслуги, и каждая должность назначалась на удачу. Не говоря о комъ либо другомъ, скажу о самомъ себѣ. Готовился ли я быть начальникомъ губерніи? Совсѣмъ нѣтъ!.. Учится было поздо въ мои лѣта, недостатокъ требовалъ, чтобъ я искалъ жалованья". Своей откровенностью авторъ „Повѣсти" предвосхитилъ искреннія мысли на ту же тему нашего современника, автора „Записокъ губернатора" кн. Урусова. Несмотря на полную свою неподготовленность къ административной дѣятельности, кн. И. М. Долгоруковъ проявилъ самое просвѣщенное вниманіе къ управляемой имъ провинціи.

Тремъ богамъ въ своей жизни молился князь, въ чемъ не разъ признается въ своей откровенной „Повѣсти". Женщины, театръ и поэзія были слабостью его увлекающейся натуры. „Не вышло изъ меня ни игрока, ни пьяницы, ни гуляки... Можетъ быть, обязанъ я такимъ, смѣю сказать, необыкновеннымъ поведеніемъ влюбчивому моему свойству. Оно отнимало у меня всѣ прочіи желаніи". Въ своихъ стихахъ „поэтъ Сердечкинъ", какъ его звала строгая критика начала XIX вѣка, постоянно воспѣвалъ любовь, и на каждомъ шагу съ присущей ему галантностью кавалера пышнаго царствованія матушки Екатерины повторялъ:

„Во всѣхъ концахъ земли извѣстно,
Что нѣжный взоръ любезныхъ глазъ
Есть наше царствіе небесно".

„Повѣсть" его жизни полна описаніемъ любовныхъ успѣховъ, легкихъ побѣдъ и безконечныхъ ухаживаній. Интимнѣе и гораздо искреннѣе „Повѣсти" въ этомъ отношеніи написано „Капище моего сердца", — этотъ коментированный „донжуанскій списокъ" князя. Онъ любилъ любовь, постоянно жилъ какой-нибудь страстью и рядомъ съ ясной, тихой и искренней привязанностью къ женѣ горѣлъ безудержнымъ влеченіемъ къ другой женщинѣ.

„О женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю;
За васъ — для васъ — по васъ я многое стерплю",

патетически восклицаетъ поэтъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

Эта страсть прославила его, какъ неисправимаго Фоблаза, не только въ провинціальныхъ гостиныхъ, но и во дворцовыхъ палатахъ и значительно повредила его карьерѣ. Достаточно вспомнить его увлеченіе Улыбашевой, кончившееся весьма скандально.

Князю извѣстны были „сердца сладкіе обманы" (кстати, это выраженіе нравилось Пушкину), и до послѣдняго вздоха онъ спрашивалъ всѣхъ: „питать любовью свойство страстно, какой намъ возрастъ запретитъ". Дѣйствительно, онъ „любилъ, пока дышалъ".

Много времени онъ посвящалъ и театру. Выступая молодымъ человѣкомъ при Меньшомъ Дворѣ, князь до самой старости не охладѣлъ къ сценѣ. Онъ игралъ въ частныхъ, тогда довольно многочисленныхъ, театрахъ, а въ концѣ жизни при матеріальной поддержкѣ родственника завелъ и свой домашній. Въ свою бытность въ провинціи онъ старался завести общественный театръ, пытался привлечь любовь къ нему и до

нѣкоторой степени преуспѣлъ. Его имя въ исторіи провинціальнаго сценическаго искусства должно занять видное и почетное мѣсто.

Какъ артистъ, кн. Долгоруковъ обнаруживалъ огромный талантъ. Еще въ Петербургѣ, гвардейскимъ офицеромъ, онъ бралъ уроки у знаменитаго Офрена, приглашеннаго Императрицей по рекомендаціи Вольтера во французскую труппу, которая не уступала въ то время парижской. Офренъ былъ противникомъ установившихся театральныхъ традицій; онъ даже въ томъ, такъ называемомъ, ложно-классическомъ репертуарѣ сумѣлъ быть простымъ и естественнымъ. Свою дикцію, далекую отъ напряженной пѣвучести тогдашнихъ актеровъ, Офренъ передалъ и своему ученику. Игра послѣдняго всегда была непринужденна и неизмѣнно восхищала зрителей. Недаромъ старый и угрюмый сенаторъ С. Ѳ. Стрекаловъ, статсъ-секретарь имп. Екатерины, одно время управлявшій театромъ, по своему обыкновенію рѣзко и насупившись, говорилъ кн. Долгорукову, что если бы И. М. не былъ княземъ, то онъ пригласилъ бы его въ труппу на громадный въ то время четырехтысячный окладъ. Какъ артистъ, кн. Долгоруковъ былъ однимъ изъ предшественниковъ новой школы, школы реальной, которую стали культивировать на сценѣ Щепкинъ и Сосницкій. Какъ извѣстно, въ своей манерѣ артистической игры кн. Долгоруковъ не былъ одинокимъ. Современникъ автора „Повѣсти", кн. П. В. Мещерскій, о которомъ говоритъ на страницахъ своихъ воспоминаній М. С. Щепкинъ, близко подходилъ по своей простой и „натуральной" игрѣ къ Долгорукову-артисту. Для многихъ такая манера была показателемъ неумѣнія держаться на сценѣ, въ ней видѣли отсутствіе театральнаго искусства, пустое любительство. Да и самъ князь сожалѣлъ, что не попалъ въ руки къ гремѣвшему тогда „эфекщику", славному Дмитревскому. „Конечно я бы вышелъ совершеннѣйшій актеръ", убѣжденно замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ.

Какъ поэтъ, кн. И. М. Долгоруковъ принадлежитъ XVIII вѣку. Онъ считался однимъ изъ представителей легкой поэзіи, хотя его произведенія не отличались ни граціозностью формы, ни выдающимся остроуміемъ — но они неизмѣнно дышали искреннимъ простодушіемъ и незлобивостью. Его оды были надуманы и многорѣчивы, а многочисленные дидактическіе стихи скучны и тягучи.

Лучшая часть поэтическаго творчества князя Долгорукова – лирика, плодъ непритворнаго изліянія чистаго сердца, воспитавшагося на нѣжностяхъ сентиментальной французской школы.

Интересна попытка кн. Долгорукова ввести въ обиходъ поэтическаго языка простыя народныя выраженія, благодаря чему его стиль былъ грубоватъ, не всегда удаченъ и подходящъ къ избранной темѣ. Изъ произведеній князя въ свое время большой извѣстностью пользовался его „Каминъ въ Пензѣ", напечатанный Струйскимъ въ собственной типографіи въ Рузаевкѣ съ завидной роскошью и изысканнымъ вкусомъ.

Для молодежи кн. Долгоруковъ былъ только „влюбчивымъ поэтомъ", чудакомъ, угощавшимъ добрыхъ знакомыхъ и любезныхъ сердцу людей своими стихами-„пряниками". На свои занятія поэзіей князь смотрѣлъ, какъ на пріятный отдыхъ; онъ мало искалъ славы и жилъ вдали отъ тогдашнихъ литературныхъ круговъ.

Первымъ поэтическимъ произведеніемъ кн. Долгорукова были стихи „На смерть Горича", напечатанные въ 1788 г. отдѣльно въ качествѣ

приложенія къ „Московскимъ Вѣдомостямъ". Такой способъ распространенія своихъ произведеній былъ излюбленнымъ для кн. Долгорукова. Печатался онъ также въ „Аонидахъ" Карамзина, въ изданіяхъ Сохацкаго — „Пріятное и полезное препровожденіе времени", „Иппокрена", переводилъ съ французскаго и написалъ нѣсколько комедій, изъ которыхъ „Дурыломъ" ставился на сценѣ.

При жизни кн. Долгоруковъ три раза издавалъ собраніе своихъ стихотвореній подъ названіемъ „Бытіе моего сердца" (1 изд. 1802, 2 — 1808 и 3 — 1817 и 1818 г.г.). Въ 1849 г. Смирдинымъ было выпущено въ свѣтъ двухтомное собраніе его сочиненій, напечатанное, кстати сказать, весьма неряшливо. Изъ прозы въ печать попало: „Славны бубны за горами" (Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Россійск., 1869 г.), „Журналъ путешествія изъ Москвы въ Нижній" и „Путешествіе въ Кіевъ" (тамъ же, 1870 г.), „Капище моего сердца" (тамъ же, 1872 и „Русск. Арх., 1890 г.). „Письма къ Макарову" (Дамск Журн. т. 25 и 26) и, наконецъ, его „Повѣсть", исторія которой сообщена выше. Изъ богатаго литературнаго наслѣдства автора записокъ не все использовано; и по сіе время нѣкоторыя изъ его произведеній хранятся въ рукописяхъ въ библіотекѣ Московскаго университета.

Въ „Повѣсти" князь не пытается быть лѣтописцемъ родной земли, онъ говоритъ только о себѣ, о своихъ близкихъ и знакомыхъ. Герой „Повѣсти" онъ самъ.

Знатный происхожденіемъ, но поставленный обстоятельствами жизни въ тяжелыя матеріальныя условія, кн. И. М. Долгоруковъ чувствовалъ себя обиженнымъ судьбой. Родъ его съ потерей состоянія отошелъ на второй планъ въ государственной жизни; былое значеніе кн. Долгоруковыхъ у трона императоровъ смѣнилось скромной службой въ провинціальной глуши. Князь видѣлъ весь блескъ Екатерининскаго Двора, безумную роскошь вельможъ, головокружительную карьеру „случайныхъ" людей, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, его товарищъ дѣтства гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, были въ полномъ смыслѣ ничтожествомъ. Правда, авторъ „Повѣсти" „какъ Павелъ, — крестъ, всѣхъ выше титловъ" чтилъ „дѣдовъ эшафотъ и отчу нищету" и своей бабки схиму, но онъ не могъ примириться со своимъ положеніемъ, зависть его грызла, онъ всегда былъ недоволенъ. Это недовольство, ущемленное самолюбіе, мѣстничество, которое еще не умерло въ людяхъ XVIII вѣка, сообщаютъ запискамъ кн. Долгорукова желчный тонъ, чуждый безпристрастной объективности, а иногда, и правильнаго пониманія обстоятельствъ и людей. Часто онъ несправедливъ въ оцѣнкѣ, неглубокъ въ сужденіяхъ, горячъ въ своихъ отзывахъ, но всегда искрененъ, даже въ заблужденіяхъ.

Князь считалъ себя неудачникомъ, человѣкомъ много претерпѣвшимъ въ жизни, хотя это было далеко не такъ. Увлеченіе художника въ передачѣ своихъ настроеній, характеристикъ, описаній, обычно въ его „Повѣсти" и, читая ее, слѣдуетъ эту черту автора принять во вниманіе. Кн. Долгоруковъ даже „натуру" обвинялъ въ пристрастномъ къ себѣ отношеніи, такъ какъ она, по его словамъ, ему „маску... прескверну отпустила". Для своихъ враговъ онъ не жалѣлъ ни красокъ, ни остроумія, поэтому его характеристики, выигрывая въ художественности, не всегда близки къ истинѣ.

Въ запискахъ говорилъ не человѣкъ политической мысли, не государственный дѣятель, а просто служилый дворянинъ конца XVIII и начала XIX в.в. съ его поверхностными сужденіями и неглубокими выводами, какіе высказывало тогдашнее большинство. Кн. Долгоруковъ рѣдко нападаетъ на систему, онъ больше критикуетъ отдѣльную личность.

Его отступленія въ „Повѣсти" носятъ больше дидактическій характеръ, онъ проповѣдуетъ часто элементарныя правила, говоритъ общія мѣста. И только въ послѣдніе годы своей жизни, когда освободительныя идеи носились въ воздухѣ, а декабрьскія событія 1825 г. были въ зародышѣ, встрѣчаются, и то отрывочно, сужденія по вопросамъ общественнаго и государственнаго порядка.

„Народъ русской", пишетъ князь подъ 1815 г., „совсѣмъ еще не готовъ принять духъ свободы и благоразумно имъ воспользоваться; онъ еще не въ той мѣрѣ образованія, въ какой были Франки и Германцы, когда у нихъ пало феодальное право. Русской человѣкъ не иначе понимаетъ слово вольность, какъ свободно дѣлать все то, что онъ захочетъ и не повиноваться никому. Спрашивается, при такихъ понятіяхъ свободы, чего оставалось ожидать прежде всѣхъ помѣщикамъ? Неминуемой погибели, и за нею послѣдовало бы и общее потрясеніе всего государства".

Любопытно мнѣніе князя о конституціи и о знаменитой рѣчи Александра I на польскомъ сеймѣ. „По открытіи монумента (Минину и Пожарскому въ Москвѣ въ 1818 г.), Государь поскакалъ въ Варшаву. Тамъ былъ сеймъ, и онъ изволилъ говорить рѣчь, съ которой дошли въ Москву очень скоро летучія копіи и въ минуту розлились въ публикѣ. Въ етой рѣчи проповѣдывалась свобода мыслей и вольность народа; она вся сочинена была въ духѣ тѣхъ прокламацій, какія выпускалъ Наполеонъ въ счастливые дни своего владычества; можно было даже замѣтить его слогъ, его собственныя выраженія; такая рѣчь не располагала россіянъ къ удовольствію; помѣщики снова испугались, права ихъ сильно потрясены были, и два чувства, весьма тяжкія для сердца, досада и удивленіе овладѣли почти всѣми; ропотъ сдѣлался такъ гласенъ, что разсудили рѣчь эту прибрать, разными оговорками старались дать другой вѣсъ словамъ царскимъ, и ораторъ, замѣтивъ, что рано еще зажигать фитиль волненія противъ владѣльцевъ, припряталъ на время свои орудія, но по всему видно было, что планъ вольности въ черномъ народѣ, рано или поздо, долженъ приведенъ быть въ исполненіе, во что бы то ни стало; слѣдовательно, хотя умы успокоились, но на долго ли, это оставалось загадкой".

Но кн. Долгоруковъ предпочиталъ говорить больше о томъ, какъ онъ пѣлъ „куплетъ провербу", или каковъ былъ „маскерадъ" у графини Бобринской, чѣмъ про бунтъ Семеновскаго полка. Его „Повѣсть" больше занималась бытомъ, характеристикой лицъ и повседневныхъ событій. Тѣмъ она и дорога намъ, тѣмъ и интересна.

Рядомъ съ авторомъ въ запискахъ встаетъ во весь ростъ художественно законченный портретъ первой жены кн. Долгорукова, Евгеніи Сергѣевны, урожденной Смирной. Любящая, кроткая, религіозная, свѣтящаяся духовной красотой, чарующая ласковостью своихъ отношеній къ людямъ, Евгенія Сергѣевна являетъ собой тотъ типъ русской женщины XVIII в., который подъ перомъ великаго Пушкина вылился въ обаятельный образъ Капитанской дочки. Въ „Повѣсти" Долгоруковъ

оказался больше художникомъ-поэтомъ, чѣмъ во всѣхъ своихъ нудныхъ одахъ, скучныхъ дидактическихъ стихахъ и, порою, прѣсныхъ эпиграммахъ.

Предъ нами встаетъ скромная смольнянка, дочь мелкопомѣстнаго дворянина, погибшаго во время Пугачевскаго бунта, потомъ вѣрная жена, слѣдующая за мужемъ на поле сраженія и въ трудныя минуты жизни проявляющая настойчивость, близкую къ героизму. „Евгенія была одна изъ малаго числа тѣхъ рѣдкихъ женщинъ своего времени", записываетъ послѣ ея смерти (1804 г.) кн. Долгоруковъ, „которые природа иногда производитъ для того, чтобы дать рисунокъ совершенства въ человѣческомъ родѣ. Она плѣняла разумъ, убѣждала разсудокъ, трогала душу, покоряла себѣ каждое сердце — словомъ дѣйствовала на всѣ моральныя чувства наши, сверхъ того нравилась очамъ, кои встрѣчали въ ней безчисленныя пріятности, а слухъ внималъ безъ устали сладостнымъ ея разговорамъ". Портретъ работы Вуаля сохранилъ до насъ обликъ женственной, одаренной тонкимъ вкусомъ художника-артиста княгини Долгоруковой. На портретѣ она болѣе похожа на подростка, съ миловиднымъ лицомъ и яснымъ взоромъ чернѣющихъ глазъ, чѣмъ на придворную даму въ пышной прическѣ, такъ неидущаго къ ней парика.

Огромное знакомство съ людьми самаго разнообразнаго положенія позволило автору „Повѣсти" съ рѣдкой наблюдательностью передать намъ жизнь своихъ современниковъ, начиная съ царскаго дворца, кончая захолустной тверской деревенькой — „Подзоловымъ".

„Записки князя", по словамъ М. Н. Лонгинова, „особенно важны, какъ живая картина современной ему жизни, какъ исповѣдь прекрасной его личности и какъ изложеніе длинной цѣпи происшествій весьма необыкновенныхъ, стоящихъ любого романа".

Часть „Повѣсти" предлагаемая въ настоящее время вниманію читателей, была уже напечатана въ „Русскомъ Библіофилѣ" за 1913—1915 г. и представляетъ собой точный оттискъ изъ журнала. Желая сохранить въ печати орѳографію рукописи, которая типично передаетъ всѣ мелочи современнаго автору правописанія и стиль конца XVIII и начала XIX в.в., редакція бережно воспроизводила на страницахъ журнала строки кн. И. М. Долгорукова (думается, что переписчица свято слѣдовала подлиннику) и ревниво оберегала не только каждый оборотъ, но и всякое несвойственное теперешнему языку выраженіе и грамматическую форму. Исправленію подверглись только знаки препинанія и прописныя буквы, употребляемыя безъ всякой системы и часто вопреки смыслу. Къ сожалѣнію, всѣ тѣ указанія, которыя были годны для журнала и были помѣщены въ примѣчаніяхъ, оказались непонятными и излишними въ отдѣльномъ изданіи. Чтобы пользоваться примѣчаніями, рекомендуется сначала исправить погрѣшности, перечисленныя въ концѣ тома. Прилагаемый указатель можетъ быть ключомъ для опредѣленія многочисленныхъ знакомыхъ, родственниковъ и однофамильцевъ автора, на каждомъ шагу встрѣчающихся въ обширной „Повѣсти" кн. И. М. Долгорукова.

А. Поляковъ.



ЗАГЛАВІЕ.

Отецъ мой, замѣтивъ во мнѣ съ молоду наклонность къ трудамъ пера, давно совѣтывалъ, чтобы я принялся писать историческои журналъ моей жизни, увѣряя, что со временемъ самому мнѣ пріятно будетъ прочитывать такую рукопись, но я, будучи молодъ и слишкомъ разсѣянъ, не могъ присѣсть за такую постоянную работу, да и не умѣлъ еще цѣнить ее удовольствіе, а потому день отъ дня откладывалъ мое намѣреніе. — Нынѣ (1788-го года), войдя въ возрастъ мужа совершенна, вступя въ супружество, видя уже на рукахъ жены моей милаго ребенка, и переставъ суетится около дѣтскихъ игрушекъ, я рѣшился исполнить совѣтъ родительской, и тѣмъ охотнѣе, что прочтя оставшуюся у батюшки послѣ матери [1]) его весьма занимательную рукопись о ея жизни, понадѣяться дерзнулъ, что и мою повѣсть со временемъ пріятно будетъ прочесть роду отъ меня исходящему. — Укореня сію мысль въ разумѣ, я приступилъ съ помощью Божіею къ моему дѣлу. Начавши поздно, жаль что встрѣчу конечно много затрудненій въ точномъ описаніи перьвыхъ моихъ возрастовъ и не въ возможности будетъ моей соблюсти строгой порядокъ въ годахъ и времени, когда младенчество мое и юность ознаменованы были какимъ либо примѣчательнымъ случаемъ, и такъ, по 1782-й годъ, бумаги мои будутъ нѣсколько смѣшаны, но съ того времени, я рачительно собиралъ, да и впредь также запасатся намѣренъ всѣми нужными свѣденіями на то, чтобъ дать рукописи моей все историческое достоинство, которое, по мнѣнью моему, состоитъ не въ красномъ разглагольствіи съ читателемъ, но въ строгой истиннѣ событій и простомъ ихъ расказѣ: а притомъ, не теряя главной моей цѣли быть полезнымъ и дѣтямъ моимъ, не скрою отъ нихъ моихъ ошибокъ. — Они увидятъ всего меня въ наготѣ совершенной, безъ лукавства и безъ тайны, не утаю отъ нихъ моихъ размышленій на каждой случай, стараясь обращать собственные опыты мои къ ихъ нравственному воспитанію, и къ отвращенію ихъ отъ золъ житейскихъ, колико дано уму человѣческому отречься отъ нихъ.

Ты же, великій Боже! — Коего помощи обыкъ я отъ чрева матери моей просить на всякое дѣло, усовершенствуй трудъ мой, положи ему начало, и конецъ благой, и дай силу убѣжденья на пользу чадъ моихъ; да вселится въ сердца новыхъ сихъ людей страхъ Твой святый, и да увѣдятъ, яко нѣтъ мира, ни удовольствія, ни счастія на пути живота человѣческаго, безъ Твоего всемощнаго заступленія, безъ Твоей, Небеснаго Отца нашего, благодати; Тебѣ, яко содѣятелю всѣхъ благъ, отношу все бытіе мое, и да сподоблюсь со смиреніемъ неключимаго раба о всякомъ мимошедшемъ днѣ жизни моей разсуждая всегда безропотно, возносится къ Тебѣ духомъ, и устнами со Пророкомъ возглашать нынѣ и до послѣдняго издыханія:

[1]) Извѣстная княгиня Наталія Борисовна Долгорукова, рожд. Шереметева (1714 — 1771), дочь гр. Бориса Петровича Шереметева, жена дѣда автора, кн. Ивана Алексѣевича. Эта замѣчательная русская женщина добровольно послѣдовала въ ссылку за своимъ мужемъ, гдѣ и провела съ нимъ долгіе годы. (см. ниже). Послѣ его казни приняла схиму подъ именемъ Нектаріи (1757 г.). Она оставила крайне любопытныя записки, о времени царствованія Имп. Анны Іоанновны.

БЛАГОСЛОВЕНЪ ГОСПОДЬ БОГЪ БЛАГОВОЛИВЫЙ ТАКО СЛАВА ТЕБѢ!

Вступленіе.

§ 1.

Прежде всякаго повѣствованія о самомъ себѣ, обратиться должно къ началамъ моего рода. Не стану искать его въ глубочайшей древности въ которой кромѣ сказокъ ничего не сыщешь; довольно сослатся на всѣ бытописаніи нашего Государства, чтобъ утвердительно сказать, что родъ князей Долгорукихъ есть родъ доблественный и знаменитый. — За симъ укажемъ кто изъ онаго были ближайшія мои предки.

§ 2.

Для надлежащаго порядка, начну со стороны Отца моего. — Прапрадѣдъ мой былъ: князь Григорій Федоровичь[1]), современникъ Великаго Петра, и сподвижникъ его въ трудахъ Государственныхъ. Онъ служилъ полномочнымъ Министромъ въ Польшѣ, и пріобрѣлъ отличную Государя своего доверенность. Громкой дѣяніями стоическаго духа, Сенаторъ князь Яковъ Феодоровичь Долгорукой, о которомъ до нынѣ Россіяне говорятъ съ восторгомъ, былъ ему родной братъ.

§ 3.

Князь Алексѣй Григорьевичь[2]) и графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ,[3]) были мои родныя прадѣды. Нѣтъ нужды мнѣ распространять здѣсь описаніе достопамятной ихъ жизни. Каждый сынъ отечества слыхалъ о нихъ въ школахъ, въ полкахъ, и въ чертогахъ Царскихъ. — Полтава и Рига, обезсмертили имя послѣдняго, который, достигши безпрерывными подвигами Фельдъмаршальскаго чина, оглушилъ побѣдами своими всю землю Русскую.

§ 4.

Князь Алекс: Григор: сынъ князь Иванъ[4]) и графа Шереметева дочь графиня Наталья Борисовна,[5]) сочетавшись бракомъ

[1]) Кн. Г. Ф. Долгоруковъ (1653 — 1723), младш. братъ извѣстнаго любимца Петра I — Якова Феодоровича; участникъ Азовскихъ походовъ 1695 и 96 г.г., и Полтавской битвы. Посолъ въ Варшавѣ 1709 и 1715 г.г.

[2]) Кн. А. Г. Долгоруковъ († 1734), старшій сынъ кн. Г. Ф., отецъ извѣстнаго фаворита имп. Петра II; мечталъ женить императора на своей дочери Екатеринѣ. Сосланъ имп. Анною Іоанновною въ 1730 г., въ Березовъ, гдѣ и скончался въ 1734 г.

[3]) Борисъ Петровичъ Шереметевъ 1652 — 1719, бояринъ, ген.-фельдм., женатъ въ 1-й разъ на Евд. Алексѣевнѣ Чириковой, во 2-й разъ на Аннѣ Петровнѣ Нарышкиной, рожд. Салтыковой. Извѣстный сподвижникъ Петра I, участникъ Азовскаго похода и Сѣверной войны, дѣйствовалъ въ Лифляндіи и Курляндіи, командовалъ центромъ арміи въ Полтавскую битву, въ 1710 г. взялъ Ригу, а въ 1711 г. заключилъ міръ съ Турками въ Константинополѣ.

[4]) Кн. Иванъ Алексѣевичъ, Долгоруковъ, старшій сынъ кн. А. Г. (1708 — 1739). Другъ имп. Петра II, братъ его невѣсты. Участникъ печальнаго дѣла о подлогѣ завѣщанія умершаго императора. Въ апрѣлѣ 1730 г. женился на гр. Нат. Борис. Шереметевой, а 15 мая сосланъ въ Березовъ, со всею семьею. Вслѣдствіе доносовъ переведенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ на пыткѣ проговорился о своемъ участіи въ подлогѣ завѣщанія. Казненъ 8 ноября 1739 г.

[5]) См. стр. 25. прим. 1.

дали жизнь отцу моему и были, изъ всего рода князей Долгорукихъ, едва не несчастнѣйшія ли потомки; а какъ эпоха злоключеній ихъ не слишкомъ отъ насъ удалена, то здѣсь нѣкоторыя подробности будутъ не излишни, тѣмъ наипаче, что въ разныхъ исторіяхъ царствованія Петра II-го, при которомъ Дѣдъ мой возведенъ на чреду великихъ чиновниковъ, съ неправдою описываются разныя обстоятельства, особливо же французской писатель L'Evesque [2]) совсѣмъ обезобразилъ черты моего Дѣда. — Имѣя о характерѣ его самыя вѣрныя преданіи отъ бабки моей, участвовавшей во всѣхъ тогдашнихъ смятеніяхъ, я долженъ, оставя всѣ вымыслы въ сторонѣ, передать здѣсь истинное понятіе о семъ достославномъ мученикѣ придворныхъ крамолъ и ревнителѣ отечественной свободы.

§ 5.

Князь Иванъ Алексѣевичъ, родной Дѣдъ мой, воспитался въ Польшѣ подъ надзоромъ Отца своего, бывшаго тамъ, какъ выше сказано, посломъ Россійскимъ. Конча науки, возвратился въ отечество и пожалованъ ко двору Екатерины I-й въ гофъ юнкеры. По смерти ея сдѣлался любимцемъ Петра II-го и скоро возведенъ на вышнію степень придворныхъ почестей; награжденъ разными знаками отличій и андреевскимъ орденомъ, произведенъ въ маіоры гвардіи и въ оберъ каммергеры, но всего того преимущественнѣе было неограниченное довѣріе къ нему и любовь юнаго Государя. Князь Иванъ руководствовалъ его умомъ и сердцемъ, издавалъ именемъ его указы; словомъ былъ перьвой вельможа на приступкахъ трона. Но всяческая суета, скоро истинну сію почувствовалъ и Долгорукой. — Сестра его родная, княжна Катерина, очаровала сердце Петрово — Монархъ въ нее влюбился, готовился вступить въ бракъ съ ней, и уже нарекъ ее своей невѣстой; Россія повергласъ къ ногамъ ея; бояра лобзали ея десницу; родъ Долгорукихъ, покоря себѣ Фортуну, казался быть равенъ Небу величествомъ и славой! — Дѣдъ мой, будучи благоразуменъ и великаго духа человѣкъ, одинъ изъ всего семейства своего, смотрѣлъ на сей союзъ съ негодованіемъ. — Видя не за долго предъ симъ, что князь Меншиковъ, любимецъ Петра I-го и супруги его, восхотѣлъ оковать Петра II-го узами супружества въ семействѣ своемъ и отдать за него дочь свою, дерзнулъ противится такому отважному намѣренію надменнаго вельможи, поставилъ ему преграды, и купно съ единомышленниками своими обратя на главу любимца всѣ его горделивыя замыслы, виновникомъ былъ удаленія его отъ двора и ссылки въ Сибирь. Могъ ли допустить тоже самое совершится около себя? — Сопротивленіе его обнаружилось. — Сестра никогда его не простила. — Петръ II-ой скончался оспой. — Осиротѣлъ престолъ Россійской! — Паденіе Долгорукихъ приближалось. — Писатель Французской Levesque, о которомъ я уже упомянулъ, въ Исторіи Россійской говоря о настоящемъ времени, утверждаетъ, будто бы Князь Иванъ по кончинѣ Государя, обнаживъ шпагу, возгласилъ: Да здравствуетъ Екатерина! разумѣя сестру

[2]) Levesque Pierre Charles (1736 — 1812). По рекомендаціи Дидро приглашенъ Екатериной II въ преподаватели изящныхъ искусствъ въ Спб. Кадетскій корпусъ. Написалъ исторію Россіи, довольно фантастичную, изданную при его жизни 4 раза на французскомъ языкѣ, съ такими же, какъ и содержаніе, фантастичными портретами русскихъ государей.

свою и невѣсту Цареву. – Наглая клевета! — Князь Иванъ, лишась всего, и видя всѣ надежды свои погибшими, безъ памяти кидался на бездыханной трупъ юнаго своего владыки, благодѣтеля, и не умѣлъ положить мѣры своей печали. — Жаркихъ друзей разорвала смерть на вѣки, онъ забывалъ Царя, лишь плакалъ о Петрѣ.

Государство, межъ тѣмъ, требовало Государя. Право преемничества падало на Анну Іоановну, дщерь старшаго брата Петра великаго. Держась сего природнаго закона, призвали ее на престолъ Россійской, но при перьвомъ предложеніи о томъ ограничена власть ея 12-ми условными пунктами, коихъ сила должна была служить оплотомъ противу самовластія и деспотизма. — Ей не позволялось объявлять войны, учреждать личною судьбою, собирать налоги, ожесточатся въ судебныхъ приговорахъ безъ согласія верьховнаго Тайнаго Совѣта. — Въ сочиненіи сей конституціи дѣятельнѣйшее участіе приняли князья Долгоруковы, предпочтившія свободу разумную насильственному произволу вѣнценосицы. — Анна все приняла, подписала и, изъ Голстиніи прибывъ съ любимцемъ своимъ Бирономъ, возсѣла на престолъ своего дяди. — Но гдѣ не ползаютъ предъ Царями? — Гдѣ не ищутъ угождать имъ изъ своекорыстія? — И Россія имѣла своихъ уродовъ. Едва Императрица Анна надѣла на себя вѣнецъ, какъ нѣсколько бояръ ревнующихъ сильному вліянію въ Совѣтѣ Долгорукихъ, приползли подобно змѣямъ къ подножію трона; зашипѣли и впустили въ уши Анны, что народъ и вельможи желаютъ ей быть самодержавной и что Долгорукія лишь одни дерзнули положить границы ея воли. Обольстить Царя дѣло не мудреное. Анна взяла подозрѣніе на Долгорукихъ, увидѣла въ нихъ похитителей правъ своихъ; размыслила о хартіи ей поднесенной, и природная наклонность ея къ тиранніи все довершила. — Дѣдъ мой со всѣмъ своимъ семейcтвомъ сосланъ въ ссылку, лишенъ чиновъ, сняты съ него всѣ знаки почести, отнято имѣніе и отправленъ въ Сибирь. — Въ етомъ то состояніи изгнанникъ, женившись подъ Москвою, въ Селѣ Горинкахъ, на дочери графа Шереметева, Натальѣ Борисовнѣ, съ которой обрученъ былъ еще при Петрѣ II, поѣхалъ вмѣстѣ съ ней, будучи 23 лѣтъ отъ роду, въ Сибирь въ мѣстечко Березовъ, гдѣ прожилъ 10 лѣтъ въ тюремномъ острогѣ, ежечастно подъ штыками, далъ жизнь и возрастилъ двухъ сыновей: Отца моего князь Михайлу[1]) и Дядю князя Димитрія:[2]) — Прошли злополучныя годы заключенія, и рокъ нанесъ Дѣду моему послѣдній свой и жесточайшій ударъ.

Властолюбивая сестра его вспомнила и въ темницѣ прекословіе брата при скольскомъ шагѣ ея на престолъ. — Ужасно разсказывать подробно о поступкѣ ея!.. Скажу только, оставя все прочее на догадку, что преданный ей слуга закричалъ: Слово и Дѣло: — Сигналъ мятежа. — Вечевой колоколъ темничной раздался во дворцѣ. — Анна загорелась. Наряжена тайная коммисія; Дѣдъ мой оторванъ у жены, у младенцевъ, брошенъ въ кибитку, привезенъ къ суду, допрошенъ, и безъ вины при-

[1]) Кн. Мих. Иван. Долгоруковъ (1731 — 1794). Почетн. опекунъ Моск. воспитат. дома, былъ женатъ на кн. Голицыной, а 2-й разъ на дочери барона Н. Гр. Строганова. Кн. Ив. Мих., авторъ записокъ — сынъ его отъ этого второго брака.

[2]) Кн. Дмитрій Ивановичъ Долгоруковъ, (род. въ 30-хъ годахъ XVIII в., ум. 1769 г.), въ 20 лѣтнемъ возрастѣ, изъ за несчастной любви, сошелъ съ ума; умеръ послушникомъ Никольскаго монастыря въ Кіевѣ.

говоренъ къ смерти. Пить чашу сію подносиму рукой сестры родной, есть мука никакой не равная. — Биронъ злодѣйски мстилъ боярамъ не поробошавшимся ему. Убійственной приговоръ возымѣлъ свою силу, 1740 [1]) года, Ноября 8-го дня — князь Иванъ Алексѣевичъ возведенъ на эшафотъ и казненъ публично. Палачь отдѣлилъ голову его; она покатилась прежде нежели уста его успѣли произнести послѣднія слова кающагося пророка. Умеръ вельможа съ духомъ твердымъ, съ мужествомъ Вѣры. Какое чувство кромѣ благодати сильно воодушевить человѣка въ столь злобныя минуты мщенія себѣ подобныхъ. — Тѣло его похоронено въ томъ же городѣ [2]) на общемъ кладбищѣ. Тако угодно было Богу, истощивъ надъ нимъ вся красная міра, сподобить его мученической кончины за правду на 33 году отъ рожденія. Какой разительной урокъ для восходящихъ на степень всемогущества! Но увы! — что исправляетъ въ мірѣ человѣка? — Въ одно время съ нимъ прочія братья его сѣчены кнутомъ, и оставлены влачить жизнь постыдную до глубокой старости. Княжна Катерина, вышедъ за мужъ за графа Брюса[3]), умерла безъ потомства. Съ ешафотомъ Дѣда моего сокрушился и палъ безъ возвратно родъ князей Долгорукихъ!

Нѣкто изъ молодыхъ Россіянъ, описывая дѣяніи великихъ мужей нашего отечества, упоминая о Дѣдѣ моемъ, сказалъ и напечаталъ, будто онъ былъ колесованъ. — Стыдно Русскому такъ мало знать произшествіи столь близкаго къ намъ времени! — еще стыднѣе взятся писать исторію и такъ неосмотрительно лгать! [4])

Естьли гласъ потомства, произнеся поздней судъ свой надъ Долгорукими, можетъ быть и правильно винитъ князя Ивана Алексѣевича въ непомѣрномъ честолюбіи. — Не мнѣ принадлежитъ защита столь знаменитаго мученика свободы. — Но пусть дозволятъ только сказать, что смерть толико неожиданная, суровая и мучительная, искупила всѣ грѣхопаденія юности его, и кровь его, обагрившая Новогородскую землю, сію древнюю колыбель геройскихъ подвиговъ, должна примирить прахъ его со всѣми врагами нашего племени. Миръ ему, — и вѣчная память!

Обратимся теперь къ исторіи знаменитой страдалицы, дщери фельдъмаршала Шереметева, супруги князя Ивана Алексѣевича, а моей бабки родной, княгини Натальи Борисовны.

6.

Княгиня Наталья Борисовна помолвлена была за Дѣда моего 15 лѣтъ отъ роду, въ царствованіе Петра II, слѣдовательно, въ

[1]) Ошибка, казнь была совершена 8 ноября 1739 года.

[2]) Въ Новгородѣ, казнь была совершена на Скудельничьемъ полѣ.

[3]) Гр. Александръ Романовичъ Брюсъ (1705 — 1752), крестникъ А. Д. Меньшикова, женатый въ 1-й разъ на кн. А. М. Долгоруковой черезъ нѣсколько недѣль послѣ смерти которой, женился, въ угоду имп. Елизаветѣ, на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, бывшей невѣстѣ Петра II. Строптивый нравъ княжны, въ теченіи 15 лѣтъ продолжавшей упорно величать себя высочествомъ и государевой невѣстой, давно уже заставлялъ императрицу подыскивать ей жениха. Впрочемъ, она скончалась отъ простуды, въ самый годъ своей свадьбы.

[4]) Авторъ, видимо, умышленно, старается скрыть некрасивую роль, которую игралъ его дѣдъ въ дѣлѣ о составленіи фальшивой духовной отъ имени Петра II, въ пользу его сестры, княжны Екатерины. Фактъ колесованія князя Ивана Алексѣевича исторически извѣстенъ, и всѣ подробности его дѣла сохранились въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи, въ Государственномъ архивѣ. Существуетъ печатный указъ отъ 12 Ноября 1739 г. о совершенной казни 4-хъ Долгоруковыхъ въ Новгородѣ.

лучшее время славы своего жениха. Переворотъ судьбы его ни мало не поколебалъ великой души ея, сколь ни увѣщевала сама Императрица Анна сію нѣжную отрасль знаменитѣйшаго рода перемѣнить свои обѣты и выбрать супруга между вельможами ей благоугодными. Наталья Борисовна, непреклонно утвердясь въ любви къ жениху, въ повиновеніи жестокому року, рѣшилась дѣлить съ нимъ всю строгость ссылки, отказалась отъ всѣхъ предлагаемыхъ ей почестей, и послѣдовала мужу, сердцемъ ея избранному, до Сибирскихъ узилищъ. Тамъ, прижвъ съ нимъ нѣсколько дѣтей, возрастила только двухъ; Михайлу и Димитрія. Можно вообразить, что сіи злощастныя супруги тамъ переносили — описать трудно!

При воспослѣдовавшихъ съ семействомъ симъ новыхъ бѣдствіяхъ, о коихъ сказано выше, князь Иванъ Алекс. повезенъ въ Новгородъ, а супруга его оставалась въ ссылкѣ, и возвращена не прежде, какъ по вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. Переломился скиптръ желѣзный! — и милосердіе воцарилось! — Тогда Россія увидила вновь, что есть и для нее ясныя дни въ природѣ. — Княгиня Наталья Борисовна съ младенцами своими, оставя Березовъ, (который тогда состоялъ въ одномъ только острогѣ, а потомъ сдѣлался уѣзднымъ городомъ Тобольской губерніи) привезена въ Петербургъ, на коштѣ брата ея роднаго графа Петра Бори: [1]) и водворилась въ его чертогахъ, гдѣ, терпя всякую нужду и скорбь, воспитала сыновей своихъ, орошая ежедневно сіи нѣжныя плоды безпримѣрной любви и вѣрности супружеской потокомъ горькихъ слезъ. — Съ свободой вмѣстѣ возвращены ей и нѣкоторыя вотчины, но вообще о всемъ конфискованномъ имѣніи послѣдовалъ указъ, чтобъ, сочиня ему вѣдомость, представить; которая вѣдомость сочиняется и до нынѣ, а между тѣмъ все роздано фаворитамъ. Какая плѣнительная вывѣска россійскаго правосудія!

Здѣсь нужно нѣсколько словъ кинуть и о характеристикѣ упомянутаго вельможи. Гр: Пет: Бор: преемникъ сокровищъ отца своего, но не славы, имѣлъ за собой 60.000 душъ родительскаго имѣнія, да за женою своею приданаго взялъ 40.000; оставшись послѣ родителя, съ двумя другими братьями и тремя неоддѣльными сестрами, наслѣдникомъ столь великому имѣнію, онъ все захватилъ одному себѣ; — графъ Михайла [2]) умеръ, оставя сиротамъ процессъ съ братомъ никогда конца не получившій; графъ Сергѣй [3]), не имѣя потомства и храня теплую вѣру къ Богу, всю часть родительскаго наслѣдія уступилъ брату, графу Петру. Сестры по законамъ настоящимъ должны были получить изъ вотчинъ 14-ю часть, но гр: Петр: Борис: пожаловалъ имъ только по 500 душъ, а прочее удержалъ за собой, увѣренъ будучи, что никакая тяжба не одолѣетъ его золотого дожжа. Пословица русская: съ богатымъ не тяжись, оправдана отъ самой глубокой древности многими опытами.

Бабка моя княг: Нат: Бори: менѣе прочихъ могла выдержать споръ съ братомъ, будучи подъ гнѣвомъ жестокой Императрицы, преслѣдуема

[1]) Гр. Петръ Борисовичъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ (1723 — 1728), женатъ на Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской.

[2]) Гр. Мих. Борисов. Шереметевъ (1672 — 1714) старшій сынъ гр. Бориса Петровича, ген.-маіоръ, женатъ на Евг. Григ. Нарышкиной.

[3]) Гр. Сергѣй Борисовичъ Шереметевъ (1714 — 1768), гв. ротмистръ, женатъ на кн. Устиньѣ Яковл. Лобановой-Ростовской.

всюду несчастіемъ, выдана за ссылочнаго, заключена въ Сибири, могла ли отважится на укоризну, не только на тяжебное дѣло съ братомъ? Какая аппелляція изъ острога? — По возвращеніи своемъ изъ заключенія, хотя бы она и могла возобновить права свои съ нѣкоторой надеждой, но, лишась всѣхъ отрадъ жизни въ миломъ супругѣ, и, посвятя себя Богу, она возгнушалась мыслію подать жалобу на единоутробнаго своего брата и предпочла богатству гибельному, сладкое упованіе Небесныхъ наградъ. — Сравнимъ же съ толь великодушными ея подвигами, извѣстныя мнѣ очень достовѣрно, по преданіямъ изустнымъ Отца моего, два поступка гр: Петр: Бор:, которой живо изображаетъ черты Евангельскаго богатаго Лазаря. 1) Когда бабка моя прощена и получила дозволеніе воротиться въ Петербургъ, гр: Петр: Бор:, имѣя уже тогда полмиліона дохода, прислалъ ей на дорогу отъ Березова до столицы, т. е. на разстояніе 3000 слишкомъ верстъ, только 1000 р. и, живучи по пріѣздѣ своемъ въ его домѣ, несчастная княгиня, доколѣ не поворотила нѣкоторое свое имѣніе, принуждена была видать, что отецъ мой очень часто нашивалъ башмаки безъ подошвъ.

2) Извѣстно, что при Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ значилъ у двора очень много нѣкто Лештокъ [1]). — Бабушка хлопотала посредствомъ его о возвратѣ всего Долгорукихъ имѣнія. Лештоку хотѣлось и услужить да не совсѣмъ безмездно: полюбились ему столовыя часы принадлежавшія гр: Петр: Бор: отдѣланныя въ старинномъ вкусѣ съ бирюзами, ихъ цѣнили тогда въ четыре тысячи; положимъ что они были рѣдки, единственны, но и дѣло шло о 16-ти тысячахъ душахъ описныхъ на корону. — Повѣрятъ ли? — Гр: Шерем: пожалѣлъ ихъ, и не отдалъ, а Лештокъ отступился отъ ходатайства, и цѣлый родъ осужденъ сталъ терпѣть безконечную нищету, для того, что вельможа надменной пристрастился къ часамъ, о которыхъ и самъ забылъ, когда на нихъ прошла мода. Но къ несчастію правосудіе возвращать отнятое никогда еще не было въ модѣ, и уповательно никакое поколѣніе етаго обычая не дождется!

Княгиня Долгорукая, возрастя и воспитавъ дѣтей своихъ, рѣшилась, когда пришло время выпускать ихъ въ свѣтъ, сама оставить оной. 1757 года сентября 28 дня, прибывши въ Кіевъ, постриглась во Фроловскомъ Монастырѣ, и тамъ предлагались ей почести ея новаго званія. Несравненная Героиня все презрила, пренебрегла, кинула; мало казалось ей черной рясы обыкновенной! Смиряясь до крайняго степени уничиженія, она облеклась въ скиму, и въ ней препроводила остальныя дни жизни въ строгомъ постѣ, смиреніи безмолвномъ, молитвѣ неусыпной, терпя и средь обители различныя еще искушеніи по слову Апостола: бѣды въ горахъ и пропастяхъ земныхъ. Всякое новое зло переносила съ мужествомъ христіянскимъ, съ самоотверженіемъ великодушнымъ, и самыя злыя напасти привыкла почитать дѣйствіемъ всеблагаго Промысла, вся на пользу намъ устрояющаго. Рука Господня одна отвращала отъ нее всякое малодушіе; наконецъ достигла и она всѣмъ опредѣленнаго жребія и 1771 Года Іюля 3 дня скончалась. — Смерть ея была тиха и подобна зарѣ Небеснаго утра. Жизнь ея про-

[1]) Іоаннъ Германъ Лестокъ (р. 1692 — ум. послѣ 1762 г.), род. во франц. семьѣ, придворный врачъ импер. Елизаветы Петровны, одинъ изъ видныхъ ея пособниковъ при ея вступленіи на престолъ. Сосланъ въ 1748 г. въ Угличъ, обвиненный въ госуд. преступленіи; возвращенъ изъ ссылки Петромъ III.

должалась 56 лѣтъ, и была образцомъ того, что можетъ добродѣтель противъ гоненій человѣческихъ, была цѣпь неразрывныхъ золъ и бѣдствій міра. Сія единственная жена все превозмогла, все побѣдила, и не дала безумія Богу. Тѣло, вмѣщавшее въ своей скудѣли столь великую и отличную душу, погребено было, по собственному ея произволу, въ самыхъ вратахъ Кіевопечерскаго монастыря, безъ памятника, безъ малѣйшей пышности; одна чугунная доска съ простою надписью и вмазанная въ рядъ съ поломъ, сокрыла бренныя ея остатки. Въ теченіи исторіи, часто доведется еще мнѣ повторять рѣчь о подвигахъ ея, приснопамятныхъ всегда моему сердцу. — Отецъ мой сохранилъ и я сохраню записки ея рукою писанныя, кои по времени [1]) были напечатаны и извѣстны съ похвалою всему просвѣщенному свѣту. — Кто не плакалъ, читая въ нихъ простое но чувствительное описаніе ихъ изгнанія? Нѣтъ! Никакое перо такъ не напишетъ. Душа лилась на бумагу и пламень свой сообщала всякому чувствительному сердцу. — Миръ тебѣ! — И вѣчная память! —

§ 7.

Послѣ такихъ плачевныхъ картинъ, приступлю къ жизни Отца моего, и до дня рожденія моего кратко упомяну о немъ, замѣтя важнѣйшія токмо черты его исторіи, а проходя мою, не оставлю безъ вниманія все, что и до него относится станетъ, доколѣ ко счастію моему онъ здравствовать будетъ. Онъ столько дорогъ сердцу моему, что съ радостьми и печальми его всегда тѣсно связаны и мои.

Князь Михайла Ивановичь родился въ 1731 Году, апреля 2 дня въ Березовѣ въ анбарѣ. Не было при рожденіи его ни искустныхъ бабокъ, ни врачей, ни богатой колыбели. За недостаткомъ даже кормилицъ ребенокъ сей воздаенъ коровьемъ молокомъ. Вывезенъ изъ Сибири 9-ти или 10-ти лѣтъ, чего уже и самъ не помнитъ. Надо думать что 10-ти, ибо въ 40-мъ [2]) году казненъ Дѣдъ мой, а семейство его и послѣ того находилось еще съ годъ въ Сибирѣ. Служить началъ Отецъ мой въ гвардіи солдатомъ. Тогда ожесточеніе противу имени Долгорукихъ столь было велико, что запрещено было учить ихъ грамотѣ, и записывать въ службу велѣно рядовыми. — Невѣроятно! — но справедливо.

Духомъ кроткой *Елизаветы* смягчились общія нравы. Отецъ мой 24 лѣтъ, пожалованъ въ прапорщики въ Семеновскій полкъ; въ немъ, дослужась адьютандскаго чина, отставленъ при вступленіи Петра III на престолъ гвардіи капитаномъ, не столько по своему желанію, какъ дабы успокоить мать, страждующую въ унилой пустыни и удовлетворить желанію супруги чрезмѣрно къ нему привязанной. Во время службы его, еще при Импер: *Елизаветы* былъ нарядъ въ походъ противъ Пруссіи, которой хотя и не состоялся, но поелику Отецъ мой съ прочими долженъ былъ выступить, то и не принялъ предлагаемаго ему камеръ юнкерскаго чина, устыдясь оставить военное званіе въ походное время, а къ собственнымъ симъ его благороднымъ мыслямъ, не забыто было завѣщаніе покойнаго его родителя, заклявшаго дѣтей своихъ въ Сибирѣ,

---

[1]) Впервые напечатаны въ журналѣ „Другъ Юношества", 1810 г., авторомъ этихъ замѣтокъ, затѣмъ въ Русскомъ Архивѣ 1867 г., и отдѣльно въ томъ же году.

[2]) См. выше, ошибка, слѣдуетъ 1739 г.

въ сущемъ еще ихъ младенчествѣ, чтобъ никто изъ нихъ отнюдь не ходилъ ко двору. — Клятва опытомъ его оправданная.

Отецъ мой съ бѣдствіями спознался въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ; въ 1754 Году помолвилъ онъ на *княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной*, и въ Сентябрѣ тогоже года на ней женился. Свадьба отправлена въ подмосковномъ селѣ *Волынскомъ*; въ 55 Году сія бѣдная княгиня произведя на свѣтъ Іюня 19 дня дочь *княжну Наталью*, два дни спустя родами скончалась. Ей было отъ роду 20-й годъ. За мужемъ жила 40 недѣль и три дни. — Родитель мой, любившій ее страстно, неутѣшно по ней плакалъ и кромѣ младенца своего ни въ чемъ не находилъ отрады! Судьба и того похитила. Княжна Наталья въ 1756 году сентября 28 дня скончалась просуществовавши только 1 годъ и 2 мѣсяца, и смерть ея растворила снова свѣжую еще рану родительскаго сердца.

Но возрастъ Отца моего требовалъ новаго и законнаго союза, и такъ въ 1757 году, мая 24 дня помолвилъ, іюня 28 сговорилъ, сентября 28 числа женился онъ въ другой разъ на матери моей, урожденной *баронессѣ Аннѣ Николаевнѣ Строгоновой* [1]). При семъ случаѣ нельзя не замѣтить чудной игры судебъ. Когда Отецъ мой клялся предъ Престоломъ Божіемъ въ супружеской вѣрности, тогда мать его приносила въ жертву Создателю предъ тѣмъ же Престоломъ въ другомъ мѣстѣ сердце бѣдами замученное. — Оба они въ одинъ и тотъ же день воспріяли, сынъ въ Москвѣ ризу торжественную супружества, а Мать въ Кіевѣ черную хламиду монашества. Одинъ шелъ на позорище міра, другая кидала взоръ на предстоящую могилу. Такъ распредѣляетъ жребій смертныхъ Отецъ нашъ Небесный.

1758 года, августа 9-го дня, родители мои вкусили перьвый плодъ супружества своего. — Родилась сестра моя *княжна Прасковья Михайловна*; воспріемниками ея отъ купели были графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, и *графиня Марья Николаевна Скавронская*, старшая сестра матери моей. Остановимся здѣсь, ибо перьвое потомъ произшествіе въ домѣ нашемъ было, — мое рожденье. Порядокъ дѣеписанія требуетъ, чтобъ я напередъ изложилъ корень происхожденія моего по матери.

§ 8.

По Исторіи Петра I видно, что *Строгоновъ* Сибирской уроженецъ, и прадѣдъ мой, былъ во время Царя Алексея Михайловича названъ *Гостемъ*, потомъ, войдя въ силу чрезмѣрнымъ богатствомъ, удостоился получить знатныя привиллегіи, и во многихъ случаяхъ былъ самимъ Петромъ великимъ отличаемъ. Потомки сего родоначальника заслуживали время отъ время разныя знаки почестей отъ предшествовавшихъ намъ Государей. Сіе доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя Строгоновы между современниками нашими жалованы баронскимъ и графскимъ достоинствами. Дѣдъ мой, матери моей Отецъ, *баронъ Николай Гри-*

---

[1]) Род. 1734 г., ум. 1813 г. Дочь барона Николая Григорьевича Строганова (1700 — 1758) и жены его, Прасковьи Ивановны, урожденной Бутурлиной. (1708 — 1758). Другая его дочь, Марія, вышла замужъ за Мартына Карловича Скавронскаго, а самая младшая, Софія, — за ген.-пор. Степана Матвѣевича Ржевскаго. 3-хъ сыновей его звали: Григорій, Александръ и Сергѣй.

горьевичь Строгоновъ имѣлъ и Александровскую ленту. Старшая дочь его баронесса Марья выдана была за графа Скавронскаго, а симъ союзомъ вошла въ родство съ престоломъ. Всего етаго довольно, чтобъ назвать Строгоновыхъ племя благороднымъ. Многія однако, ссылаясь на исторію Петра I, называютъ родъ сей произшедшимъ изъ мѣщанскаго состоянія. Въ опровержение сего мнѣнія я привесть могу Сибирскую Исторію [1]), въ которой означено, что Строгоновы ведутъ поколѣніе свое отъ татарскаго князя Луки Строгонова, жившаго еще въ 517 годѣ, слѣдовательно я нахожу себя въ правѣ безъ ошибки утверждать, что именемъ Строгонова названъ былъ въ самой отдаленнѣйшей древности родъ знаменитой въ Сибирскомъ царствѣ.

Впрочемъ не для того сіе пишу, чтобъ дѣти мои привыкали величатся пустотою свѣтскихъ титловъ. О нѣтъ! да не будетъ! - хочу только чтобъ они подражали твердымъ добродѣтелямъ своихъ предковъ, ревностному ихъ духу и любви къ отечеству. Вотъ въ чемъ молю Бога да преуспѣетъ любезное мое потомство. Кто возвышается одними чинами и почестьми, не рѣдко вмѣсто заслугъ подданнаго, одно пристрасное благоволеніе Монаршее къ нимъ изъявляющіе, тотъ низокъ сердцемъ и подлъ душею. Блаженъ всякъ отличающій себя добрыми дѣлами. Блаженъ человѣкъ благоугодное Богови творящій.

§ 9.

Доставя такимъ образомъ сколько могъ яснѣе общее понятіе о хронологіи родителей моихъ, и утвердя оное не на догадкахъ, но на письменныхъ актахъ и лѣтописяхъ, дополню сіе вступленіе краткимъ словомъ о частной исторіи Матери моей. Родительница ея, а моя бабка Прасковья Ивановна была по себѣ дѣвица Бутурлина [2]). О родѣ семъ извѣстно, что онъ и древностью и заслугами былъ знаменитъ. При Петрѣ I упоминается о значительномъ лицѣ сего имени между вельможами и царедворцами. Баронъ Николай Григорьевичь, былъ человѣкъ добросердечной, не сварливой, кроткой, Отецъ семейства мудрый и осторожный. Баронесса Прасковья Иванов: женщина умная, и ни въ какихъ обстоятельствахъ не измѣняла правиламъ чести и благородства. Оба сіи супруги, доживъ до глубокой старости, унесли съ собой во гробъ общія похвалы и сожалѣнія. Вообще же всѣ Строгоновы любили оказывать значущія услуги престолу россійскому и не тщетно вознаграждаемы были особенными ихъ щедротами.

Симъ вступленіемъ положенъ перьвый камень во основаніе предпринятому мною зданію моей лѣтописи. За симъ начну ее, и расположу по годамъ, внося въ каждой все, что до родителей моихъ и меня примѣчательно касается, въ чемъ руководствовать будутъ перо мое Совѣты, опыты и преданіи моихъ родителей, коимъ я искренно вѣрю и каждое слово изходящее изъ устъ ихъ пріемлю за строгую истинну, ибо они суть правдолюбивы, не хитросплетательны сердцемъ и устами привержены къ Богу. — Сей Богъ Отцевъ моихъ, Богъ Израилевъ, да вспомоществуетъ труду мною начатому и совершитъ его по мѣрѣ силъ моихъ въ назиданіе всякому, кто книгу мою читать станетъ, а паче моему

[1]) Соч. Фишера, Спб. 1774 г.
[2]) См. стр. 33, прим. 1.

исчадію. Я же, описавъ здѣсь нѣкоторыя бѣдствіи несчастныхъ моихъ предковъ, и удаля отъ себя всякое на счетъ ихъ умствованіе, паки повторю во смиреніи сердца пророческую пѣснь.

Благословенъ Господь Богъ благоволивый тако: Слава Тебѣ!

(ЧАСТЬ I)

ЛѢТОПИСЬ

1764 г.

[Напечатано въ Сочиненіяхъ И. М. Долгорукова 1849 г. т. 2-й].

. . . .

Лѣтопись начинается разсказомъ о рожденіи автора, 7 Апр. 1764 г., и о рожденіи его 3-хъ сестеръ въ послѣдующіе годы, до 1767 г. Первыя познанія во французскомъ языкѣ получены имъ отъ бонны M-me Constante. Подъ 1769 г. разсказывая о смерти дяди, кн. Дмитрія Ивановича Долгорукова, авторъ приводитъ его біографію, разсказъ о чумѣ 1771 г. и о смерти его бабки, старицы Нектаріи, знаменитой Наталіи Борисовны Долгоруковой, рожденной Шереметевой. Начало ученія по плану отца, исторія, математика, географія, поэзія, языки: латинскій, французскій, нѣмецкій. Французы наставники. Описаніе характера наружности и темперамента автора. Скудныя свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ: „Исторія должна современемъ безпристрастно сказать потомству, сколько тяжелъ былъ сей случай для Россіи. Мое дѣло говорить лишь о себѣ“.

Новый воспитатель, іезуитъ французъ Совере (съ 1776 г.). Хорошія качества новаго учителя. Успѣхи въ латыни, чтеніе Горація, Виргилія и др. авторовъ. По совѣту И. И. Шувалова, молодой князь поступаетъ, послѣ экзамена, въ Московскій университетъ (1777). Награды; медаль за диссертацію. Ученіе на дому. Всестороннее образованіе.

Первое участіе въ домашнихъ спектакляхъ (1779). Принятъ въ авскультанты (протоколисты, секретари) Вольнаго Россійскаго Собранія при Университетѣ. Переводъ книги Mercier, „Les songes philosophiques“, изданіе посвящено И. И. Шувалову. Благодарность послѣдняго. 1780 г., окончаніе университета съ чиномъ прапорщика Московскаго пѣхотнаго полка, противъ обычая поступленія молодыхъ дворянъ въ гвардію, куда ихъ записывали еще съ дѣтства. Этимъ кончается 1-я часть записокъ, въ концѣ которой авторъ еще разъ возвращается къ своему характеру, упоминая о своей природной робости, трусости, боязни всего таинственнаго и неизвѣстнаго.

ЧАСТЬ II

Отъ вступленія моего въ Службу до женидьбы.

Продолженіе 1780 Года.

Все перемѣнило видъ свой. Химеры изчезли, полковничій патентъ [1]) остался гнить въ кучѣ грамотъ и дипломовъ семейныхъ. — Готовясь въ дипломаты, попалъ я нечаянно въ полевыя офицеры и сталъ въ 18 лѣтъ Государевъ слуга, членъ общества, ратоборецъ. Ничто меня не влекло къ военной службѣ, ни физическая способность, ни нравственное расположеніе. — Но рокъ строитъ все по своему. Надлежало плыть по бурному океану представшихъ обстоятельствъ. Размышленіи сіи дѣйствовали на меня по одной наслышкѣ, я самъ еще не могъ убѣдится или понять теорію моего превращенія, а на практикѣ все меня какъ молодаго человѣка восхищало, и мундиръ, и шпага, и шляпа съ султаномъ. Хо-

[1]) Объ этомъ смотри ниже.

дить въ школу или на караулъ, слушать лекцію скучную у Аничкова, или передъ взводомъ подымать ногу и шагать по мостовымъ Московскимъ подъ музыку; — возится около воздушной машины у Роста [1]), — или съ товарищами своего полку, въ знакѣ и шарфѣ бить въ барабанъ зорю и привлекать какъ на зрѣлище толпу черни около Куритныхъ воротъ; — какое различие въ занятіяхъ! — Новость меня плѣняла, я былъ въ восторгахъ, — но ошибся въ расчетѣ. Родители мои за меня предусмотрѣли, что будитъ полезно или вредно, и вотъ какъ устроилась моя служба.

Тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ князь Василій Михайловичь Долгорукой-Крымской [2]), завоеватель полуострова, коего имя придано къ его природному, въ незабвенную память его подвиговъ и заслугъ. Князь былъ изъ рѣдкаго числа тѣхъ столповыхъ бояръ, коими славится до нынѣ вѣкъ Петра I и его предшественниковъ. Князь былъ грубъ, — но справедливъ, строгъ и добръ вмѣстѣ, благодѣтеленъ своему роду, и вообще доброхотъ ближнему. Такихъ людей нынѣ трудно и съ фонаремъ Діогена отыскать. — Онъ уже былъ кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ и генералъ-аншефъ, что также въ настоящее время значило много. — Хотя онъ не былъ съ нами въ родствѣ, но по природѣ, нося одно имя съ нимъ, батюшка пользовался его благоволеніемъ и просилъ его обо мнѣ. Князь Василій Михайловичь безъ отлагательства въ долгой ящикъ, безъ ласковыхъ посуловъ, тотчасъ приказалъ причислить меня къ своему штату, и во ожиданіи ваканціи адьютанской, откомандированъ я отъ полку, на безсмѣнныя къ его сіятельству ординарцы, и такъ прощай мои разводы, караулы, гаубтъвахта и прочія рыцарскія замыслы. Служа при князѣ, и не будучи еще ни на что надобенъ, я числился въ полковыхъ спискахъ въ откомандировкѣ, а жилъ дома, учился, занимался по прежнему, ѣжжалъ по субботамъ въ университетъ, въ Вольное Россійское Собраніе, по званію авскультанта, и кромѣ праздничныхъ дней, никуда не выѣжжалъ, а въ воскресной всегда являлся къ князю. — Домъ сей былъ домъ благочестивой и основанъ на ногѣ строжайшей пристойности. Тутъ, проведя все утро, и большую часть дня въ услугахъ моего чина, я не могъ имѣть худыхъ примѣровъ. Иногда отпускали меня къ престарѣлымъ родственникамъ съ визитомъ, т. е. по русски на поклонъ. Иногда, — но рѣдко выѣжжалъ въ какое нибудь родственное собраніе, никогда въ публичныя. Такія съѣзды были для меня еще очень новы и дики. — Вотъ перьвой шагъ мой въ службу.

Все мнѣ въ ней казалось высокимъ, чрезвычайнымъ. Съ священнымъ ужасомъ входилъ я въ университетской храмъ принять по выпускѣ моемъ изъ онаго перьвую присягу на чинъ офицерской. Надзиратель университета, нѣкто маіоръ Крупенниковъ, приводилъ меня къ оной, и я присяжной листъ прочелъ дрожащимъ голосомъ, какъ бы предстоя предъ судищемъ Христовымъ. Я еще по счастью мирной со-

[1]) Проф. физики въ университетѣ.

[2]) Род. 1722, ум. 1782 г.; ген. аншефъ, участникъ штурма Очакова (1737), взятія Хотина (1738), Семилѣтней войны и похода въ Пруссію, герой 1-й Турецкой войны при Имп. Екатерины II, побѣдитель Турокъ при Кафѣ 1771 г., взялъ Керъ, Балаклаву, Еникале, главнокоманд. въ Москвѣ съ 1780 г., заслужившій всеобщую любовь москвичей.

вѣсти моей, не зналъ что между людьми, сія гражданская присяга, не есть та свободная клятва предъ Богомъ, которой нарушенье подвергаетъ насъ анафемѣ общей, и гнѣву Небесному, а только условный обрядъ политической, котораго никто уже не цѣнитъ, не боится и не уважаетъ. Опыты жизни свѣтской дали мнѣ сію печальную мысль. Въ юности она была непонятна. Я присягнулъ и явился въ полку къ своимъ начальникамъ. Штабы мои были: полковникъ, Николай Ивановичь Марковъ [1]), — подполковники: князь Николай Алексѣевичь Волконской [2]) и сверхъ комплектной Князь Иванъ Михайловичь Щербатовъ [3]), — примеръ маіоръ Кирила Феодоровичь Тухачевской; — секундъ маіоръ и настоящій правитель полка Ираклій Ивановичь Марковъ, братъ родной полковничій. — Всѣ они меня любили, и были ко мнѣ милостивы. Записанъ я въ 7-ю роту, которой командовалъ капитанъ Григорьевъ, но не исправляя службы въ полку, я не имѣлъ случая ни разу его видѣть. Полкъ стоялъ въ столицѣ. Въ Московской дивизіи, которой командовалъ князь Долгорукой Крымской, а подъ нимъ зять его родной графъ Муссинъ Пушкинъ [4]) находились 3 полка пѣхоты и 1 конной. Всѣ они расположены были по квартерамъ въ Москвѣ.

Новое образованіе гражданскихъ мѣстъ открыло и Отцу моему новыя пути въ службѣ. Еще въ 1775 годѣ, издано Высочайшее учрежденіе губерній. Екатерина, уничтожая коллегіи, воеводства, губернскія и провинціяльныя канцеляріи со всѣмъ ихъ причтомъ, хотѣла ввести новое правительство въ Россіи, и создала новое тѣло политическое въ своей Имперіи. Генералъ-прокуроръ, Князь Вяземской, обязанъ былъ открыть разныя новоучрежденныя казначейства подъ особенными наименованіями. Въ начальники одного изъ нихъ, Остаточнымъ называемаго, опредѣленъ мой Отецъ. — Сіи обстоятельства большое имѣли вліяніе на нашъ домъ. Надлежало Батюшкѣ ѣхать въ Петербургъ, потому что казначейство его, состоящее подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ генералъ Прокурора, находилось тамъ. Въ ето Казначейство вступали всѣ остатки отъ штатныхъ расходовъ по Государству, что и дало ему его наименованіе. Начальникъ онаго обязанъ былъ вести остаткамъ счетъ, и не иначе располагать расходомъ оныхъ, какъ по имяннымъ Высочайшимъ соизволеніямъ объявляемымъ тому казначейству генералъ-прокуроромъ. При семъ назначеніи батюшка пожалованъ въ штатскія совѣтники. — Тогда етотъ чинъ давалъ право ѣздить въ 6 лошадей и носить шляпу съ плюмажемъ. Вотъ всѣ его собственныя преимущества. Отцу моему нельзя было никакъ перевезти въ Петербургъ всего своего семейства; ни слабость здоровья матушкинаго, ни ощущаемая уже разстройка ихъ имѣнія сего не позволяли; — и такъ батюшка долженъ былъ оторватся отъ своего семейства, и въ надеждѣ лично произвести какой нибудь переворотъ выгодной для себя по службѣ, перемѣщеніемъ опять въ Москву

[1]) Объ обоихъ братьяхъ Марковыхъ есть упоминаніе въ „Капищѣ". Это будущіе графы Марковы или Морковы. Въ 1796 г. ихъ старшій братъ Аркадій, возведенъ въ графское достоинство, вмѣстѣ съ братьями. Ираклій Ивановичъ впослѣдствіи былъ сподвижникомъ Суворова.

[2]) Впосл. ген.-лейт. (1757 — 1834).

[3]) Впосл. полковн., сынъ сенат. Мих. Мих. (1733 — 1790).

[4]) Валент. Платон. женатъ на дочери кн. Д. — Прасковьѣ Василевнѣ, впосл. фельдм. (1735 — 1804).

на значительное мѣсто, собрался онъ на легкѣ и поѣхалъ одинъ къ новому году. Сколько сначала мы обрадовались его повышенію, столько при разлукѣ съ нимъ сдѣлалось оно для насъ вообще горестнымъ, а паче для Матушки, которая во все время супружества своего никогда съ нимъ не разставалась. Но случаи міра бѣгутъ какъ рѣки, и противу волнъ ихъ кто постоитъ? — Простились мы съ родителемъ, и остались домовничать одни въ Москвѣ.

1781.

1-го числа генваря, Отецъ мой открывалъ уже въ Петербургѣ остаточное казначейство и вступалъ въ обязанности новой своей службы. — Моя въ Москвѣ между тѣмъ шла начатымъ порядкомъ. Въ будни я сидѣлъ дома, — въ праздники стоялъ у дверей княжаго кабинета, и ждалъ посылки или приказа. — Лѣтомъ случилось со мной обстоятельство, и маловажное и слезное по возврасту моему. Дивизія Московская въ хорошее время года выходила въ лагерь; располагали его для всѣхъ четырехъ полковъ обыкновенно подъ селомъ Всѣсвятскимъ. Въ нашемъ полку мало было офицеровъ; многія числились въ раскомандировкѣ. Насъ и уговорили: меня съ прочими для пріумноженія Офицеровъ выттить въ строй, только на одинъ тотъ разъ, какъ полкъ станетъ выступать въ лагерь, и промаршировать передъ взводомъ до Ходынки городомъ. — Не спрося ни у кого на ето дозволенія, я, и нѣкоторыя товарищи; принадлежавшія со мной къ штату князя Долгорукаго-Крымскаго, явились сами собой къ маіору Маркову. Тотъ назначилъ намъ мѣста при полку, и я въ превеликомъ торжествѣ, надѣвши знакъ, шарфъ, вооружась ружьемъ, началъ, по улицамъ маршируя, кричать солдатамъ съ рыцарскою надмѣнностію — въ ногу. Каретъ множество по улицамъ стояло. — Всѣ смотрѣли на насъ, какъ на зрѣлище, и мои домашнія всѣ выѣхали на нашу дорогу; мамы, няньки, всѣ выкатили на меня любоваться. Я ощущалъ восторгъ прямо неописанной. — Князь Долгорукой всегда выѣжжалъ самъ смотрѣть подобныя полковыя дѣйствіи. Онъ у Арбатскихъ воротъ стоялъ на крыльцѣ аптеки и дожидался полку. Поравнявшись съ нимъ, каждой офицеръ обязанъ былъ салютовать; на бѣду мою, лишь сталъ я размахивать ружьемъ и дѣлатся молодцемъ, князь меня узналъ, и спрося у Попова [1]), старшаго при немъ чиновника, кто меня и прочихъ отпустилъ въ полкъ, приказалъ за самовольной поступокъ арестовать, и поелику намъ нравится полевая служба болѣе, нежели честь принадлежать къ его штату, то чтобъ насъ всѣхъ при бумагѣ и отправили назадъ по полкамъ. — Шутка становилась не смѣшна. Не знавши такого гнѣва, мы шли, да шли; дойдя до лагеря устали до смерти; я не въ одну ночь такъ крѣпко не спалъ какъ въ ету, воротясь на свой домашній тюфякъ. На завтра поѣхалъ я къ князю, и за ранѣе восхищался похвалами, которыя за мою ловкость и проворство непремѣнно меня осыплютъ, какъ вдругъ г. Поповъ грозное повеленіе княжое мнѣ объявя, поразилъ меня ужасомъ. — Позабавившись моимъ

[1]) Василій Степановичъ, маіоръ, впослѣдствіи президентъ камеръ-коллегіи при Павлѣ I и членъ Госуд. Совѣта при имп. Александрѣ.

смущеніемъ сказалъ наконецъ, что онъ снялъ все на себя и винился князю, будто бы мы просились у него, и онъ насъ безъ доклада отпустилъ. — Етимъ все дѣло кончилось; арестъ отмѣненъ, и я по прежнему остался на ординарцахъ. — Князь лично самъ никогда мнѣ объ етомъ ни слова не изволилъ сказать.

Осенью очистилась въ канцеляріи княжой секретарская ваканція. По штату военному ето мѣсто приносило чинъ порутчика. Князь благодѣтельствуя мнѣ искренно, доставилъ мнѣ и чинъ сей, и мѣсто, и готовилъ постепенно въ свои адьютанты. — Разумѣется, что я былъ секретаремъ только по названію, и продолжалъ по прежнему числится при канцеляріи. Управлялъ ею вышепомянутый Г. Поповъ, секундъ маіоръ, предназначенный судьбою стать со временемъ на ряду съ перьвыми чинами въ Государствѣ. — Старшимъ адьютантомъ у князя былъ ближайшій его родственникъ, князь Дмитрій Михайловичь Черкаской; — младшими Плещеевъ и Миллеръ. Сему послѣднему истекалъ шестилѣтній срокъ, и на его мѣсто князь готовилъ меня. — Дежуръ маіоромъ Г. Толь. — Всѣ ети новыя мои начальники обходились со мной хорошо и благосклонно. Самолюбіе уже во мнѣ начинало играть. Я не хотѣлъ просто носить званіе и не исправлять его; стыдился упрековъ своей братьи, что или я лѣнивъ и ничего не дѣлаю, или не имѣю къ назначенію моему способности. — Однажды я рѣшительно доложилъ князю, что я хочу трудиться, и чтобъ онъ приказалъ на меня возложить всю тягость секретарской должности. — Князь улыбнулся моему рьяному приступу, позвалъ Попова и приказалъ употребить меня по способности. Поповъ изъ насмѣшки княжой отгадалъ, что онъ хочетъ сыграть со мною шутку, и самолюбивой порывъ мой понизить, тотчасъ позвалъ меня въ канцелярію, и положа передо мной до сту пакетовъ въ разныя полки и мѣста, приказалъ надписывать на нихъ адресы. Стыдъ мой увеличился. Я увидѣлъ, что я осмѣянъ, и, исполнивъ сквозь слезъ порученіе Попова, за счастье счелъ и милость, что болѣе уже меня къ такому пустому труду не призывали, и остался спокоенъ дома на прежней ногѣ, т. е. надѣвалъ по воскресеньямъ шарфъ, являлся къ князю, и отъ него по праздникамъ ѣжжалъ съ поздравленіемъ къ знатнѣйшимъ старушкамъ въ городѣ, а по табельнымъ днямъ у кареты его Сіятельства на смирной лошадкѣ, сопровождалъ его въ соборъ къ молебну; хоть не пышна была моя служба, но за то какъ бывалъ я радъ и доволенъ собою, когда рыженькой мой клеперъ станетъ прыгать въ полъ курбета, и я на Красной площади, подъ барабанный бой, задорю его шпорами, и гляжу по сторонамъ на чернь, изумленную моей храбростью. — Аннибалъ не такъ былъ гордъ подъ стѣнами Рима.

Въ домашнемъ быту я находилъ новыя забавы и новыя занятіи. Равномѣрно раскрывались отъ перьвыхъ новыя слабости, а отъ послѣднихъ новыя познаніи. — Дядя мой родной, генералъ-порутчикъ Степанъ Матвѣевичь Ржевской [1]), т. е. мужъ сестры родной моей матери, Софьи Николаевны, не за долго предъ симъ привезъ изъ Питера воспитавшихся въ Смольномъ Монастырѣ двухъ дочерей своихъ, моихъ двоюродныхъ сестеръ, Феодосью и Прасковью. — Они имѣли большія природныя дарованіи и склонность къ разсѣянной жизни; отецъ ихъ человѣкъ отмѣнно

[1]) См. стр. 33, прим. 1.

бойкой, мастеръ военнаго ремесла, души не самой чистой, но ума превосходнаго, купилъ домъ въ Москвѣ, расположился въ ней житьемъ, и поставилъ театръ, на которомъ по приглашенію его, съ дозволенія батюшки, сестры мои и я, мы всю зиму играли комедіи. Общество наше актерское сдѣлалось очень велико. Всегда народу множество. — Кто не поищетъ входа въ такой домъ въ которомъ гусли, и всякое Мусикійское согласіе? — И знатныя и мѣлкія люди, и старики, и ребята всѣ къ Ржевскому ѣздили. Всякой вечеръ были у насъ репетиціи, а послѣ театровъ настоящихъ балы. Въ такой неугомонной жизни ознакомился я съ большимъ свѣтомъ, сдѣлался извѣстенъ всей моей братьи молодежи, и мало по малу отставалъ отъ домашнихъ уединенныхъ упражненій. Подстрѣкаемъ самолюбіемъ блеснуть на поприщѣ театральной славы, я вырабатывалъ прилѣжно свой природной талантъ, и готовился быть знаменитъ между молодыми людьми въ етомъ искусствѣ. Играя на французскомъ языкѣ, я свыкся съ его слогомъ, оборотами, пріучился выражать чисто и правильно, чего никакая школьная теорія не даетъ безъ употребленія, и обогатилъ память свою многими стихами, кои потомъ въ обществѣ мнѣ очень пригодились. Такъ провождая время, я увлекался въ роскошъ и сталъ дѣлать разныя издержки, превосходящія мое положеніе. Надобно сказать, что батюшка, желая мнѣ дать свободу распоряжать деньгами, по моему произволу, и пріучать меня самымъ употребленіемъ ихъ, находить пристойную мѣру въ моихъ издержкахъ, — при отъѣздѣ своемъ, назначить изволилъ мнѣ на мои мѣлкія прихоти по 150 руб. въ годъ. Все нужное для меня въ етотъ счетъ отнюдь не входило. Сіи деньги, приходя прямо въ мои руки, безъ охраненія или правилъ стороннихъ, ознакомили меня съ собственностію. Отсюда я перьвое получилъ понятіе о прямомъ смыслѣ сего слова. Но театръ, балы всегда его сопровождавшія, щегольство наружное, желаніе равнятся со всѣми, перекинуло меня далеко за предѣлы опредѣленнаго. На кого сіи суеты въ тѣ же лѣта, да иногда и во всю жизнь не дѣйствуютъ? Кто умнѣе былъ меня въ 18 лѣтъ, пусть кинетъ въ меня камень! Я сдѣлалъ долгу еще въ началѣ года 80 рублей; для меня такая сумма была значительна. Зоркой мой Совере узналъ о моихъ запутанныхъ финансахъ, и по долгу званія своего предупредилъ батюшку въ Петербургѣ. Родитель заплатилъ мои долги, и письмомъ нѣжнымъ, разсудительнымъ, безъ излишнихъ угрозъ и строгости, попѣнялъ мнѣ, что я уклоняюсь отъ его совѣтовъ. Я столь любилъ моего Отца, что одна строка изъявляюшая его неудовольствіе, болѣе меня трогала, чѣмъ выговоры ста владыкъ земныхъ. Я тотчасъ очувствовался, и вошелъ въ опредѣленныя мнѣ границы, а Матушка по крепче изволила меня придержать дома, и поелику съ великимъ постомъ миновались наши зрѣлища, то и способъ соблазнятся суетами міра, самъ собой прекратился.

Съ весною вмѣстѣ и Совере [1]) задумалъ на родину. Онъ хотѣлъ сѣсть на корабль и плыть домой. Обязательства его съ домомъ нашимъ удовлетворительно были кончены. Ничто его не останавливало. Грустно было мнѣ съ нимъ разставаться. Хотя по свойству всѣхъ почти дѣтей, наставники строгія имъ не нравятся, но мнѣ и тогда жаль было Совере —

[1]) Воспитатель князя И. М., іезуитъ, французъ, которому авторъ записокъ посвятилъ въ 1-й части нѣсколько теплыхъ словъ.

разставаясь съ нимъ и теперь, помышляя о томъ, когда у меня сынъ ростетъ, жалѣю, что онъ не остался въ Россіи, и что не могу ему ввѣрить своего Павлуши. Достойнѣйшій былъ человѣкъ, какого только найтить можно въ толпѣ неизвѣстныхъ иноземцевъ, за золотомъ нашимъ въ Россію притекающихъ. Я вѣчною благодарностію буду обязанъ Г-ну Совере, какъ образователю моему, наставнику и учителю. Теперь только я умѣю дать полную цѣну его со мной поступкамъ и обращенію, и они никогда изъ памяти моей не истребятся. Онъ ко мнѣ писалъ одинъ разъ только изъ Петербурга, когда отправился въ свое отечество, но потомъ я отъ него не имѣлъ уже ни отъ куда ни строчки, а стороннимъ образомъ знаю, что онъ въ своей отчизнѣ, т. е. въ провинціи Poitiers, живетъ въ самомъ губернскомъ городѣ, Poitou, гдѣ исправляя должность адвоката находится въ хорошемъ состояніи. — Слава Богу!

По отъѣздѣ его, я остался на Матушкиныхъ рукахъ, но вольнѣй прежняго, но съ осторожностію, ибо я обязанъ былъ каждую почту давать лично самъ отчетъ батюшкѣ въ моихъ занятіяхъ и провожденіи времени. Я уже умѣлъ дорожить его довѣренностію и привыкалъ за грѣхъ считать, — ему солгать. Ко многимъ моимъ школьнымъ занятіямъ, ибо я продолжалъ учится математикѣ, нѣмецкому языку, ѣздилъ въ манежъ, фехтовалъ и танцовалъ, — прибавилось еще другое не нужное для меня, — ето правда, — но отъ части не вовсе безполезное.

Въ новомъ домѣ нашемъ, на Тверской, въ которомъ уже мы давно и жили, батюшка построилъ домовую церковь. Мать моя была отмѣнно набожна, не выѣжжала уже, или очень рѣдко въ свѣтъ, и не могла обойтится безъ вседневнаго у себя Богослуженія. По слабости ея здоровья, не могла она ни ѣздить, ни поспѣвать въ учрежденныя часы для молитвы въ приходскія храмы. Батюшка, желая во всемъ ее успокоить, выпросилъ у тогдашняго архіерея Платона [1]), благословеніе поставить въ покояхъ своихъ церковь. Платонъ, былъ тяжелъ на эти веши, онъ не любилъ домовыхъ церквей, но батюшка былъ прокуроромъ еще Коллегіи Економіи; — а сія послѣдняя въ такой связи находилась съ духовными мѣстами и лицами, что Платонъ имѣя нужду въ хорошемъ къ себѣ расположеніи чиновъ ея, принужденъ былъ церковь дать; — освящалъ ее пріятель нашего дома Самуилъ [2]), о которомъ я говорилъ въ перьвомъ отдѣленіи. Онъ тогда былъ архіереомъ Крут. и Можайскимъ, и жилъ въ Москвѣ рядомъ съ нашимъ домомъ, на такъ называемомъ Савинскомъ подворьѣ. Я всѣ ети подробности здѣсь помѣщаю, потому что они явственнѣе представляютъ моему воображенію самое обстоятельство того времени — какъ теперь будто гляжу на всю ету духовную церемонію! У насъ не было пѣвчихъ; одинъ только старой служитель и пѣлъ и читалъ. Матушка приказала мнѣ ходить иногда прочесть и пропѣть въ пособье старику. Сперьва я ето исполнялъ не безъ принужденія признаюсь, но потомъ самъ пріохотился и всякой день являлся въ церковь отправлять службу. Ето такъ меня ознакомило съ уставомъ церковнымъ, что я и

[1]) Знам. митропол. Московскій, (въ мірѣ Петръ Сергіевичъ Левшинъ) 1737 — 1812. Извѣстный церковный проповѣдникъ и писатель. Сподвижникъ Великой Екатерины.

[2]) Самуилъ Миславскій (1731 — 1796), впосл. митрополитъ Кіевскій (съ 1783 г.). Авторъ „Историч. описанія Кіевской Лавры". Извѣстный реформаторъ Кіевской духовной академіи.

теперь укажу всякому дьячку его дѣло безъ ошибки. Все, что мы въ молодыхъ лѣтахъ выучиваемъ, да еще и по охотѣ, остается въ памяти до гроба. Спросятъ меня: какую я изъ етаго получилъ пользу? — вить кажется никакой. — Ошибка! Читавши псалтырь ежедневно и весь Церковной кругъ, особенно постную тріодь, собраніе лучшихъ церковныхъ сочиненій, я такъ вызналъ красоты словенскаго языка, такъ много затвердилъ прекраснѣйшихъ и даже піитическихъ фигуръ и выраженій, что никакой учитель такъ глубоко ихъ на лекціи не врежитъ въ разумъ. Смѣло скажу, что етотъ годъ мнѣ далъ перьвыя основаніи, на коихъ утвердился вкусъ мой къ словесности изящной, а паче къ поезіи. Псалтырь, точно псалтырь, сдѣлалъ меня со временемъ охотникомъ стихи писать!

1782.

Нѣкто сказалъ: день слѣдуетъ за днемъ, а всѣ они не сходны. Чтожъ скажемъ мы о годахъ? — Всякой несетъ свой грузъ и сваливаетъ его на плеча человѣческія.

Князь Василій Михайловичь начальникъ мой, благодѣтель, Отецъ, можно сказать, по службѣ, — скончался 30 генваря въ 9 часовъ по полудни. Онъ только три дни былъ боленъ. На канунѣ кончины въ субботу предъ заговѣньемъ на маслиницу онъ еще допускалъ къ себѣ просителей и подписалъ нѣсколько бумагъ. Въ воскресенье сдѣлалось ему очень тяжело. Онъ былъ сложенія сыраго и толстъ. Вootще всѣ медики съѣжжались и дѣлали совѣщаніи нѣсколько разъ. Ничто не помогло. Въ послѣднія минуты жизни, сей вѣрный христіянинъ сообщился всѣмъ таинствамъ вѣры и предъ вечеромъ Москва лишилась своего безпримѣрнаго градоначальника. Не стало ея покровителя, вождя, сына и патріота. Оставилъ юдоль сію бояринъ русской! — Твердой сподвижникъ великой Самодержицы. — Онъ былъ въ свое время образецъ князя Якова Өеодоровича [1]) во времена Петровы. — Всѣ о немъ плакали. Чтожъ говорить о домашнихъ? — Они бродили безъ чувствъ въ чертогахъ своего отца, какъ тѣни около мертваго тѣла. Какое состояніе людей въ столицѣ не оплакало его кончины? — Дворянинъ, воинъ, судья, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ, всѣмъ жаль было своего правосуднаго вельможи. Духовенство оросило прахъ его слезами, и скоро вся Россія вздохнула о своей потерѣ. — Екатерина цѣнила свойства сего служителя, и сама тужила о смерти знаменитѣйшаго изъ бояръ россійскихъ.

Что посреди сего сонма плачущихъ, что скажу о себѣ, — едва въ міръ вошедшемъ? Я плакалъ ежеминутно, — я скорбѣлъ до глубины души. Ета была перьвая печаль, которой Небо начинало пріучать слабое сердце мое къ огорченіямъ. — Я почувствовалъ перьвую язву душевную; она была нова, и тѣмъ болѣе раздражала всю природу мою; въ перьвомъ движеніи не входили мнѣ на разумъ тѣ необходимыя расчеты, что участь моя вселяется въ одинъ гробъ съ тѣмъ, кто пекся о устроеніи ея; что надежды мои въ зарѣ жизни уже изчезаютъ; — что смерть князя Вас. Мих: дѣлаетъ переворотъ во всей моей службѣ, и слѣдовательно во всей будущей судьбѣ. — Такія соображеніи еще не дѣйствовали на юной мой разсудокъ. — Я плакалъ, потому, что мнѣ его было жаль, потому что я

[1]) Долгорукова.

въ домѣ его находилъ себѣ прибѣжище, любовь, ласки, и благодѣяніи, и что одна минута всего етаго меня вдругъ лишила.

Тѣло вскрыто, и столь поспѣшной кончинѣ, почти безъ болѣзни, явилась физическая причина: нарывъ на легкомъ скоропостижно прорвался и задушилъ его. Платонъ отпѣвалъ тѣло въ Богоявленскомъ Монастырѣ 2 Февраля. Похороны отправлены съ церемоніей подобающей праху толь великаго мужа. Я не говорю о пышности. Ничто не было пощажено; но кто деньгами сей почести не купитъ? — Нѣтъ! — Я разумѣю здѣсь плачь всего воинства, стонъ всего народа. Москва, казалось, собралась вся около его катафалка; Москва древняя столица, престолъ нашихъ владыкъ, колыбель нашихъ бояръ, Москва въ потокѣ слезъ лобзала мертвыя остатки стража своего спокойствія и благосостоянія. — Платонъ изрекъ проповѣдь. — Вопль слышанъ былъ въ храмѣ и на распутіяхъ. Забыта масленица, забыты пиршества ея, — все въ черномъ платьѣ; все на пути гроба. Оруженосцы, въ два ряда поставленныя отъ самаго дома до храма, отдавали послѣднюю честь Крымскому Герою. Генералы окружали гробницу, и обрегали еще за предѣлами смерти своего предводителя. Пушки возвѣщали окрестностямъ города, что побѣдоносный вождь россійскихъ силъ совершилъ свое житейское поприще, что нѣтъ уже Долгорукаго Крымскаго на Свѣтѣ. По окончаніи духовнаго обряда, тѣло отвезено въ Полуёхтово, собственную княжую деревню, не далеко отъ Москвы, въ которой онъ самъ за годъ предъ симъ 30 генваря, отслушавъ обѣдню, назначилъ мѣсто своей могилы. Увы! — Потерявъ его, я глядѣлъ уже на всѣхъ лицъ въ его семействѣ какъ на постороннихъ. Никогда не забуду милостей ихъ ко мнѣ, до послѣдняго издыханія сохраню уваженіе и возблаговѣю предъ послѣднимъ изъ членовъ его семейства, но ни кто въ немъ уже не воставитъ для меня того, — кого я лишился.

Все, что мы въ нѣжныхъ возрастахъ жизни ощущаемъ, дѣлаетъ сильное впечатлѣніе въ сердцѣ. Самыя обыкновенныя случаи становятся или бѣдою или счастіемъ; нѣтъ мѣръ ни восторгамъ радости, ни унынію печали, такъ и тогда дѣйствовала на меня смерть князя Вас. Михай: Опыты научили меня уже нынѣ ставить подобныя потери въ ряду съ естественными и весьма обыкновенными происшествіями. Я увѣренъ что въ жизни моей встрѣтятся со мной огорченіи сильнѣе етаго, но по мѣрѣ какъ мы ростемъ, разсудокъ нашъ принимаетъ большую силу надъ сердцемъ, душа страждетъ подъ бременемъ напасти, но разумъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ оплоты чувствамъ, удерживаетъ ихъ порывъ и, такъ сказать, рядомъ съ бѣдою, которая жметъ душу, сила разсудка подкрѣпляетъ ее, и противоборствуетъ унынію, подобно какъ зданье, получая отъ куда либо потрясеніе, удерживается въ цѣлости своей столпами, кои служатъ ему подпорой. Но въ молодости незрѣлой, когда опытовъ еще нѣтъ, а разсудокъ не развернулся, чувство самое слабое преобладаетъ одно надъ душою, ничто ему не препятствуетъ, ничто его не отражаетъ, и юноша падаетъ совершенно, точно такъ какъ бы получа самой разительной ударъ. Вся масса его чувствъ захвачена вдругъ и онъ ни въ разумѣ собственномъ, ни въ предмѣтахъ внѣшнихъ, не умѣетъ найтить себѣ отрады. — Такъ обыкновенно маловажныя печали превращаются въ напасти, когда мы въ 18 лѣтъ, принуждены встрѣчать перьвыя опыты раздражающія наше мяхкое сердце.

По смерти князя весь штатъ его отправленъ, для росписанія по полкамъ, въ военную Коллегію, и мнѣ надо было туда явиться. Батюшка писалъ, чтобъ меня отправили въ Петербургъ, и присланъ былъ за мной адьютантъ дяди моего барона Строгонова [1]) Г. Рябовъ [2]). Новая печаль водворилась въ мою душу, новую скорбь моральную почувствовало мое сердце. Надобно было разставатся съ родиной, покинуть родительской домъ, разорвать свычку съ родными, съ одинокровными, ѣхать въ новой міръ, жить съ новыми людьми. Много я любилъ Отца своего и желалъ съ нимъ быть вмѣстѣ, — но онъ не могъ вмѣщать въ себѣ одинъ всѣхъ отношеній моего возраста. Петербургъ казался мнѣ иностранной землею; никого я тамъ не зналъ, ни о комъ не слыхалъ, любопытство тянуло меня туда, — ето правда, но разлука съ матушкой; съ сестрами, съ домашними меня крушила. Полно, думалъ я, слушать вечерни и заутрени, полно также и московскія забавы дѣлить съ сверстниками, а тамъ найду ли ихъ? Богъ знаетъ? — Молодой человѣкъ не умѣетъ еще терятся въ пространствахъ будущаго времени. — Онъ любитъ настоящее и гонится за бабочками около себя. — Но приговоръ отъѣзда былъ рѣшителенъ, и слезы мои отвести его не могли, — я плакалъ, — а меня сажали въ повозку, и Матушка не имѣла силъ со мной проститься.

Отслушавъ въ послѣдній разъ въ семействѣ своемъ вербную всеношную, я въ туже ночь, т. е. на 19 число марта, отправленъ въ Петербургъ. Распутица уже начиналась, дороги портились; Рябовъ не могъ спѣшить, и такъ какъ я въ перьвой разъ предпринималъ дорогу, да и зимой еще, то мы не всякую ночь ѣхали; роздыхи наши были продолжительны. Города на пути лежащія привлекли мое вниманіе; я думалъ, что кромѣ Москвы, нѣтъ нигдѣ подобныхъ улицъ, ни домовъ, ни зданій. Тверь, Новгородъ показали мнѣ что и кромѣ Москвы много вездѣ есть хорошаго. Смотря на развалины Новгорода, я не умѣлъ еще философствовать, и, воспоминая вѣкъ его свободы, кружился въ химерахъ воображенія. Вѣчевой колоколъ, Рюрикъ, и старыя наши россійскіи событіи не входили мнѣ въ голову. Наконецъ, въ великой четвертокъ 24 марта, привезенъ я въ Петербургъ, и кинувшись въ обьятіи моего Отца, мысленно облобызалъ съ нимъ вмѣстѣ всю свою Московскую семью, и отдохнулъ съ пріятностью отъ тревогъ сердечныхъ, отъ дорожныхъ безпокойствъ. Батюшка нанималъ цѣлой домъ, и въ немъ приготовлено было для меня нѣсколько комнатъ, въ которыхъ я расположился очень покойно.

Петербургъ очаровалъ мою голову, но не плѣнилъ моего сердца. — На другой день моего пріѣзда я на все смотрѣлъ съ изумленіемъ, но все жалѣлъ о Москвѣ. Съ великой пятницей соединился въ етотъ годъ праздникъ Благовѣщенія. Всѣ полки гвардіи имѣли свои собственныя праздники. Конной гвардіи принадлежалъ благовѣщеньевъ день, и у двора бывалъ съѣздъ. – Батюшка повезъ меня съ собой во дворецъ. — Тутъ у меня глаза разбрелись такъ, что я не могъ сладить съ моими мыслями. Все мнѣ было въ диковинку, все казалось безподобно. — Батюшка представилъ меня моимъ роднымъ Петербургскимъ, и знатнымъ тамошнимъ господамъ. — Всѣ на меня глядѣли, какъ на мальчишку, и

[1]) Александръ Николаевичъ, дѣйств. ст. сов., † 1789 г. 2-й сынъ бар. Ник. Гр. Строгановъ женатъ былъ на Е. А. Загряжской.
[2]) Михаилъ Прокопьевичъ. (См. Капище).

мнѣ досадно было, для чего также не дивятся мнѣ, какъ и я всему? — Въ тоже время выпущено было множество молодыхъ людей изъ кадетскаго корпуса, и меня принимали за кадета. Между молодежью я былъ неловокъ, дикъ, застѣнчивъ, и мало получилъ успѣха въ большомъ свѣтѣ. Скромность уже переставала становится добродѣтелью въ молодомъ человѣкѣ, и хотя не почитали наглость за достоинство, однако такой робкой мальчикъ, какъ я, болѣе похожъ былъ на красную дѣвушку, нежели на существо другаго пола.

Батюшка, желая мнѣ доставить всякое удовольствіе, тотчасъ снабдить меня изволилъ модною гардеробой. — Появились на мнѣ фраки, шитыя славнымъ тогдашнимъ портнымъ Венкеромъ; купили мнѣ лорнетъ, ибо онъ былъ отличительнымъ знакомъ лучшаго тона; — дали мнѣ карету, кошелекъ съ деньгами, и начали меня брить. — Позволено нюхать табакъ. Мало по малу, сдѣлался я весьма довольнымъ своимъ положеніемъ; но при всѣхъ етихъ преимуществахъ надзоръ Отца моего за мною былъ очень строгъ. Никуда, не спросясь у него, я не смѣлъ отлучится. Большую часть дня просиживалъ съ нимъ, и онъ образовалъ своими поученіями мой разумъ, мое сердце. Частыя мои выѣзды бывали въ родственныя домы: то къ дяди барону Александръ Николаевичу [1]), то къ двумъ роднымъ теткамъ, вдовствующимъ супругамъ другихъ братьевъ моей матери [2]). — Всякой праздникъ я обязанъ былъ являтся къ родной своей бабкѣ, баронессѣ Марьѣ Артемьевнѣ Строгоновой [3]). Во всѣхъ етихъ домахъ я ознакомливался съ лучшими людьми въ городѣ. Дома писывалъ письма къ своимъ роднымъ, въ подробности увѣдомлялъ Матушку и сестеръ о всемъ, что я видилъ, слышалъ, и что со мной происходило. На такомъ основаніи, текла моя жизнь въ Петербургѣ, и я очень скоро привыкъ къ ея единообразности.

Перьвой случай, которой подѣйствовалъ на всѣ мои чувства, былъ день Свѣтлаго Христова воскресенья, и образъ его отправленія въ Петербургѣ. — Привыкнувши дома въ Москвѣ распоряжать крестнымъ ходомъ, устанавливать людей съ образами, суетиться, и въ церкви, и въ комнатахъ, и на дворѣ, со всѣми свободно христосовается, и наконецъ катать яйца, для отдохновенія отъ нѣсколькихъ десятковъ визитъ, кои собьютъ съ ногъ всю нашу конюшню, я на превращенье сцены здѣсь глядѣлъ какъ на чудо, и отъ всѣхъ предмѣтовъ меня окружающихъ былъ внѣ себя. — Великолѣпіе дворца и праздничной церемоніи; — пушечный сигналъ въ полночь, и вмѣстѣ съ нимъ, скачка всѣхъ живущихъ въ городѣ къ придворной заутрени; — лучезарное освященіе храма; – толпы разныхъ мундировъ и лицъ всякаго народа; — богатство придворныхъ вельможъ и золотыя ихъ платья; — величественный входъ Самодержицы, и гулъ раздающійся во всѣхъ концахъ пространныхъ ея чертоговъ; — все ето вмѣстѣ составляло для меня очаровательнѣйшую картину, земнаго рая. — Но все ето зрѣлище ничего не значило въ сравненіи съ тою минутой,

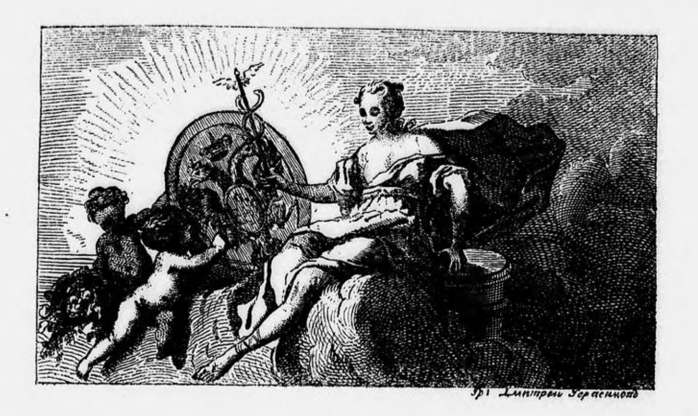
[1]) См. стр. 44, прим. 1.
[2]) Бар. Григорій Николаевичъ, тайн. сов. (старшій братъ) (1731 — 1777), былъ женатъ на кн. Алекс. Борис. Голицыной. Бар. Сергѣй Николаевичъ, бригадиръ, (3-й братъ) (1731 — 1777), былъ женатъ въ 1-й разъ на П. Т. Будаковой, и 2-й разъ, на кн. Елис. Мих. Бѣлосельской. Авторъ говоритъ здѣсь о послѣдней.
[3]) Вдова бар. Александра Григорьевича Строганова (дядя матери автора записокъ) рожденная Загряжская, по 1-му браку Исленьева.

въ которую я по принятому при дворѣ обряду, удостоился въ слѣдъ за многими сотнями людей старѣе меня и чиновнѣе, приближится къ Монаршему мѣсту, и поцаловать Екатерину руку; ту руку которая правила цѣлымъ Государствомъ, и держала безъ помощи сторонней одна бразды всего правленія. Восторгъ мой въ ету минуту былъ неописанъ. Я не принадлежалъ ни къ какому сборищу. Всякой полкъ подходилъ съ своими чинами самъ по себѣ, а я въ толпѣ разнородныхъ лицъ и племенъ смѣшанъ съ козаками, гусарами, и заѣжжими судьями, я въ своемъ полевомъ мундирѣ, составляющій какую то мѣлкую единицу въ цѣломъ, безъ начальника и предводителя, шолъ въ ниткѣ съ другими и съ трепетомъ прикоснулся къ десницѣ Екатерининой. — О! еслибъ всѣ съ такимъ благоговѣніемъ внутреннимъ взирали на тронъ, съ какимъ я робкія возводилъ взоры на милосердое чело Императрицы, какъ бы счастливы были и Цари и подданныя! — Но что для меня было въ диковинку, то для многихъ уже было слишкомъ обыкновенно. — У двора въ етотъ день заутреня отправляется безъ расходу съ обѣдней. Послѣ обѣдни всѣ разъѣжжаются домой спать, и мы съ батюшкой сдѣлали тоже. Надъ Невой уже восходило яркое свѣтило дня, но мнѣ не до прелестей было природы; я утомленъ былъ чрезвычайно, и какъ пріѣхалъ, такъ и уснулъ. Нѣкогда было даже потужить и о Москвѣ, сонъ отнялъ у меня всѣ чувства и помышленіи.

Отдохнувши порядочно, мы съ батюшкой обѣдали у дяди, и послѣ обѣда опять собрались во дворецъ. Тамъ отправляется обыкновенно вечерня публично и съ большимъ великолѣпіемъ. Дворъ въ томъ же нарядѣ какъ и у обѣдни. Всѣ дамы съѣжжаются поздравлять Государыню. Послѣ вечерни и въ церквѣ подходятъ къ рукѣ, а во внутреннихъ покояхъ всѣ иностранныя министры Государыню привѣтствуютъ и допущаются также къ рукѣ. — Тутъ я увидѣлъ всѣ красоты Петрополя, въ пышныхъ нарядахъ, тьму прелестей коими обогащается сія столица о которой можно сказать языкомъ Сумарокова.

И небо осудя ее на жертву хладу,
Рождаетъ красоту на мѣсто винограду.

Тутъ замѣтилъ я соборъ дипломатовъ со всего свѣта приносящихъ въ дань Екатеринѣ восторгъ и изумленіе всѣхъ владыкъ вселенной. — Тутъ я учился познавать что престолъ россійской, когда мудрый Царь сидитъ на немъ, есть тронъ перьваго владыки въ свѣтѣ. Какая сановитость плѣнительная въ Императрицѣ! — Какой блескъ во всей ея прислугѣ! — Какое трепетное уваженіе къ Священной ея особѣ и сколько хамелеоновъ въ етомъ величайшемъ замкѣ, которой называется дворцемъ. Довольно видѣть двѣ, три церемоніи чтобъ отгадывать что такое дворъ, и люди у двора. — Во вторникъ на Святой Недѣли бываетъ огромной балъ при дворѣ, и батюшка мнѣ его показалъ. Я ходилъ только изъ стороны въ сторону въ пространной залѣ наполненной дворянствомъ, но танцовать не могъ. Одни гвардіи офицеры сей честью пользуются, но много видѣлъ, много замѣтилъ, и Святая Недѣля въ настоящемъ годѣ была большимъ шагомъ для меня въ просвѣщеніи и значительнымъ урокомъ въ наукѣ жить съ людьми.



Между тѣмъ представился мнѣ благопріятной случай вступить въ гвардію [1]). Братъ мой двоюродной графъ Скавронской [2]) помолвленъ и женится на фрейлинѣ Енгелгардовой [3]) Катеринѣ Васильевнѣ, племянницѣ и любовницѣ князя Потемкина, которой былъ при Екатеринѣ то, что Меньшиковъ при Петрѣ Великомъ, Биронъ при Аннѣ, Шуваловъ при Елисаветѣ, т. е. перьвой фаворитъ и сильной вельможа въ Россіи. Племянница его несла въ приданое за собою жениху милости дяди, и прекраснѣйшія черты лица, а братъ мой дарилъ ей съ именемъ своимъ богатое состояніе. Изъ етого союза для меня произошла польза та, что графъ Скавронской просилъ Потемкина о помѣщеніи меня въ гвардію, и князь на перьвыхъ порахъ, желая приласкать графа, какъ будущаго свойственника, не отказалъ ему въ прозьбѣ. По ходатайству князя Василья Васильевича Долгорукаго [4]), котораго Потемкинъ

---

[1]) Изъ 1-й части записокъ князя видно, что отецъ его не записалъ въ дѣтствѣ въ гвардію, какъ это было принято дѣлать тогда, и по выходѣ изъ университета Ив. Мих. долженъ былъ или служить низшимъ чиномъ въ гвардіи, или поступить въ армію, что онъ и избралъ. Благодаря случаю, ему удалось все-таки попасть въ гвардейскій полкъ.

[2]) Павелъ Мартыновичъ (1757 — 1793), сынъ М. К. Скавронскаго и его жены, Маріи Николаевны (урожденной бар. Строгановой), родной сестры матери автора записокъ. Онъ приходился внукомъ имп. Екатеринѣ I и занималъ постъ посланника въ Неаполѣ. Извѣстный любитель итальянской музыки.

[3]) Энгельгардтъ (1761 — 1829), знаменитая красавица, племянница и фаворитка Потемкина, статсъ-дама, гофмейстерина. Послѣ смерти Скавронскаго, вышла замужъ за гр. Литта.

[4]) Ген.-пор., потомъ д. т. с. (1752 — 1812). Женатъ на кн. Е. Ф. Барятинской. Участникъ штурма Очакова. Уволенъ отъ службы при имп. Павлѣ I.

любилъ за то, что онъ угождалъ его капризамъ, весь штатъ покойнаго отца его во уваженіе заслугъ князя Долгорукаго Крымскаго, пережаловать велѣно въ чины; въ томъ числѣ слѣдовало и мнѣ получить капитанской чинъ. Указъ о семъ общемъ повышеніи выпущенъ 21 апрѣля, въ день рожденья Государыни, которой она всегда любила ознаменовывать подобными щедротами. — Не было дотоле примѣра, чтобъ жаловали чей нибудь штатъ по смерти генерала. Поповъ тогда взятъ въ правители канцеляріи къ Потемкину, и полетѣлъ въ чины, а я по представительству Скавронскаго пожалованъ изъ секретарей въ прапорщики въ гвардію, и написанъ въ Семеновской полкъ, въ которомъ служилъ примеръ маіоромъ, князь Василій Васильевичь, слѣдовательно изъ подъ начальства отца, поступилъ я въ команду къ сыну; но смѣнить ни въ какомъ отношеніи противъ себя ихъ двухъ не могу. — Симъ переворотомъ я поравнялся со всѣми моими сверстниками въ большомъ свѣтѣ, а Петербургъ сдѣлался моимъ жилищемъ. Приказъ обо мнѣ отданъ въ полкъ 4 мая. — Написанъ я въ 7-ю роту, и тотчасъ вступилъ въ дѣйствительную фрунтовую службу, которая меня ознакомила со многими молодыми людьми. — Мундиръ гвардейской отворилъ мнѣ двери во всѣ лучшія домы. Переводъ мой въ гвардію обрадовалъ очень Батюшку, потому что я попалъ на порядочную дорогу. Матушка также чрезвычайно етому обрадовалась, а обо мнѣ и говорить нѣчего. Мундиръ съ галунами, шарфъ черезъ плечо, и знакъ на голубой лентѣ, были такія для меня обновы, что никакія дѣтскія игрушки съ ними соперничество выдержать не могли. Вотъ наконецъ во что переродился великолѣпный полковничій патентъ Короля Польскаго [1]).

Батюшка обмундировавъ меня что называется съ ногъ до головы, повезъ меня въ Сарское Село, увеселительной замокъ россійскихъ Государей, въ которомъ Императрица всякое лѣто изволила жить въ простотѣ сельской, и соединяла съ заботами своего званія ученыя свои упражненіи. Тамъ живали при ней только самыя ближнія ея царедворцы, разумѣется и Потемкинъ. Онъ нигдѣ безъ крайней нужды отъ нее не отлучался. Скавронской какъ женихъ былъ на безсмѣнномъ дежурствѣ по чину каммеръ юнкера, и мы съ Батюшкой поблагодаря его были имъ представлены князю, а потомъ невѣстѣ его, и передъ ними какъ передъ Святыми Иконами земного Бога, клали униженныя поклоны за исходатайственную мнѣ милость. Внуки Императрицы Великія Князья Александръ и Константинъ часто гуляли по саду, и я нечаянно встрѣтясь съ ними представился. Садовая ета аудіенція не сопровождалась никакимъ обрядомъ. Мальчикъ встрѣтилъ дѣтей; перьвый вытя-

[1]) Вотъ что говорится объ этомъ патентѣ въ 1-й части записокъ: „Дядя мой родной, онъ же и крестный отецъ, бар. Ал. Ник. Стр.(огановъ), стоялъ съ полкомъ кирасирскимъ, которымъ онъ командовалъ — въ Польшѣ; при выходѣ оттуда вздумалось ему потѣшить мать мою. Для сего онъ выпросилъ у тогдашняго короля Станислава (1775 г.) патентъ мнѣ на чинъ полковничій. Съ сими бумагами присланъ къ намъ отъ него 14 января полковой адъютантъ. Съ какимъ восторгомъ встрѣченъ гонецъ въ нашемъ домѣ! „Ивашенька полковникъ! какая радость!..“ Это событіе даже породило въ головѣ стараго князя проэктъ воспитать сына за границей, съ тѣмъ, чтобы онъ поступилъ потомъ въ военную службу въ Польшѣ, согласно своему чину. Проэктъ этотъ, впрочемъ, вскорѣ былъ окончательно оставленъ. Не поэтому ли кн. Ив. М. и не былъ, противъ обычая, своевременно записанъ въ гвардію?



Княгиня Евгенія Сергѣевна Долгорукова, (рожденная дѣвица Смирная) 1-я супруга кн. И. М. Долгорукова. Съ оригинала работы Вуаля. Собств. Н. И. Тютчева.

нулся, — послѣднія протянули ручонки и все тѣмъ кончилось. Но для меня всякой подобной случай казался произшествіемъ чрезвычайнымъ. Пришедши къ себѣ я его записывалъ въ книжку. — Отправля обычныя идолопоклонничества въ Сарскомъ Селѣ оставалось намъ ждать того дня, въ которой приказано будетъ представится благодарить Государыню, ибо въ Сарскомъ Селѣ ето было не въ обрядѣ. — И Цари любятъ играть комедію; внѣ города они хотятъ увѣрить будто они по нашему въ деревнѣ, и будто они тамъ уже не владыки, а просто философы уединенія.

Начальниками моими въ полку были слѣдующія особы: сама Государыня именовалась полковникомъ всей гвардіи; она и мундиръ гвардейской въ полковыя праздники нашивала т. е. женское платье, зеленаго цвѣта, съ золотымъ галуномъ по борту, и мѣдными пуговицами. — Подполковники въ Семеновскомъ были: генералъ-аншефъ Вадковской [1]) и генералъ-аншефъ Брюсъ [2]), примеръ-маіорами: Кашкинъ [3]), который только числился по спискахъ, а тогда управлялъ Сибирью, князь Долгорукой [4]), о которомъ я сказалъ выше, но и сей болѣе служилъ въ арміи, какъ генералъ-маіоръ, нежели при полку и Левашовъ [5]). Этотъ правилъ полкомъ находясь (не) при немъ, а болѣе при дворѣ, гдѣ онъ былъ и флигель-адъютантомъ. — Секундъ-маіора не было. Капитанъ 7-й роты и непосредственной мой начальникъ г. Марсочниковъ. — Всей гвардіи было четыре полка: Преображенской, Семеновской, (которой я буду впередъ называть нашимъ), Измайловской и Конной Преображенской составленъ былъ изъ 4-хъ а прочія два изъ 3-хъ баталіоновъ, впрочемъ во всѣхъ въ нихъ былъ одинъ штатъ, одинъ окладъ, одинъ родъ службы. Преимущества у всѣхъ были общія. Каждый офицеръ гвардіи ровнялся съ штабъ офицеромъ армейскимъ; онъ имѣлъ право ѣздить четверней, во дворцѣ ходить за ундеръ офицерской постъ въ большую залу собранія, на балахъ придворныхъ могъ танцовать, и выходя въ армію, изъ самыхъ младшихъ чиновъ получалъ примеръ-маіорской. Патенты ему подписывала сама Императрица. — Обязанности службы обычайныя состояли въ томъ, чтобъ ходить на караулъ въ одни только Императорскія Домы, и держать дежурство при полку. — Прочее время все оставалось намъ на наше удовольствіе и забавы.

Замѣтить здѣсь пріятно, что тотъ же самый Водковской, который нынѣ былъ подполковникомъ, и моимъ начальникомъ, служилъ въ томъ же полку капитаномъ, когда Отецъ мой въ немъ былъ сержантомъ, и

---

[1]) Вадковскій, Өедоръ Ивановичъ (1712 — 1783) ген.-аншефъ, сенаторъ, съ 1762 — 1783 — полковникъ л.-гв. Измайловскаго полка (см. „Капище“).

[2]) Графъ Брюсъ, Яковъ Александровичъ (1732 — 1791), ген.-аншефъ, главнокоманд. и ген.-губерн. Петербурга, съ 1767 — 1791 — подполковникъ Семеновск. полка. („см. Капище“).

[3]) Кашкинъ, Евгеній Петровичъ (1737 — 1796) ген.-аншефъ, съ 1770 — 1796 — премьеръ-маіоръ Семеновскаго полка.

[4]) Въ одно время съ кн. И. М., въ Семеновскомъ полку служили слѣдующіе князья Долгоруковы: Василій Васильевичъ, секундъ-маіоръ съ 1775 г., Сергѣй Николаевичъ, капитанъ-поручикъ и Александръ Яковлевичъ, капитанъ-поручикъ (однофамилецъ), убитый во время шведской войны въ 1788 г.

[5]) Левашевъ, Василій Ивановичъ (1740 — 1804), флигель-адъютантъ, премьеръ-маіоръ, впослѣдствіи — оберъ-егермейстеръ, генералъ-отъ-инфантеріи и командиръ Семеновскаго полка съ 1796 — 99 г.г. (см. „Капище“).

слѣдовательно, мы съ Батюшкой служили въ разное время но подъ однимъ и тѣмъ же командиромъ.

Перьвыя почести моей новой службы состояли въ вѣстовомъ. Солдатъ, который ежедневно въ 7 часовъ утра являлся ко мнѣ топнуть ногой, подать рапортичку о числѣ людей въ ротѣ (до котораго мнѣ впрочемъ никакого дѣла не было) и спросить, что прикажете ваше благородіе. — Поди домой. Вотъ весь приказъ мой бывало. Солдатъ опять топнетъ ногой, и пойдетъ къ женѣ продавать выработанныя ею султаны. Они всѣ етимъ промышляли. — По субботамъ, какъ младшій офицеръ, я ѣздилъ въ ротный дворъ читать солдатамъ артикулъ, которой они мало слушали, худо понимали, и хуже того исполняли, а я все ето называлъ трудами моего званія. Раскажу для смѣха забавную мою на сей счетъ проказу: множество дворянъ служило въ полкахъ гвардіи въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, и всѣ наличныя обязаны были ходить къ слушанію артикула. — Однажды по перекличкѣ моей не явился молоденькій мальчикъ изъ дворянъ. Артикулъ читаютъ, — его нѣтъ. Оканчивается чтенье, и онъ въ двери. — Я, какъ начальникъ принялъ грозный видъ и размышлялъ минутъ пять, чѣмъ бы его наказать за такое пренебреженіе къ должности? А не наказать нельзя, дабы не пострадала отъ того дисциплина. — Дворянъ бить нельзя! — Чтожъ дѣлать? — Мнѣ пришло въ голову наказать его стыдомъ. — Я велѣлъ положить его на столъ, и всѣмъ солдатамъ, прощаться съ нимъ, какъ съ усопшимъ. Комедію ету въ мигъ сыграли; офицеръ приказалъ: — какъ солдату не слушаться? — Мальчика человѣкъ сто разцѣловали; онъ чуть не задохся, и едва не сдѣлался въ правду усопшимъ. — Проказа моя разнеслась по всему полку, и вмѣсто рукоплесканій коихъ я ожидалъ за мой благоразумный вымыселъ, подполковникъ публично назвалъ меня шалуномъ, а капитану моему досталось за мои славныя подвиги. Разумѣется, что я не имѣлъ уже охоты повторять тѣхъ же опытовъ моей дисциплины.

14 мая, нарядили меня въ первый разъ на караулъ въ Зимній Дворецъ. Безъ Государыни обыкновенно туда ходили съ ротой, неполной, три офицера. — Старшій всегда бывалъ капитанъ-поручикъ. — На завтра 15 число приходился Троицынъ день — праздникъ Измайловскаго полку для котораго Государыня изволила пріѣхать въ городъ, и остановилась въ Лѣтнемъ Дворцѣ, куда наряжена на караулъ, съ нашего полку полная рота со всѣми офицерами и взводъ гренадеръ. Въ мѣстахъ присутствія Государыни, караулъ мѣняется каждыя сутки, и всякой полкъ содержалъ его три дни сряду, кромѣ Преображенскаго, которой имѣя предъ прочими баталіонъ одинъ лишній, на четыре дни выходилъ въ караулъ. Съ тѣхъ дворцовъ гдѣ не было Государыни, караулъ не смѣнялся по три дни сряду, и такъ я долженъ былъ трои сутки прожить въ Зимнемъ Дворцѣ, тогда, какъ весь городъ сосредоточивался около Лѣтняго Дворца, и тамъ происходили всѣ забавы молодаго человѣка. — Въ первый еще разъ почувствовалъ я неудовольствіе службы. Принужденность ея меня раздражила; но поелику обязанъ я былъ какъ новой офицеръ представится Государынѣ, и благодарить за чинъ, то меня на одно утро Троицына дня спустили съ караула, и я явился въ Лѣтній Дворецъ, гдѣ послѣ обѣдни представленъ былъ Государынѣ по обряду оберъ-каммеръ-геромъ, сталъ на одно колѣно, и поцѣловалъ у нее руку. Потомъ поворотили меня опять въ Зимній Дворецъ, гдѣ я

и проскучалъ трои сутки, узнавъ изъ етаго перьваго опыта, что служба гвардейская, хотя и не мудрена, однако налагаетъ иногда очень скучныя обязанности. — Садъ дворцовой наполненъ былъ цѣлый день народу и гулякъ, а я самъ третей съ незнакомыми людьми, сидя въ четырехъ стѣнахъ, ходилъ по придворнымъ заламъ и коридорамъ. — Но по новости моей признаюсь, что ето меня довольно занимало. По ночамъ спалъ я одѣтой во всѣ тяжкія мои наряды; по утрамъ принашивали намъ придворный чай и кофе, въ прегадкой, однако въ серебренной посудѣ. — Столъ дворцовой накрывался для насъ два раза въ день и всегда на серебрѣ. Блюдъ ставили много, но ничего въ ротъ взять было нельзя со вкусомъ. Меду днемъ пили сколько хотѣли; но вечеромъ опять принашивали чай и кофе. Свѣчь отпускали пропасть, какъ для караульни, такъ и для освѣщенія всѣхъ нашихъ постовъ. Во всякое время дня прохаживаться мы могли противъ Зимняго Дворца, по всей его набережной на Невѣ. Ужъ и ето было для меня большое удовольствіе; иногда кого нибудь встрѣтишь, — иногда услышишь отголоски чьей нибудь серенады на Невѣ.

Нарочно какъ будто для того чтобъ я не завидовалъ своимъ товарищамъ, сдѣлался въ самой Троицынъ день сильной пожаръ на Гостиномъ дворѣ. Цѣлой день горѣли ряды начавъ съ полдня. — Всѣ войска и гвардія туда сбѣжались. Сама Царица изволила быть на пожарѣ, и отъ етой сумятицы мало было увеселенія въ городѣ [1]). Отстоявъ первой свой трехъ суточныи караулъ, и ознакомился съ должностію и съ однополчанами, выучился своему дѣлу и сдѣлался настоящій офицеръ.

Насъ двое новичковъ было вдругъ въ одномъ караулѣ, я и князь Голицынъ [2]). Но етотъ еще былъ у насъ въ полку сержантомъ. — Какъ я надъ нимъ величался! — Какъ мнѣ весело было показывать ему свою власть и могущество. Мать его и мой Батюшка пріѣзжали каждый день насъ навѣщать въ караульню, и я думалъ что никто въ Отечествѣ такъ ревностно не трудился въ ети трои сутки, — какъ я.

Наступилъ Петровъ день. Императрица всегда праздновала день имянинъ сына своего и Наслѣдника Престола въ Петергофѣ [3]). Тамъ бывалъ славной маскарадъ и весь Петрополь пѣшкомъ, верьхомъ, въ каретахъ туда переносился; и меня батюшка возилъ съ собою. Я говорю возилъ чтобъ показать что на каждомъ новомъ шагу моемъ въ публику, руководствованъ я былъ Отцемъ моимъ. — Какое очаровательное представилось глазамъ моимъ зрѣлище! Съ роду не видавши другой рѣки кромѣ Неглинной и Москвы, я очутился на берегахъ моря; бездна водъ приводила въ изумленье. — Фонтаны меня зарадовали; стеченіе народу подобное облаку насѣкомыхъ въ воздухѣ, болѣе всего дѣйствовало на мое вообра-

[1]) Пожаръ 16 мая 1782 г. произошелъ на бойнѣ, около большого рынка въ 1 часъ дня. Всѣ деревянныя лавки сгорѣли. Убытки дошли до 200.000 рублей. Въ тушеніи пожара принимали участіе гвардейскіе полки во главѣ съ Репнинымъ, Потемкинымъ и Орловымъ. Сама императрица смотрѣла на это зрѣлище съ Садовой улицы, отъ дома Воронцова (Пажескій корпусъ).

[2]) Вѣроятно, Алексѣй, отличившійся потомъ офицеромъ, въ шведскую войну.

[3]) Петровъ день, какъ основателя Петербурга, память котораго такъ чтила имп. Екатерина II, праздновался всегда въ Петергофѣ съ особой торжественностью, и сопровождался обыкновенно многими наградами и подарками ближайшимъ ко двору лицамъ. Праздникъ и иллюминаціи стоили по нѣскольку десятковъ тысячъ рублей.

женье. Я всегда любилъ сходбища народныя преимущественно всему другому, и самымъ красотамъ природы. Натура прекрасна, — но она молчитъ. Съ людьми я говорю и они меня разумѣютъ. Въ тогдашнія счастливыя годы моей жизни, я еще не зналъ что они огрызутъ другъ друга. Отношеніи мои къ нимъ такъ еще были мѣлки, что не могъ испытать ядовитаго жала человѣческаго. — Описаніе Петергофа не входитъ въ планъ моего сочиненія; скажу только; что я отъ всего того что мнѣ въ немъ бросилось въ глаза отъ придворнаго великолѣпія, толпы и народа, звуковъ разныхъ музыкъ, тьмачисленныхъ огней въ садахъ и на водѣ, отъ яхтъ колеблемыхъ морскими волнами, отъ Самсона мещущаго брызги свои выше всѣхъ крышекъ придворныхъ зданій, словомъ отъ всей пышности и суеты возвратился въ Петербургъ, какъ изъ волшебнаго замка внѣ себя, и не могъ вмѣстить своихъ восторговъ.

Чтобъ сравнять Петербургъ со всѣми Европейскими городами, не доставало въ немъ однако украшенія, почти общаго въ Европейскихъ столицахъ. Набережныя его изъ гранита по всей Невѣ, прекраснѣйшія каналы, разсѣкающія городъ на нѣсколько островов, мраморныя зданіи Исакіевской церкви [1]) и дворца; протянутыя подъ одну крышу цѣлыя ряды каменныхъ домовъ. Царскія дворцы, славная решетка Лѣтняго сада на которую Англичане даже пріѣжжали любоваться; широкія и прямыя улицы, обширныя площади, всѣ сіи преимущества столичныхъ городовъ, ставили Петербургъ почти выше всякаго сравненія съ какимъ либо другимъ городомъ Европы. — Чегожъ не доставало? — Монумента. — Екатерина разсудила прославить всѣмъ предшественника своего и создателя сей столицы Петра Великаго. Она повелѣла воздвигнуть ему памятникъ вѣковѣчной. Лесть придворная шепнула ей дабы она приняла монументъ въ даръ самой себѣ отъ народа. Мудрая жена отвергла льстивое предположеніе бояръ, рекла: — не мнѣ, — а Петру — его поставимъ. Рекла и совершила обѣтъ свой. Изъ горъ кремнистыхъ въ сосѣдствѣ Петербурга, вывезенъ ужасной величины гранитъ и обработанъ. О немъ сказалъ въ стихахъ Рубанъ [3]) все что можетъ только выразить величественную идею, сего приношенія. — Кто ихъ не читывалъ съ восхищеніемъ?

На етой то природной скалѣ, поставленной на Исакіевской площади противъ Невы, верфи и Сената, воздвигнутъ бронзовой истуканъ Петра Великаго, въ естественную величину. Онъ изображенъ на конѣ въ ту минуту, когда предолѣвъ всѣ труды взлетѣлъ на каменную гору, и открывъ

[1]) Исаакіевскій соборъ въ томъ видѣ, какъ его видѣлъ авторъ записки, былъ еще недостроенъ. На мѣстѣ построенной Петромъ I церкви, 2 раза сгорѣвшей, имп. Екатерина начала постройку большого собора по проекту архит. Ринальдини, почти цѣликомъ изъ мрамора. За смертью императрицы церковь осталась недостроена, а впослѣдствіи, при имп. Николаѣ I, капитально перестроена по проэкту архит. Монферана.

[2]) Перевозка камня для памятника Петру I, называвшагося камень „Громъ", была чрезвычайно затруднительна и потребовала изобрѣтенія особаго способа, придуманнаго нѣкіимъ Карбури де-Цефалоници, издавшимъ въ Парижѣ въ 1777 г., спеціальную книгу съ описаніемъ этого способа, украшенную чертежами. Перевозка эта изображена на 3-хъ рѣдкихъ гравюрахъ того времени. При открытіи самаго памятника, исполненнаго знаменитымъ скульпторомъ Фальконетомъ, происходили большія торжества. Торжество самаго открытія изображено на рѣдчайшей современной гравюрѣ Мельникова, по рисунку съ натуры Давыдова.

[3]) Стихотв. это помѣщено въ „Новыхъ Ежемѣсяч. Сочиненіяхъ", ч. LXXXVI, стр. 3.

мѣсто на коемъ построенъ Петербургъ, простираетъ руку на Неву и указываетъ на Адмиралтейство. Кумиръ сей украшающій городъ, болѣе всѣхъ его сокровищъ, долженъ былъ открыться въ настоящемъ годѣ. Монументъ поспѣлъ, но до времени огороженъ былъ ширмами. Государыня хотѣла придать сему случаю всю принадлежащую Петру I-му славу и пышность; Она для сего назначить изволила 7-го августа и сама распорядила церемонію. Еще до нынѣ не простылъ энтузіазмъ, которымъ тогда Екатерина умѣла воспламенить народъ свой. Дивясь и нынѣ лику Петра, — славятъ Екатерину.

Всѣ полки гвардіи и полевыя были наряжены въ строй. Фельдмаршалъ Голицынъ [1]), посѣдѣвшій во бранѣхъ, командовалъ всѣми войсками. Всѣ старики предводительствовали своими полками: Потемкинъ велъ Преображенской; Водковской шелъ предъ Семеновскимъ. Отъ самаго дворца во всѣ улицы раставлены были войска съ орудіями. Обѣ крѣпости ожидали сигнала. Гвардія окружала монументъ, и по всей площади тянулась шпалерами. На балконѣ Сената Императрица окружена была всѣми Государственными чинами, и рой придворныхъ журчалъ вокругъ Ее. Все съ трепетомъ ожидало ея соизволенія. — Свиснула ракета! — Огромныя стѣны заключавшія монументъ мгновенно пали. Явился изумленному взору своего народа Петръ I. Яркое чело кумира возсіяло солнечными лучамя. Сама природа улыбалась сѣверному полубогу. Съ етимъ мгновеніемъ во едино раздался во всемъ городѣ крикъ и оглашалась вся площадь магическимъ словомъ русскимъ: Ура! — Отголоски его разнесли звукъ свой во всѣ края Петрополя. Полки престрашными залпами привѣтствовали препрославленнаго Петра. Громъ пушекъ на судахъ, и по крѣпостямъ, неумолкно сотрясалъ твердь воздушную. — Воды Невскія быстро потекли къ морю, возвѣстить о славѣ своего побѣдителя. Флотъ воздвигъ широкой флагъ россійской; знамена покрывали землю, ставъ строемъ вокругъ статуи, и всѣ полки двинулись на поклоненіе Петру. — Минерва сѣверныхъ странъ, опершись на балконъ уклонилась передъ ликомъ знаменитаго своего Предка, и всѣ гражданскіе чины пали къ стопамъ его раболѣпно. — Не знаю можетъ ли быть что величественнѣе сей картины. Не смѣю и не могу изобразить ее.

Всѣмъ полкамъ велѣно было проходить повзводно около монумента, и салютовать Петру, потомъ, идучи мимо Сената, отдавать честь Екатеринѣ. Я шелъ передъ взводомъ съ капитаномъ Мятлевымъ. Шествіе полковъ продолжалось часа три. Церемонія происходила по полудни, а не прежде вечера кончилась. — Начто много говорить о безподобномъ семъ приношеніи Екатерины? — Надпись на камнѣ золотыми буквами въ простотѣ своей все выражаетъ — Петру I-му Екатерина II. — Все сказано въ немногихъ сихъ словахъ. — На сіе торжественное открытіе монумента, выбиты были медали и жетоны серебренныя. Офицеры, бывшія въ строю, получили каждой медаль, а рядовыя всѣхъ полковъ по жетону. — Такъ исполнилось великое намѣреніе патріотическаго духа премудрой Монархини, и какой россіянинъ, не покрывъ себя стыдомъ, забудетъ столь знаменитой подвигъ достойной сподвижницы Петровой.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ еще была огромная церемонія у двора, которой я также былъ свидѣтелемъ. Государыня изволила учредить

[1]) Князь А. М., генералъ-фельдмаршалъ. (1718 — 1783).

новой орденъ Святаго Князя Владиміра, и сочинила статутъ его. — 22 сентября, день въ которой праздновалась ея коронація, назначенъ былъ для обновленія сего ордена [1]). Всѣ Государственныя чины съѣхались ко двору. Послѣ литургіи и обычнаго молебна освящены знаки гражданскаго сего ордена, и Государыня изволила его возложить на себя. Въ тоже время учреждена кавалерская дума, изъ 12 членовъ. Самыя старшія и знатнѣйшія вельможи ее составили, и каждый изъ нихъ получилъ большую ленту Владимірскую со звѣздою черезъ плечо. Орденъ раздѣленъ на 4 степени, на звѣздахъ надпись: польза, честь и слава. — Государынѣ угодно было предназначить сей орденъ для чиновъ гражданскихъ, но по времени онъ сдѣлался общимъ, обратясь въ награду также за военныя заслуги. Дѣйствіе освященія сего ордена происходило въ Капитулѣ всѣхъ россійскихъ орденовъ, для котораго особой назначенъ былъ великолѣпный домъ подъ названіемъ канцлерскаго. Ничего не упущено для придачи сему церемоніалу всей важности возможной, а я только что восхищался какъ дитя всѣми етими пышными игрушками двора.

Зима въ большихъ городахъ есть минута общихъ увеселеній. Гдѣ же ихъ больше какъ не въ Петербургѣ? — Но я въ нихъ совсѣмъ не участвовалъ. Съ октября я занемогъ, и мѣсяца три высидѣлъ дома; у меня сдѣлался нарывъ подъ мышкой. — Лѣкарь артиллерійской, которой лѣчилъ батюшку добрый и опытный старичекъ по имени Клаверъ [2]), принялся за меня систематически; наслушавшись отъ батюшки, что я золотушенъ, онъ захотѣлъ меня вылечить совершенно и вмѣсто одного нарыва произвелъ мнѣ до четырехъ сряду, одинъ послѣ другаго. Всякой изъ нихъ надобно было прорѣзывать, и я по молодымъ лѣтамъ моимъ терпѣлъ несносную муку. Къ тому же запрещалось мнѣ выходить изъ комнаты и мѣнять воздухъ; пища моя состояла изъ одного молошнаго и растеній. Мяса вовсе не давали, когда Клаверъ вытянулъ изъ меня обильное количество мокротъ, частыми нарывами, тогда спознакомилъ онъ меня и съ lapis infernalis, которымъ прижигалъ онъ дикія наросты, и подъ конецъ года только я сталъ выздоравливать; но рана широкая на рукѣ и красная, какъ бархатъ, оставалась у меня очень долго и послѣ новаго года подъ пластыремъ. За то сколько я обязанъ етому старику Клаверу: онъ такъ меня вычистилъ, что съ тѣхъ поръ я никакого признака золотухи не имѣю уже, и отъ етой проказы совершенно исцѣленъ.

Столь продолжительная болѣзнь, сама по себѣ, мнѣ надоѣла. Къ уединенію я отъ природы не склоненъ, и лишенье Петербургскихъ удовольствій еще болѣе меня огорчило; знакомства я еще не имѣлъ, слѣдовательно никто меня не посѣщалъ; я былъ одинъ въ четырехъ стѣнахъ съ своимъ дятькой, видалъ только батюшку, котораго бесѣда была мнѣ очень полезна, но ни мало не весела, что весьма натурально. Человѣкъ въ 18 лѣтъ, рѣдко понимаетъ мужа въ 50, рѣдко имѣетъ въ мысляхъ и чувствахъ что нибудь съ нимъ общее, а сверхь всего етого

[1]) Орденъ св. Владиміра установленъ 22 сентября 1782 г., въ день двадцатилѣтія царствованія имп. Екатерины II, въ память св. Равноапостольнаго кн. Владиміра, „предпріявшаго многіе труды ради просвѣщенія Россіи, святымъ крещеніемъ".

[2]) Богданъ Ивановичъ (см. „Капище").

я потерялъ случай видѣть такое торжество при дворѣ, въ которомъ я самъ могъ быть малинькимъ дѣйствующимъ лицомъ.

День Введенія былъ праздникъ Семеновскаго полку. Подобно прочимъ полкамъ гвардіи Государыня кушала въ етотъ день со всѣми штабъ и оберъ офицерами того полка, и я бы воспользовался симъ новымъ для меня преимуществомъ, но я не могъ выѣхать, и отъ того плакалъ какъ ребенокъ. Можно ли дивится малодушію въ мальчикѣ моихъ лѣтъ, когда мы видимъ часто не болѣе похвальное и въ такихъ же обстоятельствахъ въ людяхъ пожилыхъ?

Праздникъ нашъ былъ усугубленъ торжествомъ возвращенія великаго князя Павла Петровича изъ путешествія его въ чужія краи [1]). Проѣздивши годъ по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, онъ на канунѣ нашего праздника прибылъ въ Петербургъ. Съ большою пышностію отправлена церемонія его встрѣчи и нашего праздника вмѣстѣ. Семеновскія офицеры всѣ обѣдали за столомъ Государыни и съ нею. Она изволила по обряду сама подносить имъ передъ обѣдомъ водку, и всѣ у нее цѣловали руку. Въ вечеру былъ балъ при дворѣ. Всего етаго я не видалъ, и дома сидя заливался слезами, воображая себя до крайности злополучнымъ, и судьба и Небо и люди, а болѣе всѣхъ лѣкарь мой Клаверъ, всѣ передо мной были виноваты. Но сколь выгодно для насъ въ молодости то, что подобныя печали также скоро проходятъ какъ и родятся. — Отъ вздора станетъ грустно, отъ вздора грусть изчезнетъ.

Въ Рождество мнѣ позволено было выѣхать, и я былъ у обѣдни во дворцѣ, а 27 по обыкновенію ѣздилъ на придворной балъ. Прежде онаго имѣлъ счастіе быть представленъ ихъ Высочествамъ въ ихъ покояхъ. Всѣ бывшія на сей аудіенціи допущены къ рукѣ. Великой Князь целовалъ мущинъ въ щеку. Симъ кончились достопамятности моего собственнаго вѣка въ настоящемъ годѣ.

Прочтя его, кто не согласится со мною, что годъ сей наполненъ былъ событій для меня очень занимательныхъ. Я вступилъ въ свѣтъ, увидѣлъ Петербургъ и блистательной дворъ россійской во всей его славѣ. Увидѣлъ Царской родъ и цаловалъ руку всего Августѣйшаго дома, ознакомился съ суетами большаго свѣта, вкусилъ его забавы, принялъ новой и лучшій родъ службы, поравнялся со всѣми молодыми людьми однаго со мною происхожденія, стяжалъ новыя опыты, кои развернули во мнѣ душевныя способности, озарился новыми наставленіями моего отца, кои укрѣпили мой разсудокъ, пріобрелъ вкусъ къ занятіямъ полезнымъ, вылѣчился отъ дѣтскаго продолжительнаго недуга; новая кровь полилась въ жилахъ моихъ, новыя соки улучшили физическую мою жизнь, но все ето я купилъ дорогой цѣною, лишился благодѣтеля [2]) и разстался съ родиной. Если класть то и другое на вѣсы правды, удаля предубѣжденіи, то едва равняется ли пріобрѣтеніе потери. — Но гдѣ совершенство! Увы! его нѣтъ въ мірѣ. — Оставимъ химеры, и выучимся вѣрить, что радости наши и печали суть только ступеньки той лѣстницы узкой и крутой, по которой мы шагаемъ отъ

[1]) Это было 2-е путешествіе вел. кн. Павла Петровича, ѣздившаго за границу съ вел. кн. Маріей Ѳеодоровной подъ именемъ Графа и Графини Сѣверныхъ. Они выѣхали изъ Петербурга 19 сентября 1781 г. и возвратились 20 ноября 1782 г.

[2]) Кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго.

ничтожества земного бытія нашего, къ существованію вѣчному въ другомъ мірѣ.

1783.

Въ самой перьвой день года наряженъ я былъ на караулъ. Рука у меня еще болѣла, и рана была не закрыта. Къ несчастію морозы стояли сильныя, и я много рисковалъ, но выѣхавши на святкахъ ко двору, я почиталъ преступленіемъ противъ чести, пользоватся удовольствіями жизни, не неся на равнѣ съ прочими тягостей службы. Батюшка, одобряя мое побужденіе, позволилъ мнѣ отправить караулъ, въ надеждѣ, что изъ уваженія къ моей продолжительной болѣзни, окажутъ мнѣ нѣкоторое снисхожденіе, т. е. позволятъ дойтить до мѣста въ капотѣ и поберечь руку отъ простуды.—Тщетная надежда!—Капитанъ нѣкто Г. Левашевъ, братъ родной нашего маіора [1]), которой командовалъ карауломъ, былъ человѣкъ безъ малѣйшаго о службѣ понятія, и деревяннаго сердца. Онъ считалъ, что дисциплина пострараждетъ, если онъ отъ перьваго подъ собой чиновника, до послѣдняго солдата, не замучитъ строгостью военнаго етикета, и для того приказалъ отъ самаго полку до дворца иттить всѣмъ офицерамъ въ однихъ мундирахъ, не смотря на то, что когда увеличивался морозъ до 15 градусовъ. Государыня сама позволяла разводъ отправлять безъ всякой церемоніи,—просто. Для нее сберечь человѣка, казалось гораздо полезнѣе, нежели двѣсти одушевленныхъ существъ заморозить, для того только чтобъ противъ своихъ окошекъ, показать народу кукольную комедію. Прошу прощенія у всего россійскаго воинства, но мнѣ всегда казатся будутъ ихъ разводы и вахтъ парады настоящимъ ребячествомъ. Тогда морозъ былъ въ 26 градусовъ. Левашевъ велъ насъ по всему городу церемоннымъ шагомъ. Я не привыкнулъ еще выдерживать суровость воздуха, да и съ раною своею терпѣлъ болѣе всѣхъ прочихъ. Нѣчего было дѣлать,—какъ повиноваться!—Дошедши до дворца, мы просто смѣнили караулъ, и, отстоявши сами въ ономъ сутки, воротился я домой на завтра благополучно. Слава Богу, что ето гвардейское дурачество (я не назову его никогда иначе) не произвело послѣдствій, и что холодъ не подѣйствовалъ на мою руку. Самъ лѣкарь мой старикъ Клаверъ ужаснулся, узнавъ мою отвагу, пенялъ батюшкѣ, вдвое пенялъ мнѣ, и есть ли вѣрить его опытному заключенію, то я могъ отъ етой шутки быть вѣчно безъ руки. Тяжело и на минуту зависить отъ человѣка безъ разума. Я понимаю, что на приступѣ и штурмѣ можно и должно иногда глядѣть на людей, какъ на простыхъ животныхъ. Философія отвергаетъ ето звѣрское правило,—но военная наука допускаетъ его, ибо въ войнѣ логика не у мѣста;—но за разводъ у дворца, за простой разводъ конечно безбожно заставить себѣ подобнаго и простуду вытерпѣть, не только подвергать вѣчному уродству.—У Левашева была своя тактика. Слава Богу что мнѣ такъ легко съ рукъ сошло.

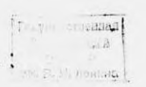
Батюшкѣ угодно было за потерянную мною зиму, и за продолжительную болѣзнь, сдѣлать мнѣ сильное удовольствіе. Онъ зналъ мое сердце, мои чувства и дозволилъ мнѣ проситься въ отпускъ въ Москву, мѣсяца на 4. Ето былъ для меня подарокъ неоцѣненной; етимъ Отецъ мой готовилъ и Матушкѣ радость чрезвычайную. Въ гвардіи отпуски были очень легки, иногда и на годъ увольняли офицеровъ; полкъ находилъ въ томъ свои выгоды: Комплектнаго числа офицеровъ было слишкомъ много для службы обыкновенной; сверхъ того всегда были заштатные офицеры,—но всѣ на жалованьи. Отъ роспуска ихъ оставалось жалованье въ полковой казнѣ, и тѣмъ наполнялся економическій капиталъ способствующій разнымъ изворотамъ. Полки всегда были богаты, и могли выносить нѣкоторую роскошь въ мундирахъ солдатскихъ и прочемъ.—Я попросился на 4 мѣсяца, но старшій подполковникъ Вадковской заупрямился. Младшій, графъ Брюсъ, которой всегда былъ съ первымъ въ перекорахъ, настоялъ въ удовлетвореніи меня и я получилъ отпускъ по іюнь.—Ети два генералы наши не могли жить дружно, чего хотѣлъ Вадковской, тому противился Брюсъ, и въ такомъ междуусобіи властей каждому легко было достигать своей цѣли, поставя одного противъ другаго.—Въ половинѣ генваря я простился съ батюшкой, заключа съ нимъ условіе, всякую почту увѣдомлять его изъ Москвы о моемъ провожденіи времени. Клаверъ снабдилъ меня нѣкоторыми наставленіями на счетъ моей руки, которую надлежало еще лѣлѣить, и на которой донынѣ признаки ея страдальчества очевидны.—16 генваря въ ночь, полетѣлъ я на тройкѣ почтовыхъ въ Москву и 19 число пріѣхалъ въ столицу.—При первомъ взглядѣ изъ дали на золотыя маковки нашихъ церквей, на Крестъ Ивана Великаго, сердце мое забилось и я едва усидѣлъ въ кибиткѣ.

Кто научитъ меня описать чувства наполнившія душу мою, когда я увидѣлъ себя въ объятіяхъ Матери и сестеръ?—увидить свою родину есть удовольствіе неописанное.—Матушка, сестры, люди домашнія, всѣ плакали отъ радости, видя меня таки въ родительскомъ домѣ, въ новомъ чинѣ, въ новомъ совсѣмъ положеніи; я самъ дѣлилъ общіе слезы, но они текли отъ восторга, и не могли быть вредны. Въ Москвѣ я живалъ сердечною жизнью, хотя въ ребячествѣ, но я наслаждался нѣкоторыми общими забавами, въ Петербургѣ я былъ очарованъ, ето правда, великолѣпіемъ города, богатствомъ вельможъ, убранствомъ стѣнъ ихъ, но съ людьми я нисколько не сблизился.—Болѣзнь моя препятствовала мнѣ сдѣлать пріятельскія связи. Петербургъ для меня былъ еще иностранной городъ,—а Москва родина!—Какое важное преимущество!—Тутъ я родился, выросъ, воспитался и жить началъ.—Гдѣ тотъ пасынокъ природы, который не обрадуется войдя въ свою хижину?—Не улыбнется увидя родныхъ, кровныхъ, даже стѣны жилища прежняго?—Послѣ перьвыхъ движеній радости, я учредилъ свой новой родъ жизни. Уже я былъ не ребенокъ, уже не ходилъ за мною по пятамъ дядька мой Степанъ, и мнѣ предоставлена была полная свобода въ выѣздахъ.—Офицеръ гвардіи въ Москвѣ значилъ много, и я всѣми его преимуществами желалъ пользоваться.

Все время отпуска моего прошло благопріятно. Я всюды ѣздилъ и ни однаго не пропускалъ публичнаго увеселенія. Болѣе всѣхъ прочихъ нравился мнѣ клобъ [2]). Каждый вторникъ въ немъ были балы; я

[1]) См. выше.

[2]) Клубы въ Россіи образовались въ 70-хъ годахъ XVIII стол. 1-мъ клубомъ въ Россіи явилось „Спб. англійское собраніе", основанное въ 1770 г., фабрикантомъ Гарднеромъ. Членами его состояли виднѣйшіе дѣятели той эпохи, а въ началѣ XIX в.



не пропускалъ ни однаго, пріѣжжалъ всегда перьвой, уѣжжалъ послѣдній. — Здѣсь я пріобрелъ тотъ вкусъ къ разсѣяной жизни, которой до нынѣ обладаетъ мною. Любилъ всечастно быть съ людьми, особенно по вечерамъ. Съ утра я всегда бывалъ занятъ дома. — Я имѣлъ врожденную охоту къ упражненіямъ словесныхъ наукъ, и хотя не имѣлъ уже учителей, не хаживалъ въ школу, однако занимался дома одинъ, читалъ наиболѣе философическія книги, писалъ стишки, не смѣя еще ихъ никому показывать, и въ надеждѣ что италіянской языкъ не будетъ мнѣ стоить никакого труда, потому что я зналъ латинской и французской, принялъ учителя по часамъ; но научась у него мѣсяца три не перенялъ даже простого разговора, и не умѣю ни слова молвить по италіянски. — О Метастазіяхъ и Тассахъ говорить нечего, я никогда не достигъ до разуменія сихъ изящныхъ авторовъ. — Дивлюсь до нынѣ, какъ я могъ такъ тупо успѣвать въ италіянской грамотѣ, зная совершенно два другія нарѣчіи, изъ коихъ етотъ выкроенъ. Но можетъ быть большое на сіе вліяніе имѣла сторонняя причина, которая скоро объяснится и отъ которой родилось во мнѣ желаніе учится по италіянски. Я платилъ только за уроки, а путемъ не заимствовалъ изъ нихъ ничего.

Въ шумѣ московскихъ веселостей, созрѣло мое сердце, и перьвой страстію закипѣло. — Я не зналъ еще что такое женщина, повѣрьте мнѣ въ етомъ. — Право я не лгу, да и кого мнѣ здѣсь обманывать? — Можетъ быть воздержаніе слишкомъ строгое отъ худаго понятія настоящей вещи, произвело во мнѣ свойство пылкое и влюбчивое, которое во всю молодость мою меня отличало [1]).

Между родственниками нашими привыкнувъ посѣщать чаще всѣхъ княгиню Меншикову [2]) тетку мнѣ по Отцѣ, я влюбился въ одну изъ ея дочерей. Она имѣла двухъ: — старшая была проста, другая напротивъ очень остра и любезна, обѣ пригожи. — Меньшой было 13 лѣтъ, старшей едва 15, и младшая меня занозила. На что мнѣ описывать состояніе сердца человѣческаго въ первой его страсти; всякой кто читать меня станетъ, вѣрно ощущалъ его. — Я ежедневно болѣе и болѣе разгорался. — Не о чемъ не думалъ какъ объ А... [3]), никого не искалъ кромѣ ее; вмѣстѣ съ ней забывалъ всѣхъ, ровно съ ней скучалъ всѣмъ на свѣтѣ. — Тетка моя дама была очень умная, но глядѣла на наше обращеніе безъ догадки, и радовалась что между нами, какъ между родни, держится старинная связь пріязни. — Ахъ! какъ мы далеки были отъ

его посѣщали всѣ наши литераторы и поэты, во главѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Въ Москвѣ 1-й клубъ, дворянскій, учрежденъ въ 1780 г. и затѣмъ въ 1783 г. — „Моск. благородное собраніе". Балы и маскарады этого клуба отличались своимъ блескомъ и пышностью.

[1]) Это качество И. М., въ которомъ онъ здѣсь откровенно сознается, онъ сохранилъ всю жизнь, и его любовныя похожденія, были почти всегда причиною, постигавшихъ его такъ часто, впослѣдствіи, несчастій.

[2]) Кн. Екатерина Алексѣевна Меньшикова (1747 — 1791), двоюродная сестра отца автора, дочь кн. Алексѣя Алексѣевича Долгорукова (родного брата казненнаго Ивана Алексѣевича и „царской невѣсты" Екатерины Алексѣевны). Была замужемъ за кн. Петромъ Александровичемъ Меньшиковымъ († 1781), внукомъ извѣстнаго фаворита Петра I. Ея двухъ дочерей звали: Екатерина (1769 — 1797) — замужемъ за И. Р. Кошелевымъ. и Елена (1771 — 1837) — замужемъ за С. А. Нѣловымъ. Неизвѣстно почему, и въ запискахъ, и въ словарѣ старшую кн. И. М. называетъ Елизаветой. Младшую въ словарѣ онъ правильно зоветъ Еленой, въ запискахъ же обозначаетъ ее иниціаломъ А.

[3]) Кн. Елена Петровна.

того чувства, которое намъ приписывали! — Мы не по родству, а по взаимному свободному влеченію сердца другъ друга вездѣ искали, и не могли ни на минуту почти безъ тоски разстаться. — Оставимъ лишнія подробности. — Видаясь всякой день, мы такъ между собой сдѣлались коротки подъ покровительствомъ правъ родства, что насъ трудно было разорвать. — Отгадывайте наши потаенныя поцалуи, скромныя шопоты, записочки любовныя, отгадывайте игру взглядовъ, разговоръ нѣмой, все, все подобное; можетъ быть вы лишняго ничего не придумаете, и во всемъ придется мнѣ сознаться, но;... ничего болѣе... рѣшительно по чистой совѣсти, со всѣми клятвами вѣры... ничего болѣе.

Тетушка ѣжжала къ намъ каждой день, и любила играть въ карты. — Матушка скучала одна безъ Отца моего, и рада бывала кому нибудь, чтобъ сдѣлать партію. Одинъ молодой человѣкъ князь Волконской [1]) влюбившись въ среднюю сестру [2]) мою, свелъ со мною знакомство, и чтобы видится съ нею чаще, охотно соглашался быть третьимъ въ рокамболь, или въ три [3]); разумѣется что онъ какъ посторонній человѣкъ, не могъ быть такъ свободенъ у насъ въ домѣ, какъ дозволялось мнѣ по причинѣ родства съ моей кузиной, но чтобъ только пользоватся ежедневнымъ свиданіемъ съ сестрой моей, князь Волконской, подъ видомъ чистой пріязни ко мнѣ, оказывалъ къ пожилымъ нашимъ барынямъ, всякое снисхожденіе, и такъ какъ скоро вечеръ настанетъ, явятся къ намъ князь Волк.: — и тетка моя; Матушка сядетъ самъ третей съ ними въ карты, сестра большая [4]) подсядетъ къ ломберному столу, а я уведу маленькихъ кузинъ обѣихъ въ свою комнату или въ залу, и тамъ въ безпрестанныхъ рѣзвостяхъ, взаимно А. . . . и я утончались въ наукѣ любовной страсти, межъ тѣмъ какъ мои другія сестры и ея старшая забавлялись около себя въ общемъ нашемъ семейномъ кругѣ. —

Никакая любовь не продолжается безъ своихъ препятствъ, и наша имѣла свои тучи; не матери насъ безпокоили, они полагаясь на наше ребячество и родство, ничего худого въ связяхъ нашихъ не подозрѣвали, но старшая моя кузина Лиза [5]) къ несчастію моему, почувствовала ко мнѣ склонность и требовала взаимности. Я всѣми чувствами принадлежалъ сестрѣ ея, и не могъ ей отвѣчать; но мать ее боготворила, тѣшила во всемъ, и чтобъ видить ихъ у насъ всякой день надобно было угождать Лизѣ, дабы та убѣжденіями своими привозила мать по чаще въ нашъ домъ, и такъ я притворялся быть влюбленнымъ въ Лизу, а дѣлился между обѣими, но А. . . . знала свою сестру и сама для полученія свободныхъ свиданій со мною поощряла меня нѣсколько снаравливать Лизѣ, и казаться ей страстнымъ. — Вотъ какія интриги вселяются въ ребячьи головы. Сколько тутъ плановъ, замысловъ и лукавства! — Все ето намъ удавалось; мы оба прекрасно роли свои играли, А. . . . имѣла мое сердце и ласки, а Лиза только послѣднее, и то съ большимъ принужденіемъ, чего однако она по простотѣ своей къ счастью нашему не при-

[1]) Кн. Волконскій, Михаилъ Николаевичъ, пріятель кн. И. М. Неудачный женихъ его сестры Анны (см. „Капище"): въ виду его бѣдности, родители не согласились на этотъ бракъ.

[2]) Кн. Анна Михайловна (1765 — 1798), впослѣдствіи замужемъ за гр. П. А. Ефимовскимъ.

[3]) Старинныя карточныя игры.

[4]) Кн. Прасковья Михайловна (1758 — 1744).

[5]) Екатерина.

мѣчала. — Учитесь отцы воспитывать дѣтей, не презирайте возрастомъ! Любовь никого такъ къ проказамъ не влечетъ какъ лицо безъ бороды или сѣдую голову. Разсуждая теперь о семъ какъ о происшедшемъ и не опасномъ уже обстоятельствѣ, я вывожу слѣдующее правило для себя на будущее жизни моей, понеже отецъ и самъ начинаю уже имѣть дѣтей. Ничего нѣтъ опаснѣе какъ излишняя довѣренность къ союзамъ родства. Нравы уже портятся, и система предковъ нашихъ уже во многомъ не годится. Свиданіи слишкомъ свободныя между родственниками становятся опасны. — Любовь вездѣ свой путь проложетъ и я скорѣе допущу моихъ дѣтей свести знакомство короткое съ чужими нежели съ родней. Пусть нигдѣ осторожность моя не предупредитъ любовнаго зла, но ежели ему быть, — между чужими; по крайней мѣрѣ тамъ бракъ можетъ и худое наконецъ поставить на правильномъ основаніи; растеряются можетъ быть нѣкоторыя выгоды, но главное спасти можно — добродѣтель и непорочность. А съ ближней родней, гдѣ бракъ запрещенъ закономъ, какими мѣрами поправитъ отецъ злоупотребленіе свычки и успѣхи взаимной склонности? Тутъ выборъ всегда тяжелъ: или безпорядокъ противузаконный, или гибель милаго дѣтища. Мой собственный опытъ заставилъ меня, когда обольщеніе прошло, извлечь изъ него сіе правило.

Любовь научитъ хитрости. Итальянской мой учитель ходилъ давать уроки А. . . . Онъ перенашивалъ наши цыдулочки, и учреждалъ между нами свиданьи. Ему платили деньги и тамъ и здѣсь, а учились мы оба какъ можно вообразить очень плохо. Вотъ отъ чего я и Метастазія никогда не могъ понять. — Вздумалось мнѣ для усиленія страсти сдѣлать у себя въ домѣ маленькое театральное увеселеніе. Ничто такъ не соблазнительно для дѣтей какъ театръ. Репетиціи служатъ предлогомъ къ свободному свиданію, и за кулисами безъ свидѣтелей, подъ видомъ роли, можно многое выучить и посторонняго; сдѣлали между собою заговоръ вытвердить какую нибудь комедію; оставалось на ето согласить матушку, и исходатайствовать ея дозволеніе. — Она до чрезвычайности меня жаловала. (Какая мать не ослѣплена своимъ сыномъ?). Чтобъ надежнѣе успѣть въ предпріятіи, я придумалъ самъ сочинить оперу и написалъ ее очень скоро. — Но великой постъ приближался, и по набожности Матери моей, трудно было ожидать мнѣ успѣха. Я слѣдующимъ образомъ отвелъ ето препятствіе. — Приходилось батюшкино рожденье. Я предложилъ матушкѣ желаніе мое праздновать етотъ день, и въ комнатѣ своей, поставя изъ ширмъ образецъ театра, сыграть на немъ моего сочиненія оперу. — Долго колебалась она на ето согласиться; но выборъ дня и мое сочиненіе превозмогли, и она изъ нѣжной ласки ко мнѣ дозволила исполнить мое предпріятіе. — Тотчасъ театръ у меня скипѣлъ, роли розданы, актеры и актрисы учатся. Кромѣ нашей семьи никто въ етой затѣи не учавствовалъ. По числу лицъ домашнихъ ввелъ я и роли; милая моя А. . . . представляла мужской характеръ, а для женскихъ ролей оставались двѣ мои сестры меньшія [1]) и Лиза. — Большая моя сестра и мать крестная, была уже не въ нашемъ возрастѣ, и не могла дѣлить нашихъ дѣтскихъ забавъ: разумѣется что я игралъ любовника, и чтобъ отвести всякое подозрѣніе, далъ роль любовницы сестрѣ своей Аннѣ, но между тѣмъ сочиняя оперу, такъ расположилъ сцены съ умыслу, чтобъ можно было

[1]) Т.-е. кн. Анна Михайловна и 3-я сестра И. М. — Елисавета Михайловна, бывшая впослѣдствіи замужемъ за В. А. Селецкимъ.

мнѣ почасту быть за кулисами съ А. . . ., и когда прочія актеры наполняли театръ мы съ ней вдвоемъ протверживали за кулисами свою настоящую пьесу, и не рѣдко забывали даже время своего выхода на сцену. Никто нескромности нашей не примѣчалъ, потому что мы были внѣ подозрѣнія. — Сколько уловокъ въ ребятахъ! — Хоть самому опытному человѣку такъ расположить случаи въ свою пользу какъ мнѣ здѣсь удалось управить ими. — Любовь всему мастеръ!

Наконецъ настала заря счастливаго для меня дня 2 апрѣля. — Представленіе назначено въ 6 часовъ, зрителей было меньше десяти человѣкъ: мать моя съ сестрою, тетка, князь Волконской и домашнія барышни. Но начто намъ публика? — Весь міръ для меня состоялъ тогда въ одной А. . . . Отъ часу болѣе въ нее влюблялся и взаимно былъ любимъ. — Зрѣлище удалось, опера прекрасно разыграна и прекрасно пропѣта; о сочиненіи говорить нечего: очень плохое произведеніе! — Первоученка! — Главная цѣль достигнута; свиданіи за кулисами были часты, пламенны и продолжительны, — довольно! — Прочее все для насъ двухъ было равнодушно; хвалили ли насъ или нѣтъ, много ли мало ли намъ били въ ладоши, мы были заняты съ А. . . . лишъ собою, и взгляды наши составляли основу нашего блаженства. — Такъ то обольщается молодость! — Всякое ея чувство кажется ей вѣчнымъ, всякое ощущеніе, — истиннымъ. Ничего нѣтъ очаровательнѣй любви, когда бьется отъ нея сердце 19-ти лѣтняго мальчика.

Скоро прошолъ мой отпускъ; какъ мигъ пробѣжали тѣ пять мѣсяцевъ, кои прожилъ я въ Москвѣ. Приближился срокъ явки въ полкъ, и я утопая въ слезахъ обнялъ въ послѣдній разъ А. . . . — Прощаясь мы условились другъ къ другу писать еженедельно. Меньшая сестра моя была общей нашей наперсницей, но дабы отъ нескромности не произошло огласки въ семействѣ, письма ея должны были адресоватся на имя моего дядьки. Въ каждомъ пакетѣ домашнихъ писемъ на мое лице, которой батюшка вручалъ мнѣ неприкосновенно, находилъ я грамотку на имя Степана Куликова, и распечатывая ее въ уединеніи, читалъ строки пламеннымъ перомъ писанныя; отвѣчалъ на нихъ также. — Планъ сей удачнѣйшимъ образомъ исполненъ.

Но я еще не въ Петербургѣ. — Поговоримъ о дорогѣ. Кажется не далеко; три-четыре дня ѣзды. Чему тутъ случится? — Какъ ручаться? — Иногда день одинъ больше переживетъ случаевъ иного цѣлаго года. — Вотъ что со мной случилось на пути: принявъ благословленіе моей родительницы, и расцеловавъ по братски сестеръ моихъ, отправился я въ Петербургъ такъ за временно, чтобъ мнѣ дни за три до срока явиться къ должности. — Въ первый еще разъ удостоясь получить свободу отъ полкового начальства на четыре мѣсяца, я хотѣлъ показать себя достойнымъ сей довѣренности, и не просрочить ни однаго дня какъ то дѣлали многія. — Ращитывая время, я могъ себѣ позволить нѣкоторую медленность въ дорогѣ, и тѣмъ сдѣлать для меня покойнѣе, ибо екипажъ мой состоялъ въ простой русской кибиткѣ. — Зналъ я что въ Твери жилъ нѣкто Г. Ч. . . . старинной пріятель Отца моего. Онъ тутъ имѣлъ гражданское мѣсто и совсѣмъ домомъ поселился; ѣхавши въ Москву, я торопился въ отчизну, мнѣ не того было чтобъ навѣщать стороннихъ людей по губерніямъ; но теперь когда разлука съ А. . . . представляла мнѣ всю вселенную пустыней. — Куда было спѣшить? — И такъ я въ Твери

остановился переночевать у Ч. . . .[1]) съ намѣреніемъ твердымъ на завтра чѣмъ свѣтъ уѣхать! — Друзья Отца моего очень мнѣ обрадовались; но на бѣду въ тотъ самый день былъ балъ у тамошняго губернатора Г. Лоп.[2]) — Хозяева мои не могли остаться дома; меня какъ ни уговаривали, я былъ неумолимъ. Начто мнѣ балы на которыхъ нѣтъ моей владычицы? — Я остался дома. — Они уѣхали. — Не трудно отгадать что г. губернаторъ узнавъ о пріѣздѣ офицера гвардіи въ городъ, желая умножить кругъ плясуновъ (а ихъ въ провинціяхъ всегда бывало мало) прислалъ съ приглашеніемъ ко мнѣ ординарца. Приличіе, сей деспотической законъ общежитія, поставило меня въ обязанности явится на праздникъ; не прошло часа и я уже танцую кадриль съ хозяйкой. — Жена госп. губернатора была дама молодая, пригожая, милая въ обращеніи. — О! проклятый балъ! — Пріѣхалъ здоровый, — отправился домой раненной. Москва на нѣсколько дней осталась въ туманѣ и подъ лучами новаго солнышка сердце мое новымъ огнемъ закипѣло: словомъ я въ г-жу Л. . . . влюбился. Вмѣсто одного вечера зажился въ Твери; безпрестанно былъ въ домѣ у губ(ернатора). — На всѣхъ гулянкахъ съ нимъ въ городѣ и за городомъ. Съ тѣхъ поръ замѣтилъ я въ сердцѣ моемъ особымъ карандашикомъ городъ Тверь, Волгу, пристань, тамошнія съѣзды, веселости и проч.: и проч.: и посредствомъ однихъ глазъ и языка, которымъ я мололъ всякія привѣтствіи моей Дулцинеи, былъ блаженъ стократно въ сутки. — Я до того дожилъ въ Твери, что пріятели Отца моего, у которыхъ я только квартировалъ, и почти вовсе съ ними не видался, выжили меня изъ города, и принудили ѣхать далѣе. — Прости мнѣ читатель сей епизодъ, въ поемѣ первой моей страсти. Но увы! — Приготовся къ чрезмѣрному снисхожденію. -- Много будетъ подобныхъ.

Пріѣхавши въ Питеръ, выдержалъ грозный приступъ Батюшкинъ, которой любилъ чтобъ всякой, а паче сынъ его, свято сохранялъ обязанности свои по службѣ. — На вопросъ для чего я дни три просрочилъ? разумѣется что я свалилъ всю вину на его тверскихъ пріятелей кои меня задержали. — Доносовъ я не боялся, и все обошлось очень хорошо. — Въ полку никто не замѣтилъ что я просрочилъ; ето уже не ставилось въ проступокъ; тѣмъ болѣе что казна вычетомъ жалованья находила свои счеты. Вступилъ я по прежнему въ должность, сталъ ходить въ караулы, на дежурство ѣздить въ полкъ, опять по субботамъ читать артикулъ солдатамъ, и обработывать всѣ ети пустыя наряды, кои назывались тогда службой. — Переписка моя съ А. . . . оживотворяла меня каждую почту; я читывалъ по сту разъ ея письма, писывалъ цѣлыя тетради взаимно, и вѣсовыя деньги составляли одну изъ важнѣйшихъ моихъ издержекъ. — Она не знала ничего о моихъ тверскихъ проказахъ, можетъ быть и отъ меня такія же были скрыты съ ея стороны, дѣло въ томъ, что мы еще были оба въ очарованіи, и волшебной кругъ, которой около насъ любовь очертила, не потерялъ своихъ признаковъ.

Осень произвела нѣсколько произшествій публичныхъ въ которыхъ и я принялъ участіе. — Сентября 22 при праздновании годичнаго торжества новорожденому ордену святому Владиміру, пожалованъ былъ съ малымъ числомъ другихъ чиновниковъ и Отцу моему крестъ сего ордена

[1]) Чириковъ (см. „Капище").
[2]) Лопухинъ, женатъ на Прасковьѣ Ивановнѣ, урожденной Левшиной (см. „Капище").

3 степени. Отличіе сіе скажу искренно ни его, ни домашнихъ не обрадовало. Ему хотѣлось не ленточки ничтожной, а виднаго мѣста внѣ Петербурга, на которомъ дарованіи его могли бы получить большой кругъ дѣятельности, чѣмъ въ казначействѣ у храненія талеровъ и ефимковъ въ сырыхъ кладовыхъ, отъ которыхъ простуды и ревматизмы одни доставались въ награду за излишнюю ревность; а Отецъ мой не зналъ пословицы старинной, черезъ пень колоду валить; онъ любилъ труды полезныя безъ роздыха; но когда не даютъ того, чего желаешъ, надобно радоватся и тому, чего не просишъ.

Въ октябрѣ скончались два большія чиновники въ Петербургѣ; фельдмаршалъ князь Голи(цынъ)[1]) и начальникъ нашъ Фед. Ив. Вад(ковскій) оба почти въ одинъ день кончили свое пребываніе въ мірѣ. — Перьваго хоронили съ большою церемоніею. Всѣ войска были въ строю. Командовалъ ими дядя мой баронъ Стро[2]). Смерть моего подполковника напомнила мнѣ мою перьвую потерю въ етомъ родѣ. — Какъ смѣнить ихъ между собой! О Крымскомъ я и подъ старость буду плакать — Каковъ былъ Вадковскій — такихъ людей на свѣтѣ тысячи, и я даже не вздохнулъ по немъ. — Погребеніе его также произведено было съ особенною церомоніею. Весь Семеновскій полкъ выведенъ былъ въ парадъ къ Невскому монастырю, и тѣлу отдана была честь троекратнымъ ружейнымъ огнемъ. Послѣдняя почесть съ которой опустился гробъ въ яму и тамъ сгніетъ, какъ и трупъ послѣдняго обывателя въ простомъ саванѣ. — Мало слезъ и сожаленія оставилъ по себѣ Г. Вад(ковскій). — Многія наши братья офицеры въ самое шествіе процессіи, салютуя еспантонами гробу съ черными крѣпами на рукахъ, шпагѣ и шляпѣ, словомъ во всемъ наружномъ трaурѣ, какой только могли выдумать человѣческія обряды, ворчали сквозь зубовъ ету смѣшную французскую пѣснь, которая на бѣду Вад — похоронъ была въ большой модѣ: — Malbrough s'en va en guerre, miron ton, ton, miron taine и проч.: — Знакъ особенной печали! — Весь городъ однако былъ приглашенъ на похороны, и я кучу карточекъ наряженъ былъ развести по разнымъ домамъ. — Начальство надъ полкомъ принялъ попорядку графъ Брюсъ, которой давно уже ждалъ сей почести какъ воронъ крови.

Еще тѣло моего начальника не остыло на столѣ, какъ удалось мнѣ наслаждаться новымъ удовольствіемъ, котораго и самыя приличіи печали не могли меня лишить. Зимой обыкновенно у двора великаго князя, давались два бала въ недѣлю. — Одинъ по вторникамъ въ городѣ, другой по субботамъ на Каменномъ островѣ въ увеселительномъ его дворцѣ.[3]) — На эти балы постановлено было правиломъ всегда по воли Государя наслѣдника, наряжать по два офицера съ полку гвардіи по очереди, и именамъ ихъ подавались въ тотъ день Государю записки. — Смерть нашего подполковника не могла препятствовать сему наряду. Надлежало нарядить двухъ офицеровъ и съ нашего полку. Досталось ѣхать мнѣ. — По справедливости говоря, я бы можетъ быть отговорился отъ такого наряду, еслибъ мнѣ было Вад(ковскаго) жаль, но какъ для меня все было равно, живъ онъ или умеръ, и къ томуже поелику въ мои тогдашнія лѣта

[1]) См. примѣч. выше.
[2]) Александръ Николаевичъ, см. выше.
[3]) Каменный Островъ былъ пожалованъ вел. кн. Павлу Петровичу въ 70-хъ годахъ; въ 1775 г. онъ выстроилъ тамъ дворецъ, въ которомъ любилъ проводить лѣто. При дворцѣ былъ и собственный театръ, теперь не существующій.

притворство мало человѣку свойственно, то я безъ всякаго лукавства, обрадовался наряду, и былъ на блистательномъ балѣ городскомъ у Его Высочества, гдѣ такъ меня все завеселило, что я за верхь блаженства бы почелъ, и всякій разъ туда ѣздить охотой.

Многія офицеры гвардіи имѣли лестное преимущество быть приглашаемы на всѣ балы однажды на всегда, но я еще по очереди только и по наряду полковому а не по зову на лицо, могъ пользоваться этой честью, слѣдовательно никакимъ образомъ не могъ я напрашиваться за другихъ, дабы отдающихъ мнѣ свою очередь не подвергнуть предосудительному о себѣ замѣчанію.

Мимоходомъ молвлю два слова и о славномъ пожарѣ на которомъ я при трубѣ заливной игралъ важную ролю. Сгорѣлъ сахарный заводъ. Пожаръ продолжался почти 24 часа; во всю ночь я не засыпалъ а побуждалъ людей мнѣ ввѣренныхъ дѣйствовать. Мнѣ казалось что я важную оказывалъ услугу отечеству! Я похожъ былъ на ету муху, которая сидя на носу у вола думала, что ею приводится въ движеніе сіе огромное животное. Въ перьвый разъ еще въ жизни мнѣ довелось, не ложась спать, увидѣть восходящее солнце, и уснуть около полденъ на другой день. Какъ не назвать етого подвигомъ и прямою службою? Я пришелъ домой совершенно собой доволенъ, но постель моя доказала мнѣ, что я только утомленъ, и я на ней выместилъ весь пожаръ Морфею.

Слышу упрекъ: для чего такими мелочами я пополняю свою исторію? — Слѣдующее примѣчаніе меня оправдаетъ. Если человѣкъ станетъ всякое прошедшее событіе примѣнять къ настоящему его положенію, то вѣрно онъ никогда ничего незамѣтитъ въ жизни своей, ибо что ребенку кажется важнымъ, то въ двадцать лѣтъ щитается игрушкой; на что молодой человѣкъ, или мужъ совершенной смотритъ съ уваженіемъ, то самое старикъ почитаетъ вздоромъ и пустотою, а по сей посылкѣ продолжая разсужденіе, должно думать, что душа переселившаяся въ вѣчность, еслибъ могла взглянуть на прошедшее время жизни своей долу, то бы всѣ замыслы свои въ мірѣ, презрила какъ самую низкую суетность. — Впрочемъ я уже сказалъ и повторять не соскучу, что я не книгу сочиняю, а пишу простую повѣсть о самомъ себѣ, и такъ какъ самъ я мыслилъ и чувствовалъ въ разныя мои возрасты.

Жизнь моя въ Петербургѣ вообще была гораздо для меня полезнѣе Московской. Тамъ я ѣздилъ всюды. — Здѣсь хотя забавъ было и много, но Батюшка съ умѣренностію позволялъ мнѣ ими наслаждаться, а къ томуже будучи одинъ дома по вечерамъ, онъ любилъ дѣлить время со мною. Мы бесѣдовали о разныхъ нравственныхъ предмѣтахъ; онъ открывалъ мои наклонности, направлялъ путь моего сердца и разума, и для меня провожденіе времени съ нимъ обратилось въ наилучшую школу; мы часто читывали вмѣстѣ и разсуждали о содержаніи книгъ; между нами происходили иногда споры и посредствомъ ихъ очищались мои идеи. — Болѣе всѣхъ прочихъ занимала Батюшку книга Іоанна Масона[1])

[1]) „Іоанна Масона А. М. Познаніе самаго себя въ которомъ естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны; съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ. Съ англ. на нѣм. перевелъ М. У. Б. Р., а на россійскій И. Тургеневъ" (изд. Новикова) М. 1783. Рѣдкое теперь изданіе. Въ свое время отбиралась изъ книжныхъ лавокъ. 2-е и 3-е изданія вышли въ 1786 и 1800 г.г. (и впослѣдствіи).

о познаніи самаго себя. Я ее прочелъ ему отъ доски до другой раза два; признаюсь что на то время мнѣ не безъ скуки было угождать такому родительскому соизволенію; но послѣ очень радъ былъ я и самъ сему принужденію. Стерпится, слюбится: ета пословица совершенной аксіомъ. — Изрѣдко я ѣжжалъ въ знатныя домы; съ женщинами обращался скромно и все издалека; слѣдовательно Петербургъ не способенъ былъ изгладить изъ памяти моей Московскихъ воспоминаній о тамошнихъ удовольствіяхъ. Я по одной наслышкѣ вѣрилъ, что здѣсь весело, но истинное веселіе чувствовалъ въ одной Москвѣ, а потому согласно съ пословицей: какъ волка ни корми, онъ все къ лѣсу глядитъ, я и все мечталъ о способахъ опять побывать въ отпуску и видиться съ А... Обстоятельства сами къ тому подали случай. Дядя мой родной генералъ Ржев.[1]) — скончался въ Москвѣ ноября 27 и Мать моя приняла живѣйшее участіе въ печали сестры своей. Горесть ея, болѣзни, и разлука съ батюшкой требовали сильнаго развлеченія. Свиданье со мной представилось наидѣйствительнѣйшимъ къ тому средствомъ. Другимъ печаль, а мнѣ радость. — Признаніе сіе не много дѣлаетъ чести моему благоразумію, но кто не согласится что для сердца въ дватцать лѣтъ, любовница сто разъ дороже дяди? — Смерть послѣдняго открывала мнѣ дорогу къ перьвой; батюшка приказалъ мнѣ проситься въ отпускъ. Тогда графъ (Брюсъ) — былъ въ отлучкѣ; правилъ полкомъ Г. Лев(ашовъ)[2]). — Ему позволено было увольнять офицеровъ не далѣе мая. Паспортъ мнѣ данъ до 1-го числа и 7 декабря я уже былъ на большой Московской дорогѣ.

Отдавая здѣсь послѣдній долгъ памяти дяди моего, скажу по общему мнѣнію о немъ, что армія лишилась знающаго генерала, мужа искуснѣйшаго въ тактикѣ, и даже писателя по военной части; многія рукописи его сіе доказываютъ. Онъ былъ храбръ, отваженъ, разсудителенъ, сынъ почтительный, хорошій братъ, хлѣбосолъ роскошной, настоящій епикуръ, и наполненъ ума остраго, блистательнаго. Вотъ весь его панегирикъ. — Не смѣю за предѣлы етой рамы пустить рисунка. Остановимся слѣдуя Латинской премудрой аксіомѣ, которую однакожъ я не обѣщаюсь распространить въ исторіи моей на каждаго такъ снисходительно какъ на дядю. — De mortuis aut bene, aut nihil.

До Москвы я ѣхалъ пять дней прекраснымъ зимнимъ путемъ, однако торопился, былъ влюбленъ, скакалъ безъ памяти. Отъ чегоже такъ долго? — Иныя подумаютъ что старой епизодъ задержалъ въ Твери, или новой въ другомъ мѣстѣ. — Семь сотъ верстъ, великое поприще! — Есть гдѣ споткнутся. — Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь къ стати показать черту моей физики; подобнымъ образомъ я и всегда буду самъ себя описывать при каждомъ случаѣ, гдѣ говорить о свойствѣ моего характера и темперамента будетъ прилично. Я не могу ѣздить по ночамъ отъ того, что я не могу уснуть во время движенія; мнѣ надобно лечь и быть покойну иначе я не усну. Я съ ребячества таковъ и курьеромъ не судила мнѣ быть природа. Изъ всѣхъ физическихъ потребностей ни одна мнѣ такъ не необходима какъ сонъ. Я способенъ сутки не ѣсть, не пить, способенъ вытерпѣть всякое изнуреніе, работу, трудъ, — но не спать въ сутки часовъ шесть никакъ не могу. Если когда со мной по нуждамъ службы

[1]) Степанъ Матвѣевичъ Ржевскій, мужъ тетки автора, урожд. бар. Строгановой.
[2]) См. выше.

моей ето и встрѣчалось, то всегда за пропущенную ночь вымѣщалъ днемъ и проведя сутки круглыя безъ сна, я бывалъ боленъ: такова моя натура. Слѣдовательно въ дорогѣ, куда бы я не ѣхалъ, и какъ бы не спѣшилъ, но придетъ ночь, и я ложусь въ избѣ спать. Я не прихотливъ былъ на счетъ квартеръ: ни гады, ни животныя хозяйскія меня не безпокоили, ни жаръ, ни дымъ, лишь бы лечь и спать. Сверхъ того замѣтить надобно еще странность; я боюсь по ночамъ ѣздить. Оптика глазъ моихъ очень ограничена; въ потемкахъ всѣ предмѣты мѣняютъ видъ свой, я не то вижу, что есть — а то что воображенію моему кажется. Боюсь вездѣ овраговъ, косогоровъ; повозка всегда мнѣ кажется на боку и я не умѣю иначе ѣздить ночью какъ шагомъ. — Вотъ причина по которой въ лучшее время года въ Россіи, т. е. зимою, когда на саняхъ всякій поспѣваетъ въ Москву изъ Питера въ трои сутки, а часто и скорѣе, я далѣе ѣжжу нежели осенью въ грязь, и лѣтомъ въ жаръ, потому что дни коротки, а я только во время дневнаго свѣта ѣжжу. Но за то днемъ, никто у меня не ускачетъ, я мчусь какъ бѣшеный, ничего не боясь; во всѣ глаза гляжу на дорогу, остерегаю кучера и лечу какъ вихрь къ своему предмѣту. Екипажъ мой всегда простая кибитка, но не терпя духоты, я въ нее сажаю слугу, а самъ всегда на блучку трясусь и никакія горы мнѣ не страшны. — Вотъ коротенькой рисунокъ меня въ дорогѣ.

Начавши сей годъ въ Москвѣ, я его въ ней же и кончилъ одинаково пріятно, одинаково весело. Восторги мои еще не перемѣнили своего предмѣта; я все еще любилъ страстно А... Увидясь съ ней, я паки воспылалъ ею. Трауръ препятствовалъ намъ публичныя выѣзды и забавы, но съ родными видится нѣтъ помѣхи, и такъ у опечаленной моей тетки [1]), я имѣлъ, подъ предлогомъ участія въ ея горести, ежедневныя свиданіи съ моей возлюбленной, и нигдѣ еще не встрѣтясь съ ней въ публикѣ ни она, ни я не могли примѣтить что въ етомъ большомъ мірѣ, которой зовется свѣтомъ мы уже весьма близки были другъ друга замѣнить безъ труда. Етотъ опытъ предоставленъ былъ въ книгѣ коловратностей свѣтскихъ для насъ двухъ въ будущемъ году.

Настоящій кончился пріѣздомъ въ Москву дяди моего барона Стро [2]) — которой на короткой срокъ отправился въ отпускъ только для того, чтобъ навѣстить сестру свою овдовѣвшую и мать мою. Смерть, какъ говорятъ, животы окажетъ. — Послѣ Ржев — оставалось три дочери, дѣвушки, и хотя много кричали о наживахъ его въ Польшѣ, однако состояніе по немъ осталось весьма умѣренное и такое, которое даже безъ пособій сторонныхъ для изворота въ долгахъ не могло бы быть достаточнымъ для такого широкаго дома какой привыкли они содержать при жизни главы семейства. Все ето побудило дядю, которой искренно любилъ сестеръ своихъ, а паче Мать мою, пріѣхать самому взглянуть на положеніе осиротѣвшаго семейства. Пріѣздъ его и мой очень Матушку обрадовали и ето нѣсколько облегчило тяжесть ея разлуки съ Батюшкой.

1784.

По докладамъ нашего полка досталось мнѣ въ Новый годъ въ подпоручики. Батюшка меня о томъ увѣдомилъ, и я очень обрадовался;

[1]) Вдова Ржевскаго.
[2]) Строганова, Алекс. Никол.

между тѣмъ, дядя мой уѣхалъ въ Питеръ, но горесть разлуки съ нимъ была вознаграждена для Матушки скорымъ свиданіемъ съ Отцемъ моимъ.

Проживъ три года въ Петербургѣ отлученъ отъ семейства и слѣдовательно отъ средствъ поправить свое состояніе, видя напротивъ, что живучи на два дома, имѣніе приходило день отъ дня болѣе въ упадокъ, Батюшка почувствовалъ нужду бросить службу, которая никогда ему не благопріятствовала, и возвратится къ своимъ домашнимъ. Стоической нравъ его не могъ быть пріятенъ людямъ его вѣка, кои начинали уже все ставить ни во что изъ корысти и видовъ своихъ; надежды перемѣнить мѣсто, приблизится къ своимъ пенатамъ оказались пустыми: они основаны были на однихъ посулахъ большихъ бояръ, которыя суля другимъ золотыя горы, думали только о себѣ, и пожинали при случаѣ собственное свое благо. И такъ Батюшка подалъ прозьбу объ увольненіи. — Отставка его не сопровождалась никакою за труды его признательностію. Онъ не получилъ ни чина, ни пенсіи, и давъ отчетъ во всѣхъ суммахъ коими онъ распоряжалъ удовлетворительно получилъ одно привѣтственное письмо отъ Генерала Проку(рора) [1]), въ награду за трехъ лѣтнія труды свои, и съ етимъ бѣднымъ сокровищемъ, истративъ множество своихъ доходовъ въ Петербургѣ, испортивъ много крови, пріобрѣтя завистниковъ кучу, и разстроя здоровье, возвратился онъ въ родительское гнѣздо наше, — въ Москву. — Скоро послѣ отставки его было гражданское производство и ему досталось бы въ высшій чинъ, но какъ узнать извороты дворскія? — Тогда все вѣдалъ одинъ Безб. [2]), все дѣлалось въ статскомъ мірѣ по его мановенію. Батюшка былъ можетъ быть и слишкомъ гордъ, ждалъ всего отъ однихъ своихъ достоинствъ, и никогда не хотѣлъ слоняться въ сѣняхъ большихъ господъ и отъ того былъ брошенъ. — Гдѣ, и когда истинное безмездіе иначе было награждаемо? — Скажутъ ли: — что можно при казначействѣ нажить? — Отвѣчаю: пропустя въ три года нѣсколько милiоновъ не бумажныхъ денегъ, а звонкой монеты черезъ свои руки, могъ и Отецъ мой, какъ видѣли послѣ изъ учащенныхъ опытовъ, покупать деревни, подобно многимъ другимъ; но признательности къ прямымъ заслугамъ давно уже не было въ Россіи! — Батюшка отставленъ въ февралѣ, и въ мартѣ обрадовалъ семейство свое пріѣздомъ въ Москву; всѣ мы кинулись въ его объятіи, съ душевнымъ удовольствіемъ. Матушка безъ памяти была рада: супругъ ея былъ всего для нее дороже, и скоро туманы политическихъ паровъ стали пропадать на лицѣ отца моего. — Чудно! — что человѣкъ никогда не умѣетъ предпочесть истинныхъ благъ своихъ и удовольствій настоящихъ въ жизни мечтательнымъ вымысламъ своего воображенія. Честолюбіе почти всякаго болѣе лститъ нежели спокойная домашняя жизнь. Въ такой борьбѣ естественныхъ нашихъ чувствъ съ химерами надменнаго сердца какъ можно быть счастливу въ мірѣ? —

Пока Батюшка, устроивая свои обстоятельства еще въ Петербургѣ, готовился пріѣхать къ намъ, и я не безъ цѣли жилъ въ Москвѣ. Сердце мое испытывало свои тревоги; оно не умѣло любить безъ ревности; хотя переписка моя и довольно продолжительная съ А... обезпечивала меня совершенно на счетъ ея склонности, но развѣ любовники всегда пишутъ

[1]) Генералъ-прокуроръ кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій. О немъ см. книгу кн. П. П. Вяземскаго.
[2]) Безбородко, канцлеръ, см. книгу Н. И. Григоровича.

то, что чувствуютъ? — Подобно поетамъ они вѣчно горятъ и часто на душѣ у нихъ не то, что лѣтитъ съ языка. — Не надобно почитать етаго всегда лукавствомъ. О! совсѣмъ нѣтъ! — Влюбленный зависитъ отъ воображенія своего, и какъ оно представляетъ ему вещи, такъ онъ ихъ и самъ передаетъ; обманутъ самъ, онъ обманываетъ другого, но ето не хитрость, а простое обольщеніе, котораго въ личину порока одѣвать недолжно. — Станемъ судить о сердцѣ человѣческомъ безъ предубѣжденія; я писалъ нѣсколько мѣсяцовъ къ А... не упоминая о Тверской своей невѣрности... Могло и съ нею тоже случится и увы! къ несчастію моему, въ самой вещи случилось. Она была молода, умна, мила, но вѣтрена и разсѣянна. Безпрестанныя свиданіи со мною однимъ, чему какъ я уже изъяснилъ причиною было родство, много способствовало къ развитію сердца ея въ мою пользу, и перьвая любовь ея обращена была ко мнѣ; но я былъ дуренъ лицомъ и долго дѣйствовать на воображеніе ея не могъ [1]. Перьвое свиданіе съ другимъ мущиною должно было разорвать нашу связь непремѣнно. — Такъ и случилось. Она въ ту зиму начала выѣжжать въ большой свѣтъ въ публичныя собраніи, встрѣтила кучу людей моего пола; сравненіи всѣ были не въ мою пользу. Пусть позволятъ однако нѣсколько нарушить скромность и отнести сіе къ наружности, ибо я не могъ ниже всѣхъ себя ставить въ другомъ отношеніи. — А... выучилась кокетствовать, заманивать съ умыслу въ свои сѣти волокитъ, и когда я съ ней встрѣтился въ собраньи, то не трудно было мнѣ примѣтить, что уже я перьваго мѣста не занимаю въ ея сердцѣ.

Ревность слѣпа и ничего одумывать не умѣетъ. При первомъ подозрѣніи, я сталъ досадывать. — Отъ досады родились упреки, отъ упрековъ моихъ она почувствовала ко мнѣ остуду. — Холодность ея произвела во мнѣ отвращеніе къ ней, и наконецъ явной раздоръ прекратилъ очаровательныя минуты взаимной нашей другъ къ другу склонности; но поелику я пламеннѣе любилъ нежели она, слѣдовательно я искалъ отмщенія. Какого же? — Мнѣ хотѣлось унизить ее предъ самою собою, и восторжествовать надъ ея вѣтренностью. — Я требовалъ на сей конецъ послѣдняго съ нею свиданія глазъ на глазъ. Она не имѣла права мнѣ въ немъ отказать; мы съѣхались дома, и я собравъ передъ ней кучу ея писемъ, кои хранилъ, какъ самую рѣдкую драгоцѣнность, требовалъ, чтобъ въ слухъ при мнѣ она каждое прочла сама. Румянецъ часто игралъ на щекахъ ея; я чувствовалъ многократно, что готовъ снова упасть къ ногамъ ея; но испытаніе сіе должно было достигнуть своей цѣли; по мѣрѣ какъ она прочитывала письмецо, новыя отъ меня упреки, и потомъ грамотка кидалась въ огонь, понеже рукописей было много. Отодафе ета продолжалась долго и чувства, хотя отъ разныхъ уже побужденій, но съ равной силой въ обѣихъ въ насъ волновались. — Ее мучилъ стыдъ меня терзало мщеніе. — Костеръ погасъ. — Всѣ любовныя письмена превращены въ пепелъ, и восторги такъ долго оживотворявшія наши души какъ легкой паръ изчезли навсегда въ пустотѣ нашего воображенія.

[1]) Князь Ив. Мих., отличавшійся, по разсказамъ современниковъ (ср. портретъ, приложенный къ началу записокъ въ № 1 Русск. Библіофила), некрасивой наружностью, не разъ въ своихъ запискахъ и словарѣ упоминаетъ объ этомъ, не скрывая своихъ недостатковъ. Его звали обыкновенно „губаномъ“ и „балкономъ“, за широкую нижнюю челюсть и толстую губу. Это не мѣшало ему, впрочемъ, въ любовныхъ похожденіяхъ, которыя, по свѣдѣніямъ современниковъ, всегда были успѣшны.

Вотъ вся исторія перьвой моей отъ роду страсти. Она можетъ показать расположеніе моей совѣсти. Читая мою книгу увидятъ многія измѣны и невѣрности съ стороны моей, но никогда не замѣтятъ чтобъ я жертвовалъ публичному оглашенію предмѣтами моихъ страстей. Подобно какъ теперь я сжегъ всю переписку съ А.... дабы удостовѣрить ее въ честности моихъ правилъ, я и всегда скрывалъ отъ глазъ стороннихъ сердечныя мои связи, — никакая женщина не выставлена мною; — я влюбчивъ былъ но и скроменъ. Могли отгадывать мои связи, я самъ ими никогда не величался передъ другими, и не ставилъ хвастовства такого въ ряду достоинствъ молодого человѣка; — разрывъ интриги моей съ А.... не помѣщалъ намъ остаться друзьями, мы же были связаны и родствомъ. Лѣты, опыты, показали намъ суетность нашихъ ребячьихъ замысловъ, и когда успокоились наши чувства, когда мы развлеклись оба къ другимъ болѣе существеннымъ видамъ, то мы обратились къ одной чистой пріязни, которая гораздо прочнѣе любовной страсти, ибо та и до нынѣ между нами сохранилась; да и нѣтъ сомнѣнія, что до конца дней нашихъ продолжится.

Разсужденіе такое очень здраво для головы, но кто проснувшись послѣ хорошого сна, кто не тужитъ что сонъ прошелъ? — Дитя плачетъ разбивъ нечаянно свою игрушку; любовникъ лишившійся своей химеры, плачетъ не менѣе ребенка. — Такъ и я тужилъ о потерѣ А... Сердце требовало новой пищи, новаго огня, и міръ представилъ мнѣ новыя пріятныя мечты.

Между знакомствомъ моимъ въ Москвѣ, имѣлъ я домъ Г-жи Т а л (ы з и н о й). [1]) — въ которомъ любили веселится съ утра до вечера. Она жила съ братомъ роднымъ въ одномъ домѣ, а мужъ ея волочился въ Петербургѣ на просторѣ; такое положеніе семействъ начинало по маленьку входить во вкусъ. Братъ ея Г е н е р. А п р (а к с и н ъ). [2]) — былъ богатъ, молодъ, пригожъ, прекрасно воспитанъ, охотникъ до забавъ, щедръ, раскошенъ, влюбчивъ, словомъ таковъ какимъ описалъ намъ Волтеръ н е с к р о м н а г о, а къ тому же будучи въ 20 лѣтъ съ небольшимъ, флигель-адъютантъ и полковникъ, стоялъ тогда съ полкомъ въ Москвѣ; наряжалъ на свой коштъ и офицера и солдатъ, щеголялъ своими пышными разводами, и всей Москвѣ кружилъ голову. Домъ его былъ Парижъ для молодыхъ людей; школа образованія и наилучшаго тона. — Кто не втирался въ его знакомство? — Кто не искалъ его благосклонности и взгляда? — Сестра его, которая управляла домомъ, хозяйствомъ, жила на счетъ братнинъ, и помогала ему въ запуски дѣлать долги. — Въ етомъ то домѣ всѣ радости свѣта сливались вмѣстѣ. Тутъ были безпрестанныя игры, забавы, балы, и все что роскошь, съ удовольствіемъ пополамъ, могутъ произвести очаровательнаго для человѣка всякаго пола, всякихъ лѣтъ. — Казалось что Г-жа Т а л. — была какая то Фея, а братъ ея волшебникъ, кои согласясь за одно магической палочкой превращали домъ свой въ земной рай. —

[1]) Талызина, Марія Ѳеодоровна, урожденная графиня Апраксина, замужемъ за Александромъ Ѳеодоровичемъ Талызинымъ, сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ (до 1787 — капитанъ Семеновскаго полка), извѣстнымъ участникомъ переворота 1762 г. (Въ его мундиръ была одѣта Императрица Екатерина въ день переворота 28 іюня). Ея дочери: Татьяна (за М. Я. Гедеоновымъ и, впослѣдствіи, за С. А. Шишкинымъ) и Екатерина (за д. т. с. М. А. Обресковымъ).

[2]) Апраксинъ, Степанъ Степановичъ, ген. отъ кав. (1756 — 1827), женатъ на Екатеринѣ Владиміровнѣ Голицыной (1757 — 1854) (см. Благово, Разсказы бабушки).

Вздумалось имъ по зимѣ завести у себя благородной театръ; вздумалось, значило на ихъ языкѣ быть по сему. — Тотчасъ состроенъ театръ въ домѣ Кн. Чер. на Тверской [1]), потому что они жили въ наемномъ, и не довольно для сего просторномъ домѣ. — За актерами, актрисами, дѣло не стояло; въ минуту набрана цѣлая труппа. — Г-жа Тал. — имѣла при себѣ двухъ дочерей [2]), и нѣсколько благородныхъ барышенъ. — Все ето появилось на сцену, и я по страсти моей къ етому ремеслу попалъ въ ихъ общество. — Театръ скоро успокоилъ мои встревоженныя чувства, и хотя ни въ кого еще не былъ влюбленъ въ етомъ обществѣ, однако разсѣяніе театра скоро отвлекло меня отъ А.... и мнѣ вплоть до отъѣзда моего въ полкъ было очень весело. — Я кончикъ етой зимы во всю мою жизнь вспомню съ большимъ удовольствіемъ, и потому наипаче что никакого труда мнѣ забавы мои не стоили, ибо роли мнѣ доставались не важныя, а память была хороша. Я ихъ выучивалъ мгновенно, и наслажденіи продолжались по недѣли и по двѣ. Всякій день были репетиціи, всякой вечеръ балы, общество многолюдное; каждую недѣлю новое зрѣлище, и при всемъ городѣ: оперы, трагедіи, комедіи, все на нашемъ театрѣ представлялось отборной Московской публикѣ, и все по французски; свой языкъ былъ въ загонѣ. Чтожъ можетъ быть пріятнѣе такого рода жизни въ двадцать лѣтъ.

Однако приближался срокъ моего отпуска; надобно было ѣхать въ Питеръ жить самому собою. Батюшка при себѣ еще изволилъ тамъ купить для меня въ полку такъ называемую по тамошнему обычаю связь, т. е. домъ состоящій изъ трехъ-четырехъ покоевъ, со всѣми къ нему принадлежностями. — Въ полковыхъ слободахъ всякой изъ служащихъ въ немъ имѣлъ право строиться; земля всегда принадлежала казнѣ, но пристройка хозяину и ихъ то обыкновенно полковые чиновники между собою продавали. — На прожитокъ мой годовой назначили мнѣ родители мои по 1200 руб. и пожаловали мнѣ человѣка четыре слугъ, т. е. повара, лакея, кучера и камердинера, и при томъ карету свою Батюшка оставилъ для меня въ Петербургѣ съ парой лошадей [3]). Такимъ образомъ обзаведенъ будучи всѣмъ нужнымъ, разстался я съ родительскимъ домомъ на долго; сталъ что называется на свои ноги, и пріѣхавши въ Невскую столицу, явился 1 мая въ полкъ.

Жизнь моя съ тѣхъ поръ потекла въ полной свободѣ. Я сдѣлался самъ себѣ господинъ, распоряжалъ своими поступками, употреблялъ время свое какъ хотѣлъ, но благодаря Бога, я въ самой молодости своей

---

[1]) Знаменитый театръ С. С. Апраксина, въ которомъ впервые началъ играть И. М., и въ которомъ впослѣдствіи участвовали лучшіе русскіе и иностранные артисты, и собиралось самое блестящее общество, впослѣдствіи былъ устроенъ въ собственномъ домѣ Апраксиныхъ на Знаменкѣ; вначалѣ онъ помѣщался въ домѣ кн. Черкасскихъ.

[2]) См. примѣчаніе выше.

[3]) Непомѣрная роскошь, царившая въ русскомъ обществѣ, заставляла не разъ Императрицу Екатерину принимать мѣры для обузданія ея. Особою роскошью отличались въ началѣ ея царствованія выѣзды жителей столицъ, старавшихся превзойти одинъ другого дорогимъ убранствомъ своихъ экипажей, количествомъ лошадей и т. д. 3 апрѣля 1775 года послѣдовалъ указъ, которымъ опредѣлялись выѣзды для различныхъ служащихъ классовъ. 1-й и 2-й классы могли ѣздить съ 2-мя форейторами, 3, 4, 5 — цугомъ, 6, 7, 8 — четверкою, оберъ-офицеры — парою; не имѣющіе офицерскаго чина — верхомъ, въ одноколкѣ или въ саняхъ въ одну лошадь. Купцамъ запрещено украшать экипажи золотомъ и серебромъ.

не имѣя страстей порочныхъ не любилъ ни заниматься картами, ни пить, ни слоняться по трактирамъ, подобно многимъ, и искать по ночамъ добычи, слѣдовательно не вышло изъ меня ни игрока, ни пьяницы, ни гуляки. Ни которымъ изъ сихъ средствъ не могъ я нарушить спокойствія моихъ родителей, или взойти въ непомѣрныя долги. Можетъ быть обязанъ я такимъ смѣю сказать необыкновеннымъ поведеніемъ, влюбчивому моему свойству. Оно отнимало у меня всѣ прочіи желаніи. Выбирая всегда предметъ любви въ лучшемъ кругу людей, натурально долженъ былъ стараться заслужить поведеніемъ общія похвалы, чтобы успѣть въ своихъ интригахъ. — Вотъ подлинно что меня спасло отъ низкихъ страстей; но я имѣлъ другія. — Любовь заставляла меня щеголять. — Мнѣ нравилась роскошь; я проматывалъ часто большія деньги на фраки, тогда какъ другой ставилъ ихъ на карту. — Кто похвастаетъ совершенствомъ? — Думаю однако что въ самыхъ поползновеніяхъ человѣческихъ есть свое различіе, и когда уже человѣку не дано быть цѣломудреннымъ во всемъ, то отличимъ по крайней мѣрѣ и въ осужденіяхъ нашихъ того, кто разборчивѣе другаго въ своимъ слабостяхъ; и такъ по естественнымъ моимъ наклонностямъ, я не могъ употребить во зло полной моей свободы. — Не стѣснена она была и при Отцѣ моемъ, но обязанность дѣлить время по большей части съ нимъ, отвлекало меня отъ знакомствъ сторонниховъ. Нынѣ когда ничто не могло удерживать меня дома, я съ утра до вечера былъ въ чужихъ людяхъ, и началъ тѣмъ что ознакомился короче во всѣхъ тѣхъ домахъ, въ кои былъ представленъ Батюшкой, и къ нимъ присоединилъ еще новыя знакомства, составя ихъ болѣе изъ родственниковъ хотя и отдаленныхъ, и изъ добрыхъ старичковъ, кои при многолюдномъ семействѣ любили жить открыто, и водится съ нашей братьей молодежью. — Такимъ образомъ устроилъ я себѣ на всякое время дня благопріятныя разсѣянія; утро я отдавалъ службѣ, обѣдать ѣзжалъ всегда къ какому нибудь большому барину дабы нажить хорошую молву въ людяхъ, а въ вечеру скинувши мундиръ надѣвалъ фракъ, и хаживалъ на вечеръ въ тѣ домы, гдѣ дозволено было мнѣ обращаться по вольнѣе; но слово повольнѣе не значило еще тогда своевольничать и безчинствовать, какъ то въ позднѣйшихъ временахъ завелось; также замѣтить долженъ тотъ, кто поздно станетъ читать мои бумаги, что молодой человѣкъ моихъ лѣтъ, ни въ какой почтительный домъ заслуженнаго барина или старика, не могъ безъ порицанія ѣздить во фракѣ. Мундиръ, была тогда одежда уважительная, фракъ нашивался въ короткой компаніи на балѣ деревенскомъ или на прогулкѣ народной. — Таковы были обычаи моего вѣка въ молодости моей. — Еженедѣльно съ почтой давалъ я обстоятельный отчетъ Батюшкѣ въ моемъ провожденіи времени, описывалъ именно гдѣ я обѣдалъ, гдѣ я вечерялъ каждый день, и божусь Богомъ не въ одномъ словѣ ему не лгалъ.

Легко отгадать что мнѣ веселѣе было между своей братьи, въ обращеніи безъ чиновъ, нежели у знатныхъ господъ, гдѣ обитало принужденіе и строгой размѣръ приличій, но я за грѣхъ считалъ и никогда себѣ не позволялъ почти цѣлой день прожить во фракѣ. Всегда первую половину дня проведя въ мундирѣ мнѣ тѣмъ пріятнѣе казались тѣ простыя наслажденія общественной жизни кои я могъ вкушать въ простыхъ дворянскихъ домахъ и у родни своей, хотя опытъ и показалъ мнѣ, что поведеніе молодаго человѣка совершенно зависитъ отъ него, и что входъ

въ знатной домъ, отнюдь не препятствіе шалуну испортиться, ибо часто я видалъ въ самыхъ уважительнѣйшихъ чертогахъ нашихъ бояръ, болѣе разврата, болѣе соблазнительныхъ примѣровъ для чистоты нравовъ, нежели въ простомъ покоѣ небольшаго дворянина, у котораго мало было денегъ, чиновъ и лентъ, но сердце благородно, и совѣсть на своемъ мѣстѣ.

Я могъ бы живучи въ Петербургѣ не стоить ничего содержаніемъ моимъ Батюшкѣ, естьлибъ ему угодно было слово сказать родному моему дяди Бар. Строганову. — о которомъ прежде писано. Сей охотно бы взялъ меня на свои руки, и изъ горячей любви къ моей Матери, помѣстя въ своемъ огромномъ домѣ, снабдилъ бы меня на свой счетъ во всѣхъ нуждахъ моихъ. Но въ распоряженіи совсѣмъ тому противномъ Отецъ мой имѣлъ свои виды, означающія сколько нѣжное сердце его столько и познаніе человѣка вообще. Ему во перьвыхъ угодно было чтобъ я не завися ни отъ кого, и управляя самъ собою былъ порядоченъ, не потому что за мною смотрятъ чужія глаза, но что самъ я учусь управлять своими поступками, желалъ усовершенствовать разумъ мой, болѣе собственными моими опытами, нежели пѣстунами сторонними. — Во вторыхъ онъ строгъ былъ въ отношеніяхъ родства и пріязни, и не хотѣлъ быть одолжаемъ никѣмъ, да и меня старался пріучить къ етому правилу дабы тѣмъ сильнѣе сохранить мою свободу, и поставить меня въ обязанности обходится какъ должно съ роднымъ дядею, не изъ видовъ личной выгоды, а по однимъ уставамъ родства и крови. — Благоразумной родитель мой ничего такъ прилѣжно въ насъ не образовалъ какъ сердце; онъ любилъ развертывать въ насъ не столько умственныя одни способности, какъ наипаче сокровище чувствительности искренней и благонадежной. Дядя мой съ начала всѣмъ етимъ казался недоволенъ, приписывая поступки Отца моего одной суетной горделивости, но я ни во что не вмѣшивался, ѣжжалъ къ нему почти ежедневно, чтобъ онъ видалъ меня всегда въ порядкѣ, и могъ перьвый быть свидѣтель при всякомъ случаѣ заочнымъ моимъ родителямъ, что я веду себя хорошо, и не отступаю отъ предначертанныхъ мнѣ ими правилъ поведенія. — Такимъ образомъ всѣ мы по маленьку привыкли къ взаимнымъ нашимъ отношеніямъ.

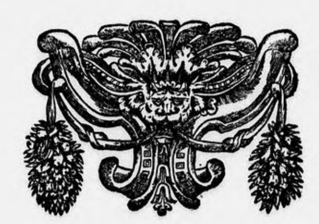
Давно я не влюблялся. Но потерпи читатель! — Подходилъ случай воспламенится новой страстью. Я скоро принялся за свой обыкновенной характеръ, и покажу тебѣ предварительно въ нѣсколькихъ строкахъ, сцену новыхъ моихъ страданій. — Въ числѣ знакомствъ мною пріобретенныхъ чаще всѣхъ посѣщалъ я два дома: Кн. Щер. — [1]) и старичка М... — [2]). Перьвой мнѣ домъ былъ съ родни, въ немъ жила племянница его родная, монастырка [3]) перьваго выпуска, дѣвушка лѣтъ тридцати, но милая и любезнѣйшая изъ всего своего пола. Такою она мнѣ показалась, и я въ сообществѣ ея, начиналъ горѣть какъ свѣчка. — Тутъ всякой вечеръ съѣжжалась короткая бесѣда людей и пожилыхъ и моихъ

[1]) Князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ (1726 — 1813), женатый на Антонинѣ Войновнѣ Яворской. Племянница ихъ — княжна Елизавета Павловна Щербатова. Въ родствѣ съ Долгоруковымъ, т. к. родной братъ князя, Павелъ Николаевичъ, вторымъ бракомъ былъ женатъ на кн. Антонинѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой.

[2]) М. — семейство Молчановыхъ. Отецъ — Николай Андреевичъ, сынъ его Николай Николаевичъ, сержантъ Семеновскаго полка, пріятель князя И. М. по службѣ. Дочь, о которой идетъ рѣчь — Анна Николаевна. (См. „Капище".)

[3]) Воспитанница Смольнаго монастыря.

лѣтъ. Хозяинъ дома старикъ былъ умной и сторожилъ Петербургской, а къ тому же и сенаторъ; Жена его молодая еще женщина, и полячка, прекрасная собой, ловкая, видная дама, дѣти ихъ были еще дѣти и на рукахъ у мадамы. Княгиня около себя всегда собирала кругъ мущинъ средняго возраста, изъ коихъ иныя занимали мужа ея картами и шашками, ибо до сихъ послѣднихъ онъ былъ охотникъ, а прочія за самою за ней волочились, и жертвовали ея прелестямъ своими восторгами. Племянница ихъ занимала мою братью, и всѣ мы посѣтители того дома, не безъ видовъ каждой своихъ, стекались къ нимъ всякой вечеръ. — Простота въ обращеніи, умная бесѣда, пристойное поведеніе, все занимательно было въ етомъ семействѣ. Она жила подлѣ самаго нашего полку, слѣдовательно я могъ всякой день воротясь домой, надѣть фракъ, и подъ вечеръ туда идтить пѣшкомъ ужинать. — Другой домъ М. которой съ ихъ обществомъ входилъ иногда въ соперничество, также былъ въ полку, потому что сынъ старшій служилъ въ немъ офицеромъ, и мы съ нимъ хорошими сдѣлались пріятелями. Въ етомъ домѣ также много было дѣвушекъ, и изъ нихъ двѣ монастырки; въ пользу ихъ старики вели жизнь разсѣянную, домъ держали открытой, давали часто балы. У нихъ допускалась рѣзвость невинная и пріятная, а какъ хозяева были люди умныя, добрыя безъ лукавства, то молодежъ полковая, по отборнѣе поведеніемъ, туда слѣталась какъ мухи на сахаръ. Хотя я и дѣлилъ время свое между тѣмъ и другимъ домомъ, но болѣе тянула меня страсть къ Щ... — и я сдѣлался тамъ вседневнымъ гостемъ. — Вотъ описаніе двухъ семействъ въ коихъ со мной розныя послѣдовали приключеніи.





Служба моя у меня не много времени отнимала. Я съ новаго года переведенъ былъ по повышенію чиномъ Подпоручика въ 2-ю роту, которой командовалъ Бар. Мал(ьтицъ). — [1]) человѣкъ среднихъ лѣтъ, благородной, милой, съ отличными познаніями; имѣть съ нимъ дѣло и по службѣ и безъ нее всячески было пріятно. — Полкомъ правилъ Гр. Бр(юсъ). — [2]) Ни однаго не далъ полковаго строю, а только съ начала весны осмотрѣлъ каждую роту по одиначкѣ, и тѣмъ всѣ свои подвиги геройскія кончилъ. Положенье полку скоро перемѣнилось. Московской Главнокомандующій Фельдмаршалъ Графъ Чер(нышевъ) — [3]) умеръ, и на мѣсто его отправленъ Гр. Бр(юсъ) — Ето случилось осенью. — По отбытии Графа принялъ надъ нами команду Маіоръ Лева(шевъ) — [4]) человѣкъ очень остроумной и замысловатой при дворѣ, но самой плохой и лѣнивой офицеръ. — Не долго и онъ управлялъ нами. Въ самой полковой праздникъ 21 Ноября, Государыня изволила пожаловать къ намъ въ Подполковники Ник. — Ива. —

---

[1]) Баронъ Петръ Ѳеодоровичъ Мальтицъ, командиръ 2-й роты Семеновскаго полка, начальникъ И. М.

[2]) Графъ Брюсъ, см. № 2, стр. 52, прим. 2.

[3]) Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ (1722 — 1784). Извѣстный дѣятель царствованія Императрицы Елизаветы, герой 7-милѣтней войны. При Императрицѣ Екатеринѣ — фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи и генер.-губ. Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи Московскій Главнокомандующій.

[4]) Левашевъ, см. № 2, стр. 52, прим. 5.

Сол(тыкова) [1]) —. Столповой дворянинъ, Генералъ Аншефъ, дядька великихъ Князей, при коихъ онъ былъ точно то, что Пан(инъ) [2]) — при Павлѣ; человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, тонкой царедворецъ, ума самаго изгибистаго, совѣсти езуитской, а чтобъ въ короткомъ словѣ схватить весь его портретъ, — егоистъ! — Люди такія начинали уже водится на тѣхъ мѣстахъ на коихъ прежде Ромад(ановскій) — Бутур(линъ) — Егу(зинскій) — крикивали въ полной ротѣ оправдѣ и благѣ народа. — Сол(тыковъ) со всѣми съ нами обошелся очень пріятно, т. е. по дворски. Я нашелъ новую для себя школу большаго свѣта въ его домѣ. — Онъ жилъ во дворцѣ, и былъ женатъ на Кн. Долгор(уковой). — Кто не слыхалъ о проказливой, но умной, и твердой женщинѣ, Нат(альѣ) — Воло(диміровнѣ) [3]) — Она любила всѣхъ тѣхъ, кои были ея роду, и потому очень приласкала меня, а со временемъ я по милости ея сдѣлался у нихъ довольно коротокъ, но мало мнѣ все ето принесло пользы какъ увидятъ послѣ.

Настоящій годъ я провелъ довольно весело, и Петербургъ сталъ мнѣ нравится. Я ѣжжалъ во всѣ лучшія домы, свелъ лестныя знакомства въ моемъ возрастѣ, ѣзжалъ въ публичныя мѣста и особенно въ театръ, охотникъ будучи до французскаго, которой въ то время славился своими талантами. Зимой по очереди и наряду ѣжжалъ на балы Великаго Князя, и тамъ лицо мое сдѣлалось уже не ново. Одинъ разъ мнѣ довелось провести самое Великую Княгиню, съ верьху колонны въ низъ, въ контредансѣ именуемомъ Galopade. — Сколько я етимъ гордился передъ другими! — Въ другой разъ Великая Княгиня удостоила меня своей рѣчи, и все ето меня очень воздымало. — Начальники по службѣ меня разумѣли хорошо; товарищи любили, въ кругу большого свѣта, я имѣлъ счастіе нажить доброе о себѣ слово, и что всего етаго лучше, я уже влюбленъ былъ смертельно въ кн. Щер(батову) [4]) — и всякой вечеръ томился въ скромныхъ восторгахъ у нее въ домѣ. Сколькожъ причинъ почитать сей годъ перьвымъ годомъ пріятнымъ для меня въ Петербургѣ! — Дѣйствительно я обязанъ его отмѣтить въ жизни моей самыми свѣтлыми красками.

1785.

По докладу нынѣшняго года мнѣ досталось въ порутчики, и изъ трехъ очистившихся адьютантскихъ вакансій, я представленъ былъ на старшую. Замѣтимъ, что и отецъ мой былъ въ Семеновскомъ полку адьютантомъ, и узнавъ о моемъ повышеніи, изволилъ меня подарить тѣмиже шпорами, кои онъ еще носилъ въ свое время. Я принялся за свою должность съ отмѣннымъ рвеніемъ, и нашелъ въ исправленіи ее разумныя удовольствіи. — По праву старшинства между адьютантами я имѣлъ въ командѣ своей полковую музыку, и маленькую при полку ри-

---

[1]) Солтыковъ, Николай Ивановичъ, ген.-фельдм. (1736 — 1816), женатъ на Натальѣ Владиміровнѣ Долгоруковой (1737 — 1812), дочери князя Владиміра Петровича Долгорукова. При заключеніи мира со Швеціей, въ 1790 г., получилъ графское достоинство.

[2]) Гр. Никита Ивановичъ, воспитатель вел. кн. Павла Петровича.

[3]) См. выше, прим. 1.

[4]) См. № 2, стр. 75, прим. 1.

совальную школу съ артиллерійскою командою, слѣдовательно могъ давать серенады когда хотѣлъ безъ дальныхъ убытковъ, и дѣлать маленькія фейерверки и потѣшныя огни, также очень сходно. — Какая роскошъ въ удовольствіяхъ! — раздолье! — Въ добавокъ къ етому угодно было Сол(тыкову) поручить мнѣ выучить для забавы Великихъ Князей, нѣсколько егерей. Выбрали изъ солдатскихъ дѣтей, человѣкъ шестнадцать ребятъ по острѣе, старѣе изъ нихъ не было мальчика одинадцати лѣтъ, росту самаго уменьшительнаго въ томъ же числѣ былъ и барабанщикъ и флейщикъ; всѣхъ ихъ одѣли въ егерскую форму. Я ихъ выучилъ съ помощію хорошаго сержанта сколько умѣлъ, они хаживали ко мнѣ на караулъ, стаивали на часахъ ночью, и словомъ я ихъ приготовилъ ко всей тягости военнаго состоянія. По нѣкоторомъ времени представилъ я ихъ маіору, которой похвалилъ ету кучку; далѣе казалъ ихъ Сол(тыкову) — а съ его ужъ дозволенія, имѣлъ счастіе ихъ представить Великимъ Князьямъ, въ ихъ покояхъ зимняго дворца, куда потомъ очень часто требовали ихъ по вечерамъ, и водилъ ихъ мой фелдфебель. — Симъ дѣтскимъ упражненіемъ я сдѣлался вхожъ къ ихъ Высочествамъ, но ето мнѣ не доставило никакой пользы, ни въ настоящемъ ни въ будущемъ времени; по крайней мѣрѣ для тогдашней минуты ето подѣйствовало на мой тщеславной разумъ и я считалъ себя въ полку чѣмъ то отличнымъ.

Служба службой, — любовь шла своимъ порядкомъ. — Кн. Щ(ербатова) — сводила меня съ ума болѣе и болѣе. — Что мудренаго? — Мнѣ было двадцать лѣтъ, но я еще дѣвствовалъ, хотя можетъ быть и не въ полномъ смыслѣ слова, по крайней мѣрѣ о женщинахъ мечталъ только въ воображеніи, не прикасаясь ни къ одной. Натура меня обуревала своими побужденіями, и я ихъ принималъ за чистую сердечную любовь. Видая всѣхъ чаще Щ(ербатову) къ ней обращалъ всѣ свои пламенныя восторги, и она выходила для меня тогда второе изданіе А. [1]).

Приготовся читатель выслушать важную траги-комедію! — Въ одинъ вечеръ сидя у Щ(ербатовыхъ) въ бесѣдѣ показалось мнѣ, что К.— [2]) холоднѣе обыкновеннаго со мною обращалась. — Не распрося ни о чемъ, (а знать надобно для поясненія дѣла, что я о любви моей ни слова ей не смѣлъ сказать), и приревновновавъ самъ не вѣдая къ кому, впалъ я въ глубокое отчаяніе и возвращаясь домой придумалъ ужаснѣйшей планъ отмщенія. На завтра, послѣ дурнаго утра, написалъ я мрачное письмо къ батюшкѣ, въ которомъ прощался съ нимъ на вѣки, просилъ о неоставленіи служившихъ при мнѣ людей, и по дежурству моему исполнивъ весь долгъ службы, возвращался съ полковаго двора домой съ лицомъ на выворотъ: У меня жилъ тогда родственникъ же мой к. А. Я. Дол(горуковъ) [3]) — нашего полку офицеръ, — малой, примилой, котораго послѣ въ 1789 годѣ убили въ морскомъ сраженіи подъ Шведами, гдѣ онъ былъ волонтеромъ, и уже капитанъ порутчикъ гвардіи. — Безпорядокъ лица моего и волненіе въ глазахъ его удивило, къ тому же и прозьба моя о доставленіи къ батюшкѣ послѣ меня моихъ бумагъ, совсѣмъ ему голову вскружили. — Простясь и съ нимъ, я прибѣжалъ домой, вбѣжалъ въ

[1]) Княжна Меньшикова, см. № 2, стр. 61, прим. 2.
[2]) Княжна Елисавета Щербатова, племянница князя, впослѣдствіи замужемъ за А. В. Поликарповымъ, см. № 2, стр. 75, прим. 1.
[3]) Александръ Яковлевичъ Долгоруковъ, см. № 1, стр. 52, прим. 4.

покой моего дятьки, которой былъ и казначей мой, и управитель и камердинеръ, схватилъ со стѣны пистолетъ, и съ нимъ заперся въ своей спальнѣ. Не явное ли сумасбродство? — Чтобы я сталъ дѣлать съ холоднымъ орудіемъ? — Кто бы мнѣ далъ время и способъ купить пулю чтобъ застрѣлится? — Настоящая комедія! надъ которой я и самъ нынѣ хохочу! — Между тѣмъ Долгоруковъ — испугавшись моего положенія поскакалъ къ бар. Стро(ганову) [1]) и все ему разсказалъ, желая подать мнѣ помощь, а дятька мой стерегъ меня въ домѣ. Сей доброй слуга взявъ надо мною ту поверхность, которую даетъ природа сѣдымъ волосамъ надъ юностью, связалъ мнѣ руки, отнялъ пистолетъ, и положилъ въ постель. — По маломъ отдохновеніи, я почувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ; дѣйствіе весьма естественное, послѣ такого жару и горячки. — Попросился я на воздухъ и осторожной мой Степанъ Сергѣичь выпустилъ меня за присмотромъ. — Погулять былъ только предлогъ сойтить съ двора. Я зашелъ къ Мол(чановымъ); [2]) вся семья ихъ меня очень любила, и увидя растройку моихъ мыслей приняли во мнѣ живое участіе. Посмотримъ, что дѣлается на улицѣ, пока я тутъ сижу. Дядя мой напуганный повѣстью Дол(горукова) и узнавъ о трагическомъ моемъ приключеніи въ домѣ другого дяди Гр. Стр(огановъ) [3]) вмѣстѣ съ нимъ поскакали выручать меня. Не найдя дома и подозрѣвая склонность мою къ которой нибудь изъ дѣвицъ М(олчановыхъ) — потому что я былъ столько же коротокъ и у нихъ какъ у Щер(батовыхъ) — рѣшились выѣмкой взять меня изъ етаго дома и подъѣхали къ воротамъ. — Тутъ новая началась піеса. Выждать меня было трудно, я тутъ рѣшился ужинать, потому что любовь аппетиту не отнимала, а отъ волненія дневного я плохо обѣдалъ въ своей квартирѣ, вызвать казалось неприличнымъ, и могло бы оскорбить хозяевъ дома, и такъ принявъ пустыя хлопоты превосходительныя мои дядюшки повертѣлись около двора, и изволили къ себѣ отретироваться, отложа дальнѣйшій поискъ надъ племянникомъ до утра, а я благополучно отужинавши въ гостяхъ, воротился къ себѣ, и чувствуя большой ознобъ лихорадочной легъ спать; на завтра нашелъ себя лучше, но сердце билось поминутно, и кровь была до крайности разгорячена. — Подходитъ развязка драмы. — Пріѣзжаетъ по утру ко мнѣ дядюшка [4]), съ чувствительнымъ витійствомъ начинаетъ мнѣ моральную свою проповѣдь, ищетъ возбудить мою довѣренность, допрашиваетъ съ дружескимъ соболѣзнованіемъ въ кого я влюбленъ, и сулитъ ходатайствовать у Отца моего о дозволеніи мнѣ соединится съ той, которая мнѣ такъ мила. — Не ошибался онъ въ чувствахъ моихъ, но не умѣлъ отгадывать предмѣта. Ему казалось, онъ даже и ожидалъ, что я назову М(олчанову) Ошибся дядюшка! — Открывшись ему въ моей новой страсти, поразилъ его ужасомъ, когда назвалъ Щ(ербатову). — Увы! мы были соперники. — Трудно было ему скрыть свое смятеніе. Каково было племяннику къ вечеру, таково дяди сдѣлалось по утру. Въ подобномъ

[1]) Баронъ Александръ Николаевичъ, см. № 1, стр. 44, прим. 1.
[2]) См. № 2, стр. 75, прим. 2.
[3]) Это двоюродный дядя автора, графъ Александръ Сергѣевичъ, сынъ барона Сергѣя Григорьевича Строганова родного брата дѣда автора по матери (бар. Ник. Григ.). А. С. былъ въ 1761 г. возведенъ австрійскимъ императоромъ Францемъ I въ графское Римской имперіи достоинство.
[4]) Очевидно бар. А. Н. Строгановъ.

случаѣ обыкновенно сила все рѣшитъ, а я на ту пору былъ слабѣйшій предмѣтъ, и такъ дядюшка приписавши всю мою разтройку волненію крови, призвалъ лѣкаря, которой на всякой случай у него былъ готовъ, и посредствомъ его моральное сіе произшествіе скоро обратилось въ физическое. — Врачъ нащупалъ у меня пульсъ, и нашелъ большое сгущеніе крови, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, что въ нихъ прочелъ не знаю, но провозгласилъ очень рѣшительно: — Кровь пустить! — Долго я упрямился, но надобно было уступить превосходной силѣ, и жилу мнѣ разрѣзали въ первой разъ отъ роду. — Въ самомъ дѣлѣ мнѣ ланцетъ очень много помогъ, грудь стала дышать свободнѣе, тягость съ сердца спала, легкое отдохнуло отъ прежнихъ спираній, и ручьи слезъ покатились изъ глазъ моихъ. Дѣйствіе обыкновенное природы когда она получаетъ облегченіе. Кровь была очень горяча, означала сколько терпѣлъ темпераментъ отъ излишняго воздержанія; жизненныя соки получали ежедневное приращеніе, тогда какъ расхода нѣкоторыми истоками естественными никакого не было вовсе, слѣдовательно, надобно было выпустить количество сгущенной крови, чтобъ разжидить массу остальной и укротить темпераментъ. — Кровопусканіе этой цѣли соотвѣтствовало и нашелся послѣ нее какъ больной выздоравливающій послѣ горячки. — Подлинно у меня и была она, не велика, но жестока. — Чему иному приписать мое безумное намѣреніе стрѣлятся пустымъ пистолетомъ безъ заряда? — Намѣреніе ославится такимъ дурачествомъ не могло бы посѣлится въ головѣ свѣжей, здоровой, и не разстроенной химерами воображенія, зашедшаго за предѣлы дозволенныхъ ему заблужденій.

По нѣсколькимъ днямъ, выздоровѣвъ отъ своего амурскаго припадка, но не потерявъ еще чувства страсти къ Щ(ербатовой) — долженъ я былъ показаться опять на Театрѣ Свѣта. — Проведя дома въ уединеніи дней съ восемь, я невольно сдѣлался унылъ. Одинъ товарищъ мой Дол(горуковъ) — дѣлилъ со мною скуку; я никуда не выѣжжалъ, т. е. въ гости, а слѣдуя совѣту моего лѣкаря, для разсѣянія прогуливался по садамъ и рощамъ пустыннымъ около города. Въ вечера тѣшила меня полковая музыка, но и ета не долго, потому что примѣчено было, что музыка питала мою меланхолію, а мнѣ нужнѣе всего было развлеченіе мыслей, дабы не укоренялось въ головѣ все одно и тоже. — Дико было мнѣ выѣхать снова въ люди. По милости многихъ барынь, изъ коихъ иныя для дѣтей, иныя для мужей жили въ полку въ моемъ сосѣдствѣ, молва сплела обо мнѣ цѣлую въ городѣ исторію; иной говорилъ что я съ ума сшелъ, другія что я умеръ, но когда я показался многія съ робостію заговаривали со мною, и ясно мнѣ показывали что они слышали о поврежденіи моего ума. — Скоро однако всѣ ети сплетни миновались; я опять отправлялъ мою должность, опять выѣжжалъ всюду безъ малѣйшаго признака того ужаснаго состоянія въ которомъ находился я болѣе недѣли. — Спасибо Дол(горукову)! Никто мнѣ такой твердой пріязни не показалъ, какъ онъ. Я и за предѣлы гроба его не могу не отозватся объ имени его безъ душевной признательности. — Домашнія мои московскія ничего етаго не знали. Боясь за очно ихъ растревожить, я ждалъ случая чтобъ ето все исторически имъ передать, тогда уже когда оставалось бы имъ только вмѣстѣ со мною всему случившемуся смѣяться, но въ пущую болѣзнь мою, сберегая здоровье родителей моихъ и спокойство, велъ съ ними обыкновенную мою переписку изъ которой видѣли

они что я здоровъ, слѣдовательно ежели бы нескромной болтунъ какой нибудь и разнесъ по Москвѣ тѣ же вѣсти, какія обо мнѣ ходили въ Петербургѣ, и они бы дошли до нихъ, то письма мои могли увѣрить что молва не имѣетъ никакой справедливости, и они бы остались спокойны. — Впрочемъ не тая ничего отъ Отца моего, я здѣсь умедлилъ только, а не скрылъ отъ него моего произшествія, дабы его напрасно не встрѣвожить; черезъ время все ето онъ узналъ, и ни отъ кого прежде, — какъ отъ меня — разумѣется что черное мое посланіе къ нему было изорвано тогда же въ клочки и до него не дошло. — Жаль что оно не уцѣлѣло. — Это былъ бы памятникъ моихъ сентиментальныхъ приключеній!

Всего труднѣе для меня было выѣхать опять въ тотъ домъ, гдѣ жила героиня моего романа; оттуда часто присылали о здоровьѣ моемъ навѣдываться. — Благодарность требовала скораго посѣщенія, и я не замедлилъ явится къ Щ(ербатовымъ) — Ко счастью моему никто тамъ или не отгадывалъ, или не хотѣлъ замѣшательства моего умножить, показавъ что знаютъ мое дурачество. — Дядя мой [1]), вседневной гость ихъ также приводилъ меня и самъ приходилъ въ замѣшательство.—Надобно было чѣмъ нибудь ету драму кончить, тѣмъ болѣе, что я все еще былъ влюбленъ, и вздыхать безъ пользы становилось мнѣ скучно. — Имѣя дозволеніе иногда ходить въ покои къ к.[2]) — я воспользовался одной минутой ея уединенія, и вытвердивъ лучшія изъясненіи въ любви какихъ только я начитался въ Елоизахъ [3]) и прочихъ романахъ, открылся ей въ моей страсти, бросился на колѣни, и просилъ ея руки въ награду любви моей страстной и вѣчной. — Обыкновенная форма любовничьихъ клятвъ; они всегда страсти свои одушевляютъ до гроба, не любя вѣрить опытамъ, кои часто доказываютъ всему міру, что огоньки Амура, гаснутъ скорѣе пороховыхъ ракетъ на воздухѣ. — Кн. имѣла передо мною не одно превосходство лѣтъ, она умѣла и чувствовать и мыслить, опыты дали ей обширное познаніе человѣческаго сердца. — Другая на ея мѣстѣ можетъ быть испугавшись такой нечаяности, бросилась бы бѣжать, закричала, или призвавъ на помощь кокетство, защурила бы глазки, и стала языкомъ проповѣдывать равнодушіе, а минами возбуждать въ юношѣ еще сильнѣе пламень, и поощрять его къ вылазкѣ. — Нѣтъ! — Княжна не измѣнясь ни мало въ лицѣ, и не дѣлая никакого театральнаго движенія, велѣла мнѣ сѣсть, успокоиться, и заставила себя выслушать. Долго она со мною говорила безъ жеманства и безъ жару; разсуждая о неравенствѣ нашихъ лѣтъ, о суетѣ страстнаго чувства, о тягости супружества, когда оно не основано на соображеніяхъ здраваго разсудка, она самымъ тонкимъ образомъ, не уничижая меня, заставила убѣдиться въ ея разсужденіи, и сказавъ, что не можетъ согласится на предлагаемое мною супружество, увѣряла въ чувствованіи искренней ко мнѣ пріязни, требовала моей дружбы, откровенности, и такъ мастерски отказала мнѣ въ рукѣ своей, что я разставшись съ нею, послѣ такой чудной поговоркѣ, уносилъ съ собою вмѣсто досады или стыда, что отказанъ, полное удовольствіе, что она позволяетъ мнѣ съ собой обращаться какъ прежде, т. е. съ пріязнію и чистосердечіемъ. Я отъ нее вышелъ съ такимъ къ ней уваженіемъ, съ какимъ рѣдко отстаетъ молодой человѣкъ моихъ

[1]) Бар. Александръ Николаевичъ.
[2]) Княжна Елизавета Щербатова.
[3]) Извѣстный романъ Руссо.

лѣтъ въ романическомъ иступленіи, и съ тѣхъ поръ до нынѣ люблю ее, почитаю, и во многомъ слѣдовалъ ея наставленіямъ. — Вотъ какъ изъ пламенной страсти, родилась чистая и непорочная дружба, а что наиболѣе меня успокоило, ето то, что я не могъ замѣтить чтобъ кн. — отказала мнѣ въ замужествѣ, въ намѣреніи скоро предпочесть кого либо другого. Сердце ее было совершенно свободно; она не шла за меня потому только, что разсудокъ не могъ одобрить такого соединенія, что неравенство нашихъ лѣтъ, вѣтренность моя могли бы ей приготовить въ будущемъ плачевныя минуты, но отказъ ее не имѣлъ тѣхъ печальныхъ для самолюбія признаковъ, которыя влекутъ юность въ крайнее отчаяніе, когда откроется или преимущество, или любовь подвергнется осмѣянію;— словомъ, я хотя не одержалъ побѣды, но не былъ игрушкой счастливаго соперника. Страдала душа, но самолюбіе ея не тревожило, и мало по малу благодаря времени, затянулась ета вторая рана въ моемъ сердцѣ, также какъ и первая.

Ничто не освобождаетъ насъ отъ подобныхъ пристрастій какъ разсѣяніе. Надобно было мнѣ перемѣнить мѣсто; на долго отъѣхать мнѣ не позволяла и должность адъютантская и Егерской мой корпусъ. — Вздумалось мнѣ прокатиться до Нарвы. Разстояніе близкое; меньше недѣли потребно было на оба пути, а какъ мы дежурили по недѣли, то въ свободное время не трудно было мнѣ отправиться дней на пять. — Входя въ лѣты становился любопытенъ, и путешествіе казалось мнѣ пріятнѣйшимъ занятіемъ. Одна бабочка вытѣснила другую изъ головы: сперьва хотѣлось жениться, а потомъ рыскать по всему бѣлому свѣту. Никто мнѣ не воспрепятствовалъ, я выпросился въ отпускъ только на пять дней, сѣлъ съ слугой въ перекидную кибитку и помчался въ Нарву, какъ отчаянной любовникъ искать смерти на крутыхъ скалахъ тамошнихъ водопадовъ. Достойная мысль такого воображенія какимъ наградила меня природа! — Петербургъ тогда былъ совершенно пустъ, и полкъ нашъ ничего не дѣлалъ. ГОСУДАРЫНЯ изволила быть въ Москвѣ [1]). При ней находился маіоръ нашъ Левашевъ [2]). Меньшой дворъ убивалъ свое время въ увеселительныхъ замкахъ [3]). — Подполковникъ нашъ Солтыковъ жилъ при Великихъ Князьяхъ въ Сарскомъ Селѣ а полкомъ смиренно правилъ за маіора капитанъ съ краснымъ носомъ Д. — Въ отсутствіе Екатерины все было мертво и въ городѣ, и за городомъ.

Нарва отъ Петербурга менѣе 150 верстъ. Лѣтомъ доѣхать туда можно въ одинъ день. Я выѣхалъ поутру, а тамъ былъ въ вечеру. Цѣлой день на завтра занимался я предметами города. Въ немъ жилъ по какимъ то причинамъ отставной и пожилой генералъ-поручикъ кн. С. Н. Трубецкой [4]), которой всякому заѣжжему гостю былъ радъ, потому что неволя и Парижъ сдѣлаетъ скучнымъ, не только Нарву. Онъ тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ, разспрашивалъ о новостяхъ городскихъ, и чуть не принялъ меня за безумнаго, когда узналъ что я не проѣздомъ въ чужія краи, остановился въ Нарвѣ, а нарочно изъ Питера ѣхалъ на нее по-

[1]) Императрица выѣхала изъ Царскаго 24 мая и пріѣхала въ Москву 2 іюня; на обратномъ пути, она ѣхала воднымъ путемъ по Мстѣ, Ладожскому каналу и Невѣ. Возвратилась 19 іюня.

[2]) См. № 2, стр. 52 прим. 5.

[3]) Павловскѣ, Гатчинѣ, Каменноостр. дворцѣ.

[4]) Сергѣй Никитичъ кн. Трубецкой (1731 — 1812), женатъ на Аннѣ Ивановнѣ Ладыженской (1733 — 1801).

смотрѣть. Я не имѣлъ надобности открываться ему въ моихъ на то причинахъ, пусть думалъ я онъ считаетъ меня за что хочетъ, но онъ какъ житель города, былъ мнѣ очень полезенъ для моего любопытства. Не смотря на лѣты свои, онъ охотно согласился вездѣ меня выводить, все мнѣ показать и подлинно человѣкъ въ неволѣ всякому радъ, лишъ бы увидѣть выходца съ своей родины. Мы съ нимъ много ходили и все осмотрѣли. Городъ малинькой, въ которомъ замѣчаніе особенное заслуживаютъ: 1-е, Древняя крѣпость подъ названіемъ Иванъ Городъ, она уже вся почти въ развалинахъ. 2-е, Нарвская биржа и три славныя природныя водопады [1]). — Они подлинно всякаго приведутъ въ ужасъ своею быстротою и пѣнистыми брызгами, которыя при солнечномъ сіяніи, живо уподобляются падающей алмазной горѣ. Паденіе водъ сихъ такъ шибко, что глазъ поспѣть за волнами никакъ не можетъ. Я чрезвычайно изумлялся етой водяной картинѣ. Проведя тутъ двадцать четыре часа, и поблагодаря своего старичка к. Трубецкого я опять воротился въ Петербургъ, и въ трои сутки совершилъ свое путешествіе. Дорогой меня растресло порядочно, я началъ опять крѣпко спать, меньше задумываться, и пришелъ въ порядокъ.

Явясь къ Н. И. (Солтыкову) получилъ отъ него приказаніе, поучить Егерей стрѣлять холостыми зарядами, и потомъ привести ихъ на недѣлю въ Сарское Село, для забавы Великихъ Князей.—Трудно было выучить ребятъ владѣть ружьемъ съ порохомъ, однако кое какъ успѣлъ въ етомъ, и отправился съ ними въ походъ. Всю ету компанію можно бы кончить въ двухъ строкахъ, но я попрошу простить мнѣ, если напишу о ней потомству моему подробную реляцію.—Пріятно вспомнить дватцать лѣтъ и невинныя забавы етаго возраста.—У самаго Сарскаго Села выстроена была слободка. Екатерина называла ее Капризомъ [2]), потому что хотѣла безъ оптики представить въ натуральномъ видѣ, театральную декорацію.—Тутъ отвели для моей команды квартеры, а я нанялъ себѣ не по далеку особую горенку; всякой день я ходилъ ихъ учить по два раза; ненастье продолжительное препятствовало Великимъ Князьямъ ихъ видѣть, а мнѣ кончить мою компанію.—Прожилъ я десять дней, признаюсь въ большой скукѣ, но милости Н. И. и Нат. Воло. [3]) облегчали оную, они удостоивали меня благосклоннаго пріема во всякое время.—У нихъ я познакомился съ любезной очень дамой Г-жей Бор. [4]) —Мужъ ея былъ генер. порут. и членъ военной коллегіи. Она любила пѣть, играть комедію, забавлятся, и скоро я вошелъ у нее въ милость. — Иногда Н. В. позволяла мнѣ учавствовать въ ея прогулкахъ, и въ одной каретѣ съ ней мы не рѣдко, на придворномъ осмерикѣ во весь духъ скачемъ, бывало, верстъ пятнадцать. Она любила шибко ѣздить, не смотря на ста-

[1]) Крѣпость Ивангородъ построена при царѣ Иванѣ III въ 1492 г. Нарвская биржа выстроена въ началѣ XVIII в. Давидомъ Кюнтлёромъ. Извѣстный нарвскій водопадъ посѣтила имп. Екатерина въ 1780 г. Существуетъ рѣдкій гравированный видъ его, этого же года.

[2]) Капризомъ собственно названъ Екатериной переходный земляной сводъ между двумя садами, въ одномъ изъ которыхъ была построена упомянутая слободка. Проектъ этого сооруженія показался Имп. сперва слишкомъ дорогимъ, но потомъ по „капризу“ она рѣшила его исполнить.

[3]) Наталья Владиміровна Солтыкова, урожд. Долгорукова (см. выше).

[4]) Наталья Андреевна Бороздина. Мужъ ея – генералъ-поручикъ, 3 сына служили въ Семен. полку унтеръ-офицерами.

рость свою. Въ ето время я имѣлъ довольно досугу, чтобъ осмотрѣть всѣ прелести Сарскаго Села. Они не изгладятся никогда въ моей памяти.

Наконецъ возсіяло солнце, ясное время выманило всѣхъ изъ чертоговъ на мураву. Н. Ив. хотѣлъ напередъ самъ осмотрѣть моихъ куколъ.—Часто и знатныя господа играютъ въ дѣтскія игрушки, придавая самымъ низкимъ украшеніямъ высокую цѣну. Они любятъ на всякомъ шагу выказывать свои почести; въ назначенной часъ представилъ я моихъ мальчиковъ. Они прометали всю экзерцицію, маршировали по барабану и стрѣляли довольно удачно. Однако я осмѣлился доложить генералу, что за ружье заряженное въ рукахъ ребячьихъ не всегда отвѣчать можно. Онъ вошелъ въ мои мысли, и стрѣльба отмѣнена. Послѣ его смотра, которымъ я былъ очень одобренъ, велено мнѣ день спустя представить моихъ рыцарей ихъ Высочествамъ.

Вывелъ я ихъ во фрунтъ въ двѣнадцать часовъ, близь театра на площади у Китайскаго моста, изготовясь къ смотру донесъ о томъ Н. Ива. — Великія Князья [1]) со всѣмъ штатомъ своихъ надзирателей и кавалеровъ, изволили выдтить въ садъ. Я съ обнаженной шпагой отдалъ имъ честь всѣмъ фрунтомъ, и полной пробить велѣлъ походъ, потомъ принявъ ихъ приказаніе, началъ учить.—Знаменитыя ревизоры терпѣливо смотрѣли всю школу, давъ мнѣ полную свободу. Когда начался маршъ по барабану, имъ угодно было самимъ стать въ шеренгу и съ ними идтить впередъ, и такъ могу похвастать, что я перьвой обучалъ Великихъ Князей ходить въ ногу съ солдатами по барабану. Они поставлены были мною по флангамъ для удобности какъ ихъ, такъ и моихъ ребятишекъ. Константинъ Павловичъ [2]) безпрестанно меня обо всемъ распрашивалъ, и хотѣлъ весь маханизмъ узнать въ одну минуту. Въ немъ видно было уже тогда природное расположеніе къ военному ремеслу. Александръ Павловичъ [3]), на противъ, со всею скромностію казался доволенъ безъ любопытства всѣмъ тѣмъ, что ему показывали. Ученіе продолжалось съ часъ, и когда велѣно было мнѣ распустить команду, я примѣтилъ что Великія Князья съ неудовольствіемъ отозваны были отъ етаго зрѣлища, однако и они по возрасту своему должны были повиноваться. Константинъ Павловичъ особенно забылъ, что ему обѣдать пора, и радъ былъ цѣлой день фрунтъ водить. Мудрой Сакенъ [4]) его надзиратель, употребилъ принужденье и отвелъ ихъ; оба они были очень довольны етой забавой, и учтиво поблагодаривъ меня, пожаловали по серебрянному рублю на каждаго мальчика.

Нравственныя наклонности какъ въ Царяхъ, такъ и въ простолюдинахъ открываются въ самомъ ихъ младенчествѣ. Замѣтимъ здѣсь одинъ опытъ етой истины. Константинъ Павловичъ боясь что мальчики не получатъ даннаго имъ рубля, и подозрѣвая что деньги до нихъ не дойдутъ, отвернулся отъ своихъ надзирателей, кинулся въ толпу мальчиковъ, и каждаго самъ спрашивалъ, отдали ли имъ пожалованныя деньги? Мальчики не получивъ еще ихъ сказали правду. Великій Князь сурово оборотился ко мнѣ и спросилъ, для чего имъ не даютъ денегъ?

[1]) Александръ и Константинъ Павловичи.
[2]) Род. 1779 г., 27 апр.
[3]) Род. 1777 г., 12 декабря.
[4]) Воспитатель В. К. Константина, бар. Карлъ Ивановичъ Остенъ-Сакенъ (1733 — 1808), возведенъ имп. Павломъ въ 1797 г. въ графское достоинство.

Я доложилъ, что они раздадутся послѣ, а теперь я занятъ еще ихъ высокимъ присутствіемъ, но видя, что ето его не успокоиваетъ, принужденъ былъ еще въ глазахъ его раздать рубли по рукамъ.—Сакенъ примѣтилъ однако его обидное подозрѣніе, отвелъ къ сторонѣ и сдѣлалъ ему замѣчаніе, которое онъ по правдѣ сказать и заслуживалъ, ибо какъ могло войтить въ мысль его, что офицеръ гвардіи осмѣлится и столько унизитъ себя, чтобъ отнять у солдатскихъ дѣтей ихъ награду,—да и какую же?—Шестнадцать рублей!!!—Ето доказываетъ какъ Великій Князь Константинъ начиналъ по маленьку подозрѣвать всякаго въ деньгахъ.—Вывѣска или скупости, или уничижительнаго мнѣнія о всякомъ ему подчиненномъ лицѣ.

Послѣ строю я проводилъ ихъ Высочествы до ихъ комнатъ, и откланявшись имъ, поцаловалъ у каждаго руку.—Въ тотъ же день меня и войско мое Н. Ив. — отпустилъ въ городъ, куда уже я горѣлъ желаніемъ уѣхать, потому что при всѣхъ красотахъ Сарскаго Села, безпрестанное принужденіе и жизнь не по своему вкусу очень мнѣ надоѣла.

Скоро возвратилась Государыня въ городъ [1]), и онъ принялъ прежній свой удовольственный видъ. Лѣтомъ она изволила жить всегда въ Сарскомъ Селѣ, любезному ея уединенію! Тутъ при ней дежурили генералъ адьютанты и по разнымъ дѣламъ находились знатнѣйшія чиновники. По порядку службы Государыня еженедѣльно, по воскресеньямъ, изволила принимать отъ всѣхъ полковъ гвардіи черезъ старшихъ чиновъ ихъ рапорты о состояніи людей. Рапорты ети, когда подполковники находились въ Сарскомъ Селѣ, привозимы были къ нимъ или маіорами, или адьютантами изъ городу. Преображенскаго полку маіоръ Тол(стой) [2]), бывшій въ случаѣ у двора и близкомъ обращеніи съ Государыней и Потемкинымъ, выпросилъ Высочайшее дозволеніе полковымъ адьютантамъ гвардейскихъ полковъ, когда они пріѣжжаютъ по дѣламъ, обѣдать за большимъ столомъ съ Государыней. Я всегда любилъ жизнь тормашную отъ самаго ребячества; ни на кого сильнѣе не подѣйствовало такое позволеніе какъ на меня, я забывалъ убытки съ етими поѣздками сопряженныя.—И тогда уже дорого платили за четыре лошади до Сарскаго Села взадъ и въ передъ, а на моей домашней парѣ я бы въ сутки не дотащился. Лишъ приходило воскресенье, то я дежурной ли былъ, или нѣтъ, всегда напрашивался за другаго, мѣнялся съ нимъ, и ко всему придирался, чтобъ только кинуться въ толпу знатныхъ людей, присоединится къ нимъ, и отобѣдать за однимъ столомъ съ Государыней.—Ето мнѣ казалось верховнымъ благомъ на свѣтѣ, и я имъ по возможности наслаждался. Ко счастью моей прихоти наши штабы и подполковникъ Сол(тыковъ) и маіоръ Лев(ашевъ) всегда почти жили въ Сарскомъ Селѣ, и адьютанты Семеновскаго полка обязаны были съ рапортами своими являться къ нимъ туда; разумѣется по воскреснымъ только днямъ. Тутъ я насмотрѣлся придворной суеты и величества. Хоть мало еще разсуждалъ, однако иногда видалъ и я сколько пустоты въ обрядахъ придворныхъ, сколько вздора въ етикетахъ, плѣнялся всегда сановитостію Императрицы, которой она ни же въ простомъ образѣ жизни не теряла.—Иногда посильно философствовалъ глядя на всю эту

[1]) 19 Іюня.
[2]) Маіоръ Преображенскаго полка Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой, родственникъ автора по отцу (См. „Капище“). Женатъ на Натальѣ Ѳеодоровнѣ Лопухиной.

картину міра, на гибкость вельможъ, на своекорыстіе каждаго лица.— Цѣлое утро прошатавшись въ покояхъ царскихъ, сколько имѣлъ случаевъ примѣтить хитрыя уловки царедворцевъ, надмѣнное тщеславіе любимцевъ Екатерины, и, если, выѣхавъ изъ етаго очаровательнаго замка, душа оставалась чѣмъ нибудь довольна, такъ ето добротой самой Императрицы и ея благоволеніемъ къ окружающимъ.—Такое зрѣлище меня восхищало, правда что я за него дорого платилъ извощику, которой на хвастовство возилъ меня туда и назадъ въ городъ на славной серой четверни, въ часъ съ четвертью, ето было nес plus ultra скорости. Скачка и щегольство въ одежѣ составляли главныя мои расходы. Какъ я величался передъ своей братьей возвращаясь въ городъ! Съ кѣмъ ни встрѣчался изъ нихъ въ казармахъ или на прогулкахъ непремѣнно всякому твердилъ. Я обѣдалъ сегодня съ Государыней.—Мнѣ казалось что отъ меня свѣтится какъ отъ Моисея, послѣ Синайской горы.— Сверхъ удовольствій тщеславныхъ такія поѣздки по лѣтамъ моимъ доставляли мнѣ существенныя выгоды на то время. Я знакомился съ людьми большаго свѣта, находилъ покровителей, участниковъ въ моей судьбѣ и службѣ. Пусть все ето также въ суету обратилось очень скоро.—Что не мечта!—Но въ настоящемъ времени ето были для меня значительныя преимущества; они и роднымъ моимъ доставляли удовольствіе, а при томъ не забудемъ молвить и о наслажденіяхъ животныхъ.— Почтеніе и страхъ не препятствовали мнѣ за столомъ Императрицы до сыта наѣдаться съ такихъ блюдъ, какихъ кромѣ двора нигдѣ не готовили, и пить лучшее вино всѣхъ краевъ заморскихъ. Пока я сидѣлъ за столомъ, весь дворъ и наружный блескъ его столькоже принадлежалъ взору моему, слуху, и всѣмъ прочимъ чувствамъ, какъ и самой владычицѣ Россійской.—Все около ее дышало роскошью, нѣгой и пышностью чрезмѣрной; обыкновенно и наслѣдникъ престола пріѣжживалъ изъ Павловска сюда обѣдать съ своимъ штатомъ! Сколько диковинокъ для мальчика въ дватцать лѣтъ!

Разъѣзды мои въ Сарское Село познакомили меня въ покояхъ Сол(тыковыхъ) съ генеральшой Бор(оздиной). Я о ней уже нѣчто сказалъ, повторю, что она была дама умная, но вѣтреная, опрометчивая, и хотя уже лѣтъ немолодыхъ, однако могла еще нравится. Два сына ея не молодыхъ служили со мной въ одномъ полку, ето сблизило насъ, и сдѣлало меня въ ихъ домѣ короткимъ. Она жила безсъѣздно въ городѣ и принимала всегда множество гостей; хозяйка часто терпѣла большія недостатки въ содержаніи себя, но умѣла мастерски оборачиваться и скрывать ихъ: о хозяинѣ мы рѣдко слыхали, того рѣже видали.—Любя играть въ карты, и во всякую, она привлекала всѣхъ игроковъ въ свое общество [1]). Часто вечеръ продолжался у нее до обѣденъ, а садились обѣдать когда всѣ сбирались ужинать.—О играхъ, къ стати, приведу здѣсь забавной примѣръ ея страсти къ игрѣ. На завтра одной вечеринки, послѣ которой и я уѣхалъ не ранѣе трехъ часовъ ночи, вздумалось мнѣ заѣхать къ ней часа въ два по полудни провѣдать о ея здоровьѣ.—Какое мое удивленіе!—Вхожу въ гостинную, ничто не прибрано и все въ томъ же положеніи, въ какомъ

[1]) Азартныя игры были въ большой модѣ въ XVIII в., и многія вельможи проиграли въ нихъ цѣлыя состоянія. Преимущественно процвѣталъ банкъ. Игра происходила во многихъ домахъ тайно, такъ какъ указомъ императрицы „газартныя" игры были воспрещены.

оставилъ я домъ послѣ полночи, иду далѣе, и нахожу ее съ однимъ игрокомъ за карточнымъ столомъ.—Они во всю ночь играли въ макао и въ ту минуту какъ я дверь растворяю, игрокъ, офицеръ же гвардіи, но не нашего полку, кричитъ: милльонъ съ прессомъ. Я кинулся на столъ. Помилуйте, закричалъ на нихъ: вы оба сошли съ ума. Чего миліонъ—орѣховъ что ли?—они какъ съ большого угара оба очнулись, поглядѣли на меня быстро и захохотали. Вотъ какія происходили иногда тутъ явленіи.—Порядка въ домѣ ни въ чемъ не было никакого, всякой день шумъ, толпа, забава, старики и старухи посядутъ въ карты играть; молодинькія грохочутъ и пляшутъ. Казалось что на воротахъ ге(неральши) Б(ороздиной) написано было: Сюда, сюда, здѣсь только и весело!

Воспользовавшись лаской и довѣренностію къ себѣ сыновей и матери, вздумалъ я предложить о театрѣ.—Б(ороздина) всякое разсѣяніе любила до смерти. Мысль моя ей понравилась, тотчасъ сдѣланъ рисунокъ, позванъ подрятчикъ, набрана труппа актеровъ, сдѣлали между ими и другими посѣтителями складку.—Сумма набралась достаточная, ударили въ топоры, заставили маляровъ писать кулисы, и театръ скипѣлъ въ минуту; всѣ довольны, и хозяева и гости; труднѣе было всего набрать женщинъ. Молодыя дѣвушки при предложеніи о театрѣ облизывались, краснѣли и говорили стыдно.—Хорошо еслибъ етотъ припѣвъ вертѣлся у многихъ чаще на языкѣ, и не объ одномъ театрѣ говоря.— У Б(ороздиной) жила въ домѣ барышня монастырка молодая дѣвушка А. В. Л. [1]), довольно любезная и живая по лѣтамъ своимъ, хотя не пригожа.—Надобно было довольствоваться етой находкой; живучи тутъ она не могла жеманится какъ прочія.—Зависимость не знаетъ отрицательныхъ частей рѣчи. Мы назначили играть Сивильскаго Цырюльника; тутъ одна только и была женская роль. Выучили очень скоро, но долго репетировали, потому что въ обществѣ нашемъ, какъ и во всякомъ другомъ, происходили разныя мятежи и произшествіи.—Однако мы восторжествовали надъ всѣми препятствіями и дали три раза, довольно удачно нашу комедію, имѣя во всякое преставленіе человѣкъ до сто зрителей.—Я сыгралъ любовника испанскаго Алмавиву, спѣлъ довольно исправно свою арію, которую вторилъ мнѣ на скрыпкѣ извѣстной Хандошкинъ [2]), вся наша публика очень довольна была етой забавой, и могла бы она продолжится долѣе, но слѣдующій, хотя смѣшной, однако и непріятной случай, разстроилъ наше общество. Читатель здѣсь замѣтитъ мимоходомъ, что я съ самаго перваго шага въ свѣтъ, всегда работалъ двумъ страстямъ, или любви, или театру. Когда не играю то влюбленъ, когда не влюбленъ то играю, и такъ-то утекла почти вся молодость моя, какъ рѣзвая волна, которую гонитъ тихій ветерокъ.

По свойству моему съ Ржевскимъ [3]), которой былъ мнѣ родной дядя по матери, жилъ у меня брата его роднаго, Московскаго каменданта сынъ, Г. П. Ржe(вскій) [4]) Молодой—етотъ мальчикъ служилъ у насъ въ полку сержантомъ. Изрядно будучи обученъ, но не затѣйливъ отъ природы,

[1]) Анна Васильевна Львова, воспитанница генеральши Бороздиной, окончившая Смольный институтъ. (См. Капище).

[2]) Извѣстный самоучка скрипачъ и балалаечникъ, жившій постоянно у Потемкина.

[3]) См. № 2, стр. 68, прим. 1.

[4]) Григорій Павловичъ Ржевскій, двоюродный братъ автора, сынъ Павла Матвѣевича (родной братъ дяди автора, Степана Матвѣевича).

онъ въ одномъ обществѣ со мною игралъ на театрѣ у Б(ороздиной), и въ Сивильскомъ Цырюльникѣ Фигаро была его роля; къ милой нашей генеральше съѣжжалась, какъ выше сказано, всякая всячина. Однажды не за долго уже до настоящаго представленія, какъ то повздорили за обѣдомъ Рже(вскій) — и другой нашего же полку сержантъ Дани(ловъ); размолвка была горяча, но пріятель мой Мол(чановъ) [1]), братъ двоюродной Дани(лова), и я, смяли разговоръ; — казалось дальной ссоры не будетъ, но Дани(ловъ) былъ крайне простъ, и что больше приходилъ въ задоръ, то крѣпче молчалъ, да пыхтелъ. — Извѣстно что такое туракъ сердитой! Лишъ встали изъ за стола, онъ подскочилъ къ Рже(вскому) — и далъ ему пощечину; тотъ ему выдралъ волосы, — и дѣлу край? — Всякой однако сталъ объ етомъ толковать по своему. Рже(вскій) — обиженъ; надобно было мстить, требовать рыцарскаго удовольствія; и на завтра вызываетъ Дани(лова) — на поединокъ. Такъ важивалось издавно между молодыми людьми — поединокъ былъ подвигъ; всякому хотѣлось имъ похвастать. Дани(ловъ) — радъ бы здатся на капитуляцію и просить пардону, потому что кулаки у него были туги, да шпага тупа, но Мол(чановъ) — вступясь за родственника, принуждалъ его драться, и пошелъ къ нему въ секунданты. Мнѣ нельзя было выдать Рже(вскаго) — у него не было никого ближе меня, ни въ родствѣ, ни въ пріязни. — Какъ не пожертвовать собою въ такомъ случаѣ? — въ дватцать лѣтъ одна логика дѣйствуетъ, сердечная. — Стыдно бросить пріятеля; за него терпи все, и такъ, я по чувствамъ своимъ, вопреки разсудку, сдѣлался сообщникомъ поединка. Зналъ я, что ето можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствіи: поединки наказывались тогда строго; два сержанта коихъ мы имѣли право, какъ офицеры, посадить подъ караулъ, не только были нами допущены къ такому противозаконному поступку, но еще мы начальники ихъ, нѣкоторымъ образомъ поощряли къ тому, согласясь помогать и тому и другому [2]). Очень плохо! но чѣмъ опаснѣе предстояла отвѣтственность, тѣмъ болѣе казалась приноситъ чести такая молодецкая отвага. Всѣ умствованіи къ сторонѣ, поединокъ рѣшенъ на слѣдующихъ условіяхъ. 1-е. Драться на шпагахъ до первой раны. 2-е. Не брать съ собой никого, кромѣ подлѣкаря полковаго. — Сраженіе происходило августа 19. — Едакаго знаменитаго дня нельзя во всю жизнь не помнить. — Выѣхали мы съ утра рано въ разныхъ каретахъ, Мол(чановъ) съ Дани(ловымъ) въ своей, а я съ Рже(вскимъ) особо. — Отъѣхавши на Петергофской дорогѣ, версты за четыре отъ города, оставили людей и кареты у Красной Мызы Нарыш(кина) [3]), подъ видомъ будто вышли туда гулять, а сами отвернувшись съ дороги въ кустарникъ, зашли на первую чищобу, и за лѣскомъ расположили мѣсто сраженія. Сперьва по порядку и по законамъ рыцарскаго устава осмотрѣли своихъ бойцевъ взаимно, нѣтъ ли на нихъ лишней арматуры, дали каждому свою шпагу и шляпу, а сами ожидали молча окончанія етаго

[1]) См. № 2, стр. 75, прим. 2.

[2]) Воинскій уставъ Петра I, дѣйствовавшій въ то время, каралъ за поединокъ смертной казнью. Манифестъ 1787 г. разсматривалъ пораненія и убійства на дуэляхъ, какъ умышленныя дѣйствія.

[3]) Красная Мыза А. Л. Нарышкина, знаменитая дача, садъ которой простирался почти на 7 версть и былъ доступенъ для посѣщенія всѣмъ; при входѣ висѣла слѣдующая надпись: „Приглашаемъ всѣхъ городскихъ жителей воспользоваться свѣжимъ воздухомъ и прогулкой по саду, для разсыпанія мыслей и соблюденія здоровья".

злодѣйства. — Какъ иначе назвать введенное сумашедшимъ обычаемъ правило? — Кидатся другъ на друга съ ножемъ, можно ли равнодушну быть къ такому дѣйствію, при которомъ жизнь подобнаго намъ, изъ пустой бездѣлки, зависитъ отъ удачи одного удара? — Иногда, я согласенъ ето оканчивается смѣхомъ, но всегдали можно въ етомъ быть увѣрену? — Впрочемъ, если ето шутка, она по мнѣнію моему глупа и постыдна, если тутъ настоящее дѣло, то оно преступно и скаредно. Я всегда такъ мыслить буду о поединкахъ, но для задора нѣтъ ни правилъ, ни закона. — Погода была прекрасная, и молодыя мальчики вмѣсто того, чтобъ съѣхаться въ садъ наслаждатся природой, условились тутъ же рѣзатся, и поливать зелень своею кровью. — Прекрасная забава. —

Бойцы вооружились, засверкали клинки. Рже(вскій) — кинулся впередъ, Дани(ловъ) — попятился, но Мол(чановъ) — сталъ за нимъ, вынулъ шпагу и грозилъ изрубить его, ежели онъ струситъ. — Рже(вскій) — попалъ сперьва Дани(лову) по обшлагу, и раздвоилъ мѣдную пуговицу, Дани(ловъ) — отрубилъ край шляпы у Рже (вскаго), потомъ попалъ ему въ локоть, и разрубилъ руку до кости. — Увидѣли мы кровь и по условію тотчасъ прекратили драку. Поединщики поцеловались. — Новое дурачество и совсѣмъ не натуральное! — я же обиженъ, я же раненъ и цалуй соперника! — Какое превратное понятіе о сердце оскорбленномъ! — Но такъ водится; или цалуйся, или снова дерись хоть до смерти. — Подлѣкарь осмотрѣлъ раненаго и перевязалъ ему рану. Мы сѣли съ Мол(чановымъ) — въ одну карету, а ихъ посадили въ другую и поѣхали прямо ко мнѣ. Тутъ я послалъ за штабъ лѣкаремъ; онъ увѣрилъ меня что рана не опасна, но что на волосъ глубже, Рже(вскій) могъ быть вѣчно безъ руки и за что же? — за шалость! — Еще жаръ ни у кого изъ насъ не прошелъ, отдохнувши нѣсколько, мы всѣ четверо поѣхали на Красной Кабачекъ [1]), гдѣ побѣдитель далъ намъ обѣдъ, и мы за чашей шампанскаго вина, разсуждали о нашемъ подвигѣ, какъ бы храбрыя генералы, послѣ Кагульской славной побѣдѣ [2]) стали подъ шатрами разсуждать о искусствѣ своихъ движеній и объ участи Восточнаго Царства [3]).

Къ концу дня сталъ проходить чадъ, и, пришедъ въ себя, мы увидѣли всю опасность нашей безрасудности. — Дѣлать было нѣчего; чтобъ избѣжать огласки, я тотчасъ поѣхалъ дни на три за городъ, въ прекрасную маетность къ Г. Деми(дову) [4]) — Таицы. Тамъ, удалясь отъ вѣстовщиковъ городскихъ, и любопытства сторонняго, я пріятно отдохнулъ отъ новой етой горячки. — Рже(вскій) меня увѣдомлялъ, что ему лучше, и что въ городѣ о поединкѣ его молва очень глуха; ето меня успокоило; по нѣсколькимъ днямъ воротился я въ городъ, и, къ счастію моему, не прежде какъ черезъ мѣсяцъ стали кой гдѣ со мной говорить о нашемъ геройствѣ. — Къ Батюшкѣ я не тая ничего описывалъ все происшествіе; я признавался въ своемъ дурачествѣ, но можно ли было мнѣ поступить иначе? — Унять я не имѣлъ права ни того ни другого, вывести наружу было по мнѣнію общему и стыдно и безчестно; я бы

[1]) Извѣстный трактиръ на Петергофской дорогѣ, на 10-й верстѣ, особенно модный въ началѣ XIX в. Извѣстенъ со временъ Петра I.

[2]) Кагульская побѣда, 12 Іюля 1770 г., одержанная Румянцевымъ надъ турецкой арміей.

[3]) Турецкой Имперіи.

[4]) Александръ Григорьевичъ.

покрылъ срамомъ и себя и Ржe(вскаго), насъ бы стали звать въ полку трусами и подлецами; должно было слѣдовать общему навыку, — противъ него нѣтъ оплота въ молодости. — Ржe(вскій) скоро выздоровѣлъ, и потѣха наша, слава Богу, сошла съ рукъ благополучно. — Между тѣмъ, г-жа Б(ороздина) — которая не могла всего етаго не знать, въ крайней тревогѣ ожидала послѣдствій; ей непріятно бы было обнаружить подобное происшествіе въ своемъ домѣ, оно и ей не могло принести ни пользы, ни чести, но Ржe(вскій) выздоровя, явился на пробу и могъ сыграть комедію. — Тѣмъ вся молва и утихла, и генеральша угомонилась; все пришло въ свой прежній порядокъ, но въ обращеніи взаимномъ всякой сдѣлался осторожнѣе, и хозяйка дома стала дѣлать выборъ въ своихъ посѣтителяхъ, дабы не подать новаго повода къ такой же безобразной сценѣ.

Театръ совсѣмъ погасилъ страсть мою къ Щер(батовой). Слова ея были справедливы, совѣты назидательны, я остался ей преданъ, но уже ни мало не влюбленъ, и рѣже посѣщать сталъ домъ ихъ, подъ предлогомъ новой забавы, отнимающей у меня все мое время. — При началѣ зимы умножились мои разсѣяніи. — Гр. Стро(гановъ) [1]), дядя мой, посредствомъ гр. Мус(ина)-Пуш(кина) [2]) — исходатайствовалъ мнѣ честь быть на балахъ Великаго Князя. Пуш(кинъ), Вал(ентинъ) Пла(тоновичъ), генералъ Аншефъ, и первой чиновникъ при дворѣ наслѣдника [3]), женатъ былъ на Пр(асковьѣ) Вас(ильевнѣ), дочери незабвеннаго моего благодѣтеля Кн. Долго(рукова)—Крым(скаго). По его благоволенію ко мнѣ угодно было его Высочеству приказать записать меня въ списокъ приглашаемыхъ на его балы, какъ въ Зимнемъ дворцѣ, такъ и на Каменномъ островѣ. Они давались два раза каждую недѣлю; я былъ восхищенъ до безумія, когда придворной скороходъ пришелъ мнѣ обьявить о семъ и отдалъ ему все, что у меня тогда случилось въ карманѣ. — Для него нажива была не большая, но для меня крайняя жертва. — Всю зиму я етими балами пользовался, не пропуская ни одного. Ето удвоило шагъ мой въ большомъ свѣтѣ и доставило мнѣ случай короче ознакомится въ домѣ у гр. Пу(шкина), гдѣ я былъ потомъ всегда принятъ, какъ родной съ большою милостію и участіемъ во мнѣ. — Главное для меня пріобрѣтеніе отъ сихъ баловъ было то, что я узналъ всѣ уловки двора и придворныхъ, наглядѣлся въ самое широкое стекло на суету міра, и насыщался ею, запасался свѣденіями для будущей моей жизни. Нѣчто такихъ опытовъ не приготовитъ какъ дворъ, тутъ человѣкъ видѣнъ во всѣхъ его отношеніяхъ; обстоятельства мѣняются ежечастно, по воли ихъ онъ и падаетъ и возвышается; голова его становится лабиринтомъ, изъ котораго иногда никакая нитка не выведетъ души на истинной путь ея спокойствія и тишины. — Ахъ дѣти! — Друзья мои! — Какая школа Царскія чертоги! —

Окончивъ нынешній годъ, сдѣлаемъ ему краткое нравственное обозрѣніе. — Я много пріобрелъ знакомствъ и тщетной славы; извѣстенъ сталъ въ лучшихъ домахъ, и вхожъ къ меньшому двору. По общему мнѣнію судя, я поставилъ себя на хорошую ногу въ свѣтѣ, но посмотримъ чего мнѣ ето стоило. — Я не говорю о скукѣ, объ исканіяхъ, ходатайствахъ, и разныхъ капризахъ, которыя тамъ и сямъ мнѣ переносить было должно, болѣе всего меня угнѣтать начинали долги. Сей неусыпаемый червь городскихъ жителей! — Читатель уже знаетъ главныя душевныя мои припадки; я любилъ разсѣяніе и роскошъ. Щегольство вскружило мнѣ голову, — мнѣ хотѣлось имѣть фракъ такой же, какъ и у всѣхъ, и какъ можно чаще, слѣдуя модѣ, перемѣнять его. — Славный портной тогдашній Vainqueur одѣвалъ меня въ долгъ и въ одинъ годъ подалъ счетъ въ 1000 руб. — Кромѣ фраковъ, театръ требовалъ своего одѣянія, и я не хотѣлъ ни отъ кого отстать. Всѣ молодыя люди щеголяли также ческой, какъ и мнѣ не отличится множествомъ пуклей на головѣ. Парикмахеровъ иностранныхъ тогда было множество въ Петербургѣ, и нѣкто Beauregard хаживалъ меня убирать на каждой балъ, или съѣздъ, что случалось почти ежедневно. — Кто молодъ не бывалъ? — Всякому хочется быть выскочкой; въ дватцать лѣтъ человѣкъ рѣдко знаетъ чѣмъ надлежитъ отличатся, а многія, сказать правду, и умираютъ съ тѣмъ, что вѣкъ того не знаютъ. — Безпрестанная ѣзда то въ Сарское Село, то по дачамъ знатныхъ господъ, кои всегда лѣтомъ живали за городомъ, требовала наемнаго екипажа, моя пара могла меня только возить въ городѣ, и то не на показъ. Вотъ новая издержка и очень значущая. Извощики были дороги и наемъ четверни очень часто становился убыточенъ моему карману. На все ето окладнаго моего жалованія отъ батюшки и въ полку, которое вообще не превышало 1500 руб., было очень недостаточно, кредитъ дополнялъ его, и по окончаніи года оказалось на мнѣ долгу до 2000 руб. Продолжительная разлука моя съ батюшкой налагала на меня долгъ съ нимъ повидаться. Чувствовалъ я, что кредиторы мои, кудречесы, ямщики, закройщики, не скоро выпустятъ меня изъ города; мучимъ такимъ безпокойствомъ, я рѣшился не дожидаясь далѣе, исповѣдать батюшкѣ свою невоздержность. Въ етомъ намѣреніи не то меня тревожило, чтобъ навлечь на себя гнѣвъ родительской; я увѣренъ былъ, что онъ не падетъ на меня, потому что заблужденіи мои проистекали не отъ порчи сердечной, а отъ молодости и легкомыслія, которое будучи естественною данью природы въ мои лѣта, не могло обремѣнять совѣсти моей, и слѣдовательно раздражить Отца; болѣе всего меня тревожило то, что разстроенное состояніе родителей моихъ, собственныя ихъ недостатки, кои становились уже чувствительны, увеличатся моими прихотями; Батюшка долженъ будетъ изворачиваться съ трудомъ, чтобъ сдѣлать мнѣ вспоможеніе, а огорчить его казалось мнѣ самымъ большимъ несчастіемъ, ибо я его очень горячо любилъ и съ довѣренностію безпредѣльной; — и такъ написалъ къ нему о моихъ издержкахъ и ждалъ отвѣта какъ громоваго удара. — Почта принесла его въ двѣ недѣли, и ктожъ бы повѣрилъ развязкѣ? — Нѣжной родитель безъ гнѣва, безъ досады пѣнялъ мнѣ съ чувствительностію, что я далъ волю тщеславному побужденію моихъ склонностей, напоминалъ мнѣ прежнія свои нравоученіи, распространялся въ нихъ, увѣщевалъ быть впредь осторожнѣе, и, наконецъ, благодаря меня же за откровенность съ какою я обратился прямо къ нему въ тѣсныхъ моихъ обстоятельствахъ, за то, что я безъ всякой интриги, не стороной, а непосредственно ему повинился, принялъ на себя милостиво долгъ мой и уплатилъ изъ него тотчасъ 800 руб. — остальныя очистилъ по времени. — Какъ же я былъ счастливъ! — не потому, что долгъ снятъ съ меня, какъ вредной нарость рукою мудраго и чувствительнаго врача, но счастье мое состовляло то,

[1]) См. выше, стр. 64, прим. 3.
[2]) См. № 1, стр. 37, прим. 4.
[3]) Графъ Мусинъ-Пушкинъ состоялъ при дворѣ наслѣдника съ 1783 г.

что батюшка не гнѣвается на меня и щадитъ сына повѣсу. Какъ гора съ плечь свалила! Сколько разъ освободясь отъ должниковъ я клялся никогда не впадать болѣе въ ихъ руки. — Но увы! — роскошь и послѣ етаго опыта ставила мнѣ новыя силки, въ которыя я всегда попадалъ, какъ сомъ въ вершу. — Трудно устоять противъ царствующей страсти! —Всѣ прочія покоришъ разсудку, но есть всегда такая въ нихъ, которая самаго тебя невольно порабощаетъ. О человѣкъ! — Чѣмъ же ты гордится можешъ!

Предъ истеченіемъ года въ Москвѣ были дворянскія выборы, и батюшка выбранъ въ депутаты (дворянскія) отъ Московской округи. Депутаты были сочлены губерн. пред., которой по учрежденіямъ Екатерины вообще съ ними (а ихъ отъ каждаго уѣзда избиралось по одному), обязанъ былъ расматривать дворянскія родословныя, и вносить поколѣніи настоящихъ дворянъ въ особо установленныя на то книги. — Должность маловажная, но какъ выборы дворянскія черезъ каждыя три года въ разныя мѣста судей и чиновниковъ изъ отставныхъ, были прекраснѣйшій идеалъ, которой Екатерина ввела перьвая въ своемъ Государствѣ, то всякая должность ими налагаемая казалась уважительною и превосходной, — по сему то отношенію и Отецъ мой не считалъ приличнымъ отговорится отъ етаго пустаго званія.

1786.

Не смотря на кроткія отношеніи ко мнѣ моего Отца, ему хотѣлось пожурить меня лично, да и было за что. Онъ писалъ къ Н. И. (Солтыкову) и просилъ объ отпускѣ меня на 29 дней въ Москву. Сол(тыковъ) — отвѣчалъ батюшкѣ похвальнымъ письмомъ на счетъ моей службы и повѣденія, а между тѣмъ, посуля мнѣ паспортъ, удержалъ еще недѣли на двѣ при полку, дабы я могъ воспользоватся готовящимися праздниками по случаю дворянскихъ выборовъ, коимъ въ той зимѣ истекъ трехъ летній срокъ въ Петербургѣ.

Первое удовольствіе мое въ наступившемъ годѣ, состояло въ Богоявленскомъ парадѣ; въ Крещеньевъ день бываетъ обыкновенно крестный ходъ изъ дворца на воду въ Адмиральтейскомъ каналѣ [1]), на которомъ готовится Іордань. Полки вокругъ ее становятся по всюду и занимаютъ отдаленное пространство въ городѣ, фрунтомъ командуетъ по наряду очередной штабъ гвардіи. — Нынѣ доставалось нашему маіору Левашову и ему угодно было меня взять при себѣ для распоряженія церемоніей военной. Погода была теплая, я досталъ лошадку смирную, потому что трусливо ѣжжалъ верьхомъ. По счастію моему и маіоръ мой не храбрѣе меня сидѣлъ на своемъ буцефалѣ. — Мнѣ казалось, глядя на себя, что я перьвой человѣкъ былъ въ городѣ, и что скакать по улицамъ верьхомъ, въ знакѣ и шарфѣ, расчитывать ряды, таскать за собою кучу сержантовъ, есть торжество ни съ какимъ другимъ не сравненное. — Для меня ета Іордань была Трояновъ тріумфъ, и я отправя парадъ былъ собой чрезвычайно доволенъ. Церемонія кончилась благополучно. Великой Князь изволилъ съ своего балкону смотрѣть по обыкновенію на полки, кои мимо дворца проходя повзводно салютовали его Высочеству и отретировались, солдаты по казармамъ, а мы по своимъ домамъ, не отморозивши ни одного члена, что было всего счастливѣе, потому что иногда Крещеньевъ день на Невѣ не шутитъ и долго памятенъ бываетъ солдатамъ.

[1]) Нынѣ засыпанномъ.

Потомъ начались выборы. Государыня изволила поручить отправить обрядъ ихъ Н. И. (Солтыкову), и все возможное раскинуто было при томъ великолѣпіе. — Дѣйствіе сіе происходило въ Канцлерскомъ домѣ, гдѣ учреждена дума Владимірскаго Ордена. Я ничего здѣсь не скажу о выборахъ. Мнѣ не извѣстно было ни какъ они должны производится, ни какъ шли. — Мое дѣло было веселиться, и я на двухъ маскарадахъ которыя при семъ случаѣ, отъ двора даны были подъ управленіемъ Солт(ыкова), подвигъ свой совершилъ очень порядочно, т. е. плясалъ чрезвычайно много, и ветреничалъ около молодинькихъ барышенъ.

Потомъ увы! — Данъ мнѣ паспортъ на 29 дней, и сперьва собравши на маслиницѣ дань со всѣхъ петербургскихъ забавъ, пріѣхалъ въ великой постъ постится въ Москву, смирятся и говѣть. — Вотъ какъ всякое время переходчиво! Бывало въ Питерѣ тошно, — теперь изъ него грустно.

Сколько бы снисходителенъ ни былъ Отецъ, онъ долженъ иногда суровой видъ показать сыну, когда сей увлекается въ безпорядки. Батюшка принялъ меня съ важной холодностію, и цѣлой день не изволилъ говорить со мною, ожидая полнаго моего къ себѣ обращенія. Сестра большая [1]) пользовалась всей его довѣренностію, и по качествамъ своимъ заслуживала преимущества надъ нами, а какъ мы были съ малолѣтства всегда между собой очень дружны, то ея ходатайству я и обязанъ совершеннымъ прощеніемъ. — На завтра моего пріѣзду вошелъ я къ батюшкѣ, засталъ его одного, палъ предъ нимъ на колѣни, и начавъ съ глупаго пистолета, до послѣдняго дня Петербургской жизни, все ему разсказалъ съ неограниченнымъ чистосердечіемъ. — Батюшка только етой жертвы и требовалъ отъ насъ, признаніе мое изустное его побѣдило. Съ терпѣніемъ выслушавъ все мое похожденіе, онъ взглянулъ на образъ, заплакалъ, потомъ оборотясь ко мнѣ, съ усмѣшкой поцѣловалъ меня въ лобъ. — Ето была печать совершеннаго примиренія! Ета минута неизгладимыми чертами врѣзана въ душѣ моей. Матушка о шалостяхъ моихъ ничего не знала. Батюшка сберегая слабыя чувства ее никогда не доводилъ до нее то, что могло бы ихъ растроить. Проживши въ Москвѣ постъ, въ которой никакихъ забавъ не бываетъ, я не могъ ими пользоватся, но ни съ чѣмъ не сравню того удовольствія, съ какимъ я прожилъ ето короткое время между своими родными, въ домѣ родительскомъ! Такое удовольствіе замѣняетъ всѣ прочія на чужой сторонѣ. Кому не мило родимое гнѣздо? И Лапланецъ свое дымовье предпочитаетъ Индостану! — Къ тому же разсѣянная жизнь большихъ городовъ всегда оставляетъ въ сердце пустоту, а семейная живитъ нашу душу.

Въ разговорахъ на счетъ службы моей съ батюшкой, узналъ я, что ему хотѣлось помѣстить меня при началѣ воспитанія Великихъ Князей, въ штатъ набираемыхъ къ нимъ Кавалеровъ. Онъ объ этомъ имѣлъ сношеніи съ Н. И. Солтыковымъ, которой отозвался будто бы: Государыни не угодно окружать внуковъ своихъ людьми знатныхъ фамилій; — и такъ, я къ лику сихъ избранныхъ не могъ быть причисленъ. — Отговорки ли то были пустыя съ стороны Н. И., или настоящая правда, узнать трудно! — Бесѣды ихъ съ Екатериной намъ никто не разсказалъ. Можетъ быть и справедливо, потому что онъ имѣлъ многихъ ближайшихъ родственниковъ, изъ которыхъ однако никто не попалъ ко

[1]) Кн. Прасковья Михайловна, см. № 2, стр. 62, прим. 4.

двору, также что по времени подтвердила мнѣ и Нат(алья) Воло(димировна) — въ откровенномъ разговорѣ. Но по нѣкоторымъ другимъ опытамъ, судя послѣ о характерѣ Солт(ыкова), я принужденъ вѣрить, что онъ самъ или отъ трусости придворной, или отъ хладнокровія ко всему тому что было не онъ самъ, не смѣлъ о семъ Государынѣ и заикнутся. — Здѣсь обнаруживается перьвои случай гдѣ Солт(тыковъ) похищая названіе благодѣтеля нашего дома, онаго однако не оправдалъ и оказывалъ свое доброхотство ко мнѣ не услугами прямыми, а одними пустыми привѣтствіями. — Будущая исторія моя сіе болѣе и болѣе докажетъ.

Какъ мигъ пролѣтело время моего отпуска. Не смотря на скуку великаго поста, я не видалъ какъ приспѣлъ срокъ мой. Собравшисъ назадъ къ полку, я не простился ни съ кѣмъ, по русской пословицѣ, дальныя проводы, лишнія слезы. — Взвился и полетѣлъ.

Положеніе моихъ финансовъ не могло перемѣнится. Отецъ мой не въ силахъ былъ давать мнѣ золота пригоршнями; его чувствительно обремѣняли долги; оставалось мнѣ умѣренностью въ расходахъ прибавить доходу. — Трудна задача! — но необходима. Въ полкъ явился я въ мартѣ, по послѣднему пути и началъ дежурить. — Скоро двухнедѣльную мою просрочку я заработалъ, и мнѣ ее въ вину не поставили.

Между знатнѣйшими домами въ Петербургѣ по рожденію и богатству считался домъ принцессы Голштенбековой [1]). Она была принцесса крови и Екатерининской кавалеръ. Вышедъ замужъ за кн. Ив. Сер. Бар(ятинскаго), но будучи съ нимъ въ разводѣ, она съ двумя дѣтьми своими, сыномъ и дочерью, жила безъсѣздно въ Петербургѣ. За ней было одинадцать тысячъ душъ, всѣ ее привыкли звать принцессой; всякой почиталъ себѣ за особливую честь быть въѣжжъ въ домъ ея, потому что кромѣ титла своего, она была дама почтенная, любезная, ко всѣмъ благопривѣтлива безъ гордости и чванства, вела себя со всѣми ровно, и довольно еще была молода, чтобъ привлекать къ себѣ всю молодежъ городскую; однако въ ея обществѣ былъ большой разборъ въ людяхъ. Пріемъ къ ней былъ атестатомъ для молодаго человѣка; она очень строго смотрѣла за поведеніемъ равно тѣхъ, кои рекомендовались ей въ знакомство, какъ и тѣхъ, кои представляли ей своихъ приближенныхъ; она любила забавы большаго свѣта, театры и балы. Богатство позволяло ей роскошъ. — Мужъ ея былъ генералъ порутчикъ и посломъ въ Парижѣ.

По случаю дѣтскаго спектакля въ ея домѣ, скоро по пріѣздѣ моемъ, имѣлъ и я честь быть приглашенъ къ ней. Принцесса меня приняла съ лестной благосклонностію; и предложила мнѣ играть у нея на театрѣ.— Таковъ ли я былъ чтобъ отказатся отъ етой работы? — Славной Французской придворной труппы актеръ Т. Hoffrene [2]) хаживалъ насъ учить и управлялъ нашимъ зрѣлищемъ, потому что принцесса любила въ домѣ своемъ давать не игрища, а настоящіи комедіи. — Я любилъ театръ

[1]) Принцесса Гольштейнъ-Бекъ, Екатерина Петровна, (1750—1811) дочь ген.-фельдм., ген.-губ. Лифляндскаго и Эстляндскаго, замужемъ за кн. Иваномъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ (посланникъ въ Парижѣ). (1738—1811). Сынъ ихъ, кн. Иванъ Ивановичъ, былъ посланникомъ въ Мюнхенѣ. Дочь Анна Ивановна за Н. А. Толстымъ.

[2]) Jean Rival, по прозв. Aufresne (1710—1806), Женевецъ, по рекомендаціи Вольтера, послѣ тріумфовъ въ Европѣ, приглашенъ въ Петербургъ. Его игра, въ отличіе отъ установившихся традицій, отличалась простотой и натуральностью дикціи. Преподавалъ драматическое искусство въ кадетскомъ корпусѣ. Умеръ въ Спб.

черезвычайно, и сверхъ общихъ наставленій, кои давалъ намъ Гофренъ, при репетиціяхъ, хаживалъ къ нему на домъ брать уроки; я такъ ему показался способенъ, что онъ принялся за меня съ крайнимъ усердіемъ, и въ короткое время, я до такой точности подражалъ его голосу, ухваткамъ, произношенію, что затворя двери въ комнату гдѣ мы вмѣстѣ проходили мои роли, сама жена Гофренова часто ошибалась, и по голосу принимала меня за него. — У принцессы готовилась французская комедія „la Soirée à la mode“, въ которой я игралъ пожилова барона; прочія актеры были господа Енгельгардъ, Ржевской, тотъ же, съ которымъ я игралъ у Бор(оздиной), родственникъ мой кн. Сер. Вас. Дол(горуковъ) — [1]) Свистуновъ, и учитель принцессина сына; — актрисы: Г-жа Ломакъ урожденная Хрущева, монастырка, барышня Ивкова [2]) съ пригожествомъ и талантами природными.

Репетиціи наши были не такъ, какъ водится во многихъ благородныхъ театрахъ, одно условное сходбище чтобъ рѣзвится въ свободѣ, — нѣтъ! — Мы не прежде сыграли комедію, какъ удостовѣрясь Гофреномъ, что она пойдетъ хорошо. — Въ самомъ дѣлѣ трудно было бы охотникамъ удачнѣе нашего сыграть, и изъ всѣхъ театровъ благородныхъ не было совершеннѣе нашего. Тутъ то я нажилъ славу свою въ этомъ родѣ; всѣ называли меня молодымъ Гофреномъ; рукоплесканіи не умолкали, и я поднялся на ходули; дарованіе театральное было тогда замѣтно въ людяхъ благородныхъ; оно давало имъ особенную цѣну въ отборныхъ обществахъ. Дворъ самъ любилъ мимику, вкусъ его разливался на всѣ состояніи. По большой части не всегда то только и хорошо, что въ правду хорошо, но что любо двору, то бываетъ любо и всѣмъ; старой законъ гражданскаго міра! — Столичныя жители всегда обезьянутъ Царскія чертоги. — Съ етой комедіи я сдѣлался коротокъ въ домѣ у принцессы и принадлежалъ къ ея обществу. — Игравши у Бороздиной я волочился за Львовой [3]), а у Принцессы за Ивковой, но какъ я не могу етихъ двухъ пристрастій назвать настоящей любовной страстью, то объ нихъ особенно и не упоминаю, ибо для описанія подобныхъ скоропреходящихъ капризовъ въ жизни моей, не стало бы бумаги въ лавкахъ.

Наслѣдникъ престола препровождалъ обыкновенно лѣто въ двухъ своихъ увеселительныхъ замкахъ, въ Павловскомъ [4]) близь Сарскаго Села, и въ Гатчинѣ [5]), занимаясь по склонности врожденной къ воинской службѣ вахтпарадами, училъ каждое утро при разводѣ или баталіонъ Морской состоящій въ его вѣдомствѣ, потому что онъ былъ президентомъ Адмира(лтействъ) Коллегіи [6]), и генералъ адмиралъ, или кирасирской свой полкъ [7]),

[1]) Сергѣй Васильевичъ Долгоруковъ, бригадиръ, сынъ премьеръ маіора Василія Сергѣевича. Происходилъ изъ 2-й вѣтви Долгоруковыхъ, дальній родственникъ автора.

[2]) Ивкова, жила въ домѣ кн. Барятинской. Въ „Капищѣ“ авторъ сознается, что хотя и былъ въ нее влюбленъ, но уже забылъ ея имя.

[3]) См. выше, стр. 72, прим. 1.

[4]) Павловскъ возникъ въ 1777 г. на землѣ, подаренной въ этомъ году императрицею великой княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ.

[5]) Гатчино подарено императрицею великому князю Павлу Петровичу въ 1783 году.

[6]) Адмиралтействъ Коллегія учреждена Петромъ I въ 1718 г. для завѣдыванія судостроеніемъ и другими дѣлами „къ Адмиратeльству принадлежащими“. Во главѣ ея стоялъ генералъ-адмиралъ. При имп. Екатеринѣ она была раздѣлена на 6 экспедицій.

[7]) Полкъ основанъ Петромъ I въ 1704 г., съ 1733 г. получилъ названіе Лейбъ Кирасирскій, теперь называется Лейбъ-гвардіи Кирасирскій Ея Величества полкъ.

а съ утренней зарей, иногда забавлялся полковыми строями; прочее время дня онъ томился въ скукѣ, не имѣя кромѣ чтенія никакихъ занятій; вечера онъ убивалъ за шашками. — Объѣхавши почти всю Европу въ послѣднемъ своемъ путешествіи, онъ привезъ съ собою вкусъ къ изящнымъ художествамъ и искусствамъ [1]). Отъ природы же былъ весьма уменъ и ученъ основательно; память имѣлъ превосходную, но былъ какъ и я грѣшной безобразенъ лицомъ, и какъ я же любилъ около женщинъ дѣлаться рыцаремъ. — За нимъ была принцесса Виртемберская [2]), о которой только скажу то, что она къ мужу своему была очень привязана, и Богъ благословилъ ихъ изряднымъ поколѣніемъ. — Сіе предварительное объясненіе о домѣ Царскомъ нужно здѣсь потому, что судьба моя скоро будетъ непосредственно отъ нихъ зависить и гораздо прежде, чѣмъ вся Россія.

Ихъ Высочества любили театръ. Онъ, какъ я сказалъ уже выше, былъ забава по модѣ.—Великой Княгинѣ захотѣлось дать супругу своему сюрпризъ, и нечаянно представить ему въ Гатчинѣ театральное зрѣлище.— Камергеръ Гр. Черны(шевъ) [3]) заправлялъ етимъ дѣломъ и составлялъ труппу. — Не трудно было набрать ее изъ фрейлинъ, при дворѣ тутъ живущихъ, и изъ придворныхъ. — Всякой за честь себѣ ставилъ попасть въ списокъ.— Расположились они играть драмму Честнаго преступника, разумѣется по французски, другого нарѣчія при дворѣ не было. Престарѣлаго отца въ ней играть было у нихъ нѣкому. Въ самое ето время вездѣ кричали о моемъ талантѣ. Черны(шевъ) доложилъ о томъ Великой Княгини, и испрося дозволеніе причислить меня къ ихъ кругу, сообщилъ о томъ г-жѣ Бекендорфовой [4]), потому что самъ лично не былъ знакомъ со мною, а Бекен(дорфъ) была и въ тѣсной связи пріязни съ Великой Княгиней, и очень коротка въ домѣ у принцессы. Черезъ нее начались со мною переговоры; принцесса мнѣ сдѣлала предложеніе играть у двора; я посовѣтовался съ родными, спросился у Гр. Пуш(кина), никто отъ етаго не прочь, и я согласился. — Гр. Черны(шовъ) при перьвомъ свиданіи отдалъ мнѣ мои роли и назначилъ день пріѣзда въ Павловское.—Вытвердя роль въ драммѣ, я ѣздилъ учится къ Гофрену и съ его одобренія отправился на новыя подвиги ко двору.

Тамъ начался для меня новой и волшебной родъ жизни. — Великая Княгиня дѣлала сюрпризъ и, слѣдовательно, нужно было скрывать отъ Великаго Князя. — Етотъ зналъ что будетъ что то, но притворялся будто ничего не вѣдаетъ, а пока мы пробовали свои піесы, они розыгрывали между собою очень искусно свою. Одинъ я былъ изъ гвардіи офицеровъ въ ихъ обществѣ; подъ какимъ предлогомъ меня показать зара-

[1]) Великій Князь съ супругою, путешествовали 1781—82 г.г. подъ именемъ графовъ Сѣверныхъ. Они посѣтили Вѣну, Венецію, Римъ Неаполь, Флоренцію и Парижъ. Это было 2-е путешествіе Павла Петровича.

[2]) Вел. кн. Марія Ѳеодоровна, дочь герцога Вюртембергскаго, Фридриха Евгенія. Род. 1759 г., † 1828. Вышла замужъ въ 1776 г.

[3]) Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ († 1830), состоялъ при вел. князѣ, камергеръ, былъ женатъ на Е. П. Квашниной-Самариной. Въ воспоминаніе о своихъ занятіяхъ молодости, онъ издалъ въ 1821 г., и поднесъ Имп. Маріи Ѳеодоровнѣ собраніе своихъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ подъ названіемъ Théatre de l'arsénal de Gatchina. Указанныхъ авторомъ записокъ пьесъ тамъ, впрочемъ, нѣтъ.

[4]) Анна-Юльяна Бенкендорфъ, урожденная Шиллингъ-Фонъ-Капштатъ, подруга дѣтства вел. кн. Маріи Ѳеодоровны, была замужемъ за Рижскимъ губернаторомъ Христофоромъ Ивановичемъ. Невѣстка ея, о которой идетъ рѣчь ниже, 2-я жена Ермолая Ивановича Б., урожденная фонъ-Бревернъ, Христина Карловна.

нѣе Великому Князю? — И такъ, Великая Княгиня изволила мнѣ отвести квартиру внѣ замка, и приказала чтобъ я днемъ не попадался нигдѣ на глаза Великому Князю, и проводилъ время у г-жи Бекенд(орфъ), не той, которая пользовалась ея милостію, а у невѣстки ея родной, которой мужъ отставной маіоръ, ничего не значущій былъ въ услугахъ у Великой Княгини, на жалованьи ея карманномъ, и смотрѣлъ за Павловскимъ хозяйствомъ, .понеже знать надобно, что у ея Высочества все было на нѣмецкой манеръ; и такъ, просто сказать, я былъ у нѣмки етой, Ермолая Иван. супруги на хлѣбахъ; она была женщина рослая, дюжая и не мудреная — бесѣды никакой, познаніи все огородныя. Нигдѣ я такой трактаціи школьной не выслушалъ о картофелѣ и чухонскомъ маслѣ, какъ у нее, а послѣ теоріи слѣдовала практика, и я четыре раза въ день приглашался дѣлить съ ней большое блюдо етаго овоща, плавающаго въ маслѣ. — Тяжело мнѣ было, но предъ торжествомъ, которое мнѣ готовилось, надобно было что нибудь и вытерпѣть. Карантинъ продолжался съ недѣлю.—Днемъ я прятался отъ всѣхъ, послѣ ужина меня выпускали погулять въ саду, потомъ являлся на репетиціи, кои продолжались съ одиннадцати часовъ вечера до двухъ и трехъ за полночь. — Спать могъ цѣлое утро никто бы меня не хватился, ибо я нуженъ былъ только для комедіи.—При драммѣ Честнаго Преступника готовили оперу небольшую съ аріями и куплетами въ честь герою торжества Великому Князю. — Опера кончалась балетомъ, — все ето сочинялъ гра. Черны(шевъ) оберъ балагуръ придворной.—Сверхъ роли въ драммѣ мнѣ дали и въ оперѣ и въ балетѣ работу. — Во всѣхъ искуствахъ заставили дебютировать: въ оперѣ я игралъ потѣшнаго прикащика, а въ балетѣ буффу. Суетъ было много, и при всей скукѣ я не видалъ, какъ время шло.—Самолюбіе меня крайне обуревало! —

Насталъ день моего избавленія. — Изъ Петербурга съѣхалось множество знатнѣйшихъ господъ; почти всѣ иностранные послы были приглашены. Ето происходило около Петрова дня; погода была прекрасная, спектакль шолъ очень удачно. Я нарядился такъ сходно съ моимъ характеромъ, что мнѣ можно было дать лѣтъ весемьдесять. — Сперьва я оробѣлъ. — Великая Княгиня, по милости своей, при выходѣ моемъ на сцену, изволила ударить въ ладоши и меня ето очень ободрило. Подобно сраженію, гдѣ перьвой огонь страшенъ, — тутъ перьвое слово выговорить тяжело, потомъ войдешъ въ свое натуральное положеніе и ничего уже не боишся. Я игралъ удачно. — Всѣ мнѣ рукоплескали; были мѣста, въ которыя я заставлялъ зрителя плакать. Между растроганными могъ я замѣтить и француза T. D'Aguessau, котораго похвала мнѣ лестнѣе казалась многихъ моихъ соотечественниковъ. Онъ наглядѣлся своихъ домашнихъ театровъ въ Парижѣ, и мнѣ трудно было тронуть зрителя, уже давно избалованнаго въ етомъ вкусѣ. Всѣми похвалами какія я пріобрелъ тогда обязанъ я урокамъ Гофрена, безъ нихъ худо бы мнѣ было. На пробахъ нашихъ нѣчему было учится. Шумъ одинъ и споры начинали ихъ и оканчивали; всякой заправлялъ и никто никого слушатся не хотѣлъ; къ тому же совмѣстничество препятствовало доброму согласію между нами. Гатчинскія жители составляли свою партію, а мы, петербургскія, заѣжжія—свою; и отъ того часто усиліи наши не имѣли полнаго успѣха. — Послѣ драммы изрядно пропѣлъ я и аріи свои, а танцовалъ хоть плохо, да смѣшно, то то въ роли моей и надобно было; —

много поддержали меня, когда я робѣлъ, гр. Пуш(кинъ), принцесса и кн. Щербатовъ. Всѣ, принимая во мнѣ участіе, на перерывъ мнѣ аплодировали и благосклонность ихъ поправляла мои недостатки.

По окончаніи театра я сошелъ въ свою комнату, какъ послѣ кораблекрушенія, весь въ водѣ. Тутъ меня ожидалъ опытъ самой непріятной. Черны(шевъ), прибѣжавши меня обнимать и благодарить, насказалъ мнѣ пропасть привѣтствій и кончилъ тѣмъ, что Великой Князь шлетъ ко мнѣ прекрасныя часы, въ подарокъ за мое снисхожденіе. При етомъ словѣ меня бросило въ жаръ, я забылъ гдѣ я, забылъ долгъ уваженія къ лицамъ меня призвавшимъ, и наговоря всего много, просилъ Чер(нышева) поскорѣй предупредить такой уничижительный для меня поступокъ, потому что я часовъ не приму и дамъ чувствовать ихъ Высочествамъ, что меня на ровнѣ съ художникомъ наемнымъ награждать они не могутъ; что я стыда такого не потерплю, и что я никого не родился тѣшить изъ подарковъ.—Чер(нышевъ) началъ меня уговаривать и оставя въ сильномъ волненіи, даже въ слезахъ, побѣжалъ назадъ.—Что тамъ происходило я не знаю, но спустя нѣсколько минутъ маіоръ Бенк(ендорфъ) [1]) пришелъ меня звать отъ имени ихъ высочествъ въ ихъ покои.—Достигнувши своей цѣли я успокоился и пошелъ во дворецъ.—Кто бывалъ нѣсколько разъ въ Сарскомъ Селѣ, для того уже Гатчина не диковинка. Ихъ высочества прогуливались въ саду, на лугу близь картинной галлереи, въ которой ужинъ приготовленъ былъ. Меня представили Великому Князю, которой не пожаловавъ руки, изъ учтивости, изволилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ сказать; потомъ я былъ представленъ къ рукѣ ея Высочеству и удостоился также ея лѣстной опробаціи.—Имъ угодно было приказать мнѣ отужинать у себя;—и такъ, очутился я у двора; чего многимъ иногда самыя рѣдкія достоинства доставить не могутъ, тѣмъ обязанъ я былъ скоморошеству—Таковъ свѣтъ придворный! Милости принцессы, гр. Пуш(кина) и ласки прочихъ моихъ знакомыхъ меня совершенно очаровали.

Великому Князю угодно было еще разъ видѣть зрѣлище, и я для етаго оставленъ въ Гатчинѣ, но уже не съ прежней своей хозяйкой дѣлилъ время, а ходилъ къ обѣду и къ ужину во дворецъ, и тамъ проводилъ вечера по принятому обряду. У Великаго Князя обыкновенно въ часъ по полудни садились за столъ, ужинать подавали въ девять; утро все проходило по комнатамъ каждаго какъ кому захотѣлось. Собирались въ залу въ двѣнадцать часовъ, послѣ обѣда опять расходились въ три, и до семи всякой дѣлалъ что ему разсудится у себя; въ семь опять всѣ въ залу. Тутъ начинался или театръ, или игра въ карты и въ лото, а между молодыми людьми разныя рѣзвости въ саду и на террасахъ.—Въ десять всѣ расходились по номерамъ спать.—Вотъ какъ и я проводилъ тутъ послѣ театра еще три дни; всякій день ихъ Высочества изволили меня замѣчать и разговора своего удостоить.

Во второй спектакль уже мы меньше имѣли жителей. Большая часть гостей воротилась въ городъ, и я въ тотъ же вечеръ откланивался ихъ Высочествамъ, кои столько милостивы были ко мнѣ, что позволили и впредь ѣздить къ себѣ, въ ихъ увеселительныя замки.—Я очень чувствовалъ, что такой честью обязанъ я былъ не себѣ лично, или до-

[1]) Ермолай Ивановичъ.

стоинствамъ своимъ, а ремеслу актера; но отложа всѣ ети тонкости радъ былъ приглашенію, потому что оно мнѣ сулило впереди и много удовольствій, и много случаевъ отличится передъ своими товарищами въ Петербургской публикѣ.

Я ни слова еще не сказалъ о Гатчинѣ и о нашей труппѣ. Восторгъ увлекалъ меня въ другія подробности. Гатчина — мѣсто дикое, мрачное, въ пятидесяти верстахъ отъ Петербурга; на немъ выстроенъ большой каменный замокъ во вкусѣ древнихъ рыцарскихъ обиталищъ.—Маетность сія принадлежала кн. Ор(лову) [1]); по смерти его Екатерина купила ето мѣсто въ казну, и пожаловать изволила его Великому Князю; тутъ построенъ очень хорошій театръ въ самомъ домѣ и замѣчанія достойны: оружейной кабинетъ и фарфоровой столовой сервизъ съ разными видами сельскихъ охотъ. Великой Князь живалъ тутъ по большей части осенью и тѣшился театромъ и маневрами. — Въ Гатчинѣ онъ былъ хозяинъ, а въ Павловскѣ супруга его.

Общество наше въ Честномъ Преступникѣ составляли: каммергеръ гр. Черныш(евъ), каммеръ юнкеры: кн. Волкон(скій) [2]) и гр. Пуш(кинъ) [3]), и Violié [4]), живописецъ живущій на жалованьи при дворѣ Ихъ Высочествъ.—Женщины: сенатора гр. Пуш(кина) жена [5]), дама иностранная, и госпожа Говенъ урожденная Борщова, [6]) монастырка, бывшая до замужества фрейлиной у Великой Княгини.—Въ оперѣ сверхъ наименованныхъ лицъ участвовали: Анна Кир. Бенк(ендорфъ) пріятельница Великой Княгини, фрейлина ея Высочества Нели(дова) [7]) и барышня Смирнова [8]), которая по выпускѣ изъ Монастыря, взята была ко двору ихъ Высочествъ.—Мущины присоединились къ намъ, въ оперѣ: Плещеевъ [9]), бригадиръ во флотѣ, находившійся при Великомъ Князѣ и подполковникъ флотской Кушелевъ [10]). Во всемъ кругу дамъ и дѣвицъ глаза мои кинулись прежде всѣхъ на дѣвицу Смирную, и я съ какимъ то особеннымъ чувствомъ ее замѣтилъ.

Евгенья Сергѣевна, такъ ее называли, была дочь самыхъ бѣднѣйшихъ и не важныхъ дворянъ. Отца она лишилась во время Пугачева; мѣстечко Стародубъ ея родина. Мать ее, имѣя маленькое имѣньице въ Твер. губ., подъ названіемъ Подзолово, проводила тутъ жизнь свою, воспитывая четырехъ сыновей и двухъ дочерей, и содержала свое семейство тѣмъ малымъ доходомъ, какой могли ей дать состоящія за нею во владеніи седмьнадцать душъ крестьянъ.—На всѣ случаи жизни

[1]) Кн. Григорію Григорьевичу Орлову, который и выстроилъ тамъ дворецъ. О подаркѣ Гатчины, см. у Шильдера, имп. Павла I, стр. 186 — 187.

[2]) Кн. Павелъ Михайловичъ Волконскій (1763 — 1808).

[3]) Гр. Аполлосъ Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ (1760 — 1805), впослѣдствіи тайн. сов., писатель, естествоиспытатель, умершій во время экспедиціи въ Грузію.

[4]) Henri François Viollier, род. въ Женевѣ, въ 1750 г., въ Россіи съ 1780 г. Миніатюристъ. Въ 1833 г. еще жилъ въ Бернѣ. По русски — Гаврила Петровичъ.

[5]) Прасковья Васильевна, дочь кн. Долгорукова-Крымскаго.

[6]) Н. С. Борщова-Говенъ, сопровождала вел. кн. во время путешествія.

[7]) Екатерина Ивановна Нелидова (1756 — 1839), фрейлина имп. Маріи Феодоровны, другъ имп. Павла, имѣвшая на него большое, благотворное вліяніе.

[8]) Будущая супруга автора, Евгенія Сергѣевна (1770 — 1804). Онъ ее называетъ то Смирнова, то Смирная.

[9]) Сергѣй Ивановичъ, другъ имп. Павла и его супруги, впослѣдствіи — вице-адм., въ отставкѣ съ 1798 г.

[10]) Григорій Григорьевичъ (1754 — 1833), впослѣдствіи графъ, адмиралъ, вице президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи.

нашей есть роковая минута. Въ одно изъ путешествій Екатерины II въ Москву, г-жа Смирная нашла случай представится фельдмаршальши гр. Румян(цевой) [1]), и просить ее о вспомоществованіи ей пристроить дочерей своихъ въ какое либо казенное училище. Евгенія была представлена Великой Княгинѣ Натальи Алексѣевнѣ, перьвой супругѣ наслѣдника престола.—Понравился ей ребенокъ, ей было тогда четыре года, и Государыня изволила взять ее на свое попеченіе. Мать привезла дѣвочку ко двору, и тутъ ее оставили. Съ ней приняты были и еще другія двѣ; всѣ они обучались по французски и жили на половинѣ Великой Княгини.—По кончинѣ сей разумной и благотворительной Принцессы, Евгенія по соизволенію ея отдана въ Смольный Монастырь [2]) и тамъ воспитана.

Смольнымъ Монастыремъ называлась женская монашеская обитель, подъ самымъ Петербургомъ, при которой Екатерина установила для бѣдныхъ дворянскихъ дочерей училище.—Сіе заведеніе есть одно изъ превосходнѣйшихъ въ своемъ родѣ. Оно вѣчную славу принесло Екатеринѣ, памятникъ незабвенный благости ея и изящной чувствительности къ сиротамъ своего пола.—Тутъ, на ряду съ прочими благородными дѣвушками, образовалась и Смирная. — Постановлено было имъ жить и обучатся при етомъ Монастырѣ двѣнадцать лѣтъ, послѣ чего выпускались они въ свѣтъ къ своимъ роднымъ; всѣ лучшія и знаменитѣйшія дворяне отдавали сюда дочерей своихъ сюда воспитыватся.—Главное надзираніе надъ симъ заведеніемъ имѣлъ Ив. Ив. Бецкой [3]), а въ самомъ домѣ жила и управляла воспитаніемъ благородныхъ дѣвушекъ съ самаго начала его учрежденія княжна Анна Сергѣевна Долго(рукова) [4]), пожилая дѣвица, а потомъ вдова генералъ маіорша де Лафонъ [5]). Во время сей послѣдней вступила Смирная. Поелику она отдана была отъ двора и на счетъ его воспитывалась, то и присмотръ за нею, и ученье ее было нѣсколько отличнѣе общаго. Всякія три года бывалъ пріемъ новыхъ и выпускъ старыхъ воспитанницъ. Смирная была понятна и училась хорошо; войдя въ бѣлой возврастъ (такъ назывался послѣдній срокъ пребыванія Монастырскаго во время котораго они носили бѣлыя платья), въ ней открылись дарованіи превосходныя; она прекрасно пѣла, танцовала, играла на арфѣ и къ театральному выраженію, т. е. къ декламаціи, была очень склонна. Собою не хороша, но миловидна, мала ростомъ, но стройна. Къ несчастію имѣла слабую грудь и часто кашляла.—Въ Смольномъ Монастырѣ иногда бывали театры; благородныя воспитанницы между собою разыгрывали нравственныя піесы [6]). Роли мущинъ играли они же, ибо нашъ полъ во внутреннія комнаты ихъ ни-

[1]) Жена фельдмаршала П. А. Румянцева, графиня Екатерина Михайловна, гофмейстерина вел. кн. Натальи Алексѣевны.

[2]) Смольный Монастырь былъ построенъ при имп. Елизаветѣ архитекторомъ Растрелли. Институтъ при немъ учрежденъ съ 1764 г.

[3]) Иванъ Ивановичъ Бецкой (1704 — 1795), извѣстный дѣятель Екатерининскихъ временъ. Основатель Воспитательныхъ домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

[4]) Камеръ-фрейлина (1719—1778), происходила изъ 3-й вѣтви рода Долгоруковыхъ, дальняя родственница автора.

[5]) Или Де Лафонша, какъ ее называетъ авторъ въ „Капищѣ", Софья Ивановна Делафонъ (1717 — 1797).

[6]) Съ 70-хъ годовъ стали устраиваться въ институтѣ театральныя представленія въ присутствіи императрицы Екатерины. Представленія эти были отмѣнены императрицей Маріей Ѳеодоровной, въ вѣдѣніе которой былъ отданъ институтъ императоромъ Павломъ.

когда не впускался, и съ нимъ ихъ не ознакомливали иначе какъ изрѣдко, въ большихъ собраніяхъ публичныхъ на екзаменахъ, и то совсякой предосторожностію. За барышнями вездѣ были строгія глаза.

Государыня жаловала ето мѣсто и часто посѣщала ихъ за просто, безъ всякой пышности. Кто не пристрастенъ къ своимъ собственнымъ заведеніямъ? — Однажды представлялась у нихъ опера La belle Arsène, и Смирная играла въ ней перьвую ролю. Искусство ее понравилось Екатеринѣ. Она замѣтила ее и пожаловать ей изволила на приданое 2000 руб., которыя хранились въ Ломбардѣ до ея замужества. Приспѣло время ея выпуска. Ето было въ 1785-мъ годѣ; она выдержала екзаменъ, и кромѣ похвальнаго листа удостоилась получить въ награжденіе золотой вензель Императрицы. Симъ означалось преимущество самыхъ лучшихъ Монастырокъ по ихъ успѣхамъ. Онъ раздѣлялся на три класса; первой вензель на бѣлой лентѣ о трехъ золотыхъ полосахъ, второй о двухъ, и послѣдній объ одной. Вензеля всѣ были одинаковы; ихъ носили такъ, какъ и алмазныя фрейлинскія вензеля публично, и они служили отличіемъ Монастыркамъ во всю жизнь ихъ, во всякомъ состояніи. — Смирной данъ былъ бантъ о двухъ полоскахъ; раздавали вензелей такихъ при всякомъ выпускѣ только шесть, а выпускали вдругъ по пятидесяти дѣвушекъ. — Въ память покровительства покойной Ве-кой Кня-ни принята была Смирная къ меньшому двору, представлена Государынѣ и стала жить на половинѣ Ве-кой Кня-ни Маріи Феодоровны во всемъ на ровнѣ съ придворными ея фрейлинами, хотя и не пользовалась симъ наименованіемъ, потому вѣроятно, что имъ положенъ былъ штатъ и онъ былъ наполненъ. — Ихъ Вы-ства оказывали ей отличныя милости и благоволеніи.—Игравши у двора комедію, я скорѣе всѣхъ съ нею ознакомился и скоро въ нее влюбился. — Чѣмъ суровѣе она со мною обращалась, тѣмъ сильнѣе я къ ней привязывался и часто питалъ намѣреніе на ней женится, если буду взаимно ею любимъ. — Трудно было до етаго достигнуть, но я старался все преодолѣть. — Зналъ я сколько препятствъ откроетъ мнѣ въ моемъ желаніи воля моихъ родныхъ, потому что она была бѣдна; но любовь рѣдко слушается разсудка, всѣ соображеніи становились химѣрою, когда глаза мои ее встрѣчали. Я полюбилъ ее страстно и непременно рѣшился соединить съ ней судьбу мою. Само Небо казалось мнѣ ее предназначало, какъ увидятъ послѣ. Большая часть знакомыхъ мнѣ дѣвушекъ были монастырки. Привыкнувъ къ обращенію съ ними, я плѣнялся ихъ воспитаніемъ, простосердечіемъ, добродѣтельными побужденіями души и здравымъ разсудкомъ. Они не умѣли притворяться и лукавить; всегда были открыты со всякимъ и никакого не показывали кокетства въ поведеніи. Мнѣ всегда хотѣлось, когда я помышлялъ о женидьбѣ, выбрать Монастырку бѣдную и не очень знатнаго рода; мнѣ казалось, что ничего нѣтъ тягостнѣе, какъ принадлежать по женѣ большому дому. Всякой дядюшка, думалъ я, станетъ тебя брать въ опеку и властвовать надъ тобою. Всякая беззубая тетушка за все про все будетъ ворчать. Богатая жена рано или поздно, при малѣйшемъ своевольствѣ, упрекнетъ своимъ имѣніемъ и разогорчитъ черезвычайно. Воспитанная въ свѣтѣ дѣвушка замучитъ своимъ жеманствомъ. — Вотъ какъ я думалъ о союзѣ супружескомъ и едва ли ошибался? — Въ такихъ мысляхъ сталъ я искать понравится Смирной, старался выказывать ей мою склонность, испы-

тывалъ нравъ ея и расположился добиваться удачи. — Посѣщеніи меньшаго двора и театры проложили мнѣ къ тому удобнѣйшую дорогу, съ которой я уже и не сбивался.

Шагъ мой ко двору Ве-каго Князя сдѣлалъ чувствительное удовольствіе роднымъ моимъ въ Москвѣ, особливо Батюшкѣ, которой живши въ Петербургѣ, по службѣ, былъ всегда Его Высочествомъ замѣчаемъ вездѣ, гдѣ онъ его видалъ, на балахъ и публичныхъ съѣздахъ во дворцѣ, или въ иномъ мѣстѣ, вездѣ подходилъ къ нему и съ нимъ говаривалъ. Такое вниманіе привязало Отца моего къ Великому Князю; онъ его любилъ и на ласкахъ его основалъ то счастливое заблужденіе, что Павелъ, вступя на престолъ нѣкогда возвратитъ дому нашему прежній блескъ его и силу. — Дымъ честолюбія заражалъ часто моего Отца, кровь дѣда моего пролитая на плахѣ не излечила его потомства отъ сей мучительной болѣзни. По етимъ драгоцѣннымъ мечтамъ батюшка очень радовался, что я вхожъ къ Великому Князю, и почиталъ милости его ко мнѣ слѣдствіемъ благоволенія его къ нему. — Плачевная ошибка! — время намъ покажетъ что одна комедія была пружиною, дѣйствующей во всей моей судьбѣ у двора.

Гораздо существеннѣе предстояло удовольствіе Московскому нашему семейству. Меня увѣдомляли въ тоже время, о помолвкѣ сестры моей середней Кн. Анны, за гр. Пет. Анд. Ефим(овскаго)[1]. Краткая біографія его состоитъ изъ слѣдующаго. Отецъ его гр. Анд. Мих. Ефим(овскій)[2], будучи въ родствѣ съ Гр. Скавр(онскимъ) — и, слѣдовательно, съ Екатериной I по ея рожденію, достигъ служа въ Россіи до знатнаго Чина и важнаго состоянія; онъ былъ оберъ гофмейстеръ, помнится при Императрицѣ Елисаветѣ, т. е. генералъ аншефъ, и имѣлъ за собой большое имѣніе. Женившись три раза отъ всѣхъ женъ прижилъ дѣтей [3]). Женихъ сестринъ родился послѣдній. О законности его происходили по духовнымъ трибуналамъ сильныя споры. Отецъ его слюбясь съ своей крестьянкой, потаенно на ней женился и прижилъ сына Петра и дочь Марью. — О бракѣ его до нынѣ идутъ противорѣчіи, и думать надобно, что молодой графъ не могъ доказать своего происхожденія правильнымъ образомъ, когда по многомъ сопротивленіи духовной Дикастеріи, Екатерина II, изъ особеннаго благоволенія къ сему дому изволила объявить, что гр. Анд. Ефимов(скій) былъ точно женатъ на рабѣ своей, и ей тайну сію исповѣдалъ предъ кончиною, стыдясь огласки публичной, ибо тогда неравенство въ супружествѣ считалось въ дворянскомъ сословіи за большое отступленіе отъ чести и всѣхъ добрыхъ правилъ. Подлинно ли бракъ сей состоялся, или Екатерина хотѣла только разрубить узелъ рожденія малолѣтнаго потомка Ефимо(вскаго) рода, но на семъ ея объявленіи рѣшено дѣло, и мальчикъ Петръ съ сестрою признаны публично законными дѣтьми гр. Анд(рея) Мих(айловича). Сынъ сдѣлался наслѣдникомъ знатной части имѣнія родительскаго; оно взято въ опеку вмѣстѣ съ нимъ, и сирота воспитанъ очень худо, въ Московскомъ

[1]) Графъ Петръ Андреевичъ Ефимовскій (1765 — 1826). По смерти Анны Михайловны (1798 г.) женился вторично на А. Ѳ. Скарятиной.

[2]) Гр. Андрей Михайловичъ, ген.-аншефъ (1717 — 1767), родной внукъ сестры императрицы Екатерины I.

[3]) На гр. М. П. Ягужинской († 1755), на кн. Грузинской, и на С. Никоновой (крестьянкѣ).

пансіонѣ, подъ мнимымъ покровительствомъ двора, которой тогда же и забылъ о немъ.

Въ теченіи настоящаго года ему было не болѣе двадцати лѣтъ. Матери его уже небыло на свѣтѣ, онъ только что вышелъ изъ опеки и получилъ въ управленіе свое до 2000 слишкомъ душъ въ одномъ мѣстѣ, во сто верстахъ отъ Москвы, и не смотря на то, что былъ очень худо образованъ, считался уже по Москвѣ на ряду отличныхъ жениховъ. Старой слуга его, имѣвшій надъ нимъ большое вліяніе, водилъ его часто къ нашему приходу къ обѣднѣ. Тутъ онъ видѣлъ сестру мою, она была пригожа, онъ въ нее влюбился и сталъ свататься, сестра охотно за него пошла, не смотря на его странности и недостатки, хотя впрочемъ умъ у него природной и былъ, но въ самой грубой коркѣ, а просвѣщенія никакого; она надѣялась, что вышедъ замужъ, она его образуетъ и снова дастъ ему воспитаніе, приличное большому свѣту. — Увы! всѣ мы ошибаемся! — но всякой на свой манеръ. Батюшка видя добрую воли дочери своей, и Матушка также, хотя не съ горячимъ стремленіемъ, однако согласились на ея замужество, и такъ, мая 3-го числа, сестра помолвлена рѣшительно и всѣмъ роднымъ дано о томъ знать. Сверьхъ многихъ диковинокъ, кои въ женихѣ примѣчались постепенно, непріятно было и то, что онъ еще былъ только сержантъ гвардіи, но 2000 душъ, все 2000 душъ, и по словамъ Фонъ Визина, въ Бригадирѣ [1]): „Какія къ чорту безъ нихъ достоинства“. — Впрочемъ можно было надѣяться, что фамилія его единственная въ Россіи, ибо онъ былъ послѣдній въ родѣ, близкое свойство съ домомъ Петра I, а болѣе всего богатое состояніе, скоро доставятъ ему и по службѣ повышеніе. Я съ моей стороны незнавши етаго молодаго человѣка совсѣмъ, и за очно увѣдомленъ будучи о судьбѣ сестры моей, сомнѣвался радоватся или печалится, но въ полной довѣренности къ выбору моихъ родителей и самой невѣсты, надѣялся, что она будетъ счастлива, и ето одно могло меня сдѣлать довольнымъ, потому что я сестеръ своихъ всегда искренно и чувствительно любилъ.

Мои новыя обстоятельства шли своимъ порядкомъ, я влюблялся въ Смирную каждой день болѣе и на сей конецъ очень часто ѣздилъ къ Великому Князю. Мнѣ такъ сіе сдѣлалось обычно, что я почти жилъ у двора. Полкомъ правилъ доброй и п...(ьяный) Ди. — Онъ по большой части все спалъ, а офицеры дѣлали что хотѣли, солдаты не учась ничему торговали женнинами издѣліями; въ такомъ общемъ бездѣйствіи и я имѣлъ много свободнаго времени. Отдежуривши недѣлю при полку, возилъ свой рапортъ къ Солт(ыкову) — въ Сарское Село; тамъ отобѣдавши за Екатерининымъ столомъ, пріѣжжалъ на нѣсколько дней, а часто и на недѣлю въ Павловское; и тутъ также былъ театръ, какъ и въ Гатчинѣ. Мѣсто гораздо пріятнѣе, открытое, близко отъ города и дворца Сарскосельскаго. Всѣ заботы его и упражненіи были живѣе; можетъ быть оно болѣе Гатчины нравилось и отъ того, что я не выдержалъ тутъ такого карантина какъ тамъ. Впрочемъ родъ жизни ихъ Высочествъ былъ вездѣ одинаковъ. — Въ Павловскомъ Великой Князь занимался болѣе морскимъ баталіономъ, которой у него караулъ держалъ, и по праздникамъ выходила рота съ штандартомъ. Всякой день бывалъ разводъ съ ученьемъ. Въ Гатчинѣ, напротивъ, стоялъ Кирасирской полкъ

[1]) Бригадиръ былъ оконченъ авторомъ въ 1765 — 6 г., и прочитанъ имъ въ присутствіи императрицы.

и наряжалъ на караулъ ко дворцу одинъ взводъ пѣшій съ офицеромъ въ полномъ одѣяніи, въ латахъ; тамъ разводы были не такъ пышны, за то въ хорошія осеннія дни съ утренней зари начинались полковыя строи и маневры, а иногда и баталіонъ морской прихаживалъ для общей екзерциціи тудажъ. Утро все въ жертву приносилось Беллонѣ и Марсу, а остальная часть дня посвящаема была забавамъ. — Ихъ Высочества дѣлили все лѣто между сими увеселительными домами, и имѣли обыкновеніе оканчивать сельскую жизнь свою въ началѣ Октября, переѣжжая къ 14 числу (день рожденія Великой Княгини) всегда въ Петербургъ, на зимнее житье.

Ни одинъ годъ не былъ такъ богатъ удовольствіями, какъ настоящій.—Все лѣто мы играли разныя комедіи, то въ Павловскомъ, то въ Гатчинѣ; я имѣлъ множество удобныхъ случаевъ питать новую страсть свою и она сильныя пустила корни; свычка быть вмѣстѣ съ Смирной по утру, днемъ и вечеромъ, бесѣдовать съ ней, искать взаимной любви ея, связали тотъ неразрывной узелъ, которымъ я теперь наслаждаюсь; Евгенія стала по маленьку мягче со мною обходиться, увлекалась къ подобнымъ моимъ восторгамъ и сама меня полюбила.—Я старался угождать ихъ Высочествамъ моими слабыми дарованіями, дабы пріобрѣсть ихъ благоволеніе и, казалось, на то время успѣлъ въ моихъ видахъ; Ихъ Высочества меня жаловали, принимали всегда благосклонно, часто изволили со мною говорить; я всегда имѣлъ хорошую комнату и во всемъ довольство. Надо признатся, что пріѣжжающія въ маетности Великаго Князя, всегда были очень хорошо угощаемы; всякой имѣлъ свой номеръ, въ которой приношивали по утру и по полудни два раза въ день полной приборъ чаю, кофе, шеколаду и предъ обѣдомъ хорошую закуску; на вечеръ двѣ восковыя свѣчи; какъ перьвому вельможи такъ и послѣднему чиновнику, но гостю, оказывали тѣже учтивости въ пріемѣ. — Столъ всегда прекрасной, по вечерамъ музыка въ саду и разныя игры, или благородной театръ, или нѣмецкой; въ саду качели, кегли, свайка, въ комнатахъ воланъ, жмурки, фанты, танцы и разныя другія игры. Всякой ими пользовался и принималъ во всѣхъ забавахъ участіе.—Нѣмецкой театръ былъ всего скучнѣе, ето правда, особливо для меня, потому что я не разумѣю языка, но ихъ Высочества не могли имѣть другаго.—Русской, Французской и опера Италіянская работали для публики въ Петербургѣ [1]), и, часто, въ свободныя дни отвлекались въ Ермитажъ къ Императрицѣ.—Свобода въ обращеніи у меньшаго двора ничемъ не стѣснялась и каждой забывалъ что у будущаго Царя въ гостяхъ.—Для меня всего тягостнѣе были утреннія строи. Я любилъ высыпаться, а для нихъ надобно было выѣжжать часа въ четыре утра, да и верхомъ, что также умножило мое отвращеніе; но Великой Князь любилъ военныя игрушки и хотѣлъ, чтобъ всякой въ нихъ такое же находилъ удовольствіе, какъ и онъ самъ. Часто я просыпалъ ученьи и никогда мнѣ ето съ рукъ не сходило. Великой Князь по нѣскольку дней иногда, въ наказаніе за мою

[1]) Въ это время при дворѣ содержались: театръ россійскій, опера комическая и итальянская, театръ французскій, театръ нѣмецкій и балетъ. Нѣмецкіе спектакли давались въ Гатчинѣ, при дворѣ вел. кн. Въ Эрмитажѣ по понед. и средамъ были русскія комедіи, по четвергамъ французская опера и комедія, по пятницамъ и вторникамъ итальянская опера. Съ 1784 г. импер. труппы давали спектакли для публики во вновь выстроенномъ Большомъ театрѣ.

лѣнь, со мною не говаривалъ ни слова. Въ угодность его я долженъ былъ притворятся и противъ воли садится на буцефала, ѣздить за нимъ по шеренгамъ, и измучась во все утро, быть на цѣлой день ни къ чему не способнымъ. Ахъ! какъ я ненавидѣлъ всегда ети дурачества, кои называютъ маневрами!—и кои лишь ребятъ одныхъ занимать могутъ, а Великой Князь уже былъ не дитя.—Но страсти человѣческія такъ разнообразны и капризны, что ни одной изъ нихъ понять нельзя, когда самъ ею не страдаешъ.

Осенью мои набѣги на Гатчину познакомили меня съ другой забавой, къ которой я не могъ также пристрастится. Гр. Пуш(кинъ) — страстной былъ охотникъ до собакъ. В. К-зь не имѣлъ етаго вкуса самъ, но желая доставить графу удовольствіе, выписывалъ на всю осень къ себѣ придворную большую охоту. Въ етомъ ему и не отказывали, потому что у большаго двора никто не занимался ею. Однажды случилось и мнѣ съѣздить съ графомъ, что называется на поле; цѣлой день я проторчалъ верьхомъ, и по утру гоньба, и послѣ обѣда тоже, и очень поздо воротились мы во дворецъ. Пуш(кинъ) знатную привезъ добычу и восхищался днемъ своимъ, а я считалъ его потеряннымъ совершенно. Вотъ какъ различны капризы нашего вкуса! Для меня одна только и есть забава—многочисленное собраніе разумныхъ тварей, театръ, музыка, шумъ и роскошное освященіе.—Гдѣ свѣтло, тутъ мнѣ и весело.

Для Государя непогоды нѣтъ, и въ октябрѣ въ придворной деревнѣ тотъ же городъ. Но надобно было перебиратся въ Петербургъ, и я на етотъ срочной день смотрѣлъ какъ на послѣдній день моей жизни; отправляясь передъ тѣмъ въ полкъ изъ Гатчины, я по обряду откланивался ихъ Высочествамъ.—В. К-зь, изволилъ приказать мнѣ ѣздить во дворецъ на его половину также и въ городѣ зимой, какъ лѣтомъ въ загородныя его замки.—Восхищеніе мое было чрезвычайно, и такъ, я могъ видится съ Евгеньей безпрестанно, могъ занимается ею по прежнему, не терпя мучительной разлуки.—14 окт., въ день рожденія В. К-ни, я въ перьвой разъ имѣлъ счастіе ужинать у Ихъ Высочествъ, и всякую недѣлю раза по три пользовался етой честію—не всѣ могли имѣть ее; кругъ гостей городскихъ очень былъ ограниченъ; обыкновенно бесѣда Ихъ Высочествъ съѣжжалась къ нимъ на половину въ семь часовъ вечера, а въ десять всѣ разъѣжжались.—Хотя городской образъ жизни не могъ уподобляться деревенскому, и етикетъ очень надоѣдалъ своимъ строгимъ принужденіемъ, однако благопріятное обращеніе ихъ Высочествъ доставляло разныя удовольствіи посѣтителямъ ихъ, а къ томуже театръ не останавливался, и наша труппа готовилась къ новымъ зрѣлищамъ на Каменномъ островѣ.

Въ ету зиму я очень развлеченъ былъ. Кромѣ театра придворнаго я продолжалъ играть у принцессы.—Дядя мой гр. Строг(ановъ) [1]) также вадумалъ къ своимъ именинамъ, 23 ноября, завести спектакль, въ которомъ я учавствовалъ, а въ добавокъ, я собрался самъ сочинить маленькую оперу, которую разыграли въ домѣ гр. Пуш(кина), въ день имянинъ графини 28 октября.—Она написана была по французски; сочиненіе не важное, но для бездѣлки искусства большаго не надобно, и я съ изряднымъ успѣхомъ выплелся изъ дерзкаго предпріятія быть сочинителемъ.—Тутъ

[1]) Александръ Сергѣевичъ.

играли трое насъ Долго(руковыхъ)[1]) и живущія въ графскомъ домѣ родственницы. Вездѣ театръ шелъ удачно, всюду мнѣ рукоплескали, и я былъ необходимъ во всѣхъ домахъ гдѣ ставили кулисы.

Придворныя увеселеніи для меня были всѣхъ занимательнѣе по двумъ отношеніямъ; я былъ влюбленъ, и ожидалъ въ свое время воспользоватся щедротами Павла, когда онъ приметъ престолъ; но какъ въ молодости страсть честолюбія еще не имѣетъ большой силы, то пріятно было мнѣ и по другимъ театрамъ славится хорошимъ актеромъ. Самолюбіе мое наслаждалось полнымъ успѣхомъ въ етомъ предмѣтѣ.—Въ домѣ гр. Пуш(кина) жили двѣ благородныя дѣвушки; обѣ очень любезныя: гра. Голов(ина)[2]) и Безоб(разова)[3]). Я не предпочиталъ Смирной никого, однако когда не могъ дѣлить время съ ней, проводилъ его безъ скуки у Пуш(кина), и признатся долженъ, что меня туда заманило также легинькое пристрастіе къ обѣимъ вдругъ.—Упомянуть обязанъ здѣсь непремѣнно и о домѣ гр. Строг(анова). У него была одна дочь еще ребенокъ. Онъ жилъ розно съ женою и поручилъ ее воспитаніе французенкѣ г-жѣ Ville-auxcleres[4]). Между тѣмъ какъ мать дѣлила все свое время съ маленькой графиней, дочь ея молодая и пригожая дѣвушка, вела интригу съ старымъ графомъ, и обманывая его, — любилась съ другими. — Мать ея, женщина уже лѣтъ сорока слишкомъ, смѣтливая и хорошо образованная иностранка, сквозь пальцевъ смотрѣла на проказы своей дочери, и занималась съ утра до вечера воспитаніемъ молодой графини. Будучи какъ французенка жива, и подъ старость она имѣла около себя кругъ иностранной; актеры, художники, ученыя, къ ней съѣжжались, и всякой день на дѣтской половинѣ былъ для нихъ особый столъ. Туда повадился и я ѣздить часто: общество мадамъ Ville (aux clère) было очень заманчиво. Бесѣда ея занимательна и шутки остроумны.—И въ етомъ то обществѣ я могу сказать, что я выучился быть свѣтскимъ человѣкомъ. Меня осмѣивали, критиковали, я вырабатывалъ свои мысли, чувства, выраженіи и смѣло признаюсь, что если я слылъ въ большомъ свѣтѣ любезнымъ, обязанъ я етимъ точно попеченіямъ госпожи Ville, которая полюбя меня, снова воспитала, и ознакомила съ тѣми уловками пріятнаго общежитія, безъ которыхъ молодой человѣкъ можетъ быть многихъ похвалъ достоинъ по качествамъ своимъ,—но пріятенъ, никогда;—а кто же не хочетъ нравится?—Суровыя философы назовутъ ето преимущество суетой. Пусть такъ! но одна добродѣтель суха въ мірѣ, и чтобъ дать ей всю ея цѣну, необходимо нужно убрать ее цвѣтами свѣтскаго образованія.

Называть по именамъ всѣ комедіи, кои я разыгрывалъ на разныхъ театрахъ было бы пустое; на иныхъ однако можно остановить вниманіе, потому что они имѣли особенное на меня дѣйствіе.—При В. К-зѣ жилъ швейцарецъ по имени La Fermière[5]), котораго онъ очень жаловалъ и въ досужное время, особенно по полудни заставлялъ его читать у себя

[1]) Т. е. авторъ записокъ, кн. Сергѣй Васильевичъ, и, вѣроятно, Александръ Яковлевичъ.

[2]) Графиня Головина, Елисавета Сергѣевна († 1831 г.), замужемъ за кн. М. А. Шаховскимъ, по родству съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, жила у него въ домѣ.

[3]) Елисавета Алексѣевна Безобразова, позднѣе замужемъ за гр. Апраксинымъ. Родная сестра будущей 2-й жены автора.

[4]) M-me Ville aux Clères, см. „Капище".

[5]) О немъ см. „Капище".

разныя книги для своего занятія. Иностранецъ етотъ имѣлъ познаніи очень хорошія, и уже немолодыхъ былъ лѣтъ, но весьма грубъ и неприступенъ для людей ему незнакомыхъ.—Онъ сочинилъ Французскую оперу Le Faucon, которая пондравилась ихъ Высочествамъ, и дѣйствительно была затѣйлива; вся въ тогдашнемъ вкусѣ, т. е. очень романическая, довольно велика и состояла изъ трехъ дѣйствій. Музыку сочинилъ для нее г. Борт(нянскій[1]) превосходную. Ихъ Высочествамъ угодно было чтобы мы ее разыграли.—Читана она авторомъ самимъ публично при всѣхъ при насъ въ одно пополуденное время, въ кабинетѣ В. К-зя.—Тутъ же розданы роли и назначено ее учить. Мнѣ надлежало ѣхать въ Москву къ сестриной свадьбѣ, и я отъ роли своей учтиво хотѣлъ отозватся, но замѣнить меня новымъ лицемъ у двора не хотѣли.—В. К-ня просила меня остатся, я долженъ былъ исполнить волю ея, и отъ етаго зрѣлища послѣ такъ сильно влюбился въ Смирную, что уже послѣ комедіи не имѣлъ силъ отъ нее удалится.—И такъ, вытвердили мы оперу; зрѣлище было прекраснѣйшее, я самъ имѣлъ ролю не важную;—перьвыя играли Смирная и Вадк(овскій)[2]), каммергеръ, сынъ бывшаго нашего подполковника.—Представленіе удалось, и нѣсколько разъ было повторено съ большимъ удовольствіемъ.—Въ етой то оперѣ Смирная отличилась чрезвычайно; она выказала мастерское знаніе театральнаго искусства и голосъ ее нѣжностію своей производилъ чудеса; въ то же почти время она употреблена была въ балетѣ пантоминномъ, довольно продолжительномъ, и всѣхъ изумила нѣмой своей игрой, картиной стана и проворствомъ въ ногахъ. Не было зрителя, которой бы не восхищался ея прелестьми на театрѣ.—Чтожъ долженъ былъ чувствовать я, которой уже любилъ ее страстно и былъ ею замѣченъ въ такомъ обширномъ и великомъ кругѣ молодыхъ и лучшихъ людей?—Я былъ всегда глядя на нее въ иступленіи, и, конечно, не солгу, когда напишу здѣсь и сто разъ еще можетъ быть въ жизни повторю, что театръ былъ перьвой причиною моего счастія, и что отъ етой забавы я много имѣлъ отрадъ и много принялъ горя.—Какія мелкія вещи созидаютъ иногда всю нашу участь!—Стыдно, но запереться въ етомъ трудно.—Опытъ всегда въ томъ порука.

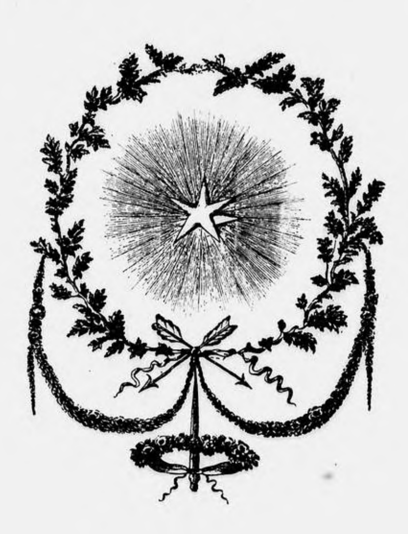
Прежде нежели кончить рѣчь о театрѣ, замѣтимъ еще странность. Я никогда не учился музыкѣ и правилъ ее совсѣмъ не зналъ, слѣдовательно могъ пѣть по навычкѣ народную пѣсню, но не арію въ оперѣ съ оркестромъ. — Однакоже я пѣлъ въ операхъ и самыя значительныя роли, не ошибаясь ни въ одной нотѣ, напротивъ случалось иногда въ квартетахъ, гдѣ такъ музыка многосложна и збивчива, помогать другимъ мурлыча про себя ихъ партію, и всегда кстати и во время попадалъ въ свое собственное мѣсто. — Дѣйствіе памяти счастливой и вѣрнаго слуха отъ природы; я всѣ свои аріи вытверживалъ наизусть, какъ урокъ грамматики. — Скрыпачъ по нѣсколько разъ тоже да тоже мнѣ наигрывалъ и я такимъ образомъ очень твердо удерживалъ на памяти всѣ тоны и ни съ какимъ оркестромъ не збивался, къ удивленію многихъ. Сама В. К-ня когда ей о семъ доложили не хотѣла вѣрить и нарочно пришла на одну школьную репетицію, чтобъ удостовѣрится въ етомъ. — Борт-

[1]) Дмитрій Степановичъ Бортнянскій, знаменитый церковный композиторъ, род. 1751 г., ум. 1825 г. въ Спб.

[2]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ, любимецъ Павла I, впослѣдствіи гер.-лейтен. Сопровождалъ вел. князя при отъѣздѣ на войну съ Шведами, въ 1788 г.

н(янскій) сидѣлъ за своимъ фортепьяно, у насъ у всѣхъ, въ томъ числѣ и у меня, ноты были въ рукахъ, всякой пѣлъ свою партію, дошла до меня очередь и я, глядя на ноту, очень исправно пропѣлъ свой куплетъ. „Какъ же, вскричала В. К-ня, государи мои, вы сказали что онъ музыки не знаетъ, да онъ поетъ по нотѣ". — „Извольте Ваше Высочество приказать кн. Долго(рукову) показать вамъ мѣсто на бумагѣ, которое онъ теперь протвердилъ", отвѣтствовалъ Борт(нянскій). Государыня подошла ко мнѣ ближе, и какое было ея удивленіе, когда она изволила увидѣть, что, не только я схватилъ совсѣмъ не ту партію, которую въ то время розыгривали, но даже и бумагу держалъ вверхъ ногами, что ясно показало Ея Высочеству, что я никакого понятія не имѣлъ о музыкальныхъ правилахъ и пѣлъ однимъ навыкомъ, благодаря вѣрному своему слуху и памяти. — Большую часть пріятныхъ художествъ я получилъ отъ природы и отъ рутины; пѣлъ, танцовалъ, комедію игралъ, даже стихи писалъ все по привычкѣ болѣе, нежели по теоріи правилъ; натура болѣе мнѣ дала искуствъ и чувствительности въ органахъ, нежели всѣ профессоры университета набили мнѣ ума и наукъ въ голову.

Оставимъ теперь театръ и углубимся въ обстоятельства, кои устроили судьбу мою, и коихъ перьвое основаніе положено было, такъ сказать, за кулисами. — Вотъ причина, для которой я такъ распространялся, говоря о нашихъ зрѣлищахъ.





Любовники сколько ни таятся, все ихъ изобличаетъ. Многія стали догадыватся что между Смирной и мною есть симпатія, и что мы другъ другу необходимы во всѣхъ играхъ и занятіяхъ нашихъ. Молва начала о семъ распространятся, сперьва глухо, а потомъ говорили многія о семъ безъ закрышки; свѣдали родныя мои въ Петербургѣ, что я имѣю на ету дѣвушку виды; знали они, что влюбясь у двора мнѣ нельзя будетъ, огласивши дѣвушку достойную, и подъ ихъ покровительствомъ, отстать отъ нее также свободно, какъ водилось за мною въ другихъ мѣстахъ, а они съ уваженіемъ глядѣли на нынѣшнее положеніе мое и круто взялись прекратить ету склонность, доколѣ можно было еще имъ дѣйствовать и поступки мои не были рѣшительны. — Дядя мой, баронъ Строг(ановъ) [1], съ досадой выговаривалъ мнѣ о семъ, грозилъ жаловатся батюшкѣ, и силою его власти оторвать меня отъ новаго моего пристрастія. Тѣмъ то самымъ онъ ускорилъ только успѣхи моихъ происковъ. Ничего нѣтъ щекотливѣе; какъ удерживать порывъ молодого человѣка, когда онъ страстенъ. Ето требуетъ большаго искуства; строгость, а паче жесткія выговоры тутъ совсѣмъ не у мѣста. Нѣжное обращеніе гораздо надежнѣе; но дядя мой думалъ, что крикъ все приведетъ въ порядокъ. Онъ судилъ по прежнему опыту; здѣсь совсѣмъ другія были отношеніи и я его избавилъ отъ труда кровь пускать мнѣ въ другой разъ. Видя, что онъ, гр. Стро(гановъ) [2] и прочія учавствующія во мнѣ въ городѣ, всѣ противъ моей женидьбы на Смирной, потому только, что она бѣдна и я

[1] Александръ Николаевичъ.
[2] Графъ Александръ Сергѣевичъ.

также, но впрочемъ отъ нихъ же слыша отъ всѣхъ справедливыя похвалы о ея нравѣ и качествахъ, я ни мало не колебался въ моемъ намѣреніи искать руки ея. Сол(тыковъ), Пуш(кинъ) всѣ почти называли меня сумашедшимъ, говоря обыкновенно какъ водится: чѣмъ вы будете жить? Я не умѣлъ бѣдность почитать препятствіемъ, всѣ возраженіи казались мнѣ не основательными и, дабы дядя мой не упредилъ меня въ Москвѣ, я тотчасъ написалъ обо всемъ къ батюшкѣ съ обыкновенною откровенностію и предварительно просилъ дозволенія женится на дѣвицѣ Смирной, если она согласится за меня выйтить. Начавши сію переписку съ Отцемъ моимъ прямо, я уже освободилъ себя отъ большой работы, т. е. не боялся чтобъ ему прежде меня наговорили, намутили, не страшился постороннихъ впѣчатлѣній для меня, или для Смирной предосудительныхъ; ожидалъ со страхомъ и трепетомъ батюшкинаго отвѣта и сложивши въ родительское сердце такой тяжелый грузъ довѣренности, принялся между тѣмъ слаживать дѣло у двора.

Каммерг. Вадков(скій) былъ любимецъ Павловъ [1]). Мнѣ онъ хорошо былъ знакомъ; я открылся ему въ моей страсти и поручилъ узнать расположеніе сердца дѣвицы Смирной. Отвѣтъ былъ благопріятенъ. У двора не было противниковъ моему намѣренію. Въ одинъ вечеръ ужинавши у В. К-зя я примѣтилъ изъ шутокъ, его что онъ уже знаетъ обо всемъ, однако не пожалуюсь на скромность его, онъ ни слова не выпустилъ непріятнаго въ насмѣшкахъ своихъ. Женщины всегда торопливѣе мущинъ. Они любятъ въ подобныхъ случаяхъ ускорить развязку. Бенк(ендорфъ), отозвавши Евгенію что то ей пошептала; та очевидно перемѣнила со мною обращеніе, стала удалятся отъ меня во весь вечеръ и, не говоря ни слова, скрылась въ свои покои. — Ето меня взорвало! — Я вспыхнулъ. — Мнѣ казалось, что Г-жа Бенк(ендорфъ) внушила худыя мысли о моемъ поведеніи, или свойствахъ Евгеніи и тѣмъ произвела ее холодность. Въ тотъ же вечеръ я отъ В. К-зя послѣ ужина бросился къ Вад(ковскому) — все ему разсказалъ и требовалъ настоятельно объясненія съ Смирной. Хотя я къ ней имѣлъ позволеніе иногда уходить, но всегда былъ не одинъ, и разговоръ такой къ какому я съ ней готовился не требовалъ свидѣтелей. — Вад(ковскій) именемъ ее назначилъ мнѣ свиданіе ноября 1. О! преблаженный день въ жизни! — Начто описывать наше свиданіе? — Кто любилъ, тотъ почувствуетъ его; меня кидало въ огонь поминутно, я робѣлъ, не смѣлъ слова промолвить, дрожалъ какъ предъ Богомъ! — Евгенія отъ стыдливости и невиннаго сердца получала неизъяснимыя прелести, какихъ не даетъ женщинамъ ниже Венеры самой красота. — Переговоря съ ней при Вадк(овскомъ), мы другъ другу поклялись въ вѣчной любви и ета была минута свободной нашей помолвки, послѣ которой начались обряды свѣта. — Вадк(овскій) доложилъ о нашемъ свиданіи ихъ Высочествамъ, равно какъ и о томъ, что я писалъ къ Отцу своему.—Тотчасъ сдѣлалось ето гласно. Весь городъ заговорилъ о моей женитьбѣ; родныя мои надули губу, видя что ужъ передѣлать ето не въ ихъ силахъ; съ дворомъ сладить имъ было не удобно, а дворъ, т. е. ихъ Высочества, взяли наше соединеніе въ особое свое покровительство. — Но до отвѣта батюшкинаго нельзя было еще объявить всенародно нашей тайны. — Между тѣмъ театры и забавы не теряли своего порядка, и я приватно становился домашнимъ на половинѣ у Великаго Князя.

[1]) См. № 3-й, стр. 92.

Хотя Павелъ о намѣреніи моемъ зналъ черезъ Вад(ковскаго), однакожъ хотѣлъ изустно отъ меня узнать о томъ же. — Въ одинъ изъ зимнихъ баловъ В. К-зь въ удобную минуту, отведя меня нѣсколько къ сторонѣ началъ шутить и тянуть сатирической разговоръ на счетъ моей склонности. Видя что онъ добивается моего признанія, я откровенно съ нимъ изъяснился; выслушавъ меня, онъ принялъ вдругъ видъ очень важной и спросилъ: — „Quelles sont vos vues"? — Какія ты имѣешъ виды? — „Celles d'un honnet homme! — Виды честнаго человѣка, отвѣтствовалъ я. — На сей отзывъ онъ опять улыбнулся съ видомъ весьма благосклоннымъ, началъ хвалить мое поведеніе, нравъ моей невѣсты, поручалъ мнѣ ея жребій, жалая намъ обѣимъ быть благополучными. — Въ нѣсколько урывокъ въ тотъ вечеръ В. К-зь изволилъ мною заниматься и все на счетъ того же предмѣта. — Я никогда не забуду, что тогда же именно, тогда какъ я говоря съ нимъ, что я не богатъ, возразилъ онъ рѣзко: „Знаешъ ли ты по нѣмецки"? — Очень мало Государь, — однако нѣсколько понимаю. „Kommt Zeit kommt Rath." — Придетъ пора, придетъ и совѣтъ. — Изъ устъ наслѣдника престола, ета пословица нѣмецкая могла многое значить, но Государи не всегда держутъ свое слово [1]). Никогда не должно забывать Давидова изрѣченія; оно всѣхъ пословицъ справедливѣе: Не надѣйся на князей, и проч. [2]). — Исповѣдь моя того вечера кончилась тѣмъ, что В. К.-зь приказалъ ожидать соизволенія Отца моего, безъ котораго, сказалъ, и я своего дать не могу.

Перьвой отвѣтъ полученной мною отъ батюшки, хотя не былъ еще рѣшителенъ, однако принесъ мнѣ чувствительное удовольствіе. Я дрожалъ снимая печать съ конверта; я догадывался, что вѣрно или тотчасъ послѣ меня, или можетъ быть въ одно время, дядя мой писалъ къ батюшкѣ, и боялся, чтобъ бѣдность моей невѣсты, резонъ впрочемъ для опытныхъ мужей весьма основательной, не поколебалъ батюшкиныхъ мыслей. Какое напротивъ счастіе! Батюшка принявъ мое письмо какъ искренней залогъ моей полной къ нему довѣренности, изволилъ ко мнѣ писать, что бѣдность невѣсты моей его не страшитъ, что онъ въ женѣ моей желаетъ найти добрую душу, благородное сердце и увѣренъ, что воспитавшія ее не упустили попеченія о ея нравѣ, и такъ, онъ не противился моему браку, но требовалъ прежде нежели приступить къ рѣшительному согласію, чтобъ я далъ ему время размыслить порядочно, какъ учредить будущее мое положеніе. — Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ меня, что сестра выдана замужъ 6 ноября и писалъ, что онъ не можетъ скоропостижно отъ одного столь важнаго домашняго произшествія приступить къ другому еще важнѣйшему.— Для другихъ могъ бы сей отвѣтъ показатся подозрительнымъ, но я зналъ Отца моего, зналъ безпредѣльную любовь его къ дѣтямъ и твердость нрава и увѣренъ былъ, что вскорѣ тотъ рѣшительной отвѣтъ, котораго я ожидалъ, дойдетъ до меня непремѣнно. Я не потаилъ отъ Евгеніи содержанія родительскаго письма, она сообщила о томъ двору.—Иныя считали дѣло рѣшенымъ, другія сомнѣвались. Мнѣніи дѣлились на двѣ партіи; однако родныя мои открыли противъ меня всю свою досаду. — Дядя [3]) негодо-

[1]) Авторъ намекаетъ на послѣдующія невзгоды, постигшія его въ царств. Имп. Павла I.
[2]) Псал. CXLV, 3.
[3]) А. Н. Строгановъ.

валъ, что я предупредилъ его жалобы къ батюшкѣ моимъ собственнымъ признаніемъ. — Пушкинъ, Салтыковъ и многія другія стали обходится со мною очень холодно; нѣкоторыя же напротивъ удвоили свои ласки, и наипаче господа придворныя, которыя видя, что я пріобрѣтаю день отъ дня сильнѣе милости меньшаго двора, втирались въ пріязнь мою для будущаго времени. — У придворныхъ свой расчетъ! Имъ низость ничего не стоитъ! — Не удалось, онъ не стыдится, а отмщаетъ прежнія свои ласковости грубымъ презрѣніемъ, а удалось — онъ уже и знакомъ съ тѣмъ, кто ближе его успѣлъ стать у потока земныхъ благъ.

Разсуждать о женитьбѣ моей могъ всякой какъ хотѣлъ, но за что же было кому либо на меня сердится? развѣ не воленъ я былъ въ выборѣ себѣ жены по сердцу? развѣ я могъ кого обремѣнять моими недостатками и бѣдностію? Но всякой любитъ вмѣшиватся иногда и въ чужія дѣла для того, чтобъ въ общемъ мнѣніи о какомъ бы то ни было публичномъ случаѣ не терять своего права спорить, судить и дѣлать приговоры. Я зналъ тогда же что нѣкоторыя старались разорвать мою женитьбу; но я увѣренъ былъ въ согласіи двора, въ любви моей невѣсты и въ расположеніи родителей моихъ, а потому не боялся ничьихъ замысловъ. Между нѣкоторыми кои были по виднѣе разскажу здѣсь о двухъ весьма забавныхъ. — У принцессы Виртем(бергской) [1]), невѣстки родной В. К-ни, была фрейлина, въ которую принцесса предположила что я долженъ влюбится, и настроя на етотъ счетъ всѣ свои мысли, она бывало подгоняла ее прямо ко мнѣ въ руки, когда мы играя въ жмурки въ Гатчинѣ, ловили другъ друга съ завязанными глазами. — Часто сама В. К-ня изволила тутъ же позволять себя ловить. — Мнѣ всегда какъ то попадалась фрейлина принцессина, потому что ее всегда ставили на пути моемъ и изъ етого заключали, что я въ нее влюбленъ. Смирная знала что ето вздоръ, но другія вѣрили и укоряли меня вѣтренностію, что могло мнѣ вредить въ мысляхъ Ихъ Высочествъ. — Другой случай еще забавнѣе. — Одна благородная дѣвушка, имѣя склонность къ придворному кавалеру, хотѣла усилить взаимную любовь его къ себѣ, которая начала простывать, и чтобъ возбудить въ немъ ревность хоть не по страсти, но по самолюбію, срисовала тихонько мой силуетъ, безъ воли и вѣдома моего, и спрятала въ свой портфёль; потомъ игравши также въ фанты, будто нечаянно выронила книжку въ томъ предположеніи, что рыцарь ея ухватится за нее, найдетъ мою рожу, и тѣмъ болѣе приревнуетъ, что онъ былъ собой не дуренъ, а меня во всемъ обществѣ не было никого лицомъ хуже. — На бѣду ее и мою вмѣсто ея селадона камеръ лакей прибирая покои нашелъ чей то портфѣль, отдалъ Гофъ Фурьеру, тотъ далѣе, словомъ, на другой день свѣдалъ весь дворъ, что мой силуетъ, найденъ въ чужой книжкѣ. Тотчасъ заключили, что я съ той дѣвушкой въ интригѣ; она при первой заворохѣ отправилась въ городъ, а на меня пало подозрѣніе, но къ счастью моему, когда послѣ перьваго движенія стали соображать всѣ веши, увидѣли вѣтренность одну сказанной барышни и меня изъ исторіи выгородили. — Всѣ подобныя приключеніи могли повредить мнѣ у ихъ Высо-

[1]) Жена родного брата Маріи Ѳеодоровны — выборгскаго губернатора Карла-Фридриха-Вильгельма, принца Виртембергъ-Штутгардскаго, дочь герцога Брауншвейгскаго Августа-Каролина-Фредерика-Луиза (1764 — 1788). Въ родствѣ съ имп. Іоанномъ Антоновичемъ, по его отцу, Антону Ульриху Брауншвейгскому.

чествъ и имѣть вліяніе на благосклонное соизволеніе ихъ выдать за меня свою воспитанницу.

Зима также какъ и лѣто въ тотъ годъ наполнена была забавами. Ихъ Высочества часто собирали катаньи санныя и ѣжжали съ многолюднымъ обществомъ обѣдать на Каменный островъ. Обрядъ сихъ прогулокъ былъ таковъ: приглашали однихъ дамъ и дѣвушекъ; каждая изъ нихъ выбирала своего кавалера, разумѣется тѣхъ, кои имѣли право пріѣзжать къ меньшему двору. Паръ до шестидесяти иногда составляли катанье; всѣ съѣжжались съ утра, завтракать на половину Ихъ Высочествъ. Каждой кавалеръ имѣлъ свои сани съ двумя вершниками; послѣ чаю и разныхъ закусокъ кавалеры брали номера изъ чаши и, кому какой выходилъ, того сани тамъ и становились. — Самъ В. К-зь, которой всегда изволилъ кататься съ супругою своей, вынималъ номеръ, и не рѣдко сани его бывали позади многихъ другихъ въ колоннѣ. — Впереди всего катанья ѣжжалъ конюшій, а за нимъ въ большой фурѣ духовая музыка, которая вплоть до Каменнаго моста играла. Прогулки такія были очень величавы, и равно увеселительны, какъ для участвующихъ въ нихъ, такъ и для зрителей, по домамъ мимо которыхъ ѣжжали. — Я обыкновенно катался въ придворныхъ саняхъ и по большей части съ Смирною. — На Каменномъ Островѣ всегда угощались посѣтители обѣденнымъ столомъ, послѣ обѣда почти тотчасъ на тамошнемъ театрѣ французская придворная труппа давала зрѣлище, обыкновенно прекрасное, и по выбору предварительному Ихъ Высочествъ. — Послѣ спектакля всѣ разъѣжжались въ городъ въ каретахъ своихъ съ факелами, и дни, на сіи праздники назначаемыя всегда были для меня первѣйшими праздниками въ году.

Однажды, и мы послѣ катанья давали между собой спектакль ихъ Высочествамъ. — Въ тоже время какъ у принцессы игралъ я первую ролю въ комедіи Le Philosophe marié [1]), захотѣли ихъ Высочества чтобъ и у нихъ на театрѣ ее дали, и такъ въ обѣихъ обществахъ я игралъ туже ролю, но съ разными лицами. Будучи въ городѣ и въ возможности учится по прежнему у Гофрена [2]) я выработалъ свою ролю мастерски и, по увѣренію всей публики, игралъ ее превосходно. — Цѣлую недѣлю я только и дѣлалъ, что на пробы ѣздилъ то къ принцессѣ, то къ Ихъ Высочествамъ. Здѣсь обыкновенно репетиціи дѣлались послѣ обѣда въ кабинетѣ В. К-зя. — Роль жены моей представляла Смирная, и по извѣстной уже всѣмъ секретной моей помолвкѣ, ета піеса имѣла двойную цѣну въ глазахъ зрителей. В. К-зь всегда почти приходилъ на наши пробы и любилъ приводить насъ обѣихъ въ замѣшательство, когда мы оставались двое на сценѣ. — Скажу откровенно, что у принцессы ета комедія шла гораздо лучше нежели у двора, и будущая жена моя хуже играла свою ролю, приготовляясь къ ней на самомъ дѣлѣ, нежели дочь принцессы, съ которой мы на одномъ дощатомъ театрѣ были часа два супругами. — Ето представленіе усовершенствовало мое искусство и слава моя въ декламаціи возвысилась до послѣдняго степени. — Старой и угрюмой сенаторъ Стре(каловъ) [3]), который между прочимъ управлялъ при-

[1]) Вѣроятно комедія соч. Destouches.
[2]) Aufresne, см. № 3; стр. 79 прим. 2.
[3]) Степанъ Ѳеодоровичъ Стрекаловъ, статсъ секретарь имп. Екатерины тайн. сов., сенаторъ (1728 — 1805). Завѣдывалъ театромъ съ 1786 — 1789 г.г.

дворнымъ театромъ, подошедши ко мнѣ послѣ комедіи очень рѣзко и насупившись сказалъ: „Мнѣ очень жаль что вы Князь Долг(оруковъ), а то бы я васъ нанялъ на придворный театръ и далъ вамъ четыре тысячи жалованья въ годъ“. — А онъ и самъ не получалъ по службѣ такой суммы [1]). — Вотъ каково быть актеромъ! — думалъ я. По крайней мѣрѣ при невзгодѣ, а кто избѣжитъ ихъ на свѣтѣ? я могъ явится къ Г. Стре(калову) и получить вѣрный хлѣбъ насущный.

Наконецъ пришелъ вожделенной отвѣтъ! батюшка рѣшительно дозволялъ мнѣ вступить въ бракъ съ дѣвицей Смирной и давалъ мнѣ обще съ матушкой на сіе родительское ихъ благословеніе. Ета счастливая для меня почта пришла въ самой тотъ день, въ которомъ мы играли на Каменномъ Островѣ Философа и я своей театральной женѣ въ ту же минуту объявилъ, что она скоро будетъ моей настоящею женой. Извѣстіе сіе не могло быть тайно, оно тотчасъ разнеслось въ публикѣ, но какъ отецъ мой приказывалъ мнѣ, чтобъ я хоть на недѣлю прежде свадьбы съ нимъ повидался, то до возвращенія моего изъ Москвы помолвка моя все еще оставалась скрытою. Бар. Строг(ановъ) хотя зналъ о успѣхѣ моей переписки съ домомъ, но все еще полагалъ, что женитьба моя не состоится, и что вызовъ батюшкинъ дабы пріѣхалъ къ нему въ Москву, есть учтивой отводъ, посредствомъ котораго меня задержутъ дома и разорвутъ предъпріятое. Ошибочно было такъ думать, ибо дворъ уже зналъ о моемъ сватовствѣ; Ихъ Высочества согласіе свое изъявили, публика о томъ знала, — слѣдовательно Отцу моему нельзя было такъ поздно и обнадеживъ уже меня предварительно своимъ соизволеніемъ, вдругъ отказать въ ономъ, да еще и съ такимъ коварствомъ! На что ему были подобныя уловки? развѣ онъ не могъ запретить мнѣ дѣйствовать и безъ обмана? Ето доказываетъ что дядя мой не довольно хорошо зналъ и меня и батюшку. — Онъ и Пуш(кинъ) болѣе всѣхъ на меня сердились, давая предлогомъ одну бѣдность. Но развѣ сквозь золота слезы не текутъ? — Ихъ самихъ можно было о томъ спросить...

Ничто бы мнѣ не помѣшало въ тотъ же день, какъ я получилъ письмо отъ батюшки скакать въ Москву. Ето было 3 декабря. — День прекраснѣйшій жизни моей послѣ 1 ноября; но ихъ Высочества готовили всему актерскому Обществу сюрпризу, и по убѣжденію Вадк(овскаго) [2]) я долженъ былъ ее дождатся; она состояла въ слѣдующемъ: нѣкто иностранецъ Филидоръ пріѣзжалъ въ то время въ Петербургъ показывать разныя штуки своего проворства, что называется по старинному нарѣчію фокусъ-покусъ, или escamotage. — Онъ въ етомъ родѣ забавъ славился особеннымъ мастерствомъ. Ихъ Высочествамъ угодно было его видѣть и онъ представленіе свое далъ въ ихъ покояхъ 6 числа въ Николинъ день. — Между разныхъ штукъ онъ началъ выпускать на волю по одной живой птичкѣ, адресуя каждую на имя кого нибудь изъ актеровъ, или актрисъ. — Всякая птичка несла

[1]) Оклады русскихъ артистовъ были тогда ничтожны. Знаменитый Дмитревскій получалъ только 860 р. въ годъ, остальные еще меньше. Зато французы получали гораздо больше; по штату 1-му любовнику франц. труппы полагалось 2.000 р. въ годъ, также и 1-й артисткѣ, иногда же они получали больше, какъ напр. г-жа Вальвиль, въ концѣ XVIII в., получавшая 6.900 р. въ годъ, кромѣ того имъ полагалось 300 р. на дорогу. Оклады балетной труппы были таковы же какъ и французской.

[2]) Ѳед. Ѳед. см. № 3, стр. 92, прим. 2.

во рту бриліантовой перстень. Одинъ щегленокъ и на мою сторону попался. — Не трудно было отгадать что ето значитъ. — Мы, принимая птичекъ отъ Филидора, подходили къ ихъ высочествамъ благодарить, они жаловали намъ руку. — Прекрасной вымыселъ подарить благородныхъ людей въ признательность за ихъ снисхожденіе. — Перстни были сдѣланы съ вензелями; для дѣвушекъ В. К-ни, для мущинъ В. К-зя. — Такое милостивое вниманіе сдѣлало подарки сіи безцѣнными; сами бриліанты и вообще всѣ розданныя перстни могли стоить казнѣ до пяти тысячъ. — Мужскихъ роздано шесть: господамъ каммергерамъ: Вадк(овскому) Черн(ышеву) [1]) К. Галиц(ыну) [2]), каммеръ юнкерамъ: Кн. Волк(онскому) [3]) Гр. Пуш(кину) [4]) и мнѣ. — Дамскихъ три: Нелид(овой) [5]), Говень [6]) и Смирной. — Сверхъ того подаренъ иностранцу Violié [7]) перстень дороже нашихъ цѣною, но безъ вензеля, и сія оттѣнка внимательная къ нашему обществу совершенно плѣнила всѣхъ насъ. — Можно сказать что со всѣхъ сторонъ поступокъ ихъ Высочествъ былъ сопровождаемъ разборчивостію самой нѣжной.

Въ тотъ же вечеръ, отужинавши у двора ихъ Высочествъ, я имъ откланился. — Они милостиво пожаловали меня къ рукѣ, пожелали мнѣ успѣха и скораго возвращенія. — Простился съ невѣстой и поскакалъ въ Москву. — Разумѣется что я имѣлъ уже полковой паспортъ выпрошенной прежде. Сол(тыковъ) отпустилъ меня до 25 декабря, т. е. на двѣ недѣли; я такъ просился. — Онъ бы охотнѣе меня уволилъ на годъ, потому что всѣмъ почти знатнымъ моимъ покровителямъ моя женидьба изъ какого то жаркаго ко мнѣ участія по наружности была противна. — Старшій нашъ подп. Гр. Брюсъ [8]) хотя былъ тогда въ Петербургѣ, но полкомъ не правилъ. — Схороня жену свою въ Москвѣ, онъ былъ уволенъ на годъ, и въ сокрушеніи своемъ не отправлялъ никакой должности. — Москва поручена была старому защитнику ея и патріоту П. Д. Еропкину [9]).

Тихая моя ѣзда читателю извѣстна [10]); какъ я ни торопился, но въ Москву пріѣхалъ 11 числа. Свиданіе мое съ родными было трогательно. Батюшка занялся тотчасъ со мной переговорами о моей невѣстѣ, о расположеніи къ ней и ко мнѣ Ихъ Высочествъ. Между настоящими соображеніями, вмѣшивались и химеры въ будущемъ. — Я одинъ былъ влюбленъ, слѣдовательно одна Евгенія меня и занимала. — Родители мои помышляли о дворѣ, о чаяніи будущихъ благъ и покровительства всему дому. — У всякаго изъ нихъ была своя бабочка въ головѣ. — Меня къ супружеству влекла одна чистая страсть, и естьлибъ Евгенія жила даже у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, я бы и тогда также домогался вла-

[1]) Григ. Иван., см. № 3, стр. 81 прим. 3.

[2]) Ѳедоръ Николаевичъ (1751 — 1827), впослѣдствіи кураторъ Москов. унив., писатель.

[3]) См. № 3, стр. 84, прим. 2.

[4]) Аполлосъ Аполлосовичъ, см. № 3, стр. 84, прим. 3. Женатъ на кн. Аннѣ Николаевнѣ Голициной.

[5]) Екат. Ив., см. № 3, стр. 84, прим. 7.

[6]) См. № 3, стр. 84, прим. 6.

[7]) Violier, художникъ, см. № 3, стр. 84, прим. 4.

[8]) См. № 2, стр. 52, прим. 2.

[9]) Петръ Дмитріевичъ (1724 — 1805), усмиритель бунта въ Москвѣ во время чумы. Московскій генералъ-губернаторъ.

[10]) О способѣ ѣзды автора въ № 2, стр. 68.

дѣть ею, какъ и теперь, видя ея у двора въ золотыхъ чертогахъ. — Любовь кружила мнѣ голову, честолюбіе въ нее не входило, и я могу побожится что Наслѣдникъ Престола Россійскаго не имѣлъ никакого участія въ моей страсти къ воспитанницѣ ихъ Высочествъ. — Невинность ея меня плѣнила, прелесть раставила сѣти, а театральное очарованіе все довершило. — Вотъ въ двухъ словахъ исторія моей женидьбы.

На другой день моего пріѣзда, т. е. 12 число родители меня благословили образомъ. — Я съѣздилъ одинъ разъ въ публику, былъ въ клобѣ, равнодушно посмотрѣлъ на всѣхъ московскихъ дѣвушекъ, наплясался однако до сыта, и черезъ четыре дни уже опять скакалъ къ невѣстѣ своей.

Въ сіе короткое время ознакомился я въ Москвѣ съ зятемъ моимъ Гр(афомъ) Еф и(мовскимъ), разцеловалъ его и сестру, и хотя страненъ мнѣ казался новой братъ мой многими своими ухватками, но сестра была довольна своей участью, а я любя ее и желая ея собственнаго счастія, былъ и самъ доволенъ ея супружествомъ. — Много заботъ и печали принесло мнѣ въ Петербургѣ ходатайство о его повышеніи въ офицеры, но о семъ надо говорить долго и много, и я оставляю етотъ эпизодъ къ концу года. — Случай представилъ мнѣ ознакомится тогда же съ ближайшей родственницей, а имено съ Гр(афиней) Скав(ронской) [1]), теткой моей родной по матери, и которой сынъ мнѣ оказалъ столь важное благодѣяніе, выпрося у Потемкина мнѣ чинъ офицера гвардіи.

Гр(афиня) Скав(ронская), Мар(ія) Ник(олаевна), дочь общихъ родителей съ моей матерью, старшая сестра ея, весьма различествовала съ ней судьбой. Она была статсъ дама со времени Императрицы Елисаветы Петровны, которая будучи по Екатеринѣ I въ свойствѣ съ родомъ Скав(ронскихъ) возвела ее въ сіе высокое достоинство по мужѣ ея Гр(афѣ) Март(инѣ) Карл(овичѣ); слѣдовательно тетка моя была дама знатная, пожилая и очень богата. Она не нравилась Екатеринѣ и Россія ей не полюбилась, и такъ всю жизнь свою провела въ чужихъ краяхъ, особенно въ Италіи, къ которой она пристрастилась и гдѣ сынъ ея былъ министромъ россійскаго двора. Вздумалось ей нынѣ побывать на родинѣ и прямо пріѣхала въ Москву, гдѣ до поѣздки въ Петербургъ жила нѣсколько времени, сохраня съ нашимъ домомъ всѣ наружности родственной и такой близкой связи. — Въ настоящій мой набѣгъ въ Москву я былъ ей представленъ матушкой и въ первой разъ отъ роду удостоился ету тетушку увидѣть. — Никогда она къ матери моей не писывала и никакой между ими не было взаимности, а потому и я очень сухо съ ней ознакомился.

На дорогѣ встрѣтилось со мною приключеніе, которое еще усилило отвращеніе мое мыкатся по ночамъ. — Ѣхавши женится, я везъ съ собой невѣстѣ разныя подарки, состоявшія въ жемчугахъ и старинныхъ брилліантахъ, между коими былъ и медаліонъ съ моимъ портретомъ, тѣмъ самымъ, которой подаренъ былъ сперва А... [2]), потомъ отобранъ назадъ и все по секрету, слѣдовательно онъ былъ новъ для всѣхъ, и

[1]) Марія Николаевна, урожденная баронесса Строганова, родная сестра матери автора, замужемъ за гр. Мартыномъ Карловичемъ Скавронскимъ. Сынъ ея, графъ Павелъ Мартыновичъ, тайн. сов., камергеръ, полномочный министръ въ Неаполѣ (р. 1757, ум. 1793), см. № 2, стр. 50.

[2]) См. № 2, стр. 61, прим. 2.

никто его еще не видалъ. — Выѣхалъ я до зари, и на перьвой станціи отъ Москвы засталъ тревогу. — Недалеко отъ нее только что проѣхалъ какой то капитанъ армейской Б. въ котораго изъ лѣса стрѣляли разбойники и его съ кучеромъ ранили. — До лѣкаря надобно было достигать въ Клинъ; туда его и повезли. — Еще не разсвѣтало, и я въ недоумѣніи былъ, продолжать ли путь, или воротится. Меня пужали вещи, которыя ворамъ могли представить жирную добычу. Однако подумавши, рѣшился и поскакалъ впередъ. — Кого такая сумятица не испугаетъ? — Мнѣ же больше нежели когда нибудь жить хотѣлось; — проѣхалъ я опасное мѣсто чуть-чуть на зарѣ, завороха меня спасла. — По всѣмъ сторонамъ была погоня и меня никто не тронулъ. — Въ Клину узналъ я, что офицеръ перевязавъ рану, поѣхалъ потихоньку далѣе. — Я его настигъ въ Твери, отыскалъ, распросилъ обо всемъ, свелъ минутное съ нимъ знакомство и, во избѣжаніе опасности далѣе, согласились вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ, а по ночамъ становится на квартеру. — Такъ мы и доѣхали до мѣста благополучно 20 Декабря.

Прискакавши въ Петербургъ я думалъ, что въ тотъ же вечеръ предстану предъ В. К-зя и доложу ему о успѣхѣ моей поѣздки; напротивъ, посѣтивши сперьва Вад(ковскаго) я узналъ, что въ короткое время моей отлучки нѣсколько случаевъ встрѣтилось, кои подѣйствовали на спокойствіе меньшаго двора и что ихъ Высочества ни ужиновъ уже нѣсколько дней не даютъ, ни въ публику не выходятъ, слѣдовательно и я не могъ имѣть чести имъ представится. Отъ Вад(ковскаго) я кинулся въ обьятіи моей невѣсты и тамъ забылъ всю коловратность обстоятельствъ, кои я засталъ въ городѣ. Евгенія тоже мнѣ подтвердила, что и Вад(ковскій), придворныя тревоги до моей исторіи собственной не касаются, я нигдѣ о нихъ и не пишу, но здѣсь они отсрочивали развязку моей судьбы, и потому я долженъ слегка ихъ коснутся.

У В. К-ни былъ родной братъ, герцогъ Виртембергской [1]), мужичина дюжой, рослой и очень ограниченной, генералъ порутчикъ россійской службы, сверхъ того генер. губ. Выбор(га) — Онъ часто ссорился съ супругой своей, нѣмецкой же принцессою и сестрой въ третьемъ колѣнѣ Ивана Антоновича [2]), и, если вѣрить молвѣ, то по свойственной себѣ грубости, иногда онъ бивалъ ее. — Часто ихъ Высочества сами за нее вступались, выговаривали приватно герцогу за его жесткое съ ней обращеніе. — Видно что сіе не сильно было воздержать его. Онъ однажды плотно ее пощекоталъ и принцесса, вышедъ изъ терпѣнія, выждала въ одно ермитажное собраніе Екатерину въ переходахъ изъ театра въ свои покои, пала на колѣни, и просила защитить отъ наглыхъ поступковъ ея мужа. — Екатерина выискивала охотно средства огорчить наслѣдника, кольми паче не пропускала тѣхъ, кои такъ способствовали сами собой достигать ей своихъ намѣреній. — Не Тита милуя а Римъ казня, вступилась она за принцессу очень жарко, выключила Виртем(ергскаго) принца изъ службы и сообщила ему черезъ В. К-ню, чтобъ онъ въ три дни выѣхалъ изъ Россіи, а принцессу взявъ въ свое покровительство подъ видомъ тишины и спокойства выпроводила ее въ 1787 году въ

[1]) Карлъ-Фридрихъ-Вильгельмъ, съ 1782 г. ген.-губ. Выборгскій.

[2]) Іоанна III (VI), Имп., умерщвл. въ Шлиссельбургѣ въ 1783 г. О родствѣ принцессы см. выше, стр. 61.

одинъ замокъ, не далеко отъ Курляндіи [1]), гдѣ принцесса получала пристойную пенсію по званію своему, имѣла придворную каммерфрау для услугъ своихъ и гдѣ, годъ спустя, благополучно скончалась. — В. К-ня не могла равнодушно принять строгаго поступка Императрицы съ ея роднымъ братомъ да и чтоже? — За домашнюю ссору мужа и жены, въ которую можетъ быть Екатеринѣ, такъ высоко сидя, и не слѣдовало бы вмѣшиватся. — Къ етому случаю присоединился и другой еще, не менѣе ихъ огорчающій. — Императрица намѣревалась предпринять путешествіе въ полуденныя области своего государства и приказала готовится внукамъ своимъ съ собою ѣхать тудаже. — Родители съ прискорбіемъ сносили сію разлуку; имъ путешествіе дѣтское не нравилось. — Они хотѣли ихъ во время отлучки Государыни имѣть при себѣ, а Екатерина не хотѣла ихъ на рукахъ у отца съ матерью оставить. Въ етой борьбѣ желаній естественно, что торжество всегда оставалось на сторонѣ Екатерины, а наслѣдникъ могъ только плакать, и то очень тайно, въ своемъ кабинетѣ. — Сіи два произшествія сильно растроили духъ В. К-зя, и какъ онъ, такъ и супруга его не въ состояніи были заниматся постороннимъ кругомъ своихъ гостей. — Отъ этого и я долженъ былъ ожидать еще нѣсколько времени явнаго признанія моей женидьбы.

Между тѣмъ я явился къ полку, обьявилъ дяди о позволеніи моего отца, которой, съ начала, принялъ ето очень горячо и долго на меня сердился за то, что его интриги противъ меня не такъ были на сей разъ удачны, какъ въ прошломъ годѣ, когда онъ мнѣ изволилъ кровь пустить. — Поздравилъ онъ меня сухо, принялъ безъ участія, и вышелъ я въ публикѣ ни то ни се. — Женихомъ явно называтся я не смѣлъ, отпиратся было также не у мѣста. Я провелъ кончикъ года весьма скучно, потому что во всякое время я не могъ быть у своей невѣсты. — В. К-ня строгая женщина на счетъ пристойности требовала, чтобъ я къ ней иначе не ходилъ какъ при генеральшѣ Ливенъ [2]), которая имѣла надзоръ за Велик(ими) Княж(нами), и у которой дѣвица Смирная обязана была проводить все свободное время, что уподобляло состояніе жениха для меня на тотъ карантинъ, которой я выдержалъ въ Гатчинѣ у другой нѣмки Г-жи Бенк(ендорфъ) [3]). Надобно было чинно прикладыватся къ рукѣ Г-жи Смирной, и сидя другъ противъ друга слушать проповеди Г-жи Ливенъ.

Часто судьба очень прокازливо шутитъ. За два дни предъ новымъ годомъ у В. К-зя Кон(стантина) Павл(овича) открылась сильная золотуха. Сколько ни упорствовала Екатерина въ томъ, чтобъ увезти внучатъ своихъ съ собою, цѣлость ихъ здоровья требовала чтобъ она отступилась отъ своего предпріятія, и юныя В. К-зья оставлены при дворѣ своихъ родителей, подъ надзоромъ Солт(ыкова). Нечаянность сія облегчила печальное положеніе наслѣдника, ибо они съ супругой своей въ перьвой разъ благодарили небо, что одинъ изъ дѣтей ихъ такъ къ стати занемогъ. — Природа во всѣхъ состояніяхъ имѣетъ права ненарушимыя. — Чугунъ и мѣдь скорѣй сотрутся, нежели впѣчатлѣніи ея на сердцахъ человѣческихъ.

[1]) Герцогъ Виртембергскій уѣхалъ изъ Россіи вмѣстѣ со своими дѣтьми; жена его поселилась въ замкѣ Лоди.

[2]) Свѣтлѣйшая княгиня Шарлотта Карловна, урожд. баронесса Гаугребенъ (1742 — 1828), статсъ дама, вдова барона Андрея Романовича фонъ-Ливенъ. Воспитательница дочерей вел. кн. Павла Петровича.

[3]) См. № 3-й, стр. 82.

Въ послѣдній день года по полудни былъ перьвой публичной выходъ ихъ Высочествъ къ Государынѣ. Тутъ представлены были имъ для прощальной аудіенціи всѣ тѣ особы, кои назначены были въ дорожной свитѣ Императрицы. Вмѣстѣ съ ними представился и я, пожалованъ къ рукѣ, и нетерпѣливо сталъ ожидать наступающаго года, чтобъ въ приватной аудіенціи когда все угомонится, назначено было гдѣ, какъ и когда намъ вѣнчатся. — Тогда кромѣ меня съ невѣстой всѣмъ было не до того. — Отъѣздъ Государыни занималъ весь дворъ и городъ, а мы двое одинъ только день и видѣли въ будущемъ, день нашего неразрывнаго соединенія [1]).

Окончивъ нитку произшествій нынѣшняго Года, осмотримъ съ примѣчаніемъ послѣднее время моей холостой жизни. — Противъ воли многихъ моихъ родныхъ я избиралъ невѣсту точно по сердцу своему, ибо кромѣ страсти, какую къ ней почувствовалъ я соединялъ въ ней все то, чего давно желалъ и что въ воображеніи моемъ сдѣлалось кореннымъ правиломъ для моего супружества. Она была бѣдна, не имѣла почти никакого родства, ни дядюшекъ, ни тетушекъ не несла съ собой въ приданое и, къ тому же, въ Смольномъ воспитана. — Самъ Богъ конечно благословилъ сіе намѣреніе судя по его успѣхамъ. — Какъ бы я могъ иначе самъ собой преодолѣть сопротивленіе однихъ и будучи такъ молодъ расположить въ пользу мою и другихъ. — Отецъ мой былъ такъ уменъ что не могъ не страшится для меня въ будущей жизни, особенно по наклонности моей къ роскоши и тщетѣ, пагубныхъ послѣдствій нашего недостатка. — Конечно, въ другомъ случаѣ онъ бы не скоро согласился на мои убѣжденіи; здѣсь само Небо ставило ему соблазнъ по его свойству. — Будучи честолюбивъ, онъ мечталъ что В. К-зь отдавая за меня свою питомицу конечно во время свое устроитъ и наше состояніе, не только устроитъ, обогатитъ и возведетъ нашъ родъ въ древнее его сіяніе. — Сіи милыя химеры обольщали моего Отца въ недугахъ и скорбяхъ утомленнаго. — На семъ чаяніи основано столь охотное его соизволеніе. — Дворъ очень былъ радъ, что могъ пристроить дѣвушку молодую, сироту, попеченіямъ его ввѣренную, и при замужествѣ ее доставить ей не токмо титло нарядное въ свѣтѣ, но и родство большое и уважительное, короче сказать: Ихъ Высочества всегда любили играть свадьбы ни мало не заботясь объ участи тѣхъ, коихъ они соединяли, лишь бы было ето по наружности пышно и громко. — Такія чувства въ нихъ многія опыты показали. — На сей разъ я ни на что не углублялъ моего примѣчанія. — Я радъ былъ что отдаютъ за меня дѣвушку милую, любезную, и безъ которой я уже не могъ обойтится.

Мнѣ представлялось вдругъ нѣсколько невѣстъ, изъ коихъ каждая, судя по мірскому, т. е. принимая въ движеніе одинъ достатокъ были выгоднѣе Смирной. Я на минуту всѣхъ ихъ представлю читателю. 1) Дядя мой сваталъ за меня Дем(идову) [2]) дочь тѣхъ самыхъ, къ которымъ я ретировался послѣ поединка; она была невѣста съ большимъ

[1]) Императрица отправлялась въ свое знаменитое путешествіе въ Крымъ.

[2]) См. „Капище".

приданымъ, но мнѣ не понравилась, и я отвращался всегда отъ ужасной мысли продать себя богатой невѣстѣ, не любить ее и зависить въ послѣднемъ кускѣ хлѣба получая все изъ ея рукъ. 2) Онъ же предлагалъ мнѣ и Гле(бова) — [1]) дочь достойнѣйшаго старика генер. анше, любезную дѣвушку, хорошо воспитанную, даже и пригожую; но сердце мое къ ней не лежало и она мнѣ казалась злонравна. 3) По собственной моей наклонности, можетъ быть, еслибъ я не былъ влюбленъ, я бы не воспротивился искать руки трехъ другихъ дѣвушекъ, имѣющихъ хорошее состояніе.

Всѣхъ выгоднѣе изъ сихъ была дочь принцессы [2]) еще ребенокъ двѣнадцати лѣтъ, она воспитывалась превосходно. Судя по благоволеніи матери ея ко мнѣ можетъ быть она бы дозволила мнѣ искать чести принадлежать ея дому; но богатство невѣсты давно уже обращало на нее взоры всѣхъ жениховъ на свѣтѣ и Н. И. Солт(ыковъ), желая добра своему родственнику Гр(афу) Тол(стому) [3]) поспѣшилъ перехватить мнѣ всѣ пути къ ней. — Пользуясь стесненными обстоятельствами принцессы въ отношени ко двору предположилъ ей вмѣстѣ съ своимъ покровительствомъ родственника своего въ зятья. Принцесса не могла отказатся, боясь притѣсненій. Солт(ыковъ) былъ уже силенъ у двора и хотя женишекъ его ограниченъ былъ умомъ, качествами и достаткомъ, однако помолвленъ на принцессиной дочери на два года, и въ это время на счетѣ ея вмѣстѣ съ невѣстой обучался разнымъ языкамъ и наукамъ. — Такимъ образомъ Солт(ыковъ) въ другой уже разъ препятствовалъ моему счастью. — Я говорю о семъ относительно къ тому времени, еще когда я не былъ зараженъ Смирной и могъ свататся на Баря(тинской) Солт(ыковъ) интригами своими удалилъ меня отъ такого лестнаго союза. 4) Въ домѣ Пуш.(кина) жили двѣ дѣвушки, одна родственница ихъ и нѣсколько моя, Гр. Голов(ина) [4]) другая Безоб(разова) [5]). Первая дурна, но чрезмѣрно любезна; послѣдняя пригожа, но не съ отличными дарованіями. — Я имѣлъ склонность къ обѣимъ, но охотнѣе бы женился на Голов(иной). Пушкины искали богатства, чтобъ улучшить ее собственное состояніе хотя не огромное, но достаточное, и потому не отдали бы ее за меня конечно, а другую они бы съ радостью высватали, ибо она начинала быть имъ въ тягость; но страсть ея къ другому молодому человѣку скоро открылась и она сдѣлалась его женою. — Въ етомъ домѣ всѣ слѣды къ женитьбѣ мнѣ были заграждены. — 5) Въ Москвѣ я оставилъ ѣхавши въ Петербургъ премилую дѣвушку на примѣтѣ; фамилія ея была не знаменита, но состояніе матери дозволяло дать ей казистое воспитаніе. — Ей было пятнадцать лѣтъ, мать ее боготворила и во всемъ тѣшила; театръ и балы меня съ етимъ домомъ ознакомили, я сдѣлался въ немъ даже коротокъ и почти положилъ твердое намѣреніе воротясь къ зимѣ въ Москву на ней сватается. Мать ничего не искала кромѣ фамиліи. Будучи довольно богата чтобъ зятя содержать въ своемъ домѣ (ибо она съ етой дочерью никакъ бы не расталась). Ихъ

[1]) Өедоръ Ивановичъ Глѣбовъ (1734—1799), ген.-аншефъ.

[2]) Рѣчь идетъ о дочери княгини Барятинской (урожд. принцессы Гольштейнъ-Бекъ), которую авторъ зоветъ принцессой. Дочь ея звали Анной Ивановной (См. № 3, стр. 79).

[3]) Графъ Н. А., впослѣдствіи женившійся на дочери принцессы.

[4]) См. № 3, стр. 91, прим. 2.

[5]) См. тамъ же, прим. 3.

было двѣ сестры и, конечно, еслибъ я воротился къ свадьбѣ сестриной осенью, я бы сталъ искать руки етой дѣвушки. Много бы труда мнѣ стоило въ томъ успѣть, потому что батюшка противъ етого семейства былъ непріятно предупрежденъ и постарался бы меня отвести отъ него, но въ Октябрѣ я вмѣсто отъѣзда въ Москву какъ выше видно задержанъ В. К-нею, сыгралъ Le Faucon [1]), и потомъ уже я кромѣ Смирной ничѣмъ не бредилъ, и всѣ вышеписанныя невѣсты остались въ головѣ моей только прекрасными идеалами, о которыхъ я съ удовольствіемъ вспоминая вижу какъ рѣзво было мое седце.

Говоря о свадьбѣ сестриной обѣщалъ я упомянуть о неудовольствіяхъ, кои получилъ ходатайствуя за зятя и здѣсь войду въ маленькой етотъ епизодъ.

Вспомнимъ что бывшій при воспитаніи моемъ езуитъ Совере [2]) перешолъ къ намъ въ домъ окончавъ науки молодого человѣка Мамон(ова) [3]), которой лѣтъ пять былъ меня старѣе. — Имѣвъ однаго наставника мы какъ ребята видались часто; родственники у насъ были общія: у него по отцѣ, у меня по матери. — Мы съѣжжались въ одни и тѣже домы по праздникамъ. — Долго ли сдѣлать свычку въ дѣтскомъ возрастѣ? — Мы стали друзьями и росли въ увѣренности, по крайней мѣрѣ я, что союзъ нашъ продолжится до гроба. Пришло время ему и мнѣ служить. — Онъ былъ сержантъ гвардіи, я ординарецъ полевой въ Москвѣ, равны еще были доли! — Но уже я былъ офицеръ гвардіи и въ Петербургѣ, какъ Мамон(овъ) А. М. привезенъ на службу, будучи слишкомъ дватцати лѣтъ. — Всѣ дивились что Отецъ его такъ поздно отправилъ, но онъ былъ одинъ сынъ и родители выдерживали его дома. — Кто знаетъ будущее? — Вступя сержантомъ въ измайловской полкъ, онъ основалъ житье свое въ домѣ у дяди моего Бар. Стро(ганова), которому онъ по папѣ его былъ близко родня. — Тутъ онъ все имѣлъ на коштѣ дяди. Бар. Стро(гоновъ) любилъ насмѣшки, шутки и сатирическое обращеніе. Мамо(новъ) отъ природы былъ комикъ ѣдкой, и очень понравился дядюшкѣ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Мамо(новъ) былъ очень гордъ, и часто между острыхъ епиграммъ, которыя дядя ему отпускалъ, Мамон(овъ) квитался съ нимъ, не смотря на его хлѣбъ-соль, своими булавками. — Будучи въ етомъ домѣ часто я съ Мамон(новымъ) все продолжалъ связь свою. — Скоро онъ водворился какъ сынъ въ баронскомъ домѣ.

У дяди была дочь лѣтъ уже пятнадцати [4]) Мамо(новъ) въ нее влюбился. Родство давало имъ право на короткое обращеніе, свычка дѣло довершила, и оба они ни о чемъ уже не помышляли, какъ о своемъ соединеніи. Въ началѣ еще ихъ романа Мамо(новъ), по ходатайству барона, выпущенъ изъ сержантовъ въ статъ къ Потем(кину), въ флигель

[1]) Объ этой пьесѣ см. № 3, стр. 91.

[2]) См. № 1, стр. 35.

[3]) Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ (1758—1803). Впослѣдствіи графъ, фаворитъ имп. Екатерины II; онъ въ родствѣ съ авторомъ по матери послѣдняго рожд. барон. Строгановой. Тетка Мамонова, Елена Васильевна, была замужемъ за бар. Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ (родной братъ дѣда автора, барона Николая Григорьевича).

[4]) У барона Александра Николаевича было 2 дочери, Екатерина и Елисавета 1-я была замужемъ впослѣдствіи за И. А. Нарышкинымъ, 2-я за Н. Н. Демидовымъ, вѣроятно рѣчь идетъ о 2-й, такъ какъ 1-я родилась въ 1768 г. и ей въ это время не было еще и 10 лѣтъ. Она приходилась родственницей М—ву.

адьютанты. — Князь (Потемкинъ) отправился въ армію, Мамо(новъ) былъ при его свитѣ. — Острота его замѣчена. — Князь удостоилъ его своего благоволенія, произвелъ въ маіоры, и скоро потомъ Мамо(новъ) переведенъ въ Преображенской полкъ въ капит. порут. — Сдѣлавъ такой скорой шагъ въ службѣ онъ опять сѣлъ на прежнее свое гнѣздо у дядюшки и болѣе прежняго оказывалъ сестрѣ [1]) моей всякихъ угожденій. — Она, не въ силахъ будучи сопротивлятся чувствамъ своимъ, изъяснилась съ отцомъ и просила дозволенія выттить за Мамо(нова) за мужъ. — Для дяди такое нечаянное признаніе былъ ударъ жестокой. — Онъ раздражился противъ дочери, упрекая Мамо(нова) называлъ его коварнымъ соблазнителемъ и, съ одной стороны находя родство препятствіемъ къ етому браку, съ другой отнюдь не желая Мамо(нова) имѣть зятемъ, онъ сбилъ его съ двора, и въ правильной досадѣ за нарушеніе слѣпой его къ нему довѣренности и благодѣяній, запретилъ къ себѣ ѣздить. — Послѣ такого стыда Мамо(нову) не оставалосъ иного ничего, какъ бѣжать въ Москву, и удалится хотя на время. — Прямо изъ дома дяди онъ пріѣхалъ ко мнѣ, переночевалъ у меня, плакалъ, рвался и растрогалъ меня чрезвычайно. — Снова мы поклялись въ дружбѣ непреложной и съ етимъ обѣтомъ разстались. — Мамо(новъ) изъ Москвы писалъ ко мнѣ всякую почту, убѣждалъ меня примирить его съ дядею и наклонить мысли сего послѣдняго къ дозволенію дочери за него выйтить. — Сестра черезъ меня знала все, что Мамо(новъ) дѣлаетъ и предпринимаетъ. — Не видя ничего соблазнительнаго въ ихъ страсти, потому что она имѣла предмѣтомъ свадьбу, я охотно взялся доставить сестрѣ письма отъ Мамо(нова), но успѣлъ только одно довести до рукъ ея. — Такимъ образомъ поддерживалась любовь ихъ и заочно, въ чаяніи, что капризъ дяди моего пройдетъ. — Случилось и мнѣ побывать въ Москвѣ; тутъ я увидѣлъ новую картинку. — Мамо(новъ) уже имѣлъ связь гораздо прочнѣе, потому что она вела прямо къ наслажденію, съ одной замужней дамой, которой онъ въ знакъ довѣренности, а болѣе изъ чванства казалъ мнѣ цыдулочки. — Начавши разсматривать моего героя ближе я нашелъ въ немъ пропасть хвастовства, езуитства, высокомѣріе чрезвычайное и любовь къ одному себѣ. — Всѣ сіи свойства мнѣ не понравились, но я все однакожъ не разрывалъ съ нимъ моей свычки. — Скоро потомъ съѣхались мы въ Петербургѣ, и тамъ Мамо(новъ) появился на высокомъ театрѣ придворнаго свѣта.

Когда дворъ въ Царскомъ Селѣ, то туда наряжали на караулъ однаго гвардіи офицера съ командою. — Ето было въ обыкновеніи. — Въ нынѣшнемъ годѣ отряженъ туда Мамо(новъ). Онъ былъ росту виднаго, прекрасной мущина; полюбился Екатеринѣ . . . .
. . . .
. . . . — Тотъ кто удостоивался етой чести, назывался фаворитомъ. — . . . . Мамо(новъ) смѣнилъ Ермолова [2]), которой также попалъ изъ сержантовъ нашего полку и подержался только годъ. — Перьвая вывѣска, по которой узнавали успѣхъ такихъ молодцовъ, состояла въ чинѣ флигель адьют(анта). Мамо(новъ) его скоро получилъ и сдѣлался полковникомъ, основался во дворцѣ, гдѣ ему отвели особыя покои, ...

[1]) Т. е. двоюродной сестрѣ.
[2]) Александръ Петровичъ Ермоловъ, ген. маіор. свиты Е. В. (1754—1836).

. . . . Можно вообразить по характеристикѣ которую я далъ уже о немъ выше, сколько шагъ такой его возвысилъ.

Я свѣдалъ о томъ въ публикѣ и огорчился что не онъ перьвой меня о томъ увѣдомилъ. — Романическая дружба наша, давала мнѣ право сего требовать. Когда онъ былъ выгнатъ изъ дома дяди, онъ прежде всѣхъ со мною раздѣлилъ свои печали, для чего же думалъ я нынѣ онъ не пріѣхалъ кинутся ко мнѣ на шею, и сдѣлать меня участникомъ своего благополучія. — Одни опыты учатъ насъ распознавать нравы. — Тутъ я совершенно узналъ что такое Мамо(новъ), увидѣлъ въ немъ тварь низкую, мѣлкую, напыщенную только собою и съ красивымъ умомъ соединяющую лукавую душу. — Холодность его долго меня огорчала, я не зналъ еще что счастіе и несчастіе суть для дружбы человѣческой двѣ атмосферы совсѣмъ разныя. — Однако въ самомъ неудовольствіи моемъ которое болѣе поражало самолюбіе чѣмъ сердце (я уже пересталъ давно искренно любить Мамо(но)ва), находилъ я нѣкоторой родъ удовольствія, питая свои химеры. — Пусть онъ превозносится, мечталъ я самъ въ себѣ, пусть предъ нимъ всѣ раболѣпствуютъ и ищутъ его милостей, я выдержу свой характеръ, я къ нему не пойду на поклонъ, онъ никогда не увидитъ меня въ своей передней. — Пусть онъ все для другихъ, для меня онъ все тотъ же и я предъ симъ минутнымъ кумиромъ никакой жертвы не воскурю. — Такъ бродила кровь во мнѣ, волновалось воображеніе! — Но кто не рабъ своихъ обстоятельствъ? — Увы! и мои принудили меня наладить на другой тонъ свои поступки! — Гдѣ человѣкъ сильнѣе надѣется на себя, тамъ обыкновенно провидѣніе заставляетъ его почувствовать, что онъ какъ трость вѣтромъ колеблема, весь во власти находящихъ на него случаевъ. — Всуе мы кичимся своими правилами. — Выгоды общежитія и отношеніи все себѣ покоряютъ.

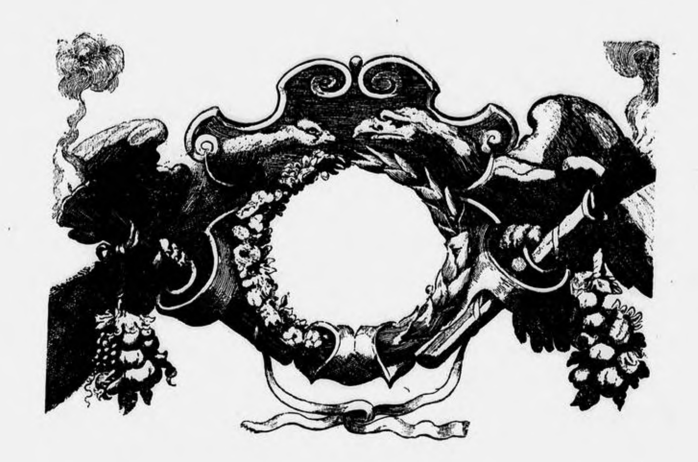
Въ тоже самое время сестра моя родная обручена за сержанта гвардіи. — Чинъ ничтожной! — Ни стула нѣтъ, ни екипажа въ обществѣ. — Батюшка, помня мою дѣтскую дружбу съ Мамо(новымъ) и узнавъ о его случаѣ препоручилъ мнѣ выпросить у него для будущаго зятя чинъ офицерской. — Мамо(но)ву ето стоило однаго слова, но надобно было за етимъ словомъ походить. — Нечаянно судьба столкнула насъ съ нимъ вмѣстѣ. Я пріѣхалъ въ Сарское Село съ рапортомъ, жду въ залѣ. Отворяются двери и изъ покоевъ Государыни летитъ Мамо(новъ) въ шитомъ мундирѣ. — Лишь увидѣлъ меня, сыгралъ тотчасъ свою комедію. — Ето была сцена Филибера въ романѣ Г. Коцебу; бросился меня обнимать, прижимался къ сердцу, звалъ къ себѣ, велѣлъ ходить во всякое время. — По етому восторгу придворныя лакеи думали, что я буду и самъ великой господинъ, а можетъ быть и ихъ приму къ рукамъ. — Существенная выгода такой ласки фаворита для меня въ етотъ разъ состояла въ томъ, что за обѣдомъ меня очень подчивали столовыя прислужники. — Долженъ я былъ къ нему сходить. — Тѣ же вѣжливости откровенныя, и посулы въ дружбѣ. — Переѣхалъ дворъ въ городъ. — Нѣсколько разъ и тамъ фаворитъ меня принималъ все одинаково; т. е. прекрасно, и отличалъ отъ многихъ. — Положась на ето, я рѣшился просить его о зятѣ. — Онъ вывелъ меня въ свой кабинетъ, говорилъ со мной откровенно, уважилъ причину моего ходатайства, напомня что онъ,

[1]) Ефимовскаго.

бывши самъ сержантомъ опытомъ знаетъ уничиженіе етаго состоянія, и обѣщавъ мнѣ непремѣнно выпросить зятю чинъ офицера, сказалъ даже ети отборныя слова, коихъ я никогда не забуду, какъ памятникъ того, что человѣку знатному всякая ложъ и самая гнусная ничего не стоитъ: „Я себѣ самому за честь поставлю все то сдѣлать, что вамъ будетъ пріятно". — Выраженіе сихъ словъ сопровождалось какимъ то глубокимъ чувствомъ и любви, и уваженія, и искренней благодарности.

Прошло съ мѣсяцъ, а я все на одномъ посулѣ. — Между тѣмъ въ Москвѣ въ чаяніи успѣха свадьба наша отсрочивалась и могла разорватся. — Надобно было ковать желѣзо пока горячо. — Я опять къ Мамо(но)ву, съ напоминаніемъ. — Онъ довольно сурово отвѣчалъ. — Неужели вы думаете что я могу вашу прозьбу забыть? — Я изъяснилъ причины моего настоянія; онъ имъ далъ вѣру, почувствовалъ строгую необходимость исполнить свое слово не медля, и далъ мнѣ его въ другой разъ съ тѣмъ, что въ день коронаціи 22 Сентября, онъ конечно меня поздравитъ. — На сей конецъ онъ тутъ же принялъ и записку объ имени Ефим(овскаго). Чего больше? — Дѣло сдѣлано, думалъ я, и поѣхалъ въ Павловское. — Дождавшись 22 число пріѣжжаю на вѣрное во дворецъ и лечу къ нему въ покои. — Кто повѣритъ! — Я его встрѣчаю, — Онъ видитъ меня, безъ поклона отворачивается, и послѣ я узналъ, что меня уже не было на листу тѣхъ, коихъ онъ за просто принимать велѣлъ. — Громъ не могъ бы меня поразить сильнѣе. Я одурѣлъ на мѣстѣ стоя и не могъ понять что ето значитъ. — Стыдъ быть такъ нагло обманутымъ неблагодарнымъ скаредомъ одолѣлъ весь мой разумъ. Я рѣшился бросить его, никогда къ нему болѣе не ходить и выдержалъ свой обѣтъ, ибо съ тѣхъ поръ уже не видалъ его иначе, какъ видятъ издали на шатрахъ мишурныхъ царей. — Етотъ Мамо(новъ) по времени выросъ у двора очень высоко, былъ наконецъ генер(алъ) - адьют(антомъ), пожалованъ въ титло графа, носилъ Александровскую ленту, и начиналъ перевѣсъ дѣлать своему благодѣтелю Пот(емки)ну, которой возвелъ его на настоящую степень. — Но судьба и его опрокинула; онъ слюбился съ одной фрейлиной[1]), обманулъ Екатерину. — Она узнала его интригу, обвѣнчала ихъ и сослала въ Москву, гдѣ Мамо(новъ) живучи одинъ съ своимъ швейцаромъ, не видясь отъ гордости ни съ кѣмъ, умеръ какъ жилъ, т. е. безъ правилъ и совѣсти[2]). — Размышляя о семъ нынѣ думаю и не безъ основанія, что онъ хотѣлъ вынудить бар. Стро(ганова) пріѣхать его просить о Ефимов(скомъ), какъ о родномъ своемъ племянникѣ, и для того по моимъ однимъ настояніямъ етаго не сдѣлалъ, дабы не потерять столь хорошаго случая заманить къ себѣ въ переднюю того человѣка, которому онъ долженъ былъ быть такъ обязанъ, но не прощая ему обиды своей, что онъ выгнатъ изъ его дому, радъ былъ случаю показать надъ нимъ при всѣхъ свое торжество и возвысится низостію своего благотворителя, когда бы етотъ къ нему явился; но онъ не далъ Мамо(но)ву желаемаго праздника, не посѣщалъ его и, встрѣчаясь съ нимъ у двора, всегда холодно раскланивался. — Такъ то я ошибся въ дружбѣ, но этотъ опытъ меня не выучилъ. Онъ былъ къ несчастію не послѣдній въ моей жизни. — Видно человѣкъ безпрестанно ошибатся долженъ.

¹) Д. Ѳ. Щербачевой (1762 — 1801).
²) † 29 сент. 1803 г.



1787.

Послѣ обыкновеннаго бала у двора 1 числа, на которомъ вся публика простилась съ Государыней, изволила она 2 числа отправиться въ Сарское Село, и оттуда предпринять путешествіе въ Кіевъ и Крымъ[1]). — Въ свитѣ ея были сверьхъ многихъ дѣловыхъ чиновниковъ, флигель адьютантъ Малмо, — и три иностранныя посла: Цесарской Кобенцель[2]), Французской Ségur[3]) и Аглинской Фицъ Герберъ[4]). — Гр.-Бр(юсу)[5]) порученъ былъ въ отсутствіи ея столичной городъ и полкъ нашъ по прежнему въ его подчиненность. — Меньшой дворъ оставался въ зимнемъ дворцѣ на просторѣ въ полной свободѣ.

Нѣсколько дней по отбытіи двора, нечаянно встрѣтилъ я В. К-зя на улицѣ. Онъ прогуливался верьхомъ. — Я вышелъ изъ кареты, чтобъ отдать ему поклонъ. Его Высочество изволилъ остановится и съ четверть часа говорилъ со мною очень милостиво; я поцаловалъ его руку, онъ

¹) См. № 4, стр. 68.
²) Австрійскій посолъ графъ Louis Cobenzel (1753 — 1808), въ Петербургѣ — 1779 — 1797 г.г.
³) Графъ Людовикъ Филиппъ Сегюръ (1753 — 1830), посолъ Людовика XVI, авторъ знаменитыхъ воспоминаній, въ которыхъ подробно описано путешествіе имп. Екатерины въ Крымъ. Авторъ исторіи похода Наполеона въ Россію и др. историческихъ сочиненій.
⁴) Алланъ Фицгербертъ (1753 — 1839) дипломатъ, чрезвычайный посланникъ при имп. Екатеринѣ II съ 1783 по 1792 г.
⁵) См. № 2, стр. 52, прим. 2.

приказалъ мнѣ быть къ нему послѣ полудни во дворецъ, сообщить напередъ о семъ гр. Пуш(кину)[1] а въ покояхъ сказатся каммердинеру. Ето было перьвое мое свиданіе съ Его Вы-вомъ, послѣ моего пріѣзда въ Питеръ.

Мнѣ не хотѣлось ѣхать къ Пуш(кину) дабы не показать нескромности, и не дать ему повода заключить, что я изъ однаго глупаго высокомѣрія, извѣщаю его о семъ, чтобъ показать, что я и безъ его предстательства, пробилъ себѣ дорогу въ кабинетъ В. К-зя. Однако должно было исполнить волю Государеву. Я согласилъ и то и другое; зная, что Пуш(кинъ) всякой день обѣдалъ у меньшаго двора, я въ самой етотъ часъ къ нему заѣхалъ, и не заставши его дома, чего и ожидалъ, донесъ при свиданіи В. К-зю, что я приказаніе его исполнилъ, но графъ не былъ у себя, и В. К-зь оставилъ ето безъ вниманія.

По полудни въ четыре часа, явился я на половину В. К-зя, и велѣлъ гофъ фурьеру о себѣ доложить. — Камердинеръ Кутайсовъ[2]) вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ, ввелъ меня къ его Высочеству, и затворилъ за мною двери. Мы остались въ большомъ кабинетѣ глазъ на глазъ. — Бесѣда между нами продолжалась доброй часъ: Онъ и я ходили взадъ и впередъ по комнатѣ. Я вступилъ въ разговоръ объявленіемъ о соизволеніи моихъ родителей на мою женидьбу. — Государь принялъ его съ удовольствіемъ, и сказалъ мнѣ искренное участіе; потомъ очень долго изволилъ разсуждать со мною о обязанностяхъ супружества, какъ отецъ давалъ мнѣ наставленіи и правила жизни. Я выслушалъ тутъ цѣлую диссертацію о нравственности. В. К-зь говорилъ съ жаромъ усердія, одушевлялся своимъ предмѣтомъ, и рѣчь съ языка его лилась какъ потокъ. Я внимательно слушалъ, и безмолвствуя убѣждался его краснорѣчіемъ. — Иногда смягчая сухость матеріи, вмѣшивалъ онъ въ разговоры острыя шутки и замысловатыя обиняки; наконецъ весьма милостиво меня изволилъ отпустить, обѣщавъ свое покровительство. — Я сталъ на колѣни, схватилъ его руку, но онъ поднявши обнялъ и я вышелъ. — Сіе свиданіе будетъ до гроба жить въ моей памяти! — Отъ него я побѣжалъ въ восторгѣ къ Смирной[3]), и ей отъ слова до слова далъ отчетъ во всемъ нашемъ разговорѣ. — Она дѣлила мое восхищеніе, и мы облобызались. — Знали ли мы тогда, что наша суетная сія радость готовитъ намъ впереди горькія слезы?

Казалось ничто уже не препятствовало помолвку нашу сдѣлать публичной, — но В. К-ня разсудила дождатся отвѣта и позволенія отъ матери дѣвицы Смирной. — Примѣръ почтенной покорности дѣтей къ своимъ родителямъ; — поступокъ дѣлающій честь высокому сану ея Высочества; она забывала, что мать Евгеніи дворянка бѣдная, деревенская, и что дозволеніе ихъ Высочествъ, согласие моихъ родителей не могло остановить и благословенія ея матери; она здѣсь уважала одну родительскую власть, и не хотѣла оскорбить ее правъ. — Если бъ сія мысль представилась прежде, я бы могъ на обратномъ пути изъ Москвы заѣхать къ будущей тещи, и переговоря съ ней, однимъ разомъ всѣ позво-

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ, см. № 1, стр. 37, прим. 4.
[2]) Иванъ Павловичъ, впослѣдствіи (съ 22 февр. 1799 г.) баронъ, а съ 5 мая 1799 г. — графъ. Въ 1800 г. пожалованъ оберъ-шталмейстеромъ. Ум. въ глубокой старости въ 1834 г.
[3]) Невѣста автора, см. выше.

леніи привезти вдругъ, но отъ того ли, что я въ Москву ѣхалъ въ безпокойную минуту у двора, или для того можетъ быть чтобъ бѣдностію г-жи Смирной и незначущимъ ея положеніемъ не испугать моей страсти къ ея дочери, но тогда ето не пришло въ голову никому, и вздумали о семъ теперь. Если послѣдняя догадка моя справедлива, то ахъ! какъ мало знали чувства мои и образъ мыслей на счетъ породы и убожества! Смирной приказано написать къ матери письмо. Оно отдано мнѣ; слуга мой на почтовыхъ поскакалъ съ нимъ въ Тверскую губ. и во ожиданіи отвѣта, въ содержаніи котораго никто не сомнѣвался, приказано было отъ ихъ Высочествъ для соблюденія порядка, держать помолвку нашу въ секретѣ. — Повинуясь сему жестокому приговору, я просилъ Вад(ковскаго)[1]) исходатайствовать мнѣ дозволеніе по крайней мѣрѣ ежедневно видится съ невѣстой, и тогда то Государыня изволила приказать чтобъ я имѣлъ съ ней свиданіе въ тѣ часы, когда она приходитъ къ г-жѣ Ливенъ[2]), коей она была поручена, — съ етаго времени я всякой день являлся обѣдать къ Лив(енъ) и ужинать также, когда не было пріема ни вечера у Ихъ Высочествъ. Признаюсь, что мнѣ ета форма не нравилась, но надобно было плясать по той дудкѣ на которой играли. Между тѣмъ въ покояхъ г-жи Ливенъ, уже занимались приданымъ. Невѣста моя сама обметывала свои будущія платочки, и я помогалъ ей иногда очень не ловко.

Не смотря на всѣ запрещеніи, молва пошла по городу, что я женюсь на Смирной, и что дѣло ето кончено. Въ первый балъ у Ихъ Высочествъ многія меня поздравляли. Сама В. К-ня изволила подойдя ко мнѣ спросить довольно громко: où est votre promise? — Кто ближе стоялъ, тотъ за вѣсточку разсказалъ ето съ нетерпѣніемъ другому, другой третьему, и секретъ вышелъ наружу, прежде нежели етикетъ былъ исполненъ. — Въ большихъ городахъ самой ничтожной и обыкновенной случай, въ нѣсколько дней по всѣмъ домамъ промчится, и занимаетъ всѣхъ пока послѣдуетъ другой по новѣе.

Теща моя[3]) жила смиренно въ своемъ углу называемомъ Подзоловѣ, въ трехъ верстахъ отъ большаго почтоваго яма, на Петербургской дорогѣ села Меднева, и никакъ не ожидала моего курьера. Разумѣется, что съ большимъ восхищеніемъ старушка прислала свое благословеніе дочери, которую съ младенчества отдавъ на руки двору, въ глаза не видала. Я получилъ ее письмо очень скоро, и тотчасъ доставилъ невѣстѣ. Кончились всѣ перешопоты и сплетни. — На другой же день, именно 17 Генваря, обьявлена помолвка наша публично; послѣ обѣдни во дворцѣ въ обыкновенной выходъ Ихъ Высочествъ, къ которому всѣ чины города съѣжжались точно также какъ и при Государынѣ, я представлялся по етикету придворному благодарить Ихъ Высочества, за дозволеніе ихъ воспитанницѣ выттить за меня, и былъ допущенъ къ рукѣ В. К-зя, и В. К-ни, вмѣстѣ съ родственниками моими съѣхавшимися для исправленія сего обряда. Ета минута была торжественнѣйшая въ жизни моей. — Всѣ меня обнимали, всѣ поздравляли угождая В. К-зю, и видя, что я удостоенъ особенной его милости. — Всякой изъ придворныхъ подлипалъ, увивался около меня, какъ муха около сыропу. Стыдно

[1]) См. № 3, стр. 92, прим. 2.
[2]) См. № 4, стр. 67, прим. 2.
[3]) Авдотья Сергѣевна, см. № 3, стр. 84.

сказать, но не потаю, что нѣкоторыя изъ моихъ сродниковъ, не принимавшія доселѣ никакого во мнѣ участія, придирались въ етотъ разъ къ родству со мной, чтобъ имѣть лишній случай быть у руки Ихъ Высочествъ, и обратить на себя хоть минутное замѣчаніе. — Послѣ всѣхъ церемоній придворныхъ я тутъ же въ покояхъ Царскихъ, представилъ мою невѣсту ближайшимъ моимъ роднымъ, и пораженъ былъ новой картиной. — Дядя бар. Стро(гановъ)[1]) сей жарчайшій антагонистъ моего супружества, видя, что дѣло сдѣлано, и стараясь загладить суровое свое упорство, которое не могло не быть извѣстно и Ихъ Высочествамъ, обошелся съ невѣстой моей прекрасно, обласкалъ ее какъ дочь, обѣщая принять насъ въ свое непосредственное покровительство. На его оборотъ глядя и прочія мои родственники умилосердились. Всѣ перестали гнѣваться и дѣло вошло въ благопристойной порядокъ. Судя по общему обхожденію со мной господъ поидворныхъ, можно было подумать, что я нѣчто превосходное и совсѣмъ не тотъ мальчикъ, которой стоя на кафедрѣ въ университетѣ, выпрашивалъ вниманіе къ своимъ трудамъ и способностямъ; напротивъ я тотъ же былъ юноша, но положеніе мое перемѣнилось. Все относительно въ мірѣ. Не будь моя невѣста у двора, я увѣренъ, что многія изъ тѣхъ кои только что по пятамъ за мною не ходили не узнали бы, что я и женюсь. Всѣ сіи суетныя почести кои разливались на меня и воздымали мое тщеславное самолюбіе принадлежали двору. Безъ него я бы погасъ на ряду съ другими въ сумеркахъ вѣчныхъ.

Въ тотъ же самый день я подарилъ невѣсту перстнемъ бриліантовымъ въ одинъ камень, а послѣ обѣда дядьи мои бар. и гр. Стро-вы[2]), пріѣхавши къ ней въ комнаты генер(альши) Ливенъ, вручили отъ имени родителей моихъ на благословеніе богатой образъ, и дары ихъ состоящія въ брилліантовыхъ старинныхъ браслетахъ отъ матушки, и нѣсколькихъ ниткахъ жемчугу отъ батюшки. Отправя сіи обряды, я занялся посылкой нарочнаго въ Москву, съ увѣдомленіемъ, что помолвка моя у двора объявлена. Съ нимъ посланы рекомендательныя письма невѣсты моей къ Отцу моему и матери, и велѣно тому же нарочному завести по пути къ тещѣ мое рекомендательное письмо съ невѣстинымъ вмѣстѣ. Потомъ ѣздилъ я самъ ко всѣмъ находившимся въ Петербургѣ моимъ родственникамъ, съ объявленіемъ о помолвкѣ моей, и всѣ они на другой же день были у невѣсты моей съ визитомъ, которая принимала ихъ въ покояхъ генеральши Ливенъ. Дни два спустя невѣста моя съ дозволенія В. К-ни, сопровождаемая г-жей Бенк(ендорфъ)[3]) ѣздила съ визитомъ ко всѣмъ моимъ роднымъ и къ перьвымъ двумъ классамъ рекомендоватся.

Поступки дяди моего съ тѣхъ поръ оказались въ большой противуположности съ прежними — Негодовавши на меня болѣе всѣхъ, онъ обратился къ моему положенію съ чувствами настоящаго отца и благотворителя, если можно назвать прямымъ благодѣяніемъ роскошное употребленіе денегъ безъ пользы. — Онъ принялся тотчасъ за обстройку моего дома въ полку, пріѣхалъ самъ съ архитекторомъ, осмотрѣлъ его, и по новому плану велѣлъ такъ отдѣлать, чтобъ съ надстроенной антресолью, онъ могъ быть способенъ для помѣщенія семейства. До нынѣш-

[1]) Александръ Николаевичъ, см. № I, стр. 44, прим. 1.
[2]) Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, см. № III, стр. 64, прим. 3.
[3]) См. № III, стр. 81, прим. 4.

няго времени, я не видалъ отъ него ни малѣйшей ласки въ етомъ родѣ; онъ мнѣ никогда не даривалъ бездѣлки; можетъ быть и отъ того, что я не хотѣлъ никогда просить его пособія, а онъ не старался отгадывать моихъ надобностей по пословицѣ: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Тутъ напротивъ онъ сорилъ деньги, и часто очень напрасно, желая чтобъ свадьба моя соотвѣтствовала своей пышностью, знатности моего рода, а его богатству. Онъ вывелъ меня совершенно изъ круга мнѣ подобныхъ недостаточныхъ людей, и все учреждалъ широкимъ покроемъ. Нанялъ для свадьбы превеликой домъ Саксмеера, въ два етажа за сто рублей на мѣсяцъ и перевезя меня въ него за нѣсколько дней до свадьбы, снабдилъ его мебелью, услугой и всѣмъ нужнымъ. Подарилъ мнѣ карету, и скупилъ все, что для обзаведенія дома на первой случай необходимо, словомъ, поставилъ меня совсѣмъ въ новое состояніе. Тѣмъ временемъ отстраивали мой полковой домишка для предбудущаго моего въ немъ житья, когда угаръ великолѣпія пройдетъ. Всѣ издержки при семъ случаѣ дяди моего конечно доходили до пяти тысячъ. Онъ предъ симъ сестрѣ моей на свадьбу подарилъ три тысячи.

Видя столь добрую волю дяди моего поддержать меня въ такую важную минуту жизни я съ нимъ примирился искренно. Всѣ наши досады взаимныя другъ противъ друга исчезли безъ объясненія. — Часто распространяясь въ нихъ ссора только разгорается ярче, и онъ и я молча проглотили обоюдныя непріятности и сдѣлались друзьями, чѣмъ бы намъ не должно было никогда переставать быть между собою.

Осуждая здѣсь тщеславіе бар. Стро(ганова) не стану выхвалять и себя. И во мнѣ суеты было много; другой на моемъ мѣстѣ готовясь къ состоянію женатаго человѣка, одумалъ такое важное намѣреніе гораздо лучше и основательнѣе, изслѣдывалъ бы свой характеръ, вразумился въ существо предстоящаго таинства, коего печать не снимается уже до гроба, помыслилъ бы сколь нужно для благополучнаго супружества подумать не о себѣ одномъ, но и о жребіи будущаго своего товарища, и ожидаемаго съ нимъ потомства, другой бы наполня разумъ столь нужными размышленіями обратился къ вѣрѣ, чая отъ нее и отъ Бога той твердости и постоянства, безъ коихъ тѣсной союзъ любви рѣдко можетъ сдѣлать насъ счастливыми и благоразумной осторожностію разсудка упрочилъ бы выборъ пристрастнаго сердца. — Но мнѣ такія мысли не шли еще въ голову; религія моя была ничто иное какъ привычка думать о Богѣ по наслышкѣ; я болѣе по воспитанію держался ея правилъ, нежели изъ натуральнаго подвига души, озаренной истиннымъ Богопознаніемъ по убѣжденіямъ собственнаго ума и совѣсти, а потому я готовился быть мужемъ какъ мальчикъ, думалъ только о нарядахъ женниныхъ, о ливреѣ, екипажѣ и новомъ разсѣяніи, заботился чтобъ все было около насъ пышно, величаво, прекрасно. Искалъ въ женѣ утѣхъ сладострастія, которыя какъ цвѣтъ изчезаютъ, и ни мало не помышлялъ о томъ, какъ бы сдѣлать ее своимъ другомъ, а ей сдѣлатся подпорой и надежнымъ сотрудникомъ въ обремѣненіи житейскомъ. Среди такихъ суетныхъ побужденій, одни праздники и пиры меня занимали. Но извинимъ возрастъ! — Я былъ еще такъ молодъ! Жаль что всѣхъ сихъ соображеній за обѣихъ за насъ не дѣлали тѣ, кои образовали наше будущее житье, и выводили насъ изъ нашей сферы. Я сію послѣднюю рѣчь отношу не къ одному дяди, который много допустилъ излишностей,

но и ко двору. Ихъ Высочества ни мало не готовили своей питомицы къ той смиренной жизни изъ которой состоянiе наше и достатокъ моего Отца не долженъ былъ отнюдь насъ выводить.

Оставалось до Великаго поста отъ дня помолвки только двѣ недели. В. К-нѣ угодно было отстрочить свадьбу до Святой недѣли, дабы успѣть сшить приданое, но В. К-зь, любя скорую рѣшимость, назначилъ быть ей въ послѣднее воскресенье предъ маслиницей, къ чему сталъ и я приготовлятся. Я не видалъ, какъ ети двѣ недѣли прошли; для жениха годъ — минута! — Вещь обыкновенная! — каждой день ознаменованъ былъ какимъ нибудь удовольствiемъ, то я встрѣчался съ В. К-земъ на улицѣ, и онъ не пропускалъ случая мнѣ оказать своего благоволенiя мимоходомъ, привѣтствiемъ или ласковою шуткой, то учавствуя въ катаньяхъ на Каменномъ островѣ удостоенъ былъ самаго хорошаго обращенiя, до того, что однажды мнѣ случилось съ В. К-земъ играть въ воланъ, а въ другой разъ быть приглашену на нѣмецкiй спектакль, въ число только дватцати зрителей. Иногда сидя у генеральши Ливенъ, къ которой прихаживали играть Великiя Княжны [1]), строилъ имъ карточныя домики и одна, именно изъ нихъ старшая привыкнувъ къ моему лицу, изволила меня назвать своимъ гофъ фурьеромъ. — Замѣчательнѣе же всѣхъ случаевъ, въ столь короткое время для меня, особенно былъ разговоръ мой съ В. К-нею, которая иногда нечаянно отъ дочерей своихъ заходила къ г-жѣ Лив(енъ) и меня тутъ найдя, изволила долго говорить о будущемъ нашемъ житьѣ, преподавала мнѣ разныя економическiя наставленiи, совѣтуя быть хозяиномъ бережливымъ, не расточительнымъ. — Я никогда етой бесѣды не забуду! — Однажды какъ то случилось что лакей ошибкой сказалъ мнѣ, что у Ихъ Высочествъ ужинъ отказанъ. Я пошелъ къ Лив(енъ) но тщетно ожидалъ тамъ невѣсты, она была у двора; я узнавъ неумышленной обманъ лакея, не могъ уже представится на придворную вечеринку, пропустя обыкновенной часъ прiѣзда. В. К-зь удивясь, что я розно съ невѣстой, спросилъ ее, куда я дѣвался; она донесла о причинѣ моего отсутствiя по которой я сижу у Лив(енъ). Онъ шутя диктовалъ ей цыдулку, и велѣлъ ее ко мнѣ отправить, а на другой день войдя въ разговоръ со мною о нечаянности многихъ въ мiрѣ произшествiй, изволилъ улыбнувшись сказать: на примѣръ: Чаялъ ли ты когда нибудь, чтобъ я къ тебѣ сталъ писать des billets doux. Точныя его слова и я не могу ихъ забыть; не смѣю выдумать. Подобныя бездѣлки служатъ однако доказательствомъ того свободнаго обхожденiя, той непринужденной любезности, какой В. К-зь иногда удостоивалъ людей составлявшихъ тогдашнiй кругъ его. Какъ мнѣ пропустить ихъ въ исторiи моей? Каждая изъ сихъ минутъ служитъ въ ней памятникомъ лучшихъ дней моей жизни. Между тѣмъ какъ я утопалъ въ восторгахъ въ Петербургѣ, уже извѣстiе о моей помолвкѣ дошло въ Москву. Родители мои разсылали всюду вѣстниковъ съ карточками и визиты родственниковъ и знакомыхъ наполняли съ утра до вечера ихъ покои. Съ 1-го числа февраля, я былъ гр. Брю(со)мъ, уволенъ отъ должности моей, дабы занятся могъ брачными досугами.

Въ тоже самое время шла за мужъ и кн. Щер(батова) [2]) героиня послѣдняго моего романа, за дворянина равныхъ съ ней лѣтъ Полик(арпо)ва, [1]) которой предъ симъ поступилъ въ полковники, человѣкъ хорошiй, достойной, хотя слишкомъ вспыльчивой, и обращался въ лучшихъ людяхъ. — Все со временемъ проходитъ! — Союзъ сей меня ни сколько уже не тронулъ, а прежде, я думаю, что я опять бы принялся за пистолетъ. Замѣтимъ однако мимоходомъ странную встрѣчу при настоящемъ случаѣ. Когда дядя мой искалъ мнѣ для свадьбы квартеры въ городѣ, то перьвая самая попалась ему въ такомъ домѣ, въ которомъ одинъ етажъ нанятъ уже былъ Г. Поликар(повымъ) для его свадьбы, а другой отдавали подъ мою, но я боясь насмѣшекъ, которымъ ето могло дать поводъ въ городѣ, не рѣшился съ ними вмѣстѣ квартировать, и просилъ, чтобъ насъ такъ близко не соединяли.

На канунѣ означеннаго для свадьбы дня, переѣхалъ я изъ своей полковой мурьи, въ обширной нанятой домъ и сказавъ прости холостой жизни, готовился вступить въ новое состоянiе; для меня оно подлинно было ново, и въ нравственномъ и въ физическомъ разумѣ. Здѣсь въ откровенныхъ сихъ запискахъ, не имѣя нужды никого обманывать, я исповѣдую во всей наготѣ совѣсти чистой, что я ни съ одной женщиной до послѣдней сей поры не имѣлъ плотской связи. Я такъ напуганъ былъ съ ребячества произходящими отъ того болѣзнями, что не смѣлъ и помыслить о женщинѣ въ етомъ отношенiи. Я влюблялся почти во всякую, которая была по чище одѣта и по наряднѣе; чувствовалъ часто, что поцаловатся съ нею еще не есть край наслажденiй нашего тѣла, но не смѣлъ сдѣлать открытiй для себя вредныхъ, а паче въ Петербургѣ, гдѣ уже не было почти ни одной здоровой женщины въ томъ классѣ, изъ какого ихъ возятъ на постели къ нашей братьи. Глупой стыдъ однако быть новичкомъ въ супружествѣ, заставилъ меня попробовать его прiятности прежде брака. Не за долго до онаго допустилъ я къ себѣ на ночь одну жеманную Лаису, и за урокъ ея заплатилъ ей пять рублей. Наука не мудрена, но очень радъ что поздо выучился, ибо ето сберегло мои соки, и даетъ мнѣ надежду, что я не испытаю той недужной старости, которой подвержены неумѣренныя охотники до етой потѣхи. Одинъ разъ только въ жизни я игралъ въ ету игрушку съ женщиной не связанной со мною узами брака. Желаю, чтобъ и сыновья мои подражали моей умѣренности и постарались сохранить такую же дiету, какъ я. Отъ меня отецъ мой требовалъ воздержанiя до дватцати лѣтъ; я выполнилъ его волю на сей счетъ, и даже за предѣлы его заповѣди, прiятно будетъ мнѣ, естьли и дѣти мои дождутся зрѣлой возмужалости не разстроивъ своего темперамента излишней къ нему снисходительностiю. Право, все въ силахъ нашего разсудка! Мы часто падаемъ подъ игомъ нашихъ желанiй и страстей не отъ того, чтобъ не могли ихъ преодолѣть, совсѣмъ нѣтъ! ибо мы даже и не стараемся превозмогать себя, но отъ поблажки, которую даемъ своимъ страстямъ, угождая и самому легинькому побужденiю натуры.

Приступая теперь къ дню вожделенному въ моей жизни, я въ описанiи его намѣренъ включить всѣ подробности брачнаго обряда. Такъ церемонiя сiя произходила при дворѣ, то всѣ мѣлочи дворцовыхъ етикетовъ любопытны. Изъ нихъ можно будетъ со временемъ увидѣть, что

[1]) Екатерина, Елена и Марiя Павловны.
[2]) См. № 3, стр. 63, прим. 1.

[1]) Дѣйств. ст. сов. Александръ Александровичъ Поликарповъ. (Въ № III, стр. 63, прим. 1, ошибочно указаны его инициалы А. В.).

у двора шумъ и блескъ замѣняютъ все, и что гораздо легче дѣлать нарядныя свадьбы, нежели созидать счастіе семейное супруговъ. Не забывая при сихъ важныхъ для меня минутахъ человѣческое несовершенство, я поручалъ тогда весь жребій свой единому Богу. Онъ мнѣ избралъ, и нечаянно поставилъ при стезяхъ Царскихъ невѣсту по сердцу; онъ конечно и союзъ мой съ ней благословитъ. И такъ при окончаніи сей второй епохи моей исторіи, паки во глубинѣ сердца простру гласъ мой къ Отцу Небесному и съ умиленіемъ христіанскимъ признательнѣйшими устами изреку:

Благословенъ Господь Богъ Благоволивый тако. Слава тебѣ!

ОПИСАНІЕ СВАДЕБНАГО ЦЕРЕМОНІАЛА.

30. Генваря по приглашенію моему прибыли въ домъ ко мнѣ въ вечеру для пріема приданаго нижеслѣдущія особы: 1) Тетка моя родная бар(онесса) Алек(сандра) Борис(овна) Строгонова, урожденная к(няжна) Голи(цы)на, вдовствующая Супруга старшаго брата роднаго матери моей тайн. совѣ. бар. Григ(орія) Ник(олаевича) 2) Тетка же моя родная, баронес. Натал(ія) Мих(айловна) урожденная Кн. Белос(ельс)кая, вдовствующая Супруга меньшаго роднаго брата матери моей бар. Серг(ѣя) Ник(олаевича) [1]) 3) Тетка моя внучатная со стороны Отца, Княгиня Щерба(това) [2]) съ мужемъ. 4) Дядя бар. Алексан. Ник(олаевичъ) съ дочерью [3]), которая уже помолвлена была тогда за Каммеръ Юнкера Нары(шки)на [4]); съ ней вмѣстѣ былъ и онъ. — 5) Гр. Строг(ановъ) [5]) одинъ. — Въ тотъ же день доставилъ я Гр. Пуш(кину) по приказанію В. К-зя двѣ росписи моимъ родственникамъ, для приглашенія ихъ на свадьбу отъ двора — Въ одной включены были только самыя близкія мои родныя въ числѣ десяти человѣкъ, въ другой написалъ я всѣхъ до ста пятидесяти. — По сей послѣдней угодно было Ихъ Высочествамъ сдѣлать приглашеніе. — Приданое привезено въ шесть часовъ камердинеромъ В. К-ни и камеръ юнферою. — Отъ нее принялъ я ящикъ съ брилліантовыми вещами. Они состояли въ сергахъ, медальонѣ и ниткѣ на шею; притомъ четыре тысячи ассигнаціями, за что подаренъ ей мною атласъ на платье. — Камердинеръ поднесъ мнѣ ключи отъ ящика и рядную для подписанія. Въ ней означено было приданаго на четырнадцать тысячъ рублей только (конечно меньше того, что стоило оно, до шести тысячъ рублей). — Камердинеру подарилъ я золотой перильникъ [6]). — Потомъ явился Le Roux славной обойщикъ и установилъ парадную штофную кровать. — Сундуковъ съ платьемъ было шесть; они привезены на

[1]) 2-я жена барона (1741 — 1819). Въ родословной книгѣ кн. Долгорукова она названа Елизаветой.

[2]) Очевидно кн. Антонина (Анастасія) Сергѣевна, урожденная кн. Долгорукова, и ея мужъ Павелъ Николаевичъ (см. № 2, стр. 75, прим. 1).

[3]) Екатерина Александровна (1768 — 1845).

[4]) Впосл. тайн. сов. Иванъ Александровичъ Нарышкинъ.

[5]) Александръ Сергѣевичъ.

[6]) Стаканъ для перьевъ.

четырехъ цукахъ. — На каждой изъ нихъ давалъ я конюхамъ десять рублей серебромъ и двумъ стремяннымъ при всемъ екипажѣ по стольку же. — Приданое наполнено было прекраснѣйшими кружевами, и наилучшими шелковыми платьями, бѣлье превосходное, наряды послѣдняго вкуса, и дежёне [1]) серебренной полной. — Послѣ сей церемоніи гости мои разъѣхались, а я всявши пакетъ съ деньгами, отвезъ къ Генер. Ливенъ, прося ее, дабы сходно съ волей В. К-ни, изъясненной мнѣ въ личномъ ея со мною разговорѣ, о которомъ я выше упоминалъ, съ особеннымъ замѣчаніемъ, благоволила она отдать ихъ въ Ломбардъ [2]). — Я могъ бы ето сдѣлать и самъ, но имѣя дѣло съ особами, не довѣряющими моимъ лѣтамъ, я хотѣлъ, чтобъ Г-жа Лив(енъ) была свидѣтельницей, что я о такой важной суммѣ скорѣй всего озаботился, получивъ ее въ свои руки, и тотчасъ отдалъ куда совѣтовано мнѣ было. — Ужинавши въ тотъ вечеръ у нее съ моей Невѣстой, я видѣлъ нечаянно В. К-зя, которой отъ дѣтей своихъ зашелъ къ намъ, и за столомъ побалогурилъ съ каждымъ изъ насъ на счетъ ожидаемаго дня.

31. — Морозъ пятнадцати градусовъ не перемѣнилъ расположенія Ихъ Высочествъ отправить свадьбу нашу на Каменномъ острову. — Туда всѣ званы были на вечеръ, и родныя мои, и прочія чины городскія, и всѣ иностранныя послы, словомъ, вся публика приглашена была на балъ.

Поутру, послѣ многихъ домашнихъ хлопотъ, я съѣздилъ въ Казанскій Соборъ, и приложился къ образу. — Помолясь Богу, поручилъ ему судьбу мою. — Не обѣдалъ нигдѣ, и началъ свой туалетъ. — Чесалъ меня мой французскій парикмахеръ Beauregard; У него купилъ я двѣ золотыя булавки; одна изображала ключь, другая кинжалъ, и по нѣкоторой аналогіи сихъ вещей съ готовящимся случаемъ, я ключь при записочкѣ отослалъ къ невѣстѣ. — Нельзя въ такой знаменитой день, не оставить для памяти на бумагѣ и подобной бездѣлки. — Все важно передъ свадьбой, — ничто не кажется вздоромъ.

Одѣвшись въ мундиръ отправился я къ дяди [3]), которой представлялъ ролю роднаго моего Отца. — Въ домѣ его по старинному обряду, накрытъ былъ круглый столъ, поставленъ образъ, и хлѣбъ съ солью. — Онъ съ женой своей, двѣ вдовствующія тетки мои и гр. Стро(гановъ) составляли всю круговеньку. — Сѣли за столъ. — Помолчали минуты съ двѣ и встали. — Дядюшка съ женой своей въ лицѣ родителей моихъ благословили образомъ, а гр. Строгоновъ, посадя въ свою карету, повезъ меня на Каменной островъ. — Прочія поѣхали туда-же за нами (тетка моя барона Алек. Ник. супруга [4]), не участвовала ни въ какихъ внѣшнихъ церемоніяхъ, потому что болѣзнь ея, періодическое сумасшествіе, не позволяла уже никуда выѣжжать изъ своего дома).

Отцами посажеными были у насъ со стороны моей гр. Пуш(кинъ), а у невѣсты гр. Брюсъ. — Матерью у меня Алек(сандра) Бор(исовна) Стро(ганова), у нее сперва Генеральша Лив(енъ), но какъ надзираніе за В. Княжнами, не позволяло ей поздо вечерять, то замѣстила ее послѣ

[1]) Кофейный приборъ.

[2]) Госуд. заемн. банкъ или ломбардъ былъ учрежденъ въ Петербургѣ еще при имп. Елизаветѣ въ 1754 г. При имп. Екатеринѣ были открыты еще ссудныя кассы и Приказы общественнаго призрѣнія для тѣхъ же цѣлей.

[3]) Барону Александру Николаевичу.

[4]) Елизавета Александровна, рожд. Загряжская (1745 — 1831).

свадьбы на балѣ Г-жа Бенк(ендорфъ). Шафирами были, моимъ, будущій зять Нарыш(кинъ) а ея камергеръ Вадко(вскій).

Пріѣхавши съ гр. Стро(гановымъ) во дворецъ Каменнаго острова, нашли мы въ залѣ уже большое стеченіе людей. — Мущины всѣ были въ шитыхъ кафтанахъ, дамы въ русскихъ платьяхъ. — Спустя нѣсколько минутъ гр. Пуш(кинъ) посадилъ меня съ собою въ придворную карету, цугомъ съ двумя вершниками; у колеса ѣхалъ офицеръ Конюшеннаго стата, и поѣхали къ церкви Каменнаго острова.

Нѣсколько минутъ потомъ привезена и невѣста. — За нею прибыть изволили Ихъ Высочества. — Невѣста одѣта была въ шитомъ глазетовомъ платьѣ, украшена всѣми бриллiантами В. К-ни. — Она сама изволила ее убирать, какъ водится при фрейлинскихъ свадьбахъ.— Начался обрядъ бракосочетанія обычнымъ образомъ.

Въ церквѣ одни только были наши родныя. — По окончаніи духовной церемоніи священникъ произнесъ намъ краткое поученіе, потомъ мы подошли къ рукѣ Ихъ Высочествъ, и всѣ родственники наши за нами допущены имѣть ту-же честь.

Ихъ Высочества изволили отправится во дворецъ, гдѣ и началась музыка. Послѣ нихъ подали намъ придворныя екипажи. — Я съ Гр. Пуш(кинымъ) сѣлъ по прежнему въ одну карету, жена моя съ Г-жей Лив(енъ въ другую, и въ залу явились мы вмѣстѣ, гдѣ всѣ насъ въ запуски поздравляли.

В. К-зь изволилъ открывать балъ съ женою моей польскимъ, а В. К-ня со мною, потомъ балъ продолжался во весь вечеръ очень весело и великолѣпно. — Въ девять часовъ, обыкновенной часъ ужина Ихъ Высочествъ, пошли мы первыя за ними къ столу. — Жена моя была возлѣ В. К-ни, съ одной стороны, а я съ другой рядомъ съ В. К-земъ. — Противъ насъ посадили нашихъ родныхъ. — Столъ накрытъ былъ на двѣсти кувертовъ слишкомъ. — Во время ужина съ иныхъ блюдъ Ихъ Высочества изволили намъ передавать кушанье черезъ дежурнаго своего каммеръ пажа. — Потомъ удостоили насъ чести выпить наше здоровье, чему и мы соотвѣтствовали со всѣми нашими поѣжжанами.

По окончаніи стола, балъ продолжался еще съ полчаса; но я тотчасъ въ той же придворной каретѣ отправился съ гр. Пуш(кинымъ) въ городъ, на свою квартеру, гдѣ встрѣтилъ насъ съ хлѣбомъ и солью дядя мой, бар. Стро(гановъ). Тѣмъ временемъ жена откланивалась Ихъ Высочествамъ, была снова у руки В. К-ни, и вмѣстѣ съ г-жей Бенк(ендорфъ) въ придворной каретѣ, прибыла въ мой домъ, гдѣ я ее встрѣтилъ на крыльцѣ при играніи трубъ и литавръ.

Тутъ снова мы сѣли за такъ называемой браутъ камерной столъ [1]) въ кругу ближайшихъ нашихъ родственниковъ и церемоніальныхъ гостей, въ числѣ тридцати человѣкъ, пили здоровье Ихъ Высочествъ, потомъ нашихъ родителей, за ними отцевъ и матери посаженыхъ, а наконецъ и всѣхъ присутствующихъ и отсутствуюшихъ родственниковъ.

Посидѣвши за етимъ столомъ съ полчаса, гр. Анна Ник. Пуш(кина) [2]) сестра ея княг. Меньшикова [3]), и княг. Нат. Ива. Кур(акина) [4]) почетныя

[1]) Braut-Kammer, спальня новобрачныхъ.
[2]) Жена гр. Аполлоса Аполлосовича; рожд. княжна Голицына.
[3]) Кн. Екатерина Николаевна (1764 — 1832), супруга д. тайн. сов. кн. Сергѣя Александровича Меньшикова.
[4]) Княгиня Наталія Ивановна Куракина, жена князя Алексѣя Борисовича, урожд. Головина (1768 — 1831).

дамы съ стороны моей и княг. Щербат(ова) [1]) повели по обряду жену мою въ спальню и тамъ ее одѣли въ ночное платье, а г-жа Бенк(ендорфъ) снимала Царскія бриллiанты для возвращенія въ цѣлости В. К-нѣ. — При семъ обрядѣ тетки мои не присутствовали, потому что етикетъ не позволяетъ вдовамъ исправлять сихъ окончательныхъ церемоній.

Между тѣмъ я провожалъ гостей, и поблагодаря дядюшку [2]) за всѣ его милости принужденъ былъ имъ войтить къ женѣ въ шелковомъ халатѣ и колпакѣ, которыя по точнымъ правиламъ свѣтскихъ обрядовъ приготовили для меня въ приданомъ. — Наконецъ все утихло въ домѣ... Амуръ ждалъ своей минуты; онъ вознагражденъ непорочностію и страсть моя къ Евгеніи, получила въ сей день вожделеннѣйшій трофей. — Тако исполнились судьбы Божіи, и мы начали супружеское поприще въ райскихъ восторгахъ.

1-го Февраля, понедѣльникъ на масляницѣ. — Мы день начали перьвой нашей обязанностію, по благодареніи Бога, занялись почтой, и написали къ родителямъ нашимъ о совершеніи брака. — Во все утро принимали привѣтствіи отъ разныхъ особъ присылавшихъ по обычаю поздравлять насъ. — Въ числѣ ихъ гр. Пуш(кинъ) и гр. Брю(съ) присылали своихъ адъютантовъ, а прочія знатныя господа перьвыхъ слугъ своего дома.— Туалетъ женщинъ, головной, во всю маслиницу отправлялъ славной парикмахеръ французъ Henry. — Генер(альша) Лив(енъ) въ прогулкѣ утренней съ В. К-нами останавливалась у нашего дома, и присылала отъ имени ихъ и отъ себя провѣдать о нашемъ здоровьѣ. — Въ заключеніе утреннихъ етикетовъ, явился у насъ Ихъ Высочествъ камердинеръ со здоровьемъ, и при семъ вручилъ женѣ моей отъ В. К-ни перстень бирюзовой, осыпанной бриліантами, цѣною въ двѣсти пятьдесятъ рублей.

Въ перьвомъ часу поѣхали мы сами во дворецъ благодарить Ихъ Высочества, и тотчасъ введены были въ уборную В. К-ни, гдѣ былъ и В. К-зь. — Тутъ мы имѣли счастіе быть у руки — оба очень милостиво изволили насъ принять, и В. К-зь не давъ мнѣ руки, изволилъ обнять и со мной поцеловатся. — Откланявшись, мы сдѣлали визиты отцамъ и матерямъ посаженымъ, и пріѣхали обѣдать на званой свадебной пиръ къ дяди бар. Строг(анову) у котораго было до сороку человѣкъ гостей, изъ ближайшихъ нашихъ родственниковъ. — При встрѣчѣ насъ, дядюшка подарилъ мнѣ портфель съ пятью стами рублей, а женѣ бриліантовой медаліонъ въ шесть сотъ рублей, въ которомъ послѣ носила она его портретъ въ знакъ признательности нашей къ его дарамъ и благопріязни.

Обѣдъ былъ очень продолжителенъ, какъ обыкновенно водится въ подобныя случаи. — Пито за здоровье Ихъ Высочествъ прежде всѣхъ прочихъ, и послѣ стола цѣлой день сидя въ каретѣ, мы отправляли визиты къ первымъ двумъ классамъ, ужинали дома самъ третей съ Вад(ковскимъ), которой завернулъ къ намъ, чтобъ посмотрѣть, какъ мы учредились въ новомъ нашемъ состояніи. — Правда, что хозяйство наше было очень ново, плохо, и мы оба еще не могли сообразить ничего, какъ будто вся ета перемѣна происходила во снѣ. — Жена еще болѣе меня ощущала неловкости. — Говоря просто, въ домѣ нашемъ еще было ни то, ни сѐ.

[1]) См. выше.
[2]) Бар. Александра Николаевича.

2. Февраля. — Обѣдали мы дома, пригласившикъ себѣ все семейство генеральши Лив(енъ). Замужнюю дочь ея и сестру съ братьями. Въ вечеру были на балѣ на Каменномъ Островѣ [1]), гдѣ идучи къ столу за ужинъ В. К-ня изъ особенной милости къ женѣ моей, чтобъ она не простудилась, изволила ей сама приколоть косынку. — Вообще Ихъ Высочества продолжали къ намъ самое благопріятное обращеніе.

3. Февраля. Обѣдали мы въ Смольномъ Монастырѣ у г-жи Лафонъ [2]), которая не теряя привычки командовать монастырками, даже и тогда, когда они были за мужемъ, выводила въ свой кабинетъ жену мою, и журила ее до слезъ, во перьвыхъ за то, что она не пріѣхала къ ней на другой же день свадьбы, какъ будто же ето отъ нее зависимо, и могъ я дать ей преимущество предъ моими родными и перьвими чинами въ городѣ. — Во вторыхъ за то, что я столь мало показалъ къ ней уваженія, что осмѣлился пріѣхать не въ мундирѣ, а во фракѣ. — Можетъ быть ето съ моей стороны не очень было и учтиво, но я глядѣлъ на Лафоншу, какъ на нѣмку, простую надзирательницу Института, и не считалъ себя отнюдь въ обязанности ровнять ее съ тѣми, къ кому служба, лѣты и степень чиновъ заставляли меня вытягиватся во всю форму. — Говоря здѣсь о сей нѣмецкой госпожѣ, не могу оставить безъ замѣчанія, что предъ самымъ вѣнчаніемъ, жена моя просила В. К-ню чтобъ ее пригласили къ свадьбѣ, и съ такимъ усиліемъ етаго добивалась, что В. К-ня изъ уваженія къ ея настояніямъ, приказала Пуш. — увѣрить ее, что за ней точно посылали екипажъ (хотя въ самой вещи madame La Font не могла быть приглашена на ряду со всѣми, въ такое торжественное и публичное собранье ко двору). — Жена въ чаяніи что она была звана, пѣняла для чего не пожаловала, а старушка принявъ ето за насмѣшку отнесла къ непочтенію съ стороны жены моей, что ее не пригласили. — Всѣ ети недоразумѣніи произвели между ими горячій разговоръ, въ которомъ побѣда осталась за г-жей La Font потому, что жена моя вышла отъ нея расплакана, какъ будто питомка, вышедшая изъ класса съ наказаніемъ за худой урокъ. — Мнѣ не хотѣлось ничѣмъ стороннимъ дополнить простое описаніе нашихъ свадебныхъ пировъ, но я не могъ оставить безъ особаго вниманія въ воспоминаніяхъ о семъ времени, такой минуты въ которую жена моя, вышедши за мужъ первыя уронила слезы. — Они меня такъ растрогали, что я имѣлъ нужду въ большой воздержности чтобъ не отмстить етой нѣмочкѣ огорченіе нанесенное женѣ моей, которая съ удивительной робостію, снесла перьвыя ея выговоры, почитая себя очень несчастною тѣмъ, что прогнѣвала г-жу Лафонъ. — О монастыркахъ въ публикѣ шутка была въ модѣ, что они въ Бецкаго [3]) и въ Лафоншу вѣрятъ, какъ въ Евангеліе.

Послѣ несноснаго ея обѣда, я ознакомился со всѣми надзирательницами монастыря. — Жена меня водила рекомендовать къ всѣмъ къ нимъ; радость ея была неописана. Сколько восклицаній, поцалуевъ! Точно какъ бы изъ чужихъ краевъ она опять увидѣла себя на родинѣ. Молодыя воспитанницы глядѣли на меня изъ подлобья какъ на чудо, и кричали въ нѣсколько голосовъ: Ай Смирка! (Уменьшительное названіе Смирной, которымъ по товариществу съ ней они ее подчивали) Avec

[1]) Во дворцѣ Вел. Княяя.
[2]) См. № 3, стр. 85, прим. 5.
[3]) См. № 3, стр. 85, прим. 3.

un homme! — Ето имъ казалось уголовною бѣдою, и всѣмъ ужаснѣйшимъ въ свѣтѣ. — Евгенія румянилась отъ застѣнчивости поминутно, и не смѣла даже взглянуть на меня. — Тутъ я видѣлся съ ея сестрой родной Надеждой, которая послѣ нее взята въ етотъ же Монастырь для воспитанія на Казенной коштъ. — Обѣгавши всѣ закаулки и каморки отечественныя моей жены, не безъ слезъ я ее вывезъ оттуда. О! какой сильной владыка надъ сердцемъ нашимъ привычка! — Изъ Смольнаго пріѣхали мы на званой балъ къ кн. Вас. Вас. Долго(рукову) [1]) которой онъ придравшись къ нашей свадьбѣ давалъ подъ симъ предлогомъ для того, чтобъ потѣшить прекрасную свою жену, даму весьма разсѣянную. — Етимъ баломъ мы однако не удовольствовались. — Евгенія моя любила попрыгать и я желая ее тѣшить какъ ребенка, поѣхалъ отъ Долго. — послѣ ужина, слѣдовательно по тогдашнему за полночь, еще на Аглинской балъ [2]). — Ети аглинскія балы давались по середамъ; сегодняшній балъ очень люденъ да и послѣдній въ разсужденіе масленицы. — Тутъ мы протолклись почти до свету. — Женѣ все ето было въ диковинку. — Она еще въ перьвой разъ имѣла возможность быть вездѣ, гдѣ хотѣла, и располагать сама собою.

4. Февраля. Обѣдали мы дома, и угощали нѣсколькихъ надзирательницъ Смольнаго Монастыря и г-жу Бенк(ендорфъ) — съ мужемъ [3]). Жена связана была искреннимъ дружествомъ съ одной монастыркой, дѣвицей Виламовой; — она также у насъ обѣдала и часто послѣ насъ посѣщала. — Вечеръ проводили мы на балѣ у гр. Остер(манъ) [4]), гдѣ были и Ихъ Высочества, которыя при всякой встрѣчѣ съ нами, оказывать изволили постоянныя знаки своей милости и вниманія.

5. Февраля. — Давалъ намъ обѣдъ гр. Строг(ановъ) съ такою же пышностію и въ томъ же сообществѣ родныхъ, какъ и бар. Строг(ановъ). На завтра нашей свадьбы въ вечеру были на балѣ на Каменномъ Острову, гдѣ В. К-зь изволилъ пригласить насъ на завтра въ катанье; такъ какъ жена моя оставя дворъ, не могла по мнѣ безъ особаго дозволенія пользоваться прежнимъ правомъ пріѣжжать ко двору на маленькія съѣзды, то я въ етотъ вечеръ самъ собой безъ ходатая просилъ В. К-зя о семъ дозволеніи, и онъ подтвердилъ женѣ моей полное право остатся на той же ногѣ какъ и прежде въ отношеніяхъ къ ихъ двору и сохранить всѣ тѣ входы какими она пользовалась до замужества.

6. Февраля. Мы явились съ утра на половину Ихъ Высочествъ для катанья. — Я выше описалъ какимъ образомъ происходили сіи увеселенія. — Въ етотъ разъ я заимствовалъ сани у дяди бар. Стро(гановъ) которому чинъ давалъ право ѣздить въ нихъ съ вершниками. — На Каменномъ острову послѣ катанья былъ обѣдъ; тотчасъ за нимъ балъ, и наконецъ въ вечеру французской спектакль придворной труппы. — В. К-зь любилъ самъ танцовать и часто такъ какъ и въ етотъ день цѣлой контреданецъ пропрыгалъ съ моей женою. — Послѣ театра всѣ разъѣхались и мы ужинали дома одни.

[1]) Сынъ кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго (1752 — 1812). Жена его, кн. Екатерина Өедоровна, рожд. Барятинская (1769 — 1849).
[2]) Еженедѣльные общественные балы въ англійскомъ собраніи.
[3]) Рижскій губернаторъ, Христофоръ Ивановичъ, см. № III. стр. 81, прим. 4.
[4]) Ген. маіоръ д. т. с. и сенаторъ графъ Өеодоръ Андреевичъ Остерманъ (1723 — 1804). О немъ см. „Капище“.

7. Февраля. — Воскресенье и послѣдній день масленицы, званы мы были на обѣдъ къ Ив. Ив. Бецкому, но не могли исполнить сей обязанности, потому что у жены разболѣлись зубы. — Старичекъ почтенной возобновилъ зовъ свой въ великой постъ. — Къ вечеру однако Евгеніи стало лучше, и мы поѣхали къ Вас. Вас. Долго(руко)ву, у котораго давали благородной спектакль. — По окончаніи его мы не уживавши тутъ, поскакали въ маскарадъ, и тамъ кончили маслиницу вмѣстѣ съ нашими свадебными пиршествами.

Такимъ образомъ прошла блистательнѣйшая недѣля въ моей жизни, какъ краткой мигъ. — Изъ безпрестаннаго разсѣянія вступили мы въ жизнь домашнюю и начали ознакомливатся съ новыми нашими занятіями и должностьми. — Но сіе принадлежитъ уже къ третьей епохи моей исторіи, а здѣсь оканчивается вторая.





ЧАСТЬ III.

Отъ женитьбы моей до Начатія Гражданской Службы.

Продолженіе 1787-го года.

Послѣ такого шума и разсѣянія праздничнаго, великопостная тишина успокоила наши чувства, мы стали приходить въ себя и одумывать по маленьку наше новое положеніе. Все для насъ было дико въ новоустроенномъ хозяйствѣ; ни я, ни жена не умѣли ни за что приняться. По молодости лѣтъ нашихъ, мы не умѣли еще разсуждать объ отношеніяхъ свѣта; намъ казалось, что расположеніе людей оказанное во время свадебныхъ пиршествъ, всегда будетъ и должно быть одинаково противу насъ. Тутъ напротивъ, мы увидѣли, что вся недѣля прошедшая была какъ пришитой лоскутъ въ нашей жизни, которой скоро оторвался и не составлялъ уже ея существенности. Весь шумъ былъ для масленицы и отъ нее; мы съ нашей свадьбой составили только одно лишнее звѣно въ етой кратковремянной цѣпи удовольствій. Каждый тормошился, ѣхалъ на балъ, катался въ саняхъ, не изъ того, чтобъ кому нибудь сдѣлать только угодное, или принять участіе въ другѣ, раздѣлить чувство пріязни; напротивъ всякой поспѣшалъ на праздники изъ собственнаго своего удовольствія, безъ вниманія къ тому, кто для кого и на что давалъ праздники. Кончились забавы, кончилось и наружное участіе; объ насъ забыли точно такъ, какъ о горахъ маслиничныхъ, и мы остались одни между собой.

Быть любовникомъ и супругомъ суть двѣ вещи разныя. Любовникъ ни о чемъ не заботится, не хлопочетъ; одѣлся, сѣлъ въ карету,

поскакалъ къ любезной и целуетъ у нее руки поминутно. Сегодня, завтра, и всякой день тоже. Онъ въ вѣчномъ очарованіи. Женщина также съ своей стороны, употребя все искуство возможное въ своемъ убранствѣ ждетъ милаго подъ окошкомъ, бросается къ нему на встрѣчу, обнимаетъ его, и по цѣлымъ суткамъ сидя другъ противъ дружки, не видятъ какъ часы летятъ. Прекрасная картина! но мужъ и жена уже не волочутся между собою; они начинаютъ кругъ новаго общежитія, являются обязанности взаимныя; два нрава сошедшіяся жить вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ и не всегда будучи одинаковы (чего и быть не можетъ въ природѣ отъ безпрестаннаго тренія разныхъ свычекъ, разныхъ свойствъ, разныхъ мыслей) скоро требуютъ взаимнаго снисхожденія. Въ людяхъ молодыхъ, горячихъ, никто перьвой его сказать не хочетъ; всякой на перьвыхъ порахъ старается удержать свое право и преобладать надъ другимъ. Ни одинъ не уступаетъ, чтобъ не лишится своего преимущества, и отсюда часто самыя страстныя любовники очень скоро послѣ вѣнца начинаютъ шумѣть между собою и спорить. Между нами до етаго еще не доходило, однако мы уже примѣчали что безъ того не обойдется. Жена была молода, невинна и крайне нова въ свѣтѣ; я былъ ревнивъ, горячь, пылокъ. Жена горда, — я не меньше. Жена не уступчива, не терпѣлива, — я властолюбивъ и скоръ. Не трудно отгадать что надобно было съ обѣихъ сторонъ много употребить работы дабы уровнять такія негладкости въ нашихъ характерахъ и приспособить ихъ не только ужится по страдательной одной необходимости, но еще и открыть новой родъ удовольствія въ такомъ тѣсномъ союзѣ отъ благоразумнаго, во время снисхожденія и кротости. Коротко сказать мы другъ друга воспитывали снова, образовали и готовились постепенно жить вмѣстѣ если не всякой день очень тихо, — по крайней мѣрѣ безъ тѣхъ волненій ужасныхъ, кои союзъ супружеской превращаютъ иногда изъ цвѣточнаго вѣнка въ чугунныя цѣпи.

Безпокойства недостатка еще насъ не тревожили. Домъ былъ наполненъ всѣмъ, родныя насъ дарили вещами, дядя [1]) снабдилъ деньгами. На перьвой случай всего было довольно. Бѣдность нажидала насъ въ переди, а теперь еще мы ее не страшились, и повѣли родъ жизни несоразмѣрной даже съ нашимъ состояніемъ; но ето не долго такъ шло, и не могло чувствительно растроить нашего кармана.

Надлежало, отдохнувши отъ перьвыхъ восторговъ, отправится въ Москву, и тамъ ознакомить жену мою съ моимъ домомъ, а самому рекомендоватся ея родственникамъ на дорогѣ. Стали мы по маленьку собиратся. Я получилъ отпускъ до іюля, и располагалъ предпринять сіе путешествіе послѣднимъ путемъ.

Между тѣмъ спустя перьвую недѣлю поста мы снова начали являтся къ меньшому двору, и каждую недѣлю раза по три тамъ ужинали. Ихъ Высочества всегда одинаково съ нами изволили обходится. Одинъ разъ между прочимъ изволилъ В. К-зь мнѣ въ шуткахъ сказать: „непремѣнно надо чтобъ жена твоя родила въ ноябрѣ сына, и я его крестить буду“. Приказаніе я исполнилъ въ точности, и въ февралѣ еще жена моя почувствовала уже признаки беремѣнности.

Пока мы сбирались не на долго въ Москву, Ихъ Высочества заготовляли себѣ забавы къ лѣту, и снова стали у двора ихъ помышлять о

[1]) Баронъ А. Н. Строгановъ.

театрахъ. Иностранецъ о которомъ говорено выше, написалъ еще большую оперу [1]); онъ выбралъ предмѣтъ изъ исторіи Донъ Карлоса. Костюмы и вкусъ представленія заимствовалъ съ Испанскаго. Надобно было ее прочесть и разобрать роли; всю нашу труппу свезли на Каменной островъ; Тамъ Ихъ Высочества откушавши съ двѣнадцатью только человѣками изъ труппы ихъ, въ числѣ коихъ былъ и я съ женой, приказали автору прочесть свое сочиненіе въ кабинетѣ В. К-зя. Послѣ обѣда піеса прочтена — роли разобраны; — перьвая дана женѣ моей, — Донъ Карлосова отца назначено играть мнѣ, и условясь показать ее въ Іюнѣ въ Гатчинѣ, мы разъѣхались. Тотъ же Бартнянскій [2]): долженъ былъ сочинить музыку. Въ Мартѣ мы откланялись Ихъ Высочествамъ, и въ розвальняхъ покатили въ Москву.

На дорогѣ остановились въ Торжкѣ. Тутъ служилъ солянымъ приставомъ родной и старшій братъ жены моей Савва Сергѣевичь [3]). Надобно было съ нимъ ознакомится; жена моя не знала его въ лицо, — я также. Мудрено ли, когда она четырехъ лѣтъ взята ко двору изъ родительской пустыни? Мы всѣ между собой въ семействѣ ея сходились по чужимъ словамъ и догадкамъ, точно какъ отыскиваютъ просѣльныя пути къ разнымъ предмѣтамъ, отъ большой дороги. Въ Торжкѣ мы прогостили сутки, съ большою скукой, потому что послѣ Петербургскаго рода жизни, Торжокъ есть тоже что темная ночь послѣ хорошаго яснаго дня. Шуринъ и жена его сопровождали насъ къ тещѣ [4]) въ деревню. Старушка насъ ожидала съ хлѣбомъ и солью у порога, благословила образомъ, подарила насъ серебреннымъ подносомъ, и разныя отпустила намъ приговорки, которыя я очень мало понималъ, а жена еще меньше. Навыкъ деревенской намъ вовсе былъ не извѣстенъ, но всякой живетъ по тому обычаю въ какомъ выросъ и состарѣлся. Какое страшное разстояніе между чертоговъ Царскихъ, и соломенныхъ крышъ деревенскихъ жителей? Жена моя матери своей почти не знала; я ее видѣлъ въ перьвой разъ и слѣдовательно всѣ наши отношеніи къ ней, основаны были не на чувствахъ сердечныхъ, а на приличіи нравственномъ; насъ во всякомъ поступкѣ у нее и съ ней руководствовали не побужденіи природныя, — а правила благонравія наталкованныя съ молоду, и могло ли ето быть иначе? Любовь есть чувство свободное, оно рождается не по причинѣ какой либо, но сама собой и не ожиданно, укрѣпляется свычкою. Здѣсь дочь увидѣла мать почти въ перьвой разъ отъ роду, не знавъ ее прежде; она съ ней не жила, не свыкалась. Воспитаніе ей казало разстояніе отдѣляющее ее отъ матери, и по чувствамъ, и по правиламъ и по характеру. Все что могла жена сдѣлать состояло въ покорности ея волѣ, и неограниченномъ почтеніи. Поступки ея всегда съ етимъ правиломъ согласовались; я съ моей стороны тѣмъ болѣе оказывалъ ей уваженія, чѣмъ отдаленнѣе видѣлъ точку ея въ мірѣ отъ нашей. Оба мы старались не давать ей замѣтить, сколько мы были поражены страшною разностію ея положенія со всѣми извѣстными намъ участьми городскихъ жителей, да и подлинно какая у нее предста-

[1]) Лафермьеръ. См. „Капище“.
[2]) См. № 3, стр. 92, прим. 1.
[3]) Съ С. С. Смирновымъ авторъ записокъ былъ впослѣдствіи очень друженъ. См. „Капище“.
[4]) Авдотья Сергѣевна Смирная, см. „Капище“.

вилась намъ противуположная картина съ тѣми мѣстами, изъ которыхъ мы прилетѣли въ ея объятіи! Здѣсь не лишнимъ считаю бросить нѣсколько красокъ на изображеніе природнаго семейства жены моей. Не буду льстить, не буду слишкомъ и чернить моего рисунка.

Мать жены моей была женщина еще не очень старая, лѣтъ за пятдесятъ. Барыня умная отъ природы, но не получивъ никакого ни воспитанія, ни ученія; она погружена была въ крайнее невѣжество до того, что не умѣла грамотѣ, (сей недостатокъ оказывался и у многихъ старинныхъ людей, кои въ отдаленныхъ годахъ провели отроческія свои возрасты) и не знала какъ различать на часахъ мѣру времени, одѣвалась по дворянски, т. е. ходила въ платкѣ, и большомъ салопѣ безъ всякаго инаго убранства. Семейство ее состояло изъ четырехъ сыновъ и двухъ дочерей. Большой сынъ былъ капитаномъ во флотѣ и жилъ безвыѣздно на своемъ кораблѣ; другой служилъ въ Торжкѣ, и будучи къ ней ближе прочихъ, ограждалъ ея деревню и лицо отъ всякихъ посторонних обидъ, — третій учился въ Кадетскомъ Морскомъ Корпусѣ [1]), а четвертой шатался еще при ней, но былъ уже записанъ въ Измай(ловскій) полкъ унд(еръ) оф(ицеромъ); изъ двухъ сестеръ одна за мной, другая въ Смольномъ. Вотъ вся ея семья. Она жила одна въ своемъ имѣньи, которое состояло изъ семнадцати душъ, и называлось Подзолово. Губ. городъ отъ нее былъ въ 25 верстахъ, но она въ него не ѣжжала. Домикъ былъ у нее изрядной, не большой, — но довольно опрятной. Иногда она предпринимала путь и въ Петербургъ, чтобъ собрать пособій къ ея содержанію; Солт(ыковы) [2]) ее знали, Ихъ Высочества по дочери ея были къ ней милостивы. Тутъ и тамъ она явится бывало по одному разу. Солт(ыковы)—примутъ, посадятъ, и накормятъ, — да и все тутъ. А Ихъ Высочества всегда жаловали ей денежное награжденіе, съ которымъ она, побывавши въ Смольномъ, и мелькомъ посмотря на дочерей своихъ, возвращалась домой въ свое Подзолово, гдѣ на два или три года опять закупорится. Подобныя свиданіи не могли сблизить ее съ дочерьми сердечными чувствами. Мораль одна и Законъ Божій крѣпили сей союзъ природы.

При всемъ недостаткѣ ея, она имѣла врожденную гордость, и не хотѣла себя унизить, показавъ откровенно все свое убожество предъ нами, и для того она съ нѣкоторымъ излишествомъ приготовилась угостить насъ. Но все, чтобъ она ни дѣлала, не могло выдержать сравненія съ самымъ послѣднимъ и бѣднѣйшимъ домомъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда насъ судьба къ ней бросила. При каждомъ ея движеніи жена стыдилась и краснѣла, разговоръ ея былъ смышленъ, и даже нравоучителенъ, но еще не для насъ. Мы оба такъ были молоды и такъ привыкли къ однимъ пустоцвѣтамъ общественной бесѣды, что ни одно деревенское дѣльное слово не могло подѣйствовать на наше размышленіе.

Довольно было бы для всѣхъ насъ и одного етаго семейнаго соединенія, чтобъ дни въ два соскучась взаимно, образоватся разлукѣ, и найти въ ней облегченіе, но тещи хотѣлось еще и похвастатся передъ сосѣдями тѣмъ, что дочь ея по милости Царской въ бриліантахъ и жена К. Долгорукова и что она уже не такая то сиротка въ околодкѣ своемъ. Для етаго она разсудила дать въ деревнѣ обѣдъ и созвать кучу гостей. Боже мой! — Кого тутъ не было? Наѣхали уѣздныя судьи, засѣдатели,

[1]) Морской Корпусъ ведетъ свое начало съ 1701 г., названъ такъ въ 1762 году.
[2]) Н. И. и Н. В. см. № III, стр. 62, прим. 1.

стряпчія и всякой збродъ. Дрожжи такъ сказать сословія благороднаго. Воображалъ ли я тогда, что можетъ быть и мнѣ судьбой назначено провести большую часть жизни моей съ подобными оригиналами? Я еще не могъ тогда цѣнить ихъ характеровъ по званіямъ каждаго, и бросалось мнѣ въ глаза преимущественно ихъ обращеніе съ самой смѣшной его стороны. День пиршества назначенъ. Стали съѣжжаться со всѣхъ перекрестковъ гости, и въ телегахъ, и въ линѣичкахъ, и въ старинныхъ колымагахъ. Что за супруги! Что за сожительницы! Благопристойность однако требовала, чтобъ мы дѣлили съ тещей труды угощенія. Съ утра начали ѣсть, называя столъ со всякой всячиной закуской; потомъ пришелъ обѣдъ, опять всѣ сѣли кушать. Днемъ французская водка не сходила со стола, и самоваръ кипѣлъ безпрестанно. Иныхъ надобно было уже оставить и на ночь, потому что ни ноги, ни руки не дѣйствовали; на повалъ по всѣмъ комнатамъ, ложились Гости спать, и цѣлыя сутки торжественная пируха продолжалась. Не станемъ говорить ни о столѣ, ни о услугѣ, еще менѣе о бесѣдѣ гостей и обращеніи ихъ. Увы! — все соотвѣтствовало предыдущему. Намъ казалось, что мы перенесены въ отдаленнѣйшія столѣтіи нашего міра. Тяжело было и женѣ и мнѣ выдержать такое гостепріимство, но надобно было покорится обрядамъ: что городъ, то норовъ, что село, то обычай. Чѣмъ снисходительнѣе мы на все ето смотрѣли, тѣмъ теща была довольнѣе нами, и въ полномъ смыслѣ счастлива. Ее удовольствіе замѣняло для насъ всѣ прочія нестерпимыя недостатки, и такъ проживши у нее дни три, которыя намъ показались годомъ, и ознакомясь съ житьемъ россійскихъ помѣщиковъ, кои не выѣзжаютъ изъ деревень своихъ никуда, опрометью поскакали въ Москву. Тамъ ожидали насъ совсѣмъ другія виды, — другія отношеніи.

Остановимся здѣсь и вздохнемъ. Правда, что бѣдность не порокъ. Всѣ философы ето проповѣдуютъ, но ахъ! Какъ ужасно чувство ее. Оно препятствуетъ нашему образованію, оно отнимаетъ способы воспитатся и получить просвѣщеніе. Бѣдной долженъ часто весь свой вѣкъ быть невѣжей, потому только, что онъ бѣденъ; отъ невѣжества постыдныя склонности, пороки, всякой скаредной навыкъ, и такъ, если я съ мудрецами согласенъ, что убожество не порокъ, пусть они согласятся со мной, что послѣдствіи бѣдности ставятъ ее въ заглавіи жесточайшихъ моральныхъ бѣдъ.

Пріѣхавши въ Москву, мы нашли въ родительскомъ моемъ домѣ полное семейное удовольствіе. Жена моя принята была всѣми наилучшимъ образомъ. Ласки Отца и Матери моихъ къ ней, были чрезмѣрны; дружба и пріязнь сестеръ моихъ совершенно искренни. При въѣздѣ нашемъ въ домъ, насъ благословили батюшка съ матушкой образомъ. Батюшка изволилъ отвести намъ для жительства собственныя свои покои, стѣсняя себя самаго въ двухъ комнатахъ. Не было вниманія, котораго бы не оказали въ домѣ моемъ Евгеньи; она часъ отъ часу, становилась милѣе каждому лицу въ нашемъ семействѣ. Соблюдая установленіи обычая, она всѣхъ моихъ домашнихъ дарила разными вещицами, а мои равномѣрно ее отдаривали. Ето значило перекладывать вещи изъ кармана въ другой же, — и оба были свои.

Въ лѣтнее время обыкновенно столица пуста. Всѣ разъѣзжаются по деревнямъ, и жена моя забавами города не имѣла случая пользо-

ваться, но я успѣлъ ее представить въ лучшія и знаменитѣйшія дома, какъ то: къ гр. Пан(ину) [1]), Ероп(кину) [2]), гр. Шеремет(еву) [3]), кн. Долгор(укову) [4]), кн. Курак(ину) [5]) и къ прочимъ, и вездѣ ее принимали съ особенною благослонностію. Родственники обращались съ ней съ любовію, посторонния съ уваженіемъ, всѣмъ она полюбилась, качествами своими, потому что была мила, скромна, вѣжлива, привлекательна, наполнена прелестей, ума свѣтскаго и блистательнаго, имѣла хорошее сердце, благородныя чувства, духъ возвышенный и всѣ почти дарованія природы, какія нужны ея полу для очарованія нашего, словомъ, всѣ ознакомившіяся съ ней начинали снисходительно извинять меня въ томъ, что я не испугавшись бѣдности, рѣшился ввѣрить счастіе свое такому неоцѣненному человѣку.

Къ несчастію Москва не полюбилась Евгеніи. Родъ жизни ее, обыкновеніи, большой кругъ родства и отсюда необходимое принужденіе, недостатокъ свободы жить какъ хочется дома въ полномъ уединеніи, обязанность часто выѣзжать къ отдаленнымъ родственникамъ, кои сего требовали, и съ которыми можно было на вѣкъ поссорится за визитъ, все ето стѣсняло жену мою до крайности; она привыкнувши видѣть свѣтъ на однихъ только значительныхъ праздникахъ, и потомъ сидѣть въ своей комнатѣ за книгой, арфой своей или работой не любила изъ дома въ домъ отъ праздности всякой день мыкатся, такъ какъ ето обычно въ Москвѣ; мы совершенно различествовали въ нашихъ чувствахъ.

Писавши свою исторію и для дѣтей моихъ, не долженъ оставить въ молчаніи и самыхъ пустыхъ обстоятельствъ, когда они имѣютъ связь съ духомъ времени и моимъ положеніемъ, того ради скажу здѣсь, что въ Москвѣ, городѣ наполненномъ какъ и всѣ ему подобныя, разнаго пустословія, ложныхъ догадокъ и заключеній несправедливыхъ, многія подозрѣвали будто Евгенія есть незаконная дочь Павлова, иныя считали ее, его любовницей; то и другое не имѣло никакого благоразумнаго основанія. Никто лучше ручатся не можетъ въ ошибкѣ послѣдняго подозрѣнія какъ я, а первое не стоитъ даже и труда, чтобы старатся доказывать суетность его. Къ несчастію въ самомъ семействѣ моемъ сіи заблужденіи имѣли съ начала нѣкоторую силу, и ту довѣренность, ту ласку какою пользовалась жена моя въ перьвомъ времени своего замужества, едва не слѣдуетъ ли отнести или къ уваженію отъ перьвой догадки происходящему, или къ боязни отъ послѣдней. Время показало сколь вздорны были сіи внушеніи, а свойства душевныя Евгеніи укоренили потомъ въ ближнихъ нашихъ всѣ тѣ благоволительныя къ ней расположеніи, какихъ удостоена была съ перваго шага въ домъ, можетъ быть по однимъ только симъ отношеніямъ. Честолюбію свойственно питать столь сладкія обманы. Почести часто обольщаютъ насъ, не смотря на мутной источникъ откуда они проистекаютъ, но хвала Богу, не осудившему меня, возвышаются въ мірѣ путями срамоты и безчестія!

---

[1]) Гр. Петръ Ивановичъ, ген.-аншефъ, сенаторъ (1721 — 1799).

[2]) Петръ Дмитріевичъ, моск. главноком., защитникъ Москвы во время бунта 1771 г. (1724 — 1805).

[3]) Гр. Николай Петровичъ, д. т. с., оберъ-камергеръ (1751 — 1809). О немъ см. „Капище“.

[4]) Очевидно кн. Юрій Владиміровичъ (1740 — 1830), о немъ см. „Капище“.

[5]) Кн. Александръ Борисовичъ (1752 — 1818), вице-канцлеръ, другъ имп. Павла I. См. „Капище“.

Скоро протекли дни нашего свиданія. Надобно было помышлять и объ отъѣздѣ паки въ Питеръ. Отпуская насъ батюшка сожалѣлъ и о разлуки съ нами, и о томъ, что не могъ многимъ усилить того оклада, на которомъ я жилъ будучи холостымъ, однако изволилъ прибавить на содержаніе наше къ прежнимъ 1.200 ср. еще столько же въ годъ, до времени, придавши самое полезное наставленіе жить смиренно, и по одежкѣ тянуть ножки. Матушка и сестры чрезвычайно тужили о нашемъ отъѣздѣ, но раставатся было должно, и мы спѣшили воротиться на брега Невы къ имянинамъ В. К-зя, т. е къ Петрову дню, и 13 число Іюня отправились въ путь, оставя весь домъ въ слезахъ, потому что жена не только родителей моихъ и ближнихъ, но даже до послѣдняго младенца во дворнѣ, привлекала сердца всѣхъ къ себѣ. Всѣ ее полюбили, — всѣмъ было грусно съ нею прощатся.

Въ ето самое время Екатерина, кончивъ славное свое путешествіе въ Крымъ, возвращалась въ Москву, и ее ожидали къ 28 числу, т. е. къ ко дню возшествія на престолъ, который всегда ознаменованъ былъ въ Россіи высокимъ торжествомъ. Столица готовилась встрѣтить свою Монархиню съ подобающей ей честію. Вездѣ высланы были депутаціи на встрѣчу, вездѣ строили въѣздныя ворота съ побѣдительными трофеями, всѣ состояніи людей суетились въ Москвѣ подобно какъ предъ восхожденіемъ солнца вся тварь въ природѣ приходитъ вдругъ въ движеніе. В. К-зья по изволенію Императрицы привезены были Солт(ыковымъ) въ Москву ей на встрѣчу, и ожидали прибытія ея въ Коломенскомъ дворцѣ по близости Москвы, но въ городѣ не казались.

А мы посреди такихъ праздниковъ и приготовленій смиренно направляли свой путь къ мѣстамъ дикимъ, уединеннымъ, гдѣ Наслѣдникъ Престола въ тайнѣ пріучался нѣкогда и самъ воспримать тѣже почести и славу.

Замужняя сестра [1]) моя жила тогда въ мужниной деревнѣ, Селѣ Веденскомъ въ Можайскомъ уѣздѣ, сто верстъ не съ большимъ отъ Москвы. Намъ хотѣлось посѣтить ихъ; ето не составляло большого крюку. Мы прямо туда и отправились. Тамъ также намъ обрадовались какъ и въ Москвѣ. Познакомясь короче съ зятемъ, мы провели нѣсколько дней тутъ очень пріятно, хотя погода и не способствовала лѣтнимъ увеселеніямъ. Проливныя дожжи насъ всюду сопровождали. Имѣніе гр. Ефимо(вскаго) очень значительно; деревня устроенная во всѣхъ отношеніяхъ, домъ старинной, огромной, какія всѣ большія бояра прежнихъ вѣковъ любили строить вездѣ.

Истощивши всѣ рѣзвости нашимъ возрастамъ свойственныя, ибо всѣмъ намъ четыремъ не было ста лѣтъ, мы тутъ не простились еще, но вмѣстѣ поѣхали далѣе. Сестра и зять хотѣли намъ оказать всю свою пріязнь и разсудили проводить насъ до Твери. Сестра также была любопытна какъ и я и кромѣ Москвы ничего не видала. Для нее и Тверь была въ диковинку, и такъ мы всѣ вмѣстѣ пустились въ походъ, и въ сутки поспѣли въ Тверь къ обѣденной порѣ, ѣхали на Волоколамскъ и на пространствѣ ста верстъ только, вытерпѣли большія остановки въ почтовыхъ лошадяхъ, коихъ за рабочей порой очень было трудно доставать, даже и за излишнія деньги противъ таксы. Въ Твери мы обѣдали у

---

[1]) Гр. А. М. Ефимовская, см. № II, стр. 62, прим. 2, № IV, стр. 72.

добраго старичка Чир(икова) [1] — того самаго, который нѣкогда выгонялъ меня насильно отъ себя въ полкъ. Тутъ я слегка вздохнулъ, вспомнивъ минутное мое влюбленіе въ А. [2]) и восторги дорожняго роздыха. — Отобѣдавши въ добромъ и пріятельскомъ семействѣ, распрощались мы всѣ между собою. Сестра съ зятемъ поѣхали въ Москву смотрѣть праздниковъ, а я съ женой на сѣверъ. Остановясь еще на пути у тещи дни на два, мы провели все ето время съ ней съ одной, безъ чиновъ уже, церемоніи и гостей; потомъ продолжая путь свой подъ прикрытіемъ сильнаго дождя, очутились наконецъ въ Петербургѣ 25 числа Іюня, и по причинѣ стройки въ полковомъ нашемъ домѣ, который не былъ еще отдѣланъ, остановились на квартерѣ въ домѣ Генерала Н а у (—) (?) около Невы. Дядюшка изволилъ его нанять, и для насъ приготовить заблаговременно. Новой знакъ его къ намъ вниманія. Мы застали всѣхъ своихъ родныхъ и ближнихъ въ городѣ, въ томъ же расположеніи къ намъ какъ и прежде. На другой же день явились мы къ Ихъ Высочествамъ; они изволили жить въ Павловскѣ, и приняли насъ съ прежней милостію, безъ малѣйшей перемѣны. У двора часто атмосфера мѣняется скорѣе нежели въ три мѣсяца, кои мы проѣздили, но мы нашли Лучи Солнца еще въ одинаковомъ на насъ отраженіи. Въ полкъ я могъ не явится потому, что въ Москвѣ получилъ отсрочку до августа, которой воспользовался по пріѣздѣ въ Петербургъ на то, чтобъ устроить свои домашнія дѣла, осмотрѣтся, и притомъ на свободѣ выучить свою ролю въ приготовляемомъ у двора спектаклѣ.

Наступилъ Петровъ день; Москва въ восторгахъ носила Е к а т е р и н у на рукахъ, и въ слѣдъ за ней вездѣ толпы народа кричали ура! — А въ Павловскѣ среди лѣсовъ и сельскихъ предмѣтовъ отзывались ихъ отголоски и сообщали намъ тамошнюю радость. Въ оба сіи высокоторжественныя дни 28 и 29 у В. К-зя даны великолѣпныя обѣденныя пиры на нѣсколько сотъ кувертовъ. Всѣ первостатейныя чины приглашены были къ онымъ, и послѣ обѣдни подходили къ рукѣ Ихъ Высочествъ. Какая противуположная картина деревенской тишинѣ и уединенію! Въ самой Петровъ день въ вечеру данъ огромнѣйшій маскарадъ, на которой съѣхался весь городъ. Тѣснота и шумъ былъ превеликой; на завтра все пришло въ обыкновенное свое состояніе. Умолкли воскликновеніи народа, и остался одинъ лѣсной хозяинъ соловей забавлять жителей замка своимъ роскошнымъ голосомъ. Спустя нѣсколько времени, И м п е р а т р и ц а возвратилась въ свой дворецъ, и любимое жилище Сарскаго Села, окончивъ полугодовое свое путешествіе со славою и вожделеннымъ успѣхомъ. Тутъ ее встрѣтили Ихъ Высочества, и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій возвратились въ Павлоское. Петербургъ снова оживотворился, увидя зракъ Е к а т е р и н ы. Всѣ сословіи толпились къ ногамъ ея съ поздравленіемъ, и послѣ нѣсколькихъ дней восторговъ обыкновенныхъ, за истину коихъ однакоже никогда къ несчастію ручатся нельзя ни подъ какимъ скипетромъ, — всѣ вошли въ прежнюю свою тарелку. Въ Петербургѣ начались опять гульбища по садамъ и набережнымъ, катаньи на островахъ и серенады. Въ Сарскомъ Селѣ большія столы по воскресеньямъ, и маленькія бесѣды по прочимъ днямъ; а въ Павловскѣ принялись снова за театральныя увеселеніи.

[1]) См. № II, стр. 65.
[2]) См. № II, стр. 61 и др.

Испанская наша опера готовилась съ большимъ великолѣпіемъ. Музыка сочинена Б а р т (н я н с к и м ъ) еще трогательнѣе и лучше нежели для прежней; новыя написаны славнымъ художникомъ декораціи; сшиты на счетъ двора всѣмъ актерамъ испанскія костюмы. — Представленіе Донъ Карлоса стоило двору конечно до четырехъ тысячъ рублей; но жена моя уже не могла показаться на сцену. Беременность ей препятствовала сей забавой пользоваться; всего досаднѣе было для насъ обѣихъ принужденіе отказатся исполнить волю Ихъ Высочествъ. В. К-ня съ негодованіемъ выслушала отрицаніе жены моей, — надлежало искать другой актрисы, и роль дана Гжѣ Ш а ц ъ. Она тоже въ Монастырѣ воспитана, и собой была прекрасная женщина, дочь русскаго дворянина А к с а к о в а, выдана въ замужество за оберъ офицера Кирасирскаго полку Его Высочества, который доводился съ лѣвой стороны, братъ родной самой В. К-ни, будучи побочнымъ сыномъ ея отца. Необходимость быть часто на пробахъ въ Гатчинѣ, заставляла меня терпѣть въ первый разъ по нѣсколку дней разлуки съ женой, что мнѣ было очень не пріятно; и такъ тѣже забавы, кои открыли мнѣ путь къ моему благополучію сердечному, нынѣ становились тягостны потому, что отвлекали отъ Е в г е н і и и ей никакъ уже нельзя было безпрестанно ѣздить со мной въ Гатчины, куда отдаленная и худая дорога могла ей нанести чувствительной вредъ. Представленіе оперы присрочено было къ сент(ябрю), для празднованія дня рожденія В. К-зя, за нѣсколько времени до онаго. Всѣ знатнѣйшія особы, не смотря на скверную дорогу и неблагопріятную погоду, мчались въ Гатчины, чтобъ показать Хозяину Замка наружныя знаки своей притворной преданности, и за снисхожденіе свое получить въ награду хотя одинъ благосклонный взглядъ Ихъ Высочествъ.

Опера Донъ Карлосъ произвела на театрѣ особенное дѣйствіе, и не могла не понравится всѣмъ: великолѣпіе декорацій, богатство костюмовъ, превосходная музыка, заманчивый складъ интриги въ оперѣ, все плѣняло и взоръ, и слухъ, и чувства зрителя. — Въ первомъ дѣйствіи на насъ были платьи суконныя съ галунами, во второмъ шолковыя съ бриліантами. — Я игралъ самого Донъ Карлосова отца, и на мнѣ всѣ нашиты были В. К-я бриліанты, коими убирается его торжественной золотой кафтанъ въ знаменитыя придворныя выходы. Мой одинъ окладъ можно было цѣнить тысячъ въ три ста. Всѣ алмазы и каменья Ихъ Высочествъ были выложены въ тотъ день на театрѣ, и каждой актеръ какъ выпускная кукла, показывалъ на себѣ разноцвѣтныя сокровища придворной гардеробы; на иномъ собраны были всѣ жемчуги, на другомъ сіяли изумруды, на комъ аматисты, на комъ бирюзы. Глаза очарованы были совершенно разностію лучей и свѣта отъ драгоцѣнной уборки нашей отражающихся; всѣ мы вообще очень удачно и пѣли и играли. Дѣйствующими лицами были Вадк(овскій), Черн(ышевъ), Гол(ицынъ), Віоліе и я; Г-жа Шацъ, Нел(идова) и Говенъ [1]). Два раза повторили мы ей ето представленіе, и можетъ быть еще больше зимою довелось бы его сыграть, еслибъ политическія обстоятельства не прекратили вдругъ сіи невинныя забавы.

Бѣдная моя жена съ трудомъ уже двигалась по комнатамъ, хотя и пріѣзжжала со мною въ Гатчины для спектакля, но принуждена была

[1]) О всѣхъ этихъ лицахъ см. № IV, стр. 64.

сидѣть въ партерѣ и бить въ ладоши другимъ. Мимоходомъ оставлю здѣсь въ памяти два случая очень мѣлкiя по себѣ, но означающiя характеръ человѣческой, и потому заслуживающiя чтобъ объ нихъ сказать нѣчто.

Въ самое жаркое время моей игры когда я одинъ на сценѣ пѣлъ, очень чувствительную арiю, нечаянно порвалась нитка въ погонѣ на плечѣ, и посыпались съ меня крупныя жемчуги какъ градъ. Я весь былъ въ ролѣ, и конечно бы етаго не замѣтилъ, но В. К-ня, не снимавшая глазъ съ своихъ вещей, тотчасъ увидала уронъ ихъ и не могла воздержаться чтобъ не вскрикнуть Ахъ! приставши съ своего мѣста. Ето меня привело въ смущенiе, и я съ трудомъ могъ опять войтить въ свой театральной характеръ. — Слава Богу однако ничего не пропало; послѣ спектакля велѣно было подмести театръ со всякой осторожностiю, и на завтра В. К-ня изволила сама разсказывать съ удовольствiемъ изображающимся въ каждой чертѣ ея лица, что въ пыли найдено всякихъ вещицъ цѣною на четыре тысячи.

Другой анекдотъ столькоже замѣчательной. Какъ скоро мы отыграли, то не довѣряя намъ бриліантовъ ни на одну минуту, самъ камердинеръ, Г. Кутайсовъ [1]), водилъ насъ въ гардеробъ В. К-зя, и тамъ по штучно снялъ съ меня всѣ вещи, вмѣстѣ съ одежой, ибо суконную отдали намъ, а шолковую тутъ же отобрали, и перьвую я до нынѣ храню между своими рѣдкостьми. На сiи два случая я не смѣю никакихъ сдѣлать примѣчанiй, но догадливой меня уже предупредилъ и понялъ мои мысли.

Между тѣмъ какъ мы забавлялись въ Петербургѣ на театрѣ, въ домѣ родителей моихъ происходило сто разъ прiятнѣйшее явленiе. Богъ благословилъ бракъ сестры моей. Гра(финя) Ефим(овская) родила въ августѣ 25 числа сына; его назвали Андреемъ [2]). Родители мои увѣдомили насъ о томъ съ чувствительною радостiю, и я готовился скоро доставить имъ въ своемъ домѣ точно такую же. — Все еще мы жили на квартерѣ, домъ нашъ не былъ отдѣланъ, но я въ августѣ явился въ полкъ на свои недельныя дежурства, и началъ снова отправлять адъютантскую должность, съ той же ретивостiю, какъ прежде, не смотря на частыя отвлеченiя въ увеселительныя замки Ихъ Высочествъ. Дома мы вели родъ жизни скромной, болѣе уединенной, рѣдко держали свой столъ имѣя всегда два три дома ближайшихъ родныхъ, кои требовали нашего посѣщенiя, и любили съ нами дѣлить время, а паче Княг(иня) Щер(атова) [3]) съ которой болѣе всѣхъ прочихъ свыклась Евгенiя по времени. — Не проходило почти (недѣли) чтобъ мы не переписывались съ нашими Московскими; я по маленьку собирать сталъ библiотеку, любилъ читать, заниматся, — жена моя также, и когда мы не развлечены были придворными етикетами, т. е. обязанностiю мыкатся въ Гатчины или Павловское на поклонъ, то жизнь наша текла очень прiятно и мало по малу мы привыкли домомъ править.

Къ осени политической горизонтъ сталъ покрыватся тучами и забавы придворныя прекратились. Екатерина и въ самыхъ прогулкахъ своихъ скрывала высокiя замыслы. Путешествiе ее въ Крымъ имѣло свои особыя

[1]) Иванъ Павловичъ впослѣдствiи графъ. См. „Капище".
[2]) У гр. Ефимовской было 2 сына и дочь.
[3]) См. № II, стр. 75 и № V, стр. 109.

причины; она видилась въ дорогѣ съ Императоромъ Австрiйскимъ Iосифомъ, и король Польской Станиславъ, старой ея фаворитъ, прiѣжжалъ къ ней на поклонъ. Все ето скрывало тайныя совѣщанiи, кои какъ думать должно имѣли цѣль на Порту, потому, что въ концѣ настоящаго года объявлена туркамъ война [1]), и публикована манифестомъ. Едва успѣли наши войска встрѣтится съ музульманами какъ знаменитой Суворовъ, далъ имъ первый шахъ на Кинбурской косѣ [2]), выбилъ изъ пятнадцати ретраншаментовъ и побѣдилъ совершенно. Такой славный успѣхъ при самомъ открытiи компанiи очень обрадовалъ Государыню. У двора воскликнули торжественно Тебѣ Бога хвалимъ! и колокола во всемъ городѣ, возвѣстили жителямъ оного, что въ свѣтѣ убыло нѣсколько тысячъ русскихъ и музульманъ.

Но оставимъ политику, забудемъ все на минуту, кромѣ моей хижины въ которой Богъ явилъ неоцененной залогъ милости своей къ намъ и щедротъ. 21 ноября, въ воскресной день, жена моя родила сына и я сдѣлался отцемъ. Новыя чувства возродились въ душѣ моей. Какъ изьяснить восторги мои въ той мѣрѣ, въ какой они обладали мною въ ту вожделенную минуту! Здѣсь малѣйшая подробность занимательна для меня, и я не пропущу ничего въ моемъ расказѣ. Не задолго передъ симъ домъ нашъ полковой отстроился, и по милости дядюшки мы въ него переѣхали на житье. Расположенiе было очень покойно; на верху въ антресоляхъ три комнаты приготовлены для будущаго младенца. Тетушка Гр(афиня) Скав(ронская) [3]), бывшая уже тогда въ Петербургѣ и оказавшая намъ очень много ласки, прислала за временно изъ ближайшаго своего села Славянки хорошую кормилицу; по ея же ходатайству мы воспользовались прекраснѣйшей нянькою, и по самому странному случаю. На все бываютъ счастливыя минуты! Нѣмка лѣтъ пятидесяти, одинокая, жила въ Смольномъ монастырѣ, при какой то неважной должности; ее звали: Г-жей Варчь. — Получивъ чувствительныя неудовольствiи, она принуждена была оставить ето мѣсто; въ самомъ свѣжемъ ея негодованiи, узнала объ ней Гр(афиня) Скав(ронская) и увѣдомила насъ. Жена очень хорошо знала ету нѣмку, тотчасъ не теряя времени согласились мы съ нею въ условiяхъ и за семдесять рублей въ годъ, приняли ее къ себѣ въ домъ. Тщетно уже ее опять подзывали въ монастырь, она прирасла къ нашему дому, и уже не хотѣла съ нами растатся. Жить у Евгенiи казалось ей и счастiемъ и удовольствiемъ. За двѣ недѣли передъ родами женниными Ихъ Высочества изволили прислать къ намъ полное приданое ребенку; оно состояло: въ кроваткѣ, бѣльѣ, нарядахъ и во всемъ нужномъ для младенца. Все было даже роскошно; платьецо крестильное, глазетовое, пеленки съ кружевами. — И такъ все было готово; оставалось женѣ родить, и оба мы съ трепетомъ ожидали етой рѣшительной минуты. — Часто (будучи еще оба ребята) мы смотрѣли на дѣтскую кровать, и спорили между собой, кого она тутъ положитъ, мальчика или дѣвочку. Странно, что я вопреки обыкновеннымъ чувствамъ всѣхъ почти родителей желалъ имѣть дочь, а не сына; женѣ хотѣлось противнаго, и мы надъ пустой кроватью стоя задоримся бывало до того, что добрая мадамъ Варчь закричитъ на насъ и выгонитъ вонъ изъ своей комнаты. Бере-

[1]) Это II-я турецкая война.
[2]) Узкая коса между Днѣпровско-Бугскимъ лиманомъ и Егорлыцкимъ заливомъ.
[3]) См. № IV, стр. 65.

менность женнина не препятствовала однако ей дѣлать движенье; она не могла выносить большихъ нарядовъ, но за просто, и въ короткихъ, до самаго послѣдняго дня выѣжжала и мы мало сидѣли дома.

19 числа ноября мы были на имянинахъ у Арбен(ева) [1]) въ Измайловскомъ полку, и тамъ по случаю имянинъ его, былъ домашній балъ, между короткихъ знакомыхъ. Жена высидѣла до двухъ часовъ ночи, и почувствовавъ себя не хорошо уѣхала домой; оба мы не знали чѣмъ предворяются роды, и приняли ето за слѣдствіе усталости одной. На завтра заѣхалъ къ намъ дядя по утру и засталъ жену за арфой въ утреннемъ покойномъ платьѣ; у насъ были даже гости: молодыя люди мои однополчане и мы внимали съ удовольствіемъ звукамъ очаровательной музыки, но дядя мой замѣтилъ изъ цвѣта лица Евгеніи, изъ ея безпокойствъ при легинькихъ схваткахъ, что дѣло близко къ развязкѣ. Тотчасъ разогналъ всю нашу кампанію, велѣлъ у жены отобрать арфу и послалъ за бабкой; та осмотрѣвъ ее, осталась у насъ и ночевала. Муки настоящія начались съ полдень и продолжались до раннихъ обѣденъ 21 число, жена выдержала ихъ черезъ двадцать семь часовъ, и съ большимъ терпеніемъ выносила сіи новыя изнеможеніи физики. Ночь всю мы провели на ногахъ; я все ето время сжатъ былъ испугомъ, и не могъ порядочно дышать. Бабка хотѣла меня въ послѣднія минуты удалить, чтобы свободнѣе дѣлать свое дѣло, и увѣривъ меня, что я успѣю сходить къ маіору съ рапортомъ, выжила меня благопристойно изъ дому.

21 число какъ извѣстно день нашего полковаго праздника. — Я былъ дежурной адьютантъ; долгъ службы требовалъ чтобъ я ранѣе всѣхъ явился къ маіору съ рапортомъ, и положась на бабушкины слова побѣжалъ отправлять свою должность, какъ вдругъ пришли мнѣ сказать, что жена родила сына. — Въ безпамятствѣ отъ радости, кинулся я домой, облобызалъ жену ребенка и пролилъ потоки чувствительнѣйшихъ слезъ передъ Богомъ. Минута рожденія сопровождаема была благополучнѣйшими послѣдствіями. Ребенку дано имя Павелъ. Женѣ нуженъ былъ отдыхъ и сонъ; она послѣ первыхъ волненій радости успокоилась и скоро заснула, а я тѣмъ временемъ поскакалъ сообщать свои восторги всему, что ни попадалось мнѣ на встрѣчу.

Въ туже минуту отправился я къ дядѣ, которой принялъ мое увѣдомленіе съ живейшей радостію, и раздѣлилъ мои восхитительныя слезы, потому что уже онъ очень былъ привязанъ къ женѣ моей, да и кто ее не любилъ? Отъ Стро(ганова) явился я во дворецъ, велѣлъ доложить о себѣ В. К-зю, и тотъ часъ допущенъ къ Его Высочеству. Онъ пожаловалъ мнѣ руку, и чувствомъ участія искренняго, узналъ о родинахъ жены моей, распрашивалъ о ея состояніи и назначилъ самъ крестить ребенка 1-го Декабря, но не скоро согласится изволилъ дать свое имя моему сыну; сперва совѣтовалъ мнѣ назвать его Михайломъ, потомъ ея отца Сергѣемъ, наконецъ Евгеніемъ примолвя: „C'est encore un nom que j'estime beaucoup". Но сколько онъ ни спорилъ, я убѣдилъ его назвать ребенка моего Павломъ — и съ тѣмъ отъ него вышелъ.

Все утро прошло въ церемоніяхъ придворныхъ. По случаю нашего праздника, весь полкъ былъ у обѣдни во дворцѣ. Послѣ обѣдни Государыня всѣхъ насъ жаловать изволила къ рукѣ, потомъ данъ былъ по обычаю всему полку большой парадный обѣденный столъ съ огромной

[1]) Іоасафъ Іевлевичъ, маіоръ Измайл. полка, см. „Капище".

музыкой, за которымъ и я имѣлъ счастіе сидѣть въ своемъ мѣстѣ. Вспомнимъ здѣсь сколько я тужилъ въ 1782 годѣ, что болѣзнь моя помѣшала мнѣ етой честью воспользоватся. Съ тѣхъ поръ еще не было при дворѣ подобнаго стола для нашего полку, и я очень радъ былъ, что удалось мнѣ пообѣдать за церемоніальномъ полковымъ столомъ съ Екатериной. Послѣ обѣда поднесли намъ по чашкѣ кофе, и отпустили по домамъ.

Я нашелъ жену по свяжѣе, сонъ поправилъ ея силы; мы по миминутно спрашивали къ себѣ Павла, и хотѣли его тормашить, а мамушка не давала. Вотъ съ новой радостію новая печаль. Отдѣлавшись отъ дневныхъ суетъ полковыхъ, я отправилъ съ нарочнымъ къ батюшкѣ извѣстительное письмо о рожденіи ему внука. Ближайшія наши родныя, всѣ въ тотъ же день пріѣхали посѣтить жену, и мы въ домѣ своемъ увидѣли кучу золота. Дядюшка привезъ родильницѣ дватцать имперіаловъ, тетка гр(афиня) Скав(ронская) золотую медаль въ сто рублей; прочія родственники и знатныя дамы, кои изъ уваженія къ меньшему двору посѣтить разсудили ихъ воспитанницу, въ теченіи первыхъ девяти дней, и послѣ навезли намъ червонныхъ до ста. Мы такъ разбогатѣли, что всякую домашнюю покупку платили золотомъ. Нарочной мой скоро воротился изъ Москвы, и привезъ мнѣ при письмахъ наполненныхъ живѣйшаго восхищенія, отъ батюшки съ матушкой богатой образъ въ благословленіе новорожденному, сопровождаемый дватцатью имперіалами родильницѣ, и двумя кружками старинными. Онъ же отъ тещи моей, по пути, захватилъ также грамотку съ червонцемъ. Во всѣ девять дней, кои прошли до крестинъ, Ихъ Высочества изволили присылать ежедневно лакея придворнаго навѣдыватся о состояніи жены моей.

Декабря 1-го числа въ среду, происходили крестины. — Ребенокъ привезенъ во дворецъ теткой моей родной бар(онессой) Нат(альей) Мих(айловной) Стро(гановой) [1]): Она введена прямо въ маленькую придворную церковь; тамъ В. К-зь принялъ его отъ купели и здалъ Баронессѣ, назвавъ ее своей кумой, а потомъ я, ожидая въ ближней комнатѣ Его Высочество, имѣлъ счастіе благодарить его и допущенъ былъ къ рукѣ. — Въ тотъ же день В. К-ня изволила прислать на крестъ женѣ моей брилліантовыя двѣ астры съ аматистами въ семь сотъ рублей, кои привозилъ намъ казначей В. К-зя Т. Nicolay [2]). По всѣмъ симъ наружнымъ знакамъ вниманія меньшаго двора можно ли было сомнѣваться въ особенной и постоянной ихъ милости къ намъ?

Бабушка своей пошлины не потеряла; хотя тѣснота дома не позволяла давать пировъ, однако старинной обычай выполненъ. Позвали мы на крестильной обѣдъ ближайшихъ нашихъ родственниковъ. Гостей было не болѣе десяти человѣкъ, но все люди богатыя и бабка наша изрядной кошелекъ повезла съ собою.

Послѣ сорока дней, жена моя ѣздила во дворецъ благодарить Ихъ Высочества за всѣ оказанныя ими къ намъ милости, и симъ кончился столь счастливой, столь многими благостьми Создателя къ нашему дому, ознаменованный годъ, и потому достопамятнѣйшій въ жизни моей.

[1]) См. № Вдова бар. Сергѣя Николаевича Строганова, младшаго брата матери автора.
[2]) О немъ см. „Капище".

Къ стати присоединить здѣсь маленькой случай, которой еще болѣе ознакомитъ читателя съ моими нравственными недостатками. Я чрезвычайно былъ горячь въ игрѣ, и не умѣлъ равнодушно проигрывать. Отъ етаго самого я въ деньги не биралъ картъ въ руки и терпѣть ихъ не могъ. Пусть посудятъ до чего доходилъ задоръ мой въ етой забавѣ! Послѣ первыхъ дней родинъ жены моей, когда ей стало лучше, но все еще не сходила она съ постели, вздумалось намъ поиграть между собой отъ скуки въ пикетъ. — Положили поперегъ постѣли подушку, подали карты; она сидя на кровати, а я противъ нее начали играть. Съ первой сдачи она дала мнѣ пикъ, — я наморщился; черезъ двѣ, три здачи, къ несчастію, приди къ ней репикъ, — я осердился, бросилъ карты, взялъ ее за плечи и началъ трясти. Она напомнила мнѣ, что она въ родахъ, и я отъ нее отсталъ, закаившись играть въ карты съ кѣмъ бы то ни было кромѣ крайней необходимости и изъ приличія.

1788.

Къ новому удовольствію родителей моихъ въ 1-ой день генваря зять мой гр(афъ) Ефи(мовскій) пожалованъ въ прапорщики. Послѣ перьвой неудачи, вотъ какъ ето случилось. Видѣли какъ поступилъ со мной Мамо(новъ) [1]) отъ его протекціи ожидать етаго уже было нельзя; надлежало искать другихъ средствъ. Дядя бар. Стро(гановъ) былъ очень коротко и дружески знакомъ, съ маіоромъ Измайловскаго полку генер. Арбе(невымъ), которой полкомъ тѣмъ правилъ, будучи главнымъ его лицемъ въ городѣ. Въ полкахъ гвардіи завелся обычай изъ однаго въ другой переводить сержантовъ съ старшинствомъ, дабы доставить скорѣе чинъ офицерской. Ето дѣлалось такъ: что полкъ выпускающій отъ себя у(нтеръ) о(фицера) показывалъ его въ такомъ старшинствѣ, чтобъ онъ переходя въ другой полкъ, могъ стать въ спискѣ выше всѣхъ тамошнихъ сержантовъ и слѣдовательно въ перьвой докладъ поступить въ офицеры. Оборотъ несправедливой, но вошедшій въ привычку; многія на ето роптали, и всегда безъ успѣха. Извѣстно, что иногда такимъ образомъ изъ мзды дѣлались переходы, и вдругъ офицерами гвардіи оказывались купеческія дѣти и фабриканты на ряду съ лучшими дворянами. Гвардейскія полки присвоили себѣ разныя сему подобныя права злоупотребленіями жаловать офицеровъ и по гвардіи, а паче по арміи посредствомъ выпусковъ изъ у(нтеръ)-о(фицерскихъ) чиновъ; — но изчисленіе оныхъ не принадлежитъ къ моей исторіи, — оборотимся къ зятю. Дядюшка по связи его съ Арбе(невымъ) ходатайствовалъ о Ефим(овскомъ) — и наклонилъ его въ нашу пользу; дѣло почти было сдѣлано; всѣ негосіяціи между полками кончены. Прео(браженскій) выпускалъ Ефим(овскаго) съ старшинствомъ, Измай(ловскій) принималъ, оставалось размѣнятся формальными бумагами, — но кто предвидитъ нечаянность? — Въ самое ето время, по какому то непріятному происшествію въ Измайловскихъ казармахъ, Государынѣ разсудилось препоручить управленіе Измайловскимъ полкомъ Солт(ыкову) которой будучи младшимъ подпол. въ Семеновскомъ не могъ при гр: Брю(сѣ) онымъ править. Все ето происходило въ послѣднемъ мѣсяцѣ прошедшаго года. Арбе(невъ) столько былъ великодушенъ что пожертвовалъ чистой пріязни

[1]) См. № IV, стр. 70.

чувствомъ своего негодованія. Не смотря на досаду, которую переводъ Солт(ыкова) долженъ былъ дать ему почувствовать по самолюбію, онъ рѣшился Солт(ыкова) просить о утвержденіи начатой до него переписки съ Преоб(раженскимъ) полкомъ. Солт(ыковъ) будучи даже до мѣлочи во всемъ политикъ и расчетливъ, съ одной стороны дабы не огорчить отказомъ новаго подчиненнаго въ перьвыхъ порахъ его начальства, съ другой, чтобъ показать видъ благодѣтельнаго къ нашему дому расположенія, согласился переводъ Ефим(овскаго)утвердить и послѣ толь многихъ интригъ и хлопотъ, наконецъ сестра моя могла на ровнѣ со всѣми барынями ея лѣтъ и званія, кататся по Москвѣ четверней не боясь квартальнаго офицера.

Сего же года генваря 1, по докладу Семе(новскаго)полку, пожалованъ я въ капит(анъ)-порут(чики) — но какъ я повышеніемъ симъ обязанъ не старшинству одному, а особенному благоволенію гр. Брю(са), то и надо показать причину его побудившую къ оному. — Предъ концемъ прошедшаго года, нѣкто генер. маіоръ армейской, г. Бабар(ыкинъ) [1]) пожалованъ къ намъ въ полкъ въ маіоры; онъ былъ дядя родной фавориту Мамо(нову). Сей хотя и не очень высоко цѣнилъ своего дядю, но изъ тщеславія выпросилъ ему настоящее званіе. Бабар(ыкинъ) пріѣхалъ зимою въ полкъ изъ арміи, и вознамѣрился поставить его на армейскую ногу; онъ былъ очень задоренъ, старъ уже, но безъ всякаго соображенія и о Петербургѣ не имѣлъ никакого понятія. Гвардейской полкъ не линейной, — перемѣнить его трудно. — Желая выводить разныя погрѣшности и безпорядки, онъ раздражилъ гр. Брю(са) котораго самолюбіе требовало, чтобъ онъ не соглашался ни въ какомъ полковомъ недостаткѣ, ибо самъ всегда управляя онымъ хвастался превосходствомъ своего полка во всѣхъ отношеніяхъ предъ другими. Чѣмъ строже требовалъ Бабар(ыкинъ) чего нибудь по полку, тѣмъ упорнѣе гр(афъ) какъ начальникъ ему отказывалъ, и тѣмъ связывалъ ему маіору руки; сверхъ того сей запальчивостію своей раздражилъ и офицерской корпусъ, въ которомъ никто его не терпѣлъ, и такъ всякой старался дѣлать Бабар(ыкину) неудовольствіи, а етотъ въ бешенствѣ нападалъ на всѣхъ. Трудно чинить строеніе въ которомъ нѣтъ ни одного угла цѣлаго; такъ и въ Гвардейскихъ полкахъ былъ какой то систематическій безпорядокъ, которымъ они держались, и никакъ не могли ровнятся съ полевыми полками; и такъ сбылась съ Бабар(ыкинымъ) пословица: „Плетью обуха не перешибешъ". Въ етой войнѣ междоусобной между маіо(ромъ) и подпол(ковникомъ) никто болѣе не страдалъ какъ я. Будучи адьютантъ, слѣдовательно всегда перьвой на глазахъ и у того и у другаго, я по неволи вмѣшиваемъ былъ во всѣ ихъ разпри. — То маіоръ на меня негодовалъ за какое нибудь неустройство, о которомъ когда докладывалъ по должности моей подполковнику, не смѣя безъ окончательной его воли что либо отмѣнить старое, или вводить новое; то получалъ отъ гр(афа) приказаніе передать какую нибудь колкость маіору. Даже иногда я принужденъ былъ ему отъ имени графа переносить ругательства самыя низкія. — Кто не увидитъ что подобное положеніе сопровождаемо было особенно для меня большими непріятностями? Всю недѣлю очереднаго дежурства, я принужденъ былъ играть роль самую низкую; къ тому же подвергался часто опасности дорого заплатить за ихъ ссору, потому что еслибъ, какъ

[1]) Ген.-маіоръ и премьеръ маіоръ Семен. полка, Петръ Ивановичъ Бабарыкинъ, см. „Капище".

то и водилось уже иногда въ просвѣщенномъ свѣтѣ, вздумалось гр. Брю(су) пересылая со мной изъ кабинета побранки, отпиратся въ нихъ Бабар(ыкину) публично, то чѣмъ бы я могъ оправдать себя, и какъ уличить вельможу въ томъ, въ чемъ онъ самъ боится признаться; — да и отношенiи мои къ Мамо(нову) еще удвоивали мои опасенiи; словомъ, я въ самыхъ былъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Но къ счастiю моему что въ иныхъ происходитъ отъ возвышенной морали, то въ Гр. Брю(сѣ) былъ слѣдствiемъ упрямаго его свойства. Часто Бабар(ыкинъ) бралъ приказанiи его мною объявляемыя на справку, задиралъ его въ самомъ дворцѣ, и при каждомъ объясненiи Брю(съ) никогда не отпирался отъ своихъ словъ, чѣмъ и защищалъ меня отъ личной ко мнѣ привязки. Въ немъ былъ капризъ именно тѣмъ больше нападать на Бабар(ыкина) что онъ былъ фавориту свой, и гр(афъ) стыдился играть предъ всѣми ролю его послушника и дабы не дать сей мысли публикѣ, онъ противу всего того вооружался что Бабар(ыкинъ) предлагалъ. При такихъ неблагопрiятныхъ пересылкахъ отъ однаго къ другому, которыхъ иногда ничѣмъ смягчить было не возможно, Бабар(ыкинъ) чтобъ самаго меня вывести изъ терпѣнiя заставлялъ являтся къ себѣ въ четыре часа утра, и требовалъ опять ежедневно въ одинатцать вечера. Ссора обоихъ начальниковъ нашего полку была забавная комедiя для городу; дворъ и вся публика смѣялись надъ тѣмъ и другимъ; но мнѣ было не до шутки, и я рѣшился просить графа, о переводѣ меня въ роту въ фрунтовыя порутчики, чтобъ не имѣть такъ часто случая учавствовать въ ихъ размолвкахъ, и не быть органомъ ихъ междусобiя. Я зналъ что мнѣ не достается въ высшiй чинъ, что ваканцiи въ полку нѣтъ, что я долженъ остатся на годъ еще перьвымъ, а цѣлый годъ пробыть при такомъ строптивомъ маiорѣ каковъ былъ Бабар(ыкинъ) адьютантомъ, казалось мнѣ мучительнѣйшимъ испытанiемъ и физики и морали.

У насъ въ полку былъ секретаремъ Г. Лягу, офицеръ умной, проворной, смѣтливой, которой такъ умѣлъ вкрастся въ довѣренность и Солт(ыкову) и гр. Брю(су) что онъ всегда удерживалъ за собой тайныя пружины полковаго правительства; внушенiи его всегда вѣнчались успѣхомъ; я въ нимъ былъ прiятельски знакомъ, и онъ о пользахъ моихъ въ настоящемъ случаѣ взялся охотно старатся. — Въ сей крѣпкой надеждѣ я просилъ гра(фа) уволить меня отъ должности адьютанской. Гр(афъ) приказалъ подать прозьбу по формѣ черезъ маiора, и оказалъ мнѣ искреннее участiе въ моихъ безпокойствахъ. — Не безъ шуму и труда дошла прозьба моя къ Бабар(ыкину) но надобно было ему ее подать къ гра(фу)и она пошла въ ходъ. Между тѣмъ приближалось время докладовъ. Графъ разсудилъ непремѣнно для меня открыть ваканцiю; онъ нарядилъ однаго кап(итанъ)-порут(чика) для выбора изъ рекрутъ по Губернiямъ высокаго роста людей въ свой полкъ, (право всѣмъ Гвардейскимъ полкамъ присвоенное) и подъ предлогомъ тѣмъ что етотъ кап(итанъ) — порут(чикъ) долго будетъ въ отлучкѣ, а при ротѣ мѣсто его оставатся будетъ праздно, представилъ о повышенiи меня въ кап(итанъ) — порут(чики) на сiю мнимую ваканцiю. — Все ето такъ скромно дѣлалось, что я ничего о томъ не зналъ до самаго новаго года. Государыня всегда благосклонно утверждала доклады своихъ Гвардейскихъ полковъ, и такъ по милости Бабар(ыкина) и чрезъ его ссору съ гр. Брю(сомъ) я получилъ перьвой штабъ офицерской чинъ. Нѣтъ худа безъ добра; тяжело было терпѣть отъ своенравiя крутаго г. маiора, за то весело было нечаянно попасть въ

кап(итанъ)-пор(утчики), и такъ сказать изъ слугъ сдѣлатся господиномъ.

Турецкая война, прекративши какъ выше я сказалъ забавы меньшаго двора, лишила насъ случаевъ видѣть Ихъ Высочества столь же часто какъ прежде. Отсюда началась остуда ихъ къ намъ. У двора все непостоянно; тамъ кто чаще всѣхъ на глазахъ, тотъ и милѣй. Комедiи для которыхъ мы такъ нужны были прекратились, съ ними отношенiи наши изчезли. Видя что мы напрасно стали бы только проживатся въ Петербургѣ, вознамѣрился я отправится на нѣкоторое время въ Москву. гр. Брю(съ) отпустилъ меня по декабрь. — При отъѣздѣ отланялись мы Ихъ Высочествамъ, кои съ милостивыми привѣтствiями съ нами распрощались, и послѣднимъ путемъ, уложа Павлушу въ теплой возокъ, а сами сѣвши въ розвальни, направили путь свой въ Москву, и посѣтивши тещу, доѣхали въ родительской домъ. Тутъ основали мы на нѣкоторое время свое жилище; при большомъ домѣ былъ особой флигель, которой батюшка устроилъ для насъ, и мы очень хорошо всѣ размѣстились. Скоро по прiѣздѣ нашемъ въ Москву, жена нечаянно выкинула въ самой ранней порѣ беременности, но ето не имѣло никакого слѣдствiя кромѣ того, что она тотчасъ потомъ снова понесла.

Лѣто есть такое время въ году, въ которое человѣкъ ищетъ воздушныхъ разсѣянiй, и охотно бѣжитъ изъ комнаты въ садъ, на поле, даже въ самыя дикiя овраги, чтобъ жить поминутно въ природѣ и съ одной съ нею. Слѣдуя сему побужденiю натуры, и мы поѣхали на недѣлю погостить къ сестрѣ моей въ село ихъ Веденское. Я никогда еще не живалъ въ деревнѣ; мнѣ хотѣлось испытать какъ подѣйствуетъ на меня жизнь сельская и уединенная. Я не имѣлъ никакого понятiя ни о трудахъ поселянина, ни о занятiяхъ помѣщика. Любопытство мое удовлетворилось: проживши нѣсколько дней въ деревнѣ, и не вытерпя цѣлой недѣли, я почувствовалъ сильную скуку, хотя хозяева истощили все свое старанiе на то, чтобъ намъ было съ ними съ одними какъ можно веселѣе, словомъ, мы перенесли съ собой въ деревню, городъ, и всю его роскошъ. То слушали музыку въ рощѣ отдаленной, и сидя въ вечеру на широкомъ балконѣ, внимали по зарѣ отголоскамъ прiятной флейты и габоевъ, то переносились въ оранжерею и наѣдались всякихъ плодовъ, срывая съ самаго дерева бергамоты, абрикосы, персики и прочее. Иногда плавали въ лодкѣ по водѣ, и волторы въ слѣдъ за нами, разсѣкая струи раздавали въ воздухѣ свои звонкiя тоны; иногда любовались на рыбныя обильныя ловли, глядѣли на единообразныя упражненiи пахаря, сего сельскаго трудника съ любопытнымъ вниманiемъ. При всемъ томъ, сколько я не плѣнялся по воображенiю картинами уединенныхъ полей, и убѣжищъ пустынныхъ, о коихъ такъ прекрасно намъ пишутъ въ романахъ; сколько начитавшись ихъ я не былъ настроенъ дѣлить восторги антузiазма моихъ знакомыхъ авторовъ какъ то: Геснера, Виргилiя и проч. Признатся долженъ, что существенная картина природы безъ убранствъ, меня не очаровала. Я увидѣлъ тогда и почувствовалъ на опытѣ, что мнѣ нравятся сады воздѣланныя, а не дикiя земли брошенныя Творцемъ на поверхность мiра безъ стороннихъ прикрасъ искусства человѣческаго; что я любилъ тутъ каскады падающiи съ художественной скалы, а не ключь бѣгущiй съ высокаго утеса, сквозь заросшую корнями промойну въ мрачную ущелину; я любилъ природу, — но въ убранствѣ роскош-

номъ; — нагая мнѣ она не полюбилась. Уединенiе было мнѣ противно; я чувствовалъ что безъ людей бесѣды или большаго шума, провести день для меня тягостно. Я видѣлъ что еще рано мнѣ льстится находить въ тишинѣ семейной жизни полное благополучiе, и что суета еще долго обладать будетъ моимъ сердцемъ. — Трудно передѣлать Натуру! — Побужденiи ея и вкусы непреклонны. Можно одни умѣрить когда они пылки, можно другiя образовать когда они слишкомъ грубы, но замѣнить другими невозможно; тщетно о томъ и хлопотать. Я всегда кажется внѣ городовъ и въ деревнѣ буду скученъ и угрюмъ; правда что иногда но только на короткое время уединенiе не только мнѣ нравится, но даже всякой день я чувствовалъ съ молодости необходимость удалятся отъ всѣхъ и сосредоточиватся въ себѣ самомъ, но цѣлыя сутки провождать одному, или съ людьми все одними и тѣми же, для меня было несносно. Дайте мнѣ городъ, роскошь, толпу. — Увы! — Суета мiрская есть моя стихiя!

Жена со всѣмъ противнаго была со мною свойства; она любила жизнь тихую, уединенную, и предпочитала ее всѣмъ великолѣпнымъ пиршествамъ; для нее тягостно было безпрестанно выѣжжать, поминутно жить въ разсѣянiи. Любя занимателя книгами, перомъ, рукодѣльемъ и музыкой, она умѣла находить всѣ свои отрады въ самой себѣ. Для нее прiятнѣе былъ маленькой кругъ извѣстныхъ людей и бесѣда откровенной прiязни, нежели кучи гостей и принужденной етикетъ общежитiя. — Не думайте однако чтобъ она была нелюдима и какъ многiя ей подобныя женщины, суровая домосѣдка, напротивъ она охотно выѣжжала на праздники, на балы, и любила отличатся какъ прелестьми своими такъ и дарованiями, но не жадничала какъ я быть безпрестанно въ народѣ, съ кѣмъ и гдѣ бы то ни было. Всякой шумъ и неустройство ее безпокоили; для нее деревня была бы не наказанiе, — для меня признаюсь, деревня — темница. Не надобно подъ словомъ симъ разумѣть тѣхъ прекрасныхъ и увеселительныхъ загородныхъ домовъ, въ которыхъ можно не скучнѣе Москвы и Петербурга круглой годъ прожить; — ето не деревня. — Они пользуются симъ названiемъ потому только, что находятся за заставами, впрочемъ ето тѣже городскiя домы, въ которыя хозяинъ привозитъ съ собою на нѣсколько недѣль хорошей погоды всѣ забавы и увеселенiи городскiя. — Тамъ не видишъ ни чернаго крестьянина у котораго всѣ суставы одеревенели отъ плуга или сохи, не услышишъ дикаго крика галокъ, воронъ, грачей и всѣхъ етихъ траурныхъ сельскихъ жителей; тамъ не встрѣтишъ смѣшаннаго стада робкихъ овецъ съ безчинными свиньями, и впереди ихъ козла по слѣдамъ котораго вездѣ воняетъ. Тамъ не закоптишъ глазъ въ густомъ дыму овина, и въ ночной прогулкѣ не озаришся сквозь маленькой кусочикъ зеленаго стекла лучиною въ огнѣ. Всѣ ети предмѣты тебя ожидаютъ непремѣнно въ деревнѣ; ты долженъ къ нимъ приготовится. Что за забава видѣть около себя толпу себѣ подобныхъ, кои мало чѣмъ различаютъ отъ пасомыхъ ими животныхъ?

Вотъ съ какими мыслями о деревенской жизни разстался я съ сестрой и съ зятемъ, прогостивши у нихъ только шесть дней.

Въ теченiи сего времени нашолся одинъ день такой, о которомъ я буду помнить всю жизнь мою, и съ утренней зари его, возсылать Богу благодарныя молитвы за спасенiе меня отъ насильственной ужасной

кончины. Ето было 14 Iюня. Разсудили мы всѣ, зять съ сестрой, я съ женой прогулятся въ сосѣдней его же деревнѣ по имени Берестово. Тамъ рѣчка чистая, не большой лѣсокъ, и бархатныя луга, сулили намъ всякiя романическiя забавы. Зять ходилъ съ ружьемъ стрѣлять дичь, я слѣдуя за нимъ, любовался на ету охоту, а жены наши готовили намъ хорошiй полдникъ. Утомившись отъ жару, мы присѣли подъ сѣнь старинныхъ дубовъ и всѣ вмѣстѣ просто сказать хлѣбали изъ чистыхъ крестьянскихъ чашъ свѣжее молоко съ ягодами. Пролетѣла мимо насъ нескромная галка; зять, досадуя, что не нашелъ никакой добычи, взвелъ курокъ, дробина попала въ птицу, и невинная упала къ ногамъ нашимъ; Еще она трепеталась, какъ я не обдумывая своего побужденiя бросился на нее съ палкой, и по головѣ давши ей туза два три, забавлялся дикимъ воплемъ издыхающей твари. Порезвившись еще нѣсколько, собрались ѣхать домой въ село. Сестра съ женой сѣли на дрожки, а я съ зятемъ вздумали вскочить на крестьянскую телегу, и сами править, дабы сдѣлать нашъ поѣздъ смѣшнымъ и занять еще часть вечера забавою. Какъ неожиданно промыслъ готовитъ намъ и опыты и наказанiи? Куда дѣвалась моя боязнь? Я не только править лошадью, да еще не взнузданной, я страшился верьхомъ на самомъ надежномъ конѣ проѣхатся, я уже и въ каретѣ на лошадяхъ неизвѣстныхъ не рѣшался путешествовать по дорогамъ; тутъ изчезъ страхъ, и я въ телегѣ; то зять, то я погоняемъ клячу плетками, совершенно удостовѣрясь по ея тощему тѣлу, что на ней боятся нѣчего. Иногда такая лошаденка опаснѣе самой гордой и откормленной на Царской конюшнѣ. Кляча не стерпя нашихъ побоевъ, закусила поводъ, и помчала насъ во весь духъ, куда глаза глядятъ. Править уже мы ею не могли, оставалось ожидать бѣдствiя, не имѣя даже возможности отгадать какого роду оно насъ постигнетъ. Представимъ мѣстоположенiе; я на него какъ гляжу. Передъ нами раскинута была гора отлогая но длинная; въ правой сторонѣ ровное мѣсто и ржиныя поля; въ лѣвой рукѣ крутой хребетъ горы, въ подошвѣ ея мѣлкая рѣчка, но усыпанная остроконечными камушками. Лошадь насъ мчала въ ету пропасть, и казалось не было спасенiя. Опять Промыслъ и Всещедрое Провидѣнiе! Изъ кустовъ разросшихся по берегамъ рѣчки, выбѣжала нечаянно собака; Лаемъ своимъ она испугала нашу клячу, та вкрутѣ повернула къ полямъ, и мчала насъ ими до тѣхъ поръ, пока навезла на глыбу земли, вывалила обѣихъ въ рожь, и сама остановилась. Телега опрокинута съ нами. Освободясь изъ подъ нее, первое мое движенiе было взглянуть назадъ.

На вершинѣ горы, съ которой мы такъ неудачно спустились, увидѣлъ я жену съ сестрой, испуганныхъ до крайности, и въ отчаянныхъ слезахъ. Новая трогательнѣйшая картина! Мы тотчасъ бросились къ нимъ и насилу успокоили. Ихъ положенiе было несноснѣе нашего. Мы отъ страха уже не могли сообразить около себя всей нашей опасности, и чувства наши онемѣли. Они напротивъ, видя наше бѣдствiе и не имѣя никакого случая намъ помочь, страдали за насъ и за себя въ полной мѣрѣ сердечной, необыкновенной тревоги. Послѣ перьвыхъ движенiй мы хватились осмотрѣть всѣ ли у насъ кости цѣлы, и слава Богу, кромѣ нѣсколькихъ контузiй ничего не оказалось. Похрамали нѣсколько дней немножко, и не очень свободно руками дѣйствовали, тѣмъ все и кончилось. Воротясь въ село тотчасъ пошли въ церковь,

и пролили предъ Спасителемъ нашимъ источникъ чистѣйшихъ Слезъ благодарности.

Несчастіе насъ учитъ быть благоразумными. Опытъ сей болѣе сдѣлалъ мнѣ добра, нежели повредилъ; я не могъ надивится какъ рѣшился на клячѣ вовсе ненадежной, вопреки сродной мнѣ боязни, скакать во весь духъ подъ гору, да еще и погонять ее хлыстомъ. Галка пришла мнѣ на мысль, и сдѣлала на всю жизнь полезное впечатлѣніе. За чѣмъ, думалъ я, такъ озлобился на нее? Начто бить ее по головѣ? Начто ругатся гибели слабаго животнаго? Ахъ! сколькихъ бы мы избавились упрековъ совѣсти, еслибъ разсудокъ нашъ успѣвалъ при всякомъ дѣйствіи рукъ и ногъ, возбуждаемомъ однимъ задоромъ крови и темперамента сдѣлать намъ вопросъ: за чѣмъ ты ето дѣлаешъ? Галка не человѣкъ, но и ту какая причина мучить! Тебѣ надобно блюдъ на столъ: застрели птицу, да не ругайся ею. Ты нуждаешся въ шубѣ? Посади медвѣдя на рогатину, но не тѣшся его стенаніемъ. Остриги овцу, — но не пали ее, и не забавляйся страданіемъ живаго существа. Вотъ какъ я разсуждалъ упавши съ телѣги, и съ етой минуты вкоренилось во мнѣ то человѣколюбивое правило, что мучить ничего дышущаго не должно. Убить есть необходимость, и она не составляетъ порока; мы не можемъ одними кореньями питаться, но мучить животнаго, терзать его, отнимать у него жизнь для одной своей забавы, есть тиранія выше всѣхъ прочихъ злодѣяній, и я самому злосчастію нашей прогулки обязанъ за то, что она обратила мысль мою къ такому благонравному правилу.

Не долго мы въ Москвѣ наслаждались тишиной и спокойствіемъ. Политика Европейская на всѣ лучшія домы навела облако печали. Шведъ, сосѣдъ лукавый, воспользовавшись войной нашей съ Турками, захотѣлъ попробовать счастія, и поворотить старинныя свои области, Россіею издревле завоеванныя. Замыселъ безразсудной, уподобляющій его Карлу, но по обстоятельствамъ, могъ Россію потревожить. Финляндія была безъ крѣпостей и безъ обороны. Въ надеждѣ на слабость своего сосѣда, Екатерина никогда не держала тамъ значительныхъ войскъ. Гарнизоны стояли кое гдѣ только для формы. Пушки чугунныя на изломанныхъ лафетахъ вросли въ землю, и вся Финляндія была край совсѣмъ обнаженной всякой помощи. Потемкинъ съ арміей составленной изъ всѣхъ лучшихъ полковъ и людей, оборонялся противъ музульманъ. Екатерина должна была по необходимости ускорить средствами защитить свои границы къ сѣверу. — Уже коварной Шведъ напавши на нихъ нечаянно, овладѣлъ крѣпосцою Нейшлотъ, какъ 30 числа іюня Государыня выпустила манифестъ о новой войнѣ съ Швеціей, и въ тоже время повѣленіе дано гвардіи отрядить по 1 баталіону въ походъ, подъ командою гр. Пушк(ина)[1]) которой нареченъ полководцемъ всей Шведской арміи. Она очень мала была на перьвой случай, но по крайней мѣрѣ удобна дать отпоръ коварному непріятелю. — Сколько можно было собрать разныхъ командъ по крѣпостямъ и малымъ городкамъ около Петербурга, всѣ выступили въ походъ.× Для гвардіи было ново иттить дратся. Со временъ Императрицы Анны, они не видѣли ни пули ни картечи. Но нужда заставила Екатерину не пожалѣть и отборнѣйшихъ сихъ тѣлохранителей.

[1]) Гр. Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. См. № 1, стр. 37, прим. 4.

Не было дома въ Москвѣ, въ которомъ бы не заплакали узнавъ о сей новой заворохѣ. Во всякомъ семействѣ былъ сынъ, или мужъ, или братъ въ гвардіи; еще никто не выступилъ въ походъ, а уже въ Москвѣ разсказывали кто убитъ, кто раненъ, какъ обыкновенно то въ ней водится. Фанфароны петербургскія сами прибавляли ужасу, описывая свои страшныя сборы, и требуя отвсюда денегъ на воинскія доспѣхи. — Вездѣ плакали, вездѣ посылали къ молодымъ людямъ деньги, и печаль и убытокъ всѣхъ погрузилъ въ мрачное состояніе. — Полковыя наши начальники начали многихъ отпускныхъ офицеровъ требовать къ полкамъ, и за очно наряжать ихъ въ походъ. — Туча еще не гремѣла надъ нашимъ домомъ, но родители мои, особливо Матушка и жена уже безпокоились на счетъ мой. Мнѣ бы не досталось по очереди въ походъ, потому, что я былъ младшій кап(итанъ) — пор(утчикъ)но казалось стыдно въ такое смутное время жить дома, и ежели не забавлятся, по крайней мѣрѣ ощущать всю нѣгу спокойнѣйшей жизни, тогда какъ товарищи мои должны были стоять подъ ядрами, и лишатся послѣдняго дыханія. Подѣйствовалъ восторгъ мужественной и на меня. Я запылалъ, и предался природному антузіазму къ славѣ; въ мои тогдашнія лѣта рѣдко разсуждали о томъ, въ чемъ состояла настоящая. — Шумъ и трескъ оружія похищали ея мѣсто, и тамъ только казалась обитала слава, гдѣ можно или свой черепъ дать раскрошить, или разнести его другому, во исполненіе Высочайшаго Манифеста. Видя, что меня полкъ не вызываетъ, а многіе мои однополчане скачутъ къ своимъ мѣстамъ, и по повеленію, и по произволу, я посовѣтывался съ Батюшкой, и открылъ ему намѣреніе мое летѣть противъ супостата.

Опыты давно научили Отца моего, глядѣть на вѣщи съ разсудкомъ и безъ вспыльчивости; онъ радовался моему восхищенію, но почиталъ обязанностію своей удержать безразсудной порывъ моего сердца, а дабы согласить меня съ собою, онъ посовѣтывалъ мнѣ не предпринимая напрасныхъ убытковъ, скакавши въ полкъ, можетъ быть безъ нужды, написать предварительно письмо къ гр. Брю(су), изложить въ немъ мою готовность иттить въ походъ, и ждать спокойно его повѣленія. Такъ и сдѣлано. Письмо написано, отправлено, и въ концѣ года приложится съ него копія, дабы дѣти мои видѣли какъ я думалъ, и чувствовалъ при такой важной епохѣ въ жизни моей. Гр. Брю(съ) ни слова мнѣ не отвѣчалъ, ни приватно, не публично. Баталіоны вышли въ походъ, — но меня, какъ младшаго не удостоили чести добиватся смерти или увѣчья. — И такъ я остался дома въ своей семьѣ доживать свой отпускъ благополучно. Для самолюбія моего колко было молчаніе гр. Брю(са) которое доказывало что онъ никакого вниманія не обратилъ на мой отзывъ, и не уважилъ въ молодомъ человѣкѣ благороднаго побужденія ревностнаго офицера, но живучи въ школѣ моего Отца, я уже наслушался отъ него что въ Россіи ни зачто не хвалятъ, а за все бранятъ, и равнодушно учился принимать всѣ подобныя обиды въ будущей моей жизни. Честь обязываетъ насъ поступать такъ, какъ велятъ ея законы, внешнія поступки не могутъ приносить намъ стыда, а потому не должны и дѣйствовать на наше сердце. — Мать моя и жена, съ тайнымъ удовольствіемъ принимали причину моего огорченія, и очень были ради что до меня еще не дошла очередь на ножи выходить съ себѣ подобнымъ.

Между тѣмъ война открылась со Шведомъ со всей яростію раздраженной Екатерины. Гвардія стояла не далеко отъ Петербурга, для прикрытія военныхъ дѣйствій, и составляла резервъ; полевыя войска двинулись до границы, выгнали Шведа изъ Нейшлота и начали поражать его слегка, но флотъ значительной побѣдой прикрѣпилъ счастіе къ оружію россійскому. Адмиралъ Грѣйхъ [1]) вышелъ въ море, далъ славную баталію Шведскимъ кораблямъ, 6 Іюля разбилъ ихъ, прогналъ съ мѣста, и взялъ въ полонъ самаго адмирала ихъ гр. Вахтмѣйстера съ роднымъ его братомъ. Мы сами на семъ сраженьи потеряли одинъ корабль; — онъ взорванъ, и екипажъ его взятъ въ плѣнъ; между офицерами, служившими на немъ, былъ и братъ родной жены моей Федоръ, обучавшійся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ; молодой етотъ человѣкъ семнадцати лѣтъ, по особенному благоволенію В. К-зя, за хорошей успѣхъ въ наукахъ, и за выдержанной екзаменъ, былъ выпущенъ въ тотъ годъ, въ прошедшемъ мартѣ въ мичманы во флотъ до урочныхъ лѣтъ коихъ онъ только двумя мѣсяцами не достигъ, и едва успѣлъ взойтить на корабль, поприще предопредѣленное ему по жребію судьбы, какъ уже взятъ въ плѣнъ, лишенъ свободы, и не ознакомясь еще съ народомъ русскимъ, долженъ былъ уже принаравливатся къ обычаямъ иноплеменнымъ, въ странѣ воющей съ отечествомъ его. Тяжкая судьба въ такомъ нѣжномъ возрастѣ! Узнавъ о семъ, жена была тронута до слезъ, хотя вовсе его почти не знала, но одно имя брата уже привлекло къ судьбѣ его все ее участіе.

Въ тоже сраженіе, лишился я и того молодаго Долгор(укова) [2]) съ которымъ вмѣстѣ жилъ въ полку, и о которомъ писано въ 85-мъ годѣ. Онъ былъ свыченъ со мною и хорошій мнѣ пріятель. Загорѣлось ретиво сердце! Онъ попросился волонтеромъ во флотъ. Екатерина приказала уволить, и тамъ пушечное ядро, отправило его въ вѣчность, хвастатся подвигомъ своимъ безсмѣртнымъ тѣнямъ его предшественниковъ.

Шведскія плѣнники два брата Вахтмейстеры по изволенію Государыни приведены въ Москву, на житье до замиренія. Столица приняла ихъ съ восторгомъ побѣды. Тщеславная Москва стала тратить свои деньги на праздники для нихъ. Сперьва ихъ ласкали, звали повсюду, а потомъ начали дѣлать имъ разныя ругательства. Появились на ихъ счетъ стишки. Желая обратить въ насмѣшку стремленіе нашихъ дамъ, вездѣ гонявшихся за Шведами, изъ которыхъ адмиралъ былъ человѣкъ молодой еще, и мущина прекрасной, обратили острыя шутки и на ихъ собственное лицо. Вольность сего рода стала доходить до неблагопристойности и Екатерина чтобъ усмирить Москву, приказала ихъ отправить въ Калугу, откуда они вскорѣ отпущены были на честное слово въ свою землю. Меньшой братъ адмиралъ, былъ одинъ изъ любимцевъ Королевскихъ, и оба они стариннаго, знатнаго дому. Въ публикѣ видая ихъ нечаянно, и я съ ними познакомился. Адмиралъ казался вертопрашенъ, старшій братъ его капитанъ корабля, степеннѣе себя велъ, и меньше занималъ Москву. Я съ нимъ познакомился съ легка; онъ посѣтилъ насъ раза съ два, и мы отъ визитовъ его получили ту пользу,

[1]) Самуилъ Карловичъ (1736 — 1788 г.г.). Въ честь его побѣдъ въ эту войну въ 1790 г. выбита была медаль.

[2]) См. № 2, стр. 52, прим. 4.

что могли переписыватся черезъ него съ плѣннымъ братомъ жены моей. Они обѣщали намъ писать объ немъ, и рекомендовать его особенному покровительству тѣхъ начальствъ, въ вѣдомствѣ коихъ онъ находился, что и исполнили какъ послѣ оказалось изъ событій. Въ память тому времени и Московскихъ дурачествъ, оставлю здѣсь одинъ куплетъ изъ лучшихъ стиховъ, которыя бѣгали по публикѣ, и ими кончу рѣчь о достопримѣчательномъ пребываніи въ столицѣ Шведскихъ плѣнниковъ:

Солнце къ западу стремится
Тьма каретъ въ ваксалъ катится,
У всѣхъ слышанъ одинъ тонъ
Здѣсь ли, здѣсь ли, здѣсь ли онъ? —



Изображеніе Иллуминаціи въ Новый 1755. годъ ввечеру.

Illuminations Vorstellung am Neu-Jahrs-Abend 1755.

Весь настоящій годъ[1]) до конца наполненъ былъ разнородными обстоятельствами, кои болѣе питали мрачныя мысли нежели пріятныя. Еще при отъѣздѣ нашемъ изъ Петербурга, дядя Александръ Николаевичъ [2]) слегка простудясь былъ нездоровъ. Изъ переписки его съ нами открывалось что болѣзнь его усиливается, и наконецъ всѣ признаки рѣшительной водяной угрожали насъ потерею его навсегда.

Тетка моя графиня Скавронская [3]) соскучась въ Петербургѣ и принявъ слишкомъ чувствительно нѣкоторыя дворскія неудовольствіи, снова оставила свою родину, и помчалась въ обожаемый ей край, въ теплую Италію, откуда уже никто изъ насъ не ожидалъ возврата ея.

Я по любопытству врожденному во мнѣ ко всякой новости, ѣздилъ въ перьвой разъ въ Троицкую лавру, и съ крайнимъ удовольствіемъ осмотрѣлъ рѣдкости и сокровища коими обогащена сія по истиннѣ святая обитель, и столь знаменитая въ исторіи нашей, подвигами великихъ ея отшельниковъ Сергія, Никона и Аврамія Палицына. Ревнуя имъ въ качествахъ души и разума великій нашъ витій Платонъ [4]), святитель московской предавался туть глубокимъ своимъ размышленіямъ, и созидалъ гробъ свой средь пустынь окружающихъ Сергіеву обитель.

Живучи снова постояннымъ образомъ въ Москвѣ, не могъ я не примѣтить съ сердечнымъ сокрушеніемъ, что здоровье Отца моего становилось день ото дня слабѣе. Подверженъ будучи припадкамъ гемороидальнымъ, онъ выдерживалъ мучительныя изнеможеніи. Докторъ нашего дома усердный и прямо искуссный человѣкъ Печело, не могъ однако воспомоществовать ему. Онъ подозрѣвалъ въ Батюшкѣ камень, но призванный операторъ, удостовѣрился, что его нѣтъ, и отъ етаго

[1]) 1788-й.
[2]) Баронъ Строгановъ.
[3]) См. № 4, стр. 65.
[4]) Митрополитъ Московскій Платонъ (Левшинъ) (1737 — 1812) скончался и погребенъ въ Виѳаніи.

Батюшка потерялъ всю довѣренность къ Печело и рѣшился для себя собственно искать другого врача. По счастію тогда славился очень въ Москвѣ русскій медикъ Политковской [1]). Я съ нимъ вмѣстѣ проходилъ въ университетѣ разныя курсы и мы были знакомы. Онъ посыланъ былъ на коштъ казенной въ Парижъ, усовершенствоватся въ медицинѣ, и поживши тамъ пять лѣтъ воротился въ свое отечество, съ отличными познаніями, хотя никто въ Москвѣ изъ людей нашего состоянія и не могъ опредѣлить настоящей цѣны его свѣденіямъ. Довольно, что онъ былъ въ Парижѣ, чтобъ сдѣлать его моднымъ докторомъ. Я ознакомилъ его съ Отцомъ моимъ. Тогда Политковской не разжился еще и былъ ни грубъ, ни гордъ. Онъ полюбился Батюшкѣ, и началъ его лѣчить съ примѣтнымъ успѣхомъ, такъ, что онъ гораздо легче выносилъ свои болѣзненныя припадки.

По мѣрѣ какъ мы старѣимся, успокаиваются наши чувства и сердце меньшей раздражительности подвержено; Батюшка становясь равнодушнѣе ко многому, и не такъ уже пылокъ, примирился въ етомъ годѣ съ теткою своей родной, а нашей бабкой Вѣр(ой) Бор(исовной) Лопу(хиной) [2]). Двадцать лѣтъ они не съѣзжались. Причина ссоры ихъ произошла отъ надменности и лукавства тетки его. Вся правость была на сторонѣ моего родителя. Престарѣлость той и болѣзни Батюшкины сблизили ихъ между собой, и мы пріобрѣли въ домѣ етой пышной старушки, только новое и довольно скучное знакомство, не принесшее намъ впрочемъ никакой пользы.

30. Ноября скончался почти вдругъ гр(афъ) Пет(ръ) Бор(исовичъ) Шерем(етевъ) [3]), богатой Лазарь древней столицы. Онъ готовился дать пиръ въ самой етотъ день Андреевскимъ кавалерамъ, на позолоченномъ сервизѣ, и вмѣсто того обратился самъ въ злосмрадной кадавръ [4]). Казалось невѣроятнымъ, что онъ умеръ, такъ привыкли всѣ почитать его по богатству полубогомъ. Онъ оставлялъ сыну [5]) своему знатнѣйшее имѣніе въ Россіи, и мудрено ли, когда отецъ его, сей славный витязь, а потомъ и онъ безъ уваженія къ родству и къ правамъ естественнымъ обогащались чужими достояніями, никому ничего не выдѣляли, и все оставляли за собой? Не было его богаче вельможи въ государствѣ. При всѣхъ Царяхъ начавъ съ Императрицы Анны, гр. Шерем(етевъ) былъ нетолько въ милости, но даже и балованъ ими. Все ему сходило съ рукъ, все ему прощалось. Всѣ суды были имъ куплены, когда дерзалъ кто входить съ нимъ въ тяжбу; — но смерть никого не чтитъ. Пришла роковая минута и очи московскаго креза вѣчнымъ сномъ смѣжились. Съ начала исторіи моей видно, сколькихъ золъ дому нашему онъ былъ виною [6]). Совершенной егоистъ! Онъ сорилъ золото кучами для своихъ собственныхъ

[1]) Федоръ Герасимовичъ Политковскій (1756 — 1812), проф. Моск. унив., знаменитый врачъ, любимый населеніемъ Москвы за безплатное лѣченіе неимущихъ.
[2]) Урожд. графиня Шереметева. Род. 1716 г., замуж. за тайн. сов. Ѳедоромъ Авраамовичемъ Лопухинымъ. Родная сестра знаменитой Натальи Борисовны Шереметевой.
[3]) Род. 1713 г., женатъ на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской.
[4]) Трупъ.
[5]) У П. Б. было 3 сына и 2 дочери. 2 сына умерли въ дѣтствѣ. Рѣчь идетъ о графѣ Николаѣ Петровичѣ, основателѣ стр[illegible]ннопріимнаго дома въ Москвѣ, оберъ-камергерѣ. Женатъ былъ на Прасковьѣ Ивановнѣ.
[6]) См. № 1, объ отношеніяхъ Шереметевыхъ къ Долгоруковымъ.

забавъ, или чтобъ выказать всю свою пышность, и никогда гроша не удѣлялъ на то, чтобъ прославится благотвореніемъ. Сердце въ немъ было бронзовое, — душа не согрѣваемая льдина. Онъ жилъ для суеты, — и умеръ въ чаду ея.

Отецъ мой, сей мужъ твердый и великодушный, забывая всѣ его оскорбленіи, вспомнилъ только то, что онъ въ домѣ его воспитывался и плакалъ о немъ какъ о истинномъ благодѣтелѣ. Слезы его пролитыя надъ гробомъ безчеловѣчнаго сего богача, суть лучшая укора для дяди, и памятникъ славы для племянника. Батюшка весь долгъ ему отдалъ, и предалъ забвенію съ минуты его смерти всѣ свои досады. Похороны гр. Шерем(етева) были такъ великолѣпны, что Екатерина узнавъ объ оныхъ запретила впредь столь пышныя дѣлать приготовленіи при погребеніи частнаго лица. Подлинно его хоронили какъ царя. Десять дней выставлено было тѣло его на показъ всему городу. Разныя убранства траурныя одѣвали внутреннія чертоги его дома, съ безпримѣрнымъ богатствомъ отправляема была и духовная и свѣтская церемонія; но сколько ни пѣли надгробныхъ гимновъ, гр. Шерем(етевъ) по закону естественному, еще до могилы своей, на золотомъ катафалкѣ уже предавался тлѣнію и земля изъ кованаго гроба похищала свою добычу. Память его, пировъ, театровъ и увеселеній погасла съ шумомъ, но память дѣлъ его не смотря на продолжительной сонъ смерти, въ денницу вѣчнаго свѣта предстанетъ съ нимъ вмѣстѣ на судъ.

Въ самой день похоронъ его, т. е. десятое декабря, сестра моя гр. Ефим(овская) [1]) родила дочь Анну, и хотя не весьма счастливо, ибо ребенокъ тотчасъ умеръ, но она выздоровѣла въ непродолжительномъ времени.

Мало по малу я привыкалъ къ занятіямъ домашнимъ и къ обращенію простому одной искренности. Петербургъ казался ужъ не такъ хорошъ, и я почти отвыкалъ отъ него, видя притомъ, что я въ полку ни на что еще былъ не надобенъ, а безъ пользы проживатся для разъѣзда по гостямъ, находя очень не кстати съ нашимъ умѣреннымъ состояніемъ, я просилъ отсрочки, и получилъ новой отпускъ отъ полку до апрѣля мѣсяца. Пріятно было для меня и то, что наше присутствіе увеселяло родителей моихъ и, что Батюшкина гипохондрія которую онъ начиналъ чувствовать въ сильномъ градусѣ, гораздо меньше его безпокоила, когда онъ видѣлъ всѣхъ насъ около себя, и въ молодости нашей, напоминалъ себѣ свою собственную. Сколь ни тяжело чувствовать старость, но удовольствіе жить въ другомъ, переживаетъ насъ самихъ. Оно до гроба намъ сопутствуетъ.

Между тѣмъ какъ Павлуша [2]) мой становился уже забавенъ, и мы его тормошили, жена моя обѣщала товарища ему и беременность ея требовала чтобъ я уже не отлучался отъ Москвы. Ничто такъ не правитъ нашего сердца какъ размышленіе. Ничто сему послѣднему такъ не способствуетъ какъ уединеніе. Шумъ городского разсѣянія отвлекаетъ разумъ отъ всего полезнаго. Жена по состоянію своему не могла никуда выѣжжать. Любя ее страстно, я не хотѣлъ съ нею розно искать своихъ забавъ, — и такъ удовольствіе мое состояло въ томъ, чтобъ быть дома,

[1]) См. № 2, стр. 62.
[2]) См. № 6, стр. 41. Род. 21 ноября 1787 г.

жить съ родными, и заниматся перомъ своимъ, сколько становилось силъ въ воображеніи и мастерства.

Съ етаго года я началъ собирать всѣ мои мѣлкія произведеніи въ стихахъ, коими почти съ осмнадцати лѣтняго возраста занимался. Я чрезвычайно любилъ риѳмословить; труды мои были весьма несовершенны, но я хотѣлъ со временемъ примѣтить постепенность силъ съ коими развертывается ежегодно природное дарованіе. Первыя печатныя стихи мои въ Москвѣ, кои ознакомили со мною публику, сочинены были мною на смерть Горича [1]). Они очень далеки отъ хорошихъ, но ими началось мое литературное поприще, и потому я объ нихъ здѣсь нарочно упоминаю. Вотъ что побудило меня наконецъ отважится отдавать въ печать свою работу.

6. Декабря, взятъ приступомъ Очаковъ. Потем(кинъ) силою многою стеръ сопротивниковъ, и восхитилъ здѣсь послѣ Миниха первыя лавры. Штурмъ етотъ стоилъ дорого, онъ похоронилъ подъ стѣнами крѣпости, тысячи русскихъ и невѣрныхъ, восторжествовалъ надъ гордою Луною, надъ морозами, надъ самой природой, и мѣдныя лбы славянорусскія, помолясь Николаю Чудотворцу, влѣзли на башни малаго Стамбула, (такъ называли турки свой Очаковъ, по превосходной красотѣ его мѣстоположенія послѣ Царяграда), овладѣли крѣпостью, городомъ, все вокругъ пожгли, изрубили, ограбили, въ ожесточеніи сердца, раззоряли сады виноградныя, и насиловали укрывающихся турчанокъ, вмѣстѣ истребляя и населяя родъ человѣческой на землѣ окровавленной. Таковъ человѣкъ, когда онъ возбужденъ одною кровію и предается волненію страстей. На етомъ штурмѣ убиты генералы Кн. Волк(онскій) [2]) и славной наѣздникъ козачій Горичь [3]). Первому тотчасъ появились стихи, о послѣднемъ всѣ какъ будто забыли. Мнѣ стало досадно, что и въ самомъ подвигѣ патріотической смертью, льстецы полагаютъ различіе между княземъ и козакомъ, тогда какъ всякой послѣдній солдатъ, положившій животъ свой за отечество, равно съ вельможей получаетъ право на звучной отголосокъ похвалы. Я рѣшился сочинить стихи въ честь казаку совсѣмъ мнѣ не знакомому, и отдалъ ихъ въ печать. Ученая и духовная ценсура ихъ пропустили, — гражданская, т. е. полицейская задержала. Для чего? — не знаю; но другой причины не вижу кромѣ той, что Горичь былъ не князь. Однако по многомъ спорѣ, выпущены стихи на особыхъ листахъ при газетахъ, и республика стихотворцевъ узнала, что въ ихъ сословіи карабкается съ малыми силами, новой тщедушной типъ, осужденный природою только умножать число чернаго народа въ областяхъ Аполлона.

Переведя также въ часы драгоцѣннаго моего досуга французскую комедію, которую я такъ часто игралъ: La soirée à la mode, и переложа на наши нравы, отдалъ розыграть на публичной Московской Театръ. Отважной шагъ! Но я не прежде его сдѣлалъ какъ по выправкѣ моего перевода, старымъ моимъ учителемъ и наставникомъ г. Чебота(ревымъ) [4]), которой тогда былъ въ званіи ученаго ценсора театральныхъ сочиненій и за его одобреніемъ смѣло выпустилъ я свой переводъ на театръ. Играли его

[1]) Напечатаны въ прибавл. къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1788 г.
[2]) Ген.-маіоръ, Сергѣй Авраамовичъ (1748 — 1788 г.г.).
[3]) См. Капище.
[4]) Харитонъ Андреевичъ, проф. См. Капище.

29 декабря, но такъ неудачно, что публика почти ни одной остроты сей прекраснѣйшей комедіи не почувствовала, да и не мудрено. Актеры наши не привыкшія обращатся въ лучшемъ обществѣ подобно иностраннымъ, не умѣли принятся за роли свѣтскаго лица, не знали ни тону ихъ, ни уловки, ни обхожденія, и такъ исказили всѣ роли, что піеса едва похожа была на свое наименованіе. Я однако доволенъ будучи, что переводъ мой одобренъ человѣкомъ ученымъ, ни мало не досадовалъ, что представленіе его было такъ не удачно. Къ этому же не однихъ актеровъ должно винить, можно и о публикѣ тогдашняго времени сказать ни мало не обижая ее клеветою, что вкусъ театральной въ Москвѣ еще не довольно былъ тонокъ, чтобъ почувствовать красоту насмѣшекъ, разсыпанныхъ въ етой комедіи, замысловатымъ ея сочинителемъ Poinsinet[1]). На сей счетъ можно бы было выдержать большое разсужденіе; но диссертаціи о драматическомъ вкусѣ здѣсь не мѣсто, скажу только чтобъ привести хотя одинъ доводъ къ заключенію моему о вкусѣ того времени, и о границахъ въ коихъ сжаты были упражненіи въ словесности, что тогдашній полицеймейстеръ Г... не позволилъ мнѣ сего перевода выпускать въ печать, не смотря на одобреніе ученой цензуры потому только, что будто бы я обидѣлъ жителей нѣмецкой слободы, назвавши ее именемъ le Fauxbourg St Germain, о которомъ сочинитель въ подлинникѣ, вводя доктора на сцену заставилъ его сказать: les insomnies y sont fréquentes или что то подобное. Г. пол(ицеймейстеръ) поставилъ въ оскорбленіе спокойнымъ обывателямъ Нѣмецкаго рынка, что Украсовъ представлявши въ переводѣ ролю доктора поклепалъ ихъ безсонницами, и отъ етаго только, повѣрьте моей чести, не напечатана пьеса. Пусть судятъ какъ тогда московская полиція думала и цѣнила труды пера. И такъ мой переводъ сыгранъ раза три, не напечатанъ, брошенъ и згнилъ въ моихъ рукописяхъ. Туда ему и дорога. Ето мнѣ право ни слезки не стоило. Оставалось только пожелать для россійской литературы цензоровъ не столько осторожныхъ.

Болѣе всѣхъ етихъ бездѣлокъ меня занимала моя Исторія[2]), которой я положилъ начало въ настоящемъ годѣ, предпринявъ писать ее во всю жизнь мою безъ ослабы и со всей подробностію безпристрастной исповѣди на собственной свой счетъ.

Пусть я маралъ такимъ образомъ бумагу и безъ всякой пользы для другихъ, но съ большою для меня, потому что я былъ занятъ, а тотъ уже много въ мои лѣта выигралъ, кто умѣетъ и любитъ избѣгать праздности, ибо по аксіомѣ древнѣйшихъ мудрецевъ: „праздность есть мать всѣхъ пороковъ".

Москва отпразновавши Очаковскій штурмъ, и знаменитую побѣду умножившую славу Екатерины во всѣхъ концахъ Европы, кончила годъ сей трехлѣтними дворянскими выборами, на которыхъ отецъ мой, отслуживший три года въ званіи депутата, выбранъ въ Уѣздныя Предводители Московской округи, и любя быть полезнымъ своимъ согражданамъ согласился еще посвятить имъ три года своей жизни.

---

[1]) Antoine Alexandre Henri (1735 — 1769). Извѣстн. французскій драмат. писатель. Эта пьеса была въ первый разъ поставлена въ Comédie Française 7 апрѣля 1764 г.
[2]) Т. е. настоящія записки.

Копія съ письма моего къ гр. Брюссу, о которомъ упомянуто выше[1]).

Сіятельнѣйшій Графъ

Милостивый Государь!

Чувствуя милость вашего Сіятельства, простиравшуюся ко мнѣ во многихъ случаяхъ, а наипаче нынѣ, какъ въ произведеніи меня въ новой чинъ, такъ равно и въ позволеніи данномъ мнѣ пробыть въ отпуску по моимъ обстоятельствамъ, за долгъ считаю вновь изьявить вашему сіятельству наичувствительнѣйшую благодарность за новый знакъ милости[2]) вашей, оказанной въ оставленіи меня при домѣ моемъ въ то время какъ многія офицеры потребованы къ своимъ мѣстамъ, съ другой же стороны дабы не употребить въ зло благоволенія вашего, но наивящше сдѣлатся оного достойнымъ, честь имѣю донести Вашему Сіятельству, что по всегдашней моей къ службѣ ревности и усердію, я никакими обстоятельствами отъ исполненія должности моей отвлеченъ быть не могу, а потому если присутствіе мое при полку можетъ быть нужно и сходственно съ волею Вашего сіятельства, то я себѣ за честь поставлю, преимущественнѣе быть тамъ, гдѣ долгъ сына Отечества и вѣрноподданнаго меня требуетъ.

Удостойте ваше Сіятельство милостивымъ принятіемъ сіе мое письмо, я же готовяся исполнить все то, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, препоручаю себя во благоволеніе Ваше и пребыть имѣю — и прочее какъ водится.

1789.

Правду говоритъ пословица: годъ на годъ не приходитъ, а которой дошелъ, того не миновать, но не только годъ, каждой день несетъ съ собой свои заботы, труды, печали и — радости. И все ето происходитъ отъ непостоянства нашихъ мыслей, нашихъ желаній. Что дѣлаешъ сегодня съ удовольствіемъ, за тоже не хочешь и принятся на завтра. Къ чему не обращалъ вчера никакого вниманія, о томъ сегодни тужишъ. Согласимся съ царемъ Давидомъ: „что всякъ человѣкъ есть ложь и всѣ мы вообще всуе мятемся". Справедливо вѣщалъ Маркъ Аврелій, говоря: „Дни сего заря не есть дня вчерашняго и за утро тойже не будетъ". Но сколько мы о семъ разсуждать не станемъ, никогда не проникнемъ естества случаевъ на насъ находящихъ и будемъ всегда жить согласно съ симъ вещей порядкомъ, не смотря на всю человѣческую хитрость. Положивъ сіе примѣчаніе заглавіемъ наступившему году, приступимъ къ продолженію повѣсти.

× Въ началѣ генваря получилъ я отъ дяди бар(она) Стро(ганова) у(нтеръ) о(фицерскій) паспортъ, для Павлуши, подписанный 29 Декабря изъ Конной гвардіи. Я глядѣлъ на етотъ подарокъ какъ на дѣтскую игрушку. Павелъ мой еще сосалъ грудь, и уже былъ записанъ въ службу. Случай въ наше время не новой, но для меня весьма противной потому, что онъ нарушалъ доброй порядокъ и могъ назваться непростительною шалостію тогдашняго навыка. Но что будешь дѣлать съ женщинами?

---

[1]) См. № 6, стр. 50.
[2]) См. тамъ же.

ихъ власть надъ нами полномочнѣе самихъ скиптровъ. Женѣ моей очень захотѣлось его записать куда нибудь, потому что какъ сказано уже въ одномъ мѣстѣ, гвардія была вмѣстилищемъ всѣхъ дѣтей дворянскихъ, и не рѣдко еще до родинъ благородной дамы, знакомой кто либо изъ начальниковъ „гвардейскихъ" полковъ съ удовольствіемъ давалъ ей паспортъ для будущаго сына ея впредь до окончанія наукъ, въ которомъ оставалось мѣсто для имени, и оно вносилось послѣ родинъ, а въ случаѣ рожденія дѣвочки, паспортъ отдавался назадъ къ уничтоженію. Такія проказы были очень не рѣдки. Я инымъ словомъ этаго назвать не могу, да и что за малодушіе! Торопится нахватать чиновъ. На что они безъ заслугъ? бремя самое тяжкое; — но противъ обычая никакая философія не дѣйствуетъ — такъ и здѣсь, Евгенія, получа сыну паспортъ восхищалась до крайности. Сшила ребенку мундиръ атласной съ галунами, и по праздникамъ, когда кормилица выносила его въономъ въ наши покои, сердце у матери прыгало отъ радости.

Кто же записалъ Павлушу? Подивитесь. Бабары(кинъ)[1]), тотъ самой которой житья мнѣ не давалъ въ Семено(вскомъ) полку. Переведенъ будучи въ прошедшемъ годѣ изъ Семен(овскаго) въ конной полкъ гвардіи, и сдѣлавшись старшимъ его начальникомъ за отсутствіемъ подполковника, онъ пересталъ уже на меня сердится и предъ отъѣздомъ моимъ въ Москву совершенно мы съ нимъ не только помирились, но еще онъ такъ полюбилъ жену мою, что почти безъ ходатайства, самъ собственнымъ своимъ побужденіемъ ее потѣшилъ и записалъ Павлушу квартермистромъ въ свой полкъ.

Такъ что мы часто ошибаемся въ людяхъ, и не стараясь отыскивать перьвыхъ причинъ огорчительнаго для насъ поступка, приписываемъ дѣйствіе совсѣмъ не той винѣ, отъ которой оно произошло. Бабар(ыкинъ) былъ со мной грубъ, горячь, даже злобенъ, — ето правда; но лично ли ко мнѣ относились его чувствованія? Совсѣмъ нѣтъ! онъ сердился на адъютанта своего, — а не на персону; не умѣя въ дѣлѣ службы отдѣлить лица отъ чиновника. Прослужа въ арміи до пятидесяти лѣтъ, привыкъ онъ глядѣть на своего, или полковаго адъютанта, какъ на домашняго служителя. Въ полевыхъ полкахъ, особливо въ етихъ должностяхъ въ Россіи, по большей части служатъ люди низшаго воспитанія и темной породы, иногда даже произшедшія изъ холопства. Такой адъютантъ ни мало не стыдится угождать своему начальнику всякой подлой прислугой. Онъ правитъ его домомъ, расправляется съ его дворней, смотритъ за конюшней, словомъ вся комнатная полиція лежитъ на адъютантѣ[2]). Бабар(ыкинъ), думалъ что и въ гвардіи онъ отъ адъютанта полковаго тоже требовать можетъ. Будучи человѣкъ ограниченнаго ума, которому казалось, что выттить изъ себя и кричать во все горло есть долгъ военной дисциплины, онъ не могъ найтится въ обращеніи со мною. Я же, руководствуясь правилами чести, никогда не смѣшивалъ повиновенія съ порабощеніемъ, не смѣлъ ослушатся начальника, покорялся ему безъ условно въ дѣлѣ службы, впрочемъ никогда на свистъ ничей не бѣгалъ, и Бабар(ыкинъ) не могъ на мнѣ взыскать ни вины своего камердинера, ни нечистоты въ комнатѣ. Ему такое поведеніе мое не полюбилось; онъ

[1]) См. № 6, стр. 44.
[2]) См. по этому поводу замѣтки француза, опубликованныя въ № 6, „Р. Б." (стр. 57).

приписывалъ ето гордости не понимая, что тутъ ее не было ни сколько, а что всякой благородной человѣкъ не иначе бы поступилъ какъ и я. Онъ раздражался, и чѣмъ сильнѣе хотѣлъ меня переломить, тѣмъ я съ большей стойкостію противился его неумѣстнымъ прихотямъ. Вотъ отъ чего онъ меня терпѣть не могъ, пока я былъ адъютантомъ, но вышедъ изъ этой должности и не имѣя уже до него дѣла, ни такъ часто, ни такъ близко, увидѣлъ въ немъ скоропостижную перемѣну. Бабар(ыкинъ) меня полюбилъ, сталъ звать къ себѣ, ѣздилъ ко мнѣ и мы сдѣлались очень хорошими пріятелями. Есть люди съ коими все раздѣлишъ безъ хлопотъ кромѣ службы. Въ обществѣ съ ними и хорошо и весело и свободно, но чуть лишь примутся за дѣло Государево, какъ будто переродятся и волчьими зубами грысть начнутъ.

Въ февралѣ Богъ благословилъ супружество мое новымъ ребенкомъ. Желаніе мое исполнилось, и Евгенія родила 18 числа, дочь, которую мы въ честь В. К-ни назвали Марьей[1]). Жена разрѣшилась ею довольно счастливо, но при самомъ рожденіи младенца, появились признаки, по коимъ всегда надлежало опасаться слабаго ея сложенія. За день предъ родинами своими (а ето было на масляницѣ, въ самое послѣднее воскресенье), я и жена моя обѣдали въ гостяхъ у кня(зя) Цыцыянова, славнаго хвастуна и прожоры московскаго. Послѣ обѣда посадили ее въ три[2]). За картами она почувствовала нѣкоторыя сиптомы дѣторожденія, и тотчасъ поѣхали мы домой. Въ минуту явилась бабка и докторъ, но поелику боли еще не начинались, то они давъ наставленіе разъѣхались. . . . . Въ ночь она ихъ почувствовала, снова созвали бабку и доктора, и въ восемъ часовъ утра въ чистой понедѣльникъ, родился новой человѣкъ въ міръ. Естьлибъ при сихъ минутахъ мы знали какую судьбу имѣть будетъ нашъ младенецъ, какъ часто бы мы и на самыхъ счастливыхъ родинахъ, вмѣсто радостныхъ восклицаній, проливали бы горчайшія слезы. Но слава слава Богу будущее отъ насъ сокрыто. Сильное теченіе крови ослабило чрезвычайно жену мою; принуждены были обложить ее льдомъ, и въ скоромъ времени милостію Божіею, и искуствомъ врачей, она встала съ постели, и получила прежнія свои силы. Ребенокъ былъ тощъ и слабъ. Его крестили Отецъ мой и княг(иня) Цыцыя(нова)[3]), та самая, у которой жена наканунѣ обѣдала. Она по себѣ была побочная дочь Царевича Грузинскаго, и могла своимъ состояніемъ почитатся за богатую женщину въ городѣ.

Батюшкѣ не разсудилось пригласить въ кумы никого изъ родственницъ нашихъ. Въ Москвѣ ихъ было много; но выборъ палъ на постороннюю даму, съ которой мы кромѣ пріязни общежитія, никакой связи впрочемъ не имѣли. Она обходилась съ нами лучше многихъ нашихъ ближнихъ. Безпрестанно почти насъ угощала, тѣмъ заслуживала особенное наше вниманіе; да и едва не въ ея домѣ родился тотъ ребенокъ, котораго она была матерью крестной. Кому же принадлежало болѣе сіе званіе, какъ не ей? Часто родные только именемъ таковы, а по чувствамъ совсѣмъ стороннія люди. Какая польза насчитывать сотни дядей, тетокъ, и двоюродныхъ и троюродныхъ, когда никто изъ нихъ не окажетъ тебѣ

[1]) Она скончалась 20-ти лѣтъ, въ 1808 году.
[2]) Т. е. 3 листика, игра въ карты.
[3]) Варвара Егоровна, см. Капище.

участія ни въ болѣзни, ни въ печали, ни въ тѣсномъ обстоятельствѣ жизни? Предубѣжденіе обвинитъ нашъ поступокъ, — но совѣсть и разсудокъ всегда оправдаютъ тотъ выборъ, которой основанъ не на однихъ союзахъ крови и родства, но на отношеніи чистосердечной пріязни, — и такъ я мало по малу становился отцемъ семейства, — но ахъ! — ето еще не дѣлало меня ни постояннымъ, ни основательнымъ. Молодость давала мнѣ потомство, она же и заблужденіи мои усиливала. О сихъ родинахъ жены моей, писалъ я къ генер(альшѣ) Ливенъ [1]) и въ отвѣтѣ ее видѣлъ, что Ихъ Высочества, узнавъ о семъ приказали родильницу поздравить. Холодной сей знакъ участія, показывалъ ясно что у двора все на минуту по времени и случаю, — прочнаго тамъ нѣтъ ничего.

Между тѣмъ мы каждую почту ожидали изъ Питера непріятныхъ извѣстій. Дядя бар(онъ) Стро(гановъ) былъ очень боленъ. Почеркъ его коротинькихъ писемъ означалъ приближеніе къ концу. Марта 16-го онъ пересталъ жить, и мы съ сокрушеннымъ сердцемъ получили печальное о томъ увѣдомленіе съ нарочнымъ. Весь домъ нашъ искренно его оплакивалъ. Сколь ни приготовлены мы были къ ожиданію сей потери, но при объявленіи объ оной Матери моей, всѣ силы душевныя ей измѣнили, и она чрезмѣрно грустила. Подлинно етотъ человѣкъ былъ ей другъ, и намъ всѣмъ благодѣтель. Отдавая послѣдній долгъ памяти его, обязаннымъ себя считаю оставить здѣсь нѣсколько строкъ на счетъ его характера жизни.

Бар(онъ) Стр(огановъ) одаренъ былъ отъ природы наружностію самой привлекательной. Не доживши до пятидесяти лѣтъ онъ еще былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ мущинъ въ столицѣ. Онъ имѣлъ сердце чувствительное, душу возвышенную и разумъ основательный. Будучи богатъ и уже съ молоду въ значительныхъ чинахъ, онъ ни мало сими преимуществами не гордился. Жилъ хорошо, безъ роскоши и скупаго расчета. Слабое здоровье подвергало его частымъ болѣзнямъ, а семейное положеніе тяготило добрую его душу. Онъ женился въ перьвой молодости своей на знаменитѣйшей красавицѣ своего времени дѣвицѣ Елиз(аветѣ) Алек(сандровнѣ) Загряж(ской),[2]) долго его пережившей. Страсть рѣшила его выборъ, но скоро къ несчастію онъ въ немъ раскаялся. Тетка бывъ съ нимъ въ Парижѣ занемогла и повредилась, никакія средства не могли излѣчить ея безумства. Оно годъ отъ году усиливалось, и дошло наконецъ до того, что надобно было ее запирать. Никуда выѣжжать ей было не возможно и столь жалкое ее положеніе разстроивало всю природную веселость духа барона. Онъ любилъ искренно родныхъ своихъ и когда узнавалъ ихъ недостатки всегда готовъ былъ отвращать ихъ. Многіе пенсіоны людямъ бѣднымъ свидетельствовали сколько онъ охотно помогалъ ближнимъ. Дослужась по старшинству до генер(алъ) порут(чичьяго) чина, онъ всегда принадлежалъ къ Петербургской дивизіи. До войны онъ былъ не охотникъ, но дѣло всякое умѣлъ и начать и кончить. Часто бывалъ обиженъ въ знакахъ отличія предъ своими сотоварищами и въ полков(ничьемъ) чинѣ еще получа Станиславскую ленту, принужденъ былъ носить ее же долго послѣ пожалованія въ генер(алъ) порут(чики), когда всякой имѣлъ или голубую

[1]) См. № 14, стр. 67, прим. 2.
[2]) Род. 1745, † 1831, въ Дрезденѣ.

польскую, или красную россійскую. Онъ безъ ропота переносилъ сіи униженіи придворныя, не хлопоталъ объ орденѣ Бѣлаго Орла, который давно бы данъ ему былъ, отъ польскаго двора, и наконецъ получивъ ее ни мало не возгордился. Когда онъ стоялъ съ полкомъ Новотроицкимъ Кирасирскимъ въ Варшавѣ, всѣ его любили, и по выходѣ оттуда въ Россію благословляли его добродетельныя поступки съ тамошними обывателями. Ни одинъ русской солдатъ, офицеръ, генералъ, не побывалъ въ Польшѣ безъ того, чтобъ не вывести отъ туда кучу червонцевъ и страшныя клятвы народа; одинъ можно сказать ба(ронъ) Стр(огановъ), простоявши тамъ нѣсколько лѣтъ съ коннымъ полкомъ, никого не раздражилъ, никого не обидѣлъ. По такимъ хоть не громкимъ, но всегда похвальнымъ дѣяніямъ, можно ли ему отказать въ титлѣ добродѣтельнѣйшаго мужа? Онъ былъ точно такимъ, а въ отношеніи ко мнѣ я долженъ признаться, что изъ всѣхъ моихъ родныхъ, никто мнѣ столько не оказалъ доброхотства какъ онъ, особливо въ послѣднія годы своей жизни. Онъ любилъ волочится, красота его давала ему право на счастливѣйшія страсти, но никогда онъ слабости женщинъ не выводилъ наружу и ничье имя отъ него не страшилось стыда публичнаго. Но кто безъ недостатковъ? — и онъ имѣлъ свои пороки. Насмѣшливой нравъ и язвительныя шутки часто дѣлали его несноснымъ и многихъ приближенныхъ къ нему такъ ѣдко оскорбляли, что самыя благодѣяніи его теряли всю свою цѣну, и даже обращались въ тягость. Въ шуткахъ своихъ онъ часто не щадилъ ничего святаго, хотя послѣ бурныхъ дней своей молодости, онъ сдѣлался настоящимъ христіаниномъ и умеръ сорока шести лѣтъ, напутствуемъ всѣми дарами благодати. Много способствовало къ исправленію его мыслей на счетъ религіи то, что онъ попалъ въ секту Мартинистовъ. О нихъ говорить здѣсь не мое дѣло, замѣчу только что всѣ подъ симъ названіемъ вельможи и простолюдины обращали на себя строгое вниманіе Екатерины и были ей очень не нравны. Она сама сочинила на нихъ комедіи, кои разыгрывались публично [1]). Дядя мой однакожъ не смотря на то упорно держался ихъ секты и въ етомъ случаѣ оказалъ всю стойкость своего характера. Трудно рѣшить, къ стати или нѣтъ онъ держался ее тогда такъ сильно, впрочемъ и Мартинисты его времени совсѣмъ еще не то были, чѣмъ обнаружились послѣ, и нѣтъ сомнѣнія что дядя мой вышелъ бы изъ ихъ сословія, когда бы могъ предвидить, что при перьвыхъ дняхъ сего общества. религія была одна только личина самыхъ хитрыхъ замысловъ политическихъ. Екатерина ето предвидѣла очень рано, но она была геній, а обыкновеннымъ умамъ простительно плѣнится наружностію. Обхожденіе дяди моего съ фаворитомъ и племянникомъ его Мамо(новымъ) [2]) можно также назвать нравственнымъ подвигомъ. Вотъ сокращенная біографія моего дяди. Благодарность требовала отъ меня сего отрывка, и я жалѣю что перо мое не можетъ стать въ мѣру чувствъ моихъ къ сему достопочтенному сроднику, съ которымъ я иногда имѣлъ распри; но ни мало не колеблюсь на гробѣ его признаватся, что всегда въ нихъ болѣе былъ виноватъ я, нежели онъ. Пусть сіе признаніе загладитъ всѣ мои предъ нимъ поступки. Миръ праху его и свѣтъ небесной безсмертной душѣ!!!

[1]) Извѣстная пьеса: Шаманъ, Сибирскій обманщикъ и др.
[2]) См. № IV, стр. 70.

Смертью его разрушился союзъ нашихъ семействъ. Послѣ него остались двѣ дочери и сынъ [1]). Тѣ вышли замужъ, а тотъ женился, но съ нами они сдѣлались родня по наслышкѣ, прiятели по модѣ, и забывъ насъ, доставили намъ случай предать ихъ самихъ забвенiю.

Къ огорченiю, которое нанесла Матери моей потеря роднаго брата и друга искреннѣйшаго, присоединялся еще страхъ скоро разстаться со мной и услышать можетъ быть что я наряженъ въ походъ, чего по обстоятельствамъ и ожидать было должно. Страдать въ двухъ столь нѣжныхъ отношенiяхъ несносно и Матушка плакала почти безпрестанно. Не легче было и мнѣ. Срокъ отпуска моего приближался; — жена еще не совсѣмъ оправилась отъ родовъ, какъ уже распутица принуждала меня скакать къ полку и явится на службу. Война не позволяла прибѣгать къ обыкновеннымъ средствамъ, чтобъ продолжить спокойную жизнь домашнюю. Удалятся отъ карауловъ придворныхъ не стыдно, — оставаться въ отпуску во время войны безчестно, — и такъ рѣшился я оставя жену въ Москвѣ ѣхать на сѣверъ. Много стоило намъ обѣимъ разставатся, но необходимость есть Богъ всего мiра.

Великимъ постомъ я явился въ полкъ. Перьвое попеченiе мое было навѣстить семейство покойнаго дяди. Состоянiе каждаго меня въ немъ растрогало. Люди его, любимцы, приближенные, не знали куда послѣ него и къ кому прiютится; начали дѣйствовать опекуны, тетка съ ума сшедшая не могла быть ни матерью дѣтямъ, ни госпожею своимъ слугамъ, и изъ такого богатаго, веселаго дома вдругъ очутилась пустыня. Тяжело было мнѣ видѣть столь жалостную картину.

Въ казармахъ нашихъ все въ суетѣ и зборахъ къ походу. Война съ шведами отъ часу разгоралась сильнѣе. Съ каждаго полка гвардiи велѣно было назначить по два баталiона. Одинъ долженъ былъ на сухомъ пути дѣйствовать, а другой сѣсть на галеры для десантовъ. Галернымъ флотомъ командовать назначенъ принцъ Нассау [2]), а сухопутными войсками генералъ гр(афъ) Ив(анъ) Пет(ровичъ) Солт(ыковъ) [3]). По списку я былъ осьмымъ кап(итанъ) пору(тчикомъ). Офицеровъ етаго чина было мало, а порутчи(ки) съ излишкомъ. И такъ мнѣ какъ младшему доставалось на галеры, но какъ гр. Брю(съ) не хотѣлъ въ етомъ походѣ употреблять тѣхъ офицеровъ коимъ онъ доброжелательствовалъ, то я въ нарядъ настоящаго года и не попалъ.

Ето случилось совсѣмъ безъ моего искательства, а по какому то капризу самаго графа, которому не нравилась галерная экспедицiя. Узнавши что я остаюсь при полку старшимъ кап(итанъ) порут(чикомъ) на лицо, тотчасъ писалъ къ моимъ домашнимъ о семъ распоряженiи моего начальства, и просилъ батюшку снарядя жену въ дорогу отпустить ее ко мнѣ по перьвому лѣтнему пути. Между тѣмъ какъ наши баталiоны готовились выступить, гр. Брю(съ) препоручилъ сверхъ четвертой роты въ которой, по откомандированiи капитана ее Спер(анскаго) въ походъ оставался я по росписанiю старшимъ офицеромъ, еще и осьмую роту,

---

[1]) Графъ Григорiй Александровичъ (р. 1769) и дочери: Екатерина (р. 1768), замужемъ за Нарышкинымъ и Елизавета — за Демидовымъ.

[2]) Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау Зигенъ, род. во Францiи (1743—1808). Адмиралъ русскаго флота.

[3]) Генер. фельдм. (1738 — 1805).

полковую артиллерiю и школу. Занятiи мои такимъ образомъ въ полку увеличились, и я жилъ не праздно.

Въ началѣ мая прiѣхали ко мнѣ жена вмѣстѣ съ Павлушой, а Маша осталась въ Москвѣ; Батюшка страстно полюбилъ етаго ребенка и пожелалъ ее воспитывать у себя, — а мы прежнимъ порядкомъ основали свое житье въ полковомъ нашемъ домикѣ, и проводя баталiоны въ походъ, почувствовали около себя большую пустоту, не къ кому было иттить, не кого было звать по сосѣдству къ себѣ на вечеринки.

Забегу немножко впередъ, чтобъ упомянуть здѣсь о такомъ случаѣ, которой никогда изъ памяти моей не выйдетъ по странности своей. Солдаты наряжались на галеры со всѣхъ ротъ, и мнѣ поручено было отобрать до шестидесяти человѣкъ изъ осьмой. Назначенiе мое было самое роковое. Всѣ кого я ни внесъ въ списокъ погибли. Лодку на которой они посажены были взорвало на воздухъ, ни одинъ не спасся. И такъ, я былъ прикомандированъ къ этой ротѣ на нѣсколько можно сказать часовъ только для того, чтобъ выбрать шесдесятъ жертвъ. Пусть говорятъ послѣ что нѣтъ судьбы. Разсудокъ ее отвергаетъ, но все въ чувствахъ нашихъ и событiяхъ доказываетъ, что есть какой то слѣпой случай, который мiромъ правитъ и называется рокъ!!!

По прiѣздѣ моемъ въ Петербургъ Бабар(ыкинъ) новой оказалъ мнѣ знакъ благосклонности своей. Онъ повысилъ моего Павлушу въ чинъ вицъвахмистра, а мать нашила ему еще галунъ на атласной его синiй халатъ.

Адъютанская должность прiучила меня къ зрѣлищу физическихъ наказанiй, а нынѣ я въ перьвой разъ имѣлъ случай писать гражданской приговоръ по военному суду. Тогда долгъ службы требовалъ, чтобъ я лично отправлялъ полковыя экзекуцiи. Въ перьвой разъ, когда я видѣлъ какъ солдата гонятъ сквозь строй, мнѣ сдѣлалось дурно и меня вывели изъ фрунта. Послѣ, я такъ приглядѣлся къ етому, что часто ѣжжалъ вдоль фрунта, когда сквозь ряды его бѣгалъ преступникъ и еще серживался на солдатъ, кои хлестали лозами воздухъ, а не тѣло. Вотъ что дѣлаетъ механическая привычка въ человѣкѣ. Нынѣ новаго рода встрѣтился со мною случай. Одинъ солдатъ укралъ образъ и былъ судимъ. По наряду довелось мнѣ быть ассесоромъ. Наши суды обыкновенно были скоры и рѣшительны. Его приговорили къ кнуту, и я подъ сентенцiей [1]) приложилъ съ прочими руку по одной слѣпой довѣренности къ старшимъ чинамъ суда, ни мало не разумѣя самъ еще ни силы законовъ, ни степени въ какой они должны быть прилагаемы къ винѣ и виноватому. Я точно такъ сидѣлъ въ судѣ какъ ходилъ на караулъ. Мнѣ подали толстую тетрадь: не читая я ее подписалъ, и ето былъ почти смертный приговоръ мнѣ подобному. Опыты одни прiучаютъ насъ уважать напастью ближняго, но въ двадцать лѣтъ какая голова еще? Какiя соображенiи! — все машинально, — все по принятому обряду и безъ размышленiя. Счастливо для судьбы человѣческой, что приговоры гвардейскихъ военныхъ судовъ отсылались на ревизiю къ генералъ-аудитору [2]), который выбирался всегда изъ юрисконсультовъ опытныхъ, и онъ не допускалъ ни ошибокъ, ни излишней жестокости; а безъ того какъ бы можно было положится на наши сентенцiи. Всѣ мы были люди молодые,

---

[1]) Постановленiе военнаго суда.

[2]) Должность ген.-аудитора введена Петромъ I. Это постоянный юристъ при полку. Въ походѣ онъ начальникъ канцелярiи главнокомандующаго.

безъ свѣдѣнія о законахъ, о силѣ ихъ и существѣ, и хотя судили безпристрастно, т. е. безъ даровъ, безъ снисхожденія къ лицамъ, не оскверняя себя никакимъ поползновеніемъ къ корысти, — да и что взять съ солдата? При всемъ томъ однако сколько могли мы съ самымъ честнымъ расположеніемъ надѣлать вреда подсудимому отъ однаго незнанія. Я только одинъ етотъ разъ былъ призванъ къ такому непріятному упражненію, — и слава Богу!!!

По пріѣздѣ нашемъ мы отправили визитъ въ Павловское, — имѣли счастіе быть благосклонно приняты у Ихъ Высочествъ, и все лѣто потомъ провели наипріятнѣйшимъ образомъ, хотя и безъ театровъ. Гр. Стро(гановъ) [1]) другой дядя мой, и братъ двоюродной Матери моей, о которомъ упоминалъ я въ предшествовавшихъ годахъ, имѣлъ прекраснѣйшую дачу на малой Невкѣ противъ Каменнаго Острова и на лѣто перевозилъ туда все свое семейство. Оно состояло изъ одной дочери, малолѣтней графини, хитрой ея надзирательницы и любезной ея дочери [2]). Сверхъ сихъ неразлучныхъ особъ у графа жили на дачѣ многія иностранцы и благородныя люди, коимъ достатокъ ихъ не позволялъ съ такой нѣгой жить дома, съ какой они угощались тутъ. Самъ графъ большой частію времени живалъ въ Сарскомъ Селѣ при Государыни и наѣжжалъ только въ свою дачу, чтобъ иногда воспользоваться въ ней воздухомъ, и простымъ загороднымъ обращеніемъ. Дача имѣла всѣ возможныя прелести, домъ прекрасной, не большой, но удобной для всякаго рода сельскихъ забавъ и построенъ на самомъ берегу рѣки. У пристани всегда готовы были шлюбки для желающихъ за чѣмъ либо съѣздить въ городъ, до котораго не далѣе было четырехъ верстъ водою. Садъ большой аглинской въ новѣйшемъ вкусѣ; — таратайки, колясочки, линейки, верховыя лошади, всего было много и во всемъ довольство. Безъ графа какъ и при немъ хорошій столъ, угощеніе простое но доброхотное; общество домашнихъ весьма любезное. Самъ хозяинъ былъ изъ тѣхъ людей, кои по характеру любятъ веселить и веселиться. Онъ страстно любилъ художества и всѣ искуства и всегда былъ окруженъ артистами. Приличіи требовали отъ него, чтобъ онъ иногда, въ угодность Екатеринѣ, давалъ ея Сарскому Селу преимущество предъ своимъ замкомъ, но когда пріѣжжалъ къ себѣ, наслаждался и другимъ доставлялъ разныя веселости. Онъ имѣлъ привычной характеръ, не охотно разставался съ тѣми, кои какъ нибудь втерлись въ домъ его и стали въ немъ на хорошую ногу. Для насъ онъ въ етотъ годъ замѣнилъ дядю барона и отмѣнно полюбя жену мою, предложилъ намъ провести все лѣто на его дачѣ. По нашему небогатому состоянію такое предложеніе было очень выгодно, — полковыя должности не требовали безпрестанно моего присутствія въ городѣ. Я испросилъ дозволенія у графа Брюса переѣхать на дачу, и съ женой, съ Павлушой, съ малымъ числомъ нашихъ слугъ мы перебрались за городъ. Графъ отстроилъ недавно особый домикъ очень пригожій, въ которомъ намѣревался покойной дядя дѣлить время съ двоюроднымъ своимъ братомъ. Етотъ флигель назначенъ хозяиномъ для насъ, и мы въ немъ очень удобно расположились.

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ (1734 — 1811).

[2]) О нихъ, см. № III, стр. 64. Жена графа, Анна Михайловна, урожд. Воронцова, † въ 1769 году бездѣтною; въ 1771 г. онъ женился на кн. Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой, отъ которой имѣлъ сына Павла. Біографы графа нигдѣ не говорятъ о его дочери.

Здѣсь мы жили во всякомъ изобиліи. Уединенно и вмѣстѣ съ людьми. По утрамъ я читалъ, писалъ стихи, жена занималась своими упражненіями. Малютка нашъ рѣзвился въ саду. За обѣдомъ мы сходились всѣ въ общую залу. Тамъ малолѣтная графиня, мадамъ, и мамзель de la Villeauxcleres [1]), съ дружелюбіемъ и самой тонкой вѣжливостію обходились съ нами. Днемъ мы гуляли, ѣжжали по сосѣднимъ садамъ и рощамъ и, напившись чаю въ вечеру, въ обыкновенной круговенкѣ рѣзвились, играя въ разныя деревенскія игры, иногда по Невѣ катались на шлюбкахъ, а часто и въ театръ городской ѣжжали въ графскую ложу, взглянуть на какую нибудь отличную комедію. Словомъ, мы провели все лѣто наипріятнѣйшимъ образомъ. Когда нужды полковыя требовали меня къ моимъ должностямъ, я въ нѣсколько минутъ, на легкомъ ботѣ переплывалъ прямо къ полковому двору и, отправя свои обязанности возвращался къ моему тихому убѣжищу. Я не солгу, когда скажу что не было въ жизни моей лѣта пріятнѣе настоящаго. Чѣмъ больше графъ привыкалъ къ намъ, тѣмъ сильнѣе оказывалъ намъ свое доброжелательство и ласки, и мы ни отъ кого не имѣли ни малѣйшаго неудовольствія.

Мало по малу и сюда вкралась роскошь. Отъ нее трудно въ большихъ городахъ остеречся. Она во всѣ заставы разливается на окрестности. Графу захотѣлось отворить свой садъ, для прогулки простому народу по воскреснымъ днямъ. Съ начала ходили немногія; но скоро вошли во вкусъ, стали пріѣжжать и въ каретахъ. Кучки сдѣлались толпами. Графъ радовался что гуляньи у него входятъ въ моду, намостить велѣлъ полы въ шатрахъ, будто для одной защиты отъ ненастья. Потомъ приводить стали туда по три скрыпки, средняго состоянія гуляки привыкли по маленьку въ етой залѣ плясать сперьва по русски, по цыгански, а потомъ мастеровыя нѣмцы и французы образовали своими кружками разныя свѣтскія танцы. Дошло дѣло до контретанцевъ. Къ ремесленникамъ присоединились люди всѣхъ сословій и дамы и мущины большаго свѣта полюбили съѣжжатся на графскія прогулки. — Евгенія предложила по воскресеньямъ давать настоящія балы. Мысль эта хозяину понравилась; онъ ожидалъ только на ето сторонняго вызова. На все лѣто нанята наша Семеновская роговая музыка [2]), лучшая во всемъ городѣ и оркестръ скрипачей. Въ залѣ начались балы по формѣ, а для народа въ другихъ мѣстахъ цыганки, плясуны, пѣсенники и обыкновенныя ихъ устроились забавы. И такъ, воскресныя дни нечувствительно обратились въ великолѣпныя праздники. Весь городъ стекался въ садъ гр. Стро(ганова). — Домъ и алеи все было наполнено народу. Нева покрывалась шлюбками и ботиками около пристани. Мы всѣмъ етимъ наслаждались даромъ; хозяину каждое воскресеніе стоило до пяти сотъ рублей; и скоро славная дача Нары(шкина) [3]), въ которой воскресныя гуляньи отъ самыхъ давнихъ поръ учреждены были, уже не смѣла выдержать совмѣстничества съ дачею гр. Строг(анова) [4]). Такъ то провели мы все лѣто безъ заботъ и въ полномъ увеселеніи.

---

[1]) См. „Капище".

[2]) Роговая музыка изобрѣтена Семеномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ въ 1781 г. Оркестровалъ ему піесы придворный музыкантъ Марешъ.

[3]) Извѣстная „Красная Мыза", на Петергофской дорогѣ.

[4]) На Выборгской сторонѣ.

Молодость ищетъ забавъ вездѣ и во всякое время. Воротясь въ началѣ осени на житье въ городъ, мы чувствовали большую разность съ житьемъ на дачѣ. Тамошнія удовольствіи намъ ничего не стоили, городскія, напротивъ, требовали издержекъ, кои превышали наши доходы. Состояніе наше было тонко и не позволяло намъ по прежнему кидаться въ самой большой свѣтъ, хотя батюшка ни въ чемъ намъ не отказывалъ и больше положеннаго готовъ бы былъ пересылать, — но его достатокъ очень былъ ограниченъ, — долги обремѣняли его имѣніе, онъ стѣсняя себя удовлетворялъ нашимъ издержкамъ въ той мѣрѣ, въ какой ставила ихъ самая необходимость, потому что домъ содержать въ Петербургѣ уже стоило и тогда большой цѣны. Евгенія женщина была умѣренная въ своихъ расходахъ. Прихотей у нея было мало; — въ расточительности я ее не могу упрекнуть, но самъ я былъ мотъ по склонности и безъ всякаго понятія о домостроительствѣ, такъ что не умѣлъ придумывать никакого расчета економическаго. Недостатокъ часто вынуждалъ меня изъ осьми фраковъ закладывать семь, въ самой ничтожной цѣнѣ, за высокія проценты ростовщику для того, чтобъ купить ими четверть овса лошадямъ, или муки для людей, и оставляя на себѣ одинъ кафтанъ мѣнялъ его на другой у того же ростовщика, когда встрѣчалась нужда перемѣнить одежу. Изъ етаго маленькаго обращика увидятъ, что я испыталъ самыя горькія приступы убожества, но благодаря Бога никогда не ро652палъ и, будучи веселаго нрава отъ природы, переносилъ смѣючись всѣ свои нужды.

Правда, что они еще не доходили въ нынешнемъ годѣ до крайности жестокой. Малой капиталъ женнинъ состоящій въ шести тыся(чахъ) руб(лей) уменьшался постепенно. При настоятельномъ случаѣ мы брали нѣсколько денегъ изъ онаго на прожитокъ, и ломбардъ скоро поквитался съ нами во всей суммѣ. Сверхь того мы продавали тѣ изъ женниныхъ вещей, кои менѣе ей были нужны и способствовали одной суетной роскоши. Сими деньгами мы возобновляли по временамъ наши силы и могли еще ровняться съ прочими въ наружномъ содержаніи нашего дома. Только было намъ и надо. Замѣтимъ, что при всѣхъ моихъ изворотахъ, сколько бы я ни нуждался, но обмануть, солгать, не заплатить, казалось мнѣ всегда такимъ ужаснымъ стыдомъ, что я ни на какой худой поступокъ не смѣлъ отважится, и кредитъ мой былъ надежнѣе многихъ достаточныхъ моихъ сверстниковъ. Главная издержка во всякомъ семействѣ столъ насъ почти не обремѣняла, потому что мы рѣдко его держали, и по большей части обѣдали у Щербат(овыхъ)[1]), или у родныхъ. Иногда принимали къ себѣ гостей, но очень рѣдко и для того только, чтобъ не прослыть вовсе скаредными. Насъ посѣщали люди порядочныя и извѣстныя. Разъ въ недѣлю принимали мы на вечеринку Щерб(атовыхъ), Мол(чановыхъ)[2]), съ которыми жена и я были въ тѣсной связи пріязни, Арб(еневыхъ), Баба(рыкина), гр. Стро(ганова) и нѣсколько молодыхъ людей наилучшаго поведенія; ибо мы въ етомъ очень были разборчивы. Домъ нашъ хотя и не имѣлъ избытковъ, однако привлекалъ многихъ потому, что всегда было у насъ весело. Обходились мы просто, дружелюбно, искренно, и Евгенья прелестью своею умѣла все вокругъ

1) См. № II, стр. 75 и № V, стр. 109.
2) См. № II, стр. 75, прим. 2.

себя пленять. Ета женщина имѣла нѣчто очаровательное, которое заставляло давать обществу ее преимущество предъ прочими особами ея пола.

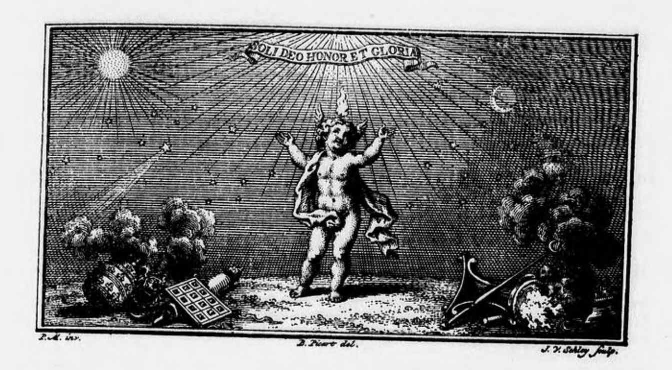
Такъ проводили мы всю осень, стараясь общими силами о томъ только, чтобъ менѣе скучать. Знаю, что многія прочтя ету страницу, станутъ пожимать плечами и укоряя меня говорить. „Вотъ таково-то брать жену безъ состоянія и подвергатся вмѣстѣ съ нею бѣдности". Упрекъ справедливой, но меня бѣдность не огорчала. Я умѣлъ переносить ее, и Богъ благодѣющій мнѣ во всѣхъ трудныхъ переворотахъ жизни далъ мнѣ силу въ духѣ сносить убожество безъ гнѣва и досады. Я никогда не дорожилъ богатствомъ, — вѣрьте мнѣ милыя мои дѣти, что оно одно составить счастія нашего не можетъ. Мнѣ никогда не приходило на мысль посѣтовать о томъ, что родители мои не приготовили мнѣ широкаго наслѣдства. — Воспитаніе которое они мнѣ дали, совѣты моего отца, нѣжность моей матери, общія ихъ сердобольныя поступки со мной отъ самой юности моей суть такія сокровища, кои я ставлю выше всякаго богатства въ свѣтѣ, и благодарность моя переживетъ ихъ и самаго меня. Дай Богъ чтобъ нѣкогда и вы надъ прахомъ моимъ также отозвались объ насъ.

Сынъ нашъ Павелъ былъ тогда зѣница нашего ока и превлекалъ къ себѣ всѣ наши попеченіи. Мы разсудили привить ему оспу[1]); думали о томъ долго, колебались, и наконецъ рѣшились поручить его находившемуся при Смольномъ монастырѣ доктору Стренгу. Онъ взялъ его на свои руки, и по случаю налагаемыхъ для сихъ болѣзній карантиновъ, кои запрещали ѣздить ко двору шесть недѣль, дабы оспа, или подобныя дѣтскія прилипчивыя болѣзни не пристали къ В. Князьямъ, мы своего Павлушу отпустили съ надежной его мамой и работной женщиной на квартеру къ доктору, гдѣ онъ продержалъ ребенка до выздоровленія его. При семъ предстояло гораздо сильнѣе испытаніе нашей твердости; ни жена ни я не знали порядочна ли была на ней оспа. Всѣ мои справки не открыли мнѣ ничего. У двора етаго не знали, надзирательницы Смольнаго не помнили, а мать въ деревнѣ также о семъ позабыла. Евгенія не могла утерпѣть, чтобъ не посѣщать сына своего ежедневно, и подверглась бы нечаянной оспѣ, если на ней ее не было. Ето насъ обѣихъ страшило. Она не дорожила пригожествомъ, но потеря ея была бы не возвратна для меня. Въ такомъ раздорѣ мыслей она показала опытъ твердости характера своего и предложила, чтобъ вмѣстѣ съ Павлушей привили оспу и ей. Мысль ея была правильна. Если на ней оспа была, то снова не пристанетъ, если она ее неимѣла, то прививная надежнѣе и спасетъ ее отъ жестокости натуральной, которой никто не избѣжитъ; и такъ, помолясь Богу, въ одинъ и тотъ же день докторъ Стренгъ привилъ оспу и матери, и сыну. — Жена ничего не почувствовала, и операція сдѣлалась тщетной, — тѣмъ не меньше успокоились мы на счетъ своей боязни и неизвѣстности, а на сынѣ оспа принялась очень благополучно и была весьма сильна; но въ самыя критическія дни ея ребенокъ занемогъ вдругъ кровавымъ поносомъ и въ тоже время стали у него рѣзатся зубы. Столь много немощей переносить вдругъ тяжело и совершенному возрасту. Каково же было двухлѣтнему младенцу переработать такія жестокія волненіи въ физикѣ?

×1) Тогда имп. Екатерина только что ввела изобрѣтенное англичаниномъ Дженнеромъ оспопрививаніе, сдѣлавъ его сперва себѣ и своимъ внукамъ.

Ето все такъ его свернуло, что самъ докторъ не обнадеживалъ почти въ его жизни. Мы съ женою доходили до крайнихъ предѣловъ горести, плакали, тужили, считая, что Богъ потребуетъ отъ насъ сей многоболѣзненной жертвы, и даже начинали боятся провѣдывать о немъ, ожидая всякую минуту, что намъ придутъ сказать о смерти нашего младенца. Но кто какъ Богъ! Гдѣ отчаявается человѣкъ, тамъ Его всесильная рука дарствуетъ помощь и отраду. По благости Провидѣнія, и потомъ постоянными трудами добраго доктора и неоцененной нашей мамушки нѣмки, Павлуша освобожденъ отъ опасности, сталъ поправлятся въ силахъ и выздоровѣлъ совершенно. Оспа съ него сошла очень благополучно и послѣ шести недѣль, или почти двухъ мѣсяцевъ, привезли къ намъ ребенка свѣжинькаго, здороваго. Какъ описать наши восторги? Мать и я мы съ рукъ его не спускали, и всякою минуту имъ любовались. Тяжко пострадали чуства наши во время его болѣзни. Тутъ мы въ первой разъ узнали, что такое сердце ноетъ.





Участь моя съ молоду красна была со всѣхъ сторонъ, — все мнѣ благопріятствовало, не рѣдко, что для другихъ производило потери, то мнѣ обращалось въ выгоду. Такъ напримѣръ: нельзя не замѣтить, что обстоятельства настоящей войны, кои у многихъ отнимали повышеніе, — меня, напротивъ, безъ заслугъ къ оному приближали. Компанія шведская въ нынешнемъ лѣтѣ ничего почти не произвела значительнаго на сухомъ пути, за то на морѣ прославились наши войска. Принцъ Нассау съ галерами, далъ знаменитыя два сраженія и одержалъ достопамятную побѣду надъ непріятелемъ [1]). Вторыя баталіоны гвардейскихъ полковъ чрезвычайно отличились. Многія офицеры особенно рекомендованы и всѣ удостоены повышеніемъ въ чины. Многія, кои видѣли равнодушно нарядъ младшихъ своихъ товарищей въ походъ трудной и необычайной, ибо кромѣ опасностей сраженій не всякой привыкъ переносить жизнь морскую, начали малодушничать и роптать, что должны были уступить старшинство младшимъ офицерамъ и стать ниже ихъ въ спискахъ; я же напротивъ, былъ столько счастливъ, что меня никто не обошелъ. Всѣ капитаны, поручики, вышедшія въ тотъ годъ въ походъ были меня старѣе, слѣдовательно повышеніе ихъ не только не вредило моему старшинству, но еще приближало меня къ первымъ рядамъ будущаго производства. Счастливая игра фортуны, которая еще мнѣ тогда покровительствовала.

Зимой всѣ полки воротились въ Петербургъ, и по обыкновенію столичныхъ городовъ, начались вездѣ балы и праздники. У двора Ихъ Высочествъ, однако, не было никакого собранія по уваженію войны. Похвальное вниманіе къ человѣчеству. Потомство наше конечно пристыдитъ насъ, что при такъ называемыхъ просвѣщенныхъ нашихъ нравахъ, бояра русскія, не смотря на скромность самаго двора, давали балы и ѣжжали на нихъ тогда, когда съ двухъ сторонъ Россія угнетаема была

[1]) Побѣды при Роченсальмѣ и въ Выборгскомъ заливѣ.

войною. На Черномъ морѣ тѣснили ее Турки, на сѣверѣ Шведы. Не проходило недѣли чтобъ не поражали столицу слухи о комъ нибудь убитомъ или раненомъ. Во время морскихъ сраженій стеклы дрожали въ Сарскосельскомъ дворцѣ отъ звука пушечныхъ выстрѣловъ, кои по морю, не очень въ дальнемъ разстояніи отъ города, шибко сотрясали твердь воздушную. Что Екатерина не робѣла и сохранила присутствіе духа при такой опасности, ето дѣлаетъ ей безсмерную славу — ето есть отпечатокъ твердаго ея характера. Таковъ долженъ быть духъ вѣнценосца! Но что вельможи всю зиму плясали и утопали въ забавахъ, къ чему иному ето отнести какъ не къ одной постыдной холодности? Пріятно ли называть своимъ отечествомъ, и по одному сему громкому названію прилѣплятся къ такой странѣ въ которой всѣ жители окружающія престолъ забавляются, тогда какъ самая лучшая и цвѣтущая часть дворянства, за спасеніе оставшихся домочадцевъ своихъ обогряетъ поля своею кровію? Гдѣ же признаки того просвѣщенія коимъ мы такъ хвалимся? Волтеръ слыветъ безбожникомъ и былъ таковъ. Большая часть сочиненій его наполнена зловредныхъ толковъ для совѣсти непородной, но при настоящемъ случаѣ не худо бы было послѣдовать справедливому поученію:

Dans nos jours passagers de peines et de misères
Enfans du même Dieu, vivons du moins en frères
Aidons nous l'un à l'autre à porter nos fardeaux
Nous marchons tous courbés sous le poids de nos maux.

Не тщетно можно уподобить человѣка просвѣщеннаго нашего времени гнилушкѣ которая свѣтится въ потьмахъ. О какъ наши поступки, правила, мысли не сообразны еще съ совершеннымъ и полезнымъ просвѣщеніемъ!!!

Зять мой гр(афъ) Ефим(овскій) [1]), истощивъ снисходительность своего начальства, послѣ трехлѣтняго отпуска, пріѣхалъ наконецъ и съ сестрой моей на житье въ Петербургъ и началъ служить въ Измайловскомъ полку. Они жили на нанятой квартерѣ. Мы часто видались, общество ихъ составилось изъ нашего, и мы съ удовольствіемъ дѣлили между собой зимнія большія вечера. Надобно изъяснить какъ могъ офицеръ гвардіи быть три года въ отпуску. Ето часто случалось въ нашихъ полкахъ. Офицеръ попросится въ отпускъ на три года или на два подъ предлогомъ отъѣзда въ чужіи краи. Государыня всегда соизволяла на подобныя отпуски. Безъ докладу ей нельзя было отпускать офицера на полной годъ (хотя съ отсрочками по нѣскольку лѣтъ продолжались отлучки), и потому о продолжительныхъ отпускахъ полкъ доносилъ Государынѣ, и всегда получалъ Высочайшее разрѣшеніе. Между тѣмъ офицеръ вмѣсто чужихъ краевъ, отправясь въ Москву жилъ тамъ безъ съѣздно, и ѣздилъ въ клубъ и маскарадъ. Точно такъ выжилъ и зять мой три года сряду, въ Москвѣ. Подобное позволеніе давалось сержантамъ подъ тѣмъ же предлогомъ; изъ отпущенныхъ на такія сроки, никто не терялъ своего старшинства. Чины шли своимъ порядкомъ, и часто случалось что сержантъ уѣхавшій въ отпускъ, возвращался къ полку уже порутчикомъ, а иногда и выше. Наличные офицеры не могли етимъ обижатся, тѣ у

[1]) См. № III, стр. 87, прим. 1.

нихъ ничего не отнимали, ибо со дня отпуска они выходили изъ комплекта, слѣдовательно ни жалованія ни ваканцій одинъ у другого не перебивалъ. Война шведская — прекратила сіе злоупотребленіе. Въ докладахъ 1790 года, повелено было всѣхъ неявившихся къ полкамъ, обойтить, но и тутъ явился подборъ. Какой законъ ему не подверженъ! Начальники полковъ обходили тѣхъ, кого хотѣли, прочимъ же препоручали разныя вымышленныя коммисіи отъ полку, и подъ видомъ оныхъ, выпускавъ безсрочныя ордера, потворствовали безпорядку: но не будемъ слишкомъ строги къ другимъ: — Всякой ищетъ своей пользы. Припомнимъ здѣсь французской стишокъ обращенной къ женскому полу:

Tel glose hélas! sur vos faiblesses, qui brûle de les partager.

Фортуна женщина. Ето привѣтствіе ей болѣе всѣхъ принадлежитъ. Мы бранимъ ея слѣпоту когда она наноситъ намъ огорченіи, но хвалимъ получая что нибудь полезное. Фортуна, или слѣпой случай есть источникъ всѣхъ злоупотребленій, ибо прихоти не всегда согласны съ заслугами; отъ того и называется случайнымъ, человѣкъ одаренный наградами безъ заслугъ. Счастливымъ въ обществѣ почитается обыновенно тотъ, кто безъ подвига сравненъ съ дѣлателемъ добрымъ, и такъ всякое отличіе оказанное человѣку недостойному онаго, не есть ли злоупотребленіе? — Но когда мы сами вкушаемъ плоды его, то крѣпко зажимаемъ ротъ и молчимъ. Ето размышленіе пришло мнѣ очень къ стати. Писавши его, я вижу предъ собой ордеръ ребенку моему Павлу по которому онъ не только повышенъ въ вахмистры, но даже и поверстанъ въ списокъ служащихъ; слѣдовательно уже отнимать будетъ съ нынѣшняго дня старшинство, у такихъ людей, кои послѣ его запишутся въ полкъ, хотя бы и въ двадцать лѣтъ были отъ роду. Г. Бабар(ыкинъ) [1]), полюбя насъ, очень нѣжно доставилъ намъ ето удовольствіе въ концѣ настоящаго года. Какъ отецъ я радовался и малодушничалъ, — но какъ членъ общества я не могъ похвалить такой обидной и пустой прихоти. Но кто соглашалъ сердце съ разсудкомъ? Послѣдній почти всегда съ разсудкомъ? Послѣдній почти всегда въ покорныхъ случаяхъ у перьваго.

Лѣтнія увеселеніи на дачѣ вскружили голову любезному старичку гр(афу) Стро(гонову) [2]) и ему захотѣлось поставить у себя въ комнатахъ маленькой театръ, на которомъ перьвыми дѣйствующими лицами были разумѣется жена и я, не по особеннымъ нашимъ дарованіямъ, а потому что онъ къ намъ привыкъ. Изъ всѣхъ зрѣлищъ которыми въ теченіи зимы его забавляли примѣчательнѣйшимъ была опера Нина мы ее сыграли въ день его имянинъ 23 ноября. Надобно сказать сперьва, что во всемъ французскомъ оперномъ театрѣ, нѣтъ произведенія подобнаго Нинѣ. Кто етой оперы не знаетъ? Кто не восхищался ею отъ самаго Парижа до нашихъ ледяныхъ рѣкъ? Кто не пѣвалъ изъ нее чего нибудь? Имя сочинителя ее мнѣ неизвѣстно. Музыку сложилъ Далейракъ [3]) и по ней будетъ безсмертенъ въ музыкальной своей собратіи. Роль

[1]) См. № VI, стр. 44, пр. 1.
[2]) См. № III, стр. 64, прим. 3.
[3]) Dalayrac или Nicolas d'Aleyrac, знам. франц. композиторъ, род. 1753, ум. 1809 г. Его одноактная опера Нина въ 1-й разъ была представлена въ Парижѣ 5 мая 1786 года съ большимъ успѣхомъ въ театрѣ Comédie Italiènne. Слова написаны Marsollier.

Нины есть интереснѣйшая на театрѣ — она отъ любви сошла съ ума, и любовію же приходитъ въ разумъ. Играть ее неразсказаемо трудно. Въ Парижѣ представляла Нину славная du Gazon [1]). Говорятъ о ней что она была превосходна, и что недѣли двѣ передъ тѣмъ какъ играть, она ѣздила въ безумныя домы наглядыватся на женщинъ поврежденныхъ, чтобъ примѣнить свою игру къ натурѣ. Она плѣнила, изумила Парижскую публику, и послѣ нее казалось дерзостію непростительной за эту роль принятся. Однако гр(афу) Стро(ганову) захотѣлось. Нашли жену мою способной играть Нину. Она взяла ролю, выучила, выработала, и въ теченіи двухъ недѣль явилась въ ней передъ публикой довольно многолюдной, а наипаче отборной. Всѣ бояра, иностранныя дипломаты были на етомъ спектаклѣ.

Евгенія не безъ робости выступила въ такой прославленной роли; но когда она пропѣла извѣстной романсъ: Quand le bien aimé reviendra побѣда была на ея сторонѣ. Всѣ ей рукоплескали, — восторгъ былъ общій. Крики браво летѣли изъ всѣхъ угловъ театра и единогласно всѣ признали, что никто въ Россіи не могъ бы такъ очаровательно блеснуть въ этой роли какъ жена моя. Всѣ актеры были къ ней удачно подобраны. Я игралъ отца, любовника представлялъ Мурав(ьевъ) онъ имѣлъ голосъ прелестнѣйшій, и теноръ его увлекалъ душу. Віоліе [2]) игралъ управителя самымъ натуральнымъ образомъ; подругу ея представляла молодая Villeauclaire [3]) со всею нѣжностію свойственной ей самой и ея роли. Оркестромъ правилъ Барт(нянскій) [4]) хоры были изъ придворныхъ пѣвчихъ. Весь спектакль произвелъ дѣйствіе прекраснѣйшее, и съ тѣхъ поръ вошло въ привычку во всѣхъ обществахъ называть жену мою la princesse Dolgo(roukoff) Nina. Я въ стихахъ моихъ также подарилъ ей вездѣ прозванье Нины. Правда что ета опера стоила ей большаго труда. Она истощила всѣ силы чувствъ и голоса. Чѣмъ простѣе казалась ея игра зрителю, тѣмъ болѣе она ее изнуряла, ибо простота здѣсь была крайнее совершенство искусства. Все въ Евгеньи соотвѣтствовало принятому ея характеру, рѣчь утомленная, голосъ нѣжной, выговоръ пріятной, походка медленная, взоръ меланхолической, нарядъ простинькой, игра безъ всякаго жеманства, все, все, было въ ней совершенно.

Почти въ одно и тоже время, играли ее еще двѣ благородныя особы. Княг(иня) Долгор(укова) красавица, Кня(зя) Вас(илья) Вас(ильевича) жена [5]) и въ Гатчинѣ Гжа Нелид(ова) [6]). Одной били въ ладоши, потому что она безподобно была хороша лицемъ и станомъ, другой изъ уваженія къ В. К — зю, которой влюбясь въ нее по уши, былъ невѣроятно порабощенъ ледящему ея лицу. Я ни той ни другой въ игрѣ не видалъ, но слышалъ отъ знатоковъ и охотниковъ, что ни одна изъ

[1]) Louise-Rosalie Lefèvre, по театру Dugazon, знамен. пѣвица, род. въ 1753 г. въ Берлинѣ, отъ родителей французовъ. Ум. въ 1871 г. Съ 8 лѣтъ была танцовщицей на сценѣ парижскаго театра Comédie Italiènne. Въ 1774 г. дебютировала въ оперѣ съ громаднымъ успѣхомъ; отличалась своимъ голосомъ, игрой и красотой.
[2]) См. № III. стр. 84, прим. 4.
[3]) См. „Капище".
[4]) См. № III, стр. 92, прим. 1.
[5]) См. № V, стр. 114, прим. 1.
[6]) См. № III, стр. 84, прим. 7.

нихъ не могла ровнятся съ моею женою. Я етому вѣрю. Тѣ обѣ ошиблись въ планѣ своей игры. — Княг(иня) Долгор(укова) старалась выказать свои прелести, и соображая съ ними каждой шагъ, была не Нина безумная, а красавица придворная на театрѣ. Нелид(ова) разсудила представить безумную въ бѣшенствѣ; Ее надобно было держать, останавливать, и она похожа была на сумазбродную запертую въ номерѣ. Евгенія напротивъ представляла меланхолическое безуміе, повредившуяся отъ любви, и въ самомъ иступленіи сохранившую свою природную нѣжность, тишину, спокойствіе, словомъ всѣ черты любви страстной и несчастной, слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія что жена моя должна была плѣнить зрителей стократно болѣе, чѣмъ ея двѣ совмѣстницы, — что и случилось на самомъ дѣлѣ.

Окончивъ настоящій годъ театральнымъ торжествомъ, я сохранилъ въ рукописи моей всѣ его подробности, дабы и въ отдаленныхъ годахъ жизни моей вспоминать о немъ съ удовольствіемъ. Многія осудятъ можетъ быть меня за то, что я такими пустотами наполняю мою исторію, и что я ни слова не сказавъ о войнѣ, политикѣ, дворскихъ интригахъ, цѣлыми листами говорю о театрѣ. Но что можетъ меня пріятнѣе занять моей Евгеніи, ея забавъ? а сверхъ того я не устану повторять что я сочиняю не лѣтопись нашего времени, что мнѣ дѣла нѣтъ ни до кого кромѣ себя, и что я упоминаю о тѣхъ только людяхъ кои имѣютъ связь съ моими собственными произшествіями. Я пишу не для того чтобы попасть сперьва подъ гнетъ печатнаго станка, потомъ одется въ нарядной или худой переплетъ, и згнить въ какомъ нибудь бронзовомъ шкапѣ. Описаніе жизни моей имѣетъ три цѣли: 1-е показать дѣтямъ моимъ что со мною случилось, дабы они подражали хорошимъ моимъ поступкамъ и убѣгали дурныхъ. 2-е Занимится съ пользой для нихъ, съ удовольствіемъ для себя и тѣмъ miscere utile dulci. 3-е Приготовить себѣ подъ старость отраду жить еще воспоминаніемъ молодости моей. Кто какъ ни разсуждай, а всегда люблю соединять съ настоящимъ память о прошедшемъ. Грустно иногда дѣлать сравненіе между тѣмъ и другимъ, но и самое сіе уныніе, имѣетъ какую то сладость. Оно преимущественнѣе тѣхъ страховъ, среди которыхъ мы ожидая чего нибудь лестнаго въ будущемъ времени, трепещемъ воображая что можетъ оно до насъ и не достигнуть. Сколь часто мнѣ случалось быть внѣ себя отъ радости, встрѣчая стараго пріятеля послѣ продолжительной разлуки, которому я могъ кинутся на шею и сказать: Помнишъ ли такой то балъ, такую то серенаду? Мы тутъ съ тѣмъ то ходили съ тою то говорили. Тутъ былъ лугъ, тамъ лѣсочикъ, мы въ немъ бесѣдовали безъ свидѣтелей. Помнишъ ли все ето? — ахъ! Я никогда безъ душевнаго восхищенія не покидалъ такой встрѣчи. Блаженъ кто цѣну ея чувствовать умѣетъ!!

За сими размышленіями мимоходомъ скажу что въ нынешнемъ годѣ, В. Князь, изволилъ быть въ походѣ въ качествѣ любопытнаго волонтера. Разумѣется что гр(афъ) Пуш(кинъ) [1]) не допускалъ его ни до какой опасности. Съ нимъ сопутствовалъ приближеннѣйшій его любимецъ Вадков(скій) [2]). Воротясь изъ Англіи, Павелъ предался любовнымъ востор-

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, см. № I, стр. 37, прим. 4.
[2]) См. № III, стр. 92, прим. 2.

гамъ. — Нелид(ова) вскружила ему голову, онъ ни о чемъ уже не думалъ какъ объ ней, замуравился въ Гатчины, прекратились всѣ съѣзды къ его двору, одна Нелид(ова) составляла его забавы, и удаляла отъ взора В. К—зя всякое лице для нее опасное, а ей страшны были всѣ женщины вообще, потому что ее дурнѣе во всѣхъ частяхъ найти было нельзя въ цѣломъ городѣ; при всемъ томъ она была очень умна; голова ее околдовала Павлово сердце. Онъ ей въ глаза глядѣлъ, и не смѣлъ изъ повеленія ея выттить. Ето удалило многихъ отъ двора Ихъ Высочествъ, въ томъ числѣ и мы почти перестали къ нимъ ѣздить. Вотъ вся Исторія связей придворныхъ; но право я о томъ не сожалѣлъ. Евгенія моя была для меня выше всѣхъ владыкъ въ мірѣ.

Вотъ какова содержанія данъ былъ ордеръ моему Павлушѣ. Ето очень любопытно; новому служивому минуло только два года.

Ордеръ

Лейбъ Гвардіи Коннаго Полку вахмистру Князю Павлу Долгорукому.

Произведены вы изъ Вицъ Вахмистровъ въ Вахмистры, и причислены въ четвертую роту, о чемъ для свѣденія вамъ и предлагаю, и позволяется вамъ пробыть домѣ, впредь до востребованія къ полку.

Ноября 11-го дня 1789-го года.

На подлинномъ подписано: Маіоръ Бабарыкинъ. (Какая фарса!!!)

1790.

По числу ваканцій въ полку, мнѣ досталось въ Новый годъ въ капитаны. На придворномъ балѣ я благодарилъ Государыню, и былъ у руки со всѣми прочими пожалованными въ чины. По новому росписанію я назначенъ былъ въ одинадцатую роту, которой уже правилъ комплектной капитанъ, слѣдовательно я изъ ротныхъ командировъ, ибо я управлялъ четвертою ротою, не смотря на повышеніе переходилъ въ команду къ равному себѣ капитану, но старѣе меня годами службы, а прежнюю роту долженъ былъ сдать подпор(учику) за отлучкою старинныхъ при ней офицеровъ. Ето показалось бы мнѣ уничиженіемъ въ другое время, но нынѣ я зналъ что оно такъ случилось, потому что уже отъ гр(афа) Брю(са) обьявлено мнѣ было готовится будущимъ лѣтомъ къ походу, и дабы не разбивать поминутно капитановъ, меня въ ожиданіи той роты, которую я долженъ былъ принять идучи въ армію замѣстили на часокъ въ чужую.

Капитанской чинъ меня очень обрадовалъ. Въ мои молодыя лѣта онъ былъ очень лестенъ; всѣ почти капитаны были меня старѣе годами, и по всей гвардіи очень мало было людей въ двятцать шесть лѣтъ, кои бы имѣли такой значительной чинъ, сверхъ того онъ имѣлъ свои преимущества, кои хотя также суетны какъ и всѣ другія отъ честолюбія происходящія, по молодости способны вскружить голову отъ радости. Капитанъ гвардіи былъ маленькой баринъ въ своей сферѣ: онъ управлялъ ротой въ полку и увольнялся отъ всѣхъ мѣлочныхъ должностей какъ то: нарядъ по очереди на полковое дежурство, съ пожарной трубой на пожаръ, или въ какую либо другую откомандировку. На караулъ ходилъ онъ только въ зимній дворецъ, и то во время присутствія въ немъ самой

Государыни, — и болѣе никуда. Тамъ онъ зависилъ отъ одного генералъ адьют(анта) и обо всемъ докладывалъ ему, правилъ не только отряженной съ нимъ ротою, но и всѣми прочими командами внутри дворца находящимися, и отъ всѣхъ отъ нихъ собиралъ рапорты, всѣмъ выдавалъ пароли. — Въ верхнихъ покояхъ, капитанъ караульный имѣлъ право ходить за кавалергардовъ, т. е. въ тронную горницу, у дверей которой стаивали на часахъ два кавалергарда. Ето при Екатеринѣ значило много, потому что генералы полныя не всѣ имѣли на то дозволеніе. Оно давалось съ имяннаго соизволенія. Въ спискѣ пропускаемыхъ состояли: всѣ придворныя чины, Сенатъ и Оберъ Прокуроръ, Губернаторы, нѣкоторыя по выбору разночиновныя особы въ Генералитетѣ, и вообще всѣ тѣ гвардіи офицеры, кои выпущены изъ камеръ пажей. Капитанъ гвардіи только тогда ходилъ за кавалергардовъ, когда онъ былъ на караулѣ; многія завидовали етой чести и искали ее съ большими поклонами. Но въ чемъ же состояла она въ настоящемъ видѣ? Въ томъ только, чтобъ двумя комнатами ближе быть къ покоямъ Государыни. Стоило ли ето хлопотъ? Прошедши Кавалергадовъ останавливались всѣ въ тронной комнатѣ или за ней, въ такъ называемой Кавалерской, но далѣе уже никто ни шага, кромѣ малаго числа ближайшихъ прислужниковъ и знаменитѣйшихъ Чиновъ Государства. И такъ тотъ кто за Кавалергадовъ ходилъ, также мало видѣлъ Государыню, какъ и тотъ который оставался по сю сторону дверей, тѣмъ не меньше однако публика на выходящихъ изъ тронной глядѣла какъ на людей особенныхъ милостей удостоенныхъ, и многія изъ етихъ рады будучи такому заблужденію, усиливали его выноса на себѣ видъ важной и какъ будто значущій, что они у самаго Престола окружаютъ Монархиню. Ничего не бывало, и тѣ и другія въ разныхъ только покояхъ одинаково пресмыкались, одинаково были презрѣны и забыты. Какихъ у двора не увидишъ посмѣшищъ въ етомъ родѣ? И я тогда на нихъ нагляделся.

При столь великолѣпныхъ выгодахъ были между прочимъ и самыя странныя. Извѣстно что весь караулъ гвардейской пользовался особымъ придворнымъ столомъ, на которой казна отпускала ежедневно шесдесятъ рублей и за нимъ обѣдали только восемь человѣкъ; столъ по большой части бывалъ наполненъ кушаньемъ, и покрытъ стариннымъ запачканнымъ серебромъ, но рѣдко можно было со вкусомъ поѣсть. Капитану давался крендель и бутылочка венгерскаго. Древній обычай современный началамъ гвардейскихъ полковъ, которой ведется и по нынѣ. Капитанъ могъ требовать въ свою караульню и зеркала и столы, и мебель, все ему отпускалось безъ отрицанія, равно какъ и посуда чайная или стеклянная. Для освѣщенія нижнихъ переходовъ, и всѣхъ сѣней въ замкѣ, онъ требовалъ сколько хотѣлъ маконыхъ свѣчь и никогда не было ему отказа. Все ето такъ меня восхищало что я напрашивался не въ свою очередь за другихъ ходить въ караулъ, дабы только пошататся въ тронной за кавалергардами, а въ караульнѣ дѣлатся вельможей надъ своими солдатами.

Ничто такъ не покажетъ до какого малодушія, я обрадовался капитанскому чину, какъ слѣдующій анекдотъ. Въ самой новый годъ мнѣ досталось въ караулъ иттить капит(анъ) порут(чикомъ) но я зналъ что послѣ обѣдни обьявятся доклады, и что я уже останусь капитаномъ во дворцѣ. Въ ночь на перьвое число, запахло смородомъ въ нашей спальнѣ; жена

усумнилась и велѣла посмотрѣть отъ чего; — пошевелили около камина и стѣны, и не нашли ничего опаснаго, но духъ головни продолжался. Жена разсудила разобрать нѣсколько израсцевъ; я сталъ шумѣть что мнѣ спать не даютъ, что я на завтра наряженъ въ караулъ, и что я буду капитанъ, ушелъ въ кабинетъ и тамъ мы расположились ночевать; я препокойно выспался, и какое было мое удивленіе по утру, когда я увидѣлъ что весь каминъ разобранъ, и кирпичи разбросаны по полу, Жена уложа меня спать, и будучи сама въ безпокойствѣ призвала людей, велѣла разобрать одинъ венецъ израсцевъ; только что его сняли, — заднее бревно вспыхло, ибо оно уже давно тлилось, и помощью нашихъ слугъ, залитъ начинающійся пожаръ. Еслибъ Евгенія уснула со мной вмѣстѣ, нѣтъ что весь бы нашъ домъ обратился въ пепелъ, а я явился бы въ вѣчность хвастать своимъ капитанскимъ чиномъ. Все ето происходило отъ жаркаго желанія въ новый годъ отличится во дворцѣ въ новомъ знакѣ и чинѣ. Пусть судятъ какой я былъ еще мальчикъ имѣя уже двухъ дѣтей.

Болѣе всего меня радовало то, что уже я не обязанъ былъ во дворцѣ какъ въ прежнихъ чинахъ, высиживать середи ночи самыя мрачныя часы, или бекетѣ у церкви придворной, и стеречь пустую горницу и дверь въ которую никого не пропускали, или въ низу торчать на лавкѣ передъ цѣлой ширенгой, и держать такъ называемую вахту; — отъ етихъ скучныхъ должностей капитанъ былъ свободенъ. Окончимъ етотъ разсказъ тѣмъ, что Гвардіи капитана постъ, былъ самой лестной для молодаго человѣка; при всемъ томъ однако онъ не стоилъ столь великой жертвы, чтобъ ради его запалить свой домъ и самому обратится въ головѣшку.

Будучи какъ выше сказано назначенъ въ походъ, я коснусь нѣкоторыхъ распоряженій сдѣланныхъ у двора, для продолженія шведской войны. Вмѣсто гр(афа) Пуш(кина) наименованъ главнокомандующимъ Финляндскою арміею, гр(афъ) Ив(анъ) Пет(ровичъ) Солты(ковъ)[1] старой генералъ аншефъ по арміи. Перьвымъ дѣйствующимъ лицемъ подъ командою его, вызванъ изъ Оренбурга тамошній генер(алъ) губер(наторъ) генер(алъ) порут(чикъ) старшій по всему войску, бар(онъ) Игельстромъ[2], княз(ь) Потем(кинъ) съ своей стороны изъ Турецкой арміи отпустилъ нѣсколько генер.-маіоровъ въ Финляндію, и оттуда же явился на Сѣверъ служить отличной генер(алъ) порут(чикъ) по общей о немъ славѣ, Ангалтъ[3]) принцъ крови и родственникъ Екатерины. Армія сія принимала видъ самой устрашительной. На морѣ готовилъ знаменитыя побѣды адмиралъ Чичаговъ[4]), русской дворянинъ, и опытной мореходъ. Планъ старыхъ походовъ перемѣнился на новой. Такъ всегда бываетъ при новомъ военачальникѣ по пословицѣ: „Всякой молодецъ на свой образецъ". Гр(афъ) Солтык(овъ) поставилъ бы себѣ въ безславіе перенять что нибудь у предшественника своего графа Пуш(кина), и потому все пошло иначе. Я былъ слишкомъ молодъ,

[1]) Ген.-фельдм., 1730—1805.

[2]) Баронъ Оттонъ Генрихъ (Осипъ Андреевичъ), ген.-анш., ген.-отъ-инфантеріи, 1737—1823. Посланникъ въ Стокгольмѣ, посолъ въ Варшавѣ.

[3]) Федоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, впослѣдствіи начальникъ кадетск. корпус., 1732—1794.

[4]) Василій Яковлевичъ, 1726—1809.

чтобъ знать о причинахъ которыя побудили Екатерину отнять у гр(афа) Пуш(кина), команду, а по догадкамъ говорить о такихъ вѣщахъ я не люблю; тѣмъ болѣе что до меня ето совсѣмъ не принадлежитъ; довольно сказать что гр(афъ) Солт(ыковъ) былъ въ тотъ годъ болѣе всякаго другаго генерала по мыслямъ Государыни. Полкамъ гвардіи велѣно было откомандировать въ походъ по два баталіона, и оба сухимъ путемъ. Всей гвардіи изъ сихъ баталіоновъ составленной, поручено было управлять генер.-маіору Арбеньеву[1]), Изм(айловскаго) полку маіору, Семеновскія два баталіона составились изъ осьми ротъ. Перьвымъ командовалъ кап. Тол(стой)[2]) недавно воротившійся изъ чужихъ краевъ, а вторымъ кап(итанъ) Горч(аковъ)[3]) носей послѣдній будучи всѣхъ старѣе командовалъ обѣими баталіонами за маіора когда они сходились вмѣстѣ, а порознь правилъ однимъ вторымъ.—Въ немъ капитаны шли кромѣ Горч(акова), Свѣчинъ[4]) я и Измайло(въ)[5]). Я командовалъ особенною ротою; она собрана была большою частію изъ солдатъ одинадцатой, въ которой я написанъ былъ при повышеніи въ капитаны и изъ прочихъ. Съ Марта мѣсяца надлежало Гвардіи выступить и всѣ мы готовились къ сему важному подвигу неославно; пріучали людей, привыкали къ нимъ сами, и собирали нужныя для самихъ себя на всю компанію потребности. Въ такихъ суетахъ скоро проходитъ время, и мы не успѣли мигнуть какъ уже наступилъ Мартъ мѣсяцъ.

Вмѣстѣ съ перемѣной столь важной въ главныхъ чиновникахъ войска, послѣдовали и комнатныя большія перемѣны у двора. Гр: Мамо(новъ)[6]) удаленъ былъ отъ извѣстной своей должности, и лишась милостей Императрицы отправленъ на житье въ Москву съ своей супругой, а на мѣсто его вступилъ молодой офицеръ кон(ной) гвар(діи) Плат(онъ) Зуб(овъ)[7]) родственникъ Никол(ая) Ив(ановича) Солт(ыкова)[8]), сынъ богатаго отца и безчестнѣйшаго дворянина во всемъ Государствѣ. Перьвой шагъ Зуб(ова) былъ удаченъ; оперился снова и Солты(ковъ). По связи родства съ фаворитомъ, онъ вступилъ въ новыя и блистательнѣйшія труды, ибо ему поручено главное управлѐніе Воен(ной) Колл(егіи); Презид(ентомъ) ея былъ кн: Потемкинъ; вицъ Президентомъ гр. Пушкинъ но Потемкинъ былъ въ Турецкой арміи, а заочнымъ у двора всегда худо. Пуш(кину) послѣ двухъ шведскихъ компаній не повезло, и такъ Ник: Ив: названъ Предсѣдателемъ военной Коллегіи, и началъ ею управлять полномочнымъ образомъ. Весь городъ бросился въ его переднюю. Вещь обыкновенная! Воротимся теперь къ себѣ, и посмотримъ на мое внутренное положеніе въ семействѣ.

Чѣмъ ближе подходило время къ нашему походу, тѣмъ крѣпче сжималась грудь моя. Таить я не могъ ни отъ жены ни отъ родителей, что пришла моя очередь испытать всю тягость военнаго званія. Я писалъ о семъ въ Москву, и отвѣтъ моего Отца, которой впишу здѣсь

[1]) См. № VI, стр. 41, прим. 1.

[2]) Графъ Дмитрій Борисовичъ, впосл. ген.-маіоръ (1763—1844).

[3]) Петръ Ивановичъ, см. Капище.

[4]) Александръ Сергѣевичъ, впослѣдствіи ген.-маіоръ, 1755—1801.

[5]) Иванъ Дмитріевичъ, см. Капище.

[6]) См. № IV, стр. 70, прим. 3.

[7]) Платонъ Александровичъ, впосл. графъ, свѣтл. князь, 1767—1822 г.г.

[8]) 1736—1816, ген.-фельдм., см. выше.

отъ слова до слова, какъ образецъ краснорѣчія сердечнаго, покажетъ сколько вѣсть сія тронула чувства Отца моего и Матери. Оба они проливали тѣмъ горчайшія слезы, что судьба вдругъ двѣ язвы имъ наслала. Разлука со мной сопровождаема была такою же съ зятемъ моимъ гр(афомъ) Ефим(овскимъ) и онъ подобно мнѣ наряженъ былъ въ походъ. Состояніе его еще хуже казалось моего потому, что онъ служилъ только подпорут(чикомъ) слѣдовательно болѣе нежели я какъ ротной Командиръ могъ подвергатся и опасности и капризу своихъ начальниковъ. Вотъ точная копія того письма о которомъ я упомянулъ. Что можетъ быть трогательнѣе? Тутъ прямо сердце говоритъ, а не голова сочиняетъ. Такъ писали всѣ наши старики. Они худо умѣли сложить тропу или хрію, но умѣли сильно чувствовать и говорить языкомъ сердца.

„Угодно было Богу мой другъ кн(язь) Иванъ Мих(айловичъ) распре„дѣляя всѣ судьбы человѣческія опредѣлить чтобъ письма твои получалъ „я изъ похода, долженъ его благодарить какъ созданье Создателя, за всѣ „его насланіи, а тебя подкрѣплять въ подвигѣ яко сына. Направи стопы „твоя на путь миренъ, исправляй свою должность, но не съ крово„жаждующимъ желаніемъ. Исполняй званіе свое гдѣ судьба и честь „призываетъ; — береги подчиненныхъ, помня что всѣ человѣки и всякой „имѣетъ свои привязанности къ жизни и къ ближнимъ; помогай и дѣли „ихъ тягость; жертвою сею благоугождается Богъ. Другъ друга тяготы „сносите и тако исполните законъ Христовъ. Непріятеля не ужасайся, „но уповай на Бога. Вѣра превозможетъ все! Когда Богъ тебя въ „сіе званіе произвелъ и ополчилъ, то онъ же тебя невидимо и сохранитъ. „Я мой другъ послѣдуя Аврааму, приношу сію жертву Богу, прося его, „да сохранитъ тебя отъ всякаго зла, и вѣрую неотмѣнно видѣть тебя „мой другъ здороваго. Пожалуй не унывай, укрѣпи себя родительскимъ „благословеніемъ, которое сопутствуетъ тебѣ на каждомъ пути, аможе „аще пойдеши, токмо вѣруй“. Въ концѣ письма: „поручаю тебя Богу, „остаюсь другъ твой и отецъ“. Въ другомъ письмѣ при такихъ же о вѣрѣ подтвержденіяхъ добавляетъ: „храни свое званіе безпорочно и „не посрами имени прародителей своихъ“. Еще въ иномъ мѣстѣ по протчемъ говоритъ: „Защищай мой другъ себя и Отечество; но щади „также проливать кровь человѣческую. Если возможно будетъ спасать „жизнь, не ищи славы въ гибели ближняго, и у непріятелей твоихъ „также есть родители и жены, которыя тоже чувствуютъ „что мы“. Что можетъ быть превосходнѣе сей строчки! Какое искренее человѣколюбіе и сострадательность къ ближнимъ!! (далѣе:) „Прошу тебя и совѣтую укрѣпить себя бодростію духа; видя непріятеля „вооруженнаго не бѣжать, ибо лучше честно умереть, — чѣмъ безчестно „жить“. Какая высокая нравственность! Какой твердый духъ! Какой убѣдительной въ простотѣ своей слогъ! Сколько Вѣры, сколько здѣсь наставленій! Ни однаго пустаго слова; все нравоучительно и назидательно. Пусть по симъ отрывкамъ посудятъ каково было родителямъ моимъ отпускать меня въ походъ.

Тяжелъ для меня былъ сей крестъ! Сколько вдругъ страховъ и волненій терзали мою душу. Въ Москвѣ печаль и сѣтованіи моихъ стариковъ, меня ежедневно крушили; тамъ я оставлялъ Машу милаго своего ребенка и можетъ быть навсегда. Здѣсь безпрестанныя слезы Евгеньи катились по моему сердцу, и оно кипѣло въ ней любовію болѣе,

нежели когда нибудь. Но увижу ли я ее? Облобызаю ли Павла на рукахъ ея? Ети два вопроса не выходили изъ мыслей моихъ, и отравой дѣлали пищу, отнимая сонъ и всѣ силы. Мысль что я могу быть убитъ, взятъ въ полонъ, изувѣченъ, или самъ лично быть чьимъ нибудь убійцой, не давала покою на минуту, а сверьхъ того сборы, требующія издержекъ, при моемъ состояніи излишнихъ, и необходимость скрывать внутренее положеніе чувствъ моихъ отъ свѣта лукаваго, которой судитъ по одной наружности, все, все, на меня дѣйствовало! Всякой тотчасъ бы приписалъ мои изнеможеніи, блѣдность въ лицѣ, задумчивость въ обращеніи одной робости, и обратилъ мнѣ оную въ позоръ, тогда какъ дерзну здѣсь похвастать, никто можетъ быть изъ сотоварищей моихъ идучи въ походъ не предпринималъ такого подвига какъ я. Всякой шелъ съ радостію на войну; иной хотѣлъ креста, чину, выгодъ, славы, а я вооружался изъ однаго повиновенія законамъ чести. Я не любилъ военнаго ремесла ни его трофеевъ. Мои занятіи, вкусы, склоности готовили меня болѣе къ жизни спокойнаго гражданина и при такомъ расположеніи, я однако шелъ рѣзать людей. Вызовъ Отечества сдѣланъ. Царь приказалъ, начальники нарядили, я плакалъ, — но покорился. Я не искалъ отличій, но шелъ вряду съ тѣми, кои для нихъ только и служатъ, искать своей смерти или дать ее другому. О какъ ужасно военное состояніе! Но Монархи етаго не чувствуютъ, а войска отоматы.

Честь требовала жертвы сильной отъ меня и я ее принесъ отечеству. Жена и сестра моя находились хотя въ одинакихъ волненіяхъ горести имѣя и та и другая тѣже причины сѣтовать, но положенье Сестры моей тягостнѣе было вдвое, потому что она не имѣла еще столь обширнаго круга знакомыхъ и пріятелей, и оставалась какъ бы брошенной на чужой сторонѣ. Одно прибѣжище ее была жена моя. Я счелъ необходимымъ скрыть отъ сей послѣдней, настоящій день моего похода, дабы избѣжать прощаніевъ, всегда столь тяжкихъ между людьми истинной любовію связанныхъ. Мой вымыселъ удался. На страстной недѣли я исполнилъ долгъ Христіянина, наипаче важный предъ готовящимися для насъ нечаянными случаями въ будущемъ. Я говѣлъ, исповѣдался и причастился. Святую недѣлю мы провели вмѣстѣ, но увы! сіи красныя дни по всѣмъ отношеніямъ въ нашемъ царствѣ, были тогда дни мрачныя, и многоболезненныя. Въ Фомино Воскресенье, 31 Марта по данному мнѣ ордеру, я долженъ былъ выступить въ походъ съ двумя ротами 2-го бата(льона) седьмою и осьмою.

Съ утра помолясь Богу, надѣлъ я на себя тотъ самой крестъ съ мощами, коимъ благословила меня умирающая бабка моя Схимонахиня Нектарія [1]), взялъ съ собой еще образъ коимъ благословили меня родители мои и препоручилъ жребій мой въ волю Всемогущаго Бога. Зашелъ къ женѣ, она еще спала, пролилъ надъ нею нѣсколько слезъ, облобызалъ Павлушу, обнялъ маму его, простился съ домашними своими и побѣжалъ съ двора на зборное мѣсто какъ человѣкъ лишенный разума. При собранныхъ двухъ ротахъ, отправленъ молебенъ; идущія мимо полковой церкви взводы моихъ двухъ ротъ, окропилъ священникъ полковой святой водою, и перекрестясь въ послѣдній разъ нашимъ пенатамъ, мы пошли церемоніяльнымъ маршомъ за городъ. Намъ назначено было по

[1]) См. № I, стр. 25, прим. 1.

маршруту дойтить въ етотъ день до Парголова, деревня гр(афа) Шувал(ова), въ пятнадцати верстахъ отъ города, и тутъ остановится на ночлегъ. По близости сего перехода, многія солдатки провожали мужей своихъ, и бабьи полки почти не уступали числомъ народа нашему воинству.

Погода была прекраснѣйшая. День солнечный, ясный, улицы сухи; не едва вышли мы за городъ, какъ нашли еще множество снѣгу, и чѣмъ далѣе шествовали, тѣмъ суровѣе были признаки зимы, не совсѣмъ еще простившейся съ нами на сѣверѣ. Города всегда обязаны туалету, своей скоропостижной весенней красотой, ихъ моютъ, чистятъ, скоблятъ, и насильно выгоняютъ, а въ поляхъ гдѣ безъ убранства простая дышетъ природа, тамъ апрѣль еще пасмуренъ, студенъ, и не шутитъ.

Выведя обѣ роты за заставу, поручилъ я итти далѣе старшему, а самъ воротясь въ городъ, явился во дворецъ, и тамъ имѣлъ счастіе въ обыкновенное время пріема, откланится Ихъ Высочествамъ, и у обѣихъ поцаловать руку. Изъ нѣсколькихъ словъ ихъ и наружнаго вида, я могъ замѣтить что они въ настоящемъ случаѣ моей жизни, благоволили принять участіе, и милостиво пожелали мнѣ счастливаго успѣха. Прямо изъ дворца, не завертывая домой, я поскакалъ къ командѣ, и заплакавши снова, простился съ Петербургомъ, въ которомъ все сокровище сердца моего оставалось.

Такъ какъ по времени, я въ особомъ сочиненіи собралъ всѣ подробности нашего похода, и оставилъ журналъ ежедневной нашихъ дѣйствій подъ названіемъ Записки Шведскаго похода[1]), то здѣсь и не имѣю нужды повторять ихъ; однако помѣщу нѣкоторое извлеченіе занимательнѣйшихъ случаевъ, и въ кратцѣ поговорю объ нихъ.

Прежде всего дабы не перервать рѣчи о походѣ, скажу о семействѣ своемъ вообще что во время моей отлучки, жена моя съ сыномъ жила на дачѣ у гр(афа) Стро(гано)ва, и два раза имѣла счастіе въ теченіи лѣта быть въ Павловскомъ у Ихъ Высочествъ, гдѣ удостоилась тогоже милостиваго пріема какимъ и всегда пользовалась. Всякую почту регулярно, а не рѣдко и по особымъ случаямъ мы съ ней переписывались; всякую недѣлю также я получалъ письма изъ родительскаго дома, а тамъ читывали мои, и я почти всѣ свои досуги (кои по истинѣ говоря, были очень обширны) употреблялъ на свою переписку съ родными или на сочиненіе журнала о которомъ упомянуто выше, притомъ и для стиховъ иногда выдавались благія минуты. Перо вездѣ было моимъ постояннымъ товарищемъ и лучшимъ наслажденіемъ во время сей кочевой походной жизни.

Теперь я отвлекусь отъ всего міра и буду весь въ походѣ, начну какъ Иванъ Царевичъ разсказывать свои и чужія приключеніи; но повторяю что здѣсь только будутъ вершки. Дѣти мои могутъ для подробности прочесть особую Исторію етаго похода; тамъ все пространно описано. Итакъ 31 Марта, мы оставили Петербургъ. Въ прежнія два года гвардія ходила на Выборгъ, нынѣ разсудили взять другой трактъ и повели насъ на Кегзгольмъ. 5 Апрѣля мы дошли до Раутужскаго Кирхшпиля, девяносто верстъ отъ Петербурга, и тутъ по приказу Начальства, весь баталіонъ нашъ расположился до весны на кварти-

[1]) Сочин., законченное авторомъ въ 1809 г., и оставшееся ненапечатаннымъ.

рахъ. 11-е однако насъ опять выгнали въ походъ, 14 мы переправились черезъ Воксу и вошли въ Кегзголмъ. 15 выступили и дошедъ до мѣстечка Тюри ожидали дальнѣйшихъ повеленій. Отсюда потребованъ кап(итанъ) Горча(ковъ) къ бриг(ади)ру Коре(не)ву, которой стоялъ съ войсками въ крепосцѣ Нейшлотъ. Етотъ Г. Коре(невъ) изъ полковниковъ армейскихъ былъ пожалованъ не задолго передъ войной въ нашъ полкъ Маіоромъ, но не вступя въ правленіе полка, все находился при походныхъ войскахъ. Въ краткую отлучку Горча(кова) довелось править баталіономъ мнѣ, потому что изъ трехъ капита(новъ) оставшихся, старшій меня Свѣч(инъ) былъ въ отлучкѣ. 19 Апрѣля, перьвая и значительная сшибка была у русскихъ со шведами подъ Пардоносскомъ. Преоб(раженскій) полкъ смѣшанъ и разбитъ; маіоръ его Байк(о)въ убитъ на повалъ. Генер(алъ) порут(чикъ) Принцъ Ангалтъ раненъ ядромъ въ ногу, ее отрѣзали, и онъ скоро скончался. Игель(стре)мъ привелъ въ порядокъ ретираду оставшихся полковъ. Около тѣхъ же чиселъ Корса(ковъ) имѣлъ не важную но удачную сшибку съ Шведами въ своемъ мѣстѣ. 22 Горч(аковъ) прибылъ къ баталіону, и я побывши Калифъ на часъ, обратился къ ротѣ. Бывшій нашего полку Капитанъ, а нынѣ полков(никъ) пѣхотнаго полка, нѣкто Г. Плох(о)во, будучи утѣсняемъ непріятелемъ въ крѣпости Сердоболи, потребовалъ отъ насъ помощи; мы кинулись къ нему 23. Все кончилось пустяками, и насъ съ дороги воротили. Мы въ тридцати шести верстахъ отъ него расположились въ селѣ Якинвари, гдѣ въ домѣ Пастора я имѣлъ препокойную квартеру.

Ето мѣсто никогда къ несчастію изъ памяти моей не выдетъ, къ намъ привели изувѣченнаго старосту церковнаго Маймиста, котораго приняли на передовомъ постѣ за шпіона. Мы безъ всякой осторожности взяли его въ допросъ палками. У меня въ ротѣ били его много, отъ насъ отвели его въ главную квартеру, тамъ у Гор(чако)ва еще били — и старикъ невинной умеръ. Бѣдственное слѣдствіе молодости не опытной и буйной. Вѣчное раскаяніе обитаетъ въ душѣ моей, но что въ немъ? Оно не возвратитъ отца семейству, а деньгами кои послѣ всѣ мы щедрой рукой разсыпали на его домашнихъ, можно ли вознаградить ихъ потерю? Въ баталіонѣ ето прошло безъ всякаго слѣдствія и правительство ни военное ни гражданское не вступилось за страдальца неповиннаго. Примѣръ равнодушія не новый! При семъ случаѣ я не могу не передать дѣтямъ моимъ слѣдующее произшествіе, дабы устранить ихъ совѣсть и показать что прежде еще суда Божія на Небесахъ, здѣсь на землѣ есть наказанія подобнымъ жестокостямъ человѣческаго сердца. Въ ротѣ моей служилъ кап(итанъ) порут(чикъ) Кокош(кинъ)[1]) хорошій мой пріятель; мы съ нимъ были свычнѣе всѣхъ прочихъ. Умной малой, — но на всякаго мудреца довольно простоты. Когда привели къ намъ Маймиста, капит(анъ) ругался надъ нимъ болѣе прочихъ, и пока его съ побоями допрашивали, онъ взявъ свѣчу со стола прижигалъ ему бороду. Скоро потомъ капит(анъ) занемогъ. Его отпустили лѣчится въ Москву; болѣзнь продолжительная его изнуряла, мокроты острыя кинулись въ руку; онъ не могъ уже ею владѣть, изъ нее выходили кости, и онъ послѣ долгаго и мучительнаго разслабленія, — наконецъ умеръ, не

[1]) Дмитрій Θедоровичъ, еще гораздо раньше, въ домѣ гр. Апраксина, авторъ записокъ участвовалъ съ нимъ въ домашнихъ спектакляхъ.

доживъ еще тридцати лѣтъ. Когда я его бѣднаго навѣщалъ послѣ похода, воротясь въ Москву, онъ со слезами вспоминалъ Маймиста, и указывая на больную руку, ту самую, которой прижигалъ бороду съ душевнымъ раскаяніемъ раза три повторилъ мнѣ: „Богъ наказываетъ меня за Маймиста“!!! Помните дѣти мои такой урокъ, и будьте въ подобныхъ случаяхъ осторожнѣе вашего Отца.

28 Апрѣля полученъ ордеръ выступить въ другую сторону, т. е въ Вильманстрандъ. Мы пошли туда 30-го — около того времени генер.-порут: Нумсонъ[1]) разбилъ Шведовъ подъ Мемелемъ. Пришедши къ Виль(манстранду) мы расположились въ немъ 7 Мая. — Етотъ переходъ не принесъ намъ никакой пользы кромѣ безпокойствъ непріятныхъ ибо онъ не имѣлъ никакой цѣли, но я нашелъ въ немъ удовольствіе для своего любопытства. — 9 Мая переходя подъ деревней Ситтола черезъ Воксу, свернулъ я одинъ верьхомъ въ сторону и заѣхалъ осмотрѣть славныя Воксинскія пороги которыя нѣкогда удостоила своего любопытства Екатерина II. Галлерея для нее тогда нарочно устроенная еще видна была въ развалинахъ. Въ Виль(мастрандѣ) полученъ Горча(ковымъ) ордеръ быть съ своимъ баталіономъ въ командѣ ген.— маіора Хрущ(ева)[2]) который стоялъ съ войсками не далеко отъ Парданоска (гдѣ пораженъ Преображенскій полкъ) въ деревнѣ Савитайполь, въ тридцати осьми верстахъ отъ (Вильмастранда) Тутъ было важное укрѣпленіе, нарочитое число солдатъ всякаго званія и драгунъ и егерей, и тяжелыя орудіи. Къ усиленію этаго важнаго и ближайшаго поста къ непріятелю, приданъ былъ весь нашъ баталіонъ. Хрущ(евъ) потребовалъ къ себѣ двѣ роты, Горч(аковъ) нарядилъ пятую и седьмую; Свѣч(инъ) и Изм(айловъ) вышли въ походъ 13 Мая, а шестая и осьмая т. е. Горч(акова) и моя остались въ крѣпости. 16-го Игель(стре)мъ приказалъ намъ приттить въ Выборгъ однимъ маршемъ. Переходъ составлялъ пятьдесятъ верстъ. Мы дошли въ сутки и смутили весь народъ. Тамъ мы простояли безъ всякаго дѣла нѣсколько дней въ форштатахъ. Всякое утро ходили торчать въ переднюю бар. Игельстрема и были свидѣтелями его полномочія и совершеннаго ничтожества главнокомандующаго гр(афа) Солт(ыко)ва, которой живучи въ Выборгѣ давалъ балы и волочился тогда, какъ подъ именемъ его Баронъ управлялъ и войсками и войною. 21 насъ погнали назадъ тудаже откуда привели, но уже не съ тою торопливостію. 22 пришли въ (Вильманстрандъ) а 23 по повѣленію Хрущ(ева) выступили въ Сави(тайпо)ль. Онъ сперьва велѣлъ намъ поспѣшать къ нему въ одни сутки, но на пути встрѣтилъ насъ гонецъ отъ негоже съ приказаніемъ переночевать на половинѣ дороги, и такъ мы 23, въ первой еще разъ разбили правильной лагерь, и въ дватцати верстахъ отъ Хрущ(евъ) ночевали въ немъ.

24 числа шведы атаковали Хрущева: онъ прислалъ нарочно за нами, велѣлъ бросить все, кромѣ пушекъ, и бѣжать къ нему на помощь. Мы тотчасъ не пошли, — а помчались, однако дѣла не застали; пришли къ послѣднимъ выстрѣламъ пушекъ; непріятель былъ разбитъ, и его гнали въ виду нашемъ по всѣмъ дорогамъ. Ето сраженіе особенную

[1]) Нумсенъ, Федоръ Михайловичъ, ген. поруч., ум. въ 1800 г.
[2]) Алексѣй Ивановичъ (см. Капище).

честь принесло Хру(ще)ву. Его атаковали шведы въ силахъ превосходныхъ, командовалъ непріятельскими войсками первый любимецъ Королевской баронъ Аремфелдъ[1]), которой и раненъ пушечной картечью въ плечо на вылетъ и долго былъ безъ руки, — Хрущ(евъ) имѣлъ только до двухъ тысячь войска, а сражался съ четвертью. Онъ тѣмъ болѣе уважалъ своимъ успѣхомъ что Савитайпольское сраженіе совершенно отмстило за потерю нашу подъ Пардокосскимъ, и шведы съ тѣхъ поръ на большія предпріятія не отважились. Государыня была очень признательна къ подвигу Хрущ(ева) и пожаловала его самаго орденомъ Св: Владиміра 2-й степени, а всѣхъ представленныхъ имъ наградила чинами и крестами, въ томъ числѣ наши два капит(ана) Свѣч(инъ) и Измай(ловъ) получили Георгіевскія крестики въ петлицу.

По малодушію моихъ лѣтъ, я тужилъ что не поспѣлъ на сраженье, и не схватилъ креста, но подумавши хорошенько о семъ и безъ излишняго антузіазма благодарилъ Бога что онъ меня избавилъ отъ такого безчеловѣчнаго позорища. На етихъ мысляхъ основанъ одинъ изъ моихъ стиховъ:

По логикѣ моей давно расположилъ
Что такъ ли, или сякъ, — да плохо коль убилъ.

а кто можетъ въ жару битвы поручится чтобъ онъ и самъ не убилъ кого нибудь до смерти? — Въ моемъ журналѣ етой компаніи найдутъ много примѣровъ остервененія человѣческаго въ минуту драки. Я самъ ему былъ подверженъ.

Послѣ сраженія тотчасъ воспѣли на батареи благодарственное Господу Богу молебствіе. Мы явились потомъ къ генералу съ поздравленіемъ; онъ очень былъ ласковъ, веселъ, счастливъ и доволенъ собой. Распустя насъ занялся отправленіемъ курьера къ Государынѣ съ реляцiей, съ которымъ и я писалъ къ женѣ и въ Москву, дабы отвратить всякія пустыя слухи на мой счетъ, когда молва станетъ разносить повсюду побѣду, и прилыгать какъ водится умершихъ, плѣнныхъ и увѣчныхъ, въ числѣ которыхъ могъ бы и я попасть кому нибудь на языкъ, и сдѣлать большую домашнюю тревогу по пустякамъ. — День сраженья Савит(айпольска)го будетъ днемъ незабвеннымъ въ жизни моей. Хотя я не былъ въ дѣлѣ, но идучи къ оному испыталъ, а на мѣсто пришедши видѣлъ всѣ ужасы человѣческой ярости. Избави Боже во всю жизнь отъ подобныхъ волненій въ крови и ненавистныхъ побужденій въ умѣ и сердцѣ!

Пришедши въ Савит(айпо)ль, мы уже тутъ и засѣли на всю компанію, далѣе никуда не ходили, и съ Хрущ(евымъ) не разставались; и такъ здѣсь къ стати войти въ короткое обозрѣніе нашего походнаго житья бытья, и самаго мѣста, куда мы приведены были тосковать нѣсколько мѣсяцовъ по родинѣ своей и друзьяхъ.

Савитайполь мѣсто возвышенное, но пустое и непріятное; по дорогамъ вокругъ каменья, скалы и утесы. Съ иныхъ сторонъ къ нему съ трудомъ можно добратся. Подъ холмами его, которыя всѣ уставлены были батареями, натура вырыла озера доровольно широкія. Войска въ етомъ корпусѣ расположены были по батареямъ такъ, что при каждой

[1]) Руставъ - Маврикій, съ 1811 г. — русскій подданный, генер.-отъ-инфант., съ 1816 г. — графъ.

рота или двѣ и больше занимали свой лагерь. При малѣйшей тревогѣ люди лишь вонъ изъ палатки, то уже они въ шанцахъ. Ето дѣлалось мигомъ. Никто никуда не бѣгалъ, не собирался; ракетка дастъ сигналъ, и въ пять минутъ весь деташементъ въ боевомъ порядкѣ. Тутъ стоялъ баталіонъ Великолуцкаго полку: Командиръ его подпол. Солт(ыковъ) Псковскихъ драгунѣ нѣсколько эскадроновъ подъ начальствомъ Подпол(ковника) бар: Сакена; баталіонъ егерей подъ командой подпол: — Берха; артиллерія имѣла своего офицера Фока, и нѣсколько казаковъ донскихъ съ двумя офицерами. Прибавьте къ етому нашъ гвардейской баталіонъ, — и вотъ весь корпусъ Хру(щева) Генералъ жилъ очень хорошо, всякой день принималъ офицеровъ обѣдать: по вечерамъ у него была всегда игра въ вистъ, и обращеніемъ его были всѣ довольны, кромѣ тѣхъ, кои отличатся любили наглостію и безчинствомъ.

Я въ своей ротѣ жилъ покойно и даже иногда пріятно. Палатка моя была укромонна и хороша, чистой полъ дощатой убитъ войлоками отъ сырости. Озера всегда заставляли насъ по вечерамъ ее испытывать. Я боленъ однако не былъ ни разу, во всю компанію; вседневно хаживалъ на вечера къ Хрущеву и пользовался особенною его ласковостію. По утрамъ отправя обряды службы, дѣлалъ изъ своего намета кабинетъ, читалъ и упражнялся перомъ, обѣдали почти мы всегда въ своей ротной артели, а послѣ обѣда рѣзвились, и дѣлили время между офицерами. Въ моей ротѣ царствовало ненарушимое согласіе: офицеры меня любили, — солдаты слушались. Я держалъ столъ по очереди; всякой изъ насъ имѣлъ свою недѣлю. Сумма была общая. Столъ нашъ былъ всегда хорошъ, и даже чужихъ командъ офицеры часто хаживали къ намъ обѣдать, но здѣсь напрасно входить во всѣ ети мѣлочи: Они описаны въ журналѣ; тамъ для любопытныхъ и расчеты приложены чего стоило наше хозяйство. Оборотимся къ главнымъ событіямъ.

31 Мая шведы показались на озерѣ съ пловучими батареями. Весь корпусъ приготовился къ дѣлу; лагери всѣ повалили, обозы снарядились къ выѣзду, но тревога кончилась ничѣмъ. Новичекъ какой то изъ шведскихъ волонтеровъ вздумалъ сдѣлать сильную рекогносцировку, далъ одинъ выстрѣлъ изъ пушки ядромъ, и увидя, что готовы его встрѣтить, — отретировался благополучно. Опять лагери поставили, лошадей изъ повозокъ выпрегли, — и солдаты запѣли свои пѣсни.

Скоро послѣ Савитайпольскаго сраженія началась переписка о мирѣ между Игельстремомъ и Армфельдомъ. Письма нашего генерала пересылались черезъ нашъ постъ. Хрущевъ назначилъ меня быть парламантеромъ и я слишкомъ десять разъ въ ету компанію, ѣздилъ съ трубачемъ въ шведской Лагерь. Оттуда, нѣкто подполков. Тавастъ [1]) выѣжжалъ всегда для переговору со мною, и съ своими порученіями, являлся на наши посты, и такъ мы съ нимъ, видаясь часто, коротко ознакомились. Война, — войной, — пріязнь, — пріязнью. Хрущеву хотѣлось знать секретъ переписки Игельстремовой. Онъ открывалъ письма, и призывалъ меня для переводу.

Баронъ Игельстремъ не зная куда дѣвать генераловъ которыхъ наслалъ Потемкинъ, вмѣсто полковъ въ Шведскую армію командировалъ

[1]) Шведскій офицеръ, см. о немъ Капищѣ.

въ Савитайпольсперьва генералъ маіора Толстова, потомъ отозвавъ его нарядилъ Генералъ Маіора же Неклюдова [1]), который тутъ и остался въ командѣ у Хрущева, въ пріятной праздности, и до конца войны игралъ въ вистъ по рублю каждой вечеръ; Между тѣмъ нашъ командиръ будучи его старѣе, одинъ правилъ всѣмъ деташементомъ, гордился своей побѣдой надъ Аремфельдомъ, покоился на лаврахъ, иногда отражалъ какія нибудь лодки, кои съ озера отваживались тревожить наши береговыя батареи, и въ ожиданіяхъ то мира, то сраженія радовался или огорчался вмѣстѣ съ нами, извѣстіями о успѣхахъ нашей войны.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ шведы на сухомъ пути заняли мѣстечко наше Гекфордъ, а подполковникъ Кро — повъ выгналъ часть изрядную оныхъ изъ Тункоти. На морѣ полубогъ нашего флота Чичаговъ одержалъ знаменитѣйшую и полную побѣду на всѣмъ флотомъ шведскимъ [2]). Самъ король сидѣлъ на кораблѣ, и такъ тѣсно припертъ былъ нашими морскими силами, что въ нашъ лагерь прислано черезъ главную квартиру письмо королевское къ Армфельду, которое я имѣлъ порученіе доставить на ихъ передовой постъ, ибо королю уже ближе было съ своимъ генераломъ переписыватся черезъ нашу дорогу нежели своею; но письмо сіе подобно другимъ многимъ не вскрыто, и безъ нарушенія довѣренности Его Величества къ намъ куда слѣдовало доставлено съ роспиской. Къ несчастію въ тѣже почти дни принцъ Нассау съ гребнымъ своимъ флотомъ вошелъ въ дѣло такимъ же Шведскимъ и вытерпѣлъ сильное пораженіе о какомъ въ Россіи ни въ одной битвѣ еще не слыхано было до толѣ; его разбили совершенно [3]). Полонъ русскихъ былъ чрезвычайно великъ, убито и ранено множество. Такое несчастье какъ будто нарочно злой рокъ наслалъ на наше побѣдоносное оружіе, чтобъ умалить нашей гордости и смирить насъ.

Наконецъ и Хрущевъ соскучивъ праздностію вздумалъ пошевелить шведовъ. Въ ночь на 10 число іюля, онъ велѣлъ приготовится къ ночной експедиціи, нарядилъ въ оную седьмую и осьмую роту. — Ему хотѣлось непремѣнно доставить мнѣ Георгіевской крестъ, но не угодно было Судьбѣ чтобъ я украшенъ былъ симъ знаменіемъ убивства и вражды. Мы пошли въ полночь, и простояли по пустому до утра; вырубили много лѣсу для очищенія видовъ къ непріятелю; казаки съ ихъ передовыми патрулями пострѣлялись, и тѣмъ все кончилось. Ничего не дѣлать какъ жить въ палаткѣ во время войны скучно. По счастію верстахъ въ четырехъ отъ насъ, расположенъ былъ нашъ перьвой баталіонъ Семеновской, но состоялъ подъ другимъ начальствомъ. Мы часто ѣжжали туда видится съ нашими однополчанами. Они взаимно къ намъ и тѣмъ мы убивали время нашей бездѣйственности.

18 числа іюля, какая вдругъ пріятная для меня сюрприза. Письмо отъ жены, — откуда же? Изъ Выборга. Она съ сестрой моей соскучась нашей разлукой, поскакали къ намъ въ лагери для свиданія. Такъ поступали Амазонки; одно пылкое воображеніе руководствовало ихъ намѣреніемъ. Но что нужды? Я былъ до безумія обрадованъ, прошусь у

[1]) Сергѣй Васильевичъ, съ 1796 г., ген. поруч., правитель Полоцкаго и Тамбовскаго намѣстничествъ.
[2]) Подъ Выборгомъ, на Красной Горкѣ, надъ флотомъ подъ командою герц. Зюдерманландскаго.
[3]) Подъ Роченсальмомъ, см. № VII, стр. 51, прим. 2.

Хрущева, онъ отпускаетъ меня безсрочно до надобности во мнѣ, скачу верьхомъ въ Вильманстрандъ, тамъ уже ее не застаю, она въ Давыдовѣ, лечу туда ночью и по утру бросаюсь въ обьятіи милой моей Евгеньи.

Подробности всей етой поѣздки очень занимательны, но здѣсь я ихъ повторять не стану, они не пропущены въ особомъ моемъ походномъ журналѣ. Мы снова вмѣстѣ, но гдѣ? Въ стану воиновъ. Не умолкаетъ нашъ разговоръ, вздохи радости лѣтятъ одинъ другому встрѣчу, и все около насъ дышетъ веселіемъ. Я отдохнувши нѣсколько, отвезъ ее въ Вильманстрандъ; тамъ приличнѣе было для нее прожить нѣсколько дней. Жена была одѣта по мужскому, въ широварахъ и сертукѣ. Нарядъ етотъ удвоивалъ ея прелести, съ ней была одна дѣвка въ томъ же нарядѣ. Сестра моя съ своей служанкой тотъ же видъ на себя приняли: данъ былъ имъ подъ чужимъ именемъ пропускъ; для безопасности въ пути препроводилъ ихъ до крѣпости А . . . . , одинъ изъ общихъ нашихъ короткихъ пріятелей и служившій при меньшомъ дворѣ которой ѣхалъ также къ брату своему въ Измаіловскій лагерь. Обѣ наши рыцарки долетѣли до Выборга вмѣстѣ, а тутъ вся компанія разъѣхалась въ разныя стороны, кому куда путь лежалъ. Жена моя знала немножко по чухонски и могла въ нужномъ случаѣ изъяснится съ жителями. Пріѣхавши въ Вильманстрандъ, я надѣялся съ ней отдохнуть порядочно хоть одни сутки. Ничего не бывало. Роты моей офицеръ Чириковъ[1]), присылаетъ ко мнѣ нарочнаго 23 числа извѣстить меня, что непріятеля въ ту ночь ждутъ непременно; въ такомъ случаѣ, честь перебиваетъ любовь. Я оставляю жену на рукахъ добраго старичка Анджели[2]) и тутошняго искустнаго доктора Мелларта, у котораго мы квартировали. Семейство доброе, благонравное; сажусь верьхомъ одинъ безъ слуги, и скачу стремглавъ тридцать шесть верстъ до нашего лагеря; Являюсь къ Хрущеву: тотъ удивляется моему скоропостижному пріѣзду, журитъ Чирикова за неосновательной испугъ моей жены, и снова меня къ ней отпускаетъ. Не мѣшкавъ ни часа, бросился я въ чухонскую тѣлегу на двухъ колесахъ, перевязалъ ее кой какъ бичевкою, сѣлъ на етотъ переплетъ, и маймисту велѣлъ гнать во весь духъ. Въ ночь я опять въ Вильманстрандѣ, усталъ, измученъ, голоденъ, но веселъ, счастливъ, доволенъ, вижу снова Евгенію, лобзаю ее тысячекратно, отираю ея слезы и засыпаю на груди ея. Пусть представятъ себѣ положеніе жены моей въ сію суточную отлучку. Оставшись безъ памяти, она не знала долго на что рѣшится: ѣхать ли въ слѣдъ за мной, или прислушиватся въ далекѣ къ пушечнымъ нашимъ выстрѣламъ. Написала ко мнѣ записочку, просится во внутрь нашего лагеря, не страшась ничего кромѣ моей потери. Записку эту я вѣчно не забуду, она снидетъ со мною въ гробъ. На адресѣ дрожащею рукою написано: S'il faut mourir, mourons ensemble. Я получилъ ее при самомъ почти выѣздѣ изъ Савитайполя. Ахъ! для чего не было у меня крылъ, чтобъ укоротать тогда часы ея мученія. О безподобная жена! Кто знавъ тебя, узнаетъ и заблужденіи мои, тотъ мнѣ ихъ никогда не проститъ! Сколько въ этотъ мучительной день разлуки, обязанъ я былъ

[1]) Петръ Алексѣевичъ; о его братѣ, см. № III.
[2]) Маіоръ Вильманстрандскаго гарнизона, 80-ти лѣтъ. (см. Капище).

попеченіямъ о женѣ моей доктора и стараго Анджели. Перьвой, не смотря на свою собственную обязанность и недосуги, все свободное время посвятилъ намъ изъ однаго сostраданія, уговаривалъ жену мою бесѣдовалъ съ ней, разгонялъ ея скуку — Анджели, семидесятилѣтній[1]) старикъ, но еще весельчакъ и антузіастъ самой отвлеченной съ утра до вечера сидѣлъ у жены моей въ своемъ поношенномъ гарнизонномъ мундирѣ; онъ еще служилъ въ статной командѣ Вильманстрандской. Въ разговорѣ своемъ, онъ по перемѣнкамъ то бралъ тонъ Лютеранскаго строгаго проповѣдника, и кидался въ мистику какъ въ неугасимое поломя, то приводя себѣ на умъ молодость свою читывалъ наизусть острыя стишки Волтера, Геснера, Буфлера и проч: — говорилъ прекрасно по французски, богатъ былъ опытами, и много давалъ мнѣ полезныхъ совѣтовъ, когда я съ нимъ видался; въ Вильманстрандѣ онъ былъ всегда единственной мой собесѣдникъ. Я никогда не забуду ни имени, ни услугъ сего добраго иностранца. Къ тому-же онъ умѣлъ выиграть довѣренность жены моей, и она не скучала его поученіями. Въ етомъ только сообществѣ проводили мы смутныя дни нашего короткаго свиданія. 27-го числа жена расположилась воротится въ столицу, — а тамъ у нее былъ драгоцѣнной залогъ, — Павлуша. Я обязанъ былъ явится къ своему мѣсту; мы растались опять не зная сами на долго ли еще. Слухи о мирѣ насъ очень утѣшали. — Я не люблю прощатся съ тѣми кого мнѣ искренно жаль, и такъ я проснувшись очень рано, поглядѣлъ пристально на Евгенію, поцеловалъ ее сонную, перекрестилъ, и заплакавши, опрометью поскакалъ въ Савитайполь. Скоро послѣ меня и жена простилась съ своими хозяевами, поблагодаря ихъ за квартеру, которая считалась первою въ городѣ, и знаменита была по тому, что В. К — зь, Павелъ Пет(ровичъ) въ походъ свой въ 1788 годѣ, изволилъ въ ней стоять.

Опять началась у меня съ женою переписка, — единственная моя отрада въ походѣ; Московскія письма и Петербургскія по переменкамъ радовали мое сердце. То письма домашнихъ читалъ, то отвѣчалъ на нихъ. Почты доставляли все ето исправно. Какое счастіе имѣть каждую недѣлю извѣстіе о милыхъ сердцу! Какое отрадное занятіе посреди пушекъ, штыковъ, противъ врага, и ежечастно у дверей гроба.

Игельс(тре)мъ стоялъ съ своимъ корпусомъ на границѣ Россійской въ Ковали 30 числа іюля дошли до насъ оттуда слухи о заключающемся мирѣ; 3 августа онъ дѣйствительно заключенъ между обѣими державами, баронами Игель(стремо)мъ и Армф(ельдо)мъ въ мѣстечкѣ Верелле за рѣкою Кимѣнь на землѣ Шведской. И такъ война кончилась пріобретеніемъ нѣсколькихъ десятинъ земли, на которой построенъ для мирнаго торжества на скорую руку Храмъ Славы, стольже миніатюрный сколько и сама Слава. Мы по формѣ извѣщены о семъ августа 4 отъ Игель(стре)ма. Вопросъ: гдѣ же былъ гр. Солт(ыковъ) главнокомандующій? Онъ въ Мемелѣ, селеніи только въ дватцати верстахъ отъ Ковали, ничего не подозрѣвая о мирѣ, держалъ войска свои на оборонительной ногѣ. Дивись кто хочетъ! Для меня ето было не чудно, послѣ многихъ тѣхъ странностей кои я частію самъ видѣлъ, а частію испыталъ. Такъ ли всегда война ведется, — сіе оставляю рѣ-

[1]) Въ Капищѣ сказано, — 80-ти лѣтъ.

шить тѣмъ, кои лучше меня ето ремесло знаютъ, — для меня ето дѣло стороннее, — я пишу лишь о себѣ.

Хрущевъ получа дозволеніе отъѣхать отъ своего мѣста поручилъ команду генералъ маіору Неклюдову, и взявъ съ собой меня, Чирикова и Неклюдова, меньшаго брата генеральскаго, которой служилъ въ Конной Гвардіи и при нашемъ корпусѣ числился волонтеромъ, отправился 6 числа въ Ковали. Проѣжжая Давыдову крѣпость, или лучше сказать съ шутливымъ Левашовымъ вмѣстѣ, слабость, нашли тамъ подъ командой Полковника Сипягина[1]) баталіонъ Преображенскаго полка. Въ Ковали мы увидѣли Игельс(тре)ма съ многими генералами потому, что нашихъ войскъ тутъ было отборное и большое число; къ тому же по свѣденіи о мирѣ, многія изъ разныхъ корпусовъ штабъ и оберъ офицеры просились туда, и къ торжеству мира съѣжжались. 8 числа курьеръ привезъ изъ Петербурга ратификацію трактата, и съ той поры обращеніе между шведами и нами сдѣлалось мирное и свободное. Лагери наши стояли на разстояніи трехъ верстъ, и мы взаимно переходили другъ къ другу безпрестанно. Самъ король прискакалъ въ Вереллу.

9 числа по утру баронъ Игель(стре)мъ тронулся съ своей квартиры и сопровождаемъ огромною свитою чиновниковъ, въ числѣ коихъ и я взмостился на какого то буцефала, поѣхалъ торжественно верхомъ на поклонъ къ королю въ его лагерь. На пути въ томъ самомъ шатрѣ въ которомъ оба воины подписали мирной договоръ, данъ былъ шведскимъ офицерамъ завтракъ отъ барона Игель(стре)ма, по окончаніи котораго прибыли въ Шведской Станъ. У походнаго Королевскаго двора, первое мѣсто занималъ баронъ Армф(ель)дъ. Рана его еще не зажила, и онъ руку носилъ въ перевязи. Онъ ввелъ Генерала нашего и всю его свиту въ королевскую палатку. Каждой изъ насъ поимѣнно былъ Его Величеству представленъ, и онъ со всѣми благосклонно обошелся. Улыбка съ лица его не сходила; — послѣ аудіенціи данъ былъ намъ всѣмъ обѣдъ. Всѣ до полковничьяго чина включительно обѣдали съ Королемъ; а ниже Полковника чины приглашены были къ Оберъ Гофмаршальскому столу. Таковъ етикетъ у военнаго Шведскаго двора. Офицеры Гвардіи нѣкоторыя немножко было поспорили на етотъ счетъ, но Игель(стре)мъ насупилъ брови, слова два три произнесъ весьма увѣсистыхъ, — и фанфароновъ урезонилъ. Послѣ обѣда, я былъ свидѣтелемъ блистательнѣйшей въ свѣтѣ военно политической церемоніи по случаю размѣна ратификаціи; она совершена между обѣими лагерями во Храмѣ Славы, о коемъ упомянуто выше, среди тѣхъ двухъ наметовъ, подъ коими Игель(стре)мъ и Арф(ель)дъ сближая сѣверныя народы, сыграли такъ удачно въ доспѣхахъ военныхъ роли памятныхъ еще героевъ, — Евгенія и Виллара. Неумолкаемой шумъ черни туда столпившейся, пальба изъ пушекъ, ружейной трескъ, барабанной бой, и видъ пресмыкающихъ съ обѣихъ сторонъ двухъ разныхъ войскъ въ своемъ парадномъ одѣяніи, все ето дѣлало зрѣлище великолѣпнымъ, а всеобщее целованье молодыхъ воиновъ, кои за недѣлю предъ симъ искали смерти одинъ другаго, и откровенное ихъ между собою обращеніе, придавали къ величеству картины, прелестныя черты чувствительности чистосердечной. Игель(стре)мъ

[1]) Николай Васильевичъ, впосл. ген.-майоръ, 1735—1820.

былъ мужъ своего времени, и насмотрѣвшись на Екатерину, умѣлъ возвысить обряды сей церемоніи; они такъ были важны, что не нарушая слова можно было минуту размѣна назвать священной. Еще тогда таинники придворныя были скромны, и знали про себя что все ето комедія, но воинство, народъ и царство вообще, всѣ почитали трактаты вѣнчанныхъ Главъ клятвою святою и неприкосновенною.

10 числа бар. Игель(стре)мъ и самъ поѣхалъ опять и насъ всѣхъ въ свитѣ своей повезъ съ утра къ королю. Его Величеству угодно было представить намъ разныя военныя и духовныя свои зрѣлища; одѣлся при насъ, сѣлъ верьхомъ и двинулся къ полкамъ. За нимъ безъ счету толпа Шведскихъ чиновъ верьхами и вся наша русская арава. Пыль столбомъ стояла. Казалось полъ сѣвера поскакало впередъ. Проѣхавши мимо всѣхъ своихъ войскъ при звукѣ барабановъ и пріятной гармоніи кларнетовъ, которыхъ никакъ нельзя смѣнить съ нашими дудами, на коихъ флейщики наигрываютъ какой то визгъ, Король остановился посреди обширнаго поля, тутъ для него приготовлено было мѣсто и бархатная подушка, разосланъ коверъ, пасторъ его исповѣданія отправилъ благодарное молебствіе, король молился, стоя по временамъ на колѣняхъ; потомъ говорилъ громко рѣчь всѣмъ своимъ войскамъ, провозглашалъ новыя чины надѣвалъ знаки отличія съ обыкновенною присягою подъ знаменами. Они со всѣхъ полковъ снесены были вокругъ его мѣста и безъ удивленія примѣтить можно было на иныхъ древкахъ поношенныя лоскуты съ вензелемъ Густава Вазы. Сіи древнія сокровища въ большомъ у шведа уваженіи. Назадъ онъ насъ возилъ мимо всей своей артиллеріи, и окончавъ всѣ церемоніи около пяти часовъ вечера, накормилъ насъ очень поздо. Весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицеры какъ наши, такъ и его были приглашены къ столамъ, т. е. королевскому съ нимъ самимъ, и Оберъ Гофмаршальскому по чинамъ.

Въ тотъ же день въ вечеру приглашены мы были на вечеринку въ королевской лагерь. Отобѣдавши, всѣ разъѣхались по своимъ норамъ; отдохнувши нѣсколько, и опять предъ захожденіемъ солнца верьхами, Игель(стре)мъ съ нами, отправился въ лагерь шведской. Можно себѣ вообразить какъ сухъ и томенъ вечерній праздникъ на придворной манерь, безъ дамъ и въ военномъ станѣ. Что тутъ дѣлать и чѣмъ забавлятся? — Нѣсколько пробито было широкихъ дорогъ на чистомъ и равномъ полѣ. По обѣ стороны насаженъ ельникъ; къ сучьямъ привязали и зажгли факелы. Самая печальная иллюминація! Етотъ праздникъ менѣе всего былъ похожъ на то, чѣмъ его назвать хотѣли. Свѣтильни оплывали, отрывки сала летѣли съ вѣтокъ и заражали чистый лѣтній воздухъ смрадной копотью. Вечеръ былъ хорошъ, но принесенъ въ жертву скукѣ совсѣмъ новаго рода. Мы всѣ слонялись по дорожкамъ въ видѣ гуляющихъ по лѣтнимъ садамъ или островамъ Петербургскимъ, но тщетно настроивали воображеніе! Все намъ представляло дикую Финляндскую землю, для однихъ каменныхъ скалъ и поганыхъ Маймистовъ созданную. Ужинъ данъ хорошій на разныхъ столахъ подъ шатрами безъ етикетовъ, послѣ котораго вышли мы всѣ въ большую ставку королевскую, и тамъ ему откланивались его придворныя чиновники имѣющія опередить его въ Стокгольмѣ; потомъ продолжалась поговорка еще съ полчаса. Въ ето время и я имѣлъ счастіе быть королемъ замѣченъ. Обходя всѣхъ кругомъ онъ остановился на нѣ-

сколько минутъ противъ меня, и изволилъ вопросовъ пять, шесть мнѣ сдѣлать. Наконецъ большой сдѣлалъ всѣмъ поклонъ и отретировался, а мы кто на кокого коня въ темнотѣ попалъ, на томъ безъ всякаго пути и порядка поскакалъ въ свой уголъ въ Ковали. Такъ кончилась пышность шведскаго военнаго торжества въ которомъ сквозь поддѣльнаго на часъ великолѣпія всюду видны были бѣдность и крайній во многомъ недостатокъ. Молодыя люди въ войскѣ любезны и обходительны и съ ними я очень пріятно провелъ ето краткое время нашего свиданія перьваго и послѣдняго въ жизни. Кто меня понесетъ въ етотъ край въ которомъ еще холоднѣе нашего?

11-е былъ я въ Мемелѣ въ гостяхъ у зятя Ефим(овскаго) въ Измайл(овскомъ) лагерѣ. 12-го прибыли мы съ Хрущевымъ въ Фридризгамъ въ которомъ стоялъ Гр: Солт(ыко)въ. Въ етомъ уѣздномъ городкѣ хорошая крѣпость; онъ на морѣ. Въ настоящую войну былъ Шведами атакованъ, вытерпѣлъ бомбандировку, — но не сдался. Въ тотъ же самой день я ѣздилъ изъ любопытства на шлюбкѣ посмотрѣть нашей гребной флотиліи; она стояла не далеко отъ пристани. Я всходилъ на галеру контръ-адмирала графа Литты и посидѣлъ у него въ гостяхъ. Каюта просторная свѣтлая, прекрасная! Но водное житье мнѣ не полюбилось. Къ вечеру воротился въ городъ; два дни въ немъ проживши, соскучился до сыта и 14-го числа вздумали мы съ Чириковымъ воротится въ Савитайполь, къ своимъ товарищамъ. Съ сей уже поры я не видался болѣе нигдѣ съ Хрущ(евымъ) какъ съ начальникомъ, и принеся ему чувствительнѣшую мою благодарность, простился съ нимъ какъ съ истиннымъ моимъ благодѣтелемъ. Онъ точно былъ такимъ противъ меня во все время его надъ нами команды. Безсовѣстно было бы мнѣ не такъ думать, не такъ о немъ отозватся.

На пути мы узнали что нашъ баталіонъ оставилъ Савитайполь и пошелъ въ Петербургъ. Сколько ни хотѣлось мнѣ еще разъ взглянуть на ето дикое мѣстечко, но домой стократно болѣе влекло меня сердце. Мы прямо поѣхали въ Вильм(анстрандъ). Тутъ сошелся нашъ баталіонъ, присоединился къ нему перьвой, и весь нашъ Семеновской отрядъ совокупно выступилъ 19 числа въ походъ къ Выб(ор)гу 20-го вошли мы въ оной церемоніальнымъ маршемъ. Настоящій нашъ полковой командиръ Маіоръ Корсаковъ, принялъ надъ нами начальство и расположилъ насъ лагеремъ.

21-го съ жаднымъ любопытствомъ ѣздилъ я смотрѣть и съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ подгородное мѣстечко называемое: Monrépos, въ полуверстѣ отъ Выборга. — Увеселительной тутъ замокъ, въ коемъ живалъ нѣкогда Принцъ Виртембергскій, братъ родной Великой Княгини, генер.-порутчикъ нашей арміи и Генер: Губернаторъ Выборгской о которомъ писано въ прежнихъ годахъ: Его уже не было тогда въ Россіи[1]). Домъ и земля принадлежали по покупкѣ Г. Николаю[2]) казначею Ихъ Высочествъ. Уединеніе прекраснѣйшее, приморская дичь украшенная прелестьми роскоши и зодчества. Скала утесистая, въ которую море безпрестанно плещетъ своими волнами. Все ето превосходно, но

[1]) См. о немъ № IV, стр. 66.

[2]) Баронъ Андрей Львовичъ, секретарь, библіотекарь и казначей вел. кн. Павла Петр., професс. и преподаватель логики, род. въ Страсбургѣ (1737—1820). Впослѣдствіи тайн. сов. и през. Академіи Наукъ.

мнѣ хотѣлось поскорѣй домой. Въ Выборгѣ стоять все утро въ передней у Корсакова, обѣдать въ тамошнемъ клобѣ, вечеръ убивать въ обществѣ Графини Солтыковой которая ожидала тутъ своего супруга, мнѣ крайне надоѣдало. Неизвѣстно было еще скоро ли нашъ полкъ выступитъ изъ крѣпости. Маіоръ нашъ былъ нраву крутаго и мало снисходительнаго; однако я попробовалъ просится въ отпускъ въ Петербургъ, и Корсаковъ сперьва пошумѣлъ, посердился, потомъ позволилъ, и подъ предлогомъ командировки къ гр(афу) Брюсу съ нѣкоторыми распорядительными бумагами, онъ меня послалъ къ нему курьеромъ. Курьерская ѣзда не мое дѣло. Я при всемъ моемъ желаньи быть дома, доѣхалъ туда не прежде какъ въ сутки, ибо 24-го ночевалъ препокойно на дорогѣ, а 25-го августа въ пять часовъ по полудни очутился въ своемъ кабинетѣ въ обьятіяхъ Евгеньи, и тормашилъ уже на колѣняхъ Павлушу. Здѣсь конецъ разсказу о моемъ походѣ, и екстракта изъ пространныхъ моихъ о немъ записокъ, кои составляютъ особой журналъ въ цѣлой большой книгѣ. Теперь обратимся къ основѣ исторической настоящаго года.

Хвалу воздавъ Творцу за всѣ оказанныя мнѣ щедроты, въ столь короткое, но болѣзненное время, я отдохнулъ въ тихой жизни среди моего милаго и еще не многолюднаго семейства. Еще полки наши были на пути, какъ въ Петербургѣ августа 30-го дня, дано было духовное велилѣпное зрѣлище; выстроенъ въ новомъ вкусѣ богатой соборной храмъ въ Александро Невской Лаврѣ, и перенесены въ оной мощи сего сѣвернаго побѣдоносца[1]). Екатерина привязанная къ наружному величеству, украсила сію церемонію всей роскошью возможной. Кавалеры Ордена несли гробъ; духовенство ублажало въ пѣснопѣніяхъ и куреніи священныя остатки столь знаменитаго Порфироносца. Одной гвардіи не доставало къ усугубленію торжества; но ее готовили къ политическимъ праздникамъ. Прежде вшествія ее въ городъ намъ нѣкоторымъ офицерамъ предварившимъ свои команды, не позволено было въ публикѣ казаться, и такъ я инкогнито въ толпѣ народа смотрѣлъ на сію церемонію отъ которой глаза мои уже отвыкли. Графъ Брюсъ принялъ меня очень милостиво и отправилъ назадъ къ полку. Я явился въ свой баталіонъ 2-го Сентября; онъ уже былъ въ Парголовѣ подъ городомъ. 3-е мы вступили въ столицу. Графъ Брюсъ встрѣтилъ насъ у заставы. 8 число началось торжество мира; оно продолжалось до 24-го. Черезъ день разныя назначены были пиршества; открыто празднество великолѣпнѣйшимъ съѣздомъ всѣхъ чиновъ у двора. Императрица сидѣла на тронѣ; читана съ налоя предъ ней Секретаремъ ея Храповицкимъ[2]) высокопарная рѣчь, писанная въ славянскомъ слогѣ. Потомъ провозглашенъ списокъ Монаршимъ щедротамъ. Особы обоего пола окружавшія престолъ Екатерины, съ колѣнопреклоненіемъ приносили ей свои поздравленіи и дань благодарности и лобзали побѣдительную Ея десницу. Съ прочими вмѣстѣ равную честь имѣли жена моя и сестра. Они по маловажности мужниныхъ чиновъ замыкали

[1]) Заложенный въ 1720 г. соборъ св. Троицы, ввиду строительныхъ дефектовъ разобранъ былъ въ 1753 г., заложенъ вновь въ 1776 г., по проекту архитектора И. Е. Строева.

[2]) Александръ Васильевичъ, статсъ-секретарь императрицы, извѣстный составитель дневника. (1749—1801).

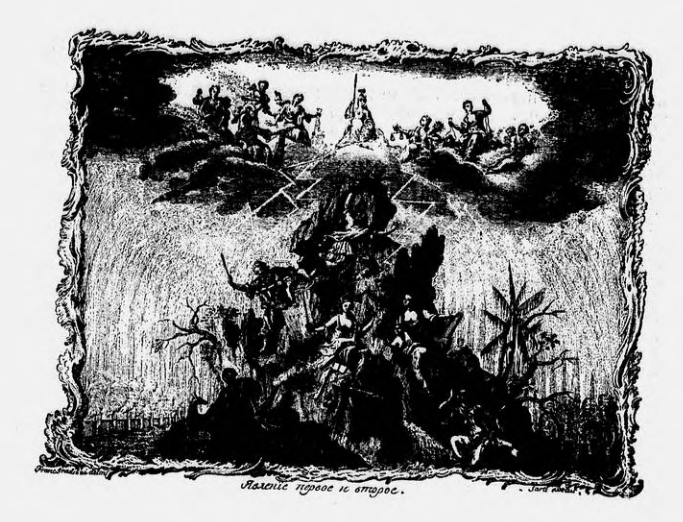
шествіе своего пола. — Гвардія и прочія полки стояли подъ ружьемъ, — пальба изъ пушекъ потрясала весь воздухъ. Въ народъ кидали серебренныя жетоны и чернь съ жадностію ихъ хватала. 15-е число назначено было для угощенія штаба и оберъ офицеровъ гвардіи. Огромной данъ обѣдъ на четыреста кувертовъ въ дворцовой залѣ. Государыня удостоила его своимъ присутствіемъ и я имѣлъ счастіе тутъ же съ прочими обѣдать. Кромѣ гвардейскаго мундира не было никакого. Дворъ весь служилъ, оркестръ заглушалъ шумъ человѣческой, и пиръ сей прибавлялъ новый лучъ Славы къ вѣнцу Екатерины среди своихъ воиновъ, наслаждающейся съ признательностію ихъ подвигами и любовію къ своему скипетру. По окончаніи всѣхъ праздниковъ мира, каждой изъ насъ получилъ серебренную медаль, въ память сему происшествію. Многія ближайшія ко двору, получили ленты, чины, недвижимыя имѣніи, земли и деньги. Никто изъ сподвижниковъ не остался презрѣнъ, уничтоженъ, забытъ.

Когда весь угаръ миновался, и всякой вышелъ въ настоящее свое положеніе, я сталъ помышлять о свиданіи съ родителями моими. Пора было ихъ обрадовать послѣ мучительнаго страха въ такой отдаленности отъ театра войны. Очаровательной Петербургъ начиналъ казатся мнѣ скучнымъ и единообразнымъ. Глаза мои до сыта насмотрѣлись на суетной блескъ его; исполнивъ долгъ мой въ походѣ, что оставалось мнѣ дѣлать въ городѣ? Проживатся безплодно, выносить капризы надмѣннаго нашего маіора Корсакова, и угождать ему чѣмъ? — разводомъ. Ето казалось мнѣ упражненіемъ самымъ низкимъ; разсудокъ мой требовалъ трудовъ и занятій уважительнѣе онаго; механика военнаго ремесла крайне мнѣ надоѣла, и я готовъ былъ уже на всегда съ нимъ простится, но ничего не любя предпринимать безъ соизволенія моихъ родителей, мнѣ нужно было о такомъ рѣшительномъ намѣреніи, съ ними напередъ посовѣтыватся, и для того вдвое полезно было мнѣ съѣздить къ нимъ въ отпускъ. Гра(фъ) Брюсъ охотно увольнялъ Офицеровъ своего полку, наипаче тѣхъ, кои воротились изъ похода. Я попросился и отпущенъ по май. Зять мой гр(афъ) Ефим(овскій) также; предъ отъѣздомъ нашимъ, мы съ женою откланивались Ихъ Высочествамъ, и потомъ на одной недѣли собравшись выѣхали въ Москву и прискакали они напередъ, а мы послѣ, (потому что заѣжжали къ тещѣ), обрадовать своимъ присутствіемъ стариковъ нашихъ, пожить съ ними подъ родимою крышкой въ стѣнахъ нашей родины — Москвы. Какъ описать восторгъ родителей моихъ? Дѣти ихъ цѣлы, здоровы, опять съ ними! Чувство общее во всѣхъ насъ выше всякаго было выраженія.

Первыя дни нашего свиданія прошли въ восторгахъ радости и въ хвастовствѣ на счетъ похода. Офицеровъ въ отпуску появилось множество: во всякомъ собраніи отличались мы чванствомъ и выказывали себя героями, хотя многія, въ томъ числѣ и я грѣшной, ни одной пули не видали. Посмотрѣвшись около себя, я начиналъ думать о будущей судьбѣ моей. Расположеніе мое оставить военную службу не противно было, ни Батюшкѣ ни Матушкѣ; я къ ней не чувствовалъ никакой склонности а безъ усердія къ дѣлу числится въ какомъ нибудь званіи и тяжело и безсовѣстно. Я былъ въ полку шестнадцатой капитанъ; хотя ежегодно и увольняли изъ нихъ по три человѣка съ бригадирскимъ повышеніемъ, но я не смѣлъ надѣятся изъ послѣднихъ капитановъ попасть

въ бригадиры, полагая что въ пятнадцати старѣе меня наберется болѣе трехъ охотниковъ выттить изъ гвардіи. Чтобы дослужить до полковничьего чина въ арміи, мнѣ надобно было оставатся въ гвардіи по крайней мѣрѣ еще восемъ лѣтъ, потому, что не всякой годъ выпускали въ армію въ полковники, а когда и соизволяла Государыня, то выпускали только одного и перьваго капитана по списку. Между тѣмъ я долженъ бы былъ жить при полку, ходить на караулъ во дворецъ, ничего почти не дѣлать и проживатся напрасно. Жизнь Петербургская самая даже умѣренная, выходила вонъ изъ моего расчета, и я бы вовлекъ Отца своего для содержанія моего въ страшныя убытки. Все ето, а паче повторю, отвращеніе мое отъ военнаго состоянія рѣшило меня принять другія мѣры, тѣмъ болѣе что всякой годъ дѣлалъ въ старшинствѣ большую разницу, и я могъ бы вышедши нѣсколько лѣтъ позже въ отставку, ничего не выиграть въ чинахъ, а потерять только время. Счастіе мнѣ помогло! Я рѣшился, послалъ въ полкъ прозьбу, и приватными письмами, убѣждалъ моихъ пріятелей походатайствовать объ отставкѣ моей къ статскимъ дѣламъ бригадиромъ. Остатокъ года провелъ я между страха и надежды. Опасаясь чтобъ по молодости моей въ капитанскомъ чинѣ меня не уволили вмѣсто бригадира полковникомъ, но есть минуты въ которыя надо ловить случаи. Онъ самъ бѣжитъ на встрѣчу нашимъ желаніямъ; такъ точно нынѣ случилось со мною. Съ новымъ годомъ ето откроется; — теперь провождая настоящій въ семьѣ моей окруженъ родными, мнѣ оставалось сожалѣть только о томъ, что Отецъ мой становился очень дряхлъ; изнуряемъ недугами и скорьбми душевными, составъ тѣлесной въ немъ поспѣшно разрушался. Домъ нашъ уже не тотъ былъ богатой и роскошной въ которомъ я родился и воспитаніе получилъ. Имѣнье родителей моихъ обремѣненное долгами, едва могло доходами своими удовлетворять потребностямъ нашего многолюднаго семейства; нужда часто была ощущаема каждымъ изъ насъ. Батюшку съѣдали заботы; чѣмъ больше по великодушію его и твердости онъ старался скрывать отъ насъ свои печали, тѣмъ болѣе тяготила насъ догадка что онъ страждетъ и несчастливъ. Одна Машенька дочь наша невинное дитя его утѣшала; онъ любовался этимъ ребенкомъ, лелѣялъ ее безпрестанно и такъ пріучилъ къ себѣ, что мы казались ей чужими въ сравненіи съ Московскими домашними. Естественное дѣйствіе привычки: натура не знаетъ нравственныхъ соображеній; младенецъ видитъ отца и мать въ тѣхъ лицахъ кои поятъ его, кормятъ и снабжаютъ. Вотъ картина моего положенія въ истекшемъ годѣ. Встрѣтимъ новой, и позабудемъ на минуту тѣ печали кои подъ крышкой родительскаго дома казалось на долго водворились. Дай Богъ чтобъ не навсегда!!!





Явленіе первое и второе.

1791.

Обстоятельства въ Питерѣ расположились въ мою пользу. Доклады подписаны и 6-го числа генваря дошла до меня нетерпѣливо и со страхомъ ожидаемая вѣсть, что я уволенъ къ статскимъ дѣламъ въ бригадиры: по счастію изъ пятнадцати старѣе меня капитановъ, только двое попросились; я могъ пристать къ нимъ третій, и безъ затрудненія дѣло исполнилось. Всѣ мы въ моей семьѣ чрезвычайно обрадовались. Въ перьвомъ движеніи разсудокъ нашъ всегда въ отлучкѣ, одни дѣйствуютъ чувства. — Но чемужъ мы такъ восхищались? Выслушайте: Рѣдкость быть въ мои годы, т. е. въ двадцать шесть лѣтъ уже бригадиромъ, чинъ принадлежащій къ генералитету, свобода отставной жизни, независимость полная отъ властей и военныхъ и гражданскихъ,× право закладывать карету въ шесть лошадей, носить шитой мундиръ и шляпу съ плюмажемъ; видѣть имя свое въ газетахъ, когда случится лѣтомъ въ заставу выѣхать въ Савинъ или Троицкой монастыри на богомолье (тогда въ обычай ввелось печатать особую статью о пріѣжжающихъ и отъѣжжающихъ въ столицу, включая однихъ перьвыхъ пять классовъ). Сколько выгодъ! Какъ не биться сердцу отъ радости у того, кто всѣ ихъ получилъ вдругъ! Родители мои радовались по другимъ побужденіямъ; суета

на нихъ имѣла уже слабое вліяніе; имъ пріятна была перемѣна моего состоянія потому что уже я не буду носить военнаго званія отъ котораго они отвращались, и волею или неволею учавствовать иногда въ кровопролитіи неправосудномъ отнимая жизнь у себя подобнаго. Что, по долговременной отлучкѣ, наконецъ буду жить съ ними и при нихъ; и тѣмъ сберегу доходы не истощая ихъ напрасно на содержаніе меня въ сторонѣ по дороговизнѣ всего и по роскоши отяготительной для молодаго супружества. Вотъ отъ какихъ началъ истекала радость стариковъ; на нихъ дѣйствовалъ разсудокъ, а я какъ ребенокъ еще не вмѣщалъ долго въ себѣ моихъ восторговъ и того важнаго преимущества, что я дослужился до титула Высокороднаго.

Очарованіе мое скоро исчезло; опытъ всему научитъ. Я началъ примѣчать въ короткое время, что въ наружныхъ преимуществахъ какимъ бы названіемъ ихъ не окрестили нѣтъ ни чести, ни славы, — еще менѣе спокойства и истиннаго счастія. Все внѣшнее изчезаетъ какъ дымъ; все въ политикѣ общественной произведено только для обольщенія пылкихъ головъ и сердецъ малодушныхъ. Жена мало по малу стала тужить о рѣшительной ея разлукѣ съ Петербургомъ, мѣстомъ почти ея рожденія. Отецъ мой видя меня въ большомъ, но не уважительномъ чинѣ, доколѣ я въ немъ буду праздно шататься по Москвѣ въ толпѣ прочихъ дюжинныхъ бригадировъ, грустилъ что я такъ раноересталъ упражнятся и нечего не дѣлаю. Ему хотѣлось поскорей доставить мнѣ мѣсто въ гражданской службѣ и занять меня полезными ея трудами. Я самъ имѣя свойственное всякому самолюбіе что нибудь значить и къ несчастію въ высокой мѣрѣ, не могъ удовольствоваться въ полнѣ настоящею моею сферою, и за перомъ въ кабинетѣ писать только романсы не будучи полезнымъ отечеству. Статская служба послѣ военной казалась мнѣ гробомъ всѣхъ удовольствій моего возраста; я видѣлъ, что мнѣ надобно будетъ или преодолѣть себя или боротся съ волей моего родителя. То и другое меня отягощало. Съ другой стороны все играть комедію и скоморошить въ публикѣ Московской мало мнѣ представляло забавы. Бригадировъ ежегодно выпускали изъ гвардіи по двѣнадцати, отъ того то я какъ выше видно прозвалъ етотъ чинъ дюжиннымъ. Чинъ сей становился часъ отъ часу площаднѣе, и дошелъ до того, что современной стихотворецъ того вѣка не струсилъ напечатать въ одномъ своемъ произведеніи слѣдующія два стиха:

Земля полна вся кавалеровъ,
И свѣтъ сталъ нынѣ Бригадиръ.

Молодость не позволяла мнѣ еще приникнуть въ тайны благополучія. не зналъ я, что сколько общему мнѣнію ни порабощайся, на весь міръ не угодишь; встрѣтишь индѣ похвалу поступкамъ своимъ, индѣ злорѣчіе. Совѣсть такъ сказать дѣвственная еще не тверда, когда ее не искусили самоё превратности судьбины. Истинны сей я не разумѣлъ тогда. Взглядъ на механизмъ жизни человѣческой былъ еще не вѣренъ, слѣдовательно обрадовавшись бригадирству на часокъ, что мнѣ оставалось потомъ какъ не тужить, для чего всѣ товарищи мои служа возвышаются въ чинахъ, имѣютъ на нихъ права и надежды, а я безъ трудовъ гражданскихъ посѣдѣю наконецъ въ шитомъ мундирѣ, и буду антикомъ пятаго класса? Находка не важная! а сколько не наря-

жайся въ философы, все одно да одно. Помилуй Богъ какъ скучно! Такъ разсуждалъ я самъ съ собою грѣясь въ кабинетѣ у камина.

Между тѣмъ перемѣня и мѣсто и родъ жизни я устроилъ нѣсколько свои дѣла. Очистилъ долги свои не большія въ Петербургѣ, домъ свой полковой продалъ, людей и нужныя пожитки поревезъ въ Москву, выходилъ отъ Герольдіи паспортъ, и разорвавъ всѣ связи свои съ сѣверной столицей, сталъ пріискивать въ Москвѣ забавы на свой вкусъ, во ожиданіи лучшей участи.

Хотя я тотчасъ пустился во всѣ публичныя собраньи, но болѣе старался учавствовать въ маленькихъ обществахъ. Длинныя мои разлуки съ Москвой разнакомили меня со многими; оставались два три дома съ коими я сохранилъ короткое общеніе, и между ими и семьей дѣлилъ все свое время. Вотъ какъ оно у меня было расположено: Все утро я упражнялся съ перомъ въ моемъ кабинетѣ, обѣдалъ ежедневно дома, рѣдко въ гостяхъ, весь день до вечера провождалъ съ Отцемъ и Матерью.— Старость и немощи удаляли ихъ отъ большаго свѣта; они рѣдко, или лучше сказать почти вовсе уже не выѣжжали. Ужинъ домашній подавался въ восемь часовъ, въ девять старики наши ложились почивать а мы въ сестриныхъ комнатахъ до обыкновенной ночной поры составляли свою круговеньку. Жена моя любила жизнь уединенную, хотя всю молодость свою провела въ шумѣ, да и гдѣ-же? въ царскихъ палатахъ! Сверьхъ того Москва ей не нравилась; она не могла приладится къ ея роду жизни. Состояніе беременности въ которомъ она находилась съ осени, давала ей полное право освободится отъ всѣхъ обычаевъ свѣтскихъ и жить по своему произволу. Общество наше домашнее умножено было еще двумя лицами; сестра родная Матери моей, вдова генерала Ржевскаго, о смерти котораго я упомянулъ въ своемъ мѣстѣ, Софья Николаевна[1]) скончалась чахоткою въ осени прошедшаго года, оставя послѣ себя трехъ дочерей, двухъ старшихъ за мужемъ а послѣднюю въ дѣвкахъ; возростъ ея требовалъ опекуновъ; ей было семнадцать лѣтъ.— гр: Ив. Гри. Черныш(евъ)[2]) вельможа и дальній родственникъ Ржев(скаго) принялъ опеку на себя вмѣстѣ съ отцемъ моимъ, и самъ живучи въ Петербургѣ безъсъѣздно носилъ одно титло опекуна, а сироту и состояніе ея представилъ въ полное распоряженіе батюшкѣ, который принялъ Марью Степановну къ себѣ въ домъ; за ней было наслѣдства по раздѣлу и здѣлкамъ съ сестрами пять сотъ душъ, но самой собой дома держать ей было бы не прилично, и такъ мы жили вмѣстѣ. Сестры ея были съ мужьями своими по другимъ городамъ; при домѣ тетки покойной до смерти ея жилъ предобрѣйшій человѣкъ уже не молодой по имени Ив(анъ) Ник(олаевичь) Классонъ[3]). Служа долго въ станѣ Ржевскаго, онъ былъ наконецъ отставленъ Маіоромъ и управлялъ его домомъ. Имѣя отличныя качества сердца, етотъ чувствительный иностранецъ такъ привязался къ семейству своего начальника и благодѣтеля, что предпочиталъ умѣренность самую строгую избыткамъ

[1]) Урожд. графиня Строганова, 1736—1790, замужемъ за ген.-поруч. Степаномъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ Старшая дочь, Θеодосія, — за кн. Голицынымъ, 3-я — Марія о которой рѣчь ниже.

[2]) Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, графъ, генералъ-аншефъ, ген.-фельдм. 1726—1797 г.г.

[3]) См. „Капище“.

роскоши, лишъ бы могъ быть полезенъ услугамъ требуемымъ отъ опекуновъ. Батюшка взялъ и его подъ свою крышку и покровительство, и такъ насъ было не мало. Мы въ своей семьѣ будучи всѣ довольно молоды еще, находили разныя способы проводить вечера довольно пріятно. Я о смерти тетки моей ничего не сказалъ, тогда какъ она послѣдовала; потому что связь ея съ Матерью моей была не такъ тѣсна, чтобъ потеря ея нанесла ей сильную печаль.

Гдѣ вода была, тутъ и будетъ: старая русская пословица. Меня опять взманили играть комедію, и я не смотря на пятый классъ явился снова на театрѣ. Между старыми знакомствами моими пріятнѣе всѣхъ для меня съ самаго ребячества былъ домъ госпожи Опочинин(ой)[1]). Она любила жить и веселиться: у нее были двѣ дочери богатыя невѣсты. Старшая собой пригожа, ловка, умна, занимала всѣ помышленіи матери, а та ею одной дышала. — Прыгая съ ней на балахъ еще до переселенія моего въ Петербургъ, я не былъ къ ней равнодушенъ, и она послѣ страсти моей къ женщ(инамъ) перьвая водворилась въ моемъ сердцѣ. Склонность моя къ ней до того дошла, что я почти помышлялъ о женидьбѣ на ней, и хотя отецъ мой не очень благопріятно смотрѣлъ на тогдашнія восторги, но можетъ быть етотъ союзъ бы состоялся, еслибъ сердце мое было постояннѣе, но почти рѣшась по возвращеніи изъ Петербурга просить родительскаго дозволенія на сватовство, въ нѣкоторой надеждѣ что оно принято будетъ благосклонно матерью, которой я уже нравился, а болѣе еще мое имя, ибо при богатствѣ не лишнее бываетъ звонкое прозваніе, почти рѣшась искать руки милой О(почининой) поскакалъ въ Петербургъ. Ето было въ 86-мъ году. У заставы сдѣлался холоднѣе, а тамъ влюбился и женился на Смирной. — Въ самое то время какъ мы будучи только что обвѣнчаны поѣхали въ Москву, разсылали карточки по городу о помолвкѣ О(почининой) за богатаго, достойнаго, и фамильнаго человѣка Нарыш(кина). Вмѣстѣ мы составляли въ 87-мъ году двѣ новыя четы и каждая наслаждалась забывъ прошедшее настоящимъ своимъ благополучіемъ.

Восторги скоро проходятъ. Я привыкъ къ своей Евгеньи, Нарыш(кина) къ своему супругу. Онъ къ несчастію впалъ въ слабость и прожилъ все свое имѣніе; — женѣ оставалось бѣдствовать; мать любя ее страстно, дабы развлечь вседневныя ея огорченія, вздумала сдѣлать у себя театръ, и меня пригласили играть. Намѣреніе столь невинное не представляло ничего опаснаго; я согласился и сталъ туда ѣздить ежедневно. Будучи очевидцемъ въ каждой пріѣздъ разныхъ непріятныхъ сценъ между мужа и жены, и разсуждая что ежели бы я сдержалъ мое первое намѣреніе, она бы была менѣе несчастна, я составилъ самой софистической силлогизмъ въ головѣ, которой нечувствительно апробовало мое сердце. Бѣдная, думалъ, женщина страждетъ отъ меня! слѣдовательно мнѣ должно всячески угождать ей, вымышлять и способствовать ея забавамъ, чтобъ сколько возможно облегчить тягость положенія ея, которое таковымъ представлялось мнѣ отъ моего обмана, или, скроемъ слово, непостоянства. Вотъ какъ часто молодость при самыхъ по видимому благородныхъ побужденіяхъ, вовлекаетъ въ

[1]) О ней см. „Капище“ и „Записки“ 1786 г. Дочь ея, Екатерина Николаевна, была замужемъ за сенаторомъ Петр. Петровичемъ Нарышкинымъ (1764—1825).

тяжкія ошибки, и исправляя мечтательное зло, совершаетъ другое, — существенное.

И такъ, я пустился въ забаву не смысля, что часто въ меду кроется ножъ. Назначили піесу, разобрали роли, начались репетиціи, но какъ обыкновенно случается въ благородныхъ обществахъ рѣдкая комедія удавалась; иная актриса отговорится нохтоѣдой, другую не отпускаетъ мать, тотъ актеръ у бабушки третъ спину когда ее прихватютъ спазмы, у другого кареты нѣтъ, а пѣшкомъ ходить на пробу стыдно; подобныя препятствіи заставили насъ принятся за Оперу: Служанка Госпожа [1]). Только два лица, Нарыш(кина) и я составляли все общество. Какая соблазнительная удобность!—Репетиціи не урѣжали. Нарыш(кина) всякій вечеръ являлась къ матери, пока мужъ ея усиживалъ въ Аглинскомъ клубѣ хорошее пиво и портеръ, жена забывала свое горе на театрѣ домашнемъ. Управлялъ оркестромъ составленнымъ изъ охотниковъ, виртуозъ въ своемъ родѣ кн. Х(илковъ)[1]). Насъ двухъ пѣть училъ славной пѣвецъ Манарелли. Ето мнѣ ничего не стоило, мать Нарыш(киной) все дѣлала собственнымъ своимъ иждивеніемъ, лишъ бы несчастной дочери ея было весело. Мы играли по французски; послѣ всякой репетиціи оставался я одинъ въ ихъ домѣ. Мать, двѣ дочери и я вмѣстѣ ужинаемъ, и просидимъ бывало до двухъ и трехъ часовъ ночи! Читателю довольно чтобъ отгадать что старая склонность сдѣлалась скоро пылкою страстію; я влюбился по уши, забылъ свои обязанности, жилъ для одной Нарыш(киной) и всякой вечеръ, заложа карету оставлялъ домъ свой и жену въ немъ одну съ семействомъ; все шло своимъ чередомъ; забава, — забавой;—любовь,—любовью. Не происходило ничего предосудительнаго, но неосторожности было много. Вся зима такимъ образомъ прошла съ конца прошедшаго года, тотчасъ почти по пріѣздѣ нашемъ до приближившагося великаго поста, которой положа конецъ нашему театру отнялъ у меня предлогъ частыхъ свиданіи съ Нарыш(киной).

Но прежде еще замѣтили у меня худыя слѣдствіи моего легкомыслія. Родители мои чрезвычайно полюбили Евгенію и недовольны были моимъ съ ней холоднымъ обращеніемъ. Евгенія сама не равнодушно переносила мои безпрестанныя отлучки и отгадавъ причину ихъ, — часто плакала. Чѣмъ болѣе на нее дѣйствовало мое поведеніе, и чѣмъ скромнѣе она скрывала печаль свою, тѣмъ нѣжнѣе Отецъ мой догадывался, и старался отвлечь отъ нее малѣйшее прикосновеніе досадительнаго чувства. Все оборвалось на мнѣ. Начались выговоры, пѣни, усовѣщеваніи; но когда страсть ими уважаетъ! Нечаянной случай самъ прекратилъ горестную разстройку; я распространюсь на счетъ его ниже, договоримъ объ этомъ. Мы сыграли при большомъ стеченіи лучшихъ людей свою Оперу. Приспѣлъ потомъ Великій постъ. Хозяйка дома была набожна, заперла на ето время домъ свой и прекратила въ немъ начатыя увеселеніи. Зербина моя полетѣла странствовать съ мужемъ по деревнямъ, а мнѣ, просто сказать, присадили дома хвостъ. Полно ребячится! Если не навсегда, по крайней мѣрѣ, на время. Причину соблазна отняли. Я очнулся и пришелъ самъ въ себя; возвратился со всею пылкостію своего характера по прежнему къ Евгеніи, которой дано было судьбою одной меня такъ сильно и прочно привязать къ себѣ, что я послѣ каждаго заблужденія (а ихъ было много) пламеннѣе еще ее любилъ чѣмъ когда нибудь, и въ сравненіи съ моими возлюбленными на минуту, Евгенія не только ничего не теряла, но еще находила въ умѣ своемъ средства тѣснѣе крѣпить узелъ сердечнаго нашего союза. Много женщинъ я любилъ, но исповѣдую здѣсь откровенно, что другой Евгеніи я не встрѣчалъ въ жизни моей. Самъ Богъ ущедрилъ меня такимъ сокровищемъ.

[1]) Князь Михаилъ Яковлевичъ Хилковъ, скрипачъ и дирижеръ-любитель. См. „Капище".

Разскажемъ теперь случай, который много способствовалъ моей остудѣ къ Нарыш(киной). Кн. Потем(кинъ) проѣжжая изъ арміи въ Петербургъ, разсудилъ завернуть въ Москву, въ которую ожидали его на масленицѣ. Такъ и случилось: всѣ готовили ему на перерывъ праздники, балы и маскарады; въ клобѣ не вмѣщались всѣ его члены отъ жаднаго желанія, хоть на одинъ съѣздъ записатся, дабы видѣть полурыцаря россійскаго. Не за долго предъ тѣмъ, гр. Шерем(етевъ)[1]) пожелалъ видѣть какъ жена моя играетъ Нину, не для того чтобы дивится, вмѣстѣ со всѣми, чрезвычайному таланту ея въ этой ролѣ, но дабы показать хорошій образецъ театральнаго искусства первой своей актрисѣ и любовницѣ Парашѣ[2]). Наслѣдникъ всѣхъ сокровищъ своего отца, и нѣкоторыхъ его вкусовъ, онъ держалъ на той же ногѣ какъ и прежде домашній свой театръ; на немъ играли все его люди. Москва ими изъ трусости любовалась, и Шерем(етевъ) чувствовалъ что Параша еще далеко стоитъ отъ превосходства въ своихъ роляхъ. Охота пуще неволи! Онъ не былъ съ нами знакомъ, зналъ что мы родня, но не уважалъ никогда нашимъ домомъ. Тутъ надлежало ему первой шагъ сдѣлать, чтобъ добится успѣха. Онъ презрилъ всѣ приличіи и не ѣздивши къ намъ никогда, рѣшился задрать визитомъ, послѣ котораго тотчасъ приступилъ къ предложенію, и звалъ жену со мною разыграть на его театрѣ оперу Нины. Забывая насъ во времена тяжкія или огорчительныя, вспомнилъ что мы свои, когда дѣло дошло до его собственнаго удовольствія. Примѣры такія уже не рѣдки были въ нашемъ молодомъ вѣкѣ.

Я радовался етому, какъ случаю самому удобному презрить богатство и фортуну и показать сему баловню счастія, что не смотря на свои сокровища, не все-то ему удается чего хочется, и что бываютъ вещи, коихъ груды золота доставить не могутъ. Я внутренне торжествовалъ, готовясь ему отказать, но, видно, для богатаго сама судьба ни въ чемъ не полагаетъ препонъ; мнѣ противудѣйствовали двѣ важныя причины: во-первыхъ, женѣ моей самой очень хотѣлось сыграть Нину, и блеснуть въ Московской публикѣ, для которой она была еще дичокъ. Простительное самолюбіе въ ея лѣта, тѣмъ болѣе, что оно здѣсь имѣло весьма одобрительное побужденіе. Увѣрена будучи, что она игрой своей затмитъ мою новую прелестницу Нарыш(кину) она знала, что одно сравненіе

[1]) Гр. Николай Петровичъ (1751—1809). Извѣстный любитель театра и обладатель превосх. труппы въ Москвѣ.

[2]) Крѣпостная гр. Шереметева, по сценѣ Жемчугова. Отличалась голосомъ, игрой и красотой. Въ началѣ Царств. Имп. Павла, графъ женился на ней, но въ 1803 г. она умерла послѣ родовъ. См. о ней въ книгѣ Н. Евреинова, „Крѣпостные актеры". Спб. 1912 г.

ее съ тою, весь перевѣсъ чувствъ моихъ оборотитъ въ ея пользу, и повергнетъ меня паки къ ногамъ ея. Во-вторыхъ, Батюшкѣ чрезмѣрно хотѣлось также видѣть, что за Фениксъ Евгенія на театрѣ, и порадоваться ея минутному торжеству. Противъ сихъ двухъ силъ, я нашелся слабъ вооружатся, и принужденъ былъ согласиться на приглашеніе гр. Шерем(етева), котораго я не чтилъ и не любилъ ни мало; дѣло сдѣлано, слово дано, и мы играемъ. Спектакль присроченъ былъ къ масленицѣ.

Пріѣхалъ въ Москву исполинъ Россійской кн. Потем(кинъ). Начались празднества. Гр. Шерем(етевъ), по знатности, не столько чиновъ и лица своего, какъ богатства, не могъ освободиться, да и не смѣлъ, отъ обязанности дать значительный пиръ князю. Онъ объявилъ намъ намѣреніе представить для него Нину. Здѣсь новыя возродились неудовольствіи, я сильно ему противился; родясь въ Москвѣ, и зная духъ ея публики, я не хотѣлъ наполнить ее молвой безчестною для жены моей и для меня; я не хотѣлъ, чтобъ подумали, что спектакль заранѣе былъ къ етой порѣ прилаженъ, съ умысломъ такимъ, чтобъ жена моя плѣнила князя, и, что я охотно готовъ, какъ многія другія раболѣпныя бояра нашего времени, подвести ее къ услугамъ Потем(кина), дабы стать черезъ нее на ходули мнимаго счастія. Отецъ мой, поддержалъ мое негодованіе. Долго спорили съ Шереме(тевымъ), но онъ принужденъ былъ извиниться передъ княземъ въ томъ, что праздника своего дать не успѣетъ прежде великаго поста. Князь самъ ему на ето день назначилъ, и такъ, комедія наша не нанесла намъ той страшной непріятности, отъ которой поздно бы было уже почти отклонятся, ибо билеты въ театръ разосланы были за нѣсколько часовъ до пріѣзда князя въ Москву.

Всю масленицу мы промучались на пробахъ. Каждой день ихъ было по двѣ. Шерем(етевъ) — самъ управлялъ оркестромъ. Ничего не пощажено для великолѣпія зрѣлища. Театръ помѣщалъ до сту пятидесяти человѣкъ; мы сыграли оперу въ послѣдній день маслиницы, и графъ самъ въ оркестрѣ акомпанировалъ насъ на басу. Ето составляло главнѣйшую страсть его во всю жизнь; онъ и при отцѣ, когда холопи ихъ играли всякую недѣлю оперы, брося гостей, садился въ оркестръ за свой контребасъ и тотчасъ послѣ театра, уходилъ въ свои комнаты, не привѣтствуя никого изъ посѣтителей родительскаго дома. Таковъ былъ его родъ жизни, онъ и тутъ ему не измѣнилъ. Ничто сильнѣе доказать не могло, сколь очаровательно жена моя играла Нину, какъ то, что несмотря на пріѣздъ Потем(кина) въ Москву, на праздникъ данной ему въ день нашего театра въ благородномъ клобѣ, на жадность всей публики видѣть его и туда, гдѣ прошла нога его, стремится въ угожденіи великой его покровительницы; не смотря на столь сильныя уваженія, театръ Шерем(етева) наполненъ былъ зрителей. Вся отборная публика Москвы въ немъ тѣснилась. Все было набито народу, и рукоплесканіи во время игры ея, составляли безпрестанный гулъ во всемъ зданіи театра. Батюшка, первый нашъ гость, не выѣзжающій уже почти никуда по немощамъ своимъ, собралъ всѣ свои силы и пріѣхалъ радоватся моей женой. Онъ плакалъ отъ восхищенія, глядя на безподобную игру ея, въ которой, смѣло утверждать можно, никто, никто не выдерживалъ съ ней сравненія, особенно же въ настоящей

ролѣ. Ето одно составляло собственное мое удовольствіе, впрочемъ мы измучены были на пробахъ какъ нанятыя актеры.

Молвимъ нѣчто о распорядкѣ спектакля. Графъ до согласія еще нашего увѣренъ будучи, что ему никто и ни въ чемъ отказать не можетъ (какъ бы онъ ошибся еслибъ моя одна воля дѣйствовала!), назначилъ самъ кому съ нами играть, и подобралъ всю труппу, но, къ стыду своему, принужденъ былъ ей отказать, потому что я въ етомъ устоялъ и рѣшительно обьявилъ, что жена моя иначе играть не будетъ, какъ съ тѣми коихъ сама выберетъ, и что всѣ актеры нужные нами прісканы. Нѣчего было Крезу дѣлать какъ согласиться. Вотъ имена нашихъ товарищей:

Нина — Евгенія.

Отецъ ее — Я.

Любовникъ — Рукинъ, А. А. Отца моего двоюродный братъ побочной.

Кормилецъ — А. Яковлевъ. Гвардіи офицеръ.

Подруга Нины — Меньшая сестра моя [1]).

Хоры и пастухи представлены были пѣвчими графскими. Вообще, всѣ дѣйствующія лица имѣли пріятныя голоса, и музыка шла съ успѣхомъ, соразмѣрнымъ игрѣ актеровъ. Весь спектакть могъ назваться прекраснѣйшимъ.

Нравы человѣческія познаются иногда изъ бездѣлицъ: такъ означилось и теперь гнилое свойство графа Шерем(етева). Условились мы съ нимъ разослать сто пятдесятъ билетовъ; взявъ изъ нихъ на свою часть сто, а пятдесятъ отдали ему, съ тѣмъ, однако, что какъ онъ намъ, такъ мы ему обязаны представить именной реестръ приглашаемымъ, дабы избѣжать неудовольствій встрѣтиться съ людьми тому или другому непріятными. Графъ со многими изъ нашихъ общихъ родственниковъ былъ въ разладѣ, всѣ они изъ нашего списка выключены. Мы съ нашей стороны требовали, чтобы нѣкоторыя лица были вымараны изъ его списка, въ томъ числѣ и нѣкто короткой его собесѣдникъ кн. Одоев(скій), трусъ, подлецъ и нахалъ, наполненный злорѣчія и обмана, не терпимой всѣми честными людьми. Кто имъ былъ не обруганъ? Кто не лизалъ яду съ языка его. Графъ обѣщалъ Отцу моему вѣрнѣйшимъ словомъ не давать ему билета, но не смѣя сдѣлатся предмѣтомъ его ругательныхъ насмѣшекъ, онъ изъ трусости велѣлъ его впустить въ потаенныя двери въ партерѣ, и къ удивленію нашему, лишь поднялся занавѣсъ, мы увидѣли его въ первомъ ряду съ почетнѣйшими гостями, почти рядомъ съ Отцемъ моимъ. Поздно было заводить шумъ; изъ уваженія не къ хозяину уже, а ковсему собранію, надобно было проглотить ету подлую обиду.

И что же потомъ? Какая признательность. Графъ на другой день спектакля прислалъ провѣдать о нашемъ здоровьи, а самъ потомъ ниже одинъ разъ не пріѣхалъ въ нашъ домъ, хотя для того только, чтобы сказать спасибо. Его дары были бы не у мѣста; никто бъ изъ насъ ихъ не принялъ. Учтивость одна, настоящая цѣна снисходительнымъ поступкамъ; ее съ нами не было соблюдено ни сколько. Я не обманулся, заранѣе ожидалъ етаго, — такъ и случилось. Жалѣлъ только о презрѣніи ока-

[1]) Елисавета Михайловна, была замужемъ за Васил. Лавр. Селецкимъ.

занномъ старому моему Отцу, а его двоюродному брату, которое довелъ онъ до такой степени, что даже въ праздникъ данной имъ князю Потемкину, графъ никого изъ насъ не пригласилъ, потому что мы съ батюшкой не перьвыхъ были классовъ по чинамъ. Таковъ то былъ гр. Шерем(етевъ), достойный сынъ своего родителя. Ясно открылось намъ тогда, что ему хотѣлось имѣть етотъ спектакль, въ домѣ своемъ, единственно для того, чтобъ дать хорошій урокъ своей Парашѣ, котораго никакими деньгами купить было нельзя, и за то, огорченный мой Отецъ, не обманывая уже себя болѣе, разорвалъ съ нимъ всякое знакомство. Кончились всѣ наши, съ домомъ его отношенія, но я долго говорилъ объ етой комедіи; правда, что успѣхъ ее важное произвелъ дѣйствіе въ моемъ семействѣ, оторвавъ меня отъ Нары(шкиной), что казалось тогда не бездѣлкою. Хвала и честь Евгеньи, которая успѣла кроткими средствами владѣть сердцемъ моимъ и выпутывать его изъ всѣхъ тенетъ стороннихъ, безъ досадъ моихъ и волненій. Замѣтивъ сіе бросимъ золотую куклу, которая послужила къ тому средствомъ, и постараемся уже не возвращаться къ ней снова.

Пока я дѣлалъ свое дѣло, игралъ комедію и еще рѣзвился, батюшка не терялъ изъ виду своего намѣренія, и чѣмъ болѣе примѣчалъ во мнѣ легкомыслія, тѣмъ сильнѣе старался занять меня службой, дабы труды гражданскія убавили праздности моей. Въ это время управлялъ Москвою генералъ аншефъ, кн. Прозоровской [1]), баринъ честной, прямодушной и строжайшаго благонравія. Отецъ мой былъ съ нимъ хорошо знакомъ, и просилъ его о опредѣленіи меня къ должности; очистилось скоро мѣсто предсѣдателя въ Верхнемъ Земскомъ судѣ. Оно по стату положено было чиномъ ниже моего, но для начала казалось выгоднымъ потому наипаче, что я могъ перьвыя свои опыты сдѣлать подъ надзоромъ моего Отца. На сіи мѣста требовалось утвержденія самой Государыни по докладу Сената. Кн. Прозоров(скій) меня представилъ, Сенатъ также, оставалось ожидать конфирмаціи. Дѣло такъ представилось легко въ исполненіи, что Батюшка не разсудилъ особыхъ прозьбъ писать ни къ кому въ Питеръ. Онъ оставилъ ето на произволъ судьбы; а я между тѣмъ считая на успѣхъ неотмѣнной, занялся образованіемъ постояннаго рода жизни въ Москвѣ; отдѣлалъ и прибралъ свой флигель на Батюшкиномъ дворѣ, составилъ кругъ знакомства изъ молодыхъ людей. Всякую недѣлю въ теченіи великаго поста, у насъ были маленькія концерты: кн. Хилк(овъ) [2]), кн. Шахов(ской) [3]), Новосил(цевъ), Тит(—) страстные охотники до музыки и мастера играть сами, съѣзжались къ намъ разыгрывать квартеты. Постъ пролетѣлъ пріятнѣйшимъ образомъ. Изъ стороннихъ Обществъ, я чаще всѣхъ посѣщалъ домъ старичка кн. Влад(иміра) Сергѣев(ича) Долгорук(ова) [4]), которой меня отмѣнно полюбилъ; онъ жилъ тогда въ одномъ домѣ съ родной своей невѣсткой кня(гиней) Нат(аліей) Серг(ѣевной) Долгор(уковой) [5]), и она была уже женщиной лѣтъ за пятде-

---

[1]) Ген.-фельдм. Александръ Александровичъ (1732 — 1809). См. „Капище".
[2]) См. выше.
[3]) Николай Григорьевичъ, извѣстный любитель театра, имѣвшій свою труппу крѣпостныхъ артистовъ.
[4]) Родств. автора (1717 — 1803). См. „Капище".
[5]) Вдова его брата Николая, ум. въ 1781 г., урожд. Салтыкова (1742—1801).

сятъ. Мы съ этимъ домомъ безъ родства имѣли только одно имя общимъ. Кн(язь) Долго(ру)кой служилъ долго въ артиллеріи, исправилъ всю Семилѣтнюю войну, потомъ былъ посланъ Министромъ ко двору великаго Фридриха, Короля Прусскаго. Тамъ въ царство Екатерины II, онъ выслужилъ безсмѣнно при етой миссіи слишкомъ двадцать лѣтъ, уважаемъ своимъ дворомъ, любимъ Прусскимъ; потомъ уволенъ съ чиномъ Дѣств. Тайн. Совѣт. отъ службы, и пріѣхавши лѣтъ уже семидесяти въ Москву на житье, прибавлялъ къ доходамъ невѣстки своей весь свой пансіонъ, состоящій въ четырехъ тысячахъ рублей, и держалъ съ ней общій домъ. У него не было никакого другаго состоянія, онъ самыхъ благочестивыхъ правилъ былъ человѣкъ, въ обращеніи со всѣми тихъ, скроменъ, ровенъ, любилъ людей, бесѣду, и не смотря на старость свою способенъ былъ привлекать къ себѣ людей. Невѣстка его, дама, какъ выше видно, не молодая уже, старалась во всемъ угождать волѣ его и доставлять ему способы проводить время безъ тягости. По вечерамъ всегда къ нимъ съѣжжались нѣсколько человѣкъ отборныхъ людей, игра въ карты, и разговоръ сокращали пріятнымъ образомъ время. Она была вдова, и ума любезнаго женщина: въ домѣ ихъ, всякой возрастъ находилъ удовольствіе, и я такъ участилъ къ нимъ мои посѣщенія, что уже не былъ гостемъ, а почти домашнимъ. Разговоръ старика для меня былъ очень полезенъ, онъ много читалъ, видѣлъ, опыты его въ политической сферѣ, придавали вѣсъ большой его поученіямъ, а съ невѣсткой его, которая уже имѣла внучатъ, мудрено, мнѣ казалось, нажить непріятности, но судьба любила всегда самыя странныя случаи на пути жизни моей ставить. Ето изъяснится ниже.

Скоро послѣ святой Недѣли, ваканціи въ Московскихъ мѣстахъ наполнились, но я лишенъ желаемаго. Государыни угодно было въ предсѣдатели въ Верьх(ній) Земс(кій) судъ, опредѣлить вмѣсто меня другаго, ето насъ очень огорчило: поздо догадались мы, что и самая по видимому бездѣльная милость у двора безъ сильнаго ходатайства получена быть не можетъ; кн. Прозор(овскій) досадуя, что представленіе его лишилось надлежащаго уваженія, разсудилъ списаться съ Безбородкою, который возведенъ будучи въ высокій чинъ, и принадлежа собственно иностранному департаменту былъ такъ близокъ къ Государынѣ, что кредитъ его распространялся даже и на Гражданскія дѣла. Онъ ворочилъ всѣмъ. Потем(кинъ) и Безбор(одко) были единственныя свѣтила россійскаго Государства. Батюшка съ своей стороны писалъ къ графу Брюсу [1]); оба отвѣчали очень учтиво. Перьвой Проз(оровско)му, что будто Государыня не соизволила на помѣщеніе мое въ предсѣдатели прямо, хотя и въ среднее мѣсто Губернское потому, что я никогда еще не служилъ въ статской службѣ, а начинать перьвымъ мѣстомъ въ какомъ бы то ни было трибуналѣ неприлично. Отговорка весьма благовидная, но Проз(оровск)ой которой при представленіи обо мнѣ тѣмъ охотнѣе соглашался на оное, что Государыня, какъ самъ онъ мнѣ сказать изволилъ, желаетъ чтобъ всѣ мѣста въ Москвѣ были наполнены фамильными лицами, никакъ не удовлетворился такой вымышленной при-

---

[1]) Яковъ Александровичъ, ген.-анш., ген.-губерн. Московскій (1729 — 1791). О немъ много въ предыдущихъ главахъ записокъ.

чиной, а гр(афъ) Брюсъ, къ Отцу моему писалъ, чтобъ онъ не огорчался, относя неудачу къ негодованію или худому обо мнѣ мнѣнію Монархини, но что подобныя случаи происходятъ очень часто безъ намѣренія, словомъ, открылось что мое мѣсто мимо меня дано знакомому Безбородки, о которомъ онъ при докладѣ сенатскаго представленія просилъ Екатерину и я вымаранъ ея рукою; хотя етимъ не поправлялось мое дѣло, но не такъ уже черно оно стало намъ казатся. Проз(оровскій), — желая поправить испорченное, предложилъ мнѣ мѣсто совѣтника въ гражданской палатѣ, но я его отказалъ считая, что чины не ассигнаціи на которыя Лажъ плотятъ. Я хотѣлъ удержать за собой въ полнѣ достоинство пятаго класса, и не соглашался двумя степенями ниже своего чина начать новой службы, Отецъ мой опробовалъ мое честолюбіе, и такъ оставался я еще празднымъ. Сіе огорчало наиболѣе потому, что Москва любя суетныя разглагольствіи, твердила что меня не опредѣлили для того, что я играю комедіи и что Государыня не жалуетъ дворянъ скомороховъ. Время показало сколь ошибочно было заключеніе Московскихъ догадчиковъ, но между тѣмъ надобно было терпѣть и великодушно выносить молву народную.

Такъ то часто пустыя заключеніи портятъ кровь человѣческую. Дѣло самое простое, обо мнѣ никто не просилъ, о другомъ хлопотали знатныя люди. Перевѣсъ долженъ былъ натурально обратится не въ мою пользу; я злодѣевъ личныхъ не могъ еще имѣть. Чѣмъ и какъ ихъ заслужить въ гвардейскомъ кафтанѣ? Графъ Брюсъ одобрялъ и нынѣ въ письмѣ своемъ къ Батюшкѣ мое поведеніе. Государыня меня не знала, наговорить было нѣкому, неудача вся произходила отъ простой русской пословицы: подъ лежачь камень вода не течетъ. Кн. Проз(оровскій) продолжалъ и потомъ свои милости ко мнѣ; всегда принималъ меня вѣжливо, благосклонно, отличалъ зовомъ на большія праздничныя обѣды, и я очень часто ѣжжалъ къ нему за городъ въ Коломенской дворецъ, гдѣ онъ вселѣто живалъ обыкновенно. Жаль что мнѣ не удалось служить подъ начальствомъ такого достойнаго мужа!

Всѣ ети хлопоты не помѣшали мнѣ лѣто провести пріятнымъ образомъ. Въ день имянинъ Отца моего, 23 мая, разсудилось мнѣ у себя дать маленькой праздникъ. Мѣстоположеніе нашего городскаго дома на берегу Москвы рѣки и весьма обширное, доставляло намъ превосходныя способы улучшить оной. Въ саду играла во весь вечеръ духовая музыка, въ шатрѣ плясали всякаго званія люди, гулянье открыто было всѣмъ свободно. Для потѣхи низкаго состоянія людей, привезенъ былъ фокусъ-покусъ, а въ комнатахъ нашихъ до самой ночи продолжался балъ. Садъ освѣтился плошками, пущено было нѣсколько ракетъ, и сожженъ на берегу рѣки небольшой фейерверкъ.—

Ужинъ состоялъ только изъ сорока кувертовъ; но общество было отборное, и всякой забавлялся непринужденно отъ души, за столомъ сидѣли одни дамы, кавалеры имъ прислуживали, и за стульями стоя замѣняли слугъ, которыхъ вовсе въ тотъ покой не впускали. Все ето шло такъ стройно и весело, что самъ Отецъ мой и Матушка не смотря на ихъ немощи, просидѣли у насъ до двѣнадцати часовъ противъ своего обыкновенія. Имянинникъ мой драгоцѣнной такъ доволенъ былъ нашимъ приношеніемъ что дѣля съ нами заботы хозяйства, изволилъ самъ прислуживать и не садился за столъ. Какое лестное снисхожденіе! — О! какой Отецъ, умѣлъ такъ ощущать любовь дѣтей своихъ, и быть столь нѣжно къ ней признателенъ!!

Постоянное житье на одномъ мѣстѣ мнѣ никогда не нравилось. Я любилъ мыкатся; далеко ѣздить, смотрѣть диковинъ, — не позволяло состояніе.

Вздумалось мнѣ одному побывать у Троицы, и разсмотрѣть етотъ знаменитой Монастырь. Путь не великъ; жена будучи въ послѣднемъ времени беременности не могла быть мнѣ товарищемъ. Въ Троицынъ день тамъ всегда наѣжжали изъ Москвы множество гулякъ и богомольцевъ. Въ числѣ перьвыхъ и я къ тому же дню присрочилъ мой отъѣздъ. Со мной одинъ товарищъ былъ старой мой маіоръ Классонъ: Сѣли на легкѣ на дрожки и покатили; тамъ я встрѣтился съ N...... [1]) и если бъ не краткость времени, опять бы заронилась искра въ мое сердце. Прожилъ я въ Лаврѣ двое сутокъ и насмотрѣлся на всѣ рѣдкости и сокровищи сей древней обители. Какое богатство! Какія утвари и вещи безподобныя! Лавра есть единственное мѣсто въ Россіи, какъ въ етомъ отношеніи, такъ и во многихъ другихъ. Повѣсть о настоятеляхъ ея, о пожертвованіяхъ во времена самыя суровыя никогда не забудутся въ лѣтописяхъ нашего царства. Платонъ [2]) угощалъ насъ великолѣпнымъ столомъ въ день Пятидесятницы; отборныя явства, прихотливыя напитки, брилліантовыя панагіи, показывали, что монахи не всегда бываютъ такъ бѣдны, какъ быть обѣщаются. Я совершенно плѣненъ былъ его затѣями въ саду, уединенной пустыней, а паче всего его сладкой бесѣдой. Хорошо, думалъ я тогда, жить съ деньгами во всякомъ положеніи. Съ ними цари гнутъ свои народы въ нѣсколько сгибовъ, съ ними монахи послѣ вечерни пьютъ съ друзьями своими Венгерское, — съ ними подлой человѣкъ обращаетъ къ себѣ вниманіе мужей благороднѣйшихъ, съ ними въ маломъ числѣ и я отъ бездѣлья съѣздилъ въ Лавру, обонялъ сытыя трапезы нищей Христіянской братіи, и видѣлъ, какъ Платонъ въ бархатныхъ рясахъ, претерпѣваетъ вольную нищету. О великой талисманъ! — деньги! Ты все строишь въ подлунномъ нашемъ мірѣ.

Здѣсь помѣщу я странное приключеніе случившее со мною нынѣшнимъ лѣтомъ. Извѣстно уже что я очень коротко знакомъ былъ въ домѣ кня(гини) Нат(альи) Серг(ѣевны) [3]). Вдругъ получаю я письмо отъ неизвѣстнаго; читаю и нахожу на счетъ ея прескаредной пасквиль, въ которомъ она безпощадно разругана: рука мнѣ незнакома; но почеркъ весьма похожъ на ея собственной; сама себя бранить не могла. Ето ни къ чему не служитъ. Куда думалъ я дѣтся съ такою грамоткою? Въ перьвомъ движеніи рѣшился я отдать ей самой въ четырехъ глазахъ, и послѣдовалъ внутреннему совѣту. Въ тотъ же день являюсь къ ней, нахожу одну въ отдаленномъ кабинетѣ, сообщаю ей причину моего визита, запираются отвсюду двери, я осматриваю вездѣ, даже за окошкомъ, нѣтъ ли около двора любопытныхъ и остаемся мы одни одинёхоньки. Она читаетъ письмо, изумляется его содержанію, жжетъ его при мнѣ, и оторвавъ печать, чаятельно для сличенія съ своими переписками, прячетъ въ свой столикъ, запирая его ключемъ.. Кажется дѣло умираетъ въ самомъ глубокомъ секретѣ. Состояніе мое во время сего свиданія было за нее

[1]) Очевидно, Нарышкиной.
[2]) Митрополитъ Московскій.
[3]) Долгоруковой.

самое мучительное. Какими глазами глядѣть на женщину ея лѣтъ, которая сама о себѣ принуждена при мущинѣ молодомъ, читать цѣлой листъ вранья соблазнительнаго и клеветы постыдной? Скоро я принужденъ былъ заключить, что или стѣны ея говорили, или въ нихъ жили чародѣи. Мнѣ искренно хотѣлось отгадать издателя пасквиля. Однажды посѣщая вечеромъ кн: Не(свицкій) [1]) съ которымъ я сдѣлался короткимъ прiятелемъ, выдержалъ я нечаянно сцену въ самомъ новомъ родѣ. Хозяинъ былъ женатъ недавно на молодой и пригожей дѣвушкѣ своей двоюродной сестрѣ [2]). Оба они любили другъ друга страстно; супружество ихъ долго остановлено было законными препятствiями. Но vis et pecunia vincent omnia. Жена была умна, — мужъ очень простъ;— хорошiй достатокъ позволялъ имъ наслаждаться прелестью свободнаго гостепрiимства; жили они смирно, согласно, и весело. Ежедневно посѣщала ихъ одна прiятельница, дѣвушка среднихъ уже лѣтъ и такая какихъ въ Москвѣ множество, коихъ возятъ по домамъ разсказывать небылицы. Я съ ней тутъ съѣхался, и никого кромѣ насъ не было. Бесѣдуя о всякой всячинѣ между собою, навелъ я рѣчь и на пасквиль, долго толковали, и мнѣ начинало казатся что ета гостья что нибудь о немъ знаетъ. Любопытство мое удвоилось: „Сдѣлайте милость скажите“ говорилъ я ей „по крайней мѣрѣ хоть то: мущина или женщина писала ко мнѣ?“

„Право не знаю; но какъ бы кажется не поддѣланъ былъ почеркъ, мудрено не узнать знакомой руки“.

„Напримѣръ, Сударыня, если бъ вы ее видѣли, узнали ли бы вы кого изъ вашихъ знакомыхъ?“ — „Можетъ быть“. Тогда я притворясь дабы лучше вывѣдать истинну, обѣщался ей привести ето письмо.

„Вамъ етаго думаю сдѣлать уже нельзя“. Я началъ блѣднѣть отъ удивленiя. „Почему?“ продолжалъ рѣчь. „Если отъ него что нибудь осталось, такъ развѣ одна печать, да и та заперта“. Вообразите тутъ мое смущенiе; я почти остолбенелъ. —

Она захохотала. Вспомните что письмо при мнѣ сожжено, всѣ двери, окошки, щели осмотрены, нигдѣ, никого при томъ не было и печать прибрана за замокъ; долго я не зналъ что ето все значитъ, но приставши очень неотступно, и съ нѣкоторой уже подозрительной досадой къ етой особѣ, ничего другаго къ развязкѣ отъ нее не добился, какъ слѣдующiй получилъ отвѣтъ: „Етотъ пасквиль писанъ въ обществѣ многихъ, а не однимъ лицемъ. Васъ хотѣли имъ пощекотать; если вы покажете видъ сердитой, то ожидайте въ слѣдъ за нимъ другаго, если же напротивъ вы презрите етой шуткой, то она тѣмъ и кончится“. Я послѣдовалъ совѣту, и дѣйствительно никто меня болѣе не безпокоилъ и все дурачество тѣмъ кончилось; я никогда не могъ разобрать что значила ета сплетня и въ совершенномъ остался невѣденiи на счетъ сказаннаго пасквиля, сохраняя въ умѣ своемъ подозрѣнiе, что ета говорящая газета съ которой я просидѣлъ такой колдовской вечеръ, конечно была какъ нибудь участницей въ этомъ нелѣпомъ приключенiи. Оно ни мало впрочемъ не подѣйствовало на отношенiи мои съ княгиней Н(атальей) С(ергѣевной) и я по прежнему не мѣняясь въ обращенiи продолжалъ ѣздить въ ея домъ, находилъ себя въ немъ очень хорошо.

[1]) Иванъ Васильевичъ, оберъ-шенкъ, д. с. с. (1740 — 1806).
[2]) Марiя Ильинична, о ней см. „Капище“.

Жена моя сидя все дома, и отъ беременности и по вкусу къ тихой жизни занималась перомъ, арфой и рукодѣльемъ. Она вывязала прекрасной кошелекъ своей работы, и къ Петрову дню осмѣлилась его поднести В. К — ни, при письмѣ съ котораго списокъ помѣстится въ концѣ года. Оно сочинено было на французскомъ языкѣ и препровождено къ генеральшѣ Ливенъ. Ею поднесена работа Евгеньи, Ея Высочеству, и посредствомъ прiятельницы жены моей г-жи Виламовой, съ которой какъ видно изъ прежнихъ лѣтъ, она очень свыклась въ Монастырѣ. Генеральша увѣдомляла ее что В. К—ня крайне милостиво принявъ ея приношенiе, приказала изъявить ей свое благоволенiе. Обыкновенное официяльное привѣтствiе, которое выходило вонъ изъ всякаго уваженiя — Виламова находилась тогда при воспитанiи В. К — ны Александры Павловны, и у двора представляла значительную роль.

Въ iюнѣ готовилась жена моя родить и я отъ нее уже не отходилъ ни на минуту. 7 числа Богъ далъ намъ сына; Евгенья разрѣшилась благополучно: его нарекли Михайлой и Батюшка съ ребенкомъ Машей былъ его воспрiемникомъ. Дѣти переставали намъ быть въ диковинку; уже третьяго мы лелѣяли, и такъ мы рады были его рожденiю, но не съ тѣми восторгами окружали его колыбель какъ ту, въ которой пеленали Павла. Тотчасъ послѣ родинъ женниныхъ на Машѣ появилась корь, которая сошла очень благополучно, а оспа привита ей была еще въ отсутствiе наше, когда мы въ прошломъ лѣтѣ были въ Петербургѣ. Никакого безобразiя она отъ нее не потерпѣла; обѣ сiи болѣзни дѣтскiя ребенокъ перенесъ хорошо. Мало по малу жена стала оправлятся. Три недѣли прошли, и я могъ удовлетворяя прiятельскому зову отлучится отъ нее безъ боязни дни на три за городъ.

Кн(язь) Нес(вицкiй), тотъ самой о которомъ говорилъ я выше по случаю пасквиля, купилъ прелестную подмосковную въ тридцати пяти верстахъ отъ Москвы, по Звенигородской дороги, и правя новоселье пригласилъ меня на оное. Погода была прекрасная, я отправился и былъ принятъ хозяевами какъ искреннiй другъ. Мало времени тамъ я прогостилъ, но никогда такъ весело еще не жилъ. Собранье наше состояло изъ тридцати человѣкъ обоего пола; никого не было старѣе тридцати лѣтъ. Всякой забавлялся непринужденно по своему вкусу, и дѣлалъ что хотѣлъ. Въ восемь часовъ утра начинался день, въ девять всѣ сходились въ общую залу. Однако ни кому не казалось время продолжительнымъ. Утро проходило въ разномъ разсѣянiи; послѣ завтрака общаго, иной садился за карты, другой гулялъ верьхомъ или пѣшкомъ; я всякое утро купался въ ваннѣ на рѣкѣ и наслаждался прохладой. Послѣ стола начинались другiя забавы; на дворѣ горелки, хороводы, прiятная смѣсь крестьянокъ съ нашими городскими барынями, восхищали зрѣнiе новостiю картины своей. Тамъ на дерновыхъ коврахъ плясали цыгане и кричали свои дикiя пѣсни; тутъ группы Московскихъ гулякъ толпились въ саду и какъ волны разливались по всѣмъ дорожкамъ, между тѣмъ, какъ хозяева съ своими зваными гостями разбросавшись въ оранжереи обрывали персики, обрикосы и свѣжiя плоды съ деревьевъ. Здѣсь поближе къ Москвѣ рѣкѣ, на берегахъ ее во весь вечеръ почти раздавались унылыя звуки огромной роговой музыки, и эхо въ лѣсахъ разнося ихъ повсюду, питало душу сладкой меланхолiей, которой ничто иное дать въ такомъ совершенствѣ не можетъ. Я ею былъ очарованъ. Въ сумерки всѣ предметы Села были

иллюминованы, вездѣ огонь, вездѣ зарево торжественное. — Индѣ вдругъ полетятъ ракеты и трескъ ихъ слышанъ подъ облаками, индѣ водяныя шутихи встрѣвожа всю рыбу въ рѣкѣ, забавляли чернь, и крикъ ее былъ залогомъ чистой радости. Такъ проведены были всѣ трои сутки сряду безъ малѣйшей отмѣны и бережи чего бы то ни было. Хозяйка была всегда мила, а въ такой праздничной день она казалась Божествомъ своего помѣстья; я влюблялся въ нее, и таялъ какъ воскъ у очага. Внѣ себя отъ восхищенія, я не видалъ какъ время прошло. Простясь съ хозяевами, крѣпко вздохнулъ, поцаловалъ руку у княгини, и поскакалъ домой не оглядываясь назадъ. Подобно пьяному отъ вина, я бредилъ во всю дорогу деревенскимъ праздникомъ, но скоро хмѣль прошелъ, и подъѣжжая къ Москвѣ, я занятъ былъ весь одной Евгеньей, любя ее какъ сама она одинъ разъ сказала: „Не больше, но лучше всѣхъ прочихъ женщинъ". Слово лучше имѣло въ смыслѣ ея здѣсь особенную силу. Она говорила правду.

Воротясь домой, я нашелъ печаль въ своихъ покояхъ, какъ будто всякое удовольствіе непремѣнно всегда вмѣстѣ съ ней должно быть смѣшано. Миша мой заразясь отъ сестры своей корью, не могъ ее вынести, и жизнь его была въ опасности. Много ли надобно такому младенцу чтобъ умереть? Мы его лишились августа 15 и потеря его тѣмъ болѣе насъ огорчила, что она была для насъ нова. Имѣя другихъ дѣтей мы уже рожденіемъ Миши не такъ сильно восхищались, но теряя ребенка въ перьвой еще разъ, я плакалъ о немъ какъ отчаянной. Въ самое то время, когда издыхалъ нашъ малютка, когда онъ одинъ занималъ насъ въ цѣломъ свѣтѣ княг(иня) Долго(рукова) — свѣтская дама, супруга кн(язя) Вас(илія Вас(ильевича)[1]) пріѣхала на лѣто въ свое увеселительное Знаменское подъ Москвою, присылала меня звать играть у нее комедію; на привѣтственное письмецо ея, полетѣлъ шибче молніи отказъ мой. Мы съ женой проливали рѣки слезъ, и похороняли третій плодъ супружества нашего въ Донскомъ Монастырѣ, гдѣ простой надгробной камень сохранилъ его имя, и продолжать назначенъ до гроба нашего память краткости его жизни. Сей камень былъ основаніемъ грядущихъ нашихъ могилъ, и смерть положила его началомъ родоваго нашего кладбища. Къ облегченію нашей горести служило только то, что Маша совсѣмъ выздоровѣла отъ кори, и Павелъ слава Богу былъ здоровъ. Но бѣда новая висѣла надъ нами.

Огорченье произвело волненіе въ крови у матери. Евгенья не совсѣмъ еще пришедъ въ силы послѣ родинъ, начала харкать кровію. Обстоятельство сіе было уже не ново. Родя княжну Марью она почувствовала перьвыя признаки слабости въ легкомъ. Какъ тогда такъ и нынѣ медики обѣихъ столицъ увѣряли ее и меня что она многокровна и что ето отнюдь не страшно. Мы слѣпо имъ вѣрили, хотѣли себя обманывать, однако робѣли, и при повтореніи того же случая нынѣ, я чрезвычайно боялся чтобъ Евгенья не зачахла. Ей тотчасъ пустили кровь изъ ноги, оттянули ее отъ груди и она выздоровѣла. Лѣчилъ нашъ домъ тогда славной докторъ мой сотоварищъ въ университетѣ Г. Политковской[2]),

---

[1]) Сын. кн В. И. Долгорукова-Крымскаго (1752—1812). Женатъ былъна кн. Екатер. Θедор. Барятинской (1769 — 1849).

[2]) Докт. мед. Θедоръ Герасимовичъ, популярный врачъ и писатель по медицинѣ (1754 — 1809).

о которомъ помнится я уже и говорилъ прежде. Такъ то текли лѣтнія дни сего года въ моемъ семействѣ: то пріятно, то печально. Увы! Когдажъ ето и не такъ? Всѣ погоды въ одинаковомъ положеніи на свѣтѣ, но настоящій ходъ приводитъ мнѣ на память чудную скоропостижность и разнообразіе въ произшествіяхъ. Я съ удивленіемъ смотрю на связь ихъ, и такъ что повѣряя ихъ бумагѣ не успѣваю даже соблюсти никакого порядка въ моемъ разсказѣ, лишь одно обстоятельство замѣчательное проходило, какъ вдругъ раждалось другое. Среди самаго лѣта рѣшено въ сенатѣ давнишнее тяжебное дѣло въ нашемъ родѣ о состояніи и ходѣ котораго пойдетъ за симъ сокращенная повѣсть. Новой, важный епизодъ въ моей Поемѣ!!!

Бабка наша Чадаева оставляя имѣнію своему наслѣдниками Отца моего и дядей его, продала знатную часть онаго при жизни своей въ чужія руки и по смерти ея нашлось только шесть сотъ душъ, слѣдующихъ въ раздѣлъ. Дядья Отца моего, люди привыкшія къ ябедѣ, пристрастныя къ корысти, отказались отъ наслѣдства, дабы опорочить купчую, и вступили въ дѣло. Цѣль ихъ была уничтожить продажу и все укрѣпить за себя. Отца моего не спросились потому, что онъ былъ еще очень молодъ, и хотѣли дѣйствовать за него своимъ умомъ. Дѣло сіе какъ обыкновенно водится, производилось нѣсколько десятковъ лѣтъ, а между тѣмъ оставшіяся шесть сотъ душъ въ Тульскомъ Намѣстничествѣ, взяты въ казенный присмотръ. Тяжба стоила большихъ издержекъ, и дѣдушки мои подъ симъ предлогомъ переводили кучу денегъ. Отецъ мой, утверждалъ всегда, что искъ нашъ несправедливъ и тѣмъ болѣе винилъ зачинщиковъ онаго, что еслибъ мы выиграли процессъ, то мертвая наша бабка подвергалась наказанію положенному по законамъ за лживой поступокъ, и хотя мертвое тѣло по силѣ человѣческихъ постановленій страдать уже не можетъ, однако имя ее пронеслось бы яко зло въ актахъ публичныхъ, отъ ближайшихъ ея родственниковъ, и такой поступокъ по характеру моего Отца не могъ быть ему пріятенъ. Къ счастію и чести престарѣлыхъ нашихъ князей Д(олгоруковыхъ) обстоятельства отвели ихъ отъ стыда подводить мертвую бабку подъ кнутъ. Соперники наши купившія то имѣніе имѣли сверхъ правды еще на своей сторонѣ и знатность и богатство; двѣ силы весьма оборонительныя когда они дѣйствуютъ совокупно. Орловы и Демид(овы) выдерживали съ нами жестокой бой на перьяхъ. По нѣкоторомъ времени Отецъ мой, уважая родство, былъ въ страдательной необходимости вмѣстѣ съ дядьями подать прошеніе на Высочайшее имя; оно здано въ Сенатъ, 2-му Департаменту велѣно разсмотрѣть и рѣшить дѣло безъ очереди. Приговоръ не замѣшкался, и велѣно намъ въ тяжбѣ отказать, и оставшіяся шесть сотъ душъ, раздѣлить по ровну яко наслѣдство намъ принадлежащее. Старики покушались подать апелляціонную жалобу на департаментъ и внести дѣло въ Общее Собранье, но Отецъ мой отказался отъ лишнихъ хлопотъ, требовалъ своей части въ Тульской деревнѣ, и получивъ слѣдующія ему сто пятдесятъ душъ, вошелъ во владѣнье.

Тутъ крылся зародышъ новаго раздора. Имѣнье управляемо было казною, но доходы съ него получалъ одинъ изъ дядьевъ кн(язь) Н. А.[1]).

---

[1]) Николай Алексѣевичъ (1713—1790) имѣлъ 2-ихъ сыновей и 6 дочерей отъ 2-хъ браковъ.

Его уже не было на свѣтѣ; отвѣтственность обратилась на двухъ сыновей. Начались съ ними переговоры; дватцать лѣтъ деревня ихъ давала, но счету никакого, на лицо, ни гроша. Все издержано, расчется никому не хотѣлось, признатся въ злоупотребленіи чужаго добра еще меньше. Къ разбору нужна была чистая совѣсть, зеркало у многихъ весьма тусклое. Отецъ мой не хотя быть осмѣянъ братьями своими за излишнее снисхожденіе къ отцу ихъ, подалъ на нихъ жалобу, и вызвалъ ихъ въ Совѣстной Судъ къ расчету. Мнѣ извѣстно сколько шагъ этотъ дорого стоилъ чувствамъ Отца моего, и онъ конечно бы его не сдѣлалъ когда бъ надмѣнныя князья келейно ему признались что они не правы. Но кто безъ самолюбія? Кто захочетъ уступить одной кичливой наглости? Батюшка унизивъ ихъ тщеславное о себѣ мнѣніе, никогда впрочемъ не хотѣлъ явно ихъ обличить, потомъ бросилъ ето дѣло безъ настоятельнаго производства, и вмѣстѣ съ претензіей своей бросилъ и самихъ братьевъ. Никогда между домами сихъ родственниковъ нашихъ, и нашимъ не было никакой связи, а паче съ семействомъ кн. А. А.[1]). Мы удалялись даже площаднаго знакомства; изъ вступленія въ сію Исторію жизни моей видно сколь правильно заслуживали потомки етаго чернѣйшаго въ родѣ нашемъ человѣка наше отвращеніе и постоянную досаду.

Отецъ мой не имѣлъ отъ природы способности къ хозяйству. Старость лишила его и послѣднихъ силъ на то потребныхъ. Новое его пріобретенье истощенное времяннымъ управленіемъ отъ казны, въ кругу нѣскольких частей чужаго владѣнія принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ не весьма къ намъ благонамѣренныкъ, не могло усилить средствъ его содержанія до уважительной степени. Къ сему убѣжденію присоединялось еще и желаніе Батюшкино, снискать какое либо небольшое имѣніе подъ Москвою, которое бы могло его и веселить и занимать, и въ которомъ могъ бы онъ дабы пріятное соединить съ полезнымъ, завесть винокуренной заводъ. И такъ онъ разсудить изволилъ доставшуюся часть ему, продать, и на ети деньги купить тотчасъ подмосковную въ сорока верстахъ отъ города, въ которой всего было сорокъ душъ.

Бездѣльное сіе стяжаніе удовлетворило въ полной мѣрѣ видамъ его. Постройка завода, обновка новаго дохода, производство винокуренія, заманивали его туда очень часто, даже и въ осеньее время и Никольское наконецъ такъ ему полюбилось, что онъ готовъ былъ безъ съѣздно жить въ етой пустынной деревнѣ.

Хотя я говорю объ Отцѣ, но въ пользу дѣтей моихъ отважусь сдѣлать здѣсь назидательное для нихъ примѣчаніе. Впрочемъ оно показывая наготу человѣческаго свойства, не предосудительно тому Священному лицу о которомъ уста мои никогда не рекутъ хульнаго слова.

Батюшка всегда былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ антагонистовъ винокуренія, т. е. онъ не почиталъ торгъ виномъ дворянскимъ занятіемъ. Доколѣ былъ богатъ разсуждалъ о семъ свободно, и гнушался сихъ низкихъ средствъ пріобретенія, забывая что промысла нѣтъ ни подлаго ни благороднаго, что торгъ имѣетъ свои выгоды и опасности для всякаго состоянія людей, и что князь, графъ, могутъ хотѣть также хлѣбъ свой продавать въ винѣ гораздо дороже нежели зерномъ или мукою, какъ и всѣ прочія граждане царства, не унижая своего личнаго достоинства. Бѣдность и недостатокъ привлекли его къ симъ перьвымъ истинамъ. Разстроясь въ доходахъ, наживъ долги, оставляя семейство большое безъ надеждъ въ будущемъ и безъ выгодъ въ настоящемъ, Батюшка помирился съ винокуреніемъ и самъ подъ старость ходилъ смотрѣть по нѣскольку разъ въ день на заводъ, много ли изъ девяти пудъ муки высиживается у него сивухи! Такъ то не рѣдко обстоятельства, искушеніи, опыты худаго и желаніе добра влекутъ насъ къ поступкамъ, кои въ постоянной бываютъ противуположности съ естественными нашими вкусами съ чувствомъ и застарѣлой логикой. Признаемся же съ Волтеромъ: что необходимость есть сильнѣйшій руль дѣяній человѣческихъ.

Скажемъ еще здѣсь, неизмѣняя истинѣ, что покупка Никольскаго есть памятникъ великодушнаго поступка Отца моего, какимъ не всякой можетъ похвалится. Ета деревня была описана за начетъ казенной у однаго коммисаріатскаго чиновника, и продавалась съ публичнаго торга, слѣдовательно за безцѣнокъ. Отецъ мой никакъ не хотѣлъ купить ее съ аукціона, и стѣснить болѣ еще положенье несчастнаго, который лишался послѣдняго куска хлѣба. Онъ вошелъ въ переговоры съ нимъ самимъ, отобралъ отъ него добровольную его цѣну, и не уторговывая ни копѣйки, далъ ему то, чего онъ попросилъ въ первомъ словѣ. Прекраснѣйшій поступокъ, которой еще утвердитъ въ насъ непреоборимую истину, что никто такъ не ощущаетъ тягость нищеты другаго какъ тотъ, кто самъ испыталъ суровое чувство недостатка.

Поворотимся еще назадъ, и мимоходомъ коснемся кн. Н(есвицкой), у которой я гостилъ предъ симъ не задолго. Скоро послѣ деревенскихъ своихъ праздниковъ, хозяева молодыя между собою рассорились. Жена бросила мужа и прискакала въ Москву, гдѣ начала жить розно съ нимъ. Разводъ ихъ ни мало не принадлежитъ къ моей исторіи, но какъ особа Кн. Н(есвицкой) будетъ еще имѣть впереди нѣкоторыя связи съ важными для меня самаго обстоятельствами, то я упоминаю о собственномъ ея положеніи дабы вниманіе читателя привлечь къ имени женщины не совсѣмъ посторонней, по участію ея продолжительному во мнѣ чрезъ всю почти мою молодость. Не надобно изъ сего заключать чтобъ я скрывалъ въ знакомствѣ моемъ съ нею что либо соблазнительное. — Совсѣмъ нѣтъ! Хотя многія, а паче мужъ ея долго и были въ томъ заблужденіи что я причиною ихъ развода; но клянусь здѣсь по чистой совѣсти, что я въ немъ не только не имѣлъ никакого участія, даже не зналъ о немъ, прежде нежели онъ сдѣлался молвою общею въ городѣ. Она была женщина молодая, пригожая, имѣла тьму прелестей очаровательныхъ, — Все ето правда; всякому простительно было занятся ею преимущественно предъ другими, въ чемъ и я конечно на ряду со многими готовъ покаятся, но вторично клянусь что я ни о какомъ поступкѣ ее со мною, худаго слова сказать не въ правѣ. Всегда учтива, хотя и вспылчива, мила и осторожна; ее повѣденіе со мною не дѣлало ей никакого пятна, и я обязанъ сей признательностію женщинѣ несчастной, но отнюдь въ глазахъ моихъ не порочной, и которая ни мало не заслуживала разсѣянныхъ на счетъ мой постыдныхъ подозрѣній въ публикѣ. Не смотря на разводъ ее, я сохранилъ съ ней по прежнему знакомство, посѣщалъ ее изрѣдка и всегда съ удовольствіемъ, предлагалъ ей мои услуги, когда совѣтъ мой или дѣйствіи были ей нужны. Дабы здѣсь ознакомить читателя короче съ ее положеніемъ потому что я уже предварилъ что мнѣ о ней

[1]) Или кн. Алексѣй (1716 — 1771), или Александръ (1718 — 1782) Алексѣевичъ.

доведется говорить въ разныя времена моей молодой жизни, скажу еще что послѣ развода, мужъ ея подавалъ жалобу Государынѣ, очернилъ до чрезвычайности поведеніе жены своей, и выработалъ что двѣ дочери прижитыя имъ съ ней отняты Имяннымъ Указомъ у Матери, и отданы въ Монастырь на воспитаніе. Имѣнье ея которымъ мужъ содержался потому что онъ самъ по себѣ имѣлъ ничтожное состояніе, а она близъ двухъ тысячь душъ, взято въ опеку, и кн(язь) Прозор(овскій) убѣжденъ будучи слезами простаго ея супруга такъ дѣятельно исполнялъ крутую волю Екатерины на счеть сей четы, что княгиня Несвиц(кая) терпѣла всякія угнетеніи въ Москвѣ, и изъ веселаго дома каковъ былъ ихъ, сдѣлалась ея квартера печальнѣйшимъ и уединеннымъ жилищемъ.

Все ето только пріятныя или противныя епизоды.—Главная мысль, которая все наше семейство занимала и въ досугѣ и въ суету была та, чтобы видѣть меня паки въ службѣ и у дѣлъ. Отецъ мой по старости лѣтъ и болѣзнямъ не могъ ожидать лично для себя никакой почести. Сына имѣлъ одного меня; зять оставилъ гвардейскую службу въ одно время со мною маіоромъ, слѣдовательно на меня только могли всѣ въ домѣ вымаливать у Бога чиновъ, званій, и всѣхъ игрушекъ суетнаго міра. Человѣкъ никогда настоящимъ не доволенъ; каждой хочетъ перемѣнить свое состояніе не смотря на то, что часто самая лестная новость, хуже посредственной старинки; ошибки скоро примѣтны, но никто глядя на другаго, не учится изъ опытовъ, у всѣхъ при неудачѣ сторонней вырывается слѣдующая мечта: „Ето случилось съ такимъ то, а со мной не можетъ случится“. Велико слово русское Авось! Оно разрушаетъ Царство, гонитъ полки, оно покорило намъ Бендеры при Панинѣ, оно и меня рѣшило на самой важной шагъ.

Разсуждая однажды вечеромъ съ Батюшкой о праздности моей, примѣтилъ я изъ словъ его, что ему хотѣлось чтобъ я ѣхалъ въ Петербургъ добиватся мѣста. Ѣхать въ Петербургъ! Ето меня ударило въ голову. Легко сказать, тяжело исполнить. Съ етимъ впечатлѣніемъ пришелъ я въ свой уголъ спать, и долго самъ съ собой велъ слѣдующій разговоръ: „Что я буду дѣлать въ Петербургѣ? Доѣхать туда, жить тамъ, и воротится домой, убытокъ вѣрной. Разлука съ милою женою, съ дѣтьми, съ семействомъ, огорченье вѣрное! Безпрестанно отъ завтраго къ завтрому ждать обѣщаемыхъ милостей — досада вѣрная! Вотъ накладъ поѣздки, — а гдѣ же барышъ? Въ мечтахъ! Посулы, ласки, привѣтствіи, и ничего полезнаго. Буду шататся въ сѣняхъ знатныхъ господъ, искать ихъ вниманія, на которое они такъ скупы. Буду гнуть спину до колѣна, но что потомъ? Одинъ скажетъ: недосугъ; другой: пожалуйте завтра; третій, попросите такого то, а я замолвлю; — четвертой, пятой, шестой, словомъ всякой сколько ихъ ни найдется посулитъ много, не сдержитъ ничего; — А я съ пустымъ карманомъ, съ поношеннымъ абшитомъ, съ кучей визитныхъ карточекъ, и зовныхъ на балъ и комедію, ворочусь въ туже Москву удвоить сѣтованіи моихъ домашнихъ“. Въ сихъ размышленіяхъ не могъ я сна дождатся, думалъ, придумывалъ, ворочилъ свое состояніе съ лица, съ изнанки, и ничего не находилъ въ немъ хорошаго въ етомъ предметѣ. Богъ неутомимый о насъ промыслитель, внушилъ мнѣ при встрѣчѣ слѣдующаго дня благую мысль, которую я привелъ въ исполненіе, и самой успѣхъ показалъ что я не ошибся назвавъ ее благою.

Проснувшись 11 Сентября, я вздумалъ написать письмо къ Государынѣ, и просить мѣста въ гражданской службѣ. Ето былъ почтовый день. Въ минуту загорѣлось воображеніе, письмо сочинено, апробовано Батюшкой которой одинъ былъ мой Ценсоръ, Совѣтъ и Владыка, переписано на бѣло, и въ тотъ-же день мною отдано на почту съ надписью: въ собственныя руки. Такъ то сильно мнѣ не хотѣлось въ Питеръ, что я рѣшился на поступокъ не весьма обыкновенной, положась въ намѣреніи семъ на Бога, я не разсудилъ ни къ кому писать раболѣпнаго письма о ходатайствѣ въ мою пользу, дабы самая непосредственность избраннаго мною къ престолу пути, была отличительной чертой моего чувства. Въ концѣ года помѣстится копія съ етаго письма (2). Сохранивъ переписку пріятельскую съ Ададур(овымъ)[1] я просилъ его одного въ короткихъ строкахъ навѣдыватся что по моей прозьбѣ воспослѣдуетъ, и меня тотчасъ увѣдомить, если она будетъ имѣть хорошій успѣхъ. Когда человѣкъ уступаетъ перьвому движенію, онъ на все рѣшителенъ, но потомъ дѣйствуетъ въ свою очередь разсудокъ и пугается иногда разными соображеніями, кои прежде не входили въ голову, и въ сердцѣ ихъ никогда искать не должно; оно только что кипитъ и побуждаетъ. И такъ по отправленіи письма, стали мы всѣ етотъ шагъ одумывать, и болѣе представляли себѣ неудачь, нежели успѣховъ. Всякой день умножалъ наши страхи, и мы очень бояливо ждали развязки. По расчету нашему письмо должно было дойти до рукъ Государыни около 22 числа. День знаменитый, торжественный въ Россіи, въ которой она нѣкогда вѣнчалась на тронъ и въ память столь высокому событію, всегда разливались милости съ престола. Не мудрено казалось было и мнѣ найти въ спискѣ ихъ, гдѣ нибудь и мое имя. Въ самомъ дѣлѣ 26 сент. прискакалъ ко мнѣ Курьеръ отъ Адад(урова) съ извѣстіемъ что я 19 числа по имянному указу опредѣленъ въ Пензу въ вице губернаторы. Второе мѣсто въ губерніи, и почти перьвое по важности своей въ штатской службѣ. Я тотчасъ отправилъ нарочнаго къ Батюшкѣ съ такимъ радостнымъ увѣдомленіемъ. Онъ тогда былъ въ своей подмосковной, и не медля воротился въ городъ. Тутъ мы всѣмъ домомъ воздали хвалу Богу, принесли ему благодарную жертву въ горячихъ слезахъ нашего умиленія и съ радостію веліею всѣ облобызались. Удача рѣдкая, примѣрная! Вотъ какъ умѣла Екатерина заставить себя любить во всѣхъ углахъ своего Государства.

Напрасно было бы здѣсь вымышлять какой пружиной все ето такъ устроилось. Терятся въ догадкахъ не нужно; все просто и натурально. Богъ благословилъ, Екатерина приказала, — и все тутъ. Государыня обыкновенно изволила сама читать тѣ письма, кои подписывались въ собственныя ея руки; она ни на кого не слагала съ себя обязанности вслушиватся въ голосъ посылающійся изъ сердца ея подданнаго прямо къ ней самой; тогда рѣдко ее безпокоили подобныя надписи потому, что она не жаловала ни дерзости ни шутокъ, и слѣдовательно или правда или отчаяніе руководствовало перомъ на оберткѣ такого письма. Секретарь долженъ былъ ей поднести мой конвертъ. Государыня прочла, и какъ въ тоже утро докладывано ей было о увольненіи по прозьбѣ Пензенскаго

[1]) Алексѣй Петровичъ, см. о немъ въ „Капищѣ“ и въ Р. Б. 1913 г., №. VIII Тайн. сов., сен. (1758 — 1835).

вицъ-губернатора ста(тскаго) совѣ(тника) Копьева, то Государыня приказавъ его отставить съ пансіономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣть изволила и меня опредѣлить на его ваканцію. Охотниковъ на нее было много, и сильно старались о нѣкоторыхъ весьма крупныя господа, какъ на прим: о кн. Хован(скомъ), дядя его Репнинъ, о родственникѣ моемъ князѣ Долго(руковѣ), Солтыковъ, Н. И., окн. Трубец(комъ) — генералъ прок(уроръ) тогдашній кн. Вязем(скій), о пензенскомъ помѣщикѣ и предсѣд. Верьхняго Земскаго Суда Кол(—) хлопоталъ и самъ даже Безбор(одко), но какъ между ваканціей и наполненіемъ ея прошла одна можетъ быть четверть часа то всѣ ети ходатаи и не успѣли спохватится, и каждой началъ опять до новой ваканціи, возить ко двору записку въ карманѣ о своемъ кліентѣ. Что мнѣ до того за дѣло? Я при мѣстѣ, и путемъ самымъ лучшимъ, когда достигъ своей цѣли безъ поклоновъ поработительныхъ, стоекъ въ передней и не заплатя ни кому за то ни гроша, ниже вѣсовыхъ денегъ за письмо на почту (такъ было въ обыкновеніи) всѣ покровительства мимо, и вмѣсто ихъ угодилъ такой человѣкъ который живучи въ Москвѣ сидѣлъ на печи и толкался въ народѣ. — Счастливая минута!

Съ перьвой потомъ почтой получилъ я нѣсколько поздравительныхъ писемъ отъ родственниковъ и благодѣтелей. Дядя мой гр. Стро(гановъ) [1]), писалъ мнѣ нѣсколько замысловатыхъ строкъ, которыхъ бы я вѣрно не имѣлъ удовольствія прочесть, еслибъ не былъ взысканъ такою щедрою милостью отъ Монархини, ибо на него болѣе всѣхъ дѣйствовала русская пословица: Далеко изъ глазъ, далеко изъ сердца. Ник(олая) Ива(новича) Солтыкова [2]) супруга проздравляла меня также съ успѣхомъ, давая притомъ чувствовать что не безъ представительства ея мужа, я столь выгодно вступилъ въ статскую службу. Имъ ли ето было говорить и писать? Когда Ник(олай) Ива(новичъ) не силенъ былъ мнѣ выпросить гораздо прежде пустаго такъ сказать мѣста директора Московскаго Университета, о которомъ я неоднократно писалъ къ нему безъ пользы, но етотъ баринъ любилъ все относить къ себѣ и кичится чужими услугами, дабы падали передъ нимъ искатели фортуны какъ передъ чудотворной иконой въ ее храмѣ.

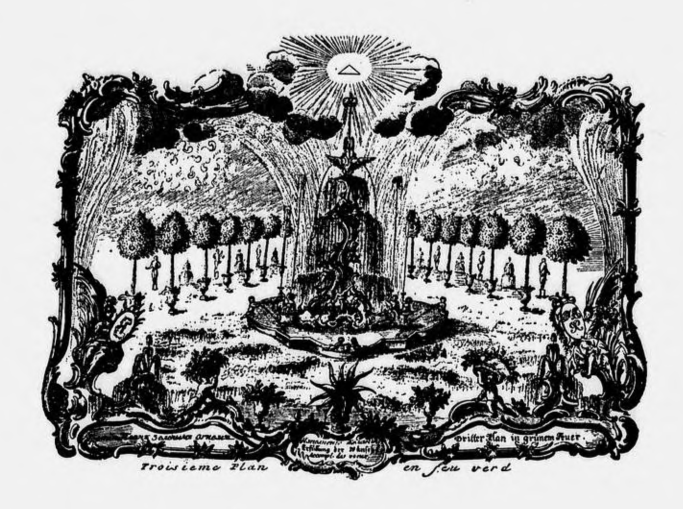
Странной на сей случай выпустилъ анекдотъ тотъ же Солт(ыковъ), но которому я не могу дать вѣры, а разсказать здѣсь не лишнее. — Сообразя все его поведеніе со мною въ разныя времена жизни моей, увидитъ всякой что повѣсть не совсѣмъ справедлива. При подачѣ моего письма Государыни, стоялъ тутъ же и Солт(ыковъ). Прочтя она изволила будто его спросить кто я таковъ? Солт(ыковъ) доложилъ: внукъ родной того, кто казненъ при Аннѣ. Какого поведенія? Служилъ въ моемъ полку, и всегда велъ себя хорошо. Надобно дать ему хорошее мѣсто. Вотъ весь разговоръ, и велѣно потомъ указъ написать. Затѣмъ Екатерина обратя рѣчь обо мнѣ же къ Солт(ыкову) добавила. „А что я его не помѣстила въ Верхній Земскій Судъ, ето произошло не отъ гнѣва, или худаго моего о немъ мнѣнія, а для того что будучи фамильной человѣкъ онъ въ Москвѣ станетъ ѣздить по крестинамъ. да

[1]) Александръ Сергѣевичъ, през. Ак. X. (1738 — 1811), дядя автора, о немъ много въ предыдущихъ главахъ записокъ.

[2]) Свѣтл. кн. ген.-фельдм., воспитатель Алекс. I (1736 — 1816), женатъ на кн. Натальѣ Владиміровнѣ Долгорукой.

пирамъ, и ни чему не научится; а тутъ (т. е. въ Пензѣ), онъ будетъ у меня работать". Вымыселъ прекрасной. Можно обо всей етой сказкѣ сказать Se non e vero e ben trovato. Впрочемъ хотя Солт(ыковъ) распустилъ такой слухъ, дабы возвысить свое обо мнѣ стараніе, я не нахожу тутъ ни малѣйшаго подвига съ его стороны; онъ меня похвалилъ на вопросъ: Каковъ я? Онъ сказалъ правду. Я всегда былъ смиренъ и благопристойно служилъ въ гвардіи; сказать противное было бы лгать и съ умысла злодѣйствовать. Положимъ что и ето бываетъ часто: но когда человѣкъ только что не лжетъ и не клевещетъ, етаго еще почесть нельзя за благодѣяніе такое, какое оказываетъ другой собственнымъ своимъ подвигомъ въ чью либо пользу. И такъ я во перьвыхъ не вѣрю выдуманной баснѣ; во вторыхъ, если и долженъ повѣрить, то не вижу тутъ никакого благотворенія, развѣ по разуму Фигаро въ комедіи, которой сказалъ что большой баринъ дѣлаетъ намъ уже много добра когда не сработаетъ зла. Ergo, когда два человѣка на берегу рѣки гуляютъ, одинъ обязанъ другому, если онъ его сильнѣе, тѣмъ что не толкнетъ его въ воду.





Въ Москвѣ всѣ кричали узнавъ о моемъ опредѣленіи. Ахъ! -- какъ онъ счастливъ! Подлинно въ мои лѣта не стяжавъ еще никакихъ опытовъ начинать службу съ такого важнаго званія казатся могло чрезвычайнымъ преимуществомъ. Кн(язь) Проз(оровскій)[1]), до полученія указа долго не хотѣлъ сему вѣрить, и принималъ слухъ обо мнѣ за площадную молву. Когда я пріѣхалъ донести ему что ето точно правда, онъ съ досадой вспомнилъ отзывъ, сдѣланный ему въ свое время Безбор(одко)[1]) будто бы Государынѣ не угодно было меня помѣстить въ Верхній Зем. Судъ, по причинѣ новости моей въ гражданскихъ дѣлахъ и сообразя съ пустой етой отговоркой настоящее мое опредѣленье видѣлъ ясно что его обманули и представленіе не уважили. Между тѣмъ пока иной дѣлилъ мою радость, иной сожалѣлъ о скорой со мной разлукѣ, другой съ завистью глядѣлъ на мое счастіе. Я принялъ намѣреніе прежде нежели получу указъ, и буду обязанъ явится прямо къ должности воспользоватся свободой моей и съѣздить въ Петербургъ дабы тамъ пасть къ ногамъ Екатерины, воздать должную ей благодарность, жертвою колѣнопреклонной, а потомъ объѣздить всѣхъ бояръ, озна-

[1]) Александръ Андреевичъ, свѣтл. князь, Госуд. Канцлеръ (1747—1799).

комится со всѣми новыми моими властями и нижайше благодарить всякаго изъ нихъ кому угодно будетъ похвастатся вспомоществованіемъ мнѣ въ полученіи мѣста, особенно же Н. И. Солт(ыкову). Все ето есть дань необходимая Свѣту, но въ совѣсти моей я увѣренъ былъ что Богъ одинъ устроилъ такимъ образомъ жребій мой; Его единаго ищу я въ радости и печали, на Него крѣпко надѣюсь, и отъ него только яко отъ источника всѣхъ благъ жду мира, тишины и благоденствія нынѣ и во вѣки.

1. Октября направилъ я путь свой на самое короткое время въ Петербургъ и поѣхалъ одинъ на легкѣ. Дорогой нѣчего было дѣлать инаго какъ размышлять. Я очень радовался выгодному обороту моего положенія, но сколькоже противъ удовольствія, полагалъ я на вѣсы противнаго. Тяжело было вообразить какъ я примусь за дѣло, не имѣя о немъ никакого понятія, и какъ исправлю должность столь трудную въ краю мнѣ неизвѣстномъ, безъ родныхъ, друга и наставника? Опасно казалось: за малѣйшею невинную ошибку подвергатся общему злорѣчію, заслужить заключеніе что я никуда не гожусь, и сдѣлать свою участь еще хуже прежней, потерявъ мѣсто отъ своей оплошности. Страшнымъ представлялъ я себѣ игомъ вступить въ поприще не знакомое, нажувъ уже тяжеловѣстныхъ злодѣевъ, ибо конечно не желали мнѣ ни добра, ни успѣховъ тѣ, коимъ хотѣлось быть на моемъ мѣстѣ, а болѣе всего грустилъ я о необходимости жить розно съ родными въ провинціи степной, далеко отъ Отца, Матери и ближнихъ, и быть гражданиномъ новой для меня области. Хотя съ одной стороны новизна общежитія губернскихъ городовъ меня и обольщала (новое всегда человѣку нравится болѣе извѣстнаго), но съ другой, я имѣлъ уже довольно разсудка чтобы понимать что обнова хороша на минуту, а на другую никакъ не въ диковинку. И такъ просто сказать восхищеніе мое смѣшанное съ такими размышленіями было тоже, что бочка меду, да ложка дектю. Увы! Когда человѣкъ можетъ быть совершенно доволенъ? Думы шли въ головѣ моей поспѣшно, а лошади по распутной осенней дороги везли плохо. Погостивъ одинъ вечеръ у тещи моей я безъ остановокъ дневныхъ пріѣхалъ въ славный городъ Питеръ, и расположился на квартерѣ въ отчизнѣ своей, т. е. въ Семеновскомъ полку. Тутъ увидя наши казармы, и вспомня старинку, брызнули у меня слезы, и я почувствовалъ силу привычки!

Бросимъ взоръ прежде всего на тѣхъ людей кои по гражданской службѣ могли непосредственно на меня дѣйствовать. Генералъ-Прокуроръ и вмѣстѣ Государственной казначей, слѣдовательно главное въ правленіи Финансовъ былъ кн. Вязе(мскій)[1]), тотъ же самой старикъ, съ которымъ служилъ Отецъ мой, но дряхлость и болѣзни сдѣлали изъ него отомата. Онъ уже ничѣмъ не занимался почти; его возили въ тележкѣ по залѣ, часто не узнавалъ около себя людей, и какимъ то дикимъ мычаньемъ истолковывалъ свои желаніи; но Государыня никому еще его мѣста не отдавала, онъ числился во всѣхъ своихъ должностяхъ; я обязанъ былъ къ нему являтся, но визиты мои тутъ были безплодны.

Гр(афъ) Безбор(одко) не по должности своей, ибо онъ управлялъ Иностраннымъ Департаментомъ, и по титлу случайнаго господина

[1]) Александръ Алексѣевичъ (1727—1793).

вмѣшивался не рѣдко въ гражданскія дѣла. Къ нему доступъ очень былъ труденъ, и на силу по полученіи нѣсколькихъ отказовъ отъ секретаря его Трощинскаго[1]), удостоился я насладится его лицезрѣнія. Въ одинъ изъ дней собранія въ его домѣ, приняли меня къ нему по полудни; я постоялъ у стола съ картами, за которымъ онъ тѣшился въ три, видѣлъ какъ онъ Лабеты пишетъ, и больше ничему не научился. Онъ былъ уменъ, свѣдущъ, прозорливъ, но сладострастенъ, лѣнивъ и тщеславенъ.

Въ 1-мъ Департаментѣ Сената, въ которой стекались всѣ бумаги Казенныхъ Палатъ, сидѣли сенаторы для отмѣтки тѣхъ резолюцій, кои придумывалъ за нихъ по власти сына своего у двора гр. Зубовъ[2]), оберъ-прокуроръ, отецъ фаворитовъ. Етотъ старой пролазъ понималъ дѣло и былъ словоохотенъ, но аргументы у насъ были противуположныя. Онъ любилъ цѣдить казенную бочку; въ нее вливалось въ Пензѣ съ тамошнихъ винокуренныхъ заводовъ до трехъ сотъ тысячь ведръ вина, а я готовился ее крѣпко затыкать чтобъ изъ нее не выдыхался спиртъ, и такъ мы другъ друга не понимали, но онъ со мной вѣжливо свидѣлся вѣжливо и простился.

При кн(язѣ) Вязем(скомъ) находился А. И. Васильевъ[3]), особа истиннаго почтенія достойная; онъ съ малыхъ чиновъ началъ служить при этомъ генералъ-прокурорѣ и наконецъ достигъ въ настоящее время до чина тайнаго совѣтника, что тогда значило быть уже бариномъ; онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества государственнаго человѣка и готовился быть самъ со временемъ стропиломъ политическаго зданія; опыты его ни съ кѣмъ не сравнивали; онъ одаренъ былъ памятью превосходной, неутомимъ въ трудахъ, быстръ въ постиженіи предмѣтовъ его званія, усерденъ и точенъ въ исполненіи; въ обхожденіи привѣтливъ, скроменъ, тихъ, сердца мягкаго, но ума не поваливаго. Онъ былъ кн. Вяз(емскаго) довѣреннѣйшій сотрудникъ, и поколику тотъ уже не могъ въ тележкѣ сидя распоряжать финансами, то Васильевъ замѣнялъ его совершенно, отправлялъ его должность не Категорически т. е. не по указу, а по естеству вещей.

Финансы въ Россіи управляемы были Государственнымъ Казначеемъ, но ето титло наименовано было только въ чертежахъ Екатерины, впрочемъ никто его не носилъ, и кн(язь) Вязем(скій), будучи генералъ-прокуроръ, управлялъ всѣми отдѣленными частьми Государственнаго Казначейства. Оно составлялось изъ четырехъ: экспедиція одна вѣдала состояніе доходовъ по государству и въ ней предсѣдательствовалъ кн. Сер(гѣй) Ив(ановичъ) Вяз(емскій)[4]), тайный совѣтникъ; вторая—распредѣляла всѣ расходы въ государствѣ, ею управлялъ Г. Хлѣбниковъ; третія собирала счеты и чинила всѣмъ доходамъ полную ревизію, тутъ начальникомъ былъ самъ Васильевъ; четвертая, въ которой сидѣлъ Бутурлинъ, занималась повѣркою и взысканіемъ недоимокъ.

[1]) Дмитрій Прокофьевичъ, д. т. с., сенат., впосл. министръ удѣловъ и юстиціи (1749—1829).

[2]) Александръ Николаевичъ (1727—1795), женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Вороновой.

[3]) Александръ Ивановичъ (1742—1807), сенаторъ, госуд. казначей. При имп. Павлѣ, въ 1797 г., возведенъ въ баронское достоинство, а при имп. Александрѣ I въ 1801 г.—въ графское, съ 1802 г.—министръ финансовъ.

[4]) (1743—1813).

Каждая по роду дѣлъ своихъ имѣла названіе. Къ симъ четыремъ Экспедиціямъ принадлежали въ Петербургѣ и въ Москвѣ по два казначейства; одно называлось статнымъ и отпускало суммы на окладныя расходы, другое остаточнымъ, въ которое собирались избытки дохода и распредѣлялись по однимъ только соизволеніямъ Монаршимъ. Въ одномъ изъ сихъ служилъ нѣкогда и Отецъ мой. Казенныя Палаты были подъ строгимъ надзоромъ Государственныхъ сихъ Экспедицій, и обязаны были давать имъ отчетъ во всякой мѣлочи по счетамъ, а по дѣламъ письменнымъ подчинены они были одному перьвому Департаменту Сената; и такъ, всѣ мои отношеніи обращались къ Генералъ-Прокурору.

Я уже сказалъ, что онъ лишенъ былъ и душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Оставалось мнѣ искать связей съ Васильевымъ. Онъ хорошо былъ знакомъ съ Отцемъ моимъ, и потому принялъ меня прекрасно. Разсуждалъ со мной о моей должности, терпѣливо выслушивалъ мои докучливыя спросы, давалъ мнѣ совѣты, и даже пригласилъ меня въ свою Экспедицію, гдѣ за однимъ столомъ съ собою меня посадя, показывалъ мнѣ и прояснялъ заведенныя по счетной части табели и формы. Я его поступками со мною былъ чрезвычайно доволенъ и если бъ Небо не свело меня съ нимъ, то бы, не смотря на важность довѣреннаго мнѣ мѣста, мнѣ пришлось бы побывъ у всѣхъ знатныхъ господъ Петербургскихъ, выѣхать оттуда столькоже свѣдущимъ о моихъ обязанностяхъ по службѣ, какъ бы и о персидскихъ законахъ.

Вотъ въ какомъ положеніи я нашелъ своихъ новыхъ начальниковъ; а старыя приняли меня одинаково, какъ будто въ вѣкъ со мной не разставались. Гр. Брюсъ[1]) очень милостиво; гр. Пушкинъ[2]) съ искреннимъ дружелюбіемъ, а гр: Солтыковъ, очень сладко и привѣтливо. Всѣмъ я имъ кланялся, всѣхъ благодарилъ и каждому поручалъ себя въ покровительство снова. Въ короткое время моего пребыванія въ Петербургѣ я жилъ почти въ каретѣ, а вечера препровождалъ по прежнему или у Щерба(товыхъ)[3]), или у Молч(ановыхъ)[4]) ибо я друзей своихъ никогда не мѣнялъ, они часто меня бросали, а я изъ нихъ никогда и никого. Послѣ етой картины моихъ новыхъ отношеній обратимся къ приключеніямъ.

Въ перьвое воскресенье я былъ представленъ Государыни какъ водится въ Кавалергардской, по выходѣ ея изъ церкви, сталъ на колѣни, и съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности поцеловалъ ее руку. Большой дворъ перенесся уже весь въ городъ, а меньшой по обыкновенію своему находился еще въ Гатчинѣ, и ожидалъ тамъ 14-го октября. Ѣхать туда препятствовали мнѣ новыя мои зависимости, суеты новаго состоянія, дорога и необходимость поскорѣе кончa мои нужды ѣхать къ должности, ибо признаюсь, что удостоясь столь великой милости Екатерины, я ревновалъ оправдать ее, и показать дѣловымъ людямъ, что я уже не тотъ старой вертопрахъ, которой играетъ комедіи безъ разбору во всякое

[1]) Яковъ Александровичъ ген.-адъют. (1729—1791). См. „Капище" и „Русск. Библ." 1913 г.

[2]) Гр. Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, ген. фельдм. (1735—1804). См. „Капище".

[3]) См. „Капище" и „Русск. Библ." 1913 г.

[4]) См. „Капище" и „Русск. Библ." 1913 г.

время, но что я готовъ кинуть всѣ увеселеніи, дабы исправнымъ быть въ своемъ званіи. Между тѣмъ въ ожиданіи Ихъ Высочествъ въ городъ, я былъ представленъ Великимъ Князьямъ и Княжнамъ.

Послѣ сихъ церемоній призванъ я былъ въ Сенатъ къ посвященію. Тамъ объявленъ мнѣ велегласно въ полномъ присутствіи перьваго департамента объ опредѣленіи моемъ указъ. Въ полномъ говорю я не потому чтобъ всѣ сенаторы засѣдали въ немъ, напротивъ одинъ только и былъ старикъ баронъ Фиттингофъ[1]). Прочія или не ѣжжали отъ лѣни, или очень поздо, а полнымъ я зову его потому, что г. Оберъ-Прокуроръ Зубовъ уже былъ въ ономъ, а при немъ яко при всемощномъ владыкѣ, Сенатъ могъ говорить что хотѣлъ. По обьявленіи мнѣ указа повели меня въ сенатской приходъ въ Исаакіевскую церковь, и я прочелъ мою присягу при гр. Зубовѣ Оберъ-Прокурорѣ. Въ Петербургѣ все отъ мѣлочи до большаго дѣйствія великолѣпно; мнѣ казалось что я очень важными занятъ недосугами, тогда какъ ничего не дѣлая, я только рыскалъ туда и сюда и смѣло скажу, если въ разсѣяніи моемъ тогдашнемъ я вывезъ съ собою что либо полезное для житья моего будущаго въ провинціи, ето была бесѣда и наставленіи А. И. Васильева. Я долго не забуду етаго прямо гражданскаго мужа. Онъ могъ и какъ человѣкъ долженъ былъ имѣть свои недостатки, слабости, даже пороки, но я не изъ тѣхъ людей кои на худое наводятъ микроскопъ, а на добродѣтель смотрятъ въ тусклой лорнетъ. Повторяю что г. Васильевъ нѣсколько разъ привозилъ меня въ свою Экспедицію. Въ ней сидѣли съ нимъ за круглымъ столомъ кн(язь) Ал(ексѣй) Бор(исовичъ) Куракинъ[2]) и Сушковъ; дадутъ мнѣ четвертой стулъ. За однимъ краснымъ сукномъ сижу съ ними, положутъ передъ меня Пензенскія бумаги или счеты Казен Пал. или представленіи ея. Васильевъ отрываясь отъ дѣлъ[3]) собственныхъ своихъ мнѣ толковалъ ходъ дѣлъ Казенной Палаты, прояснялъ ея представленіи, разсуждалъ объ нихъ со мною, и у него то я нѣкоторой сдѣлалъ приступъ къ навыку въ дѣлахъ до меня касающихся. Я смотрѣлъ еще во всѣ тетради какъ въ алгебру, имѣлъ желаніе прилѣжать и научится своему ремеслу, но до искуства еще далеко, и безъ него ремесленникомъ не сдѣлаешся. Все приходитъ съ порою!

Приближенье зимы побуждало меня торопится домой, т. е. не въ Москву, а въ Пензу. Тамъ были казенныя винокуренныя заводы, надлежало тотчасъ ихъ осмотрѣть и взглянуть на сію важную операцію. Я имѣлъ уже нѣкоторыя предварительныя свѣденіи на счетъ дѣлъ и чиновниковъ тамошнихъ, но дабы не перебить у себя настоящей рѣчи, я оставлю разговоръ о сихъ предметахъ до пріѣзда въ губернію. Собравшись изъ Питера выѣхать, я ждалъ еще одного воскресенья чтобъ откланятся и большому и меньшому двору разомъ, но въ самое то время получено въ Петербургѣ извѣстіе что кн. Потемкинъ умеръ[4]). Чудной Промыслъ Божій хотѣлъ столькоже унизить етаго сатрапа при смерти, сколько высокъ онъ былъ въ животѣ своемъ. Князь будучи уже боленъ и съѣдаемъ внутренней тоскою, скакалъ изъ одной крѣпости въ другую; на Турецкой границѣ сдѣлалось ему дурно, его высадили изъ кареты, разо-

[1]) Иванъ Федоровичъ, д. т. сов.
[2]) Впосл. мин. внутр. дѣлъ (1759 — 1829).
[3]) См. „Капище".
[4]) 5 октября 1791 г., по дорогѣ, около Яссъ.

слали на голой землѣ солдатской плащь. Богатырь легъ на степи отдохнуть, и опочилъ на ней вѣчнымъ сномъ. Гдѣ лучше повторить слово премудраго? Мимо идохъ и се не бѣ, взыскалъ и не обрѣтеся мѣсто его! Въ Петербургѣ вѣсть сія произвела всеобщій ужасъ. Ни Самсономъ разрушенная храмина, ни паденіе стѣнъ Іерихонскихъ не сдѣлали столько шуму въ свое время сколько въ наше у двора смерть сего политическаго великана; до такой степени всякой удивлялся, что повсюду было слышно восклицаніе: Какъ! князь умеръ! будто бы ему дано было какъ Иліи и Эноху безсмертіе. Государыня плакала неутѣшно какъ женщина, и затруднялась какъ Царица выборомъ Вождя на его мѣсто. Придворныя обезьяны повѣсили носъ, а Зубовъ и его партизаны сѣтовали съ виду, но внутренно радовались паденію Колосса, которой могъ рано или поздо обрушится на нихъ всею своею массою. Состояніе войскъ противъ непріятеля лишившихся такого полномочнаго Начальника, положеніе мира съ портою начатаго, но еще не кончаннаго; два сіи предмѣта занимали одни всю царскую мысль. Императрица давъ чувствамъ своимъ полную волю разстроила силы тѣлесныя и не могла показатся въ публику; выходы ея по воскреснымъ днямъ отмѣнены на время. Безбородко поскакалъ въ армію соглашать дипломатическое путанье, а я маленькая пещинка брошенная сюда вѣтромъ случая, не зналъ какъ и быть при такой сумятицѣ. Къ кому прислонится? Ѣхать или ждать. Поступить по мыслямъ своимъ не спросясь никого я не смѣлъ; Васильевъ искусенъ былъ въ дѣлахъ, но не свѣдущь въ етикетахъ придворныхъ. Я доложилъ Н. И. Солтыкову, онъ покачалъ головою, и послалъ меня къ Зубову; я къ нему не хаживалъ, но тутъ надобно было заглянуть въ его переднею. Фаворитъ принялъ меня учтиво, выслушалъ причину моего недоумѣнія и благословилъ меня ѣхать, не дожидаясь отпускной аудіенціи. И такъ 14-го октября, день праздничной у двора, я представленъ былъ на половинѣ Ихъ Высочествъ, и отблагодарить и откланятся вмѣстѣ. Они пожаловали мнѣ руку поцаловать, и ни слова не изволили мнѣ сказать. Здѣсь я перьвой знакъ увидѣлъ ихъ негодованія, но не могъ понять откуда, и за что? Или щедрая десница Екатерины подписавшая мнѣ новое бытіе удалила тѣмъ отъ меня благосклонной взоръ своего Наслѣдника? Не будучи виноватъ, я покойно оставлялъ въ такомъ положеніи противу себя дворъ Ихъ Высочествъ, и скоро потомъ распростясь со всѣми пустился въ дорогу.

Есть на все счастливыя минуты. Напиши я свое письмо къ Царицѣ мѣсяцемъ пожже, оно бы дошло въ ету смутную пору, и едва получилъ ли бы я такой вожделенной успѣхъ. Изъ етаго я опытомъ дозналъ, что иногда день ранѣе, день пожже, часъ до или часъ по выварачиваетъ всю основу бытія нашего и глубокимъ чувствомъ сердца ощутилъ, что Богъ вездѣ сый и вся исполняя.

Въ послѣднихъ числахъ октября возвращаюсь я въ Москву, и нахожу домашнихъ болѣе уже опечаленныхъ скорою разлукою со мной, нежели радостныхъ моимъ отличнымъ счастіемъ. Вотъ какъ скоро проходитъ чадъ восторговъ и часто мы плачемъ о томъ чему недавно смѣялись.

До отъѣзда моего еще въ С. Петербургъ слухъ носился въ Москвѣ о бывшемъ сильномъ пожарѣ въ Пензѣ. Готовясь туда ѣхать на житье,

нужно было позаботится о квартерѣ. Зналъ я что тамъ есть казенной каменной Вицъ Губернаторской домъ, но не сгорѣлъ ли думалъ я? Очистилъ ли его мой предмѣстникъ буде онъ и цѣлъ? По счастію тамъ былъ у меня одинъ знакомой сослуживецъ Семеновскаго полку, офицеръ Чемесовъ [1]). Я ѣхавши въ Питеръ, писалъ къ нему и получилъ отвѣтъ въ Москвѣ. Онъ увѣдомилъ меня что домъ казенной цѣлъ, уже очищенъ, но поелику въ немъ ничего нѣтъ кромѣ стѣнъ, то просилъ меня взъѣхать на короткое время къ Отцу его въ большой собственной домъ, и въ немъ расположиться, пока я самъ приведу казенной домъ въ порядокъ и устрою въ немъ свое жилище.

Такимъ образомъ, заготовя себѣ на перьвой случай прибѣжище, нѣчего было долго мѣшкать въ Москвѣ. Короткое время сборовъ моихъ проводилъ я дома и батюшка воспользовался имъ на то, чтобъ дать мнѣ всѣ нужныя наставленіи какъ себя вести у должности и чѣмъ наиболѣе занимается; совѣты его были навсегда наилучшій мой наставникъ. Скверная осенняя погода и путь не дозволялъ мнѣ и помышлять о томъ чтобъ всѣмъ домомъ въ одинъ разъ переѣхать въ Пензу; все сообразя я рѣшился оставить до хорошаго зимняго пути жену въ Москвѣ при батюшкѣ и съ дѣтьми нашими, а самъ на легкѣ собравшись, принялъ благословеніе родительское, запечаталъ супружескую нашу любовь крѣпкимъ и горячимъ поцелуемъ на розовыхъ устахъ Евгеніи [2]), перекрестилъ своихъ малютокъ, опрометчиво распростился съ Московскими пріятелями и знакомствами, и при общемъ восклицаніи отъ сестеръ и всѣхъ домашнихъ: Счастливый путь, съ Богомъ! я оставилъ родительскій домъ снова, а въ немъ все что меня привязывало къ жизни, и плакалъ еще когда записывался на заставѣ.

Ничто такъ не разсѣиваетъ мысли какъ путешествіе. Новость безпрестанная въ предмѣтахъ, разнообразіе и лицъ съ коими встрѣчаешся, и обычаевъ, составляетъ картину занимательную для глазъ, и мало по малу воображеніе разыгрывается. У меня отъ природы оно было пылко, слѣдовательно что попалъ я на большую дорогу, то и началъ на все смотрѣть съ любопытствомъ.

Со мной ѣхали искать участи въ службѣ два молодые человѣка. Одинъ по прозванью Цвѣтаевъ, [3]) сынъ нашего приходскаго попа, выпущенный студентъ университетской и грамотей. Мнѣ нужна была его рука и красивый слогъ чтобъ отличится въ бумагахъ своихъ отъ подьяческаго навыка принятаго въ провинціяхъ. Другой нѣкто по породѣ изъ польскихъ евреевъ, по имени Блажіевскій. Ихъ было два брата, оба вывезены въ ребячествѣ дядею моимъ роднымъ генераломъ Ржевскимъ [4]) изъ Польши, и жили у него въ комнатныхъ услугахъ на ряду съ холопьями. По смерти его, другой мой дядя баронъ Строгановъ взялъ ихъ къ себѣ въ той же должности; они служили у стола, подносили пить гостямъ, и по шутливому характеру дяди, пріучались дурачится, что и доставило имъ свободной шагъ въ домѣ. Не рѣдко дураки притворныя далѣе умныхъ настоящихъ шагаютъ. По кончинѣ дядюшки, я вступился

[1]) Впосл. Вологодск. вице-губерн., о его отцѣ см. ниже.
[2]) Евгенія Сергѣевна, ур. Смирнова, 1-я жена автора записокъ, см. Р. Б. 1913.
[3]) Алексѣй Алексѣевичъ, см. „Капище".
[4]) Степанъ Матвѣевичъ, мужъ тетки автора, Софіи Николаевны, ур. бар. Строгановой.

въ сиротство сихъ двухъ Блажіевскихъ; они брошены были наслѣдниками. Изъ уваженія къ памяти моего благодѣтеля, я записалъ ихъ чтобъ они праздно не шатались какъ людей свободныхъ въ солдаты въ Семеновской полкъ; они со мной отправили Шведской походъ, произведены постепенно въ унтеръ-офицеры, и когда я вышелъ изъ гвардіи, они взяли отставку съ чинами армейскихъ порутчиковъ. Пока я жилъ на свободѣ они слѣтали на родину, снабдили себя шляхтскими дипломами, и воротились въ Россію въ качествѣ дворянъ. При опредѣленіи меня въ Вицъ Губернаторы, они явились ко мнѣ въ Петербургѣ, и я старшаго брата Александра повезъ съ собою, а меньшой Семенъ, доѣхалъ послѣ. Я на счетъ сихъ двухъ братьевъ распространился для того, что они со временемъ значительной эпизодъ составятъ въ моей исторіи.

Я не сказалъ еще когда мы выѣхали. Въ половинѣ ноября; погода была самая скверная, дорога негодная, но въ службѣ кто разбираетъ и то и другое? Почти на пути моемъ лежала наша новая подмосковная Никольское. Я въ нее заѣхалъ, отужиналъ, переночевалъ, съ легка поглядѣлъ на окрестности по утру, и поѣхалъ далѣе ни мало не полюбя етаго дикаго и уединеннаго мѣста, которое оживотворялось однимъ только заводомъ и непріятными суматохами кабака.

Пріѣхавши въ Володимірѣ, я увидѣлъ въ перьвой разъ отъ роду губернской городъ; Тверь и Новгородъ я давно зналъ, но перьвой можетъ назватся заставой Москвы, а послѣдній Петербургской. Володиміръ настоящая провинція; тутъ жилъ генер(алъ) губ(ернаторъ) Влад(имірск)ой и Костро(мск)ой, дядя мой двоюродной по женѣ генералъ порутчикъ Заборовской [1]), и по пословицѣ гора съ горой не сойдется, человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. Я тутъ же встрѣтился съ шуриномъ моимъ роднымъ Саввой [2]), которой при началѣ моего съ нимъ знакомства былъ приставомъ виннымъ въ Торжкѣ, а потомъ перешелъ сюда въ расправныя судьи, чтобъ быть подъ начальствомъ г. Лазарева, сдѣшняго губернатора, перешедшаго въ Володиміръ изъ Тверскихъ вицъ-губернаторовъ, и у котораго шуринъ мой привыкъ издавна быть домашнимъ. Я остановился у него на квартирѣ и прожилъ съ нимъ дни три.

Дядя мой угостилъ меня наилучшимъ образомъ, и всѣ возможныя доставилъ мнѣ въ городѣ удовольствіи. Губернаторъ человѣкъ очень достойной также обошелся со мною очень ласково. Я слышалъ концертъ, что за музыка! что за пѣвчія! Но генер. губер. ето жалуетъ. Публика плотитъ деньги, и бьетъ въ ладоши. Видѣлъ клобъ, и самъ танцовалъ въ немъ; я всматривался во всѣ обряды провинціяльной жизни, чтобъ не совсѣмъ показатся новичкомъ въ своей домашней губерніи, но видѣвши все какъ гость я не могъ разобрать тѣхъ многосложныхъ пружинъ кои настроиваютъ механизмъ городской жизни. Вся публика казалась мнѣ довольна моимъ обращеніемъ, и одинъ только старичекъ Я . . . . . предсѣдатель Гражданской Палаты, увидя меня въ плясовой залѣ въ контреданцѣ, заключилъ рѣшительно и громко произнесъ, что я только горазды прыгать и кланятся. Безцѣнная откровенность! — и чуть не такъ ли? Спасибо ему за правду! Погостивши три дни въ Володимірѣ, поскакалъ далѣе, и прибылъ въ Нижній Ноября 21 дня.

[1]) Иванъ Александровичъ (1735—1817), д. т. с.
[2]) См. „Капище", Савва Сергѣевичъ Смирновъ, родной братъ жены автора.

Начинались уже и для меня воспоминаніи прошедшаго. Будучи молодъ еще, я уже чувствовалъ разницу настоящаго съ прошедшимъ. Бывало въ етотъ день я обѣдалъ во дворцѣ, въ етотъ день родился сынъ мой, и въ чертогахъ Наслѣдника Престола, я вкушалъ сладкія мечты въ будущемъ. Всѣ мои замки исчезли, и я въ провинціи одинъ, безъ родныхъ, въ кругу людей чужихъ. Есть жена, — но я съ нею розно. Есть дѣти, — но ихъ не вижу. Имѣю родителей, сестеръ, все, все за глазами. Таковъ былъ для меня перьвой день моего пріѣзда въ Нижній. Въ замѣну столь чувствительныхъ лишеній тщеславіе представляло свои бѣдныя отрады; здѣсь ожидалъ меня курьеръ изъ Пензы, т. е. оборваной солдатъ статной команды, беззубой инвалидъ, которой вручилъ мнѣ кучу пакетовъ изъ Казенной Палаты. Въ сравненіе съ гвардейскими солдатами, кои мнѣ еще мечтались въ воображеніи, мнѣ показался етотъ слезной Мушкатеръ за чучелу въ мундирѣ, выпущенную мнѣ на смѣхъ. Пакеты были наполнены вѣдомостьми и разными табелями, кои на перьвой случай составили для меня сокращенную Статистику Пензенской губерніи. Признаюсь однако, что по старой привычкѣ я не могъ не поправить на солдатѣ лоскутнаго его кафтана и побранилъ за то, что пуговицы не вычищены, воображая будто статная команда должна быть похожа во всемъ до мелочи по крайней мѣрѣ на линейныя полки, ежели не на гвардію. Таковы всѣ новички во всякомъ дѣлѣ, все примѣняютъ къ своему прежнему обычаю. Я оставилъ курьера при себѣ, и обклавшись бумагами рылся въ нихъ по утру и спать ложась. Впрочемъ весь день былъ не мой, и я провелъ время въ большомъ разсѣяніи.

Нижній былъ у меня въ сторонѣ отъ большой Пензенской дороги, но какъ въ немъ жилъ нашъ генер. губернаторъ, Ив. Мих. Ребиндеръ [1]), а къ тому у насъ было имѣніе въ етой губерніи, то я и разсудилъ заѣхать въ Нижній, дабы представится своему главному начальнику и посмотрѣть деревни. Я тотъ часъ по пріѣздѣ явился къ Ив. Мих. и вручилъ ему рекомендательное о себѣ письмо отъ брата его роднаго шталмейстера Вас. Мих. Ребиндера [2]), котораго я зналъ хорошо при дворѣ. Иванъ Мих. былъ человѣкъ еще не очень старой, но изнуренъ болѣзнями и не обѣщалъ быть долговѣчнымъ, нраву самаго кроткаго и скроменъ въ обращеніи, благопривѣтливъ, ума просвѣщеннаго, обходился со всѣми свободно и безъ лукавства; онъ принялъ меня очень милостиво, позволилъ прожить съ недѣлю въ городѣ, дабы присмотрѣтся къ жизни губернскихъ городовъ, жалѣлъ о томъ, что я такъ молодъ и съ именемъ моимъ принужденъ удалится отъ столицъ и лучшаго свѣта, входилъ благосклонно въ мое положеніе, давалъ мнѣ совѣты, обѣщалъ свое покровительство въ случаяхъ затруднительныхъ и не далъ мнѣ ни на одинъ часъ соскучится. Я почти безпрестанно былъ у него, или гдѣ нибудь съ нимъ, что давало мнѣ большой вѣсъ въ городѣ. Жена его была нѣмка такая же какъ и онъ, дама въ лѣтахъ, хорошая хозяйка и со всѣми очень учтива; я кромѣ ласки ничѣмъ не могу отозватся говоря о нихъ обѣихъ. Супругомъ доволенъ былъ весь ввѣренный ему Низовой край, а привѣтливостію супруги хвалились всѣ пріѣжжающія къ ней въ домъ. Я тутъ прогостилъ до 27 числа и хотя не о чемъ разсказывать

[1]) Намѣстникъ Нижегородскій и Пензенскій (1733 — 1792).
[2]) Род. 1740 г.

кромѣ пустыхъ забавъ, но для чегоже не распространится нѣсколько и на счетъ оныхъ. Они часто составляютъ лучшія узоры нашей жизни. Напоминаніе минутъ пріятныхъ въ самомъ даже отдаленномъ нашемъ возрастѣ всегда утѣшительно! Воображеніе наше ихъ представляетъ такъ живо, какъ будто они настоятъ еще, и съ сѣдыми волосами, кои неизбѣжно со временемъ всякую голову убираютъ, весело прочесть въ исторіи своей нѣсколько страницъ, въ коихъ увидишъ что и ты былъ когда то молодъ. И такъ опишу перьвыя дни существованія моего въ губернскомъ городѣ какъ диковинку для меня самаго. Готовясь жить въ такомъ же надобно было мнѣ себя искустно обманывать, все находить хорошимъ, на недостатки смотрѣть зажмурясь и вещи чуть чуть изрядныя прославлять прекрасными.

Нижній Новгородъ выстроенъ на берегу Волги, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ она соединяется съ Окою. При вскрытіи рѣкъ видъ города и окрестностей его величественъ; городъ самъ по себѣ не красивъ ни улицами, ни строеніемъ. Разбросанъ на горѣ и частію по самому берегу; но мнѣ не географію писать и такъ на счетъ положенія мѣста, — довольно. Я здѣсь говорю только о себѣ и относящихся ко мнѣ предмѣтахъ. Всякой день я насматривался на Ив. Мих. Ребиндера, и если слѣдуя чистой правдѣ, обязанъ я здѣсь оставить худую черту, которая наводитъ тѣнь на всѣ его доброты описанныя выше, то скажу откровенно, что онъ иногда отъ избытка добросердечія ввѣрялся самымъ низкимъ тварямъ, и не рѣдко слѣдовалъ ихъ внушеніямъ, но и сія слабость съ такою осторожностью вкрадывалась въ его поступки, что тѣ самыя, кои бывали отъ послѣдствій ея недовольны имъ, готовы были ближе къ тому, чтобъ сожалѣть о немъ, что онъ обманутъ, нежели роптать противу его несправедливости, толико былъ добръ нашъ генер. губернаторъ. Гостепріимство въ домѣ его даже и въ простыя дни, когда нѣтъ етикета не было ни скудно, ни притворно; въ театрѣ онъ приглашалъ меня къ себѣ въ ложу. Прощаясь со мною, отпускалъ меня съ отличнымъ благоволеніемъ и не воображалъ конечно, что онъ больше меня не увидитъ; но я по слабости его здоровья почти увѣренъ былъ отъѣжжая изъ Нижняго, что съ нимъ на вѣки прощаюсь и къ несчастію, я отгадалъ. Дадимъ понятіе о нѣкоторыхъ чинахъ въ губерніи, по примѣру одной не рѣдко можно судить о сборѣ людей и во всѣхъ. Губернаторъ Нижегородской былъ нѣкто генер.-порут. Б. человѣкъ военной, длинной, мягкотелесный и ремесла своего не мастеръ, но мужикъ доброй и простой; любилъ людей, меня принималъ нѣсколько разъ къ себѣ и всегда ласково. Говоря о свойствахъ сихъ господъ, я не могу взять на себя опытнаго и собственнаго своего свѣденія, а передаю доходившій до меня судъ того общества въ которомъ они жили.

Архіерей тамошній, епископъ Дамаскинъ [1]) жилъ въ городѣ: онъ мнѣ знакомъ былъ еще въ чинѣ ректора Иконоспаской Академіи въ Москвѣ; латынщикъ и ученѣйшій мужъ въ своемъ состояніи. Старому знакомцу всегда обрадуешся. Я съ нимъ видѣлся и разъ у него обѣдалъ.

[1]) Семеновъ-Рудневъ (1737 — 1795 г.) проф. философіи и исторіи, бывшій ректоръ Моск. Духовн. Академіи, авторъ многихъ богословскихъ сочиненій и изв. труда „Библіотека Россійская, или свѣдѣнія о книгахъ въ Россіи съ начала типографій" соч. въ 1785 г., который хранится въ рукописи въ Моск. Дух. Академіи.

Въ городѣ я нашелъ изрядной театръ; содержалъ его Кн. Шаховской [1]) тутошній помѣщикъ; актеры всѣ изъ крѣпостныхъ его людей, музыканты также, декораціи изрядныя, одежа сносная, но игра далеко даже отъ посредственной, однако и ето для развлеченія мыслей послѣ трудовъ достаточно. Знатоковъ искуства мало, а потому лишъ было бы казисто и смѣшно, все терпимо. Я ни однаго зрѣлища не пропускалъ; у всѣхъ жителей почти есть ложи годовыя или кресла, и театръ господину своему не въ убытокъ, паче же купечество охотно ходитъ въ театръ и составляетъ денной нарочитой доходъ. Въ Нижнемъ заведенъ клобъ, даются и маскерады по примѣру столицъ съ коихъ всѣ провинціи какъ мартышки снимаютъ сколки и въ маломъ видѣ тѣ же забавы хотятъ и себѣ и другимъ доставить. Я вездѣ былъ, все видѣлъ и, по молодости лѣтъ моихъ не будучи въ даль разборчивъ, довольно веселился.

Вицъ губернаторъ, г. Е. тучное животное, перенимая у людей давалъ иногда и самъ жирныя столы. У него случилось мнѣ быть въ екатерининъ день на торжественной вечеринкѣ. Много было картъ, свѣчь, шуму, а удовольствія ни слабой тѣни.

По склонности моей къ забавамъ и разсѣянію, ознакомился я на сіе короткое время и короче всѣхъ съ тутошнимъ г. дирек. Економіи П. Н. Прокудинымъ. Особа важнѣйшая въ губерніи по дѣламъ своимъ и роскоши. Кто хочетъ узнать его по ближе, пусть прочтетъ комедію вышедшую о немъ въ свѣтѣ въ 1794 году и напечатанную подъ названіемъ Донъ Педро Прокодуранте [2]). Портретъ вѣренъ, краснаго словца вовсе нѣтъ. Не стоитъ труда описывать здѣсь всѣ его качества довольно сказать, что онъ откровенно шутя съ своими пріятелями на собственной свой счетъ назвалъ себя Шельмою; онъ такъ и слылъ, таковъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Жена за нимъ была дворянка простая, но прекраснѣйшая женщина всего Низоваго края [3]). Онъ давалъ ей полную волю и не ревновалъ ни къ кому, держалъ открытой и прихотливой столъ, кормилъ то на серебрѣ, то на фарфорѣ, принималъ толпы гостей во всякое время дня, имѣлъ къ умноженію соблазна домовую церьковь, въ которой изъ одной роскоши и тщеславія пѣли обѣдню на придворной манеръ и въ тоже время его собственныя пѣвчія съ большимъ искуствомъ. Попъ и дьячокъ одѣвались въ бархатъ, фиміамъ курился, а свѣчи горѣли въ серебренныхъ утваряхъ. Домъ его во всѣхъ смыслахъ былъ въ той сторонѣ обращикъ свѣтскаго великолѣпія въ столицахъ. Владѣя подгородной деревней, онъ въ ней имѣлъ и предлагалъ разныя сельскія увеселѣніи. Тамъ выстроенъ былъ Ермитажъ, въ которомъ онъ подчивалъ знатнѣйшихъ городскихъ чиновъ за подъемными приборами на машинахъ. Послѣ сего правдиваго описанія, не нужно кажется толковать какими способами нажито потребное на такой родъ жизни богатство? Государевы крестьяне, соляныя варницы ету загадку изъясняютъ; всѣ его презирали какъ вора примѣченнаго и всѣ, однако, къ нему ѣжжали. Онъ имѣлъ особенную причину меня отлично угощать; братъ его родной былъ въ Пензѣ въ томъ званіи въ какомъ

[1]) См. № 1-й.

[2]) Извѣстная библіографическая рѣдкость; оригиналъ сочиненія Я. П. Чаадаева, въ которомъ выведены злоупотребленія директора экономіи. Книга эта скуплена и уничтожена П. Н. Прокудинымъ.

[3]) Ѳеоктиста Даниловна, см. „Капище“.

онъ тутъ, а я, грѣха не потаю, вкушалъ крайнее удовольствіе въ его домѣ, потому что съ женой его было не скучно. Она была изъ тѣхъ прелестныхъ женщинъ, на которую одинъ взглядъ по писанію уже прелюбы творитъ.

Съ прочими жителями и чинами города, я также съ легка ознакомился, возилъ къ нимъ и отъ нихъ по обряду получалъ карточки, дома только ночевалъ. Квартеру мнѣ предложилъ у себя г. Поповъ, судья верхней расправы, онъ управлялъ имѣніемъ камергера Дивова. Я его зналъ, и изъ Петербурга ѣхавши выпросилъ къ нему письмо для полученія ночлега въ теплой комнатѣ.

Въ Екатерининъ день я видѣлъ въ перьвой разъ пышной и церемоніяльной столъ въ губернскомъ городѣ у генер. губернатора. Онъ давалъ обѣдъ на сто слишкомъ кувертовъ. Серебренный казенный сервизъ придавалъ отмѣнной блескъ пиршеству и я тогда ознакомился со всѣми обрядами, кои введены въ подобныя дни при крошечныхъ дворахъ нашихъ провинціяльныхъ вице — роевъ [1]).

Между разными визитами посѣтилъ я по неотступному приглашенію Пензенскихъ купцевъ жившихъ въ Нижнемъ по своимъ торговымъ дѣламъ. Дико мнѣ казалось быть у купца въ гостяхъ, что рѣдко важивалось въ томъ свѣтѣ, изъ котораго я переселился въ новую свою планету, но съ волками надо волчьи выть; мнѣ присовѣтывали ихъ потѣшить, дабы не напужать излишней надмѣнностію. Я у нихъ выпилъ бокалъ вина и полно. Объѣздилъ изъ любопытства: народное училище, присутственныя мѣста, гостиныя дворы и все что городъ имѣлъ въ себѣ замѣчательнаго. Если бъ я писалъ путешествіе въ Нижній, то поговорилъ бы о всякомъ мѣстѣ подробно, но до моего предмѣта подобныя примѣчаніи не принадлежатъ, особливо въ городѣ, въ которомъ я самъ какъ галка лечу мимо, чтобъ спуститься въ другой рощѣ на свою вѣтку; и такъ пора подымать крылья и въ путь собирается. Поблагодаря своего хозяина за тепло, свѣтъ и спальню, откланялся генералъ губернатору, и 27 Ноября, съ дозволенія его отправился въ свою деревню, которая не очень меня удаляла отъ большой и прямой дороги.

Въ пятидесяти верстахъ отъ города, на большомъ Казанскомъ трактѣ, родители мои имѣли вотчину въ семи стахъ душахъ состоящую; они пришли къ намъ въ домъ по приданству за Матушкой. Отцу моему угодно было приказать въ нее заѣхать осмотрѣть и деревню, и тамошній винокуренный заводъ, и о состояніи того и другаго его увѣдомить. Я никогда не разумѣлъ деревенскаго хозяйства, да и не имѣлъ времени въ молодости ему обучится, а домоводство сельское есть обширная наука; однако сколько смыслилъ старался исполнить Батюшкино препорученіе; мой пріѣздъ былъ и для вотчины феноменъ, потому что лѣтъ болѣе семидесяти прошло, какъ они не видывали никакого помѣщика. Показавшись на границѣ своей, я увидѣлъ знаки древняго рабства, которое такъ противно и сердцу и разуму. Всѣ пали передо мною въ ноги и въ полномъ смыслѣ слова челомъ били землю и ползали у ногъ моихъ какъ черви. Кичиться надъ мужиками не моя забава, да и что за радость? Я прожилъ у нихъ сутки и получа поверхностное понятіе о томъ, что такое деревня въ Россіи, продолжалъ путь свой въ Пензу. Полезнѣе

[1]) Vice roi.

всего для меня было увидѣть въ миніятюрѣ заводъ и посмотрѣть какъ производится дѣло винокуренія. Готовясь управлять большимъ подобнымъ заведеніемъ государственнымъ въ Пензѣ, я имѣлъ нужду ознакомиться съ механизмомъ етой работы.

Дорога моя шла черезъ Саранскъ. Перьвый уѣздной городъ нашей губерніи; тутъ увидѣлъ я перьвыя признаки моей знати. Встрѣча городничаго съ драгунами, рапорты приставовъ и казначея, сходбище на квартерѣ у меня всѣхъ городскихъ чиновъ и тѣхъ праздныхъ дворянъ, кои для того только живутъ иногда по городамъ, чтобъ играть въ карты по грошу и ходить на поклонъ къ пріѣжжимъ знатнымъ особамъ. Всѣ ети мѣлкія почести меня не околдовали, я глядѣлъ на нихъ равнодушно и скучая дорогой, искалъ въ замѣну ихъ одного спокойнаго ночлега, которымъ г. городничій, человѣкъ пожилой, меня поподчивалъ въ своемъ домѣ. На завтра я у него отобѣдалъ и поѣхалъ къ крайней точкѣ моего путешествія. Подъѣзжая къ Пензѣ и обозрѣвъ издали овины ее отвсюду окружающія, я не могу изьяснить что я вдругъ почувствовалъ. Разсѣянная жизнь моя доселѣ не допускала меня порядочно обдумать новое мое состояніе, но тутъ мысленно сказавъ себѣ и такъ я въ Пензѣ! тьма вселилась мнѣ въ голову идей на счетъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Увидѣвъ такъ близко отъ себя рѣшительной мигъ моего существованія въ провинціи и на неизвѣстное время, я невольно предался горестнымъ движеніямъ тронутаго моего сердца. Что слава? Что чины? На что весь ладанъ тщеславія когда нельзя тѣхъ дѣлить съ людьми драгоцѣнными? Когда нельзя обонять послѣдняго индѣ какъ среди гуменъ?

Прибылъ я въ городъ Декабря 3-го, въ вечеру и въѣхалъ прямо въ домъ Г. Чемесова [1]). Прежде нежели увидѣлся я съ хозяиномъ дома, успѣлъ войтить въ мою комнату, нашелъ огонь въ каминѣ, взглянулъ на него — и заплакалъ. Краткая минута оставленная мнѣ на размышленіе, пока приводили все около меня въ порядокъ, была самая тяжелая для души. Ни воспитаніе мое, ни принятой образъ жизни не могли представлять мнѣ Пензу жилищемъ пріятнымъ. Одна привычка могла его сдѣлать сноснымъ; ожидаемыя труды по службѣ, званіе и дѣла незнакомыя, отдаленіе отъ родины, все вдругъ предстало моему воображенію, какъ тѣни мрачныя, кои пугаютъ дѣтей въ потемкахъ, и сокровенное какое то предчувствіе тѣхъ золъ, кои по времени постигли меня въ Пензѣ привело въ иступленіе. Одна необходимость встрѣтить вошедшаго ко мнѣ хозяина съ пріятною улыбкою радости могла прекратить глубокую мою задумчивость.

Во всякомъ дѣлѣ, при всякой перемѣнѣ жизни, новыя и перьвыя обстоятельства кажутся замѣчательными. Самая лучшая и большая моя въ перьвой день пріѣзда отрада состояла въ окончаніи пути въ скверную погоду, грязью и худыми дорогами на пространствѣ двухъ тысячь верстъ; и не въ самыхъ покойныхъ екипажахъ. Я же до дороги не большой охотникъ; въ Петербургъ изъ Москвы и назадъ при всемъ великолѣпіи моего бригадирства скакалъ я въ кибиткѣ, а уже въ Пензу пріѣхалъ въ

[1]) Ефимъ Петровичъ, воевода въ Пензѣ, его сынъ, служилъ вмѣстѣ съ авторомъ въ Семеновскомъ полку, и былъ впослѣдствіи (въ 1805 г.) Вологодскимъ вице-губернаторомъ.

старинной худой коляскѣ, дабы по степеннѣе выставить свою наружность. Встрѣчаютъ всѣхъ по платью, а мнѣ встрѣча та и нужна была. И такъ повторимъ еще разъ: Я въ Пензѣ! Я не гость въ ней, а гражданинъ! —

Прости мнѣ читатель что я, обратя взоръ на мимошедшія дни жизни моей, вздохну изъ глубины души, и симъ кончу ету часть рукописей моихъ; порядокъ велитъ конецъ текущаго года, яко начало пребыванія моего въ новомъ состояніи, отнести къ эпохѣ Пензенскаго бытія, котораго нитка начнется со дня моего пріѣзда.

Совершивъ такимъ образомъ третью часть моей лѣтописи, и пройдя въ ней всѣ тѣ годы, кои протекли отъ вступленія моего въ супружество на Сѣверѣ до переселенія въ древнія обиталища татаръ, паки возблагодарю Создателя всей твари и съ сокрушеннымъ сердцемъ, притрепетною мыслію въ третій разъ воззову къ нему:

Благословенъ Господь Богъ, Благоволивый тако:
Слава Тебѣ.

Копія съ письма жены моей къ Великой Княгинѣ о которомъ упоминается на страницѣ 180 подъ знакомъ (1) [1]).

Madame!

Les bontés, les bienfaits que Votre Altesse Imperiale daigna répandre sur moi de tout tems, les soins généreux que vous eûtes de mon enfance et de mon bien être, l'interet si gracieux que vous prites à ma santé, lorsque ma mere eut le bonheur de vous être présentée, tout m'inspire la douce confiance que je puis me livrer à la temerité de vous adresser cette lettre, avec d'autant moins de crainte d'offenser votre Auguste personne que Votre Altesse Imperiale elle même, me fit la grace de me permettre d'avoir toujours recours a elle. Pour une âme aussi sensible que celle de mon Auguste Protectrice, qui se plait autant que la votre à combler de bienfaits le dernier des mortels, qui vous approche, est-il rien de plus délicieux que l'offrande simple et pure d'un coeur reconnaissant et quel motif plus digne de Vous, pourrait m'enhardir a prendre la plume? — La nouvelle des bienfaits accordées à ma Soeur, en est un nouveau pour moi, qui m'imposait le devoir sacré de me mettre a vos pieds avec ma famille, et de vous presenter mes soumis et respectueux remerciemens. Daignez honorer d'un regard favorable l'ouvrage que j'ose vous offrir. C'est votre bonté qui m'y autorise, car je me ressouviendrai toujours avec plaisir de ce tems fortuné, ou vous daignâtes me permettre de vous presenter quelque chose, qui eut été faite par moi, et sans ma maladie, combien de tems n'aurais-je pas deja gouté la satisfaction de vous présenter ce tissu que n'a besoin pour être le plus beau de tous que de passer dans vos mains. Puisse ce petit rien me retracer à votre mémoire! Toujours penetrée de la plus vive reconnaissance, n'ayant d'autres desirs que de vivre a jamais sous Votre Auguste protection, de soins que de faire des voeux au Ciel pour la conservation de Vos jours, de plasir que celui de compter vos bienfaits, dont l'idée toujours chère a mon coeur

[1]) См. № 1, стр. 69.

ranime mon existence et semera des fleurs sur les tems les plus reculés de ma vie.

J'ai l'honneur d'être de Votre Altesse Jmperiale
la trés soumise et très fidele sujette P. E. D.

Копія съ письма моего къ Государынѣ о которомъ упоминается на страницѣ 186 подъ знакомъ (2) [1].

Всемилостивѣйшая Государыня.

Къ Тебѣ уподобающейся Богу, Монархинѣ творящей милость и судъ всѣмъ обидимымъ, предъ наступающимъ благознаменитымъ днемъ Всероссійскаго праздника, прибѣгаю и молю Тебя Августѣйшая Екатерина да возриши на прошеніе сіе Окомъ Милосердія и Щедротъ и сотвориши милость съ рабомъ Твоимъ.

Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ не искавъ просвѣщенія внѣ Отечества моего, обучался я въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ откуда по окончаніи наукъ въ силу Высочайшихъ того мѣста узаконеній выпущенъ я былъ въ армію изъ студентовъ въ прапорщики, и до поручичьяго чина служилъ въ статѣ Генерала Князя Д. Крымскаго, изъ котораго по смерти его пожалованъ я Всемилостивѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ Лейбъ Гвардіи въ Семеновской полкъ въ Прапорщики, гдѣ я до капитанскаго чина продолжалъ свою службу, и въ теченіи Шведской войны былъ въ походѣ; по заключеніи же мира, не находя себя къ военному званію способнымъ, и желая вступить въ статскую службу, просилъ я Вашего Императорскаго Величества объ увольненіи меня отъ военной службы, и по прошенію моему въ нынѣшнемъ 1791 году Всемилостивѣйше пожалованъ я къ статскимъ дѣламъ бригадиромъ.—Таковымъ знаменитымъ чиномъ, превыше заслугъ моихъ отличенный, не хотѣлъ я убивать времени въ пагубности бездѣятельной, и просилъ Московскаго Генералъ Губернатора Князя Прозоровскаго о представленіи меня на очистившіяся при началѣ сего года ваканціи, почему и былъ я Правительствующему Сенату представленъ на мѣсто Предсѣдателя верьхняго Земскаго Суда, а отъ Правительствующаго Сената, поднесенъ былъ обо мнѣ докладъ Вашему Императорскому Величеству, но къ крайнему моему несчастью соизволеніемъ Вашимъ, избранъ на сіе мѣсто другой, отъ чего страшась не обнесенъ ли я кѣмъ либо Вашему Императорскому Величеству ежеминутно трепещу.

Нынѣ же благотворительнѣйшая Государыня когда отъ Сѣвера до Юга покоренные Скиптру Твоему разныя языки вкушаютъ миръ и новое благоденствіе когда всѣ вѣрныя Сыны Отечества стекаются по градамъ и селамъ торжествовать тотъ стократно благословенный день, въ которой десница Вышняго ко счастію россіянъ оправдала Тебя царствовать надъ нами, дерзаю я припадать къ Освященнымъ Стопамъ Твоимъ, и безъ всякаго заступленія чужда, къ самой Тебѣ прибѣгая, молю, да растрогнеши словомъ устъ своихъ, узы тяжкаго помраченія въ кое я низверженъ и употребя меня на служеніе Тебя и Отечеству, подай Премудрая Монархиня восхитительную мнѣ отраду приносить въ жертву званію на меня возложенному всякое мгновеніе жизни моей, и посвятить всего себя службѣ въ какомъ либо краю державою Твоею осененномъ на всякомъ бо мѣстѣ Владычество Твое, и подобно солнечнымъ лучамъ озаряющимъ всѣ предѣлы свѣта Твои Монаршіе щедроты осчастливить достигаютъ во всѣхъ краяхъ Россіи каждаго вѣрноподданнаго Твоего должности свои непорочно выполняющаго. При нынѣшнихъ звукахъ торжества отвсюду до Престола Твоего раздающихся, позволь Премилосердая Мать Отечества гласу сердца ревности и усердія къ Тебѣ преисполненнаго коснуться слуха твоего, и не оставь меня погруженна въ праздности бѣдственной, ибо называяся россіяниномъ, родяся подъ благословенною Державою Твоею, ощущая кротость и величество законовъ, ничего пагубнѣе для себя не зрю, какъ не быть удостоену воздавать людямъ судъ и правду по божественнымъ Твоимъ начертаніямъ и постыдную токмо жизнь влачить.

Вкупе съ симъ прошеніемъ повергаю себя къ подножію ногъ Твоихъ

Всемилостивѣйшая Государыня Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный.

[1]) См. № 1, стр. 75.

Часть 4.

Отъ вступленія моего въ Гражданскую Службу въ Пензѣ, до окончанія оной и новаго переѣзда въ Столицу.

Конецъ 1791 года.

Въ началѣ сей Эпохи обязанностію нахожу предложить сокращенный чертежъ Пензенской губерніи, и въ нѣсколькихъ строкахъ коснутся трехъ слѣдующихъ предмѣтовъ. 1-е Мѣстоположенія и статистики губерніи. 2-е Начальства и вообще всего состава гражданскаго тѣла. 3-е Общества, его духа и нравовъ тогдашнихъ. Давши сперьва генеральное и поверхностное о нихъ понятіе, я стану потомъ по мѣрѣ представляющихся случаевъ, входить въ необходимыя подробности, по колику они находится будутъ въ связи съ моимъ собственнымъ лицемъ.

Губернія обширная, сопредѣльная съ Тамбовскою, Симбирскою, Саратовскою и Нижегородскою. Грунтъ земли почти вездѣ хлѣбородной и черноземъ. Климатъ самую малую разницу имѣетъ съ Московскимъ хотя Пенза отъ столицы до семи сотъ верстъ. При пожалованіи ее изъ Провинціи въ Намѣстничество, она раздѣлена на тринадцать уѣздовъ и разумѣется столькоже городовъ. Ревизскихъ душъ во всей поселено было до три ста тысячь съ лишкомъ, т. е. обывателей подати платящихъ. Губернской городъ издревле управляемъ былъ воеводами; послѣднимъ въ немъ находился тотъ самый г. Чемесовъ у котораго я остановился въ домѣ. Строенія каменнаго и деревяннаго довольно; купечество богатаго также. Для присутственныхъ мѣстъ почтамта, гимназіи или народной школы, губернатора, вице губернатора и коменданта, отстроены большія каменныя отъ казны здания и весьма хорошо обстроенныя для Низовой губерніи. Крѣпости не было никакой ниже тѣни ея, но по старымъ преданіямъ еще находился въ статѣ чиновниковъ комендантъ.

Духовенствомъ правилъ Тамбовской архіерей и кромѣ статныхъ монастырей двухъ мужскихъ, однаго въ Ломовѣ, другаго въ Саранскѣ и однаго женскаго въ самой Пензѣ, находился еще въ городѣ обще братской мужской монастырь да нѣсколько пустынь по уѣздамъ. Въ Ломовѣ славная бываетъ ярмонка въ пользу казны въ іюлѣ мѣсяцѣ при тамошнемъ Казанскомъ монастырѣ, въ которомъ праздникъ 8 числа. По меньше ее еще бываютъ двѣ ярмонки въ пользу городовъ; одна въ Петровъ день въ губернскомъ городѣ, другая въ Саранскѣ, въ августѣ 16 числа, на Спасовъ день. Казна получала со всей губерніи дохода милліонъ рублей съ лишкомъ; вино продается откупщиками, а ставятъ его въ казну дворяне тутошнія и иногородныя, но большою частію перьвые. Соль ставится изъ Саратова подрядомъ; казенныя винокуренныя заводы, дающія ежегодно до трехъ сотъ тысячь ведръ приносятъ большую выгоду, особенно при торгахъ, унижая цѣну поставщиковъ свободныхъ. Въ Инсарскомъ и другихъ уѣздахъ разрабатывается чугунная руда на трехъ партикулярныхъ заводахъ, обязанныхъ платить и съ доменъ и съ издѣлья положенную пошлину въ казну. Почти всѣ помѣщики курятъ вино и торгуютъ какъ имъ, такъ и нѣкоторыя хлѣбомъ; другія выдѣлываютъ стекло, хрусталь и лучшія вещи въ етомъ родѣ искать должно на Бахметьевскомъ заводѣ. Къ рѣдкостямъ отнести позволятъ мнѣ въ такомъ отдаленномъ краю славную типографію г. Струйскаго[1]), которой большое на нее употребилъ иждивенье; онъ самъ охотникъ писать стихи, и у себя ихъ свободно печатаетъ, посвящая сему пріятному упражненію всѣ свои сельскія досуги. Вотъ рисунокъ въ маломъ видѣ Пензенской губерніи, какова она была въ мое время.

Исторія Намѣстничества здѣшняго нова; оно открыто въ 1780 годѣ со всею пышностію возможною генералъ губернаторомь гр. Воронцовымъ[2]), вельможей у двора, отцемъ извѣстной и знаменитой въ лѣтописяхъ новѣйшихъ нашего отечества кн. Дашковой[3]), Его смѣнилъ кн: Пл(атонъ) Ст(епановичъ) Мещерскій[4]), а по немъ вступилъ въ туже должность генералъ порут: Ребиндеръ управлявшій и нынѣ Нижегородскою и Пензенскою губерніями. Губернаторомъ служилъ въ Пензѣ генер. порут: Ступишинъ[5]), человѣкъ пожилой, котораго братъ родной бывшій генералъ губернаторъ въ Нижнемъ, когда тотъ городъ подъ разнымъ еще начальствомъ находился съ Пензой, воспоминаемъ здѣсь часто своими достоинствами. Настоящій здѣшній губернаторъ вступилъ въ сіе званіе еще при генер: Воронцовѣ, имѣя генералъ маіорской чинъ, и, слѣдовательно сталъ перьвый начальникъ города по новымъ учрежденіямъ. О немъ и свойствѣ его говорить стану въ другое время, когда по собственнымъ опытамъ получу больше на то права. Ив(анъ) Алексѣ(евичъ) (такъ его звали) прибылъ въ Пензу изъ арміи расположенной въ Польшѣ безъ всякихъ подобно мнѣ свѣденій о

[1]) Извѣстный любитель стихотвореній и издатель, Николай Еремѣевичъ Струйскій († 1796 г.), о немъ см. „Антикваръ“ 1902 г. статья В. Шангина, „Старые Годы“ 1911 г., статья П. Симони.

[2]) Гр. Романъ Илларіоновичъ, ген.-губ. Пензенскій, Владимірскій и Тамбовскій (1707 — 1783).

[3]) Изв. сотрудница имп. Екатерины II, Екатерина Романовна, президентъ Акад. Наукъ.

[4]) Казанск., Симб., Пензенск. и Вятск. ген.-губ. (1713 — 1799).

[5]) Иванъ Алексѣевичъ, ген.-поруч. въ 1787, † 18? г.г.

статской службѣ; будучи не молодъ уже но еще холостъ, онъ далъ себя заманить въ любовныя сѣти и женился скоропостижно на родной племянницѣ моего хозяина Чемесова, бѣдная, низкая и забытая въ толпѣ ета дѣвочка не несла за собой въ приданое ничего, кромѣ своего пригожества и молодости. Мать ея дворянка Чемесова по себѣ, вдова губернскаго регистратора, слѣдовательно даже и не офицерскаго класса, внѣдрилась въ домъ зятнинъ и правила душой его, умомъ и всѣми помышленіями съ самовластіемъ деспотическимъ, потому что она была хитра, дочь прекрасна, а зять простъ и влюбленъ до смерти. Смѣняемый мной вицъ губернаторъ госп. стат. сов. Данила Самой(ловичъ) Копьевъ[1]) былъ человѣкъ уже не молодой, умной, острый, свѣдущь своего дѣла, съ большими познаніями о многомъ и пріятнаго общества онъ прибылъ въ Пензу къ самому открытію губерніи, прослужилъ въ ней до сихъ поръ въ настоящемъ званіи и уклонясь отъ трудовъ гражданскихъ, почти безъ состоянія, рѣшился жить въ своемъ домѣ въ Пензѣ и тутъ похоронить свои кости. Въ прохожденіи жизни моей Пензенской мнѣ часто доведется говорить о четырехъ братьяхъ Врасскихъ[2]) кои сильное вліяніе имѣли на благосостояніе губерніи по дѣламъ публичнымъ. Одинъ изъ нихъ служилъ предсѣдателемъ въ Уголовной Палатѣ, другой губерн: прокуроромъ, третій въ Казен: Палатѣ совѣтникомъ вин(ной) и сол(яной) экспедицій. Легко замѣтить сколько важныхъ нитокъ онѣ въ рукахъ имѣли. Послѣдній братъ, живучи въ уѣздѣ въ отставкѣ варилъ вино, жегъ паташъ и помогалъ братьямъ разными прислугами. Довольно сказано о начальникахъ и властяхъ, взглянемъ мимоходомъ и на общество.

Оно было многолюдно, но отборнымъ назвать его не смѣю. Судьи составляли главную часть его; чиновники государственной службы опредѣлялись Герольдіей почти всегда изъ самыхъ низкихъ людей, не имѣющихъ ни достоинствъ, ни дарованій. Чиновники по выборамъ дворянскимъ замѣщаемыя не далеко также отбивались отъ прочихъ и равнаго были съ ними качества и слѣдовательно, составъ губерніи не давалъ большихъ способовъ проводить время пріятно. По счастію многія помѣщики зажиточныя пріѣжжали на зиму въ Пензу, и имѣя въ ней свои домы, сообщались съ публикой, чѣмъ она и поддерживалась. Родъ жизни былъ тщеславной; всѣ охотники были давать праздники. Губернаторъ имѣлъ свой день; Предсѣд. граждан. палаты, лѣнивой судья, но жестокой игрокъ, держалъ открытый домъ, и съ утра до вечера у него на нѣсколькихъ столахъ козыряли въ карты. Предсѣд. Земск. Суда зажиточной также дворянинъ, давалъ еженедѣльно обѣдъ и вечеринки съ музыкой; вообще всѣ старались раскошничать на перерывъ одинъ передъ другимъ и, дѣйствительно, въ Пензѣ тогда по пословицѣ русской нельзя было распознать богатаго съ хвастливымъ. Можно было на всякой вкусъ найти бесѣду. У губернатора неумолкаемой разговоръ о старыхъ походахъ; у Жедри (—) банкъ и всѣ игры. У межеваго Президента (ибо тутъ была контора), не исчерпаемая чаша водки и вина, онъ былъ примѣрная пьяница; у предсѣдателя Уголовной Палаты козни и лукавыя шопоты по вечерамъ. У Колокол(цова)[3]) молодечество, всякой непотребной

[1]) См. „Капище“.

[2]) См. „Капище“.

[3]) Впосл. Влад. вице-губерн., Гавріилъ Ивановичъ.

глаголъ, словомъ всего было много и всякой про себя думалъ, что онъ попалъ въ тонъ общежитія Московскаго или Петербургскаго, тогда какъ грубое невѣжество и самая жесткая кора ставила ихъ далѣе отъ онаго, нежели отстоялъ самой послѣдній дворянинъ въ своей деревнѣ около той или другой столицы. Такъ велось тогда и такъ долженъ я былъ самъ привыкнуть жить, дабы не отличится и не прослыть гордымъ.

Старѣйшиной въ городѣ можно было назвать не по чину а по вѣсу моего хозяина *Чемесова*; онъ игралъ ролю въ Пензѣ гр. Шереметева въ Москвѣ, такъ же пыщился, надымался давая балы, но былъ въ обращеніи со всѣми ласковъ и вѣжливъ, кромѣ когда ему хотѣлось выказывать себя патріотомъ, особенно же при губернаторѣ, въ которомъ онъ любилъ находить своего племянника, т. е. ниже себя человѣка по родству. Тутъ онъ бывалъ грубъ, дерзокъ, проповѣдывалъ самыя жескія правды, не смотря ни на какую публику и мечталъ что онъ Панинъ въ Сенатѣ; впрочемъ довольно былъ уклончивъ передъ тѣми, до коихъ ему доходила нужда. Онъ долго служилъ самъ воеводой здѣсь и отошелъ отъ дѣлъ только надворнымъ совѣтникомъ; всѣхъ дворянъ зналъ и имѣлъ тѣмъ болѣе вѣсу въ публикѣ, что заставши несчастныя бунты Пугачевскія, онъ могъ многимъ казать услуги по жестокости случая имѣя право миловать и казнить, онъ пріобрелъ въ послѣдующемъ времени боязливое уваженіе отъ многихъ. Иныя его любили, другія страшились воспоминая минуты бѣдствій. Лишившись многихъ родныхъ и самъ во время мятежей Низоваго края онъ сдѣлался нечаянно наслѣдникомъ большаго имѣнія и думалъ роскошью снискать титло барина; давалъ балы, частыя обѣды, ни у кого не было такъ весело какъ у *Чемесова*, ни къ кому такъ охотно не ѣжжали какъ къ нему; хлѣбъ соль привольная, въ покояхъ свѣту много, всегда просторъ, хотя пропасть людей; домъ какъ замокъ, семья большая, дѣтей куча; что рожденье, что имянины, то балъ, и всѣ званы безъ разбору, кто только по адресъ календарю поставленъ въ спискѣ. Онъ добръ былъ, жена — смирная женщина, дѣти — выученныя машины; онъ разсуждалъ здраво о предметахъ однаго смысла требующихъ, потому что имѣлъ его довольно, но не получивъ никакого просвѣщенія, онъ дурачился, когда трактовалъ о живописи, судя по малевкамъ своего крѣпостнаго маляра, о музыкѣ наслушавшись Пензенскихъ скрыпачей, о стихотворствѣ, по семинарскимъ произведеніямъ кои студенты изъ куска хлѣба принашивали ему на Пасху, или объ Рождествѣ. А больше всего забавлялся я бесѣдой съ нимъ иногда на счетъ Волтера, котораго онъ обожалъ, хотя всего выворачивалъ на изнанку. Ето былъ оракулъ его; Волтера выбранить значило ему дать пощечину, хотя между *Чемесовымъ* въ Пензѣ и Волтеромъ въ Фернѣе шире была пропасть, нежели между двумя Лазарями на томъ свѣтѣ. Таковъ былъ мой хозяинъ, старинной дворянинъ, доброй россіянинъ, но смѣшной оригиналъ въ большомъ свѣтѣ.

Общество дамъ было довольно пріятно; иныя попадались остры, любезны и очень ловки, но весьма рѣдко; дѣвушки всѣ умѣли танцовать, наряжатся, щеголяли со вкусомъ и старались блеснуть нарядомъ. Что лежитъ до публичной жизни, я засталъ клобъ очень въ жалкомъ состояніи, потому что его не умѣли какъ то сладить, а театра хотѣлось всѣмъ, но развлеченія и безъ него такъ было много, что никто не успѣвалъ

заняться етимъ проектомъ и пріискать способы его завести. Таково было Пензенское житье при перьвомъ моемъ шагѣ въ губернію.

Теперь, отрѣзавъ на перьвой случай отъ цѣлаго куска обращикъ, да и смѣю сказать съ казоваго конца, приступаю къ продолженію дѣеписанія.

Сказано выше, что я пріѣхалъ 3-го числа декабря въ Пензу, отдохнулъ, и на завтра поѣхалъ представится своему начальнику г. губернатору. Въ Петербургѣ наслышавшись отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Оберъ Прок(урора) Зубова что онъ упрямъ и безтолковъ; отъ другихъ что онъ честенъ и справедливъ, я заключилъ что ненависть и зависть къ хорошимъ качествамъ сердца стараются дать невыгодное понятіе о его разсудкѣ, и потому любопытенъ былъ самъ его узнать. Перьвая наша встрѣча была очень дружелюбна; мы взаимно полюбились одинъ другому: онъ хвалилъ меня, я прославлялъ его, и оба мы далѣе и далѣе другъ въ другѣ ошибались. *Кто вѣсть человѣка, токмо духъ живущій въ немъ*. Для чужихъ глазъ все потемки въ немъ; жена его пригожая барыня, ловкая (въ Пензѣ) взяла меня въ особенное покровительство, а я по навыку моему въ волокитствѣ не замѣшкался къ ней пристрастится. Мать ея, сей опасной руль всей губерніи была тогда въ Петербургѣ. Ни слова не скажу о моихъ визитахъ и обрядахъ общежитія, которыя я обязанъ былъ соблюсти и здѣсь, ибо они такъ стары, такъ обыкновенны, что нѣтъ я думаю уже на свѣтѣ края, гдѣ бы ими не прикрашивали городской жизни; ѣздилъ я по всѣмъ, были всѣ у меня; съ удивленіемъ необыкновеннымъ смотрѣлъ я на тонъ здѣшнихъ удовольствій. Въ примѣръ приведу мою обновку: она позабавитъ.

Въ городѣ была межевая контора; перьвой членъ ея, человѣкъ семейной, нѣсколько лѣтъ уже межевалъ жителей Низоваго края; на его языкѣ межевать значило дарить и мѣнять дачи между ими по своему произволу, тасовалъ специяльныя планы какъ карты игрецкія; младшій членъ ихъ здавалъ, средній сбиралъ фиши, старшій дѣлилъ лабеты; секретарю оставалось получить за карты. 4-го числа у него жена была имянинница и г. М. давалъ большой обѣденный пиръ; весь городъ съѣхался и я какъ рекрутъ получилъ въ артели старыхъ солдатъ свое мѣсто; хозяинъ еще до обѣда былъ уже мертво пьянъ, и доказалъ мнѣ, что надв(орный) совѣт(никъ) въ провинціи также умѣетъ пить, какъ въ гвардіи послѣдній полковой писарь. Такимъ то зрѣлищемъ началась моя жизнь въ губерніи; къ вечеру, въ тотъ же день увидѣлъ я въ клобѣ весь женскій полъ. Что за зала! Что за музыка! Что за освѣщенье! Все меня приводило то въ смѣхъ, то въ жалкое соболѣзнованіе, но когда я воображалъ что въ общемъ етомъ дѣлежѣ городскихъ забавъ не маловажная часть и на мою долю приходить должна, то я вдругъ переставалъ хохотать и спѣшилъ представить себѣ всѣ предмѣты прекраснѣйшими.

5-го числа выѣхалъ я въ Палату, и сѣлъ въ Президентскія кресла. Послѣ старика почтеннаго, который занималъ ихъ, всѣ служители глядѣли на меня какъ на дитя въ калязочкѣ; живость моя, тонкой станъ, и молодость лица не соотвѣтствовали ни покрою, ни величинѣ, ни убранствамъ етихъ старинныхъ креселъ, на которыхъ подагрикъ съ отвислымъ зобомъ гораздо бы казался меня величавѣе, но я перекрестился, сѣлъ, и предо мной выложили столь много тетрадей, что изъ за нихъ невидать

было ничего, кромѣ широкой моей губы, которая придавала мнѣ нѣсколько сановитости; не имѣя еще никакого понятія о составѣ канцелярскаго обряда, т. е. о неизчерпаемомъ докладномъ реестрѣ, о толстыхъ журналахъ и протоколахъ, я не могу ничего сказать о вступленіи моемъ въ гражданскую службу, оставлю до будущаго года всякое разсужденіе о недостаткахъ или порчѣ моего мѣста, какъ мнѣ казались вещи по нѣкоторой привычки. Во ожиданіи опишу портретъ съ Казенной Палаты въ томъ видѣ, въ какомъ она мнѣ представила себя.

Директоръ Економіи перьвой membersъ по мнѣ Казен(ной) Пал(аты) нѣкто Нео: Прок(удинъ) былъ человѣкъ самыхъ развращенныхъ правилъ, лукавъ, безчестенъ, льстивъ, жаденъ къ прибыткамъ, ума наглаго, лѣнивъ дѣлать дѣло, пронырливъ съ начальниками, грубъ и самовластенъ съ подчиненными, словомъ дѣтина удалой въ чернотѣ порока. Всѣ называли его въ Петербургѣ воромъ безъ обиняковъ, но покровительствовалъ его особенно оберъ прокуроръ Сената г. Зубовъ, и сей щитъ знаменитой покрывалъ всѣ его грѣхи. Трудно было съ нимъ сладить, — а согласится съ нимъ рѣдко возможно.

Между членами Казен. Пал. коихъ со мною было тринадцать, находилъ я всякую смѣсь; не столь право были различны языки при столпотвореніи какъ въ Пенз. Казенной Палатѣ: морскіе офицеры, поповичи, камеръ лакеи, нѣмцы, и даже одинъ въ шедесятъ лѣтъ надв. сов., не учившійся грамотѣ; подьячій водилъ его руку по бумагѣ, которую по формѣ доводилось ему подписывать. Всѣ сіи господа имѣли уже чины шт. офицерскія, сидѣли за краснымъ сукномъ, пользовались правомъ голоса. Боже мой! и отъ такихъ то низкихъ тварей требовали строгихъ добродѣтелей. Одинъ человѣкъ только дѣловой и съ понятіемъ былъ г. В. Онъ имѣлъ другія пороки, но голова всегда была свѣжа. Не могъ я съ перьваго взгляда сказать что именно дурно, но понималъ корень зла, и дабы скорѣй научиться унимать, взыскивать, приказывать, я не щадя себя принялся за дѣло. Съ восьми часовъ утра до двухъ и трехъ сидѣлъ въ Палатѣ ежедневно; послѣ обѣда до глубокаго вечера сиживалъ съ секретарями въ кабинетѣ за бумагами, рылся въ архивѣ, читалъ законы, выписывалъ, смотрѣлъ, маралъ, и кое какъ пріучался къ своему дѣлу. Хотя я главнымъ основаніемъ законодательства почиталъ уложенье, регламентъ, наказъ и учрежденіи, но по времени увидѣлъ, что и тѣ читать излишній трудъ; они просвящали статскаго человѣка, открывали ему пути къ правдѣ, поощряли къ подвигамъ чести, учили порядочно думать и разсуждать о случаяхъ, а мнѣ вмѣсто того надлежало прибирать хитрыя обиняки, коверкать чистыя идеи подъ громкимъ титломъ политики, навыкнуть ябедничать, крючкотворствомъ замѣнять логику, пронырствомъ мудрость, велеречіемъ надутымъ простое природное чувство, снаравливать сильному, волочить нищаго, и зажмурясь смотрѣть на расхищеніе казенныхъ кладовыхъ; вотъ чему надобно было обучаться мнѣ, вицъ губер(натору) въ етомъ лабиринтѣ, который назывался Казенной Палатой. Увы! Не такъ я былъ воспитанъ! Не тѣ даны мнѣ правила! Я нашелся съ перьваго шагу въ должность въ сильной противуположности съ духомъ и нравами своего времени, но взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ. Чѣмъ больше находилъ я въ трудахъ моихъ скуки и заботъ, тѣмъ болѣе старался ихъ преодолѣть, дабы самолюбіе свое возвысить. Тежелы для меня были первыя мѣсяцы; едва не ослѣпъ я

за бумагою, не малъ предлежалъ мнѣ и подвигъ, оправдать Монаршую милость и показать свѣту, что я умѣлъ и не одни комедіи играть. Вотъ куда клонились всѣ мои мысли. Богу содѣйствующу я успѣвалъ иногда въ моихъ упражненіяхъ.

Главнымъ правиломъ поставилъ я для себя блюсти цѣлость царскихъ доходовъ, какъ зеницу ока; щадить и миловать не отступая отъ правды подверженныхъ мнѣ человѣковъ, т. е. казенныхъ крестьянъ, управлять самъ собою безъ наушниковъ и секретарей, сихъ нѣжныхъ соблазнителей всякой власти; не окружать себя такъ называемыми по тогдашней модѣ правителями канцеляріи. Сіи послѣдніе, сколько я примѣтилъ, ничто иное какъ намѣстники своихъ начальствъ, кои подъ видомъ облегченія ихъ трудовъ, снимая на себя половину ихъ работы, пріучаютъ своихъ начальниковъ къ нѣгѣ и небреженію, а за нѣгой тотчасъ вкрадется въ душу лѣнь и разумъ притупится. Всѣхъ сихъ пропастей я тщательно избѣгалъ, слушалъ много, вѣрилъ мало, и дѣлалъ то, что самъ на свой безмѣнъ находилъ справедливымъ.

По изъясненному моему образу жизни, досуги мои были не велики, но я старался ихъ весело проводить; живучи у Чемесова въ домѣ, бывалъ всякой день съ губернаторской семьей или у нихъ, или у моихъ хозяевъ, что и способствовало сдѣлать между нами временную но тѣсную связь; не ставя въ порокъ невинныхъ удовольствій, я удосужась отъ дѣлъ ѣжжалъ въ клобъ танцовать, и въ частныхъ круговенькахъ заводилъ игры, фанты и разныя подобныя увеселеніи. Многія меня осуждали, но я не находилъ чтобъ званіе вицъ-губернатора должно было имѣть вліяніе и на забавы моего возраста, не понималъ отнюдь какая посторонним людямъ отъ того бѣда что вицъ-губернаторъ цѣлый день употребя на работу по службѣ, къ вечеру вмѣсто того чтобъ пить, или играть въ карты, рѣзвится и пляшетъ. Вездѣ выказывать свой чинъ по моему есть самое низкое чванство; я любилъ въ своемъ мѣстѣ быть настоящій предсѣдатель, а дома или въ гостяхъ человѣкъ въ тридцать лѣтъ рѣзвой и веселой; и что за польза Государю, отечеству, въ принужденной измѣнѣ нашихъ нравовъ, когда они въ настоящемъ видѣ не ведутъ къ развращенію сердца? Гдѣ преступленіе, когда забавляюсь безвредно ближнему и должности своей не нарушаю? Такъ разсуждалъ я, и сообразно съ сими мыслями жилъ.

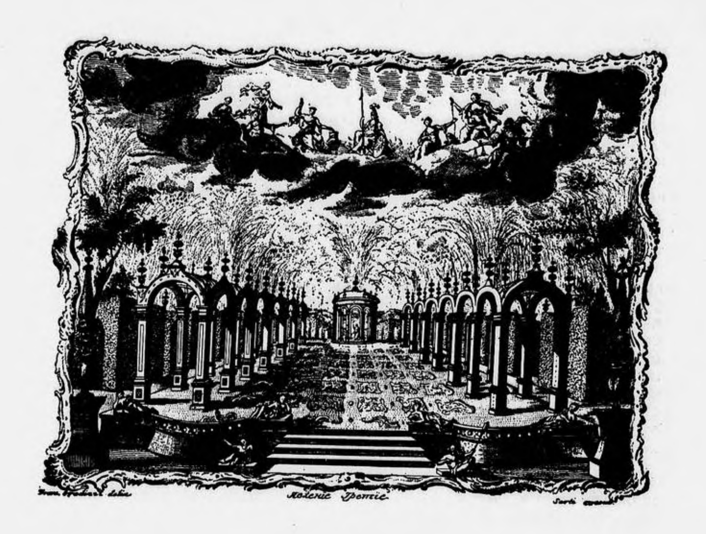
Дабы ознакомиться съ публикою на перьвыхъ порахъ моего пріѣзда вздумалось мнѣ дать маленькой балъ; домъ казенной еще не былъ прибранъ ни натопленъ и разныя происходили въ немъ поправки. Обозъ мой еще не бывалъ; тягости оставались въ Москвѣ; я прискакалъ одинъ на легкѣ. И такъ, нанялъ я у содержателя клобнаго дома его залу и далъ въ ней ужинъ только на сорокъ кувертовъ, приглася тѣ только лица, кои губернаторша назвала отборными въ обществѣ города, ибо я самъ никакого различія дѣлать еще не могъ. Вечеринка моя понравилась, и ето поощрило меня къ повторенію. 24-го Декабря, день имянинъ жены моей, давалъ я запросто небольшой ужинъ губернатору съ его семьей и ближайшими кліентами въ казенномъ своемъ домѣ и въ первый разъ обновилъ въ немъ холостое хозяйство, а наканунѣ новаго года та же компанія пожаловала ко мнѣ въ казенной домъ отужинать по московски новой годъ. Въ полночь бокалы завзвенѣли; мы выпили шампанское въ честь новому Сатурнину ребенку, и пожелали взаимно другъ другу чтобъ

дитя былъ скроменъ, благонравенъ, и чтобъ намъ онъ не дѣлалъ никакихъ пакостей; но видно погребщикъ кислое вино мнѣ отпустилъ, ибо совсѣмъ противное послѣдовало общему желанію, да къ тому же, о горѣ мнѣ грѣшному, придвинулъ я за столомъ къ губернаторшѣ салонку, не зная что провинціи всѣ начинены всякихъ примѣтъ. Подлино она со мною сбылася, но зачѣмъ забѣгать впередъ? До всего дойдетъ очередь! Потерпимъ, и будемъ счастливы сколько можно въ настоящемъ. Послѣ веселаго ужина разъѣхались отъ меня всѣ по домамъ, а я остался тутъ, и съ новаго года началъ жить въ казенномъ вицъ-губернаторскомъ домѣ на Царскомъ гнѣздѣ.

По пріѣздѣ моемъ получилъ я скоро изъ Москвы извѣстіе что, тамъ происходили дворянскіе выборы съ великими праздниками, послѣ которыхъ Отецъ мой по неотступной прозьбѣ его и изъ уваженія къ недужнымъ лѣтамъ, освобожденъ отъ должности Предводителя. Изъ Петербурга увѣдомляли меня о смерти гр. Брюса, о которомъ я искренно сожалѣлъ. Онъ былъ мнѣ благодѣтель! Кто не умѣетъ быть благодаренъ, тотъ солнечнаго свѣта недостоенъ. Жертва слезъ моихъ конечно для него ничтожна, но другой онъ не требовалъ, а теперь и никакой не почувствуетъ. Нѣтъ! Графъ, я не стихи вымышляю для твоей добродѣтели, я не надпись вырѣзываю на пышной гробницѣ, все суетно для той души, которая скинула тлѣнную свою ризу. Я воспоминаю милости твои, считаю ими каждой день юности моей, и плачу потерявъ стойкаго покровителя [1]). Но скроемъ печальную картину неминуемаго жребія всего человѣчества, и дадимъ году конецъ повеселѣй.

Если бы мнѣ писавши мою Исторію вмѣщать въ нее всѣ тѣ сплетни, ссоры, а паче поработительныя явленія кои относятся къ перьвому лицу губерніи и коихъ я былъ свидѣтелемъ, то бы я наполнилъ свои тетради самыми пустыми матеріалами, но я только о тѣхъ намѣренъ говорить живучи въ Пензѣ, которыя отъ описанія моего отлучится не могутъ, по тѣсной связи ихъ съ моей личною судьбою. Послѣднія дни года я провелъ довольно весело; новость предметовъ всякой день меня болѣе и болѣе занимала, пока я усталъ глядѣть все на туже машину и пружины ея, сдѣлавшись мнѣ знакомы, не дивили моего воображенія. Сколько я всѣмъ, столько всѣ мнѣ были въ диковинку. Святки наполнены были баловъ и маскарадовъ; обѣды на перерывъ, то у того то у другаго; безъ вечеринки не проходило дня. Чегоже поистиннѣ можно было желать болѣе? Когда бы человѣкъ думалъ только о настоящемъ, не мучая себя и часто напрасно въ будущемъ, то много бы печалей онъ у себя отнялъ. Переписка съ Москвой еженедѣльная составляла мой роздыхъ, отраду, чистѣйшее мое удовольствіе. Она была очень обширна; жена ко мнѣ, я къ ней мы писывали цѣлыя листы кругомъ новостей и приключеній. Такъ то кончилъ я текущій годъ, богатый для меня въ произшествіяхъ всякаго рода.

[1]) См. начало записокъ, гдѣ описана роль гр. Брюса въ судьбѣ автора.



Бывало 1 число генваря или новой чинъ получишъ, или въ старомъ нѣсколько подвинешся, а при началѣ 92-го года надлежало забыть столь пріятную привычку: началась служба, а не службишка. Сдѣлавъ въ окончаніи предшествовавшаго года краткое описаніе физическаго и нравственнаго состоянія Пензы, начну въ наставшемъ годѣ нѣкоторымъ изъясненіемъ собственно моего званія и его обязанностей. Въ Казенной Палатѣ имѣлъ я двѣнадцать членовъ; великое число людей, но поелику изъ нихъ иныя или не умѣли грамотѣ и Правительствующимъ Сенатомъ опредѣлены были такъ, какъ сторожа церковныя къ знаменитымъ образамъ для полученія только по окладамъ ихъ мѣстъ жалованья, а съ нимъ и пищи, которой бы они по невѣжеству своему безъ такой всещедрой милости къ нимъ Правительства ничѣмъ добыть не могли, или изъ такихъ грамотѣевъ, кои превращали грамматическія правила въ ябедническія крючки, то многолюдное наше собраніе при моемъ неопытномъ председательствѣ способно только было всякое дѣло испортить. Предмѣстникъ мой былъ человѣкъ достойной; поелику онъ остался жить въ Пензѣ, то обращеніе мое съ нимъ показало, что я не желалъ ни унижать его

передъ собою, ни худую цѣну давать его поступкамъ. Не мое дѣло осуждать человѣка вдвое меня старѣе, но говоря не о лицѣ частномъ, а о службѣ, долженъ сказать, что въ Палатѣ по мѣрѣ моего вниманія находилъ я много запущеннаго не отъ какихъ либо порочныхъ причинъ въ корыстолюбіи имѣющихъ свое гнѣздо, но отъ праздности. Правительствующій Сенатъ по многимъ указамъ своимъ лѣтъ по пяти не видалъ исполненія; Государственныя счетныя Экспедиціи не имѣли по нѣкоторымъ частямъ достаточныхъ отчетовъ, а по инымъ вовсе никакихъ свѣденій по нѣскольку лѣтъ не получали, сіе свидѣтельствуется тѣми третными Губернскими годовыми заводскими и строевыми единовременными вѣдомостьми, кои при мнѣ уже сочинены и отосланы за всѣ годы, съ 86-го начиная. Кромѣ сихъ запущеній винокуренныя коронныя заводы дѣйствовали худо и директоръ Экономіи Прокудинъ, или управляющій, разумѣя свое домоводство гораздо лучше нежели государственное, привлекалъ неусыпныя мои на обороты его взгляды. Все сіе вмѣстѣ, кромѣ собственнаго моего желанія выучится моей должности и сдѣлатся наконецъ не титулярнымъ, а настоящимъ Вицъ Губернаторомъ, побуждало меня рытся въ архивахъ, читать, писать, считать, выкладывать, словомъ я долженъ былъ дать жаркое стремленіе такой машинѣ, которая отъ шестидесятилѣтней флегмы моего предмѣстника имѣла самое медленное движеніе.

Усильныя мои труды къ устройству Палаты, или новость доставили мнѣ благосклонность Губернатора [1]); онъ меня полюбилъ и не могъ со мной насидѣтся. Жена [2]) его въ провинціи выросшая и воспитавшаяся дома, пріобретала къ себѣ вниманіе нашего пола своимъ пригожествомъ; что хорошо, то во всякомъ краю свѣта мило! Бесѣда моя какъ мужу ея, такъ и ей нравилась. Будучи одинъ безъ семьи въ Пензѣ и по характеру моему къ обществу наклонному желая быть по вечерамъ между людьми, сдѣлалъ я привычку посѣщать ихъ ежедневно; днемъ я сообщалъ мои мысли о службѣ и даже нѣкоторыя свои бумаги читывалъ Губернатору, а по вечерамъ по привычкѣ: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ женою его игралъ въ карты и придумывалъ способы къ увеселенію; не всегда игра одна его доставить можетъ. Стали мы учреждать клобъ, я подалъ имъ свѣденіе о тѣхъ благопристойныхъ правилахъ, на коихъ основанъ былъ Московской, и наконецъ сдѣлавъ статутъ, набравъ подпиской множество членовъ, охотно платящихъ свои деньги, лишъ бы угодить женѣ городского начальника, открыли клобъ и начали находить въ недѣлю два раза убѣжище отъ скучной и одинаковой Губернскихъ городовъ жизни. Такое заведеніе во всякомъ иномъ мѣстѣ заслужило бы всеобщую признательность къ трудамъ того, или тѣхъ, кои виновниками онаго сдѣлались, но здѣсь, напротивъ, я обратилъ на себя негодованіе многихъ; обстоятельство оное родившее, столь по существу своему мѣлко, что не надлежало бы мнѣ о немъ и упоминать, когда бы я не имѣлъ пріятнаго чрезъ то случая обнаружить недостатка воспитанія отдаленныхъ сихъ отъ столицъ жителей, коихъ большая часть, выросши въ невѣжествѣ, пріобрѣтая часъ отъ часу грубѣйшія о вешахъ познанія, живутъ сами и другихъ жить принуждаютъ, самымъ стѣсненнымъ и

[1]) Иванъ Алексѣевичъ, см. „Капище".
[2]) Агнія Дмитріевна, см. „Капище".

горькимъ образомъ. Напримѣръ слѣдующее, о чемъ молвлю два слова: предсѣдатель Гражданской Палаты, вдовецъ, статской совѣтникъ господинъ Жедринской имѣлъ побочнаго сына по имени Владиміра Дринскаго; сей страстныхъ чувствъ его Веніяминъ былъ тогда девяти лѣтъ, а губернаторша имѣла дочь десяти. По предразсужденію еще тонѣе взятому, чѣмъ въ столицахъ, она стыдилась возить дочъ свою въ такое собранье, гдѣ могла дѣвочка съ сверстникомъ своимъ незаконно рожденнымъ сойтится, и изъ уваженія къ отцу его, не таящемуся въ его рожденіи, ни въ публикѣ ни дома, иногда протанцовать. Сколько я ни старался подѣйствовать надъ ея понятіемъ, не могъ ничего хорошаго произвести, и она принудила меня согласиться написать въ Статутѣ Клоба, что малолѣтныя и, имянно, девятилѣтнія не пріемлются въ члены собранія. Такой мѣткой щелчокъ не въ бровь, а въ самой глазъ, г-на Жедринскаго раззадорилъ, но какъ не смѣлъ онъ гнѣватся на губернаторшу, то прогнѣвался на меня, и началъ съ тѣхъ же поръ острить жало языка своего противъ меня; онъ былъ человѣкъ злоумной, злорѣчивой и злоумышленной, словомъ твореніе всезлое. Разсказавъ о семъ анекдотѣ, ясно показывающемъ мѣлочной нравъ губернаторши, къ обличенію пустонравія Жедринскаго домолвлю и то, что скоро послѣ того онъ, разсуждая о губернаторѣ, говорилъ про него и ее что они ему никакого личнаго неудовольствія никогда не сдѣлали. Кто имѣетъ сына рожденнаго какъ бы то ни было и любитъ его, тотъ почувствуетъ цѣну столь мерзостной лести въ устахъ такого отца, коего честолюбіе на самыхъ нѣжныхъ чувствованіяхъ у всего рода человѣческаго основанное, столь несносно въ дѣтищѣ его оскорблено было, какъ у сего послѣдняго.

Хотя по учрежденіямъ я и губернаторъ не могли вмѣстѣ города оставлять, однако иногда по нуждѣ закону и премѣненіе бываетъ, и мы въ одномъ возкѣ ѣздили въ гости на два дни и одну ночь къ князю Куракину [1]), Пензенскому помѣщику, живущему въ своей деревнѣ въ пятидесяти верстахъ отъ губернскаго города. Сей сластолюбивой и роскошной фортуны баловень, обязанъ будучи тѣсной связи своей и близкому родству съ извѣстнымъ въ Россіи министромъ гр. Панинымъ [2]), скорымъ и счастливымъ своимъ въ чины происхожденіемъ, не имѣя еще сорока лѣтъ или только, уже лѣнился, въ отставкѣ живучи въ своемъ помѣстьи; онъ былъ каммергеръ, бывалъ оберъ прокуроръ Сената, предводитель столичнаго города Санктъ-Петербурга, одѣтъ былъ въ Анненской орденъ, Датской и Шведской, и не понравясь Государынѣ, вынужденъ былъ оставить службу. Милости къ нему меньшаго двора давали ему лестныя на будущее время надежды (кои со временемъ сбылись); онѣ то подкрѣпляли его въ скучной и унылой жизни деревенской, къ коей онъ, сколько любить ее ни притворялся, внутренно не былъ склоненъ. Состояніе его обремененное долгами до того, что при взятьѣ своей отставки, онъ едва не лишился продажей всего своего имѣнія, столь напротивъ поправилось жизнію его въ деревнѣ не хозяйствомъ, не умѣренностію, а корчемствомъ, что по нѣсколькихъ годахъ такого уединенія онъ имѣлъ знатной доходъ и могъ содержать отличную музыку, изъ иностранцевъ вольно наемныхъ составленную; вмѣстѣ съ прочими предмѣтами роскоши,

[1]) Александръ Борисовичъ, другъ имп. Павла I (1752—1818).
[2]) Дѣдъ князя, также Александръ Борисовичъ (1697—1749) былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Паниной.

столъ его былъ наилучшій; родъ жизни уподоблялся тому, какой ведутъ бояра при дворѣ; всегда украшенъ знаками почестей, онъ не принималъ даже и живущихъ съ нимъ инако, какъ знатной господинъ своихъ доможиловъ. Въ домѣ его находили докторовъ, лѣкарей, секретарей, бабушекъ и всякаго рода къ услугамъ его на жалованьѣ ремесленниковъ училище; полки слугъ и разныя заведенія не поставляли ни малаго различія между имъ и многими Имперскими Принцами. Сераль его наполненъ былъ пригожими дѣвушками, иныя говорятъ будто и мальчиками, и съ сими обоего пола красотами онъ на своихъ домашнихъ балахъ танцовывалъ, вечерній столъ часто, и обѣденной иногда, увеселяемъ былъ богатыми бахусовыми дарами; онъ поилъ и пилъ много. Вотъ всѣ черты его жизни! Нравъ его былъ основа всякихъ дурныхъ качествъ: чванство, зависть; надмѣнность, подлость, любостяжаніе, двоякъ въ обращеніи; онъ всѣхъ ласкалъ и никого не любилъ; всякаго хвалилъ въ глаза, заочно обносилъ; всякому усердствовалъ на словахъ, на письмѣ — на дѣлѣ ни кѣмъ не занимался; корысть и деньги ставилъ перьвымъ благомъ для пріобрѣтенія лишней тысячи доходу, унижался передъ всякой провинціальной сволочью, и содержа вездѣ откупы, имѣя вездѣ поставки, тщательно наблюдалъ всякую снаровку съ тѣми людьми, коихъ званіе и власть имѣли какое либо вліяніе на его прибытки. Сіе испыталъ я пятилѣтнимъ моимъ пребываніемъ въ Пензѣ; онъ цѣнилъ губернатора нашего очень худо, а меня зналъ какъ молодаго человѣка, ему изъ далека родного, а еще того далѣе знакомаго; однако, лишь узналъ что я прибылъ въ Пензу, какъ прислалъ нарочнаго меня пригласить къ себѣ въ гости чрезъ письмо, въ которомъ уже называлъ меня другомъ. И такъ мы поѣхали къ нему. Всякая ласковость и не умѣренное дружества изъявленіе были предвареніемъ нашего знакомства и началомъ тѣхъ низостей, какія послѣ онъ употреблялъ противу меня и кои свидѣтельствуются письмами сего льстиваго человѣка. У него погостили мы двои сутки; онъ насъ употчивалъ, умучилъ свѣтскими вѣжливостьми и самъ замучился ими. Вотъ портретъ сосѣда нашего, которому однако по благосклоннымъ къ нему отношеніямъ меньшаго двора, должны были всѣ а паче я, равно меньшаго двора милостьми взысканный, хотя уже отъ него и забытой, обязаннымъ себя считалъ, ежели не во всемъ наступя на правило совѣсти ему угождать, по крайней мѣрѣ во многомъ, принуждая жесткость нрава моего, наровить.

Скоро по прибытии нашемъ въ городъ представился мнѣ случай показать мое къ службѣ расположеніе и строгость правилъ моихъ на счетъ сбереженія пользъ казенныхъ, вотъ произшествіе: нашъ генералъ губернаторъ Р е б и н д е р ъ имѣлъ дочь замужемъ за довольно громкимъ въ то время человѣкомъ, и именно М и х е л ь с о н о м ъ, которой по какимъ то подрядамъ въ Адмиралтействъ Коллегіи имѣлъ по себѣ въ залогѣ имѣніе своего тестя. Повѣренный или участникъ М и х е л ь с о н а купецъ Арбсъ имѣлъ право съ казны получить денежную сумму, и для того Р е б и н д е р ъ, выхлопотавъ, чтобъ та сумма выдана была его повѣренному изъ денегъ слѣдующихъ отъ Пензенской Казенной Палаты въ Адмиралтейство, прислалъ при сообщеніи отъ онаго свое предложеніе о выдачѣ пяти тысячь рублей довѣрителю купца А р б с а, а въ подкрѣпленіе своего предложенія, которое онъ и самъ видно вѣдалъ быть несправедливымъ, писалъ къ директору Экономіи г-ну П р о к у д и н у, дабы онъ склонилъ

меня скорѣй ту выдачу выдать. Когда сей сталъ мнѣ о томъ говорить, я не имѣвъ еще о дѣлѣ томъ понятія, уже сомнѣвался въ возможности его сдѣлать, соображая: 1-е, что генералъ губернаторъ предложеніе свое подкрѣпляетъ партикулярнымъ отношеніемъ; 2-е, да и къ кому? Къ пребезчестнѣйшему члену Палаты; 3-е, мимо меня съ которымъ онъ истощилъ всѣ ласковости нѣжнаго своего обращенія. Сіи три обстоятельства уже сильны были представить мнѣ дѣло въ худомъ видѣ. Начто начальнику, думалъ я, такъ интриговать съ подчиненнымъ въ дѣлѣ правомъ? Нашелъ я ключъ сей загадки въ обращеніи Адмиралтействъ Коллегіи, въ которомъ она изъясняла, чтобы Палата выдала изъ ея доходовъ помянутую сумму купцу А р б с у, буде она совсѣмъ разочлась съ Казанской ея конторой, а какъ по справкѣ оказалось, что Палата нарочито важную сумму туда была должна, то само по себѣ становилось безъ всякой натяжки ясно, что купецъ А р б с ъ или его повѣренной пяти тысячь рублей получить не могъ. Отвѣчалъ я П р о к у д и н у на всѣ его подборныя возраженія самымъ простымъ русскимъ словомъ, что нельзя; не найдя во мнѣ успѣха, бросился онъ стращать членовъ генералъ губернаторскою властью, дабы они вопреки мнѣ сдѣлали о выдачѣ денегъ протоколъ, но изъ нихъ старшій совѣтникъ, г-нъ В р а с к о й привыкнувшій при всякомъ щекотливомъ дѣлѣ какъ тонкой политикъ отходить болѣзнями, тотчасъ записалъ себя больнымъ и слегъ въ постелю, а прочія, боясь подлинно чтобы выдача незаконная не пала на ихъ счетъ, и рады будучи, что упорство мое служило имъ причиною при случаѣ неудовольствія Р е б и н д е р а, сослатся необходимостью согласится на мое мнѣніе — пристали къ оному. И такъ, отстоялъ я эти деньги, а чтобы П р о к у д и н ъ не представилъ намѣстнику моего поступка съ свойственной ему язвительностію, то и рѣшился я самъ къ Ивану Михайловичу написать о состояніи дѣла, и моемъ по новости въ службѣ сомнѣніи выполнить волю его. Отвѣтъ его (1) на мое письмо былъ столь лестенъ, сколько я того желалъ; онъ увидѣлъ въ моемъ поступкѣ не крючкотворство или ябеду, а прилѣжаніе къ достиженію полезныхъ свѣденій о правилахъ службы, ни мало на меня не разсердился, и я никакой перемѣны не почувствовалъ въ его со мной обращеніи. Равно и я всемѣрно сталъ старатся привести Палату относительно къ Казанской Конторѣ въ такое положеніе, чтобы можно было пять тысячь рублей выдать, и какъ скоро увидѣлъ я въ томъ удобность, то тотчасъ послалъ ихъ съ нарочнымъ къ Р е б и н д е р у. Онъ сіи деньги получилъ часа за два до смерти, и столь принялъ чувствительно присылку нарочнаго, означающую мое личное къ нему усердіе, что велѣлъ мнѣ написать свою благодарность, не будучи въ силахъ уже самъ писать. Я выступилъ рано впередъ для того, чтобы совсѣмъ кончить рѣчь о сихъ деньгахъ; иныя повѣденіе мое въ семъ случаѣ хвалили, иныя нѣтъ, мня, что могъ бы я и лисій хвостъ и волчій ротъ употребить вмѣстѣ, но природа мнѣ не дала сихъ способностей; двухъ лицъ держать я не умѣю, и потому сдѣлалъ то, что сдѣлать думалъ должнымъ. Оставляю всякаго судить меня какъ хочетъ, а я изъ сего обстоятельства получилъ важную для себя пользу, и именно ту, что плутъ сталъ меня боятся, секретарь остерегаться, а начальникъ уважать, слѣдовательно и имѣлъ я случай практической быть собой доволенъ, а между тѣмъ получилъ я дорогу о дѣлахъ для меня сомнительныхъ переписыватся съ генералъ губернаторомъ, и нѣтъ ни однаго письма ко мнѣ

изъ четырехъ или пяти, кои удалось мнѣ отъ него получить, гдѣ бы онъ не изъявилъ мнѣ пріятнѣйшихъ знаковъ его ко мнѣ благорасположенія. (2)

Проходило уже почти два мѣсяца что я былъ въ Пензѣ и начиналъ привыкать къ низовой жизни, къ которой надлежало мнѣ пріучить и жену, пріѣхавшую изъ Москвы въ концѣ генваря съ большимъ сыномъ, а дочь оставалась въ Москвѣ, при Отцѣ моемъ, которой столько къ сему ребенку пристрастился, что не могъ рѣшится ее съ нами отпустить. Всѣ извѣстія, кои она мнѣ привезла о моихъ домашнихъ были для меня тѣмъ пріятны, что всѣхъ она ихъ оставила здоровыми. Трудно ей было на первыхъ порахъ ознакомливатся съ Пензенскими жителями, но благоразуміе ее принудило подчинить желанья необходимости, и по нѣсколькихъ дняхъ ея пребыванія въ Пензѣ, когда она сдѣлала приступъ къ знакомству съ губернаторомъ и нѣсколькими дамами, довольно часто была посѣщаема, чтобы по склонности своей сидѣть дома, всегда имѣть у себя компанію. Собрался я ѣхать осмотрѣть казенныя заводы, и испросивъ на то соизволенія Ивана Михайловича, поѣхалъ въ февралѣ въ послѣднихъ числахъ.

Такому промѣдленію моему близь трехъ мѣсяцевъ отъ пріѣзда, причинъ много было различныхъ, но важнѣйшая та, что мнѣ хотѣлось напередъ ознакомится съ дѣлами Палаты, разсмотрѣть ея внутренность, и потомъ отъѣхать; къ тому же собираяся ѣхать не по барски, а на легкѣ въ санкахъ, признаюсь, что изъ любви къ себѣ хотѣлъ дождатся теплой погоды. И такъ поѣхалъ я на пристани разбойничьи. Прежде практическаго описанія тѣхъ заводовъ, прилично здѣсь помѣстить всю ту теорію, которую мнѣ объ нихъ доставилъ мой директоръ Экономіи, въ одной изъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ. Онъ, не зная ни цѣли моей, ни видовъ, а извѣстенъ будучи о изнуренномъ долгами нашемъ имѣніи, считалъ навѣрное, что я пріѣхалъ въ Пензу набить карманъ; по симъ принятымъ мыслямъ, онъ описалъ мнѣ откровеннымъ образомъ всѣ тѣ заводскія прибытки, которыя онъ дѣлить со мной можетъ, и начерталъ планъ производству винной сидки, въ исполнени котораго, кромѣ прочихъ мѣлкихъ барышей отъ барды, строенія и протчаго, выходило, что отъ тридцати тысячь четвертей, купленныхъ въ девять мѣръ, а Казнѣ показанныхъ въ восемь, заплаченныхъ въ двухъ, а Казнѣ поставленныхъ на счетъ въ трехъ, получать я долженъ былъ съ нимъ вмѣстѣ тридцать тысячь ежегодно рублей, и столькоже хлѣба четвериковъ. Такимъ вычисленіемъ показалъ мнѣ г. Прокудинъ, что онъ настоящій былъ директоръ домоводства, но не Царскаго а своего. Я отринулъ таковыя предложенья, посовѣтывалъ ему и самому отъ нихъ воздержатся, и избравъ свободное время, поѣхалъ самъ, взять идею о сихъ заведеніяхъ казенныхъ въ Пензенской губерніи. Сколь соблазнительны однако пути къ счастію и къ богатству! г. Прокудинъ приготовляя меня къ разговору съ собой о заводахъ самымъ хитрымъ образомъ, подъ видомъ будто бы повѣреннаго одного помѣщика тутошняго, продавалъ мнѣ его домъ съ садомъ, стоившій до семи тысячъ, за три, и съ обожданіемъ денегъ безъ сроку платежа, и до того времени безъ процентовъ, за которой бы конечно достальное заплатилъ онъ изъ своего кармана, но Богъ хранилъ меня отъ ошибки. Исторія заводовъ не принадлежитъ къ моей, и такъ я кратко скажу объ нихъ слѣдующее. Въ одной округѣ Краснослободской

ихъ два, по именамъ Брило и Синдор. Оба довольствуются лѣсомъ изъ одной округи, а хлѣбъ скупается во всѣхъ хлѣбныхъ прилежащихъ уѣздахъ; устроены они были на триста тысячь ведръ, хотя начальство, по обѣщанію Казенной Палаты почитало ихъ въ силахъ выкурить до полумилліона, до чего они однако не доходили. Не знаю, упомянулъ ли я гдѣ выше, но ежели и написалъ, здѣсь не лишнее будетъ повторить, что за худое заведеніе сихъ заводовъ пострадала вся Казенная Палата. Вицъ губернаторъ принужденъ былъ пойти въ отставку, директоръ Экономіи судился въ Уголовной Палатѣ и потерялъ мѣсто, а прочія члены на все свое имѣніе получили арестъ. Такое обстоятельство побуждало меня приложить къ сему дѣлу все мое вниманіе; по осмотрѣ обоихъ заводовъ, нашелъ я не только обмѣнъ, обвѣсъ, притѣсненіе крестьянъ торгующихъ хлѣбомъ, но даже такія низкія и подлыя мошенничества, какія едва по самымъ разбойнымъ дворамъ водятся, словомъ пристань воровскую. Вотъ что я тамъ увидѣлъ!

Тутъ то я примѣтилъ, что между хозяйствомъ нашего брата дворянина и хозяйствомъ Государя есть большая разница, а на сей разницѣ основалъ я мнѣніемъ про себя непоколебимымъ, что всѣ таковыя заведенія отъ Короны паче вредны ей нежели полезны. Охотно вѣрю, что я ошибаюсь, но, кажется мнѣ что домоводство, или экономія государственная и его Esprit de finance должны, представлятся въ другомъ совсѣмъ видѣ, чѣмъ въ заведеніи напримѣръ винокурни, на которой конечно директоръ Экономіи больше украдетъ, нежели передала бы казна дворянину за поставку къ ней вина; хозяйство требуетъ присмотру, а какой присмотръ можетъ имѣть начальство самое даже ближайшее и непосредственное; возьмемъ въ примѣръ Казенную Палату надъ такими операціями, кои отъ нее въ трехъ стахъ верстахъ, и которыя неминуемо приносятъ убытокъ, или отъ того, что не досмотрѣли за ними и дали украсть, или отъ того, что слишкомъ производство дѣла стѣснили лишними ожиданіями позволенія на такія вещи, кои въ успѣхѣ дѣла суть необходимы.

Сіе я практически испыталъ по симъ заводамъ, правя ими пять лѣтъ; видѣлъ я какъ курилось вино, какъ покупался хлѣбъ такъ называемой изъ первыхъ рукъ, и которой поставлялъ однако подрядчикъ, и перьвыя руки дѣлались десятыми. Разсмотрѣвъ не всѣ, а большую часть неустройствъ заводскихъ, дѣлалъ свои примѣчанія и дней въ двѣнадцать оканчивалъ уже мое путешествіе, которое къ заботамъ и досадамъ ревнующаго о благѣ общемъ сердца, присоединяло однако съ другой стороны пріятности честолюбивой молодости. Губернаторъ, желая мнѣ показать самой важной знакъ своей ласки, писалъ ко всѣмъ начальникамъ уѣздовъ, чтобы чинима была мнѣ повсюду встрѣча такъ какъ бы и ему. Вездѣ городничія и исправники въ угодность своему начальнику наперерывъ меня угощали и сопровождали; объѣздивъ нѣсколько округъ и географически познакомясь съ губерніей, имѣлъ случай ознакомиться съ помѣщикомъ Троицкой округи господиномъ Таптыковымъ [1]), о которомъ упоминаю для того, что сей честнѣйшій дворянинъ и къ добродѣтели всѣмъ сердцемъ приверженный, полюбя меня искренно, служилъ мнѣ самою отрадною бесѣдою въ часы моей скуки въ Пензѣ,

[1]) Николай Михайловичъ, См. „Капище".

и разставшись съ тѣмъ краемъ, я съ нимъ однако не разставался; связь наша укрѣпившаяся временемъ, оставила насъ и въ разлукѣ друзьями; для удовольствія сердца моего не меньше почерпнулъ я пользы изъ сего знакомства, какъ для свѣденія службы и просвѣщенія въ части казенныхъ дѣлъ изъ всего путешествія.

На Бриловскомъ заводѣ свѣдалъ я о смерти Ивана Михайловича. Сей почтенный нашъ Начальникъ скончался 1-го марта, оставя въ общемъ о себѣ сожалѣніи обѣ ввѣренныя ему губерніи; мало было людей кои бы о немъ не плакали. Я уже говоривъ о его качествахъ и повторять ихъ здѣсь не буду. Пріѣхавъ домой нашелъ я губернатора, изъ вторыхъ сдѣлавшагося первымъ, и изъ одной только благопристойности не радующагося о смерти Ребиндера, съ коимъ они взаимно другъ дружку не любили. Городъ весь, сожалѣя о старомъ, ожидалъ нетерпѣливо новаго старшину, но какъ по нѣкоторомъ времени никого не опредѣляли, то и пришло рѣшиться быть въ повиновеніи у Ступишина. При сей эпохѣ новаго въ Пензѣ правленія не у мѣста будетъ распространится на счетъ его распорядка; Губернаторъ по наказу сталъ править чинами и дѣлами, но какъ, смысла у него на такое дѣло не доставало, то и взялась за ето дѣло его теща, которая мыкаясь то въ Питеръ, то въ Москву, умѣла пронырствомъ ума своего запужать его какими то своими пустыми въ столицѣ связями, отъ которыхъ надежду ему подавала получить генералъ губернаторской престолъ. Онъ вѣря баснямъ етой женщины, подкрѣпляемымъ ночными пѣснями милой ему жены, день ото дня слабѣе становился въ исправленіи своей должности, которую по начертаніямъ сихъ двухъ женщинъ правилъ вмѣсто его, руководствуя его перомъ, тогда какъ бабы водили голову, провинціяльной изрядной писецъ нѣкто Плодомасовъ; онъ сочинялъ предложенья, а губернаторъ ихъ подписывалъ. Три брата Враскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ у меня Совѣтникомъ и совѣтывалъ худо, другой Прокуроръ и смотрѣлъ на дѣла косо, а третій предсѣдатель Уголовной Палаты и самой большой уголовной преступникъ, имѣя всякой особенно свои выгоды и заведенія въ губерніи, умѣли снискать его милости и дѣлать что хотѣли. Предсѣдатель Гражданской Палаты Жедринской, которому нужно было покровительство губернатора на то, чтобы онъ не требовалъ съ него службы, а позволялъ бы ему съ утра до утра играть въ карты, давалъ ему обѣды, и угождая испорченной нравственности самокъ губернаторскихъ, дѣлалъ имъ пріятныя сплетни, болталъ и злоязычествовалъ на счетъ тѣхъ, кои имъ не нравились. Всѣ эти люди видѣли ясно, что имъ въ Казенной Палатѣ ни оброчныхъ статей, ни вина, ни соли, ничего на пай по себѣ дѣлить не удается; знали же они, что губернаторъ по грубой правдѣ своей, буде продолжитъ имѣть ко мнѣ довѣренность, то могу я имъ въ ихъ плутняхъ попрепятствовать, разсудили употребить всѣ силы свои къ тому, чтобы меня съ нимъ поссорить. Дурака на все наткнуть и навести очень легко; — со одной стороны Губернской Прокуроръ сталъ ябедническими протестами на Палату сбивать Ступишина съ пути, и колебать его въ мнѣніи о моей честности; гдѣ въ формѣ производства дѣлъ могла быть по новости или неопытности моей ошибка, тамъ представляли ему умыселъ во вредъ казенному интересу, безпрестанно подстрѣкали его разглашеніями самолюбію его вредными, будто бы я, употребляя во зло его къ

себѣ пріязнь, хочу водить его за носъ; онъ не имѣлъ довольно проницанія, чтобы разобрать, что тѣ самыя его и водили, кои ему внушали такія небылицы. Съ другой стороны жена его, которую я посѣщалъ прежде ежедневно, требовала, чтобы я и при женѣ моей также ее возилъ къ ней безпрестанно; но между дамами обращеніе имѣетъ особыя свои правила; моя жена также хотѣла иногда и къ себѣ принять, а я имѣя домъ и семейство пріятнѣе находился внутри онаго, нежели въ посторонней бесѣдѣ, которая милѣе мнѣ была моего дому до тѣхъ поръ, какъ я въ немъ перестаблагъ быть одинъ. Оттуда родилась холодность, рѣдкія свиданьи отвлекали Губернатора отъ объясненія со мной по всѣмъ доходящимъ къ нему на счетъ мой слухамъ; между женъ нашихъ начались взаимныя претензіи и негодованіе. Наконецъ, прокуроръ съ братьями и вся ихъ нечестивая калода черезъ время, и весьма короткое, произвели такую ссору между мной и Ступишинымъ, которая, какъ ниже увидятъ, пустила самыя гибельныя для меня отрасли и адской горечи полную чашу мнѣ растворила. Вотъ по кончинѣ Ребиндера какая участь мнѣ приготовлялась! Я между тѣмъ шелъ своей прямой дорогой, дѣлалъ дѣло Государево съ тѣмъ совѣстнымъ страхомъ, съ тою боязливою осторожностію, съ какою дворянинъ прямой потомокъ Долгорукихъ рода, долженъ былъ званіе свое не всуе носить. Повиновался власти губернатора, но приводя подчиненность должную въ благоразумную мѣру, предписанную законами, не потворствовалъ, гдѣ надлежало отрицать, не хвалилъ, что хулу заслуживало и съ порабощеніемъ черезъ край не выслуживался. При началѣ своего самовластнаго въ Пензѣ правленія, Ступишинъ показалъ мнѣ услугу самую пріятную, а именно, на очистившуюся въ Шешкеевѣ городническую ваканцію представилъ по прозьбѣ моей еще Ребиндеру принесенной, но за болѣзнью его скорою смертію не воздѣйствовавшей, шурина моего Смирнова, которой изъ судей Нижней въ Володимірѣ расправы, туда и опредѣленъ. Сею услугою онъ началъ опыты своего благорасположенія и кончилъ вмѣстѣ, ибо скоро послѣ онъ тому же Смирнову мстя за меня дорого отплатилъ такое благотвореніе. Описавъ симъ образомъ перемѣну Пензенской моей гражданской сферы, обращаюсь къ своему семейству.

Въ самое то время въ Московскомъ нашемъ домѣ произходила свадьба сестры моей двоюродной Ржевской въ опекѣ отца моего находящейся, за Татищева [1]). Сей бракъ совершился силой и покровительствомъ статсъ-дамы графини Чернышевой [2]). Знатныя дамы и мужчины любятъ тамъ казать видъ благотворительности, гдѣ весьма безъ ихъ помощи обойтися можно; дѣвица, за которой было пять сотъ душъ, могла бы всегда сдѣлать себѣ замужествомъ участь и безъ постороннихъ старателей, но къ бѣднымъ богатыя что то никогда не льнули. Оставимъ ихъ вѣнчатся и дадимъ мѣсто скоротечному въ томъ годѣ, но чувствительному огорченію. При извѣстіи отъ сестеръ о приключившемся Отцу моему опасномъ гемороидальномъ припадкѣ, получаю я неожидаемо и отъ него претрогательное письмо, въ которомъ сей почтеннѣйшій родитель, прощаяся со мной, изъяснялъ мнѣ послѣднія свои желанія; по горячимъ моимъ къ нему чувствамъ пораженъ я былъ какъ

[1]) Марія Степановна Ржевская, о которой см. № 1 и „Капище".
[2]) Жена гр. Ивана Григорьевича.

бы громомъ такою нечаянною вѣстію и въ перьвомъ движеніи горести, не зная чѣмъ облегчить тоски моей, отправилъ нарочнаго освѣдомится о здоровьѣ его и поспѣшить, буде онъ еще здравствуетъ, увѣрить его письмомъ, сколь непреложно готовъ я и жажду не токмо въ животѣ его, но и за край гроба повиноваться его волѣ, чтить ее, любить и угождать слѣпо, и чтобъ онъ на сей счетъ былъ совсѣмъ успокоенъ. Курьеръ мой, скоро возвратясь, привезъ мнѣ сладкую вѣсть, что ему лучше; сіе подтверждалось собственнымъ его письмомъ, въ которомъ онъ чувствительнѣйшимъ образомъ выражалъ пріятныя вліянія письма моего и увѣреніевъ на слабыя органы томящейся души его, а изъ переписки сестеръ и домашнихъ видѣлъ я, что болѣзнь, его постигшая, не столь была опасна, сколь привела его въ робость сильная при томъ гипохондрія. Успокоясь такимъ образомъ, и видя приближающійся конецъ великаго поста, въ которой мы уже начинали, а паче я, скучать, принялся за старую свою охоту; сталъ рубить театръ, писать кулисы, сводить труппу актеровъ и ну играть комедію; всѣ приготовленія къ оной насъ заняли и пробудили какъ отъ сна, сдѣлалось у насъ въ домѣ люднѣе и суетливѣе, а по моей охотѣ къ людству и къ шуму, я начиналъ находится въ своей сферѣ. Съ утра до вечера упражняясь въ дѣлахъ казенныхъ, какъ я радъ бывалъ, когда въ семь часовъ вечера, сходя изъ своего кабинета въ женнины покои, находилъ готовую забаву по моему вкусу, репетиція, камерная музыка и всякія игры, гдѣ пріятная простота нравовъ удаляла всѣ заразы чванства и высокомѣрія, коего я ни съ кѣмъ въ обращеніи не имѣлъ и не показывалъ. Многія боялись короткостію уронить чинъ; я былъ совсѣмъ иной вѣры, ни самъ онъ не падалъ, ни я его не ронялъ, а всякаго достойнаго человѣка, не смотря на его породу, никогда не считалъ ни ниже себя, ни хуже; однихъ только картежниковъ да ябедниковъ не любилъ, и для того, распознавъ большую часть скучныхъ жителей Пензы, я составлялъ свою бесѣду изъ немногихъ: короткія и вседневныя мои гости были человѣка три заѣжжихъ со мной и помѣщенныхъ къ разнымъ должностямъ въ Пензѣ. Двухъ секретарей моихъ жены, изрядныя женщины и гостившая у насъ, пріѣхавшая съ женой изъ Москвы госпожа Елисеева, иностранецъ Пуло, случившійся тогда съ товарами и съ хорошими клавикордами особой механики, на которыхъ онъ игралъ прекрасно, иностранецъ Мишеле, содержащій пенсіонъ дѣтской, докторъ молодой и милой человѣкъ, къ забавамъ очень склонной, Олгрейнъ. Вотъ изъ кого бесѣда наша человѣкахъ въ двѣнадцать была составлена, и если смѣю сказать, ето было самое лучшее время жизни нашей въ Пензѣ. Въ концѣ поста и во всю святую недѣлю, я боленъ былъ лихорадкой, и въ ней началъ свой дватцать девятой годъ; вышеписанные докторъ и музыкантъ мнѣ великія показали услуги, не покидая меня въ болѣзни моей ни на минуту; она тѣмъ сильнѣе была, что въ первой еще разъ въ жизни моей мнѣ трафилось проводить Свѣтлой Празникъ, сей знаменитой въ Христіанствѣ день, такимъ образомъ, что вышедъ или выѣхавъ изъ своего дома, не находилъ я ни однаго человѣка, котораго бы мнѣ хотѣлось отъ всего сердца обнять; но въ свѣтѣ ко всему привыкнуть должно. Болѣзнь моя не мѣшала мнѣ занимался отправленіемъ должности моей, я и на дому получая отъ лихорадки свободу ежедневно слушалъ всѣ вошедшія бумаги и распоряжалъ Палатою еще свободнѣе,

чѣмъ въ ней, ибо ничто не отвлекало моего размышленія и не препятствовало мнѣ вникать въ существо предлагаемой мнѣ бумаги.

Между оными попалась одна, которая невольнымъ образомъ принудила меня навлечь на себя негодованіе губернатора а именно: указомъ Сената оштрафованное Намѣстническое Правленіе получило повелѣніе сей штрафъ внести въ общій Государственной доходъ, слѣдовательно Казенная Палата, имѣя главнымъ своимъ предметомъ вѣрной сборъ онаго, не могла въ семъ случаѣ никакого сдѣлать губернатору послабленія, а какъ всякой поступокъ мѣста большею частію падаетъ на предсѣдателя, то губернаторъ по ограниченному своему смыслу считалъ меня не поколебимымъ въ настояніи получить съ него принадлежащій казнѣ штрафъ, не по усердію къ званію моему, а по личной моей будто на него досадѣ, которой хотя не было никакого мѣста, но ему такъ толковали, и потому я его извиняю, нашедъ опытомъ, что мало такихъ умовъ, кои бы понимали бы вещи и поступали не по чужимъ внушеніямъ, а по своимъ примѣчаніямъ. Много было спору и хлопотъ прежде, нежели вошли въ приходъ деньги, но наконецъ тысяча рублей взыскана и дѣло кончено; хотя сіе положило начало распри между нами, но какъ ето дѣло подобно многимъ другимъ не вдругъ произвелось и кончилось, то пока Губернское Правленіе переписывалось съ Сенатомъ, а сей повторялъ свои указы, имѣлъ я случай и съ моей стороны разными проволочками дѣлать ему снисхожденіе, и такъ искра ссоры брошенная между нами тлилась, но еще не зажигала большаго огня, а между тѣмъ, губернаторъ желая показать нѣкоторую стоическую твердость въ его ко мнѣ пріязни передъ всею публикою, уже болтающею о нашемъ сокрытомъ раздорѣ, вздумалъ править мои имянины у себя дома и 8 Мая далъ на сей случай превеликой у себя обѣдъ. Въ самой етотъ день у меня играется перьвая комедія, ничего не значущая, моего сочиненія подъ именемъ Трагилирогаффія; одно имя уже всякому означаетъ, что ето была игрушка и самая вздорная, однако и она имѣла свое мѣсто въ нашей ссорѣ съ Ступишинымъ. Такъ какъ намѣреніе мое было обновить театръ свой порядочнымъ представленіемъ не прежде имянинъ губернаторскихъ въ отплату за его вѣжливость ко мнѣ, то и хотѣлось мнѣ узнать сперьва сколько помѣстится у меня людей въ театрѣ, и для того, не приглашая никого изъ благородныхъ особъ, роздалъ въ мои имянины билетовъ до сорока купечеству и приказнымъ, а играли человѣка съ три изъ живущихъ у меня, но никто изъ насъ самихъ. Въ провинціяльномъ городѣ нѣтъ секретовъ. Тамъ все знается тотчасъ. Губернаторъ, узнавъ о моемъ театрѣ, убѣдительнѣйшимъ образомъ выпросилъ у насъ, а паче жена его для себя два билета; мы не могли отговорится, и такъ во всей упомянутой сходкѣ были они только двое наши гости. По окончаніи спектакля дали мы имъ ужинъ, и не прежде посадили лучшихъ изъ купечества людей за столъ, какъ съ ихъ позволенія; со временемъ все ето обратилось мнѣ же въ нарѣканіе, и когда мы разсорились, то поджигатели умѣли ему внушить и увѣрить его, что все ето происходило ему на смѣхъ, что приглашеніе его съ помянутымъ людей зброДомъ выдумано мною было на смѣхъ ему. Не самъ ли я съ нимъ былъ во всемъ тогда соучастникомъ? Но клевета ничего не соображаетъ. И такъ, мы тотъ день отправили въ самомъ чудесномъ и смѣшномъ позорищѣ. 25 Мая, въ день его имянинъ дается у меня настоящій спектакль и созываю я весь городъ, представ-

ляемъ вечеринку по модѣ моего перевода, въ которой играемъ и мы съ женой.

Послѣ того, желая пользоватся хорошею погодой и имѣя къ тому случай, получа позволеніе отъ Салтыкова, тамошняго помѣщика жить все лѣто въ его деревнѣ наипрекраснѣйшимъ образомъ устроенной въ двѣнадцати верстахъ отъ города, называемой Безсоновка, выпрашиваю я позволеніе Начальника моего переѣхать, и получа, не мѣшкавъ переѣжжаю; тамъ начинаю я наслаждатся плодами блаженной деревенской тишины; гулянье и полевыя забавы наполняли всѣ тѣ часы дня, кои я не былъ на службѣ, ибо не смотря на разстояніе, я ежедневно ѣжжалъ въ свою палату и возвращался домой къ обѣду. Такое сильное движенье и почти безпрестанное много приносило пользы моему здоровью, но съ другой стороны удаленіе отъ города доставляло свободу моимъ завистникамъ устраивать противу меня заговоры и ставить разныя сѣти. Дѣятельность моя и за городомъ живучи умножала моихъ недоброжелателей и рѣдкія свиданія съ губернаторомъ, отнимая способы съ нимъ иногда изъяснятся, прибавляли удобство къ разнымъ на счетъ мой выдумкамъ. Все ето мало меня трогало; долженъ бы я былъ оное предвидѣть и предупреждать, но къ несчастью моему не былъ тогда попечителенъ о сохраненіи хорошей молвы и, начиная думать что человѣкъ долженъ перьвымъ и единственнымъ отчетомъ своей совѣсти, не заботился узнавать что про меня сказали, что на счетъ мой сложили, словомъ имѣлъ за правило:

Que trop de prévoyance amène trop de soin
Je ne savais prévoir le malheur de si loin.

Директоръ Экономіи Прокудинъ подъ видомъ своихъ нуждъ, получа отпускъ въ Питеръ, въ маѣ со мною простился; я чувствовалъ, что цѣль его была или удачно на меня пожаловатся покровителю своему Зубову, и пугнуть меня сѣверною бурею, или рѣшить пользу службы своей по его видамъ, перемѣною мѣста, которое тутъ, и подъ моимъ присмотромъ не приносило уже ему огромныхъ выгодъ по прежнему. Во всѣхъ сихъ случаяхъ относилъ я скрытыя вздохи мои къ Богу, а къ свѣтскимъ полубогамъ никакой о себѣ не писалъ грамотки и ничьей не искалъ милости.

Изъ сихъ послѣднихъ одинъ знатной нашего края вельможа, о которомъ писалъ я выше, кн. Куракинъ, пригласилъ меня съ женою въ свою Саратовскую деревню въ гости; тамъ погостили мы двои сутки; по достаточному описанію, какое, я объ немъ сдѣлалъ при перьвомъ моемъ къ нему визитѣ, всякой узнать можетъ, что при встрѣчѣ, угощеніи, и проводѣ нашемъ истощены были всѣ затѣи свѣтскаго тщеславія. Деревня его была тогда уже прекрасная, устроена наилучшимъ образомъ, аглинской садъ, прочищенной въ осьмидесяти десятинахъ стараго лѣса, въ такой сторонѣ, гдѣ на горизонтѣ двухъ сотъ верстъ вокругъ человѣческой глазъ не встрѣчаетъ ниже прута, такую представилъ намъ диковинку, отъ которой пришелъ бы въ изумленіе и тотъ кто видалъ больше нашего. По часту въ етомъ саду встрѣчали мы разнаго убранства и архитектуры домики, изъ коихъ каждый имѣлъ свое особенное названіе; всякая тропинка имѣла свое имя, назначенное на жестяной доскѣ вдѣланной у входа въ оную въ нарядной столбикъ. Подъ именемъ Цесаревичева просѣка открывалась глазамъ нашимъ прешерокая дорога съ

тріумфальными воротами; были и другія просѣки подъ именемъ Нелидовской, Маріи Антуанетъ, въ честь которой приготовлялась и пирамида съ бронзовою доской и на ней надписью. Изъ мѣлкихъ строеній нравилась хозяину больше всѣхъ галлерея, называемая вмѣстилищемъ чувствъ вѣчныхъ; въ ней на четырехъ дверяхъ были вензеля, какъ догадывался я, плѣнившихъ его нѣкогда женщинъ; тутъ мы чаще и пріятнѣе прочихъ мѣстъ угощаемы были. Довольно сего краткаго описанія. По возвращеніи нашемъ отъ туда въ Безсоновку начали мы приготовлятся на краткое время въ городъ, гдѣ по обыкновенію въ Петровъ день бываетъ ярмонка. Любопытствуя видѣть то, о чемъ мы никакого понятія не имѣли, переѣхали къ празднику возшествія и забавлялись торгами, на которыя съѣжжались изъ деревень множество дворянъ. Въ самыя сіи суетныя дни прикатили къ намъ гости, а именно братъ жены моей Савва съ женою и своимъ семействомъ. Онъ по прозьбѣ моей еще въ мартѣ былъ отъ губернатора представленъ въ городничіе въ городъ Шешкеевъ, и получа въ Володимірѣ, гдѣ онъ служилъ расправнымъ судьею, указъ о своемъ опредѣленіи, прибылъ къ должности. Мы вмѣстѣ проводили все ярмоночное время. Губернаторъ обошелся съ нимъ хорошо, но ссора между нами часъ отъ часу укоренялась; неосторожная съ моей стороны запальчивость подала къ тому новой поводъ, словомъ скажу я какъ Jacques le fataliste: видно il était ecrit là haut чтобы между нами не было согласія. Вотъ въ чемъ дѣло: въ Пензѣ содержалъ лѣтъ съ дватцать аптеку Штабъ лекарь Петерсонъ, который пользовался отличными милостьми отъ губернатора; не знаю отъ чего, но многія злоязычники подозрѣвали, что онъ ихъ лѣчилъ и лѣкарствами снабжалъ безъ платы. Онъ, по заведенной издавна привычкѣ, зывалъ къ себѣ въ Петровъ день на имянинной пиръ и балъ, почему и пріѣхалъ меня на оной звать за два дни до праздника. Я наполненъ будучи всегда глубокаго благоговѣнія къ Петрову дню, яко дню моего Государя, на зовъ отозвался охотно, кромѣ обѣда, считая, говорилъ я ему, что даетъ оной губернаторъ, но мой аптекарь толкуя мнѣ что онъ зоветъ на балъ сказалъ: что обѣдъ въ тотъ день дастъ Колокольцевъ[1]) верьхняго Земскаго Суда Предсѣдатель. Разсердяся за такое нестройное учрежденіе столь важнаго для меня праздника, послалъ я предварительно губернатора просить, чтобъ ежели онъ въ Петровъ день не дастъ обѣда, то сдѣлалъ бы мнѣ честь пожаловалъ къ моему, ибо етаго праздника я кромѣ его или себя нигдѣ торжествовать не могу и что я надѣюсь, что онъ дастъ мнѣ преимущество предъ Колокольцовымъ. Приглашеніе мое его всконфузило; не смѣлъ онъ отказать Колокольцову, потому что у него дядя родной былъ Сенаторомъ, да еще и въ 1-мъ Департаментѣ; съ другой стороны не считалъ приличнымъ обойтить меня требуемою почестью. Долго тревожился, суетился, изъ дому въ домъ пересылался, наконецъ рѣшился дать обѣдъ у себя, такой же торжественной какъ и въ восшествіе, на которой и получилъ я зовъ по карточкѣ. Все ето не заслуживало бы нималаго вниманія, но умы настроенные на худо и сердца къ гнѣву расположенные выводили изъ сего происшествія, что я принуждаю Губернатора праздники давать противъ его желанія и тѣмъ самымъ острили жало его противъ меня. Я чувствую очень всю непристойность моей горяч-

[1]) См. № 1-й.

ности, и долженъ бы былъ обращатся скромнѣе въ городѣ, наполненномъ людьми грубыми и не просвѣщенными, но къ общему сожалѣнію всѣхъ о человѣческомъ родѣ, всякой знаетъ что какъ теорія не учитъ насъ быть осмотрительными въ поступкахъ нашихъ, ничто однако такъ насъ въ томъ не утверждаетъ, какъ опытность; безъ нее человѣкъ рѣдко бываетъ благоразуменъ и достаточно къ пользѣ своей остороженъ, въ молодости же, наипаче что можетъ быть восхитительнѣе, какъ поставить себя въ предметѣ разговоровъ цѣлаго города, и заставить о себѣ сказать: екой молодецъ, поставилъ на своемъ; вотъ въ чемъ состояла вся моя добыча и я надѣюсь, что всякой мой ровестникъ въ тогдашнемъ возрастѣ со мною въ етомъ согласится.

Наконецъ въ Петровъ день дается аптекарской маскерадъ. Вообразить можно сколько на немъ было весело, когда я скажу, что весь вечеръ прошелъ въ объясненіяхъ между губернаторомъ и женою моей, которыми онъ вмѣсто меня подчивалъ ее для того, что боялся моей вспыльчивости, и непристойной какой либо между нами сцены, чего отъ дамы онъ ожидать не имѣлъ причины. Никто не танцовалъ, всѣ ходили по залѣ изъ угла въ уголъ и перешептывались. Политики по окончаніи объясненія искали узнавать изъ ихъ лицъ къ чему дѣло клонится, къ миру ли или войнѣ, и не знали, на чемъ основать свои заключенія, когда переговоры каждой часъ почти повторялись, и съ одинакимъ жаромъ, а патріоты Пензенскія между собою защищали каждой свою сторону, короче сказать, вся ета вечеринка похожа была на сеймъ, больше нежели на балъ, даваемой на счетъ умершихъ въ Пензѣ гражданъ. Дележъ Польши едва былъ ли того суматошнѣе! Все кончилось пустяками; объясненія жену мою вывели изъ терпѣнья, а онъ по косноязычію своему такъ отъ нихъ усталъ, что ссора между нами осталась въ той же мѣрѣ, какъ и до бала, все однако съ нѣкоторою благопристойною наружностію. Отправя такимъ образомъ ярмоночные пиры, поѣхали мы обратно въ Безсоновку, а въ городѣ Прокуроръ, увидя что лучшая самая ему минута предстоитъ ловить рыбу, возмутя воду, отправилъ въ слѣдъ одинъ за другимъ три протеста, какъ то напримѣръ: что Казенная Палата допустила къ должности пристава солянаго, не дождавшись утвержденія на опредѣленіе его отъ Сената; что отрядила для сбору на Ломовскую ярмарку совѣтника, и прочія такого же разбору. Во всемъ этомъ слѣдовалъ я прежнему порядку, ибо таковыя случаи были и прежде; въ вящщую же предосторожность я и наставленіе, которое давалъ совѣтнику поколику оно различествовало отъ прежнихъ, относилъ на утвержденіе губернатору и имъ оно было опробовано, то кажется все было въ порядкѣ; но какъ приставъ опредѣляемой и Совѣтникъ отряженной были ко мнѣ вхожи и знакомѣе другихъ, то въ протестахъ прокурорскихъ и дѣйствовала болѣе личность, нежели радѣніе о благоустройствѣ, которое впрочемъ ничѣмъ не нарушалось. Протесты сіи, доходя къ губернатору изъ перьвыхъ рукъ, побуждали его подстрѣкать меня ѣдкими предложеніями, въ которыхъ онъ начиналъ уже употреблять любимыя его изрѣченія, какъ то: неслыханное злодѣяніе и проч. Возраженія мои признаюсь также не уступали Его Превосходительству; и такъ начиналась письменная добрая битва; всѣ ети бумаги шли своимъ обрядомъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ, куда участвующія лица, дабы не остались безплодными, бомбардировали

письмами къ секретарямъ и прочимъ, имѣя въ предмѣтѣ меня огорчить, а я съ моей стороны, держася оборонительно, только чувствуя себя въ исправленіи должности моей совершенно правымъ и ненавидя всякую личную переписку о дѣлѣ казенномъ, въ которомъ не должно быть инаго къ рѣшенію ходатайства, какъ правое внушеніе совѣсти и безкорыстіе судящаго, упорно стоялъ въ моихъ правилахъ, отдавая все слѣдствіе нашихъ ябедническихъ переписокъ на судьбу и смыслъ господъ Сенаторовъ, но къ крайней моей ошибкѣ, Сенатъ по всѣмъ протестамъ винилъ меня и дѣлалъ мнѣ выговоры, а что всего страннѣе, не подкрѣплялъ обвиненіевъ моихъ никакими доводами законными; такъ какъ всѣ указы сіи доходили не вдругъ, а по временамъ въ теченіи лѣта, и ни одинъ изъ нихъ меня не только не убивалъ, но ниже приводилъ въ робость, то губернаторъ, дабы, что называется, зажать мнѣ ротъ, ничего лучше не придумалъ, какъ начальничьимъ образомъ меня милостиво пожурить. Совѣтъ ли онъ чей либо чужой въ етомъ исполнялъ, или собственно своего разсудка (если можно симъ именемъ почтить самую нестройную смѣсь фальшивыхъ о вещахъ понятій), того я не знаю, но и доселѣ дивлюсь хорошему выбору времени на сей приготовляемой мнѣ выговоръ. Въ іюлѣ, 11-го числа Великая Княгиня разрѣшилась отъ бремени дщерію нареченной Ольгою; по заведенному обряду, губернаторъ удостоился получить о томъ извѣстительной отъ Г о с у д а р ы н и собственноручной рескриптъ, на счетъ котораго сколько его ни увѣряли, что таковыя цыркулярныя письма посылаются по всѣмъ начальникамъ губерній, но онъ стоялъ въ томъ, что ето на его лицо именно состоялось и приписывалъ сіе особому къ нему благоволенію; вмѣстѣ съ етимъ, прилично молвить мимоходомъ и о томъ, что онъ бригадирами почиталъ только тѣхъ, кои въ семъ чинѣ суть въ службѣ, какъ напримѣръ я; почему и называемъ я былъ имъ впрямошной бригадиръ, а прочія нѣтъ; что Московскіе Сената Департаменты не таковы, какъ Петербургскіе, ибо они въ Москвѣ и что Г о с у д а р ы н я въ премудромъ своемъ предисловіи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, говоря о различіи мѣстъ по роду дѣлъ и что они между собою раздѣлены, хотѣла будто сказать, что они раздѣлены стеклянными перегородками, кои между Камеръ судейскихъ и приказныхъ, повѣлено было устройство. Такія и многія другія его отзывы, да не почтутся шуткою или дерзновенною насмѣшкою, истинно нѣтъ! Таковъ точно былъ нашъ владыка! По полученіи вышепомянутаго рескрипта разсудилъ онъ дать обѣдъ по чинамъ; охотно бы онъ меня на оной не позвалъ, но подъ тотъ часъ пріѣхали въ свою деревню Пензенскую, проѣздомъ въ Саратовъ, к н я з ь М и х а й л а А н д р е е в и ч ъ Г о л и ц ы н ъ[1]) женатой на старшей дочери г р а ф а А н д р е я П е т р о в и ч а Ш у в а л о в а. Деревня ихъ отстояла отъ Пензы въ тридцати пяти верстахъ, на самой большой Московской дорогѣ, на которой и мы обитали Безсоновку. Прежнее наше съ ними знакомство привлекло ихъ къ намъ въ гости, а желаніе видѣть Пензу убѣдило пробыть въ ней нѣсколько денъ, на которыя и заввали мы ихъ жить въ свой домъ; они на предложеніе наше согласились, и такъ мы съ ними переѣхали въ городъ до ихъ отъѣзда въ Саратовъ, а въ ту самую пору случился и помянутой праздникъ, которому губернаторъ, усугубляя радостное тор-

[1]) Тайн. сов., камергеръ, † 1812. Женатъ на Прасковьѣ Андреевнѣ Шуваловой.

жество, назначилъ быть 22 іюля, въ день тезоименитства Великой Княгини.

По сдѣланной повѣсткѣ явился я къ нему поутру съ поздравленіемъ; долго онъ крѣпился, но не выдержавъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и въ свидѣтели благообразія нашей бесѣды пригласилъ г-на Копьева [1]); тамъ запершись въ троемъ слушалъ я долго запальчивыя его отъ меня требованія, чтобы я пересталъ съ прокуроромъ входить въ противорѣчія; сколько я, смиряя свои слова и движенія, ни старался его урезонить доказывая, что на опроверженіе нашихъ другъ другу бумагъ установлена форма, которой остается намъ слѣдовать, и что доколѣ она не нарушена, не думаю я, чтобы его Превосходительство имѣлъ законную власть требовать отъ меня личнаго примиренія или соглашенія въ дѣлахъ цѣлымъ мѣстомъ производимыхъ, гдѣ я только перевѣсъ имѣю голосовъ, а не какую либо власть полномочную, но мой генералъ со мной не соглашался, наконецъ счелъ приличнымъ дѣлать мнѣ угрозы пальцемъ, какъ будто бы ординарцу полковому. Тогда я, не привыкши боятся ничьего гнѣва опричь Божія, Монаршаго и родительскаго, осмѣлился ему представить нѣсколько возвыся голосъ, что, снисходя многому выслушанному изъ уваженія къ его лѣтамъ и чину, принужденнымъ находился прекратить мѣры терпѣнія моего, потому что движенія его и горячность разговора показывали мнѣ, что онъ выходилъ изъ предѣловъ принадлежащаго мнѣ уваженія, что всѣ его съ нѣкотораго времени со мною поступки почитаю я притѣсненіями, кои ежели продолжатся, докладывалъ я ему, и его превосходительство не войдетъ въ обращеніе со мной по службѣ (оставляя личное на его волю, не имѣя на оное никакого права) въ предѣлы узаконеніевъ, то бы изволилъ знать, что я оборонять себя отъ него стану тѣми же средствами, какими получилъ и мѣсто мое, т. е. отношеніемъ къ Государынѣ, и сказавъ сіе толкнулъ дверь, прибавя впрочемъ, что сегодни торжество и день такой, въ которой даже каторжныя отъ работъ увольняются, слѣдовательно случай праздества не вмѣщаетъ продолженія такого колкаго разговора, и въ слѣдъ за симъ вышелъ вонъ изъ кабинета, твердо себѣ посуливъ не имѣть съ нимъ уже никакого знакомства, ниже сохранять видъ политическаго согласія, къ показанію котораго только въ присутствіе Голицыныхъ, для ихъ собственнаго спокойствія, вѣжливость еще меня на нѣсколько дней обязывала. И такъ, скрѣпя сердце, былъ я у него въ тотъ день съ женою и моими постояльцами на обѣдѣ и балѣ, и онъ однако во весь день со мною обходился, какъ истинной пріятель, чаятельно для того, чтобы весь видъ вины показать гостямъ Петербургскимъ на моей сторонѣ, или и для того, чтобы наровить имъ чрезъ то, какъ людямъ къ намъ ласковымъ и у насъ живущимъ. Пріятно мнѣ было тогда симъ послѣднимъ показать мою услугу, доставя имъ способъ на случившіяся имъ нужды занять пять тысячь рублей, въ коихъ я поручился, и сіе дѣло кончивъ съ ними, проводивъ вечера два или три наипріятнѣйшимъ образомъ въ ихъ обществѣ и вспомнивъ родъ жизни столичной, сладкими мечтами наполненной, простились; они поѣхали въ Саратовъ, а мы въ Безсоновку, куда не стало у Ступишина гнусности меня не отпустить, ибо всѣ журналы цѣлаго лѣта свидѣтельствовали исправность моихъ засѣданій, а тамъ естьли не весело, по крайней мѣрѣ жили мы уединенно и смирно. Въ теченіи лѣта директоръ Экономіи по случаю покровительства къ нему Оберъ Прокурора Сената Зубова, отпросясь въ отпускъ узаконеннымъ порядкомъ, слеталъ въ Петербургъ. Но Богъ не выдастъ во вѣки тѣхъ простыхъ сердецъ, кои на вѣрѣ къ нему утверждаютъ свои поступки; никакія его пронырства ему не удались и наконецъ онъ принужденъ былъ, возвратясь безъ успѣха, выйти въ отставку, оставя мѣсто свое Зубову [1]) родному оберъ прокурора брату коллежскому ассесору Василью Николаевичу, которой хотя самой чинъ его и употребленіе сіе въ службу показывало, что онъ не имѣлъ большаго отъ случайной родни покровительства, однако въ такомъ близкомъ съ ними союзѣ крови опасенъ былъ по одной уже русской справедливой пословицѣ: свой своему по неволѣ другъ. Опредѣленіе его въ директоры Экономіи было приготовлено губернаторомъ на тотъ конецъ, чтобы въ немъ найти противъ меня опору, а притомъ и роднѣ его показать нѣкоторую трусость. Время покажетъ, достигъ ли онъ своей цѣли.

[1]) Даніилъ Самойловичъ, прежній вице-губерн. См. № 1-й и „Капище“.

Между тѣмъ временемъ, у двора происходили слѣдующія обстоятельства: генералъ прокуроръ кн. Вяземской [2]), умеръ; на мѣсто его былъ опредѣленъ гр. Самойловъ [3]), человѣкъ глупой и никакихъ свѣденій не имѣющій, но Екатеринина голова могла замѣнять многихъ, подъ ней всякой всему былъ мастеръ; Зубовъ изъ оберъ прокуроровъ Сената пожалованъ былъ въ Сенаторы, слѣдовательно того же вліянія на дѣла статскія, какія до сего имѣлъ не могъ уже сохранить, на мѣсто его опредѣленъ былъ человѣкъ острый и не молодой Храповицкой [4]). Пока все сіе дѣлалось на Невѣ, мы съ береговъ Суры переѣжжали въ городъ; наступила осень, и приглашала горожанъ къ комнатнымъ увеселеніямъ, кои состояли въ одномъ клобѣ. При открытіи онаго разсудили балатировать выборъ новыхъ директоровъ, изъ коихъ я вышедъ вонъ, замѣщенъ былъ Зубовымъ. Всѣ ети бездѣлки служатъ однако важнымъ основаніемъ къ заключенію на счетъ провинціяльной жизни. Жена по склонности ея къ домосѣдству никогда въ клобъ и не ѣжжала и я показывался въ немъ весьма рѣдко, но дабы сколько нибудь весело, или по крайней мѣрѣ меньше скучно было намъ, принялись мы опять за прежнюю нашу забаву; всю осень и зиму играли комедіи, составя наше общество изъ лучшихъ въ городѣ людей, лучшихъ не по чинамъ а по нравственности. Между забавами театральными давали иногда и маленькіе балы, которыя отъ многихъ были посѣщаемы. Домъ Копьева всегда былъ съ нами въ неразрывной связи, а въ добавокъ къ постояннымъ жителямъ Пензы, наѣхали многіе отставные дворяне съ своими семьями изъ помѣстьевъ. Жизнь городская сдѣлалась пріятнѣе, общество больше, сверхъ того поставленъ былъ на зимнія квартеры въ предѣлы той губерніи драгунской полкъ, коего полковникомъ былъ Таракановъ [5]). Сей старинной пріятель нашего дома, купно и съ женою своей гащивалъ у насъ въ Пензѣ



[1]) См. „Капище“.
[2]) См. № 1-й.
[3]) Александръ Николаевичъ, д. т. с. (1744—1814).
[4]) Александръ Васильевичъ (1749—1806).
[5]) Дмитрій Михаиловичъ, его жена — Александра Михайловна. Она крестила сына автора — Петра, См. „Капище“.

одинъ по нѣскольку денъ, а какъ въ Саратовѣ и въ Тамбовѣ также поставлены были полки, то дивизіонный ихъ командиръ, генералъ маіоръ баронъ Беервицъ, полюбивъ въ короткомъ своемъ проѣздѣ Пензу, учредилъ въ ней свою квартеру, и прибавился симъ пріятный домъ въ Пензѣ наипаче для насъ, ибо жена его была гораздо прежде надзирательницею въ Смольномъ Монастырѣ, гдѣ жена моя воспиталась и слѣдовательно имѣла съ ней нѣкоторую пріязненную свычку, которую возобновить имъ было не трудно. Въ домѣ ихъ между прочими дворянами съѣхавшимися въ Пензу изъ деревень, познакомились мы съ У... Воспоминаніе сего знакомства сопряжено будучи со многими послѣдовавшими ему приключеніями, всегда меня въ ужасъ приводитъ. О какъ бы дорого я далъ чтобы день сего знакомства выкинутъ былъ провидѣніемъ изъ числа дней моихъ, чтобы заря того дня не коснулась вѣждь моихъ во вѣки. Такимъ образомъ провождали мы осень сноснымъ образомъ, а къ зимѣ готовились новаго рода забавы; въ тотъ годъ истекалъ трехъ лѣтній срокъ выборамъ дворянскимъ, кои назначены были въ декабрѣ; князь Куракинъ осчастливилъ Пензу своимъ пріѣздомъ. Слухъ о готовящихся балахъ соблазнилъ многихъ офицеровъ, стоящихъ вокругъ полковъ. Прискакалъ изъ Саратова Полковникъ Буткевичъ, онъ насъ, а мы его тотчасъ полюбили; сей пріятной въ обращеньи человѣкъ знакомствомъ своимъ приносилъ намъ большое удовольствіе. Наконецъ начались выборы и праздники; всякое утро кое какъ отправлялась дворянская балатировка, а по вечерамъ ежедневно давались балы, кои продолжались до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, ежедневно были обѣды у губернатора для разныхъ округъ, словомъ въ двѣ недѣли етихъ выборовъ мы такъ завеселились, или лучше сказать засуетились, что служба, которая и безъ того въ рабочую пору не много насъ занимала, тутъ совершенно изъ мыслей истребилась. Кн. Куракинъ вельможнымъ своимъ сіяніемъ озарялъ торжество Пензы; онъ придавалъ роскошью своею большой блескъ нашимъ пирамъ, а дабы ссора наша съ Губернаторомъ не произвела въ общей гармоніи непріятнаго разногласія, то онъ какъ самой тонкой политикъ, мудрецъ Царскихъ чертоговъ, пріѣхавъ въ Пензу до выборовъ, вступилъ въ посредники между нами и губернаторомъ, и хотя онъ при всѣхъ своихъ трудахъ не посѣлилъ никакого въ насъ внутренняго другъ къ другу доброжелательства, однако принудилъ меня, изъ уваженія къ его усильному исканію сдѣлать видъ примиренія съ губернаторомъ только на время выборовъ, для благопристойности публичныхъ собраній. Таковое же наружное примиреніе между нашими женами, хотя съ большимъ трудомъ, но успѣлъ онъ устроить также на двѣ недѣли, и мы въ оныя начали между собой съѣжжатся. Трудно было женѣ моей на сіе рѣшится, что легко можно будетъ видѣть изъ письма ее, которое она къ князю на сей случай писала, и съ коего въ окончаніи года, помѣстится копія, однако начали мы сквозь слезъ смѣяться (3).

Говоря о выборахъ не стану я здѣсь описывать всѣхъ пировъ, кои кто и когда давалъ, но дабы дать нѣкоторое понятіе о сихъ происшествіяхъ въ губернскихъ городахъ, о томъ какъ самыя выборы производятся, и какія приключенія могутъ встрѣтится въ столь многочисленномъ стеченіи не образованныхъ по большой части, а дикихъ и закоснѣлыхъ въ грубомъ невѣжествѣ головъ, выберу я что примѣчательнѣе всего

было для меня на тотъ разъ, и начну краткимъ изъясненіемъ порядка, какимъ балатируются избираемые къ судамъ дворяне, потомъ молвлю нѣчто и о праздникахъ, вмѣстя наилюбопытнѣйшія изъ нихъ.

Выборы должны бы были производится въ дворянскомъ домѣ, но какъ онаго, при многочисленной однако собранной съ дворянъ суммы, въ Пензѣ не было построено, то верхній етажъ губернаторскаго дома, ни кѣмъ не занятой и былъ на сіе назначенъ. Въ немъ дворяне для балатировки собирались каждое утро, чрезъ три дни по предварительнымъ отъ полупьянаго гарнизоннаго офицера повѣсткамъ, и на каждое мѣсто въ губернскихъ учрежденіяхъ показанное, кидали всѣ бѣлыя шары въ пользу того, кого приказывалъ избирать господинъ губернаторъ чрезъ губернскихъ стряпчихъ; сіи, подходя къ каждому дворянину, шептали на ухо, на которую сторону ящика, при наименованіи избираемаго бросать раздаваемые имъ шары, воля начальника такимъ образомъ сообщаемая не видимо въ выборахъ содѣйствовала. Естьли же кто дерзалъ имѣть свою собственную волю, то таковой притѣснялся, назывался преступникомъ закона и подверженъ бывалъ за упорство не рѣдко несчастію; вотъ какъ сіе дѣлалось между дворянами. Потомъ г-нъ губернаторъ утверждалъ представляемыхъ кандидатовъ, хотя я не знаю какимъ образомъ сіе исполняемо было въ отношеніи къ Судьямъ Нижнихъ мѣстъ, но бывъ свидѣтелемъ нареченія Губернскаго Предводителя, думаю что и прочія такимъ же средствомъ попадали въ свои мѣста, а Губернской Предводитель тогдашняго выбора, Г-нъ артиллерійской Капитанъ Машковъ, человѣкъ не молодой и истинно достойной, не прежде былъ губернаторомъ въ семъ званіи утвержденъ, какъ по призывы Полдомасова о коемъ выше говорено было, безъ всякой его къ тому обязанности ибо онъ былъ стряпчій уголовныхъ дѣлъ и сей то Полдомасовъ написавъ наконецъ предложенье въ пользу Машкова, поднесъ г-ну Ступишину, которой властію ему данною не прочтя ни строки, побѣждая разумъ свой послушаніемъ вѣры Полдомасову подобающей, подписалъ оное. Такимъ то образомъ сословіе дворянъ за три года получило своего предводителя; — выборы въ три утра кончились и безъ затрудненія, ибо за мѣсяцъ до оныхъ уже по алфавиту имянъ г. Полдомасовъ назначилъ мысленно кому гдѣ быть, оставалось только дворянамъ раненько вставать, столпится въ антресоляхъ губернаторскихъ и намѣтить зря кое куды положенное число шаровъ, а уже при разсортировки ихъ вѣдалъ про то суфлеръ всей етой комедіи г. Полдомасовъ по скольку бѣлыхъ или черныхъ на чей счотъ попадать надлежало. Вотъ какъ иногда государи выборомъ мѣстоначальниковъ въ государствѣ своемъ, подвергаютъ наилучшее свое узаконеніе не только недоразумію и отъ того вреду, но даже и посмѣянію людей просвѣщенныхъ. Такъ какъ всякое дѣло на Руси обыкновенно оканчивается брагой, то и послѣ сихъ выборовъ протекли двѣ недѣли въ праздникахъ и обѣдахъ; толпа пензенскихъ патріотовъ на всѣ обѣды и ужины приглашалась, вообще всѣ ложились спать въ четыре часа, вставали поздо и ничего никто не дѣлалъ, однако журналы по всѣмъ мѣстамъ безпрерывно выходили, ихъ составляли изъ чего хотѣли секретари, а судьи подписывали. Между прочими потѣхами давалъ обѣдъ и откупщикъ пензенской купецъ Печеринъ; сей мнимой откупщикъ, ибо настоящій подъ именемъ его былъ кн. Куракинъ, разсудилъ насъ поить до смерти, не безъ соизволенія,



но паче съ побужденія къ тому самаго кн. Куракина. По несчастной необходимости былъ и я приглашенъ на его пиршество; сѣли мы за столъ въ два часа по полудни, а пили до шести часовъ вечера и я истинно думалъ, что заплачу за сіе животомъ, но сошло съ рукъ удачно, а дабы коротко показать какъ искустно мы всѣ подражали обычаямъ старинныхъ нашихъ русскихъ бояръ, скажу что до тѣхъ поръ пили, что кн. Куракинъ подъ гусли плясалъ съ купцами во всѣхъ своихъ орденахъ бычка, что иныя прикладывались съ крестнымъ знакомъ къ его орденамъ, Губернатора безъ чувствъ расцеловалъ межевой пьяной судейка прижавъ въ уголъ и что... но гдѣ все упомнить. Кн. Куракинъ среди всѣхъ насъ былъ такъ крѣпокъ, что въ тотъ же вечеръ и немного спустя въ состояніи былъ въ другомъ домѣ играть очень трезво въ карты, и дивился видя что я еще не могъ привести гораздо около ночи походки своей въ порядокъ, а онъ готовъ бы былъ и повторить утреннею попойку. Умѣли мы перенять недостатки предковъ а добродѣтелей ихъ не заняли; если бы также способны были стоять за матку правду какъ сулѣи фамильныя опоражнивать, совсѣмъ бы иначе устроивалась вся жизнь наша и судьба поручаемыхъ намъ областей. — Въ заключеніе городскихъ празниковъ пригласилъ и я небольшое число отобранныхъ гостей къ себѣ на благородной семейной спектакль и при семъ случаѣ прекрасная послѣдовала со мной штука.

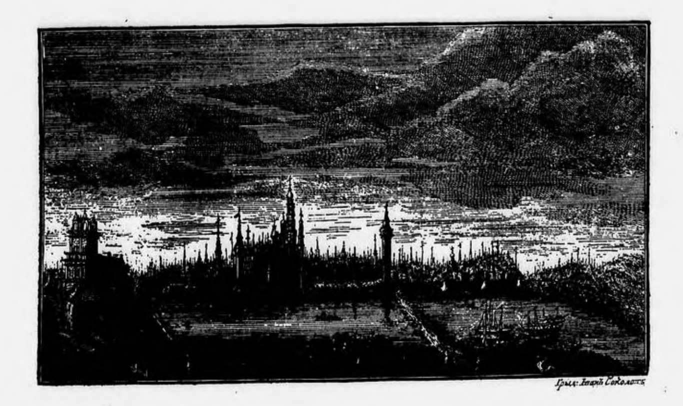
Поелику не зависило отъ меня наполнить кругъ моихъ актеровъ достойными и порядочными людьми, а долженъ я былъ удовольствоватся лучшими изъ тѣхъ, кои были на лицо, то между актерами нашими былъ учитель народныхъ школъ, казавшійся мнѣ за человѣка смирнаго и тихаго нрава; въ самой день спектакля, бывъ на всѣхъ пробахъ порядочень, онъ вдругъ такъ сдѣлался пьянъ, что по съѣздѣ уже всѣхъ нашихъ гостей выслалъ мнѣ сказать, что онъ играть не хочетъ, и что я ни дѣлалъ, хотя самъ губернаторъ перьвой гость мой грозилъ ему цѣпью и колодкой, ничто не имѣло желаемаго успѣха, и принужденъ былъ одинъ изъ нашихъ пріятелей читать ролю его по тетрадкѣ. Оставляю судить всякому какъ это было весело! Многія полагали, что Губернаторъ поддѣлалъ все сіе нарочно дабы мнѣ досадить, но я такого чернаго подозрѣнія и нынѣ не имѣю, а особливо на такое время, когда онъ всякую наружность истиннаго примиренія старался мнѣ оказывать, а что всего было въ послѣдствіи мудренѣе, такъ то, что поступокъ столь наглой етаго учителя остался безъ всякаго съ него взысканія и наказанія, и что оное кончилось одними пустыми и никѣмъ не уваженными угрозами, и что ни въ чьемъ домѣ, куда онъ продолжалъ входъ свой, не перемѣнилось съ нимъ обращеніе, по крайней мѣрѣ въ мой съ тѣхъ поръ пускать его перестали. Остается послѣ того судить чему помянутой учитель обучалъ юношество? Любомудрію и нравственной философіи! Пускай теперь дивится кто хочетъ невѣжеству отдаленныхъ провинцій. Вотъ какою потѣхою окончаны были дворянскіе выборы въ Пензѣ.

Лишь только всѣ по прошествіи сихъ праздниковъ успокоились, и осталась Пенза въ числѣ собственныхъ своихъ сограждaнъ, ссора наша съ Губернаторомъ пуще прежняго возгорѣлась и мы перестали опять другъ къ другу ѣздить, но какъ разрывъ нашихъ домовъ не почиталъ я достаточнымъ обстоятельствомъ къ прекращенію собственныхъ нашихъ забавъ, то въ имянины жены моей, кои бываютъ въ самое Рождество,

давалъ я балъ, и на оной неожиданнымъ образомъ имѣлъ множество гостей, за что г. Губернаторъ, а паче смиренная его супруга и кротчайшая теща не постыдились открыто изъявлять многимъ свое негодованіе; всѣ ети обстоятельства, еще до состоянія выборовъ мною предвидимыя, вынуждали меня искать средствъ ко избѣжанію столь несноснаго Начальства, почему и отправилъ въ Сенатъ черезъ губернатора прозьбу объ отпускѣ меня на дватцать девять дней, желая побывать лично въ Петербургѣ, взглянуть на новаго генералъ прокурора Самойлова и коротко русскимъ словомъ сказать: поискать счастія. Русскія пословицы всегда мнѣ очень справедливыми казались, и я, какъ будто предчувствовалъ что та которая говоритъ: Дуракъ броситъ камень въ воду, а десятеро умныхъ не вытащутъ, надо мной въ Пензѣ сбудется.

Желаніе мое ѣхать въ Петербургъ оживляемо было лестными надеждами, и къ нѣкоторымъ изъ нихъ послужило мнѣ поводомъ письмо, полученное мною послѣ годоваго молчанія, письмо самое пріятельское отъ старой моей знакомой кн. Несвицкой, которое отправлено ко мнѣ было черезъ нарочнаго г. Кречетникова, препровождаемо при особомъ и превѣжливомъ письмѣ отъ кн. Куракина съ нарочнымъ же на собственное мое имя, а Кречетниковъ тогда имѣлъ большую силу у двора и сверхъ генералъ губернаторской должности въ Тулѣ и Калугѣ, назначался къ управленію новыми въ Польшѣ губерніями. Такимъ путемъ дошедши ко мнѣ письмо изъ Питера отъ женщины молодой, умной и пригожей подавало мнѣ случай къ наивыгоднѣйшимъ для себя заключеніямъ, и прибавляло нетерпѣливость мою побывать у двора, а какъ при томъ и жена моя была уже брюхата, то планъ мой устроивалъ я такъ, чтобы и ее, получа отпускъ, привести съ собою въ Москву, дабы она тутъ въ семьѣ своей могла спокойнѣе и безопаснѣе родить. Въ таковыхъ пріятныхъ предположеніяхъ оканчивалъ я текущій годъ и услаждалъ ими бремена службы моей, которая не доставляла мнѣ впрочемъ никакого удовольствія, ибо г. Зубовъ мой директоръ Экономіи дѣлая что хотѣлъ, управляя самовластно казенными заводами, разрушалъ всякой порядокъ, и въ существѣ дѣлъ и въ самомъ ихъ производствѣ подавалъ на все голоса, запутывалъ сколько могъ движеніе Казенной Палаты, и не выѣжжая изъ дому въ Присутствіе инако, какъ когда хотѣлъ, высылалъ престроптивыя бумаги, по которымъ безъ опасенія себѣ зла, не могъ я ничего удовлетворительнаго для него дѣлать. Но все сіе до такой степени меня замучило, что я изъ посредственныхъ судей сдѣлался было несноснымъ ябедникомъ. Вотъ на чемъ остановлю я моего читателя при концѣ сего года.





1793.

Десять лѣтъ какъ я Исторіею моею не занимался. Десять лѣтъ записки мои ѣздили со мной съ мѣста на мѣсто и въ большомъ нашлись безпорядкѣ, когда я въ 1803 году опомнился, и въ свободной какъ то часъ заглянувши въ нихъ, вздумалъ продолжать такое сочиненіе, котораго польза со временемъ можетъ быть ощутительна для дѣтей моихъ. Много съ тѣхъ поръ какъ я остановился воды утекло. Много людей померло, возвеличилось, — паки упало, — словомъ, перемѣнъ много было вокругъ меня. Разбиваемъ бывъ въ сіе время разными приключеніями, какъ на волнахъ носимый по произволу непогодъ яликъ наконецъ отдохнулъ у тихаго пристаница, и подобно какъ мореходецъ, который послѣ долгаго на морѣ плаванія возвращаясь домой находитъ свои пожитки цѣлы и сохранны, такъ благодаря Бога и я, взглянувъ въ свои записки, сравнивая себя нынѣ съ собой десять лѣтъ назадъ, нахожу душу мою, сердце и правила все тѣми же; несчастія, злоключенія тѣснили меня до вратъ адовыхъ, но духъ мой устоялъ, и непоколебимъ пребылъ противу всѣхъ покушеній моихъ недоброхотовъ. Хотя я еще далеко отстаю отъ конца моего путешествія, ибо человѣкъ, который не по волѣ своей, но по обстоятельствамъ живетъ внѣ своей родины, долженъ надѣятся что рано или поздно воротится въ оную, и слѣдовательно еще странствовать будетъ; но смѣю нынешнее положеніе мое назвать пристанищемъ потому, что опытность научила смотрѣть на все равнодушнѣе прежняго, снисходить

больше слабостямъ человѣческимъ; научила чувствовать что противу силы политической также опасно вооружатся, какъ и противу рожна прать, и потому сталъ я смирнѣе, а кто съ равнодушіемъ смотритъ на людей на того и они, обращая взоръ самой холодной, оставляютъ его въ покоѣ; вотъ въ какомъ отношеніи разумѣю я жизнь свою нынешнею тихимъ пристанищемъ. Не найдетъ ли здѣсь кто противурѣчія, ибо я выше сказалъ что правила мои тѣже, — да тѣже конечно, но употребленіе ихъ въ мірѣ внѣ себя съ прочими совсѣмъ стало иное. По етому опытность была мнѣ полезна? Всеконечно; безъ нее были ли бы люди то, что они есть подъ старость? Конечно нѣтъ, и въ етомъ никто не сомнѣвается.

Не ужели воротится назадъ, напомнить живымъ образомъ и какъ бы вновь почувствовать такіе случаи, кои хотѣлось бы въ вѣчное погрузить забвеніе. Не ужели? Но начавши дѣло, и начавши съ предвидимою отъ него пользою стыдно остановится и не кончить. И такъ начну. Я не буду съ тою подробностію останавливатся на многихъ не вообще замѣчательныхъ произшествіяхъ, какъ прежде бесѣдуя объ нихъ надоѣдалъ юному моему читателю, (ибо я все въ предмѣтѣ имѣю сына моего, или сыновей вмѣстѣ) но не пропущу ничего такого, что нужно будетъ для утвержденія на сердцахъ ихъ печати нравственности, для вкорененія въ нихъ страха Божія и любви къ чести, которая должна быть перьвою пружиною всѣхъ дѣйствій человѣка, и для того все то почту не лишнимъ, что къ сей цѣли приближить меня можетъ.

Въ прошедшемъ годѣ сказано было, что я сбирался въ отпускъ ѣхать и дѣйствительно я онаго на поданное отъ меня по формѣ прошеніе начиналъ ожидать. Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается. Я пишу по русски какъ человѣкъ простой и не грамотѣй, слѣдовательно кстати включить пословицу русскую мнѣ не запретится. Прозьба моя подана была въ Намѣстническое Правленіе, откуда пошла въ Сенатъ. Сенатъ долженъ былъ ее слушать, хотя и слушать въ едакой бумагѣ нѣчего, доложить Государынѣ. Государынѣ обьявить указъ, и наконецъ указъ сей изъ Сената дошолъ бы въ Губернское Правленіе, а оное мнѣ черезъ Казенную Палату о семъ дало знать. Вотъ порядокъ дѣла. Вотъ какія потребны были предисловія на то, чтобъ мнѣ сѣсть въ карету и ѣхать въ Москву. Все сіе моглобы сдѣлатся легче, что мы увидимъ гораздо пожже, но тогда всякой еще любилъ держатся заведеннаго порядка изстари, и къ облегченію затрудненій во всякомъ родѣ никакихъ не прилагалъ трудовъ своихъ. Путешествіе, къ которому я приготовлялся, составляло Эпоху въ Исторіи моей не только того года, но и многихъ лѣтъ, что послѣдствія оказали, ибо я уже съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ не бывалъ, а потому объ немъ и стану говорить, какъ о вещи для меня достопамятной. Но прежде не лишнее будетъ для связи описываемаго года съ предшествовавшими нѣчто молвить и о настоящихъ моихъ въ самой Пензѣ обстоятельствахъ. Ссора моя съ Губернаторомъ продолжалась, онъ дѣлалъ мнѣ всякія неудовольствія, которымъ я отвѣчалъ упорствомъ и непреклонностію; сіи два свойства ужасны въ подчиненномъ для начальника, которой по характеру, по грубому сложенію ума и костей хочетъ быть деспотомъ. Между нами двумя меньше было согласія чѣмъ между холода и жара. Не стану я описывать здѣсь разныхъ бумажныхъ нашихъ раздоровъ, повторять ихъ скучно и для

меня и для читателя; нѣкоторой имъ обращикъ показалъ я съ самаго начала, а для любопытнаго полную далъ свободу порыться въ статскомъ моемъ журналѣ. Тамъ онъ найдетъ собраніе всѣхъ тѣхъ бумагъ, кои изъ пера моего выходили, а изъ нихъ увидитъ и свойство моихъ досадъ на Губернатора. Тогда я еще любилъ службу какъ любовницу. Въ восхищеніи юнаго человѣка, которой на все смотритъ съ пламеннымъ желаніемъ свѣтъ образовать и сдѣлать лучшимъ, я писалъ не приказнымъ слогомъ и не авторскимъ, а вдохновеннымъ самой Природою т. е. такъ какъ думалъ и чувствовалъ, слѣдовательно много найдется въ рукописяхъ моихъ не стройнаго, но для чувствъ моихъ оборотъ рѣчи можетъ ли быть предосудителенъ. Ахъ! — ежели бы люди всегда писали то, что подлинно чувствуютъ и мыслятъ, менѣе ли бы мы были благополучны? Но нѣтъ! Съ тѣхъ поръ какъ стали мы красоту слога наблюдать, съ тѣхъ поръ помрачилась красота чувствъ нашихъ и мыслей. Вѣкъ красноречія и во Франціи не былъ вѣкъ блаженства. Говоря о слогѣ кстати скажу здѣсь что кн. Куракинъ писалъ ко мнѣ поздравительное письмо съ новымъ годомъ по французски; нѣсколько строкъ въ немъ было немѣцкихъ для моего Павлуши; такъ то помнилъ князь все что мнѣ принадлежало; онъ мнѣ желалъ благъ земныхъ и подписывался моимъ другомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя какъ явственно онъ мнѣ доказалъ и то и другое. Письмо было написано прекрасно; нигдѣ ни одной ошибки, и я читая его при всякой строкѣ, готовъ былъ ему сказать какъ въ комедіи называемой Злоумъ: Да ты етаго не думаешь. Онъ самъ можетъ быть тяготился такимъ самому себѣ наглымъ противорѣчіемъ, но онъ думалъ что такъ должно. Будучи поставщикъ и откупщикъ не смотря на величавость свою и надутое мнѣніе о важной его породѣ, сей князь охотно снисходилъ и до самыхъ низкихъ степеней въ свѣтѣ, ибо скоро получилъ я отъ него въ томъ же году письмо (въ коемъ онъ мнѣ рекомендовалъ Злобина, рекомендовалъ его какъ друга и рекомендовалъ именемъ нашего дружества). Ктожъ етотъ Злобинъ? Купецъ изъ города Вольска, котораго немаловажной капиталъ служилъ часто князю вспомогательнымъ войскомъ въ его винной промышленности. Довольно сей причины чтобъ употребить до нѣскольку разъ въ письмѣ писанномъ въ его пользу священное имя дружбы. О! наша могла быть такъ унижена. Она состояла въ однихъ буквахъ, составляющихъ ея названіе, но сколь далеко отстояла отъ сердецъ нашихъ.

Мы питались безпрестанно чаяніемъ быть въ Москвѣ и видится съ милыми сердцу. Во ожиданіи такого пріятнаго времени провождалъ я въ Пензѣ настоящее очень скучно. Будущее всегда врагъ настоящему, но принесло мнѣ нѣкоторое удовольствіе тогда посѣщеніе Палласа[1]). Сей ученый человѣкъ извѣстный въ Европѣ натуралистъ, ѣхалъ въ Астрахань и намѣревался обнять въ пути своемъ Пензу и Саратовъ; онъ имѣлъ ко мнѣ нѣкоторыя рекомендательныя письма, я же съ нимъ былъ знакомъ и прежде. Свиданіе съ нимъ было для меня пріятнѣе тутъ, нежели въ иномъ мѣстѣ, ибо внѣ своей родины живучи обрадуешся и самому равнодушному знакомцу, который подъ однимъ съ тобой небомъ жилъ прежде. Съ нимъ сопутствовали жена его, дама любезная, и дочь дѣвица милая, которая къ пригожеству лица присоединяла пріятные таланты и играла на Арфѣ. О! какъ плѣнительно слышать такую сладкую музыку, гдѣ же? Въ Камчадалахъ! Ошибся — въ Пензѣ — все равно! Онъ не много нашелъ пищи для своего любопытства. Г. Мартыновъ громогласно похваляющійся своимъ кабинетомъ и собранными минералами, показывалъ ему оной съ большимъ высокомѣріемъ, и дѣйствительно Палласъ признавался что онъ штуки двѣ нашелъ замѣчательными; довольно было для тщеславія владѣльца; вездѣ гдѣ онъ ни встрѣчался съ кѣмъ, вездѣ твердилъ о Палласѣ и о своихъ двухъ рѣдкостяхъ. Виватъ просвѣщеніе! Наконецъ получилъ я отпускъ, и не медля ни мало отправился съ женою въ Москву. Поспѣшность моя уѣхать изъ Пензы доказывалась тѣмъ, что я на самой масленицѣ отправился, но дабы въ такую пьяную пору не подвергнутся разнымъ непріятностямъ и остановкамъ, мы прошатались по своей Губерніи, гдѣ гораздо болѣе способовъ имѣли проѣхать спокойно нежели въ другой. И такъ мы посѣтили въ уѣздѣ Таптыкова[1]) и побывавъ на первой недѣли поста въ Саровской пустынѣ прямо поскакали въ Москву. Ето было въ мартѣ, дорога и погода были наилучшія.

Въ разъѣздахъ кои часто встрѣчаются съ нами по нашей доброй волѣ, а чаще того по необходимости, мало бы было для насъ пользы, естьлибъ мы, равнодушно взирая на всѣ предмѣты безъ разбора, не давали мѣста въ памяти нашей тому что нѣкотораго вниманія стоитъ. Не всѣ мѣста на путяхъ нашихъ лежащія, достойны отличены быть продолжительнымъ объ нихъ напоминаніемъ, но нѣкоторыя, такъ какъ въ етомъ нашемъ переѣздѣ упомянутая пустыня заслуживаетъ краткое о себѣ описаніе. Саровская пустыня окружена прекрасною лѣсною дачею, которая ей укрѣплена грамотою Екатерины Вторыя. Монастырь прекрасно обстроенный камнемъ стоитъ на горѣ и въ самой густой внутренности лѣса, такъ что не прежде его можно увидѣть какъ подъѣхавши почти подъ звукъ его колоколовъ; братіи тутъ человѣкъ до двухъ сотъ тогда было, и настоятель ихъ Пахомій старецъ весьма учтивый и доброхотный. Онъ былъ монахъ безъ реторики и угождалъ Богу безъ Богословскихъ аргументовъ. Богатство пустынное повсюду показывалось у нихъ между разныхъ заведеній доказывающихъ трудолюбіе ихъ и трезвую жизнь. (Но я не говорю о всѣхъ; въ семьѣ не безъ урода). Была и аптека которой управлялъ лѣкарской ученикъ прилѣпившійся къ ихъ смиренной жизни и промѣнявшій на чотки тупой свой ланцетъ. О вкусахъ спорить не льзя; по мнѣ я бы и то и другое бросилъ на дорогѣ. Ахъ нѣтъ! Я бы ланцетъ сберегъ, отдалъ бы его врачу и онъ въ его рукахъ былъ бы полезенъ, а чотки ни въ какихъ ни на что не нужны. Я былъ въ ихъ пустынѣ въ самой Чистой Понедѣльникъ. Рѣдкой и унылой звонъ колокола, ихъ вседневное пѣніе въ церкви, въ которую и женщинъ не пускаютъ, а одни Монахи по очереди денно и ночно воспѣваютъ псалмы, сіи безподобныя стихотворенія краснорѣчиваго Давида, отголосокъ толстой столповыхъ пѣсней, которой кажется самыя стѣны въ уши мои ужасно отражали, мрачное одѣяніе унылыхъ анахоретовъ, — все мнѣ представляло живую картину поста, и воображеніе мое погру-

[1]) Петръ Симонъ Палласъ докторъ мед., ордин. академикъ Спб. Ак. Наукъ, путешественникъ и естествоиспытатель. Авторъ многихъ трудовъ по описанію Россіи. Вызванъ Имп. Екатериною въ 1767 г. (1741—1811).

[1]) Николай Михайловичъ пензенскій помѣщикъ. См. „Капище“.

жало всѣ мои чувства въ благоговѣйное нѣкое иступленіе, которое соотвѣтствовало видимымъ предметамъ. Саровская пустыня одна изъ знатнѣйшихъ въ нашемъ Государствѣ. Но какое противорѣчіе! Пустыня, и двѣсти человѣкъ живущихъ въ одномъ обществѣ; пустыня и пушки, ибо и у нихъ были свои маленькія орудія, кои по праздникамъ бывали не безъ употребленія; пустыня и пребогатыя олтари, утвари, кельи, изобильныя поварни, роскошныя трапезы. Согласите все сіе въ умѣ вашемъ. Когда мой языкъ выговариваетъ слово пустыня, то мысль съ тѣмъ вмѣстѣ представляетъ нѣчто пустое, пещеру отдаленную отъ глазъ постороннихъ, убѣжище въ разсѣлинѣ каменной, въ пещерѣ и горѣ не обитаемой, а не собраніе въ прекрасномъ храмѣ сіяющемъ фольгою и златомъ; нѣсколько тучныхъ монаховъ, кои пообѣдавши какъ Сибариты, поютъ вечерню для единаго только провожденія времени и во увѣреніе изумленнымъ зрителямъ, что они иногда и въ церковь ходятъ. На что монастырь? На что монахъ? Покровительство праздности и тунеятству на счетъ слабоумныхъ, кои, подавши на свѣчу гривну, думаютъ закупить тѣмъ Царство Божіе. О! Какое уничижительное мы имѣемъ понятіе о Царствѣ Божіемъ! Мы христіяне! Мы которыя именемъ его и чудесами такъ гордо превозносимся, и мы то думаемъ что Царство Божіе, предъ которымъ милліоны сокровищъ нашихъ меньше зерна песочнаго на краю пространнаго моря, можетъ быть куплено и пріобретено золотникомъ ладона, полушечной свѣчкой и тому подобными приношеніями, да еще и въ самомъ худшемъ видѣ; ибо я ни въ одной церкви не видалъ свѣчь передъ образами изъ чистаго воску, а масло, и его жгутъ самое худое и ни на что другое не нужное. О какое чистосердечное пожертвованіе избытковъ нашихъ, тогда какъ въ клобахъ, маскарадахъ по тысячи сгараетъ свѣчь въ вечеръ наичистѣйшаго воска. О смертные! О мои друзья! На что всѣ ети игрушки? На что такое притворство? и передъ кѣмъ? Передъ нашимъ Творцомъ! Жизнь безпорочная по крайней мѣрѣ по возможности благотворная, вотъ даръ, вотъ жертва наша Богу! Другой ему не надо. Но какъ далеко я отбился отъ своей матеріи, — однако не напрасно. Дѣти мои сіе прочтутъ, и да воспользуются моимъ краткимъ примѣчаніемъ, которое кончу тѣмъ, что ежели монастыри уже стали необходимы, то желательно чтобы они всѣ походили на Саровскую пустыню, ибо бывъ въ ней въ разныя времена, нашелъ что въ числѣ монаховъ многіе трезвы, не всѣ воняютъ, и ни одного нѣтъ ханжи.

До пріѣзда еще моего въ Москву, мысль моя уже ее встрѣчала. Воображенію моему представлялись яркія верьхи соборныхъ главъ Московскихъ, которыхъ никогда не могъ я видѣть, подъѣжжая къ Москвѣ, безъ сердечнаго трепетанія. Я видѣлъ каждой уголокъ моего родительскаго дома, я глядѣлъ мысленно на стѣны того флигеля, изъ котораго меня въ слезахъ выпроводили въ Пензу. Ахъ! слезы мною тогда пролитыя были предвѣстники моихъ несносныхъ огорченій, и теперь обрадовался ли бы я столько увидя Московскую заставу, еслибы я умѣлъ предчувствовать что я ѣду въ послѣдній разъ обнять Отца? Пріѣжжаемъ мы въ Москву, нахожу я Отца моего въ болѣзненномъ состояніи изнемогающаго подъ игомъ различныхъ недуговъ соединившихся для нанесенія ему послѣдняго удара. Все впрочемъ въ семействѣ нашемъ было благополучно; дочь наша Маша росла и забавляла дѣдушку. Мать моя была здорова, сестра съ мужемъ заводились дѣтьми,

другія сохли по Отцѣ, свидѣтельницами бывъ ежечастной его муки; все было бы хорошо, но онъ таялъ: онъ умиралъ, и мы оба не могли другъ отъ друга скрыть что мы въ послѣдній разъ видимся. Умъ его однако не терялъ своей силы и сіе удвоивало его страданія. Проѣжжая Москву какъ молнія, я представлялъ себѣ видѣть друзей моихъ и пріятелей на возвратномъ пути, а тутъ дня три пребыванія моего употребилъ на безпрестанное бесѣдованіе съ Отцомъ моимъ; въ послѣдній разъ изустныя его наставленія селились въ душѣ моей. Я изъяснилъ ему цѣль поѣздки моей въ Петербургъ. Мнѣ хочется, такъ говорилъ я ему, рекомендовать себя лично новому Генералъ Прокурору, показать ему нѣкоторыя мои бумаги, на счетъ многихъ съ нимъ посовѣтываться; словомъ обратить на себя вниманіе Правительства, убѣдить его взглянуть на мои труды, дать имъ вѣсъ, и поставить преграду притѣсненіямъ моего Начальника. Опытной мой старикъ слушалъ и улыбался; онъ радовался моимъ патріотизмомъ, но зная что онъ никогда успѣха не имѣетъ, смѣялся моимъ словамъ, моему пылкому воображенію какъ затѣямъ юноши, которой въ мечтахъ розоваго цвѣта, всю жизнь свою провождаетъ. Планъ мой, продолжалъ я, великъ, срокъ отпуска моего малъ и приближается почти; все правда, но я надѣюсь что человѣку, которой не послѣднее мѣсто въ Губерніи занимаетъ и попеченію коего, порученъ милліонъ слишкомъ казеннаго дохода, дадутъ время объяснится, отсрочатъ, выслушаютъ его, я же не о себѣ, не о своихъ выгодахъ, но о пользѣ Государевой въ томъ краю гдѣ она мнѣ препоручена хлопотать ѣду. Довольно думалъ я и того, что я принужденъ на свой счетъ ѣхать съ полудня на сѣверъ, для соглашенія обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на выгоды не столько мои какъ казенныя. Въ порядочномъ образѣ правленія и сію необходимость можно бы почесть наглымъ принужденіемъ Правительства; но гдѣ слово р а б ъ только Государемъ истребляется, а вельможею еще проповѣдуется со всею его тягостію, тамъ не должно надѣятся что по почтѣ посланная бумага произведетъ свое дѣйствіе. Тамъ жадной взоръ Генералъ Прокурора, Экспедиторовъ и сенатскихъ Секретарей такъ привыкъ видѣть вездѣ корысть и находку, что никакой Вицъ Губернаторъ не могъ успѣть ни въ чемъ, когда самъ не спѣшилъ себя показать симъ полу-боярамъ. Но мнѣ съ етой стороны ѣхать и не ѣхать было все ровно, ибо знавши отчасти что въ Питерѣ слово з а в т р а въ большомъ употребленіи, и боясь, чтобъ оно не довело меня до невозможности скоро выѣхать, рѣшился я предохранить себя и взялъ съ собой только сто рублей, дабы прожить не больше времени какъ во сколько можно бы было прожить ихъ, слѣдовательно сею выдумкою я вооружась самъ противъ себя, ставилъ себя въ необходимости не взирая ни на какія лестныя къ завтрему упованія, которымъ бы не было конца, выѣхать и тогда, когда бы мнѣ не хотѣлось. Не всегда человѣкъ долженъ опиратся на свое благоразуміе, часто оно обманчиво иногда нужно руки себѣ связать чтобы не шалить ими, и подкрѣплять моральное благонравіе, отнятіемъ физической возможности поступать вопреки добрымъ правиламъ и чести. Все ето я сдавалъ съ души отягощенной, съ души убитой худыми противу меня поступками, милому моему родителю и другу. Мы бесѣдовали вмѣстѣ, онъ слушалъ меня со вниманіемъ, видѣлъ мою неопытность, незрѣлое мое о вещахъ понятіе, видѣлъ что я не вижу человѣка каковъ онъ есть, а воображаю

его какимъ я хочу, но вмѣстѣ съ етимъ познавалъ зрѣлость вперенныхъ въ меня его правилъ, видѣлъ, что я преемникомъ буду его безкорыстія, что мздопріятіе не заражаетъ сердца моего, и что честность не причастна порчи во мнѣ. Таковыя примѣчанія его успокоивали, нѣжили его на одрѣ болѣзни; онъ былъ мною доволенъ, а я тѣмъ то и былъ счастливъ, ибо хорошее его обо мнѣ мнѣніе составляло всю цѣль моихъ заботъ. Въ такомъ пріятномъ употребленіи нѣсколькихъ дней, забывалъ я Пензенскія непогоды, и отдохнувъ съ вожделеніемъ оставилъ жену въ Москвѣ, а самъ поѣхалъ въ Петербургъ, и дорогою готовился къ новымъ трудамъ. Кто знаетъ Петербургъ, тотъ легко вообразитъ можетъ какое множество ихъ должно было меня встрѣтитъ къ пріобретенію успѣха въ моемъ намѣреніи, а паче послѣ извѣстныхъ правилъ, коими набита была у меня голова и сердце. Поѣдемъ читатель, поѣдемъ. Скоро будемъ на Невѣ, и увидимъ шпицъ Адмиралтейства.

Вотъ и онъ, сказалъ мнѣ мой слуга подъѣжжая къ заставѣ. Я спалъ тогда въ саняхъ своихъ, проснулся, увидѣлъ Семеновскія свѣтелки, вспомнилъ свое въ нихъ житье бытье и горестно вздохнулъ о томъ, что все ето прошло. Часовой мимо, котораго я ѣхалъ едва обратилъ бы наше вниманіе во всякое другое время; тутъ я лишь увидѣлъ синій воротникъ, которымъ отличался Семеновской полкъ, готовъ былъ обнять его какъ роднаго. Остановился я въ четвертой ротѣ, нанялъ горенку у однаго придворнаго служителя за плату очень небольшую, а именно за пять рублей съ отопкой на десять дней; я болѣе жить тамъ не располагался и каждой день ложась спать, также вставая, искренно совѣтывался съ кошелькомъ своимъ и руководствовался его наставленіемъ. Вотъ какъ приготовлялся жить въ Петербургѣ Низовой Вицъ Губернаторъ, который могъ бы проживать тысячи; и въ самой вещи одинъ изъ подобныхъ мнѣ въ тоже время случившись наѣздомъ въ Петербургѣ, жилъ у Демута въ трактирѣ, платилъ по дватцати пяти рублей за горницу въ мѣсяцъ, и ѣздилъ цугомъ по ямскому. Хозяинъ мой сперва считалъ меня за скрягу, но скоро увидѣлъ что не душа лжетъ, мошна, и сталъ сквозь зубы бормотать что я куракъ. Подлинно такъ, другъ мой, говорю и я спустя десять лѣтъ; правильно ты разсуждалъ обо мнѣ тогда какъ я ни о себѣ, ни о вещахъ меня облежащихъ разсуждать еще не смыслилъ.

Отдохнувши нѣсколько часовъ и выспавшись хорошенько поѣхалъ къ Генералу Прокурору Самойлову. Повезли меня туда въ кареткѣ наемной на смиренной четверкѣ. Я былъ еще первой гость въ его передней, понеже было рано — скоро наполнилась ета зала; онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ; мало по малу начали къ нему пускать его посѣтителей по одиначкѣ и по выбору, но до меня не доходило очереди. Наконецъ, и етаго конца ждалъ я все утро, вышелъ его высокопревосходительство, и удостоилъ меня самою Музульманскою улыбкою. Первой на него взглядъ меня чрезмѣрно удивилъ. Чтожъ такое? Онъ былъ въ армейскомъ мундирѣ и въ шпорахъ. Генералъ Прокуроръ въ шпорахъ не обѣщалъ что то ничего благоразумнаго и дѣльнаго. Послѣ мы ко всему такому привыкли, но при Екатеринѣ, статская служба еще не нашивала ботфортовъ, и хотя въ ней знатные люди нашу братью мѣлочь и безъ шпоръ задѣвали сильнѣе, чѣмъ ими худой кавалеристъ подстрѣкаетъ драгунскую клячонку, однако всѣ такія ухватки они еще закрывали подъ

своими барскими епанчами. Для перьваго утра довольно было и того что его Высокопревосходительство изволилъ меня увидить, на завтра я надѣялся удостоится больше. Между тѣмъ Генералъ Прокуроръ шаркнулъ, стукнулъ шпорами, потрясъ ексельбантомъ, и поднявъ очень высоко голову выступилъ. Я примѣтилъ, что у кого душонка въ вершокъ, у того голова всегда съ большую тыкву, и очень высоко посажена на плечи. За нимъ толпа челобитчиковъ и тѣхъ къ кому они до Генералъ Прокурора по одиначкѣ ходятъ; всѣ разъѣхались по своимъ мѣстамъ, а я сѣлъ въ карету, и помчался по всему городу, навѣщалъ безъ разбору родныхъ и знакомыхъ; всему дивился, иному радовался, но ничѣмъ почти не скучалъ. О новость! Какія ты имѣешъ пріятности! Въ самое ето время гостилъ въ Петербургѣ графъ д'Артоа[1]), принцъ крови, отрасль гонимаго Бурбонскаго дома. По смерти Лудовика XVI, котораго въ Генварѣ посадили на Гильотину, и заточенія жены его въ тѣмницу, откуда она, не помѣшкавъ, вышла на ту же плаху, Принцы сіи ѣздили по бѣлу свѣту въ черной своей одеждѣ, ища хлѣба и пристанища. Екатерина! Кто Тебѣ въ Царяхъ бывалъ когда подобенъ? Ты его приняла, обогатила щедрыми своими дарами, заставила забыть на минуту всю тягость его положенія. Ахъ! для несчастнаго такая минута при всей ея краткости драгоцѣннѣе цѣлаго года въ праздникахъ убитаго роскошнымъ тунеядцомъ. Графъ д'Артоа всюду ѣздилъ, вездѣ отворены ему были двери; онъ любопытствовалъ все видѣть, и Самойловъ ему все казалъ. Постъ не позволялъ ни баловъ, ни музыки, которая при глубокомъ траурѣ двора по Французскихъ Монархахъ, была бы не у мѣста и во всякое другое время; но богатые Господа, Министры Иностранныя давали ему вечеровыя пиршества, и изъ нихъ на нѣкоторыхъ случилось и мнѣ его видѣть, какъ то: у гр. Строгонова[2]) моего дяди, и у Неаполитанскаго Посланника. Слѣдовательно въ сихъ собраніяхъ удавалось мнѣ видѣть весь городъ, т. е. лучшихъ людей, но какъ не всѣ лучшія люди по пирамъ ѣздятъ, а многія сидятъ и дома, то я въ тогдашнее мое пребываніе въ Питерѣ возобновилъ знакомство со многими старыми моими пріятелями какъ то съ Ададуровымъ Виламовой и прочими кои со мною продолжали переписку, и нѣсколько писемъ ихъ въ томъ году ко мнѣ писанныхъ свидѣтельствуютъ искренность ихъ пріязни т. е. тогдашней. Время вывело меня изъ заблужденія.

Родъ жизни моей въ Питерѣ былъ очень пріятенъ т. е. съ полдень. Я всюду былъ въѣжжъ; всѣ меня ласкали. Ничего нѣтъ любезнѣе знатнаго барина до котораго дѣла нѣтъ; къ нему можно пріѣзжать безъ чиновъ, онъ вѣжливъ, обходителенъ; его кабинеты рѣдкостей, драгоцѣнныя уборы гостинныхъ покоевъ, все ето тебѣ принадлежитъ когда ты у него. Смотри на все безъ принужденія, восхищайся, и восхищай самаго хозяина для котораго твой восторгъ есть фиміамъ наиблаговоннѣйшій; онъ имъ курится ежеминутно, хочетъ чтобы все тебѣ нравилось, подчиваетъ тебя лучшими своими винами, кормитъ какъ Лукуллъ, — словомъ, можно на него глядя сказать:

---

[1]) Братъ Людовика XVI, будущій король Карлъ X.
[2]) Александръ Сергѣевичъ.

Oui, le diner du riche occupe les deux mondes. Но есть ли до нихъ нужда, полно! и вся пріятность исчезаетъ. Они тутъ глухи, нѣмы, жестоки и своенравны; языкъ ихъ ничего не выговариваетъ какъ: *завтра*, *посмотрю*, *справлюсь*, *потерпите*, и прочія техническія слова гражданскаго характера, а особливо слово *завтра*, гораздо чаще бѣгаетъ изъ устъ въ уста въ бесѣдѣ по утру у всякаго большаго чиновника, чѣмъ на имянинномъ пиру передается бутылка добраго вина у тороватаго хозяина. По утрамъ я бывалъ очень недоволенъ, ибо всякой день ѣздилъ къ тѣмъ людямъ, кои имѣли съ моею частію дѣлъ или связь, или на нее вліяніе. Тогда значили по статской службѣ по части Государственнаго Казначея и всѣхъ Экспедицій Финансовъ *кн: Куракинъ*[1]), братъ нашего помѣщика, совсѣмъ другихъ свойствъ человѣкъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, которой иногда настраивалъ и Самойлова тяжелое понятіе; но вить бываютъ такіе инструменты въ свѣтѣ, которыхъ Механизмъ столь испорченъ съ самаго начала, что никакой настройщикъ не приведетъ его на ладъ; такъ къ несчастію и обширная голова Самойлова создана была для выведенія изъ терпѣнья всѣхъ имѣющихъ къ ней прибѣжище. По 1-му Департаменту Сената много вѣсу имѣлъ г-нъ *Храповицкой*[2]). Въ Герольдіи дремалъ надъ списками *Тредьяковской*, а *Васильевъ* хотя бодрствовалъ, но клонился къ западу своего счастія, и терялъ политическую свою силу. Вотъ тѣ люди до коихъ я имѣлъ нужду, и у нихъ я каждой день бывалъ по утру. Не скажу я здѣсь иначе ничего объ нихъ вообще въ отношеніи ко мнѣ, какъ то, что они меня жаловали, любили, принимали благосклонно, выслушивали терпѣливо, наставляли съ кротостію и безъ надмѣнности. Нѣсколько писемъ ихъ ко мнѣ у меня хранятся; они будутъ навсегда залогомъ ихъ ко мнѣ благорасположенія, а для дѣтей моихъ свидѣтельствомъ что я не лгу.

Фаворитомъ числился еще *кн: Зубовъ*, и случай его, довѣренность къ нему Монаршая, были почти несомнѣннымъ доказательствомъ естественнаго разслабленія духа Великой Екатерины, ибо прежде сего всѣ ея фавориты какъ: *Корсаковъ*, *Ермоловъ*[3]), *Зоричъ*[4]) и самой даже *Ланской*[6]), служа къ единому ея увеселенію не имѣли на службу и дѣла ни малѣйшаго вліянія. Не надобно съ ними мѣшать *Потемкина*; онъ выходилъ изъ всякаго съ ними сравненія. Нынѣ же *кн. Зубовъ* которой отличными способностями отнюдь не можетъ хвалится, былъ употребляемъ въ важнѣйшія дѣла; былъ въ самой сей годъ сперва Генералъ Губернаторомъ пожалованъ на смѣну *Потемкина*, потомъ скоро Генералъ Фельдцейхместеромъ, котораго со времени *Орлова* еще не было, и хотя онъ ни того ни другаго замѣнить казался не въ состояніи, однако тѣ же исправлялъ должности, слѣдовательно пословицы русскія всѣ не безъ основанія сложены, и святое мѣсто пусто не будетъ. На случай его Фельдцейхместерства, любопытно здѣсь замѣтить странную игру случая. Екатерина взошедъ на престолъ окружила себя нѣсколькими братьями *Орловыми*, изъ коихъ одинъ былъ Князь

[1]) Алексѣй Борисовичъ, 1759 — 1829. Канцлеръ, впосл. Мин. Вн. Дѣлъ.
[2]) Александръ Васильевичъ, статсъ секретарь имп. Екатерины.
[3]) Александръ Петровичъ 1754 — 1836, ген. поруч.
[4]) Семенъ Гавриловичъ, ген. ад. † 1801.
[5]) Александръ Дмитріевичъ, ген. ад., 1758 — 1784.

и Генералъ Фельдцейхместеръ, другой Графъ и Генералъ Аншефъ, прочія Графы же и Генералы и сверхъ того Генералъ Фельдцейхместеръ Князь, носилъ ея портретъ въ пѣтлицѣ. Самые тѣже чины подъ другими именами окружали ея гробницу. *Зубовыхъ* было нѣсколько братьевъ; перьвой былъ Князь и Генералъ Фельдцейхместеръ носилъ портретъ; второй былъ Графъ и Генералъ Аншефъ, а прочія также Графы, и какъ будто нарочно для сего страннаго сходства между *Орловыми* и *Зубовыми*, не было во все время ея Царства ни однаго Генералъ Фельдцейхместера. Примѣчаніе сіе не важно, и для того я заранѣе его здѣсь помѣщаю, ибо когда дойдемъ мы до гроба Екатерины, то тутъ трогательнѣе черты Божія промысла увидимъ, и не останется мѣста такому ничтожному замѣчанію. Я всегда видя *Князя Зубова* вспоминалъ какъ его возили къ Молчанову въ Семеновской полкъ въ двѣнадцатую роту играть квартеты на скрыпкѣ. Бѣдность не есть порокъ, не есть преграда къ достоинствамъ. Можетъ и не знатной породы человѣкъ обширныя пріобресть познанія, но *Зубовъ* былъ сынъ скареднаго Отца, воспитался въ Конногвардейскихъ казармахъ, и могъ тогда только при Екатеринѣ, вмѣшиватся въ дѣла, когда старость ея мѣшала ей распознавать придворныхъ своихъ и назначать имъ пристойное ихъ мѣсто. При *Зубовѣ* начиналъ поднимать носъ *Державинъ*[1]). Онъ былъ Тамбовскимъ Губернаторомъ, поссорился съ *Гудовичемъ*[2]), отданъ былъ подъ судъ, но будучи остръ и краснорѣчивъ, написалъ Оду къ Фелицѣ, закурилъ Екатерину. Она его пощадила и возвела на степень своихъ Секретарей, опредѣля быть при *Зубовѣ*, котораго лучи на него отражались; онъ начиналъ уже значить, и потому объ немъ здѣсь упоминаю. *Безбородко* всегда одинаковъ, оплеталъ Иностранные дворы, лѣнился, прохлажался, роскошничалъ съ своими прекрасными, а отъ идола етаго принималъ почесть свою *Трощинской*[3]), которой на ступѣняхъ его пьедесталя начиналъ уже загромажживать собственную свою колонну. — При Генералѣ Прокурорѣ правителемъ канцеляріи былъ *Ермоловъ*[4]), нѣкто самой непросвѣщенной невѣжа, по свойству съ нимъ изъ отставки втѣснившійся въ службу. *Similis simili gaudet* говорятъ Латинисты; — такъ и Самойловъ выбиралъ себѣ подобнаго и не ошибся. Многія мнѣ на ухо шептали видя мои худыя успѣхи и безконечныя напряженія, сходи къ *Ермолову*. Я былъ одинъ разъ соблюдая долгъ вѣжливости, но распознавъ сколько ума у меня стало, что у него его нѣтъ совсѣмъ, никогда не искалъ его пріязни ни же хотѣлъ сохранить съ нимъ какое либо обращеніе, и люблю забывать что зналъ его въ лицо. Вотъ кѣмъ управлялись россіяне въ подробности; всѣ ето видѣли, пожимали плечами, тужили, но умъ Екатерины держалъ всякаго въ спокойной тарелкѣ. Во всякомъ была какая то надежность что она не выдастъ, управитъ и знаетъ свое дѣло. Подлинно она знала его. Она рождена была царствовать; изъ за ея головы, какъ говорили наши предки, можно было спать спокойно, и ето то самая надежность, при всемъ упадкѣ силъ ея была неоцѣненная подпора каждаго. — Время показало послѣ, сколь таковая

[1]) Гавріилъ Романовичъ, знам. поэтъ; съ 1800 г. министръ юстиціи, сенаторъ 1743—1816.
[2]) Иванъ Васильевичъ, графъ, сенаторъ 1741—1821.
[3]) Дмитрій Прокофьевичъ, сенаторъ, впосл. мин. удѣловъ и юстиціи, 1749—1829.
[4]) Вѣроятно Алексѣй Леонтьевичъ.

довѣренность сильно дѣйствуетъ на счастіе подданныхъ, а безъ нее и самой доброй Государь не можетъ хвалится ясными днями.

У двора я не имѣлъ счастія быть представленъ, потому что Императрица въ короткое время моего тамъ пребыванія не выходила, а къ меньшому двору я не имѣлъ уже прежнихъ правъ требовать входа. Съ отсутствіемъ нашимъ изчезли и благотворительныя о насъ попеченія; къ тому же обстоятельства Французской революціи, наполнили робкую душу Павла несмысленными предубѣжденіями. Естергази [1]), иностранецъ живущій въ Петербургѣ, пужалъ его какъ малыхъ дѣтей чортомъ; онъ заперся, остерегался каждаго, недовѣрія его усугубились, никто не входилъ въ его пространныя чертоги, кромѣ нѣсколькихъ избранныхъ, коихъ Естергази и прочія емигранты позволяли ему не боятся. Тогда въ Петербургѣ валились какъ саранча отвсюду французскіе выходцы, и многіе жили на счетъ нашего двора. Сіе удовлетворяло честолюбіе Екатерины, умножало ея величие и славу; но всегда ли слава влечетъ насъ къ полезному? Сіе разсужденіе слишкомъ мѣлко для высокихъ умовъ; они не считаютъ достойными вниманія своего иныя предмѣты, какъ тѣ, посредствомъ коихъ могутъ заслужить рукоплесканія, словомъ дворъ весь былъ невеселъ. Зрѣлище короля и жены его казненныхъ поносно на торжищѣ просвѣщеннѣйшей части свѣта на глазахъ безмолвной Европы, могло приводить Царей въ трепетъ, и удалять отъ нихъ забавы, но бояра жили роскошно и веселились. Между всѣхъ пировъ коими воспользовался я, сидя часто на послѣднемъ краю великолѣпныхъ столовъ, и размышляя о свойствѣ ихъ весьма философически, всѣхъ больше меня растроилъ обѣдъ гр. Шереметьева. Ему непремѣнно хотѣлось чтобъ я у него обѣдалъ; онъ меня усильно звалъ и я поѣхалъ. Пускай вообразитъ всякой съ какимъ духомъ я ѣлъ сладкія его приправы, и пилъ пѣнистое шампанское вино, когда напоминалъ, что за нимъ во владѣніи, наглымъ образомъ отнятыхъ у нашего дома четыре тысячи душъ, о коихъ въ самыхъ началахъ моей Исторіи, пространнѣе я имѣлъ случай изъяснится. Каково было мнѣ привставши благодарить за лишнею рюмку вина того, у котораго сотая часть погреба заготовлена была на счетъ моей собственности? Каково было мнѣ видѣть золотомъ залитыхъ слугъ въ томъ самомъ домѣ гдѣ нѣкогда Отецъ мой хаживалъ босой, имѣя право на четыре тысячи душъ? О сколь счастливы всѣ тѣ у коихъ нѣтъ жолчи! Поздравляю ихъ, — у нихъ можно все отнять, — и позвать къ себѣ въ гости; ласковой пріемъ ихъ успокоитъ, — а лишній кубокъ совсѣмъ утѣшитъ.

Нѣсколько дней проживши въ Питерѣ, и каждое утро посѣщая Г-на Самойлова скоро увидѣлъ я что отъ него толку не добьешся и долженъ я былъ всѣ свои бумаги не развязывая изъ чемодана везти назадъ въ Пензу. Онъ меня привѣтствовалъ, звалъ обѣдать, и я обѣдалъ у него два раза. — Одинъ разъ какъ дальній родственникъ (о! конечно самой дальной, ибо бѣдность и богатство никогда не родня) съ его друзьями, и то много чести! — а другой разъ со всѣми експедиціонными почетными чинами. Между етими двумя столами для меня разница только была та, что за перьвымъ больше болтали, а за вторымъ больше пили; впрочемъ кажется все было тоже. Наконецъ скучно мнѣ стало жить

[1]) Франц. эмигрантъ.

праздно; рѣшился я непремѣнно требовать у г-на Генералъ Прокурора минуты въ его кабинетѣ, и онъ мнѣ ее назначилъ послѣ обѣда. Пріѣхалъ я, — доложили, впустили, — вошелъ, — и сѣлъ; но едва началъ рѣчь, какъ супруга его высокопревосходительства сговорясь въ собраніе какое то вмѣстѣ съ мужемъ своимъ ѣхать, и то на бѣду мою въ перьвой и можетъ быть единственный разъ, боковыми дверьми вошедъ въ наше убѣжище, потрепала его за личико, попѣняла что онъ очень занятъ, не бережетъ своего здоровья, и повела его съ собою сажать въ карету. Вотъ и вся аудіенція. Изумленъ будучи такимъ неожиданнымъ препятствіемъ, не понимая какъ наша бесѣда могла такъ скоропостижно кончится, поѣхалъ я въ большой досадѣ, но съ рѣшительнымъ намѣреніемъ на завтра откланяться и убиратся въ свою пустыню. Въ большомъ городѣ каковъ Петербургъ, и прочія ему подобныя столицы, большое предстоитъ человѣку удовольствіе, которое онъ во всякомъ положеніи чувствовать удобенъ, ето безпрестанная перемѣна предметовъ, они въ такой подвижности, случаи такъ бѣгло скопляются, что едва одинъ приведетъ тебя въ негодованіе, какъ тотчасъ другой за нимъ даритъ тебѣ пріятную улыбку. Таковую произвелъ во мнѣ визитъ мой въ тотъже самой день къ Нарышкину [1]) Оберъ Шталмейстеру. Современники мои всѣ знаютъ его нравъ и обычаи; нѣтъ нужды мнѣ его здѣсь описывать, и ежели я гдѣ прежде уже объ немъ не говорилъ, то слѣдующія строчки дадутъ объ немъ достаточное понятіе каждому. Онъ меня знавалъ, и какъ скоро меня увидѣлъ, то бросясь на шею спросилъ: êtes vous content de votre sort? Какой обширной вопросъ, особливо для меня въ ту минуту, какъ я безъ всякаго успѣха выѣжжалъ изъ подъ воротъ Генералъ Прокурора! Мнѣ не было нужды затруднятся отвѣтомъ, ибо едва вопросъ сей сорвался съ его языка, какъ уже онъ забывши кому и что сказалъ, занятъ былъ бандурою плѣшиваго армянина, которой въ той же комнатѣ готовился продать ему фальшивую бирюзу за истинную. Повѣритъ ли однако кто нибудь, что я ему позавидовалъ? Чему же, меня спросятъ: Чему? Самому етому вопросу. Не видитъ ли каждой что тотъ отъ кого онъ идетъ, есть пресчастливой человѣкъ въ свѣтѣ? Онъ одинъ могъ смѣло сдѣлать всякому етотъ вопросъ; — почему? Потому что ни чья Судьба отъ него не зависила; никому онъ не силенъ былъ сдѣлать ни добра ни худа. Однако вопросъ сей означалъ участіе самое холодное, самое пустое конечно; но не всякой изъ числа тѣхъ, кого онъ имъ награждалъ, зналъ, что у него ето также въ привычкѣ механической языка, какъ у сорокъ кричать каши; — иной могъ обманыватся, думать, что онъ и въ правду доброхотствуетъ ближнему, и по невѣденію отходилъ отъ него съ сожалѣніемъ крайнимъ, что такой благодѣтельной человѣкъ не имѣлъ способовъ угождать подвигамъ своего сердца. Другой знатной господинъ не могъ бы сдѣлать такого вопроса? Ето тотчасъ замѣтали бы требованіями, наложили бы на него обязанность дѣйствовать, помогать, но Левъ Александровичъ Нарышкинъ очень твердо зналъ, что ему никто въ отвѣтъ не сообщитъ своихъ огорченій, — слѣдовательно отъ тягости докукъ будучи избавленъ, онъ наслаждался славою у тѣхъ, кои его мало знали, добродѣтельнаго вельможи. Право мнѣ такъ кажется, и я ему позавидовалъ.

[1]) Левъ Александровичъ 1733—1799.

Между неудачами кои по утрамъ меня тревожили вечернія мои посѣщенія льстили мнѣ благопріятными надеждами. Я нашелъ въ Петербургѣ Несвицкую, она дружбу свою показывала мнѣ издавна; переписка ея со мной была доказательствомъ оной. Хотя смиренно скрывалась она въ наемной квартирѣ, но связь ее съ Кречетниковымъ могла представить мнѣ, кромѣ удовольствія ее видѣть, цѣль самую прочную и полезную. Тогда генералъ Кречетниковъ правилъ всею присвоенною частію Польши, былъ ея Генералъ Губернаторомъ, и съ особливою довѣренностію. Называя сію часть присвоенною, я говорю не по модѣ тогдашняго времени, а по своему смыслу — ее во всѣхъ актахъ именовали отторженною. Хорошо жить съ нашими гренадерами, ети усачи все заполонятъ. Какого рода была Княгини связь съ Кречетниковымъ, ето не входитъ въ мой предмѣтъ, но я дурной не предполагаю; для меня она могла произвести самыя пріятныя плоды. Княгиня въ одинъ вечеръ выслушавъ съ терпѣливостію и съ искреннимъ участіемъ всѣ мои неудовольствія предложила мнѣ вдругъ, не хочу ли я перейти въ команду Кречетникова, гдѣ я больше буду къ выслугѣ и къ полученію награды, ибо не довольно было служить хорошо, надобно было еще трудится при такомъ человѣкѣ, которой лично имѣлъ бы силу и вѣсъ у двора. Тогда все удавалось; самой ничтожной трудъ назывался подвигомъ, на равнѣ съ онымъ награждался и замѣчаемъ былъ. На такое предложеніе пылкое согласіе было моимъ отвѣтомъ; она велѣла мнѣ написать письмо къ Кречетникову, научила какъ его составить. Когда же, спросилъ я съ нимъ пріѣхать? Завтра! Какая услужливая, думалъ я поспѣшность. Подлинно на другой день пріѣжжаю я къ ней, привожу письмо, она съ нимъ вмѣстѣ печатаетъ свое въ мою пользу, проситъ о переводѣ меня въ его команду, т. е. въ Тулу, ибо мнѣ и самому въ его новыя области не хотѣлось; тамъ каждой шагъ россіянина казался мнѣ насиліемъ и жестокостію. Въ тотъ же самой вечеръ отправлялся отъ двора къ нему нарочной. При мнѣ онъ за ея письмами къ ней заѣхалъ, при мнѣ взялъ ихъ и поскакалъ въ Польшу. Казалось, что етаго вѣрнѣе, что благонадежнѣе. Ни самъ преслучайной Безбородко, которой такъ часто совѣтывалъ всѣмъ быть благонадежными, не сказалъ бы мнѣ ничего удостовѣрительнѣе. Счастіе казалось такъ ко мнѣ близко, какъ табакъ, который я изъ княгининой табакерки нюхалъ, но гдѣ нѣтъ изволенія Вышняго, тамъ всуе ожидать блаженства. Все не удается, все опрокинется; встрѣтятся препятствія, и самое вѣрное сдѣлается обманчивымъ, самое надежное сомнительнымъ. Дабы кончить совсѣмъ рѣчь здѣсь о семъ случаѣ пробѣжавшемъ мимо меня какъ скоротечное зарево молніи, скажу что въ то самое время, когда Кречетниковъ можетъ быть уже готовился сдѣлать въ пользу мое представленіе уже намѣревался вытащить меня изъ кохтей Ступишина[1]), смерть самаго его поглощала. Онъ умеръ въ маѣ, прости всѣ мои лестныя упованія! я получилъ извѣстіе о семъ въ Пензѣ, и покорился безмолвно десницѣ Вышняго. Перстъ Божій на листѣ судьбы моей назначалъ мнѣ еще Пензу, и я старался печаль мою одолѣть философіею. Все къ лучшему, говорилъ я вмѣстѣ съ Панглосомъ; все къ лучшему! и благодаря моему вообра-

[1]) См. „Капище".

женію, умѣлъ такъ много придумать неудобствъ отъ перемѣны въ которой за день передъ тѣмъ полагалъ всю свою надежду, что начиналъ о неудачѣ моей радоватся. О человѣкъ! Какая ты игрушка! бумажной корабликъ, коимъ тѣшатся малыя дѣти, гораздо тверже тебя на тонкомъ своемъ основаніи. Здѣсь я воздамъ тебѣ мою благодарность достойная Княгиня, истинной другъ мой! Тебѣ не удалось мнѣ помочь, меня осчастливить. Успѣхъ твоихъ трудовъ не въ твоей былъ волѣ, но ты желала его пылко; старанія твои въ мою пользу были усильны; ты не возгордилась возможностію своею сдѣлать мнѣ добро; ты меня приняла, обласкала, пеклась о моемъ благосостояніи, — и чего больше? Кто сдѣлалъ бы столькоже, я смѣло спрашиваю, кто? потому что многіе могли больше для меня и не трогались съ мѣста.

И такъ проведя дней съ десять въ Питерѣ вообще въ большомъ разсѣяніи, но чаще въ скукѣ нежели въ забавахъ, откланялся премудрому Самойлову, выпрося позволеніе просрочить. Странное преимущество дабы избѣжать доклада Государынѣ о продолженіи моего отпуска, Самойловъ совѣтовалъ мнѣ сказаться больнымъ, набрать фальшивыхъ свидѣтельствъ, и просрочить, т. е. короче сказать, Генералъ Прокуроръ позволялъ мнѣ подобратся подъ законъ, солгать, обмануть его, себя и многихъ. Нельзя ли было открыто человѣку сказать. Пробудьте столько то въ отпуску, вамъ ето позволяется, но день просрочки и вы отвѣтствовать будете закону за нарушеніе порядка, и слова сіи сопроводить такимъ взоромъ, послѣ котораго подчиненной не смѣлъ бы прибѣгать къ обману, и спасатся хитростію. Но нѣтъ! Мѣлкія способы казались тогда всѣмъ легче. И какъ иначе? Они сами ползали какъ насѣкомые и боялись взора кроткой своей богини, какъ сова боится солнца. Простился я съ Петербургомъ, взглянулъ еще разъ на Семеновскіе шалаши, и поѣхалъ рано въ одинъ день по утру. О! естьлибъ я могъ тогда предвидѣть, что я долго уже въ него не возвращусь, а можетъ быть и никогда, какъ бы застыла кровь во мнѣ при всемъ еще быстромъ ея теченіи. Да и безъ етаго несноснаго предчувствія естьлибъ меньше я досадовалъ уѣжжая, то бы горесть овладѣла мною жестокая; — но я сердитъ былъ на всѣ мои неудачи, сердитъ былъ что свѣтъ идетъ не по моему, а кто сердитъ, тотъ вмѣстѣ печаленъ быть не можетъ, ибо два чувства столь ѣдкія, столь свирѣпыя не могутъ терзать сердца вдругъ съ обоихъ концовъ. Одно всегда превозмогаетъ, а у меня на ту минуту негодованіе держало верхъ надъ меланхоліею. Я хотѣлъ, какъ говорилъ любезной мой Отецъ, Россію поправить. О малая тварь на свѣтѣ! Атома бѣдная! Тебѣ ли хотѣть поправить царство, населенное на нѣсколькихъ тысячахъ верстахъ, наполненное милліонами твореній. Ты и собою едва умѣешъ править; но человѣкъ бездѣйственъ быть не можетъ, а на пути въ Москву, будучи размышленіемъ моимъ все ближе въ Сѣверу, нежели къ Ивановской колокольнѣ, думалъ я о дворѣ, о Гражданской службѣ, соображалъ, придумывалъ, дѣлалъ силлогизмы, посылки отъ ума къ сердцу и отъ сего къ внѣшнимъ движеніямъ нашимъ, словомъ логически самъ съ собою диспутовалъ, и опредѣлительно заключилъ, что Екатерина столько умна, прозорлива, хитра и добродѣтельна, сколько бояре ея несмысленны, безтолковы, оплошны и злобны — да конечно злобны; ни кто никому добра не дѣлаетъ, а всѣ ѣдятся; что славолюбіе увлекало всѣ помышленія Богоподобной Екатерины далеко отъ

домашнихъ предмѣтовъ, что раздѣлъ Польши, горячка Парижская, неустройства Шведскія, занимали всю ея дѣятельность, и нѣкогда было ей думать о передней ея Генералъ Прокурора, и тѣхъ, кои въ ней были жертвою его тупаго образованія; что во время ея неусыпныхъ трудовъ о сохраненіи славы нашего Отечества, которой ни одинъ Россійской Государь не возводилъ до толикой степени; — вельможи подобныя Самойлову хлопали ушами и ѣжжали къ Лиону объѣдатся ряпчиковъ и устрицъ; что служба Гражданская приходила часъ отъ часу въ упадокъ, терялись всѣ правила, ослабѣвали законоположенія, Сенатъ высыпался въ своихъ огромныхъ покояхъ, при слушаніи выписокъ, коихъ никто не понималъ, и не читывалъ, опричь закупленныхъ Секретарей, все покупалось и ничего нельзя было даромъ ни сдѣлать, ни выходить; всякое ходатайство имѣло свою цѣну опредѣленную, какъ на базарѣ возъ сѣна или дровъ. Екатерина видѣла сей безпорядокъ, знала корыстолюбіе алчныхъ своихъ чиновниковъ, но пасмурная старость останавливала движенія ума ея; обнявъ важнѣйшія предмѣты она не имѣла уже силъ все править, все назидать сама собою. Натура и отъ Монарха тойже требуетъ подати, какъ и отъ поселянина простаго; обветшалыя органы ея не поспѣвали дѣйствовать за быстрыми ея мыслями; она еще стремилась впередъ, но плоть изнемогала и часъ отъ часу приближалась къ своей послѣдней колыбели, — къ могилѣ. Такъ то думавши, вдругъ увидѣлъ золотыя маковки Успенскаго Собора, — все забылъ, и съ чувствомъ восхищенія сказалъ: Слава Богу! Насилу я въ Москвѣ!

Слово насилу здѣсь не напрасно. Оно согласовалось съ удивительнымъ нетерпѣніемъ моимъ уѣхать изъ Петербурга, кончить путь непріятной и отдохнуть въ родительскомъ домѣ. О! когда бы я зналъ что въ етотъ самый пріѣздъ мой, я вижу Отца моего въ послѣдній разъ что въ комнатахъ его, въ которыхъ цѣлыя дни провождались въ бесѣдахъ семейныхъ, въ излияніяхъ сладкой откровенности, водворится скоро безмолвная и мрачная пустота, конечно бы я почелъ предвидимое мною отдохновеніе мученіемъ и умѣрилъ бы свое восхищеніе; но Богъ лишилъ меня сихъ болѣзненныхъ минутъ; я видѣлъ разрушеніе силъ сего почтеннаго моего родителя, видѣлъ что смерть около его растилаетъ уже черное свое покрывало, и скоро подъ нимъ сокроетъ его отъ глазъ нашихъ; но надежда, сей цѣлительной бальзамъ человѣчества, все меня увѣряла что я еще съ нимъ увижусь. Когда я съ нимъ прощался, ни онъ ни я не думали что я въ послѣдній разъ цѣлую его руку. Мы уповали, что будемъ еще вмѣстѣ, — что небо не навсегда насъ разлучаетъ, и улыбка надѣянія воспламѣняла еще томныя его взоры. — Хвала тебѣ великій Боже! что ты сокрылъ отъ насъ будущее! О! какое важное оказалъ ты тѣмъ къ роду человѣческому благотвореніе. Несмысленныя люди! вы, кои часто сѣтуете что не знаете что будетъ съ вами, — образумитесь! Падите предъ Премудрымъ Провидѣніемъ и возблагодарите его. Когда я обнималъ недугами изнуреннаго Отца моего, вселяемаго во гробъ рукою естества, сего чуднаго преобразителя всѣхъ тварей, естьлибъ тогда шепнула мнѣ и ему въ ухо Природа, — вы уже не увидитесь! — Онъ бы не прожилъ еще года, онъ бы тотъ же часъ умеръ, и кто бы могъ отвѣчать, что минута такая не станетъ мнѣ всего моего здоровья, но оторвемся на часъ отъ сихъ печальныхъ воображеній. — Я пробылъ въ Москвѣ всю страстную и Святую недѣлю, исполнилъ долгъ Христі-

янской, встрѣтилъ съ ближними величайшій праздникъ, видался иногда съ моими друзьями, но большую часть времени проводилъ дома; отчетъ моего путешествія былъ пищей для родителей моихъ; мои повѣсти ихъ занимали, Отецъ мой напоминалъ свои молодыя годы, и сравнивая себя со мною, прорекалъ мнѣ, что нѣкогда опытность охолодитъ тотъ жаръ, съ которымъ я ко благу общему стремился и котораго ни какія люди никакое Царство не заслуживаетъ. Соображая высокопарные мои замыслы при отъѣздѣ въ Питеръ, и неудачу по возвращеніи оттуда, онъ часто улыбался, и тѣшился безсильной моей запальчивостію. Предмѣтъ ея былъ благороденъ и его радовалъ. Въ глазахъ его играли наши дѣти; ласки жены моей которую онъ любилъ какъ дочь родную, которую онъ любилъ тѣмъ паче что остроуміе его и проницаніе не позволяли ему заблуждатся столько, чтобы не видать что она забыта меньшимъ дворомъ, и что наслѣдникъ обѣщаній своихъ не выполнитъ. Ласки ея его услаждали. Поступки двора меньшаго его трогали, огорчали, но онъ былъ скроменъ, умѣлъ въ себѣ укрощать всѣ движенія своего честолюбія, и тѣмъ сильнѣе были волненія души его, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на составъ его физической, что онъ ни съ кѣмъ о томъ не открывался боясь, О! нѣжный другъ дѣтей своихъ! открыть имъ глаза на такія вещи, кои никогда слишкомъ поздно до насъ не доходятъ и приготовить имъ сѣтованія о будущемъ. Приходилъ срокъ моей просрочки, и я, взявъ въ Москвѣ свидѣтельство, поѣхалъ въ свою несчастную Аравію. Жена моя бывъ на сносяхъ брюхата, оставалась родить въ Москвѣ, дѣти при ней, одинъ я бросался тогда въ предвидимый омутъ. Ахъ! сколько на свѣтѣ людей, для коихъ заводъ винной въ Пензѣ, да еще и казенной, казался бы восхитительнымъ предмѣтомъ. Иной сталъ бы съ нимъ обходится какъ драгунской полковникъ съ полкомъ своимъ, и ни мало бы не тужилъ о Москвѣ; но для сего необходимо нужно познакомится съ Господами Секретарями Сената, и кое съ кѣмъ повыше, дабы вѣдать кому изъ нажитаго дать половину, чтобы другую за собой безъ хлопотъ упрочить, а я побывавши въ Питерѣ, не только не сошелся ни съ однимъ изъ сихъ Господъ Математиковъ, но даже не зналъ и того, гдѣ Секретарь, какъ кого изъ нихъ зовутъ; и по какой части до котораго можетъ быть нужда. Моя часть была справедливость; знакомство, — служба. О! какія пустыя слова и ошибочныя правила! Проснитесь бояра семнадцатаго вѣка, вы кои любили славится какимъ то по нынѣшнему надутымъ патріотизмомъ! Стрясите съ сѣдыхъ бородъ вашихъ могильной прахъ свой! Протрите тусклыя очи въ которыхъ такъ пылко блисталъ нѣкогда огонь любви къ народу, и увидя внучатъ своихъ, услыша мудрыя ихъ силогизмы, познайте свое невѣжество, и отъ стыда, или отъ сожалѣнія на нихъ глядя, возвратитесь въ свои гробы. Не художники на нихъ высѣкутъ ваши заслуги, но память ихъ прославятъ ваши дѣла, которыхъ польза для всякаго благомыслящаго будетъ ощутительна. Полно разсуждать, — поѣдемъ въ Пензу! Остановился я на перепутьи въ Володимірѣ, у дяди моего Заборовскаго, и гощу у него дни три въ пространномъ его домѣ.

Суженаго конемъ не объедишъ. Когда Заборовской хотѣлъ по прозьбамъ Отца моего, помѣстить меня у себя Предсѣдателемъ Уголовной Палаты, судьба назначала меня вмѣсто того гораздо выше и гораздо далѣе; но думалъ ли я нынѣ здѣсь проѣжжая что нѣкогда буду я въ

етомъ же Владимірѣ преемникомъ власти такихъ вельможъ какъ Воронцовъ и Солтыковъ кои Владиміромъ правили? Что буду въ немъ Губернаторомъ; думалъ ли я что самыя сіи строки писать буду въ превеличайшемъ казенномъ домѣ, и буду изъ кабинета своего смотрѣть на тотъ Архіерейской домъ, въ которомъ тогда Италіянецъ Барбарини тѣшилъ Заборовскаго своимъ поношеннымъ голосишкомъ, а нынѣ Архіерей Ксенофонтъ почтиваетъ насъ послѣ обѣденъ ерофѣичемъ? О время! Какъ быстро ты летишъ, и сколько случаевъ съ собой уносишъ? Молнія въ полетѣ своемъ едва ль равна съ тобою. Погода тогда была уже весеняя, рѣки въ пущемъ ихъ разливѣ. Заборовской далъ мнѣ письмо къ Исправнику Муромскому, дабы онъ переправилъ меня черезъ Оку благополучно. О! письмо Генералъ Губернатора къ Исправнику есть драгоцѣнная вещь для путешественника; посредствомъ сего талисмана, какъ волшебной палочки, не возможное дѣлается возможнымъ; мудреное, легкимъ; неспособное, удобнымъ; словомъ, хотите ли видѣть превращенія, забыться на минуту и думать что вы подъ покровительствомъ какой нибудь феи? Поѣжжайте по Россійскимъ Губерніямъ, берите отъ Генералъ Губернаторовъ письма къ Городничимъ, къ Исправникамъ, и подивитесь проворству етихъ крылатыхъ служителей, кои васъ вездѣ перенесутъ, перетащатъ, и путь вашъ вездѣ розами устелятъ. — Мой исправникъ Муромской самъ меня провожалъ на паромѣ, наблюдалъ всѣ мои движенія, искалъ имъ удовлетворить въ полной мѣрѣ, и все ето изъ чего? Изъ того единственно, чтобы при случаѣ когда Высокопревосходительной начальникъ вздумаетъ на него погнѣватся, онъ бы нѣжнѣе только слова для етаго выбралъ. Вотъ вся выгода Господъ Исправниковъ, фокусъ покусъ Генералъ Губернаторовъ! А я что дѣлалъ между тѣмъ на паромѣ? Что? думалъ вы скажете о Петербургѣ? Нѣтъ! О Пензѣ? — Нѣтъ! — Сочинялъ пѣсни на разлуку съ Москвой, и ни мало не примѣчалъ потовыхъ капель, которыя какъ градъ текли со лба услужливаго Исправника на самой худой паромъ. Меньше услугъ въ одномъ, и больше твердости въ послѣднемъ, для проѣжжихъ было бы прочнѣе. Но суетится легче и дешевле, нежели плотъ сдѣлать.

Пріѣхалъ я въ Пензу, и принялся за дѣла. Ревность моя не простывала еще, не смотря на дѣйствіе, которое производило мое безуспѣшное путешествіе. Я думалъ еще что могу плыть противъ воды, и сохранять одинъ то, что тысячи рукъ расхищали. Жолчь во мнѣ копилась безпрестанно; хотя всѣ считали меня нулемъ и совсѣмъ безъ покровительства, въ чемъ по истинѣ никто не ошибался, хотя всякой выводя для себя пріятныя предзнаменованія изъ моихъ неудачь, считалъ себя въ правѣ пренебрегать моими отношеніями, требованіями и настояніями, но я постоянно идучи къ своей цѣли не сбивался съ принятыхъ мною правилъ и съ Зубовымъ Директоромъ Економіи, вступалъ въ открытую войну. Характеръ его былъ самый самолюбивой; онъ не терпѣлъ противорѣчія, мечталъ о себѣ много, хотѣлъ дѣлать все одинъ, хотѣлъ чтобы каждой слѣдовалъ его мнѣніямъ и ими руководствовался. Изданная имъ книжка о способахъ винокуренія, въ свойство коей я не вхожу, ибо не сужу никогда о томъ, чего не разумѣю, возгордила его до того, что онъ не только вино курилъ на казенныхъ заводахъ, но и Казенной Палатѣ самой хотѣлъ давать наставленія какъ управлять ими; курить вино и править заведеніемъ винокуренъ, по мнѣнію моему двѣ вещи совсѣмъ разныя; одна требуетъ непремѣнно искусства и умѣнія, безъ мастерства не выкуришь ни однаго ведра, — но на другое потребенъ здравой смыслъ, естественной расчетъ и чистота совѣсти. Всѣ сіи качества могли снискиваемы быть и безъ чтенія Зубова книжки. Величаясь случаемъ своихъ племянниковъ, онъ думалъ что все ему должно покорится, а къ тому же Губернаторъ, и въ угодность его нѣкоторые члены Палаты подстрекали его ежеминутно, и онъ принимая ихъ по барски въ тулупѣ проповѣдывалъ имъ свои премудрыя поученія. Они казали ему притворный видъ восхищенія, изъ однаго порабощенія, а онъ въ отплату за такія ихъ поступки, строилъ разныя на меня нападенія; имъ только было и надобно. Странное дѣло! Желая досадить лицу, портятъ службу. Я никогда не могъ изъяснить имъ, что во всѣхъ сихъ сварахъ не столько терпѣлъ я, Долгорукой, сколько разстроивалась служба; но у насъ такъ водится. Есть ли лицо въ случаѣ, то и мѣсто его процвѣтаетъ, все спѣетъ, по его представленіямъ, все ему удается; но есть ли лицо не нравится, то всякой старается ему подъ ноги кинуть камень, и во всемъ помѣшать, но кому же черезъ то мѣшаютъ? Опять повторю, службѣ. Долгорукой ничего не лишится отъ того, что Зубовъ изъ упрямства не подпишетъ во время какого-нибудь акта, а потерпитъ одна служба, для пользы которой, нужно бы было можетъ быть днемъ ранѣе отправить такую то бумагу; но къ несчастію и верьховное наше Правительство, на все то глядѣло равнодушно; мнѣ часто случалось слышать что какія-нибудь по ссорамъ дошедшія бумаги въ Сенатъ, вмѣсто скораго доклада и развязки, которая конечно не много бы потребовала труда и прекратила милліоны пустыхъ бумагъ, кои плодятся отъ того единственно, что первыя ничего не производятъ, отдаются въ общее собраніе, и тамо де говаривали мнѣ они лежатъ безгласно, до тѣхъ поръ какъ кто-либо изъ ссорящихся или выбудетъ или умретъ. На что такая политика? Вникни Правительство въ такую распрю, не щади молчаніемъ своимъ ябедника, или дурака, накажи перьваго, отрѣши послѣдняго, и тѣмъ все прекратится. Нѣтъ! такое средство не нравится оно кажется круто; хотите ли знать настоящую тому причину? Съ ябедника можно много взять, а дуракъ много вынесетъ и въ даль не лѣзетъ. Чего жъ лучше? Прекрасное правило. Между тѣмъ въ отсутствіе мое палата входила къ Губернатору съ представленіемъ, къ которомъ доказывала будто утрата казеннаго интереса на заводахъ, подъ управленіемъ Прокудина послѣдовавшая, взведена мною на него несправедливо, и не въ томъ количествѣ, и будто бы я самъ въ какомъ то актѣ утверждалъ ее наконецъ быть меньшею противу того, что прежде писалъ. Такая затѣянная на меня несправедливость вскружила мнѣ голову снова; увидѣвъ сіе въ дѣлахъ по пріѣздѣ моемъ, я тотчасъ написалъ о семъ рапортъ въ Сенатъ, и подкрѣпилъ письмомъ къ господину Храповицкому, которой дозволилъ мнѣ въ случаяхъ затруднительныхъ къ себѣ относится. Я бы не захотѣлъ отяготить судьбы Прокудина когда бы нашелъ что Палата править его стремится безъ предосужденія мнѣ, но быть поклепану въ неосновательности ради избавленія бездѣльника оглашеннаго отъ петли казалось мнѣ несносно. Однако рапортъ мой и палатскія представленія не смотря на письмо мое къ Оберъ Прокурору, которое служило контрафорсомъ все какъ на дно кануло и замерло въ Архивахъ Сенатскихъ по вышеписанному хорошему правилу: Пускай лежитъ, — обойдется! Потомки наши со

временемъ отгадаютъ кто правъ, кто виноватъ, и всѣ ети неустройства кончаются тѣмъ, какъ часто ето и случается, что плута подведутъ подъ Манифестъ, которыя всегда такъ и сочиняютъ чтобы воришки одни имъ воспользовались. Нашли способъ и Уголовную Палату свести со мною въ переписку; гораздо выше видно было въ предшествовавшихъ годахъ, что я нашелъ на одномъ заводѣ не большія безпорядки, кои требовали только наставленія, выговора, и строгаго подтвержденія дабы впредь не допускались. Но Губернаторъ тогда изъ досады, что однаго завода смотритель долженъ былъ подпасть подъ судъ, отдалъ и другаго для компаніи въ Уголовную. Въ кои то вѣки однако разсудилось ей быть справедливою; она его оправдала и внесла приговоръ свой къ Ступишину; онъ обратилъ его назадъ, требуя чтобъ Уголовная Палата испросила отъ меня на обвиненіе его доказательствъ. Я принужденъ былъ оттолкнуть отъ себя всѣ ети привязки. Прочтите на сей счетъ мою бумагу; вы можете найти ее въ моихъ журналахъ; она ѣдка конечно, но какъ иначе? Развѣ можно о плутовствѣ разсуждать съ улыбкой и писать безъ жолчи? Блаженъ кто никогда не имѣлъ нужды обмакнуть перо въ чернилы для защищенія себя отъ ненавистниковъ справедливости! Пора стряхнуть пыль гнусной ябеды и занять читателя важнымъ предметомъ по моей должности.

Наступило время торгамъ для подрядовъ на винную поставку и откупъ. Два пункта весьма соблазнительныя; корчемство тогда часъ отъ часу выходило больше изъ всякаго посредства къ его пресѣченію; торговля виномъ столько была стѣснена законами и такъ исключительно предоставлена однимъ богатымъ и именитымъ купцамъ кои часто именами своими ссужали и знатныхъ господъ, что мѣлкопомѣстной дворянинъ не смѣлъ безъ большаго страха собственной хлѣбъ свой высиживать и тѣмъ промышлять какъ въ Малороссіи гдѣ вольная продажа, а жить и угождать роскоши о которой въ то время въ Россіи можно было уже сказать вмѣстѣ съ Вольтеромъ: le superflu, chose si nécessaire было также не возможно. Что же дѣлать? Дворяне снимали поставки самыя мѣлкія, не значущія, только для свободнаго права винокуренія, и изъ подъ тишка шинковали; терпимость нижнихъ земскихъ судовъ, служила къ подрыву откупщиковъ кои начали казну угрожать недоимками и заставили Правительство пробудится. Естественно очень, что знатной купецъ скорѣе сыщетъ свою выгоду, чѣмъ бѣдной дворянинъ которой хотя по жалованнымъ дворянству грамотамъ и видѣлъ что онъ въ правѣ всѣмъ тѣмъ промышлять что въ его землѣ родится, а изъ того выводилъ заключеніе что хлѣбъ обратить въ вино, поелику онъ родится въ его дачѣ, не есть насиліе закону, но казна не видя чѣмъ бы могла замѣнить доходъ откупной суммы, которой восходилъ до самыхъ высшихъ капиталовъ, должна была отстаивать откупщиковъ, и имъ дать свое покровительство. И такъ нужно было во первыхъ: воспламенить воображеніе господъ Вицъ-Губернаторовъ, обольстить ихъ, противоположить блестящія посулы тѣмъ прибыткамъ которые они при заключеніи контракта могли стяжать за всякой крючокъ или понаровку, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, кои какъ я не зная еще отдѣлить истинъ моральныхъ отъ путлявыхъ политическихъ обязанностей въ мірѣ, считали за одно присяжный листъ и Евангеліе; и для того при мнѣ еще въ Петербургѣ позванъ былъ Вицъ Губернаторъ Екатеринославской, дабы на ту Губернію торги сдѣлалъ онъ въ Санктпетербургской Казенной Палатѣ, гдѣ былъ Вицъ Губернаторомъ кривой Новосильцовъ родственникъ Перекусихиной [1]), а Перекусихина Камеръ Юнкфрау любимая и довѣренная Государынѣ. Далѣе толковать нѣчего; все ясно для того, кто захочетъ разсматривать обстоятельства ближе и вникать въ ихъ сущность. Сверхъ того торгъ на одну сію Губернію въ Петербургѣ, подъ глазами двора, имѣлъ и ту преднамѣренную цѣль, чтобы въ случаѣ его успѣха, убѣдить Государыню къ изволенію и на всѣ Губерніи производить торги въ Сенатѣ, чего онъ весьма добивался по причинамъ кои отгадать всякой можетъ; но до сихъ поръ законы сего ему не позволяли, а здѣсь Сенатъ имѣлъ въ виду, что наддача на Екатеринославскую Губернію, послужа доводомъ Государынѣ въ его безкорыстіи рѣшитъ ее на измѣну собственнымъ ея законоположеніямъ, для чего потребны были сильныя пружины. Что же могло быть дѣйствительнѣе, какъ знатная прибыль казенная, показывающая неспособность Казенныхъ Палатъ ее до такой степени возвысить? Подлинно такъ оно и случилось; громкая наддача на Екатеринославскую Губернію, доставила обоимъ Вицъ Губернаторамъ ленты, Членамъ Палаты годовое жалованье, и сдѣлавъ благопріятное въ пользу Сената впечатлѣніе, рѣшило Государыню на то, чтобы торги будущія произведены были въ столицѣ; но какъ Сенатъ вѣдалъ съ другой стороны, что всѣ Губерніи такъ возвысить, какъ одну для примѣра невозможно, то онъ между разными статьями поновительными и пополнительными, исходатайствовалъ открытое право и дворянамъ входить въ откупъ, чрезъ что умножилъ кругъ торгачей, а чѣмъ ихъ больше, тѣмъ натурально сходнѣе для казны. Выгодъ однако, кои она отъ того получила, отнюдь не отдали на счетъ сихъ новыхъ привиллегій, къ тому способствовавшихъ, но на счетъ усердія и безпристрастія Сената, которой какъ скоро принялся за ето, то и все пошло будто несравненно лучше, чѣмъ въ Казенныхъ Палатахъ, а правильно ли сіе разсужденіе, о томъ я думаю достаточно вѣдаютъ Секретари Сената кои были при торгахъ да Господа Откупщики.

Вотъ какъ приготовлялись учредить будущія откупы, а между тѣмъ поставя всѣмъ намъ въ примѣръ для поощренія какъ къ содѣйствію казеннымъ пользамъ Екатеринославской опытъ, Господинъ Генералъ Прокуроръ, циркулярными письмами отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ меня, требовалъ мнѣнія, какъ бы возвеличить откупъ, унизить цѣну на поставку вина и унять корчемство т. е. не такъ кудряво а короче сказать, спрашивалъ у насъ ума какъ бы доставить откупщикамъ большія барыши на счетъ упадающаго дворянства и совсѣмъ его разорить, а народъ привести въ крайнее развращеніе. Остановись здѣсь Читатель, и вникни въ мое размышленіе. Чтобы ты сказалъ о такомъ Государствѣ, гдѣ весь доходъ его, или лучшая отрасль его сокровищь состоитъ въ порчѣ его народа? Таковъ однако планъ Финансовъ россійскихъ, и я проходя разныя потомъ должности имѣлъ случай на сей счетъ сдѣлать любопытныя примѣчанія. Народъ опивался, дворяне приходили въ ничтожество, цѣлыя роды ихъ упадали а откупщики изъ простыхъ побочныхъ сидѣльцевъ въ четырехълѣтіе наживались страшнымъ образомъ, получали чины, знаки почестей, дворянскія дипломы и сооружали для жилищь своихъ огром-

[1]) Марья Савишна, любимая камеръ-фрау импер. Екатерины II. † 1824 г.

ные замки. Я часто слыхалъ и слышу еще слѣдующія разсужденія: что нужды Государю, кто богатъ изъ его подданныхъ, Рюминъ или Долгорукой, Злобинъ или Щербатовъ. Какъ что нужды? Одинъ образуетъ дворянина, вливаетъ въ него съ кровію и добродѣтели предковъ своихъ, и творитъ его полезнымъ отечеству; а другой едва подъ старость получая какое нибудь слабое о изящности просвѣщенія понятіе, можетъ быть въ третьемъ поколѣніи низходящемъ отъ него доставитъ есть ли не придетъ въ упадокъ, хорошаго Гражданина, а между тѣмъ Царство наполняется двумя поколѣніями несмысленныхъ невѣждъ кои безъ воспитанія и свѣденій портятъ мѣста, службу, нравы, заражаютъ соблазнительными примѣрами успѣха тамъ, гдѣ его благонравіе не обѣщаетъ, и развращаютъ чернь изнуреніемъ физическихъ силъ ея. Вотъ разница, — вотъ она! Я не витійственно ее изъяснилъ, но сказалъ правду, и кто ее любитъ, тотъ вѣрно со мной согласится.

Обратимся къ письму. Я его получилъ почти тотчасъ послѣ прiѣзда на мѣсто, и написалъ краткое начертаніе мыслей моихъ, гранича себя въ сдѣланныхъ вопросахъ, дабы не навлечь большихъ злодѣевъ безъ всякой пользы ни себѣ ни Царству, отправилъ письмо мое къ Самойлову, при обыкновенныхъ привѣтствіяхъ, ибо столько же нужно было ими украшать всякое къ вельможѣ отношеніе, какъ для мужика необходимо посыпать кусокъ хлѣба солью. Пользуясь благоволеніемъ Васильева, я и къ нему на апробацію послалъ такую же при письмѣ бумагу. Къ перьвому писалъ по должности, къ послѣднему изъ подвига сердца, привязаннаго къ его благороднымъ видамъ и дѣятельнымъ трудамъ, кои всегда сопровождала кротость и благопривѣтливость — рѣдкія два свойства въ такой особѣ, которая привыкла значить много сама по себѣ. При мнѣніи моемъ требовалъ Генералъ Прокуроръ и мнѣнія всей Палаты; члены ея давали оное порознь; иныя пристали къ моему другія сочиняли свои. Тутъ было чего посмотрѣть! Въ составъ моего входили нѣкоторыя примѣчанія Отца моего, коими я въ перепискѣ моей съ нимъ заимствовался, и кои руки его доселѣ у меня хранятся какъ нетлѣемое сокровище, оставшееся послѣ Отца и друга. Но всѣ сіи прекрасныя наши сочиненія, надъ которыми мы цѣлые дни и вечера потѣли, и тщились даже малѣйшей избѣжать ошибки въ правописаніи выбирая наипрекраснѣйшую бумагу, — все ето пищею послужило крысамъ, гнѣздящимся въ Сенатскихъ Архивахъ, — а можетъ быть, что про то знаетъ? можетъ быть изъ нихъ супруга Самойлова, жена Ермолова дѣлали себѣ завиточки и прятали въ нихъ на ночь одна прекрасныя, другая скверныя свои волосы. — Счастливы тѣ, чьи сочиненіи на такое прелестное употребленіе послужили! Но я право иногда думаю, что ими наполнены н. . . . . благопристойность унимаетъ мое перо, — догадка читателя пусть докончитъ строку.

Съ другой стороны признать должно и то, что сіе обстоятельство сколь ни важно казалось намъ живущимъ въ провинціяхъ, исжатымъ въ тѣсномъ кругу произшествій самыхъ мѣлкихъ, должно было у двора уступить мѣсто на время многимъ другимъ несравненно съ большею силою на умы дѣйствующимъ. Пріобрѣтеніе части Польши, и образованіе ея по учрежденіямъ нашимъ, смутныя обстоятельства Франціи, побудившія Государыню къ Манифесту, коимъ повелѣвала она всѣхъ французовъ въ Россіи живущихъ привесть къ присягѣ, обрученіе Великой Княжны

Александры Павловны — все сіе и по настоящему своему вліянію, и по предвидимымъ слѣдствіямъ занимало понятіе каждаго, а особливо послѣднее обстоятельство заставляло ожидать торжественныхъ праздниковъ; причина ихъ предполагать заставляла что жаловать станутъ чинами, лентами и прочимъ. Ктожъ етимъ не займется гораздо больше чѣмъ истинною пользою общества? Думать о себѣ прежде всѣхъ было всегда натуральное свойство человѣка, думать о себѣ одномъ исключительно сдѣлалось преимуществомъ и натурою нашихъ современниковъ. Но отойдемъ на часъ отъ такихъ высокихъ предмѣтовъ и поищемъ тѣни отъ солнечнаго зноя въ семейныхъ нашихъ убѣжищахъ.

Прiѣхавши въ Пензу одинъ, дабы менѣе скучать и сверхь того въ разсужденіи разныхъ переправокъ въ казенномъ моемъ домѣ, остановился я въ домѣ у моего друга Полчанинова, тутъ по вечерамъ отдыхая отъ трудовъ мы рыли землю, копали гряды, сажали цвѣты и помышляли о закладкѣ театра; онъ не имѣя во мнѣ никакой нужды, ибо служа въ Уголовной Палатѣ не входилъ ни въ какую связь съ Казенною, любилъ меня съ благородною искренностію, говаривалъ мнѣ грубыя правды, не щадя моего самолюбія, но въ случаяхъ такихъ гдѣ духъ мой отягощался уныніемъ, онъ его подкрѣплялъ разбивая мысли разными забавами и на сей то конецъ пригнавши изъ Арзамаской своей деревни работниковъ, поставилъ на своемъ дворѣ театръ, помѣщающій до ста слишкомъ человѣкъ, и на немъ собрались мы провести всю зиму. Такой услуги его со многими другими я во вѣки не забуду, о женѣ его ничего здѣсь не скажу изъ уваженія къ нему, кромѣ того, что я подобной ей въ сладострастіи не видывалъ; подробности были бы для мужа оскорбительны, а для друга его поносны, и для того задернимъ завѣсу на поступки противныя доброму порядку; они послужили послѣ къ мучительнымъ для меня приключеніямъ, тогда я можетъ быть и рѣшусь объ нихъ пространнѣе говорить, поставя себѣ правиломъ не таить того, что относится къ моей судьбѣ, съ усерднымъ впрочемъ желаніемъ, щадить всѣхъ тѣхъ, кои пробѣжали путемъ жизни моей какъ мимоходяшія облака, которыя на одно мгновеніе покрываютъ небо, и послѣ неоставляютъ на немъ ни малѣйшаго о себѣ признака. Получая письмы всякую почту отъ жены, видѣлъ что она приближается къ разрѣшенію своему. Одежа моя была проста, волосъ я не чесалъ, пудру бросилъ, ети подробности нужны, ибо на нихъ основалось въ послѣдующихъ годахъ такое обо мнѣ заключеніе, которое всю участь мою повредило; но тогда я сею простотою веселился. Любовь къ чтенію во мнѣ не погасла; я выписывалъ книги, вникалъ во всѣ причины мятежа французскаго, но сохраняя благоразумную политику, одѣлъ живущихъ у меня французовъ по королѣ ихъ въ трауръ. Все сіе нужно мнѣ сказать заранѣе, дабы приготовить оправданіе себѣ. Послѣ всѣ Иностранцы въ услуженіи моемъ бывшіе, безъ разбора Отечества ихъ приведены были къ присягѣ; мнѣ симъ примѣромъ надлежало наложить узду на стоглавую гидру злословія, и запечатать тысячи устъ ея, но тамъ, гдѣ невидимая какая то сила готовится утѣснить жребій человѣка, тамъ ничто его править не способно, и всѣ его къ тому усилія бываютъ тщетны. Опыты скоро меня въ сей истинѣ утвердили. Время! Ты великой учитель!

Между тѣмъ посѣтилъ меня день радости. Получилъ я отъ жены моей нарочнаго съ извѣстіемъ что Богъ далъ намъ сына Александра;

она родила его благополучно 7 числа Іюня; крестили его Отецъ мой и сестра большая, слава Богу! — и сія беременность жены моей имѣла пріятной успѣхъ. — Ребенокъ взросъ и былъ здоровъ. Скоро послѣ сего извѣстія ѣздилъ я на Ломовскую ярмонку, и въ перьвой разъ видѣлъ что такое ярмонка; она не изъ самыхъ знатныхъ, но имѣетъ въ Низовомъ краю нѣкоторую извѣстность; народу стекается множество; Казна съ нее получаетъ доходъ весьма не важной, но торгующаго народа не мало. — Съѣжжаются купцы отвсюду и продаютъ товары всякаго рода. Она держится съ 4 Іюля до 8 и расположена бываетъ въ верстѣ отъ города Ломова, у самаго Монастыря, Казанской Богородицы. Всѣ сіи ярмонки завелись отъ набожности Богомольцевъ, кои приходя къ Чудотворнымъ образамъ на поклоненіе, находили нужду для ночлеговъ ставить шалаши. Сперьва стали туда носить пищу и напитки, скоро потомъ учредились маленькія базары и народныя всякія потребности привозимы были; скоро потомъ любопытство привлекло на таковыя народныя собранія и отборныхъ людей, кои пріѣжжая обществомъ возбудили въ купечествѣ охоту устроить лавки, скорые промѣны товаровъ и покупка нужнаго мало по малу пріучили туда сбираться, и такимъ образомъ сдѣлались по мѣстамъ знатныя ярмонки; разныя предмѣты тутъ заняли мое любопытство, а паче полкъ Тараканова [1]), которой тутъ стоялъ лагеремъ; онъ былъ мнѣ издавна пріятель. Тотчасъ появился у меня армейской караулъ. Жилъ я въ Монастырѣ; всякое утро толпились у меня мои подчиненные и Пензенскія дворяне. Цѣлой день гулялъ я по лавкамъ; драгуны отъ меня не отходили; разныя почести питали еще юной мой разумъ, дорого они мнѣ со временемъ стоили. Тѣмъ лучше! Я скоро почувствовалъ ихъ пустоту. Таракановъ, жена его, меня приняли въ свои обьятіи какъ милаго родного. — Въ вящщее доказательство пріязни, онъ снисходя моему малодушію, записалъ новорожденнаго сына моего Алексашу, въ карабинеры въ свой полкъ; потомъ производя его чинами довелъ до кадета въ томъ же году, и на каждой изъ сихъ чиновъ паспорты долго хранились у меня какъ монументъ того счастливаго вѣка, въ которой при Екатеринѣ можно было изъ шутки записывать въ службу ребятъ въ люлькѣ, и она на всѣ сіи безпорядки глядя смѣялась и могла смѣяться, видя что они не мѣшали войскамъ ея быть повсюду побѣдоносными. Младенцы росли, воспитывались дома, съ готовыми паспортами являлись въ полкъ, и достигали въ лучшей порѣ возраста своего Офицерскаго чина; охотно жертвовали собой изъ подвига чести. Чинъ и почести суть химеры, — слѣдовательно воспламенить надобно воображеніе, и воспламенить сильно, чтобы ради креста, либо патента, человѣкъ далъ себѣ ноги и руки рвать ядрами, а человѣкъ, которой съ сѣдыми волосами получаетъ чинъ Офицерской, скорѣе ли полезетъ на крѣпость? Симъ утверждаю я мнѣніе мое что записывать дѣтей въ нижнія чины въ ребячествѣ ихъ, дабы въ юности еще доставалось имъ въ офицеры, не такъ то худо, — и ето я отнюдь не въ пользу дѣтей моихъ говорю, но въ пользу общую, которую тогда Гвардейскіе полки паче всѣхъ ощущали, хотя въ нихъ записывали грудныхъ младенцевъ, и производили въ Офицеры еще до усовъ, однако были жаркіе случаи, и Гвардія нигдѣ тылу непріятелю не показывала.

Таракановъ далъ мнѣ знатной балъ, усладилъ пріятностями роговой музыки, — чего не могъ драгунской Полковникъ во дни Екатерины? все, кромѣ того чтобъ быть честнымъ и вмѣстѣ исправнымъ, — и я самымъ веселымъ образомъ проведя съ недѣлю воротился въ Пензу на прежнею скуку и философскую думу.

Рядомъ съ удовольствіемъ, всегда непріятность; я сіе испыталъ много разъ и положилъ имѣть твердымъ правиломъ; оно меня не обмануло. Подлинно по возвращеніи моемъ домой съ ярмонки, послѣ забавъ и веселостей, г. Зубовъ пролилъ на бумагѣ всю свою желчь на меня. Онъ нѣсколько доносовъ отправилъ къ Государынѣ, одинъ за другимъ, будто бы я расхитилъ капиталъ винокуреннаго завода, и такъ въ расчетахъ своихъ запутался, что не смотря на то, что онъ состоялъ въ шести стахъ тысячахъ онъ меня клепалъ въ похищеніи милліона, называя безъ чиновъ меня въ приказныхъ бумагахъ святотатцомъ. Не говоря здѣсь ничего въ оправданіе свое, ибо довольно къ оному служитъ кромѣ поступковъ мною писанныхъ выше съ начала службы моей въ етой должности одно то, что нельзя тамъ украсть милліона, гдѣ всего шесть сотъ тысячь, и хотя я худо зналъ Арифметику, однако столько разумѣлъ чтобы видѣть что Зубовъ считать не умѣетъ. Говорятъ свой своему по неволѣ другъ. Связь его съ фаворитомъ крайне меня безпокоила, и я нашелся принужденнымъ, дабы предупредить вредныя для себя отъ того послѣдствія, отправить естафетъ въ Петербургъ съ письмами къ самому князю Зубову, къ гр. Солтыкову, кн. Куракину, Васильеву, и разнымъ другимъ особамъ, кои по наружности судя, во мнѣ участіе принимали. Изъ нихъ перьвому я искренно на дядю его жаловался. На всѣ сіи письма всѣхъ рѣшительнѣе отвѣчалъ мнѣ Кн. Куракинъ, краткимъ слогомъ, увѣряя меня что ничего изъ бумагъ Зубова не выдетъ. Прочія какъ то: гр. Солтыковъ, Васильевъ и иныя отвѣчали письмами кудрявыми, темными, многообѣщающими, и естьли бы кто захотѣлъ изъ нихъ выбрать прямой смыслъ, тотъ бы конечно ничего не нашелъ яснаго и надежнаго въ пользу просителя; сіи письма подобны засореннымъ источникамъ изъ коихъ чистой воды трудно достать рюмку, а смѣси много. О кн: Зубовѣ нѣчего и говорить: онъ уже ни къ кому не писывалъ; люди, на такую высокую степень какъ онъ возведенныя, считаютъ ниже себя быть учтивы, предоставляя себѣ какъ нѣкіе боги, миловать съ Небесъ родъ человѣческій; они только къ богамъ себѣ подобнымъ склоняютъ чело благопріятное, прочее все для нихъ ничтожно. Бояре горѣ, — а народъ долу. По сей то самой посылкѣ, которая не меньше вѣрна всѣхъ математическихъ истинъ, почиталъ я себя счастливымъ и тѣмъ что по словамъ Куракина, доносы на меня присланные, обратились въ стыдъ пославшему ихъ и не подѣйствовали противъ меня въ худую сторону; однако и для Зубова не произведя ничего худого, оставались мы по прежнему вмѣстѣ; и фавориту дядю выдать не годится, хотя бы онъ былъ и перьваго разбора злодѣй. Будемъ справедливы, отнесемъ тайныя пружины всѣхъ нашихъ злоключеній Творцу міра не безъ видовъ насъ ограничающему. И такъ объ удовлетвореніи обиды имъ нанесенной, не оставалось мнѣ права хлопотать, ибо говорятъ русскія люди: брань на вороту не виснетъ. Хвала Всевышнему, которой зная горделивой духъ мой, смирялъ меня всѣми способами. Послѣ такихъ бурныхъ дней и хлопотъ устрашительныхъ, Небо для меня улыбнулось. Пріѣхала жена изъ Москвы, привезла Павла и новорожденнаго Алексашу; я ихъ встрѣтилъ подъ городомъ въ селѣ Солтыкова Безсоновкѣ, и тамъ проживъ дни съ три перебрались въ городъ по

случаю кончающагося лѣта, и не здороваго для слабой жены моей времени. Маша дочь наша, оставалась въ Москвѣ у дѣдушки. Онъ умирая не могъ съ нею разстатся. Пріѣздъ жены моей, и ребенка мной еще невиданнаго, наполнилъ душу мою сладкимъ восхищеніемъ. Доколѣ человѣкъ не испорченъ, и сердце его добродѣтельно, что можетъ быть пріятнѣе и милѣе жены съ дѣтьми? Не надобно относить сюда тѣхъ нашихъ посторонних привязанностей, кои отвлекая насъ иногда на краткія минуты отъ должностей супружества, питаютъ заблужденіями; сіи мечты скоро исчезаютъ; они не имѣютъ ничего прочнаго, основательнаго, сами собой теряются въ ночь забвенія и впадаютъ въ пропасть тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, кои безъ вліянія на душу нашу и правила мгновенно колеблютъ насъ въ жизни, и едва постигаютъ насъ, какъ и проходятъ.— Связь добронравныхъ супруговъ, окружившихъ себя дѣтьми своими, есть изящнѣйшая картина благополучія человѣковъ. Въ такихъ мысляхъ встрѣтя жену мою съ дѣтьми, обрадовался имъ тѣмъ паче что каждая ея беременность, по худому ея здоровью, угрожала ей опасными приключеніями, и что по мнительному моему свойству, въ разлукѣ съ ней на то время, каждая мысль поражала мое воображеніе, и представляла ему часто страхъ, гдѣ его не было. Удовольствіе упоило всѣ мои чувства; я забылъ Зубова, его происки, Ступишина, со всѣмъ хаосомъ разстроеннаго его понятія,— словомъ забылъ все, что меня тревожило, и кинувшись въ объятіи жены моей, насладился райскими отрадами.

Пока дѣло дѣлалось, а театръ приходилъ къ концу, и 24. Ноября, день имянинъ великой Екатерины, мы положили его обновить публичнымъ представленіемъ; намѣреваясь напечатать о семъ въ газетахъ, выбрали мы комедію Государыни самой по имени Обманщикъ. Думаю, что въ прежнихъ годахъ упоминалъ я о сектѣ Мартинистовъ, а ежели нѣтъ, то здѣсь скажу сокращенно, что по всему свѣту бродила какая то Мартинисская система, основанная на бредняхъ какого то Шведенбурга, которой писалъ отменную. Изъ книгъ Мартинизмомъ въ славу возведенныхъ, бѣгала изъ рукъ въ руки одна называемая: О заблужденіяхъ и истиннѣ. Я о существѣ ея ничего не скажу, ибо не читалъ ее за тѣмъ, что съ перьваго листа, ничего въ ней не понялъ.— Люди порабощенныя предразсудкомъ, а паче привыкшія жить чужимъ умомъ, часто восхищаются тѣмъ, чего совсѣмъ не понимаютъ. Но что моему театру до того нужды? Кратко сказать, секта ета Государынѣ не нравились; она въ ней видѣла что то такое, чего политика позволять не долженствовала, и потому издала на счетъ самыхъ приверженныхъ къ ней помянутую комедію; ее играли вездѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ благополучно. Я ни слова не молвлю о слогѣ и содержаніи піесы. Государыня была Императрица, а не авторъ, тутъ есть большая разница. Волтеръ не могъ бы сочинить уложенія, а Царь Алексій не выдумалъ бы Заиры. Для обновленія театра, какъ лучше было выбрать? И такъ сыграли мы при величайшемъ праздникѣ; послѣ комедіи, которой тѣшились все благородныя охотники, въ томъ числѣ я и жена моя, былъ у меня балъ преогромной. Въ театръ впущено было по билетамъ до двухъ сотъ человѣкъ, кои всѣ изъ онаго пріѣхали ко мнѣ; музыка роговая въ саду, а инструментальная въ залѣ, услаждала гостей моихъ. Посѣтилъ меня въ тотъ день и Губернаторъ, и къ удивленію всего города очень поздо сидѣлъ, и много танцовалъ. Зубовъ точилъ ядъ въ пасмурной своей клѣткѣ; для нече-

стивыхъ нѣтъ ясныхъ дней на свѣтѣ; несмысленный можетъ иногда разсмѣятся, а злодѣй всегда потупя глаза ходитъ. На дворѣ противъ улицы горѣлъ прозрачной щитъ съ вензелемъ Государыни, подъ коимъ моего сочиненія написаны были стихи. Они напечатаны въ моей книгѣ. Описаніе сего праздника, которымъ всѣ были довольны, я послалъ въ Газеты, и когда ихъ прочелъ Ступишинъ, то возгорѣлся досадою, противъ меня за то, что Екатерининъ день вмѣсто его праздновался въ моемъ домѣ. За что слабоумный не разсердится? Простимъ все тому, на комъ и Богъ говорятъ не взыщетъ.

Положа симъ праздникомъ начало нашимъ театральнымъ позорищамъ, мы всѣ какъ голодныя за кормъ принялись за комедіи, и дабы забавы свои устроить безъ труда, (ибо когда было мнѣ много на нихъ употреблять время, и терять оное въ выучиваніи ролей? досуги мои были такъ коротки, а по врожденной во мнѣ склонности къ театру, играть на немъ хотѣлось и лѣта позволяли) разсудили мы играть весь Сумарокова Театръ Комической. Кто читалъ его комедіи, тотъ знаетъ какая ето нелѣпица; однако мы имѣли терпѣніе всѣ ихъ выучить, и каждую недѣлю разыгрывать; всякія восемь денъ у насъ были представленія; иныя изъ нихъ такъ были смѣхотворны, что мы и сами расхохотавшись не докончa рѣчь сходили съ театра. Не скажетъ ли кто здѣсь, для чего выбирать такія негодныя сочиненія и въ городѣ губернскомъ, гдѣ такъ сказать, театръ имѣетъ больше нежели гдѣ нибудь обязанность образовать юношество? На сіе я отвѣчаю во перьвыхъ, что я былъ не патріотъ Пензенской а емигрантъ Московской, слѣдовательно воспитывать юношество не почиталъ своею должностію, а во вторыхъ мы искали какъ выше сказано забавлятся безъ труда и смѣятся искреннимъ смѣхомъ, но безъ разума шутить даръ подлыя души. Такъ читалъ я етотъ стихъ у Сумарокова, но онъ вѣрно думалъ противное, когда сочиняя свои комедіи для двора Елисаветы, искалъ ее смѣшить и успѣвалъ въ намѣреніи. Нѣтъ! не въ выборѣ піесъ меня винили; нашлись люди кои выдумали будто я играю за деньги, беру за входъ съ приказнослужителей, нашлись люди кои ето написали въ Питеръ; дивитесь больше,— нашлись люди между знатными особами, кои не постыдились етому повѣрить, и съ большимъ выговоромъ писала объ етомъ къ сестрамъ моимъ графиня Наталья Владимировна Солтыкова. Когда бы не было страмцовъ на свѣтѣ, конечно бы и сплетенъ было меньше. Всѣ сіи слухи однако не препятствовали мнѣ веселится не смотря на послѣдствія; латинская пословица: Quidquid agis prudenter rogas et respice finem совсѣмъ изъ памяти моей истребилась. Старика Барвица ужъ не было въ Пензѣ; онъ откомандированъ былъ къ Тамбову, по какимъ то надобностямъ военной службы или его начальниковъ, чего распознать иногда бываетъ не возможно. Къ умноженію веселостей способствовалъ домъ Губернскаго Предводителя Машкова, на ту зиму въ Пензѣ основавшагося; съ нимъ была дочь его. Она заманивая меня своими прелестьми, всякой день какъ сирена, составляя ежечастно наше общество, готовила мнѣ существенныя прискорбности; но характеръ мой давно читателю извѣстенъ; театръ и женщины были два источника, откуда почерпались главныя мои страсти, и потому не имѣя довольно стоическаго духа, чтобы воспротивится пріятностямъ очаровательнаго пригожества,

стремился со всемъ пламенемъ необузданной страсти въ приготовляемую мнѣ судьбою пропасть. При такихъ случаяхъ общій и одинъ ропотъ: почто человѣкъ не знаетъ о будущемъ? Повторю что уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, — суетное желаніе! Тѣмъ лучше. Завѣса отъ насъ его скрывающая есть драгоцѣнный залогъ Божія къ роду человѣческому благоволенія. Предположимъ противное: — что изъ того выдетъ? Радости потеряютъ свою сладость, ибо предварительныя о ней свѣденія, истощатъ всѣ мечты пылкаго нашего воображенія; придетъ часъ отрады, и ужъ онъ не такъ будетъ для насъ живъ, потому что мы слишкомъ рано объ немъ одумали; нанесется ли ударъ? Но мы, бывъ о немъ свѣдущи прежде, уже сокрушились гораздо ранѣе, и самое пораженіе можетъ быть легче будетъ въ свою минуту, нежели тѣ тягостныя ожиданія, тѣ страхи, волненія, мысленныя безпокойства, въ которыхъ мы до него жили. Слава Богу! скажу я внутри души моей, что мы о завтрешнемъ днѣ сегодни ничего не знаемъ!

Зубова сумазбродство дѣлало оттѣнку моему удовольствію, и онъ до того его довелъ, что уже и самыя пріятели его говорили, будто онъ въ правду ряхнулся. Я въ етомъ никому не противорѣчилъ; но поелику вліяніе безумнаго на дѣла, могло бы подвергнуть меня непріятностямъ, ибо снаровки моей ему по службѣ при случаѣ щекотливомъ никто бы не уважилъ, то и рѣшился я актомъ Казенной Палаты препоручить должность его другому, ибо онъ уже послѣ неудачи своихъ доносовъ, разсердясь, въ присутствіе не ѣздилъ, и свою часть совсѣмъ запустилъ, а зимнее время въ разсужденіи заводовъ, требовало дѣятельнаго надъ ними управленія, и въ Ноябрѣ по формѣ, послалъ о безпорядкахъ отъ него происходящихъ въ Сенатъ рапортъ. Вотъ какъ прошелъ сей годъ. Соберусь съ духомъ и начну будущій, но не предваряя его, а желая пріятною чертою пера кончить етотъ, скажу нѣчто о Струйскомъ, съ которымъ я познакомился заѣхавъ къ нему лѣтомъ, когда то случайно. Потеря нѣкоторыхъ моихъ записокъ, подвергла меня въ числахъ многимъ можетъ быть ошибкамъ, коихъ и исправить не можно за отдаленіемъ описываемаго времени. Етотъ дворянинъ заслуживалъ особеннаго вниманія; будучи не бѣденъ, напротивъ достаточенъ, живучи въ прекрасномъ домѣ, коего убранство возвѣщали вкусъ и роскошъ, окруженъ пріятною женою со многими добрыми дѣтьми, изъ коихъ иные были въ занимательномъ возрастѣ, словомъ: находясь въ возможности при регулярномъ хорошемъ садѣ, обширныхъ дачахъ, и всѣхъ изобиліяхъ натуры, наслаждатся жизнію благополучнаго человѣка, ежели онъ есть гдѣ нибудь кромѣ нашего воображенія. Етотъ самой Г. Струйской, влюбясь въ стихотворенія собственно свои, издавалъ ихъ денно и ночно, закупалъ французской бумаги пропасть, выписывалъ буквы разнаго калибра, учредилъ типографію собственно свою, и убивалъ на содержаніе ея лучшую часть своихъ доходовъ. Онъ имѣлъ кабинетъ въ самомъ вѣрху дома, называемой Парнассъ; въ сіе святилище никто не хаживалъ, ибо говорилъ онъ, не должно метать бисера свиньямъ. Меня онъ удостоилъ ласковаго тамъ пріема, за которой дорого заплатилъ однако одинъ изъ моихъ товарищей, ибо онъ читая мнѣ одно свое произведеніе, и натурально изъ хвастовства по мнѣнію его лучшее, сильно будучи имъ восхищаемъ, щипалъ его въ восторгѣ до синихъ пятенъ. Изступленія

подобнаго когда о стихахъ говорили я не видывалъ. Все обращеніе его впрочемъ было дико, одѣваніе странно; онъ носилъ съ фракомъ парчевой камзолъ, подпоясывался розовымъ кушакомъ шолковымъ, обувался въ бѣлыя чулки, на башмакахъ носилъ бантики, и длинную повязывалъ прусскую косу. Вотъ его видъ въ которомъ онъ мнѣ показывался; охотно думаю что ето его былъ нарядъ, и только для меня въ изъявленіе большой преданности.





1794.

Не стало бы ни словъ ни духа все то сказать принимаясь за перо, что чувствовать должно мое сердце, приводя на память себѣ сей бѣдственный Годъ. Слава Богу онъ прошелъ! хотя память всѣхъ посѣтившихъ меня въ теченіи его приключеній снидетъ со мной въ холодную могилу, но теперь по крайней мѣрѣ радуюсь, что она отдалена отъ меня, что Годъ етотъ прошелъ, что я описывать его только буду, а не продолжать жить въ немъ. Довольно для предисловія къ нему сихъ строкъ. Изъ предшествовавшаго оному Году видно было, что З у б о в ъ [1]) меня не возлюбилъ, что непріятели мои пользуясь самолюбіемъ его неограниченнымъ, вооружали его противу меня всячески, и желчь его разливалась во всякомъ голосѣ, которой онъ подавалъ на мои предложенія и на мои распорядки по Палатѣ; Между прочими онъ досадовалъ и за то что я рекрутскую сумму накопившуюся отъ послѣдняго набора, до ста слишкомъ тысячъ рублей во избѣжаніе издержекъ Казенныхъ, послалъ не по почтѣ, а съ нарочнымъ въ Питеръ, сдѣлавъ сіе препорученіе Асессору Палаты; онъ доходилъ даже до того, что перехватилъ одно изъ писемъ ко мнѣ винокуреннаго смотрителя считая найти въ немъ нѣчто удовлетворительное своему желанію погубить меня и сіе письмо было имъ представлено въ Губ. Пра. откуда мнѣ возвращаемо неоднократно чрезъ Казен. Пал. ибо ничего не найдено на меня; я нехотѣлъ его взять, требуя въ такомъ нагломъ поступкѣ суда, то письмо сіе истлѣло въ Архивахъ Намѣстничества вмѣстѣ со многимъ другимъ вздоромъ, ибо не все то дѣло что прячутъ, а обида осталась безъ отмщенія, но въ Россіи увы! какая противъ случайнаго оборона? Царь и Фаворитъ бывали не одно во

[1]) См. выше.

времена Алексѣя Михайловича. Лоренъ тому живымъ примѣромъ служитъ, но нынѣ, — иногда трудно усматривать было по движеніямъ внутреннимъ въ Государствѣ, кто владыкой былъ надъ народомъ помазанникъ или поданный любимый. Паче всего Зубовъ злобился за то что Сенатъ увидѣвъ самовластное его стремленіе управлять казенными винокурнями по своей печатной методѣ, не подвергая ее правиломъ въ службѣ Гражданской принятымъ, велѣлъ ему сдѣлать опытъ подъ моимъ наблюденіемъ означенной его методѣ, на которой назначивъ весьма малое число денегъ, не показывалъ тѣмъ большой довѣренности къ глубокимъ свѣденіямъ г. З у б о в а. Я никогда не могъ отъ него того опыта добится, онъ совершенно отъ него отрекся. Жалобы мои въ Сенатъ на сей счетъ ни мало не дѣйствовали ни въ его ни въ мою пользу, и наконецъ самъ онъ рѣшился ѣхать въ Столицу съ важными своими умоначертаніями, но тамъ обрушились всѣ его замыслы; родня его случайная мало пускала къ себѣ на глаза; благоразумныя люди находили въ немъ порчу ума, и какъ безумному посовѣтывали ему убратся въ чистую отставку; видно не слегка, но настоятельно сдѣлано было ему сіе предложеніе, ибо онъ уже въ Палату не возвращался, однако дабы не совсѣмъ опозорить дядю, племянникъ выпросилъ ему Владимірской крестъ четвертой степени, а на мѣсто его опредѣлили г. П л ю с к о в а. Свято мѣсто пусто не будетъ; давнишняя русская пословица. Слѣдуя ей правительство наше всегда и на каждое мѣсто по Стату имѣетъ множество заготовленныхъ людей. Что нужды имѣютъ ли они способности, былъ бы Статъ наполненъ, а за тѣмъ знаетъ то безгласная часть Правленія, которая ввѣряется тому или другому — подъ кѣмъ она цвѣтетъ или погибаетъ; Правительство же на ето смотритъ равнодушнѣе чѣмъ старой инвалидъ на поношенную свою арматуру. Часто бѣда бываетъ и отъ того что оно не вникаетъ въ сущность доходящихъ до себя ссоръ Провинціальныхъ. Въ политическомъ образѣ мыслей царствовало тогда мнѣніе такое что ежели гдѣ нибудь начальникъ на подчиненнаго жалуется, то не приводя ничего въ ясность, разводитъ ихъ или отставкой или переводомъ однаго изъ нихъ на другое мѣсто. Самой дурной способъ! Не рѣдко онъ служилъ наказаніемъ правому, а всегда покрывалъ темнотой сплетни городскія изъ которыхъ возникали новыя раздоры, ибо при всякомъ такомъ случаѣ заводятся партіи, то отсѣкши голову къ оставшему туловищу прирастала тотчасъ новая, и бывали послѣдствія самыя вредныя для службы и человѣчества; но поелику и то и другое всегда безгласны предъ Правительствомъ, то никто въ ето соображеніе и не входилъ, а бумаги съ неудовольствіемъ и личными ссорами доходя до онаго, бросались въ кучу.— Никто ихъ не читалъ, не слушалъ, не опровергалъ и не защищалъ, а между тѣмъ на мѣстѣ всякой отстаивая свои мысли, продолжалъ точить ядъ свой,— правду сказать немного тутъ хорошаго!

Новой Директоръ Економіи г. П л ю с к о в ъ явясь къ должности, прежде нежели вступить въ оную привезъ къ Губернатору рекомендательное о себѣ письмо отъ гр. Безбородки. Чего же больше къ удостовѣренію о превосходныхъ свойствахъ его? Одинъ сей поступокъ уже привлекалъ наиодобрительнѣйшія объ немъ отъ каждаго заключенія. При томъ было и еще письмецо отъ тестя его криваго знатнаго откупщика М ѣ щ а н и н о в а; какія знатныя дарованія! Можно ли было усумнится въ его изящныхъ качествахъ, а паче въ искусствѣ сохранить

Економію Казеннаго поселянина, и привести хозяйство его въ желаемый порядокъ? Онъ былъ впрочемъ человѣкъ молодой, опытной въ домоводствѣ, т. е. своемъ. Ета оговорка здѣсь необходима, ибо часто усовершенствованіе домоводства Директора Економіи тѣсно сопряжено было съ хозяйствомъ мужика. У перьвыхъ во многихъ Губерніяхъ строились деревянные Эрмитажи, когда послѣднимъ нѣчѣмъ было печи истопить. Съ начала онъ повелъ себя осторожно и мужиковъ счипалъ по маленьку, но такъ какъ Директора Економіи мѣнялъ я въ бытность мою Вицъ Губернаторомъ въ третій разъ, а по Христіянскому Закону болѣе трехъ женъ имѣть не можно, то и предчувствовалъ я что въ гражданскомъ моемъ состояніи, смѣнюсь я прежде его; обстоятельства исполнили мои предчувствія; догадка моя сбылась, и онъ остался послѣ меня въ Пензѣ, но Увы! не надолго.

Больше о Зубовѣ уже говорить мнѣ не доведется; пріятно забывать тѣхъ людей, кои намъ дѣлали досады; Торги на откупа между тѣмъ чувствительно занимали Князей Куракиныхъ [1]). Кн. Александръ изъ Москвы возвращался послѣднимъ путемъ въ свою пензенскую деревню, а Кн: Алексей и оба они вмѣстѣ писали ко мнѣ по дѣламъ своимъ часто и много, всегда съ отличными выраженіями дружбы и ласковостью. Кн. Александръ приглашалъ меня къ себѣ въ гости, и я у него былъ; пріемъ, обращеніе, встрѣча и проводъ, все одинаково какъ и прежде; придворныя люди никогда не мѣняются въ наружныхъ видахъ съ тѣми кто имъ надобенъ. Тутъ охотно гнется и спина и улыбаются на лицѣ мускулы, но оборони Боже быть имъ или безполезну, или сопротивлятся ихъ видамъ; тогда они поражаютъ силнѣе грома, жалютъ ядовитѣе змѣй. Переписка съ нимъ когда мы бывали розно, меня больше тяготила чѣмъ занимала; надлежало прибирать слово къ слову, составлять острыя фразы, наполнять ихъ льстивыми привѣтствіями. Часто въ скукѣ сочиненія ихъ меня забавляли письма Струйскаго, они мнѣ служили отдохновеніемъ, и я читая ихъ не рѣдко хохоталъ безъ желчи отъ самаго добраго сердца. Между письмами Кн. Алексея Борисовича Куракина, въ одномъ извѣщалъ онъ меня что состоялся указъ о произведеніи торговъ на винной откупъ въ Сенатѣ. Нѣтъ нужды мнѣ здѣсь ничего досказывать на сей счетъ къ тому, что я писалъ въ прошедшемъ годѣ въ которомъ я матеріи сіи весьма распространилъ; всякой почувствуетъ что сей указъ стѣснялъ совершенно дворянство имѣющее отъ вина весь свой достатокъ и клонился къ обогащенію однихъ откупщиковъ, которые часъ отъ часу брали въ Государствѣ болѣе силы и полномочія. Изъ самаго слога того указа примѣтить можно было, что Государыня къ нарушенію заведеннаго ею во всѣхъ частяхъ порядка, силой котораго торги должны были производится по Казеннымъ Палатамъ, была какъ сказать изнасилована и подвинута алчнымъ правительствомъ, ибо созывая на откупа съ 1795 года къ торгамъ въ Сенатъ, обнародовала въ томъ же Указѣ въ нѣкоторое удовлетвореніе принятому прежде порядку, что сіе имѣетъ быть единственно только на сей разъ, а предь всякой являлся бы въ Казенныя Палаты, подъ опасеніемъ непринятія никакихъ отъ него прозьбъ въ Сенатъ подаваемыхъ. Сенатъ на сію дѣтскую угрозу весьма соглашался, и явственно велѣлъ

[1]) Кн. Александръ Борисовичъ (1752 — 1818) и кн. Алексѣй Борисовичъ (1759 — 1829). См. выше.

оную въ указахъ выпечатать, зная что въ четыре года много утечетъ воды и что на теперешній разъ по русской пословицѣ: что взято, то свято; я не могу защищать всѣ Казенныя Палаты; безъ сомнѣнія они шалили, но и Сенатъ не непороченъ былъ, а въ таковомъ общемъ къ злу человѣческаго рода поползновеніи, маленькій чиновникъ всегда сноснѣе; Казенныя Палаты удобнѣе было штрафовать нежели Сенатъ. Вицъ Губернаторъ боялся отрѣшенія, суда, лишенія имѣнія, какъ чиновникъ не знатной, чего Сенаторъ не страшился, ибо онъ дѣйствовалъ не одинъ, а съ цѣлымъ сословіемъ, которое по важности его въ Государственномъ Правленіи и самая политика принуждала не рѣдко щадить, когда онъ покушался на поступки ему не свойственныя. Скажутъ мнѣ что сей опытъ произвелъ много пользы и наддачи были велики; Не удивительно, ибо привиллегіи были даны преогромныя, и стѣсненіе дворянъ въ ихъ винокуреніи, умножая выгоды откупщиковъ, заслуживалось отъ сихъ послѣднихъ знатными пожертвованіями; но долго ли будетъ Казна считать себя богатою тѣмъ, что прямые дворяне, добрыя дворяне не имѣютъ уже почти куска хлѣба, и все ихъ имѣніе перешло въ руки подлыхъ цѣловальниковъ, которые сдѣлались въ два три года знатными помѣщиками? Но я не ихъ, и не Государственную Исторію пишу, а собственно свою, и такъ полно объ откупахъ.

Въ прошедшую зиму безпрестанныя свиданія съ У... [1]) сдѣлали меня данникомъ ея прелестей, необходимость и привычка меня въ нее влюбили, я безъ чувствительнаго привлеченія не могъ прожить ни дня, кто слѣдовалъ мою Исторію доселѣ, тотъ ето видѣлъ; и такъ я сучилъ любовь какъ нѣжной Селадонъ. Пребываніе въ одномъ городѣ, и съѣзды общія во всѣ домы много представляли случаевъ къ укоренѣнію моего пристрастія, наконецъ уже какъ любовникъ вспылчивой и притомъ въ Амурѣ не послѣдній романической Донкишотъ, поѣхалъ на масленицѣ въ ихъ деревню, и тамъ остался до чистаго понедѣльника; мужъ ея не чинясь напивался при мнѣ пьянъ всякой день до безумія, ни гости, ни родственники, ничто его не приводило въ стыдъ; онъ доходилъ въ пьяномъ своемъ остервененіи до того, что бѣдная жена его принуждалась быть у постели его тогда какъ онъ дѣлилъ скотскія свои вожделенія съ низкими и презрѣнными села своего потаскушками. Часто жена его получившая не скажу я знатное и отличное воспитаніе, но многимъ ему превосходная, принуждалась уходить отъ ярости его въ сарай, и тамъ едва не съ собаками по цѣлымъ ночамъ провождала; тронетъ ли кого нибудь такая картина, а наипаче того, кто влюбленъ въ толико уничижаемый предмѣтъ? я всему тому былъ свидѣтель, все ею мнѣ было повѣрено, вмѣстѣ съ намѣреніемъ ея бѣжать отъ него, ежели Отецъ ея приготовленъ бывъ къ тому предварительно, уважитъ означенными причинами, и приметъ ее въ родительскія свои обьятія какъ дочь утѣсненную Судьбою, принесенную въ жертву негодяю, имѣвшему сильныхъ родственниковъ и покровительствомъ ихъ ее обольстившему. Сильные его родственники былъ весь родъ Колокольцовыхъ [2]). Трудно ли сочинить романъ когда воображеніе пылаетъ, а сердце чувствительно? Я представилъ себя защитникомъ невинности, покровителемъ утѣсняемой женщины, словомъ я игралъ самъ для себя въ умѣ моемъ знатную

[1]) Елизавета Александровна Улыбашева, урожд. Машкова, † 1837 г., см. „Капище“.
[2]) См. выше.

ролю, и не размышляя далѣе, ибо увы! размышленіе мое всегда ѣздило на долгихъ въ слѣдъ за моимъ воображеніемъ, которое скакало по почтѣ, на возвратномъ пути заѣхалъ къ Отцу ея, изобразилъ ему живѣйшими красками гибельное положеніе дочери его, согласилъ его убѣжденіями моими рѣшится на ея политической съ мужемъ столь неистовымъ разводъ, и на пріемъ къ себѣ въ домъ. Отецъ ея былъ человѣкъ прямодушной и степенной, зналъ всю бѣду дочери своей и умѣлъ отдѣлить въ словахъ моихъ правду отъ воображенія. И такъ пріѣхалъ я отъ него домой съ полною въ предпріятіи моемъ надеждою, и уже нарицалъ себя избавителемъ милой женщины. Кого бы не польстилъ сей подвигъ? Кто бы на моемъ мѣстѣ будучи влюбленъ не сдѣлалъ тогоже? Слѣдствія поступка моего были глазамъ моимъ сокрыты. Богъ попускалъ мнѣ низвергнутся въ пропасть, я въ нее падалъ, но онъ же меня послѣ и возставилъ. Отъ времени сего свиданія началась у меня съ ней переписка; я посылалъ частыхъ нарочныхъ, скрывалъ письма ея отъ жены моей, тайно писалъ къ ней мои, и бѣдной женѣ моей сей чувствительной женщинѣ, наносилъ много печали; она видѣла мою скрытность, узнавала причины ея, болѣла о моихъ заблужденіяхъ, и винъ моихъ мнѣ съ жестокостію никогда не давала чувствовать. О! достойная женщина! Никогда, никогда, я тебя не стоилъ! Признаніе сей истинны, которую я въ полной мѣрѣ чувствую, да будетъ нѣкоторымъ очищеніемъ моихъ слабостей! Переписка моя съ У..... часъ отъ часу была жарче и пламенѣе; писали мы другъ къ другу тетради; она знала нѣсколько по французски, имѣла нѣсколько книгъ, любила чтеніе, и по часту включала весьма кстати въ свои письма нѣкоторыя Доратовы [1]) стихи, какъ на примѣръ въ одномъ нашелъ я: J'étais dans le néant avant de te connoitre. Я никогда увы! етого стиха не забуду, ибо онъ былъ камень основанія моей погибели; она его употребила въ самомъ началѣ своей со мной переписки. Какъ не воспламенится съ моимъ воображеніемъ при такой находкѣ въ письмѣ женщины милой, уединенной отъ Свѣта, живущей въ полуторы тысячи верстахъ отъ всякаго просвѣщенія? Какъ не зажечь сердце и не вспыхнуть? Сіе то со мной и случилось. Я началъ самъ вязать ту сѣть, въ кою рокъ судилъ мнѣ запутатся; отъ судьбинной стрѣлы не уйдешъ, и гдѣ человѣкъ утонуть долженъ, тамъ всеконечно покроются глаза его какою то завѣсой, сквозь которую ни самое зрячее око ничего не предусмотритъ, ни отъ чего не убережется. Теорія человѣка не попадавшаго въ ошибки, можетъ быть скажетъ иное, но я видѣлъ причины моего заблужденія, испыталъ его въ полной мѣрѣ, и могу кажется теперь судить объ немъ очень здраво. Нѣтъ разсудка тогда какъ чувства одолѣютъ сердце, нужно его призывать на помощь къ себѣ прежде, но когда загорѣлся домъ, поздно чистить трубы, — надобно разрушать, ломать, и приводить все сущее въ не бытіе. Нѣтъ ничего труднѣе како сопротивится съ пользою волнующемуся сердцу и раззъяреннымъ чувствамъ, они всегда верьхъ возмутъ.

Изъ устъ Давида токъ обиленъ,
Но ахъ! и тотъ цѣлить безсиленъ,
Отъ ранъ любовнаго огня.

[1]) Cl. Joseph Dorat, франц. поэтъ (1734 — 1780).

Постой читатель! При началѣ сей страсти мнѣ нужно предостеречь тебя отъ ошибки; не мысли чтобы любовь моя къ ней была чувственная, основанная на однихъ вожделеніяхъ физики; нѣтъ я любилъ ее со всею строгостію Платонизма; я ласкалъ ее одними выраженіями, и никогда, никогда, Богъ тому свидѣтель, уста мои ея устъ не коснулись. Оговорка ета нужна была для Судіи моего. Когда будутъ дѣти мои или кому они повѣрятъ, читать сіи записки, тогда наружные виды всѣ изчезнутъ и предстоять можетъ быть буду я на такомъ Судѣ, гдѣ приговоръ надъ виновнымъ пишутъ не перомъ въ чернилы опущенномъ, но пораженіями собственной совѣсти, убитой свѣденіемъ худыхъ дѣлъ своихъ: то пусть и люди судятъ грѣхи юности моей и невѣденія во всей строгой истиннѣ, не прибавляя того, чему мысль моя никогда не была причастна. Словомъ мнѣ надобенъ былъ романъ; я нашелъ случай его изъ самаго себя составить, и пустился въ интригу любовную на всѣхъ парусахъ моего воображенія. Письма мои состояли изъ сильныхъ клатвъ любви вѣчной. Натурально кто любитъ, тотъ думаетъ что ето на вѣкъ. Изъ убѣжденій на разлуку съ мужемъ, ее не стоющимъ, и которой ее тиранитъ, на убѣжище къ отцу, коему она была милѣе жизни, — вотъ главныя черты моей переписки! Мужъ ея объ ней секретно вѣдалъ, но не могъ еще при началѣ ея сдѣлать никакой ко мнѣ привязки, а когда она уѣхала къ своему Отцу и оставила мужа, сей послѣдній лишаясь съ ней всего ея имѣнія, помыслилъ о мщеніи мнѣ не за жену которую онъ уже и не любилъ, имѣя тьму наложницъ самыхъ подлыхъ, но за имѣніе ибо растройка его дѣлъ не позволяла ему жить такъ открыто и хорошо своимъ однимъ достаткомъ, какъ совокупно и съ ея доходами, которыя отъ минуты развода переставали быть общи, а для пьяницы когда нѣтъ въ виду Шампанскаго и море по колѣно. И такъ онъ почитая меня виновникомъ своей растройки, искалъ благопріятной минуты къ отмщенію и основательной на то причины, не на одной догадки, а на точныхъ свѣденіяхъ основанной. Судьба моя и неосторожность скоро представили ему и то и другое.

Еще маленькое нужно здѣсь примѣчаніе. Многіе будутъ считать и самое сіе повѣствованіе пристрастнымъ и не дадутъ вѣры тому, что каждой изъ читателей будетъ почитать несообразнымъ съ своимъ размышленіемъ: но я пишу правду, и не отягощая другихъ ничѣмъ себя извинить не постараюсь. Когда бы я хотѣлъ быть лицемѣръ или скрыть мои пороки, я могъ бы не начинать вовсе сей Исторіи; никто меня къ тому не принуждалъ, но взявъ перо на сей конецъ въ руки, смѣю утвердить клятвенно, что ничего не солгу, а затѣмъ естьли кто мнѣ и не повѣритъ, я для убѣжденія его ссылатся не стану ни въ чемъ ни на кого, ибо дѣло здѣсь идетъ не о приказной справкѣ. Проведя такимъ образомъ въ пріятной перепискѣ постъ и въ новомъ семъ состояніи находя всѣ удовольствія сентиментальнаго любовника, потому что никогда еще доселѣ въ совершенномъ возрастѣ не ощущалъ его въ подобной полнотѣ сбирался ѣхать наслаждатся плодами трудовъ моихъ въ деревнѣ къ старому Маш(кову) [1]) дабы тамъ видѣтся съ его дочерью о которой по письмамъ ея зналъ я что она уже къ нему переѣхала; ета деревня отъ Пензы была въ осмидесяти верстахъ. Путь былъ бы не далекъ, но над-

[1]) Отецъ Улыбашевой.

лежало презрѣть всѣ онаго затрудненія, какъ то разлитіе водъ, скверную
дорогу, ибо ѣхать туда предполагалъ я на Святой Недѣли. Чего однако
не дѣлаетъ сумасшедшій отъ любви, а паче такой человѣкъ который
проводя жизнь скромную, давалъ любви вящшую силу отъ неиспорчен-
наго темперамента. Рѣшился и поѣхалъ, спустя перьвые дни праздника,
въ которыя задушили меня и попы и Семинаристы и народныхъ школъ
мальчики стихами, рѣчами, великими панегириками. О какъ мало я ихъ
стоилъ, особливо тогда, но для сихъ нужды нѣтъ въ заслугахъ, писа-
телю такому надобенъ рубль, и въ чьемъ карманѣ подозрѣваетъ онъ
ихъ больше нежели въ своемъ, тому онъ и говоритъ на всѣхъ извѣст-
ныхъ ему языкахъ, что онъ духъ, Богъ, и словомъ изящнѣйшее созданіе
міра. Пріѣхавши въ Безсоновку отобѣдалъ тутъ и какимъ то неволь-
нымъ побужденіемъ разсудка, или сердца, ей Богу разобрать етаго не
могъ ни тогда ни теперь, остановился, задумался и рѣшился воротится
домой. О какое счастливое намѣреніе! Самъ Богъ вложилъ его въ мое
помышленіе, самъ Богъ отвелъ меня за руку отъ пропасти, Чтобы про-
должать путь мнѣ надлежало ѣхать мимо села Колокольцова Пред-
сѣдателя Верхняго Земскаго Суда и ближайшаго родственника У...,
который тутъ на то время нарочно случился. Не подалеку отъ той де-
ревни поставленъ былъ отрядъ нанятыхъ имъ дерзкихъ людей, съ тѣмъ
чтобъ они меня до смерти на дорогѣ прибили, весь околотокъ про
заговоръ етотъ зналъ, не вѣдалъ лишь я объ немъ и летѣлъ какъ без-
защитный юноша въ зѣвъ зіяющаго льва; никто мнѣ не смѣлъ о томъ
сказать, опасаясь слѣдствій и принужденія доказывать о такомъ пред-
пріятіи. Между тѣмъ пока я обѣдалъ, безпрестанные верховые проѣж-
жали мимо Безсоновки и навѣдывались скоро ли я выѣду оттуда; безъ
всякаго о томъ подозрѣнія, не соображалъ я даже и того, что Исправ-
никъ Пензенской усильнымъ образомъ просился меня выпроводить до
другой округи, чаятельно отъ того что онъ зналъ умыселъ сопротивни-
ковъ моихъ и боялся со временемъ дать отчетъ, буде что въ его округѣ
случится, а можетъ и для лучшаго прикрытія вооруженной сволочи.
Все то быть можетъ; я ни за кого не ручаюсь, ибо все было противъ
меня, Богъ одинъ спасалъ меня очевидно; ничто не влекло меня къ
какимъ либо сомнѣніямъ, но такъ вдругъ машинально соскучивъ дорогой,
представя какъ она будетъ трудна, отъ разлитія водъ опасна, захотѣлъ
воротится домой. Начто таить здѣсь легкомысліе мое притомъ и не
постоянство нрава? Я уже опять былъ въ Пензѣ занятъ. Загоскина [1])
начинала дѣлать бремя въ моемъ сердцѣ; Она была въ Пензѣ, У... въ
деревнѣ. Присутствіе перьвой сильно вредило послѣдней, и я дѣлясь
между двухъ предмѣтовъ, влекомъ будучи преимущественно къ одному,
потому что видѣть его могъ всякую минуту, терялся и не зналъ за что
принятся; Загоскиной хотѣлъ я показать что желаніе быть съ ней
препятствовало мнѣ съ ней разстатся безъ крайней нужны. У... долженъ
былъ сдержать мое слово, навѣстить ее въ новомъ ея состояніи, взгля-
нуть на собственное свое дѣло, которымъ считалъ я что устроилъ
наилучшимъ образомъ ея участь ибо оборонилъ самое ее отъ побой,
а имѣніе отъ расхищенія; и такъ равно хотѣлось и ѣхать и воротится,
но рѣшась на послѣднее долженъ былъ хотя письмомъ самымъ пламен-

[1]) Наталья Михайловна, рожд. Мартынова, замуж. за Никол. Михайловичемъ Загоскинымъ. Родители извѣстнаго романиста Михаила Николаевича (1789 — 1852).

нымъ дать знать У... что я не могъ продолжать пути; разлитіе водъ и весна служили мнѣ причиной къ извиненію, но поелику нѣтъ ни въ какомъ препятствіи достаточнаго извиненія для пылкаго любовника, то связь романа требовала жаркаго слога въ письмѣ моемъ, дабы наипаче отвести подозрѣніе, что я не захотѣлъ до деревни Отца ея доѣхать бывъ уже на пути, а Загоскиной увидя меня возвратившагося оставалось догадатся что я вхожу въ ея подданство, и все повергаю къ ногамъ ея.

Планъ прекрасной, оставалось привести его въ исполненіе. Не ѣхать, ето было рѣшено; написать и выдумать страшныя затрудненія, ето было также. Перо всегда служило охотно моимъ затѣямъ; я на двухъ листахъ кругомъ, начиня ихъ разными помѣхами, соображеніями, страхами, а паче страстными комплиментами, которыми то письмо усыпалъ какъ искустной садовникъ цвѣтникъ обкладываетъ цвѣтами, написалъ грамотку. Въ ней примѣнялъ ее натурально къ Богу; чѣмъ выше сравненіе, тѣмъ удовлетворительнѣе для самолюбія, а женщины и самыя ледящія никогда не сердятся, когда ихъ уподобляютъ Божеству. Люди часто за сравненіе съ собой сердятся и мстятъ, а Богъ такъ великъ такъ высокъ — мы такъ низко пресмыкаемся, — что безумной любовникъ беретъ его въ примѣръ своей дражайшей когда хочетъ безъ боязни. Можетъ ли громъ его падать на сумазброда въ жестокой горячкѣ? Въ ней я увѣрялъ ее что страсть моя вѣковѣчна хотя самому мнѣ будетъ конецъ, что она одна мнѣ милѣе всѣхъ, хотя въ тоже время любилъ уже другую, словомъ чѣмъ больше надлежало мнѣ извинятся, тѣмъ сильнѣе я искалъ выраженій, и къ несчастію отъ загорѣвшагося слишкомъ воображенія, вмѣстилъ въ той же грамоткѣ, такую мысль которая потомъ была предосудительна для моей нравственности, и о которой я долго сожалѣть буду, ибо въ одномъ семъ пунктѣ измѣнила душа моя правиламъ своимъ, а именно: что бракъ есть политическая церемонія не обязывающая ни къ чему, когда сердце наше принадлежитъ другому. Сіе послѣднее сказалъ я истинно для того, чтобъ убѣдить ее и отклонить мрачныя понятія о разводѣ, къ которому привели ее столь много правильныхъ причинъ. Вотъ одно худо, за которое должна была на мнѣ отяготится рука Божія и я кару ея почувствовалъ. Впрочемъ письмо писанное по французски содержало въ себѣ множество романическихъ оборотовъ, значущихъ болѣе шалость, нежели черный какой умыселъ.

Если бы зналъ я всѣ тѣ заговоры, о коихъ упоминалъ выше, конечно бы я не послалъ письма моего съ нарочнымъ, но ничего не вѣдая не предвидѣлъ въ томъ и опасности и потому съ присяжнымъ, которой сопровождалъ меня, письмо то къ ней отправилъ, а самъ благополучно воротился въ Пензу, удивя жену и всѣхъ моихъ толь скорымъ прибытіемъ. О посылкѣ письма тотчасъ узнали въ селѣ Колокольцова; курьеръ мой былъ схваченъ, напоенъ и пакетъ отнятъ; въ немъ было два письма, одно по секрету къ У... а другое къ отцу ея, въ которомъ я къ ней приписывалъ: ето отдали обратно Волкову и задаривъ его деньгами, уговорили чтобы онъ пріѣхавъ къ Машкову, повинился бы У... будто другое потерялъ, и взявъ отъ нее отвѣтъ, завезъ опять къ Колокольцову, что онъ акуратно и сдѣлалъ. Такимъ образомъ обоюдная наша переписка очутилась въ рукахъ мужа, а моего врага. Волковъ ей и мнѣ во всемъ признался; Тщетно было его наказывать, поздо брать мѣры ко спасенію. Перервалась тотчасъ наша переписка, и съ тѣхъ поръ уже я отъ нее не

получалъ ни строчки и самой нигдѣ не видалъ. Между тѣмъ весь городъ наполнился молвой о перехваченныхъ нашихъ письмахъ; У... пріѣхалъ въ Пензу, сталъ ихъ вездѣ и всѣмъ читать въ ругательство женѣ своей и хвастать мщеніемъ имъ приготовляемымъ. Турчикъ мой и Полчаниновъ [1]) меня о слухахъ Городскихъ извѣстили; тогда только увидѣлъ я глубину изрытой подо мной ямы, но и тутъ ничего еще не боялся, кромѣ того только, что дойдетъ не минуемо сіе до жены моей, подѣйствуетъ на слабое ея здоровье, раздражитъ противъ меня, причинитъ растройку въ нашемъ супружествѣ, сдѣлаетъ меня несчастливымъ на вѣки; вотъ одно чего я боялся, чего желалъ избѣгнуть, но кромѣ сего ничего въ мысль мнѣ опаснаго не приходило. Не умѣлъ я измѣрить въ полнотѣ бѣды мнѣ предстоящей, мучился страхомъ однихъ только домашнихъ неустройствъ. И такъ всѣ мои старанія обращены были на то единственно чтобы ее сберечь, сохраня въ невѣденіи все произошедшее, прочія же всѣ чувствованія кои сердцу моему не могли быть еще чужды, уступали мѣсто сему сильнѣйшему, такъ что никакая другая забота имъ не обладала. Напамятованіи сіи печальны и тяжки. Читатель! Оставимъ У... составлять ковъ свой на меня и отдохнемъ хотя на краткую минуту.

Нѣтъ, не для меня въ етомъ Году отдохновеніе; я могу сказать приводя каждой почти день онаго себѣ на память:

Бѣды родятъ бѣды, не вижу имъ конца.

Жизнь наша какъ тонкое полотно; трудно прорвать петлю, тотчасъ за ней спустится другая, третья и весь холстъ издерется; замарай чѣмъ нибудь ѣдкимъ, во вѣки не отмоешъ. Оставимъ метафоры и оглянемся на настоящія приключенія. Письма Московскія не обнадеживали меня въ здоровьѣ Отца моего; Хотя онъ не былъ еще совсѣмъ у гроба, но не далеко отстоялъ уже отъ конца жизни, и потому я съ Мая мѣсяца опять сталъ проситься въ отпускъ, дабы приближиться къ нему прежде последняго его издыханія; письмо объ отпускѣ писалъ я къ Самойлову [2]) при другомъ къ Кн. Куракину, который отвѣтомъ весьма пріязненнымъ увѣдомлялъ меня, что Александръ Николаевичь не оставитъ при случаѣ объ немъ доложить, и постарается исходатайствовать мнѣ оной на дватцать девять дней. Во ожиданіи его, не смотря на всѣ мои огорченія, кои мрачную составляли около меня тучу, захотѣлось мнѣ на минуту позабыть все и дать свободу веселому моему характеру. День имянинъ моихъ 8 мая къ тому былъ достаточною причиною. Какой несчастной въ такой день не поищетъ иногда случая чему нибудь съ друзьями улыбнутся? Мнѣ хотѣлось непремѣнно етотъ день провесть внѣ дома, и не въ гостяхъ, а на полѣ. Все къ тому споспѣшествовало. Погода была прекрасная; начали мы день Богослуженіемъ. Кто не молится Богу, а особливо въ замѣчательныя дни жизни своей, тотъ не можетъ себя почесть совершенно добрымъ человѣкомъ; а кто несчастливъ или утѣсненъ тотъ вѣрно по нѣскольку разъ въ день молится, ибо не въ сердцахъ восхищаемыхъ радостьми и благополучіемъ о животворяемыхъ, Всевышнее Существо Алтари свои зиждетъ. Они по большой части основаны тамъ, гдѣ нѣтъ ни одной минуты восторга и цѣлыя годы провождаются въ плачѣ.

[1]) Дмитрій Егоровичъ, Пензен. уголовный судья. См. Капище.
[2]) Генер.-прокуроръ, см. выше.

Послѣ церковнаго упражненія поѣхали мы всѣ съ хорошими нашими пріятелями и съ Загоскиными обѣдать за восемь верстъ отъ города; тамъ подъ шатрами ожидалъ насъ столъ на высокомъ холмѣ съ котораго виды занимали бы очень пріятно взоръ мой, есть либъ онъ не встревоженъ былъ зрѣлищемъ не важнымъ, но на меня сильно подѣйствовавшимъ. Въ самое время нашего обѣда за которымъ играла духовая музыка, палили пушки, лилось вино за здоровье мое рѣкою, въ самое то время проходилъ мимо насъ по пути присяжной Волковъ, тотъ самой, который выдалъ мою переписку; онъ былъ прикомандированъ изъ другаго города и отходилъ къ своему мѣсту. Пріятели мои знавшія мое приключеніе, взглянули на меня; тайные ихъ взоры отъ жены моей покрыли блѣдностію лице мое. Вывѣска обыкновенная безпокойной совѣсти. Я видѣлъ его проходящаго и не зналъ куда скрытся отъ внутренняго во мнѣ мятежа. О какъ несносно раздражать свою совѣсть! Учитесь дѣти мои поступать лучше вашего Отца! Нѣтъ словъ коими бы я могъ выразить замѣшательство мое въ ту минуту; казалось все меня обличало, и естьлибы не присудствіе гостей, не праздничные обряды, я готовъ былъ пасть къ женѣ моей на колѣни, открыть ей все мое дурачество, и примирится тѣмъ съ самимъ собою. Но чаша горести еще не вся была испита, и гласъ сердца скоро заглушенъ былъ имянинными восклицаніями; послѣ обѣда поѣхали мы далѣе на линейкѣ и въ Богословскихъ рощахъ верстахъ въ пятнадцати отъ Пензы подъ новыми шатрами пили чай и прохладой наслаждались. Тамъ Желтухинъ встрѣчалъ насъ съ роговою своею музыкой, тамъ новыя роскоши чувственность нашу обольщали. Порѣзвяся до вечера поѣхали мы на ночь къ Загоскину и на границѣ его села Рамзая начались деревенскія забавы, встрѣтили насъ хороводы, вездѣ пѣли пѣсни, пушки и тутъ не умолкали. Хозяева соединя два праздника мои имянины почти прошедшія, и наступающія на другой день Ник. Мих. Загоскина истощили къ увеселенію нашему всѣ возможныя средства, тутъ мы ужинали, ночевали провели еще сутки и воротились домой; подлинно ето время осмѣлился бы я назвать веселымъ, ежели бы душа моя расположена была къ забавамъ, но для чернаго сердца вездѣ сумерки или глубокая ночь. И такъ я хотѣлъ повеселится, хотѣлъ разбить мысли; всѣ мнѣ въ томъ общими силами помогали, но самъ я не умѣлъ себѣ помочь и скука всѣ помышленія мои въ полонъ брала. Полевая жизнь мнѣ однако нравилась, и съ того дня я располагался проводить лѣто за городомъ; у меня была палатка довольно большая, въ добавокъ къ ней домикъ и сверхь того подарилъ мнѣ Таракановъ [1]) Аулъ, родъ Черкесской палатки изъ соломы одѣтой войлоками въ которой можно было съ пріятностію въ жаркіе дни отдыхать; все ето составляло изрядной лагерь, я его раскинулъ въ верстѣ отъ Города на маленькомъ отъ Суры протокѣ, гдѣ я и водой могъ наслаждаться. Тамъ отобѣдавши въ городѣ, послѣ вседневнаго моего купанья въ ваннѣ проводилъ я вечера съ книгой, или за перомъ, и къ сумеркамъ погулявши не много, возвращался на ночлегъ свой въ городъ. — Въ услугахъ при мнѣ былъ вольной Гусаръ, котораго однаго биралъ съ собой въ мои прогулки, и я не знаю какая сильная надежность тогда владѣла мною. Слухи городскія, присутствіе У... стремленіе его сдѣлать мнѣ вредъ и обиду, совѣты моихъ друзей,

[1]) См. Капище.

кои меня всячески отъ того предохраняли, ничто не сильно было ввести меня въ разсудокъ, и испросить у меня той жертвы, чтобы я одинъ такимъ образомъ по полямъ не шатался, и не подвергалъ себя ярости отчаяннаго мстителя; всѣ убѣжденія были напрасны, я былъ безъ страха, бродилъ одинъ по лѣсамъ съ вольнымъ слугой, котораго могъ бы всякой легко подкупить, ѣжжалъ на всѣ Субботы и Воскресенья къ Загоскинымъ еженедѣльно, также безъ большаго числа людей, и самымъ скромнымъ образомъ, думая что я очень благоразумно поступаю. Странное дѣйствіе ослѣпленія! Когда человѣку суждено попасть въ пропасть, то какой то слѣпой рокъ завязавъ ему глаза, тянетъ его туда, куда онъ самъ послѣ, пришедъ въ себя дивится какъ его занесло.

Не приступая еще къ важнымъ произшествіямъ кои тебя читатель тотчасъ ожидаютъ, выслушай одно слово: Оно бы отяготило мою совѣсть естьлибъ я его умолчалъ. Не числи Загоскину на ряду съ прочими легковѣрными женщинами, о которыхъ хотя я ничего не скажу въ моей исторіи, но сами они подвергнутся неблагопріятной твоей объ нихъ догадкѣ. Нѣтъ, она была благоразумна и любила добродѣтель, даже слишкомъ сурово ее показывала; мои частыя посѣщенія ее страшили, оскорбляли, она не была ими довольна, но по связи моей съ мужемъ ея принуждена была ихъ переносить, хотя часто по вспылчивому своему свойству говорила со мной объ нихъ слишкомъ откровенно, и не обольщалась моими привѣтствіями. Могу поручится что и я входилъ въ домъ ихъ какъ въ Святилище съ уваженіемъ, необходимо отъ насъ требуемымъ непорочности и добросердечія; я зналъ хорошо ихъ семью, они любили честь, боялись Бога, и съ ближнимъ были безъ коварства. Вотъ одна цѣна которою могу заплатить за ихъ пріязнь, и до сихъ поръ ко мнѣ продолжившуюся. О! конечно бы скорѣе она прекратилась, естьлибы порокъ въ нее вмѣшался.

Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ провождаемыхъ мною въ полѣ подъ шатрами посѣтивъ меня жена и нѣсколько пріятелей, хотя съ крайнею осторожностію, однако обьявили, что Отецъ мой крайне боленъ, что надежды къ жизни нѣтъ, и что будущая почта ничего пріятнаго не обѣщаетъ. Узнавъ о семъ за недѣлю до оной, всякой почувствуетъ каково мнѣ было пережить ету недѣлю,—всякой говорю я, т. е. тотъ кто любитъ Отца своего. Къ несчастію нашему по нынѣшней нравственности сія оговорка сдѣлалась нужна и необходима; наконецъ пришла почта, и объявила мнѣ что Отца моего не стало. Я не въ силахъ остановится на сей минутѣ, и ничего описывать тогдашняго, воображать ее ужасно, чувствовать тяжело, а изьяснить что со мной дѣлалось никакое перо бы не умѣло; оно въ рукахъ каждаго тупится, когда чувства въ сильномъ волненіи. И такъ пробѣгу я сіи злосчастные часы жизни моей, но увы! Куда я обернусь чтобы найти прохладу? чтобы успокоить мятежное сердце? Вездѣ бѣды, вездѣ злосчастія. О плачевная година! Подобно страннику, которой съ утра выходитъ съ ночлега въ путь и поминутно прячется отъ тучь, то обрадовавшись мгновенному сіянію солнца чаетъ конца ненастью, и новые въ дали слышитъ громы, которые надъ головою его тѣснятся—такъ я въ етотъ годъ жизни моей, едва отдохну на минуту, какъ новая бѣда, новое приключеніе возмутитъ духъ, и чашу горести до дна растворитъ. Но я пишу для дѣтей моихъ, нужно имъ знать всѣ случаи меня постигшіе, и такъ побѣждая движеніе души растроганной,

долженъ въ послѣдній разъ здѣсь повѣствовать о другѣ моемъ и дражайшемъ Отцѣ [1]).

Жилъ онъ, какъ по завѣщаніямъ его видно, шестьдесятъ три года кои ему исполнились 2-го апрѣля сего года; отчасти же по Исторіи моей можно было замѣтить его огорченія, несчастную судьбу. Родясь какъ изгнанникъ въ жестокой ссылкѣ, лишился отца въ юномъ возрастѣ на ешафотѣ, мать похоронилъ въ монастырѣ; вдовѣлъ однажды отъ милой жены, терялъ любезнаго брата, хоронилъ дѣтей, воспитывался въ чужомъ домѣ, испыталъ презрѣніе, гоненіе ближнихъ, ненависть сродниковъ, злобу вельможъ, лишился имѣнія знатнаго, и по стеченію обстоятельствъ несчастныхъ, принужденъ былъ малое совсѣмъ растроить. Въ службѣ не нажилъ ничего, велъ ее безъ выгодъ и удовольствія, вотъ въ короткихъ словахъ его исторія. Изъ сего сокращенія кто не увидитъ что не миновало его никакое зло моральное, а недуги и физическія изнуренія усовершенствовали оныя. Я не стану здѣсь дѣлать ему панегирика. Довольно для славы отца оставившаго послѣ себя дѣтей въ возрастѣ, женатыхъ, и самихъ нажившихъ потомство; довольно для славы такого отца, говорю я, когда дѣти его благословляютъ, любятъ его, плачутъ о потерѣ его, и кромѣ благотвореній его ничего привесть на память не могутъ. Чѣмъ похвальнѣе, чѣмъ достойнѣе, чѣмъ выше увѣнчаться можетъ похвала родителей, какъ не сими лестными преимуществами? Онъ ихъ стяжалъ кротостію своею съ нами въ совершеннолѣтіи, благоразумною строгостію съ младенчества нашего, снисхожденіемъ къ нашимъ слабостямъ, и горячею къ намъ любовію. Какое доказательство можно сильнѣе найти любви къ дѣтямъ, какъ поступокъ его со мной, когда онъ разставаясь со мною въ прошломъ годѣ, и какъ бы конецъ свой предчувствуя далъ мнѣ вѣрющія письма на управленіе Нижегородской его деревней, однимъ почти имуществомъ нашимъ. Симъ вѣрющимъ письмамъ не было ограниченія, они въ полной мѣрѣ послужили мнѣ изъ рукъ его залогомъ, будучи подписаны имъ и матерью моей, съ наблюденіемъ всѣхъ гражданскихъ обрядовъ, сколько онъ довѣрялъ мнѣ понадѣянію на сильную мою къ ней любовь. Имущества послѣ него никакого не осталось, но я богатъ его наставленіями, его совѣты драгоцѣннѣе для меня всѣхъ Бразильскихъ сокровищъ. По смерти его оказались на имя наше два завѣщанія: одно писанное въ 782, другое въ 788 годахъ, оба одинаковой силы. Скончался онъ 8 іюня во второмъ часу за полночь. Изнемогшее тѣло его отъ чечуя, подагры летучей, и совокупныхъ разныхъ болѣзней, между которыми подозрѣвали и камень, обратилъ наконецъ въ мертвенность ударъ паралича, до котораго столько онъ былъ бодръ и такое показалъ присутствіе духа, что даже 7-е число въ день, въ которой минулъ годъ Алексашѣ, онъ послѣ исповѣди и причащенія, тайно отъ домашнихъ выходилъ за ужинъ къ столу, поглядѣлъ въ послѣдній разъ на всѣхъ своихъ ближнихъ, простился по обычаю съ матушкой, съ сестрами, и уже послѣ никто его не видалъ. — Между бумагами въ его кабинетѣ оставшимися нашлись, и у меня хранятся доселѣ, собственной руки его нѣкоторыя примѣчанія на дворянскія преимущества и на откупы. Онъ сохранилъ въ цѣлости множество писемъ

[1]) См. біографію его въ началѣ записокъ.

матушкиныхъ, дяди моего барона Строганова[1]), моихъ изъ Петербурга къ нему писанныхъ, и вмѣстѣ съ журналомъ бабушкинымъ нашелъ я у него всѣ почти ее письма; Сія интересная переписка до гроба моего въ бумагахъ моихъ хранится будетъ, никогда не потеряется и календарь 1758 года, которой остался въ моихъ рукахъ со всѣми его замѣчаніями на уважительные случаи его жизни. Тутъ видны и письмы нѣкоторыя къ нему отъ Генералъ Прокурора кн. Вяземскаго[2]). Вотъ всѣ богатства, кои онъ мнѣ оставилъ, и я ихъ ставлю выше тѣхъ набитыхъ золотомъ кладовыхъ въ которыхъ на грудахъ денежныхъ мѣшковъ, издыхаетъ нечестивой ростовщикъ, оставляющій множество тысячъ душъ такому потомку, который уже чувствуетъ, что душа, изшедшая изъ труппа отца его была самая неистовая, и проклятіямъ подверггшаяся. О! какъ напротивъ при всей печали моей мнѣ пріятно вспомнить дѣла отца моего, жизнь его всю, каждой со мной, съ ближними поступокъ! Веселись райская душа! Питайся тамъ — тамъ гдѣ ты теперь покоишся отъ изнуреній мучительнаго живота, — благословеніями привер-женныхъ къ тебѣ отраслей твоихъ. Я оставлю говорить о состояніи имѣнія нашего по кончинѣ его, до тѣхъ поръ какъ я приближусь къ моему пріѣзду въ Москву, тогда о семъ непремѣнно помѣщу здѣсь во всей подробности; теперь же долженъ, говоря лично о немъ, упомянуть слѣдующее обстоятельство. Молчать объ немъ нельзя, ибо оно имѣетъ большое вліяніе на всю жизнь его и связь съ моею. Поелику онъ былъ свойства горячаго, темперамента пылкаго и одаренъ отъ Природы не токмо здоровымъ, но и самымъ крѣпкимъ сложеніемъ, то мать моя по причинѣ немощей ея и болѣзненныхъ частыхъ припадковъ, не могла ни дѣлить съ нимъ поѣздки въ Питеръ когда онъ тамъ служилъ, ни способствовать къ единственному съ ней сожитію. Сіе я говорю не въ извиненіе моего Отца, но по сущей истиннѣ. Я на самой исповѣди не могъ бы быть справедливѣе: онъ имѣлъ любовницу. Пристрастіе его къ одной благородной дворянкѣ по имени Акс(иньѣ) Люб(имовнѣ) Похвисневой[3]) все ему въ жертву принесшей такъ высоко возрасло, что онъ съ нею вошелъ въ тѣснѣйшую связь; любя ее страстно возилъ ее съ собою всюду; она все съ нимъ дѣлила, и съ ней прижилъ онъ двухъ дѣтей оставшихся живыхъ: сына Григорья, и дочь Анну. Опредѣлить времени сей связи я и самъ точно не могу, но уже дѣти по смерти его были въ изрядномъ возрастѣ, и братъ Григорій былъ при письмѣ отца моего которое я со многими другими отъ него-же ко мнѣ имѣю при себѣ до нынѣ присланъ ко мнѣ для воспитанія его и обученія грамотѣ въ прошломъ 1793 году лѣтомъ, и жилъ при мнѣ въ Пензѣ. О связи отца моего съ ихъ матерью знали мы давно, и онъ намъ ни въ ней, ни въ рожденіи ихъ не таился; Гриша былъ уже записанъ въ конной Гвардіи Вахмистромъ, и его старшинство шло на ряду съ моимъ большимъ сыномъ; вотъ одна вещь которая по общему мнѣнію должна предосудительна быть Отцу моему. Я согласенъ, — но чѣмъ же онъ загладилъ заблужденія свои, и заблужденія отъ вышесказанныхъ причинъ столь необходимыя и столь естественныя. Любовница его всегда была съ нами въ обращеніи, мы съ нею видались ежедневно, она въ наши дѣла не вмѣшивалась, оказывала намъ всегда должное уваженіе. Благоразуміе его такъ умѣло равнять наши между нами и ею поступки, что мы были искреннія съ нею друзья, и какъ во многихъ другихъ семьяхъ бываетъ, ни чѣмъ со стороны ея не могли никогда пожаловатся. Въ разсужденіи матери моей, онъ такъ нѣжно обходился, что до смерти своей старался отъ нея скрыть свою слабость, и когда умирая онъ думалъ, что мать моя ее не знаетъ, и удостовѣрена въ его любви къ ней одной, то духовнику своему завѣщалъ по прошествіи шестинедѣльнаго срока, сказать ей отъ него обо всемъ, и спросить ему ея прощеніе, обнаружить его невѣрность, дабы говорилъ онъ, не считала она меня лучшимъ нежели я былъ, и вѣдала, что я подобострастенъ былъ прочимъ человѣкамъ. О какое примѣрное великодушіе! какая тонкость въ чувствительности! Въ завѣщаніяхъ своихъ онъ ничего другого отъ насъ не требовалъ, какъ неоставленія дѣтей тѣхъ и матери ихъ, возлагая на насъ всю участь ихъ, ибо онъ не могъ ничего имъ оставить. При послѣднемъ его мгновеніи въ кошелькѣ его нашли только рубль съ чѣмъ то серебромъ, — вотъ въ чемъ состояло все богатство любимца Петра II-го. Тѣло его похоронено было въ Донскомъ Монастырѣ. О дрожайшій родитель! Одинъ прахъ твой тамъ почиваетъ, но духъ твой, память твоя живетъ въ дѣтяхъ твоихъ и жить будетъ въ нихъ до гроба! Получивъ сіе печальное извѣстіе, первое мое движеніе было возобновить прозьбу о моемъ отпускѣ. Сколько ни толковали мы съ женой ходя по вечерамъ взадъ и впередъ по скучнымъ нашимъ комнатамъ объ образѣ управленія, какой возметъ нашъ домъ въ разсужденіи матушкиной слабости въ здоровьѣ и ея въ томъ неопытности, ибо доколѣ здравствовалъ отецъ мой, никакія хозяйственныя домашнія дѣла ее не касались, но никакъ не могли ничего ни предположить, ни угадать; нерѣшимость умножала любопытство отъ котораго и усиливалось желаніе самимъ туда ѣхать; а такъ какъ жена моя бывъ брюхата и ожидая родить въ августѣ, непремѣнно рѣшилась еще до сего случая ѣхать къ родинамъ своимъ въ Москву, я же съ моей стороны увѣренъ былъ, что столь важная причина доставитъ мнѣ отпускъ безъ труда, то и назначилъ женѣ выѣхать тотчасъ въ Москву, и тамъ меня ждать, съ тѣмъ, что по полученіи моего отпуска, я бы поѣхалъ соединиться съ ней, и побывши нѣсколько времени дома можетъ быть и вмѣстѣ могли возвратится. Въ слѣдствіе етаго плана жена поѣхала 24-го Іюня въ путь, взявъ съ собой Гришу и оставя дѣтей дома, а я дабы не оставаться одному и успокоить нѣсколько разстроенныя мысли, отпросясь на восемь дней поѣхалъ тогда же на заводы, и посѣтивъ обѣ пустыни Саровскую о которой писалъ прежде подробно, да Синаксарскую во всемъ ей подобную, но только въ меньшемъ видѣ относительно къ строенію и къ числу содержащихся въ ней Монаховъ, воротился на срокъ въ Пензу. Сіе путешествіе было мнѣ нужно; движеніе нѣсколько поправило мрачное мое воображеніе; перемена предметовъ въ ѣздѣ весьма помогаетъ опечаленному разсудку снискать пріятное для себя разсѣяніе. Синаксарская пустыня въ одной округѣ съ Саровской т. е. въ темниковской, и подъ самымъ даже монастыремъ мѣстоположеніе ея пріятно. Да гдѣ же монастыри не имѣютъ онаго? Никто такъ исскустно не выберетъ подъ поселеніе свое мѣсто какъ монахъ. Взгляните на всѣ Монастыри; вы увидите, что всякій изъ нихъ поставленъ при лучшихъ угодьяхъ своей окрестности и пользуется наипрекраснѣй-

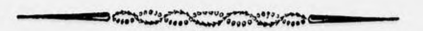
[1]) См. выше.
[2]) См. выше.
[3]) См. Капище.

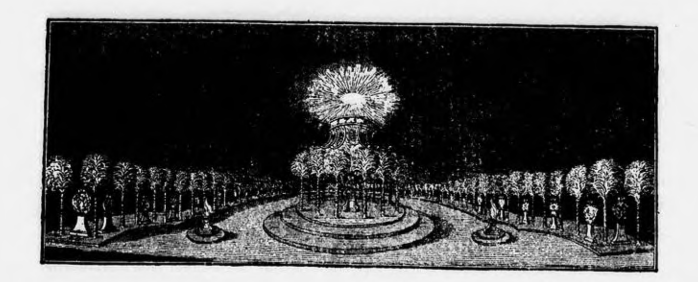
шими видами. Чему дивится? Они въ глубокой древности владѣли царями какъ своими причетниками, и могли наклонять волю ихъ куда хотѣли; а потому все имъ принадлежало на что ни простирались ихъ завистливые взоры. Въ етой самой пустынѣ между монахами жилъ и самъ былъ инокомъ г. Полтевъ, которой прослужа до бригадирскаго чина въ провіянтскомъ Штатѣ, былъ ближній родственникъ Фельдмаршалу гр. Чернышеву [1]) по его женѣ удалился отъ большаго свѣта уже не въ молодыхъ лѣтахъ и наконецъ въ етой обители постригся; хотѣлъ я его видѣть, но его тогда не было дома, или можетъ быть онъ одичавъ, отъ прежнихъ знакомыхъ своихъ скрывался. Многіе слѣдуя его примѣру тудаже изъ разныхъ чиновъ приходили, но скоро скучали и выходили вонъ, а онъ одинъ и до нынѣ тамъ остался.

По возвращеніи моемъ въ Городъ послѣ Петрова дня, которой я не будучи въ расположеніи духа праздничномъ, проводилъ вмѣстѣ съ днемъ восшествія въ пути, узналъ я что на счетъ сей моей поѣздки сдѣланы были заключенія, будто бы я ѣздилъ видиться съ У... Я могу ручаться всѣмъ, что есть свято, что съ самаго дня потери моего и ея писемъ я уже не только не видался съ нею и не искалъ нигдѣ видится, но даже и переписку мою съ ней прекратилъ. Мнѣ не возможно было, унять такой опасной для меня клеветы; она однако родила самыя пагубныя слѣдствія. Разъяренный У... выведенный симъ новымъ подозрѣніемъ изъ всякаго терпѣнія, искалъ меня вездѣ дабы сдѣлать мнѣ сильную и наглую обиду; во всякомъ другомъ городѣ могъ бы я положится въ безопасности личной на правительство, но здѣсь всякое на него упованіе было бы тщетно, ибо Губернаторъ самъ поджигалъ его разговорами самыми неблагоразумными, подучалъ его со мною раздѣлатся самому, потакалъ тѣмъ изъ злонамѣренныхъ собственниковъ своихъ, кои въ угодность ему видя что онъ ищетъ нанесть мнѣ оскорбленіе, ловили столь благопріятный къ тому случай и убѣждали У... при немъ, на разныхъ пиршествахъ, гдѣ онъ нещадно упивался отмстить мнѣ и вступиться за свою честь, подстрѣкали его самыми колкими насмѣшками: словомъ, настроили противъ меня ужасную тучу. — Чего нельзя сдѣлать изъ пьянаго буяна? Богу угодно было меня наказать, — и такъ ничто не могло отвести отъ меня грозящаго удара. Злодѣи мои радовались, что наконецъ получили случай оскорбить меня. Справедливость въ дѣлопроизводствѣ имъ досаждала по службѣ, нигдѣ они не могли отыскать къ пагубѣ моей причины и восхищались неумѣренно, что хотя въ домашнихъ дѣлахъ моихъ нашли меня порабощеннымъ общему человѣческому жребію. Да и чтожъ они думали или хотѣли заставить думать обо мнѣ другихъ? Ужъ ли я могъ быть безъ слабостей? Ужъ ли позволено было въ общемъ правѣ каждаго вооружатся противъ меня за то, что не подавало никому соблазна къ нарушенію добраго порядка? Позволено ли мнѣ обвинивъ себя впрочемъ совершенно по совѣсти, но токмо передъ Богомъ и женой, которыя одни имѣли права на внутреннія мои чувства, позволено ли говорю, здѣсь возразить людямъ ищущимъ моего обвиненія, на чемъ они его основали? Я писалъ къ чужой женѣ любовныя письма, я въ нихъ откровенно вмѣщалъ нѣкоторыя мысли не сообразныя можетъ быть отчасти съ политическими о вещахъ

[1]) Ген.-Фельдм. Иванъ Григорьевичъ (1796 — 1797).

понятіями, не спорю; но сіи письма были ли публичны, казалъ ли я ихъ, внушалъ ли правила мои кому другому? Оглашалъ ли ихъ? Нѣтъ! Я проливалъ неосторожно душу мою въ письмѣ къ милой женщинѣ. Разводъ ея съ мужемъ не давалъ ему права на ея со мной переписку; перехватить ее обманомъ было уже злодѣяніе нарушающее довѣренность и нигдѣ не терпимое. — Пусть правительство дерзнетъ на таковыя случаи показать себя равнодушнымъ, и скоро увидятъ какія на почтахъ выкрадывать станутъ бумаги, а потомъ какимъ бѣдамъ такое своевольство послужитъ началамъ. Но когда законы, Правленіе Государственное, сама Монаршая особа защищаетъ общую переписку и часто ко вреду своему многія переписки терпитъ, когда они узаконенными путями ведутся, то гдѣ взяли право повторяю опять сторонніе люди частнаго человѣка письмо ловить, открывать и дѣлать публичнымъ? Непростительной поступокъ и своевольство! Я все прощаю самому У... Онъ былъ разъяренъ, бѣшенъ, пьянъ безъ чувства, и дѣйствовалъ въ скотскомъ остервененіи, но наустителямъ его ничего не могу простить. Пусть разсмотрятъ всѣ ихъ побужденія! Чѣмъ инымъ въ столь подломъ дѣлѣ могли они быть движимы, какъ не самыми низкими замыслами и недостойными никакого благонамѣреннаго человѣка? Но въ сотой разъ скажу: гдѣ человѣкъ долженъ гибнуть, гдѣ рука Божія на него отяготится и перстъ Вышняго укажетъ ему пропасть, тамъ погаснетъ свѣтильникъ ума, изчезнетъ здравой разсудокъ, пропадетъ всякая логика, стихіи, люди, случаи, — все противъ него ополчится, невозможное сдѣлается возможнымъ, затруднительное удобнымъ, словомъ, онъ падетъ подъ игомъ несносныхъ обстоятельствъ. О люди! будьте осторожны въ поступкахъ собственно вашихъ, и судите благосклоннѣе ближнихъ; помните, что всякій изъ насъ подверженъ сей общей аксіомѣ: homo sum et humani nihil alienum a me esse puto. Никто отъ сего признанія не освободится ни по естеству, ни по стеченію несчастныхъ случаевъ отъ коихъ часто, очень часто зависитъ жребій и самыхъ мудрецовъ. Я могу здѣсь вопросить каждаго изъ тѣхъ, кто тогда кидалъ въ меня словами камень: Où est donc le héros pour son valet de chambre? Довольно естьли человѣкъ не унижаетъ публичнаго своего званія, и не злобитъ ближняго добродѣтельно живущаго; оставимъ впрочемъ каждаго въ его спальнѣ такъ жить какъ онъ можетъ и хочетъ, и кто поставилъ насъ судіями совѣсти другого? Но увы! напрасно я о семъ разсуждаю; обвинивъ себя охотно предъ людьми, тщетно покушаюсь родить въ нихъ добрую волю къ моему оправданію. Пусть судитъ меня мое потомство. Когда дѣла мои въ етой Исторіи будутъ на его судищи, тогда уже меня на Свѣтѣ не будетъ; тогда не мздопріимный судія живыхъ и мертвыхъ положитъ на вѣсы горести мои и преступленія; онъ язвы сердца моего уврачуетъ и грѣхъ юности моей конечно не помянетъ. А вы, судіи міра! Соблазняйтесь наружными видами. Такова на свѣтѣ участь смертныхъ. Ошибки и бѣды вотъ вся основа нашей жизни!





При всей растройкѣ спокойствія моего отъ изъясненныхъ приключеній, служба не терпѣла; я съ той же дѣятельностію занимался дѣлами, какъ и въ самыя ясные дни моихъ веселостей. Новыя тогда готовились намъ заботы; корона умножила всѣ повинности народныя; налогъ былъ удвоенъ на гербовую бумагу, на паспорты, на подати купеческія и мѣщанскія, на чугунныя и мѣдныя заводы, словомъ, все цѣной своей возвысилось. Подушныя съ помѣщичьихъ крестьянъ до сихъ поръ бывшія въ семь гривенъ умножились до рубля, и что всего было отяготительнѣе и труднѣе къ выполненію, накладка сія полагалась хлѣбомъ по нѣкоторымъ Губерніямъ хлѣбороднымъ, или такъ называемымъ отъ Правительства въ угодность двору для большого количества натуральной подати, ибо въ семъ случаѣ не было соблюдено никакой справедливости, да и нѣкогда было обстоятельнаго сдѣлать разсмотрѣнія, потому что всѣ сіи имянные указы обнародованы бывъ 30 Іюня, повелѣвали всякой зборъ по симъ предполагаемымъ сугубымъ окладамъ, начать со второй половины текущаго года, слѣдовательно торопливость въ полученіи денегъ вознаграждала точность въ правильности збора. Указы сіи разлились отъ Трона какъ насосы, коими видимымъ образомъ хотѣла корона всѣ способы истощить къ обогащенію своему и вытянуть остальныя соки жизни изъ подданныхъ своихъ. Подобное описаніе всѣхъ вышедшихъ тогда въ одномъ смыслѣ указовъ, не принадлежитъ къ моему предмѣту, я коротко о нихъ здѣсь молвилъ потому только что отъ исполненія оныхъ проистекали большія трудности для Казенныхъ Палатъ вообще, а наипаче для управляемой мною, ибо недоимки уже и такъ въ Пензѣ доходили до степени уважительной, да и денежной пріемъ рекрутъ послѣдняго Года ясно мнѣ показалъ что мужикъ казеннаго вѣдомства въ Пензѣ приходилъ въ крайнее изнеможеніе; но казнѣ нужны были деньги; она придумывала всѣ средства къ сисканію ихъ, и вмѣстѣ съ помянутыми указами повеленія о продажѣ казенныхъ порозжихъ земель, и объ учиненіи новой переписи душамъ по истеченіи токмо двѣнадцати

лѣтъ со времени послѣдней, доказывали каждому что Императрица россійская жаждетъ золота какъ и откуда бы то ни было.

Наступилъ іюль мѣсяцъ, онъ долженъ былъ сдѣлатся для меня памятникомъ неизгладимаго поношенія. 6-го числа, — день сей вырвать изъ сердца моего ничто не въ силахъ. Выходя изъ присутствія нечая никакого подлаго противъ себя заговора, встрѣтилъ я въ первый разъ послѣ всѣхъ произшедшихъ случаевъ взглядъ У... [1]) въ сѣняхъ; Никто меня не провожалъ; Шелъ я одинъ съ слугой и безъ обороны которую бы конечно приготовилъ когдабъ случившееся предвидѣлъ. Остановленъ былъ въ двѣряхъ выходя на улицу Совѣстнымъ Судьею г. Сумароковымъ однимъ изъ подлыхъ сообщниковъ пьянаго моего непріятеля, нарочно думаю для того чтобы дать время ему сдѣлать мнѣ оскорбленіе; какъ скоро я увидѣлъ, что онъ быстро стремится ко мнѣ я хотѣлъ выйти, но не успѣлъ сойти съ порога на улицу какъ У.... замахнувшись тростью ударилъ меня по затылку; Никто его тутъ не схватилъ, всѣ бросились прочь; я былъ пѣшкомъ и въ фракѣ; что оставалось мнѣ дѣлать какъ не идти тотчасъ домой, дабы не подвергнутся новой обидѣ, но онъ бросясь въ коляску ускакалъ хвастатся повсюду своимъ буянствомъ. Я никого не хочу ставить тогда на свое мѣсто, дабы почувствовать что въ душѣ моей происходило; физическаго вреда я не потерпѣлъ, но моральное оскорбленіе выше было ужасовъ и самой смерти. Когда бы онъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета, онъ бы меня обрадовалъ несказанно, ножъ въ тѣ минуты казался мнѣ спасительнымъ и единственнымъ прибѣжищемъ. Я не стану говорить здѣсь о слѣдствіяхъ какія ето приключеніе имѣло на мои нервы и о болѣзнямъ, коимъ съ тѣхъ поръ я сталъ подверженъ. Ипохондрія, волненіе крови, біеніе испуганнаго сердца, всѣ мраки воображенія, — все ето въ етой злосчастной минутѣ почерпнуло свое начало; она была источникомъ золъ моихъ, послѣдовавшихъ по времени; она уничтожила всѣ красы судьбы моей, и сдѣлала дни мои днями гроба. Пришедши домой, въ первомъ движеніи я не зналъ что дѣлать; вызвать его на поединокъ, драться съ нимъ, не находилъ я ни малой приличности, ибо пьяный мужикъ который въ бѣшенствѣ дерется, нападаетъ на человѣка обезоруженнаго, есть подлецъ не стоющій чести благороднаго поединка. Я не ищу обвиненіемъ его мерзкаго поступка восторжествовать надъ общимъ мнѣніемъ. Предубѣжденіе ли то, или нѣтъ, чтобы считать такія случаи поносными для того, кто сдѣлался предмѣтомъ наглаго оскорбленія, хотя конечно никто отъ онаго предостеречься не можетъ, тѣмъ паче что въ немъ и не отчаяніе скоропостижное отъ свѣжей обиды дѣйствовало, отнюдь нѣтъ! Онъ уже болѣе двухъ мѣсяцовъ имѣлъ въ своихъ рукахъ письмы, слѣдовательно поступокъ его не былъ дѣйствіе воспламененія минутнаго крови, но умыселъ разстроеннаго разсудка отъ безпрестаннаго хмѣля, къ которому его всѣ побуждали, единственно мнѣ въ досаду, — и такъ правильно ли будетъ или нѣтъ что такимъ нападеніемъ человѣкъ не посрамляется, но я всегда скажу, что кто въ такомъ случаѣ не имѣетъ довольно твердости духа чтобы презрѣвъ всѣ законы, забывъ самаго Бога, или зарѣзать врага, или зарѣзаться, тотъ долженъ вести жизнь постыдную и на вѣки лице свое покрыть срамотою. Отъ етой мысли ничто меня не отведетъ, но я

[1]) Улыбашевъ, см. выше.

не имѣлъ духа ни быть самоубійцею, ни убійцею другаго, покорился рукѣ Божіей, не силенъ былъ тогда призвать его себѣ на помощь и смирилъ раздраженную во мнѣ горделивость сколько могъ. Хорошо ли, или худо сдѣлалъ, увижу на томъ свѣтѣ, когда всѣ наши дѣла изобличатся. Теперь, увы! ничего не рѣшу; — потерявши весь разсудокъ, я не способенъ былъ ни здраво мыслить, ни благоразумно дѣйствовать. Правда твоя Коцебу [1]), кто въ нѣкоторыхъ случаяхъ не теряетъ ума, у того видно никогда его не бывало. Пошелъ я тотчасъ къ Губернатору просить подорожной для посылки нарочнаго съ жалобою къ Государынѣ; онъ не ожидалъ такого отъ меня намѣренія, думая что все ето кончится какъ драка простолюдиновъ, виномъ, рѣшился отказать мнѣ въ подорожной, и только для виду велѣлъ захватить У.... и начать уѣздному Суду надъ нимъ слѣдствіе, приказавъ подъ рукою щадить его. Вышедши отъ него написалъ я жалобу къ Государынѣ и со естафетомъ котораго почта не могла мнѣ отказать, ее отправилъ, и сколь ни уничижительно было для меня распространять о томъ свѣденія, но я ко многимъ такъ называемымъ милостивцамъ моимъ и пріятелямъ писалъ, располагая ихъ сколько могъ къ отмщенію за меня. Кромѣ покровительства законовъ, какой я обороны могъ искать? Они должны были самоуправство наказать тѣмъ сильнѣе, что въ Манифестѣ о поединкахъ имянно сказано, что кто въ своей собственной обидѣ чинитъ себѣ управу, тотъ теряетъ право иска и суда. По етому одному У.... не могъ нигдѣ на меня просить, нигдѣ искать удовлетворенія; никакое мѣсто не было въ правѣ внимать уже за симъ его поступкомъ никакой отъ него жалобѣ; но законы и у насъ подобны какъ нѣкогда сказалъ мудрый Солонъ, паутинѣ, въ которую попадаетъ комаръ, а крупная муха сама ее прорываетъ. Всѣ послѣдствія показали истину моего заключенія. Съ самаго того дня уже неправосудіе ясно ознаменовалось, ибо вмѣсто стражи и воздержанія У.... онъ столько имѣлъ свободы, что цѣлой день ѣздилъ по городу, заѣжжалъ даже ко мнѣ раза два на дворъ съ ружьями, и требовалъ меня видѣть такъ усильно, что я вышедъ изъ своего кабинета, не могъ кромѣ новыхъ преступленій ничему подать случая. И такъ запершись отправлялъ естафетъ ко двору, и потомъ предался всѣмъ горестнымъ моимъ размышленіямъ: тогда то я всю пропасть золъ моихъ измѣрилъ, увидѣлъ со всѣхъ сторонъ мою неосторожность. Размышленія мои на счетъ бѣдной жены моей, какъ неумолимыя фуріи, грызли плачевное мое сердце. Родитель мой, дрожайшій родитель! Вотъ до какой степени дошла тоска моя что я благодарилъ Бога, что ты не дожилъ до посрамленія сына своего! О, естлибы ты его узналъ, ето бы ускорило твою кончину; я бы никогда не согласился приписать рѣшительной мигъ ея твоимъ болѣзнямъ, я бы увѣрился что я твой убійца, и кто бы меня тогда примирилъ съ моею совѣстію, которая отгоняла отъ меня сонъ и тишину непорочнаго сердца. Слава Богу, Слава Богу, что Отецъ мой умеръ прежде. Въ такихъ то размышленіяхъ проводилъ я всѣ дни и ночи, и кромѣ Палаты никуда не выходилъ; дома сидѣлъ какъ невольникъ, имѣя при себѣ офицера полиціи, чтобы предохранить себя отъ дальнѣйшаго зла. Ахъ! естьли что нибудь выше стыда на свѣтѣ! Губернатору всего етаго казалось мало; онъ позволялъ уѣздному Суду дѣлать

[1]) Модный тогда нѣмецкій драматич. писатель.

мнѣ привязки, требовать отъ меня доказательствъ; — на что? На такое дѣло, которому въ полдни на улицѣ весь почти городъ былъ свидѣтель, не было силъ моихъ такихъ привязокъ выдерживать, я отрекся давать объясненія, сослался на поданную жалобу самой Государынѣ и ждалъ отрады отъ одной ея воли. Небо между тѣмъ доставило мнѣ нѣкоторое удовольствіе; получилъ я отъ 10-го іюля письмо отъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина, который, именемъ Самойлова увѣдомлялъ меня, что Государыня на отпускъ мой изъявила свое согласіе, и на донесеніе ей при семъ случаѣ о хорошей моей службѣ, изволила отозваться что ей усердіе мое извѣстно. Похвала Екатерины сильна бы была разсѣять всякую мрачность въ мысляхъ, но сердце мое такъ было убито, что я и симъ письмомъ не способенъ былъ столько восхититься, сколько бы обрадовался во всякое другое время. Сердце мое видно предчувствовало, что всѣ ети выгодныя заключенія изчезнутъ и гнѣвъ ея одинъ будетъ моимъ удѣломъ. О когда бы гнѣвъ только! раздраженіе не трогаетъ чувствительнаго сердца. Нѣтъ умѣли ей внушить что я черной человѣкъ и составить самое худое обо мнѣ мнѣніе, и на что? чтобы доставить другому мое мѣсто; но мы до сего не дошли. Скоро послѣ того письма получилъ я мой отпускъ указомъ Сената въ Губернское Правленіе; мнѣ его объявили и въ перьвыхъ числахъ Августа я поѣхалъ въ Москву черезъ Рязань, дабы новыми предмѣтами разсѣять мое воображеніе. Оно всюду было занято однимъ, и путешествіе мое до Москвы мнѣ не помогло. Стеченіе случаевъ меня постигнувшихъ, не могло мнѣ представлять пріѣзда въ домъ мой въ пріятномъ видѣ; къ большему же огорченію, естьли только оно могло быть чѣмъ нибудь умножено, встрѣтилъ я на дорогѣ однаго бывшаго служителя кн. Михайла Васильевича Долгорукаго, который зная меня коротко по его дому, сказалъ мнѣ, что кто то послалъ въ Пензу будто бы слѣдовать меня. Видъ съ которымъ онъ мнѣ ето говорилъ, мнительное свойство моего характера, представили мнѣ еще болѣе бѣды, нежели въ самой вещи было, и я нетерпѣливо желалъ доѣхать до Москвы, чтобы тамъ, сколько нибудь по обстоятельнѣе узнать что такое и въ чемъ дѣло. Мысль слѣдствія надо мной меня тревожила несказанно, и я не могъ придумать въ чемъ? Невинность одна, или удостовѣреніе совѣсти, не сильно человѣка успокоить; нарушеніе правъ его и клевета, часто самое стоическое равнодушіе потрясаютъ. Я по службѣ былъ правъ, совершенно правъ; но въ такомъ климатѣ, гдѣ пословица, безъ вины виноватъ, никогда не забывалась, на что можно было положится? Остановясь въ Рязани на полъ сутки, дабы отобѣдать у стараго своего знакомца, бывшаго тутъ Вицъ Губернаторомъ, Тредьяковскаго и посмотрѣвъ нѣсколько городъ, пріѣхалъ въ свою подмосковную Никольское. Тутъ дожидались уже меня сестры; не стану говорить ни слова о трогательномъ нашемъ свиданіи; оплакавъ всѣ трое вновь милаго Отца, мы всю ночь почти бесѣдовали, и вотъ что я отъ нихъ тогда свѣдалъ:

Ни мать моя ни жена еще ничего о приключеніи моемъ не знали, но молва которая все умножаетъ, въ такомъ безобразіи распространила его по Москвѣ, что меня считали изувѣченнымъ и отрѣшеннымъ; по жалобѣ моей къ Государынѣ отряженъ былъ Имяннымъ ея указомъ Экзекуторъ Сената г. Кознаковъ изслѣдовать произшествіе на мѣстѣ; онъ въ проѣздъ свой черезъ Москву, посѣтивъ жену мою, старался раз-

вѣдать осторожно гдѣ я проѣду чтобы со мной встрѣтится, ибо для произведенія слѣдствія я былъ необходимо надобенъ, а отпускъ мой только еще начинался; однако мы съ нимъ разъѣхались. Онъ ѣхалъ прямою дорогою. На счетъ дѣлъ домашнихъ открылось мнѣ что Матушка о любовницѣ Отца моего и дѣтяхъ его хотя и узнала, но не позволяла себѣ объ нихъ говорить, и держать намѣревалась со мною на сей счетъ строгое молчаніе; слѣдовательно симъ способомъ лишался я возможности подать несчастнымъ какую либо помощь сообразно съ завѣщаніемъ родительскимъ. Долговъ послѣ Отца моего оставалось до семидесяти тысячъ, коихъ платежъ Матушка снимала на себя безъ отрицанія. Имѣніе наше при смерти его состояло въ осьми стахъ душахъ, изъ коихъ семь сотъ съ лишкомъ составляли Матушкину приданую деревнѣ въ Нижнемъ; родоваго же Отца нашего имѣнія только осталась подмосковная Никольское сорокъ душъ съ виннымъ заводомъ, который поелику тогда еще сидка на немъ производилась давалъ изрядной доходъ. Вотъ все наше наслѣдство и богатства; долги требовали продажи знатной части Нижегородской деревни; Матушка въ томъ успѣла скоро послѣ сего времени, и заплатя уважительное количество оныхъ, осталась при четырехъ стахъ душахъ, Подмосковной, Московскомъ домѣ и тысячахъ двадцати долгу. Отъ сего имѣнія должны были жить и кормиться мать моя съ сестрами, я съ женой и съ дѣтьми. Гриша и сестра его Аннушка [1]), жили съ матерью своею въ домикѣ близь нашего, который купленъ былъ батюшкой на имя мое и за мной остался; онъ болѣе не успѣлъ ничего въ ихъ пользу сдѣлать, а мнѣ нельзя было еще гласнымъ образомъ ни въ воспитаніе ихъ ни въ участь вмѣшаться, дабы не огорчить матушки, не растрогать столь нѣжныхъ чувствъ сердца и предохранить себя въ старости лѣтъ ея отъ всякаго противъ насъ негодованія. Узналъ я тогда же бесѣдуя съ сестрами, что уже она не за долго передъ смертію Отца моего получила тайныя внушенія на счетъ связи его съ Ак(синьей) Люб(имовной) [2]) и основательныя начинала имѣть подозрѣнія, которыя не скрылись и отъ него въ пущей ярости его болѣзни, чѣмъ она едва и не умножилась ли до степени доведшей его ко гробу. Оставимъ сіе судить Богу, а я здѣсь повторю, что по соображеніи всѣхъ сихъ обстоятельствъ, поелику человѣкъ долженъ когда нибудь умереть, то не было для кончины родителя моего пристойнѣе времени къ избавленію его отъ новыхъ мучительныхъ золъ, какъ сіе самое время. Такая картина могла ли расположить меня къ улыбкѣ, къ тому сладкому чувствованію, которое восхищало меня прежде, когда я приближался къ родинѣ моей, къ Москвѣ, когда при перьвомъ взглядѣ на Кремлевскія стѣны, на знаменитыя древности столицы, на позлащенныя верьхи соборныхъ главъ, трепетало сердце мое отъ не расказаемаго удовольстія. Ахъ! нѣтъ; уже не такъ оно билось при нынешнемъ моемъ пріѣздѣ; не облегчило даже стѣсненія груди моей и нечаянное увѣдомленіе которое я получилъ на завтра моего пріѣзда еще въ Никольскомъ, что жена моя, по благости Божіей, въ ту самую ночь съ десятаго на одинадцатое число родила благополучно дочь, которую нарекла она Антониной, [3]) — извѣстіе

[1]) Дѣти отца автора отъ А. Л. Похвисневой; см. выше.
[2]) См. выше.
[3]) Антонина, или Варвара Ивановна, зам. за Новиковымъ. Переписчица настоящихъ записокъ.

сіе меня обрадовало, успокоило, по сколько бы сильнѣе оно подѣйствовало на мою душу въ другое время! Я поспѣшилъ въ Москву и тотчасъ съ сестрами поскакалъ, а пока доѣду, изъясню здѣсь отъ чего дочери моей новорожденной такое странное дали мы имя. Вотъ причина: Возмущеніе Франціи всѣ умы занимало; казнь поносная королевы Антуанеты кого не трогала? Подѣйствовала она сильно и на мою добрую душу, и такъ какъ у насъ уже была дочь Марья, то желая въ семьѣ своей составить имя французской королевы, я уговорилъ жену, чтобы естьли родитъ она дочь, дать ей имя Антуанеты, по русски Антонины. Она на сіе странное предложеніе согласилась съ такимъ условіемъ, что естьли родитъ ее безъ меня, то исполнитъ мою прихоть; подлинно я опоздалъ къ родинамъ ея пріѣхать нѣсколькими часами, и отъ того дочь наша вѣчно будетъ Антонина? Нѣтъ! — вѣчнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ; мы черезъ время переименовали ее Варварою. Годъ рожденія сей дѣвочки несчастливо былъ замѣченъ; дай Богъ чтобы она никогда не почувствовала той тягости, какую ощутили родители ея при перьвыхъ минутахъ ея жизни! Но чѣмъ виноватъ младенецъ? Зависитъ ли отъ него расположить обстоятельства, среди которыхъ природа перьвымъ лучемъ свѣта его озаряетъ? Оставимъ ее въ колыбели и обратимся опять къ себѣ.

Пріѣхалъ я въ Москву. Какъ описать смѣсь разнообразныхъ чувствъ кои при перьвомъ входѣ моемъ въ домъ нашъ одолѣли мою душу? Радость увидѣть жену, освободившуюся благополучно отъ тягости, зрѣлище младенца, внутреннія боренія совѣсти моей и лукавство принужденное съ женой, слѣдствіе перьваго худаго поступка; горесть матери моей, ея слезы, стеченіе обстоятельствъ, пораженіе очевиднаго вездѣ убожества, насиліе чувствомъ состраданія, котораго я не могъ иначе показать къ несчастнымъ дѣтямъ отца моего, какъ въ тайныхъ съ ними свиданіяхъ; мучительная съ ними встрѣча, — словомъ, естьли кто не знаетъ печали, естьли кто не испыталъ гоненія ожесточеннаго рока, то пусть прочтетъ сей годъ моей жизни, и естьли онъ имѣетъ искру чувствительности, естьли сердце его не каменное, то слезы его потекутъ конечно и онъ на положеніе мое тогдашнее конечно умилится. О братѣ и сестрѣ побочныхъ ни я Матушкѣ, ни она мнѣ ни слова не говорила. Нашелъ я жену въ изрядномъ положеніи; съ удивленіемъ разсказывала она мнѣ о Казнаковѣ, но не имѣлъ я духа ничего открыть, поручивъ сестрѣ большой все ей разсказать подробно когда я уѣду. По Москвѣ кромѣ самыхъ необходимыхъ домовъ, никуда не ѣздилъ, всѣ смотрѣли на меня съ отвращеніемъ, всѣ стыдились моего знакомства. О! какъ дорого платилъ я мой поступокъ. Изъ Питера прежнія друзья мои и благодѣтели ни слова мнѣ не отвѣчали и переписка моя кромѣ почтеннаго друга моего Киріяка со всѣми прекратилась. Могъ я по истиннѣ тогда сказать: ближніе мои далече мене стали; Ададуровъ, Виламова [1]), всѣ меня бросили; пусть я былъ виноватъ, но бѣдная жена моя за что вмѣсто состраданія къ себѣ дѣлила общее презрѣніе и равнодушіе? Все доказываетъ намъ несправедливость судовъ человѣческихъ. Занятіи мои въ Москвѣ состояли въ томъ только, что я посѣщалъ Донской Монастырь, устроивалъ манументъ надъ гробомъ Отца моего, не полагалъ быть на немъ стихамъ или громкой надписи, а просто вырѣзалъ слова: Отцу и

[1]) См. выше.

другу, — выразительнѣйшая эпитафія, согласная съ истинною; ничѣмъ болѣе не убиралъ я его могилы. Не могъ я даже весь отпускъ мой пробыть въ Москвѣ; Начатое слѣдствіе въ Пензѣ требовало меня домой обратно; Казнаковъ будучи въ невозможности его безъ меня кончить, прислалъ ко мнѣ нарочнаго звать меня въ Пензу. Отъ Самойлова [1]) о томъ же имѣлъ я письмо; онъ побуждалъ меня воротиться; и такъ все заставляло меня спѣшить изъ Москвы. Ахъ! она тогда меня не веселила. Лучшій день пребыванія моего въ ней былъ день крестинъ Антонины, которую воспринимала отъ купели старая богадѣлинка, перьвая встрѣтившаяся нашему человѣку посланному за тѣмъ. Не могу говорить здѣсь о постороннихъ непріятностяхъ меньшаго рода, кои принужденъ я былъ сносить. Многія барыни привозили къ женѣ моей червонныя и насмѣшными ихъ взглядами то на меня, то на нее, перешоптами между собою, разными движеніями, которыхъ и описать не удобно, но кои суть смертоносныя язвы для сердца въ преступленіяхъ новаго, заставляли меня дорого платить за ихъ золото. Копейка брошенная нищему на распутіи едва ли больше его поражаетъ, нежели меня оскорбляли ихъ любопытные визиты. Приспѣвало мнѣ время ѣхать домой; жена приходила въ силы и приближалась къ той минутѣ, которая должна была снова ихъ умалить, открытіемъ постыднаго моего приключенія. Мать моя не распространяя догадокъ своихъ, можетъ быть и до нынѣ въ невѣденіи о томъ осталась, ибо никогда мнѣ на сей счетъ не открывалась. Я ее оставлялъ въ слабости отъ лѣтъ, изнеможенія и трудовъ; дѣла и долги требовали большихъ заботъ; обороты были тяжки и дѣятельность ея казалось ей недостаточною. Она всѣми мыслями углублялась въ одинъ тотъ предмѣтъ, чтобы растроенное состояніе сколько нибудь поправить; новыя ея распоряженіи уже непозволяли мнѣ дѣйствовать въ слѣдствіе прежнихъ вѣрющихъ писемъ. Я ихъ оставилъ у себя только для памяти родительскихъ милостей. Въ разсужденіи Ак(синьи) Люб(имовны) и дѣтей ея, распорядился я такъ, чтобы до времени брату жить у меня подъ моимъ присмотромъ; не смѣйтесь етому; случайной проступокъ не дѣлаетъ еще насъ совсѣмъ порочными, отдѣлите дурной шагъ отъ закоренелаго зла нравственнаго въ человѣкѣ. Маша, дочь моя, удвоила тоску мою; невинное сіе дитя въ младенчествѣ начинало чувствовать жестокія потери; Отецъ мой любилъ ее до чрезвычайности и ни на минуту не разставался съ ней, выдумывалъ ей потѣхи забавляя ее самъ, игралъ съ ней даже въ куклы, не отъ крайней старости, конечно нѣтъ, — душа его бодрствовала и къ сильнымъ напряженіямъ даже до послѣдняго его вздоха была способна; разсудокъ здравой присущенъ былъ самой послѣдней его минутѣ, но онъ сильно любилъ етаго ребенка; да кого же онъ и не любилъ? — всѣхъ, — всѣ мы ему были милы. Онъ привязанъ былъ сильнымъ образомъ къ женѣ моей, и ожидая ее въ Москву къ родинамъ, назначилъ ей маленькой подарокъ, которой она уже не изъ его собственныхъ рукъ получила. У него была табакерка съ ея портретомъ, онъ ее не покидалъ; на канунѣ кончины изъ нее нюхалъ, и странная вещь! съ тѣхъ поръ эта табакерка пропала; Я никакъ, нигдѣ, со всѣми усиліями не могъ ее отыскать; украсть ее было нѣкому, да и какая корысть? Табакерка была простая черепаховая, портретъ дорогъ былъ въ ней для насъ, посторонній не далъ бы за него ничего, а я бы многаго не пожалѣлъ, но въ роковой книгѣ написано было что эта табакерка пропадетъ. Я до сихъ поръ думаю что ее не нарочно въ суетахъ какъ нибудь либо положили, либо забыли вынуть изъ Московскаго мундира, въ которой одѣли тѣло, и вѣрно съ нимъ вмѣстѣ похоронили. Эта мысль долго меня безпокоила, хотя я не суевѣръ. При такомъ горячемъ какъ я сказалъ выше, къ потомству своему расположеніи, естьли Отецъ мой имѣлъ мысль утѣшительную при концѣ, не могла она быть иная какъ та, что со временемъ Наслѣдникъ Престола, на котораго онъ большую полагалъ надежду, возставитъ жребій нашъ, умножитъ имѣніе, и по крайней мѣрѣ отписное у прадѣдовъ возвратитъ; ето упованіе не такъ ужасною представляло разлуку его съ нами при извѣстныхъ ему обстоятельставахъ домашнихъ, которыя сильно дѣйствовали на его душу и совѣсть. — Естьлибы я хотѣлъ все то здѣсь помѣстить, что сказать можно о его рѣдкихъ качествахъ и благородствѣ души, я бы конечно могъ написать особую и большую книгу, но упражняясь только въ своей собственной исторіи, въ заключеніе моего объ немъ повѣствованія, помѣщу здѣсь опытъ его нѣжнаго характера; онъ служитъ къ оправданію его слабостей, и я не могу воспретить себѣ, обнаружить такой подвигъ души, на которой едва бываютъ ли способны и самыя цѣломудренныя супруги нашего времени. Когда онъ для платежа долговъ своихъ вознамѣрился продать подмосковную село Волынское, дабы освободить заложенное за него имѣніе покойнаго дяди моего послѣ его смерти, и не остаться въ обязательствѣ съ племянникомъ своимъ и его опекой, тогда представляли ему, что лучше удѣлить часть имѣнія матери моей, которое гораздо менѣе стоило, на продажу, чѣмъ ту подмосковную, онъ никогда не хотѣлъ рѣшится на то, чтобы продать, или ущербъ сдѣлать въ ея деревнѣ, дабы не пало на него подозрѣніе что онъ на счетъ онаго дѣлалъ долги и спасалъ свое имѣніе чужимъ, хотя конечно не могло назваться такимъ имѣніе матери, съ коей жилъ онъ слишкомъ сорокъ лѣтъ; при томъ разсуждалъ онъ еще и такъ, что естьли имѣніе останется въ рукахъ нашихъ, то сколько ни увѣренъ былъ онъ въ насъ, не хотѣлъ однако чтобы мать требовала отъ дѣтей помощи, не хотѣлъ малѣйшаго прикосновенія обстоятельствъ къ праву родительницы и твердо предпринималъ такъ устроить дѣла свои, чтобы мать наша оставалась полная Госпожа, пожаловать намъ какъ дѣтямъ своимъ, чтобы она разсудила, или ничего не дать. Пусть мнѣ скажутъ теперь много ли вѣрныхъ мужей обошлись такъ съ своими женами, какъ съ Матушкой поступилъ нашъ Отецъ.

Простясь съ женой и домашними, выѣхалъ я изъ Москвы 26-го августа, и взявши опять туже дорогу на Рязань на Спасскъ и Ламовъ, пріѣхалъ въ Пензу 3-го Сентября. Уже Казнаковъ тамъ производилъ слѣдствіе; весь городъ былъ противъ меня; всѣ думали и готовы были божиться что я жилъ съ У... женой, но я здѣсь все сказалъ, утаить что либо не входило мнѣ отнюдь на мысль. Читатель! ты видѣлъ, было ли что въ моемъ поступкѣ, кромѣ сильнаго воображенія, воспламененнаго видомъ соблазнительной женщины и доведшаго меня до крайнихъ границъ сердечной страсти? Физика тутъ ни мало не дѣйствовала, я даже не имѣлъ никогда случая иной показать ей ласки, какъ пожавъ крѣпко иногда руку нѣжно ее поцаловать; но мудрено свѣтъ переувѣрить въ принятомъ мнѣніи; наружность была вся противъ меня, и я слылъ въ

[1]) Ген.-прокуроръ, см. выше.

етомъ случаѣ тѣмъ, чѣмъ отнюдь не былъ. О! какъ часто выборъ книгъ для чтенія и родъ нашихъ упражненій сильно дѣйствуетъ на дѣла и поступки наши. Проклятый Ришелье! Еслибы я не такъ прилѣжно читалъ передъ симъ временемъ твою Исторію, естьлибы я не плѣнился счастливыми твоими волокитствами, и не осмѣлился, глядя на твои успѣхи, подумать что сердцу и уму нашему всякое заблужденіе въ любви позволительно, не дошелъ бы и я до того, до чего часто доходилъ ты безъ поношенія, потому что ты былъ богатъ, знатенъ и двору нуженъ. Слѣдуя общему понятію и Казнаковъ производилъ свое слѣдствіе; онъ обошелся со мною хорошо; ему нужно было отъ меня обьясненіе, я его подалъ пространно. О семъ говорить грустно и больно; при всемъ его ласковомъ ко мнѣ расположеніи, онъ наклонялъ многое въ пользу У... котораго научили принесть письмомъ повинную Государынѣ не запираясь ни въ чемъ; въ письмѣ своемъ къ ней онъ упоминалъ, что я былъ его другомъ, занималъ у него деньги, пользовался его имѣніемъ и подъ видомъ пріязни вкравшись въ домъ его похитилъ у него сердце жены ему милой, драгоцѣнной и которая его любила. Сколько ни прискорбно раздробительно о семъ говорить но нужно сдѣлать на сіе нѣкоторое возраженіе, ибо письмо его подало обо мнѣ самую худую идею Императрицѣ, она даже заключила что я черной человѣкъ и въ перьвомъ движеніи раздраженнаго сердца, говорятъ, будто бы изволила сказать: онъ потеряетъ мѣсто! Вѣрю что при той картинѣ, которую ей недоброхоты мои представили, могла она и справедливости не нарушая, должна была, ето изрещи, но разсмотримъ клевету, и тогда всякой отнесетъ конечно къ замѣчательному гоненію рока, что приключеніе впрочемъ весьма обыкновенное, интрига, каковыми свѣтъ наполненъ и кои даже публично связываются, тутъ на бѣду единственно мою сдѣлалась было важнымъ, можно сказать Государственнымъ преступленіемъ и влекла меня въ гибель совершенную. Я былъ его другъ говоритъ онъ: всѣ видѣли могъ ли я въ такой тѣсной связи съ нимъ находить хоть малое удовольствіе; вѣроподобно ли сіе по развращенности его нрава и несходству всѣхъ склонностей съ моими? Далѣе: Я пользовался его имѣніемъ. Правда, когда по управленію деревнею отца моего нужно было для перемѣны залога нашего по поставкѣ винной 11 душъ, то я бралъ отъ него на нихъ свидѣтельство, котораго и не употребя, отдалъ черезъ мѣсяцъ, когда въ немъ уже не настояло нужды. Я занималъ у него деньги. Такъ, мнѣ надобно было до ста рублей дни на два, онъ мнѣ ихъ далъ въ гостяхъ и я черезъ недѣлю возвратилъ. Я похитилъ сердце жены ему милой. Подлинно мила та жена мужу, которую онъ сажаетъ съ собаками въ одинъ хлѣвъ, и пьяной заставляетъ быть свидѣтельницею всѣхъ студныхъ своихъ любодѣяній съ презрѣнными тварями, и, прибавилъ онъ тутъ, которая его любила. Переписка ее со мной доказывала ясно ея къ нему привязанность, но сія женщина (я не смѣю ей дать пристойнаго имяни, не изъ уваженія къ ней, а къ самому себѣ, по той страсти какою нѣкогда кипѣло къ ней мое сердце), имѣла довольно наглости, чтобы въ нерѣшимости судьбы своей „когда она боялась что Отецъ ее кинетъ, и она принуждена будетъ броситься паки въ руки мужа своего, написать къ нему письмо, и отъ страха его побоевъ, предварительно искала его умилостивить говоря, будто бы она безъ желанія своего, силою моею была съ нимъ разведена. Такое ко-

варство въ женщинѣ вѣроятіе превосходитъ, однакожъ ето былъ! Вотъ съ какими людьми выходилъ я такъ сказать на очную ставку, но въ Петербургѣ они были не знаемы, благодѣтели У... и имянно родственникъ его Колокольцовъ, представляли его въ видѣ жалкомъ, несчастномъ, — жертвою моего лукавства и черноты. Не оставили внушить и того, что я симъ разводомъ отторгнувъ отъ мужа женнино богатство и имѣніе, имѣю самъ на него виды; словомъ не пощадили ничего того что меня могло очернить жестокимъ образомъ. Я на такое письмо соперника моего лишенъ былъ способа дѣлать возраженіе, потому что оно пошло безъ вѣдома моего; я содержаніе его узналъ тогда, когда поздо было уже и опровергать такія несносныя лжи. Казнаковъ въ изслѣдованіи и производствѣ дѣла держался внушеній Пензенскаго Колокольцова, дабы угодить Петербурскому, да и какъ иначе? Сенаторъ для Экзекутора Сената всегда большая гроза. Наконецъ слѣдствіе миновалось, и Казнаковъ, имѣя повеленіе отъ Двора самаго У... привезти въ Питеръ, взялъ его съ собою. Оторвусь я здѣсь на минуту отъ досадъ и грусти и помѣщу обстоятельство не совсѣмъ стороннее, которое меня порадовало.

Мало было красныхъ дней въ етомъ году моей жизни; по крайней мѣрѣ хоть маленькія цвѣтки, судьбою въ него на путь мой брошенныя, подберу и освѣжу ими траурное мое воображеніе. Французы говорятъ: à quelque chose malheur est bon; подлинно такъ! Казнаковъ былъ не убогой помѣщикъ Тверской губерніи; шуринъ [1]) мой служа въ Торжкѣ, какъ то пользовался съ нимъ знакомствомъ; знакомы были съ нимъ по тѣмъ же причинамъ имѣя помѣстья въ Твери всѣ господа Враскія [2]). Старшій изъ нихъ, управляя Уголовною Палатою, судилъ шурина моего отданнаго по Тешнивскимъ доносамъ; всѣ сіи связи сдѣлали то, что Казнаковъ просилъ Губернатора о пропускѣ опредѣленія Уголовной Палаты освобождающаго отъ Суда и наказанія моего шурина; Губернаторъ такъ былъ испуганъ присылкою Казнакова, такъ мало могъ отгадать, чѣмъ относительно къ нему вся ета Исторія кончится, что при перьвой его о томъ просьбѣ, дабы его задобрить и зажать ротъ, объ немъ опредѣленіе пропустилъ, и шурина сдѣлалъ свободнымъ искать другаго мѣста. Онъ съ Казнаковымъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Петербургъ и я въ пользу его писалъ письма къ Васильеву и Куракину. Нельзя не остановится здѣсь и не примѣтить страннаго въ службѣ нашей злоупотребленія начальнической власти; дѣла уголовныя, по коимъ подсудимые дворяне, или люди имѣющія Оберъ-Офицерскія чины, не присуждались ни къ какому наказанію, вершились тутъ же въ Губерніи, не входя никуда на ревизію, слѣдовательно Губернаторъ могъ отдать подъ Судъ чиновника, лишить должности и службы, протаскать подъ судомъ нѣсколько лѣтъ, и послѣ онъ же могъ тому обиженному напрасно, сдѣлать благодѣяніе, соглашаясь на его оправданіе, и симъ образомъ, притѣсненный нагло отъ начальника подчиненный, еще его же долженъ былъ почитать благотворителемъ. Сей непозволенный способъ самовластія, уподобляющій начальниковъ того времени Египетскимъ Беямъ, послѣ былъ прекращенъ, и Правительствомъ примѣченъ. Ступишинъ [3]) часто на немъ основывалъ свои преимущества и обхожденіе съ подчиненными.

---

[1]) Савва Сергѣевичъ Смирный. См. „Капище“.
[2]) См. „Капище“.
[3]) Пензенскій губернаторъ. См. о немъ выше, а также „Капище“.

Жена встрѣчаетъ на пути своемъ въ Пензу шурина, который дополняетъ свѣденія ея, взятыя отъ сестры моей на счетъ моего приключенія. Письма ея ко мнѣ изъ Москвы давали мнѣ чувствовать, что уже она о семъ извѣстна, но какъ ни живы переписки, взоръ человѣка, имѣющаго право на негодованіе противъ насъ, а особливо взоръ жены достойной, оскорбленной мужемъ, есть лютѣйшая язва какую можетъ понести чувствительной человѣкъ; всѣ мои безпокойства довершилъ и увеличилъ сей ударъ; жена пріѣхала, я съ ней увидѣлся; потекли въ глазахъ моихъ ея слезы, потекли обильною рѣкою и ничего не оставалось къ моему оправданію передъ нею; Надобно было быть ея твердости духа, ея доброму расположенію сердца, чтобы забыть, загладить, простить мнѣ мой проступокъ и вѣчной завѣсою покрыть всѣ мои заблужденія. О! достойная женщина! ты выше всѣхъ похвалъ. И такъ убоялся я страха идѣже не бѣ страхъ. Странная ошибка человѣческихъ расчетовъ! Я ожидалъ и боялся паче всего раздора семейства; напротивъ, Богъ все устроилъ такъ, что жена сама соболѣзновать стала о моемъ горестномъ положеніи и изнеможеніи силъ, ибо въ то время когда со мною случилось несчастіе которое повторять несносно, надлежало мнѣ кровь пустить; сего тогда не сдѣлано, и отъ того потрясеніе въ нервахъ такъ было сильно, что я безпрестаннымъ подверженъ былъ трепетаніямъ сердца, и оттуда началась Ипохондрія, которая до гроба чаятельно меня проводитъ; жена не только простила мнѣ все, но примирясь со мной оплакивала вмѣстѣ слѣдствія моихъ безумій; въ семьѣ моей все становилось тихо, спокойно; Общества нашего прибыло, ибо съ женой пріѣхала въ Пензу сестра ея родная Надежда Сергѣевна, воспитывавшаяся также въ Монастырѣ Смольномъ въ числѣ пенсіонерокъ на коштѣ Двора; но Дворъ по выпускѣ ея не разсудилъ ей сдѣлать той же милости, что и женѣ; она не удостоилась быть присоединенною къ его сообществу, и жила у Тещи, которая отпустила ее къ намъ для уменшенія скуки ея въ деревнѣ; — слѣдовательно здѣсь страхи мои со стороны семейства совсѣмъ изчезли и десница Вышняго противъ всѣхъ моихъ соображеній ясно показала мнѣ, что человѣкъ не способенъ правильно предузнавать, откуда посѣтитъ его ударъ. Подлинно такъ! Въ самое то время, въ Петербургѣ, гдѣ я не ожидалъ страдать по службѣ за любовную интригу, считая, что она не имѣетъ мѣста въ обозрѣніи дѣлъ каждаго въ его публичномъ званіи, — напротивъ тамъ то мнѣ и готовились сильныя оскорбленія, ибо послѣ отзыва Государыни о моемъ усердіи, о которомъ я упоминалъ выше, послѣ выгодныхъ контрактовъ на поставку вина, коей цѣну я знатнымъ образомъ противу прежней успѣлъ понизить, въ оскорбленіе многихъ дворянъ, за такое рвеніе на меня досадовавшихъ, но я все мѣнялъ все жертвовалъ пользамъ Короны! за всѣ словомъ мои послуги, поднесенъ я былъ отъ Сената въ общемъ спискѣ со многими для полученія Владимірскаго Креста, который бы конечно мнѣ и дали, но вмѣсто того Императрица, бывъ уже предварена обо мнѣ худо, по несчастному сему приключенію вымарала меня, предоставя удостоить Орденомъ, по окончаніи слѣдствія, которое еще было тогда безгласно. Потеря сего отличія, когда я о ней свѣдалъ, огорчила меня чувствительно, тронула и жену мою, которая видя такое явное ополченіе обстоятельствъ противу меня, и самую даже несправедливость, — ибо какъ мѣшать службу съ любовными дѣлами, — тѣмъ больше, тѣмъ искреннѣе примирялась со

мною и сладостьми семейнаго согласія искала облегчить тягость моего унынія. Чѣмъ несправедливѣе съ нами люди поступаютъ, чѣмъ сильнѣе они нападаютъ на насъ, теряя всякую соразмѣрность обвиненія съ проступкомъ, тѣмъ сей послѣдній становится легче и неуважительнѣе; величина погрѣшности уменьшается по мѣрѣ силы наказанія, и когда мы видимъ что самый виновный человѣкъ, а особливо тамъ, гдѣ стеченіе обстоятельствъ и случаевъ несчастныхъ умножили его преступленіе, терпитъ болѣе казни нежели заслужилъ, тамъ какая то благосклонность и снисхожденіе къ нему заступаютъ мѣсто одной суровой справедливости и онъ бываетъ намъ жалокъ. Таковымъ начиналъ я уже казаться въ моей семьѣ моимъ ближнимъ; потерявъ Орденъ не тужилъ однако я о томъ что я не кавалеръ, не укорялъ себя, что обнародовалъ стыдъ мой передъ всѣми и тѣмъ лишилъ себя Ордена, ибо умолчавъ о сдѣланной мнѣ обидѣ, все конечно бы я его получилъ, но стоилъ ли бы онъ такой дорогой цѣны? Не сѣтовалъ я со стороны честолюбія; оно уже во мнѣ было убито, но плакалъ и горько плакалъ о томъ, что не могъ надѣть того самаго Креста, которой носилъ Отецъ мой покойной, и которой послѣ него остался, не могъ украшаться единственнымъ симъ знакомъ отличія имъ заслуженнымъ, и потерявъ его самъ отъ себя, умножилъ несносныя мои упреки. Но мнѣ ли принадлежало, сыну безумному родителя благоразумнаго, раздѣлить съ нимъ одинакія почести? Вотъ мысль которая меня терзала, и 20-го Сентября сдѣлалось для меня съ тѣхъ поръ печальнымъ памятникомъ моихъ неудачь.

Не смотря на то, жаръ мой къ службѣ не простывалъ; сколько внѣшніе случаи ни дѣйствовали на внутренное мое расположеніе, не сильны были истребить того огня, съ которымъ я къ исполненію должности моей стремился; дѣла текли своимъ порядкомъ. Въ сентябрѣ вышло два указа, изъ коихъ одинъ облегчалъ меня въ упражненіяхъ моихъ, а другой прибавлялъ хлопотъ. Перьвый, состоявшійся 13-го сентября повелѣвалъ рекрутской наборъ съ 500 душъ по пяти, на обыкновенныхъ его правилахъ. Исполненіе сего требовало, чтобы я присутствовалъ каждый день съ Губернаторомъ, съ которымъ не только цѣлое утро, но и полу часа я быть вмѣстѣ не желалъ бы; охотно всякъ тому повѣритъ, но къ сему новому искушенію долженъ я былъ приготовляться. Судьба однакожъ иногда милосердуя къ человѣческому роду, отводитъ отъ насъ неожидаемымъ образомъ непріятныя случаи, подобно какъ Натура въ движеніи физическихъ элементовъ временемъ накопляетъ тучи, творя изъ яснаго дня самой пасмурной, а не рѣдко видимыя облака разбиваетъ, препятствуя соединиться и составить густую мглу на свѣтломъ горизонтѣ. Ступишинъ среди восхищенія своего, что онъ рогъ сломилъ во мнѣ противнику, поражаемъ былъ естественными и политическими огорченіями, кои умѣряли радость его, и препятствуя полному надо мною торжеству, нѣсколько возвышали меня надъ моими злоключеніями.

Въ маѣ мѣсяцѣ кн. Зубовъ, будучи Екатеринославскимъ Генералъ-Губернаторомъ представилъ Государынѣ, что дворянство его губерніи подноситъ ей въ знакъ усердія нарочитое количество муки и крупъ; подвигъ дворянства былъ принятъ съ крайнимъ уваженіемъ. Тотчасъ вышелъ указъ, велѣно Дворянству дать похвальную грамоту, а князю заготовить медаль; все ето происходило не отъ благодарности къ усердію, но

отъ благоволенія къ князю: личность одна порождала таковыя Указы; всякой это зналъ; всякой Начальникъ губерніи видѣлъ, что дѣло состоитъ въ удовлетвореніи честолюбія фаворита, и что даръ цѣлой области былъ тутъ, какъ говорили Римляне, actio indifferens. Одинъ только Ступишинъ не умѣлъ догадаться; одинъ онъ родился съ довольно тупой головой чтобы помыслить о семъ произшествіи совсѣмъ иначе, нежели вся Россія и вся его братья. Чему дивиться? въ людяхъ, какъ и въ минералахъ есть разносвойственные слои: одинъ даетъ золото, другой чугунъ. Ему вздумалось попробовать, не дадутъ ли и Пензенскіе дворяне чего нибудь, дабы посредствомъ ихъ щедрости, получить самому награду. Самое патріотическое дѣло; ему давно хотѣлось Аннинской ленты; онъ имѣлъ уже нѣсколько лѣтъ Владиміра 2-й степени; Не служило ему остановкой въ покушеніи его и то, что ни одинъ Губернаторъ, ниже столичные не имѣли Анны; по какому то обычаю ли, или тайному Государынину положенію, Губернаторы всѣ далѣе не достигали въ почести Владиміра втораго, и Генералъ-Порутческаго чина, а тамъ какъ въ Комедіи Княжнина Хвастунъ имянуемой, а тамъ и въ Сенаторы; а Вице Губернаторы, поступая по старшинству въ Дѣйст. Ст. Совѣтники, удостоивались почти всѣ третей степени Владиміра. Вотъ вся мѣра была во времена Екатерины выслуги рядоваго Губернатора въ Великороссійскихъ Губерніяхъ! Польскія здѣсь въ примѣръ не идутъ, они были въ другомъ отношеніи посреди Россіи, — пусть мнѣ назовутъ хоть однаго Губернатора въ Аннѣ, — ни однаго не было, да и Генералъ Губернаторы многія ее не имѣли: таковъ тогда былъ порядокъ. Ступишинъ ничего не соображалъ; онъ думалъ, что въ его пользу сдѣлается знаменитое исключеніе: у него былъ Губернской Предводитель нѣкто г. Гладковъ, которой то кабаки снималъ на откупъ, то вино ставилъ, то разсуждалъ о происхожденіи дворянскихъ родовъ, человѣкъ по понятію тамошнихъ людей острой; ему также хотѣлось лептишки, кто добра себѣ не хочетъ? Онъ взялся уговаривать Дворянъ на складку холста для коммисаріята, который тогда имѣлъ въ немъ нужду, и имяннымъ указомъ велѣно было Казеннымъ Палатамъ его скупать. Догадка такая была правильна; что лучше какъ поднесть Монарху то, чего ему надобно. Дворяне на его предложеніе съ маленькимъ принужденіемъ соглашались: по рѣчамъ, говорили одно, а на бумагѣ писали другое. Словомъ, подписка сдѣлана, планъ готовъ, и начальные руководители онаго уже другъ друга поздравляютъ. Qui compte sans son hôte compte deux fois, говорятъ французы: съ ними то и случилось; Государыня за холстъ поблагодарила Губернатора и дворянъ, и приказала сколько его соберутъ доставить въ Казань, гдѣ повелѣно было отъ нее за него и деньги по казенной цѣнѣ доставить. Такой худой успѣхъ Ступишина вздурилъ и сдѣлалъ еще злѣе прежняго на всѣхъ, а натурально вдвое на меня, хотя я тутъ имѣя все право и возможность ему повредить, совсѣмъ не дѣйствовалъ вопреки его намѣренію, ибо дворяне нѣкоторыя жаловались довольно открыто что съ нихъ дѣлается поборъ. Законъ гласилъ, что Казенная Палата ни сама установленныхъ сборовъ ни чинитъ, ни другимъ чинить не позволяетъ. По точному разуму етой статьи, кто бы помѣшалъ мнѣ сдѣлать гласное представленіе? Но сколько потому что я увѣренъ былъ, что дворяне пошепчутъ, покричатъ и ничего не предпримутъ характернаго къ защищенію правъ своихъ, а подбивать ихъ дѣло для меня было бы слишкомъ подлое,

столько и для того, чтобы Губернаторъ не возмнилъ что я дѣйствую изъ мщенія и мѣшаю личность въ службу, презрилъ пустые слухи и оставилъ всѣхъ спокойными. Вотъ случай которой поразилъ Ступишина. Онъ слишкомъ твердо надѣялся на Анну, чтобы не придти въ новое изступленіе отъ сей неудачи, политическимъ неудовольствіемъ рокъ его не удовлетворился; Онъ хотѣлъ видно коснуться и костей Его Превосходительства, ибо при самомъ началѣ рекрутскаго набора, поѣхавши верьхомъ погулять, онъ до тѣхъ поръ понуждалъ своего борзаго коня, не разглядя что подъ ногами у него пень, и такъ осердился на мнимое его упрямство, что далъ ему шпоры; конь въ свою очередь ожесточился, помчалъ его въ кустъ, попалъ передними ногами въ развилину одного дерева и сшибъ генерала съ себя долой. Тутъ онъ выломилъ себѣ важную кость въ рукѣ и такъ жестоко пришелъ ударъ, что нѣсколько докторовъ въ Пензѣ случившихся, на силу могли руку ему вправить; мнѣ одинъ изъ операторовъ говорилъ послѣ, что надобно было имѣть необыкновенную силу въ корпусѣ чтобъ выдержать какъ ему руку вправили; но онъ ету пытку вытерпѣлъ, — такъ то крѣпко сплоченъ былъ нашъ воевода пензенской, а что лежитъ до приключенія онъ самъ мнѣ точно такъ разсказывалъ, какъ я выше написалъ. Пусть судятъ по етому обращику о всей головѣ и ея внутренности. Онъ долго былъ боленъ и почти подъ конецъ набора могъ выѣхать съ подвязанною рукою, худо еще ею владѣя. Въ шесдесятъ лѣтъ ломать кости уже не шутка; я узнавъ о семъ не имѣлъ духа радоваться, но видѣлъ ясно, что всякая болѣзнь ближняго, коей мы причиною, рано или поздо отплачивается намъ справедливымъ Провидѣніемъ; рѣдко безъ возмездія на землѣ остается дѣло доброе и худое, что же принадлежитъ до Ступишина, то я незнаю отъ чего онъ болѣе страдалъ: отъ того ли что безъ руки пролежалъ всю осень и зиму, или, что такой несчастной случай препятствуя ему быть у набора, давалъ мнѣ нѣкоторое право господствовать у онаго и распоряжаться не по его произволу, ибо наборъ рекрутъ есть дѣло не бумажное и трудно заочно его исправлять. Безпорядокъ такой былъ бы слишкомъ нарушителенъ и никто не осмѣлился бы его потерпѣть, боясь отвѣта. Вотъ въ чемъ самая большая бѣда! И такъ Губернатору не слаще было жить моего. Мы оба равнялись въ огорченіяхъ; но нѣтъ, я ни съ кѣмъ не могъ въ нихъ равняться. У меня стыдъ дѣлалъ большой перевѣсъ, тягость на его сторонѣ была легче, а кто страдаетъ безъ поношенія, тотъ еще весьма благополученъ. Возмездіе свыше за сдѣланное намъ зло бываетъ утѣшительно. Я ето тогда чувствовалъ, когда Губернаторъ получалъ свои неудовольствія. Но описаннымъ приключеніямъ предшествовалъ новой къ междоусобію случай, — мудрено уйтить отъ несмысленнаго человѣка.

Наступило время торгамъ на соляную поставку. Сенатъ пославъ Указъ, приказалъ Губернатору быть при оныхъ въ Казенной Палатѣ. Принявъ сіе за знакъ недовѣрія ко мнѣ отъ правительства, не могъ я симъ не огорчиться; но опытъ по времени научилъ меня презирать таковыя нелѣпыя предписанія и не почитать ихъ уничижительными для себя, ибо тутъ не было ни чьего намѣренія. Оберъ Секретарь написалъ, Сенаторы подписали и поѣхали по домамъ. Спросите ихъ тамъ, что они приказали? Едва и сами помнятъ ли. Таковъ былъ тогда общій жребій и честныхъ людей и записныхъ плутовъ! Во исполненіе етого Указа

Губернаторъ долженъ бы былъ войти въ Казенную Палату какъ свидѣтель добраго порядка и цѣлости его. Отнюдь разумъ Указа не давалъ ему права лишить меня моихъ преимуществъ; но онъ въ явное ихъ нарушеніе вошедъ въ Палату сѣлъ въ мои кресла и сталъ я не предсѣдатель Палаты, но членъ ея. Пусть иные скажутъ, не все ли равно? Такъ подлинно въ Обществѣ, въ Маскерадѣ, гдѣ лучшее мѣсто принадлежить по общежитію старшему, или почтеннѣйшему посѣтителю: но въ присудственныхъ мѣстахъ сіи бездѣлки значатъ много. Онѣ тамъ опредѣляютъ вѣсъ чиновника, качество званія его — все ето химера на улицѣ, но въ законномъ Трибуналѣ ета почесть отличное преимущество. Я не хотя нигдѣ уронить правъ своихъ, почелъ себя обязаннымъ сдѣлать сіе обстоятельство гласнымъ. Опять начали марать бумагу, записали о семъ въ журналъ. Я послалъ жалобу въ Сенатъ, Ступишинъ на меня, а между тѣмъ какая изъ того вышла казнѣ польза на мѣстѣ? Дабы самымъ дѣломъ показать если не правительству, по крайней мѣрѣ публикѣ, сколь мало смысла въ Ступишинѣ я, раздраженъ будучи сомнѣніемъ въ моихъ поступкахъ Верьховнаго Правительства, имѣвшаго съ наилучшей стороны въ нихъ надежныя къ пользамъ казеннымъ удостовѣренія, отступился отъ производства дѣла. Не имѣя власти дѣйствовать въ моемъ чинѣ, не могъ никто заставить меня дѣйствовать въ другомъ лицѣ, и отъ етаго, смѣю сказать, попустивъ постороннему вліянію и бросяя вожжи, равнодушно видѣлъ, что Ступишинъ безъ цѣли, безъ намѣренія и безъ произволу отъ глупости потерялъ при сихъ торгахъ тысячь до сорока, и вышеупомянутые господа въ глазахъ его провели. Однако Сенатъ остался довольнымъ; огорчивъ честнаго Чиновника и поручивъ дѣло глупому Губернатору, не все ли онъ съ своей стороны сдѣлалъ то, чего патріотизмъ отъ него требовалъ? Дѣйствуйте всегда такъ Господа Бояре нашего столѣтія. Есть надежда что Судно вами управляемое когда нибудь сядетъ на мѣль: тщетно приставлять дядьку къ дитяти смирному.

Дошли тѣмъ временемъ въ Петербургѣ объ отнятіи моего мѣста бумаги. Разсуждали въ Сенатѣ о семъ разно. Иныя хотѣли меня бранить нещадно, иныя колебались можетъ быть, и понесъ я гнѣвъ его въ вышней степени, ибо Губернаторъ былъ хоть глупъ, да старъ, и притомъ сорокъ лѣтъ слишкомъ офицеръ; какъ же ему не дать воли проказить? Но спасъ меня внезапной тогда случай. Государи Великія Князья [1]) посѣтили тогда Академію, гдѣ Президентомъ былъ Пушкинъ [2]). Они въ собраніи не заняли его креселъ, но сѣли какъ гости по правую сторону его, не потерявъ тѣмъ однако достоинствъ своихъ какъ Великія Князья, также и не вступили въ преимущества хозяина того Присудствія и Начальника. Сей примѣръ нѣсколько послужилъ въ мою пользу и послѣ словопрѣній Сенатъ избралъ къ скорѣйшему рѣшенію нашей Пензенской новой стычки легчайшее средство, и имянно то, чтобы доложить въ Общемъ Собраніи; ето значило тоже, что бросить ничего не сказавъ подъ красное сукно впредь до второго Пришествія. Самой легкой способъ безъ хлопотъ рѣшить вдругъ множество дѣлъ! При моихъ удрученныхъ обстоятельствахъ надлежало бы мнѣ быть терпѣ-

[1]) Александръ и Константинъ Павловичи.
[2]) Гр. Мусинъ-Пушкинъ.

ливѣе, кротче и оставить Ступишина въ покоѣ; но разсудокъ еще тогда былъ молодъ, а кровь горяча. Нынѣ на многое бы тому подобное зажмурился. Благо мнѣ Господи, яко смирилъ мя еси! Опять скажу какъ французы: Si jeunesse savait et vieillesse pouvait, jamais mal n'y aurait. Но теченіе природы перемѣнить не можно, и въ пылкой молодости трудно самыми благоразумными совѣтами предупредить скользской шагъ юности. Споткнемся раза два три и потомъ на костыляхъ опытности гораздо тверже ходить начинаемъ, хотя и тутъ безъ благости Божіей не рѣдко слѣпота заводитъ насъ въ самые глубокіе рвы.

Говоря о заблужденіяхъ моихъ во всякомъ родѣ я строго себя сужу, но при всемъ томъ простятъ мнѣ столько снисхожденія весьма естественнаго къ самому себѣ, чтобы сказать, что есть иногда случаи, къ которымъ человѣкъ ни съ какою осторожностью приготовится не можетъ. Видимъ мы вседневно, что мужчина слѣдуя разврату общихъ мыслей хвалится побѣдами надъ женскимъ немощнымъ поломъ, видимъ и почитаемъ ето за приличный намъ трофей; но до сихъ поръ еще довольно обыкновенно женщинѣ стыдиться любовной интригой, естьли же и въ справедливой, непростительно подвергать себя разглашенію, то кольми паче ново и странно хвастатся тѣмъ чего въ правду не бывало. Однако со мной и етому случится предопредѣлено было. Въ одинъ несчастной день по осени, г-жа П....[1]) о которой выше я имѣлъ случай говорить по жительству моему въ ея домѣ и дружбѣ съ мужемъ подавая за долго передъ симъ на балахъ, и вездѣ подозрѣнія будто бы мы живемъ вмѣстѣ поострила любопытство жены моей узнать истинну и ее на сей счетъ догадки. Она была у насъ очень коротка, съ женой обходилась безъ притворства и при нѣкоторыхъ вопросахъ такъ разбилась сама въ своихъ словахъ, что не нашла лучше способа, какъ повиниться женѣ моей въ томъ чего совсѣмъ не бывало. Вотъ новая исторія. Я никакъ не зная сего произшествія занимался у себя въ верьху кабинетными трудами, какъ вдругъ прислала жена звать меня къ себѣ. Я сошелъ, и всѣ ея укоризны принужденъ былъ въ изступленіи выслушать. Пусть представятъ мое положеніе! Едва я начиналъ отдыхать въ семейномъ спокойствіи отъ прежнихъ моихъ пораженій, какъ новой поклепъ разстроивалъ паки тишину въ моемъ домѣ. Ничто бы не могло увѣрить жену мою въ моей невинности, ничто не сильно бы было доказать лжи етой наглой женщины, естьли бы самъ я вышедъ изъ себя и потерявъ всякую къ полу ея благопристойность, не сказалъ ей самой тутъ же, что она сплела басню, что она постыдной связію хвалится и клеплетъ на себя поносныя небылицы. Она не теряя ни мало духа пошла благополучно къ себѣ, оставя меня съ женой въ новомъ несогласіи; но вѣроподобность приводимыхъ мною доказательствъ убѣдила ее мнѣ дать вѣру. Скоро паки мы примирились и ета госпожа не смотря на все ето приключеніе имѣла наглость на другой же день къ намъ пріѣхать на вечеръ и боясь, чтобы ето когда нибудь не открылось мужу ея, который начиналъ съ ней обходиться по берейторски и любя насъ очень много не спустилъ бы ей етой проказы. Она безпрестанно къ намъ ѣжжала, до сихъ поръ съ нами знакома и жена же еще была столько къ ней благосклонна, что никогда мужу ея о семъ пакостномъ приключеніи не молвила ни слова.

[1]) Ѳ. Я. Полочанинова. См. „Капище“.

Мнѣ одному конечно судьбой назначено было за отличную любовь къ полу встрѣтиться нѣсколько разъ въ жизни съ такими невѣроятными въ женскомъ платьѣ тварями. Все ето однако не даромъ съ рукъ мнѣ сходило, но замѣчательно дѣйствовало на мою физику. Поминутные страхи, безпрестанныя трепетанія сердца разстроивали совершенно мои нервы. Я не могъ пристально взглянуть ни на чье лицо, чтобы не поблѣднѣть подобно какъ преступникъ. О, какъ мученія совѣсти жестоки, когда они раздражатся и ударятъ молотомъ своимъ въ сердце не совсѣмъ еще испорченнаго человѣка! Вотъ прямой адъ на свѣтѣ! Ни въ здѣшнемъ ни въ другомъ нѣтъ нужды воображать другаго. Находили на меня такія минуты, что я въ малѣйшей шалости моей, въ самомъ неважномъ проступкѣ по лѣтамъ моимъ исповѣдывался моей женѣ такъ точно, какъ бы передъ смертью прилично бы было мнѣ покаяться духовнику. Исчислять здѣсь нѣтъ нужды многихъ смѣшныхъ моихъ замѣшательствъ, которыя естьли не предвѣщали точнаго повреждѣнія ума, по крайней мѣрѣ заставляли жену мою бояться, чтобы я не сдѣлался смѣшнымъ въ сообществахъ; но я ихъ тогда тщательно убѣгалъ и строгое уединеніе, въ которое я себя на ту зиму противъ привычки моей заключилъ, помрачая мысль мою, мало по малу приготовило ту несносную Ипохондрію, которой я послѣ былъ подверженъ. Природѣ противоборствовать трудно. Жена склонна была къ уединенію, но я ни мало, и сіе принужденіе разстроило всю систему умственныхъ моихъ органовъ.

Поѣздка шурина моего въ Питеръ была не безуспѣшна. Письмо мое съ нимъ къ кн. Куракину подѣйствовало. Онъ сперьва отвѣчалъ мнѣ что будетъ о пользахъ его стараться, но скоро потомъ, и именно въ ноябрѣ, давалъ мнѣ знать, что шуринъ мой опредѣленъ въ Казенную Палату ко мнѣ въ Ассессоры на мѣсто Щедрина, получившаго по просьбѣ его увольненіе. Такимъ образомъ онъ опять могъ устроить свое семейство и привести дѣла свои въ порядокъ, ибо будучи членомъ одного мѣста со мною, живучи въ одномъ домѣ, менѣе долженъ былъ издерживать, нежели въ иномъ какомъ мѣстѣ. А какъ я принималъ въ немъ участіе, то сіе обстоятельство меня нѣсколько радовало; сверьхъ того сей успѣхъ въ исканіяхъ нашихъ, не смотря на горестное мое положеніе, служилъ какъ бы поводомъ публикѣ къ заключенію, что я не совсѣмъ еще у Двора брошенъ и что въ Правительствѣ есть люди, кои ко мнѣ благосклонно расположены. Но могъ ли однако толико слабой успѣхъ сильно подѣйствовать въ мою пользу, когда съ другой стороны узнали, что У.... Государыня велѣла отослать къ Суду въ Уголовную Палату, и Генералъ-Прокуроръ, имѣя обязанность то исполнить пересылкою его отъ Губерніи до Губерніи, какъ подсудимаго по Имянному указу, изъ понаровки къ нему позволилъ ему явиться въ Палату когда онъ хочетъ и оставилъ ему полную свободу ѣхать безъ присмотра по своему произволу? Сей поступокъ Самойлова служилъ мнѣ яснымъ доказательствомъ, что онъ ко мнѣ переставалъ благоволить, и не мудрено. Связь Сенатора Колокольцева съ преступникомъ, самоличное его настоятельное ходатайство, все могло одолѣть слабую голову и сердце его. Отъ сего случая началась холодность его ко мнѣ, а глупость его привязокъ черезъ время произвела ту вражду, которой онъ мнѣ много показалъ опытовъ, и отъ которой только потому удавалось мнѣ часто укрыватся, что на Престолѣ сидѣла Екатерина и знала твердо, что я не воръ. О! при ней вельможи не смѣли давить насъ, какъ овецъ. Случалось, что она насъ выдавала имъ изъ политическихъ снисхожденій къ такимъ, кои ей сами были въ правительствѣ нужны, или сердцу милы; но все ето имѣло свои границы, а до конца сокрушить какъ насѣкомаго топчетъ исполинъ ногою, никакой знатной баринъ никого не могъ, доколѣ скипетръ Россійской держался въ рукахъ ея. Она нерѣдко уважая представленія ихъ, лишала милостей своихъ, или ленты, или повышенія, или выгоднаго перевода, что и я не давно испыталъ; но какъ скоро подданной на верьхней ступенькѣ требовалъ, чтобы столкнули совсѣмъ подданнаго же съ нижней, она отвращалась отъ того съ негодованіемъ, и злоба черная рѣдко имѣла успѣхъ у подножія ея Престола, а пощипать овецъ своихъ иногда пастухамъ попускала.

Подходя къ послѣднимъ днямъ почти толико чернаго для меня года, скажу наконецъ, что явился изъ Питера У... къ суду. Явное ему доброхотство, оказанное, какъ выше видно было, со стороны Генералъ-Прокурора, расположило болѣе и въ Пензѣ жителей въ пользу его, нежели противъ. Судъ надъ нимъ начался въ Уголовной Палатѣ; однако онъ лично ни дня не былъ подъ стражею; не могъ никуда выѣжать изъ Города, но въ немъ наслаждался всѣми пріятностями свободы, которая у меня почти отнята была, ибо страхъ продерзостей его замѣнялъ самой строгій караулъ. Отъ того ли человѣкъ запирается въ своихъ покояхъ, что его внѣшній стражъ не выпускаетъ, или предвидимая опасность зла, отъ котораго не чаетъ онъ предохраненія — не все ли равно для заключеннаго? Вотъ какова была тогда моя участь! Въ строгомъ уединеніи, среди семьи моей, которая умножилась домомъ шурина, оплакивалъ я мои заблужденіи; имѣлъ достаточное время къ размышленію, смотрѣлъ со вниманіемъ на всѣ окружавшія меня обстоятельства и видѣлъ, что не всегда винитъ насъ поступокъ, но наиболѣе случай, которой важность преступленія то увеличиваетъ, то уменьшаетъ, смотря по качеству лица и стеченію обстоятельствъ внѣшнихъ. Сколько подлинно мужей, гораздо тяжче моего погрѣшившихъ, которые не только не понесли никакого за то наказанія, напротивъ, въ торжествѣ славились мнимой остротой и успѣхъ своего вѣроломства приписывали необыкновенному разуму, тогда какъ другой въ самомъ легкомъ проступкѣ, безъ черноты въ намѣреніяхъ, безъ желчи и дерзости въ дѣйствіи, попадалъ подъ такой гибельной ударъ судьбы, что многими годами не могъ исправить своего разстроеннаго положенія. Наружность вездѣ и во всякое время сильно дѣйствовала на умы и на судъ человѣковъ. Воръ въ лентахъ и воръ съ сумой судятся различно; отъ чего же, когда поступокъ одинаковъ, все отягощаетъ слабаго и прощаетъ сильнаго? Мое приключеніе, котораго отрасли далеко пойдутъ въ будущіе годы, послужитъ тому нѣкоторымъ примѣромъ. Дабы на долго объ немъ забыть, по крайней мѣрѣ уже не писать, скажу здѣсь, что сколько я писемъ ни писалъ къ Ген: Прокурору о скорѣйшемъ окончаніи дѣла и удовлетвореніи меня въ обидѣ, ничто не дѣйствовало, кромѣ вторичнаго письма къ самой Государынѣ, которая тотчасъ приказала понудить Уголовную Палату; ето повелѣніе немножко ее подстрекнуло и прибавило огня, но скоро опять онъ потухъ. Безпокоить Монархиню безпрестанно жалобами, казалось мнѣ не пристойно, и притомъ я ее вящше могъ бы раздражить; хлопотать съ другой стороны объ успѣхѣ черезъ Самойлова было без-

полезно, ибо онъ держалъ противную мнѣ сторону и притомъ хлопалъ лишъ ушами — такъ о немъ довольно громко изъяснился одинъ славной нашего вѣка писатель; ходатайствовать въ Угол. Палатѣ развязки: кромѣ того, что я зналъ, что ею не кончится ето дѣло, не находилъ приличнымъ искать того, чего по справедливости никакой Судья отнять у меня не могъ, — и такъ рѣшился кинуть всякое стараніе до тѣхъ поръ, какъ угодно было бы Богу положить озлобленіямъ моимъ конецъ, и естьли я не получилъ правды ни отъ кого по етому дѣлу, то и врагамъ моимъ не далъ Вышній торжества, ибо все ето настроено было на тотъ конецъ, чтобы я соскучивъ притѣсненіями пошелъ въ отставку и очистилъ тѣмъ ваканцію, которую чрезмѣрно желалъ занять г. Колокольцовъ. Онъ изъ числа былъ искателей сего мѣста, и тогда, какъ меня опредѣлили неожиданнымъ образомъ; а теперь надѣялся при смѣнѣ моей еще вѣрнѣе заступить оное. Самойловъ также имѣлъ въ виду своего Вице-Губернатора, но никто не успѣлъ. Изъ какихъ иногда мѣлкихъ и сомнительныхъ выгодъ люди ѣдятся между собою, какъ волки и одинъ подъ другимъ безъ пощады яму роетъ.

Здѣсь я кончу мои повѣствованія объ У... и какъ путешественникъ, который проходя непріятными и колкими путями выходитъ на малую лужайку, дабы нѣсколько отдохнувъ, собраться съ новыми силами шествовать далѣе тѣмъ же путемъ узкимъ и прискорбнымъ, такъ я въ описаніи будущаго года нѣсколько отдохну. Но прежде вступленія въ оной, нужно еще обратится къ службѣ въ истекающемъ и сказать о томъ, что я принужденъ былъ, видя умножающія недоимки по Пензенской Губерніи и крайнее въ сборѣ податей небреженіе Губернскаго Правленія, дабы не подпасть подъ отвѣтъ самому въ случаѣ, когда бы не стало доходовъ становиться на непремѣнные расходы, принужденъ былъ, говорю, сдѣлать актъ въ Палатѣ и черезъ нее пожаловаться Экспедиціи о доходахъ; симъ движеніемъ я показывалъ мою заботу. Въ случаѣ опасномъ она могла меня извинить, ибо тогда не посмотрѣли бы на всѣ ети нѣжности нашего свѣтскаго обращенія, кои требуютъ, чтобы мы снисходили людямъ обидившимъ насъ и что бы я на Губернатора не жаловался, дабы не подать вида личности злобной и въ самомъ правильномъ поступкѣ. Служба всѣхъ етихъ тонкостей не разбираетъ, и когда денегъ въ казенной Палатѣ отъ недобора нѣтъ, то скорѣе всѣхъ терпитъ Вице-Губернаторъ. Такъ тогда разсуждали; я долженъ былъ съ симъ правиломъ сообразно дѣйствовать. Сей мой поступокъ не примирилъ меня съ моимъ начальникомъ, но не предполагая по существу и причинамъ ссоры нашей никакого примиренія до гроба возможнымъ, я не смягчалъ моего съ нимъ обращенія. Въ одно время съ симъ непріятнымъ для Губ. Правленія понужденіемъ, писалъ я письмо къ кн. Куракину въ Питеръ, въ которомъ приносилъ ему благодарность за шурина моего и всѣ къ нему его милости; просилъ исходатайствовать мнѣ перевода въ другую Губернію, ибо и жизнь и служба все меня въ Пензѣ равно тяготило. Но видно тогда не пріиде тому часъ, и при всемъ доброжелательствѣ ко мнѣ князя не могъ я освободиться отъ тамошнихъ жестокихъ узъ. Письмо мое было ѣдко, разительно; я чаялъ отъ него успѣха, но тогда князь не былъ еще довольно силенъ для такого въ пользу мою оборота, да и повершимъ тѣмъ, что чему быть, того не миновать, а чего Богъ не захочетъ, то во вѣкъ не сбудется.

Слава Богу! годъ сей конченъ, я его прожилъ; я его описалъ, — и такъ теперь постараемся его забыть, и пусть онъ въ Океанѣ вѣчности далеко отъ насъ мчится, какъ щепка замаранная грязью уносится по струямъ чистаго источника въ бездны морскія.

1795.

Принявшись за журналъ мой снова, я уже сказалъ, что множество бумагъ моихъ распропало, такъ что не могу съ желаемою подробностію, а паче постепенностію въ приключеніяхъ, ввести въ оный нынѣшняго года. Начался онъ тѣмъ, что закидали меня стихами и разными панегириками; за ними никогда дѣло не станетъ. Рифмы вездѣ вяжутъ, какъ бабы чулки, была бы лишъ охота за нихъ платить, а даромъ и прямыхъ достоинствъ не похвалятъ. У Двора новый годъ означался разными милостями Монаршими на насъ, то есть на статскихъ, ибо лично на меня уже давно ни одна не падала. Вліяніе, паче прочихъ, имѣлъ данной дипломъ Самойлову на графское достоинство, — за что? вотъ здѣсь то подлинно не солгавши можно сказать: Богъ знаетъ! — ибо людямъ догадаться было бы трудно. Сколько думаю тогда писемъ поздравительныхъ наслали къ нему! Всяка наша братья приказной торопился поподчивать его Сіятельствомъ. О! есть ли бы сіи приношенія, такъ какъ и подносимые мнѣ стихи, по мѣрѣ надобностей каждаго, могли предзнаменовать счастливой или неблагополучной годъ. Сколько бы они были милы и пріятны; но то бѣда, что въ похвалахъ сего рода, никакой нѣтъ пользы ни истины. Я въ сію минуту читаю произшествія генваря и вижу увы! что Дворъ не изъятъ отъ огорченій. На одинакихъ вѣскахъ съ послѣднимъ нищебродомъ, знаменитѣйшихъ въ Свѣтѣ Царей не умолимая Судьба подвергаетъ естественнымъ сокрушеніямъ. Послѣ радости печаль, — сіе правило дѣйствуетъ и въ чертогахъ; тронъ отъ онаго ни мало не свободенъ. 7-го генваря родилась Вел. Княж. Анна Павловна; а 16 скончалась сухотою Ольга Павловна. Ее ли бы кажется не вылечили врачи, естьлибы не была назначена минута смерти каждаго такимъ Существомъ, противу котораго нѣтъ обороны ни въ какомъ искуствѣ. Во время сихъ произшествій въ Петербургѣ, у насъ происходили свои. Куракинъ неотступно звалъ меня къ себѣ, и я съ женой посѣтилъ его въ Пензенской деревнѣ. О пріемѣ его говорить лишнее одно и то же. Придворныя ети особы никогда не мѣняютъ своей наружности, никогда, сирѣчь во время своихъ въ комъ нибудь надобностей. Гдѣ есть любовь, или какое либо чувство привлеченія къ человѣку, тамъ кажется не естественно изо дня въ день быть одинакову. Малѣйшая перемѣна въ другѣ, или оттѣнка въ его пріязни побуждаетъ и насъ въ поступкахъ своихъ съ нимъ соображаться, а тутъ напротивъ, всякой играетъ свою роль, какъ онъ ее выучилъ, и Куракинъ ежедневно на письмѣ и на словахъ былъ противу насъ все тотъ же. Ихъ можно уподобить етихъ Господъ карточнымъ вырѣзаннымъ кукламъ, у которыхъ рука или нога прыгаетъ не выше и не далѣе какъ въ мѣру протянутой нитки, посредствомъ которой шаловливое дитя ее двигаетъ. Здѣсь случай и нужда то, что ребенокъ. Начало новыхъ откуповъ, а за Княземъ съ затруднительною наддачею осталась Пенза, самой худой городъ относительно къ етой операціи, заставляло его для собственныхъ своихъ пользъ ублажать меня сколько можно, ибо зная

что деньгами купить меня неудобно, не отчаивался онъ путемъ самолюбія разшевелить стоическую мою упругость. И такъ мы у него погостили; ѣли, пили сладко, слушали пріятную музыку, и въ ети сутки я согласился весьма съ F. Beaumarchais [1]): Фигаро не вралъ, когда онъ сказалъ: Posseder c'est peu de chose, mais c'est jouir qui rend heureux. Выучитесь, соотчичи мои почтенные, выучитесь всѣ Бога ради по французски; вы много узнаете вещей остроумныхъ и истинныхъ, какихъ писатели наши долго еще вамъ съ такимъ жаромъ и силою, какъ тѣ не выразятъ. Подлинно, что пользы владѣть вещію, имѣть ее своею только? Наслаждаться ею, вотъ прямое благополучіе! Когда я въ гостяхъ у Куракина дѣлилъ съ нимъ его забавы, не мои ли были на тотъ моментъ всѣ его прихоти; онъ платилъ, а я наслаждался, и наслаждался смѣю сказать больше, чѣмъ онъ, потому что частое употребленіе и самыхъ милыхъ вещей становится скучно. Не такъ дорого, а изрѣдка пользоваться пріятнымъ умножастъ его цѣну. Таково было мое положеніе. Ету правду не оспоритъ я думаю никто, при Мафусалемѣ еще ее испытали, и съ тѣхъ поръ всѣ тому вѣрятъ, кромѣ любовниковъ, которые одни думаютъ, что ихъ чувства вѣчны, и что милое лице въ пятнадцать лѣтъ также мило будетъ, когда природа отниметъ у него зубы и нарядитъ ясны очи въ морщины. Я слышу, что читатель мнѣ говоритъ: „безъ прибаски не льзя“ виноватъ, упрекъ справедливъ. Можно было просто сказать, что погостивъ у Куракина домой воротились, но тогдабъ Исторія моя была очень коротка, а мнѣ хочется чтобъ она состояла изъ нѣсколькихъ тетрадей, дабы естьли не будетъ интересна послѣ меня, по крайней мѣрѣ была бы тяжела на вѣсъ; на что? спросятъ меня: — а кто знаетъ, можетъ быть черезъ сто тысячъ девяносто девять лѣтъ, также дорого платить станутъ за золотникъ моихъ рукописей, какъ теперь заплатитъ охотникъ древности за поношенную строчку Пророчества Сивиллы. Однако не шутя, пора за дѣло.

По возвращеніи отъ Куракина сдѣлалась между нами маленькая смутня. Архитекторъ что то перенесъ; ета мѣлочь вездѣ какъ моль втирается; намъ пересказалъ княжія слова не такъ, ему наши иначе; словомъ, началась было ссора, но скоро прекратилась посредствомъ дружескихъ изъясненій и медіаціи г. Столыпина, о которомъ впрочемъ нѣтъ нужды здѣсь разсказывать ни кто, ни что онъ. Довольно знать, что онъ Низовой помѣщикъ и большой знатокъ въ винокуренномъ хозяйствѣ, а потому и Куракину не непріятель. Воротясь въ Пензу, занимался я очень часто перепиской съ обоими князьями Куракиными. Сколько Петербурской ни старался, или лучше и вѣрнѣе сказать, сколько ни увѣрялъ меня что онъ старался о переводѣ меня въ другую губернію, о которомъ я неоднократно просилъ его и умолялъ самыми убѣдительными письмами, но нѣтъ, удачи не было. Я все маялся въ Пензѣ, и казалось Небо не хотѣло мнѣ назначить еще иного мѣста къ спасенію. Замѣтить случилось мнѣ тогда странное приключеніе. Я не суевѣръ, но здѣсь охотно передамъ его потомству, и судить о немъ вольно всякому какъ угодно. Въ одинъ вечеръ, сидя съ женою глазъ на глазъ въ моемъ кабинетѣ, пришли люди намъ сказать, что на Небѣ явленіе; безъ всякаго вѣроятія мы вышли посмотрѣть что такое, и въ самой вещи нашли естественное

[1]) Авторъ извѣстной комедіи „Свадьба Фигаро“.

дѣйствіе воздушнаго метеора, показавшагося въ видѣ огненнаго клуба на нашемъ горизонтѣ; таковой же виденъ былъ и въ разныхъ мѣстахъ Пензенской Губерніи. Я тотчасъ сказалъ женѣ; вѣрно что нибудь случилось на Сѣверѣ, и подлинно скоро узнали, что въ самый тотъ день скончалась Ольга Павловна [1]). Узнавши о ея кончинѣ, я опять вдругъ сказалъ женѣ, вѣрно внучка бабушкѣ [2]) путь готовитъ. Сбылось и то мое предсказаніе. Здѣсь конечно нѣтъ ничего чудеснаго, но не меньше игра случая весьма странная; я однако хвастать симъ ни мало не намѣренъ, дабы не почли меня пророкомъ и не посадили въ тѣсную каморку, какихъ у Царей земныхъ для людей съ подобными догадками вездѣ очень много. Въ мартѣ посланъ былъ отъ Казенной Палаты съ отчетами въ Петербургъ, г. Совѣтникъ Будковскій, который бывалъ когда то офицеромъ во флотѣ; о немъ не лишнее будетъ здѣсь помѣстить анекдотъ, который ясно покажетъ способность его къ Гражданской службѣ. Когда дѣло, о которомъ мысли судей были разнообразны, доходило по собраннымъ отъ нихъ голосамъ до диспута, то онъ позволялъ себѣ съ товарищами своими браниться, и на замѣчанія мои, что ето не пристойно, онъ возражалъ утвердительнымъ голосомъ, что диспутъ уже начался, понимая будто бы дѣйствіе словомъ симъ названное въ коллегіи, позволяетъ каждому предаться всей ярости личнаго своего противу кого ни на есть негодованія. Такое средство мнѣ бы казалось очень удобнымъ для соединенія голосовъ, и подлинно естьлибы всякой во всѣхъ трибуналахъ, думалъ о семъ такъ, какъ г. Бутковскій, то никакое дѣло до разногласицы бы не доходило, и всегда бы рѣшалось по мнѣнію широкоплечаго. Сей чудной Совѣтникъ поѣхалъ съ отчетами въ чаяніи томъ, что желаніе его перейти во флотъ получитъ успѣхъ; но вмѣсто того воротился онъ на старой свой стулъ, а отчетъ остался въ Петербургѣ, гдѣ и теперь я чаю спокойно лежитъ, ибо тогда и сами Экспедиціи ихъ получавшія, не способны были ничего разобрать въ путлявыхъ нашихъ расчетахъ: формы на нихъ мѣнялись очень часто, и ето то самое служило вѣрнымъ признакомъ, что и верхнія наши мѣста не умѣли еще образовать легчайшей методы. Словомъ предмѣстникъ мой былъ Вице-Губернаторомъ съ 781 по 92-й, а я съ онаго до 1797-го, и ни онъ, ни я не получили въ бытность нашу въ Пензѣ ни одной квитанціи; да и съ открытія Губерніи, съ 1780-го сирѣчь года, ни за одинъ Казенная Палата не была еще сочтена.

Пока дѣла шли своимъ порядкомъ, ссора моя съ Губернаторомъ всегда находила въ чемъ нибудь новую пищу. Онъ хотѣлъ смѣнить непремѣнно безъ суда мнимо провинившагося передъ нимъ виннаго пристава Сарайскаго, и прислалъ къ намъ предложеніе въ великую Пятницу, надписавъ: О нужномъ дѣлѣ, дабы тѣмъ и въ ети свободныя дни, даже для остроговъ, потревожить мое спокойство и вынудить меня идти въ Присудствіе. Собралъ я Палату, прослушалъ предложеніе, и найдя въ немъ, что Губернское Правленіе отрѣшаетъ Чиновника другаго вѣдомства, тогда какъ отрѣшеніе отнюдь не ему и лично Губернатору по наказу присвоено, подалъ голосъ, и съ етимъ примѣчаніемъ къ нему отнесся, чѣмъ опять раздражилъ ету сѣдую, но къ несчастію безтолковую голову. Приставъ однако былъ отрѣшенъ, и послѣ имъ же оправдавшій

[1]) Вел. княгиня, дочь имп. Павла I.
[2]) Т. е. Имп. Екатеринѣ II.

его протоколъ Уголовной Палаты пропущенъ, но подсудимый остался безъ мѣста. Увы! чего не дѣлаетъ сила въ рукахъ недостойныхъ? Въ тоже время почти другая со мной встрѣча послѣдовала, и также довольно забавнаго рода; одна барыня пребѣднѣйшая, коей имени уже я и не помню, имѣла дѣло въ Совѣстномъ судѣ съ кн. Кугушевымъ. За него посредниками были Жедринскій и Гладковъ, оба уже извѣстныя читателю, а она не сыскавши ни кого, рѣшилась звать меня въ посредники. Другой на моемъ мѣстѣ отклонилъ бы ето какъ нибудь, или бы сказалъ, что у него флюсъ и онъ выѣжжать не можетъ, или бы отъѣхалъ подъ видомъ деревенской Экономіи верстъ за пять куда нибудь отъ города и сдѣлался отлучнымъ, но я никогда не любилъ политики тамъ, гдѣ надобно помогать, и зная, что отъ посредничества въ Совѣстномъ судѣ законъ не предположилъ никакой причины къ отрицанію, посулилъ ей взяться за ея дѣло, и подговоря съ собою въ помощники Полчанинова, взяли дѣло ея въ особенное свое попеченіе. Надобно было съѣхаться въ Совѣстной Судъ. Косноязычной Судья г. Сумароковъ по прихотямъ Жедринскаго назначилъ присудствіе по утру, потому что тотъ вмѣсто Гражданской Палаты въ которую никогда не ѣзжалъ охотнѣе сбирался въ Совѣстной Судъ, на часъ бесѣды пустой можетъ быть, а потомъ домой, да и за карты, но я не любя портить моего порядка, и будучи обязанъ утромъ присутствовать въ своей Палатѣ, не могъ на ето согласиться, требуя, что бы время назначаемо было для сего съѣзда или послѣ полудни, или по окончаніи присутственныхъ часовъ по регламенту. Требованіе сіе не полюбилось Совѣстному Суду, которой не находилъ себя въ обязанности присутствовать или долѣе или въ иное время чѣмъ другія, а больше всего карты дѣлали тутъ много помѣхи, и такъ онъ отнесся въ Губернское Правленіе, а оно не умѣя разрѣшить сего обстоятельства промолчало. Ступишинъ какъ Александръ, любя рубить узлы, коихъ развязать не умѣетъ, сталъ меня принуждать властнымъ образомъ явиться въ Судъ. Я своими причинами выше сказанными оборонялся, наконецъ съѣхались мы въ два часа по полудни, но поелику прежнія переписки и переговоры расположили всѣхъ насъ другъ противъ друга очень худо, а дѣло шло о томъ, чтобы Кугушеву признаться, что купчая данная ему родственниками нашей истицы есть безденежная и подложная, въ чемъ не всякой любитъ искренно признаваться, то мы пошумѣли, поспорили и вывели другъ друга изъ терпѣнія. Судья насъ отъ того, что заикался поминутно, а мы его отъ того, что безъ умолку кричали, а потомъ разошлись не положивъ не только конца, ниже начала нашему дѣлу. Стоило труда собираться. Прекрасной Совѣстной Судъ. Послѣ мы уже не съѣжжались, подписали по домамъ каждой свое несогласіе, и отослали подсудимыхъ въ Уѣздной Судъ, или лучше сказать, во тьму кромешную. Входили ли когда на мысль Творцу учрежденія Совѣстнаго Суда въ Россіи, что дворяне такимъ образомъ осквернять станутъ сіе святилище истинны. Трудно повинить меня въ томъ, что я долго упорствовалъ предстать въ Судъ, ибо ничто меня не освобождало отъ должности моей по службѣ, и естьли ни что же не освобождало отъ обязанности какъ Гражданина, тутъ на то время живущаго, быть посредникомъ однако не на счетъ должности моей, позволено могло мнѣ быть ту обязанность исполнить. Какимъ же бы образомъ и въ Совѣстномъ Судѣ и въ Казенной Палатѣ, могъ я въ одно и тоже время, по утру въ будній день (а у

меня все были будни, ибо кромѣ Воскресенья я и по субботамъ присутствовалъ ради лучшаго и скораго теченія дѣлъ) прикладывать къ актамъ судебнаго мѣста руку и обманомъ показывать себя тутъ и тамъ? Такой безпорядокъ не входилъ въ мое поведеніе и я на оной не могъ согласиться. Впрочемъ, я живу въ Россіи и знаю, что ничего нѣтъ легче, какъ быть безъ вины виноватому.

Въ замѣну сихъ мѣлкихъ безпокойствъ, судьба награждала меня соразмѣрными и пріятностями. По знакомству съ отцомъ моимъ покойнымъ, Измайловъ М... М... поручилъ мнѣ деревни племянницы своей родной и дѣла ея. Я въ нихъ не рѣдко успѣвалъ дѣлать ему угодное, а какъ Прозоровской отъ Московскаго Начальства просился прочь, и на мѣсто его по Гражданской части Генералъ-Губернаторомъ пожалованъ былъ тотъ Измаиловъ, то въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ матери моей, которая тогда изъ оборотовъ не выходила, онъ могъ ей оказывать большія милости, да и по заводу въ Подмосковной, на которомъ выкуривалась наша поставка казеннаго вина, пособіе его и покровительство были на то время необходимы.

Губернаторъ однако, какъ ранній червь все подъѣдалъ меня разными способами. Вдругъ вздумалось ему нечаянно послать освидѣтельствовать Казначея Слѣсарова, считая по чьимъ то разсказамъ, будто у него не всѣ деньги на лицо, что конечно я съ нимъ въ половинѣ въ плутнѣ, ибо онъ былъ ко мнѣ близокъ. Совѣтникъ Губернскаго Правленія проѣздилъ напрасно, прогоны Казначея пропали, и казна оказалось въ цѣлости. Я о семъ произшествіи списался тотчасъ съ Куракинымъ, которой также того Казначея покровительствовалъ, и какъ при семъ свидѣтельствѣ, у Слѣсарова описаны были, заперты и запечатаны всѣ книги, счеты и дѣла, ибо гдѣ дѣйствуетъ мстительная личность, тамъ рѣдко, или вовсѣ никогда, благоразуміе не совѣтуется на счетъ предпринимаемыхъ мѣръ, и сей яркой поступокъ разстроивая порядокъ службы, вынудилъ меня опять войти съ Ступишинымъ въ колкую и и щекотливую переписку; но онъ ничего кромѣ злобы не чувствовалъ. Въ откупныя дѣла по Губерніи вошелъ по Чембарской округѣ графъ Разумовской, Алексѣй Кириловичъ [1]); онъ былъ очень богатъ, а потому думалъ, что никто ему не дерзнетъ прекословить. Скоро непріятной случай заставилъ его познать свою ошибку, и увидѣлъ онъ что меня уламать деньгами въ дѣлѣ несправедливомъ трудно. Пострашалъ онъ Казенную Палату при неудачѣ въ оборотахъ своихъ указомъ строгимъ изъ Сената, но увидя что тамошнее правосудіе еще тяжелѣ достается нежели благосклонное снисхожденіе среднихъ мѣстъ въ Губерніи, разсудилъ не заводя дальней ссоры, примириться въ лицѣ моемъ съ Казенною Палатою посредствомъ Куракина. Богатые люди и знатные Господа обыкновенно всѣ между собою свои. Тотъ вошелъ въ посредничество и писалъ ко мнѣ. Изъ рукъ въ руки, съ нарочными и по почтѣ, переходило нѣсколько отъ насъ писемъ, и кончилось все, какъ говорятъ французы: à l'amiable, а Куракинъ началъ вновь звать меня съ женой въ Саратовскую деревню Надеждино. Пока приготовлялись тамъ для насъ забавы, въ Пензѣ меня всѣ терзали и жгли малымъ огнемъ, какъ людоѣды хорошую добычу. Уѣздной Судъ по дѣлу въ немъ производящемуся о

[1]) 1748 — 1822. Будущій министръ Народнаго Просвѣщенія.

поступкѣ У... требовалъ отъ меня какихъ то обьясненій и доказательствъ, но я твердо расположась принеся разъ свою жалобу, не имѣть въ такомъ нагломъ дѣлѣ на правѣ обыкновеннаго истца никакого ходатайства, предоставилъ законамъ сильно или слабо дѣйствовать, а самъ старался забывать столь несносное приключеніе, и уѣздному Суду ничего отъ себя не давалъ, не посылалъ и не писалъ. Я занимался при всѣхъ чинимыхъ мнѣ озлобленіяхъ одной службой и цѣль моя быть ей существенно полезну, никогда изъ вида моего не пропадала. Изыскивая способы какую либо финансамъ показать услугу, много рылся наипаче въ бумагахъ заводскихъ. Винокурни были въ Пензѣ наша Остъ-Индія, тутъ надлежало искать сокровищь, и я по зрѣломъ соображеніи сихъ обстоятельствъ внѣшнихъ и внутреннихъ найдя, что заготовительной капиталъ не нуженъ, рѣшился о немъ сперьва предложить Казенной Палатѣ, а отъ оной потомъ и далѣе представить. Дабы показать пользу моего предложенія нужно дать здѣсь нѣкоторое понятіе и о дѣлѣ семъ вообще.

Винокуренныя наши заводы устроены были на полмилліона почти ведеръ вина, и дѣйствительно до 300.000 ведеръ невступно могли выкуривать онаго, слѣдовательно и статъ служителей, закупщиковъ, разныхъ чиновниковъ, содержался при нихъ полной и соразмѣрной сей пропорціи, а сумма на нихъ употребляемая по выкурки вина, располагалась на каждое ведро. Для успѣшнаго производства сидки, были назначены четыре капитала; одинъ назывался единовремянной, изъ него построенъ былъ самой заводъ, заведена посуда, и онъ весь долженъ былъ находиться въ движимомъ имѣніи заводскомъ. Другой назывался оборотной, и служилъ на закупку припасовъ составляющихъ вино, сей издерживался всякую зиму и поворачивался изъ выручаемыхъ за вино денегъ, слѣдовательно никогда не приходилъ въ умаленіе, а все былъ тотъ же. Третій развозной, о которомъ при вступленіи моемъ дѣлалъ я упомянутое въ сихъ запискахъ представленіе, получившее одобреніе отъ Васильева и его Экспедиціи. Четвертый, подъ именемъ заготовительнаго былъ тотъ самой, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ. Онъ назначенъ былъ на то, чтобы пока вино возятъ съ завода въ Губерніи его требующія, покупка припасовъ на будущую выкурку не терпѣла недостатка въ деньгахъ, ибо Губерніи не прежде возврашали деньги, какъ по полученіи вина, слѣдовательно оборотъ путевого времени могъ быть для пользъ заводскихъ по продолжительности своей предосудителенъ. Таковы были обстоятельства начальныя при установленіи завода, потомъ они мѣнялись и наконецъ были таковы: вино возили уже не Губерніи хозяйственно, а подрядчики своимъ коштомъ. Указомъ Сената велѣно было уже двѣ трети денегъ за вино, присылать тогда какъ оно отправится не дожидаясь еще его привоза, слѣдовательно сумма оборотная поступала скорѣе въ капиталъ заводской сего имени, и въ заготовительномъ менѣе было уже нужды. Новые откупщики имѣли право брать вино гдѣ хотѣли, слѣдовательно брали, гдѣ оно было дешевлѣ, а на казенномъ по причинѣ Статовъ, кои какъ выше сказано отягошали раскладкою своей истинную цѣну вина, она была выше всѣхъ партикулярныхъ заводовъ, слѣдовательно меньше его требовали, отъ того меньше курили, и чѣмъ меньше курили, тѣмъ дороже оно становилось. Сообразивъ все ето, и найдя заготовительной капиталъ точно не нужнымъ при заводѣ, представилъ о семъ, а какъ онъ простирался до 200 тысячь слишкомъ, то я смѣлъ надѣяться что такой

подвигъ заслужитъ вниманіе Начальства, что увидятъ наконецъ мои труды и облегчатъ мою участь. Но нѣтъ! все было тщетно! Намѣреніе мое не достигло желаемаго успѣха. Не знаю подѣйствовала ли моя бумага на пользу казенную, но видѣлъ очень ясно, что рвеніе мое никакого замѣчанія не удостоилось. Какими тяжкими опытами доходить долженъ былъ я до того, чтобы увѣриться, что служить Отечеству съ усердіемъ въ Монархическомъ, или лучше сказать въ безотечественномъ Царствѣ, есть химера, восторгъ ума не зрѣлаго и горячка молодого вображенія.

Въ то время какъ я симъ образомъ въ своемъ кругу вертѣлся какъ насѣкомое въ пыли, на Сѣверѣ знаменитыя дѣла происходили Екатерина подписывала статы новымъ Губерніямъ, насылала Губернаторовъ въ Польскія области. Тутолминъ [1]) ихъ преображалъ, открывалъ Минскую съ Брацлавскою Губерніями. Князь Зубовъ крестилъ Вознесенскую, а Курляндія преклоняла выю, и отрицалась отъ всѣхъ связей своихъ съ Польшею. Россія присоединяла ее къ областямъ своимъ и разширяла тѣмъ свои и такъ необъятные предѣлы. Но Екатерина на все становилась; она и старыхъ Губернаторовъ смѣнять не забывала. Тогда въ сосѣдствѣ нашемъ Саратовской былъ уволенъ, и мы надѣялись что не долго усидитъ нашъ Ступишинъ на престолѣ своего самовластія, но еще держался не смотря на бури вокругъ себя и поденіе ему подобныхъ. При такомъ движеніи многихъ чиновниковъ, постояннымъ образомъ всѣ меня забывали, и нигдѣ ничего въ пользу мою не дѣлалось, да и отъ домашнихъ безпокойствъ не былъ я свободенъ. Шуринъ мой родной, меньшой братъ жены моей Артемій, будучи въ Московскомъ Гарнизонѣ Офицеромъ и у Комиссеріата въ употребленіи, былъ подъ судомъ за продажу чужаго человѣка въ рекруты. Поползновеніе къ прибыткамъ многое можетъ произвести въ умѣ худо образованномъ и наклонномъ наслаждаться на счетъ самой непорочности сердца. Я объ немъ писалъ и просилъ, но судьба помогла лучше всѣхъ покровителей, ибо онъ не дождавшись сентенціи, которая не могла быть ни легка, ни для насъ пріятна лишился жизни. Вотъ лучшее, что съ нимъ по обстоятельствамъ его могло случиться, но не менѣе состояніе его дотолѣ насъ тревожило и огорчало. Не мѣшало сіе намъ однако посѣтить Куракина, и на ласковой его зовъ сдаться. Мы къ нему поѣхали въ товариществѣ нѣсколькихъ пріятелей въ іюлѣ въ Надеждино. Въ етотъ разъ казалось онъ истощилъ всѣ тонкости гостепріимства. Выѣхалъ самъ верьхомъ съ большою свитою на свои границы въ осьми верстахъ отъ дома его отстоящія, онъ намъ представилъ самое великолѣпное зрѣлище. При немъ были козаки, и когда мы сѣли съ нимъ вмѣстѣ на линейки имъ подвезенныя (т. е. не онъ ихъ самъ подвезъ а лошади, иначе было бы уже слишкомъ учтиво), они дѣлали на коняхъ своихъ разныя ристанія, кои до самаго дома насъ весьма забавляли, а между тѣмъ и разговоръ останавливали до котораго князь по любви его къ политикѣ былъ весьма не охотникъ, дабы иногда и не хотя въ чемъ не проговориться. Въ такомъ знаменитомъ кортежѣ пріѣхали мы въ Село. Тамъ музыка, тамъ роскошь, нѣга, пиршество отличнаго вкуса. Погода была хороша и покровительствовала забавамъ поселянина. Тогда какъ пахарь подъ лучами

[1]) Тимофей Ивановичъ. См. „Капище“.

яркаго солнца занимался снятіемъ посѣянныхъ имъ плодовъ, и думалъ о жизни своей зимою въ его убогой хижинѣ, мы въ прекрасной Галлерейѣ, названной „Вмѣстилищемъ чувствъ вѣчныхъ", забывали о нуждахъ крестьянина, и на счетъ немилосердаго пота его удваивали заблужденія чувствъ временныхъ. Въ етой залѣ поставленной въ саду было четыре кабинета; на дверяхъ каждаго былъ вензель любезной какой либо особы Князю. Мысль его обращалась всегда къ той, чье имя видѣлъ онъ тамъ, гдѣ избиралъ сидѣть. Изъ етой залы мы смотрѣли на представленіе въ полѣ людьми его драммы Эмиліи Галотти. Не говоря раздробительно о сей забавѣ, довольно сказать, что безъ театра, музыки, на чистомъ воздухѣ, актерами безъ искусства во фракахъ, безъ театральной одежды игранная драмма, да и печальная и притомъ предлинная, въ Нѣмецкомъ вкусѣ писанная, не могла доставить большаго увеселенія, а особливо въ самый пущій зной іюля мѣсяца, но въ симметрическомъ расположеніи дня, назначено было насъ етимъ позабавить и чрезъ то съ обѣихъ сторонъ выиграли нѣсколько времени, а намъ всѣмъ то и нужно было что бы его убить, и поскорѣе растаться. Далъ намъ хозяинъ съ обыкновенными чинами и балъ, а на проводахъ въ пріятномъ безпорядкѣ, которымъ одолжены мы были нѣсколько Бахусу, всѣ мы безъ различія половъ, состоянія и лѣтъ за столомъ сидя пѣли привезенную мною моего сочиненія пѣсню, которая такъ полюбилась князю, что онъ слова тѣ посылалъ къ невесткѣ своей въ Питеръ. Она дѣлала на нихъ музыку, и онъ, получа ее на нотѣ съ самой льстивой надписью своей рукой приписалъ мнѣ и доставилъ. У меня какъ музыка ета, такъ и нѣсколько писемъ, писанныхъ изъ „Вмѣстилища чувствъ вѣчныхъ", нося имя сіе въ своемъ заглавіи, до нынѣ хранятся. Пѣсня Нинѣ, посвященная, вскружила тогда голову многимъ; ее любили всѣ, ее пѣли вездѣ охотно. Бездѣлка такая знакома была даже въ Москвѣ и далѣе. Такимъ образомъ погостивъ у князя сутки двои, мы воротились домой опять въ Пензу въ юдоль нашу плачевную. При всемъ принужденіи, съ какимъ мы угощались у Куракина, дни нами у него провождаемые казались однако райскими, въ сравненіи съ тѣми, какія тянули мы въ Пензѣ, тянули говорю я, ибо мѣдь, чугунъ, и всѣ жосткія минералы вѣрно не съ большимъ трудомъ вытягиваются въ ручныя издѣлки, какъ наша жизнь въ тѣ времена печали. Отпустя насъ отъ себя Куракинъ имѣлъ случай нѣсколько писемъ послѣ къ намъ писать, будто изъ благодарности, но въ самомъ дѣлѣ етотъ Сибаритъ не зная чѣмъ облегчить безмѣрную тоску свою въ деревнѣ, радъ былъ, когда могъ придираться къ самымъ пустымъ упражненіямъ, кои держали его въ той очаровательной мысли, будто ему недосугъ, и будто важными дѣлами онъ занятъ, а наконецъ въ августѣ, по причинѣ продолжительной болѣзни, принужденъ былъ ѣхать въ Москву, и при отъѣздѣ своемъ миновавъ Пензу, не оставилъ письменно поручить мнѣ своихъ дѣлъ, истребовать моего покровительства повѣренному своему, и въ преласковомъ письмѣ написавъ даже привѣтствіе по нѣмецки моему Павлушѣ, сказалъ мнѣ прости. Ужъ ли нельзя было проститься простѣе и гораздо искреннѣе? Но гдѣ замѣчаются чины и знатность, тамъ чистосердечіе не совмѣстно, притворство все замѣняетъ. Ему совсѣмъ насъ было не жаль; начто же показывать то, чего не чувствуешь и тамъ, гдѣ кажется ето совсѣмъ не нужно? A usage du monde, façon de parler, и прочія занятыя

нами у французовъ обряды, куда тогда дѣнутся? О! пустыя слова! доколѣ вы нами управлять станете, дотолѣ мы звукомъ вашимъ плѣнягся будемъ, отступая отъ нашихъ мыслей и прямыхъ чувствованій сердца. Для меня сіи послѣднія всегда брали верхь надъ вычетами ума и всякой его логики. Размышлять грустно; куда ни кинь свою думу, вездѣ дурно, непостоянно, коловратно, — одни вздохи сердца, когда стремятся къ тому, кто ихъ дѣлить хочетъ. Вотъ жизнь прямая единственной способъ смягчить и самую жестокую судьбу.

У князя былъ музыкантъ по имени Изобе [1]), человѣкъ съ пріятнымъ дарованіемъ. У него жена слыла дочерью одного чиновника французскаго, но по стеченіямъ обстоятельствъ революціонныхъ нашлась въ необходимости выдти за музыканта. Какая сладкая необходимость! для чего же прочія всѣ въ жизни нашей ей не подобны! Она была женщина ловкая и любезная; что до того впрочемъ кто былъ ея батюшка и матушка? Не всякой я думаю и изъ самыхъ витязей безъ ошибки назоветъ своихъ пращуровъ. Посѣщая Князя Куракина, я находилъ большое удовольствіе въ ея бесѣдѣ. Иногда она ко мнѣ писывала, я къ ней; переписка такая увеселяла въ городѣ мое уединеніе, а письма Струйскаго, неисчерпаемой источникъ нелѣпостей, смѣшили, когда меланхолія слишкомъ удручала сердце. Есть такія минуты стѣсненнаго сокрушенія въ человѣкѣ, что самые даже идеи останавливаются и кажутся неподвижны; тутъ весьма хорошо прочесть что нибудь изъ Тредьяковскаго, Струйскаго, Черкасова, и тому подобныхъ Парнасскихъ буфоновъ; они очистятъ путь мыслямъ и пробудятъ человѣка отъ сна задумчивости его. Но я не долго наслаждался перепиской съ г-жею Изобе; надменность княжая принудила ихъ искать другого мѣста; Они и отправились въ Москву и проѣжжая Пензу, дни два у меня гостили; съ тѣхъ поръ я уже ихъ не видалъ. Лишнее можетъ быть сдѣлалъ, что и включилъ здѣсь такое постороннее и кратковременное знакомство; но питая сердце мое въ сочиненіи сихъ записокъ, я счелъ бы за грѣхъ не посвятить одной страницы въ память непорочному удовольствію, которое тогда было для меня въ высокой цѣнѣ и нѣжило мое сердце. Такія мгновенія всегда вспомнить пріятно, — а о томъ что секретарь Зубова Грибовскій пожалованъ былъ Статсъ Секретаремъ, и что сіе умножало величіе фаворита, стремящагося поравняться съ Потемкинымъ въ силѣ, достигая одинаковыхъ съ нимъ почестей, объ етомъ можно равнодушно забывать; оно для сердца пустота. Но ахъ! надобно, надобно терзать его ежечасно, приближаясь къ осени сего года. Я вхожу въ пространное поле новыхъ непріятностей.

Въ октябрѣ вышли два указа; одинъ о наборѣ съ 500 душъ по одному, а другой распорядительной о приведеніи въ исполненіе хлѣбной подати. Станемъ сперва говорить о семъ послѣднемъ. Начальное его производство требовало того, чтобы расписать селенія отъ Магазейновъ для взноса хлѣба устроенныхъ, такъ чтобы не далѣе обыватель возилъ его пятидесяти верстъ. Сіе мѣстное соображеніе велѣно было Указомъ сдѣлать Губернатору обще съ Казенной Палатой, которую онъ для формы и пригласилъ въ Присудствіе Губернскаго Правленія, назначивъ собранію сему быть по полудни, дабы тѣмъ увеличить дѣятельность

[1]) О его женѣ см. „Капище".

свою и усердіе. Прибылъ я съ своимъ стадомъ къ пастырю безмолвныхъ Овецъ. Свѣчи зажгли, карту разложили, землемѣра пьянаго къ объясненію призвали, и за симъ г. Губернаторъ вынувъ изъ кармана сочиненное за ранѣе Полдомасовымъ соображеніе требовалъ нашей аппробаціи. Всѣ кричали въ одинъ голосъ, какъ Нѣмецкой пасторъ передражнивая русскаго попа, Мурно, сирѣчь Премудрость, всякой силился возвысить голосъ, дабы слово да отъ него слышнѣе было прежде другаго. Молчалъ принужденнымъ образомъ и я, и не желая входить въ споръ ни съ кѣмъ, по такой матеріи для меня очень равнодушной, согласился на положеніе общаго Присудствія; но когда послѣ увидѣлъ изъ реестра селеній, что иному доставалось возить хлѣбъ за сто и гораздо болѣе верстъ, ибо расписываемы они были по картѣ, — циркуль на бумагѣ идетъ безъ запинки, его не удерживаетъ ни гора, ни лѣсъ, ни озеро, никакое естественное на мѣстѣ препятствіе, — когда, говорю, увидѣлъ я етотъ безпорядокъ, и что объ объѣздахъ необходимыхъ Его Превосходительство ни мало не помыслилъ, то я отнесся тотчасъ о семъ къ Ген. Прокурору, но на ето ни слова въ отвѣтъ. И такъ дѣло сіе по началу своему затруднительное приведено было симъ еще въ худщее положеніе. Потомъ надлежало на поставку хлѣба сего водою въ Питеръ сдѣлать торги, вызвать желающихъ, или хозяйственно распорядиться. Это средство обыкновенно никому не нравится. Хлопотъ много, а алтыновъ очень мало. Врасскимъ хотѣлось подряда; Они были въ родствѣ съ Неклюдовымъ, Оберъ Прокуроромъ того Сената Департамента гдѣ ети дѣла были вѣдомы по военной части. Они насказали Ступишину, что подрядъ всего вѣрнѣе, надежнѣе и лучше. Читатель знаетъ, слѣдовательно видитъ заранѣе, что и на торги день назначенъ и подрядъ закипѣлъ. Опять послѣ обѣда присутствіе въ Казенной Палатѣ, опять новая мука. Цѣна подрядная возвышена была такъ, что никакое хозяйство, какъ бы нерадиво кто его не исправилъ не могло быть для казны отяготительнѣе. Я не согласился и подалъ голосъ, прописавъ въ немъ сколько умѣлъ доводы мои на то, что еще время не ушло самимъ суда искупить и самимъ къ сплаву ихъ будущей весной изготовить, купя зимой нужныя къ тому снасти и нанявъ работниковъ. Тѣмъ ощутительнѣе они должны были казаться, что и сами подрядчики не имѣли судовъ и сбирались ихъ покупать или строить, но гдѣ дѣйствуетъ капризъ, а особливо капризъ на корыстолюбіи основанный, тамъ разсудокъ въ колпакѣ и спитъ очень крѣпко. Голосъ мой не могъ ничему препятствовать, ибо большинствомъ другихъ его сдѣлали бездѣйственнымъ; однако Губернаторъ отправляя нарочнаго въ Сенатъ съ испрашиваніемъ Указа на заключеніе договора съ подрядчиками, послалъ при томъ жалобу на меня въ томъ, что я все дѣло испортилъ, остановилъ, повредилъ пользамъ Казеннымъ словомъ, что я врагъ мірѣ не послѣдній. Цѣль его была меня устрашить, и подлинно ему удалось, ибо скоро послѣ того съ нарочнымъ изъ Сената на мой счетъ присланъ преязвительной Указъ. Онъ во всѣхъ тѣхъ Губерніяхъ извѣстенъ, гдѣ была установлена сія подать, ибо велѣно было имъ распубликовать меня по всѣмъ симъ Губерніямъ, какъ человѣка гордаго, не покоряющагося Начальству, безпокойнаго, словомъ негодяя, и все ето было выражено въ точныхъ словахъ въ томъ Указѣ, каковымъ оставляю всякому судить въ правѣ ли былъ Сенатъ такъ дерзко чиновника моей степени наказывать? Мой голосъ не могъ ничему вредить, онъ не имѣлъ дѣйствія, и не помѣшалъ другимъ принять своей силы; во вторыхъ естьли голосъ мой и былъ дуренъ, отъ ошибки ли въ понятіи моемъ, или отъ несмыслія, въ правѣ былъ Сенатъ его оговорить, указать заблужденіе моего мнѣнія, но не извлекать по выбору безъ всякой связи между собой, нѣкоторыя строки моего голоса, и ими порицать меня со стороны нравственности моей, на образованіе которой Сенатъ не имѣлъ ни права, ни законной обязанности. Онъ могъ охуждать и наказывать мой поступокъ буде находилъ меня виновнымъ, но характеръ мой ни мало подъ судъ его не подходилъ, и Сенатъ напрасно на ту минуту вообразилъ, будто онъ моя мама. Однако Указъ надлежало проглотить. Дѣлать было нѣчего; противу рожна прать трудно. Огорчительнѣе всего для меня, а для Сената гнуснѣе всего то, что Курьеръ посланъ былъ не на мой одинъ счетъ, но и на счетъ шурина, которой ежелибы и не былъ мнѣ родственникъ, чѣмъ былъ онъ виноватъ, что слѣдовалъ моему мнѣнію и присталъ къ оному? Гнусное дѣло г. Неклюдова. Сей гордой нахалъ въ послѣдствіи времени и самъ претерпѣлъ участь непріятную, отставленъ былъ отъ службы и умеръ отъ досады. Прахъ его ѣдятъ давно черви, а я слава Богу живъ, и могу здѣсь объ немъ сказать, вмѣсто вѣчной памяти, — нѣтъ ничего не скажу — стыдно поносить кости непріятеля, Богъ съ нимъ! И такъ прогоны Курьера я заплатилъ и принужденъ былъ поработиться по содержанію Указа г-ну Губернатору совершенно. Но скоро сіе новыя произвело слѣдствія и не совсѣмъ безвыгодныя для меня. Дойду до нихъ въ свое время, а теперь скажу въ добавокъ и для смѣха, что мнѣ же не велѣно почитать етаго штрафомъ, и когда я въ формулярѣ моемъ поставилъ въ назначенной на сіе графѣ что я былъ такимъ то Указомъ, тогда то оштрафованъ, то Губернское Правленіе не приняло моего списка и обратило ко мнѣ назадъ, не смѣя сего указа почесть оштрафованіемъ. Положимъ, что по старинной дражайшаго моего Отечества пословицѣ, брань на вороту не виснетъ; но прогоны съ меня вычтенныя уже ли суть знакъ благоволенія, а не самой чувствительной штрафъ для кармана, а карманъ не есть ли душа жизни и самаго Сената, въ которомъ естьлибы Секретари и можетъ быть повыше ихъ люди не искали симъ средствомъ оживотворяться, то бы и Курьеръ етотъ напрасно не смололъ слишкомъ тысячи верстъ, за которыя по крайней мѣрѣ онъ очень хорошо отобѣдалъ. Вотъ первая забава осеняя, — приступимъ къ рекрутскому набору, онъ также происходилъ не безъ потѣхъ. Я смѣюсь всему етому теперь, и подлинно смѣюсь; но каково было тогда мнѣ; пусть подумаетъ на досугѣ тотъ, кто бѣдствовалъ когда нибудь, и кто захочетъ потрудиться въ одну точку собрать всѣ мои обстоятельства. Меня спросятъ можетъ быть, какимъ же образомъ развозка хлѣба могла придти въ исполненіе, въ томъ неустройствѣ, въ какомъ я росписаніе селъ и деревень представилъ? Очень извѣстно, какимъ образомъ ето дѣлается. Знатные господа приписаны были туда, куда ихъ прикащики пожелали, а коронные крестьяне везли свой хлѣбъ безъ мѣры по стольку верстъ, по скольку приходилось. Палка русская не хуже турецкаго пинька, и она очень умѣетъ всѣ разстоянія сблизить.

Наборъ рекрутской начался въ ноябрѣ, и съ перьвыхъ дней между мной и Директоромъ Экономіи пошли распри. Мы никакъ не могли со-

гласиться: ему хотѣлось барыша, а мнѣ правды. Не проходило ни одной отдачи коронному мужику безъ жестокихъ покушеній на поборы, а Ступишина легко можно было обмануть и показать ему весь видъ справедливости тамъ, гдѣ одно самовластіе Директора судьбу сихъ бѣдныхъ людей учреждало. Я принужденъ былъ сидѣть у набора какъ самой страдательной членъ. Каждое слово мое достаточно было на то, чтобы расположить его мысли вопреки оному, и не рѣдко случалось, что я мужиковъ научалъ пожаловаться на меня, дабы тѣмъ опровергнуть происки Директора, и заставить Ступишина подѣйствовать въ ихъ пользу, изъ желанія повредить мнѣ. Съ дураками неволя научитъ плутовать. Всякое нарушеніе должности я нахожу возможнымъ и во многомъ готовъ человѣковъ извинять, но на счетъ рекрутскаго набора, гдѣ люди и по одной уже необходимости, безъ утонченія ихъ бѣдствія довольно угнетены судьбою, не понимаю, какъ могутъ власть имущіе чины отступать отъ строгой истины, губить ихъ, такъ сказать, разрывать семейныя узы изъ самой подлой корысти, изъ прибытковъ, часто весьма незначущихъ. И кто же поступаетъ на ето? Часто перьвыя Чиновники въ Губерніи. Злоупотребленія сіи всѣмъ извѣстны; всякой объ нихъ толкуетъ и довольствуется симъ общимъ заключеніемъ: что всѣхъ де злоупотребленій не искоренить. Такъ конечно; но между всѣхъ и многихъ есть большое пространство. Отъ Правительства требуется только трудъ къ обузданію такихъ піявицъ, а успѣхъ конечно послѣдуетъ, какъ скоро пищу у нихъ отнимать станутъ по маленьку, но я доселѣ ничего не совершеннѣе, хуже образованнымъ не читывалъ и не видалъ, какъ всю операцію рекрутской отдачи и принадлежащія къ ней законы. Ета часть подлинно зависитъ отъ лица управляющаго Губерніей и его собственныхъ свойствъ. Сіе я тогда же примѣчалъ, а послѣ и на опытѣ узналъ, что я въ заключеніи моемъ не ошибся. Плюсковъ однако вынудилъ меня войти на него къ Губернатору съ представленіемъ. Подали мнѣ мужики жалобу во взяткахъ людьми его на его имя, и я ее препроводилъ къ Ступишину, но послѣ весьма о томъ жалѣлъ потому что въ подобныхъ случаяхъ всегда тотъ не доказателенъ останется, кто доноситъ, и мужики безъ сомнѣнія потерпѣли. Обыкновенно гдѣ Уголовная Палата не чиста, тамъ дѣла ети дѣлаются такъ, что мужикъ который донесетъ, или пожалуется, обязанъ будетъ представить доказательство. — Никто по ссылкамъ его въ одну рѣчь говорить не станетъ, и такъ онъ же выдетъ виноватъ, какъ Фадей въ Збитенщикѣ, да еще иногда тотъ, на кого поданъ былъ извѣтъ, попроситъ въ своей обидѣ и по разуму законовъ, что доносщикъ подвергается самъ тому, чему подводилъ, Уголовная Палата доправитъ съ извѣтчика въ пользу обиженнаго денежное безчестье, которое по большой части остается въ карманѣ у Судей или у Судьи; и послѣ етаго хотятъ, чтобъ крестьянинъ смѣлъ пожаловаться. Все слава Богу по русской пословицѣ бывало шито и крыто. Скука набора, продолжавшаяся до Новаго Года совсѣмъ бы меня сокрушила, естьлибы по счастію моему не пріѣхалъ для пріема рекрутъ въ Лейбъ-Гренадерской полкъ Маіоръ онаго г. баронъ Фрейздорфъ любезной человѣкъ, котораго рекомендовалъ мнѣ письменно Шефъ его, Генералъ Маіоръ Берхманъ, и потому сдѣлавши съ нимъ пріятное знакомство, онъ часто у насъ бывалъ. Мы игрывали съ нимъ въ карты, рѣзвились, шутили и разбивали тѣмъ тоску зимнихъ вечеровъ, которыя въ Губерніяхъ кажутся право безконечными. Въ

ету зиму и полкъ Тараканова опять къ намъ въ Губернію вступилъ, и по какимъ то неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, Ступишинъ Стабъ Квартиру назначилъ въ самой Пензѣ. И такъ мы опять свидѣлись съ Таракановымъ [1]). Они къ намъ, мы къ нимъ ѣжжали часто; общество нашихъ пріятелей умножилось и жизнь становилась только сноснѣе; веселою уже быть не могла тутъ, ибо безпрестанно меня на иглы сажали, и годъ сей близкой къ окончанію, совокупно съ наборомъ, принесъ мнѣ новую непріятность по дѣлу о недоимкахъ.

Примѣтить надобно здѣсь, что въ прошломъ годѣ Казенная Палата по моему побужденію представляла объ отличномъ ихъ количествѣ по Пензенской Губерніи въ Экспедицію о Государственныхъ доходахъ. Тамъ ета бумага и лежала безъ успѣха. Нынѣ же вдругъ получилъ я отъ Генералъ Прокурора письмо, въ которомъ извѣщая меня, что предложилъ онъ Казенной Палатѣ увѣдомить его о причинахъ, отъ чего недоимки такъ запущены, за тѣмъ въ самыхъ колкихъ словахъ, прикрывая ихъ однако пріязнію, совѣтовалъ мнѣ не примѣшивать къ службѣ личныхъ моихъ на Губернатора негодованій. Правильно, думалъ я; но какъ избѣжать, чтобы и самое справедливое требованіе не показалось личностію, когда оно ко вреду клониться будетъ лица ненавидимаго? Конечно снисходить подчиненному, или начальнику можно даже съ ущербомъ своего спокойствія и пренебреженіемъ опасныхъ слѣдствій для себя, но таковыя жертвы, кои въ службѣ иногда видны, суть рѣдки и имѣютъ началомъ искреннюю дружбу, а гдѣ ее нѣтъ, тамъ какимъ образомъ хотѣть чтобы человѣкъ изъ того только другому снисходилъ въ его погрѣшностяхъ, чтобы противной поступокъ не отнесся къ личности тогда, какъ умалчиваемый случай можетъ со временемъ быть для него самаго вреденъ. Въ естествѣ нѣтъ тому примѣровъ, чтобъ одинъ для другаго, ненавидя его, скрывалъ то, за что вкупѣ въ врагомъ своимъ пострадать можетъ. Отвергать такую истинну, или совѣтовать не поступать по ней, могло вмѣститься только въ голову Самойлова, о которомъ когда ни говорю, когда ни думаю, люблю напомнить стихи Державина на него точно обращенныя:

Оселъ пребудетъ вѣкъ осломъ,
Хотя осыпанъ онъ звѣздами;
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ
Онъ тамъ лишь хлопаетъ ушами.



[1]) См. выше, и „Капище".



Посланіе его ко мнѣ, тѣмъ паче меня раздражило, что я узналъ, что онъ уже покушался и смѣнить меня, и записки подавалъ Государынѣ о другомъ на мое мѣсто; но ухищреніе такое съ его стороны не имѣло никакого успѣха. На письмо сіе отвѣчалъ я самымъ отважнымъ слогомъ. Оба сіи отношенія его ко мнѣ и мое къ нему не вношу я сюда потому, что они входятъ въ особой журналъ моихъ статскихъ упражненій. Изъ нихъ читатель увидитъ силу моей досады и мѣру отважности, съ которой я наконецъ рѣшился къ нему писать. Ето письмо и выше упомянутое о безпорядкахъ по хлѣбной части пошли къ нему скоро одно послѣ другаго, и перечитывая ихъ спустя много времени, хотя готовъ себя винить въ большой запальчивости, но вообразя себя паки въ то время въ тѣхъ же обстоятельствахъ, безъ пристрастія самъ къ себѣ вижу, что не могъ и не должно мнѣ было молчать. Ети письменные перекоры мои съ нимъ происходили въ моемъ кабинетѣ, а Палата между тѣмъ дѣйствовала по его предложенію, и приказнымъ порядкомъ наводила справки; но не справокъ однихъ требовалось; извѣстно было и Экспедиціямъ, въ чемъ они могли состоять: требовалось причинъ отъ чего недоимки лежатъ на народѣ и не поступаютъ въ казну? Отвѣчать было трудно. Палата, а паче Врасской, которой былъ нечистой ея духъ, раболѣпно старалась угодить Ступишину, скрывая сущность недоимокъ, ибо запущеніе ихъ безъ отговорочно падало на Губернатора, — я говорю здѣсь въ строгомъ разумѣ закона, ибо Палата о взысканіи недоимокъ обязана только настоять отношеніями частыми и убѣдительными въ Губернское Правленіе, сіе же мѣсто имѣя по учрежденію власть исполнительную,

долженствовало брать мѣры скорыя и сильныя выполнять отношенія Палаты, но напротивъ они всегда безъ уваженія оставались, потому что я не нравился. Губернское Правленіе когда усматривало, что исправникъ не взыскиваетъ недоимки или послабляетъ одолжившимся поселянамъ, налагало на него пѣни денежныя, которыя обращались на поселянина же, ибо исправникъ пріѣжжая въ селеніе безпокоилъ ихъ изъ платежа оброка, жалуясь, что уже онъ и пѣнею оштрафованъ. Мужикъ догадливъ, онъ зналъ, что заплатя пѣню и прикинувши къ ней лишнія Исправникъ оставитъ его въ покоѣ, а пѣню заплатить и внести убытки, кои доходили по большей части до 50 гораздо легче было на тотъ часъ для селенія, чѣмъ внести до нѣсколько сотъ, или еще и тысячь недоимки. Слѣдовательно мужикъ малыми сими издержками изнурялъ себя нечувствительно, а долгъ на немъ оставался все тотъ же и состояніе его не улучшивалось. Всѣ такого рода причины нельзя были вывести Палатѣ, не оскорбляя особы Начальника, не давая ясно видѣть, что не я посылавшій до тридцати сообщеній въ Губернское Правленіе, но Правленіе сими пустыми пѣнями исполняло только, какъ изъяснялся въ письмѣ своемъ ко мнѣ Самойловъ, одну проформу безъ настоящей дѣятельности; Палата имѣла свои причины о томъ молчать. Врасской, въ ожиданіи подряда на поставку хлѣба изъ Сената, угождалъ Ступишину, дабы не потерять своихъ счетовъ, когда бы онъ лишился его довѣренности и другой плутъ по острѣе его потащилъ бы тогда генерала за носъ. У меня къ понаровкамъ причинъ не было, и потому какъ скоро прослушалъ я въ Палатѣ справку ни къ чему не служащую, — всѣ ее знали наизусть, но хотѣли только выиграть время, — я предложилъ Палатѣ, что не видя тутъ причинъ, о которыхъ вопросъ присланъ, не могу я и подписать журнала о поднесеніи Генералъ Прокурору той справки, какова она есть, разсуждаю о семъ иначе, и тогда записалъ съ вышеуказанною и прочія какія по соображенію моему казались мнѣ ощутительными быть причины знатнымъ казеннымъ недоборамъ по Пензенской Губерніи.

Прокуроръ другой Врасской [1]), подхватя мое разсужденіе, не замѣшкалъ представить его въ видѣ доноса въ Губернское Правленіе, съ тѣмъ, чтобы изыскано было, которой исправникъ такъ поступаетъ, какъ я вывожу въ моемъ мнѣніи, и поступить съ нимъ по законамъ. Этой строкой въ приказномъ слогѣ обыкновенно прикрываютъ самыя мѣлкія подвиги и самыя черныя злодѣянія. Губернаторъ обрадовался новому случаю ко мнѣ привязаться, и чрезъ сообщеніе Правленія въ Палату, сталъ требовать отъ меня доказательствъ, наряжая меня въ доносщики. Я далъ имъ всѣмъ почувствовать суету ихъ воображенія, и написалъ что я доносовъ не дѣлалъ, не дѣлаю и дѣлать не буду ни на кого; но гдѣ Правительство требуетъ моего мнѣнія о вещахъ ему не совершенно вѣдомыхъ, такъ долгъ истинны требуетъ чтобы я вникнулъ въ глубину самыхъ тонкихъ подробностей и писалъ то, что душа моя говоритъ и разумъ. На силу они отвязались, и Палата къ Генералъ Прокурору съ прописаніемъ мнѣнія моего послала свое представленіе. О мнѣніи моемъ на сей счетъ доведется еше мнѣ и послѣ поговорить, ибо симъ дѣло не кончилось; но теперь оставимъ свары и приказныя досады. Я всегда приближаясь въ запискахъ моихъ къ концу года, люблю зани-

[1]) См. „Капище".

мать себя веселыми предметами, чтобы освѣжить сколько нибудь удрученную мысль неудачами, тоской и негодованіемъ, тутъ есть двѣ выгоды: перьвая, не такъ черно ложится въ памяти протекающій годъ; вторая, что милѣе встрѣчать наступающій. Однако какъ не сказать на передъ, что Врасскій всѣми своими происками, мытарствами, до того меня взбѣсилъ, что я принужденъ былъ въ особое вниманіе взять поведеніе по службѣ моего Совѣтника, и найдя многія отъ лица его безпорядки, кончилъ годъ представленіемъ всѣхъ его поступковъ на разсмотрѣніе Сенату. По сей бумагѣ также ничего не вышло гласнаго, отъ пренебреженія ли ко мнѣ, или отъ того что онъ скоро потомъ пошелъ въ отставку, етого я не знаю; но такъ какъ мы съ нимъ уволненіемъ его отъ службы разстались, то я не искалъ узнать собственной ли его произволъ, или моя жалоба подвигли его на такой рѣшительный шагъ по службѣ. Разстаться съ злодѣемъ есть лучшее средство, мстить не всегда человѣкъ можетъ, иногда и не хочетъ; видѣться, а паче часто, съ человѣкомъ намъ непріязненнымъ несносно, служба не поговорка и не вечеринка пріятельская, изъ которой можно взять шляпу и уѣхать куда хочешь, при перьвой встрѣчѣ съ человѣкомъ худо къ намъ расположеннымъ. Но тутъ надо съ нимъ сойтиться разсуждать, спорить, и всегда остерегаться, что можетъ быть несноснѣе? Какого равнодушія станетъ на такія постоянныя неудовольствія? И такъ всего лучше людямъ, кои не сошлись ни мыслями, ни сердцемъ разойтиться. Естьлибы онъ ранѣе послѣдовалъ сему внушенію благоразумія, многаго бы можетъ быть худого я избавился въ моей тамошней жизни.

Послѣ всѣхъ такихъ для меня не сносныхъ узъ и нарушенія свободы, которою, какъ изъ всѣхъ вышеписанныхъ случаевъ всякой видѣть могъ, никогда почти не пользовался я въ полной мѣрѣ человѣка спокойнаго, кто бы повѣрилъ, что я лучшее свое произвелъ сочиненіе? Когда же? въ октябрѣ, въ самое суетное время, и для меня мятежное. Въ октябрѣ я сочинилъ Оду подъ названіемъ Камина[1]). Она имѣла большой успѣхъ; ее читали и видѣли въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ. Делиль[2]) не погнушался по наслышкѣ ее попросить у моихъ знакомыхъ. Напечатанъ былъ сей Каминъ въ типографіи у Струйскаго и въ небольшомъ количествѣ для подарка только моимъ пріятелямъ и короткимъ. Я не хотѣлъ подыматься высоко; но стихи сіи всѣмъ полюбились. Надобно ли сказать, что они Русскіе, послѣ того что Делиль ихъ желалъ прочесть? Конечно, иначе можно было бы подумать, что они писаны по французски. Нѣтъ, они были русскіе. Какъ же могъ понять ихъ Делиль? Потерпи читатель, ета загадка скоро поймется. Нѣсколько лѣтъ потомъ ихъ вторымъ изданіемъ печатали съ французскимъ переводомъ, въ которомъ упражнялся, но весьма не къ пользѣ сочинителя, въ Москвѣ одинъ Французъ именемъ Aviat[3]). Здѣсь я пишу не въ газетахъ, не въ книгѣ печатной, а для себя и дома; почему же мнѣ не сказать и моего мнѣнія, не боясь чтобъ оно причиною было къ подлому самохвальству? Переводъ хуже былъ подлинника въ сто разъ и

[1]) 1-е изд. вышло въ Рузаевкѣ, у Струйскаго, въ 1795 г., 2-е — въ Москвѣ — въ 1799 г.
[2]) Делиль, изв. франц. поэтъ.
[3]) Проф. Моск. Унив. Aviat de Vatay.

я имъ остался недоволенъ. Жаль что по немъ малыя мои дарованія будетъ цѣнить такой славный писатель во Франціи, какъ г. Делиль; жаль тѣмъ болѣе, что подлинно я упражняясь иногда въ стихотворствѣ ничего еще въ такой силѣ, съ такимъ искусствомъ соразмѣрно т. е. моимъ способностямъ не писывалъ. Для другаго дарованія тутъ его можетъ быть не было ни сколько; но для моихъ піитическихъ силъ подвигъ былъ отважной и значущій. Не удивительно ли же въ самой вещи, что я могъ еще заниматься стихами въ такія дурныя эпохи моей жизни? Каминъ мой со временемъ далъ мнѣ нѣкоторую степень славы между нашей братьи Парнасскими насѣкомыми. Ето меня ободрило, пріохотило, и я потомъ часто прибиралъ рифмы; въ томъ же году нѣсколько стиховъ написалъ я на разные случаи; но все предметовъ искалъ около себя, и не стремился за ними ни далеко, ни высоко обращаясь въ моей ограниченной сферѣ. Я стихотворство почиталъ цѣлителемъ моимъ отъ унынія, товарищемъ въ скукѣ, способомъ наипріятнѣйшимъ коротать нечувствительно время когда досады и злоключенія изъ минуты дѣлаютъ намъ годъ. Пріятное упражненіе! ему я большимъ облегченіемъ обязанъ, въ немъ познавалъ я не рѣдко что философія умовъ надменныхъ, гордящихся своими неудобь возможными системами, ничто передъ услажденіями сердца нѣжнаго, чувствительнаго, — сердца, для котораго нѣтъ блаженства на свѣтѣ ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ одномъ поступкѣ отвлеченномъ отъ любви. Не слишкомъ ли я однакожъ распространился на счетъ моихъ стиховъ? Стоятъ ли они такой огромной проповѣди? Пусть простятъ мнѣ маленькое пристрастіе къ моему Камину; но писавши мою Исторію, я не могъ не удѣлить въ ней одной страницы въ пользу его. Между многими моими стихами ето моя любовница. Я обѣщалъ читателю немножко посмѣяться. Воспоминаніе тѣхъ минутъ, въ которыя я писалъ, пріятно меня къ тому расположило. Етотъ день, какъ сегодняшній у меня въ мысляхъ, вижу тотъ самый кабинетъ, тотъ столъ, за которымъ я его писалъ, жена сидѣла за пяльцами; мы были только двое; я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подкладывалъ дрова въ каминъ. Огонь въ немъ не переводился; погода на дворѣ была сырая и мрачная, все влекло духъ къ утомительной меланхоліи. Одинъ только предметъ мнѣ препятствовалъ сладко задумываться. Противъ самыхъ окошекъ моихъ домъ былъ Ступишина. Я не могъ равнодушно смотрѣть на сіе жилище моего врага. Мнѣ все казалось что онъ занимается крамольными противъ меня предложеніями въ то время какъ стихи мои по волѣ воображенія пылкаго ложились плавно на бумагу одинъ возлѣ другаго. Каждое совокупленіе рифмъ меня восхищало. Я всегда етотъ день трудовъ моихъ вспомню съ радостію, съ живымъ удовольствіемъ. Оно умножено было тогда пріѣздомъ ко мнѣ въ Пензу сестры моей; она къ имянинамъ жены моей привезла съ собой и Машу. Маша росла, становилась милой ребенокъ. Перьвый взглядъ на нее мнѣ стоилъ слезъ, но скоро рученька ея ихъ стерла. Я вспомнилъ отца моего, который ею всегда любовался и увидѣвъ ее, сказалъ: естьлибъ Батюшка тебя теперь увидѣлъ Маша! Отъ словъ сихъ у нее навернулись слезы. Я потупилъ глаза и задумался. Ета минута скоро прошла. Свиданіе пріятное воздѣйствовало надъ моимъ сердцемъ. Я имъ обрадовался и смѣлъ на зло врагамъ моимъ искренно улыбнуться. Давно уже я былъ лишенъ етаго праздника. Обстоятельства матери моей, о

которыхъ въ перьвомъ движенiи радости не забылъ я однако много и обстоятельно поговорить съ сестрой, не казались мнѣ наилучшими, но становились сносны и меньше прежняго растроены. Успѣхъ въ продажѣ нѣкоторой части имѣнiя, дѣятельность ея въ платежѣ долговъ, облегчали участь ея и вмѣстѣ съ нею нашу. Все шло изрядно, и мы начинали уже быть довольно благополучны, потому что многiе на свѣтѣ были гораздо несчастливѣе насъ.

Я слышу уже упрекъ читателя, когда же будетъ смѣшное? Сей часъ и вотъ что такое. Въ Пензѣ былъ клобъ; члены его подписывались зимой на весь слѣдующiй годъ. Содержатель дома клобнаго былъ нѣмецъ обязанный для своей прибыли дѣйствовать по волѣ Губернатора во всемъ. Кто были директоры тогда не знаю, не помню, и нужды до того нѣтъ; ибо кто бы ни былъ, вѣрно всякой изъ тамошнихъ жителей, кромѣ двухъ или трехъ самыхъ короткихъ въ нашемъ домѣ, смотрѣлъ въ лицо Губернатора и стремился ему угождать, а изъ прiятелей нашихъ не могъ никто попасть въ директоры. Хотя я и рѣдко, а въ етотъ годъ уже и со всѣмъ въ клобъ не ѣжжалъ, однако имѣлъ годовой билетъ, былъ записанъ, слѣдовательно правомъ въѣзда неоспоримо пользовался, а Ступишиной хотѣлось и того меня лишить, дабы ѣхать туда съ большимъ удостовѣренiемъ, что меня не встрѣтитъ. Чтожъ дѣлать? Вздумали они постановить правиломъ что кто до назначеннаго ими какого то числа въ члены не запишется, послѣ онаго будетъ подвергаться балотировкѣ, и безъ соединенiя въ пользу его большинства бѣлыхъ шаровъ записанъ не будетъ. Вслѣдствiе такой острой идеи нѣмецъ и бѣгалъ по всѣмъ дворамъ заблаговременно съ своей подпиской такъ, что всѣ кромѣ меня были уже записаны, а ко мнѣ велѣно ему было придти послѣ назначеннаго срока; слѣдовательно надлежало мнѣ, или не записаться, или согласиться на балотировку. Изъ билета въ Пензенской клобъ подвергаться сей послѣдней, знавши, что для меня будетъ оно безуспѣшно, казалось, и въ самомъ дѣлѣ было непристойно. И такъ исполнилось ихъ желанiе и я не записался. Въ этомъ случаѣ конечно потерпѣла Ступишина со всей шайкой сплетчицъ гораздо болѣе чѣмъ я, ибо не удалось имъ выманить меня на балотировку, и заставить считать, сколько черныхъ шаровъ мнѣ бы положили. Я же съ моей стороны ни мало не жалѣлъ о клобѣ; онъ ничего не представлялъ мнѣ такого приманчиваго, чтобы малѣйшее показать желанiе въ него водвориться. Умыселъ на мое спокойствiе такого рода былъ въ глазахъ моихъ столь жалокъ и поделъ, что не заслуживалъ даже моего сожалѣнiя, еще меньше досады. Я смѣялся всему тому отъ чистаго сердца; а за что потерпѣлъ бѣдной нѣмецъ, потерявъ тѣ деньги которыя онъ могъ бы съ меня получить, етого я вовсе не знаю. Но гдѣ злоба дѣйствуетъ, тамъ все жертвуется минутному воспаленiю ярости. Въ самое же ето время, подсылали они изъ какой то по ихъ непостигаемой вѣжливости визитерные билеты въ клобъ сестрѣ моей. Уже ли считали они перевѣсить меня въ ея чувствахъ? ужъ ли думали они что она промѣняетъ брата на великолѣпнаго Пензенскаго Губернатора? Согласите мнѣ всю ету смѣсь противуположностей; ищите толку въ такихъ странныхъ умахъ и причинъ правильныхъ безумнымъ ихъ поступкамъ. Никто ихъ не пойметъ, никто конечно, и лучшее что надлежитъ сдѣлать, вспомнивъ о семъ, — ето смѣяться отъ самаго добраго сердца и составлять себѣ изъ такихъ

мѣлкихъ тварей потѣху. На сей то самой случай, въ посланiи моемъ того же года къ судьбѣ, есть стихъ слѣдующiй:

А нынѣ такъ и въ клобъ съ подпиской не пускаютъ.

При всѣхъ сихъ неудовольствiяхъ и слезныхъ и смѣшныхъ, я счастливъ былъ тѣмъ однако что жена моя была по здоровѣе. Климатъ тамошнiй былъ ей благопрiятнѣе Московскаго; свобода раздѣлять часы своего уединенiя по собственному своему произволу подкрѣпляла ея слабое сложенiе. Уединенiемъ она не скучала, всегда любя быть одною; сiе почти общее отчужденiе всѣхъ отъ насъ, не наносило ей ни малѣйшаго прискорбiя. Она умѣла заниматься рисовкой, работой, шитьемъ и читывала много. Блаженное свойство! Она никогда не скучала сама съ собою, и бесѣда другихъ, не бывъ ей въ тягость, не доставляла однакоже сильнаго удовольствiя. Одинъ я терзался часто, ибо послѣ занятiй, искалъ всегда людей, искалъ разговора, и рѣдко находилъ то или другое, согласно съ моими мыслями, съ моимъ сердцемъ. Впрочемъ дѣти были здоровы; все въ домѣ шло благополучно, и жена опять была брюхата. Вотъ въ какомъ положенiи готовился я встрѣтить грядущiй годъ, который также и на мою долю нагруженъ былъ на Небѣ немаловажною эпохою. Въ отношенiи же къ Россiи, хорошо бы было естьлибъ онъ и гораздо пожже спустился на землю, когда вовсе его миновать Боги не позволяли. Много еще Эпохъ на Свѣтѣ будетъ; вѣчность ими наполнена, и шаръ земной всѣ ихъ испытаетъ. Хорошо быть смертну, потому что не удается видѣть конецъ случаямъ и обстоятельствамъ; частыя ихъ перемѣны такъ ослабѣваютъ бѣдной нашъ составъ, что часто съ отрадой представляешъ себѣ ту минуту, когда маетникъ нашей жизни шевелиться перестанетъ и остановятся навсегда многосложныя пружины нашего тѣла. Но дабы отвлечься отъ такой глубокой мысли, скажу здѣсь лёгинькимъ вздохомъ, что я отпустилъ подъ конецъ года француза своего повара, отпустилъ его и долго не могъ привыкнуть къ русской нашей поваркѣ съ которой вмѣсто котлетовъ и разныхъ соусовъ, именами всѣхъ Бурбонскихъ принцевъ крови наряженныхъ, приносили мнѣ кашу просто изъ грѣшневыхъ крупъ сваренную и желудокъ мой насыщался безъ всякихъ Остъ Индскихъ пряностей. О жалкiе принцы! Васъ едва теперь и вспоминаетъ ли кто нибудь опричь вашихъ поваровъ, а я въ моемъ углу хоть не затѣйливо, да сытъ. Въ исторiю жизни моей не входятъ причины побудившiя меня разстаться съ моимъ поваромъ. Кто хочетъ ихъ въ тонкость узнать, можетъ заглянуть въ собранiе рукописей моихъ стихотворныхъ; тамъ они всѣ означены въ прiятельскомъ письмѣ къ живущему у насъ въ Московскомъ домѣ доброму иностранцу г. Классону, которой въ ето время былъ у насъ съ сестрою моею въ Пензѣ, а естьли я здѣсь и молвилъ объ отпускѣ повара Вiяля, винюсь передъ читателемъ, — я ето сдѣлалъ изъ благосклоннаго снисхожденiя души къ физикѣ моего желудка, — а желудокъ въ жизни не бездѣлица, и я скажу здѣсь какъ Дуратъ писалъ одному своему прiятелю, хотя мнѣ по извѣстнымъ читателю романическимъ случаямъ, не утѣшно кончившимся, всѣхъ тяжелѣ вспомнить сего сочинителя:

Digérez vous? Voila la grande affaire;
L'esprit peut rendre un homme aimable,
Mais l'estomac le rend heureux.

1796.

Годы текли одинъ за другимъ, но колкости по службѣ меня не покидали. Я всегда былъ жертвою суровыхъ ея непріятностей, и въ самомъ началѣ сего года, получилъ отъ кн. Куракина письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что Самойловъ приведенъ въ негодованіе противу всей Казенной Палаты, то есть лучше и короче сказать, противу меня; ибо на сіе онъ давно искалъ во всемъ достаточной причины за то, что представленіе о чемъ то къ нему было подписано однимъ членомъ Палаты, а не мной самимъ совокупно со всѣми, и что сей поступокъ, который естьли бы былъ и подлинно несогласенъ съ принятымъ правиломъ, и потому другимъ отнесенъ былъ бы къ ошибкѣ, онъ Самойловъ почитаетъ явнымъ доказательствомъ неуваженія къ себѣ. Я скоро увидѣлъ что или какая нибудь придворная досада, или желчь сильно разлившаяся въ корпусѣ его Высокопревосходительства, навлекала мнѣ такую неправильную укоризну; ибо во перьвыхъ нигдѣ не было постановленія Генералъ Прокурора о полученіи его предложеній увѣдомлять; рапортами о полученіи указовъ обязаны мы одному Сенату, да и тому съ исполненіемъ рапорты подписывалъ я самъ, о полученіи же обыкновенно отправлялись за рукой члена Палаты. Обрядъ сей изъ одной только вѣжливости завелъ я и съ Самойловымъ, и Палата о полученіи его предложеній, безъ всякой къ тому обязанности, посылала къ нему представленія; слѣдовательно не могъ я быть въ етомъ случаѣ виновенъ, и заслуживать выговора; но смиряяся сколько и доколѣ могъ, сталъ послѣ всѣ исходящія къ нему самъ подписывать. Вскорѣ потомъ досада его превозмогла разсудокъ, и онъ требовалъ отъ меня чтобы я впредь не писалъ къ нему по дѣламъ ни о чемъ прямо отъ себя, а посредствомъ Казенной Палаты. Очень охотно думалъ я, и исполнилъ. На что такія жескія приказанія? Не легче ли перестать писать самому, тогда и отвѣты безпокоить не станутъ; а принимать на лице свое выговоры, жевать ихъ, молчать и безъ вины виниться, не всякой готовъ и хочетъ.

Со всѣми сими случаями отъ званія моего на меня дѣйствующими соединялись часто и другія, кои вліяніе имѣли на спокойствіе мое отъ причинъ домашнихъ, какъ напримѣръ въ этомъ самомъ году въ генварѣ, свояченица моя противъ соизволенія совершенно моего вышла за мужъ за купца Алферова, человѣка грубаго, нелюдима, безъ малѣйшаго просвѣщенія. Поступокъ сей съ ея стороны меня до крайности огорчилъ; намѣреніе ея не могло отъ меня утаиться; я видѣлъ ея упорство; паче примѣчалъ происки невѣстки моей, которая живучи тогда въ нашемъ домѣ, подговаривала ее на то рѣшиться, представляя ей, что богатство помянутаго купца доставить ей участь несравненно пріятнѣйщую, чѣмъ ту, которой она у насъ въ домѣ пользуется. Обольстить молодую голову весьма не трудно. Надежда Сергѣевна мечтала уже себя въ золотѣ по уши, но я видѣлъ далѣе и угадывалъ, что она мѣняетъ тѣсное по истиннѣ, но спокойное впрочемъ состояніе на жребій рабы у богатаго властелина. Ничѣмъ я не могъ ее отклонить отъ принятой цѣли. Мать ея казалась на то склонна, и въ послѣднемъ письмѣ ея ко мнѣ не говоря рѣшительно ни да ни нѣтъ, она только общимъ словомъ поручила мнѣ судьбу ея. Почитая себя уполномоченнымъ дѣйствовать въ

такомъ важномъ случаѣ въ лицѣ Отца, убѣждалъ я ее по крайней мѣрѣ не спѣшить, поелику при выпускѣ изъ монастыря когда сестру ея представляли ко Двору Наслѣдника, Ихъ Высочества обѣщали дать ей приданое при замужествѣ, то настоялъ я въ томъ, чтобъ и она у себя етаго не теряла и донесла о намѣреніи своемъ Двору, но ничто ее не отклонило. Цѣль моя такъ поступая была та, что Дворъ конечно бы не позволилъ ей выдти въ такое несообразное съ ея состояніемъ замужество, и тѣмъ бы весь планъ ея рушился; но она догадываясь, что есть ли она повременитъ и меня послушаетъ намѣреніе ея не кончится благопріятно, отвергла не только мои совѣты, даже и клятвы кои я вынужденъ былъ именемъ матери ея изрещи противъ ея брака, и наконецъ вышла за мужъ 13-го числа. Съ тѣхъ самыхъ поръ разорвалъ я съ нею всякую связь родства и пріязни; жена оказала ей нѣсколько состраданія и имѣла даже духъ присудствовать въ церкви на свадьбѣ сестры своей. Она иногда позволяла ей себя посѣщать, но я никогда, нигдѣ равнодушно не могъ съ ней встрѣтиться. Такое коварство и ухищреніе возродили во мнѣ досаду противу невѣстки, шурина и всей семьи женниной; они тогда показали явными знаками мнѣ, что имъ любовь моя и ненависть одинаковы. Шуринъ мой въ семъ случаѣ дѣйствовалъ противъ меня по слѣпой его довѣренности къ женѣ своей. Я скоро простилъ ему его заблужденіи; онъ самъ ихъ увидѣлъ. Жена его всѣхъ тогда обольстила мнимыми сокровищами жениха, ошибка въ томъ скоро обнаружилась, но уже поздо, и сильнѣе всѣхъ подѣйствовала на бѣдную мою свояченицу; которая сдѣлалась мгновенно послѣ жертвою всѣхъ его попрековъ. Онъ былъ богатъ, домъ имѣлъ великолѣпной, но жилъ въ немъ скрытно и скаредно, не могъ онъ влюбяся въ свояченицу мою на ней жениться, ибо она была дурна, а къ выбору ее побуждала его гордость чтобъ сдѣлаться своякомъ моимъ и нужда покупать недвижимое имѣніе, что на имя ея онъ уже могъ тогда дѣлать невозбранно. Я ему былъ долженъ, долженъ и до нынѣ; ето держало его въ сладкой надеждѣ что я породнюсь съ нимъ охотно, и что мы тотчасъ обнимемся. На етотъ счетъ даже стали въ городѣ говорить, будто я продалъ свояченицу мою и цѣну назначилъ десять тысячь, но я съ самаго брака не хотѣлъ уже никогда принимать ихъ въ домъ свой, и тѣмъ очевидно показалъ городу, что я на такой подлой поступокъ какой мнѣ они приписывали, ни мало не былъ готовъ. Дѣло сдѣлано и пособить ему не чѣмъ.

На другой день свадьбы, въ уголовной палатѣ рѣшили дѣло У.... [1]). Я никогда не любопытствовалъ знать въ чемъ состоялъ приговоръ надъ нимъ. Мнѣ грустно было говорить и напоминать себѣ объ немъ. Я старался все ето произшествіе забывать. 15-го поѣхала сестра моя въ Москву и увезла съ собою Машу, на которую мы не успѣли наглядѣться, а 17-го число умеръ братъ жены моей Артемій, о которомъ говорилъ я прежде.

Теперь обратимся къ прошедшему году, когда за противорѣчіи мои Губернатору въ хлѣбномъ дѣлѣ, присланъ былъ на мой счетъ съ браннымъ Указомъ нарочный. Подрядъ вмѣстѣ съ тѣмъ еще не былъ утвержденъ; послѣ Самойловъ подносилъ объ ономъ докладъ, изъ котораго Государыня увидѣвъ 1-е, что мы позволяли подрядчикамъ вопреки всѣмъ

---

[1]) Улыбашева, см. выше.

законоположеніямъ требовать съ казны задатковъ и такія требованія внесли въ договорные статьи. 2-е, что мы попустили за всѣмъ тѣмъ назначить цѣны провозу хлѣба самыя высокія, указала Самойлову написать Губернатору и ко мнѣ ея негодованіе съ такимъ замѣчаніемъ, что она ничего нами представленнаго не утверждаетъ, и естьли мы не понизимъ цѣнъ и не приведемъ ихъ въ то состояніе, какими ихъ обѣщалъ въ прошломъ годѣ Сенату Губернаторъ, то я лишенъ буду мѣста. Такимъ образомъ за одно дѣло былъ я браненъ два раза; но огорченіе отъ неудовольствія Сената, изчезало предъ симъ важнѣйшимъ, и я уже не могъ рѣшиться снести его въ молчаніи, тѣмъ паче, что Государыня брала въ предмѣтъ цѣны указанныя Губернаторомъ, о которыхъ я никакого понятія не имѣлъ, ибо онъ по личной его съ Правительствомъ перепискѣ, приводилъ ее въ положительную мѣру. Я находилъ нужду въ томъ оправдаться и указать ошибку Самойлова, подвергнувшую меня гнѣву Монаршему. Ему не слѣдовало совсѣмъ вносить въ письмо свое на мое имя такихъ замѣчаній Императрицы, которые совсѣмъ ко мнѣ не относились, а къ одному Губернатору; но ета деревянная голова подписывала все что предъ него ни клали. Обдумавши всѣ обстоятельства дѣла, рѣшился я сдѣлать шагъ отважный и пожаловаться на Сенатъ Государыни, открылъ ей какъ я былъ за справедливыя мои возраженіи Сенатомъ наказанъ, опубликованъ, какъ я принужденъ былъ слѣпо во всѣмъ повиноваться Губернатору, и въ тоже время за извѣстіе о семъ писалъ къ Самойлову, дабы вѣдалъ онъ что я жалуюсь не изъ подъ тишка, а открытымъ лицемъ, такъ жаловаться долженъ человѣкъ справедливый, неповинно отягощенный. Между тѣмъ въ Губерніи Указъ сей имянной надѣлалъ шуму. Губернаторъ заревѣлъ на сообщниковъ своихъ. Они, дабы укротить зіяющаго льва, утѣшали его тѣмъ, что Самойловъ по простотѣ своей и медвѣжей неловкости не умѣлъ для доклада выбрать времени и сунулся не въ часъ. Такъ обыкновенно говорятъ тѣ, кои терпятъ отъ неудачи.

Пока сими тревогами обуревался разсудокъ, сердце мое награждаемо было отъ судьбы новыми семейными наслажденіями. Жена моя родила благополучно, слава Богу, 10-го февраля сына Петра. Въ перьвой еще разъ довелось ей разрѣшиться тутъ, а не въ Москвѣ, и сіе было очень счастливо. Мы ужинали у Тараканова; ѣхавши отъ него, жена почувствовала боль; мы доѣхали домой, и едва легли, како она нашлась въ необходимости послать за бабкой, а та не успѣла пріѣхать вмѣстѣ съ Докторомъ какъ при мнѣ и Классонѣ все благополучно кончилось. Петруша увидѣлъ свѣтъ, но не на долго; перьвой крикъ его тронулъ мою душу; родины были удачны, и жена скоро пришла въ прежнія силы, не смотря на все то что скоро потомъ способствовало сильно къ изнуренію оныхъ. Младенецъ названъ былъ Петромъ, въ честь Петру II, въ воспоминаніе благотвореній его къ нашему роду: Крестила его г-жа Тараканова [1]) и Долгорукой кн. Сергѣй Васильевичъ [2]), которой въ помѣстьѣ Отца его жилъ не подалеку отъ Пензы.

Никакія однако случаи не могли на минуту отвести руки Ступишина отъ пера, когда дѣло въ головѣ его шло о томъ, чтобъ мнѣ досадить,

[1]) Александра Михайловна, см. Капище.
[2]) Бригадиръ, сынъ Вас. Серг. Долгорукова и Анастасіи Ивановны урожд. Ладыженской.

и онъ по окончаніи набора, вдругъ прислалъ мнѣ къ развязкѣ и изслѣдованію всѣ неправильныя очереди крестьянъ, Директоромъ Экономіи своевольно назначенныя, и противъ коихъ я съ бумагою къ нему входилъ въ самой жаръ рекрутскаго набора. Тогда поступить должнымъ образомъ было бы для Директора Экономіи накладно. Онъ имѣлъ много стороннихъ способовъ отклонить отъ себя ету бѣду, но дабы бумага не лежала праздною и имѣла свою силу, то Ступишина и научили послѣ набора препоручить мнѣ разобрать то, чего уже никакъ распутать было не можно, ибо люди одни были взяты и усланы, другія отправлены въ свои жила; словомъ какъ рускіе люди говорятъ: все было и шито и крыто. Я нетерпѣливо ожидая послѣдствія на письмо мое къ Государынѣ, старался только коротать время по маленьку и убивать его, выбирая изъ многихъ предлагаемыхъ занятій то, которое менѣе было скучно. А на Сѣверѣ новыя праздники отвлекали умы отъ провинціяльныхъ нашихъ неустройствъ. Обрученіе было Константина Павловича съ Принцессою Саксенъ Кобургскою. Оно послѣдовало у Двора въ Февралѣ, и мы о томъ узнали изъ разосланныхъ повсемѣстно Указовъ.

Стеченіе разныхъ обстоятельствъ въ самое то время, почти подѣйствовало на физической мой составъ весьма не благопріятнымъ образомъ. Кто читалъ все то, что со мной дѣлалось съ нѣкотораго времени, не будетъ нужды мнѣ повторять тому, что воображеніе мое въ сильной было и безпрестанной работѣ, но еще никогда до тѣхъ поръ не терпѣлъ я отъ него тѣхъ мученій, кои меня ожидали. Я уже давно не видалъ похоронъ ни чьихъ, а на масленницѣ скончалась г-жа Мартынова [1]), мать Загоскиной въ городѣ. Частые мои посѣщеніи во время ея болѣзни въ печальные домы ея домашнихъ, и иаконецъ, самое зрѣлище ея погребенія разстроило меня нѣсколько, но я, желая преодолѣть страхъ малодушія, ни мало не берегъ себя и надѣялся, что сей опытъ не оставитъ тяжкихъ слѣдствій. По прошествіи масленницы, на перьвой недѣли въ четвергъ разставались мы въ первой разъ съ Павлушей; возрастъ его требовалъ попеченій о его воспитаніи, въ провинціи не было средства ничему его выучить по правиламъ основательнымъ, и такъ рѣшились мы отправить его въ Москву и тамъ отдать его на руки хорошему иноземцу; съ нимъ поѣхалъ Классонъ. Вотъ второе обстоятельство, которое разстроило вновь мое воображеніе, оно хотя и непримѣтно трогало меня, но тѣмъ то и чувствительнѣе, что я никакъ не остерегался скрытой моей печали, приписывая ее движенію сердца естественному на ту минуту, но скоро проходящему, ибо ребенокъ, каковъ былъ Павлуша, казалось мнѣ по новости моей въ званіи отца, не можетъ и не долженъ много огорчить разлукою своею съ родителями; разсудокъ мой дѣйствовалъ, но воображеніе покрывалось мрачными завѣсами; въ добавокъ къ тому, я одинъ изъ моей семьи говѣлъ, и съ утра до вечера углублялъ свой разумъ въ книги духовныя. Я не входилъ въ кабинетъ мой, чтобъ онъ не представился мнѣ пустыней спасающагося Анахорета; какая то усыпительная тоска начинала обремѣнять мою душу. На второй недѣли въ четвергъ умеръ почти на рукахъ моихъ младенецъ нашъ Петруша, и симъ совсѣмъ опустѣла дѣтская горница, мамы, няни, бродили кругъ Алексаши, какъ безъ дѣйствія, ибо сей уже такого прилѣжнаго и не-

[1]) См. выше.

усыпнаго присмотра не требовалъ. Петруша боленъ былъ нѣсколько дней. Я сто разъ на день во все это время ходилъ его смотрѣть, страдальчество сего дитяти впечатлѣлось такъ въ моемъ воображеніи, что я не могъ никакъ истребить томныхъ его и мертвенныхъ взоровъ изъ мыслей моихъ. Наглядѣвшись на сей предмѣтъ жалости, я сдѣлалъ все то, что могло меня наипаче разстроить и положилъ его собственными руками въ могилу въ Монастырѣ Израиля, гдѣ и камень надъ нимъ поставленъ съ надписью: Horum est regnum Dei. Спустя послѣ всѣхъ етихъ сценъ недѣлю и имянно въ ночь, на четвергъ же третьей недѣли поста, я вдругъ на вечерней своей молитвѣ стоя у кровати и приготовляяся лечь спать, почувствовалъ страхъ смерти въ такой необычайной силѣ, что встрѣвожилъ весь домъ; не ложился спать, ждалъ себѣ послѣдняго часа. Жена въ испугѣ и волненіи позвала тотчасъ лѣкарей, ни пульсъ мой, ничто не показывало признаковъ болѣзни, но напуганное и разстроенное воображеніе приводило меня въ жалостнѣйшее положеніе. Съ тѣхъ поръ долго я не могъ справится съ силами будучи здоровъ совершенно; я всего боялся, я впалъ въ черную Гипохондрію. Глубочайшая меланхолія меня не покидала; все меня страшило; я ни на кого не смотрѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ безъ робости и замѣшательства, котораго причины при всемъ дѣйствіи моего разсудка никогда не потерпѣвшаго поврежденія, не могъ себѣ изъяснить. Такимъ образомъ промучился я до двухъ мѣсяцовъ; сперьва ожидая ежедневно смерти, засыпая въ волненіяхъ, пробуждаясь поминутно и отягощая кругъ себя или чтецовъ или раскащиковъ. Пуще всѣхъ страдала при изнуренномъ собственно своемъ состояніи здоровья, бѣдная жена моя отъ химерическихъ моихъ припадковъ. Изъ страха смерти переродилась въ моемъ воображеніи боязнь сумашествія, словомъ, я терялъ всю надежду быть когда нибудь въ прежней бодрости. Мы доходили до крайней степени отчаянія, но Природа сжалилась; болѣзнь моя мало по малу стала проходить, а между тѣмъ и обстоятельства мои по службѣ, казалось, должны были принять лучшій видъ; такъ казалось, но я всегда ошибался въ етомъ. Изъ многихъ опытовъ въ жизни моей сдѣлалъ я замѣчаніе и долгомъ ставлю предать его моему потомству: что вездѣ, гдѣ человѣка оставляютъ въ злощастіи люди, тамъ Богъ за него какъ бы видимымъ образомъ вступаясь, ниспосылаетъ естьли не всесовершенную отраду, по крайней мѣрѣ сладкую надежду, сію дшерь Небесъ, врачующую наши болѣзни и страданіе души.

Письмо мое о коемъ сказано было выше, не произвело никакого дѣйствія и казалось, заглохло. Я самъ о немъ начиналъ забывать, какъ вдругъ дѣйствіемъ ли его, или случая почесть сіе должно, свѣдали мы и скоро указъ получили о томъ, что Ступишинъ безъ просьбы и безъ жалованья (которое дни три послѣ уже покровители его ему выходили) отставленъ вмѣстѣ со многими другими Губернаторами, а на мѣсто его опредѣленъ былъ бригадиръ Гедеоновъ, а въ одно время при нарѣченіи въ многія Губерніи Генералъ Губернаторовъ, пожалованъ къ намъ въ званіе сіе кн. Андрей Ивановичь Вяземской [1]). Было время въ моей жизни, въ которое я много о немъ здѣсь говорилъ; справится съ нимъ не далеко, но случай и титло человѣка совсѣмъ мѣняютъ; мы увидимъ

[1]) Д. тайн. сов., сенаторъ, 1756 — 1807.

истинну сію ниже, и уже не въ перьвой разъ съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь моею Исторіею. Гедеоновъ былъ мнѣ человѣкъ знакомой по женѣ своей; она была дочь Талызиной Марьи Степановны [1]), у которой въ домѣ я нѣкогда съ ней игралъ Комедію; правда, что мужъ ея былъ одного со мной чина и тѣмъ могъ бы я посѣтовать, что подчиниться долженъ человѣку, который былъ еще полковникомъ, когда я уже былъ нѣсколько лѣтъ бригадиромъ; но во перьвыхъ, отъ разницы нашихъ состояній по службѣ, ибо онъ былъ въ армейской, а я въ статской, уже не за обиду принималось въ общемъ понятіи, когда они насъ обходили или, бывъ моложе, старшинство по мѣстамъ брали, сіе утѣшительное людей мнѣніе увѣряло и меня, что я не долженъ по честолюбію въ выборѣ Гедеонова въ начальники надъ собой огорчаться, а сверхъ того я уже пріученъ былъ такъ много терпѣть и такъ прилѣжно воспитывалъ самъ себя въ школѣ неудачь всякаго рода, что уже ни мало не тужилъ о томъ, что счастія мнѣ нѣтъ, а желалъ только, по крайней мѣрѣ, быть покоенъ и сіе то начиналъ по маленьку предвидѣть. Указъ о смѣнѣ Ступишина пришелъ къ намъ на Страстной Недѣли, отставка ему послѣдовала 13-го Марта. Ни новой Генералъ Губернаторъ, ни Губернаторъ еще ни прибыли; они собирались въ путь въ Москвѣ и ждали хорошей дороги. По симъ обстоятельствамъ долженъ я былъ смѣнить Ступишина тотчасъ. Не скажу, чтобъ такое приключеніе меня порадовало; я видѣлъ въ немъ злодѣя, но мщеніе уступило мѣсто сожалѣнію, и какъ будто предчувствуя, что со временемъ тоже случится со мной, я внутренно болѣлъ о сдѣланномъ ему насиліи и о такой отставкѣ безъ желанія его. При смѣнѣ его, которую онъ самъ настоятельно требовалъ, употребилъ я всю возможную вѣжливость и снисхожденіе къ лѣтамъ его и положенію. Онъ самъ не могъ моему обращенію надивиться и признавался тогда за очно, что онъ предо мною виноватъ. Въ великую пятницу вступилъ я въ Правленіе и принялъ отъ него всѣ дѣла. Онъ пробылъ въ Пензѣ святую недѣлю. Оставя Казенную Палату Директору Экономіи, я вошелъ въ новой кругъ для меня дѣлъ; познакомился съ Губернаторскою обязанностію, доносилъ Государынѣ о приключеніяхъ, пропускалъ уголовныя дѣла, словомъ, получилъ на краткое время область. Новое состояніе всегда кажется уважительнѣе того, съ которымъ человѣкъ посредствомъ привычки познакомился. Я не думалъ еще, подписывая рапорты къ самой Императрицѣ со страхомъ и благоговѣніемъ, что они вмѣсто ея приходятъ въ совсѣмъ отдаленныя отъ Престола руки, собираются въ кучу, и что никто ихъ не читаетъ. Больше всего занять меня тогда долженъ былъ отпускъ хлѣба, его надлежало отправить съ коммисіонерами и тотчасъ по вскрытіи воды; ибо Сура, рѣка такого рода, что когда вода приходитъ въ свое ложе, тогда уже ни одно судно плыть по мелководію ея не можетъ, и для того необходимо было сплавить суда съ хлѣбомъ въ полую воду, время къ тому приспѣло самое благопріятное. На святой Недѣли вмѣсто забавъ и праздниковъ безпрестанно бывалъ у Магозейновъ и сколько могъ понуждалъ къ успѣху. Наконецъ, караванъ мы свой отправили благополучно, и я о томъ во всѣ мѣста отрапортовалъ. Ступишинъ, не мѣшкавъ ни мало, послѣ святой Недѣли отправился въ свою деревню, въ Пензенской Губерніи, и не при-

[1]) См. о ней Р. Б. 1913 г., указатель.

нявъ никакихъ почестей, какъ Помѣщикъ, скрылся изъ города самымъ скромнымъ образомъ. Я люблю думать, что сіе въ немъ происходило не отъ зависти къ моему начинающемуся благосостоянію, а отъ твердости въ духѣ, которой умѣетъ сносить съ холодностію лишеніе преимуществъ не лично ему, а временному званію только принадлежащихъ. Ахъ! естьли бы онъ зналъ, что я не на долго пересталъ мучиться, конечно бы онъ мнѣ не поревновалъ. Между тѣмъ Гедеоновъ въ самомъ вѣжливомъ ко мнѣ письмѣ, рекомендовалъ себя пріятельски, не употребляя ни чего въ слогѣ своемъ повелительнаго; но съ какою разницею возвѣщалъ намъ себя князь Вяземской. Нужно къ сему слѣдующее предисловіе:

Въ Нижнемъ былъ Вицъ Губернаторъ князь же Долгорукой женатой на роднѣ Зубова, которой тогда въ самой полномочной былъ силѣ и пожалованъ былъ княземъ. Всѣ Генералъ Губернаторы, въ томъ числѣ и Вяземской обязаны были ему своимъ назначеніемъ въ оныя. Князь Долгорукой, чувствуя можетъ быть, что дѣла его не въ самомъ лучшемъ видѣ представятъ его службу, забѣжалъ къ Вяземскому съ предварительными вѣдомостьми, рапортами, отправя ихъ къ нему въ Москву съ нарочнымъ. Вяземской былъ надмѣненъ, честолюбивъ, слѣдовательно сей шагъ того Долгорукова его уже плѣнилъ совершенно; но я руководствуясь одними правилами, законными безъ вымысловъ и догадокъ, видя изъ указа, что Генералъ Губернаторъ есть Генералъ Порутчикъ по Арміи, не зная гдѣ онъ, лично предполагая его у войскъ, но гдѣ? Богъ знаетъ. Не имѣя на посылку нарочныхъ для такихъ посторонних учтивостей суммы и видя въ законныхъ книгахъ, что, когда Генералъ Губернаторъ въ отсутствіи, то къ нему изъ Губерніи имъ управляемой никто ни съ чѣмъ не относится, словомъ, на всѣхъ сихъ документальныхъ резонахъ утвердясь, никакого къ князю отношенія не сдѣлалъ, а ожидалъ его въ полной готовности къ отчоту. По указамъ я былъ правъ, но въ общежитіи съ людьми, перьвый долгъ каждаго и пренебреженіи коего къ несчастію никакіе законы не извиняютъ есть то, чтобы польстить самолюбію другаго; сего то я виноватъ и не соблюлъ съ моимъ новымъ начальникомъ. Разность въ поступкахъ Нижегородскаго Вицъ Губернатора со мной, бросилась въ глаза Вяземскому; онъ не оставилъ ее приписать моей гордости и можетъ быть не ошибся и далъ Намѣстническому Правленію предложеніе съ нѣкоторымъ на счетъ его выговоромъ. Тогда я къ нему написалъ вѣжливое, но не порабощенное письмо и изъяснилъ правильность тѣхъ причинъ, кои побуждали меня ожидать Князя лично для всѣхъ къ нему отношеній, а не обременить его въ отсутствіи. Какъ узнать можно свойства людскія? Божусь, что на мѣстѣ его я бы сильно презрѣлъ трусость Нижегородскаго Вицъ Губернатора и приписалъ бы ее подлости. Князь Вяземской думалъ иначе; отъ чего? Я буду говорить всю правду. Я гордъ, а онъ спѣсивъ! Сильная разница между етими двумя характерами; одинъ высится внутренно, другой ищетъ блеснуть наружнымъ. Начало такого рода не предвѣщало мнѣ большаго удовольствія, но я привыкъ къ умаленію и тѣснотѣ. Одна надежда видѣть въ Губернаторѣ сострадателя и друга меня ободряла. Впрочемъ нельзя было ни на что положиться, а къ тому старость Государыни, видимое разслабленіе въ Правительствѣ, величіе и мочь однако Зубова, которой на развалины ума Екатерины дѣйствовалъ гигантскимъ

образомъ и дѣлалъ, что хотѣлъ, все ето держало каждаго въ нѣкоемъ недоумѣніи дѣлать ли что, писать ли куда и къ кому въ свою пользу или ждать у моря погоды.

Тогда у Двора занимало Государыню обрученіе Велик. Княж. Александры Павловны; ей хотѣлось ее отдать за Короля Шведскаго. Князь принялъ и въ этомъ участіе; по дипломатической части возвышенъ былъ въ графское достоинство Морковъ [1]), одинъ изъ прилѣжнѣйшихъ подлипалъ но человѣкъ по общему понятію не безъ отличныхъ дарованій. Они о томъ только и думали и съ ними сообща Государыня, чтобъ ету свадьбу устроить. Король самъ былъ въ Петербургѣ, праздники ему даваемыя по всюду, съ необыкновенною дотолѣ еще роскошью, хотя молодость его крайне соблазняли, но онъ не забывалъ, что онъ Монархъ. Все напряженными силами въ столицѣ дѣйствовало и влеклось къ одной цѣли; но чему нѣтъ судьбы, того не будетъ. Не мое дѣло въ сей Исторіи собственно моей указывать причины и входить въ подробность препятствъ, кои повстрѣчались Екатеринѣ въ ея предмѣтѣ; я пишу здѣсь не Государственную Исторію, а мою, для которой все равно на комъ какой Царь женится, но упоминаю здѣсь о семъ потому только, что неудача въ переговорахъ и промахъ, которой въ этой свадьбѣ послѣдовалъ, огорчилъ духъ Екатерины и мужество ея поколебалъ, такъ какъ никто изъ современниковъ ея не скажетъ, чтобъ онъ когда либо, отъ чего иного столь сильно могъ быть встревоженъ. Мы увидимъ ниже куда все сіе привело Россіянъ, а до тѣхъ поръ обратимся къ новымъ бурямъ Пензенскаго горизонта.

Князь Куракинъ возвращался изъ столицы въ свои деревни; въ маѣ пріѣхалъ онъ въ Надеждино снова надѣятся, и по непремѣнному обряду, тотчасъ меня ласковымъ письмомъ о прибытіи своемъ увѣдомилъ. Но мнѣ не до того было, чтобъ ѣхать передъ нимъ нагибаться; я ожидалъ своихъ новыхъ матадоровъ и готовился встрѣтить Гедеонова; сей ближе былъ ко мнѣ, чѣмъ Генералъ Губернаторъ. Добрые поступки его и вѣжливая со мной переписка, меня расположили въ его пользу. Мнѣ хотѣлось его принять со всею почестью начальнику свойственной, и такъ получа отъ него извѣстіе, что онъ выѣдитъ 8-го мая, а отъ Губернатора Московскаго увѣдомленіе о томъ же, для приготовленія ему лошадей распорядилъ все къ лучшему; назначилъ на границу Губерніи чиновниковъ, назначилъ ихъ и у воротъ градскихъ, а самъ ожидалъ его на его квартирѣ; онъ не могъ еще занять Казеннаго дома. Не всякъ послѣ такого хозяина, каковъ былъ Ступишинъ, могъ тотчасъ въ него въѣхать. Надобно было нѣсколько недѣль мыть его, чтобъ узнать, что ето былъ не хлѣвъ, особливо дамскіе внутреннія покои. Гедеоновъ пріѣхалъ 20 числа къ вечеру; я принятъ былъ имъ очень ласково. Онъ вступилъ въ свою должность, а я обратился въ мою геену. Жена его съ моей очень скоро познакомились, и мы стали часто посѣщать другъ друга. Безчиновность, посѣлившаяся въ взаимномъ нашемъ между собою обращеніи, съ перваго дня обѣщали намъ естьли не восхитительные, то покрайней мѣрѣ спокойнѣйшіе дни предъ прежними. Гедеоновъ былъ человѣкъ доброй, не завязчивой и отнюдь не хитрой. Служа въ

[1]) Аркадій Ивановичъ, 1747—1827. См. о немъ въ Р. Б. 1913 г., посланникъ въ Стокгольмѣ.

арміи, онъ имѣлъ во нравѣ вспыльчивость которая по какому то предубѣжденію должна служить отличительнымъ свойствомъ офицера и съ похвалою замѣчается [1]). Здѣсь она была бы крайне не у мѣста. Горячій Губернаторъ есть гроза для Губерніи; но къ счастію горячность его можно было умѣрять совѣтами. Онъ къ нимъ казался наклоненъ и притомъ и добродушіе его большой дѣлало перевѣсъ вспыльчивости; опасно было только, что и случилось послѣ, чтобъ онъ не ввѣрился человѣку недостойному, ибо такого рода нравы всѣхъ удобнѣе могутъ отъ посторонняго сдѣлаться несносны; вотъ читатель маленькое о немъ понятіе.

Домъ его познакомилъ насъ съ Пензенскимъ помѣщикомъ Солтыковымъ, которой по зимѣ еще возвратился изъ Питера въ свою Безсоновку. Мы въ ней въ отсутствіи его живали, но съ нимъ никогда не были знакомы. Разныя заочныя сплетни производимыя Жедринскимъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, произвели въ немъ такое противу меня расположеніе, что онъ не только не хотѣлъ со мной по пріѣздѣ его въ Пензу видиться ѣздя въ городъ всякой день, но даже и старался намъ оказывать всякое недоброжелательство. Такъ какъ онъ въ послѣдующихъ годахъ будетъ играть большую ролю въ моей Исторіи, относительно къ моему дому, то и нужно здѣсь поверхное сдѣлать о свойствахъ его описаніе. Главная черта его характера была капризъ безпрестанной, своенравіе грубое, всечастная перемѣна въ мысляхъ; прибавьте етому и любопытство непомѣрное. Вотъ въ короткихъ словахъ портретъ Александра Васильевича Солтыкова. Онъ изъ рода былъ тѣхъ людей, кои безъ всякой причины разсудкомъ или сердцемъ опредѣленной, влекутся по одной силѣ своего пылкаго темперамента къ добру или къ худу, какъ они настроены бываютъ пружинами посторонними. Онъ любилъ дѣлать добро щедрымъ образомъ; мой домъ испыталъ благотвореніи его въ совершенствѣ, и въ самое тоже время не чувствуя ни силы словъ своихъ, ни границъ не зная дѣйствіямъ, онъ такъ часто готовъ былъ всякаго оскорбить, что можно было бы не знавъ его нрава, попасть въ самую грубую ошибку и счесть его за самаго лютаго врага, тогда какъ онъ и помышленія не имѣлъ вредить. Странной сей человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, но весьма впрочемъ обыкновенной, подстрекаемъ былъ большимъ любопытствомъ узнать жену мою о любезности которой, онъ еще въ Питерѣ наслышался. Проживши тамъ немалое число лѣтъ, онъ не могъ найтить большого удовольствія въ провожденіи времени между дамъ провинціяльныхъ, но при всемъ его любопытствѣ, онъ хотѣлъ чтобъ свиданіе съ нами произошло нечаянно, дабы не подать виду, что онъ его ищетъ. Ничто не могло споспѣшествовать ему въ такомъ желаніи, потому что мы жили уединенно, никуда почти не ѣздили, а паче въ тѣ дома, куда онъ приглашаемъ былъ ежедневно. Такое стеченіе обстоятельствъ раздражая его, умножило желаніе насъ узнать. Часто онъ ѣзжалъ мимо нашего дома, чтобъ хотя увидѣть жену у окошка и согласить воображеніе свое основанное на молвѣ съ истинною; но кромѣ того что трудно узнавать женщину поглядя на нее въ окошко, жена моя узнавъ о семъ нарочно оборачивалась спиною къ окну, когда онъ мимо ѣзжалъ въ своей золотой ка-

[1]) См. „Капище".

ретѣ на показъ всѣмъ имѣнія своего и знати. О! онъ любилъ почванится; честолюбіе не послѣднее было чувствованіе въ душѣ его. Онъ три раза былъ женатъ, но ни съ одной не могъ ужится; послѣдняя изъ роду Трегубовыхъ была тогда съ нимъ въ разводѣ, и съ одною дочерью скиталасъ по мѣлкимъ деревнямъ. Въ такомъ положеніи Гедеонова пріѣздъ помогъ ему весьма много; Тутъ онъ насъ увидѣлъ и такъ полюбилъ жену, что выпросилъ позволеніе къ намъ пріѣхать и до конца жизни своей благотворилъ намъ. Лѣта его и старость отдаляли всякое подозрѣніе, онъ искалъ бесѣды; женина была любезна, она была выше его сферы, но слушалъ ее охотно. Противорѣчіи ея частыя зажигали часъ отъ часу его сердце, и не было даже между любовницъ его женщины, которую бы онъ съ болшимъ пристрастіемъ любилъ какъ жену мою, хотя часто она выводила его изъ терпѣнія суровыми своими замѣчаніями на счетъ его заблужденій. Они часто не имѣли ничего человѣческаго отъ жескаго и необразованнаго нрава. Меня онъ никогда не любилъ чистосердечно, но казалъ наружный видъ пріязни изъ уваженія къ женѣ моей, которая выкинула бы его въ окошко, ежелибы онъ осмѣлился у насъ въ домѣ малѣйшее ко мнѣ показать неуваженіе. Такимъ то знакомствомъ судьба насъ наградила, тогда какъ чаяли мы совершенно одни быть въ цѣломъ мірѣ.

Къ умноженію суетъ въ Пензѣ пріѣхалъ и Генералъ Губернаторъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Директоръ Экономіи, отправясь на восемь дней будто бы обозрѣвать заводы, на которыхъ никакого дѣла лѣтомъ не бываетъ, поѣхалъ къ нему на встрѣчу и торопился сдѣлать ему свои внушеніи. Кн. Вяземской пріѣхалъ къ намъ 13-го, но пріѣздъ его требуетъ описанія подробнаго, ибо Генералъ Губернаторъ въ тогдашнее время былъ такой Сатрапъ, котораго каждый шагъ обращалъ на себя вниманіе насъ простолюдиновъ. Зная нѣсколько свойство его изъ прежняго моего съ нимъ знакомства, я говорилъ Гедеонову прежде, чтобы онъ для встрѣчи его взялъ свои мѣры. Губернаторъ хотѣлъ принять его больше ласково и усердно нежели честолюбиво, и для того не назначилъ ему никакой встрѣчи. Кн. Вяземской ѣхалъ уже къ намъ въ досадѣ за неприсылку отъ меня къ нему нарочнаго въ Москву. Тутъ еще ярче онъ осердился на Гедеонова, и хотя зналъ, что ему квартира приготовлена наилучшая въ городѣ, однако подъ видомъ неведѣнія, остановился онъ у присяжнаго на квартирѣ; когда дошло сіе до насъ, я тотчасъ догадался, что Гедеонову будетъ пріемъ худой, не ждалъ ни чего пріятнаго и для себя, но Гедеоновъ ни мало къ тому не готовился, какъ вдругъ кн. Вяземской, лишь мы взошли къ нему оба, обратя рѣчь къ Гедеонову сказалъ ему: знаете ли кто вы и кто я? По етому вопросу можно было представить что послѣдуетъ. Я не стану ничего далѣе описывать, ибо грустно напоминать себѣ такія минуты, гдѣ видишь, что человѣкъ снискавшій столь важное званіе трусостью и подлымъ исканіемъ у вельможъ, собравши кругъ своихъ подчиненныхъ высится передъ ними и Богомъ какимъ то быть мечтаетъ. Могъ ли онъ увѣрить кого нибудь, что достоинства личныя возвели его на ету степень? Отнюдь нѣтъ! Когдабъ они таковы и были, извѣстно всѣмъ современникамъ Екатерины, что безъ исканія ни кто ни съ какимъ быстрымъ умомъ далеко не происходилъ. Кн. Вяземской столь язвительно выговаривалъ Гедеонову, что онъ не встрѣтилъ его, что тотъ нося

кромѣ сана Губернаторскаго характеръ заслуженнаго офицера, характеръ
совсѣмъ князю Вяземскому неизвѣстный, хотя онъ былъ и Генералъ
Порутчикъ, почти заплакавши отъ него вышелъ. За нимъ ушелъ и я
недождавшись слава Богу ни добраго ни худаго слова на свою долю.
Онъ велѣлъ насъ воротить къ себѣ и умѣря голосъ свои и всѣ пылкія
движенія досады своей, сѣлъ съ нами двумя въ карету и позволилъ
себя перевезти въ приготовленный для него домъ. Сколько ни старался
онъ тамъ показать благосклонности, всѣ вдругъ получили къ нему
отвращеніе. Онъ, можно сказать, въ ети десять дней которые съ нами
прожилъ, былъ предтеча того суроваго Царства, которое висѣло надъ
головами нашими, ибо каждой день всѣ мы ходили въ мундирѣ; никто
не смѣлъ надѣть фрака. Каждое утро въ семь часовъ всѣ мы были у
него; онъ поминутно призывалъ въ свой кабинетъ то того изъ насъ, то
другого, мучилъ толкованіемъ такой теоріи, о которой слыхалъ онъ пу-
тешествуя по Англіи, но здѣсь неудобь исполняемой, ибо Россійской
помѣщикъ или Уѣздной Судья, отнюдь не Гренвиль, не Шатамъ и не
Лондонской Лордъ; съ нимъ другая потребна совсѣмъ метода, а ее то
кн. Вяземской совсѣмъ не разумѣлъ ибо онъ не зналъ Россію, на при-
мѣръ: онъ требовалъ чтобъ Губернское Правленіе уподоблялось въ
производствѣ дѣлъ своихъ полковой канцеляріи, чтобъ Губернаторъ
представлялъ подъ нимъ Маіора, онъ самъ Полковника; мы Предсѣ-
датели Палатъ были бы подобіи капитановъ. Можно ли назвать та-
кое распоряженіе инымъ чѣмъ какъ бредомъ пресильной горячки? вотъ
маленькой обращикъ его понятія о статской службѣ. Молвить ли
о свойствахъ его? Онъ былъ при довольной остротѣ ума горячъ до
бѣшенства, спѣсивъ, властолюбивъ, врагъ противорѣчія, самовластенъ
въ заключеніяхъ, скоръ въ предпріимчивости, словомъ, начиненъ былъ
всѣми тѣми качествами, кои въ гражданскомъ начальникѣ пагубны для
управляемаго имъ народа; въ обращеніи своемъ съ нами, онъ никогда
насъ не называлъ по имянамъ, но всегда по мѣсту и чину, и даже когда
говорилъ о себѣ, то всегда титуловалъ себя своимъ чиномъ. Рекомен-
дуясь незнакомымъ дамамъ, онъ не забывалъ сказать, что онъ Генералъ
Губернаторъ. Увѣряя, что онъ почестей не требуетъ, что онъ родился
съ ними, онъ однако же восхищался всякимъ ординарцомъ и изливалъ
желчь свою на всѣхъ, когда что-либо пропущено было изъ принадлежа-
щихъ сану его преимуществъ; словомъ, онъ всѣхъ поставилъ противу
себя; однако всѣ звали его обѣдать и наперерывъ старались его угостить.
Откупщикъ давалъ балъ, въ которой къ ужину изъ Саратова съ курье-
ромъ привезли аршинную стерлядь. Откупщикъ етотъ былъ дворянинъ
и князя такая трусость восхищала. По нѣсколькимъ дняхъ, приведя
себѣ на память прежнее наше знакомство, князь былъ съ визитомъ у
меня; жена и я мы рѣшили съ нимъ обходитьса съ холодною вѣжли-
востью и въ отплату за посѣщеніе звали его на вечеръ, но не на пиръ;
его у насъ не было. Мы въ очень маломъ числѣ людей отужинали.
Давалъ ему между прочимъ обѣдъ и Солтыковъ, на которой никто изъ
насъ двухъ не ѣздилъ, потому что его Сіятельство въ тотъ самой день
присрочилъ мнѣ привести къ себѣ Вѣдомости послѣ полудни; слѣдова-
тельно не могъ бы я успѣть его приказанія исполнить, выѣхавши за
городъ, а потомъ не ушелъ бы и отъ крику. Онъ самъ наконецъ да-
валъ намъ обѣдъ, а дамъ дарилъ разными бездѣлками, которыя наку-

пилъ онъ на открывающейся въ Пензѣ годовой Петровской ярмонкѣ.
Всѣ ети ласки были такъ опозданы, что они никого къ нему не привле-
кли. Однажды гуляя по городу и таская меня съ собой зазвалъ къ себѣ
на вечеръ; мы просидѣли глазъ на глазъ. Онъ старался быть любезенъ,
и когда забывалъ, что превосходная его степень далеко меня ставитъ
отъ него, то бесѣда наша была смѣшна, пріятна и заманчива; но когда
онъ вспоминалъ, что онъ генералъ, а я Вицъ Губернаторъ, то какая то
на чертахъ его изображалась угрюмость, которая приводила меня въ
робкое молчаніе а его подымала на ходули. Онъ никогда не ужиналъ;
ягоды и пиво составляли всю его пищу на ночь. Ею то онъ меня тогда
и подчивалъ, но признаюсь, что никогда сладкое кушаніе не соблазнило
бы вкуса моего тогда, отъ одного зрѣлища бѣднаго почетнаго дворя-
нина, который безъ нужды простоялъ во весь нашъ ужинъ не только
безъ приглашенія къ оному, но даже не имѣя позволенія сѣсть. Съ
кѣмъ же Царямъ имѣть сообщество? съ Богами, когда намѣстнику
ихъ кажется стыдно присоединить къ бесѣдѣ своей дворянина. Не
полюбился князь Пензѣ, а Пенза ему, хотя и спектакль давали ему про-
ѣзжавшіе тогда Симбирскія актеры въ нашемъ театрѣ. Нижній начи-
налъ ему нравиться непомѣрно; все тамъ было чисто, справедливо,
хорошо, а у насъ худо, лѣниво и безтолково. И такъ онъ отъ
насъ уѣхалъ 24-го числа и Богъ съ нимъ, сказали мы всѣ въ одинъ
голосъ. Описавъ такимъ образомъ его обращеніи, его поступки въ
общежитіи, нужно здѣсь распространиться на счетъ тѣхъ обстоя-
тельствъ, изъ коихъ онъ почерпнулъ необходимость прискакать такъ
стремительно изъ Нижняго въ Пензу, поелику въ нихъ играю я
не маловажную ролю, то и воспретить себѣ не могу о ней потолковать
подробно, хотя всякую нелѣпость крайне скучно приводить себѣ на память.
За Сенатомъ важивалось, когда доходили къ нему представленіи,
коихъ или онъ рѣшить нехотѣлъ, или находилъ затруднительнымъ дер-
жать ихъ подъ сукномъ и при назначеніи новыхъ Начальниковъ туда,
откуда они присылались, отправлять ихъ назадъ, къ новому разсмотрѣ-
нію, съ тѣмъ единственно, чтобъ какъ нибудь свалить бумагу съ рукъ,
и не имѣть ее на своемъ отчетѣ, хотя впрочемъ сіе правительство рѣдко
принуждалось дать его въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Такъ точно
поступилъ Сенатъ и съ вошедшимъ моимъ о недоимкахъ представленіемъ
въ прошломъ годѣ, и при указѣ какъ мнѣніе мое такъ и производство
дѣла отослалъ для разсмотрѣнія къ Генералъ Губернатору. По етому
случаю кн. Вяземской присудствовалъ у насъ въ Палатѣ съ нами. Хотя
въ томъ указѣ сказано было — ясною рѣчью безъ обиняковъ, что по свидѣ-
тельству съ Э(кономомъ) Государственныхъ доходовъ недоимки сказались
точно въ показанномъ мною количествѣ, что и не могло иначе быть,
ибо я рапортъ мой къ Генералъ Прокурору не съ другихъ какихъ до-
кументовъ составилъ, какъ съ тѣхъ же кои палата туда препровождала;
хотя притомъ велѣно было въ томъ Указѣ Сената ему Генералъ Губер-
натору взять мнѣніе мое въ уваженіе, однако Князь обратилъ всю свою
заботу на то, чтобы изыскать точно ли недоимки правильно сочтены и
показаны. Не зная гражданской службы, еще меньше понимая всѣ та-
бели Государственныхъ учетныхъ экспедицій, онъ терялся въ нашихъ
вѣдомостяхъ какъ въ Лабиринтѣ, и засѣданіе свое съ нами кончилъ
тѣмъ, что подписалъ рапортъ отъ себя въ Сенатъ, содержащій въ

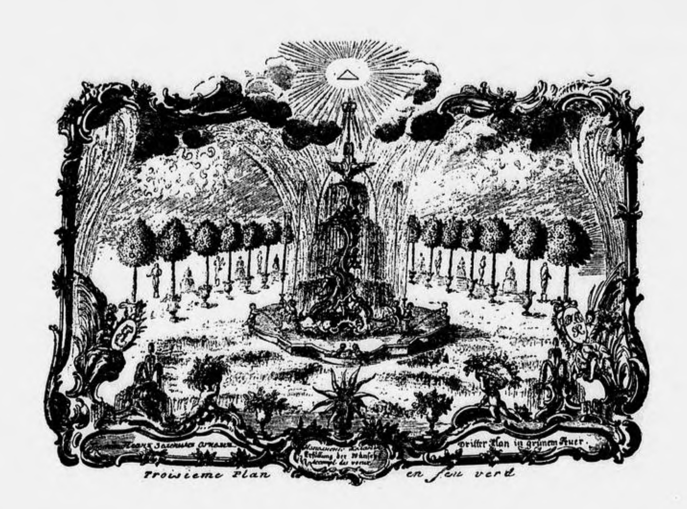
себѣ вмѣсто 600 тысячь только 80 недоимки. Страшная разница! которая только въ воображеніи его могла помѣститься; онъ показалъ недоимкою на его отвѣтѣ лежащію только ту, которая съ того времени накопилась на Губерніи, какъ Генералъ Губернатора въ ней не было. Тщетно старался я его ввести въ разумъ вещи, показать ему, что недоимкѣ нѣтъ дѣла до власти, которая управляетъ Губерніею, что она лежитъ на народѣ, слѣдовательно и при воеводахъ недобранная въ доходъ казны копейка есть также недоимка, какъ и тѣ милліоны, которыя бы накопилась при Генералъ Губернаторахъ. Доводы мои ему казались не ясны, онъ не довѣрялъ мнѣ. Такимъ образомъ не только можно было ее уменьшить до восьмидесяти тысячь, можно было, поставя себѣ предмѣтомъ имянно текущій тогда годъ, не счесть оной и до пяти. Отъ сего заключенія, казна не была бы богаче, и шесть сотъ тысячь недобору по Пензенской Губерніи остались бы все тѣже; а сколько для сей развязки дѣла надобно было труда письма, хлопотъ; вѣдомости перемѣнялись раза по два въ день; за всякую летѣлъ выговоръ. Сенатъ получа рапортъ княжой въ такой мудреной силѣ, пріобщилъ его къ дѣлу, то есть приказнымъ словомъ сказать, бросилъ на полъ. Въ другомъ случаѣ кн. Вяземской развернулъ также въ Пензѣ остроту ума своего на счетъ всѣхъ свѣденій о своемъ Отечествѣ. Онъ далъ предложеніе, (оно было напечатано) которымъ Палатѣ предписывалъ отрядить Директора Экономіи, а ему объѣхать всѣ казенныя селенія, и словомъ, самымъ хозяйственнымъ образомъ ощупать ихъ карманы. Можетъ быть Князь и самъ незналъ какую онъ давалъ власть ему, но распространялась она такъ далеко, что ежели бы Палата его къ тому допустила, казенныя мужички скоро сдѣлались бы тонѣ Египетскихъ Мумій. Между прочимъ въ етомъ предложеніи требовалось отъ него чтобы онъ пріучалъ ихъ къ чистотѣ, къ общежитію, заставлялъ избы свои освящать, убѣждалъ ласково принимать сосѣдей, быть между собой обходительными. Все ето прекрасно; теорія преполезная, вымыселъ догадливой, но въ Англіи, во Франціи, тамъ, гдѣ народъ просвѣщенный привыкъ къ тонкостямъ вѣжливаго сожитія съ людьми, а въ Россіи, въ низовой степени деревни, гдѣ у мужика отъ смрада лучинъ глаза болятъ и отъ черной работы около сохи мозоль на всѣхъ составахъ, трудно хотѣть чтобы онъ умывался и бѣлился ежедневно; чтобы онъ старался быть миловиденъ своей бабѣ, которая также шесть дней въ недѣли марается за станкомъ около красна, а въ седьмой утрется для праздника Господня полувымараннымъ въ сажѣ полотенцомъ. Кн. Вяземской думалъ и сочинялъ предложеніе свое въ разумѣ Аглинскихъ обычаевъ, забывая, что онъ Начальникъ не въ Девонширѣ, не въ Дублинѣ, а въ Пензѣ, въ русской Губерніи отстоящей отъ всякаго просвѣщенія весьма въ дальнемъ разстояніи. Директору Экономіи такое предложеніе было нравно; онъ не сталъ бы стараться обличить его трудностью въ исполненіи; цѣль его была подъ видомъ всей етой науки, осмотрѣть поближе и по подробнѣе имущество крестьянское и умалить роскошь тѣхъ, у коихъ оставалось еще чѣмъ поживиться; но онъ ошибся въ своемъ намѣреніи, ибо Губернаторъ и я сильно воспротивились тому; Гедеоновъ сдѣлалъ свои возраженіи; во ожиданіи разрѣшенія на нихъ, оставили предложеніе безъ дѣйствія. Князь ничего не предписалъ, и такъ дѣло сего объѣзда началось и кончилось однимъ печатнымъ предложеніемъ, которое впрочемъ было очень щеголевато написано, и жаль что князь сей минуты воображенія не посвѣтилъ чему либо другому; игра ума его блеснула бы съ большимъ успѣхомъ нежели тутъ. Напрасно Господа Начальники пишутъ кудрявымъ слогомъ свои предложеніи и галунами такъ сказать обкладываютъ самую бѣдную иногда идею; во время производства по онымъ дѣлъ, никто красотой слога не занимается и рѣдкія понимаютъ его, а потомъ оно обратится въ сырой архивъ на пищу всякой насѣкомой.

Лишь только проводили мы нашего Начальника, который садясь въ коляску думалъ, что онъ много надѣлалъ дѣлъ, какъ получила Палата предложеніе отъ Самойлова. Казалось, что судьба назначила скопится всѣмъ несмысленнымъ предписаніямъ въ одно и то же время; видѣли выше какъ чудодѣйствовалъ кн. Вяземской, Самойловъ еще мудренѣе задавалъ задачу. Тому хотѣлось, чтобы Палата и натуру распорядила по своему. Велѣно было прежде готовить большое количество мѣдныхъ денегъ, для отправленія въ столицу, и для сего они въ казначействѣ нашемъ Губернскомъ копились ежемѣсячно. Наконецъ, Генералъ Прокуроръ предложилъ всю мѣдь отправить на тѣхъ судахъ, кои съ хлѣбомъ назначены были плыть въ Питеръ. Здѣсь самыя простыя встрѣчаются неудобства, коихъ и самой ограниченной умъ при маленькомъ разсмотрѣніи не могъ бы не почувствовать тотчасъ. 1-е: Суда съ хлѣбомъ уже были отправлены и о томъ рапортъ мой долженъ былъ быть полученъ Генералъ Прокуроромъ еще въ апрѣлѣ, а онъ писалъ уже въ іюнѣ; слѣдовательно, приказывалъ не сообразясь ни мало съ своими бумагами. 2-е: По Сурѣ суда инако плыть не могутъ какъ въ полую воду; время полой воды не продолжается нигдѣ никогда по іюль, и естьлибы Суда не ушли еще въ апрѣлѣ съ хлѣбомъ, а простояли у береговъ до сего времени, то бы и отправить ихъ ни съ чѣмъ ужъ было не можно, слѣдовательно Генералъ Прокуроръ не зналъ ни карты, ни мѣста, ни удобностей того края, куда посылалъ свои приказаніи. 3-е естьлибъ и могла чудеснымъ образомъ вода въ Сурѣ поднять въ Ивановъ день суда съ хлѣбомъ, то готовя ихъ, Палата единственно для сего Транспорта не имѣла бы возможности умножить довольно важный грузъ провіанта еще знатнымъ количествомъ металла который бы потопилъ всѣ барки; слѣдовательно Самойловъ писалъ то, что ни въ чью благоразумную голову не вмѣстится. Другой отвѣтствовалъ бы помягче; я къ несчастью не умѣлъ молчать, и такъ я на сіе предложеніе позлобленъ былъ и сералъ представленіе съ прописаніемъ всѣхъ вышеозначенныхъ замѣчаній за исключеніемъ только моихъ ergo, кои здѣсь въ изліяніи историческаго духа помѣстились.

Вотъ какъ служба часъ отъ часу болѣе меня забавляла, а къ тому и обстоятельства Московскаго дома приходя въ чувствительную растройку, часто тревожили мою душу. Въ самое ето время на докладъ Сената по причинѣ нарочитой дороговизны дровъ въ окрестностяхъ Москвы вышелъ Имянной Указъ чтобы воспретить во всей Московской Губерніи какой бы то ради причины не было винокуреніе. Онъ состоялся 26-го апрѣля, а публикованъ въ іюнѣ. Конфирмованной Докладъ Сената былъ въ такой силѣ, чтобы въ Москвѣ, то есть въ ея Губерніи позволить докурить только то вино, на которое тутошнія помѣщики имѣющія заводы законтрактовались или съ казною или съ откупщиками, по исте-

ченіи же настоящаго четырехлѣтія совершенно падало на всѣ винокуренные заводы запрещеніе, съ исключительнымъ только правомъ помѣщику про свой обиходъ, согласно съ прежнимъ новымъ же узаконеніемъ курить девяносто ведръ вина въ годъ. Хорошъ ли сей Указъ или нѣтъ, отяготителенъ ли для дворянъ Московскихъ или наипаче выгоденъ для откупщиковъ, о семъ разсуждать совсѣмъ не входитъ въ мой предмѣтъ въ частной моей Исторіи. Что мнѣ до свойства Государственныхъ законоположеній? Я бы забылъ охотно и о семъ послѣднемъ естьлибы мечь Самодержавія не падалъ прямо на меня какъ на помѣщика Московскаго, у котораго былъ маленькой заводъ; но пословица давно извѣстна, что гдѣ тонко тутъ и рвется; и такъ надлежало придумывать средства убавлять еще домашнія расходы и стѣснять кругъ своихъ необходимостей. Куда какъ грустно и нужное приводить въ вѣсъ и мѣру, когда многія, очень многія и отъ избытковъ своихъ удѣлять не хотятъ пылинки на пользу общую! Потужимъ, вздохнемъ, и пойдемъ далѣе:

25-го іюля родился Велик. Кн. Николай Павловичъ. Я получа сіе извѣстіе сообщилъ его тотчасъ Гедеонову, который обозрѣвалъ города и былъ въ отлучкѣ. Около того же времени у Двора, то есть 28-го, въ день которой Екатерина всякой годъ любила отличить новыми щедротами, было Генеральное производство въ чины по статской службѣ и у насъ принялъ въ немъ участіе по старшинству своему одинъ Жедринскій. Никто не тужилъ о томъ, ибо всѣ знали, что въ сихъ перемѣнахъ доставляетъ каждому чинъ не достоинство, но старшинство, и гдѣ люди равно бываютъ несчастливы, тамъ уже благополучіе не такъ сильно желается, потому что нѣтъ особенности; а ничто такъ людей не успокаиваетъ какъ равенство. Мы по большой части отъ того всѣ бываемъ недовольны, что видимъ разницу передъ собой во многихъ и разницу оскорбительную, когда почести примѣняемъ къ качеству заслугъ каждаго; но въ такомъ случаѣ гдѣ всѣ равно обойдены или равно забыты, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ подъ кои они еще не подходятъ, менѣе гораздо прискорбно переносить и самую несправедливость; вотъ въ чемъ состоялъ наипаче разумъ правленія Екатерины. Сюда не принадлежатъ исключеніи фаворитовъ, на нихъ не было ни правилъ ни закона; я говорю о людяхъ очередныхъ и средняго состоянія въ службѣ. Когда воротился Гедеоновъ въ городъ, пожелалъ я погулять и съѣздить на Саранскую ярмонку, которая бываетъ въ Успеньевъ день. Для сего писалъ я къ князю и въ благосклонномъ отвѣтѣ получилъ отпускъ на восемь дней. Скоро потомъ имѣлъ я случай писать опять къ нему съ жалобой на ассессора Палаты Бестужева, котораго поступки и запальчивая смѣлость выводили меня и товарищей его при слушаніи всякаго дѣла изъ терпѣнія, и Генералъ Губернаторъ уважа мое отношеніе приказалъ Губернатору призвавъ его къ себѣ сдѣлать ему Начальничье увѣщаніе, дабы онъ поведеніе свое соглашалъ съ носимымъ имъ характеромъ члена Палаты; вниманіе сіе нѣсколько ободряло меня, обѣщая что нибудь и лучшее еще по времени, но все жизнь моя тянулась съ большею скукою.



Переписка Княг. Несвицкой всегда постоянной въ пріязни ея ко мнѣ доставляла мнѣ иногда удовольствіе видѣть что я не всѣми еще забытъ въ столицахъ, но напамятованіи друзей когда необходимость насъ съ ними разлучаетъ не суть ли иногда стократъ горестнѣе чѣмъ самое ихъ забвеніе? Когда не чувствуешь лучшаго тогда на худое смотришъ съ терпѣливымъ равнодушіемъ, но естьли видишъ что могъ бы быть счастливѣе и заключаешъ дни свои въ томномъ уединеніи, не свойственномъ съ твоимъ характеромъ, тогда горесть твоя еще острѣе становится въ часы меланхоліи. Разбивали ея письма Струйскаго, которыя наполнены были нелѣпыми стихами и часто смѣшили меня до потери силъ; я имѣлъ терпѣніе на нихъ акуратно отвѣчать, дабы продолжить переписку нужную къ разсѣянію моей скуки. Не было однако никогда смѣшнѣе письма того которое я получилъ отъ Ассесора нашей Палаты, плывущаго съ хлѣбнымъ караваномъ въ Питеръ, Г. Лаптина. Онъ служилъ всегда на морѣ и перо его было самое корабельное. Такой безтолковой грамоты я никогда не читывалъ; она у меня не затерялась и до нынѣ въ моихъ бумагахъ хранится. Сумароковъ сказалъ: „безъ разума смѣшить, даръ подлыя души“. Я не знаю справедливо ли онъ сдѣлалъ сіе заключеніе; на то, чтобъ опровергнуть его стоитъ только прочесть его комедіи, которыми онъ конечно считая душу свою не подлой забавлялъ Елизавету, совре-

менницу свою на престолѣ, ибо въ нихъ нѣтъ ни одной острой шутки и все простонародно, да хотя соглашусь я съ нимъ что безъ разума смѣшить не возвышаетъ душу, по крайней мѣрѣ полезно для тѣхъ кои смѣются, а когда хохочешъ, право не станешъ тогда выказывать разборчивость свою на счетъ причинъ смѣха. Было бы весело, вотъ цѣль, достигнуть ее всегда пріятно. Я здѣсь о такихъ маловажныхъ обстоятельствахъ включаю для того, чтобы показать всю суровость нашей участи. Когда намъ подобныя въ Москвѣ и Питирѣ веселились смотря на хорошую Французскую Комедію, или забавлялись сами ею въ пріятномъ кругу играя; когда то съ милыми людьми бесѣдуя, забывали какъ текутъ часы жизни, или на балахъ просиживая ночи смѣшивали нечувствительно двое сутокъ въ одни, тогда мы съ женой обмануты будучи во всѣхъ нашихъ надеждахъ, радовались и тому, что какой нибудь простачокъ напишетъ ко мнѣ письмо, которое мы сто разъ прочитываемъ, всякую его глупость раздробляемъ, дабы нѣсколько посмѣятся. Въ самое ето время, трогаясь такимъ мученіемъ и видя что необходимо нужно было мнѣ перемѣнить мѣсто и воздухъ, согласясь съ матерью моею, жена сдѣлала общей планъ написать первая къ Государынѣ самой, а послѣдняя къ Зубову о переводѣ меня въ Москву. Старость матери моей и состояніе дѣлъ ея, давали кажется ей право приступить къ такому рѣшительному предпріятію. Я написавъ Матушкѣ письмо, отправилъ къ ней, и она изволила его подписавъ послать прямо на имя Государыни, въ подкрѣпленіе къ оному, женино письмо къ Зубову было написано весьма трогательнымъ слогомъ, но у большихъ Господъ нѣтъ Натуры; они ее не чувствуютъ: объ нихъ можно сказать какъ объ тиранахъ превосходно Волтеръ изъяснился устами Меропы въ ея трагедіи: Ce n'est pas aux tyrans a sentir la nature; вельможи ни вздоховъ ни слезъ ни примѣчаютъ; для нихъ все счастливо и когда какъ плѣнительно сказалъ Delile: le dejeuner du riche occupe les deux mondes, придетъ ли имъ на мысль сирота, бѣдность, печаль; слова жескія для ушей любимцевъ фортуны. И такъ письмо къ Государынѣ осталось безъ дѣйствія, а Князь Зубовъ ни слова женѣ не отвѣчалъ не только самъ, ниже черезъ кого нибудь. Такое уничтоженіе не сильно ли удручить бытіе каждаго на свѣтѣ? Но доколѣ не увидѣли мы изъ продолженія времени, нашей и въ етомъ новомъ поступкѣ неудачи, мы отправя письмы въ Августѣ, остались спокойны, въ чаяніи отъ нихъ непремѣнно пользы. Стократно скажу: О какъ человѣкъ счастливъ что онъ не знаетъ будущаго! Какъ благодѣтельно поступило съ нимъ Провидѣніе сокрывъ оное отъ глазъ его. Куда бы дѣлись тѣ пріятныя надежды кои услождаютъ бремена жизни нашей, естьли бы мы знали заранѣе, что то опрокинется, другое не удастся? — Благословенная надежда! ты насъ тогда своими обманчивыми прелестьми утѣшала, мы уповали и были тѣмъ счастливы. Кто не желаетъ къ чему нибудь придратся, чтобъ только имѣть хоть слабую причину надѣяться лучшаго?

Отпускомъ, даннымъ мнѣ отъ Генералъ Губернатора на восемь дней, воспользовался я въ Августѣ и поѣхалъ на Саранскую ярмонку вмѣстѣ съ женой; сопровождалъ насъ и Солтыковъ Алек. Вас. Путь былъ очень пріятенъ и по крайней мѣрѣ я нѣсколько отдохнулъ отъ Казенной Палаты, которая болѣе надоѣла мнѣ чѣмъ Арапу сахарныя насажденія въ Индіи. Доѣхавъ однако на ярмонку, присоединились къ забавамъ и хло-

поты, ибо при отъѣздѣ моемъ Губернаторъ письменно поручилъ мнѣ принять управленіе въ Саранскѣ надъ полиціей и поревизовать тамошнія мѣста, въ исполненіи чего не нашелъ я причинъ быть симъ порученіемъ чрезмѣрно довольнымъ; вездѣ все было худо, несмысленно, и Суды почитали не только погрѣшности столь общія всему человѣческому роду, но и самыя даже насиліи извинительными. Я пожурилъ и пожаловался. Съ Ярмонки проѣхали мы черезъ Шешкѣевъ въ Рузаевку, деревню Струйскаго. Въ Шешкѣевѣ мы видѣли поляка довольно пожилого, который присланъ былъ по дѣламъ политическимъ на жительство въ сей городъ; онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, большое имѣніе, постъ уважительной въ службѣ; все ето оставалось только въ его воображеніи и онъ въ Шешкѣевѣ получая отъ казны весьма умѣренное подаяніе, питался на счетъ добродушныхъ помѣщиковъ, кои не разсматривая причинъ политическихъ, помогали всякому тому кто терпѣлъ нужду. Онъ былъ уменъ, — дурака бы вѣрно не сослали — игрокъ на скрыпкѣ прекрасной. Въ домѣ Уѣзднаго Судьи, у котораго былъ тогда балъ, составленный изъ Общества градскаго и его собственныхъ музыкантовъ, етотъ изгнанникъ по имяни Хоржевскій, съ такимъ выраженіемъ трогательнымъ игрывалъ польскія, что заставлялъ меня посреди танцевъ глубоко задумываться и самъ проливалъ слезы. Есть что то въ насъ какъ ни разсуждай о семъ внушеніи природы, что дѣлаетъ, намъ повсюду милымъ воспоминаніе нашей родины. Въ етомъ же самомъ домѣ хозяинъ заставилъ дѣтей своихъ играть для насъ маленькую комедію. Театръ поставленъ былъ въ биліярдной, которая была такъ мала, что нѣгдѣ было даже поставить намъ стульевъ и на биліярдѣ помостили доски. Тутъ мы сидѣли не очень мягко, но и въ забавахъ иногда есть необходимость переносить худое. Театръ начался около полночи. Глаза уже у всѣхъ слипались, но надобно было ихъ отворять насильно чтобы видѣть Констансу въ необитаемомъ островѣ, и въ первой разъ испытать въ жизни что такое Театральное зрѣлище въ уѣздномъ городѣ. Море представляемое самымъ страннымъ образомъ, на лоскуткѣ крашенины кистью пьянаго малера, такъ было отъ насъ близко, что мы, и биліярдъ и хозяинъ, и люди, всѣ казались плавающими на водахъ онаго. Счастливо было для насъ, что обманъ сей былъ грубъ, иначе мы бы перепугались и было бы чего; но я далѣе описывать странностей сего позорища не стану, мнѣ совѣстно даже, что я и сказанное изъ тайны выпустилъ. Марать не стану, но вновь ничего не прибавлю. Совѣстно осуждать такія вымыслы, коими люди отъ доброты души съ простотой Патріаршескаго вѣка стараются гостей своихъ занять и позабавить; ихъ забавы тяжки для просвѣщеннаго ума, — такъ; но они того не знаютъ. Простительно такое заблужденіе. Лучше бы конечно они сдѣлали, естьли бы безъ затѣй моды и обольщенія большому свѣту свойственнаго, накормя насъ хорошо, съ усердіемъ изъ хижинъ своихъ проводили; но кто не хочетъ показать будто онъ выше своей степени стать умѣетъ.

У Струйскаго, котораго я описалъ прежде, нашли мы изуродованной Парнассъ и Апполлона въ увѣчьѣ; музы тамъ представлялись въ самомъ жалкомъ видѣ. Оптика занимала по старому хозяйское понятіе; онъ читалъ намъ свои стихи, водилъ насъ въ типографію, и тамъ при женѣ тиснули стихи сдѣланныя имъ въ похвалу ея експромту. Пріятно было етому повѣрить чтобы по крайней мѣрѣ за учтивость заплатить сни-

схожденіемъ къ самому несмысленному творенію и извинить недостатки его скоропостижностію намѣренія, впрочемъ гостепріимство его и милой жены, заплатило намъ съ избыткомъ за ту отяготительную скуку, съ которой принуждены мы были слушать его стихотворныя сумашествіи.

По окончаніи сего пріятнаго путешествія, воротясь домой опять въ ту же Пензу, нашли письмо отъ графа Менестреля. Онъ былъ выходецъ или тогдашнимъ моднымъ словомъ сказать емигрантъ французской, приверженный къ правамъ Бурбонскаго дома. Лишеніе всего отечественнаго прибило его со многими другими къ трону благотворной Екатерины, подобно какъ бурею разбитыя суда разной величины и формы прибиваются волнами къ берегамъ счастливаго населенія; онъ просилъ хлѣба. Императрица пожаловала ему шестьсотъ рублей серебромъ, приказала выдавать ихъ ему изъ Пензенской Казенной Палаты, предположивъ ему жить въ Пензѣ, какъ городѣ такомъ, гдѣ дешевизна въ съѣстныхъ припасахъ умножила бы цѣну назначеннаго ему пенсіона. Приготовляясь получить его отъ меня, онъ и старался за ранѣе свезти со мной знакомство. Учавствовавшія въ немъ знали меня, и знали, что такое въ Россіи провинція. Надобно было ему представить картину жизни нашей въ выгоднѣйшемъ видѣ и потому научили его отнестись ко мнѣ, дабы по крайней мѣрѣ приготовить ему бесѣду съ людьми разумѣющими его языкъ и разговоръ. Онъ былъ благороднаго происхожденія и близокъ нѣкоторымъ образомъ ко Двору несчастнаго Людовика, имѣя за собой въ замужествѣ дочь его кормилицы. Въ сентябрѣ онъ къ намъ пріѣхалъ и привезъ сверхъ многихъ рекомендательныхъ писемъ о себѣ, къ Губернатору два и ко мнѣ отъ казначея Велик. Князя г. Николаи и кн. Голицыной, той самой, что была у насъ въ Пензѣ. Я его принялъ наилучшимъ образомъ, Губернаторъ также; съ перваго дня наши дома сдѣлались его собственными. Губернаторъ открылъ въ пользу его подписку, собрали и подарили ему ста три денегъ. На первый случай для него съ женой и одной только дочерью на возрастѣ, чего же больше можно требовать? Вдобавокъ къ деньгамъ, снабдили его квартерой даромъ, дали столовой посуды, бѣлья, словомъ, поступили такъ какъ издревле Россіяне въ гостепріимствѣ поступаютъ. Но этотъ французъ несмотря на его породу, несчастія и благотворенія жителей тутошнихъ, заплатилъ намъ послѣ весьма худо, и показалъ что въ его отечествѣ рѣдко добрая душа и правильной разсудокъ совокупны бываютъ съ остротой ума и тонкой догадкой. Сихъ двухъ качествъ у французовъ отнять не можно, но кромѣ того вѣтренность и легкомысліе составляютъ главныя черты ихъ народа! Итакъ онъ основалъ между нами жизнь свою; посѣщая часто меня и любя много говорить, онъ болтаньемъ своимъ то смѣшилъ меня, то нерѣдко доставлялъ самой крѣпкой сонъ. Несчастіи исправляютъ человѣковъ, а француза мнѣ кажется ничто, и объ немъ то можно сказать: каковъ въ колыбели, таковъ и въ могилку. Что етотъ графъ на свою долю не вытерпѣлъ? однако ничто не сильно было основать его мыслей и воображенія его летали вездѣ безъ всякой пользы. Рекомендательныя письма имъ доставленныя были наипрекраснѣйшимъ слогомъ написаны, — онъ въ нихъ былъ расхваленъ; но кто жъ не зналъ что большія господа и дамы лучшаго свѣта раздаютъ ети грамотки свои несчастнымъ вмѣсто денегъ? Они имъ ничего не стоятъ, а симъ послѣднимъ служатъ вѣрными векселями, ибо по нимъ послѣ мы отдаленныя и живущія въ глуши люди, за хорошей слогъ и почетные къ намъ отношеніи, плотимъ бѣднякамъ чистыми деньгами. Такъ что на свѣтѣ всѣ другъ друга условились обманывать подъ самымъ лучшимъ видомъ, однако подъ видомъ благодѣянія. Въ письмѣ своемъ объ немъ Николаи между прочимъ давалъ мнѣ знать о смерти г. la Fermière[1]). Онъ былъ чтецъ Великаго Князя, и авторъ многихъ оперъ, которые мы въ благополучные дни молодости своей у веселаго Двора играли. Я здѣсь о семъ упомянулъ не для посвященія памяти его и не для того, чтобы мнѣ было его жаль, онъ для сердца моего былъ человѣкъ совсѣмъ посторонній, но дабы придраться къ случаю напомнить себѣ прекрасныя дни счастливой юности моей. Я вѣрю очень етой пѣсни старинной: Des simples jeux de son enfance, heureux qui se souvient longtems, а такъ какъ мнѣ его не жаль, то идея о его смерти никакой тѣни не творитъ на пріятное мое воображеніе прошедшаго благоденствія. Многія не любятъ прошедшаго, но я ему благодаренъ, и не забуду вѣчно тѣхъ минутъ въ жизни моей коимъ обязанъ я былъ хотя малѣйшей отрадою. Увы такъ мало ихъ на свѣтѣ!

Новый нашъ благодѣтель Солтыковъ истощилъ всѣ силы свои къ доказательству намъ его пріязни и по короткости своей съ Николаемъ Ивановичемъ Солтыковымъ выпросилъ сыну нашему второму Алексашѣ чинъ сержанта въ Гвардіи. До сихъ поръ онъ числился кадетомъ въ Коргопольскомъ Карабинерномъ полку, а тутъ переведенъ былъ въ Семеновской полкъ въ Сержанты, и пашпортъ ему на сей чинъ доставленъ былъ ко мнѣ при самомъ ласковомъ письмѣ отъ гр. Николая Ивановича. Такія случаи всегда меня очень радуютъ. Всѣ довольны, и никому большихъ хлопотъ ето не стоитъ. Николай Ивановичъ радъ былъ что могъ такою бездѣлицею показать намъ видъ большой услуги и благоволѣнія. Что легче было сдѣлать въ то время етаго? въ полкахъ гвардіи записывались младенцы еще не вышедшія изъ утробы матерней, и по прописанному въ паспортѣ имяни мать давала его сыну, считая что она тѣмъ споспѣшествуетъ его благополучію. О! Какое мечтательное благополучіе! Александръ Васильевичъ былъ радъ сугубо: во первыхъ потому, что дѣлалъ намъ удовольствіе во вторыхъ, что тѣмъ показывалъ связь съ гр. Сол(тыковымъ) и силу свою надъ его произволеніемъ. Мы меньше всѣхъ были рады, но и мы не безъ удовольствія приняли етотъ подарокъ, потому наиболѣе что не просили объ немъ, но само собой пришло безъ исканія съ какими сопровождаются всѣ почести міра, отъ самой малѣйшей до высшей. Ребенокъ Алексаша не разумѣя еще ничего радовался тому, что всѣ около его смѣялись, поздравляли его няньки, портной снималъ мѣрку и шилъ ему мундиръ, которой служилъ ему и всѣмъ въ забаву, слѣдовательно такія неубыточныя милости очень полезны для милостивца и для благодѣтельствуемаго, а между тѣмъ сими опытами дружбы или по крайней мѣрѣ доброхотства, связь наша съ Солтыковымъ болѣе и болѣе укрѣплялась. Гедеоновъ равнымъ образомъ хотя не съ такимъ жаромъ однако привязывался ко мнѣ и меня къ себѣ искренно привязывалъ. Мы часто были вмѣстѣ и собирались между дѣлъ веселится, учредили новый клобъ. Французъ де Руссель былъ онаго содержателемъ и домъ нанятъ былъ подъ него каменной прекрасной Колокольцова; все кажется способствовало нашимъ ожидаемымъ увеселеніямъ и рекрутской

[1]) См. „Капище“.

наборъ о которомъ 13 сентября вышелъ манифестъ, съ пяти сотъ по пяти, не угрожалъ намъ большими хлопотами, ибо Гедеоновъ былъ человѣкъ сердобольной и можно было поручится что за деньги никого плакать не заставитъ. Генералъ Губернаторъ ежели и задорился и отъ задора дѣлалъ не все въ должномъ порядкѣ, но ето отъ насъ такъ было далеко что едва изъ Нижняго къ намъ эхо отзывалось, и то такъ слабо, что мы не приходили ни въ малѣйшее движенiе. Сверхъ же того и онъ отмѣной своего предложенiя печатнаго, о которомъ говорено было выше, произвелъ кромѣ Директора Экономiи прiятное во всѣхъ впечатлѣнiе. О сей отмѣнѣ извѣщалъ меня Гедеоновъ на письмѣ, октября отъ 2 числа, и я былъ свидѣтель того удовольствiя какое произвело въ немъ уничтоженiе столь тягостнаго для поселянъ коронныхъ распоряженiя; видно что и князь наконецъ прочелъ его со вниманiемъ, увидѣлъ важность порученiя своего Директору и вмѣстѣ опасность многихъ злоупотребленiй проистекать оттуда имѣющихъ и такъ все налаживалось мало по малу къ лучшему, но Богу угодно было посѣтить Россiю гнѣвомъ своимъ, отнять Екатерину и положить новое начало моимъ злополучiямъ.

Екатерина II скончалась 6 ноября, сильной ударъ паралича не пощадилъ и порфирородной главы ея. Тѣло ея еще страдало, когда духъ безсмертныхъ подвиговъ носился въ невѣдомыхъ намъ пространствахъ. Я оставляю историку вѣка ея, историку самой кончины ея описать потомству, сколь минута сiя была пагубна для Россiи, ужасна для всей Европы, пагубна для перьвой, увы! во всѣхъ отношенiяхъ, ибо она миловала свой народъ; сiю правду мы праху ея воздать обязаны, хотя не рѣдко отличала она его въ угожденiе безпредѣльному честолюбiю геройскаго духа; но вся Россiя опиралась на нее какъ на нѣкiй непотрясаемый столбъ и могла увѣрена быть, что доколѣ она жива, иноплеменники не одолѣютъ ее и не предастъ она царства своего въ руки врагамъ; такъ какъ царь Израилевъ освобождалъ народъ имъ водимый отъ ига фараонова; всѣ ея замыслы военные не приносили съ собой тревоги, ибо внутреннее удостовѣренiе было въ каждомъ что Екатерина неограниченнымъ умомъ дѣйствуя, не выдастъ подданныхъ своихъ развѣ сама погибнетъ. Оставляя историку съ похвалой всѣхъ добротъ ея открыть потомству завѣсу ея слабостей и обличить ее во многомъ худомъ предъ трибуналомъ безпристрастiя и истинны, скажу здѣсь только то, что и самые тѣ, кои ждали Павла на престолъ Россiйской, какъ Мессiи, кои такъ сказать почитали себя униченными скипетромъ женщины, приходящей во всѣ разслабленiя немощнаго естества нашего, и тѣ самыя скоро по смерти ея увидѣли, что недостатки и несовершенства Правительства, кои существеннымъ и нестерпимымъ зломъ имъ казались, были благи въ сравненiи съ неустройствами водворившимися въ гражданскую сферу царства. Послѣ Россiяне, не всѣ конечно, но тѣ кои воздыхали о Павловой коронѣ, могли себя уподобить лягушкамъ просившимъ царя, и отъ времянъ кровавыхъ Анны живши спокойно, но спокойства цѣнить не умѣя въ тщетныхъ мятежахъ сердца, никогда настоящимъ не довольнаго, узнали, что не рѣдко Богъ во гнѣвѣ своемъ даетъ людямъ царя. Я не писалъ стиховъ на смерть Екатерины, я не возносилъ ее публично живую, но когда лести въ словахъ моихъ подозрѣвать нѣтъ причины, когда благодѣющая Екатерина взята отъ насъ въ область духовъ, то да позволено будетъ мнѣ, мнѣ никогда какъ видно изъ Исторiи моей

неудостоившемуся получить милостей ея отличныхъ, вздохнуть здѣсь объ ней, пролить въ память ея чувствительныя слезы и возслать къ Богу о примиренiи ея съ собой (буде величество его было оскорблено ею) теплѣйшiя молитвы. Я пишу одинъ въ моемъ кабинетѣ; меня кромѣ четырехъ стѣнъ моихъ никто не слышитъ и похвала моя не имѣетъ иныхъ видовъ, какъ удовольствiе изъявить признательность такому существу между смертными, которое научило насъ цѣнить преимущество добра на свѣтѣ. Державинъ сказалъ, какъ стихотворецъ для славы на Парнассѣ въ одномъ своемъ творенiи:

„Почувствовать добра прiятство
„Такое есть души богатство
„Какого крезъ не собиралъ.

а я воображая дни Екатерины съ внутреннимъ убѣжденiемъ сiю истинну проповѣдую ее и вѣщаю.

Обратимся отъ могилы великой обладательницы, отъ ничтожнаго трупа вмѣщавшаго въ себѣ духъ законодательный и мужественнѣйшiй въ Европѣ, обратимся къ ужасамъ новаго на сѣверѣ Нерона; почувствуемъ, что гнѣвъ Божiй когда отяготится рука его на насъ есть образъ ада во вселенной. Павелъ принялъ престолъ 6 ноября, и по какому то суевѣрiю, котораго никто не постигъ причины, посвятилъ себя Архангелу Михаилу учредивъ 8 число ноября знаменитымъ праздникомъ въ Россiи. Манифестъ о вступленiи его на престолъ полученъ въ Пензѣ 16 ноября. Въ самый сей день мы открывали новый клубъ и собравшись во множествѣ танцовали, какъ вдругъ печальной вѣстникъ поразилъ насъ симъ плачевнымъ извѣстiемъ. Нѣтъ нужды разсказывать что все пришло въ какое то оцепенѣнiе; скоропостижность удара тронула каждаго; всякой думалъ что она проживетъ сто лѣтъ и никто, наипаче въ текущiй годъ не представлялъ себѣ кончину ея такъ близкой. Много способствовало къ тому неудача выдать Александру Павловну за Короля Шведскаго, которая сильно Государыню встрѣвожила. — Перьвое движенiе мое было крѣпко вздохнуть, грудь моя стѣснилась и я какъ будто ожидая новыхъ несчастiй не имѣлъ духу радоваться; однако же жена моя приносила Монарху новому какъ старому Попечителю юности ея письменное поздравленiе и послала его по почтѣ. Намъ казалось нужнымъ симъ о себѣ напомнить. Солтыковъ бѣгалъ и загадывалъ кого позовутъ кого во что пожалуютъ; Гедеоновъ смиренно сокрушался и былъ подлинно тронутъ; всѣ больше или меньше изъявляли сожалѣнiя и печали, одинъ Менестрель восхищался, но чему? Едва зналъ ли онъ про то и самъ; однако не мѣшкавъ долго и не поблагодаря никого за подаянiе, помчался въ Питеръ искать чиновъ, лентъ, имѣнiя; вотъ въ какомъ положенiи нашелся городъ по полученiи Манифеста. На другой же день принята всѣми присяга; кромѣ Манифеста ни отъ кого не было никакихъ извѣстiй ни писемъ, а Курьеръ Сенатской не могъ намъ ничего основательнаго сказать. Подорожная его служила намъ поводомъ къ заключенiю о многихъ чрезвычайностяхъ, ибо подписана она была Государемъ Александромъ Павловичемъ, объявленнымъ въ присяжномъ листѣ наслѣдникомъ Всероссiйскаго престола. — Не долго пробыли мы въ невѣденiи о Петербургскихъ обстоятельствахъ; скоро полетѣли курьеры и почты стали разносить новости, какъ большiя рѣки разли-

ваютъ весной съ шумомъ въ овраги свои воды. Увидѣли изъ приказовъ кои печататся начали въ газетахъ всѣ реформы войскъ.

Скучно бы было мнѣ и не у мѣста наполнять мою исторію происшествіями Двора и Государственными перемѣнами, но нѣкоторыя здѣсь включу для того, чтобы ими дать понятіе о странномъ характерѣ нашего Государя. Онъ былъ вмѣстѣ и робокъ и жестокъ, первое происходило отъ послѣдняго; всякій деспотъ трусъ, что необходимо, ибо онъ знаетъ мѣру содѣлываемаго имъ зла, слѣдовательно рано или поздно ждетъ мести; суевѣріе его происходило отъ робости и плотскаго страха безвременной смерти, которой питая предчувствія, черезъ сорокъ лѣтъ привыкъ отъ малости приходить въ испугъ и ко всѣмъ былъ недовѣрчивъ.— Пагубное свойство въ Государѣ! жестокость, которая не была ему свойственна, привили эмигранты внушеніями неблагонамѣренными насчетъ привѣтливости его къ народу, котораго они по примѣру Франціи и въ Россіи представляли страшилищемъ. Отсюда проистекали въ немъ ненависть къ наукамъ, омерзѣніе къ просвѣщенію и колеблемость во всѣхъ дѣйствіяхъ самодержавія, словомъ смѣсь его добрыхъ склонностей и тиранствъ никто не пойметъ во вѣки. Пріятно заключать въ пользу сердца его будто онъ какъ многія то утверждаютъ былъ поврежденнаго ума и не по произволу, а машинально отъ безумія разъярялся. Онъ приступалъ ко всему съ жаромъ непомѣрнымъ, нетерпѣливо желая передѣлать, то что мать его ни сдѣлала; остановилъ военныя дѣйствія въ Персіи, и отмѣнилъ рекрутской начавшійся наборъ, чѣмъ въ народѣ купилъ на тотъ разъ неограниченную къ себѣ любовь. Распускаемые рекруты по домамъ, жены ихъ и дѣти, отцы и матери, все его благословляло со слезами умиленія. Я видѣлъ ето зрѣлище и помню всѣ его прелести. Войска приняли совсѣмъ другой видъ; образованіе ихъ началось нѣмецкое и Гвардія крутыя выдержала перемѣны, малолѣтнихъ всѣхъ выключили, слѣдовательно и ребятишки мои сдѣлались недоросли по прежнему. Хорошо ли было сіе, или худо, объ етомъ я не войду ни въ какую подробность; но ни мало о томъ не тужилъ, почитая всѣ эти записки за дѣтскія игрушки, такъ какъ и то, что онъ аннинскую ленту раздѣлилъ на четыре степени, и перьвой крестъ ея на шею далъ Талызину, Гвардіи капитану, которой послѣ и заплатилъ ему за сію милость щедро; равно какъ и Зубовъ Николай, получившій Андреевскую ленту за возвѣщеніе ему о приближающейся кончинѣ матери его, о которой послалъ ему князь братъ его доложить въ Гатчину, и сей то самый Николай послѣ снарядилъ его въ путь вѣчности. Раздача земель и деревень казенныхъ помѣщикамъ обрадовала сперва многихъ, но когда скоро потомъ увидѣли, что сегодня онъ давалъ деревни, а завтра ссылалъ въ заточеніе, перьвое безъ заслугъ, а послѣднее безъ вины, то цѣна милости его и щедротъ такъ унизилась что никто ужъ и предметомъ ихъ быть не захотѣлъ, а всякому лестнѣе или по крайней мѣрѣ спокойнѣе казалось быть отъ него забыту; всякой день приходили разныя вѣсти; но какъ мы получали ихъ не изъ перьвыхъ рукъ, то многія молвой такъ обезображивались, что инымъ вѣрить было невозможно, однако современемъ всѣ странности стали казаться вѣроятными; каждая почта приносила свои анекдоты. Павелъ проживши весь почти вѣкъ свой въ бездѣйствіи, торопился все вдругъ завести по своему. Онъ учредилъ въ разныхъ губерніяхъ, особливо пограничныхъ, военныхъ губернаторовъ и подчинилъ

имъ всѣ войска, а настоящихъ губернаторовъ для различенія съ тѣми назвалъ гражданскими. Такимъ образомъ сдѣлались два медвѣдя въ одной берлогѣ и новаго рода несогласія. Генералъ губернаторы отмѣнены и всѣ посажены въ Сенатъ, который увеличился новыми Департаментами. Тотчасъ призвалъ онъ къ себѣ князя Куракина и употребилъ его въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ заступилъ скоро мѣсто Вицъ Канцлера. Братъ его князь Алексѣй сдѣлался генералъ прокуроръ, а Самойловъ отставленъ и правитель канцеляріи его Ермоловъ высидѣлъ сутки подъ карауломъ не смотря на чинъ его и отличіе. Такой поступокъ съ чиновникомъ пятаго класа не обѣщалъ ничего благопріятнаго; смѣсь дѣяній его никто не могъ покорить никакому разсужденію. Какъ можно было напримѣръ согласить поступокъ его въ похоронахъ Петра III, котораго онъ изъ Невскаго монастыря, короновавъ гробъ его перенесъ въ крѣпость и поставилъ рядомъ съ Екатериной; повѣленіе выдрать изъ всѣхъ указныхъ книгъ 62 года манифестъ о отреченіи Петра III, и наконецъ окруженіе себя всѣми, кого онъ только вспомнить могъ изъ царедворцевъ Петра Третьяго, собравъ ихъ съ цѣлаго свѣта и возвысивъ въ первыя степени такъ, что даже и фельдшера его родъ вошелъ въ люди лучшаго общества.—Какъ можно всѣ эти дѣла согласить съ тѣмъ набожнымъ повиновеніемъ съ другой стороны оказаннымъ имъ Екатеринѣ при пожалованіи Бобринскаго [1]) въ Графы и при наложеніи крестовъ Владимірскихъ по оставшимся руки ея запискамъ назначающими дать ихъ нѣкоторымъ чиновникамъ въ томъ числѣ и вышеупомянутому Ермолову, тогда какъ послѣ сей раздачи, онъ никогда его никому не давалъ, и вовсе изъ числа орденовъ исключилъ?—Изъ всѣхъ перемѣнъ въ чинахъ и званіяхъ удачнѣе ничего не было наименованія Васильева [2]) Государственнымъ Казначеемъ. Но какъ не къ стати возставлены были по прежнему всѣ коллегіи! Ибо онъ пристрастно хотѣлъ возстановить вѣкъ и правленіе Елизаветы. Увы! кто зналъ чего онъ хочетъ? Онъ и самъ того не вѣдалъ!—Любя Нелидову [3]) какъ наложницу, онъ для нее далъ портретъ статсъ Дамы Лафоншѣ, и ее со всѣмъ Смольнымъ Монастыремъ подчинилъ Императрицѣ, сдѣлавъ ее начальницей Опекунскаго Совѣта. Наслѣдникъ сдѣлался Военный Губернаторъ въ Петербургѣ, и безъ его подписи ни одна подорожная не была дѣйствительна. Появилась монета съ надписью: не намъ, не намъ, и была вывѣской его набожности. Поляки сдѣлались вездѣ свободны, и самъ Костюшка, начальникъ польскихъ мятежей бывъ щедро награжденъ, отпущенъ за границу. Вотъ нѣскодько дѣлъ возшедшаго на Престолъ Павла; довольно ихъ, чтобы теряться въ хаосѣ свойствъ его и придти въ недоумѣніе, добръ ли онъ былъ или золъ, гордъ, или низокъ, мужествененъ или трусъ. Оставя всѣ сіи заключенія другому, пора мнѣ войтить въ мою сферу, говорить о себѣ. Пославши отъ жены къ нему письмо остались мы есть ли не въ надеждѣ большихъ благъ, по крайней мѣрѣ въ чаяніи что зла вящаго не будетъ, но видя выключки безпрестанныя изъ Гвардіи малолѣтныхъ и не являющихся на службу, отправилъ тотчасъ Богданова Гришу, который жилъ при мнѣ въ Пензѣ въ Питерѣ, гдѣ онъ успѣлъ попасть въ число Вахмистровъ въ Конную Гвардію по прежнимъ паспортамъ, и вступить въ тяжкую того

[1]) Бобринскій, Алексѣй Григорьевичъ.
[2]) Васильевъ, гр. Алексѣй Ивановичъ, будущій министръ финанс. 1742 — 1807.
[3]) Нелидова, Екатерина Ивановна, фрейлина импер. Маріи Ѳеодоровны. 1756—1839.

времени службу; по крайней мѣрѣ онъ былъ у мѣста; а молодость его давала случай думать, что онъ прочиститъ себѣ дорогу. — Шешкеевской полякъ съ торжествомъ явился въ Пензѣ, изъявилъ начальству своему благодарность и поѣхалъ въ Питеръ. Рекруты возвращались въ свои домы. Вяземской забирая изъ Нижняго свои пожитки ѣхалъ въ Москву садиться въ Сенаторскія кресла, ознаменовавъ власть надъ нами, грознымъ мнѣ письмомъ насчетъ голосовъ въ палатѣ, кого избрать въ секретари рекрутскаго присутствія по протесту о томъ прокурора. Мало конечно чести спорить о столь низкомъ предмѣтѣ, но есть ли люди низки и предмѣтъ такой въ пору ихъ мѣлкимъ подвигамъ, то мое ли было дѣло подставлять подъ нихъ ходули и возвышать ихъ образъ мыслей? Я служить съ ними былъ обязанъ, а отнюдь не воспитывать ихъ. Палата была не пансіонъ, я не профессоръ, члены мои не дѣти. Кн. Вяземской гораздо бы благороднѣе поступилъ, есть ли бы онъ занимался существенною своею должностью, не дѣлалъ Вицъ Губернатору пустыхъ выговоровъ, и не возлагалъ на него комиссіи, на которую я до сихъ поръ имѣю письмо, дать знать ему гдѣ въ Пензенской губерніи лучшія деревни, дабы въ угодность Плещееву [1]), который входилъ въ большую силу у Двора, выбрать ему хорошее имѣніе съ тѣмъ, что онъ его выпроситъ, ибо тогда счастливой и нахалъ назначалъ самъ то, что онъ имѣть хотѣлъ; но трудно руководствуясь пристрастіями, поставить себя съ подчиненными своими на прямую ногу, и поступать съ ними сообразно правиламъ строгой честности и благоразумія. Наконецъ Гедеоновъ сдѣлался главнымъ начальникомъ, отношеніи въ Нижній изчезли и кругъ дѣлъ сосредоточился весь около насъ. Сіе сдѣлало въ службѣ облегченіе и удовлетворяло тѣмъ моимъ желаніямъ, ибо прежде по расположенію почтъ и самая нужная бумага отъ генералъ Губернатора не могла скорѣй возвратится какъ на рапортъ въ Сенатъ указъ изъ онаго, а чѣмъ ближе развязка, тѣмъ скорѣе и дѣло дѣлается.

Говоря объ уничтоженіи Генералъ Губернаторовъ для забавы читателя скажу здѣсь нѣчто справедливое и очень затѣйливое. Всѣ Генералы Губернаторы имѣли при Екатеринѣ серебрянныя богатыя сервизы для умноженія ихъ почести. Павелъ приказалъ ихъ всѣ востребовать ко Двору и сперьва съ жаркимъ нетерпѣніемъ велѣлъ изъ нихъ сдѣлать какія то уборы для конной Гвардіи. Скоро потомъ новая мысль перемѣнила прежнею и то же серебро пошло на латы кавалергардамъ, которыя до того были въ большія церемоніи окованы серебромъ, что походили на движущіеся слитки серебра болѣе нежели на людей имъ украшенныхъ. Наконецъ Павлу и то наскучило, но между тѣмъ надлежало заплатить за фасонъ и передѣлку серебра изъ посуды въ квирасы, изъ квирасовъ въ латы и цѣна работы сей по счетамъ такъ была высока, что сереберенники вмѣсто платы получили самое ето серебро себѣ въ удовлетвореніе; вотъ знатной опытъ хозяйственнаго духа Павла и его осторожнаго благоразумія. Кто сему не повѣритъ можетъ взглянуть въ сочиненія г. Массона [2]) гдѣ онъ найдетъ етотъ Анекдотъ весь отъ слова до слова и лжи тутъ нѣтъ никакой. Кто жилъ при Павлѣ, тотъ етому не подивится. Не мое дѣло плодить здѣсь тѣхъ случаевъ странныхъ, кои обращали на себя вниманіе всякаго благомыслящаго гражданина, но не лишнее будетъ

[1]) Плещеевъ, Сергѣй Ивановичъ, тайн. сов.
[2]) Массонъ, извѣстный авторъ французскихъ мемуаровъ о Екатеринѣ II.

включить нѣсколько такихъ, кои произошли именно въ Пензѣ, слѣдовательно дѣйствовали на собственной мой кругъ и на мои чувства. Стараго Вицъ Губернатора Копьева сынъ, малой молодой и дерзкой бывши при Зубовѣ съ чиномъ подполковника и званіи раскащика забавныхъ повѣстей ему отъ скуки, (ибо у такихъ Вельможъ каковъ былъ Зубовъ и самыя низкія плуты не только высшей степени балагуры имѣютъ чины по стату), пріѣхалъ по смерти Екатерины повидаться съ отцемъ и проѣздомъ въ Москвѣ имѣлъ неосторожность выѣжжать въ какомъ то странномъ и безобразномъ нарядѣ публично, насмѣхаясь преобразованіемъ войска и его одежи. Павелъ любилъ все знать, тотчасъ къ нраву его примѣнились; вездѣ появились шпіоны, и Копьева поступокъ былъ у двора вѣдомъ. Мы о семъ ничего не знали, какъ вдругъ прискакалъ въ Пензу Фельдьегерь; явился къ Губернатору, схватилъ Копьева и отвезъ въ кибиткѣ въ Питеръ, гдѣ онъ за неудачныя свои шутки заплатилъ изряднымъ заключеніемъ въ крѣпости. Пріѣздъ Фельдъ-Егеря поразилъ весь городъ; узнавъ что ети люди ничто иное впрочемъ какъ разсыльщики, избраны были Павломъ и образованы на то, чтобы собирать со всей Россіи жертвы проголодавшимся во дни Екатерины крысамъ по крѣпостямъ и темницамъ, мы съ великимъ почтеніемъ на него глядѣли, и цѣлой тотъ день такой страхъ былъ въ городѣ, что никто не смѣлъ никуда выѣхать, еще менѣе навѣстить добродушную семью старыхъ Копьевыхъ. Потерявъ привычку къ такимъ присылкамъ, о которыхъ со времени Анны никто не помнилъ, намъ право казался етотъ фельдъ-егерь тѣмъ грознымъ Ангеломъ, который съ пламеннымъ оружіемъ гналъ Адама съ Евой изъ рая. Другой случай не меньше етого привелъ насъ въ удивленіе, но другого рода. Вдругъ прискакалъ отъ Императрицы нарочный естафетъ съ письмомъ и деньгами на дорогу къ городничихѣ Верхнеломовской Коллежской Ассессоршѣ Гжѣ Тухачевской и она тотчасъ поскакала въ Питеръ. Догадается ли кто зачѣмъ ее позвали? вѣрно нѣтъ. Воротясь скоро домой она увѣдомила насъ, что изъ двухъ дочерей ея кои въ Монастырѣ, одна очень занемогла и пожелала видѣть мать свою. Государыня про то свѣдала, и естафетъ за нею полетѣлъ. Ето было вскорѣ послѣ того какъ Павелъ воцарился. По моему о вещахъ понятію, я етотъ поступокъ отдамъ на счетъ тѣхъ восхищеній, въ кои человѣкъ приведенъ будучи новымъ какимъ либо пріятнымъ положеніемъ, не можетъ еще себя въ себѣ наитить и самъ не знаетъ, что дѣлаетъ ошибочно, думая, что всякое побужденіе сердца его есть будтобы настоящая добродѣтель. О всякомъ дѣлѣ человѣка, дабы опредѣлить дурно оно или хорошо, нужно на передъ видѣть, какое на него вліяніе имѣлъ разсудокъ, а потѣшить дѣвочку, которая въ бреду просится къ матери, и мать изъ за тысячъ верстъ привезти чтобъ назадъ отпустить и забыть мѣсяцъ спустя и мать и дочь и всѣхъ, ето...

Но я заговорился о непринадлежащемъ до меня; пора мнѣ войтить въ мою сферу и потужить здѣсь теперь о смерти бѣднаго Струйскаго, бѣднаго какъ писателя, но достаточнаго помѣщика хорошихъ тысячи душъ, которыя наслѣдство его дѣлали гораздо пріятнѣе, чѣмъ пара кассъ и типографія. Кончина Государыни такъ сильно поразила его воображеніе, что онъ слегъ горячкой, лишился языка и умеръ очень скоро. Какая могла быть связь между сими двумя умами? Стыдно даже ставить ихъ рядомъ въ разговорѣ; подивимся чудесамъ Природы и скажемъ о

Струйскомъ, что какъ пріятеля мнѣ его очень жаль, онъ меня любилъ кажется искренно, писемъ его сохранилось у меня множество. Стихи свои онъ мнѣ дарилъ всѣ и рукописи его многія у меня найдутся. Я жалѣлъ всегда о его заблужденіяхъ, жалѣлъ тѣмъ паче, что безъ нихъ онъ могъ бы быть человѣкъ хорошій, но склонности его направленія были къ худымъ предметамъ. Какъ о сочинителѣ стиховъ я объ немъ не сожалѣлъ ни мало, ибо онъ ихъ писать совсѣмъ не умѣлъ и щеголять имѣлъ право болѣе ихъ тиснѣніемъ нежели складомъ. Естьли бы вѣкъ его продолжился, онъ бы отяготилъ вселенную своими сочиненіями, — хорошо сдѣлала судьба что прекратила несносныя его досуги. Я говорю все о писателѣ; любезное его семейство не причастно будучи его слабости привлекло къ себѣ любовь и почтеніе своихъ знакомыхъ. Жена его устроила свои дѣла, воспитала хорошо дѣтей, печется объ нихъ по нынѣ. Что можно лучшее сказать о женщинѣ и больше къ истинной славѣ ея служащаго? Пусть мущины ищутъ ее въ подвигахъ напряженныхъ, требующихъ большихъ жертвъ и усилій отъ нихъ; женщина весь долгъ соблюла природы, когда давши жизнь нѣсколькимъ тварямъ сберегла имъ пристойное имущество, доставила способы научиться, открыла пути къ пріязни и уваженію многихъ. Довольно, весьма довольно чтобы получить право на похвалу всеобщую

Подобнымъ образомъ любовь ко мнѣ, къ дѣтямъ нашимъ, внушила женѣ такое предпріятіе, котораго всѣ послѣдствія покажутъ твердость духа ея и непоколебимость правилъ. Она будучи брюхата долго думала, разсуждала со мной, сама съ собой, и наконецъ рѣшилась ѣхать въ Питеръ, видя что уже и въ среднемъ состояніи людей, между равными съ нами, новый Монархъ отличаетъ, призываетъ и награждаетъ, она считала нужнымъ презрѣть слабое свое здоровье, состоніе беременности, и скакать на сѣверъ, дабы привести себя на память. Увы! не знала она тогда, что мужъ ея былъ не забытъ Павломъ, но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, ибо безъ всякой прозьбы моей послѣдовалъ Именной Указъ о моей отставкѣ 17 декабря; но мы еще сего не знали, когда жена моя сѣвши въ кибитку на канунѣ новаго года поѣхала въ Москву. Разлука съ ней, которой началъ я новой годъ, была какъ бы предзнаменованіемъ того худого положенія въ которомъ я его проводилъ. Не могъ я себя укорять ни въ чемъ, не зналъ въ службѣ вины моей, слѣдовательно и не ожидалъ съ собой такого случая. При самомъ возшествіи Павла на тронъ, прискакалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ симъ изъ Москвы Классонъ [1]), совѣтуя женѣ ѣхать въ Питеръ; но кто могъ тогда предвидѣть, что все такъ пойдетъ? съ одной стороны поѣхавши ранѣе, можетъ быть она бы избѣгла многихъ огорченій, предупредя что случилось, а предупредить бѣду легче чѣмъ поправить, но съ другой стороны кто бы поручился и за то, чтобы ето не ускорило нанесеннаго судьбою удара? Удара говорю я, разсуждая о политическомъ своемъ состояніи въ мірѣ. Кто зналъ то и другое? Гдѣ исчезаютъ дѣйствіемъ причины, гдѣ ихъ не разсудокъ опредѣляетъ а какое то нашествіе своевольствъ, тамъ никакого расчета въ поступкахъ своихъ предположить не можно. Наконецъ жена поѣхала и остался я скучать одинъ; все что я теперь описывать стану, хотя произходило уже въ наступившемъ новомъ году, но какъ здѣсь оканчивается мое пребываніе въ Пензѣ, то и разсудилъ я для связи

[1]) Классонъ, Давидъ Ивановичъ, штабъ-лекарь при Смольн. Институтѣ.

обстоятельствъ включить въ концѣ текущаго года все послѣдовавшее со мной до тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ я въ Москву. Жена моя подъѣжжая въ Москву, встрѣтила на пути сестру мою меньшую [1]), которая спѣшила пріѣхать ко мнѣ прежде, нежели указъ о моей отставкѣ придетъ дабы меня къ етому приготовить и умѣрить сколько нибудь черноту вѣсти. Жена свѣдала тотчасъ о семъ въ Москвѣ, и пробывъ тамъ сутки, поскакала въ Питеръ, взявши съ собой Классона, харкая безпрестанно кровью и орашая каждый шагъ въ пути своемъ горчайшими слезами. Перьвое письмо которое я получилъ отъ нее въ Пензѣ, съ изъясненіемъ живымъ всѣхъ ея чувствованій, съ тѣмъ разсудительнымъ сокрушеніемъ, съ которымъ умѣла она замѣчать все непріятное въ ея жизни, раздробило мое сердце. Я не зналъ такого слова которымъ можно бы было на извѣстныхъ мнѣ языкахъ изъяснить мѣру тоски и того числа слезъ кои пролилъ я, читая каждую строку ея письма. Кто заглянетъ въ ету же самую исторію въ 1787-ой годъ, тотъ не удивится нашему горестному положенію. Естьли не хотѣлъ осыпать насъ щедротами меньшой Дворъ, то за что губилъ насъ, за что отнималъ то что дала Екатерина? О Павелъ! есть ли есть правосудіе Божіе, то въ ети самые минуты когда рука моя водитъ перо на бумагѣ, въ ети самыя минуты какъ душа твоя должна мучится и страдать отъ нанесеннаго намъ тобой неповиннаго оскорбленія! Слухъ объ отставкѣ моей, по полученнымъ партикулярнымъ письмамъ 5-го Генваря въ Пензѣ сталъ вездѣ распространятся. Я былъ дома и Полчаниновъ, истинной мой пріятель, пріѣхавъ ко мнѣ, осторожнымъ образомъ внушилъ мнѣ ету молву. 6 числа я давалъ обѣдъ, котораго отказать не было причины и въ самой етотъ день пріѣхала сестра ко мнѣ съ извѣстіемъ что я отставленъ. Какая нужда разсказывать, что во мнѣ дѣлалось. Я притворялся быть равнодушенъ, но душа моя падала подъ бременемъ тягости несноснѣйшей жизни. Читатель! я тебя не обременю разсказами о моихъ чувствахъ. Если ли и ты чувствителенъ, ты въ нихъ и самъ проникнешь; есть ли же небо не наградило тебя благороднѣйшей способностью человѣка, жалѣть о мукахъ ближняго, то все что я ни скажу, будетъ лишнее! Я желалъ тотъ же день уѣхать, но не могъ, указа еще не было, и обрядъ заставлялъ меня не только числится въ службѣ но и исправлять ее. Такъ пространдалъ я еще недѣлю. Она прошла въ прощальныхъ мнѣ пирахъ; самъ Директоръ Экономіи даже далъ оной. Непостигаемая природа! Ты вселила въ насъ какое то чувство невольной справедливости, которое исторгаетъ изъ насъ признаніе къ достоинствамъ и самыхъ враговъ нашихъ, когда злополучія ихъ, отдаляютъ отъ насъ очевидныя знаки ихъ поверхности надъ нами. Мы часто не любимъ и хулимъ большого барина, который силенъ намъ вредить, но какъ скоро онъ палъ, то мы же часто признаемся въ его хорошихъ свойствахъ, которыя прежде сквозь множество недостатковъ едва были намъ примѣтны. Въ сихъ прощальныхъ обѣдахъ, я могъ ясно видѣть, кто какъ ко мнѣ былъ въ Пензѣ расположенъ. Иныя радовались, иныя тужили. Пріймите здѣсь чувствительнѣйшія мои благодаренія, и да почіетъ во вѣки на васъ благословеніе Божіе, о! вы добрые люди и искренніяя друзья мои, Полчаниновъ! Таптыковъ! И Загоскины! вы прямо показали мнѣ тогда, что вы меня любили! Изгнанникъ изъ обще-

[1]) Меньшая сестра автора — Елизавета, см. выше.

ства вашего той же ласки, той же пріязни былъ удостоенъ отъ васъ, какъ и верьховный служитель вашего края. Полчаниновъ снабдилъ меня деньгами, помогъ мнѣ въ домовыхъ оборотахъ, ибо я былъ Вицъ-Губернаторъ неимущій; облегчилъ словомъ сказать сколько могъ жестокость моего положенія. Таптыковъ принялъ въ немъ живѣйшее участіе, а Загоскинъ охотно разставался съ женой, дабы позволить ей съ сестрой вмѣстѣ проводить меня до Арзамаса и тѣмъ хоть мало развеселить мысли мои во время пути столь суроваго и отъ безвременности его и отъ стужи. Любезная и великодушная женщина! Ты мнѣ оптомъ доказала, что тамъ гдѣ польза ближняго, гдѣ благосостояніе друга твоего требуетъ, чтобы ты презрѣла молву и предразсудки, ты умѣешь себя столько же поставить выше ихъ, сколько ниже тебя тѣ, кои не чувствуя цѣны добродѣтельнаго подвига, изъ всякаго шага женщины несогласнаго съ обрядами, готовы извлечь для нихъ тотчасъ поношеніе и стыдъ.

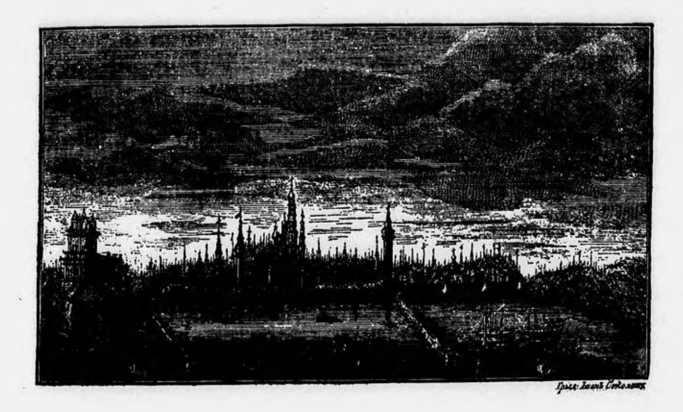
Во ожиданіи указа я приготовился къ смѣнѣ; наконецъ онъ полученъ. Я сдалъ должность свою Директору Экономіи въ два дня; сдалъ казну, которой было до 600 тысячъ и оплаканъ будучи добродушнымъ Гедеоновымъ, любезной его женой, кои начали уже входить въ пріятельскую связь со мной, унося сожалѣнія всѣхъ моихъ подчиненныхъ, которыя по справедливости мнѣ имъ должны были, выѣхалъ изъ Пензы, дабы не прощаться ни съ кѣмъ ночью до разсвѣта, и пріѣхавъ въ Безсоновку, прожилъ у Солтыкова сутки; потомъ я, сестра, Загоскина и Алексаша съ мамой, мы всѣ поѣхали въ Москву, Генваря 17, а Солтыковъ остался на время тужить о разлукѣ съ женой моей въ своей деревнѣ, намѣреваясь однако пріѣхать въ Москву къ коронаціи. Здѣсь оканчивается годъ сей и вмѣстѣ съ нимъ время моего такъ сказать политическаго заточенія — заточенія по истиннѣ, ибо когда живешь тамъ гдѣ не хочешь, гдѣ нужда насъ жить приводитъ, какая тогда существенная разница между человѣкомъ на службу или на житье присланнымъ? ни тотъ ни другой безъ позволенія распоряжать собой не могутъ, у обоихъ отнята свобода и какъ тотъ кто служитъ на малѣйшую отлучку долженъ проситься, такъ и сей которой заключенъ. Скажутъ мнѣ: но одинъ можетъ просить позволенія, а другому и въ томъ отказано; правда; я ето понимаю, но судить объ етомъ нестану потому, что всякое подобное препятствіе, которое люди умудрились называть порядкомъ, по моему есть насиліе. Поѣхавши въ Москву я увозилъ съ собой надежду которая одна облегчала несносныя мои печали, что буду жить въ столицѣ, на родинѣ своей и что по крайней мѣрѣ дни мои потекутъ въ тишинѣ когда жена возвратится. Планъ нашъ общій при отъѣздѣ ея въ Питеръ былъ тотъ, чтобы выпросить какое либо имѣніе, а сверхъ того и мѣсто мнѣ въ Москвѣ дабы ближе быть къ моему дому. Я въ Пензѣ оставлялъ шурина въ его собственномъ домѣ и примиряся съ нимъ, поручилъ ему свои дѣла, коихъ не успѣлъ еще привести совсѣмъ въ порядокъ. Путь въ Москву выбралъ самой кратчайшій и поѣхалъ прямо на Володимиръ. Въ будущемъ году читатель меня застанетъ уже въ Москвѣ, теперь побесѣдую съ нимъ еще нѣсколько о настоящемъ времени въ отношеніи общемъ и лично ко мнѣ; не все разсказывать вѣсти, иногда нужно, очень нужно размышлять о случающихся приключеніяхъ. Сколько мыслей рождаетъ смерть Екатерины II. Я шесть лѣтъ спустя читаю о семъ письмо, которое ко

мнѣ писалъ другъ мой Киріакъ изъ Питера, тотъ самой, которому я Гришу брата отправилъ на руки пославши его служить въ Конной Гвардіи. Онъ писалъ его ко мнѣ 9 ноября, начиная его рѣзкими словами печальнаго Дамаскина: „молитву проліемъ къ Господу“ и прочее; одинъ етотъ текстъ приложенный ко времени и обстоятельствамъ уже трогаетъ. Читая все то письмо нынѣ, я вижу картину тогдашняго времени такъ живо, какъ бы въ самую сію минуту текло оно въ моихъ глазахъ; но слава Богу! слава цѣлительному бальзаму времяни, которое само собой прогоняя уноситъ далеко въ вѣчность наши печали и нѣсколько лѣтъ спустя послѣ горестей одно только живое и пугливое воображеніе страдаетъ, но духъ спокойно смотрить на протекшія озлобленія рока, когда они не коснулись еще самыхъ тонкихъ чувствъ нашего сердца. Смерть Екатерины была эпоха знаменитая. Сколько благодарилъ я Небо что не былъ мой отецъ свидѣтель оной! Перемѣна Двора, моя отставка, обманъ его довѣренности въ Павлѣ, все бы ето страдательной конецъ ему доставило. Въ молодости многое переносится, а подъ старость ничего. Столько счастлива была сама Екатерина въ жизни своей; столько же благополучна была по кончинѣ. Цари ищутъ славы, ето ихъ душа, стихія жизни; они изъ нее работаютъ и мучатся нерѣдко. Что могло быть для нее славнѣе, какъ ея наслѣдникъ? Кто способнѣе былъ ее прославить какъ онъ? Тогда какъ другой имѣлъ бы тысячу случаевъ сообразя поступки свои съ здравымъ разсудкомъ самую мрачную тѣнь, накинуть на вѣкъ Екатерины и гражданскія ея недостатки вывести въ полной свѣтъ предъ умами прозорливыми, тогда какъ другой преемникъ престола умѣлъ бы снискавъ болѣе любви въ народѣ, привести скорѣй въ забвеніе Екатерину, тогда Павелъ не любя ее, но отъ горячности непомѣрной выводя для нее пользу изъ самаго зла наносимаго ея памяти, заставлялъ жалѣть объ ней искренно, восхищаться ея добродѣтелями, имя ее произносить съ благоговѣніемъ, и словомъ никогда Екатерина въ такой славѣ не была среди своего народа, въ какую поставилъ ее сынъ ея крайнимъ своимъ различіемъ съ ея великими свойствами. Чтобы возвысить имя ея, надобно было родиться Павлу и судьба какъ бы угождая Екатеринѣ во всѣхъ прихотяхъ ея славолюбія, надѣла корону на Павла, дабы безсмертная мать его и за предѣлами гроба сіяла въ полной славѣ своего величества! Но оставимъ царей живыхъ и мертвыхъ, спустимся ниже.

Я уже былъ внѣ Пензы и плакалъ на нее глядя. Какое ето непостижимое чувство въ человѣкѣ, которое посредствомъ привычки, привязываетъ его даже и къ вещамъ неодушевленнымъ! Я не скажу ни слова о пріятелѣ, другѣ, сосѣдѣ, родственникѣ, тутъ взаимныя отношенія, бесѣда, общее участіе другъ въ другѣ, все можетъ и должно связывать сердца между ими, но комната, каминъ, стѣны, стулья и прочія тому подобныя вещи, какъ могутъ приводить человѣка въ малѣйшее объ нихъ сожалѣніе? Пусть мнѣ холодныя смѣются, но я не потаю, что при всемъ воспоминаніи моихъ искушеній въ Пензѣ, мнѣ жаль было моего кабинета, да мнѣ его было жаль; я выходилъ изъ него съ сердечнымъ какимъ то сожалѣніемъ, которое стыдно имѣть къ стѣнамъ, и я не стыжусь только самъ съ собой здѣсь признаться, мнѣ жаль было моего стола, моихъ креселъ, всего то чего я оттуда унести не могъ и чѣмъ тогда пользовался повседневно; казалось мнѣ, что я бы все унесъ съ собой, и все-

таки это ни мало не отвѣчало моимъ чувствамъ. О привычка! кто тебя пойметъ, кто не покорится твоему закону, кто не облегчитъ мукъ жизни твоими пріятностями! Когда мы лишаемся милаго предмета и даже равнодушнаго, но съ нами по обстоятельствамъ тѣсно сопряженнаго, мы тогда забываемъ всѣ малыя его обиды или оскорбленіи и помнимъ только тѣ минуты, коими можемъ въ обращеніи съ нимъ хвалиться. Такъ точно я оставляя Пензу, забывалъ на тотъ часъ всѣ бѣдствіи въ ней насъ постигшія, и воображалъ только пріятныя секунды, коими награждала меня судьба, иногда сидя у камина. Боже мой! сердце человѣческое загадка, и когда ты вложилъ его въ тѣло наше, когда ты образовалъ ету часть нашего вещественнаго сосуда, то ты болѣе истощилъ божественной своей премудрости, чѣмъ при сотвореніи цѣлаго міра и отдѣленіи свѣта отъ тьмы. Сіи примѣчанія не будутъ лишнія для чувствительныхъ. Кто любитъ только басни, тотъ уже хочетъ знать какъ я въ Москву доѣхалъ, что на пути со мной случилось. Словомъ куда я дѣлся, но ухо нѣжное любитъ вслушиваться въ изліяніи сердца тронутаго, и подобно ему охотно дѣлитъ съ нимъ утонченныя его чувства. Для васъ души посвященные любви, посвященныя пріятнымъ союзамъ привычки, для васъ продолжилъ я цѣлой страницей описаніе етого года, а затѣмъ забудемъ Пензу, забудемъ то есть прошедшее и выдемъ на новую сцену въ другомъ мірѣ.





Грав. Иванъ Соколовъ

1797.

Есть предубѣжденія, противъ которыхъ ничего не можетъ сдѣлать самой здравой разсудокъ; въ числѣ подобныхъ есть и то, чтобы почитать тотъ годъ не счастливымъ, котораго перьвой день мужъ безъ милой жены проводить долженъ. На канунѣ Новаго года жена моя поѣхала въ Питеръ, а я остался одинъ оплакивать въ Пензѣ прошедшее, настоящее и будущее. — Да! будущее потому, что начало царствованія Павла не обѣщало мнѣ уже никакого блаженства. — Сбылись всѣ предчувствія моего сердца; 17 декабря я уже былъ отставленъ, но извѣстіе о семъ пришло только въ генварѣ 6-го дня. Пріѣздъ сестры моей [2]) предупредилъ то пораженіе, котораго мнѣ ожидать надлежало, буде бы я не приготовясь получилъ вѣсть о моей отставкѣ; сестра моя меньшая, предупредя нѣсколькими днями почту, увѣдомила меня о томъ. На что мнѣ скрывать чувствъ моихъ? я былъ убитъ симъ извѣстіемъ. Я сокрушался о выключкѣ, которая сдѣлалась мнѣ удѣломъ и наградой за всѣ мои труды и ревностную службу. Я не равнодушно смотрѣлъ на состояніе матери моей и всего семейства, которое осужденъ я тяготить собой. Не наживъ никакого состоянія, я готовился разстраивать остатки матушкинова. Я зналъ сколько сіе извѣстіе, которое и жену мою въ Москвѣ встрѣтило, должно подѣйствовать на нѣжную и невинную душу и на слабыя ея органы. Все ето меня приводило въ ужасъ; все ето изъ очей моихъ влекло неосушаемыя рѣки горячихъ слезъ. О моралисты! сколь вы не проповѣдуете,

[1]) См. выше.
[2]) Младшая сестра автора записокъ, Елизавета Михайловна.

что собственнаго своего признанія и убѣжденія совѣсти въ дѣлахъ невиннаго достаточно для блаженства. Ахъ нѣтъ! Отецъ семейства, окруженный дѣтьми, пропитанія требующими, можетъ не боятся суда вышняго, когда совѣсть его непорочна, но торжество сіе дѣлаетъ ли его въ полной мѣрѣ счастливымъ. Сытъ ли тотъ, кто не имѣвъ куска хлѣба, знаетъ что онъ чужой пищи не восхититъ? Его совѣсть чиста, но голодъ, голодъ, лишаетъ его силъ, ума и спокойствія. Я долженъ былъ ѣхать изъ Пензы, но съ чѣмъ? у меня тогда не было гроша денегъ. Нашлись благотворительныя люди, которыя и въ такой крайности меня не оставили; Полчаниновъ [1]) ссудилъ меня деньгами; когда читать будутъ со временемъ, можетъ быть, его ближніе его исторію, пусть увидятъ, что родственникъ ихъ не всуе благотворилъ мнѣ въ самое лютое время жизни моей до тѣхъ поръ, ибо послѣ узналъ я, что рука Божія, отягощающаяся на человѣка, наполнена бѣдъ и злоключеній, и что между тѣхъ несчастій коими родъ смертныхъ отъ Вышняго бываетъ искушаемъ, выключка изъ службы есть самая малѣйшая непріятность. Пусть ближній Полчанинова увидитъ здѣсь, что я былъ ему за очно благодаренъ, что я благородной его поступокъ умѣлъ цѣнить и чувствовать. 12-е число пришелъ объ отставкѣ моей указъ, я не хотѣлъ продолжать пребыванія моего въ Пензѣ; я смѣнился въ восемь дней, и сдавъ палату Директору Экономіи, расположился къ отъѣзду. Я не хотѣлъ ни съ кѣмъ прощаться, воображая что человѣкъ въ отставкѣ, гонимый рокомъ тамъ, гдѣ онъ за часъ предъ тѣмъ имѣлъ власть управлять многими, есть плачевное позорище. Я хотѣлъ уѣхать ночью тихонько, нѣсколько друзей моихъ меня однако проводили! Губернаторъ, достойный начальникъ тогдашняго времени, оросилъ меня чувствительными слезами и естьли можно было находить въ чемъ либо отраду въ тогдашнемъ моемъ положеніи, конечно доставляло мнѣ ее благословеніе друзей моихъ, участіе подчиненныхъ и самое даже сожалѣніе враговъ моихъ. Оно ясно мнѣ открыло глаза на ихъ счетъ; я увидѣлъ, что и самыя даже непримиримыя злодѣи и люди, кажется, безъ правилъ и честности дѣйствующія, и тѣ на уничиженіе честнаго человѣка безъ соболѣзнованія смотрѣть не могутъ, и тѣ дѣлятъ злоключеніе неповиннаго. Такъ то истинно, что ежели праводушіе и подвержено иногда мѣстнымъ оскорбленіямъ, но оно всегда влечетъ при самыхъ гоненіяхъ противу себя невольное какое то почтеніе отъ рода человѣческаго. Оставивъ далеко Пензу, ѣду я съ сестрой въ Москву: со мной были дѣти мои; насъ провожала любезная и почтенная г-жа Загоскина [2]); она любила жену мою, меня, всѣхъ насъ, презрила молву злоязычниковъ на счетъ всего того, что кажется для нихъ невозможно, безъ какой либо корысти или постыдныхъ намѣреній; она рѣшилась проводить насъ и бесѣдой своей облегчить нѣсколько мои душевныя болѣзни.

Чрезъ недѣлю увидѣлъ себя въ подмосковной нашей, въ Никольскомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое казалось посвященнымъ на то только, чтобъ или напоминать мнѣ мои огорченіи, или причинять тяжкіе вздохи вырываемыя новыми несчастными приключеніями. Такъ въѣжжалъ я въ сію деревню, когда собирался въ Пензу и прощался съ Москвой въ тоскѣ безмѣрной; такъ вторично посѣтилъ я Никольское послѣ поношенія никогда неизгладимаго и въ объятіяхъ сестеръ моихъ оплакивалъ

[1]) Пріятель автора, см. выше.
[2]) Мать писателя М. Н. Загоскина, см. выше.

свѣжую кончину драгоцѣннаго моего родителя; такъ въ третій разъ нынѣ возвращался я на сіе наслѣдственное гнѣздо, одно достояніе отца моего, моимъ называющееся, и тутъ располагался остаться до временъ благопріятныхъ, или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, какъ могло бы забытся все со мной доселѣ случившееся, ибо человѣкъ все забываетъ и время все уноситъ. Со мной были книги; я сбирался ихъ читать, сбирался учиться жить зимой въ деревнѣ безъ занятій, безъ людей, одинъ самъ съ собой и ребятишками моими, для которыхъ, кромѣ молока и хлѣба, еще ничего не нужно было. Такой оборотъ жизни былъ тяжелъ, напаче для меня; жить безъ людей тому, кто не бывалъ безъ нихъ минуты, не могло быть легкимъ предпріятіемъ; но я долженъ былъ на то рѣшиться. О! Павелъ! Естьли правосудіе Небесное, о которомъ такъ часто мы мечтаемъ, воздается смертнымъ, приходящимъ къ Престолу Божію за дѣла ими содѣянныя въ плачевной сей юдоли, то сколько ты потерпишь за тѣ рѣки слезъ, которыя жена моя и я розно другъ отъ друга пролили и которыхъ твое варварство было единственной причиной. Ты гналъ людей неповинныхъ; ты лишилъ насъ спокойствія, счастія, послѣдняго благосостоянія, которымъ мы по милости не твоей, но матери твоей безподобной до самыхъ дней твоихъ наслаждались. Ты покрылъ насъ стыдомъ и презрѣніемъ общимъ; ты, — но гдѣ всѣ черты твоего нрава описать, кому исчислить твои жестокости? Какимъ перомъ описать вымышленныя твои гоненіи? Фуріи вошли въ душу твою и овладѣли сердцемъ. Нѣтъ ни одного малѣйшаго алмаза въ Коронѣ, которую ты съ премудрой главы Екатерины возложилъ на свою поврежденную, ни одного камня, котораго бы блескъ не померкъ отъ слезъ, пролитыхъ въ твое царство. Въ сихъ размышленіяхъ убивалъ я краткія дни и длинныя вечера въ Никольскомъ, я не смѣлъ ѣхать въ Москву, да и не хотѣлъ. Съ какимъ лицемъ мнѣ туда появиться? Куда ѣхать? Кого видѣть? все мнѣ казалось чужое, я впалъ въ глубокую задумчивость, письма жены моей, женщины разсудительной, благоразумной и любезной, самыя ея письма не развеселяли моихъ унылыхъ воображеній. Она уже была въ столицѣ, искала слѣда ко двору, несмотря на слабость здоровья своего, на тягость беременности, ѣздила сыскивать мнимыхъ покровителей, проливала рѣки слезъ, но мнѣ однѣ представляла милыя картины пріятной будущности. О безподобная жена! не было ни у кого такого друга, такого товарища, какого я имѣлъ въ тебѣ! Иногда ей удавались ея исканія, иногда были тщетны, и въ письмахъ ея я читалъ два раза въ недѣлю всѣ подробности ея тамъ пребыванія.

Наконецъ, по волѣ матери, пріѣжжаю въ Москву, но уже не съ тѣмъ восторгомъ встрѣчаетъ взоръ мой главы соборовъ, съ какими приближался я къ симъ монументамъ родины моей въ другія времена. Сердобольная мать моя не могла выносить строгаго моего уединенія въ Никольскомъ, родныя мои и ближнія сколько еще ихъ на свѣтѣ оставалось, находили такое тюремное заключеніе самого себя безполезнымъ для меня, для дѣтей моихъ, и тѣмъ напротивъ еще болѣе предосудительнымъ, что могли многія присоединить къ отставкѣ моей пустую молву, что мнѣ заказано было показаться въ столицу, и такъ я въ нее въѣхалъ, но ни съ кѣмъ не хотѣлъ возобновлять знакомства и никуда не выѣзжалъ изъ дому. Письма, одни письма жены моей служили сердцу моему то сладкой, по мѣрѣ надеждъ ею подаваемыхъ, то горькой, при

разныхъ неудачахъ пищей. Но читать ея письма было для меня уже блаженство. Сама натура способствовала желанію моему удалиться отъ большого свѣта; я занемогъ и принужденъ былъ съ постелей на нѣсколько денъ познакомиться! Сестра моя[1]) большая также выдержала въ то время сильную желчную горячку отъ которой едва она не умерла.— Вотъ въ чемъ провождали мы время. Мы, за десять лѣтъ передъ тѣмъ почитавшіе Павла для себя Мессіей. Что дѣлать? Надлежало искать занятій. Я рѣшилъ самъ обучать дѣтей своихъ тому, чему меня учители за дорогую плату и по милости родителей моихъ учили, но нѣсколько уроковъ дали мнѣ почувствовать, что я къ сему упражненію не сроденъ, ибо съ дѣтьми потребно большое терпѣнье, а я будучи горячаго сложенья не умѣлъ снисходить малѣйшимъ ихъ ошибкамъ, и такъ школа моя какъ имъ такъ и мнѣ самому обращалась больше во вредъ, нежели въ пользу. Тутъ то я узналъ ту истинну, которую мнѣ не рѣдко жена моя внушала, что я безъ службы пропадшій человѣкъ. Подлинно я не сотворенъ былъ для семейныхъ упражненій; мнѣ нуженъ былъ кругъ обширной занятій, дабы дать пищу моему дѣятельному свойству. Безъ работы я былъ мертвой человѣкъ; служба содержала меня въ безпрестанной заботѣ, а забота мѣшая задумываться объ одномъ какомъ либо предметѣ, развлекая мысли на многія, препятствовала воображенію вдаваться въ гипохондрическія размышленіи. Мнѣ нужно было суетиться и дѣйствовать; отставка ввергла меня въ состояніе спокойное для другихъ по ихъ характеру, но сокрушительное для меня по расположенію моихъ чувствъ. Дѣлавши много и каждый день, вдругъ не дѣлать ничего было горестно. Я почувствовалъ всю тягость моего состоянія и сталъ желать опять службы; или хлопотъ, въ Русскомъ царствѣ; ето одно и тоже. Какъ хочешь дѣлай свое дѣло, хлопотъ не миновать; они и правому и виноватому ровно достаются. При всемъ томъ мнѣ надобно было служить и жена моя, которая очень хорошо знала мои свойства, не бывъ еще свѣдома отъ меня о дѣйствіи моего уединенія, уже угадывала оное, и старалась достать мнѣ мѣсто въ Москвѣ, въ ожиданіи котораго я въ ней жилъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, слушалъ вѣсти; прогонялъ геморой лѣкарствами и съ сестрой моей замужней да съ Загоскиной, которая, проводя меня до Москвы, ежедневно посѣщала по вечерамъ, убивали время за бостономъ, сопровождая все то горькими слезами и рѣдко ожидая отъ будущихъ временъ награды за прошедшія. Но какъ состояніе мое ни было тягостно, все оно было легко противу того, въ какомъ жила жена моя въ Петербургѣ и добивалась у такого Двора справедливости одной, отъ котораго прежде тысячныя летѣли посулы. Государыня[2]), Нелидова[3]), тогдашняя Павлова любовница, и нѣкоторыя старыя знакомыя ея, всѣ казались искали облегчить нашу участь. Что не имѣетъ ни малѣйшей непріятности для человѣка въ посредственномъ состояніи, то можетъ служить бѣдой для того, которой, чая многаго, въ надеждахъ своихъ ошибается.

Таково было положеніе жены моей; ее судьба вела къ такимъ подвигамъ, которые должны были навсегда и за гробомъ ея послужить отличительной чертой великодушнаго ея характера. Наконецъ преодо-

[1]) Анна Михайловна. См. выше.
[2]) Имп. Марія Феодоровна.
[3]) Екатерина Ивановна, 1755—1839. См. выше.

лѣла она половину затрудненій; исканіи ея получили успѣхъ хотя несовершенной, но по положенію нашему тогдашнему весьма важной. Я взятъ паки на службу, и тѣмъ же чиномъ опредѣленъ въ Каммеръ Коллегію. Мѣсто сіе было учреждено вновь; Павелъ, не терпя всего того, что учреждала Екатерина потому что онъ никогда не могъ достигнуть до ея славы и величества, хотѣлъ востановить все то, что существовало при его отцѣ, всѣ фавориты даже и фельдшеръ Петра III были призваны ко двору и обременены должностями. При такомъ расположеніи мыслей появились и старыя Коллегіи, въ томъ числѣ и камерная. Ему хотѣлось перенять у Петра I быть образователемъ Россіи, но послѣ Екатерины II, кажется, небо не судило уже никому въ наше время не только ее возвеличить выше прежней степени могущества и славы, ниже въ одинакомъ поддержать, въ какомъ была прежде. Въ ету Каммеръ Коллегію которой статы писалъ кн. Куракинъ, Генералъ прокуроръ тогдашній[1]), президентомъ посаженъ былъ Поповъ, тотъ самый съ коимъ я служилъ у князя Долгорукаго въ статѣ, Вицъ Президентомъ былъ Васильевъ, братъ родной графа Васильева Государственнаго Казначея. Подъ ними надъ Совѣтниками и Ассесорами, было создано еще главное мѣсто, и чиновникъ оное занимать осужденный назывался присутствующій выше совѣтника. Эту ролю дали учить мнѣ; надлежало съ бѣднымъ нашимъ состояніемъ, не имѣя въ виду никакого подкрѣпленія, ниже надежды поправить оное, истратить послѣдній своей достатокъ переѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлялось быть Каммеръ Коллегіи; надлежало туда взять дѣтей, себя, весь домъ, и я находился еще несчастливѣе такимъ образомъ въ службѣ, нежели внѣ оной. Съ чѣмъ и какъ собраться? Чѣмъ и какъ жить въ Петербургѣ. Жена, списываясь со мной, раздѣляла мои затрудненіи, чувствовала подобно какъ и я, но тѣмъ болѣе еще моего страдала, что будучи на мѣстѣ, видя ежечастные опыты крутаго нрава Павлова, видѣла сколько тяжело будетъ и неповиноваться сему назначенію и скоро его отклонить. Что дѣлать? Надобно было рѣшиться и новую чашу слезъ проливать на своей родинѣ, ѣхать туда, гдѣ нѣкогда жизнь была безпрерывное блаженство для насъ обоихъ и гдѣ нынѣ становилась она страшнѣе существованія узника. Указъ о семъ опредѣленіи моемъ данъ былъ 14-го февраля; просрочка малѣйшая дѣлалась преступленіемъ и ни чѣмъ не могла быть извиняема, и такъ я, простясь съ матерью моей, съ моими Пенатами, отправился въ путь въ мартѣ. Но все это дѣлалось въ Москвѣ, жена моя въ Питерѣ хлопотала неусыпно о переводѣ моемъ въ Москву. Государыня, нѣсколько писемъ ея, подаваемыхъ ей Нелидовой, сама Государю читала. Нелидова тронута бывъ однимъ человѣчествомъ, побуждаема нѣкоторыми монастырскими надзирательницами, въ коихъ она вѣровала какъ мусульманы въ ихъ пророка, а тѣ доброжелательствуя женѣ моей по прежней ихъ между собой связи, Нелидова, говорю, нѣсколько примѣшивала ходатайства въ пользу жены моей и наконецъ, когда вылетѣлъ изъ устъ Павла разительный вопросъ: спросите ее чегожъ она хочетъ, имѣнія или службы мужу? отвѣтствовала по отзыву жены, что она прежде проситъ о возстановленіи моей чести, о исправленіи нанесенной мнѣ обиды исключеніемъ безъ вины изъ службы, а потомъ объ имѣньи, ибо честь

[1]) Кн. Ал. Борисовичъ, другъ Имп. Павла. См. выше.

говорила жена моя, есть перьвое наше стяжаніе. Какой подвигъ! Какой великодушный отвѣтъ! Другой Монархъ восхитился бы имъ, другой далъ бы чинъ и имѣніе, другой бы одобрилъ бы такія благородныя чувства несчастіемъ несправедливо уничтожаемыя, но Павелъ, ярый во гнѣвѣ, Павелъ ничего благороднаго не щадилъ. Ему потребны были рабы, онъ наслаждался раболѣпствомъ вельможъ своихъ, низводя сильныхъ и возводя истукановъ. Онъ привязался къ словамъ ему внушеннымъ и взялъ меня только въ службу, не опредѣляя ничего больше, какъ 1500 жалованья въ годъ. Самое убогое состояніе для семьи въ Петрополѣ, гдѣ уже дороговизна превозмогла всѣ усиліи бережливаго гражданина; всѣ труды, женой предпринимаемыя казались тщетными, и тѣмъ перемѣна обстоятельствъ моихъ скоро потомъ казалась удивительнѣе, что слѣдъ къ оной открылся образомъ чуднымъ и совсѣмъ неожидаемымъ.

Минута воли Божіей разбиваетъ всѣ преграды къ желаемому, какъ лучъ благотворнаго солнца прогоняетъ тучи сердитаго Неба. Отправляюсь я изъ Москвы съ однимъ Алексашей, а Павла и дочерей обѣихъ оставляю дома; со мной ѣдетъ сердобольная наша мама, никогда насъ нигдѣ не покидавшая, малое число людей и нужныя пожитки. Суеты, отнимая свободу мыслей, препятствовали подумать о пріисканіи надежнаго учителя къ дѣтямъ, да и въ той неизвѣстности въ какой мы были о родѣ нашей жизни, какого можно было искать наставника? Обстоятельства непріятныя, сгустившись предъ глазами нашими, мѣшали что либо предпринимать для себя и для дѣтей; мы жили въ туманѣ. Богъ послалъ мнѣ тогда одного только клавикорднаго мастера. Г. Пуло, не имѣвъ еще большого числа учениковъ, охотно взялся съ тѣмъ, чтобы жить у насъ въ Московскомъ домѣ, учить дѣтей моихъ старшихъ музыкѣ. Они имѣли къ ней способности, которыя послѣ успѣхи ихъ совершенно обнаружили. Природа сама призывала ихъ къ сему нѣжному упражненію, въ которомъ несчастныя такія утѣшительныя встрѣчаютъ минуты. Въ уваженіе склонности ихъ, я оставилъ ихъ въ Москвѣ у матери подъ присмотромъ, а самъ бѣжалъ изъ дому родительскаго. Пріѣхавъ въ Клинъ, встрѣтился съ родственниками моими, князьями Голицыными [1]), кои, воспрещая мнѣ ѣхать далѣе, увѣрили что я переведенъ въ Москву. Трудно мнѣ было сему повѣрить, но извѣстіе это сопровождаемо было отъ нихъ такими подробностями, кои не оставляли мѣста никакому сомнѣнію. Тогда все ѣхало въ Москву къ коронаціи, весь дворъ долженъ былъ скоро быть на пути. Страхъ опоздать въ Петербургъ, оставить жену мою въ невѣденіи обо мнѣ, потерпѣть недостатокъ въ лошадяхъ, просрочить, быть опять выключену, а паче всего ужасъ встрѣтить Павла, все это дѣйствовало на разстроенное воображеніе мое и отнимало послѣднія силы дѣйствовать. Однако рѣшился я сутки промѣшкать въ Клину, и въ ети сутки и именно 6-го марта (я никогда подобныхъ ему дней въ жизни моей не забуду; каждой изъ нихъ дѣлаетъ въ ней эпоху) при звукѣ каждаго колокольчика у почтоваго двора бѣгалъ туда съ квартиры освѣдомлятся нѣтъ ли чего ко мнѣ, или обо мнѣ проѣжжающимъ извѣстнаго. Тутъ послѣдовало со мной довольно смѣшное приключеніе: На почтовый дворъ пріѣхалъ генералъ Сиверсъ; я адресовался къ нему, ни мало его не зная, съ вопросомъ: не знаетъ ли онъ чего о

[1]) 1-я жена князя М. И. Долгорукова, отца автора записокъ, была урожденная кн. Голицына.

моей судьбѣ? Онъ на ето спросилъ меня, не соляной ли я приставъ подъ судомъ, ибо сего званія люди, отрѣшаемые отъ мѣстъ своихъ, не рѣдко по большой Петербургской дорогѣ въ Уѣздныхъ городахъ, каковъ Клинъ, скитались по трактирамъ прося подаянія въ счетъ ихъ казенныхъ начетовъ. Отвѣтъ мой вывелъ Сиверса изъ сомнѣнія; онъ узналъ кто я и извинялся съ замѣшательствомъ. Все ето удручало меня, подобно какъ туча передъ ясной минутой давитъ атмосферу. Просіяло наконецъ солнышко, озарило долго плакавшіе глаза мои и я получилъ въ Клину черезъ родственницу нашу Демидову, письмо отъ жены моей и копію съ Указа, что я пожалованъ въ дѣйствительные Статскіе Совѣтники, переведенъ въ Москву въ соляную контору и дано мнѣ въ годъ по 1875 жалованья. Вотъ какъ все ето тамъ случилось.

Истощивъ все свое терпѣніе, жена моя собиралась уже ѣхать домой, ко мнѣ на встрѣчу, какъ вдругъ, за два дня до отъѣзда Государева въ Москву короноваться, пріѣхалъ къ ней отъ него генералъ маіоръ и кавалеръ Данауровъ съ вопросомъ: какого мѣста она для меня хочетъ. Жена, удивясь такому странному посольству (но въ Павловы дни, что было странно?), не знала долго, что отвѣчать. Наконецъ, видя настояніе г. Данаурова отвѣтствовала, что она слыхала отъ меня, что мѣсто Оберъ Прокурора въ Сенатѣ было бы для меня лестно и пріятно. Данауровъ повезъ отвѣтъ къ Государю; жена осталась въ размышленіяхъ и между страха и надежды колебалось ея безпокойное сердце. На другой день съѣздъ былъ прощальной у двора, и жена съ прочими откланивалась двору. По окончаніи обрядовъ придворныхъ, видя, что уже отъѣжжаютъ, что по сдѣланной ей наканунѣ присылки ничего не выходитъ, оставалось ей опять во всемъ усумнится, но вдругъ кн. Куракинъ, и тутъ охотно еще мнѣ благодѣтельствовавшій, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ объявилъ женѣ моей, что Павелъ, снисходя на мое желаніе, приказалъ написать Указъ о переводѣ меня въ Москву въ Соляную Контору, ибо, говорилъ онъ, оберъ прокурорскаго мѣста празднаго теперь въ Москвѣ нѣтъ, что было справедливо, а мужъ вашъ, продолжалъ онъ, получитъ прибавку жалованья, которое сравнится съ окладомъ просимаго имъ въ Сенатѣ мѣста и думаю, что при подписаніи Указа дастся ему чинъ; въ сихъ надеждахъ жена пріѣхала изъ дворца домой. — изъ дворца, гдѣ прежде нѣсколько лѣтъ показалось бы можетъ быть обѣимъ намъ при подобномъ случаѣ бездѣлицею то, что теперь мы должны были почитать за великое. Въ самомъ дѣлѣ, кн. Куракинъ тогда повезъ указъ обо мнѣ въ Павловское, и возвратясь оттуда въ столицу, увѣдомилъ жену записочкой своей руки, что я переведенъ въ Соляную Контору въ старшіе члены съ жалованьемъ по 1875 въ годъ и съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника. Указъ о семъ, то есть копію съ него и подлинную записку жена отправила ко мнѣ, и все ето на пути въ Питеръ получилъ я въ Клину. Могъ ли я воображать такой удачной оборотъ обстоятельствъ? При счастіи малѣйшія благопріятности рока кажутся ничего не значущими, а при безпрестанномъ несчастіи, ахъ! какъ и самая бездѣлица, которая съ успѣхомъ достается, кажется блаженствомъ! Таково было тогда положеніе мыслей моихъ и разсудка. Подобно какъ удачливой игрокъ въ карты, когда къ нему ходятъ игры пустыя, радъ и маленькому бостону, а при безпрестанной улыбкѣ фортуны и на шесть въ спорахъ принимаетъ ни за что. Получа сіе извѣстіе, я не размышлялъ о родѣ

новой моей службы, о сотовариществѣ членовъ, о свойствѣ Директора; я еще ничего не зналъ объ нихъ, останавливалъ мое воображеніе на одномъ удовольствіи жить въ Москвѣ въ родительскомъ домѣ, въ кругу старинныхъ друзей, паче всего радовался тому, что скоро увижусь съ женой, съ которой сія маловременная разлука наполнена была такими рѣзкими произшествіями; и такъ я въ Клину, раздѣля съ мамой и Алексашей, мои радости, послалъ воротить мой маленькій обозъ, за сутки до меня уѣхавшій въ Питеръ, а самъ тотчасъ поскакалъ домой. Пусть мнѣ растолкуютъ, профессоры, магистры, авскультанты, коимъ и я былъ нѣкогда, и всѣ эти школьные господа пустословы, которые все любятъ основывать на неоспоримыхъ аргументахъ; пусть изыщутъ мнѣ тайную пружину человѣческихъ капризовъ и скажутъ отъ чего Павелъ I, злобой противъ насъ разсвирѣпѣвшій, Павелъ, I, которому объ насъ жена его, фавориты и многія приближенныя люди такъ часто говорили и покровительства намъ испрашивали, Павелъ I и можно сказать единственный въ своемъ родѣ, имѣя возможность за два мѣсяца прежде, однимъ словомъ тоже все въ пользу мою сдѣлать, промучилъ жену мою въ ожиданіяхъ тщетныхъ въ Петербургѣ слишкомъ два мѣсяца, и передъ отъѣздомъ своимъ короноваться, тогда какъ, уже казалось ничто не долженстовало приводить насъ ему на память, не только вспомнилъ, но послалъ генерала, какъ о самой крайней нуждѣ снестись съ женой моей о ея желаніяхъ; обременилъ самого генерала прокурора пріѣздомъ къ себѣ въ слякоть и непогоду въ Павловское съ указомъ устрояющимъ судьбу мою и засуетилъ кругъ себя людей столь чиновныхъ. Ужъли все это дѣло случая? не знаю, но думаю, что нѣтъ; думаю и самъ однако сомнѣваюсь, потому что съ другой стороны — странности человѣка названнаго Царемъ, и какое то мечтательное повышеніе одного изъ тысячъ милліоновъ людей каковъ я, на непримѣтномъ пунктѣ вселенной, каковъ Петербургъ, можно ли по истиннѣ все это колобродство смертныхъ приписать вседѣйствующей силѣ и волѣ Божества, управляющаго духомъ нашимъ, съ которымъ подобныя мірскія превращеніи ничего общаго не имѣютъ? Какъ то ни есть, я пріѣзжаю въ Москву съ чиномъ, и по милости того же Государя безъ убытку отъ пріѣзда, потому что мнимая моя служба въ Каммеръ-Коллегіи, въ которой числился я мѣсяцъ, по данному мнѣ тамъ окладу, доставила мнѣ столько жалованья, сколько издержалъ я денегъ отъ Москвы до Клина. Браво! все въ порядкѣ. Такъ утѣшаться должно среди самаго отчаянія. Не замедлила пріѣхать обратно и жена моя. О! другъ мой! сколько вздоховъ, сколько отношеній, сколько мыслей заочно каждымъ изъ насъ обдуманныхъ намъ раздѣлить надлежало! Мы увидѣли полныя глаза слезъ и сердце полное радости. Слава Богу! Мы вмѣстѣ и тамъ гдѣ быть хотѣли; насъ дворъ тѣснитъ, но мы живы, мы вмѣстѣ и все забыто; насъ Царь гонитъ и ненавидитъ, но Богъ еще насъ любитъ, мы вмѣстѣ и можемъ благодарить Создателя. Такъ утѣшала насъ минута свиданія; она мнѣ, я ей сообщалъ все прошедшее, и удивляясь міру, мы радовались, что еще не хуже что либо съ нами послѣдовало.

Жена моя одарена была Императрицей прямо по царски; она ей пожаловала на дорогу пять сотъ рублей и пенсіона ежегоднаго по триста рублей. Какая огромная монаршая щедрота. Рядомъ съ женой моей въ спискѣ пенсіоновъ, стояло имя генеральши де Балменъ. Ея мужъ былъ Генералъ губернаторъ и думаю давалъ секретарямъ своимъ въ именины

ихъ по стольку, не чая, что по смерти его жена будетъ весьма счастлива, что столько же ей назначится изъ кошелька Императрицы. Какъ послѣ етого дивиться, что жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника не больше помѣщена въ одинъ и тотъ же списокъ. О! какъ вы счастливы, Цари! что вы, или отъ недосуговъ, или отъ нѣги ничего не читаете, что до васъ не достигаютъ молвы о васъ тысячи народовъ, что глазамъ вашимъ подносятъ только розы, а подъ носъ курятъ разными стихотворными благовоніями! Есть ли бы ты могла прочесть когда нибудь ету страницу Августѣйшая Монархиня. Есть ли бъ ты увидѣла въ ней хотя на единѣ сама съ собой въ своемъ великолѣпномъ чертогѣ, что бѣдная княгиня Долгорукая, тобой изъ нищеты на то только выведенная, чтобы пріучась къ роскоши и всѣмъ ея очарованіямъ впасть въ вящее убожество и понести всю тягость суровой необходимости: бѣдная княгиня Долгорукая, пресыщенная у Двора ласковостью и высокими надеждами, получивъ отъ тебя пенсіону въ годъ триста рублей, при всей бѣдности ея отдавала ихъ каждогодно на содержаніе бѣднѣйшаго брата мужа ея (моему брату Григорію Богданову) [1]), несчастному своей породой, законами пренебреженной. Естьлибъ ты это увидѣла и прочла такую истину, которая одна составляетъ цѣлой панегирикъ безподобной етой княгини Долгорукой, жены моей, съ какимъ бы уничиженіемъ ты устремила взоръ свой на себя! во всѣхъ безконечныхъ зеркалахъ твоихъ отразился бы румянецъ стыда и краска совѣсти обличительной, и кошелекъ твой, етотъ кошелекъ, изъ котораго не щедрота прямая, не сердоболіе, но гордость и тщеславіе червонныя въ народъ бросаютъ, показался бы тебѣ страшными обвиненіями предъ престоломъ Всемогущаго, потрясающаго когда хочетъ всѣ ваши подмостки и балдахины, подъ коими кажете вы народу надменное чело.

По прибытіи моемъ въ Москву, скоро присланъ былъ указъ о переводѣ моемъ и отъ Сената мнѣ объявленъ. Къ присягѣ приводили меня марта 13-го въ Синодальной церкви; скоро потомъ открывается Соляная Контора; нужно молвить нѣчто и о ней. Директоромъ ея опредѣленъ былъ нѣкто г. Нелидовъ Василій Ивановичъ, Дѣйствительный статской совѣтникъ, бывшій предъ симъ Оберъ прокуроромъ въ Межевомъ Департаментѣ [2]). Кажется нѣтъ никакой связи между тѣмъ и другимъ мѣстомъ, но Нелидовъ до употребленія его въ Сенатъ былъ нѣсколько лѣтъ при соляныхъ и винныхъ дѣлахъ подъ генералъ прокуроромъ когда всѣ сіи части управлялись однимъ и тѣмъ же лицомъ. Ему извѣстны были и Саратовскія соляныя источники, потому что онъ для осмотра ихъ посланъ былъ Екатериной. Я съ нимъ мало былъ знакомъ, однако же по службѣ другъ друга нѣсколько знали. При Павлѣ нельзя было никакимъ дѣломъ долго мѣшкать, надлежало всякое свернуть, какъ говорятъ, кругъ пальца, и Соляная Контора открыла свои засѣданія при одномъ Нелидовѣ, мнѣ и князѣ Волконскомъ; прочихъ членовъ еще никого не было; даже и канцелярія была не устроена, и мы сами перьвой журналъ составили на черно, и переписалъ его Цвѣтаевъ [3]), служившій всегда при мнѣ, питомецъ Академіи, и которой былъ взятъ въ Контору въ число положенныхъ у

---

[1]) Побочный сынъ его отца, см. выше.

[2]) 1715—1810. См. „Капище" т. е. соч. кн. Долгорукова подъ назв. „Капище моего сердца".

[3]) Цвѣтаевъ, Алексѣй Алексѣевичъ. См. „Капище".

нее камергеровъ (штабъ офицерскаго достоинства). Вотъ въ какой бѣдности рождалась или лучше сказать возобновлялась Контора Соляная. Прежняя бывала въ Москвѣ, а потому и нынѣ, не соображая далѣе нужно ли ей тутъ быть, или въ иномъ мѣстѣ, она расположена была въ Москвѣ. Прежнія ея директоры имѣли нѣкоторые особенныя права, но когда Нелидовъ употребилъ ходатайство о томъ, чтобъ и онъ ихъ же имѣлъ, то правительствомъ сіе было ему отказано, онъ управлять нами долженъ былъ по регламенту общему. Я не стану здѣсь подробно описывать въ чемъ состояли наши упражненіи или обязанности; кромѣ того что сей предметъ не принадлежитъ къ частной моей исторіи, трудно бы было мнѣ и то и другое привести въ нѣкоторой исторической порядокъ, ибо съ самаго начала конторы, до самаго ея разрушенія, едва зналъ ли кто изъ составлявшихъ ее, на что она. Какая отъ нее быть можетъ польза? Какія суть ея основаніи, отвѣтственности, преимущества, права надъ другими? Степень равенства съ губерніями и казенными палатами? Все это было спутано, смѣшано, словомъ все походило на царя тогдашняго времени. При перьвомъ моемъ свиданіи съ Нелидовымъ, которымъ былъ я очень обласканъ, увидѣлъ я изъ разговоровъ его, что вся дѣятельность конторы состоять должна будетъ въ томъ, чтобъ какъ нибудь проводить время, не портить ничего стараго, не вводить ничего новаго и дожидаться, не будетъ ли какой иной основы всему етому дѣлу; всякой день поспѣвали новыя учрежденіи, новыя статьи и мѣста. Блины въ печи право не такъ скоро дуются какъ кипѣли Россійскія узаконеніи, на жаркомъ очагѣ тогдашнихъ подражателей царской опрометчивости. И такъ я началъ мѣдь тянуть, т. е. ѣздилъ каждое утро въ Контору и съ осьми часовъ утра до второго глядѣлъ въ стеклянныи двери скоро ли будетъ Директоръ, и когда онъ пріѣжживалъ садился на свой стулъ и о произшествіяхъ повсемѣстныхъ съ нимъ бесѣдовалъ. Вотъ чѣмъ началась служба моя въ Конторѣ. Мало по малу стала наполняться она народомъ; всякой ищетъ хлѣба, жалованье было большое; изъ прежнихъ дрянныхъ покоевъ, перевели насъ въ прекрасные чертоги, приближили къ сенату. Тутъ пошли у насъ затѣи: большія зеркала, портреты царскія, часы съ органами, чтобъ не такъ скучно было ихъ считать ходя по залѣ. Начали мы жить великолѣпно и дѣла стали къ намъ поступать отовсюда. Скоро бумагъ было такъ много, что ужъ не знали куда съ ними дѣваться. Нарядный швейцаръ отворялъ и затворялъ за нами двери, словомъ контора бросила пыль въ глаза многимъ; раздѣлились дѣла по экспедиціямъ. Я былъ начальникомъ той, въ которой вѣдались всѣ запасы и приготовленіи соли; хотя я мало занимался дѣломъ своимъ, потому что почиталъ его временнымъ и неосновательнымъ, однакоже ежедневно маленькое упражненіе въ ономъ познакомило меня съ соляной частью въ Государствѣ; и я объ ней нѣкоторые получилъ познаніи, кои никогда не сочту для себя лишними, ибо въ Россіи, гдѣ всякой попадаетъ въ родъ службы не по выбору своему, а часто и самъ не знаетъ какой, должно все знать по маленьку. Канцелярской обрядъ былъ отданъ Пояркову, который какъ за нимъ, такъ изъ подъ руки смотрѣлъ и за всѣми нами. Нелидовъ имѣлъ къ нему полную довѣренность, онъ былъ секретаремъ Сената, судите, могъ ли онъ чего нибудь не знать? Эти люди всему были горазды, такъ объ нихъ думали по крайней мѣрѣ всѣ, онъ правилъ и чинами и дѣлами въ конторѣ: писалъ онъ по старинному, но Нелидовъ и самъ не

имѣлъ познанія о чистомъ слогѣ. Поярковъ зналъ наизусть всѣ приказные мѣлочи, и за его трудами остальная наша братья могла наслаждаться праздностью, выписки сочиняли секретари, а разжевывалъ ихъ Поярковъ; Нелидовъ апробовалъ, а мы подписывали. Такъ дѣлалось наше дѣло въ конторѣ; членовъ было насъ всѣхъ восемь человѣкъ, по стату семь; а имянно: Директоръ, Волконской, Поярковъ, К. Херіулидзевъ изъ грузинъ, Измайловъ, Колычевъ и Нелидовъ же; а я былъ сверхъ стата, на особомъ жалованьи. Дѣловыми между всѣми нами почесть было можно только Пояркова и Колычева, а прочія сидѣли для формы и наполняли пустыя мѣста.

Довольно говорить о конторѣ, пора вспомнить Солтыкова [1]); мы его оставили въ его Пензенской деревнѣ; вскорѣ послѣ меня и онъ поѣхалъ въ Москву. Привязанность его къ намъ не завися ни отъ какихъ случаевъ, всегда одинаково продолжалась. Вздумалось и ему искать службы; въ счастливой часъ онъ видно пожелалъ етого, ибо съ успѣхомъ крайнимъ вступилъ въ оную. Сперьва взяли его въ Воспитательной домъ, и тотчасъ послѣ меня пожаловали въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Онъ назывался почетнымъ опекуномъ и служилъ безъ жалованья, какъ и прочія ему подобныя, но скоро воспитательные домы ставъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Императрицы Маріи Федоровны, такъ какъ и многія другія подобныя богоугодные заведѣніи, большое снискали предъ прочими мѣстами преимущества. На нихъ пролились рѣки щедротъ Монаршихъ; всѣ туда просились, искали и словомъ въ Россіи тѣ только начинали быть сынове счастія, кои хотя слегка но принадлежали къ заведеніямъ самой Императрицей управляемымъ. Солтыковъ завелся въ Москвѣ домомъ и перевезъ туда все свое хозяйство. Свиданьи наши были ежедневны; онъ сообщалъ мнѣ съ уважительнымъ видомъ свои ничтожныя упражненіи, а я и самыя важныя наши передавалъ ему, какъ бездѣлки; въ свойствахъ нашихъ всегда была противуположность, она мѣшала намъ быть друзьями, но мы часто видались безъ отягощенія.

Коронація Павлова должна была быть въ Свѣтлое Воскресенье 5-го апрѣля. Такъ придумалъ онъ въ своемъ суевѣрномъ воображеніи; онъ хотѣлъ, чтобы Христовы обстоятельства были оригиналомъ его намѣреній, и для того пригналъ въѣздъ свой въ столицу въ Лазареву субботу. Дворъ прибылъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, и остановился въ Петровскомъ дворцѣ. Тутъ въ Благовѣщеньевъ день данъ былъ вечерній куртагъ, на которомъ и я удостоился представиться Его Величеству со страхомъ и трепетомъ, принося благодарность за чинъ и мѣсто, сталъ я на колѣни и приложился къ рукѣ. Ни на одномъ лицѣ не видно было тѣни удовольствія, всѣ казались наканунѣ гибели, или представленія свѣта. Дворъ былъ ужасенъ; тѣни мрачнаго зрака Павлова покрывали темныя лица придворныхъ вельможъ его окружавшихъ; не было барина, ни простолюдина, который бы улыбался. Какое славное вступленіе на тронъ. Въ Благовѣщеньевъ день вся Москва была въ Петровскомъ; дорога прескверная и вся взломанная дабы быть лучшей, но безъ успѣха, предваряла тотъ ужасъ, которымъ всходя въ чертоги объятъ былъ каждой; возвращаясь оттуда ночью боязливыя люди въ томъ числѣ и я пѣшкомъ менѣе страдали отъ страха ночнаго, нежели отъ взоровъ Павловыхъ. Въ

[1]) Александръ Васильевичъ, пензенскій помѣщикъ, почетный опекунъ. † 1803. См. „Капище".

Лазареву субботу церемоніально вошелъ Павелъ въ Москву, древнюю столицу предковъ его. Походъ его начался рано; онъ ѣхалъ верьхомъ; будучи до церемоніевъ охотникъ, онъ такъ расположилъ его, что не было времени никому ни для обѣда, ни для роздыха полуденнаго; по чинамъ наряжены были всѣ въ разныя соборы. Я испытывалъ силу стужи въ восемъ часовъ утра въ Успенскомъ Соборѣ; тутъ былъ и Синодъ весь въ собраніи. По пріѣздѣ Павла въ Кремль около двухъ часовъ, онъ противъ цейхауза завелъ свою гвардію и поучилъ ее съ полчаса. Послѣ вошелъ въ Соборъ, гдѣ были мощи, тамъ прикладывался къ нимъ, гдѣ нашелъ гробы царей, тамъ имъ поклонялся. Съ неутомимостію безпримѣрною, онъ послѣ всѣхъ сихъ обрядовъ сѣлъ опять на лошадь и поѣхалъ тѣмъ же церемоніальнымъ порядкомъ въ Слободской Дворецъ. Туда прибылъ къ ночи и тотчасъ началась всенощная съ вербами. О! какъ я счастливъ былъ, что чинъ мой неудостаивалъ меня чести принять такую великолѣпную муку! Изъ Собора мы въ возможности были разъѣхаться по домамъ нашимъ; обязанность сей встрѣчи кончилась и я пріѣхавши домой отогрѣвался сутки цѣлыя отъ стужи, которая во всѣ кости мои проникла. Никогда я такъ хорошо и подробно не осмотрѣлъ древностей Кремлевскихъ и красотъ нашихъ соборовъ, какъ въ тотъ день, и думаю что долго ихъ не забуду, потому что случай къ тому представшій былъ достопамятенъ. Страстная недѣля въ Грановитой палатѣ проходила въ репетиціяхъ коронаціонныхъ обрядовъ. Самъ Павелъ училъ назначенныхъ генераловъ всѣмъ пріемамъ и казалось что онъ директоръ только театра, которой приготовляетъ новую комедію, — подлинно коронація его была трагедія для всего народа. О! время! какъ ты мѣняешься, ты насъ перемѣняешь, а обстоятельства самаго тебя. Бывало цари въ той же Грановитой палатѣ бесѣдовали съ старѣйшинами о пользахъ своего народа; допускали къ себѣ несчастныхъ и правосудіе ихъ сопряженное съ милосердіемъ уменьшало число ихъ; нынѣ напротивъ Императоръ Павелъ подъ балдахиномъ размѣрялъ ширину шаговъ своихъ, чтобы не отставать отъ первой древки съ которой самъ онъ, самъ не постыдился на одной изъ репетицій сказать, что ему надобно равняться. Етотъ анекдотъ всѣ знаютъ и до сихъ поръ въ молодой компаніи, за рюмкою вина, съ хорошими дѣвушками юныя соотчичи разсказываютъ его въ кучѣ прочихъ смѣшныхъ того времени повѣстей.

Наконецъ, въ Свѣтлое Воскресенье съ зарей вмѣстѣ все стало приходить въ движеніе. Войска, Гражданство, Духовенство и Царская палата, все толпилось внутри кремлевскихъ стѣнъ. Тутъ, гдѣ нѣкогда Пожарской поражалъ поляковъ, тутъ изнѣженныя Россіяне спѣшили собираться подъ значки церемонімейстеровъ. День былъ прекрасной, но холоденъ; воздухъ равнялся съ лицемъ Павловымъ, такъ какъ онъ съ древкой балдахина. Въ числѣ нарядныхъ куколъ собранныхъ въ какую то сырую кладовую, подъ именемъ золотой палаты, дожидался и я повѣски пройтить шагомъ по широкой соборной площади! Оставатся въ Соборѣ позволено было нѣкоторымъ чинамъ но не всѣмъ; начальники мѣстъ пользовались симъ правомъ, а члены оныхъ только проходили на сквозь и наслаждались прохладой сквозного вѣтра на морозѣ. Странно расположено было и ето. Въ иныхъ мѣстахъ президенты были полковники и оставались свидѣтелями коронованія внутри собора, а другихъ и четвертаго класса чиновники толпились на открытомъ воздухѣ. Но цере-

монія вообще сказать была великолѣпна и сообразна торжеству; учреждалъ ее г. Валуевъ [1]), онъ истощилъ при семъ случаѣ всю дѣятельность своего разума, такъ какъ кн. Тюфякинъ [2]) нѣсколько ночей употребилъ на то, чтобы выдумать лучшаго фасона стаканчики, для освѣщенія городскихъ стѣнъ, башенъ и всего Кремля. Все было прекрасно, величаво, восхитительно. Во время обѣдни Генералъ Прокуроръ и знатнѣйшій баринъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ [3]), вышелъ изъ Собора будто для того, чтобъ взглянуть на парадъ воинства и амфитеатръ зрителей, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ и тому и другому показать въ себѣ новую подпору трона и могущества его. Сей князь удостоилъ меня своей бесѣды; тутъ онъ мнѣ упрекалъ, для чего я не пошелъ служить въ Петербургъ и показалъ мнѣ мгновенное участіе въ судьбѣ моей. Я на лету ловилъ слова его; они нѣсколько согрѣвали душу мою, но тѣло, тѣло, которое политики не разумѣетъ, дрожало отъ сильнаго сѣвернаго вѣтра. Вдругъ пушечный громъ сопровождаемый ружейными выстрѣлами возвѣстилъ намъ земного Царя, и такъ совершилось мѵропомазаніе, вѣнчаніе на престолъ Павла, Павла возобновившаго скоро всѣ ужасы царства Анны Іоанновны. О! какъ душа моя тяжело вздохнула! слезы не могли открыть себѣ пути, потому что прямо стесненное сердце рѣдко имѣетъ способность разстворять ихъ источники. Нѣтъ, я не заплакалъ, но я сильно почувствовалъ важность етой минуты, приговоръ Боговъ, судьбы, натуры, нѣмое признаніе цѣлаго народа, повиновенное колѣнопреклоненіе предъ однимъ человѣкомъ многихъ милліоновъ людей; важная минута! Быть ей свидѣтелемъ есть дѣйствіе необыкновенное. Кто не испыталъ ее, тотъ чувствовать не можетъ. У Павла въ ето время голова шла кругомъ; онъ прочелъ въ слухъ всему Собору наслѣдственный актъ фамиліи своей, сочиненный имъ при шествіи въ походъ подъ Шведа. Сей актъ былъ положенъ въ Соборѣ въ особое хранилище; потомъ цѣлую недѣлю были праздники и торжества до самаго Фомина понедѣльника; ежедневныя были аудіенціи по вечерамъ и прогулки утренія подъ балдахиномъ въ разныя монастыри, съ крестными ходами, которые по древнему обряду въ Москвѣ во всю святую недѣлю дѣлаются. Казалось, что балдахинъ приросъ къ Его Величеству, онъ не могъ безъ него обойтится, далматикъ не сходилъ съ плечь его; онъ не почиталъ себя царемъ, когда его на немъ не было. Вотъ что дѣлаетъ принужденіе. Когда бы Екатерина не тѣснила его во все время жизни своей съ такимъ упорствомъ, можетъ быть онъ бы и не влюблялся ни въ балдахинъ ни въ золотой стихарь, но для него отъ важныхъ предмѣтовъ до самыхъ низкихъ въ званіи царя все было ново. Онъ былъ на тронѣ есть ли можно такъ сказать подобіе Мольерова: bourgeois gentilhomme. Всѣхъ раньше въ етотъ день всталъ онъ; иной подумаетъ что онъ занятъ былъ священными обязанностями новаго своего сана, что онъ готовился умножить счастье подданныхъ, оправдать выборъ Божій, дать ему отчетъ въ каждомъ шагѣ, поступкѣ и мысли своей на тронѣ, что онъ размышлялъ о пространствѣ царской должности все объемлющей на такой широкой полосѣ свѣта какъ Россія; о тягости креста ко-

[1]) Петръ Степановичъ, начальникъ Оружейной палаты, 1743 — 1814.

[2]) Иванъ Петровичъ, камергеръ, капитанъ Кремлевскаго и Слободскаго дворцовъ.

[3]) Канцлеръ Имп. орденовъ, впослѣдствіи Мин. Вн. Д. 1759 — 1829.

торой судьба на него налегала, словомъ, о многомъ, о многомъ тому подобномъ. Ничего не бывало. О! философы! нравоучители! ораторы! какъ вы ошиблись, какъ вы увеличиваете тягости нашихъ должностей! Какъ вы ихъ умножаете! Павелъ гораздо натуральнѣе всегда дѣйствовалъ; онъ всталъ чѣмъ свѣтъ и любя больше всего въ мірѣ солдатскія тѣлодвиженія, онъ самъ разводилъ гренадеръ своихъ на часы и училъ ихъ дѣлать себѣ по темпамъ на караулъ, когда онъ мимо ихъ станетъ прохаживаться подъ балдахиномъ и въ далматикѣ. Что ваше царство? ваши безконечныя обязанности, судъ, милость, истина, законъ? Все пустое! То ли дѣло часовой, которой отрывисто бросаетъ съ руки на руку ружье? вотъ слава прямая и сіяніе вѣнца. О! далматикъ! О! балдахинъ! святыя регаліи набожнаго царя! вы въ ети дни глубоко врѣзались въ сердце Павлово.

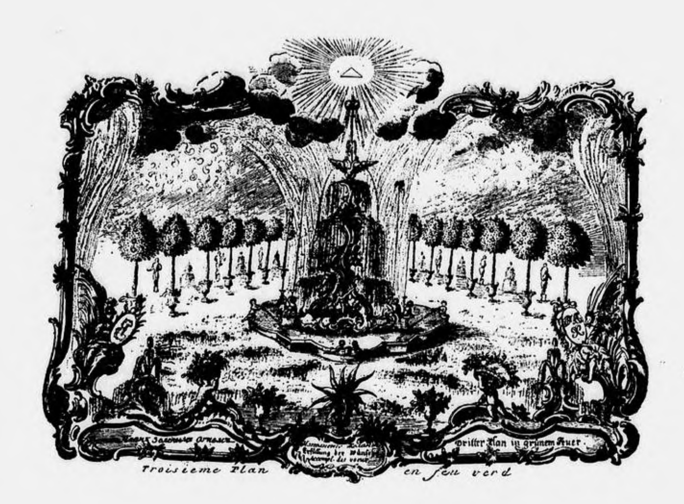
Всѣхъ милостей, кои тогда пролиты были съ трона на достойныхъ и не достойныхъ вмѣстѣ описать не возможно. Коронація ета сопровождаема была такими щедротами, какихъ еще не бывало въ Россіи. Дворцовыхъ деревень роздано было тогда тысячь до ста душъ. Большіе бояра видя такой хорошій случай Россію дѣлить какъ быка, Безбородки, Куракины и многія другія знатныя пріобрѣли имѣнія, однимъ намъ судьба не назначила быть облагодѣтельствованнымъ Павловыми дарами. Мать моя писала письмо къ Государю; жена съ своей стороны также. Перьвая просила нѣкотораго вознагражденія конфискованному нашему имѣнію при Императрицѣ Аннѣ, которое никогда съ тѣхъ поръ не возвращалось въ домъ нашъ; другая просила обѣщанныхъ ей наградъ, и не смотря на то, что письмо ея посредствомъ Нелидовой должно было дойтить до Государя, оно не только не было ему показано, но даже къ умноженію прискорбія собственно нашего, братъ двоюродной Нелидовой, мальчикъ Аркадій [1]), бывшій тогда Генералъ Адъютантомъ, и тотъ не отвѣчалъ женѣ моей ни слова, и оставилъ насъ въ безвѣстности о письмѣ ея, чрезъ него посланномъ къ знаменитой сестрицѣ его. Сколько надлежало вытерпѣть подобныхъ неудовольствій! Изъ нихъ только одно избѣгаемо было то, что подобныя письма не вносились по крайней мѣрѣ въ газетахъ. Слабая отрада для тѣхъ, которымъ отказали. У Павла былъ обычай заведенъ выставлять ящикъ къ воротамъ его дворца, въ которой жалующіеся кидали свои пакеты; Секретарь потомъ вынималъ ихъ, подавалъ, и потомъ по газетамъ объявлялъ резолюціи, которыя по большей части состояли въ отказахъ, съ присовокупленіемъ посылки тѣхъ наддранныхъ прошеній къ челобитчикамъ съ полученіемъ отъ нихъ на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, кои никогда въ недоимкѣ не оставались. Тутъ часто находили и пренесносныя пасквили. О чинахъ и говорить нѣтъ нужды; они раздавались еще изобильнѣе денегъ и душъ, вопреки всегдашнему мнѣнію Наслѣдника, которой не почиталъ и того хорошимъ, что Гвардія такъ скоро повышаема была при Екатеринѣ. Сынъ ея сдѣлавшись Императоромъ надѣлалъ столько генераловъ, что при матери его вѣрно во всей Гвардіи было менѣе малолѣтнихъ унтеръ-офицеровъ. Москва всѣмъ етимъ восхищалась; всѣ дворы были на перерывъ иллюминованы. Мы, сидя дома въ темныхъ нашихъ покояхъ питались скукой и уныніемъ. Говорятъ, что добродѣтель хороша; часто приходило намъ

[1]) Впосл. сенаторъ, ум. 1834 г.

на мысль, что она всего хуже въ свѣтѣ. Имѣть милую жену, большую семью, не находить себя передъ отечествомъ ни въ чемъ виновнымъ и видѣть, какъ не только праздные люди, но даже и злодѣи ростутъ въ чести и славѣ, пресыщаются изобиліемъ во всемъ, тогда какъ ты уничтожаешься ежедневно, да и роптать въ слухъ о томъ не смѣешь, боясь вящшихъ напастей, что несносно: потребенъ великой духъ къ перенесенію подобной тягости. Скуку нашу тогда дѣлила пензенская заѣжжая барыня г-жа Миклашевичева [1]) и теща моя пріѣхавшая въ Москву съ большими также надеждами и съ малыми успѣхами возвратившаяся, ибо отказы скоро послѣ коронаціи послѣдовавшія многимъ, нашли и ее посреди хижинъ нашихъ. Она провела съ нами всю Святую недѣлю. Павелъ покуралесившій въ столицѣ мѣсяцъ, отправился въ Питеръ мая 3-го числа, послѣ многихъ аудіенцій, маскерадовъ и въ Грановитой палатѣ и въ Слободскомъ его дворцѣ, которой онъ назвалъ купя себѣ домъ князя Безбородко и думаю, что не за безцѣнокъ. По отъѣздѣ Двора, въ слѣдствіе церемоніальныхъ распоряженій, трауръ не надѣвался и забавы всѣ были открыты. Начались опять театры и балы; тогда Москвой правилъ кн. Юрій Владимировичъ Долгорукой въ званіи военнаго губернатора [2]).



[1]) Варвара Семеновна, жена пенз. прокурора, см. „Капище“.
[2]) См. „Капище“. 1740 — 1830.



Мы удосужившись отъ суетъ и входя нѣсколько въ себя послѣ всѣхъ огорченій кои насъ сильно разстраивали, стали помышлять о пользѣ дѣтей нашихъ. При всей бѣдности нашей, намъ надобенъ былъ учитель, который бы занялся ихъ упражненіями и надзиралъ надъ ними; представился намъ французъ г. Тіери, котораго мы нашли къ тому способнымъ, и за шесть сотъ рублей сдѣлавъ въ нимъ условіи приняли его въ домъ и поручили ему Павла съ Алексашей; Маша по большой части обучалась всему подъ глазами матери ея, которая никогда сей первой должностью своей не тяготилась. Мать моя, избравъ хорошее лѣтнее время, поѣхала въ подмосковную, а мы остались въ городѣ; дѣти наши всѣ были вокругъ насъ, Салтыковъ [1]) насъ посѣщалъ ежедневно. Днемъ я занимался обыкновенными моими кабинетными трудами, читалъ книги, писалъ стихи, учился безъ учителя и для разсѣянія умственныхъ трудовъ, присматривалъ надъ передѣлками комнатъ нашихъ, которыя требовали нѣкоторой поправки и лучшаго вида передъ тѣмъ, какъ мы ихъ нашли, ибо они со времени кончины отца моего никѣмъ не были заняты и стояли пусты. Братъ мой Григорій Богдановъ [2]) жилъ въ Петербургѣ и служилъ Вахмистромъ въ Конной Гвардіи. Другъ мой Киріякъ

[1]) См. выше.
[2]) См. выше, побочный сынъ отца автора.

далъ ему у себя убѣжище и не отказывалъ въ его наставленіяхъ, которыя опытность дѣлала всегда полезными; онъ ослабѣвалъ въ силахъ физическихъ и надсмотръ его иногда былъ недостаточенъ, но милостію Божіей почиталъ я иногда и то, что онъ не отрекался отъ такой благотворительной для меня услуги. Кто бы согласился сдѣлать самое то же? Конечно никто. Когда лучи солнца озаряютъ насъ, тогда все около насъ вьется, но стань минуточку въ тѣни, тотчасъ простынешь и никто обогрѣть тебя не пріидетъ. Сестра моя свободная жила съ матерью своей близь нашего дома, и такъ мы могли видѣтся чаще, нежели прежде, живучи въ отдаленной разлукѣ. Эти одни семейныя удовольствія разбивали нашу скуку. Жена моя Москву ненавидѣла, но благоразумно покорялась обстоятельствамъ, снисходила моему къ ней пристрастію и никуда почти не выѣжжая въ уединеніи времянемъ не скучала; она его украшала трудами, читала, работала, пеклась о дѣтяхъ и искала случаевъ умѣрять мою тоску своими разсудительными бесѣдами. Ежедневное свиданіе въ конторѣ съ княземъ Волконскимъ [1]), приблизило меня къ знакомству съ его домомъ. Отецъ его жилъ открыто, имѣлъ два дня въ недѣлю театры, иногда и благородные у него давали спектакли; все это меня торопило съ ними сойтится; скоро я имѣлъ удовольствіе быть въѣжжъ въ ихъ домъ. Мало по малу съ его княжнами познакомился, сталъ искать ихъ пріязни; мало по малу придосталъ къ ихъ пріятнымъ взорамъ; время между тѣмъ улетало на крыльяхъ, и я наконецъ такъ привыкъ быть у нихъ въ ихъ дни, а именно въ понедѣльникъ и четвергъ, что никогда не смѣлъ, бывши въ Москвѣ, проронить изъ сихъ двухъ дней ни одного, чтобы въ ихъ домѣ не отужинать. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Читатель знаетъ, что я нраву привычнаго, а отъ привычки раждаются скоро и пристрастіи, и такъ, я по понедѣльникамъ ждалъ четверговъ, по четвергамъ понедѣльниковъ, и въ томъ проходили всѣ дни моего въ столицахъ пребыванія. Прелестному знакомству почтеннаго ихъ семейства обязанъ я многими сладчайшими удовольствіями въ жизни; они не могли быть вѣчны, и мы проходимъ, но время, въ которое я ими наслаждался займетъ большое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ.

Я выше нѣчто молвилъ о дѣлахъ до Соляной Конторы принадлежащихъ, хотя они въ нее вникали во множествѣ, но успѣха въ ея упражненіяхъ ожидать было невозможно, будучи сама подъ Сенатомъ и не имѣя гроша денегъ въ своемъ распоряженіи, обязала будучи на всѣ свои расходы просить вниманія Государственнаго Казначея, какъ могла она управлять съ пользой, заготовленіями соляными, развозкой и доставленіемъ солей? При Казенныхъ Палатахъ были такъ называемыя камерныя части, особо отдѣленныя, коихъ составленіе еще было смѣшаннѣе нашего, ибо онѣ зависѣли и отъ главной Соляной Конторы и отъ Казенныхъ Палатъ; въ ихъ производство вмѣшивался и начальникъ губерніи, слѣдовательно онъ и Казенныя Палаты не завися отъ Соляной Конторы, посылали свои представленія прямо въ Сенатъ, тогда какъ камерная часть, находя въ чемъ нибудь худое съ ихъ стороны, еще списывается

[1]) Кн. Михаилъ Петровичъ, камергеръ, † 1845 г., его отецъ — д. т. с. Петръ Михайловичъ, † 6 окт. 1797 г.; кромѣ кн. Михаила у него было 3 дочери, Елизавета, Варвара и Марія. Авторъ записокъ ухаживалъ за средней. См. „Капище“.

должна была съ Соляной Конторой, а та входила въ Сенатъ, и такъ существованія ея было излишнее и больше вредно, нежели выгодно для казны. Въ такомъ состояніи нашихъ дѣлъ я исправлялъ одну форму, то есть ѣздилъ туда по утрамъ, слушалъ безъ вниманія толстыя тетради вздора и гдѣ не предусматривалъ большой бѣды, тамъ прикладывалъ мою руку въ ожиданіи Директора, который ѣжжалъ поздо, а безъ него ничего и одинъ Поярковъ заготовлялъ доклады. Я писывалъ письма къ моимъ старымъ пензенскимъ друзьямъ, съ которыми переписка моя еще продолжалась и иногда твердилъ роли для благородныхъ театровъ. Чтобы время проводить еще пріятнѣе я ѣжжалъ за городъ по свободнымъ днямъ, пользуясь прекраснымъ тогдашнимъ лѣтомъ, и нанимадъ пополамъ съ Салтыковымъ ложу въ театрѣ, въ которомъ по пристрастію моему не пропускалъ ни одного зрѣлища, сколь они тогда дурны ни были, но такъ долго живши въ провинціи, мнѣ простительно было находить прекраснымъ много такого, что изнѣженнымъ москвичамъ казалось посредственнымъ, или даже и худымъ, послѣ продолжительной скуки, какова была моя въ Пензѣ и бездѣлка радуетъ. Жена будучи отягощена беременностію своей до той степени, что не могла безъ костыля ходить, чувствуя сильную боль въ ногахъ, сидѣла и по склонности, и по необходимости все дома. Скуку ея умножалъ Салтыковъ, которой благотвореніями своими и услугами покупалъ право надоѣдать ей всякими вздорными новостьми, а тогда Москва больше нежели кто нибудь ими щеголяла; всякая почта привозила что нибудь новое и когда часу отъ часу страннѣе. Къ Петрову дню ожидали большихъ милостей. Снова надежда польстила и жену мою; она дабы не укорить сама себя пренебреженіемъ малѣйшаго случая ко счастію своего семейства, разсудила опять при поздравительномъ письмѣ, принести новую прозьбу о улучшеніи нашего состоянія со стороны достатка. Но когда судьба чего не хочетъ, тщетны тамъ всѣ усиліи, и на сей разъ постигла насъ неудача; прозьба осталась безъ отвѣта и безъ успѣха. Здѣсь я не могу не остановить теченія историческихъ приключеній жизни моей и не сдѣлать замѣчанія на счетъ обращенія двора тогдашняго съ моей женой.

Положимъ, что собственныя мои шалости, каковою долженъ я признать приключеніе мое съ У... [1]), въ Пензѣ и служили поводомъ ко всѣмъ тѣмъ несчастнымъ случаямъ, которыя Провидѣніе влекло на судьбу мою какъ бы мстя пороку, до новой и будущей жизни, уже въ здѣшней. Положимъ, что Императоръ Павелъ, бывъ недоволенъ поведеніемъ моимъ, не зная обстоятельствъ семейныхъ нашихъ и почитая меня притѣснителемъ жены моей, хотѣлъ въ обидахъ дѣлаемыхъ мнѣ, вступиться за нее; но когда онъ слышалъ ея обо мнѣ убѣдительныя просьбы въ разлукѣ со мной, слѣдовательно, никакое принужденіе мое дѣйствовать не могло; когда онъ видѣлъ изъ слезъ ея и неотступныхъ о пользѣ моей исканій, что мы составляемъ одного человѣка и что наши выгоды суть одни и тѣ же, тогда непонятно было его упорство сдѣлать что либо въ мою пользу. Въ томъ ли, въ другомъ ли случаѣ, все кажется налагало на него обязанность вспомоществовать женѣ моей; буде она была бы отъ меня несчастлива, тѣмъ болѣе причинъ доставить ей состояніе, которое принадлежа ей собственно сдѣлало бы ее независи-

[1]) Улыбашева, Елизавета Александровна; см. выше.

мой отъ мужа недостойнаго, на противъ принудило бы сего послѣдняго, есть ли не изъ любви, то изъ видовъ корысти обращатся съ ней лучше; есть ли она въ мужѣ счастлива и простила ему тѣ проступки, коими прежде притѣсняема была ея участь, есть ли она сама его столько любитъ, что для него подъемлетъ такія подвиги, какими я былъ обязанъ безподобной женѣ моей, то за что же Двору больше всѣхъ на меня разсердится и мстить за шалости, позабытыя даже и тѣмъ благороднымъ лицемъ, которое болѣе всѣхъ ими оскорблятся имѣло право, то есть, жена моя, слѣдовательно поступки Двора въ разсужденіи ея были не только несправедливы но даже и безразсудны. Опредѣляя меня въ службу, давая мнѣ жалованье, они все таки, мнѣ же подчиняли ту женщину, о которой они думали, будто она отъ меня несчастлива, а такимъ образомъ не ее ли они губили еще больше, поставляя ее въ пущщую отъ меня зависимость? Есть ли они предполагали меня худымъ мужемъ, не ея ли жребій они отягощали безъ причинъ и безъ вины? Кто разстолкуетъ такую странную логику? . . . . вмѣсто Кондиліяка когда они прочтутъ артикулы лучшаго предка своего Петра I, они думаютъ что все знаютъ и достаточно свѣдущи . . . . не шахматный столъ, на которомъ . . . . пѣшки двигаетъ и роняетъ, а слуга поднявши съ пола опять на столъ поставитъ. Нѣтъ! что на этомъ столѣ сидя уронишь, то не только слуги — часто и Богъ самъ поднять не можетъ. Оставимъ ихъ и поговоримъ о такомъ дѣлѣ, въ которомъ мы чуть не опрокинулись въ глубины морскія, или лучше сказать едва не попали въ зіяющей зѣвъ . . . . онъ всегда былъ отверстъ, вседневно приносила ему судьба новыя жертвы. Никогда нельзя было согласится правильнѣе съ сей давно проповѣданной истинной, что . . . . какъ во времена Павловы. Пусть спросятъ Россію всю, правду ли я говорю. Она еще нынѣ курится кровію несчастныхъ, а слезъ ихъ глазъ болѣе возсылается чѣмъ благословенія людей имъ возвеличенныхъ. Полно!

Соляная Контора находила себя въ необходимости тотчасъ заключить контрактъ на поставку соли въ Орелъ, но какъ быть? Законъ ни какому мѣсту не позволяетъ заключить безъ Сената контракты выше десяти тысячъ. Здѣсь обстоятельства были понудительныя и тѣсныя. Орловская губернія терпѣла недостатокъ въ соли; двухгодичные капиталы на извороты соляные при Екатеринѣ вездѣ отчисленные, были княземъ Куракинымъ отобраны въ казну, яко суммы напрасно въ палатахъ казенныхъ хранящіяся и подающія поводъ къ соблазнамъ даже и къ самому расхищенію. Правда что примѣры подобные случались, но лучше по мѣстамъ прекратить злоупотребленія, нежели нужнаго средства лишить вдругъ всѣ губерніи.

Князь Куракинъ этой мысли не захотѣлъ держаться и распорядился такъ, чтобы изъ общихъ доходовъ на доставленіе соли получаемы были деньги. Соляного капитала въ самомъ веществѣ, то есть двухъгодовой препорціи нигдѣ не было, потому что препорціи вездѣ были разчитываемы не по расходу, а по сдѣланному прежде положенію, съ которымъ поелику расходъ не соглашался, то гдѣ и были пропорціи соли на два года, тамъ они приходя ежедневно въ ущербъ для дополненія годового продовольствія, наконецъ всѣ сіи запасы исчерпались, и прежде всѣхъ Орловская губернія почувствовала оскуденіе въ соли. По обстоятельствамъ

дѣлъ ея тогдашнихъ надлежало или заключить тотчасъ договоръ съ Злобинымъ которой силенъ будучи необходимостью не хотѣлъ ждать ни дня отсрочки, или подвергнуть губернію недостатку въ соли и рисковать, что Губернаторъ пожалуется Павлу, который всю Соляную Контору за завтракомъ проглотитъ. Долго мы думали, тужили, наконецъ рѣшились и заключили контрактъ и Сенату отрапортовали; Генералъ прокуроръ поступкомъ симъ Конторы приведенъ былъ въ крайнее волненіе и за нарушеніе Конторою при самомъ началѣ своего существованія коренныхъ узаконеній, за раздѣленіе правъ самого Сената, требовалъ настоятельно, чтобъ о всѣхъ насъ поданъ былъ докладъ къ Императору. Чтобъ онъ съ нами сдѣлалъ, право отгадать трудно, но думаю, что не размѣшилъ бы. Кроткой Васильевъ будучи друженъ съ нашимъ Директоромъ, отвелъ эту грозную тучу и кончилось дѣло для насъ только негодованіемъ Сената, но не такъ дешево отдѣлался прокуроръ. Князь Куракинъ имѣя его въ непосредственномъ своемъ вѣдомствѣ, тотчасъ отрѣшилъ отъ должности и заставилъ слоняться безъ мѣста по Москвѣ, и очень долгое время. Вотъ какъ текли дѣла въ главной Соляной Конторѣ. Я не стану о нихъ подробно разсуждать, потому что это ни мало не принадлежитъ къ собственной моей исторіи, а болѣе всего потому, что ето скучно. И такъ прошу позволить мнѣ воротиться домой и тамъ посмотрѣть что дѣлается, но вездѣ, вездѣ мало хорошаго.

Въ іюнѣ скончалась мама [1]) моя, добрая старушка Марья Карповна. Она была весьма ветха и съ дня на день давно ожидаема была смерть ея; правда что люди всѣ должны умирать и что къ етому привыкнуть отъ начала міра надлежало, особливо меньшее сострадание кажется имѣть должно о тѣхъ, кои до старости доживши глубокой, плотятъ необходимую дань природѣ въ такія лѣта, когда уже она истощила къ человѣку всѣ свои снисхожденія; но при всемъ томъ жаль человѣка, къ которому мы привязаны, даже и послѣ ста лѣтъ жизни его лишиться. Она приняла меня на свои руки отъ утробы матери моей, и за всѣми за нами ходила съ участіемъ искреннимъ а, не наемничьимъ; она насъ любила безъ притворства и была одарена свойствами кроткими, справедливыми. Мы ее любили отъ младенчества и до зрѣлыхъ возрастовъ нашихъ всегда съ одинаковымъ усердіемъ, и я священной чту обязанностью до нынѣ вспоминать о имени ея, не иначе какъ съ благоговѣніемъ достодолжной признательности къ ея трудамъ.

Послѣ легинькаго сего движенія въ чувствительномъ моемъ сердцѣ, судьба сильнѣйшимъ потрясеніемъ его разсроила въ августѣ; беременность женина приходила къ послѣднему сроку; тягость ея была непомѣрна; 10-го числа по утру почувствовала она признаки приближающихся родинъ и потребовала помощи; будучи терпѣливаго свойства по природѣ и крайне великаго духа, она до самыхъ послѣднихъ минутъ обходиться любила безъ бабки, но когда сія освидѣтельствовавъ нашла невозможность родить безъ помощи Акушерской и послано было за нимъ, то я отъ сего извѣстія потерялъ весь разсудокъ и робость превозмогла всѣ прочія чувства. Жена напротивъ съ мужествомъ къ тому приготовлялась, ни мало не тревожилась, но спасая только меня не позволила мнѣ ни быть тутъ при операціи, ни состояніемъ моимъ дѣйствовать на ея душу,

[1]) Т. е. нянька.

сбирающую на ту минуту внутрь себя всѣ свои силы. Искуснѣйшій операторъ г. Бергманъ, старикъ опытной и сердобольной скоро прибылъ къ намъ на помощь; онъ осмотря положеніе жены, нашелъ ее беременной двумя младенцами, изъ нихъ ни одинъ не могъ самъ собой безъ помощи рукъ его родиться. Къ счастію не нужны были никакіе инструменты, и скоро Бергманъ открылъ свѣтъ двумъ близнецамъ нашимъ, но сіе скоро тогда было очень длинно и для насъ мучительно. Извѣстіе о родинахъ жены моей произвело во мнѣ сильную радость; ее описать нельзя ничѣмъ; восхищеніи сего рода такъ непосредственно овладѣютъ сердцемъ, что съ разумомъ долго не соберешься, дабы самому себѣ изъяснить свое состояніе, не только умѣть съ другимъ раздѣлить свои чувства. Перьвая минута свиданія моего съ женой послѣ нашихъ страховъ, кои при всей скромности свойствъ ея конечно и ее тревожили, ета перьвая минута ни изъ какого пера не вытечетъ на бумагу. О! какъ трудно пролить на ней пламенныя чувства сердца въ сильныя движеніи отъ любви приведеннаго! Я обнимаю бабушку, Бергмана, жену, мать, дѣтей, и всѣхъ; всѣ даже служители наши въ тотъ мигъ благословенный, въ которой десница Вышняго по счастію еще ее спасала, казались мнѣ друзьями; всѣ водворялись въ мою душу, она открыта была ко всѣмъ благосклоннымъ побужденіямъ. Дѣти наши вновь рожденныя были оба мужескаго пола, они названы были Рафаиломъ и Дмитріемъ. Перьвое имя избрано было прежде, второе вдругъ вошло въ голову и оно сохранилось въ память родного дяди отца моего князя Дмитрія Ивановича [1]) въ Кіевѣ скончавшагося. Они казались такъ слабы что нельзя было откладывать крестинъ и потому мать моя съ Александромъ Васильевичемъ Салтыковымъ въ тотъ же день принимали ихъ отъ купели, но страхъ сей былъ напрасенъ; они начали оправляться и стали жить. Жена моя была въ большомъ изнуреніи силъ, однако по худому состоянію тѣхъ комнатъ въ коихъ мы жили пока отдѣлывались настоящія наши покои, торопились мы въ нихъ перейти, и дѣйствительно 19 августа перешли, и въ новыхъ комнатахъ отправили крестильный пиръ, въ которомъ Доктора не попрепятствовали женѣ моей съ умѣренностію принять участіе. Гдѣ быть бѣдѣ, тамъ и малая причина важныя родитъ послѣдствія. Комнаты, въ коихъ мы жить начали были росписаны, стѣны еще содержали въ себѣ нѣкоторую сырость; она подѣйствовала на нѣжные органы жены моей, которая и безъ того уже приведена была въ безсиліе, притомъ переходъ на новоселье скоро послѣ такихъ трудныхъ родинъ, хотя и въ хорошее время, привѣтствіе дѣтей, ласки окружающихъ, радостные взоры участвовавшихъ въ ея спасеніи, послѣ толь критическихъ минутъ, все ето расположило сердце къ излишнимъ движеніямъ, а движенія сего рода никогда физическому составу нашему даромъ не проходятъ. Отсюда при недостаткѣ бережливости родилась простуда, которая свалила жену мою въ постель и она не занемогла только, но начала хворать. Матушку отвлекли хозяйственные недосуги опять въ Подмосковную; жатва и разныя распоряженія сельскія требовали паче ея присутствія тамъ, нежели оно могло быть нужно въ Москвѣ. И такъ мы остались опять въ скукѣ, занимаясь посѣщеніями врача нашего Политковскаго [2]) который еще имѣлъ

[1]) Род. въ Березовѣ 1738 г., ум. въ Кіевѣ 1769 г.
[2]) См. о немъ въ „Р. Б." 1913 г. Извѣстный московскій врачъ и благотворитель.

довольно къ дому нашему приверженности чтобы прилѣжно лѣчить жену мою, и стараться о средствахъ избавить ее отъ простуды.

День ото дня жена разнемогалась и выдержала продолжительную болѣзнь, такъ что до октября отъ дня родинъ своихъ не смѣла и подумать вытти изъ своей спальни; по нѣкоромъ облегченіи начали мы думать о выѣздахъ. Между тѣмъ и матушка проведя остатокъ лѣта въ Никольскомъ возвратилась въ Москву; вездѣ конопатили окны въ ожиданіи зимы съ ея морозами и скукой, а я заранѣе воображалъ о удовольствіяхъ театра и о каминѣ. Но прежде зимы еще, вотъ какое случилось обстоятельство. Кн. Юрій Владимировичъ Долгорукій [1]) который въ званіи Генералъ Губернатора или Военнаго Губернатора по тогдашнему, управлялъ Москвой, предложилъ Государю какое то мнѣніе свое на счетъ постройки казармъ; тогда все что ни придумывали къ пользѣ людей военнаго состоянія, все было принято съ удовольствіемъ. На эту мысль вышло повелѣніе собрать Дворянство и изъ нихъ назначить Депутатовъ для расположенія, по скольку съ кого изъ городскихъ обывателей взносить должно на помѣстныя казармы. Дворяне собрались, и хотя не было между ими и сотой доли живущихъ въ Москвѣ, но все было довольно много для спору и шуму. Любопытство, или сказать правду бездѣйствіе и меня туда занесло, ибо по утрамъ въ Соляной Конторѣ я былъ лишній, а тамъ по крайней мѣрѣ могъ на ряду съ людьми шумѣть и пробовать силу моего голоса. Депутатовъ выбирали по балламъ и какъ то попало такъ много избирательныхъ на мою сторону, что и я сдѣлался нечаянно Депутатомъ. Большой крикъ былъ началомъ совѣщанія нашего; иной думалъ такъ, другой иначе, ничего не положа разъѣхались, назначивъ собранію быть дни черезъ два, а я пріѣхавъ домой, подумалъ объ етомъ прилежно съ домашними и разсудилъ слѣдующее. 1) Остаться депутатомъ и согласиться на что нибудь противное Государю, бѣда. 2) Придумать въ угодность ему такое положеніе, отъ котораго потерпятъ обыватели, бѣда передъ совѣстью, которая житья не дастъ своими манерами, а у ней ихъ очень много, когда она возстанетъ противъ хозяина. 3) Отказаться отъ избранія удобно и возможно, ибо я былъ при должности, и сіе послужило бы мнѣ въ отговорку правильную передъ своей братьей. Надлежало только о семъ посовѣтоваться предварительно съ Долгорукимъ и етотъ случай меня ввелъ въ тѣсное съ нимъ знакомство. Я къ нему пріѣхалъ, объяснилъ мои причины; онъ ихъ выслушалъ, нашелъ основательными, и далъ мнѣ свободу отозватся, увѣря что ето его не тронетъ, а меня могло успокоить тѣмъ болѣе что городъ роптать начиналъ на него за ету выдумку, и могъ бы я понести часть нѣкоторую негодованія общаго на себѣ какъ однофамилецъ его; и такъ я отозвался. Товарищи мои Депутаты же сперьва не много посѣтовали, а потомъ всѣ они подъ разными предлогами тоже сдѣлали, и депутатская ета коммисія какъ и многія другія учрежденія исчезла въ самомъ своемъ началѣ, не сдѣлавъ по крайней мѣрѣ никому вреда

Дома между тѣмъ дѣлалось весьма доброе дѣло. Дѣтямъ нашимъ Алексашѣ и Антонинѣ расположилась жена привить оспу, но для сего надлежало ихъ отлучить отъ самыхъ маленькихъ дѣтей; Солтыковъ представилъ къ тому легчайшій способъ; онъ взялъ ихъ и съ доброй мамкой

[1]) Ген. отъ инфант., род. 1740, † 1830 г.

нѣмкой къ себѣ на квартиру. Туда ѣздилъ къ нимъ докторъ Воспитательнаго дома Г. Берковичъ; связь его съ Солтыковымъ, по одному вѣдомству съ стороны службы доставляла дѣтямъ нашимъ неусыпныя его попеченія. Они шесть недѣль тамъ прожили и благополучно отъ болѣзни сей выздоровѣли, а потомъ и домой къ намъ возвратились. Близнецы росли и приходили въ силу; все бы изрядно, но жена, выѣхавши въ октябрѣ опять простудилась и долго лежала. Зима, суровая зима, лишила ее всѣхъ способовъ скоро оправиться, и она сколько по склонности своей, столько и по болѣзни принуждена была дома сидѣть безпрестанно.

Знакомство мое съ Долгорукимъ сдѣлало меня интереснымъ для тѣхъ, кои въ немъ имѣли нужду. Изъ сихъ Столыпинъ [1]) ни за кого кромѣ меня не считалъ для себя полезнѣе ухватится для успѣха въ своемъ предпріятіи. Этотъ помѣщикъ Пензенской жившій въ хлѣбородныхъ своихъ дачахъ до глубокой старости, имѣя одну дочь, пересѣлился въ столицу щеголять комедіантами собственно своими. Охотныя приглашенія, большой домъ, роскошныя вечеринки, театръ и музыка, которые никому кромѣ его гроша не стоили, скоро всю Москву съ нимъ познакомили. Онъ почиталъ себѣ за честь, что больше бояра къ нему жалуютъ, а сіи радовались, что Богъ послалъ такого олуха который ихъ забавляетъ даромъ; слово г р а т и с ъ и въ столицахъ имѣетъ свои прелести. Къ нему съѣжжались, какъ говорится, непротолченая труба народу. Чтобы возвысить цѣну свою въ людяхъ, подражая общей системѣ или вкусу тогдашняго времени г. Столыпинъ разсудилъ дать театръ публичной въ пользу бѣдныхъ. На сіе нужно было дозволеніе Долгорукова [2]). Дабы соединить всѣ выгоды разомъ, Столыпинъ зная и охоту мою къ театру и дарованія въ этомъ родѣ, убѣдительно меня уговорилъ посмотрѣть нѣсколько репетицій его актеровъ, выбрать пьесу, и отъ князя Юрія Владимировича исходатайствовать соизволеніе на его предпріятіе. За все то я взялся охотно, ибо мнѣ нужно было чѣмъ нибудь разбить мрачныя мои мысли и отвлечься отъ безпокойствъ домашнихъ пріятными разсѣяніями внѣ дома. Всякой день Столыпинъ меня угощалъ. Начальникъ города планъ его аппробовалъ, назначилъ я оперу, видѣлъ его художниковъ, наконецъ съ большимъ шумомъ сыграли ее на Московскомъ Театрѣ въ пользу бѣдныхъ. Въ етотъ вечеръ Столыпинъ былъ на тронѣ, а я почти съ нимъ рядомъ, слава весьма убогая, но всякой пользуется той какая есть. Павелъ школилъ солдатъ своихъ на площади, а мы съ Столыпинымъ актеровъ на театрѣ. Тамъ иногда было холодно, всегда скучно, и рѣдко проходило утро безъ несчастія, а у насъ всегда шумно, весело, и рѣдкой вѣчеръ проходилъ безъ любовныхъ потѣхъ, къ которымъ Бахусъ присоединялъ свои услажденія, и въ нашей труппѣ гораздо крѣпче спали, нежели въ казармахъ Императорской Гвардіи, гдѣ и во снѣ грезится только фрунтъ да прусскія шляпы съ длинными ихъ косами. Какой несчастной екипажъ для веселья! Конецъ Столыпиной комедіи былъ концемъ почти и нашего знакомства. Онъ изъ вѣжливости продолжалъ меня звать къ себѣ и послѣ, а я ѣздилъ, но мы не свели хорошей связи между собой и ети восемь дней суетъ заняли весьма короткой мигъ въ лѣтописяхъ какъ сердца моего такъ и разума; ни

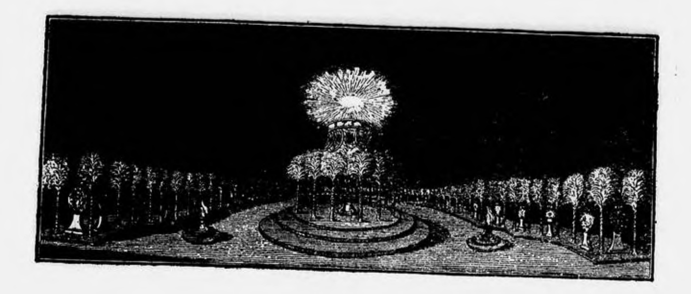
[1]) Алексѣй Емельяновичъ, извѣстный меценатъ и любитель театра, см. о немъ у Пыляева, „Старая Москва“.
[2]) Т. е. генер.-губернатора.

первое не разгорѣлось, ни послѣдней не повредился, все осталось in statu quo. Послѣ всякихъ увеселеній или заботъ, домъ мой, жена, дѣти брали верхъ надъ всѣми предмѣтами въ мірѣ, и я къ нимъ съ новымъ и сильнѣйшимъ жаромъ обращался.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ получилъ я отъ князя Куракина письмо въ которомъ онъ по имянному указу дѣлалъ мнѣ выговоръ за худомое обращеніе съ женой, и за отступленіе мое отъ обязанностей супружескихъ. Ето письмо у меня до смерти моей сохранятся будетъ, какъ самой сильной знакъ моимъ потомкамъ несправедливости Павловой. Оно писано было ко мнѣ отъ Генералъ-Прокурора по поводу доклада ему Сенатскаго о дѣлѣ обиды моей (Улыбашевыми) мнѣ нанесенной. Я никогда не искалъ узнать чѣмъ ето дѣло по Сенату кончилось, какое было имъ сдѣлано опредѣленіе? свѣдалъ только скоро потомъ, и то нечаянно отъ сестры большой, что онъ прощенъ. Ето извѣстіе меня сильно тронуло и ввергло въ безчувственную задумчивость такъ, что я въ нѣсколько дней едва молвилъ ли съ кѣмъ нибудь даже изъ семейныхъ два слова. Я не стану здѣсь какъ юрисконсултъ говорить о цѣлости законовъ, которые всѣ рѣшеніемъ симъ были нарушены, я не стану говорить о нихъ потому что они въ Россіи не существовали никогда и впредь существовать не будутъ; ввѣрятся имъ въ нашемъ отечествѣ есть дѣло безрасудное, но посмотримъ на письмо и выговоръ императорской, за что онъ мнѣ его дѣлалъ? За то положимъ (хотя читатель въ етомъ меня нигдѣ не нашелъ случая уличить) что я былъ невѣренъ женѣ моей. Худое дѣло! Но образцовое ли! и потому долженъ ли былъ я одинъ изъятъ быть изъ числа тысячъ мнѣ подобныхъ для наказанія столь примѣрнаго и уничижительнаго. За то ли что я развелъ мужа съ женой? но любили ли ужъ они другъ друга, и не разводились ли нѣсколько разъ гораздо прежде моего въ немъ участія? Павелъ, самъ Павелъ осмѣлится ли у Престола Вышняго укорить меня въ дѣлахъ сихъ, когда онъ самъ превзошелъ въ жестокости хищнаго леопарда? Онъ отдавалъ справедливость достоинствамъ жены моей въ томъ письмѣ, которое мнѣ отъ имени его диктовалъ Генералъ Прокуроръ; онъ какъ бы въ отмщеніе его дѣлалъ мнѣ поносной выговоръ, но она его о томъ не просила, и когда безподобная жена сія меня въ заблужденіяхъ моихъ простила, кто возлагалъ на него суровой долгъ отмщенія мнѣ за нее? Съ какой справедливостью согласно было отказать ей въ нужномъ пропитаніи, не дать ей ничего, раздавая все царство многимъ, подчинить ее моей волѣ, моимъ доходамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ополчиться противу меня и бранить меня за то, за что уже она все позабывши и косаго взгляда мнѣ не посылала. Онъ въ етомъ письмѣ велѣлъ выхвалить жену мою, а когда она просила хлѣба, можно сказать, онъ отъ нее отворачивался. Есть ли во всемъ поступкѣ Павла, какая нибудь малѣйшая черта правосудія и человѣчества; нѣтъ! онъ былъ только одѣтъ въ кожу человѣка, всѣ внутреннія его части были хищны и злы. Я пишу сіе одинъ въ своемъ кабинетѣ; меня никто кромѣ Бога не слышитъ и не видитъ. Пусть Всемогущій воздастъ сему Царю за все то, что мы отъ него претерпѣли. О какъ бы еще онъ счастливъ былъ, естьлибъ одинъ мой гласъ услышался въ горнемъ царствѣ. О! Нѣтъ! тамъ, тамъ вся Россія съ нимъ суда вѣчнаго ожидаетъ! Оставимъ его и лютыя объ немъ воспоминанія. Тѣло его я думаю уже згнило хотя и въ золотомъ гробѣ сокрыто. Ничто отъ тлѣнія насъ на спасетъ.

Печаль одна никогда не приходитъ, всегда съ ней есть сотоварищи. Такъ и въ етомъ состояніи довольно непріятномъ уже и самомъ по себѣ, обремѣняли меня долговыя хлопоты. Я оставался долженъ тысячу рублей въ Пензѣ тамошнему коменданту по векселю, которому истекалъ годовой срокъ. Етотъ немѣцкой глухой полковникъ приступалъ ко мнѣ безъ милости; всякой въ своемъ добрѣ воленъ: „долгъ платежемъ красенъ“, и прочія подобныя пословицы были основаніемъ поведѣнія со мной етаго неумолимаго цесарца, который въ денежныхъ дѣлахъ зналъ только два слова: протестъ и процентъ. Онъ отсрочить не соглашался, требовалъ тотчасъ платежа; всякая почта приносила ко мнѣ побудительные его грамотки, но ни откуда ни одна не приносила денегъ на расплату, а взять мнѣ было ихъ негдѣ. Что далѣе медлилъ я удовлетвореніемъ его требованій, то больше онъ грозилъ жалобами на меня Государю. Положеніе мое не дозволяло мнѣ шутить такими угрозами, они могли имѣть самыя несносныя послѣдствія, хотя законы меня бы и ничему слишкомъ тягостному не подвергали, но Павелъ и законы были двѣ противуположности; онъ рѣшалъ все по своей фантазіи. Кое какъ я перехватилъ взаймы въ Москвѣ деньги подъ кружку, лошку и разныя домашнія мелочи и заплатилъ Пензенскому Господину Коменданту полковнику Косу. Октябрь мѣсяцъ казался назначеннымъ на испытаніе сердца моего со всѣхъ сторонъ. 6 числа умеръ кн. Волконскій, отецъ того семейства куда я сдѣлался въѣжжъ; въ немъ лишились дочери его друга и единственной подпоры; братъ ихъ не замѣшкался дать имъ почувствовать, что онъ можетъ глупыми издержками и мотовствомъ своимъ разстроить все ихъ состояніе и чѣмъ болѣе къ тому стремился, тѣмъ потеря ихъ была имъ чувствительнѣе; я дѣлилъ ее искренно съ ними и учащалъ мои посѣщенія, отъ которыхъ сердце мое болѣе и болѣе таило.





По выздоровленіи жены моей отъ простуды мы завели для сокращенія зимнихъ вечеровъ у себя маленькіе съѣзды пріятельскіе, а къ тому домъ Волконскаго познакомилъ меня съ княземъ Трубецкимъ [1]), господиномъ богатымъ, у котораго домъ былъ большой, театръ прекрасной, во всѣхъ трубкахъ горѣли свѣчи, тьма народу и сквозь огней различить нѣкогда было въ окошки хороша или дурна погода, а чувствовать ее мѣшали нѣсколько десятковъ печей, которыя исправно топились. Въ етомъ славномъ домѣ заводился спектакль между благородными людьми — какъ меня не позвать въ труппу? а мнѣ какъ не пойтить? То и другое очень скоро состоялось и я сдѣлался между ими актеромъ. Тутъ какъ обыкновенно на всѣхъ театрахъ начались интриги и сплетни, суеты и недосуги. Я отсталъ отъ вольнаго театра; срокъ ложи нашей съ Солтыковымъ истекалъ; цѣна на нихъ возвысилась и я не разсудилъ брать ее на будущій годъ. Довольно забавъ было и безъ того. Репетиціи у Трубецкого доставляли намъ большія увеселенія; мы ссорились за роли и мирились по триста разъ на день; большаго у насъ никого не было; хозяинъ былъ всеобщій слуга; жена его прекрасная женщина, знакомая мнѣ еще въ дѣвушкахъ, и изъ строгой бѣдности, попавшая въ изобильное состояніе, влюбляла мужа своего безпрестанно въ себя, а сама влюблялась во всѣхъ. Тотъ тѣшилъ ее роскошными издержками, а прочія забавами; время текло скорѣе всякаго ручья, мы не успѣвали считать дней въ недѣлѣ. Какой сильной магнитъ великолѣпныя стѣны, музыка и множество свѣчъ! Всѣ туда бѣгутъ какъ пчелы на хорошенькой цвѣтокъ. Любовь къ веселью есть общая страсть человѣчества. Гдѣ же его искать какъ не подъ крышкой богатыхъ? Трубецкой тогда спѣшилъ показывать, что изъ двадцати шести тысячъ душъ, которыя за нимъ написаны были по спискамъ, можно не имѣя ни души въ самомъ себѣ, ни ума, убить третью долю на фонари и кулисы такъ, что никто и спасибо за то сказать не захочетъ. Вотъ мастерской способъ быть расточительнымъ! Философъ накупилъ бы книгъ, но кто ихъ читать станетъ особливо зимой при свѣчкѣ часто

[1]) Кн. Николай Николай Никитичъ и жена его Варвара Александровна, см. „Капище".

сальной? Боголюбивый человѣкъ надѣлалъ бы колоколовъ, окладовъ, утварей, которыя бы ни кого не забавляли и первыя лишь сонъ отнимали своимъ звономъ. Благотворительный мужъ нынѣшняго вѣка надѣлалъ бы богадѣленъ, госпиталей, о которыхъ писали бы во всѣхъ газетахъ, тогда, какъ заключенныя въ нихъ ожидали смерти безъ врачевства и достаточной пищи. И такъ не лучше ли чтобъ знатные кучи денегъ находились въ рукахъ людей роскошныхъ и щедрыхъ? Конечно лучше, и дай Богъ за ету зиму князю Трубецкому много лѣтъ здравствовать! Онъ простъ, что нужды, у него весело; онъ грубъ, что нужды, у него модно. Онъ пасмуренъ; у него свѣтло. Виватъ богатые простяки! вселенная безъ васъ была бы самая плачевная нора, самая темная пещера, въ которой ученые мудрецы и лѣто умѣли бы сдѣлать несноснѣе зимы своими безпрестанными аксіомами. Комедія наша назначена была въ декабрѣ, но казалось судьба и тутъ позавидовала нашимъ забавамъ. Кто нибудь изъ нашего общества провинился, ибо кончина принца Виртемберскаго, отца Императрицы Маріи Өедоровны, послужила причиной большого въ обѣихъ столицахъ траура, и даже всѣ публичныя позорища были на три мѣсяца заказаны, хотя его никому не было жаль, однако церемоніи придворныя требовали чтобъ видъ скуки покрылъ всѣ городскія лица. Всѣ начали печалиться по указу, а особливо мы; но не о принцѣ, котораго никто въ глаза не видалъ, а о томъ что не удалось сыграть выученной комедіи и блеснуть передъ Москвой. О! есть-либъ иныхъ огорченій на свѣтѣ не было какъ тѣ одни, которыя по наряду показываются между людьми, хорошо бы жить было на свѣтѣ. Сей трауръ однако подлинно былъ для насъ огорчителенъ, потому что пресѣклись частыя съѣзды у Трубецкого и рѣзвости остановились вдругъ такъ, какъ маятникъ въ часахъ которыхъ никто не заводитъ.

Въ такомъ обстоятельствѣ не оставалось ничего иного намъ къ отрадѣ, какъ дворянскіе выборы, которымъ наступило время. Трехъгодичной срокъ ихъ истекалъ въ декабрѣ. Самымъ великолѣпнымъ образомъ призваны были всей Московской губерніи дворяне въ большую залу сенатскаго корпуса. Такъ какъ контора наша была въ сосѣдствѣ съ ней, то я могъ свободно быть зрителемъ свалки; всѣ кричали вдругъ по обыкновенію и никого нельзя было разслушать, но я здѣсь о выборахъ говорить много не стану, они скоро дѣйствующимъ лицемъ меня найдутъ въ службѣ и тогда удобнѣе будетъ мнѣ разсуждать о странномъ ихъ образованіи. Такъ окончился первый годъ царствованія Павла перваго для насъ. Слава Богу, что мы его прожили; и ето милостью Неба почесть было можно. Мы еще были дома съ своими дѣтьми безъ разлуки вмѣстѣ; вотъ прямое и главное благо отца семейства; все прочее по большой части одна химера воспламененнаго воображенія. Ничего нѣтъ выше натуральныхъ удовольствій; они могутъ ли состоять въ чемъ либо иномъ, кромѣ тихой жизни среди своихъ домашнихъ. Горести въ семьѣ, недостатки, нужды, все сноснѣе потому, что каждая такая ноша не падаетъ на одного, но на многихъ, которыя совокупными силами легче ихъ выносятъ. Не знаю всѣ ли такъ думаютъ? Но божусь, что я при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ не мыслилъ никогда иначе, и истинну сію ощущаю въ полной мѣрѣ. О! сколь пріятно такое убѣжденіе, когда около себя видишь милую жену, всѣми дарами природы обогащенную! Не всѣ въ одинакомъ положеніи, тѣмъ болѣе славу Богу, и тысячу разъ слава Богу, что я тогда находился въ подобномъ.

1798.

Посмотримъ на себя, посмотримъ на людей,
То скука, то печаль — нѣтъ дня безъ приключенья;
Минуты безъ тоски, часа безъ огорченья
И вся то наша жизнь не стоитъ двухъ грошей.

Такъ изъяснялся я въ стихахъ нѣсколько лѣтъ ниже и очень къ стати стихи сіи помѣститься могутъ въ заглавіи сего года. Есть неоспоримо какая-то смѣсь въ обстоятельствахъ, которыя то окружаютъ насъ радостьми, то печалью; можно даже сказать объ нихъ, какъ о болѣзняхъ, что они въ воздухѣ. Въ пространной комнатѣ, гдѣ накурено разными благовоніями, съ ними соединяются и людскія испаренія. Не правда ли, что иногда обоняніе наше то пріятнымъ, то непріятнымъ трогается чувствованіемъ? Такъ точно, нравъ такъ и обстоятельства какъ дымъ ходятъ въ поднебесной, и иногда радость, а иногда печаль касаются нашихъ органовъ. За всякую комедію, которую я игралъ въ столицѣ, судьба мнѣ припасала огорченія, и я право не знаю, что изъ двухъ для чего дѣлалось. Забавы ли для разсѣянія моей печали, или печали для уменьшенія восторговъ? Ахъ! гдѣ они, тѣ счастливые годы, въ которые человѣкъ восхищается не думая о будущемъ! Они какъ сонъ проходятъ и когда послѣ етого сна проснешься, то день остальной жизни кажется нестерпимо долгимъ, а время сновидѣнія такъ коротко, какъ день октябрскій.

Въ генварѣ наконецъ разрѣшили забавы, смягчили суровость мнимой печали, и мы у Трубецкого комедію свою сыграли, но какую, я истинно не помню; кажется изъ Аглинскаго Театра Le Bonton. Удачно были розданы роли; всякой находился въ собственномъ своемъ положеніи и рукоплесканія множества зрителей успѣхъ намъ доказали, впрочемъ утвердить етого доказательства нельзя. У привѣтливаго хозяина, ласковые гости готовы всякому скомороху бить въ ладоши. Между тѣмъ сестрѣ моей замужней разсудилось доставить намъ непріятное приключеніе; она съ мужемъ ѣздила въ Петербургъ [1]). Какъ не посмотрѣть Павловыхъ сумятицъ? Тамъ доживши до послѣдняго пути и вмѣстѣ до послѣдняго времяни беремянности, чтобы не завесновать, разсудила пуститься въ путь положась на Русское слово: авось. Оно многимъ служитъ опорой, и въ Россіи безъ него едва-ли бы мы могли считать столько славныхъ побѣдъ, сколько войска наши ихъ наиграли. Ефимовскіе графъ съ графиней поѣхали изъ Петербурга благополучно, но доѣхавши до нѣкоторой деревни въ Тверской губерніи, сестра почувствовала время родинъ, и безъ всякой помощи родила въ избѣ. Слухомъ земля полнится. Скоро дошли вѣсти о томъ въ Москву; стоустная молва все умножаетъ, и такъ сказали сперва, что она выкинула, на завтра занемогла, а дни черезъ два уже и на свѣтѣ ее нѣтъ. Мы свѣдали только съ нарочнымъ прямо отъ нихъ о семъ приключеніи, и сестра моя меньшая [2]) поскакала къ нимъ быть свидѣтельницей нашего

[1]) Гр. Ефимовскій. См. выше.
[2]) Елизавета Михайловна.

участія, но Богу угодно было дать ей еще нѣсколько лѣтъ прожить, хотя не безъ основанія полагать можно, что сей случай былъ началомъ той болѣзни, которая ее съ жизнью разлучила. Извѣстія стали доходить въ лучшемъ видѣ, и скоро они возвратились довольно благополучно домой. Десятаго февраля сестра родила, 14-го меньшая поѣхала, а 23-го всѣ были уже съ нами. Ребенокъ умеръ. Часто мы горюемъ, когда около насъ нѣтъ докторовъ, и думаемъ, что погибли, а я напротивъ, какъ Петрархъ скажу: чортъ ли въ Ескулапахъ. Всему пора и время; пришелъ ли роковой моментъ; ни всѣ лейбъ медики четырехъ странъ свѣта дыханья не продлятъ; напротивъ, естьли человѣкъ еще жить долженъ и безъ лѣкарствъ протянетъ лѣтъ десять. Богъ одинъ держитъ нитку живота нашего, и когда онъ ее рѣжетъ, врачи худые покровители.

Кто читалъ мою исторію, тотъ видѣлъ до сихъ поръ, что когда меня очень бѣды прижимали, иногда прибѣжище мое было къ театру. На немъ я не забывалъ, но разсѣивалъ мрачныя мои мысли. Сердце мое имѣло всегда довольно силы, чтобы перенести и самыя жестокія напасти. Почему я ето знаю скажутъ? Смерть отца моего была хотя и печаль, но печаль натуральная по порядку естества, постигнуть меня рано или поздно назначенная. Правда; но отъ того, что она была въ естествѣ, меньше ли была огорчительна? Всѣ приключенія наши не суть ли естественны? Человѣкъ изъ круга природы никогда не выходитъ, слѣдовательно все, что съ нимъ ни случится, все будетъ натурально. Но ето не заставляетъ заключить, чтобы оно не было тяжело. Послѣдное приключеніе и обида у У(лыбашева) со всѣми ея послѣдствіями конечно напастью почесться можетъ, но ты самъ ее навлекъ, ты самъ ей былъ причиной. Опять согласенъ; но меньше ли отъ того она тяжела и прискорбна? Итакъ, отразивъ противорѣчіе, утвердительно скажу, что сердце мое сильно, и силою несчастнаго перенести удобно, но воображеніе боязливо и мрачно, а отъ того и нужно бывало мнѣ всегда разбивать свои мысли, потому что они часто отъ меланхолическаго моего свойства бывали такъ черны, что возмущалось отъ нихъ воображеніе, и я нерѣдко близокъ бывалъ къ тому, чтобъ сойти съ ума. Для того то и жена моя меня часто посылала въ гости, во времена своихъ болѣзней, дабы я менѣе страдалъ. Я не былъ охотникъ ни до собакъ, ни до винъ, ни до картъ, любилъ однихъ людей и очарованій, слѣдовательно одинъ театръ способенъ былъ приводить въ движеніе пылкія мои чувства и занимая ихъ, хотя не надолго отвлекать отъ предметовъ печальныхъ. Такъ точно и во время весны сего года, убѣгалъ я дома своего, въ которомъ всякая минута сопровождаема была горькими слезами. Жена моя начала такъ сильно харкать кровью и такъ неумѣренно часто, что Политковской, ея докторъ, да и прочіе ѣздившіе къ ней на консиліи, не предвидѣли въ животѣ ея надежды. При всемъ своемъ великодушіи, теряла и она всѣ упованія остаться въ мірѣ. Политковской однажды не обязуясь ей сказалъ: чтобы она готовилась въ Донской [1]), ибо онъ уже не знаетъ никакихъ средствъ къ ея спасенію; все сіе дѣлалось въ ней однако безъ сильныхъ изнеможеній; она даже не лежала, но или что нибудь работала, или читала книги, и каждая минута, каждый звукъ ея кашля грозилъ дому бѣдой. Увы! какая картина! какая

[1]) Т. е. на кладбище Донского монастыря.

бѣдственная полоса въ жизни! Всѣ усилія врачей часъ отъ часу становились болѣе безполезны, но Богъ, еще Богъ, сей великой цѣлитель души и тѣла не подписалъ приговора ея кончины. Онъ еще былъ приклоненъ къ ея вздохамъ, моимъ слезамъ, и молитвамъ праведныхъ, коимъ она въ тайнѣ милостыню творила. Богъ ее сохранилъ тогда, какъ менѣе всего етого ожидали. Въ одинъ день послѣ послѣдней почти консиліи на удачу доктора ей предписали пить кобылье молоко; новость ли сего средства, или страхъ приближающагося конца, такъ сильно подѣйствовали на ея нервы, что кровь унявъ гортанные свои потоки, обратилась къ натуральнымъ ея источникамъ. Жена получила бодрость, силы и молоко кобылье возродило ее какъ бы снова; оно ли сіе произвело? Конечно оно, по самому натуральному свойству своему и дѣйствіи на слабыя груди, но я тогда приписывалъ сіе Богу, и тѣмъ былъ еще вѣрнѣе въ своихъ надеждахъ. Сіи строки будутъ имѣть свое истолкованіе послѣ, до тѣхъ поръ пусть они и странны и безбожны покажутся, не о томъ здѣсь разсуждать мы будемъ, а обратясь опять къ себѣ, удивлю читателя, когда скажу, что между всѣми етими мучительными не днями, а недѣлями, я игралъ комедію. Меня таскали на пробы, жена требовала, чтобы я ими занимался и не былъ дома, потому что будучи мнителенъ, робокъ, не могъ никогда скрыть своихъ чувствъ; они печатались во всѣхъ чертахъ моего лица, и приводили только въ пущій страхъ самую жену мою, которая и отъ собственнаго своего состоянія, и отъ моихъ внутреннихъ болѣзней была сугубо терзаема. Чего она не перенесла въ ето время!

Здѣсь обязанъ я снова выразить ужасную черту характера Императрицы; желалъ бы молчать, но духу не ставало переносить все то что она съ нами дѣлала; пусть по крайней мѣрѣ бумага приметъ, потомство по ней прочтетъ до какой степени она съ нами сурово обходилась. Противъ нашего дома въ Москвѣ, за Московой рѣкой, былъ такъ называемый скотный дворъ, воспитательному дому принадлежащій, въ которомъ для пріѣзда опекуновъ или чиновниковъ отдѣлены были покои; Доктора совѣтовали женѣ моей переѣхать за городъ и тамъ врачевать чистымъ воздухомъ. Ничего лучше нельзя было пріискать етого загороднаго дома. Жена, обратя на него свои виды, испрашивала позволенія у Императрицы туда на одно лѣто переѣхать и въ етомъ ей было отказано, — а для чего? Для того, что Императрица назначила въ етомъ домѣ прививать коровью оспу нѣсколькимъ дѣтямъ Воспитательнаго дома. О семъ поступкѣ послѣ предшествовавшихъ обстоятельствъ при воспитаніи и свадьбѣ жениной нѣтъ нужды много разсуждать; всякой прочтя сіи строки остановится и съ негодованіемъ глаза вскинетъ на небо. Умирающая жена, питомица, не могла успѣть и въ томъ, чтобы ей дали уголъ на скотномъ дворѣ для обольщенія мыслей, для услажденія мнимой надежды, что сіе убѣжище будетъ спасительно!

Посреди всего того я занимался театрами, ролями, представленіями. Не приходи однако любезной сынъ мой, ты для кого я ето болѣе пишу нежели для всей публики, не приходи отъ этого въ ужасъ. Какъ! мать моя умирала а отецъ мой игралъ комедіи. Такъ мой другъ, такъ, странно, непостижимо, особливо при той любви, которую я имѣлъ къ женѣ моей, безподобной Евгеніи; но пусть кто либо изслѣдуетъ каковъ я былъ даже въ самыя зрѣлища за кулисами какое на мнѣ

представлялось лицо. Одно изступленіе театра когда я на немъ болталъ свою ролю, казало меня согласнымъ съ моимъ положеніемъ; одно искусство въ игрѣ служило публикѣ пріятнымъ можетъ быть очарованіемъ, но какъ скоро я сходилъ съ подмостовъ и входилъ съ самаго себя, тотъ часъ тоска, печаль, страхъ ѣли мое бѣдное сердце. Я отъѣжжалъ домой думая: ну я теперь уже друга моего не застану! Кто уразумѣетъ ети волненія кромѣ того, кто ихъ испытывалъ? Ахъ! не теперь ли, не сейчасъ ли смерть у меня все отнимаетъ? О какъ содроганія сіи мучительны! Блаженъ кто объ нихъ по книгамъ только имѣетъ понятіе! — Чувствовать какъ на свѣтѣ есть адъ, мучительнѣй ожидаемой грѣшниками геены! есть тартаръ, которой одинъ Творецъ Натуры силенъ былъ помѣстить среди рая вселенной, во множествѣ тѣхъ сокровищъ, коими природа ее украсила и обогатила. Не вините меня, читатели; душа моя дорого выкупила тѣ минуты разсѣянія которыхъ я искалъ, и находя терялъ внезапно. Кто лучше зналъ меня жены моей? и она настоятельно хотѣла, чтобъ я въ болѣзняхъ ея никогда не множилъ присутствіемъ своимъ ея страданій. Слава Богу! Слава Богу! ей лучше, пойдемъ по пути жизни нашей далѣе.

Гдѣ я игралъ, что и съ кѣмъ? Прежде надобно два слова молвить о правительствѣ. На что? какую связь ето имѣетъ съ нашей труппой? Не малую. Одна страница письма все ето покажетъ. У Павла, какъ у фантасмагористовъ картины безпрестанно мѣнялись, то та голова, то другая въ тѣняхъ на холстѣ отличается; такъ и въ Москвѣ Военные губернаторы безпрестанно смѣнялись. Были, князь Долгорукой, но вдругъ онъ не полюбился и на мѣсто его прискакалъ въ Москву Графъ Иванъ Петровичъ Солтыковъ фельдмаршалъ, о которомъ много писано было мною во время шведской войны. Онъ былъ родня всѣмъ Трубецкимъ, начиная отъ самаго потопа. Одна изъ родственницъ его, женщина подлинно прекрасная и вдвое того любезная ему понравилась, Графъ былъ уже старъ но еще влюбчивъ; онъ тотчасъ разставилъ свои батереи противъ ея прелестей. Въ етой битвѣ княгинины способы были сто разъ надежнѣе, потому что она принялась за всѣ обольщенія женскому полу свойственные! Что можетъ быть удобнѣе театра? Онъ и дурныхъ кажетъ прекрасными, какъ же красавицъ не уподобить Богамъ? Для большаго сіянія знала она что ей надобно быть одной безъ сравненія съ другими. Къ стати на сей конецъ другая княгиня Трубецкая, женщина вышедшая уже изъ молодости и также родня ея, упражняющаяся въ стихахъ и прозѣ съ большимъ успѣхомъ представила сочиненія своего драмму; имя ей было Эдуардъ и Эмма. Она была не напечатана; сынъ автора, и которой превосходно зналъ музыку, положилъ мелодраму матери своей на ноту. Чтобы разыграть ее на театрѣ надлежало имѣть актера и Актрису; княгиня Трубецкая удостоили чести сей меня. Она въ етомъ назначеніи не теряла своего росчету! вѣдая что Графъ ревнивъ, нельзя было лучше выбрать себѣ въ любовники какъ меня, потому что я былъ очень дуренъ и плѣнить сердце ея не въ состояніи. Да я же ходилъ не въ мундирѣ, а въ глазахъ княгини ето было великой недостатокъ; она такъ любила бѣлыя кирасирскія кафтаны, а особливо подъ голубой лентой! Какое множество сѣдинъ ета одежда убираетъ! Словомъ вы теперь видите для чего мнѣ нужно было поговорить о Павлѣ Первомъ, думаю однакожъ что я лишняго ничего еще не сказалъ. Театръ

потребенъ былъ просторной, помѣстительной. — Эмма предполагала всю Москву сдѣлать свидѣтельницей ея искусства на театрѣ. На сей конецъ кн. Шаховской далъ свой театръ; онъ былъ далекъ отъ всюда почти за городомъ, но что за нужда для Военнаго Губернатора, у котораго всегда хорошія лошади въ упряжкѣ, все два шага. Театръ етотъ имѣлъ всѣ выгоды, помѣстить могъ до трехъ сотъ человѣкъ, но мы зазвали четыреста. Кто ранѣе пріѣдетъ думали мы тотъ и правъ, а опоздавшія пѣняй на себя, или дави всѣхъ на право и налѣво. — Чего не дѣлаетъ въ людяхъ любопытство? На сценѣ расположенъ былъ громъ, молнія, буря, море, корабль, которой со мной погружался въ бурной океанъ, дикія камни; все было симетрически разставлено и никогда я думаю кораблекрушеніе не было столь пріятно глазамъ какъ тутъ. Оркестъ наполненъ былъ при сочинителѣ музыки изъ охотниковъ то есть изъ людей благородныхъ, которыя скрыпокъ настроить не умѣютъ. — Свалка была большая. Полиція всемѣрно трудилась ввести четыреста человѣкъ въ такія стѣны, въ которыхъ можетъ войти только триста, и казалось бы вить нельзя? Ничего не бывало. — Слово какъ нибудь въ Россіи все затрудненія разрѣшаетъ; оно подобится Александрову ножу, разсѣкающему гордеянскую петлю. Нѣчего говорить объ насъ двухъ; мы играли прекрасно, чрезвычайно безподобно, и рукоплесканія долго послѣ зрѣлища и далеко по Калужской дорогѣ (ибо театръ былъ у самой ея заставы) простирали свои звуки. Тото восхитительная минута, когда послѣ успѣха въ сыгранной ролѣ покажешься вдругъ въ огромную и прекрасно освѣщенную залу, гдѣ роскошъ не оставила ни одной точки въ небреженіи, ни одного лица безъ своихъ прелестей! всѣ привѣтствуютъ, всѣ поздравляютъ. Толпа соберется знакомыхъ; множество сыщется благосклонныхъ пріятелей. Каково же было для княгини Трубецкой, встрѣчающей пламенные взоры военачальника Москвы, обращенные совокупно со всѣми прочими на нее, да на нее одну. — О! я думаю что завоеванія Персіи и Цареграда, со всей Африкой и лучшими островами Америки меньше пріятны, меньше торжественны. Красавица, сыгравшая прекрасно хорошую ролю все помрачаетъ въ залѣ. Можно объ закладъ биться, что Прусской кавалеристъ, который весь свой вѣкъ на конѣ сидитъ и ищетъ увѣчья на поляхъ брани за честь своего Государя, не выкурилъ столько трубокъ табаку въ свой вѣкъ, сколько руки княгини Трубецкой получили поцѣлуевъ. Послѣ етаго сравненія чрезвычайнаго въ своемъ родѣ, мнѣ право ничего выразительнѣе сказать не остается.

Етотъ праздникъ давался Апрѣля 20-го, и я за мое искусство въ награду, чуть было отъ судьбы не пожалованъ въ кривые. Какое бы знатное прибавила она преимущество ко всѣмъ прочимъ наружнымъ моимъ прелестямъ! Долго ли до бѣды? Такъ мало надобно, чтобъ обезобразиться совершенно! Я ѣхалъ въ Контору мудрствовать о соляныхъ оборотахъ и по странной для многихъ но для меня полезной привычкѣ, потому что она сокращала мои переѣзды изъ мѣста въ мѣсто, а въ Москвѣ ето такъ нужно; разстоянія всѣ такъ велики, время такъ тщетно пропадаетъ, въ каретѣ читалъ книгу; это упражненіе меня ни мало не безпокоило; многія ему сперьва смѣялись, называли меня чудакомъ, но когда увидѣли, что насмѣшка меня не трогаетъ, и я чтенія моего въ каретѣ не прерываю, оставили меня въ покоѣ и никто привычкой моей

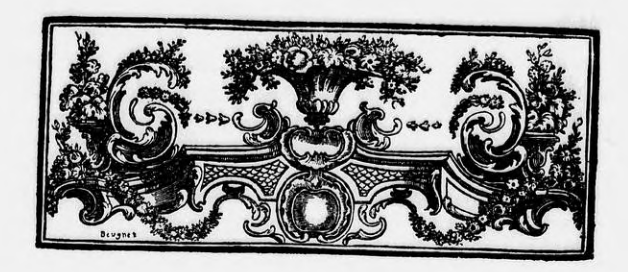
не сталъ болѣе заниматься. — Обыкновенное слѣдствіе равнодушія или презрѣнія къ насмѣшкамъ. И такъ я въ каретѣ читалъ книгу; чтобы лучше видѣть я держался ближе къ окошку; оно было открыто. Лошадь оторвавъ копытомъ камень изъ мостовой, кинула его на бѣгу въ боковое мое окошко; въ одну минуту глазъ мой закрылся, книга выпала изъ рукъ. Гдѣ больно тутъ тотчасъ руки. Ощупавши кровь, я велѣлъ поворотить домой. Пріѣхавъ осмотрѣлся въ зеркало, и нашелъ не большую ссадку, такъ близко къ вѣки глазной, что ежели бы на полъ градуса ближе попалъ отрывокъ етаго камня, конечно я бы сдѣлался циклопомъ. Куда бы тогда дѣвались комедіи наши? Княгиня Трубецкая пролила бы о такомъ жалкомъ со мной приключеніи хоть одну горестную слезу не меня ради, но комедіи.—Для чего бы то ни было пріятно возбудить сожалѣніе! Согласенъ; но что то я не тужилъ о томъ, что не успѣлъ сдѣлаться предмѣтомъ слезъ Эммы, дражайшей Эммы, съ которой спокойное кораблекрушеніе на бумажномъ кораблѣ несравненно пріятнѣе, чѣмъ потеря глаза. Ни кому природа не дала лишняго; и такъ благодарю тебя натура, благодарю тебя случай, что размѣръ копыты моего коня и удачной бѣгъ кареты, счастливой поворотъ кисти моего кучера, которыя на градусъ отвели лошадей въ сторону, спасли меня отъ новаго безобразія. Натура посовѣстилась; она и такъ меня имъ наградила при рожденіи; вмѣсто бѣды сдѣлалась самая сносная болячка, которая не помѣшала мнѣ быть ни на одной репетиціи. Вотъ каково иные говорили быть страннымъ, читать въ каретѣ. Глазъ мой зажилъ и я опять сталъ возить Реналя съ собой въ контору.

Наступило лѣто, оно имѣетъ свои прелести, оно богато удовольствіями другого рода нежели комедіями, а потому всѣ театры благородные съ весны закрылись до зимы. Съ лѣтомъ жена ободрилась, я обрадовался и воспользовался моей свободой; служа такъ какъ я служилъ, ето значило числиться въ службѣ а не исправлять ее. Съ дозволенія Директора по праздничнымъ днямъ иногда отлучался за городъ. Тогда праздниковъ было много; еще съ етой части не знали экономіи и случалось мнѣ дней по пяти прогуливать сряду. Любопытство мое влекло меня посмотрѣть вокругъ лежащія мѣста; я хотѣлъ имѣть понятіе объ окрестностяхъ Москвы. Городъ въ буднія дни измѣривалъ пѣшкомъ по вечерамъ, а въ праздники ѣжжалъ за заставу; видѣлъ Воскресенской монастырь со многими его церквами. — Подлинно чудно какъ Никонъ патріархъ, столь знаменитый мужъ своего времяни могъ уживатся въ такихъ хижинахъ какова была его пустыня. Едва можетъ въ ней помѣстится человѣкъ съ нѣкоторымъ благосостояніемъ и спокойствомъ. Тутъ большое число церквей состроенныхъ Императрицами и знатными особами. Тутъ всѣ мѣста имѣютъ тѣ же названія какъ и въ Іерусалимѣ, и дѣйствительно нѣтъ ничего страннѣе какъ слышать въ сорока верстахъ отъ Москвы наименованіе Фавора, Вифаніи, Капернаума, Лобнаго мѣста и прочее. — Послѣ етаго монастыря ѣздилъ я въ Савинъ; тамъ мощи лежатъ Звенигорскаго чудотворца. Тамъ остатки древностей Россійскихъ весьма примѣчательныхъ. Монастырь сей на самомъ лучшемъ мѣстѣ. Дорога къ нему отъ Москвы лежитъ по берегамъ Москвы рѣки, усѣянной прекраснѣйшими видами. О! какъ пріятно туда ѣздить самъ другъ, или съ пріятельской бесѣдой, съ хорошими книгами въ ясную погоду! Тамъ можно примѣтить съ любопытствомъ трехъ разныхъ архи-

тектуръ обращики, въ обветшалыхъ дворцахъ Алексея Михайловича, Елизаветы Петровны и въ новыхъ Екатерины покояхъ. Можно съ благоговѣніемъ прикоснутся къ тому далматику въ которомъ хаживалъ царь Алексей Михайловичъ. Етотъ монастырь часто имѣлъ его посѣщеніе и когда онъ ѣжжалъ на поле, то проживалъ въ немъ иногда недѣли по двѣ, и за трапезой съ братіей тамошней доказывалъ часто самымъ дѣломъ, что Царь Давидъ догадливъ былъ, когда сказалъ: что вино веселитъ сердце человѣка. — Былъ также я у Троицы. Кто живучи въ Москвѣ не захочетъ видѣть етой знаменитой обители, которая украшалась тогда присудствіемъ въ ней Платона славнаго нашего проповѣдника? — 6 Августа у него бывалъ праздникъ въ Виѳаніи, такъ называемой пустыни, гдѣ семинаристы дабы менѣе страшится ожидающаго ихъ со временемъ уединенія, обучаются играть на скрыпкахъ. — Какая пріятная пустыня, гдѣ можно слышать Гайденовъ Адажіо или Пайзіеловъ Рондо! — Такова была пустыня Платонова. Онъ самъ въ означенный праздникъ служилъ обѣдню, самъ поучалъ насъ слову Божію, и я любя въ немъ ритора богослова, ученаго мужа, даже пастыря церкви, весьма ненавижу свѣтскаго человѣка потому что онъ грубъ, гордъ, упрямъ; не умѣетъ ни жить, ни обращаться; принимаетъ худо; не сажаетъ въ кельѣ у себя никого, — словомъ онъ невѣжа въ свѣтѣ. — Мнѣ скажутъ что онъ Монахъ: — неправда. — Архіерей который носитъ нѣсколько лентъ и числится кавалеромъ (такъ завелось при Павлѣ I), который правитъ большей Епархіей, присудствуетъ въ Синодѣ, консисторіяхъ, читаетъ регламенты, рѣшитъ дѣла самыя соблазнительныя, слушаетъ то, отъ чего у монаховъ каковы были Антоній и Феодосій Печерскія, уши вяли, который пьетъ, ѣстъ хорошо, одѣвается роскошно, живетъ въ нѣгѣ и отдыхаетъ въ зеркальныхъ кабинетахъ, такой Архіерей по моему не монахъ, а какъ скоро духовнаго званія баринъ, то онъ долженъ быть вѣжливъ, учтивъ, благоприступенъ, и посѣтителей своихъ не окуривать отрыжками пресыщеннаго желудка; но естьли онъ въ комнатахъ у себя несносенъ, то сколь же онъ кажется преподобенъ въ храмѣ Божіемъ предъ Олтаремъ Всевышняго! всѣ его помышленія стремятся къ Богу! Онъ съ изображенія его не снимаетъ глазъ; онъ бесѣдуетъ мысленно съ Саваофомъ, и дары его суть жертвы умиленныя, жертвы исторгающія даже изъ сердецъ невѣрующихъ потоки слезные. Ето я видѣлъ на лицахъ многихъ иноплеменныхъ. — Какая разница между его пустыней и Никоновой! Тамъ двумъ поворотиться негдѣ, а въ Вифаніи можно накормить человѣкъ тридцать. — Платонъ очень щеголяетъ своими церквами, ризницей, которая отмѣнно у Троицы богата, обогащаетъ ее своими дарами, охотно служитъ обѣдню, и уже заранѣе назначилъ тѣлу своему мѣсто. — Какъ жаль, что етотъ философъ въ рясѣ не умѣетъ обходится и не старается присоединить къ славѣ отличнаго священника имяни свѣтскаго просвѣщеннаго гражданина.

Прошло лѣто и за нимъ наступила пасмурная осень. Я накупилъ на всю зиму въ каминъ дровъ, потому что безъ камина нельзя жить какъ безъ воздуха, а чтобъ и сердечной каминъ всегда содержать въ теплѣ, я возобновилъ прежнія мои знакомства; ѣздилъ къ Нарышкиной которой заразъ уже я не боялся, къ Долгорукой, теткѣ моей, которой дружество отъ превратныхъ обстоятельствъ усиливалось, къ другой

Долгорукой вдовѣ, съ которой прежняя моя связь не потерпѣла никакой разстройки. И такъ между ими, то съ той, то съ другой, я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ тоску осеннихъ вечеровъ. — Въ сентябрѣ выпустили изъ конной Гвардіи съ чиномъ корнета въ драгунской полкъ Хостатова, стоявшій тогда въ Харьковѣ, брата моего Гришу Богданова. Ето меня порадовало, ибо ему въ гвардіи служить становилось несносно. Никто не жаловалъ, а всякой билъ. Тяжкое состояніе! Мы съ нимъ повидались; онъ отправился въ полкъ и началъ вести свою службу, а я во всю зиму началъ какъ птица съ вѣтки на другую перескакивать съ печали на печаль. — Начались они тѣмъ, что сентября 21-го жена выкинула двухмѣсячнаго зародыша, который и похороненъ въ домѣ нашемъ подъ Дѣвичьемъ полемъ близь домовой нашей церкви. Сей случай хотя не сопровождался болезнѣнными приключеніями, но все былъ не въ радость, особливо послѣ ея немощей прежнихъ мало или ничего не предвѣщалъ хорошаго. — Сіе случилось съ нею такъ нечаянно, что на вечеринкѣ у насъ при многихъ гостяхъ едва она успѣла выттить изъ за картъ ка́къ уже все было кончено. Тотчасъ прискакалъ Политковской и начался опять ея карантинъ. — Увы! давно ли она изъ него бѣдная вышла! Природа мучила ее съ стороны физики за тѣ конечно возвышенныя чувства которыми она была одарена отъ Бога. — По нѣкоторомъ облегченіи ея въ домѣ Волконскихъ затѣяли театръ и меня играть пригласили. Етотъ домъ былъ сердцу моему милѣе всѣхъ прочихъ моихъ знакомствъ, слѣдовательно отказа имъ никогда не было; выборъ піесы умножилъ желаніе мое показаться опять публикѣ они назначили Philosophe marié и ту же ролю въ ней мнѣ дали, какую я игралъ и прежде у двора, да у принцессы Барятинской, то есть, Ариста. Хотя времена между собой были очень различны, но сіе удовольствія театральнаго не уменьшало, и такъ, пьесу мы выучили. Я съ восторгомъ готовился ее играть; за то встрѣтили меня новыя непріятности. Учитель при дѣтяхъ нашихъ г. Тіери былъ мущина видной. Будучи позванъ съ дѣтьми на дѣтской балъ къ Гагариной, я его привезъ туда съ собой. Онъ полюбился хозяйкѣ и многимъ ея пріятелямъ, которые недовольны были мной, чтобъ поступить со мной во всей строгой честности, на самомъ етомъ балѣ посулили ему больше жалованья, подговорили отъ меня сойтить и Кн: Вяземской, тотъ самой который былъ Генералъ губернаторомъ въ Пензѣ во время моей тамъ службы, у насъ его подбилъ; онъ отошелъ и поставилъ насъ въ новомъ затрудненіи искать на смѣну его другого. Немудрено конечно найтить такого учителя каковъ въ лицѣ г. Вральмана представленъ въ Недорослѣ. О! конечно, не мудрено благодаря французской революціи, которая ихъ изъ отечества выгоняла тысячами. Мы въ нихъ недостатка не имѣемъ, но сыскать настоящаго и хорошаго нравоучителя весьма трудно. Случай намъ послалъ человѣка по сердцу. — По рекомендаціи Долгорукаго Князя Юрія Владимировича сына, приняли мы Г. Венца, нѣмца, человѣка строгихъ правилъ, хорошаго поведенія и съ познаніями. Онъ не замѣшкался къ намъ пріѣхать на тѣхъ же условіяхъ денежныхъ, какія имѣлъ прежній, и мы опять насчетъ ребятишекъ нашихъ успокоились. — Комедія шла своимъ чередомъ, но видно въ книгахъ судебъ написано было, что прежде нежели мы ее сыграемъ много воды утечетъ и пробѣжитъ обстоятельствъ всякаго рода.



27 октября сестра моя графиня занемогла колотьемъ и такъ сильно, что 29-го не было уже ея на свѣтѣ. Тѣло ея погребено было 1 ноября въ деревнѣ мужа ея графа Ефимовскаго. Горестно терять сестру и въ молодыхъ лѣтахъ. Сестру, послѣ которой осталось трое сирыхъ дѣтей, ибо сколько отецъ о нихъ не печется, дѣти оставшіеся безъ матери всегда сироты. Кто такъ за ними присмотритъ? Кто съ такимъ сердоболіемъ вникаетъ во всѣ ихъ нужды какъ мать? Отцы по большой части разсѣяны; они или на службѣ, или заняты хозяйственными своими дѣлами, и не могутъ столь непосредственной за ними имѣть надзоръ какъ матери. Имъ предоставила природа быть ежечаснымъ предмѣтомъ докукъ дѣтскихъ, ежеминутно ихъ слышать и помогать имъ. Женщинамъ Богъ поручилъ назиданіе надъ младенчествомъ рода человѣческаго; натура полъ сей къ тому присудила, и мы ли, мы всѣ отъ него родившіеся право сіе оспаривать ему станемъ? Такъ конечно выше я сказалъ, горестно брату потерять сестру, но связи сіи часто бываютъ такъ слабы; не всегда свычка ихъ сжимаетъ, и даетъ довольно твердости чтобъ горесть такова была убійственна. Она больша въ перьвомъ движеніи, но скоро проходитъ и естьли не совсѣмъ истребляется, то по крайней мѣрѣ подобно многимъ другимъ печалямъ сего рода дѣлается сноснѣе. Каково матери потерять дочь, потерять порожденіе свое? вотъ плачевное и прямо бѣдственное позорище въ природѣ. Когда я привезъ сіе извѣстіе домой, принужденъ былъ сообщить его матери моей, раздѣлить тоску ея и взглянуть ей въ глаза, тутъ я увидѣлъ, что терять дѣтище свое есть безпримѣрное горе. Знаю что многія матери хладнокровно опускаютъ чадъ своихъ въ могилу и безъ слезъ лишаются многихъ вдругъ, но сіе исключеніе не падаетъ на всю природу. Многіе не видятъ; ни всѣ ли слѣпы? многіе не слышатъ; ни всѣ ли глухи? Но человѣку судить не должно о родѣ человѣческомъ. Матери естественно убиватся на гробѣ сына и дочери; такъ терзалась и моя мать. Состояніе ея удвоило печаль нашу. Видя пораженіе такого рода нельзя кажется не обратится съ ропотомъ къ Создателю сдѣлавшему печали сіи возможными. О мужѣ я не говорю ни слова.

Бѣда вдовья есть бѣда безприкладная, она никакимъ языкомъ выражаема быть не можетъ, — никакимъ, — никакимъ.

Ето приключеніе остановило театръ Волконскихъ; комедія философа была неудачна, она многія подобныя имѣла препятствія и отъ времени до времени была откладываема; отсрочки сіи убавили желаніе дѣйствующихъ лицъ ее играть, и зрителей ее долго ожидавшихъ привела въ такое утомленіе, что уже никто и не представлялъ себѣ отъ ней удовольствія. Но до комедіи ли мнѣ теперь?

Зима нынѣшняя наполнена была непріятными произшествіями, которыя одно за другимъ разстроивали наше семейство. Кто хотѣлъ проучиться тужить, тотъ могъ идти въ нашъ домъ тогда, какъ въ школу разныхъ искушеній; но не ходя еще далѣе впередъ, пусть позволено мнѣ будетъ отдать послѣдній долгъ сестрѣ моей восемь лѣтъ спустя послѣ ея кончины. Пусть маленькій панегирикъ ея, будетъ здѣсь памятникомъ брата ее любившаго; пусть безпристрастная похвала свойствъ сестры моей ничего уже не имѣющей своего на землѣ въ живыхъ, кромѣ бѣдныхъ дѣтей, управляемыхъ мачихой, раздается въ опустѣлой храминѣ, гдѣ трупъ ея пеплится, тогда какъ мужъ ея съ другой женой дѣлитъ блаженныя отрады супружества и можетъ быть ежели есть сношенія у живыхъ съ мертвыми прахъ ея тѣмъ безпокоитъ. И такъ пусть увидитъ она что братъ ея еще мыслитъ объ ней, помнитъ и дарованіе ея оживотворяетъ въ своемъ воображеніи. Она была кротка, скромна, а къ ближнимъ своимъ искренно привержена; строго соблюдая всѣ должности свои какъ дочь, жена, сестра, она не могла никого ненавидѣть, ни въ комъ возродить инаго чувства какъ благосклонность и пріязнь; нельзя прожить всегда въ ладу со всѣми. Иногда подавала и она причины къ негодованію, и сама была ихъ жертвой, но раздоры сіи никогда не порождали долговременной злобы или досады продолжительной. Умъ ея былъ не пылокъ, но разсудокъ всегда присутствовалъ во всѣхъ ея поступкахъ; она съ нимъ по часту совѣтовалась, любила мужа своего до тѣхъ поръ, что во время Шведской войны посѣщала его въ походѣ, дѣлила съ нимъ иногда опасности его. Что больше можно сказать о женѣ нашего вѣка? Покойся душа смиренная и благонравная въ обителяхъ райскихъ! Мой вздохъ при заключеніи сихъ строкъ, да будетъ угодная тебѣ жертва любви моей братней!

Едва первое движеніе огорченныхъ сердецъ нашихъ утихло, какъ вдругъ изъ деревни тещи моей получилъ я извѣстіе что и она 10 ноября скончалась отъ слѣдствія водяной болѣзни; хотя жена моя и не могла о ней много тужить, потому что не было между ими той свычки, которая дѣлаетъ связи родственныя пріятными и прочными. Природа конечно налагаетъ на нихъ священной знакъ свой, но довольно ли сего для сердца? Оно изъ всѣхъ органовъ человѣка есть свободнѣйшій. Оно любитъ по собственному своему произволу; никакія отношенія, никакія соображенія воспламенить его не могутъ, надобно чтобъ оно повелѣвало само собой. Однако жена моя любя ее всѣмъ сердцемъ чувствовала потерю матери въ полномъ ея пространствѣ; она проливала слезы, но не для церемоніи, не для того чтобъ сказали: Ахъ! какъ она чувствительна! но для того, что она ко всѣмъ должностямъ своимъ крѣпко была привязана. Чего же больше и могла ожидать отъ нее мать, почти отъ груди своей ее на чужіе руки отдавшая? Мы не посылали карточекъ

съ объявленіемъ о ея смерти, не наполняли города пустой и безполезной молвой о нашей печали. Мы сѣтовали, и съ смиреннымъ духомъ принимали столь частыя посѣщенія отъ руки Божіей. Повиновеніе и почтительность жены моей къ ея матери, представятся въ свое время съ сильными доказательствами. Доколѣ я не приведенъ еще судьбой къ необходимости жестокой отдавать милой женѣ моей того же долгу, какой хочу отдать умершей матери, то сокращенно поговорю о сей достойной женщинѣ. Она была бѣдна и проживала въ маленькой деревнишкѣ своей при семнадцати душахъ всего ея имѣнія въ Тверской губерніи. Тутъ въ Подзоловѣ, такъ называли означенную деревню, оплакивала она недостатки и нищету свою. Имѣя едва чѣмъ прокормить себя и домъ свой, она не могла ни какой помощи давать дѣтямъ своимъ, коихъ было у ней, опричь жены моей, дочь, вышедшая въ Пензѣ замужъ, и три сына въ службѣ; всѣ они были на возрастѣ; бѣдность не препятствовала ей имѣть здоровой разсудокъ и сильную душу, возносящую себя часто выше всѣхъ тѣхъ заключеній, какимъ бываетъ подверженъ человѣкъ безъ состоянія. Дворъ ея зналъ, то есть наслѣдникъ, бывшій уже тогда Императоръ, и не рѣдко до вступленія на тронъ онъ ей помогалъ, платя ея долги, ссужая ее деньгами на содержаніе, но казалось, что взойдя на престолъ, Павелъ долженъ былъ умножить язвы всѣхъ тѣхъ коимъ онъ благодѣтельствовалъ прежде, и она отъ него ничѣмъ не воспользовалась. Живучи одна въ своемъ помѣстьѣ не могла она не потерять вкуса ко всѣмъ пріятностямъ разсѣянной жизни и черезъ то пріобрѣла терпѣніе, безъ котораго въ жизни сего рода сокрушило бы сердечное желаніе жить лучше. Она не могла и не желала расточать излишняго; нужды ея были ограничены; сіе тѣмъ болѣе дѣлало ей чести, что она отнюдь не лишена была благороднаго самолюбія и чувствовала сколь мало бы отстала она отъ многихъ себѣ подобныхъ, когда бы состояніе ея позволило ей принять участіе въ общей жизни. Она лишена была удовольствія читать, потому что грамоты не знала и сіе новое несчастіе происходило отъ бѣдности и расположенія умовъ ея вѣка. Когда она родилась, тогда еще не дѣлали себѣ стыда изъ того, чтобы не умѣть ни читать, ни писать; напротивъ, думали еще, что дѣвушка не учась этому спасается отъ лишнихъ желаній и воображеній растроивающихъ наше спокойствіе. Я не стану здѣсь разсуждать о томъ, до какихъ поръ такое понятіе о благосостояніи человѣковъ доходить можетъ. Скажу только, что лишенія книгъ въ деревнѣ при достаточныхъ, хотя и худо образованныхъ способностяхъ ума, есть большое несчастіе и въ етомъ думаю всякой со мной согласится. Теща моя любила всѣхъ своихъ дѣтей, но преимущественно жену мою, а по ней любила много и меня. Не отъ нее зависило показать намъ сего на опытѣ, но ласки ея, дружескія письма, всегда были сильнымъ доказательствомъ ея къ намъ благопріязни. При всей бѣдности ея мы не теряли никогда достодолжнаго къ ней уваженія, она его заслуживала своими достоинствами, которыя мы цѣнить умѣли. Тѣло ея погребено было въ селѣ Мѣдномъ, ямская станція по большой Петербургской дорогѣ въ самой церквѣ. Имѣніе свое она не могла дѣлить всѣмъ своимъ дѣтямъ, а болѣе всего не находила въ томъ никакой для нихъ пользы, потому что изъ семнадцати душъ чтобы могло достаться тремъ сыновьямъ? изъ коихъ двое скитались по морямъ на военныхъ корабляхъ, а третій служилъ въ

Нижнемъ, въ тамошней Соляной конторѣ, въ которую онъ изъ благосклонности ко мнѣ былъ опредѣленъ Директоромъ Главной Соляной Конторы г. Нелидовымъ, потому что скоро послѣ моей выключки изъ Пензы и онъ не стерпя противъ себя разныхъ тамошнихъ гоненій оставя службу жилъ въ отставкѣ, и потому теща моя деревню Подзолово отдала одной дочери Надеждѣ, какъ той изъ всѣхъ дѣтей ея, которая по обстоятельствамъ предвидимымъ должна была болѣе всѣхъ со временемъ возымѣть нужду въ ея наслѣдствѣ. Сіе распоряженіе было всѣми принято за благо, никто ему не находилъ правильнаго противорѣчія и всякой изъ нашей семьи покорялся ея соизволенію. Менѣе всѣхъ могла въ немъ пожелать участія жена моя, да и по свойствамъ своимъ она во вѣки бы не отняла у сестры, воспитавшейся съ нею въ монастырѣ послѣдней и столь слабой ея подпоры. Вотъ какъ проводили время; одна печаль другую провожала. Окуримъ прахи мертвыхъ кадиломъ нашего къ нимъ усердія и любви; вспомнивъ о кончинѣ тещи моей я желаю чтобъ дѣти мои, и дѣти ихъ памятовали всегда съ почтеніемъ и любовью о той женщинѣ, которая дала жизнь ихъ матери, и естьли сама не могла дать ей приличнаго воспитанія, по крайней мѣрѣ была довольно разсудительна чтобъ не заградить ей пути къ оному чрезъ понесенія съ ней несносной разлуки. Живучи съ ней всю жизнь свою розно, она приносила ей въ жертву желанія свои быть съ ней вмѣстѣ. Что можетъ быть важнѣе сего поступка съ стороны родителей? Она искала всѣ способы устроить благоденствіе дочери своей и не щадила ничего для достиженія въ томъ успѣха.

О! дѣти мои! Не забывайте никогда такихъ услугъ предковъ вашихъ! Почитайте ихъ не за одно богатство! Умѣйте и среди бѣдности родителей вашихъ и отцевъ ихъ распознавать чувства ихъ, попеченія о васъ и благотворенія, а я, обязанный всей отрадой жизни моей безподобной вашей матери, не забуду родившей ее съ тѣхъ поръ, какъ призоветъ меня гласъ Божій, присоединиться къ сословію похищенныхъ смертью друзей моихъ.

Еще недовольно, — и декабря 21-го скончался сынъ нашъ Рафаилъ, одинъ изъ близнецовъ; онъ недѣли двѣ боленъ былъ кровавымъ поносомъ, и уступилъ природѣ, которая не дала ему чѣмъ оборониться противу болѣзни! Тѣло его похоронено близъ гроба отца моего въ Донскомъ Монастырѣ; тамъ нѣкогда и весь родъ нашъ ожидать будетъ страшнаго суда. Но гдѣ же тогда очутится Рафаилъ? Гдѣ невинная душа его встрѣтитъ родителей своихъ, о коихъ онъ умеръ не имѣвъ еще понятія. Трудно рѣшить вопросъ: счастливы или несчастливы дѣти въ такомъ раннемъ возрастѣ умирающія? Мы вѣримъ что имъ будетъ хорошо на томъ свѣтѣ, потому что они не сдѣлали никакого зла, но даетъ ли имъ какое право на блаженство и то, что они добра также сдѣлать не были способны? Дѣти умираютъ непорочны и незлобивы, согласенъ; — но какая можетъ быть въ томъ хвала, что ребенокъ не смыслящій еще бытія своего не сдѣлаетъ никакого худого дѣла. Онъ на доброе ровно какъ и на злое способенъ; Рай, будущая пріятная жизнь, чуждая недуговъ и печали должна быть цѣною добродѣтели; но младенецъ добръ только потому, что онъ золъ быть не можетъ, слѣдовательно тутъ нѣтъ подвига и трудовъ, а гдѣ нѣтъ ни того ни другого можно ли предполагать при строгомъ правосудіи Божества вѣчную награду?

Здѣсь то я скажу, какъ Фонъ Визинъ устами слуги своего Шумилова: О! таинство отъ насъ сокрытое судьбою! Мы видимъ очами физическими, что дитя перестаетъ страдать, плакать и надоѣдать своимъ ближнимъ, а потому и заключаемъ, что онъ счастливъ. Судя по тѣмъ огорченіямъ, къ которымъ человѣкъ готовится во всю жизнь свою, тотъ, кто избѣжалъ ихъ прежде нежели почувствовалъ конечно счастливъ. Будемъ однако справедливы. Сколько въ замѣнъ нашихъ горестей, есть такихъ радостей, коихъ лишеніе для человѣка, которой жить началъ почесться прискорбіемъ можетъ. Онъ ихъ не позналъ, слѣдовательно и тужить ему не о чемъ. Правда; но мы, которые испытали сіе благодѣтельное равновѣсіе судьбы, хотя и ропщемъ на нее часто, укоряя что слезъ больше нежели смѣха; мы, говорю, истратившіе часто большую часть жизни нашей въ восхищеніяхъ и наслажденіяхъ всякаго рода, можемъ ли думать неотрицательно, что младенецъ, которой умеръ счастливъ, потому, что онъ не будетъ покупать улыбки своей вздохами? Признаемся, что жизнь, какова она ни есть, есть благо для рода человѣческаго. Младенецъ объ ней не жалѣетъ, но свойственно учавствующимъ въ немъ жалѣть, что онъ ее не провелъ съ нами, что онъ не раздѣлилъ съ нами утѣшенія, а потому я и мать его, мы плакали о своемъ Рафаилѣ. Намъ жаль было его искренно и чрезвычайно. Лишась его, воображеніе наше могло намъ представлять, что онъ то былъ бы умнѣе всѣхъ и лучше; что онъ то былъ бы прямо счастливъ; всякой скажетъ: какая мечта! Такъ, я не спорю; но между всѣми смертными есть ли хоть одинъ, который бы не мечталъ своихъ утѣшеній? Они въ сущности своей никогда не бываютъ столько сильны, какъ въ воображеніи объ нихъ. Что у насъ отнято, то всегда кажется намъ драгоцѣннѣе того, что осталось.

Странная несправедливость, но всѣмъ общая! а это уже всѣми вѣками дознанная истинна; что сколько человѣкъ ни мудри, выше натуры онъ никогда не станетъ; она его произвела, начинила его своими стихіями, слѣдовательно въ ней онъ будетъ кружиться и недостатки общія его существу каждой понести долженъ. Когда я вспоминаю о Рафаилѣ, мнѣ всегда его жаль, хотя послѣ нажилъ я съ женой и другого. Я не понимаю тѣхъ отцовъ, которыя тужатъ о большомъ числѣ дѣтей; мнѣ никогда не падало на сердце этимъ отягощатся; сколько бы ихъ ни было, они мнѣ всѣ милы, всѣ любезны, дай Богъ чтобъ они жили! Они не будутъ богаты, но Богъ дающій очамъ нашимъ свѣтъ солнечный, дастъ и пищу. Онъ не для однихъ богачей создалъ вселенную въ такомъ изобиліи и красотѣ. Ета общая мать кормитъ всѣхъ и каждой бѣдной семьи сынъ не остается безъ крышки подъ сводомъ Небеснаго отца. Подобныя заботы въ разумъ мой никогда не вселятся. Ростите милыя дѣти мои! Будьте счастливы и любите Всемогущаго!

Заговорясь о собственныхъ своихъ несчастіяхъ, я ничего не упомянулъ въ нынѣшнемъ годѣ касательно до политическихъ приключеній. Правда, что они не принадлежатъ къ моей исторіи, однако поставя въ планѣ моемъ иногда молвить и объ нихъ, ничего достопамятнѣе въ настоящемъ времени не нахожу того, что Лопухинъ [1]), который послѣ сдѣлался и Свѣтлѣйшимъ Княземъ, а тогда только сенаторъ, переименованный изъ Генералъ Губернаторовъ, Петръ Васильевичъ, позванъ былъ въ Петербургъ и занялъ Генералъ прокурорское мѣсто. На такую высо-

[1]) Предсѣдатель Госуд. Совѣта, д. т. с. 1741 — 1827.

кую восходилъ онъ по милости прелестей своей дочери, въ которую Павелъ влюбился. Она скоро сдѣлалась при немъ россійская г-жа Maintenon, или Dubarry, или что хотятъ, а по нашему по русски она стала его любовница. Павелъ былъ свойства влюбчиваго и пылкаго, при томъ наполненъ романическою ересью, которая голову ему скружила. Онъ былъ новой Донъ Кишотъ въ своемъ родѣ, и чтобы поцѣловать ручку у своей Дульсинеи, онъ бы не пожалѣлъ полъ-царства. Страстныя бури созданы для людей обыкновенныхъ и простыхъ; имъ прилично воздыхать по нѣскольку лѣтъ у ногъ какой нибудь красавицы, а . . . которые могутъ наслаждаться когда, сколько и какъ хотятъ, для которыхъ сокровища дѣлаютъ почти всѣхъ красотъ приступными, которые такое множество имѣютъ сладкихъ и способныхъ путей къ любовнымъ отвагамъ, . . . не имѣютъ нужды влюбляться, лучше сказать не могутъ, нѣкогда. Такъ то скоро успѣхи бѣгутъ въ слѣдъ за малѣйшими ихъ помышленіями, что времени не достанетъ ожидать удачи, между тѣмъ, какъ онъ пожелаетъ и ему сдадутся. Хорошо быть . . . . хотя философы и кажутъ ея въ книгахъ съ стороны весьма отяготительной, но . . . . врядъ сложилъ ли бы кто ее съ себя надѣвъ однажды.

Но не о томъ здѣсь дѣло. Лопухинъ Генералъ Прокуроръ и заигралъ большую ролю у двора. Изъ подтишка всѣ его презирали, всѣмъ хотѣлось въ немъ найтить отца Емиліи Галоти, который въ подобномъ случаѣ вонзаетъ кинжалъ въ утробу дочернину, и ругается надъ страстными вожделеніями неистоваго принца, да вить ето въ трагедіи. На театрѣ оно производитъ прекрасное дѣйствіе, особливо естьли въ немъ не холодно и не душно, много свѣчь и народу и есть въ виду послѣ такого зрѣлища прекрасной балетъ со всѣми его очарованіями; но на театрѣ свѣта гдѣ или холодно или душно, часто и темно и тѣсно, и вмѣсто балетовъ по большей части отъ всякаго приключенія послѣ короткаго восхищенія продолжительныя слезы, тамъ такія явленія очень рѣдки, тамъ при малѣйшемъ наклоненіи фортуны, всякой хочетъ весь рогъ изобилія высыпать къ себѣ въ карманъ безъ остановочно, тамъ слова и уроки моралистовъ бываютъ тщетны. Лопухинъ дочери своей не закололъ, напротивъ воспользовался счастіемъ, вскочилъ на ближайшіе подмостки къ трону и сдѣлался перьвѣйшимъ вельможей. Павелъ Нелидову кинулъ, и принялся за новую добычу; къ уму перьвой приписать должно, что она такъ долго владѣла сердцемъ такого непостояннаго и бурливаго царя, ибо она впрочемъ была мала, стара, гнуснаго лица; въ етомъ выборѣ онъ весьма оправдалъ свое рожденіе. Отецъ его Петръ III не умѣлъ ни чего лучшаго присоединить къ себѣ какъ Воронцову, которая также была безобразнѣйшая женщина своего времени. У всякаго свой вкусъ. Нелидова отошла отъ двора и поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Тотчасъ перестали къ ней всѣ ходить и ѣздить и бросились къ Лопухину. На перьвыхъ порахъ всѣ его доклады были остроумны, успѣшны и основательны, ни въ чемъ не было ему отказа, но для егоиста, каковъ былъ Лопухинъ, конечно нѣкогда просить для другихъ, всегда самому чего нибудь надобно. Предмѣстникъ его кн. Куракинъ покатилъ жить въ свои деревни. У етаго двора не было середки: или случай, или гоненія. Вельможа безъ кредиту не былъ терпимъ и должен былъ удалиться. Лопухинъ настраивалъ сенатъ и дѣла на свой

манеръ, по самой старинной русской пословицѣ: всякой молодецъ на свой образецъ, но всѣ сіи перемѣны ни на мою собственную судьбу, ни на конторское состояніе не имѣли никакого вліянія.

Вотъ все, что про сей годъ сказать можно было примѣчательнаго. Онъ короче всѣхъ на бумагѣ, но наполненъ произшествіями для семейства моего не равнодушными. О! дѣти! Читая его умѣйте различить насмѣшку отъ истинны и шуточныя мои замѣчанія на счетъ возвышенія Лопухина поберегитесь принять за справедливой образъ собственныхъ моихъ мыслей. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не буду; я никогда не буду въ силахъ понять какъ могъ отецъ, посредствомъ посрамленія дочери своей искать себѣ почести и славы. О! естьлибъ она была въ такихъ порочныхъ побужденіяхъ нашего сердца, ужъли прямая честь къ истинной славѣ допустили насъ пожелать оной и ею возгордится. Порокъ всегда порокъ. Извинимъ слабости человѣковъ, они всякому свойственны; скажемъ какъ одинъ славной латинской писатель: homo sum et humani nihil alienum a me esse puto. Но сіе еще не дѣлаетъ порока намъ свойственнымъ. Развращеніе есть бездна, въ которую попасть страшно и ненадежно. Рѣдко попадая въ нее спастись можетъ отъ гибели. Нѣтъ я не хочу быть тѣмъ отцемъ, которой жертвуетъ дѣтищемъ своимъ пороку для того, чтобъ на развалинахъ его добродѣтели, его невинности, созидать себѣ храмъ величія и дивомъ послужить міру. Рано или поздо нечестивыя начала имѣютъ свой конецъ, и онъ никогда не завиденъ. Отъ суда людского уйтить легко можно, но куда сокроешься отъ самого себя? Какая свѣтлость сокроетъ тѣ черныя пятна, которыми она достанется, есть ли къ достиженію ея не было употреблено ничего кромѣ разврата? И такъ милыя дѣти, читая мои записки, ищите въ нихъ души моей; она для васъ однихъ открытся хочетъ. Я для другихъ не рѣдко шарю въ головѣ и ищу затѣйливыхъ воображеній, украшая шутками длинные мои разсказы. Я поступаю такъ, какъ хорошій зодчій, которой при планѣ своего строенія, представляетъ хорошей ему съ наружи рисунокъ, чтобъ смотря на красу его не скучать маштабомъ и измѣреніемъ внутреннихъ его разстояній, или какъ лѣпщикъ которой хорошими покрывалами убираетъ глиненую свою статую. Для другихъ я ищу ума, забавы, повѣстей, для васъ о! для васъ совсѣмъ инаго. Вы живете вѣчно въ моемъ сердцѣ, обнажать его ежеминутно предъ вами есть лучшее мое удовольствіе въ жизни. Кому же я открою таинницы онаго, если не дѣтямъ моимъ, не вамъ произшедшимъ въ свѣтъ отъ безподобно достойной, безподобно милой моей жены.

1799.

Кто читалъ мои сочиненіи тотъ видѣлъ что я самъ годомъ былъ доволенъ, потому что я ему и спасибо мой написалъ въ стихахъ. Доволенъ, то есть менѣе несчастливъ нежели прежде. Между людьми и уменьшительная степень огорченій почитается за благополучіе; въ етомъ разумѣ повторю, что я наступившимъ годомъ былъ облагодѣтельствованъ, хотя при самомъ его началѣ дерзкія побужденіи ума заставили меня подвергнуть себя великой опасности. Хвалить Екатерину вторую было въ тогдашнее время бѣда, а я написавъ стихи на вступленіе въ новый

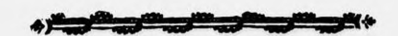
годъ, и сдѣлавъ ей по чувствамъ моимъ панегирикъ, который тѣмъ былъ блистательнѣе, что рѣдкіе на сіе отваживались, не спрятавъ его въ свой столъ, нѣтъ напечаталъ, публиковалъ; вездѣ стихи мои читали, всѣ объ нихъ говорили, всѣ считали не три ли головы на моихъ плечахъ вмѣсто одной, да и на отсѣченіе многихъ тысячъ вдругъ слова одного Павлова было бы довольно, однако я уцѣлѣлъ, подивитесь! я уцѣлѣлъ. О! важное благотвореніе судьбы, которой милости дерзость моя не стоила! Проходя прежніе годы, я былъ слишкомъ похожъ на проповѣдника, ежеминутныя сентенціи часто думаю надоѣдали и дѣтямъ моимъ и тѣмъ кои рядомъ съ ними сидя можетъ быть меня читали. При всякомъ случаѣ я какъ Сенека отвѣшивалъ листа два обыкновенныхъ площадныхъ размышленій, которыя отъ частаго употребленія по выраженію Коцебу сдѣлались какъ рубли у коихъ уже совсѣмъ не видать штемпеля, а только остался кружокъ. Нынѣ я хочу быть настоящій Газетчикъ, то есть разсказывать повѣсть моихъ приключеній, а разсуждаетъ объ нихъ пускай тотъ, кому нѣчего лучше дѣлать какъ путатся въ лабиринтѣ человѣческихъ догадокъ. Отъ етой способности человѣкъ отнюдь не дѣлается счастливѣе, а только умножаетъ число своихъ досадъ; все не такъ, все не на его вкусъ, а передѣлать ничего нельзя. Терпѣть, есть удѣлъ земнородныхъ, а для етаго все равно размышлять или вовсе не о чемъ не думать. Разсудокъ предваряя наши печали, отъ которыхъ онъ смѣю сказать никогда избавить насъ не силенъ, только что наводитъ тѣнь на всѣ предметы, и чего бы мы не видали или не спознали, то самое такъ близко подносимъ къ чувствамъ, что остеречся отъ огорченія не возможно, въ такихъ даже случаяхъ, въ которыхъ безъ утонченнаго объ нихъ размышленія иное бы совсѣмъ до сердца не коснулось. Но какъ я худо держу свое слово; невольно опять какъ будто съ кафедры заговорилъ; вотъ какъ сильно дѣйствуетъ на насъ привычка. Переломимъ ее и начнемъ побасенку дошедшаго до насъ года.

Въ самомъ его началѣ, отклонивъ всѣ препятствія вольныя и невольныя сыграли мы наконецъ у Волконскихъ въ домѣ Философа. Какой былъ людной и прекрасной спектакль; за всѣ тѣ препятствіи которыя мѣшали мнѣ почванится въ моей ролѣ казалось что онъ вознагражденъ былъ сугубымъ успѣхомъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы ее учили, сколько смертей, нечаянныхъ трауровъ, останавливали насъ почти за кулисами. Родственникъ одинъ княженъ Волконскихъ кн. Друцкой умеръ въ такой день, въ которой уже вся публика сбиралась намъ бить въ ладоши. Я съ моей философской одежей и парикомъ уже разскакался въ подъѣздъ театра, какъ швейцаръ объявя мнѣ, что спектакль по сей причинѣ отказанъ, заставилъ сожалѣть нѣсколько недѣль о такомъ старикѣ, котораго я въ глаза не зналъ, котораго и родственники нѣсколько лѣтъ уже нигдѣ не видали, но обрядъ, обрядъ, тиранъ столичныхъ жителей требовалъ наружности печальной и я на сей случай сочинилъ піеску, которая довольна была забавна, но опять таки обрядъ помѣшалъ ее сыграть. Всѣ ее читали, иныя хвалили, многія смѣялись, но выставить ее на показъ никто не рѣшился, хотя менѣе всѣхъ мнѣ самому желать можно было ее розыграть публично, ибо я тутъ ни на чей счетъ такъ не гулялъ какъ на собственной свой. Наконецъ однако Философа мы сыграли и послѣ етаго пришлось мнѣ представить другаго рода піесу, но не на театрѣ, а въ Соляной Конторѣ.

Тутъ также часто представлялись немаловажные комедіи; мнѣ надлежало трагическую взять ролю, другой мнѣ не оставалось, всѣ забавныя разобраны были моими товарищами; они до трогательнаго не очень были охотники. Вотъ сюжетъ етаго произведенія. — Мнѣ простятъ что я шуточнымъ слогомъ приготовляю читателя къ непріятному въ жизни моей анекдоту, но онъ прошелъ и почти забытъ, слѣдовательно и посмѣятся можно на счетъ странныхъ оборотовъ нашихъ дѣлъ и заключеній; не все плакать, иногда надобно и улыбнутся. На томъ свѣтѣ я думаю мы и чаще смѣяться станемъ, когда собравшись въ кучку (а публика наша тамъ будетъ немалая, ежели всѣ ревижскія сказки пройти отъ начала міра) поглядимъ на все то, что здѣсь живучи и мы противъ людей и люди противъ насъ дѣлали. То то я чаю будетъ смѣшно. Своды небесные на которыхъ мы ходить тамъ станемъ, гораздо зашатаются отъ всенароднаго крика и шуму, чѣмъ здѣсь лощеныя полы зыблются въ большихъ чертогахъ подъ ногами легкихъ нашихъ вальсеровъ, когда они паръ въ двадцать изъ угла въ уголъ съ избранными своими кружатся. Какое странное сравненіе и безбожное! — а почему? Странное согласенъ; но безбожное совсѣмъ нѣтъ, и я бы можетъ быть взялся доказать что нѣтъ, но благопристойность шепчетъ мнѣ потихоньку: взгляни на заглавіе года и держи свое слово. И такъ оставимъ сравненіе какъ оно есть и сказавъ просто прошу не погнѣватся каково случилось, я веду читателя въ Соляную контору, сажаю подлѣ себя, беру на себя видъ важнаго судьи и вѣщаю слѣдующее.

Въ Крыму находились соляныя озера, которыя передъ смертью Екатерины отданы были въ перьвой разъ съ торговъ на откупъ и содержалъ ихъ купецъ Калугинъ. Въ Екатеринославской губерніи Генералъ Губернаторомъ былъ тогда кн. Зубовъ, а подъ нимъ управлялъ всѣмъ тамошнимъ краемъ, родственникъ его, Генералъ Хорватъ, слѣдовательно откупъ сей отданъ былъ Калугину по вліяніи князя Зубова, и на мѣстѣ покровительствованъ помянутымъ Хорватомъ. Конецъ Екатерины переворотилъ листы во многихъ дѣлахъ; Калугинъ ни отъ правительства, ни въ кругу себѣ подобныхъ не имѣлъ того вѣса какъ прежде. Въ настоящемъ году приходилъ срокъ новымъ торгамъ, и уже Калугинъ имѣлъ въ совмѣстничествѣ своемъ богатаго жида по имяни Перетцъ, который въ коммерческихъ оборотахъ начиналъ имѣть великую силу, между людьми сего званія. Онъ былъ человѣкъ ученый, въ хорошими свѣдѣніями, зналъ разныя иностранныя языки, одѣвался и жилъ по гражданскимъ обычаямъ, а что лучше всего имѣлъ множество червонныхъ, которыя, зная довольно хорошо изъяснятся по русски, умѣлъ употреблять къ стати въ свою пользу. При сей возникшей распрѣ между Калугинымъ и Перетцомъ, которая равносильной быть не могла, потому что перьвой былъ простой русскій мужикъ безъ пріобретенныхъ познаній, поддержанный до сихъ поръ силой вельможи, его покровительствовавшаго, и пришедшій отъ перемѣны обстоятельствъ своихъ по тому краю въ замѣчательной упадокъ. Оба имѣли достаточныя залоги и неоспоримое право на торги, но Перетцу сего то и не хотѣлось; онъ вѣдалъ что тотъ имѣя тутъ свои заведеніи не отдастъ дешево ему своей торговли, а возвысить ее до нарочитой степени или возможной, не соглашалось съ его предположеніями. И такъ Перетцу нужно было сдѣлать, чтобъ приняты были въ Соляной Конторѣ

рѣшительныя мѣры отдалить Калугина отъ торгу, и тѣмъ самымъ допустя къ нему однаго его, остановить цѣну будущаго откупа на томъ на чемъ онъ захочетъ. Соляной Конторѣ надлежало съ своей стороны принять въ основаніе поступковъ своихъ русскую пословицу: на то щука въ морѣ, чтобъ Карась не дремалъ; но отъ золота люди очень часто засыпаютъ и тогда, когда самая большая ихъ мучить должна безсонница. Прекрасное средство для усыпленія разсудковъ и сердецъ, гораздо дѣйствительнѣе маковыхъ соковъ, которыми одни лѣкаря возбуждаютъ дремоту, потому что они не всегда набиты деньгами какъ чучелы перьями. Сверхъ етаго безъ ошибочнаго средства жидъ имѣлъ въ другомъ карманѣ тяжеловѣсное предстательство за себя гр. Кутайсова[1]). Есть ли я о немъ еще не говорилъ, то сокращенно здѣсь скажу, а ежели говорилъ то повторить не лишнее что онъ былъ турокъ, старой камердинеръ Императора Павла, который ко всѣмъ качествамъ Музульманина присоединилъ искусство бородобрѣя и не смотря на графской Дипломъ, на всѣ ленты, даже и Андреевскую повѣшенную ему на шею и черезъ плечо, бривалъ Его Величество, и словомъ во всей формѣ былъ у двора его Фигаро. При такихъ обстоятельствахъ трудно было дать перевѣсъ Калугину со всей его правотой, хотя и онъ имѣлъ въ пользу свою письмы къ нашему начальнику Нелидову и ко мнѣ отъ князя Безбородки, но уже тогда какъ Безбородко подобенъ былъ монетѣ, потерявшей цѣну свою въ народѣ отъ ржавчины и прочихъ недостатковъ вышедшихъ по времени на ружу. Въ самомъ дѣлѣ, князь приложилъ свою руку къ двумъ письмамъ, которыя поднесъ ему камердинеръ его, благотворящій Калугину, и сей ихъ намъ вручилъ. При перьвомъ движеніи я взялся очень горячо за пользы Калугина. Честолюбіе мое обольщаемо было самымъ лестнымъ образомъ отзывомъ князя Безбородки; къ усугубленію моихъ трудовъ объ немъ и за него послужило и то, что въ перьвой разъ еще въ жизни моей просилъ меня Вельможа о такомъ купцѣ, на сторонѣ котораго справедливость; что можетъ быть рѣже какъ наитится въ возможности угодить большому человѣку не повреждая чистоты совѣсти? Чтожъ поистинѣ могло быть и пріятнѣе для меня? Я не болѣе былъ какъ членъ Соляной Конторы, а имѣлъ просительное письмо отъ князя въ такой же силѣ почти какъ и Директоръ оной, потому что камердинеръ, который ихъ подносилъ къ рукоприкладству, не понималъ что тутъ во всякой строчкѣ должны были быть разныя оттѣнки и даже подпись покорнаго слуги должна была имѣть свое различіе; но камердинеръ былъ тутъ дѣло сокрытое. Я видѣлъ крупными словами имя князя Безбородки въ письмѣ просительномъ къ себѣ. Чего же больше для самолюбія или тщеславія? Я право далеко не пойду въ книгахъ рытся чтобъ взвѣсить разницу етихъ двухъ словъ, часто между собой другъ друга замѣняющихъ.



[1]) Графъ Павелъ Ивановичъ, 1780 — 1840.



Мнѣ простительно было думать, что я значу много на счету князя, ибо будучи только членъ конторы, для чего бы ему къ одному ко мнѣ относится, а не ко всѣмъ? [1]). Стало быть я могу противорѣчить; я имѣю вѣсъ, мой голосъ не вздорной, заключеніе самое справедливое, по крайней мѣрѣ естественное, и есть ли не самъ князь обо мнѣ такъ выгодно думаетъ, то конечно Калугинъ почитаетъ меня за что нибудь особенное. Правда, правда совершенная правда, думалъ я и выкладывалъ въ моемъ умишкѣ. На сихъ соображеніяхъ основалъ я зданіе моихъ предпріятій и расположился дѣйствовать за Калугина, то есть открыть ему двери въ Соляную Контору, пустить его въ оную, и дать торгъ съ язычникомъ. Пускай думалъ я они рѣжутся между собой; на такомъ стотысячномъ полѣ не воиновъ кровь ліющихъ, но купцевъ сыплющихъ червонные, бѣленькія, красныя и синенькія бумажки, почиталъ я себя уже заранѣе славнымъ витяземъ, патріотомъ, великодушнымъ мужемъ, словомъ, мнѣ уже казалось, что я долженъ въ честь свою получить отъ Имперіи статую или по крайности медаль съ хорошимъ девизомъ, который бы самъ постарался придумать. Но ахъ! увы! все не такъ пошло, и вмѣсто монументовъ едва усидѣлъ я на бѣдномъ моемъ стулѣ, который хотя и жестко былъ набитъ и безпокойнѣе моихъ домашнихъ креселъ, но за сидѣніе на немъ получалъ я въ годъ изъ казны по 1.875 р., а потерявши ихъ я бы и дома не могъ сидѣть въ своихъ креслахъ. Я съ самаго начала дѣлопроизводства по симъ торгамъ не скрылъ отъ Нелидова письма мною полученнаго отъ Безбородки; онъ со мной помѣнялся довѣренностью и объявилъ мнѣ тоже. Я спросилъ его какъ онъ дѣйствовать станетъ: такъ какъ угодно князю отвѣтствовалъ онъ мнѣ тихонько, и такъ остался я покоенъ. Намѣреніе мое нѣсколько дней имѣло полный успѣхъ; скоро потомъ увидѣлъ я, что журналы стали подносить намъ со всѣмъ противныя моимъ видамъ; скоро увидѣлъ я ясную и ничѣмъ не сокрываемую наклонность къ Перетцу отъ всего нашего трибунала! Тогда я разсудилъ, что мнѣ нѣчего инаго дѣлать, какъ или соглашаясь

[1]) См. выше.

съ конторой поступить противно письму Княжому, или подавать голоса въ моемъ несогласіи. Думавши о томъ долго я нашелъ что послѣднее средство было для меня наиприличнѣйшее, ибо дѣйствуя для Перетца въ страхѣ Кутайсова, объ участіи котораго я зналъ только по догадкамъ, было бы дать всякому право меня винить въ недостаткѣ соображенія. Развѣ не можетъ купецъ а паче жидъ солгать? Развѣ его басни должны были заслуживать большую вѣру чѣмъ письмо самимъ княземъ подписанное, а утверждаясь на семъ послѣднемъ есть ли бы и впалъ въ какую погрѣшность, всякой бы меня извинилъ и даже пожалѣлъ что вельможа вооруживъ меня перомъ за сущую правду, попустилъ отъ того быть несчастнымъ и ввалится въ острые кохти Кутайсова. Между туркомъ и жидомъ попастся въ сплѣтни не забавно. Ухватясь за Калугина, я соблюлъ всю предлежащую мнѣ осторожность и напередъ о содержаніи журналовъ изъяснился съ Нелидовымъ, который не сказавъ мнѣ что Кутайсовъ къ нему пишетъ о Перетцѣ, отъ того ли что не хотѣлъ сего обнаружить или не смѣлъ, или такъ любовался моимъ безпокойствомъ, въ которомъ онъ почерпалъ сладкое мщеніе за то, что Безбородко писавшій къ нему далъ и мнѣ противъ него просьбою своею нѣкоторую силу, отвѣчалъ мнѣ сухо на мои недоумѣніи: „дѣлай что хочешь, и ежели на что несогласенъ, подавай голоса; на ето есть форма". Слово форма, была для меня сигналъ распри, и я началъ марать бумагу.

Голоса мои никакого дѣйствія не имѣли, ихъ слушали и пріобщали къ дѣлу, а между тѣмъ по большинству прочихъ, чинилось исполненіе, и наконецъ по многимъ привязкамъ къ залогамъ Калугина, опредѣлили къ торгамъ его не допускать. Вошелъ въ контору одинъ жидъ Перетцъ, съ которымъ о заключеніи контракта по той цѣнѣ какую онъ разсудилъ объявить представлено въ Сенатъ, но какъ Нелидовъ симъ однимъ успѣхомъ доволенъ быть не могъ, то и добавили въ протоколѣ что по безпокойному свойству моему, происходящему отъ гордости, которая ни въ чьей подчиненности терпима быть не можетъ, представить о голосѣ моемъ и поступкахъ Сенату. Товарищи мои не постыдились сего протокола подписать, хотя милліонъ имѣли правильныхъ причинъ по крайней мѣрѣ не злословить въ актѣ присудственномъ на счетъ равнаго себѣ члена, да и какую связь могла имѣть нравственность моя съ обстоятельствомъ дѣла? Всякой, начиная отъ Директора до послѣдняго члена конторы, въ правѣ былъ судить о дѣлѣ, оговаривать голосъ мой, но кто далъ такое же право имъ судить и лице въ его качествахъ? Одна трусость и слабоуміе могли къ сему побудить; всякой хотѣлъ угодить начальнику, несчитая предосудительнымъ оскорбить подобнаго себѣ сотоварища, предать его всей ярости верьхнихъ нашихъ судилищъ. Поступокъ такой конторы тѣмъ менѣе былъ позволителенъ, что жестокость тогдашняго времени подвергла бы меня самому несчастному жребію, естьлибъ не рука Божія очевидно спасла. Чего ожидать должно было отъ Павла, сѣдящаго на престолѣ тому, кто противился выгодамъ перьваго его любимца Кутайсова, и о которомъ цѣлое мѣсто гдѣ онъ присудствовалъ такого рода дѣлало представленіе: чего? натурально бѣды! и бѣды примѣрной. Товарищи мои однако не запнулись подписать можно сказать смертнаго обо мнѣ приговора. Я извиняю Нелидова; онъ былъ на меня сердитъ, самолюбіе его было раздражено, въ немъ дѣйствовали страсти, и я бы худо зналъ человѣка, когда бы не призналъ

силу ея надъ нами до такой степени, что мы и кротки и честны, словомъ и человѣками нерѣдко быть перестаемъ, когда они насъ волнуютъ, но товарищи мои, они какой имѣли интересъ поступить со мной такъ худо. Самъ Перетцъ ужаснулся моихъ обстоятельствъ; онъ показалъ мнѣ сильный опытъ своего добродушія. Когда уже протоколъ былъ подписанъ, рапортъ отданъ ему въ руки для доставленія въ Сенатъ, то онъ прислалъ ко мнѣ товарища своего жида же Штиглица; конечно не съ тѣмъ чтобы подкупить меня, то было поздо, но изъ сожалѣнія къ моему такъ не къ стати оказавшемуся патріотизму и любви къ правдѣ. Онъ поручилъ ему открыть мнѣ картину моей погибели сказавъ, что онъ дѣйствуетъ и торгуется не за себя а за Кутайсова, и тутъ то я узналъ, но поздно, сколько я неосторoженъ былъ въ моихъ поступкахъ; поздо говорю я не потому, что естьлибъ я ето зналъ то бы поступилъ иначе и присталъ бы къ неправдѣ, но для того, что могъ бы какъ нибудь отпускомъ или болѣзнью отклонится отъ такого опаснаго дѣла, и кажется мнѣ средство столь оборонительное не замарало бы меня ни мало въ глазахъ людей порядочныхъ, но дѣло было сдѣлано. Штиглицъ предложилъ мнѣ не хочу ли я къ кому писать въ пользу свою въ Питеръ, дабы сколько можно защитится противъ посылаемаго на меня рапорта. Я совѣтъ сей принялъ съ благодарностью и онъ взялся доставить мои письма; тогда къ счастью моему минута благопріятная встрѣтилась для князя Юрія Владимировича Долгорукова, который уже меня довольно любилъ, чтобъ захотѣть для меня сдѣлать что нибудь. Случаи князя Лопухина[1]), бывшаго тогда Генералъ-Прокуроромъ, по связи его съ Долгорукимъ привлекли его въ столицу; онъ былъ членъ Совѣта безпрестанно съ Государемъ и Лопухинымъ. Я писалъ къ нему, писалъ къ другому пріятелю Лопухина Корсакову, фавориту Екатерины Второй, который по связи его съ теткой моей графиней Строгоновой былъ ко мнѣ благосклоненъ; изъ сихъ двухъ писемъ, перьвое много въ пользу мою подѣйствовало, послѣдній былъ пустой человѣкъ ни на услуги, ни на предстательства неспособный. Долгорукой употребилъ труды свои; онъ просилъ Лопухина и при докладѣ Сенату по рапорту конторы, оставлены безъ вниманія всѣ посторонныя ея донесенія обо мнѣ, а только разсуждаемо было о контрактѣ, который натурально заключить позволено съ Перетцомъ, ибо кто и гдѣ станетъ съ сильнымъ бороться? Такимъ образомъ спасъ меня самъ Богъ отъ новыхъ бѣдъ мнѣ предстоявшихъ. Вотъ какъ иногда человѣкъ не самъ собой, не по своему произволу встрѣчаетъ такія обстоятельства, кои самыя спокойныя дни превращаютъ въ пасмурныя. Они въ другой разъ со мной сладились; тоже было въ Пензѣ.

Къ утѣшенію моему со стороны службы кн. Долгорукой выпросилъ шурину моему Смирнову, служащему въ Нижегородской Соляной Конторѣ Ассессоромъ, чинъ Колежскаго Ассесора. Онъ данъ ему былъ отъ сената безъ представленія нашего мѣста, котораго бы Нелидовъ открыто меня не любя, никогда объ немъ не сдѣлалъ.

Но не долго благодѣющій мнѣ Князь и самъ пробылъ въ случаи у двора. Капризный Павелъ скоро его отъ себя отогналъ; онъ получа отставку безъ мундира пріѣхалъ опять обрывать свою подмосковную ка-

[1]) Кн. Петръ Васильевичъ впосл. предсѣдатель Госуд. Совѣта 1753—1827, отецъ Анны Петровны Каммеръ-фрейлины и подруги имп. Павла I.

налами; онъ не могъ жить безъ дѣла, и когда служба онаго ему не доставляла, тогда онъ занимался хозяйствомъ, и паче строеніемъ, главною страстію своею. Ето наполняло его досуги, разбивало его мысли, услаждало скуку, словомъ было для него полезно. Удаленіе отъ двора произшедшее частію отъ ссоръ между княгини его и Лопухиной удалило отъ него въ Москвѣ многихъ знакомыхъ, которыя не смѣли его посѣщать тѣмъ паче, что отставка безъ мундира была вывѣска Императорскаго на него гнѣва. Какъ странно было видѣть во фракѣ генерала шестидесятилѣтняго израненнаго, служившаго въ семилѣтнюю войну, бывшею противу всѣхъ Россійскихъ непріятелей, вездѣ и во всякое время отличеннаго при Екатеринѣ громкими титлами ея генералъ адъютанта и подполковника гвардіи, и никогда еще не ходившаго безъ шпаги въ мѣщанскомъ фракѣ, но такая безобразная картина, постыдная для самого императора не долго смѣшила московскую публику. Долгорукой скоро получилъ опять право носить мундиръ, а до тѣхъ поръ онъ не выѣзжалъ никуда изъ своего Никольскаго.

Лѣто сего года было самое грозное; оно подобилось царству Павлову. Не проходило почти не одного дня безъ грома; жары были непомѣрныя, но я не смотря на всѣ ети воздушныя отягощеніи, ѣздилъ повсюду за городъ.

Я еженедѣльно ѣздилъ въ Кривцово, подмосковская деревня Княженъ Волконскихъ[1]), откуда съ братомъ ихъ моимъ по службѣ товарищемъ въ одни и тѣже дни домой возвращалися. Тамъ прогулки, расказы прежнихъ ихъ увеселеній, историческія повѣствованія о примѣчательныхъ мѣстахъ по произшествіямъ ихъ жизни меня пріятно занимали, я тамъ любилъ, а гдѣ любимъ тамъ все пріятно, все приноситъ отраду; тамъ на маленькомъ клочкѣ вселенной тотчасъ перенесенъ пространѣйшій Едемской рай. Тутъ мы гуляли, рѣзвились, а по сосѣдямъ ѣжжали вмѣстѣ. Изъ нихъ съ удовольствіемъ наибольшимъ посѣтилъ я Лобкову; она жила въ деревнѣ Князя же Волконскаго другого. Какая прекрасная подмосковская! Какъ солнце пекло меня тутъ въ спину съ озера и какъ мысли мои на счетъ его забавно играли. Я смѣшилъ общество и самъ смѣялся непринужденно. Съ ними же имѣли случай видѣть ломку каменную въ Богородскомъ Селѣ князя Голицына! Я никогда не забуду тѣхъ впечатлѣній кои получилъ во всѣхъ етихъ мѣстахъ. Забудешь ли то, что въ молодости восхищало когда сердце наше еще такъ гибко и склонно къ восторгамъ? Тотъ уголъ въ комнатѣ, та точка земли на полѣ, гдѣ съ милымъ человѣкомъ бѣгалъ, говорилъ, болталъ вмѣстѣ, никогда, никогда не выходятъ изъ памяти. О время! время! ты все уносишь! все мѣняешь! ты настоящая кинетозографія! покажешь картину, приведешъ ее въ движеніе и послѣ спрячешь на всегда. Оставь ревнивое время, оставь намъ хоть память прежнихъ нашихъ счастливыхъ дней и благотворныхъ заблужденій, есть ли увы! все пріятное одна только мечта.

Между прочими моими отлучками, посѣтилъ зятя графа Ефимовскаго въ его Можайской деревнѣ. Тамъ вытерпѣли весь ужасъ представленія свѣта, ибо 25-го числа іюня такой сильной былъ громъ, что мы на самой тонкой волосъ отстояли отъ смерти, да и отъ какой же

[1]) См. выше.

несносной. Что можетъ быть ужаснѣе какъ среди забавъ и лѣтнихъ попрыгушекъ убиту быть громомъ; хоть смерть всячески непріятна, но все таки порядочнѣе кажется умереть лежа на постели, чѣмъ за чарками вина, сидя за столомъ съ друзьями сгорѣть отъ молніи. Едва сего не случилось со мной. Изъ самой сильной тучи почти горизонтально надъ самымъ домомъ висѣвшей, ударовъ побольше шести грянуло на разстояніи десяти верстъ около насъ, загорѣлось сперва вокругъ села, въ самомъ селѣ, наконецъ на господской усадьбѣ отъ електрической силы стѣсненной атмосферы, у меня остановилось дыханіе въ то самое время какъ я подносилъ ко рту за здоровье друзей моихъ рюмку хорошаго Венгерскаго; всю ночь мы провели въ страхѣ и не могли глазъ сомкнуть ни на минуту. Право тогдашняя гроза такъ замѣчательна была въ моей жизни, что я не могу объ ней не распространятся. На другой день по краткомъ отдохновеніи ходилъ я смотрѣть разныя пораженія сей бури, и тогда какъ повсюду подъ глазами и ногами нашими представлялись ея проказы, ибо индѣ плотину прорвало и вода съ шумомъ уносила послѣдния остатки преградъ ей поставленныхъ, индѣ выгнанныя изъ логовищъ своихъ животныя возвращались къ своимъ пажитямъ и еще испускали жалостныя стоны отъ ужаса ихъ объявшаго, индѣ погорѣвшія обыватели сбирали остатки домовъ своихъ и на пепелищѣ предковъ оплакивали бѣдствіи человѣческаго рода; въ то самое время натура какъ будто обмывшись и получа новое сіяніе возвращала всѣ красы свои, становилось ясно, облака тонки и тихи въ своемъ движеніи, голубецъ краски свои давалъ ефирному своду, все казалось подъ нимъ до земныхъ областей въ тишинѣ и спокойствіи. Какъ богатъ Творецъ натуры въ способахъ дивить насъ, пужать и паки успокаивать; въ то же лѣто въ самой Успеньевъ день въ Москвѣ слышанъ былъ необычайный звукъ грома; онъ продолжался въ ушахъ какъ отголосокъ пушечныхъ выстрѣловъ безпрерывно цѣлые полчаса; сей феноменъ замѣченъ былъ многими. Ударъ громовой обыкновенно имѣетъ звукъ не слишкомъ протяжной и скоро гулъ его исчезаетъ въ воздухѣ; сей напротивъ раздавался въ слухѣ нашемъ такъ долго, что переставалъ быть похожимъ на обыкновенныя громовыя удары.

Среди сихъ возмущеній природы, я почти все лѣто провелъ за городомъ, и по утрамъ въ буднія дни сидя въ конторѣ сочинялъ оперу „Любовное Волшебство". Въ меня тогда театральный демонъ вселился; вся жизнь моя обыкновенно приносилась въ жертву или ему, или женщинамъ. Та, или другая страсть владѣла моими чувствами. Среди восторговъ воспламененнаго воображенія для котораго всегда вездѣ находились у меня готовыя предметы, написалъ я оперу, которая есть одна изъ славнѣйшихъ горячекъ бывшихъ и будущихъ сочинителей. Читая ее нѣсколько лѣтъ спустя не могу понять откуда такой бредъ вселился въ мою голову. Я былъ въ сильномъ жару, когда писалъ ее; она весьма скоро поспѣла, но я бы никогда признаюсь ее не напечаталъ, есть ли бы не имѣла счастія понравится женѣ моей. По ея убѣжденіямъ отдалъ я ее въ печать, и согласился пустить въ продажу; она отъ меня и посвящена была ей; все ее достоинство въ глазахъ моихъ состояло въ томъ, что она ей казалась затѣйлива. Мнѣ не надобно было иныхъ преимуществъ; сколько разъ и въ кого бы я не влюбился, жену свою всегда любилъ болѣе и лучше всѣхъ женщинъ. Я радовался что могъ приношеніе ей сдѣлать сочиненія такого, которое ее забавляло. Подъ симъ покровительствомъ уговорился я съ книгопродавцемъ иностраннымъ, и пустилъ ее въ свѣтъ, взявъ себѣ за то нѣсколько лишь экземпляровъ и никогда не имѣлъ духа спросить у него, сошла ли она съ рукъ, не остался ли онъ отъ продажи ея въ накладѣ, потому что почти навѣрное узнавалъ что никто ее не купитъ. Что лежитъ до публики, никто ею не тяготился, развѣ тѣ, кои по нѣкоторымъ стишкамъ знавши меня что я ее сочинилъ, а не жену мою что она ее не сожгла въ каминѣ; впрочемъ никто ее не видалъ, ее нигдѣ въ Москвѣ не играли, да и музыки никто на нее не сочинилъ. Нѣсколько времени спустя свѣдалъ я только, что она полюбилась въ Нижнемъ и была тамъ играна на публичномъ театрѣ князя Шаховскаго, который на нее музыку велѣлъ сочинить. Я никогда на сценѣ ее не видалъ, хотя сильную во мнѣ къ тому произвелъ охоту, доставленной отъ князя Шаховскаго билетъ съ раскрашеннымъ Аполлономъ, и разными девизами для входу во всякое время въ его Нижегородскій театръ; но туда ѣхать ее смотрѣть было бы не по моимъ деньгамъ, и далеко и дорого. Я вообразилъ ее и тѣмъ остался доволенъ — какое тѣсное сцѣпленіе въ умѣ моемъ тогда было пріятныхъ и пасмурныхъ мыслей рядомъ съ етой оперой. Ѣхавши въ деревню къ зятю слушать неожидаемой громовой трескотни, я писалъ стихами мое завѣщаніе, которое какъ будто въ возмездіе за худой успѣхъ моей оперы было такъ благосклонно принято и одобрено всей публикой. На что я говорю худой успѣхъ моей оперы; я никогда не соглашусь чтобъ она такой имѣла для меня, ибо развеселяя жену мою, заставляла иногда ее улыбнуться. О! какъ и мнѣ она была пріятна. Что нужды мнѣ впрочемъ до публики; я конечно хвалу ея и признательность привыкъ цѣнить высоко, но милая жена всякой публики выше. Она была мой ценсоръ, менторъ, другъ. Ея одно слово съ удовольствіемъ о какомъ бы то ни было изъ моихъ произведеній сказанное, составляло его вѣсъ и цѣну въ моемъ кабинетѣ, послѣ я ихъ выпускалъ съ полной надежностью и если иногда въ чаяніяхъ моихъ ошибался, то ни мало о томъ не сѣтовалъ, или божусь честью менѣе нежели тужилъ о томъ, когда при многихъ чужихъ похвалахъ женѣ моей какой нибудь стишокъ мой не нравился. Прошу не погнѣваться, я ее такъ любилъ, и иначе не умѣлъ чувствовать.

Всѣ наши печали должны бы были посѣщать насъ въ хорошую погоду. Лѣтомъ натура кажется удобнѣе, все худое перенести можно; я не говорю о бѣдахъ, они тяжелы во всякое время, потому что и лучшее при нихъ кажется самымъ сквернымъ; но что лежитъ до непріятностей не рѣдко родъ смертныхъ посѣщающихъ, что при ясномъ видѣ Неба, прогулки, разсѣяній, самой воздухъ могутъ подѣйствовать на раздраженныя чувства и ихъ нѣсколько успокоить. Проведя нынѣшнее лѣто довольно пріятно, вступилъ я въ осень, и касался уже почти зимы, какъ жена моя опять начала харкать кровью, но разстройка сія въ ея здоровьѣ скоро исправлена, и она пришла въ прежнее свое состояніе. Она тогда была уже здорова, когда не страдала мучительными припадками своей болѣзни, которая состояла въ гемофтизіи по разговору докторовъ, а по моему въ чахоткѣ, но я тогда къ счастію моему не полагалъ ее въ ней, или лучше сказать обманывалъ себя на счетъ ея здоровья! Ахъ! какъ облегчительно быть по крайней мѣрѣ обольщену и не видѣть

ясно тѣхъ напастей, которыя рокъ сей, ни кѣмъ не избѣгаемый, тиранъ нашъ, исподволь готовитъ смертнымъ. Я думалъ, что она только слабаго сложенія, а со всѣмъ не утверждался въ томъ, что всѣ видѣли кромѣ меня, что она чахла. Сама она кажется сіе чувствовала, и зная робкой сомнительной нравъ мой изъ великодушія старалась скрывать отъ меня будущее; словомъ она гасла, и тогда только почиталъ я ее здоровой, когда она не жаловалась на какія либо чрезвычайныя боли въ груди и легкомъ. Среди единообразности въ которой мы жили въ ту осень, потревожила меня смерть моего дятьки Степана. Етотъ человѣкъ былъ отцомъ моимъ купленъ у князя же Долгорукаго, и съ самаго моего дѣтства ко мнѣ приставленъ. Наконецъ въ прежнихъ годахъ жизни моей, описано было по какому побужденію дана была ему отпускная, но онъ ею никогда не хотѣлъ воспользоваться, остался при мнѣ даже и тогда, какъ онъ во всякомъ отношеніи сдѣлался мнѣ не нужнымъ, и умеръ у насъ въ домѣ, проживши слишкомъ шесдесятъ лѣтъ. Благодарность требуетъ отъ меня чтобы я въ память сего почтеннаго служителя здѣсь помѣстилъ нѣсколько строкъ. Многія скажутъ: великая бѣда, что дятька умеръ! они и у всѣхъ кончаются прежде воспитанниковъ своихъ. Такъ, конечно; но развѣ сіе не обязываетъ тѣхъ, кои ими были довольны ни къ какой къ нимъ признательности? Я такимъ образомъ думать не учился, и не боюсь стыда отъ слезъ, которыя я лью бывая на его могилѣ. Онъ похороненъ въ нашей подмосковной; надъ нимъ нѣтъ камня, ни вкругъ его признаковъ ужасной смерти, но сердце мое подходя къ ней чувствуетъ, что тутъ покоится смертная персть того человѣка, который сохранилъ мою молодость отъ порока, предохранилъ младенчество мое отъ золъ физическихъ, отъ паденій наносящихъ сплошь столько неизгладимыхъ бѣдствій человѣческому роду; словомъ мнѣ его жаль было, и я сего не чту ни слабостью ни порокомъ. Ужъ ли только тѣхъ услуги помнить, кои по возвышенію своему въ чинахъ и состояніи гражданскомъ могутъ на всегда намъ быть полезными, и къ услугамъ присоединять безпрестанно другія? О нѣтъ! во всякомъ родѣ и состояніи, человѣкъ мнѣ благодѣявшій будетъ жить въ моей памяти, и я его за гробомъ не забуду. Что нужды что усердіе его было заключено, что онъ во мзду трудовъ имѣлъ отличныя въ домѣ моемъ преимущества, то дѣлалъ мой отецъ; но я, чѣмъ ему воздамъ, чѣмъ? Моей памятью, вздохомъ искреннимъ, слезами непритворными, тѣми дарами, которое расточаетъ чувствительное сердце въ жертву благотворителямъ своимъ и друзьямъ. Онъ не оставилъ по себѣ потомства; вдова его состареется прежде нежели сіи строки выдутъ на свѣтъ, и когда дѣти мои прочтутъ ихъ, то они отыщутъ гробы сихъ почтенныхъ служителей дѣда своего и скажутъ поклонясь имъ: вотъ дань наслѣдственная отца нашего, которую мы вамъ любя его безъ ропоту платимъ.

Во всю ту осень по Москвѣ свирѣпствовала какая то епидемическая простуда называемая Gripре. Кашель слышанъ былъ на балахъ, на театрахъ, въ огромныхъ торжественныхъ залахъ, въ судахъ, полкахъ и храмахъ; всякой почти кашлялъ, доктора наживались, а больные выздоравливали посредствомъ одной благодѣтельной натуры, которая знала лучше Гиппократовъ причину порчи и умѣла помогать ей своими средствами. Тѣмъ не менѣе однако повѣтріи сіи дѣлали множество досады молодинькимъ дѣвушкамъ и взрослымъ юношамъ; многія отъ бережливости засиживались дома, прекращались отъ того случаи къ свиданію; когда же? Зимой! Въ такое благополучное время, когда въ Москвѣ всякой всякаго по пяти разъ на недѣлю можетъ видѣть въ публикѣ, несносно было имъ сидѣть на діетѣ и видить однихъ угрюмыхъ родственниковъ, да скучныхъ медиковъ, которыя лишь тогда становились милы, когда давали позволенія на выѣздъ. Но повальная ета простуда была и не опасна и не продолжительна; перемѣны въ атмосферѣ часто бываютъ гораздо невиннѣе и сноснѣе перемѣнъ политическихъ.

Коловратности тогдашняго правительства будутъ составлять знаменитую Епоху въ лѣтописяхъ нашего края. Все шло на изворотъ; ничто не имѣло ни правилъ ни основанія; первая минута, внезапная встрѣча, при каждомъ пробужденіи Павла дѣйствовали на всѣ обстоятельства его царства и прочихъ — отъ его затѣи, которую производила всегда какая нибудь вздорная причина зависила участь многихъ. Изчислить право невозможно всего того, что онъ творилъ; никакое перо того не опишетъ и сто лѣтъ послѣ насъ дивиться станутъ какъ послѣ Петра Перваго, послѣ Елисаветы, послѣ Екатерины второй, возсѣлъ на тронъ такой своенравной владыка. Но видно что послѣднія годы осьмнадцатаго столѣтія предопредѣлены были на произшествіи во всѣмъ мірѣ необыкновенныя. Россія и Франція сдѣлались тому свидѣтелями прежде всѣхъ. Въ этотъ годъ скончался кн. Безбородко и хотя по способностямъ его, навыку и свѣденіямъ можно было правильно сомнѣваться естьли кому его замѣнить, но Павелъ доказалъ, что онъ изъ ничего сдѣлаетъ канцлеровъ. Иностранная коллегія съ тѣхъ поръ какъ трактирная дѣвка переходить стала изъ рукъ въ руки, то Куракинъ, то Растопчинъ, то Панинъ, будучи по очереди Вицъ-Канцлерами управляли ею и она стоя всегда на вѣтру какъ мельница вертѣлась безъ умолку, и молола вмѣсто чистой муки вздоръ, котораго насыпалъ туда всегда очень много чудотворный Павелъ.

Между политическими перемѣнами за важную считать должно было и смѣну князя Лопухина. Дочь его, выданная за Гагарина, осталась въ прнежемъ случаѣ собирать слѣдующія ей почести, но отецъ былъ отпущенъ, и мѣсто его сперьва занялъ Беклешовъ [1]), человѣкъ крутой, грубой, временами несносной, о которомъ доведется мнѣ пространно говорить эпоху жизни моей, но какъ и онъ не трафилъ на вкусъ Павла, то смѣнилъ его Обольяниновъ [2]), самый подлый человѣкъ, мужъ по сердцу своего Государя изъ ничего произшедшій, и достойный быть тѣмъ, къ чему призванъ былъ при такомъ Монархѣ, каковъ былъ Павелъ. Мнѣ простятъ, что я почти на каждой страницѣ обращаюсь къ такому предмѣту, которой къ собственной моей исторіи ни мало бы не принадлежалъ, а именно къ правительству и Государю; но я такъ много отъ него получилъ поцѣлуевъ наполненныхъ ядовитостью, когда онъ былъ Великимъ Княземъ, что очень радъ, что могу какъ доброй игрокъ взять свой реваншъ, и отплатить ему за нихъ приличной монетой.

---

[1]) Александръ Андреевичъ, генер. поручикъ 1745 — 1808.
[2]) Петръ Хрисанфовичъ, ген. отъ инф. 1752 — 1841.



Перемѣна Генералъ-прокурора подѣйствовала и на Соляную контору, но не къ пользѣ моей отнюдь; по какимъ то причинамъ, которыя для меня остались столько же неизвѣстны, какъ и Египетскія гіероглифы, вдругъ безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ отставили нашего Директора Нелидова. Ето такъ скоро случилось, что въ пятницу, прощаясь съ нимъ передъ Николинымъ днемъ въ Декабрѣ, и ни мало того не ожидая чтобъ случилась какая въ Конторѣ внезапная перемѣна, въ Понедѣльникъ уже мы съѣжжались въ нее подъ новымъ начальствомъ. Главнымъ Директоромъ на мѣсто Нелидова, опредѣленъ былъ Сенаторъ Мясоѣдовъ, и хотя я не имѣлъ причинъ любить Нелидова, однако по справедливости скажу, что онъ несравненно былъ разсудительнѣе, умнѣе, и къ дѣлу способнѣе, чѣмъ его наслѣдникъ. — Къ тому же онъ и часть Соляную зналъ какъ человѣкъ въ ней опытный, а тотъ никакого объ ней понятія не имѣлъ и ежели просилъ этаго мѣста, то конечно для того, единственно, чтобы получить даромъ ленты, подарки и жаловать въ маіоры по сту человѣкъ на день, чего въ Сенатѣ дѣлать ему обстоятельства не позволяли, да и случаевъ къ тому не было; и такъ засѣлъ Мясоѣдовъ съ нами, но я остался признателенъ къ достоинствамъ Нелидова и продолжалъ съ нимъ мое знакомство. Поступокъ его со мной происходилъ не столько отъ худыхъ свойствъ, не столько отъ желанія мнѣ вредить закоренившагося въ сердцѣ ко злу наклонномъ, какъ рождался отъ случайной страсти въ немъ подѣйствовавшей: самолюбіе его разыгралось; онъ былъ въ самой нѣжной части своего характера раздраженъ и дѣйствовалъ по внушеніямъ обольщеннаго духа. Естьли сердится на людей за то, и сердится продолжительно, что они подстрекаемы будучи какой либо страстью, не такъ поступятъ съ нами какъ бы здравый разсудокъ того требовалъ, въ такомъ случаѣ надобно досадовать и на пьянаго, который стекла бьетъ въ домѣ. Все равно; человѣкъ страстный въ первомъ движеніи уже безъ ума, отъ него должно уклонится буде можно; буде нельзя и сдѣлаешся его жертвой, конечно дашъ мѣсто на ту минуту досадѣ, но послѣ снизойдешь и увидишь, что злобой за это платить не должно. Я простилъ нѣкогда Ступишину въ Пензѣ, простилъ и теперь

охотно Нелидову. Много разъ въ жизни моей я такимъ образомъ прощалъ и право это не рѣшило еще меня впредь отстать отъ такой, по мнѣнію моему хорошей привычки. Буде вѣрить слухамъ, то Нелидовъ къ отставкѣ своей подалъ самъ поводъ и наказанъ былъ за сокровенной помыселъ честолюбія своего. Онъ ѣздивши въ Петербургъ, подавалъ Генералъ прокурору Беклешову бумагу, въ которой требуя себѣ тѣхъ же преимуществъ, какія имѣлъ бывшій прежней Главной Соляной Конторы Директоръ Сенаторъ Масловъ, изъяснилъ между прочимъ: что для успѣшнѣйшаго ходу въ дѣлахъ, нужно, чтобы человѣкъ, носящій его званіе, имѣлъ титло Сенатора. Мысль его какъ видно была та, чтобы дали ему чинъ Тайнаго Совѣтника и посадили въ Сенатъ, но въ отсутствіе его, ибо онъ долженъ былъ не дождавшись успѣха ѣхать къ своему мѣсту, а тогда нельзя было просрочивать по шести мѣсяцевъ и болѣе какъ при Екатеринѣ; въ отсутствіе его, говорю, бумаги получили совсѣмъ другой оборотъ; мысли его найдены правильными, и во исполненіе оныхъ, добрыя люди сработали тамъ такъ, что на мѣсто его опредѣлили Сенатора Мясоѣдова. Дѣлать съ этимъ было нѣчего; надлежало покорится. Нелидовъ уступилъ креслы свои Мясоѣдову и сей началъ сперьва подчивать насъ привѣтствіями. Около того же времени наряжены были по всей Россіи изъ Сената ревизоры для осмотра судилищъ частныхъ по мѣстамъ, и общихъ по всему Государству. Соляную Контору сбирались осматривать Сенаторы Заборовской и кн. Вяземской. Первой изъ нихъ былъ Генералъ-Губернаторомъ въ Володимірѣ, а другой въ Пензѣ. О семъ послѣднемъ много говорено было мною въ свое время; и такъ мы оканчивали годъ въ большихъ хлопотахъ, приготовлялись къ отчету, не только передъ ревизорами, но и передъ собственнымъ своимъ новымъ начальникомъ.

Какъ объ немъ, такъ и о сей ревизіи положилъ я пространно говорить въ слѣдующемъ годѣ, дабы не прерывать связи въ моихъ произшествіяхъ, а теперь въ заключеніе года скажу только, что все это не мѣшало мнѣ дѣлить времени между друзьями моими и пользоваться ими столько, сколько смертному въ свѣтѣ позволено. Увидѣвши слово друзей здѣсь, кто нибудь можетъ быть подстережетъ меня, найдя невозможнымъ имѣть ихъ во множествѣ, тогда, какъ и одного говорятъ настоящаго сыскать трудно. Такъ конечно: буде мы вообразимъ друга, и захотимъ его съ римскими нравами, то и ни одного не сыщемъ, но я не гоняюсь за невозможнымъ, и ежели слѣпо вѣрить исторіи, которая передала намъ тьму примѣровъ такого дружества, для котораго одинъ за другого, люди часто въ огонь и въ воду на перерывъ кидались, по крайней мѣрѣ въ наши времена за такими дивами я не гоняюсь; а доволенъ и называю друзьями тѣхъ, кои безъ излишества въ чувствахъ, безъ чрезвычайности въ поступкахъ любятъ меня сколько по естеству возможно и желаютъ мнѣ добра; а въ етомъ родѣ друзей надобно имѣть много, по тому что всякой желаетъ другу своему счастія по своему свойству, и такъ, имѣя одного, никогда благополученъ не будешь. Онъ, будучи на примѣръ скупаго характера, пожелаетъ тебѣ быть богатымъ, тогда какъ ты вмѣсто богатства желаешь почести; а онъ, не будучи честолюбивъ, не понимаетъ твоей прихоти и желаетъ тебѣ противнаго. Напротивъ, когда друзей много и они всѣ какъ и естественно то заключать должно, различныхъ свойствъ и нравовъ, то всякой желая тебѣ того же, чего бы самъ хотѣлъ

соединяютъ во многихъ разныхъ своихъ желаніяхъ цѣлое твое блаженство, и въ немъ никакого нѣтъ недостатка. Смотря на общество и сожитіе людей между собой, я часто сравниваю ихъ съ библіотеками. Охотникъ до книгъ не можетъ одной быть доволенъ. Послѣ Попа, Кондильяка и Лагорпа, которой такую всѣмъ имъ далъ розцѣнку, захочетъ онъ и Кребильоновы басни прочесть, заглянуть въ Флоріяна, поумствовать съ Мерсье, поѣздить съ Лангсемъ, волочится съ Вольтеромъ, плакать съ Стерномъ и подурачится съ Скарроном, и такъ далѣе. Все ето требуетъ многихъ книгъ. Общество, въ которомъ среди извѣстнаго числа людей нельзя найтить для всякаго чувства пищи, для всякаго желанія предмѣта, есть недостаточно, точно такъ какъ сочиненіе, въ которомъ потерянъ одинъ томъ. Душа ищетъ связи откровенной и честныхъ нравовъ, сердце трогательныхъ вздоховъ и слезъ умиленныхъ, текущихъ отъ горячей и восхитительной любви; разумъ хочетъ глубокомыслія и бѣгаетъ за ученостью; за людьми безстрастными, посѣдѣвшими въ испытаніяхъ. Какъ скоро нѣтъ всего того въ обществѣ, оно бѣдно и наводитъ скуку. Надобно, чтобы человѣкъ среди людей былъ доволенъ; надобно ему соединить въ нихъ всѣ оттѣнки разныхъ свойствъ его и чувствованій; иначе онъ будетъ все читать одну книгу. Она скоро ему надоѣстъ; другой онъ не сыщетъ, и самое чтеніе ему такъ опротивитъ, что онъ въ кабинетъ свой никогда войти не захочетъ. Сравненіе сіе можетъ быть мной уже повторялося; естьли такъ, то виноватъ, но я пишу уже двадцать лѣтъ мою исторію и весьма не мудрено, естьли черезъ такое долгое время, я одно и то же повторилъ даже болѣе двухъ разъ. Во первыхъ я пишу для себя и для дѣтей моихъ, и пишу съ тѣмъ, что ежели мои записки увидятъ въ свѣтѣ, то въ немъ тогда меня не будетъ, а потому мнѣ и нужды не встрѣтится сѣтовать о томъ, такъ ли обо мнѣ думаютъ по моей исторіи какъ я желаю или иначе. Сверхъ того я совсѣмъ не писатель публичной; я мараю бумагу для своего занятія, для моихъ забавъ; Ето наполняетъ мои досуги, сокращаетъ время, котораго такую значную часть долженъ бы я былъ безъ того отдавать праздности. Я писатель или марачка совсѣмъ не систематической; начала съ концемъ несвязываю, пишу погодно что со мной случилось; разсуждаю о дѣйствіи всякаго случившагося со мной произшествія на мой умъ и сердпе; такъ, какъ то и другое настроены бываютъ. И такъ, не войду въ досаду ежели никто и читать меня не станетъ. Какъ кому угодно. Я себя ни за Тита Ливія, ни за Саллюстія не выдаю, слѣдовательно и критиковать меня мало находки; да я же еще разъ твержу, критики не услышу, не провѣдаю, потому что гробъ очень крѣпко затыкаетъ человѣческія уши. Худо только то, что я все сулю басни, а безпрестанно толкую чего у меня никто не проситъ. Я бы долженъ былъ разсказывать мое приключеніе, какъ сказку, какъ Газетчикъ Европейскія сшиваетъ новости одну за другою, и, кажется, даже твердо рѣшился такъ поступать въ началѣ года, но къ концу онаго измѣнилъ. Трудно я вижу преодолѣть природу. Со мной сбывается во всѣхъ смыслахъ французская пословица: chassez la naturel, il revient au galop. Театръ, женщины, все тому служитъ примѣромъ и доказательствомъ, и такъ, ежели человѣка передѣлать нельзя, ежели подлинно согласиться и по неволѣ должно въ томъ, что каковы мы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилкѣ, то да простятъ мнѣ мои росказни, и позволятъ продолжать также ихъ въ наступающемъ годѣ, въ загла-

віи котораго будетъ и у меня сіять Мясоѣдовъ, какъ ясной мѣсяцъ на небѣ, которой еще не успѣлъ въ полнотѣ своей озарить Соляную Контору, какъ уже она и ущербъ его примѣчать стала. Увы! не все то золото что свѣтится. Приготовляясь говорить объ немъ, нельзя не вспомнить славныхъ Державиныхъ стиховъ, которыми онъ столь достойно увѣнчалъ на всѣ грядущія вѣки память одного современника своего:

Оселъ пребудетъ вѣкъ осломъ
Хотя осыпанъ онъ звѣздами,
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.

Вотъ и мои вамъ поминки всѣ Господа почетные дураки, а за тѣмъ прости годъ любезной, прекрасной въ моей жизни. И ты хотя имѣешь свои пятна, но кто безъ нихъ на свѣтѣ; по крайней мѣрѣ ты не замаранъ. Есть мѣста въ тебѣ, на которыя можно взглянуть съ пріятной улыбкой, съ благосклоннымъ чувствомъ удовольствія. Чего же больше? все несовершенно. 365 дней не могутъ быть одинаковы; гдѣ можно, между ими отыскать по больше дней радостныхъ тотъ годъ хорошъ, милъ, счастливъ, словомъ тотъ годъ есть таковъ, каковъ былъ для меня истекшій, подъ сей послѣдней чертой моего пера, которое къ нему уже не возвратится.

1800.

Стань и ты послѣдній годъ осмнадцатаго столѣтія на судъ мой; возобновись въ памяти моей, дабы я обличилъ предъ потомствомъ моимъ твои благія и злыя приключеніи. Многіе теперь сидя въ своихъ кабинетахъ также какъ я, передаютъ тебя временамъ грядущимъ, но съ большею пользою для рода человѣческаго, ибо многіе пишутъ для міра, а я только для моего семейства. Многіе я чаю, назначили тебя въ жизни своей черными буквами, иные намарали кровью, а я еще спасаясь рукой Всевышняго отъ сильныхъ злоключеній, могу когда и свѣтлыя краски вмѣщать въ мой рисунокъ.

Я началъ годъ сей съ стороны домашнихъ обстоятельствъ въ такомъ же расположеніи, въ какомъ прошедшій кончилъ, но съ стороны службы, совсѣмъ въ новомъ нашелся состояніи. Г. Мясоѣдовъ обворожилъ насъ своей привѣтливостью, но обольщеніи наши скоро изчезли. Скоро увидѣли что онъ изъ тѣхъ людей, кои мягко стелятъ, а жоско спать. Вотъ что въ свѣтѣ бѣдственно, что мы должны опытомъ собственно своимъ на счетъ нашего спокойства и тишины узнавать характеры тѣхъ людей, съ коими жить осуждаемся. Для чего нельзя при каждомъ новомъ знакомствѣ узнать человѣка совершенно. Ахъ! для чего нѣтъ у людей слухового окошка, которое открывши, можно было бы проникнуть въ ихъ сердце и никогда не быть жертвой ихъ коварства! Мясоѣдовъ принявъ контору началъ тѣмъ, что далъ предложеніе пунктахъ на сорока, въ которомъ онъ порочилъ все то, что сдѣлано было его предмѣстникомъ, дабы тѣмъ умножить славу свою и показать тонкую прозорливость. Выслушавъ ето произведеніе въ конторѣ и выпивъ такъ сказать весь ядъ подлаго шиканства, мы въ конторѣ не разсудили оговаривать неосновательность многихъ его заключеній, потому что они относились большею частію къ правамъ и собственнымъ обязанностямъ Директор-

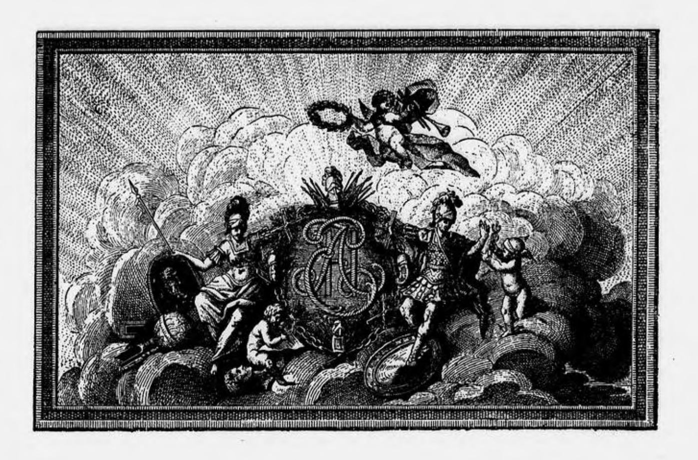
скаго мѣста, котораго защитать контора и не должна была, а только бы противъ себя самой раздражила своего начальника. Благоразуміе требовало отъ насъ, чтобы мы приняли ето поученіе съ кротостью, однако я не меньше при выслушаніи предложенія, осмѣлился Г. Мясоѣдова спросить: на какой конецъ онъ его даетъ? съ тѣмъ ли только, чтобъ показанныя погрѣшности были исправлены въ самой конторѣ безъ огласки ихъ, или онъ намѣренъ сдѣлать ихъ извѣстными далѣе? но онъ мнѣ отвѣчалъ, давъ залогомъ въ томъ Бога и честь свою; обыкновенныя сокровища тѣхъ, кои внутренно ни перьваго не чтутъ, ни послѣдняго не имѣютъ, что бумага имъ подписанная останется въ конторѣ. Успокоясь въ семъ удостовѣреніи клятвенно произнесенномъ въ цѣломъ присутствіи, мы оставались покойны и приписывали сочиненіе Г. Мясоѣдова общей Руской пословицѣ: Всякій молодецъ на свой образецъ. Многіе почитаютъ за какую то славу войдя въ новое званіе, порочить все то, что предмѣстниками ихъ было сдѣлано; однако Мясоѣдовъ не долго насъ выдержалъ въ такомъ пріятномъ заблужденіи на свой счетъ. Скоро узнали въ Москвѣ всѣ мнимыя нами безпорядки, потому что онъ самъ видно почитая предложеніе свое сочиненіемъ превосходнымъ, давалъ съ него копію товарищамъ своимъ въ Сенатъ и хвасталъ имъ въ своихъ обществахъ. Г. Г. Сенаторы Заборовскій и кн. Вяземской знали его отъ слова до слова, и когда они приходили ревизовать контору, то руководствовались его замѣчаніями, слѣдовательно при семъ осмотрѣ контора одна должна была пострадать за вины бывшаго своего Начальника, ежели и подлинно они были; Сенаторы однако пройдя весь нашъ канцелярскій обрядъ табели и вѣдомости, и не понявъ ничего въ нашей бухгалтеріи, которую признаться часто и мы не понимали, оставили насъ благонадежными въ томъ, что нѣтъ ничего къ погибели насъ ведущаго и что они осуждать насъ не могутъ. Но сіи изустныя только выраженіи, ничѣмъ на письмѣ не подкрѣпленныя не давали мѣста совершенному спокойствію; оно скоро было совсѣмъ встрѣвожено, когда вдругъ получили мы въ контору Указъ Сенатской, въ которомъ всѣ пункты Мясоѣдова бывъ прописаны, требовался съ конторы отвѣтъ. Тутъ мы увидѣли въ полномъ ея сіяніи благородную душу Г. Мясоѣдова, который никакими новыми опытами не старался направить мыслей нашихъ въ лучшую о себѣ сторону. Получа такой Указъ, я напомнилъ ему о Богѣ и о чести, но онъ самымъ лицемѣрнымъ образомъ увѣрялъ меня, что писалъ о семъ партикулярно только въ свою очистку къ Генералъ прокурору; отнюдь не съ тѣмъ, чтобы заводить изъ того слѣдствіи, напротивъ, будто бы даже онъ просилъ его, ету бумагу сохранить для его только вѣденія. Странная выдумка! Какъ будто Г. Мясоѣдовъ не зналъ, что предложеніе на сорока пунктахъ посланное къ Генералъ прокурору не можетъ быть партикулярнымъ отношеніемъ, и что кромѣ дѣловой переписки, никто я думаю не занимается между пріятельскими и знакомыми письмами, чтеніемъ коллежскихъ бумагъ и предложеній. Какъ будто съ другой стороны слово о ч и с т к а, которую Мясоѣдовъ въ извиненіе себя передъ нами помѣщалъ, не значило что онъ намѣренъ былъ дать настоящій судебной ходъ своей бумагѣ, ибо принимая ее партикулярнымъ только письмомъ, въ какую очистку могла она ему обратится? И такъ неудачный отзывъ его сдѣлался вывѣской его свойства и опредѣлилъ между имъ и конторой съ самаго начала управленія его, общій и

постоянный раздоръ. Въ такомъ положеніи себя видя, онъ почелъ необходимостью оградить себя людьми ему подобными, или по крайней мѣрѣ имѣть на сторонѣ своей хоть одного преданнаго себѣ человѣка, и сдѣлавъ себѣ планъ мысленной, никому о томъ не объявляя, отпросился въ Питеръ, для сношенія съ правительствомъ по новой части ему ввѣренной, и скоро поѣхалъ, оставя мнѣ по формѣ какъ старшему члену надзоръ надъ всѣми текущими дѣлами, о которыхъ обязаны были мы посылать ему каждонедѣльно меморію.

Отправя его на сѣверъ, ловить рыбу въ лужѣ, скажу здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ въ чемъ состояла вся его служба. Онъ происходилъ чинами какъ и всѣ дворяне, сперьва по гвардіи, изъ которой получилъ при отставкѣ къ статскимъ дѣламъ по обряду тогдашняго времени чинъ бригадира; потомъ попавши въ Вицъ Губернаторы въ Калугу, гдѣ Генералъ Губернаторомъ былъ Кречетниковъ подбился къ нему въ милость, навѣщалъ вседневно его переднею, а у Вельможъ ето большія заслуги, и наконецъ выучась у него ходатайствовать о чинахъ для всѣхъ подчиненныхъ своихъ безъ разбора, и тѣмъ основывать вѣсъ свой въ людяхъ и собирать вокругъ себя толпу тварей безъ ума, нравственности и достоинствъ, переходилъ отъ должности къ другой постепенно. Сперьва въ Вицъ губернаторы въ Москву, потомъ въ оберъ-прокуроры въ Сенатъ; наконецъ пожалованъ былъ въ Сенаторы и получилъ анненскую ленту при Владимірской на шеѣ. Вотъ о его службѣ; о характерѣ довольно сказано изъясненіемъ его прекраснаго поступка съ нами; впрочемъ, время и совокупныя труды около общаго дѣла показали намъ ясно и въ недолгое время, что онъ человѣкъ неспособной къ службѣ; безъ дальновидности въ средствахъ, безъ соображеній, безъ всякихъ основательныхъ правилъ; весь блескъ свой и мнимыя достоинства получающій отъ случайныхъ господъ, у коихъ онъ имѣлъ особливой навыкъ и искусство содержать себя въ милости. Вотъ все, что его поддерживало у Двора и въ службѣ; а безъ протекціи онъ бы весь свой вѣкъ былъ пустой человѣкъ. Тщетно бы мы надѣятся стали на отношеніи г.г. Сенаторовъ ревизовавшихъ контору; они не сильны были ничего въ нашу пользу сдѣлать; Мясоѣдовъ имѣлъ предъ ними большой перевѣсъ, и конечно, дабы не войтить съ замѣчаніями его въ гласное противорѣчіе, они ежели и похвалили насъ, то вѣрно съ легка, впрочемъ всѣ ихъ представленіи остались суетны, — изчезли какъ дымъ. Приводя себѣ на мысль его время службы моей въ конторѣ, не могу безъ смѣха вспомнить чудесной ихъ ревизіи. Конечно, Небо, чтобы нѣсколько разсмѣшить насъ посреди тѣхъ драмматическихъ явленій, кои приготовлялъ намъ Мясоѣдовъ, хотѣло намъ доставить такую коммическую сцену. Г. Заборовской, такой смирной отъ природы человѣкъ, что онъ бы могъ кажется донести дюжину стакановъ стеклянныхъ отъ Питера до Астрахани пѣшкомъ не только ни одного не разбивши, но даже и не пошевеля ихъ на подносѣ; а кн. Вяземской такой пламенной и быстрой напротивъ, что въ его рукахъ и чашка воды не удержалась бы на двухъ шагахъ, безъ того, чтобы до дна не пролится. Оба, каждой въ своемъ родѣ дѣлали мнѣ и Порякову свои вопросы: одинъ съ большою разстоновкою, такъ что между двумя вопросами можно было бы допросить всѣхъ Московскихъ колодниковъ; — другой по десяти на одной минутѣ, и ни тотъ ни другой ничего явственно въ отвѣтахъ нашихъ не понимая, довольствовались за-

путанными табелями, которыхъ ни тотъ кто ихъ сочинялъ, ни крѣпилъ, ни подписывалъ, никто ничего не понимали. Они были нарочно такъ составлены, чтобы неудобность въ изъясненіи, отнимала способы разсуждать о ихъ содержаніи обстоятельно. Во первыхъ они написаны были на превеликихъ листахъ кортонной бумаги, какой больше въ продажѣ не бываетъ. Раздѣленіи статей Соляныхъ на нѣсколько сотъ графъ, и мѣлкая пропись въ нихъ милліонныхъ цифровъ, все ето такую представляло картину, отъ которой не только два Сенатора, подобныя тѣмъ, коихъ я имѣлъ честь описать, но право думаю весь сенатъ бы разбѣжался; а сочинялъ такія славныя документы г. Поярковъ, который держался старинныхъ правилъ, и думалъ что чѣмъ болѣе дробей въ разсчетахъ, тѣмъ они для несмысленныхъ замысловатѣе должны казаться. Коротинькой счетъ и ясной никого не удивитъ, а для сенаторовъ какъ меньше нашего можно было заготовить? Я тогда очень много внутренно смѣялся и радовался заранѣе пользамъ, которыя правительство отъ подобныхъ ревизій ожидать можетъ. Но обратимся къ сѣверу, тамъ совсѣмъ не до смѣха.





Тамъ Мясоѣдовъ происками своими выходилъ отставку Пояркову съ половиннымъ жалованіемъ безъ всякаго его желанія, и на мѣсто его опредѣлили Вельяминова, статскаго совѣтника, бывшаго вицъ губернаторомъ въ Тулѣ, послѣ Мясоѣдова, и такого же фаворита Кречетникова. — Етотъ человѣкъ, промотавши всю казенную тамошнею палату, былъ во время Екатерины отставленъ съ такимъ замѣчаніемъ, чтобы никогда не вступать въ службу. Но чего не дѣлаетъ случай и подпора знатныхъ господъ? Всѣ сіи замѣчанія были забыты, изглажены, и онъ получилъ новое мѣсто, никакихъ не имѣя способностей и ума. Онъ былъ таковъ каковы надобны были Мясоѣдову товарищи. Отъ него онъ не ожидалъ никакихъ противорѣчій, ровно какъ и отъ Волконскаго; о нижнихъ чинахъ, то есть о младшихъ чинахъ, нечего было и сомнѣваться, что они всегда будутъ на его сторонѣ, слѣдовательно выгнавши Пояркова, съ которымъ двое мы могли нѣкоторыя ему дѣлать преграды, оставался я одинъ; но одинъ и въ полѣ не воинъ и у каши не споръ, какъ говорится. Устроивъ такимъ образомъ свои связи въ Питерѣ, и приготовивъ себѣ опоры на всякой случай, воротился онъ въ Москву. Хотѣлось ему и меня выгнать, но не смѣлъ вдругъ двухъ членовъ вытѣснить, дабы не подать поводу думать о своей личности; а скоро представился ему случай, и онъ едва имъ не воспользовался, нанести мнѣ сильную разстройку. — Дѣла на пермскихъ соляныхъ заводахъ были въ крайне запутанномъ положеніи, и нужно было подлинно послать туда члена, который бы привелъ ихъ въ порядокъ; онъ избралъ меня, назначилъ, и опредѣленіе уже было готово. — Положеніе мое въ Москвѣ, связи мои, состояніе женнино, которая была на сносяхъ, все дѣлало мнѣ ету поѣздку тягостною, а по

обстоятельствамъ дѣлъ и совсѣмъ для меня невыгодной. Ѣхать почти въ распутицу, ибо сіе дѣлалось уже въ Мартѣ, на край свѣта, приближится къ Сибири, прожить около полугода, а можетъ быть и больше на заводахъ, отрѣшить многихъ, и никому не сдѣлать добра, а сверхъ того запутаться въ росчетахъ, которыя лѣтъ двадцать никѣмъ не были приводимы въ порядокъ; всякой увидить, что тутъ я для себя ничего пріятнаго не могъ представить. Употребя ходатайство всѣхъ моихъ знакомыхъ и родственниковъ, кое какъ я отъ сей посылки отдѣлался, и вмѣсто меня нарядили Нелидова, младшаго члена конторы и родственника бывшаго директора, котораго Мясоѣдовъ за тѣмъ прежде не хотѣлъ назначить, что боялся общаго заключенія что онъ тѣснитъ родню бывшаго директора. — Прекрасное передо мной оправданіе! Какъ будто онъ имѣлъ какое либо право имянно меня посылать для того только, чтобъ не имѣть видъ притѣснителя другаго! Всѣ его заключенія и дѣла были подобнаго разбора. Знаю, что я не могъ открытымъ образомъ противится моей командировкѣ; она дѣлана была всей конторой не изъ прихоти, а по нуждѣ, и служба не давала мнѣ никакихъ причинъ или правъ къ отговоркамъ. Знаю опять и то, что при малѣйшемъ моемъ упорствѣ, онъ не оставилъ бы принести жалобы на меня Сенату, Сенатъ доложилъ бы Государю, а Государь по его ко мнѣ отвращенію и Богъ знаетъ что со мной бы сдѣлалъ; слѣдовательно надлежало прибѣгнуть къ средствамъ кроткимъ и болѣе надежнымъ, кои мнѣ и удались. Изъ всѣхъ сихъ предположеній Г. Мясоѣдова вышло только то, что я провелъ Святую Недѣлю въ самомъ смутномъ и непріятномъ положеніи, между страха и надежды, въ невѣденіи, ѣду ли или остаюсь. — О! какъ въ ето время было тяжело моему сердцу! Но чтобъ открыть его безъ принужденія, безъ коварства, я не потаю здѣсь, что отъ сей поѣздки не столько удерживали меня всѣ тѣ правильныя причины, которыя общему уваженію представилъ я здѣсь выше, какъ склонность моя къ В[олконской] съ которой разстаться я никогда не имѣлъ силы, которая до такой степени овладѣла моими всѣми чувствами, что я въ двухъ верстахъ отъ нее не могъ быть ни счастливъ, ни спокоенъ. — Чтожбы въ такой отдаленной разлукѣ и при всѣхъ сопровождающихъ ее домашнихъ и по службѣ заботахъ? Такія припадки со мной были не рѣдки, ничто не могло исцѣлить отъ нихъ моего сердца; оно всегда кипѣло, предавалось страсти любовной безъ разсудка, и не умѣло иначе привязыватся къ другому сердцу, какъ съ чрезвычайностію. — И такъ, оставшись въ Москвѣ, я ожилъ и былъ спокоенъ.

Нелидовъ проживъ тамъ болѣе года, не сдѣлавъ ничего полезнаго показалъ на самомъ опытѣ справедливость моей догадки, что сія коммиссія не вела ни къ чему доброму. Во время его тамъ пребыванія какого бы рода бумага оттуда не доходила въ контору, она имѣя тамъ въ отрядѣ члена своего препоручала ему всѣ свои тамъ дѣла и изслѣдованія, такъ что вмѣсто настоящаго дѣла, за которымъ былъ Нелидовъ на тѣ заводы посланъ, онъ уже обремененъ былъ подъ благопристойными видами, всѣмъ управленіемъ завода; точно такая же судьба меня бы тамъ постигла. Трудно было отправить, а заѣхавши въ Сибирь продержать тамъ было бы дѣло самое легкое; бѣжать нельзя, просить позволенія воротиться тщетно, никто бы не поторопился дать его, а исправить заводъ, пріобрѣсти тѣмъ честь и какую нибудь похвалу, суетно бы было льстится, потому что порченное вѣками однимъ годомъ ни при

какихъ способностяхъ не поправишь. И такъ не дурно я предвидѣлъ будущее, когда отговаривался отъ етой посылки. — Въ нашей службѣ есть часто случай, подъ видомъ благотворенія или самаго лестнаго о человѣкѣ мнѣнія такъ его стѣснить, что и наказанія бы настоящія сдѣлались гораздо легче такой милости. Мясоѣдовъ, отряжая меня, все говорилъ и въ протоколъ писалъ, что онъ ето дѣлаетъ по убѣжденію его въ моей дѣятельности, расторопности и благоразуміи. Онъ никогда такъ прилежно меня не хвалилъ и никогда такъ не досадовалъ, какъ встрѣтившись съ разными препятствіями къ исполненію столь лестнаго для меня желанія.

Съ начала весны г. Мясоѣдовъ сталъ приготовляться къ отъѣзду въ низовыя провинціи, для осмотра Саратовской и Нижегородской Соляныхъ конторъ и Елтонскаго озера. Въ отсутствіе его доводилось по старшинству править конторой мнѣ, но мы всѣ повелѣніи получали отъ него и меморіи посылали къ нему во всѣхъ нашихъ упражненіяхъ. Важныя дѣла и терпящія медленность (откладывали) до его возвращенія, а текущія исправляли посильнымъ образомъ. Никто изъ насъ не имѣлъ къ трудамъ большой охоты, да и странно было бы ее требовать. Пріятно работать на себя, а на другихъ, я думаю, никто не любитъ.

Въ отсутствіе его, по какому то случаю, котораго хорошенько я и припомнить уже не могу, велѣно было Указомъ Сената нарядить члена въ Крымъ; тогда етотъ нарядъ надлежало сдѣлать мнѣ и спроситься у него было нѣкогда. Указъ не терпѣлъ отсрочки. Я вообще съ конторой командировалъ Измайлова, который отказался за болѣзнью и скоро потомъ вышелъ въ отставку, и такъ палъ жребій сей на разслабленнаго и хвораго князя Херіулидзева, который въ сопровожденіи хирахгры и подагры съ патріотическою ревностію въ путь отправился. Вельяминова нарядить было бы безполезно, хотя и слѣдовало; онъ бы не послушался, списался съ директоромъ, и сей давъ предложеніе о его остановкѣ, разсудилъ бы можетъ быть меня отправить. Я не смѣлъ бороться съ силой; множество несчастныхъ опытовъ научили меня уклоняться отъ такого неровнаго сраженія, и благо, кн. Херіулидзевъ охотно желалъ ѣхать, то безъ дальняго отягощенія совѣсти мы его послали.

Опредѣленіе наше было Мясоѣдову пріятно; оно согласно было съ его мыслями и такъ оставалось намъ самимъ быть довольными полной удачей въ нашемъ распоряженіи. А полезно ли было для службы, для дѣла, что поѣхалъ туда человѣкъ безъ смысла, безъ догадки, чуть чуть дышущій, которой едва туда доѣхалъ и насилу домой воротился? — Объ етомъ не надлежало и думать. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобъ соблюсти форму, отправить члена, а затѣмъ все бы шло своимъ чередомъ. Да тѣмъ и лучше право, что умничать, то хуже. Иногда простота безъ дальновидности ведетъ къ лучшему концу, и самыя важнѣйшія предпріятія, чѣмъ хитрая осторожность и замысловатыя догадки.

Пока директоръ нашъ разъѣжжалъ по конторамъ и учился своему дѣлу, не умѣя и самъ учить оному никого, останусь я на минуту дома и поговорю о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

18 іюня жена родила дочь, которой мы дали имя Натальи [1]). Оно намъ всегда нравилось, но отецъ мой, основавъ на несчастіяхъ ма-

[1]) Княжна Наталья Ивановна Долгорукова † отъ чахотки 16 ноября 1819 г.

тери, которую такъ называли, разныя на счетъ имяни сего предубѣжденіи, при жизни своей никогда не позволялъ намъ его давать своимъ дочерямъ. Смерть его прекратила сіе препятствіе; его предразсудки не могли быть нашими, и мы въ честь бабки своей [1]), знаменитой не только въ семействѣ нашемъ, но и въ исторіи отечественной, назвали дочь свою Натальей. Родины женины слава Богу были благополучны. Они не сопровождались никакими опасными и устрашительными приключеніями. Старикъ акушеръ Берхманъ и бабка ея не покидали ни на минуту. Въ перьвой четверти пятаго часа по полудни далъ намъ Богъ ету дѣвочку. Я стоялъ подлѣ спальны жены моей, когда она родила и, услышавъ перьвой крикъ младенца, я прибѣжалъ къ матери, обнялъ ее, мы оба взглянули на Наташу, оба заплакали и приласкали новый плодъ любви нашей. Еще человѣкъ отъ насъ новой; еще душа новая, которая отъ насъ получила физическое свое образованіе.

Кажется въ такія сладкія минуты, чѣмъ бы человѣкъ ни былъ занятъ, какія бы страсти ни колебали его незрѣлаго разсудка, что можетъ быть милѣе мужу жены его, жены, раждающей младенца, которому онъ совокупно съ ней далъ жизнь и бытіе? Младенца сего крестили два кума и двѣ кумы; мать моя съ Солтыковымъ [2]) и князя Юрія Владимировича Долгорукаго жена, княгиня Катерина Александровна [3]), съ дядей нашимъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ [4]) Голицынымъ. Крестины происходили 26-го іюня въ нашемъ домѣ и безъ всякаго огромнаго пиршества. Радость истинная не требуетъ пировъ. Когда она сіяетъ въ глазахъ нашихъ, и всѣ черты изображаютъ ея прелести. Начто тогда восклицаніи гостей и сборище чужихъ? — Тутъ своихъ домашнихъ, своей одной семьи довольно.

И такъ у меня уже было шесть человѣкъ дѣтей; надежда на Провидѣніе до толѣ не попустившаго насъ быть совершенно нищими, подкрѣпляла меня и претила огорчатся, когда я, задумываясь о будущемъ, бросалъ взоръ впередъ. Не Богъ ли, говорилъ я, видимымъ образомъ насъ щадитъ, спасаетъ, кормитъ, Онъ же, Онъ всеконечно и дѣтей нашихъ не оставитъ, — такъ думалъ я тогда, такъ думаю и нынѣ и буду думать до гроба. О истинная и одна утѣшительная отрада! Никакія мечты міра не могутъ потрясти такой крѣпкой подпоры.

Между тѣмъ забавы имѣли свое время. И какъ тогда заводился въ Москвѣ подъ имянемъ музыкальной Академіи настоящій клубъ на образецъ прежнихъ аглинскихъ, но котораго такимъ имянемъ назвать не смѣли, потому что Павелъ нетерпѣлъ названія клубовъ—онъ боялся ихъ—онъ думалъ, что сходство имяни можетъ сдѣлать сходство и въ обществахъ съ таковыми же въ Парижѣ, которыя тогда трясли судьбами всего французскаго народа, то и я въ ету Академію мнимую записался въ члены. Новое имѣетъ всегда какія то обворожающія прелести, а къ тому и Москва такъ стѣснена была на счетъ забавъ отъ полицейскаго шпіон-

[1]) Кн. Натальи Борисовны Долгоруковой.
[2]) Александръ Васильевичъ, почетный опекунъ † 1803 г.
[3]) Юрій Владимировичъ (2 ноябр. 1740 † 8 ноября 1802 г.), дальній родственникъ автора, генер. отъ инфант. былъ женатъ на Екат. Александровнѣ рожд. Бутурлиной † въ декабрѣ 1811 г.
[4]) Братъ первой жены Мих. Ив. Долгорукова, отца автора воспоминаній, генералъ майоръ (1734 † 9 дек. 1802 г.).

ства и повсѣмѣстнаго надзора, что всякой радъ былъ куда нибудь записатся и быть съ людьми. Заводчикъ етой Академіи былъ столяръ иностранной, Лекенъ. По какимъ то связямъ съ мадамой, воспитавшей Лопухину дочь, тогдашнею фаворитку, станемъ ее такъ называть, ибо она подлинно была ею, или казатся не стыдилась, онъ выпросилъ себѣ право открыть Академію, и хотя въ ней никто не на чемъ не игралъ, никакихъ инструментовъ не слыхивалъ, однако всѣ туда стремились, и скоро открылась тамъ игра карточная, биліарды, появились старшины, мнимыя статуты, которыхъ никто не слушался, а всѣ подписывали.

Лекенъ собиралъ деньги, давалъ обѣды, наживался, а мы забавлялись, и между старшинами въ числѣ коихъ перьвымъ былъ Мятлевъ [1]), графа Солтыкова, градодержателя Московскаго старшій зять, очутился по шарамъ нечаянно и я. Ето заставило меня туда чаще ѣздить и служило мнѣ нѣкоторымъ разсѣяніемъ. Хотя съ самаго начала Академія наша не получила большаго сіянія, однакожъ обѣды давались по средамъ и субботамъ довольно большія. Мы запаслись газетами, умножали списокъ нашихъ товарищей и скоро увидѣли, что мы работаемъ на столяра, которой имѣлъ въ предмѣтѣ всѣхъ обмануть и, нажившись хорошенько на счетъ благосклонной московской публики, опять въ другой сторонѣ вселенной промышлять дубовыми столами. Что выгоднѣе для иноземцевъ Москвы и всей нашей матушки Россіи? Они сами про нее откровенно говорятъ: c'est le perron des etrangers. Взаимной обмѣнъ денегъ и удовольствій. Мы всыпаемъ милліонами въ ихъ карманы наши доходы, нажитыя пòтомъ и сильными трудами добрыхъ нашихъ хлѣбопашцевъ, а они доставляютъ намъ искусственныя увеселеніи, и такъ всѣ довольны, кромѣ мужика, который однако среди своихъ трудовъ утѣшается великимъ словомъ Русскимъ: такъ Богу угодно.

Въ этомъ изрѣченіи онъ почерпаетъ свое спокойствіе, безъ ропоту работаетъ и чаще нашего смѣется. По крайней мѣрѣ, онъ рѣдко плачетъ отъ такихъ мѣлкихъ причинъ, какія наше сердце возмущаютъ. Онъ не имѣетъ понятія о пріобрѣтенныхъ нами посредствомъ просвѣщенія печаляхъ, и вѣрно бы не сталъ тужить о томъ, что случилось со мной и что меня крайне встрѣвожило, ибо его огорченіи происходятъ отъ источниковъ одной природы, а наши утонченныя чувства влекутъ ихъ изъ политическихъ обыкновенныхъ событій и поражаются бездѣлицами. Натура рѣдко насъ мучитъ, рѣдко подвергаетъ насъ злоключеніямъ, а свѣтъ, роскошь, честолюбіе, химеры, обычаямъ посвященныя и ставшія на ряду съ законами, безпрестанно насъ терзаютъ и сосутъ внутренность, какъ змѣиное жало.—Чтожъ такое со мной случилось? Уже любопытствуетъ узнать читатель, что за бѣда, которой предвѣріе такими черными описывается красками, что такое? Тотчасъ, тотчасъ скажу, дайте собратся съ духомъ. — Вотъ что!! — Меня обошли, -- изволите ли слышать? — Обошли.

При словѣ семъ чело мое наморщивается, и я пасмурный видъ досады принимаю. Да, меня обошли, и за что, ни я, никто того не знаетъ. Павлу разсудилось пожаловать тайныхъ совѣтниковъ вдругъ такъ много, какъ капраловъ, и однимъ Указомъ повелѣлъ быть тайными совѣтниками человѣкамъ тридцати, такъ что многіе изъ нихъ обошли меня, а

[1]) Петръ Васильевичъ (13 дек. 1756 г. † 15 февр. 1833 г.). тайный совѣтникъ и сенаторъ былъ женатъ на дочери гр. Ив. Петровича Салтыкова (1730 — 1805 г.) Прасковьѣ Ивановнѣ (7 мая 1771 г. † 11 декабря 1859 г.).

нѣкоторыя обошли и товарища моего Волконскаго, но что мнѣ до него, здѣсь дѣло идетъ мое. Станемъ говорить объ одномъ себѣ.—Не сказанно бывъ етимъ тронутъ, тѣмъ паче, что по истинѣ говоря, многія сего повышенія не болѣе меня были достойны. Я не говорю о губернаторахъ и президентахъ. Въ этихъ чинахъ люди конечно должны были взять предъ членомъ соляной конторы, ничего не дѣлающимъ, преимущество. Я всегда къ трудамъ былъ признателенъ, потому что самъ во всю службу мою любилъ трудиться и никогда не ропщу, ежели возметъ передо мной шагъ такой человѣкъ, который трудится. Но кураторъ университета, совѣтникъ банка, какое имѣютъ право превосходить во вниманіи Монаршемъ члена соляной конторы?—Я почиталъ себя обязаннымъ по крайней мѣрѣ не остатся безмолвнымъ, по крайней мѣрѣ заявить, что я свою обиду чувствую и равнодушно ее не перенесу, что одна бѣдность заставляетъ послѣ такого явнаго пренебреженія продолжать службу для того, чтобъ не потерять послѣдняго жалованія и съ семействомъ своимъ не отяготить содержаніемъ его бѣднѣйшей матери моей.

Тогда директоръ нашъ былъ въ Саратовѣ; я написалъ къ нему просьбу, дабы онъ за меня вступился, но худо я его еще зналъ. Написалъ и къ Генералъ Прокурору Обольянинову; всѣ мои письма были безуспѣшны. Писать къ самому Государю было бы не у мѣста; одно свѣжее обо мнѣ напамятованіе привело бы его въ ярость, и тогда кончилась бы [моя] судьба хуждшимъ еще чѣмъ нибудь, нежели обходомъ.—Генералъ прокуроръ мнѣ ничего не отвѣчалъ, я сему не дивился, такъ и должно; этимъ людямъ досугъ обижать, а поправить обиды никогда не достанетъ времени. — Мясоѣдовъ по возвратѣ своемъ изъ Саратова, посуля мнѣ знатное ходатайство, увѣрилъ будто напишетъ и вмѣсто того выпустилъ скаредную ложь, будто Обольяниновъ пишетъ, что я и Волконской обойдены за безпорядокъ конторы, найденной при смѣнѣ стараго директора.—Вотъ здѣсь обнаружилось все коварство Мясоѣдова, о коемъ хотя говорили, хотя я самъ до нынѣ готовъ думать, что онъ глупѣе соборныхъ звонарей, у которыхъ отъ стуку и колоколовъ весь разумъ давно отбило и имъ не до того, чтобъ умничать однако вить для происковъ не всегда потребно то, что мы вообще умомъ называемъ. Тутъ особливое какое то дѣйствуетъ свойство. Я многихъ знаю интригановъ, которыя ничего умнаго не вздумаютъ, а лукавства и пронырства такъ наполнены, что съ самымъ быстрымъ разумомъ не отвернемся отъ ихъ жала.

Таковъ былъ нашъ директоръ и тутъ болѣе всѣхъ почувствовалъ я, сколько онъ глупымъ своимъ представленіемъ при началѣ службы его съ нами по тогдашнему мнѣнію, почти общему, ничего не значущимъ, надѣлалъ много вреда. Правда, что и генералъ прокуроръ тогдашній былъ способнѣйшій человѣкъ къ тому, чтобъ утвердить обиду ближняго на самыхъ неосновательныхъ донесеніяхъ, лишь бы они приносили ему честь и самолюбію его пищу; а уже конечно Мясоѣдовъ, жалуясь на Контору, не пожалѣлъ ладону и окуривалъ своего идола щедрою рукой. Потомъ пусть объяснятъ мнѣ, какъ сдѣлались члены соляной конторы виноваты въ томъ, что зависило отъ ихъ начальника? въ томъ, что онъ одинъ имѣлъ право дѣлать, распоряжать и требовать? Онъ былъ отставленъ скажутъ мнѣ безъ желанія — сильная несправедливость. Конечно, я объ ней судить могу, потому что самъ испыталъ ее въ жесточайшей мѣрѣ, но онъ хотя мнимо, да былъ въ глазахъ правительства виновенъ.

Безпорядки его не были доказаны, но представлены такимъ лицемъ, которому дана была вѣра; слѣдовательно до совершеннаго оправданія его могъ онъ все почитатся за человѣка виноватаго. Но мы, мы и въ оправданіи нужды не имѣли, потому что на насъ чужая вина падать не могла, а отвѣчать мнѣ за упущеніи, Нелидовымъ лично или по званіи директора содѣланныя, будучи его подчиненнымъ и отнюдь не уполномоченнымъ прекословить ему въ такихъ распоряженіяхъ, кои не до всей конторы, а до него собственно, относились, было бы то же, что стать предъ судъ за поступки ЛифляндскагоГофгерихта.—До етаго какое кому дѣло?

Сколько на досугѣ ни разсуждай, я былъ обойденъ и истощивъ всѣ средства къ снисканію правосудія, ничего не получилъ кромѣ новаго чувствительнаго огорченія въ лицѣ Солтыкова [1]), который будучи также какъ я обойденъ и, принеся жалобу Государыни, ибо онъ подъ начальствомъ ея служилъ въ Воспитательномъ домѣ, при милостивомъ письмѣ отъ Императора, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и старшинство имъ потерянное.

О, какъ мнѣ было тогда прискорбно!—Не похвалю я своего негодованія, потому что Солтыковъ былъ нашъ благодѣтель, помогалъ намъ въ нашей бѣдности, принималъ въ ней участіе; его благополучіе должно было меня радовать,—такъ какъ я не похвалю движеній моихъ тогдашнихъ, они не признательны, не похвальны; но для честолюбія есть ли какое либо благотвореніе, которое бы стоило той цѣны, чтобы уступить его торжество другому? — Ето меня не извиняетъ; я не хочу украшать худова, однако сердце мое терзалось; Евгенія совокупно со мной страдала. Цѣня благодѣянія Солтыкова, содѣлавшагося можно сказать отцемъ нашего дома, какъ не признатся впрочемъ, какъ не видѣть, что онъ ничего не дѣлалъ, что служба его состояла въ осмотрѣ по деревнямъ и то въ хорошую пору воспитательнаго дома питомцевъ; въ томъ, чтобъ навѣщать грудныхъ ребятъ. — Какой подвигъ тутъ? Какая сильная такая услуга Отечеству, чтобъ поступить вдругъ, не служа впрочемъ весь свой вѣкъ нигдѣ, въ одинъ или два года изъ бригадировъ отставныхъ въ тайныя совѣтники, тогда какъ я уже начиналъ отъ работы и трудовъ чувствовать признаки старости?

Ктобы перенесъ все это, будучи однихъ свойствъ со мною равнодушно?—Я страдалъ по сему случаю въ разныхъ отношеніяхъ, и болѣзнь моя тѣмъ была несноснѣе, что Солтыковъ безпрестанно у насъ бывая, безпрестанно напоминалъ мнѣ собой о содѣланной мнѣ обидѣ.—Другой могъ бы уйтить отъ непріятнаго предмѣта, а когда не видишь его тогда меньше раздражаешься, но я поставленъ былъ въ необходимости ежедневно его видѣть, слышать его восклицаніи, питатся его восторгами, изъ которыхъ каждой, какъ ножъ стрый, пронзалъ мое сердце. Чтожъ можетъ быть тяжелѣ, какъ мучится такимъ образомъ? Я здѣсь описываю мои чувства не такъ, какъ, сочинители романовъ, которыя не видя видятъ, не слыша слышатъ, и у которыхъ воображеніе рисуетъ положеніи человѣческой души. Я говорю о страстяхъ моихъ по опыту, по ощущенію ихъ дѣйствій на самого меня, а не на одно мое воображеніе.

Такимъ образомъ проводилъ я лѣто до самой осени. Разсудокъ мало по малу излѣчилъ меня, и хотя не совсѣмъ, однако я сталъ терпѣливѣе думать, слушать, говорить самъ о томъ, что я обойденъ. Я даже

[1]) О немъ см. выше.

и той отрады не имѣлъ, чтобъ находится со многими въ одинаковомъ состояніи. Общая печаль не такъ тяжела, одинъ другому помогаетъ перенести ее, а здѣсь я, да Волконской, да третій Львовъ, котораго почиталъ свѣтъ за повредившагося съ тѣхъ поръ, какъ онъ хотѣлъ изъ битой земли воздвигнуть кругъ Москвы Афинейскія портики и Спартанскіе церкви, — только насъ и было въ это производство обойденныхъ. Не богатая и не отборная компанія! Однако пилюлю эту надлежало проглотить, и я съ большими гримасами ее принялъ.

Мясоѣдовъ, какъ насмѣшливый лѣкарь, глядѣлъ на все это съ улыбкой и радовался, что могъ показать свое могущество надъ нами. Симъ послѣднимъ случаемъ унизивъ меня, онъ довершилъ всѣ свои замыслы на счетъ соляной конторы. Не надобно было много догадки, чтобы увидѣть, что отъ него намъ ожидать добраго нѣчего. Суля за насъ предстательствовать онъ только думалъ о себѣ и старался по пословицѣ ковать желѣзо пока горячо. Благосклонная судьба не вовсе человѣка сражаетъ, иногда посылаетъ ему и утѣшеніи.

Жена моя начала оправляться послѣ родинъ своихъ и получать прежнія силы; она дѣлила со мной мою новую печаль, всегда будучи готова къ облегченію ея своими совѣтами, еще она писала письмо къ Государю и поздравляла его въ немъ съ днемъ его рожденія. Тутъ описываемы были наши обстоятельства и безъ всякой гордости приносилась прозьба о помилованіи насъ, но тщетно. Письмо осталось безъ вниманія, даже и въ газетахъ, по обыкновенію тогдашняго времени, не было внесено и поставило насъ въ сомнѣньи, было ли оно ему подано и имъ прочтено. Скоро потомъ жена моя опять писала письмо къ Императрицѣ, просила ее заступиться за насъ и тутъ двери были не только заперты, заколочены, а уже въ слѣдующемъ годѣ жена получила чрезъ секретаря ея отвѣтъ такого содержанія, что она въ разсмотрѣнія службы и правъ входить не можетъ, что это до нее не принадлежитъ; не принадлежитъ до Императрицы помочь человѣку, попросить объ обиженномъ да и кого же? Мужа, Императора!—Что же до нее принадлежитъ? ужъ ли благосостояніе побочныхъ дѣтей, коими наполнены были въ столицахъ воспитательные домы, одни должны были истощить всѣ ея заботы и попеченіи, и ничего не оставалось въ душѣ ея въ пользу другаго рода несчастныхъ?

Безуспѣшность нашихъ трудовъ въ преодолѣніи участи своей лишила насъ всякой надежды въ будущемъ, но мы безпрестанно уповали. Ето не исправляло слабаго здоровья жены моей, а я изъ силъ выбивался и сколько по симъ стекшимся случаямъ, столько по худому расположенію духа моего все лѣто я не выѣжжалъ за городъ; правда, что не было уже внѣ Москвы предмѣтовъ, туда меня привлекающихъ. Домъ Волконскаго безъ съѣздно жилъ въ городѣ, дни собранія ихъ были тѣже и продолжались лѣтомъ точно какъ и зимою слѣдовательно случаи къ свиданію были близки [1]) удобны и я ими пользовался часто. О! какъ весело любить, какъ пріятно искать нравится хотя на минуту! Кто мнѣ возвратитъ тѣ сладкія восхищеніи, кои осень жизни моей далеко отъ меня уже поставила? Нѣтъ удовольствія въ жизни равнаго съ тѣмъ,

[1]) Авторъ воспоминаній увлекался въ то время княжной Варварой Петровной Волконской († 9 ноября 1830 г.), которая воспѣвалась И. М. въ посланіяхъ подъ именемъ Глафиры.

какое мы чувствуемъ, когда мы влюблены. Одно это очарованіе нѣсколько услаждало прочія мои печали.

Мясоѣдовъ однако умѣлъ вывертываться изъ своихъ проказъ и чтобъ не совсѣмъ меня противъ себя поставить, Богъ знаетъ для какихъ видовъ представилъ шурина моего, служащаго въ Нижнемъ въ таможней соляной конторѣ къ чину. Все ему было возможно, онъ служилъ подъ парусомъ случая и счастія, и всегда попутный вѣтеръ дулъ ему въ слѣдъ. Шурина пожаловали въ надворные совѣтники; указъ въ контору къ намъ пришелъ. Директоръ этому далъ такой видъ, что онъ все это дѣлалъ для меня, и я послѣ всѣхъ его лукавствъ принужденъ былъ еще благодарить его. — Вотъ какъ свѣтскіе плуты умѣютъ заставить себѣ быть благодарными тѣхъ самыхъ, коихъ рѣжутъ. — Повышеніе брата жены моей было мнѣ пріятно, но я очень зналъ, что оно происходило не отъ желанія мнѣ показать услугу, а отъ того только, чтобъ показать вѣсъ свой у двора; показать, что стоило ему только окинуть благосклоннымъ взоромъ наши конторы въ Нижнемъ и Саратовѣ, какъ вдругъ пролились на нихъ рѣки щедротъ монаршихъ

Самъ Мясоѣдовъ скоро получилъ новое удостовѣреніе, что служба его угодна государю. — По пріѣздѣ своемъ изъ Саратова, онъ не оставилъ послать рапорта въ Сенатъ въ которомъ изчислилъ всѣ пользы, имъ доставленныя соляному дѣлу. — Отъ етой поѣздки и личнаго его обозрѣнія онъ умножилъ тамъ по словамъ его поставку соли до знаменитаго количества. Сенатъ или лучше сказать генералъ прокуроръ, положась на его донесеніи и не вникнувъ порядочно въ сущность его распоряженій, которыхъ неосновательность явно обнаружилась весной, и о чемъ пространно тогда не оставлю я побесѣдовать, исходатайствовалъ ему знаки Малтійскаго ордена, крестъ на черной лентѣ на шею. Мясоѣдовъ былъ хватъ отъ природы и восхищался такимъ множествомъ крестовъ, болтающихся на персяхъ его: Владиміръ оспаривалъ мѣсто Іоанну Іерусалимскому, такъ назывался старой Мальтійской орденъ, который Павелъ раздавалъ кому хотѣлъ, и тогда имѣть его было въ модѣ. Иныя покупали, иныя доставали, иныя выслуживали. Императору Павлу какой то самозванецъ отъ сословія Малтійскаго капитула поднесъ право называться Гросмейстеромъ этаго орлена [1]) и раздавать онаго знаки. За это мнимое право ни мало ни много загорѣлась война между Россіей и Франціей, но не дожидаясь ни успѣховъ и ниже начала, Павелъ во всѣхъ актахъ имперскихъ, сталъ писаться Гросмейстеръ ордена Іоанна Іерусалимскаго, издавалъ его статуты, наряжался въ его знаки и другихъ одѣвалъ. Мало всѣхъ этихъ проказъ. Чтобъ болѣе разсмѣшить вселенную, онъ Мальту велѣлъ въ календаряхъ своихъ напечатать Россійскимъ губернскимъ городомъ, опредѣлилъ туда военнаго Губернатора и коменданта, которыя однакоже не смѣли никогда на этотъ островъ и носу показать. И такъ ему ничего не стоило жаловать эти кресты своимъ подданнымъ, а наша братія, получая ихъ, восхищалась новостью мундировъ, потому что орденъ имѣлъ свой собственный кафтанъ, алой съ шитьемъ.

[1]) Это невѣрно. Во главѣ депутаціи, посланной орденомъ въ Спб., былъ аббатъ Ясоржень, имѣвшій на это полномочія. Въ манифестѣ Императора Павла I отъ 16 декабря 1798 г. говорилось, что званіе Гросмейстера ордена было принято „по общему желанію и просьбѣ всѣхъ членовъ знаменитаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго“.

Будто много надобно, чтобы обворожить умы человѣческія? Чинъ, кусокъ ленточки, мундиръ, все насъ прельщаетъ, и по модѣ мы находимъ превысокую цѣну въ такихъ вещахъ, кои ни самой малѣйшей существенности не имѣютъ. Но что до этого? — Мясоѣдовъ былъ доволенъ, счастливъ, щеголялъ, а мы бѣдные ѣздили по утрамъ въ контору любоватся на разныя ленты, которыми онъ былъ обвѣшенъ. Орденъ сей полученъ былъ имъ въ октябрѣ и думать надобно, что онъ одолженъ былъ или Кутайсову пополамъ съ Обольяниновымъ, потому что первому изъ нихъ не за долго предъ тѣмъ имѣлъ случай оказать важную услугу, о которой сейчасъ говорить стану; и хотя по неволѣ и я тутъ большимъ былъ помощникомъ, однако ничѣмъ не могъ я добиться отъ него того, чтобъ онъ слово обо мнѣ молвилъ или написалъ благопріятно къ кому бы то ни было въ Петербургѣ.

Въ Астрахани извѣстно, что у Каспійскаго моря есть соляныя озера, изъ которыхъ соль добывается и развозится въ разныя мѣста за границу. Сей торгъ захотѣлось Кутайсову черезъ того же человѣка, а именно черезъ жида Перетца прибрать къ рукамъ, и соединя его съ крымскимъ откупомъ, стѣснить торговлю соленой рыбы до такой степени, чтобы со временемъ при важныхъ его пользахъ, государство все пострадало отъ такой ужасной монополіи, которая тѣмъ была страшнѣе, что Кутайсовъ имѣлъ пожалованныя ему отъ Государя знаменитыя въ Астраханѣ рыбныя ловли и, подъ покровительствомъ тамошняго губернатора, зятя своего родного, могъ изъ того края сдѣлать наивыгоднѣйшіе для себя обороты. — Перетцъ, угождая видамъ Кутайсова, а при томъ кто же и себѣ добра не захочетъ, подалъ отъ себя проектъ въ Сенатъ. Сенатъ чтобы отвести отъ себя всю опасность сего дѣла, котораго не трудно было угадать — скаредство и подлогъ, прислалъ проектъ его при Указѣ въ соляную контору, чтобъ она, сообразя его съ законами и обстоятельствомъ соляного промысла ей извѣстнаго, представила его обратно съ мнѣніемъ своимъ.

Когда правительство хочетъ отклонить отъ себя что нибудь, то оно всегда [такъ] поступаетъ. Ето называется чужими руками жаръ загребать, чтобы послѣ при малѣйшемъ несчастномъ оборотѣ случая, можно было взвалить всѣ хлопоты на нижнее мѣсто и сослатся на его мнѣніе, которое въ подобныхъ обстоятельствахъ никогда не бываетъ произвольно, а принужденное, потому что противу силы ничто стоять не можетъ. — Указъ Сената былъ наполненъ обыкновенными ихъ терминами, т. е. хозяйственными соображеніями, мѣстными свѣденіями и прочее. Слова пышныя, но ничего не значущія, и которыя служили вывѣской или неразумія верьховнаго правительства, или неспособности его осилить какой либо случай, который превосходилъ мочь его и волю. Таково точно было послано къ намъ повелѣніе. Мясоѣдовъ зналъ, что къ успѣху пути не будетъ по конторѣ, есть ли я не соглашусь приняться за дѣло и его обработать.

Я ето отнюдь не изъ чванства говорю; преимуществомъ передъ Вельяминовымъ и Волконскимъ нѣтъ чести никакой хвалится; и такъ онъ послалъ до меня. При первой встрѣчѣ моей съ нимъ, прочтя указъ, я не могъ быть до того фальшивъ, чтобъ не сказать ему въ самомъ перьвомъ движеніи сердца, что Сенатъ наряжаетъ насъ дѣлать мошенническое дѣло, заключить контрактъ съ людьми, піющими кровь нашего отечества, и что есть ли какъ нибудь оборвется случай г. Кутайсова, за что ручатся было не надежно, то мы можемъ лишится не только службы, но и всего имѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, кто бы отвѣчать сталъ за то, что Кутайсовъ самъ при научщеніи другого подобнаго себѣ плута, не лишился бы всѣхъ своихъ преимуществъ и не пришлось бы соляной конторѣ стать на судъ? Но на судъ, никакого оправданія не пріемлющій передъ Сенатомъ. Что могло быть скареднѣе сего контракта? Натурально, что онъ долженъ былъ быть основанъ на условіяхъ, въ проектѣ Перетца помѣщенныхъ. Нѣтъ нужды мнѣ здѣсь описывать ихъ подробно; довольно сказать одинъ пунктъ, по которому всякой разсудитъ, какая необыкновенная монополія на соль въ Астраханѣ вошла въ мысль Кутайсову. Между прочимъ сказано было, что ежели отпущенная по ерлыку соль рыбному промышленнику на соленіе рыбы, по освидѣтельствованіи рыбы въ поимкѣ, и потомъ рыбы той же посоленой и на судахъ везомой, окажется грузъ числомъ вѣса не ровенъ количеству изображенному въ ерлыкѣ, тогда все судно и рыба конфискуется въ пользу содержателя озеръ. Не ясное ли нарушеніе всѣхъ правъ свободы въ торговлѣ? На такихъ пунктахъ, въ коихъ одинъ передъ другимъ отличался въ разбойничествѣ, и соляная контора должна была о заключеніи контракта дать свое мнѣніе.

Тутъ Мясоѣдовъ услышавъ мои возраженіи, и будучи довольно еще честенъ, чтобъ согласится съ ними, привелъ меня въ кабинетъ и глазъ на глазъ показалъ два письма одно отъ Кутайсова, а другое отъ Позняка, секретаря Сената, которыя оба писали къ нему безъ обиняковъ: перьвой, чтобъ поскорѣй опробовали этотъ проектъ и прислали съ мнѣніемъ согласнымъ въ Сенатъ, а послѣдній обиняки перьваго приводилъ въ ясность, дабы отклонить всякое сомнѣніе. — Большіе бояре рѣдко или лучше сказать никогда ясно сами не пишутъ, чего они хотятъ, дабы въ случаѣ бѣды увернутся; слѣдовательно, Кутайсова слогъ былъ не опредѣлителенъ. Онъ просилъ помочь Перетцу, но все съ оговоркой, буде требованіе его съ пользой и съ законами согласно, а у етихъ вельможъ всегда бываютъ прислужники, которые толкуютъ ихъ приказанія, и, какъ дѣти погибели, зажмурясь, изъ корысти бѣгутъ въ пропасть, такъ случается на войнѣ, что подъ непріятеля посылаютъ отчаянныхъ воиновъ, дабы узнать сколько градусовъ тепла около пушекъ непріятельскихъ. Здѣсь въ нашемъ сраженіи игралъ эту ролю малороссіянинъ, секретарь перьваго Сената департамента, крайней пріятель Мясоѣдову и работникъ на всѣхъ тѣхъ, кои умѣли платить за работу, а Мясоѣдовъ не такъ служилъ, чтобы ему не имѣть въ Сенатѣ многихъ друзей въ числѣ приказныхъ; они то и поддерживали всѣ прочія его затѣи, за то и онъ передъ ними часто большія свѣчи ставилъ.

Прочтя въ рукахъ его всѣ письмы и бумаги объ астраханскомъ откупѣ, принужденъ былъ искать средствъ сколько нибудь его плутовство сдѣлать посноснѣе. — Естьли по благости Божьей имѣлъ я еще довольно духа въ себѣ, чтобъ не сдѣлаться открытымъ и наглымъ мошенникомъ, то, по крайней мѣрѣ, прежніе опыты научили меня быть осторожнымъ съ тѣми подрядчиками и торговцами, за которыхъ представляемо было въ залогъ имѣніе Кутайсова; и такъ, чтобъ согласить совѣсть мою, обязанности чести, долгъ службы и присяги съ любовію къ самому себѣ и къ сохраненію себя отъ видимой бѣды, въ случаѣ

вторичнаго и явнаго противу Кутайсова ополченія, избралъ и предложилъ я директору слѣдующій способъ. Сенатъ говорилъ я требуетъ отъ насъ только мнѣнія, зная самъ, что мы не можемъ дать настоящаго; въ противномъ случаѣ онъ бы его требовать не сталъ, ибо и самъ думаетъ также какъ мы, и всякой думать по истинѣ обязанъ.

Напишемъ ему, что мы планъ Перетца апробуемъ, мнѣніе наше еще не рѣшитъ дѣла, оно не договоръ. Сенатъ останется властенъ или отвергнуть его или принять. Если онъ будетъ сильнѣе Кутайсова и наклоненъ къ правдѣ, онъ кинетъ наше мнѣніе и скажетъ для формы потому, что онъ знаетъ что въ правду етаго сказать не можно, что мы никакихъ соображеній ни ума, ни чести не имѣемъ, апробуя столь гнусную монополію. Знавши, что мы дѣйствуемъ принужденно, Сенатъ не будетъ въ правѣ сдѣлать объ насъ такого горестнаго заключенія въ самомъ дѣлѣ, а напишетъ для того только, чтобъ исправить мѣсто, которое вошло въ видимую погрѣшность, да и на бумагѣ за мнѣніе, какъ бы оно худо ни было впрочемъ, законъ судебныхъ мѣстъ наказанію не подвергаетъ. Есть ли напротивъ, Сенатъ будучи вынужденъ поступать такъ, какъ и мы, по давленію на него силы высшей, тогда апробуя наше мнѣніе, онъ при всякомъ случаѣ несчастномъ останется виновнымъ, ибо мнѣніе конторы, идучи къ нему на уваженіе, не обязывало съ нимъ соглашаться, когда оно неблагоразумно, кольми паче вредоносно. Мысли мои директору показались хороши, они ставили насъ въ безопасное положеніе, и такъ мы, не мѣшкавъ ни мало, представили Сенату, что мы, разсуждая о проектѣ жида Перетца, ничего не находили столь выгоднаго и превосходнаго для казны и для всего края тамошняго.

Оставя такимъ образомъ Сенату волю дѣйствовать или лучше сказать, поставя его въ тотъ же станокъ, въ какой хотѣлъ онъ втянуть контору, и перекинувъ на него со всею тягостію удара тотъ камень, который онъ, спасая себя, откатилъ отъ ногъ своихъ къ нашимъ, остались мы спокойны ожидать конца етому предпріятію, странному во всѣхъ отношеніяхъ. — Подлинно чего не войдетъ въ голову музульманину алчному къ избыткамъ, каковъ былъ и долженъ быть по породѣ и по состоянію своему Кутайсовъ? Естьлибъ онъ вдругъ узналъ у Двора, естьлибъ капризъ одинъ его владыки до него коснулся, куда бы полетѣли наши мнѣніи, наши протоколы и мы сами? Я думаю въ сутки, въ одни сутки, никто бы уже не зналъ, жили ли мы когда нибудь на свѣтѣ?

Времена были жестоки, суровы; дни и люди были лукавы; всякой старался, снаровя Павлу, хоть на минуту получить его благоволеніе и послѣ благопристойно отъ него отстать, ибо онъ былъ столько же щедръ въ дарахъ и милости, сколько злобенъ во взысканіяхъ и мщеніи. У него ничего не было посредственнаго, весь характеръ его составлялся изъ чрезвычайности всякаго рода. Сколько же такихъ людей на свѣтѣ, которыя, почитая всѣ способы прекрасными, лишь бы достигнуть желаемаго, сколько такихъ окружало отвсюду Павла? Они льнули, какъ мухи къ меду, иные пропадали; иныя возвышались, обогащались ни за что, словомъ, я даже не знаю можно ли сравнивать его царство съ царствомъ жестокой Анны въ отношеніи къ тиранскимъ поступкамъ? Тогда былъ какой то систематической духъ гоненія, противу котораго благоразуміе и осторожность представляли нѣкоторыя предохранительныя мѣры. Пусть злой человѣкъ слѣдуетъ своему свойству, но ежели есть планъ въ его

поступкахъ, ежели они основаны на извѣстныхъ свойствахъ его характера, можно найтить способы удалиться отъ его ударовъ такъ, какъ отъ сильныхъ електрическихъ потрясеній въ воздухѣ слабыя твари умѣютъ сыскивать себѣ убѣжища. Но тамъ, гдѣ дѣйствуетъ одинъ капризъ, своенравіе, при всемъ стремленіи разъяренныхъ страстей, гдѣ нѣтъ одной и той же воли десять минутъ сряду, гдѣ на одной страницѣ бумаги двѣ черты пера въ верьху и въ низу часто бываютъ между собой въ такомъ разстояніи, какъ небо отъ земли, да и гдѣ же? На тронѣ.— Тамъ какихъ средствъ искать къ своему спасенію? Богъ одинъ указать ихъ можетъ, но никакой умъ человѣческой не въ силахъ изобрѣсти ихъ. Таковъ былъ вѣкъ, или слава Богу не вѣкъ, а пасмурной моментъ Павлова владычества на земли, которой однако для зла могъ казаться цѣлымъ вѣкомъ, ибо Екатерина и Елисавета, милыя владычицы Россіянъ, въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ самодержавія своего не выпустили столько примѣровъ и опытовъ праведнаго злодѣямъ настоящимъ наказанія, сколько Павелъ въ четыре года съ небольшимъ напрасныхъ язвъ наложилъ неповиннымъ.

Между дѣлами, свидѣтельствующими деспотизмъ его правленія почесть можно ссылку князя Сибирскаго [1]). Онъ, при кончинѣ Екатерины, былъ не больше какъ полковникъ или бригадиръ въ коммисаріатскомъ Статѣ и вдругъ до того полюбился Павлу, что онъ его произвелъ въ генералъ аншефы и надѣлъ на него Анненскую ленту. Но скоро такъ опрокинулся его жребій, что онъ сидѣлъ въ крѣпости, былъ судимъ, наконецъ, безъ всякихъ довольно значущихъ причинъ, разжалованъ и въ числѣ колодниковъ въ цѣпяхъ сосланъ въ Сибирь [2]). Что можетъ быть ужаснѣе? Нигдѣ преступленіи его, за что сіе съ нимъ сдѣлано не публикованы; никто объ нихъ до сихъ поръ порядочно не знаетъ, а онъ, проходя отъ Петербурга до самаго Тобольска, вытерпѣлъ всѣ уничиженіи своего состоянія, всѣ бѣдствія столь тягостнаго рока. — Ссылка его съ такой яростію сопровождалась, что даже страдали и тѣ, которыя, зная его прежде или имѣя о немъ какое нибудь понятіе, хотѣли доставить ему на пути нѣкоторыя облегченіи и отрады; всякое къ нему вниманіе отъ кого бы то ни было почиталось преступленіемъ и губернаторъ Тверской, Г. Тейлсъ, выключенъ былъ изъ службы за то, что онъ оказалъ ему состраданіе. — Я на освобожденіе его писалъ стихи, которыя, укажутъ подвигъ его любовницы [3]), сопровождавшей его до самой Сибири и раздѣлившей съ нимъ всѣ суровости его положенія — Изгнаніе сего князя Сибирскаго будетъ навсегда знакомъ тиранства Павлова.

Онъ нарушилъ святѣйшую обязанность матери своей съ подвластнымъ ей народомъ, сдѣлавшуюся узаконеніемъ Россійскимъ коренной, что безъ суда никто не накажется. Онъ далъ полную волю своей ненависти, своей злобѣ и въ угодность ей погубилъ человѣка, ничѣмъ не заслуживавшаго своего несчастія, подобно какъ по одному капризу имъ возведеннаго и обидѣвшаго многихъ, служившихъ лучше его. Павелъ

[1]) Кн. Василій Өедоровичъ Сибирскій (род. 1761 † въ 1810 г.г.), дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ.

[2]) Кн. Сибирскій служилъ въ московскомъ комиссаріатѣ и былъ сосланъ за несходство заготовленныхъ вещей съ образцами, Высочайше утвержденными.

[3]) Кн. Долгоруковъ вѣроятно говоритъ о второй женѣ кн. Сибирскаго, Олимпіадѣ Гавриловнѣ. Стихи называются „На освобожденіе князя Сибирскаго“. См. сочиненія Долгорукаго, изд. А. Смирдина, Спб. 1849.

показалъ на немъ примѣры своего своенравія, показалъ, что онъ все то властенъ дѣлать, что захочетъ, безъ размышленія, безъ причинъ, безъ соображеній. Какъ можно было при такомъ Государѣ не плакать о Екатеринѣ? Онъ возвышалъ время ея правленія, умножалъ цѣну щедротъ ея, заставилъ воздвигать ей памятники и боготворить можно сказать до такой степени, до какой при другомъ Наслѣдникѣ можетъ быть никогда бъ она не достигла. Не только судъ его и расправа были жестоки, онъ и шутить не умѣлъ безопасно.

Въ Академіи музыкальной, гдѣ я былъ, какъ видно выше старшиной, случилось подъ конецъ года приключеніе весьма забавное. По какимъ то сплетнямъ и намуткамъ бабьимъ, ибо Павелъ всему вѣрилъ, оговоренъ былъ ему содержатель Академіи Лекенъ. Онъ, перепутавъ имяна, взялъ о немъ подозрѣнія, кои совсѣмъ относились не къ нему. Досугъ ли въ такомъ случаѣ порядочно освѣдомится? Страхъ въ головѣ, желчь загорѣлась, сердце всплыло, и Павелъ тотчасъ прислалъ курьера къ оберъ-полицмейстеру московскому господину Эртелю [1]), чтобы, Лекена схвативъ, прислать въ кибиткѣ къ нему въ Питеръ и Академію его уничтожить. — Эртель былъ строгой исполнитель его приказаній и настоящій алгвазиръ того времени способный удручить, а не облегчить человѣчество. Онъ въ одинъ вечеръ прискакавши въ Академію, по счастію я тогда страдалъ зубною болью дома, (пусть судятъ о тогдашнемъ времени по сему малому приключенію); человѣкъ невинной доволенъ былъ, почиталъ за счастіе, что зубы болѣли для того, что могъ избѣжать отъ зрѣлища, возмущающаго свободу и благопристойность, и мука казалась отрада въ сравненіи съ тѣмъ, что испытывали поданныя Павловы въ Москвѣ и повсемѣстно. Эртель, пріѣхавъ въ Академію, отыскалъ Лекена, уложилъ его въ сани, посадилъ фельдъегеря на блукъ и въ Питеръ отправилъ гораздо съ меньшею бережливостію, нежели изъ Голландіи соляныхъ сельдей къ намъ въ боченкахъ присылаютъ; а на другой день уже и вывѣска Академіи была сорвана, и никто въ нее не смѣлъ съѣжжатся; тѣмъ менѣе смѣлъ кто либо и въ малѣйшемъ начальствѣ надъ оной изъ насъ старшимъ признаватся.

Всѣ права были нарушены; контракты и обязательства Лекеневы, какъ съ тѣмъ, у кого домъ былъ нанятъ, такъ и съ членами собранія, заплатившими на годъ впередъ деньги, были безъ силы; словомъ каждой и то вмѣнялъ Эртелю за милость, что при такомъ повелѣніи не забраны были всѣ тѣ, кои при посѣщеніи его въ томъ домѣ играли въ карты и могли по крайней мѣрѣ уѣхать по домамъ. Прекрасное состояніе! Чтожъ вышло изъ того? Лекенъ былъ привезенъ въ столицу и тотчасъ представленъ къ Государю; объяснилось недоразумѣніе. Павелъ узналъ свою ошибку, допустилъ его къ себѣ, бесѣдовалъ съ нимъ о его заведеніи, отпустилъ его, снабдивъ деньгами на дорогу, подарилъ сверхъ того 500, и дабы исправить нанесенный подрывъ его Академіи, писалъ къ Солтыкову, московскому градодержателю [2]), чтобъ онъ постарался всѣхъ склонить къ съѣздамъ въ домъ Г. Лекена, и поддержать его заведеніе.

Воротясь съ такими привилегіями въ Москву, нашъ столяръ открылъ снова Академію, и, умноживъ число членовъ своихъ двумя знатнѣйшими

[1]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ (1767—1825), потомъ былъ петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, генералъ отъ инфантеріи.

[2]) О немъ см. выше.

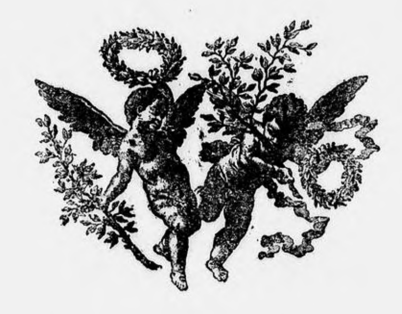
вельможами въ Питерѣ, а имянно Кутайсовымъ и Нарышкинымъ, которыхъ, особливо перваго, имя такъ было громко, что и Эртель сталъ въ Академію ѣздить пріятельскимъ образомъ. Графъ Солтыковъ далъ новый блескъ сему собранію и угождая волѣ Монаршей пріѣхалъ туда обѣдать. — Завелись балы, вся Москва стала на нихъ съѣжжатся, мы старшины опять вышли изъ гробовъ своихъ, и уже перестали прятаться, и изъ бѣды вышло новое благополучіе для Лекена. Не всѣ страхи однакожъ такъ удачно миноваться могли, иныя стоили многимъ жизни. Всѣ сіи приключеніи въ такую привели меня досаду, что я отказался отъ выѣзда въ публичныя собраніи и всю зиму просидѣлъ дома. — Сообщеніи пріятельскія до того были стѣснены, что даже велѣно было Военному Губернатору Солтыкову, рапортовать о тѣхъ домахъ поимянно, гдѣ примѣчаемы будутъ полиціей большіе съѣзды. — Физика, соединяясь съ моралью, совокупно мнѣ припасли столько одна немощей, а другая скуки, что я ни въ чемъ не находилъ удовольствія. Сперьва безсонницы, которымъ я часто былъ подверженъ, гипохондрія, потомъ непомѣрная боль зубовъ и, наконецъ, неудачная операція мозольная, отъ которой рана на ногѣ мѣшала мнѣ порядочно обуватся; все ето затворило меня въ четырехъ стѣнахъ.

Удовольствіи семейныя одни препятствовали мнѣ унывать совершенно. Жена моя, дѣти меня занимали все минутно; я чувствовалъ часто, хотя и неволей къ тому былъ приведенъ, что дома сидѣть съ домашними гораздо пріятнѣе и безопаснѣе, чѣмъ мыкатся по свѣту, гдѣ такъ часто, нехотя, человѣкъ спотыкается, гдѣ безпрестанныя страсти, прихоти, сраженіи съ нравами между собой, такъ много розличными, дѣлаютъ изъ каждаго дня жизни нашей день битвы съ непріятелемъ; гдѣ силы наши, нечувствительно слабѣя, ведутъ насъ къ дряхлой и унылой старости. Ou peut on être mieux qu'au sein de sa famille? — Да, часто пѣвалъ я етотъ стишокъ съ дѣтьми моими, часто познавалъ ету святую истинну во всемъ ея пространствѣ, но скоро соблазны міра, прелести очарованія большаго свѣта меня сбивали съ пути, и когда я получалъ силы выѣжжать, быть въ людяхъ, то опять становился игралищемъ предубѣжденій чужихъ и своихъ собственныхъ, и былъ всѣмъ подобенъ. Опытность научила меня говорить съ латынскимъ писателемъ, не вootще сіи слова произнесшимъ, но въ крайнемъ убѣжденіи слабостей своихъ: Homo sum et humani nihil alienum a me esse puto.





УКАЗАТЕЛЬ.





ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
10	1 снизу	См. стр. 25, прим. 1.	См. стр. 9, прим.
16	2 „	въ томъ же году	въ томъ же году и въ 1912 (Спб.).
17	4 „	1700 — 1758	1700 — 1764.
18	1 „	См. стр. 33, прим. 1.	См. стр. 17, прим.
19	12 сверху	m-me Constante.	m-me Consantin.
23	1 снизу	См. стр. 33, прим. 1.	См. стр. 17, прим.
28	2 „	на Е. А. Загряжской.	на Е. А. Загряжской, см. стр. 115, прим. 4.
29	7 „	См. стр. 44, прим. 1.	См. стр. 28, прим. 1.
—	3 „	на кн. Елис. Мих. Бѣлосельской.	на кн. Натальи Михайловнѣ Бѣлосельской.
40	1 „	См. выше.	См. стр. 33.
43	2 „	1758 — 1744.	1758 — 1844.
44	1 „	за В. А. Селецкимъ.	за Василіемъ Лавровичемъ Селецкимъ.
47	5 „	См. прим. выше	См. стр. 37.
—	4 „	См. выше.	См. стр. 28.
49	1 „	См. выше.	См. стр. 33.
54	10 „	См. прим. выше.	См. стр. 53, прим. 1.
58	6 „	См. № 2, стр. 52, прим. 2.	См. стр. 33, прим. 2.
—	1 „	См. № 2, стр. 52, прим. 5.	См. стр. 33, прим. 5.
59	2 „	См. выше, прим. 1.	См. прим. 1.
—	1 „	См. № 2, стр. 75, прим. 1.	См. стр. 56, прим. 1.
60	4 „	См. № 2, стр. 61, прим. 2.	См. стр. 42, прим. 2.
—	2 „	за А. В. Поликарповымъ, см. № 2, стр. 75, прим. 1.	За Александромъ Александровичемъ Поликарповымъ, см. стр. 56, прим. 1.
—	1 „	См. № 1, стр. 52, прим. 4.	См. стр. 33, прим. 4.
61	7 „	См. № 1, стр. 44, прим. 1.	См. стр. 28, прим. 1.
—	6 „	См. № 2, стр. 75, прим. 2.	См. стр. 56, прим. 2.
64	4 „	См. № 2, стр. 52, прим. 5.	См. стр. 33, прим. 5.
69	3 „	См. № 2, стр. 68, прим. 1.	См. стр. 49, прим. 1.
70	9 „	См. № 2, стр. 75, прим. 2.	См. стр. 56, прим. 2.
72	3 „	См. выше стр. 64, прим. 3.	См. стр. 61, прим. 3.
—	2 „	См. № 1, стр. 37, прим. 4.	См. стр. 21, прим. 4.
75	1 „	См. № 2, стр. 62, прим. 4.	См. стр. 43, прим. 4.
77	9 „	См. выше стр. 72, прим. 1.	См. стр. 69, прим. 1.
92	1 „	См. № 3, стр. 92, прим. 2.	См. стр. 89, прим. 2.
95	3 „	См. № 3, стр. 79, прим. 2.	См. стр. 76, прим. 2.
96	1 „	См. № 3, стр. 92, прим. 2.	См. стр. 89, прим. 2.
97	13 „	См. № 3, стр. 81, прим. 3.	См. стр. 78, прим. 3.
—	10 „	См. № 3, стр. 84, прим. 2.	См. стр. 81. прим. 2.
—	9 „	См. № 3, стр. 84, прим. 3.	См. стр. 81. прим. 3.
—	7 „	См. № 3, стр. 84, прим. 7.	См. стр. 81. прим. 7.
—	6 „	См. № 3, стр. 84, прим. 6.	См. стр. 81. прим. 6.
—	5 „	См. № 3, стр. 84, прим. 4.	См. стр. 81. прим. 4.
—	4 „	См. № 2, стр. 52, прим. 2.	См. стр. 33, прим. 2.
—	1 „	См. № 2, стр. 68.	См. стр. 49 и 50.
98	2 „	См. № 2, стр. 50.	См. стр. 31, прим. 2.
—	1 „	См. № 2, стр. 61, прим. 2.	См. стр. 42, прим. 2.
99	1 „	стр. 61.	стр. 94, прим.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
100	4 снизу	урожд. баронесса Гаугребенъ.	рожд. фонъ-Поссе.
—	1 „	См. № 3, стр. 82.	См. стр. 78, прим. 4.
102	4 „	См. № 3, стр. 79.	См. стр. 76, прим. 1.
102	1 „	См. № 3, стр. 91, прим. 2.	См. стр. 88.
—	2 „	См. № 3, стр. 91, прим. 2.	См. стр. 88.
103	11 „	См. № 3, стр. 91.	См. стр. 89.
—	10 „	См. № 1, стр. 35.	См. стр. 19.
106	2 „	Д. Ѳ. Щербачевой.	кн. Д. Ѳ. Щербатовой.
107	10 „	См. № 4, стр. 68.	См. стр. 101.
—	1 „	См. № 2, стр. 52, прим. 2.	См. стр. 33, прим. 2.
108	5 „	См. № 1, стр. 37, прим. 4.	См. стр. 21, прим. 4.
109	3 „	См. № 3, стр. 92, прим. 2.	См. стр. 89, прим. 2.
—	2 „	См. № 4, стр. 67, прим. 2.	См. стр. 100, прим. 2.
—	1 „	См. № 3, стр. 84.	См. стр. 81.
110	3 „	См. № 1, стр. 44, прим. 1.	См. стр. 28, прим. 1.
—	2 „	См. № III, стр. 64, прим. 3.	См. стр. 61, прим. 3.
—	1 „	См. № III, стр. 81, прим. 4.	См. стр. 78, прим. 4.
112	1 „	См. № 3, стр. 63, прим. 1.	См. стр. 60, прим. 2.
113	2 „	Въ № III, стр. 63, прим. I.	См. стр. 60, прим. 2.
114	5 „	См. № 2, стр. 75, прим. I.	См. стр. 56, прим. 1.
—	7 „	названа Елисаветой.	ошибочно названа Елисаветой.
118	1 „	См. № 3, стр. 85, прим. 3.	См. стр. 82, прим. 3.
—	2 „	См. № 3, стр. 85, прим. 5.	См. стр. 82, прим. 5.
119	3 „	См. № III, стр. 81, прим. 4.	См. стр. 78, прим. 4.
123	4 „	См. № 3, стр. 92, прим. I.	См. стр. 89, прим. 1.
124	1 „	См. № III, стр. 62, прим. 1.	См. стр. 59, прим. 1.
127	1 „	См. № II, стр. 62, прим. 2, № IV, стр. 72.	См. стр. 43, прим. 2 и стр. 105.
128	2 „	См. № II, стр. 65.	См. стр. 46.
—	1 „	См. № II, стр. 61 и др.	См. стр. 42 и указатель.
129	1 „	См. № IV, стр. 64.	См. стр. 97.
130	1 „	См. № II, стр. 75 и № V, стр. 109.	См. стр. 114.
131	1 „	См. № IV, стр. 65.	См. стр. 98, прим. 1.
133	3 „	См. №	См. стр. 114 и указатель.
134	21 „	См. № IV, стр. 70.	См. стр. 104 — 106.
136	8 сверху	Лягу.	Ляпу(новъ).
140	1 снизу	См. № 1, стр. 37, прим. 4.	См. стр. 21, прим. 4.
142	1 „	См. № 2, стр. 52, прим. 4.	См. стр. 33, прим. 4.
144	8 „	Печело.	Пегелау.
—	3 „	См. № 4, стр. 65.	См. стр. 98, прим. 1.
145	1 „	См. № 1.	См. стр. 14 и 15.
146	2 „	См. № 2, стр. 62.	См. стр. 43.
—	1 „	См. № 6, стр. 41.	См. стр. 132.
149	2 „	См. № 6, стр. 50.	См. стр. 141.
150	2 „	См. № 6, стр. 44.	См. стр. 135.
—	1 „	въ № 6, „Р. Б.“ (стр. 57).	въ № 6, „Русск. Библ.“ 1913 г. (стр. 57).
152	2 „	См. № 14, стр. 67, прим. 2.	См. стр. 100, прим. 2.
153	1 „	См. № IV, стр. 70.	См. стр. 103, 104.
156	4 „	См. № III, стр. 64.	См. стр. 61 и указатель.
158	2 „	См. № II, стр. 75 и № V, стр. 109.	См. стр. 56 и 114.
—	1 „	См. № II, стр. 75, прим. 2.	См. стр. 56, прим. 2.
162	1 „	См. № III, стр. 87, прим. I.	См. стр. 84, прим. 1.
163	6 „	См. № VI, стр. 44, прим. I.	См. стр. 135, прим.
—	5 „	См. № III, стр. 64, прим. 3.	См. стр. 61, прим. 3.
164	5 „	См. № III, стр. 84, прим. 4.	См. стр. 81, прим. 4.
—	3 „	См. № III, стр. 92, прим. I.	См. стр. 89, прим. 1.
—	2 „	См. № V, стр. 114, прим. I.	См. стр. 119, прим. 1.
—	1 „	См. № III, стр. 84, прим. 7.	См. стр. 81, прим. 7.
165	2 „	См. № 1 стр. 37, прим. 4.	См. стр. 21, прим. 4.
—	1 „	См. № III, стр. 92, прим. 2.	См. стр. 89, прим. 2.

СТРАН.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
169	8 снизу	См. № VI, стр. 41, прим. 1.	См. стр. 132, прим.
—	4 „	Иванъ Дмитріевичъ,	Левъ Дмитріевичъ,
—	3 „	См. № IV, стр. 70, прим. 3.	См. стр. 103, прим. 3.
171	1 „	См. № I, стр. 25, прим. I.	См. стр. 9, прим.
175	7 сверху	Пардокосскимъ,	Пардоносскимъ,
176	1 снизу	Капищѣ.	„Капище“.
177	1 „	См. № VII, стр. 51, прим. 2.	См. стр. 154, прим. 2.
178	2 „	Петръ Алексѣевичъ, о его братѣ см. № III.	Петръ Александровичъ.
182	4 „	См. о немъ № IV, стр. 66.	См. стр. 99.
205	2 „	См. о немъ въ Капищѣ и въ Р. Б. 1913 № VIII.	См. о немъ въ „Капищѣ“.
210	4 „	Александръ Ивановичъ	Алексѣй Ивановичъ
211	6 „	„Русск. Библ.“ 1913 г.	стр. 33, прим. 2.
—	2 „	„Русск. Библ.“ 1913 г.	стр. 158.
214	4 „	Р. Б. 1913.	„Записки“ выше.
218	5 „	См. № 1.	См. стр. 194, прим. 3.
221	1 „	См. № 1, стр. 69.	стр. 199.
222	1 „	См. № 1, стр. 75.	См. стр. 205.
225	7 „	у Жедри(—)	у Жедри(нскаго)
—	1 „		Прим. 3-е исключить (см. указатель).
231			Передъ текстомъ поставить годъ: 1792.
239	2 снизу	См. № 1.	См. стр. 188.
243	1 „	См. № 1.	См. стр. 225.
246	1 „	См. № 1.	См. стр. 225.
247	5 „	См. № 1.	См. стр. 210.
248	9 сверху	съ У.	съ У(лыбашевыми).
280	1 снизу	См. выше.	См. стр. 247.
282	1 „	См. выше.	См. указатель.
283	1 „	См. выше.	См. указатель.
288	1 „	См. выше.	См. указатель.
300	3 „	См. выше.	См. стр. 292.
301	1 „	См. выше.	См. указатель.
311	1 „	Θ. Я. Полочанинова.	Θедосья Егоровна Полчанинова.
327	1 „	См. выше.	См. указатель.
339	1 „	См. о ней Р. Б. 1913.	См. стр. 53, прим. 1.
341	1 „	въ Р. Б. 1913.	стр. 21, прим. 1.
361	1 „	См. выше.	См. стр. 193, прим.
364	2 „		прим. 1 исключить.
373	1 „	См. выше.	См. указатель.
380	2 „	См. выше.	См. стр. 375.
385	1 „	См. о немъ въ „Р. Б.“ 1913 г.	См. о немъ стр. 145, прим. 1.
409	1 „	графъ Павелъ Ивановичъ (1780 — 1840).	графъ Иванъ Павловичъ (р. около 1759, † 1834).
413	1 „	См. выше.	См. стр. 381, прим.
431	1 „	См. выше.	См. стр. 375.
433	1 „	аббатъ Ясорженъ.	аббатъ Жорженъ.
437	18 „		Слѣдуетъ примѣчаніе къ фамиліи г. Тейлсъ: Тейльсъ де, Игнатій Антоновичъ (1744 † 18 сент. 1815 г.), писатель, тайн. сов., впослѣдствіи начальникъ Бѣлостокской и Тарнопольской областей.